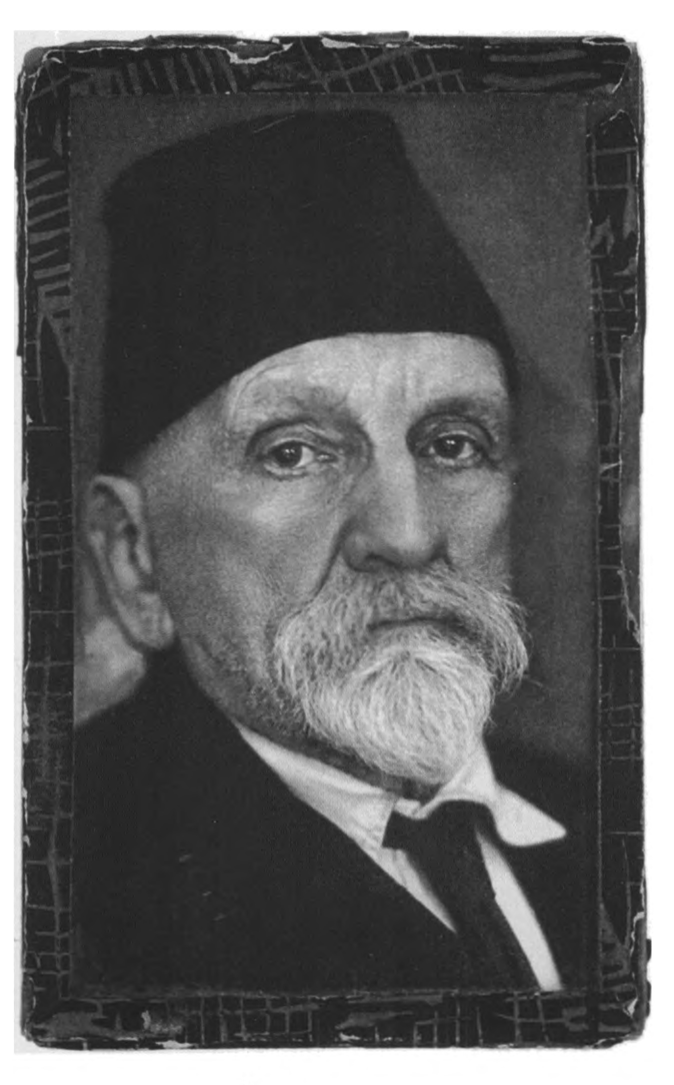
НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОРЕШНИКОВ

ДНЕВНИК



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХИВ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

МОСКВА НАУКА
2011

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 34

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОРЕШНИКОВ

ДНЕВНИК
1915–1933

В двух книгах

Книга 2

1925–1933

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН П.Г. ГАЙДУКОВ

Составители и авторы комментариев:
П.Г. ГАЙДУКОВ, Н.Л. ЗУБОВА,
М.В. КАТАГОЩИНА,
Н.Б. СТРИЖОВА, А.Г. ЮШКО

МОСКВА НАУКА
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
О-66

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-01-16194д*

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.А. БЕЛЯЕВ,
доктор исторических наук А.В. ЧЕРНЕЦОВ,
доктор филологических наук Е.М. ЮХИМЕНКО

Фронтиспис: А.В. Орешников. 26 февраля 1927 г.
Фото П.А. Детинова (архив семьи О.А. Ростовой, Москва)

Орешников Алексей Васильевич
Дневник. 1915–1933 : в 2 кн. / Алексей Васильевич Орешников ; сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко ; отв. ред. П.Г. Гайдуков. – М. : Наука, 2010. – (Научное наследство : Т. 34 : в 2 кн.). – ISBN 978-5-02-037572-7.
Кн. 2: 1925–1933. – 2011. – 717 с.: ил. – ISBN 978-5-02-037582-6 (в пер.)

Дневник известного ученого, нумизмата, археолога и историка, многолетнего сотрудника Императорского Российского, затем Государственного исторического музея, члена-корреспондента АН СССР А.В. Орешникова (1855–1933) охватывает переломные годы русской истории. Его автору довелось стать очевидцем событий периода Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны, политики военного коммунизма и НЭПа, коллективизации, гонений советского государства на Церковь и старорежимную интеллигенцию и пр. Орешников был непосредственным и компетентным свидетелем деятельности новых властей в отношении исторических, церковных и художественных ценностей, научных учреждений и музеев. Московский старожил, неравнодушный к истории и судьбе родного города, он отмечал происходившие на его глазах перемены в облике столицы: закрытие и уничтожение московских храмов и монастырей, снос дореволюционных и возведение советских памятников, первые переименования улиц и площадей. Родственные отношения и научные интересы тесно связывали Орешникова с художественным и ученым миром Москвы и Петербурга–Ленинграда, его дневник можно по праву назвать летописью культурной жизни России того времени.
Для историков и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-037572-7
ISBN 978-5-02-037582-6 (кн. 2)

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Второй книгой завершается публикация текста дневника Алексея Васильевича Орешникова – известного нумизмата, археолога и историка, многолетнего сотрудника Государственного исторического музея, члена-корреспондента АН СССР. В этой книге представлены его записи за последние годы жизни (1925–1933), прерванные им за месяц до смерти – 28 февраля 1933 г.[1]

Большая заслуга в подготовке публикации дневника А.В. Орешникова принадлежит к.и.н. Нине Леонидовне Зубовой (1956–2005) – историку-архивисту, старшему научному сотруднику Отдела письменных источников ГИМ. Занимаясь изучением личного фонда А.В. Орешникова, она с середины 1990-х годов начала дешифровку текста дневника и его компьютерный набор. С 2004 г. подготовка рукописи к изданию осуществлялась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 04-01-00151а). После скоропостижной смерти Н.Л. Зубовой в сентябре 2005 г. работа над изданием дневника была доведена до конца благодаря участию ее коллег по отделу.

При подготовке дневника к публикации были использованы правила научного издания исторических документов. Все особенности передачи текста оговорены в «Археографическом введении», находящемся в первой книге. Текст дневника снабжен примечаниями и комментариями, подготовленными составителями. Для их написания привлекались многочисленные книги, статьи, некрологи, справочные издания, а также материалы, размещенные на различных сайтах в Интернете. Тексты отдельных комментариев, подготовленные М.М. Глейзером, В.В. Гурулевой, В.А. Калининым и к.и.н. В.Е. Родинковой, помечены инициалами (*М.Г.*, *В.Г.*, *В.К.*, *В.Р.*). По ряду вопросов

[1] Ранее публиковались лишь отдельные выдержки из дневника. См.: *Орешников А.В.* Жить и надеяться: Отрывки из дневников 1917–1920 гг. / Публикация [и примечания] *Н.Л. Зубовой* // И за строкой воспоминаний большая жизнь...: Мемуары, дневники, письма. М., 1997. С. 95–113; Из дневников А.В. Орешникова / Публикация *П.Г. Гайдукова* // Нумизматика: Научно-информационный журнал. М., 2005. № 9. С. 43–45; *Зубова Н.Л., Гайдуков П.Г., Юшко А.Г.* А.В. Орешников в условиях советского быта: По дневникам ученого последних лет жизни // Нумизматика: Научно-информационный журнал. М., 2006. № 10. С. 43–46; *Юшко А.Г., Гайдуков П.Г., Зубова Н.Л.* Образ жизни ученого в Москве середины 20-х – начала 30-х годов XX в.: По дневникам А.В. Орешникова // Исторические записки. № 9 (127). М., 2006. С. 374–388; *Юшко А.Г., Гайдуков П.Г., Зубова Н.Л.* Образ жизни московского ученого в 1920-х – нач. 1930-х гг.: По дневникам А.В. Орешникова // Чело: Альманах. Великий Новгород, 2006. № 1 (35). С. 89–95; *Гайдуков П.Г.* А.В. Орешников о В.А. Городцове // Человек и древности: Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 684–689 (см. *Приложение 1.* Из дневника А.В. Орешникова: Записи о В.А. Городцове – С. 685–689).

получены консультации В.З. Арефьева, И.В. Белозеровой, М.М. Глейзера, Е.В. Захарова, д.и.н. М.М. Казанского, В.А. Калинина, к.и.н. И.С. Каменецкого, И.В. Клюшкиной, к.и.н. С.А. Коваленко, Е.В. Лепехиной, д.и.н. А.В. Мастыковой, Е.В. Неберекутиной, д.и.н. Ф.А. Петрова, д.и.н. И.В. Тункиной.

В конце книги публикуется статья М.Б. Горнунга (1926–2009) «Материалы к генеалогии семьи А.В. Орешникова», написанная специально для настоящего издания. О.А. Ростова (праправнучка А.В. Орешникова) внесла в нее весьма значительные дополнения, уточнения и поправки. К.ф.н. М.З. Воробьева и к.и.н. Н.В. Лопатин существенно помогли в оформлении таблиц к статье.

Книга завершается некрологом Н.Л. Зубовой, написанным сотрудниками ОПИ ГИМ.

Большинство иллюстраций во второй книге взяты из личного фонда А.В. Орешникова в ОПИ ГИМ и скопированы А.Г. Юшко. Ряд фотографий для издания предоставлен с.н.с. Научно-ведомственного архива ГИМ И.В. Клюшкиной и зав. отделом нумизматики ГЭ В.А. Калининым. Отдельные фото по просьбе составителей переданы академиком В.Л. Яниным, проф. М.В. Зубовой, д.и.н. И.Л. Кызласовой и зав. сектором рукописных и документальных фондов ГИКМЗ «Московский Кремль» Т.А. Тутовой. Копию открытого письма А.В. Орешникова Зайцевым любезно прислала семья Соллогуб (Париж), фотопортрет А.В. Орешникова для фронтисписа – О.А. Ростова. Портрет А.В. Орешникова работы Л.П. Харко предоставлен дирекцией ГМИИ им. А.С. Пушкина при содействии зав. отделом нумизматики этого музея к.и.н. Н.М. Смирновой, портрет С.А. Жебелева работы Г.С. Верейского – директором Санкт-Петербургского филиала Архива РАН д.и.н. И.В. Тункиной. Фотографии рабочего стола А.В. Орешникова в отделе нумизматики ГИМ и могил на Введенском кладбище выполнены чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуковым.

Иллюстративный материал во второй книге подготовлен к печати сотрудниками информационно-издательской группы Института археологии РАН Н.С. Сафроновой и А.В. Голиковой.

Всем перечисленным лицам составители выражают глубокую благодарность.

П.Г. Гайдуков, А.Г. Юшко

ДНЕВНИК

1925 год

Тетрадь седьмая

(окончание: 1 января 1925 г. – 4 мая 1927 г.)

Январь 1925 г.

1 января (19 декабря 1924 г.). –6°. Большевики празднуют Новый год. Вчера в 12 ч. ночи в нашей церкви был благовест к новогоднему молебну. В 1 ч. зашел к А.А. Карзинкину, он поправляется, выпил у него кофе. От него проехал к М.А. Голубцовой, ее здоровье, по-моему, стало хуже, почки перестали работать, но она старается заниматься своим трудом о Россет, говорила несколько раз о своей смерти; ужасно мне ее жаль. От М.А. проехал к Сереже, он на службе, застал Юзю, у нее сидел Саша Орешников. В мое отсутствие заходил с поздравлением князь Щербатов. Вечером смотрел и слушал «Садко», Волхову пела Нежданова[1], голос стал слабее, но все же хорош. Хоры хороши. В последнем акте, когда славят Старчище – св. Николая – выходит крестный ход. Впечатление вынес хорошее от исполнения; прекрасный голос у Обуховой[2], певшей жену Садко – Любовь Буслаевну. В театре была Л.В. При входе в зрительный зал попросили снять мою феску, я попросил разрешения не снимать, но капельдинер сказал, чтобы я обратился за разрешением к коменданту, что я и сделал, тот разрешил.

2 января (20 декабря). –2°. Встал в 11-м часу, ездил к «Мюру», где купил немного посуды, цены невысокие. Написал Вере письмо о смерти С.И-ча Смирнова и проч.

3 января (21 декабря). +½°. Выпало немного снега. Утром был на короткое время в Музее, взял письмо Лёли; днем прочитал небольшой труд В.Г. Сахновского «Крепостной усадебный театр»; автор собрал по мемуарам довольно яркие картины театров помещиков, дворян конца XVIII и XIX вв. Вечером был у Л.В. Снегу порядочно, температура +2°.

4 января (22 декабря). +4°. Воскресенье. Встал в начале 12-го часа, истопил печь. К обеду пришли: Сережа с Юзей, Саша; ели гуся с капустой! Вечером пришла О.И. Зауер; вели самые неинтересные разговоры о болезнях, в частности, о туберкулезе.

5 января (23 декабря). +2°. Сильная оттепель, снег почти стаял. В Музее Л.И. Воронова ссорится со Щекотовым; я просил ее не делать этого, иначе дело может плохо кончиться для нее. Занимался с Л.В. описанием братин для выставки; привлек к этому занятию поступившего к нам на службу молодого человека Вишневского[3]. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд, где

Дневник. Седьмая тетрадь. Декабрь 1924 – январь 1925 г.

покупали для праздника масла, печенья и т. п. С трудом добрался до дома: так скользко и сыро. Слышал, что здоровье М.А. Голубцовой ухудшилось, по словам врача, ее кончина близка.

6 января (24 декабря). +1°. Рождественский сочельник. Большевики упорно заставляют работать сегодня и завтра, но народ в деревне и все ве-

рующие в городах празднуют внутренно эти святые дни. Ночью я заболел желудком. В Музее занимались как всегда. Была у нас сотрудница Оружейной палаты Марья Николаевна Левинсон, я ей сообщил некоторые замечания на ее статью для сборника Оружейной палаты о мантии императрицы Анны. После занятий заезжал с Л.В. в ее квартиру минут на 10. Дома обедала внучка Наташа. Был за всенощной в церкви Грузинской Божией Матери, народу было не более ⅓; пели певчие, я ушел до окончания службы: очень озябла голова, церковь не топлена. Температура воздуха понизилась: около –1°.

7 января (25 декабря). Р.[1*] +1°. Рождество Христово. Приказано явиться на службу во всех учреждениях; такая тирания относительно убеждений возмущает всех верующих. Вернувшись со службы, узнал, что в мое отсутствие бывшая наша прислуга Марфа с помощью милиционера хотела насильно вселиться в нашу столовую, что ей не удалось сделать. Я очень встревожен этой наглостью… Но как избежать при теперешнем строе! Занятия в Музее были как всегда; почти все служащие, и старшие, и младшие, поздравляли друг друга с праздником. Дома я застал многочисленное общество: Надя и Л.С. с семьей, Нина с девочкой, Валя с Таней, ее мужем и с Зорей, приехал Н.М. Гайдуков, пришла Танюша с Машей и Яльмаром. В 8 ½ ч. все ушли. Был еще В.П. Зубов. Заходил П.С. Рожицкий, приехавший из Острогожска, но я его не видал.

8 января (26 декабря). +1°. Утром заходил к Кудинову, он упросил меня выпить рюмку зубровки и закусить студнем; несмотря на ранний час (10-ти еще не было), я выпил и ушел. В Музее ходил в религиозный отдел, смотрели опять Богоматерь Владимирскую, Спаса Златые власы и другие chef d'oeuvres'ы. Мне сообщили, что положение М.А. Голубцовой ухудшается, денег нет ни копейки, хотели устроить подписку, но ни у кого денег не оказалось, я дал 10 р. У меня заболела голова, очевидно, я простудил ее за всенощной, уехал из Музея ранее 3-х. После обеда, в 6 часов, я поехал к Л.В., посидел у нее, и мы в 7 ½ поехали к М.В. Будылиной-Кафке, свез ей фромажа; она часа 2 читала очерк Красной площади, научно и популярно написанный для экскурсантов; П.К. Вощинин пришел к концу; в 11 ч. мы ушли. Обе дамы уговорили меня не ходить завтра, так как у меня небольшой жар.

9 января (27 декабря). –5°. Сидел дома, хотя недомогание почти прошло. Утром из деревни приехала Поля с 2 своими мальчиками и Олег, который у нее живет за 15 р. в месяц. Писал письма А.А. Ильину и А.Н. Зографу, топил печь. Вечером дети убрали елку украшениями, привезенными Таней Кочуриной, и зажгли свечи. Начал читать роман П.П. Муратова «Эгерия».

10 января (28 декабря). –3°. Выпало немного снега. Часов в 10 отправился к Кудинову; остатки на столе посуды и проч. указывали, что накануне было пиршество; пировали: Прохоров, Сухотин и его знакомые; он предложил мне выпить, я отказался, тогда он завернул мне кулебяки… Странная компания сходится у этого добродушного, но совсем неразвитого человека. Проехал от него к «Мюру», купил сосисок, кетовой икры, 3 мальчикам детских книг: «Мойдодыр» (Чуковского), «Сказки» Мамина-Сибиряка и «Русские сказки»; жене купил винограда и мандаринов; ее здоровье неважно: пухнут ноги, еле ходит. Погода стала теплая: 0°, идет снег. В 6 ч. поехал к Л.В., к ней приходили двое ее знакомых мужчин, заходила Евгения Петровна[4] с письмом от

[1*] Т.е. температура по Реомюру, см. сноску № 32 к 1915 г.

Танюши; пили чай, говорили о выставке XVII в., в начале 12-го уехал домой. Получил через Л.В. из Музея письма В.С. Гадона и Миннза.

11 января (29 декабря). –4°. Воскресенье. В 12 ч. поехал в Зоологический сад, захватив Олега с 2 мальчиками из деревни, где он живет, Сеню и Прохора (Прошку). В саду есть несколько новостей: пара львов, леопард, крокодил и т.д. Встретил П.К. Вощинина, который показал «опытный павильон»: видели курицу, оперативным путем обращенную в петуха, и наоборот; при превращении петуха в курицу он теряет гребень, но сохраняет оперение. Опыты эти имеют научное значение, но не практическое. Вернувшись в 4 ч., встретил Аделину Антоновну с Соней и брата жены, который обедал с нами; о здоровье Александра Андреевича его жена говорит, что он чувствует слабость.

12 января (30 декабря). –6°. Утром был у Танюши, пил чай. В Музее особенного ничего не произошло. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру» покупать по просьбе жены полотна на простыни, но там не нашли, отправились в пассаж, тоже не оказалось, купили на Кузнецком мосту на 4 льняных простыни и 4 полотенца (все 37 р. 80 к.); оттуда проехали к Тане, но ее не застали, оставил ей билет на пятницу («Гамлет»), иду с нею и Л.В. Утром заходил С. Орешников, взял взаймы червонец, говорит, что у Юзи чахотка. Пришла Адель Шмидт. Посетившие М.А. Голубцову говорили, что положение ее здоровья ухудшается.

13 января (31 декабря 1924 г.). –13°. Сегодня последний день старого года. Господи! Помоги наступающий год прожить без тех тяжелых дней, которые переживал в истекающем. Сколько раз пришлось страдать за жизнь и здоровье близких людей! В Музее узнал, что М.А. Голубцова впала в беспамятство; подай, Господи, ей спокойную кончину. Кинематографическая фирма «Русь» обратилась в Музей за материалом для постановки «Станционного смотрителя» Пушкина; трое: Желябужский, Туманов и художник Симов[5] смотрели необходимые для постановки предметы: самовар, посуду, сундуки и проч., также рисунки и эстампы; по-видимому, остались довольны. После занятий пошел с Л.В. в «Фотографию Сахарова и Орлова» (Газетный переулок), где Л.В. снималась; видел ее пробные портреты – очень хороши. Снялся и я для контроля при входе в Кремль; кроме того, меня сняли «для пробы» нового объектива Дальмейера. Оттуда зашел в Охотный ряд за провизией, проводил Л.В. до Кудрина и вернулся домой. К обеду пришла Валя прямо от доктора, который обещал ее вылечить, дай-то Бог. За обедом Пав. Ст., я, Адель Шмидт и артистка Славина выпили для Нового года бутылку зубровки. Приехал из С.-Петербурга Н.П. Лихачев.

14 (1) января 1925 г. –1°. Новый год, большевики не празднуют, у нас занятия. Утром узнал от О.И. Поповой, что М.А. Голубцова умерла сегодня в 7 ч. утра, не приходя в сознание со вчерашнего дня. Царство ей небесное. Музею предлагают купить акварельный портрет поэта графа А.К. Толстого работы Андреева 1849 г. После занятий поехал с Л.В. к Танюше, где мы обедали; после обеда в 7-м часу Л.В. ушла домой, я остался до 8 ½ ч., беседовал с Танюшей, говорил с правнуками; Н.А. Павлович[6] прочитала 4 своих небольших стихотворения, в числе их «Пушкин», «Лермонтов»; в них я не успел вдуматься.

15 (2) января. +1°. Утром в Музей пришли: внучка Маша и Н.А. Павлович, показывал им иконы Владимирской Божией Матери и другие, от лика Владимирской Богоматери пришли в восторг. Заходил в Музей Н.Н. Померанцев, сообщил много интересного о финифти XVII в., свою статью о финиф-

ти хочет написать в сборник Оружейной палаты. Около 3-х ушел из Музея, купил в магазине на Цветном бульваре на 10 р. белых цветов в гроб Марьи Александровны (нарциссов и цикламен), покойная просила меня положить к ней в гроб белых хризантем, но я нашел только желтые, которые я не решился положить. К обеду пришел Б.Л. Исаченко (директор Петербургского ботанического сада), приехавший из С.-Петербурга; рассказал о своей поездке в Англию, в частности, о Кембридже, где видел Миннза с семьей. В 6 ч. я поехал к Л.В. и с нею отправился на панихиду по М.А., она уже в гробе, лицо ее очень изменилось (ей впрыснули формалин); служили 2 священника: местного прихода и ее духовник о. Сергий из церкви Неопалимой Купины; дьякон, говорят, сын покойного певца здешней оперы Хохлова; народу было порядочно, были сослуживцы покойной, мы, т.е. Л.В. и я, и кое-кто из библиотеки.

16 (3) января. +1°. Днем шел сильный снег. Купил у Елизаветы Михайловны Сушковой акварельные портреты ее родни: сестер Родионовых. Н.А. Гринвальд принесла рукописное Евангелие 1563–1565 гг. с историческими записями; рукопись я дал Сперанскому, чтобы скопировать записи. Вечером поехал вторично смотреть «Гамлета»; Чехов играл вдохновенно, очень хороши были: король – Чебан и Полоний – кажется, Шахалов[7] (он много лучше прежнего Полония), со мною были Л.В. и Танюша, также Н.А. Павлович.

17 (4) января. +2°. В 9 ¼ ч. поехал в церковь Неопалимой Купины на отпевание М.А. Голубцовой; литургию служили 2 священника, пел хор монахинь Зачатьевского монастыря; отпевали: епископ Варфоломей[8], бывший ректор Духовной академии, и 5 священников; народу было много, пришло много профессоров – М.М. Богословский, М.К. Любавский, В.Ф. Ржига[9] и др., из музейских было все архивное отделение, много из библиотеки – Ю.М. Соколов и др.; ни директора Музея, ни ученого секретаря не было. Епископ сказал слово. Вышел из церкви в 1 час. К 7 ч. отправился к Л.В., беседовали, пили чай, уехал в 11 ½ ч. Погода теплая, снег тает, ходить трудно.

18 (5) января. Воскресенье. Встал в 10 часу, температура на солнце +12°; в 3-м часу после заката температура понизилась – +1°. Утром заходил А.А. Карзинкин, здоровье его улучшилось. Топил печь. В 4-м часу поехал к С. Орешникову, его не застал; Юзя лежит, у нее был сильный плеврит, посидел у них с час, в это время вернулся Сережа; когда я возвращался, погода стала холоднее, подморозило.

19 (6) января. –2°. Праздник Крещения Господня, отмененный большевиками. Отбирал в Музее с Л.В. солоницы[2*], сковородки и т.п. для выставки XVII в. Заходила жена Васи Сахновского, сообщила о приезде сестры Саши, пригласила завтра обедать. После занятий ходил с Л.В. покупать провизию, доехал с нею до Кудрина и домой.

20 (7) января. –1°. Утром заехал к Тане, пил чай, подарил Яльмару свою шпагу. В Музей принесен портрет Гоголя, эскиз Моллера[10], просят 500 р. Переносили библиотеку Московского нумизматического общества из канцелярии в залу заседаний. После занятий отправился к Сахновским обедать, сестра не пришла, что меня удивило, так как она знала, что я буду; познакомился ближе с женой Васи Зинаидой Клавдиевной, сказать ничего не могу; сын их

[2*] Солонки.

Анатолий живой мальчик, очень неглупый; за обедом выпили, оба уехали в театр, я домой. Приехали из Иванова Лёля и Ольга Ивановна на 3 дня.

21 (8) января. –1°. День смерти Ленина; занятия, торговля не отменены. В разряде у М.Н. Сперанского Седельников прочел интересный доклад по рукописному сборнику о неизвестном произведении «От друга к другу». Во 2-м часу было собрание с речью профессора Н.И. Челяпова[11] «Ленин и наука»; в словах оратора заметен поворот большевиков в правую сторону (призыв к интеллигенции). После заседания зашел с Л.В. в фотографию, где получил карточки для входа в Кремль; зашли к «Мюру», купил провизии; от «Мюра» доехал с Л.В. до ее квартиры, где побыл с ½ часа, она мне подарила свои портреты. Приехал из Иванова Н.М. Гайдуков.

22 (9) января. +1°. Большевики празднуют избиение рабочих в Петербурге, занятий нет, все закрыто, трамваи не ходят. Сильный ветер, временами ураган, с трудом дошел до набережной к П.М. Нечаеву, у которого обедал (около 3 ч.) в обществе его сына и Н.А. Гринвальд; ушел в 6 ч. Разговоры были на разные темы (искусство, театр, музыка), устал я порядком. На обратном пути, на Устьинском мосту, едва можно было идти, так силен был ветер. Лёля и Ольга Ивановна уехали вечером в Иваново-Вознесенск.

23 (10) января. –4°. Утром купил в Охотном ряду съедобного. В Музее было заседание специально-исторического разряда, читал Н.П. Лихачев «Штемпель и факсимиле». После занятий поехал обедать к Л.В., так как дома не готовили по болезни прислуги; после обеда читал вслух 1-е действие «Гамлета», в 7 часов уехал домой. Получил от академика Ф.И. Шмита благодарственное письмо за доброе к нему отношение в то время, когда он был в Историческом музее; теперь он назначен директором Российского института истории искусств в Петербурге.

24 (11) января. –8°. Зашел к «Мюру», купил для Танюши к ее именинам яблок, масла. В «Фотографии Сахарова и Орлова» купил портрет Чехова в роли Гамлета. В Музей пришел в 12 ч., Щекотов пригласил пить кофе, беседовал с его женой, сам он готовил речь к сегодняшнему открытию бюста Ленина в вестибюле Музея. В 1 час все научные и технические служащие и много приглашенных собрались в вестибюле; когда я взошел, Е.П. Муратова попросила меня познакомиться с Верой Рудольфовной Менжинской[12], почтенной дамой; недолго пришлось с ней беседовать, подошел Щекотов и пригласил ее к столу президиума, где она в числе нашей администрации, кажется, Каменевой[13], заняла место. Торжество открылось маршем Шопена, бюст Ленина, покрытый красной материей, был поставлен на месте бюста Александра III; после речи Щекотова, при звуках интернационала, покрывало было снято Щекотовым; последовали речи; какой-то коммунист от Главнауки говорил, махая кулаком, уснащая речь выпадами против прежнего режима и т.д.; по-видимому, никому речь не понравилась, не было ни одного хлопка. Я сидел около Л.В. и Л.И. Вороновой; около 3-х ч. я ушел, свез Танюше покупку. В 6 ч. отправился к Л.В., читал «Гамлета» (до 3-го действия), беседовали об этой чудесной драме, пили чай, закусили рыбы, в 11 ч. я уехал.

25 (12) января. Встал поздно, на солнце +1°. Воскресенье. Сегодня память матери, царство ей небесное. Доканчиваю роман Муратова «Эгерия»; по-моему, автор лишен таланта, как беллетрист; кроме того, вычурность языка, выражений производит на меня удручающее впечатление. Днем были у

нас В.М. Позднеев с женой, беседовали с час. В 6 ч. поехал к имениннице Танюше, к ней приехала Аня из Оптиной пустыни; пришли: Диатроптовы, Я.А. Поляков, доктор Н.Н. Селивановский и другие; сидел до 10 часов.

26 (13) января. –2°. В Музей на короткое время заходила Л.В. (она должна сегодня идти к доктору), ее очерк о предметах украшения поступил в продажу (50 копеек) под заглавием «Искусство обработки металла»; мне поднесла экземпляр. Купили для Музея 2 мощевика, по-видимому, древних, не моложе XV в., и оловянную церковную посуду; еще купили коллекцию интересных рисунков акварельных с бытовых памятников Галиции (печные изразцы, виды церквей, орнаменты вышивок и проч.), работы художницы Екатерины Васильевны Поленовой, дочери известного художника. После обеда к 7 ч. поехал в здание 1-й гимназии (против храма Спасителя) на доклад И.Н. Бороздина о его раскопках в прошлом году в Александриаде близ Георгиевского монастыря. Он обнаружил следы какого-то здания, но выводов никаких сделать не мог. Председательствовал В.А. Городцов. Из прений можно было заключить, что с историей и с литературой вопроса о Херсонесе все очень мало знакомы.

27 (14) января. –3°. Л.В. пришла совсем больная, бледная, у нее боль в сердце, вчера была у доктора, который нашел значительное расширение сердца. Было заседание общеисторического разряда М.М. Богословского, читал Кашин об опере «Дидона» в конце XVIII столетия, я не был: сдавал в религиозном отделе предметы из серебряной кладовой для религиозной выставки. После занятий проводил Л.В. до ее квартиры.

28 (15) января. 0°. Открылось движение автобусов от Курского до Брянского вокзала (по Покровке, Лубянская площадь, Никольская, Красная площадь, Большая Никитская, Никитский бульвар, Арбат), я проехал до Николопесковского переулка, зашел к Танюше, ее здоровье неважно. В Музее имел беседу со Щекотовым относительно религиозной выставки. Показывал верхний этаж жене Васи Сахновского, артистке театра Корша Поповой и доктору хирургу (забыл фамилию). В Музей привезли много вещей и картин из Богучарова (имение Хомяковых), будем все регистрировать. После занятий заехал на полчаса к Л.В., не пришедшей в Музей; она лежит, боль в сердце продолжается; к ней заходил М.И. Сизов, ее бывший муж. Дома застал Надю с Мишей, обедали, пришла Валя, на вид ей лучше.

29 (16) января. –4°. Утром заехал к Кудинову, вид его болезненный, очень похудел; у него боли в желудке, доктор Постников определяет рак или туберкулез; впрочем, сегодня больному лучше и он все ел, тошноты не было. После зашел в Охотный ряд за провизией и к «Мюру» (купил жене одеколону и головную гребенку за 1 р. 50 к.). В Музее разбирал хомяковские вещи, много хлама, но есть и порядочные, особенно среди рисунков. Заходили утром в Музей священник Н.А. Бруни с женою, просили показать иконы, но я не мог показать за недосугом. После занятий зашел к Л.В., пришла также М.В.; ей лучше, но она лежит; посидел немного.

30 (17) января. –8°. Купил в Охотном ряду рыбы. В Музее идет разбор вещей из Богучарова, имения Хомяковых. Заходил в Музей Крюгер из Эрмитажа, молодой немец-классик. После занятий заезжал к Кудинову, ему, по-видимому, значительно лучше. Вечером пришли священник Н.А. Бруни и Аня, закусывали, пили чай, вели интересный разговор о литературе и т.д.

31 (18) января. –3°. Топил печь. Днем заходил А.А. Карзинкин, здоровье его восстановилось. После обеда к 7 ч. поехал к Л.В., ее здоровье неважно, сердце болит; читал 3-е действие «Гамлета», в 11 ч. уехал.

Февраль 1925 г.

1 февраля (19 января). –1°. Воскресенье. Небольшой снег. К 1 ч. поехал в Музей революции (Тверская, дом, где был Английский клуб); туда я приглашен 3-го дня по телефону для осмотра предлагаемой Музею коллекции медалей; я прошел в кабинет директора С.И. Мицкевича[14], который мне показал до 400 медалей и жетонов, большею частию польских, порядочный хлам; я их просмотрел, почти ни одной не встретил, отвечающей задачам Музея, что я изложил письменно. Как Мицкевич, так и сотрудник (не знаю его фамилии) отнеслись ко мне очень внимательно и оплатили мою экспертизу червонцем, который я не хотел брать, но они сказали, что все научные услуги они оплачивают, и я взял. Кабинет директора в 3-м этаже, на стенах картины, вероятно, реквизированные, на столе памятник Петра Фальконета и статуэтка Ленина плохой работы. С Тверской я проехал на короткое время к Танюше. Вечером уехали во Францию дочь Е.Н. Коссович с мужем Жозефом Марко де Сани, много лет прожившим пленником в России и после многих мытарств (сиденье в тюрьмах, ссылки в Соловки и т.п.) наконец уехавшим на родину. Обедали Доля, брат жены, с сыном Митей. Вечером пришел В.А. Никольский, принес на просмотр статью «К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины» для сборника Оружейной палаты, сидел часа два.

2 февраля (20 января). Р. 0°. В Музее много работы по регистрации поступающих коллекций (из Богучарова, Зубаловского фонда). После занятий покупали с Л.В. у «Мюра» и т.д., проводил ее до Кудрина, так как очень скользко. Днем (без меня) заходили Надя и Валя; здоровье Вали несколько улучшилось. Вечером была Танюша, вид ее сегодня бодрее. Днем выпало порядочно снега.

3 февраля (21 января). –2°. Отбирал вещи для выставки XVII в., главным образом, чернильницы (одна из них датирована 1676 г.); после занятий зашел с Л.В. в «Фотографию Сахарова и Орлова», видел свой пробный портрет, снятый объективом Дальмеера; кажется, похож. Прочитал статью Никольского о братинах; в ней он отрицает подлинность серебряной братины Грозного из Оружейной палаты; доказательства его неубедительны; он не изучил других аналогичных памятников Грозного – трех ковшей, из них один имеет молдавский герб – бычью голову – указывающий на изделие всех 4-х памятников, в числе их и братины, валашским (= молдавским) мастером; интересно раскопать исторические данные о сношениях Валахии и России в XVI столетии.

4 февраля (22 января). –1°. В Музей утром приходил смотреть иконы священник Н.А. Бруни с Аней и Борисов (староста одной церкви в Зарядье); к сожалению, икона Владимирской Божией Матери была снята для копирования. В залах Музея встретил Н.Я. Марра. Около 2-х часов сидел в верхних залах Музея, описывая вещи, привезенные из Государственного фонда, хороших мало.

5 февраля (23 января). 0°. Выпало еще снега. В 11 ½ ч. началось заседание ученой коллегии с вопросами о приеме и увольнении служащих; в 1 ч. началось заседание Ученого совета; рассматривался вопрос о предстоящих

выставках, намечались сроки их открытий и т.д.; рассматривалось заявление Центрархива[15] об отобрании архивов от музеев, вопрос этот передается в особую комиссию Исторического музея. После занятий зашел с Л.В. в рыбную лавку, купил рыбы, затем проводил Л.В. до ее квартиры. Мне как члену редакционной комиссии Исторического музея передана на рассмотрение статья Юлиана Анисимова[16] «Бытовой уклад и обстановка городской усадьбы 40-х годов» (по литературным и иконографическим материалам).

6 февраля (24 января). –3°. Сегодня исполняется 51 год нашей свадьбы. В Музее с утра стал описывать привезенные из Музейного фонда вещи, инвентаризацию закончил. Пришел Н.И. Романов, ему и Щекотову показывал портрет Франчиа и рисунок Рафаэля, от которых Романов в восхищении. Были Тройницкий и Орбели, но видел их мало. От Тани прислали переплетенные Чулковою книги, привезла Евгения Петровна, бонна детей, и Яльмар. В 3 ½ часа отправился к Л.В. обедать, вкусно поел, около 7 поехали в Музей на заседание, читал М.М. Богословский отрывок из составляемой им обширной биографии Петра Великого; доклад был посвящен святкам 1698–1699 гг., когда происходили казни стрельцов, составлен очень интересно, было много слушателей. Заходил к Щекотову вечером, но его не застал. После заседания поехал с Л.В. к ней пить чай, беседовали на научные темы, в начале 12-го уехал домой. А.П. Мюллер издала статью «Иностранные живописцы и скульпторы в России», которую поднесла мне.

7 февраля (25 января). +2°. Топил печь. Написал замечания на статью Никольского. Я не соглашаюсь с его определением братины Грозного как фальшивой, она настоящая и, по-моему, молдаво-влахийского происхождения. К 7 ч. поехал к Л.В., прочитал статью Никольского и свои замечания; она нашла статью ненаучною, а мои замечания правильными. Погода совсем весенняя, снег тает, ручьи бегут, ходить трудно, так скользко. Почти каждый день в трамваях вижу пьяных, их уже не высаживают, как прежде.

8 февраля (26 января). +3°. Воскресенье. В 10 ч. отправился к Д.Д. Иванову, его не застал: он ушел в Оружейную палату; от него проехал на Арбат, зашел к Тане, не застал, она была у обедни, зашел к В.Ф. [Джунковскому (?)], его не застал, также был у обедни, вернулся к Тане, поел сосисок, выпил какао; пришла Таня и Аня, посидел с детьми, к 2-м вернулся домой; ко мне пришел Д.Д. Иванов, пригласил меня на завтра к себе; я ему прочитал свои возражения на статью Никольского; Д.Д. остался доволен моими рассуждениями о молдавских сосудах, сказав, что их необходимо напечатать отдельно; пил у меня чай.

9 февраля (27 января). +1°. По просьбе Щекотова поехал с Н.Б. Баклановым в Военно-исторический музей[17] в дом бывший Юсупова у Красных ворот; музей очень интересен, содержит много интересных памятников (оружия, обмундирования и т.д.) с допетровской эпохи и до наших дней; ходил часа 1 ½. Музей хотят уничтожить, т.е. перевести его, но куда? На место его водворить Музей «Старой Москвы»; об этом будем рассуждать. После занятий заходил к «Мюру» за мылом, лампочкой (Edison, 32 свечи, 1 р. 20 к.) и т.д. Утром в Музей заходил И.А. Орбели. В 8-м часу отправился к Д.Д. Иванову; в крохотной его комнатке был накрыт стол с прекрасной посудой и столовым бельем. Пришли В.А. Никольский с женой; Дм. Дм. кратко сказал нечто вроде речи по адресу Никольскому, объяснив ему о вчерашнем его посещении меня и о моей заметке относительно братины, прибавив, что у меня имеется

«гвоздик» (намек на «вол»), объясняющий мое определение; я передал В.А-чу свою статью, которую тот, не читая, спрятал в карман. Пришли Тройницкий и Орбели. Угощали обильно: слоеный пирог с икрой, тетерька холодная, лепешки с шампиньонами горячие, сладкий торт, вино красное. Дм.Дм., как всегда, был остроумен. Разошлись все около 12. Легкий мороз, вся слякоть подмерзла.

10 февраля (28 января). –2°. Утром отбирал с Орбели восточную посуду – тарелки, кувшины, – для выставки в Эрмитаже. Ходил с С.В. Бахрушиным, Н.Д. Протасовым, Д.Н. Эдингом по залам Новгорода, Суздаля, Москвы, намечали в курганных витринах вещи, которые следовало бы изъять для исторических отделов. После занятий поехал с Л.В. к Танюше, съел котлету, выпил чашку чаю и простился с нею и с Анею: завтра они с Яльмаром уезжают в Оптину; здоровье Тани неважно.

11 февраля (29 января). +2°. Выпало немного снега. Отбирал в Музее церковные подсвечники, тощие свечи[3*], лампады для выставки. После занятий заходил к «Мюру», купил провизии. Во время обеда приезжала из Мытищ Надя. Весь снег растаял, на улицах слякоть.

12 февраля (30 января). +2°. Память об отце. Сегодня 200 лет кончины императора Петра Великого. Царство им небесное. Сегодня в моем разряде Протасов читал доклад о клеймах на византийской посуде Исторического музея, ему возражал Лихачев; последний демонстрировал ряд автографов знаменитых людей, главным образом, итальянцев (Тассо, Рафаэль, Аретино, Тициан, Корреджо, Перуджино и др.) поддельные, по его мнению, и один редкий автограф Рабле, безукоризненный по внешности, но в подлинности его Н.П. все же сомневается. Купил за последнее время несколько фотографий с лика Богоматери и Младенца на Владимирской иконе Божией Матери и подарил жене, Тане, Л.В., жене М.М. Богословского, Н.А. Баклановой. Последние дни чувствую сильную слабость и нервное расстройство.

13 февраля (31 января). +2°. Заходил утром Н.П. Лихачев проститься перед отъездом в С.-Петербург. Отбирал с Л.В. и И.А. Витвером для выставки XVII в. церковные подсвечники и лампады. Вечером был в 3-й студии Художественного театра[18] (Арбат, около Николопесковского переулка), смотрел «Лев Гурыч Синичкин», водевиль Д.Т. Ленского; прежнего водевиля, который я видел много десятков лет назад, узнать нельзя, исполняют его, как буффонаду, много вставных номеров с куплетами политического содержания; играли порядочно, но талантливых исполнителей мало; лучше других мне понравился Щукин[19], игравший Синичкина. Сидел с Л.В., недалеко сидела Наталья Александровна; вернулся в 1-м часу, проводив до дому Л.В-ну. На улицах скалывают лед.

14 (1) февраля. +1°. В 12 ч. поехал к Кудинову, у него сидел С.В. Прохоров, Кудинов очень слаб. Прошел в Кремль; в Оружейной палате были Дм.Дм. и В.А. Никольский, который остался при своем мнении, что братина Грозного поддельная; он вскоре ушел. Дм.Дм. согласен с моим мнением, что перечисленные мною предметы валашского изделия, и соединил все в одном месте. После мы сошли в канцелярию, где Дм.Дм. просил меня оценить 8 перстней очень интересных, принесенных М.И. Тюлиным; их купили по моей оценке в 200 р. Из Оружейной палаты с Н.Н. Померанцевым, П.И. Юки-

---

[3*] Тощая свеча – напольный церковный светильник с высоким цилиндрическим основанием, как правило, декорированным.

ным прошли во дворец, где осмотрели Золотую царицыну палату, на стенах начали расчищать фрески и открыли превосходную фреску XVI в., прошли в Грановитую палату. Вся старинная часть дворца отходит в ведение Оружейной палаты, заведует Н.Н. Померанцев. Из Кремля зашел в Охотный ряд, где купил провизии. В 6 ч. поехал к Л.В., сидел до 12-го часа; вели научную беседу, закусывали, пили чай.

15 (2) февраля. +1°. Воскресенье. Праздник Сретения Господня, отмененный большевиками. Днем просмотрел «Опись Оружейной палаты» с посудой. В половине 8-го отправился к В.А. Никольскому на именины его жены, свез ему паштет из рябчиков; состав его гостей был тот же, что в именины В. А-ча; Тройницкий также приехал; ужин был обильный с холодными блинами, вином; разговоры полусерьезные; в 11 ½ ч. уехали: С.Н.Т., я и редактор «Среди коллекционеров». Днем заходил А.А. Карзинкин, рассказывал, что завтра будет юбилей литературной деятельности Н.Д. Телешова.

16 (3) февраля. 0°. В Музей переданы из Военно-исторического музея: Евангелие печатное 1698 г. в серебряном окладе, вклад царевны Татьяны Михайловны 1704 г. в собор Рождества Богородицы на Сенях, и превосходный серебряный мощевой 8-конечный крест, украшенный финифтью, сооруженный царицею Марьею Ильиничною 1652 г. В 12 ч. состоялось заседание под председательством Леонида Ипполитовича Пономарева[20] в религиозном отделе; Анисимов объяснял выставку икон и сказал, что к 1 или 15 мая она будет готова. После занятий доехал с Л.В. до Кудрина, помог ей свезти провизию. У жены пухнут ноги, сильная боль в левом колене, так что еле ходит; все это меня очень беспокоит.

17 (4) февраля. 0°. Послал Лёле (по ее просьбе в письме) в Иваново-Вознесенск 30 р. Отбирал для кладовой церковные подсвечники и лампады. После 3-х зашел с Л.В. к «Мюру», переменил сломанную оправу для пенсне на новую, купил торт для угощения (1 р. 90 к.) Л.И. Вороновой. К обеду пришли: внучка Маша с детьми Машей и Лёшей и с няней; в 7-м часу мы все вышли, сели на 31 № трамвая, я доехал до Иверской и слез, они уехали далее; я пересел на № 16 и отправился к Л.В., пришла Л.И. Воронова; вели разговоры на разные темы, но более занимались перемыванием костей ближних; в 11 ½ ч. мы ушли; угощение было прекрасное.

18 (5) февраля. +1°. Отправлял в музейный подвал подсвечники, деревянные скульптуры (Распятия, святых и т.п.). Нашел в хламе 2 бронзовые кадильницы византийского провинциального изделия с грубыми изображениями праздников.

19 (6) февраля. +1°. Выпал небольшой снег, грязь еще более увеличилась. Было заседание моего разряда, обсуждали заявления разных лиц, желающих поступить в Исторический музей, в том числе Трутовского; ходатайство его отклонено. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», где она покупала ткани для белья, а я взял пенсне из починки; все ее свертки она вручила мне и села без них в трамвай; пришлось со следующим трамваем доехать до ее квартиры и вручить ей пакеты. Квартиру (чердак), где живет Л.В., обокрали ночью, похищено и ее белье. Вечером состоялось собрание жилищного товарищества, как всегда, оно шло при большом шуме и скандале; особенную ненависть все пролетарское население квартиры питает к жене бывшего председателя домового комитета Клименкова – Христине.

20 (7) февраля. +2°. Выпал небольшой снег. Вчера в рукописном отделении Исторического музея упал со стремянки, доставая рукопись, Н.П. Попов и очень расшибся, призывали врача. Свез утром бронзовый отливок с головы Петра, отлитой в гипсе с натуры в 1719 г.; мой бронзовый экземпляр для меня отлит за 35 р. С.Д. Меркуровым; подарил его Музею в память 200-летия смерти Петра. Около 7 поехал в Музей на заседание РАИМК, читала Н.А. Бакланова о постройке Нового гостиного двора в Москве в 1661 г. (на том месте, где теперь Старый гостиный двор, оконченный постройкой в 1805 г.); доклад был интересный, содержал данные о быте рабочих, условиях найма, платы и т.п.; перед чтением я поставил привезенную мною бронзовую голову Петра перед М.М. Богословским, который пристально смотрел на нее. После заседания в 9 ½ ч. Наталья Аполлинарьевна позвала меня к себе, также М.М.Б. с женой, С.К. Богоявленского[21], Ем.К. Быковскую (она давала уроки Оле, Ане и Тане Кочуриной). Живет одна в комнате, угощала холодной телятиной, бисквитом, чаем; беседовали на литературные темы; ушел около 12 часов.

21 (8) февраля. +2°, к вечеру стало –3°. В 11 ч. поехал на Никитскую, зашел к Кудинову, он лежит, почти ослеп; был в магазине антикварном Главнауки, наметил к покупке прекрасный каповый ковш и до 10 ларцов. К 1 часу пришел в Оружейную палату, прошлись по залам с Д.Д., смотрели вновь поступившие вещи из Гохрана, потом прошли в подклети Благовещенского собора, где сложен всякий хлам (подсвечники, мебель и проч.), назначенный к продаже; из подвалов перешли в канцелярию, помещающуюся в одном из контрофорсов собора постройки конца XVIII в., где Д.Д. запротоколил наши действия, и я ушел. Купил на Воздвиженке в бывшем Офицерском собрании провизии и яблок для жены. В 6 ч. поехал к Л.В., читал «Гамлета» 4-е действие, вели интересные разговоры, в 11 ½ ч. я ушел.

22 (9) февраля. Воскресенье. Встал поздно, температура на солнце была 0°. Топил печь. Температура к вечеру стала –5°. Весь день отдыхал, читал, просматривал «Опись Оружейной палаты». К обеду пришел брат жены с сыном Митей. Лег спать рано, около 8; чувствовал боль в груди.

23 (10) февраля. –7°. Масляница. В Музей заходила внучка Маша по дороге к Вале, которая сегодня именинница, звала от имени А.А. Андреевой к ней завтра на рождение (также завтра рождение Тани), но я отказался. Приходил в Музей из магазина Главнауки Ал. Пант. Меншиков, смотрел вещи, которые мы могли бы променять на отобранные мною ковш и ларцы. После занятий поехал с Л.В. к Кудинову, она не входила к нему; тошнота стала легче, но вид его ужасен: глаза ввалились, ничего не видит, похудел. Вечером был у жены доктор Гальперн, нашел в колене подагру, деятельность сердца плохая, прописал Adonis vernalis[4*] и Atuphan и очень строгую диету.

24 (11) февраля. –9°. Был утром у арбатских дам, видел только Машу и Александру Алексеевну Андрееву, которую поздравил с днем рождения. В кладовой Музея отбирал серебро – лом. В подвале отобрал для выставки 2 сундука и 2 немецких жбана. В 7 часов заехал за Л.В., с нею пошли в квартиру профессора Конкордия Андреевича Стратонитского (Кудринская площадь, д. 1, кв. 4), где ели блины с икрой и осетрину (2 р. 50 к. с человека);

[4*] Adonis vernalis (горицвет весенний) применяют как средство, регулирующее сердечную деятельность, а также общеседативное и мочегонное средство.

народу было человек 25, почти все музейские: Ю.В. Сергиевский, А.А. Карзинкин с Соней, А.С. Орлов, Лобанов с женой, А.Н. Топорнин[22], квартирохозяин с дочерью, П.А. Незнамов, В.И. Попова и т.д. Многие изрядно выпили, Сергиевский сел за рояль, пели, потом танцевали; было шумно, но не весело; в начале 1-го я, Л.В., А.А. и Соня ушли.

25 (12) февраля. –7°. Щекотова, Д.Д. Иванова и др. вызвали вчера экстренно в Троицкую лавру для расследования поступков какого-то коммуниста. В Музее был на заседании редакционного комитета. Отбирал лампады для кладовой. После занятий заходил с Л.В. к Кудинову, он плох, но рвота прекратилась. Приехала Адель Шмидт погостить.

26 (13) февраля. –8°. Заходил к Кудинову; по словам жены, ему хуже, ночью был бред, со мною он говорил ясно, но зрение совсем ослабло. Сделал вчера вечером стилистические поправки к статье заведующего музеем 40-х годов Шапошникова[23], которую передал Сперанскому, редактору музейских изданий. Отбирал для выставки XVII в. и для кладовой паникадила, колокола и т.п.; после занятий купил провизии для дома в Охотном ряду, откуда доехал с Л.В. до Кудрина и домой. Прочел прекрасную повесть Пьера Лоти «Исландский рыбак»; как правдиво, талантливо изображена природа Бретани и быт рыбаков.

27 (14) февраля. –8°. В Музей принесено до 30 акварельных портретов русских аристократов 40-х годов за 1300 р.; прибывшие в Музей Машковцев и Эфрос[24] одобрили, но денег от Главнауки, кажется, не дадут. М. и Э. я показывал серебряную купель в 1 ½ пуда николаевского времени, которую мы думаем продать на вес; они просили для решения этого вопроса собрать экспертов. После занятий заехал с Л.В. к ней, взял у нее коврик, который отдал жене к постели. Вечером пришел Б.Н. Граков, смотрел нужные для его занятий надписями на ручках амфор книги, где искал сходные на тех и других памятниках изображения.

28 (15) февраля. Р. –5°, к вечеру 0°. Топил печь. В 1-м часу пришла внучка Маша, принесла письмо Тани из Оптиной; живется там ей не очень спокойно, здоровье неважно. В 2 ч. пошел в Музей фарфора, туда пришли: Д.Д. Иванов, Померанцев и 2 сотрудницы; мы осматривали новые поступления и новую экспозицию некоторых отделов; С.З. Могрычев[25] просил меня позировать для персонального портрета, я согласился. В 3 ч. я ушел из Музея фарфора к Кудинову, застал его без сознания, умирающим, дыхание прерывистым. Оттуда пошел к Л.В. на блины, пришли М.В. Будылина и П.К. Вощинин, блины были хороши, вторым блюдом осетрина с майонезом и апельсины; позднее пришел знакомый Л.В. – Бигдай (кажется, так); симпатичный человек, но говорун. Около 10 пришла Маша; она решилась поехать в Оптину, чтобы привезти мать и Яльмара. Уехал домой в 11 ¼. Здоровье Л.В. лучше, но с М.В. случилось что-то вроде обморока, продолжавшееся с ¼ часа. Умерла известная актриса Г.Н. Федотова[26] в преклонном возрасте.

Март 1925 г.

1 марта (16 февраля). +2°, выпал снежок. Воскресенье (прощеное). Заходил А.А. Карзинкин по дороге на панихиду к Федотовой, рассказывал про юбилей Телешова в союзе писателей. Сегодня 9-я годовщина смерти сестры; царство ей небесное, была святой человек. Прочитал в «Русском современнике»

(№ 2, 1924 г.) письма А.П. Чехова к жене (О.Л. Книппер); как он любил ее! На месте его жены я подождал бы печатать их до смерти.

2 марта (17 февраля). +1°. Чистый понедельник. Вчера в 10 ½ ч. вечера умер Е.К. Кудинов. Были в Музее Д.Д. Иванов и Ф.Ф. Вишневский[27], смотрели те серебряные сосуды, которые не имеют музейного значения, их 3; они разрешили их ликвидировать. Д. Д-чу я показывал наиболее любопытные предметы нашей серебряной кладовой. Разнесся слух, что умер Н.П. Кондаков.

3 марта (18 февраля). +1°. Выпал снег. Днем стало холоднее, около 4-х ч. –2°; вышел из Музея при порядочной снежной метели. Утром ездил в автобусе к арбатским дамам, Маша поила меня какао, завтра едет в Оптину, послал с нею Тане письмо мое и жены. В Музей принесли отобранные мною в магазине Главнауки предметы. Чувствую сильное нервное расстройство.

4 марта (19 февраля). –7°. Плохо спал ночь, болела экзема. В 9 ч. поехал в церковь св. Николая в Хлыновский тупик на Большой Никитской на отпевание Е.К. Кудинова; было много его знакомых, большею частию антикваров; пел дьячок и пожилая женщина; все кончилось в 10 ½ ч.; я ушел вместе с А.А. Карзинкиным. В Музее отправлял в подвальные помещения предметы второстепенного значения. Из Оружейной палаты прислан ящик с предметами старины и искусства в дар Историческому музею; привез Н.Н. Померанцев; просмотрел поверхностно, встретил много интересных вещей. Из Иванова-Вознесенска приехала Лёля, вся простуженная и без денег. В 6 ч. поехал к Л.В., обсуждали с ней доклад о чернильницах для выставки XVII в., пили чай, закусили; вернулся домой около 12 ч.

5 марта (20 февраля). –6°. Отъезд Маши в Оптину отложен по случаю разлива реки. Что-то невиданное делается в природе. Весь день регистрировал вещи из Оружейной палаты. После занятий заходил с Л.В. к «Мюру»; у Л.В. появилась слабость, я взял извозчика и довез ее до квартиры. Среди полученных миниатюр из Оружейной палаты встретил несколько очень хороших. Между вещами интересен кокосовый кубок в серебре с надписью «Орех», принадлежал вратарнику Спасской башни Кремля. Обедала внучка Наташа, ее муж все еще в тюрьме.

6 марта (21 февраля). –4°. Утром заходил в «Фотографию Сахарова и Орлова», взял свой большой портрет, снятый с меня «для пробы объектива» 13 января (31 декабря) этого года. В Музее диктовал в инвентарь подаренные Оружейной палатой грамоты; есть очень нарядные; хороша грамота Петра от 1700 г. Головину. Здоровье Л.В. улучшилось. В 7 ½ ч. был на заседании комиссии по истории быта и искусства Московской секции АИМК в Историческом музее, читала А.П. Мюллер очень интересный и содержательный доклад «Быт иностранных художников в России в XVIII в.»; возражал, или, вернее, просил дополнений по некоторым вопросам профессор А.И. Яковлев[28] и довольно глупо говорил Щекотов. Было много народа, между прочим, Д.Д. Иванов. Я ушел с Л.В. после возражений; доехал с нею до ее квартиры и домой. Выпало еще снега.

7 марта (22 февраля). Встал поздно, температура на солнце +4°; барометр понизился до 735; снег сильно тает, на улицах ручьи… В 12 ч. поехал на заседание в Оружейной палате, состоялось заседание Ученого совета, обсуждались вопросы о предметах немузейного значения, назначенных к продаже.

Я осматривал кольчугу князя П.И. Шуйского, снял с медного клейма на ней копию. Из Кремля зашел к «Мюру», купил фрукт[5*] для Л.В. и провизии для дома. В 6 ч. поехал к Л.В., ее здоровье хорошо; пили чай, она испекла блинов, поели их с икрой и сметаной; заходил К.А. Стратонитский; я уехал в 11 ½ ч. Дорога убийственная, очень скользко; вечером немного подморозило.

8 марта (23 февраля). Воскресенье. Встал поздно, температура на солнце +6°. Топил печь. Пришли внучки Наташа с Машей, последняя с детьми Машей и Алешей, все сидели у меня в комнате, обедали; за обедом сидели пришедшие к Лёле ее знакомые.

9 марта (24 февраля). –2°. В Музее долго возился с отбором предметов для кладовой. После занятий (в начале 4-го) поехал ненадолго домой, переоделся и отправился к сестрам Поповым, где обедал и беседовал до 9 ¾ со всеми 4 сестрами, разговор вели самый житейский. Погода убийственная, тает, грязь.

10 марта (25 февраля). +1°. В Музее был доклад об аптеках XVII столетия, читал А.А. Красносельский, председательствовал вместо непришедшего М.М. Богословского С.В. Бахрушин; доклад был малоинтересен. Сегодня «день женщины»[29], должен был читать оратор, но я и мои сотрудницы ушли; зашел с Л.В. к «Мюру», в гомеопатическую аптеку на Петровку, доехал с ней до Кудрина и домой. Шел мокрый снег. Застал дома Надю. Был доктор Гальперн; он находит, что состояние жены улучшилось, но подагрические боли в ее левом колене все еще мучительны: она еле передвигает ноги.

11 марта (26 февраля). +1°. В Музее продолжал отбирать для кладовой вещи (царские врата, деревянные кресты и т.д.); после занятий поехал с Л.В., завез ее в Хрущевский переулок, сам проехал к Тане; она с Яльмаром сегодня вернулась из Оптиной пустыни; посидел у нее с ¾ часа, пил чай.

12 марта (27 февраля). Большевики празднуют низвержение самодержавия, занятий нет. Встал поздно, температура на солнце +9°. В 11 ½ ч. пришел Н.П. Кивокурцев[30] (племянник А.Н. Зографа), просматривал «Revue numismatique», отбирал нужные для него статьи, ушел в 1 ½ ч. В 2 ч. я отправился обедать по приглашению Н.А. Гринвальд к ее зятю П.М. Нечаеву, пришел К.Н. Горский, который рассказывал про опыты фотографирования мыслей в Лондоне; прежде я бы не поверил этим рассказам, но теперь, после удивительных открытий (рёнгенские лучи, радио и т.п.) последнего времени, всему можно верить. Домой вернулся в 7 ½ ч.

13 марта (28 февраля). –3°. Был у Ксении Савельевны Кудиновой, она очень скучает по муже. В Музее вешал серебро-лом для продажи, оказалось пудов 5. После занятий ходил с Л.В. к «Швабе»[31] на Кузнецкий мост, где купил лампу для светового лечения; оттуда довез Л.В. до Кудрина и домой. Вечером пришла Танюша, здоровье ее лучше.

14 (1) марта. –6°. Утром был у «Мюра», купил мыла, проехал к Кудиновой; встретил на улице Некрасова, племянника поэта; сказал мне, что потерял жену, умершую от рака в желудке, которою страдала всего 3 месяца; как много людей умирает от этой страшной болезни. Прочел великолепный роман Анатоля Франса «Красная лилия», какая мастерская обрисовка характеров,

---

[5*] Так в оригинале.

чувств, особенно чувства любви. Около 7 приехал к Л.В., сидел до 11 ч., ее здоровье неважно, чувствует боль в желудке.

15 (2) марта. Воскресенье. Встал поздно. Температура на солнце +5°, в тени морозит. Топил печь. Прочитал рассказ Достоевского «Бобок» (в «Дневнике писателя»), произвел отталкивающее впечатление. Был у меня Ф.И. Прове, сидел часа 2, вспоминали прежнее время; он обнищал, служит в текстильном синдикате; подарил 4 херсонесские монеты: 1) серебряную с головой Геракла, палицею, надпись: «ΜΟΙΡΙΟΣ» (изданную у Бертье); 2) медную, изданную мною в «Нумизматическом сборнике», т. II, стр. 17; 3) медную, изданную мною там же, стр. 36, рис. 12; и 4) медную, изданную мною в «Экскурсах», стр. 44, табл. I, 19[32]. К обеду пришли Сережа с Юзей, к вечеру К.В. Крашенинников; разговоры были самые скучные.

16 (3) марта. –5°. В Музее, в одном зале, открылась выставка кустарных изделий: коробочек, на манер лукутинских, но с живописью палеховских мастеров в иконном стиле, прелестного миниатюрного письма на разные (нерелигиозные) сюжеты; затем деревянных изделий – солониц, чаш и т.п. и платьев дамских мастерской Ламановой[33] и, вероятно, других и проч. Всю выставку отправляют в Париж; думаю, будет иметь большой успех. После занятий был с Л.В. у ее портнихи, интеллигентной дамы, которой Л.В. сообщила о выставке, посоветовав ей осмотреть ее; от ее портнихи проехал в Кудринскую аптеку за жидкостью экспеллер для жены, но не нашел. От С.Н. Тройницкого получил письмо: у него рожистое воспаление на лице.

17 (4) марта. –6°. Проехал утром на Арбат к Танюше, повидался со всеми, пил чай. В Музее, начиная с 11 до 4-го часа, шли заседания: сначала разряда у С.В. Бахрушина, который читал доклад об устройстве зал послекиевского периода; Щекотов дополнял своими взглядами, из которых я заключаю, что он задач Музея совсем не понимает. После началось заседание ученой коллегии; главная часть заседания была посвящена вопросу о статье Ю. Анисимова в указателе Музея 40-х годов; Пономарев нашел, что в статье нет социалистического подхода; его слова не встретили сочувствия со стороны М.М. Богословского, М.Н. Сперанского. С.В. Бахрушин подарил мне, как редактор, только что вышедшую книгу «Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника». После занятий заходил в аптеки Ферейна и Келлера, искал жене мази для ног, потом прошел к «Мюру» за провизией.

18 (5) марта. –6°. Большевики празднуют «Парижскую коммуну»; занятий нет. До обеда читал «Записки» Штадена; начал писать заметку о сосудах Оружейной палаты. В 5 ч. поехал к Л.В., у нее застал чету Губерт[34], скоро ушедшую; к 7 поехал с Л.В. к Л.И. Вороновой (завтра ее день рождения), мальчик ее, мой крестник, крепкий прекрасный ребенок[35]. У Вороновых, кроме нас, были М.В. Сабашников, моя кума с мужем (забыл имена), пили чай с печеньем, выпили вина с сыром, в 10 ч. Л.В. и я ушли, я проводил Л.В. до Кудрина и домой.

19 (6) марта. –7°. В Музее дел было мало; после занятий заходил в «Огневую сушку» Прохорова с Л.В., купил жене травы петрушки, яблочной пастилы; потом зашли к «Мюру», где Л.В. купила провизии, я одеколону; оттуда доехал с нею до Кудрина и домой. После обеда поехал к Адель Шмидт, свез ей немного денег, посидел с ½ часа и в 8-м часу отправился к Л.В., у нее собрались знакомые: чета Губерт (из Музея изобразительных искусств), Елена

Георгиевна Адамова с подругой, М.В. Будылина, П.К. Вощинин и Екатерина Антоновна, сестра Л.В. от другого отца; приятно провели время, смотрели копии с рисунков Иванова, Е.Г. Адамова декламировала одну татарскую легенду по записи Никандра Александровича Маркса, былину о Ставре Годиновиче и легенду Лагерлёф «Екатерина Сиенская», последняя очень красива; в 11 ч. я ушел, чтобы сесть на обычный трамвай **Б**, но путь на Сухареву башню прекратился по случаю поломки какой-то, пришлось ехать до Таганки, далее за поздним временем вагон не шел, оттуда на извозчике приехал в 1 ч. домой.

20 (7) марта. –6.° Умер Нариманов[36], председатель ВЦИК'а (имя его впервые услыхал от разносчиков газет), по этому случаю занятия прекратились в Музее в 3 ч. Из Музея пошел с Л.В. к «Мюру», купил игрушек: Маше куклу, Яльмару аэроплан, Алеше трамвай; игрушки свезли к Танюше, оттуда уехал домой.

21 (8) марта. 0°. Утром ездил к Кудиновой, к «Мюру», покупал кастрюлю, чайник. Из дома отправился в Оружейную палату на заседание Ученого совета, Д.Д. показал серебряный черневой кубок аугсбургской работы, [с] нарезными русскими буквами внизу, которые он остроумно дешифрировал: «Кубок боярина Бориса Владимировича Бутурлина жены Татьяны Семеновны»; относится к концу XVII в.; смотрели интересные серебряные французские подсвечники, подаренные в 1669 (или 7-м) г. русскому послу в Париже; любопытны превосходные закладные кресты[6*] из теремов, века XIV или даже старше; заседание в канцелярии касалось вопросов покупки предлагаемых предметов. После обеда, в 6 ч., поехал к Л.В., дал ей мемуары Штадена; много беседовали о некоторых принципиальных вопросах, например, следует ли от близкого человека принимать помощь и т.п., ушел в 11 часов.

22 (9) марта. Воскресенье. +4°. Зашел А.А. Карзинкин, прочитал воспоминания своей жены Аделины Антоновны Джури о ее сценической деятельности, любопытны по содержанию и недурно написаны. Топил печь. Просматривал XII том ПСРЛ (Никоновская летопись), нашел под 1555 г. приезд волошских послов к Ивану Грозному. Мемуары Джури назначены для музея Большого театра.

23 (10) марта. +2°. В Музей поступил практикантом в мой отдел Алексей Михайлович Бардыгин[37]; я дал ему для практики описывать кружки, блюда. В 4-м часу началось общее собрание, какой-то оратор говорил речь политического характера ввиду выборов в Моссовет; я ушел с Л.В. в Охотный ряд, оттуда проводил ее до Кудрина и домой. Приехала Адель Шмидт.

24 (11) марта. +2°. В Музее мне передавали, что на Кавказе, во время перелета из Тифлиса в Батум, загорелся аппарат, и летевшие трое коммунистов и 2 летчика сгорели, по этому случаю занятия завтра будут до 1 ч. Получил от С.В. Бахрушина статью для сборника Оружейной палаты «Кольчуга князя П.И. Шуйского». После занятий заходил с Л.В. в Верхние ряды (Гум) и в Охотный ряд, покупали провизию для Танюши.

25 (12) марта. +2°. Занятия в Музее продолжены до 4-х, тем не менее, я ушел с Л.В. к Танюше в 2 ч. (рождение Алеши), зайдя предварительно к

[6*] Кресты, закладывавшиеся в фундамент или стены зданий (главным образом, храмов) при их возведении.

«Мюру», где Л.В. купила зонтик. Вчерашний доклад С.В. Фоминой о стекле XVII в. был, говорят, раскритикован С.В. Бахрушиным, о чем шло сегодня много разговоров. У Тани обедали, пришло после много народу (оба Джунковские, Диатроптовы, Киселев и др.); Л.В. ушла часу в 5-м, я просидел до 9, беседовал с Н.П. Киселевым.

26 (13) марта. 0°. В начале 12-го часа началось заседание Ученого совета, посвященное смете, вопросам о статьях, имеющих быть напечатанными; статей накопилось много, но едва что будет напечатано по недостатку средств и т.д. Н.Б. Бакланов сделал доклад о классификации листов отдела иконографии, предложив смешать все коллекции в одну; доклад возбудил много толков, и Бакланову предложено разработать его проект и представить Ученому совету. В начале 3-го часа я пошел вместе с Л.И. Пономаревым на Никольскую в Госдоход Финотдела, где я с ½ часа просмотрел монеты, предназначенные к сплаву; отобрал полуполтинник 1704 г. хорошей сохранности, остальные хлам; еще отобрал прекрасные французские настольные часы стиля empire, о чем и сделал заявление. После обеда я лег, проспал с час, так как ночью спал мало: очень болела экзема. Вечером приехал И.М. Булатов, которого я не видал много лет; он мало изменился, только из брюнета сделался белым.

27 (14) марта. 0°. В Музее пришлось много ходить, очень устал; в читальном зале на хорах смотрел с Ю.М. Соколовым книги покойного Б.Н. фон-Эдинга, посвященные, главным образом, истории художественных памятников средней России; книг до 2000, оценили в 3000 р., но мы переоценили в 1500 р. После заседания заходил к «Мюру», в Охотный ряд, в «Огневую сушку», купил жене яблоков, сушеной петрушки, пряников и глазированных фруктов.

28 (15) марта. Р. +2°. Ночью болела экзема. К 10 ч. поехал в банк (угол Кузнецкого моста и Неглинной), где предъявил перевод, полученный мною; оказалось, мне выслано 20 р. из Парижа от имени русского землячества в Париже; такие переводы получили многие из здешней интеллигенции; я получить отказался до наведения банком справок в Париже. Многие предостерегали получать: может быть, тут ловушка со стороны ГПУ. Из банка прошел в Оружейную палату; из членов Ученого совета был один я; я с Дм. Дм. осматривал вещи, преимущественно портреты (миниатюры), предназначенные для Петербурга и Царского Села. Смотрел в Палате образ Усекновения главы Крестителя с именем на окладе [нрзб.] Александра Молдавского и его жены Роксанды (№ 4000 «Описи»). Жилица в нашей квартире Мусаткина вчера родила в приюте дочь. В 6 ч. отправился к Л.В., сидел до 11 ч., читал «Гамлета», она чувствует себя неважно.

29 (16) марта. +2°. Воскресенье. Топил печь. Рылся в своих книгах, разыскивая материалы по сношениям России с Валахией, Молдавией. Перебирая книги, был потрясен, не найдя многих книг, без сомнения, украденных нашими «уплотнителями»; некоторые книги (без переплета) разорваны: половина осталась, другой нет! Написал письма А.Н. Зографу и П.К. Симони[38], последнему с вопросами о чернильницах.

30 (17) марта. +2°. В Музее событие: Щекотов уходит из директоров Музея с назначением в Третьяковскую галерею директором. При встрече с ним я его спросил о причинах ухода, он ответил, что их несколько, якобы под него

подкапываются, намекнул на Пономарева, который будет временно его заместителем, и что там поспокойнее. Разговоров много, есть слух, что будет «социальная» чистка, удалят прежних богачей и т.д. Щекотов мне сказал: «Вам беспокоиться нечего, если захотят Вас удалить, то место Вам всегда готово в Оружейной палате». Мои сотрудницы мне сказали, что без меня в Музее они не останутся. Вечером пришла Танюша, беседовали с ней за чаем. Временным заместителем Щекотова назначен его теперешний помощник Леонид Ипполитович Пономарев; в Музее про него говорили, что это бывший колчаковец, но перешедший к большевикам.

31 (18) марта. +2°. Разбирал в Музее портреты XVII в. В 1 ч. состоялось заседание общеисторического разряда, С.В. Бахрушин читал доклад об организации зал доцарского периода. Пришел Щекотов, сказал прощальное слово (сегодня последний день его директорства) к М.М. Богословскому, благодарил его и т.д. После занятий пошел с Л.В. по Большой Никитской в гомеопатическую аптеку, купил жене средство для утишения подагрических болей (рус[7*]), зашли в магазин «Кубу», купил селедку и ½ бутылки украинской водки, проводил Л.В. до Кудрина. Вернулась из Иванова-Вознесенска Ольга Ивановна. В Музей заходил Н.П. Лихачев, поговорить с ним не успел.

Апрель 1925 г.

1 апреля (19 марта). +4°. Отбирал портреты XVII в. и сундучки с росписью того же века для выставки, текст я поручил писать М.В. Будылиной. Послал в Париж Вере «Записки опричника Штадена». После занятий пошел с Л.В. к «Мюру» за лампочкой «Осрам», но не нашел, также в других магазинах, поехали на Арбат, где купили.

2 апреля (20 марта). +3°. Написал отчет о своем отделе с 1 октября по 1 апреля. Музей закрыли по случаю выборов в Моссовет в 2 ½ ч.; я и сотрудницы не пошли (выборы назначены в театре Зимина). В 2 ч. я отправился к Л.В., поел у нее пирога, в 5 ч. отправились: я доехал с нею до Полянки, где она пошла к одной своей знакомой, а я на трамвае (от Серпуховских ворот) домой. В 7 ч. заходил ненадолго двоюродный брат жены Владимир Павлович Волков с дочерью. Получил из-за границы последние выпуски «Dictionnaire des antiquités grecques et romaines» Daremberg et Saglio; грустно было на них взглянуть: начал получать молодым человеком, окончил – стариком[39]. Переезжая мосты, видел идущий редкий лед, вода на реке очень низкая.

3 апреля (21 марта). +3°. У антропософов событие: умер Штейнер, все очень опечалены. О событиях в Музее много разговоров, говорят о назначении к нам Н.И. Троцкой, но из кругов Главнауки это отвергают; многие из сослуживцев называют Н.Я. Марра. После занятий заходил к «Мюру», купил себе носки (1 р. пара). Вечером был в Историческом музее на заседании АИМК на докладе С.В. Бахрушина о поселениях в Сибири в XVII в. Сидел с трудом, чувствовал недомогание.

4 апреля (22 марта). Встал поздно, на солнце около 10°. Утром поехал к «Мюру», купил себе перчатки и провизии Машиным деткам; к 12 приехал

[7*] Вероятно, речь идет о средстве Rhus toxicodendron, или ядовитом сумахе.

к Танюше, она с Машей причащалась, поел у них рыбы и супу, пил кофе, в 3-м часу уехал. Читаю записки Кузьминской[40], сестры жены Л.Н. Толстого, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, 1846–1862»; много болтовни, к которой отношусь с недоверием. В 6 ч. поехал к Л.В., дочитал «Гамлета», беседовали, в 11 часов уехал.

5 апреля (23 марта). Воскресенье, встал поздно, t° на солнце +11°. Сегодня память покойной Л.И., царство ей небесное; к вечеру стало +4°. Утром заходил А.А. Карзинкин. Днем занимался вопросом о посуде времени Грозного в Оружейной палате. Вечером заходил К.В. Крашенинников, беседовали о современных делах.

6 апреля (24 марта). +2°. Ночью выпал снежок. Почти весь день шел дождь или мокрый снег. Утром в Музее Щекотов мне рассказывал, что хочет предпринять в музее в своей новой должности директора Третьяковской галереи, где, по его словам, большая дезорганизация. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру» за провизией и в пассаж, где по просьбе жены купил ей материи 4 метра по 2 р. 10 копеек; оттуда проводил Л.В. до Кудрина и поехал домой.

7 апреля (25 марта). +2°. Ночью выпал небольшой снег. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, отмененный большевиками. Вчера получил от А.А. Ильина письмо, у него был обыск, отобрали всю переписку, причин обыска не знает, думает, его образовательный ценз. Утром под мокрым снегом отправился на службу. В 12 ч. началось заседание общеисторического разряда, читала В.А. Дударева о Нащокинском домике[41], я не стал слушать, отправился в библиотеку, где подыскал себе книги по молдаво-влахийской истории. После занятий уехал домой. Вечером пришли: внучка Наташа и женщина-врач Л.Н. Зоргаген, вдова покойного А.Н.З., очень неглупая женщина, занимается оккультными науками, рассказывала много интересного по вопросам о потустороннем мире, ушли в начале 1-го часа.

8 апреля (26 марта). +2°. Сегодня в ночь, около 12 ч., скончался святейший патриарх Тихон от припадка грудной жабы в лечебнице доктора Бакунина на Остоженке; тело его перевезено в Донской монастырь. Царство ему небесное! Болезнь его развилась, конечно, от тех тяжелых условий жизни, в которые он был поставлен большевиками. Утром в Музее было заседание закупочной комиссии в составе Сергиевского, Пономарева и меня; большую часть предметов отклонили покупать за неимением средств. С Пономаревым говорить трудно, человек сухой, недоверчивый и мало понимающий. После заседания говорил о нем с Сергиевским, который выразился, что канцелярия и секретариат «стонут» от него. Заходил В.Д. фон-Дервиз (из Троицкого посада), показывал ему иконы; после занятий поехал с Л.В. на Арбат, где я купил чаю, ветчины, а Л.В. покупала себе провизию. Вечером была Валя, говорит, что ест пищу с большим выбором и мало; вид ее несколько лучше.

9 апреля (27 марта). +3°. В Музее, в 1 час дня, состоялось заседание моего разряда; обсуждали вопрос о форме отчета за полугодие; собравшиеся заведующие отделами Бакланов, Анисимов, Фомин, Клейн и я прочитали отчеты каждый своего отдела; отчет Фомина был забракован и отдан ему для переделки. Пономарев, теперешний директор, передал мне для заключения заявление князя Н.С. Щербатова; в нем он сообщает о передаче музею сундука с вещами и просит дать ему на 1 месяц 150 р.; я сказал Пономареву, что следует дать князю 150 р. не на 1 месяц, а навсегда, т.е. купить эти вещи

за 150 р.; ответа Пономарев дать не мог, так как не знает, в каком состоянии финансы Музея. После занятий был с Л.В. в Охотном ряду, купил себе провизии, проводил ее до Кудрина и вернулся домой. Вечером приехала Танюша, привезла книжку Б.К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский». Пришли: И.М. Булатов, с ним вдова доктора Ширяева с дочерью, незнакомые нам; обе последние, Булатов и Е.Н. Коссович занимались спиритизмом, но сеанс быстро прервали, так как «что-то» схватило дочь за руки, она перепугалась, кажется, заплакала … гости уехали, а Танюша досидела до 11 часов.

10 апреля (28 марта). +2°. В доме князя Юсупова на днях найдены в замурованной комнате вещи: столовое серебро, бриллианты, последние, говорят, на 6 миллионов рублей. Пономарев попросил меня написать в Главнауку о предоставлении вещей Историческому музею; на них уже заявили претензии Эрмитаж и Оружейная палата. Я написал и вручил Пономареву. Заходил С.Н. Тройницкий, лицо его очень красное после рожистого воспаления. После обеда отправился в Исторический музей на заседание АИМК, читал И.И. Полосин[42] «Масляница в XVII в. в Твери»; перед заседанием познакомился с ним как со знатоком эпохи Грозного (он комментировал Штадена), расспрашивал о сношениях с Молдавией в XVI в., но ничего нового он мне не сказал. Доклад его не соответствовал заглавию: событие, описанное им, совершилось на масляница, но самой масляницы, как все ожидали, он не коснулся. Около 10 ч. был дома. С 1 апреля мне назначено жалованья 120 р. в месяц.

11 апреля (29 марта). Встал поздно, на солнце +12°. В 12-м часу ездил к «Мюру», купил провизии. Днем писал о посуде Грозного. Сегодня Вербная Суббота, на улицах праздничное оживление: продают вербы, искусственные цветы, погода весенняя. Вечером отправился к Л.В., она мне читала что-что из «Возмездия» Блока, есть прекрасные места; потом взяла «Три разговора» Вл. Соловьева; философия его мне недоступна. В вагонах трамвая слышал много разговоров о почившем Патриархе, его тяжелая жизнь последних лет сделала его в глазах народа мучеником.

12 апреля (30 марта). Вербное воскресенье. Встал поздно, на солнце +16°. Топил печь. Писал письмо Зайцевым (о смерти Патриарха, о последнем труде Б.К., о Штадене и т.д.). В 4 ч. состоялось заседание домового комитета, все посвященное делам бывшего председателя Клименкова; заседание, как всегда, бурное; правды в прениях я уловить не мог вследствие необычайной страстности со всех сторон; заседание окончилось дракой между Точилкиным и женою Клименкова, я, к счастью, ранее ушел и слышал через стену крики и площадную ругань. Прочитал «Преподобный Сергий Радонежский» Зайцева, тепло написано.

13 апреля (31 марта). +1°. Приехал А.Н. Зограф и привез из АИМК ее издание: М.И. Ростовцев. «Скифия и Боспор». Заходил проститься Н.П. Лихачев, завтра с женою уезжает в Петербург. Л.В. заболела и ушла, оставила мне свой зонтик для починки, который я отдал. О вчерашнем погребении Патриарха мне рассказывали, что оно прошло очень торжественно и в полном порядке без участия милиции; народу было огромное количество; кинематографические съемки для России запрещены, снимали для заграницы. Венков было 4: 3 от прихожан каких-то церквей и 1 от епископа Кентерберийского.

Тело патриарха поставлено в старый собор Донского монастыря в склеп, который будет закрыт в четверг на этой неделе.

14 (1) апреля. +5°. Сегодня 5-я годовщина смерти Л.И., царство ей небесное. Утром заехал к Танюше, подарил деткам шоколадные яйца к празднику. В Музее отобрал серебро-лом, которое отвезено в мют (= Московское ювелирное товарищество)[43], где оно было свешено и продано по 12 к. золотник за 84 пробу, и по 9 к. за 72 пробу, всего на 2750 р.; деньги получал Я.Н. Блинов. В 3 ч. пошел с Л.В. (она поправилась) к «Мюру» и в Охотный ряд, покупали игрушки моим правнукам и провизию, оттуда проводил ее домой. Вчера умерла Анна Степановна Бахрушина, вдова Алексея Петровича[44]. Обедал А.Н. Зограф, позже пришел Б.Н. Граков, беседовали до 11 ½ ч.

15 (2) апреля. +3°. Утром поехал в квартиру умершей Анны Степановны Бахрушиной на Пречистенский бульвар; вид усопшей неузнаваем, совсем чужое лицо; поклонился ей. В газете «Известия» напечатано духовное завещание Патриарха, по отзыву всех читавших подделанное большевиками; я его не читал. Из Военно-исторического музея привезено серебро (ложки, вилки и т.п.) Преображенского полка, архивные бумаги, среди них письма, распоряжения Петра Великого, письма царевича Алексея, Меншикова и др. Слышал от В.К. Клейна, что сегодня в Оружейную палату приходили: Енукидзе, Беленький[45], Петерсон (комендант Кремля) и грозили удалить из Кремля Оружейную палату! Это было бы верхом безумия. В одной из кладовых Музея находился тюк, завернутый в столовую скатерть и запечатанный сургучной печатью Отдела по охране памятников старины; так как был слух, что у нас хранятся мощи преп. Саввы Звенигородского, то я заподозрил их; тюк перенес в свою комнату и вскрыл в присутствии Людм. Вяч. и Нат. Ал.; в нем оказался завернутый в распоротую епитрахиль человеческий череп и в воздух ножные кости (я их не развертывал); мы все бережно уложили в старую полированную шкатулку и перенесли в серебряную кладовую; кроме того, все это было обернуто в мантию на вате, которую я отдал сжечь одному из старых служителей. Как все это тяжело! Какое глумление над религиею!

16 (3) апреля. +5°. Великий Четверг. Сегодня отпевали А.С. Бахрушину в церкви свв. Афанасия и Кирилла близ Сивцева Вражка; я отстоял всю литургию, но перед отпеванием ушел в Музей, так как было поздно; видел Н.П. и К.П. Бахрушиных[46]. Князь прислал в Музей сундук и 2 ящика с книгами, портретами, архивными бумагами и т.п. В рукописном отделении наводил справки о выражении «словет». После занятий заходил с Л.В. к «Мюру», купил хлеба, вина к празднику, проводил ее до Кудрина. Вечером занимался вопросом о посуде Грозного в Оружейной палате.

17 (4) апреля. +5°. Плохо спал ночь, болела экзема. Хотел утром купить в Охотном ряду сыру, масла, но не мог войти ни в один магазин, такая толпа народу. В Музее убрал с Л.В. привезенное из Военно-исторического музея новое серебро в серебряную кладовую. Кончили занятия с 2 ч., я поехал с Л.В. на Остоженку к ее знакомой, которую она не застала; проехали на Кудринскую площадь, где расстались: я пошел покупать сыр, масло, Л.В. провизию. Сегодня выдали мне 120 р. жалованья по увеличенному окладу.

18 (5) апреля. +6°. Великая суббота. Вчера получил от Веры из Парижа письмо, просит, между прочим, сообщить о смерти Патриарха, Б.К. уехал на

юг Франции. Ходил утром за покупками к «Мюру» и в Охотный ряд (игрушки Олегу, правнукам и провизию), к 12 ч. приехал к Л.В., завтракал, пил кофе; Л.В. красила яйца; часов около 3-х, по ее просьбе, отправился на Остоженку к В.В. Поспеловой[47], которая больна и лежит, вручил письмо от Л.В. и от В.В. поехал к Танюше, подарил детям волчок, посидел до 4 ½ ч. и с последним трамваем (в 5 ч. движение прекратилось) уехал домой. К обеду пришел А.Н. Зограф, сидел до 8 ½ ч., читал мне свою статью-рецензию, поговорили на нумизматические темы. После его ухода я занимался своею статейкой о посуде Грозного. В 11 ¾ пошел с Олегом к заутрени в церковь Грузинской Божией Матери, служил епископ Стефаний Екатеринославский[48], приехавший к заместителю Патриарха митрополиту Петру Крутицкому по делам епархии; служба была торжественная, хор пел недурно; вернулись от заутрени в 1 ¼ ч.; поели пасхи и кулича жена, Лёля, Ольга Ивановна [Леонтьева] и я с Олегом. Пасха и кулич очень вкусные.

19 (6) апреля. Светлое Воскресение. +8°. Утром занялся статьей; пришел А.А. Карзинкин, с ним пошел к нему, беседовал с его семьей, с Телешовыми, пил какао. Днем заходил В.П. Зубов, по-прежнему увлекающийся философскими науками. Погода пасмурная, несколько раз шел дождь. Вечером кончил свою заметку о валашском серебре.

20 (7) апреля. +7°. Дождь. В 11 ч. пошел пешком (трамваи начали ходить в 12 ч.) к Адели Шмидт, пил у нее чай вместе с обоими сыновьями и их родственником Вемейером. От нее проехал к князю [Н.С. Щербатову], которого не застал (он был у меня); от князя к Танюше, от нее с Е.А. Бальмонт прошел к В.Ф. Джунковскому, где застал много визитеров, посидел с ¼ часа и домой. У нас были Надя, Л.С., их потомство, Валя с мужем и все ее потомство, пришел Ося Шмидт, позднее пришли Наташа-внучка, Танюша с Машей и ее 3 детьми, было шумно, в 7 ½ ч. никого уже не было. Слышал, что в Пасхальную заутреню в одной из церквей на Пятницкой какие-то негодяи пустили удушливые газы, от которых священник и дьякон упали без чувств, публика стала выходить… В Казанском соборе перерезаны электрические проводы… В храме Спаса с епископа Евдокима сшибли митру… Комментарии излишни. В 9-м часу пришла Вера Попова с сыном Сережей, крайне распущенным мальчиком, и Л.Н. Зоргаген.

21 (8) апреля. +7°. Дождь. Ночью у меня сделался понос. Утром поехал в банк, где получил 20 р., высланные Верой из Парижа. В Музей заходил ко мне В.А. Никольский. К обеду пришла М.В. Пичета; в 6 ч. я уехал к Л.В., к ней пришла ее знакомая Екатерина Ивановна Голубкова, приглашала ехать в Плёс. По уходе гостьи я читал свою статью о волошском серебре; в 11 ч. уехал. Дорогой прочел стихи Блока «Двенадцать», которыми многие восхищаются; их поэзия и красота мне недоступны, но есть люди, которые сравнивают «Двенадцать» с «Медным Всадником» Пушкина!

22 (9) апреля. +5°. Барометр очень упал. Послал Вере открытое письмо в Париж. В 1-м часу пошел с А.Н. Зографом в Музей изящных искусств, где Зограф прочел доклад о весе лисимаховских статеров из Туапсинского клада, доклад специальный и довольно скучный; оттуда с Граковым вернулся в свой Музей; около 4-х часов пошел с Л.В. в Охотный ряд за провизией. К нам приехала погостить Адель Шмидт. Обедали: А.Н. Зограф и Б.Н. Граков, вели разговоры до 10 ½ ч.

23 (10) апреля. Р. +3°. Сильная хрипота, вчера не мог говорить. До Музея заходил к «Мюру», купил детям Маши волчок. Пономарев поручил написать мне, как велико приращение Музея за время революции; я по инвентарным книгам продиктовал Л.В-не все выдающиеся коллекции. После занятий зашел с Л.В. в театр, взял на «Блоху» 3 билета на вторник, оттуда проехали к Елене Георгиевне Адамовой в Тетеринский переулок, она занимает маленькую комнату, обстановка бедная; посидели минут 10. Погода ясная, но с холодным ветром. Получил от Веры письмо, прислала портрет Б.К. с Наташей.

24 (11) апреля. +3°. Сегодня в Музее занятия отменены по каким-то соображениям из-за низших служащих! Заехал утром к Кудиновой с карманными часами Л.В. для оценки; был у «Мюра», купил провизии, яблоков для Танюши и внучат; в ½ 2-го приехал к Тане, она больна горлом, но все-таки сидела за обедом, после легла, я вышел во двор с детьми, пускал им волчок. Около 4-х пришел Джунковский, говорил с ним о современных делах, пили чай. В 6 ч. я уехал домой, в трамвае прочитал небольшую статью М. Горького о С.А. Толстой, которую защищает против нападок на нее в литературе; убедительного я не нашел; та грязь, которою она обдает своего мужа в дневнике, находящемся в Историческом музее, едва ли может обелить ее. Приехал из Минска Н.М. Гайдуков.

25 (12) апреля. +6°. К 1 часу поехал в Оружейную палату, но заседание не состоялось: все служащие высшие и низшие переносили вещи из апартаментов, которые приказано очистить в 10-дневный срок; коллекции, которые там находились, приходится втискивать в залы Оружейной палаты. Дм.Дм. очень возмущен. Вели разговоры, что делать, – в обществе В.А. Никольского, В.К. Клейна и Н.Н. Померанцева. После обеда поехал к Л.В.; только что вошел в ее квартиру, она меня встретила и попросила съездить с нею в Донской монастырь на могилу ее матери; кладбище было заперто, мы зашли в старый собор, где шла всенощная, служило несколько епископов, было очень жарко и многолюдно; мы поклонились гробнице Патриарха и уехали в Кудрино; беседовали, пили чай, в 11 ½ ч. я уехал домой.

26 (13) апреля. Воскресенье. Встал в 10 ч., +14°. В 11 ч. пришел наш приходский протоиерей И.Ф. Мансветов, беседовали о смерти Патриарха, об иконах, рассказывал ему о С.А. Толстой и т.д., сидел до ½ 2-го. Пришла М.В. Пичета, читала мне статью какой-то дамы о Блоке: параллель между «Медным Всадником» Пушкина и поэмою «Двенадцать» Блока; последняя мне очень не нравится, поэтому, на мой взгляд, никакая параллель тут недопустима. К обеду пришла знакомая жены Гекерн, позднее внучка Наташа, вчера судили ее мужа; судьбище еще [не] кончилось, завтра ожидается приговор. Вечером пришел К.В. Крашенинников, разговоры с ним, как всегда, интересны. В промежутке между гостями успел кое-что добавить в статью о волошском серебре.

27 (14) апреля. +9°. Заходил в Музей С.А. Детинов, рассказал, что Троцкие вернулись неделю назад. Троцкий написал о своих «грехах» против партии, статья скоро будет напечатана; вероятно, и Троцкий, и партия пошли на взаимные уступки ввиду серьезного политического положения после взрыва в Софии[49]. С.А. также рассказал, что положение Д.Д. Иванова после его столкновения с Енукидзе опасно, возможно, что его уволят. Отбирал в Музее холодное оружие для завтрашнего доклада С.К. Богоявленского, который был

лично. Был в Музее контролер или ревизор из Главнауки Берингов, осматривал серебро-лом, назначенное для продажи. После занятий пошел с Л.В. на Пречистенку в Кубу, где узнал о дне перерегистрации (14 и 15 мая).

28 (15) апреля. +11°. В 12 ч. началось в Музее заседание редакционного комитета по вопросу о печатании указателя к выставке Музея 40-х годов. С 1 ч. до 3 – заседание общеисторического разряда, читал С.К. Богоявленский о вооружении XVII в., доклад по архивным материалам составлен интересно; для ясности было показано холодное оружие (бердыши, сабли, пики, рогатины и т.д.) собрания Музея. Днем была гроза и порядочный дождь. Узнал, что муж Наташи Жорж оправдан. Богословские и Н.А. Бакланова сняли дачу в Новом Иерусалиме; меня приглашали к себе с ночевкой. Жена, после продолжительного сидения дома, выходила посидеть на ½ часа в палисадник. После обеда пошел в театр смотреть «Блоху», переделанная для сцены сказка Лескова «Левша»; переделка исполняется как шарж; отлично играл Левшу Волков. Перед театром зашел к Л.В., к ней пришла внучка Маша, сообщила, что Танюша заболела, вместо матери пошла она. После спектакля проводил Л.В. до Кудрина. В театре был А.Н. Зограф с сестрою. Заходила Наташа, сказала, что Жорж обвинен в халатном отношении к службе, присужден к 1 ½ годам тюрьмы с правом досрочного освобождения; дня через 2–3 его выпустят.

29 (16) апреля. +9°. Утром заехал к Тане; у нее боли в коленах и в плечах. В Музее отпустил в Мют серебро-лом на 2500 р. После занятий заходил с Л.В. к «Мюру» за провизией, оттуда проехали на Смоленский рынок, где Л.В. купила краски для окраски материи, и я уехал домой.

30 (17) апреля. +10°. В Музей приходил Ю.А. Олсуфьев с женой[50], приехавший из Троицы, дал мне свое описание ковшей из музея Лавры. После занятий заходил с Л.В. в Охотный ряд, купил провизии, оттуда доехал до Кудрина и домой. Неожиданно жена днем уехала с Надей в Мытищи до понедельника. К обеду пришли А.Н. Зограф, Наташа-внучка, которая вскоре уехала в Мытищи; А.Н. мне прочитал листовку о греческих монетах императорского периода; в 9 ½ ч. ушел.

Май 1925 г.

1 мая (18 апреля). +12°. Все закрыто, занятий нет. С утра до 3 ½ ч. переписывал с дополнениями статью о молдавской посуде; приходил А.А. Карзинкин, завтракал со мною, но скоро ушел, увидав, что я занят. После обеда, около 6 ч., пошел пешком к Л.В. (трамваи не ходили), дошел до Ильинских ворот, оттуда взял извозчика в Кудрино; попив чаю, в 8 ч. отправились в Музей изящных искусств в концерт; было пение, игра на арфе (Эрдели[51] очень хороша), на скрипке, декламация (Гиацинтова[52], «Белые ночи» Достоевского, прекрасно), из «Русских женщин» Некрасова читала актриса Художественного театра очень хорошо. Была масса знакомых. У Л.В. разболелась голова, и мы уехали; домой приехал в 11 ½ ч., моросил дождь. Чувствую сильную боль в правом паху, с трудом сидел в концерте.

2 мая (19 апреля). +12°. Боль в паху еще не прошла. До 2 ½ ч. сидел дома, читал, была небольшая гроза. В 2 ½ ч. отправился на телеграф, послал Арсению Ивановичу Маркевичу поздравительную телеграмму с его 30-летним юбилеем

(3 мая) ученой деятельности, зашел в Охотный ряд и оттуда к Л.В., где обедал; около 6 поехали в Донской монастырь на могилу ее матери, зашли в старый собор на могилу почившего Патриарха, много народу, на надгробии цветы, пасхальные яйца. В 9-м часу вернулись, пили чай, около 11 я уехал. Получил от Б.К. Зайцева письмо открытое из Прованса, где он сейчас гостит у знакомых. Днем и к вечеру шел небольшой дождь.

3 мая (20 апреля). +12°. Воскресенье. Чувствую, как и вчера, боль в паху. В 1-м часу поехал к Танюше (сегодня рождение внучки Маши), на перепутье зашел в Охотный ряд, купил детям яблок и пату; в 2 ч. пришла Л.В., мы пообедали, пришли Диатроптовы; в 5 ч. я ушел с Л.В., которая отправилась к своим знакомым, а я домой. Пришли Сережа с Юзей, пили кофе, в 8 ч. ушли.

4 мая (21 апреля). +10°. Довольно мучительная боль в паху и боку продолжается. Свез в Музей для перепечатки на «Ремингтоне» свою статью о молдавской посуде. Проверял описи ковшей и ларцов. После занятий зашел к «Мюру» за колбасой и уехал домой. А.Н. Зограф уехал в Петербург. Вернулась из Мытищ жена.

5 мая (22 апреля). +11°. Боли в паху стали слабее. С 12 до 1 ½ ч. было заседание редакционного комитета; с 1 ½ до 3 С.К. Богоявленский докончил доклад об огнестрельном и холодном оружии в России в XVII в. После занятий был с Л.В. в Охотном ряду, купил хлеба и провизии, оттуда через Кудрино уехал домой. В 6 ч. приехала Танюша, сидела часа 2, закусила, беседовали о Толстом; ко мне в комнату в это время зашла знакомая жены О.С. Гекерн, сидели вместе.

6 мая (23 апреля). +10 ½°. В Музее от 1 до 3 было заседание ученой коллегии. Показывал М.М. Богословскому письма Петра I, Алексея Петровича и их современников, доставленные в Музей из Военно-исторического музея. После занятий заходил с Л.В. к Кудиновой, где Л.В. продавала золотой медальон, оттуда через Кудрино вернулся домой. Дома застал внучку Аню с 2 детьми. За перепечатку на машине заплатил 3 р. (по 1 р. за лист); напечатано очень хорошо.

7 мая (24 апреля). +9½°. В 11 ч. в Музей прошли: внучка Аня, Н.А. Павлович, жена артиста Чехова[53] и артистка Гиацинтова, я их проводил до религиозного отдела, где они особенно смотрели икону Владимирской Божией Матери. Заходил Щекотов, рассказывал про Третьяковскую галерею, где, по его словам, большая распущенность. От С.А. Детинова слышал, что некоторые картины Верещагина и Борисова[54] Щекотов, как «брахло» (!), хочет удалить и уже написал об этом заявление в Главнауку, где едва ли сочувственно к этому отнесутся. После занятий заходил с Л.В. в Кубу, на Большой Никитской купил Лёле рыбы в дорогу. Через Кудрино уехал домой, Лёля и Ольга Ивановна уехали играть в разные города по Александровской железной дороге.

8 мая (25 апреля). +9°. В Музее особенного ничего не было; дал сотрудникам описывать оружие. В 3 ч. заходил с Л.В. к «Мюру» купить кастрюлю из алюминия (3 р. 45 к.) для кипячения молока, в Охотный ряд, через Кудрино вернулся домой. В Музей заходил приехавший из С.-Петербурга Иван Андреевич Гальнбек[55], специалист по маркам на оловянной посуде, обещал прислать мне сведения по архивным данным об оловянном деле.

9 мая (26 апреля). +11°. К 12 ч. приехал в Оружейную палату; Дм.Дм. и все сотрудники из канцелярии перешли в залу и сели около той витрины

(недалеко от трона Иоанна и Петра), где разложены молдавские вещи, которые вынимались из витрины во время чтения моей статейки о молдавской посуде; когда я кончил, Дм.Дм. мне возразил, что не разделяет моего взгляда на петуха, что он молдавского изделия; он ослышался, я изделие петуха называл западным, но не русским; вообще о статье он отозвался с похвалой и вполне согласился с моей дешифровкой слов «сло» и «вол», как «словет волошская». Ушел в начале 4-го, зашел в Охотный ряд, купил яблоков и хлеба. Вид зал Оружейной палаты печальный: в них поставлены без всякого порядка вещи, мебель, ящики и т.п., перенесенные из апартаментов, которые большевики начали ремонтировать. К 7 ч. поехал к Л.В., мирно беседовали, читали «Повесть о двух городах» Диккенса, пили чай; в 11 ½ ч. я отправился домой. Не могу не отметить следующего: идя сегодня около 12 ч. Кремлем, я услыхал звон как бы с колокольни Ивана Великого; мое сердце радостно вздрогнуло; войдя в вестибюль Оружейной палаты, спрашиваю служителей о звоне, это в храме Спасителя, отвечали они, храм принадлежит живой церкви, которая празднует сегодня день Николая Чудотворца по новому стилю, но к ним никто не ходит…

10 мая (27 апреля). Встал поздно, на солнце около +30°. Воскресенье. В 2 ½ ч. поехал к Вороновым, зашел на Пречистенский бульвар, где встретил Л.В., вместе пошли к В.; пили чай с куличем и т.д., пришел его брат с женой и сыном, Александра Георгиевна Введенская[56], разговоры скучные; в 7 ч. Л.В. и я ушли, она к своим знакомым, я к Танюше, где со всеми арбатскими дамами пил чай, беседовал до 9 ½ ч. Дома нашел Л.Н. Зоргаген, беседовали до 11 ч.

11 мая (28 апреля). +14°. Несколько дней стоит жаркая погода, деревья все распустились, на улицах пыль. Послал вместе с М.Н. Сперанским И.С. Остроухову поздравительную телеграмму с юбилеем его 30-летней деятельности, но, как я слышал, празднование не состоялось по случаю неприбытия Луначарского. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд, где купил рыбы, хлеба и проч.

12 мая (29 апреля). +15°. Услыхал в саду пение малиновки. Был на докладе Заозерской[57] (в разряде М.М. Богословского) о Нерчинском кружечном дворе в начале XVIII в.; это описание винного и пивного заводов; доклад написан очень хорошо. Л.В. заболела болями в спине справа и уехала домой. После 3-х я поехал к Танюше, с которой сговорился ехать в субботу к Наде в Мытищи. Погода чрезвычайно жаркая. Н.М. Гайдуков уехал в Минск.

13 мая (30 апреля). +15°. Утром была закупочная комиссия в составе Сергиевского, Пономарева, Топорнина и меня; иметь дело с Пономаревым очень трудно, надо иметь большое терпение. Л.В. пришла полубольная, боли в спине не прошли. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд за провизией и хлебом; через Кудрино вернулся домой. Распустилась сирень!

14 (1) мая. +15°. Утром был в Кубу (Пречистенка, 16), где перерегистрировался. В Музее оживление ввиду сегодняшних выборов в местком; меня они мало интересуют. В 1 ½ ч. почти весь Музей вышел во двор, куда пришел бывший директор Щекотов; нас всех сняли; в первом ряду посадили Щекотова, рядом с ним меня и Сергиевского, затем Сухотина, Пономарева и т.д.; группу эту подносят Щекотову на память. После началось общее собрание, после отчетов о деятельности прежнего месткома Незнамова и Бабенчикова я

ушел с Н.А. Гринвальд, с которой отправился к ней обедать; кроме П.М. Нечаева и его сына были К.Н. Горский и В.М. Нечаев, брат доктора. Вели обычные разговоры; около 7 я ушел. Видел из окна трамвая целые группы купающихся на Москве-реке. Все фруктовые деревья в цвету.

15 (2) мая. +13°. Во вчерашнем общем собрании Исторического музея в местком выбран Алмазов, забаллотирован Бабенчиков. Описание предметов к выставке XVII в. подвигается: И.А. Витвер обрабатывает надписи на вещах, Л.В. описала чернильницы. В 6 ч. поехал к Л.В., она мне прочитала свой очерк о музейских чернильницах XVII в., написан очень хорошо. Вслух прочитали несколько глав из «Повести о двух городах» Диккенса. Закусили рыбой, в начале 12-го я уехал.

16 (3) мая. Встал поздно, на солнце свыше +20°. В 12 ч. отправился к «Мюру», где взял билет в Мытищи, простояв в очереди ¾ часа; купил детям угощение. В 4-м часу приехала Танюша, я с нею поехал в Мытищи с поездом 5 ч. 35 м. В Мытищах нас встретил экипаж от Л.С. Обстановка у Зворыкиных тяжелая: мальчик Аркадий (сын Сони Савари) умирает, медики определили туберкулез всего тела, ему впрыскивают камфору; вид ребенка жалок, все время его носят на руках то мать, то отец или Надя. Я принял ванну, потом ужинали и слушали по радио оперу «Манон Леско»; впервые я пользовался этим чудесным изобретением, но многое еще надо усовершенствовать, например, в опере слышишь отдельно пение и отдельно аккомпанемент; речь слышна хорошо. К вечеру стало очень свежо, в 11 ч. я лег спать.

17 (4) мая. Воскресенье. +9°. Встал в 7 ч., после кофе, часов в 11, пошли Надя, Таня, Ляля и Миша погулять в лес; было свежо, в 1-м часу вернулись; во 2-м часу обедали, после Л.С., Таня и я ходили на водокачку, которая приводится в движение электричеством; в громадном здании наблюдал 1 рабочий. При царе на всей водокачке было 140 человек, теперь осталось 40 человек. Приехали Наташа с мужем, недавно выпущенным из тюрьмы. С поездом в 5 ч. 17 м. мы с Таней уехали; публика в вагоне была ужасная: комсомолы и комсомолки, все время певшие гнусные песни; бывшие тут пассажиры, большею частью крестьяне, не выражали не только сочувствия, но даже любопытства и сосредоточенно молчали. Таня с поезда уехала к себе. Дома я застал Л.Н. Зоргаген и др. От всей поездки я вынес тяжелое впечатление. Особенно неприятное впечатление произвел на меня Андрей Савари, вошедший в партию коммунистов; его все чуждались.

18 (5) мая. Р. +6 ½°. Утром, около трамвая у Курского вокзала, неожиданно встретил архиепископа Козловского Димитрия, бывшего ризничего Синодальной ризницы в сане архимандрита, позднее епископа Можайского; мы сели в трамвай, он вкратце рассказал, как временно был экзархом Грузии, потом в Ставрополе, теперь думает жить здесь; про архимандрита Арсения сказал, что у него водяная; расспросил про князя, Тарабрина, Клейна, Протасова, обещал зайти в Музей. Бороду, по-прежнему, красит (!). В Музее ходил в кладовую в подвале, отбирал чернильницы и проч. После занятий дошел с Л.В. до зубного врача Ордынской, в Хлебном переулке; просил ее осмотреть мои зубы, назначила прийти в среду. Получил оттиски с обоих негативов музейной группы, снятой в четверг, вышли снимки недурно.

19 (6) мая. +7°. Утром в Музей пришел Н.Я. Марр, только что приехавший из Петербурга, беседовали с ним о будущем директоре Исторического

музея; я его упрашивал выступить кандидатом, он уклоняется, ссылаясь на свою должность в Петербурге в Публичной библиотеке. Пришел М.М. Богословский, ищущий I т. «Трудов Рязанской ученой архивной комиссии», этого тома нет ни в одной из московских библиотек. Около 3-х заходил к «Мюру», купил гребень, в «Огневую сушку» Прохорова, купил кореньев, компота и проч. В 7 ½ ч. пошел пешком к Елене Георгиевне Адамовой, дочери Марии Эдуардовны (Тетеринский переулок, д. 12, кв. 33), туда пришла Людмила Вячеславовна; Е.Г. угощала земляничным чаем, ватрушками; мы принесли копченого сига, яблоков; Е.Г. читала Маяковского, Клюева; в 10 ½ ч. мы ушли; я проводил Л.В. до Кудрина (ей нездоровилось) и с **Б** уехал домой.

20 (7) мая. +10°. С 11 до 1 ½ ч. шло утомительное заседание ученой коллегии Музея, разбирался вопрос о практикантах и т.д. Из Петербурга приехала А.П. Мюллер, рассказывала о заседании Академии истории материальной культуры, на котором выступал Ф.И. Шмит с речью об искусстве в советском духе, присутствовавшие трое коммунистов ему, что называется, наклали, один сказал такую фразу: «Вы не партийный, а говорите, как нарком». По-видимому, в «коммунистических сферах» поняли, что подобные господа, как Шмит, неискренни и говорят такие фразы ради карьеры. После 3-х я пошел с Л.В. к зубному врачу Ел. Ал. Никитиной (она замужем за С.П. Ордынским, моим защитником в суде), она осмотрела мои вставные зубы, мой рот, сказала, что необходимо вставить новые по 4 р. за зуб, но из старой челюсти можно взять некоторые зубы и челюсть обойдется дешевле. Видел С.П. Ордынского, вернувшегося от сына-агронома из Ташкента, погода там жаркая: в тени 32° по Реомюру, но в августе доходит до 56° по Реомюру.

21 (8) мая. +10°. А.Б. Салтыков в моем разряде прочел интересный доклад о фарфоре, бытовавшем в России до XVIII в., причем коснулся статьи на подобную же тему Д.Д. Иванова, который пришел на доклад; он возражал Салтыкову в довольно обширной и интересной речи; несколько слов сказал С.В. Бахрушин; присутствовало много публики, почти все музейские, кроме А.В. Морозова и Е.П. Богословской. После 3-х заходил к «Мюру», купил провизии. Потом с Л.В. заходили на Петровку, где она себе купила материи, и через Кудрино вернулся домой, где застал Машу с Яльмаром и Машей, Наташу и Валю, позднее пришли Жорж, муж Наташи, и Танюша; мы пообедали, попили чаю, в 9 ½ ч. все разошлись; вид Вали несколько лучше.

22 (9) мая. +9°. Праздник св. Николая Чудотворца, отмененный большевиками, но чтимый народом. Барометр упал до 741. В Музее особенных дел не было. Начал просматривать статью В.К. Клейна о древних тканях, бытовавших в России, их терминологии; статья будет напечатана в сборнике Оружейной палаты. Сегодня 40 человек, или около, ученых сотрудников Музея уехали на 11 дней в Петербург для осмотра музеев и т.п. К 7 ½ ч. отправился в Исторический музей на заседание АИМК, на доклад Н.Д. Протасова о миниатюре с портретами Михаила Тверского и его матери Ксении в «Хронике» Георгия Амартола; об этой миниатюре читал Айналов; с выводами Айналова Протасов не согласен, надпись считает позднее написанною, в портрете и костюме видит болгарина; доклад был не убедителен. Параллельно с этим заседанием должно было состояться другое (по искусству) с докладом А.Н. Свирина о серебряном блюде из Троицкой лавры (вклад княгини Трубецкой, вдовы Д.Т. [Трубецкого], деятеля Смутного времени); Щекотов

председательствовать не пришел (он спал), и Свирин читал у Богословского; докладчик сообщил, что блюдо работы португальской, клеймо с еврейскими буквами, и сюжет представляет насмешку над христианством, но подробности, по независящим от докладчика причинам, не были сообщены. Возражали: Д.Д. Иванов, Б.П. Денике[58] и Протасов. Я ушел в 10 ½ часов. Погода свежая, +5°, небо звездное.

23 (10) мая. +8°. К 10 ч. поехал к зубному врачу, которая сняла гипсовую форму с обеих челюстей. В 11 ч. от нее вышел, отправился в Оружейную палату; Д.Д. мне вынимал фарфоровую сулею Ивана Ивановича; на ее крышке, оправленной в серебро, я впервые увидел вырезанного единорога; Д.Д. уверяет, что серебряная оправа сулеи сделана в Англии. После спустились в канцелярию, где состоялся Ученый совет; было прочтено предисловие к сборнику Оружейной палаты, написанное Д. Д-чем, но дополненное В.А. Никольским; против 2 мест в предисловии я возразил: Никольский пишет, что при царизме Оружейная палата безмолвствовала, и затем, что Палата, т.е. ее содержание, как музей царизма, теперь не нужна, она превращена в музей прикладного искусства. Я возражал, что Палата не безмолвствовала, о чем свидетельствуют многочисленные издания, и 2) что ее памятниками пользовался ученый мир. После моих возражений пришел Никольский, которому я передал свои возражения; кажется, эти места будут исправлены. Заходил в бывшее Офицерское собрание на Воздвиженке, где купил ташкентских яблок по 1 р. 10 к. за десяток. К 7 ч. поехал к Л.В., застал у нее Е.Г. Адамову, потом заходила Танюша; в 11 ½ ч. я уехал. Вечер свежий; +1°.

24 (11) мая. Воскресенье. Встал в 9 ½ ч., на солнце +22°. Утром вернулись из поездки Лёля и Ольга Ивановна; результатами в материальном отношении остались очень недовольны.

Веду ли я дневник? Если придется кому-нибудь прочесть его, то читающий не найдет того, что обыкновенно отражается в дневнике грамотного человека: личность автора, его отношение к окружающим его лицам, его внутренняя жизнь, и умственная, и сердечная, его взгляды на окружающую действительность и т.д. Ничего похожего на это здесь нет или почти нет... Могу ли я обмолвиться о своей личной жизни? Решусь ли, по чувству самосохранения, хоть слово сказать об ужасной действительности, которая нас окружает? Могу ли поверить бумаге мои чувства, мои симпатии, антипатии, наконец, те причины, от которых на меня нападает тоска? Нет, нет, нет. Итак, пусть остается эта тетрадь просто записной тетрадью для памяти, а не тем дневником, который хотелось бы писать.

После обеда я пошел с Лёлей и О.И. в кинематограф «Нерон» на углу Покровки и Земляного вала, давали картину «Стенли в дебрях Африки»; чего только не натискано в картину: и пожары, и разбойники, и работорговцы; все это пришлось пересмотреть, пока добрались до дебрей Африки; искусство по группировке масс, особенно дикарей, большое; все эти обманы со зверями (слоны, львы, леопарды и т.д.) очень искусно сделаны; около 2-х часов мы смотрели, под конец стало скучно и утомительно. Публика на все трюки смеялась во все горло и даже аплодировала.

25 (12) мая. +8°. Вчера, когда я лег спать, произошла возмутительная история – результат современного советского бесправия: в комнату уехавшей Е.Н. Коссович, где ложились спать Лёля и О.И., ворвался один из жильцов,

коммунист Алексеев, и порывался ее запечатать, что ему не удалось. Жена ночь плохо спала от пережитого волнения. В Музее обнаружен ящик с бытовыми предметами – табакерками, медными иконами, ларцами, старой одеждой и т.д., присланный давно из охраны памятников старины; начали описывать. После занятий ездил с Л.В. на Балчуг в магазин Лягина, где купил парусинные ботинки за 13 р. 50 к., оттуда через Кудрино вернулся домой. Получил письмо от Н.Е. Макаренка из Киева; между прочим, пишет, что Н.Ф. Беляшевского разбил паралич. Арестована 2 недели назад жена Скорино (вдова М. Щербатова); причина ареста неизвестна. Вечером приходил И.А. Орбели, рассказывал много интересного об эрмитажных делах; сказал, что для Исторического музея отложено в Эрмитаже 30–40 серебряных ковшей.

26 (13) мая. +9°. Вчера вечером (я уже заснул) повторился очередной скандал: к запертой висячим замком комнате Коссович подошел Никифор Клименков и повесил свой замок; после ухода поднялись крики, ругань… Лёля и О.И. дома не ночевали. Как тяжело жить! В 8 ½ часов поехал к зубному врачу Е.А. Никитиной-Ордынской, сделали мне примерку челюстей из воска; от нее проехал к Тане и в Музей, где имел разговор с Пономаревым о мощах, доставленных нам; сказал ему, что продавать все издание М.М. Щербатова «Русскую историю» немыслимо, он обещал оставить только 25 экземпляров. Какая Пономарев тупица! Говорить с ним очень трудно. Диктовал Л.В-не инвентарное описание вещей, присланных 4 года назад. В 3 ч. отправился с Л.В. к Е.Г. Адамовой, от нее втроем доехали до Театральной площади, заходили в книжный магазин за новою книгой С.Ф. Платонова «Москва в XVI–XVII в.», ее здесь пока нет. Через Кудрино вернулся домой. К обеду пришла Валя. Вечером вернулись О.И. и Лёля; пригласили милицию и в присутствии милиционера и председателя домового комитета К.Р. Титкина замок Клименкова был сломан и отдан милиционеру.

27 (14) мая. +14°. К 9 ч. приехал к зубному врачу, примерял челюсть из воска с зубами; осталась недовольна нижнею челюстью, делали новый слепок, но неудачно; в пятницу утром опять придется ехать. Возвращаясь в Музей, в вагоне встретил Таню, Машу с Лешей, едущих в Клин. В Музее докончил с Л.В. опись вновь поступивших предметов. После 3-х поехал с Л.В. в Кудрино, купили провизии, зашел к ней, поел ветчины, побеседовали. Целый день шел с перерывами небольшой дождь.

28 (15) мая. +15°. Праздник Вознесения Господня, разрешенный большевиками; занятий нет. Тоскливое чувство, мешавшее сосредоточиться, не позволяло мне читать; целый час раскладывал «пасьянс», потом принялся за «Повесть о двух городах» Диккенса, и голова пришла в нормальное состояние. К обеду пришел брат жены с сыном; какой он несимпатичный человек, эгоист, каких редко видал. Часов в 6 приехала из Клина Таня, сидела до 10 ч., мы распростились: в понедельник она уезжает на месяц к О.Н. Анненковой на станцию Воскресенск по Рязанской железной дороге отдохнуть. Часов в 9 пришла Л.Н. Зоргаген, разговоры ее об оккультизме надоели мне, и я ушел в свою комнату; дама эта считает своею обязанностью сказать всякому что-нибудь приятное; неискренность ее видна во всяком слове.

29 (16) мая. +10°. Утром был у Е.А. Никитиной (Ордынской); сделали 2 слепка с нижней челюсти, осталась довольна; в понедельник или вторник обещала сделать вставную новую челюсть. Часов около 12 заходил Н.М. Ще-

котов, говорил, что Третьяковской галерее отпущено 100 000 р. на ремонт. Отбирал с Е.И. Заозерской китайские вещи для ее сегодняшнего доклада. После 3 ч. ходил с Л.В. в пассаж, потом в Хрущевский переулок и через Кудрино вернулся домой. Вчера в ночь умер старый служитель Музея Вл. Ад. Леусин. Вечером ездил в Музей на заседание Академии истории материальной культуры, читала Е.И. Заозерская о китайских предметах и товарах, привозимых в Россию через Нерчинск в конце XVII в. Председательствовал С.В. Бахрушин вместо М.М. Богословского, уехавшего на дачу в Воскресенск (Новый Иерусалим).

30 (17) мая. +13°. К 12 ч. поехал в Оружейную палату, туда явились: Н.Е. Машковцев; Вайнер[59] (еврей из Главмузея), какая-то художница; Д.Д., пригласив меня, повел всех по Палате и объяснял выдающиеся предметы, причем отмечал то, к чему я имел прикосновение: произведения Василия Андреева, перстень св. Алексея Митрополита, подчеркивая, что этим занимался я; во время объяснений Д.Д-ча явился В.А. Никольский, мы втроем спустились в канцелярию, где Д.Д. открыл заседание Ученого совета. Никольский заявил, что принял мои поправки в предисловии, которое вернул мне. От Померанцева получил его статью, просмотренную Никольским, с массою вычеркнутых мест. В заседании я рассказал о распоряжении Пономарева продать щербатовскую «Историю» на вес; мой рассказ дал повод Д. Д-чу предложить продать на вес «Путеводитель» по Палате, составленный Арсеньевым и Трутовским. Предложение его было принято. Но какая разница между «Историей» Щербатова и «Путеводителем» Трутовского! Из Палаты я ушел в 3 ч. к «Мюру» за провизией. После обеда, в 6 ч., отправился к Л.В., читал вслух отрывок из «Путешествия Гулливера» (описание Академии в Лагадо[8*]), ужинали, пили чай, около 11 ½ я ушел.

31 (18) мая. Воскресенье, встал поздно, +18°. Домовый комитет начал чинить наш балкон в сад, совсем разрушившийся от времени и дождя; сегодня делают лестницу. Редактировал для сборника Оружейной палаты: 1) предисловие, составленное Д.Д. Ивановым и «исправленное и дополненное» В.А. Никольским; весь тон предисловия мне крайне не нравится; я кое-где ослабил «усердие» авторов, не знаю, будут ли мои поправки приняты; 2) статью В.И. Троицкого «Клейма на русских серебряных изделиях XVII в.», хороший материал для объяснения клейм на *левковом* и *ефимочном* серебре[9*]; из статьи узнал о марке на кубке бывшей Патриаршей ризницы мастера Андрея Кашп<арова> Бланкостина; другая марка, которую я видел в Оружейной палате, принадлежит, может быть, Василию Андрееву; 3) Статью Н.Н. Померанцева «Финифть усольского дела»; статья представляет большой интерес по объяснению автором целого ряда памятников, которые я прежде считал западными, оказавшихся изделиями мастеров Сольвычегодска, процветавших под покровительством Строгановых; особенно важен один памятник, впервые описанный автором, это финифтяная по серебру чарка в ризнице Борисоглебского монастыря в Дмитрове; в центре чарки в овале имеется финифтяная надпись: «198 года сроблена сия чарка у Соли вычегоцк...». *Дата* «1690 года», *место изделия* и слово «сроблена», указывающее на юго-запад-

---

[8*] У автора – «в Лагода».

[9*] Левковое и ефимочное (талерное) серебро – серебро пониженной и более высокой пробы.

ное происхождение мастера, делают памятник особенно важным. О «предисловии» я решился написать Д.Д. Иванову следующее письмо: «Дорогой Дм. Дм., пишу на тот случай, если не застану Вас. Буду с Вами откровенен: "предисловие" мне крайне не нравится, я не буду говорить про *подлаживающийся* тон, проходящий по всему предисловию, но и по[10*] *замалчиванию* о качестве тех сокровищ, которые хранились в Палате до советской власти. Незнакомый с прежнею Оружейной палатой, прочтя предисловие, подумает, что главными памятниками ее были отрезок кедра, медный пятак и обмылок Елизаветы Петровны, а о чудесном серебре и проч. он и понятия не получит. Если наше предисловие даст хорошую и благодарную тему для статьи пакостной "Рабочей газеты", то какое впечатление произведет оно на людей науки (для которых сборник и печатается) в России и в Европе! Ведь все знают, что заключала в себе Оружейная палата в прежнее время, а об отмеченных Вами обрезке и обмылке, думаю, ни один человек, кроме чиновников Оружейной палаты, и не знал. Я не смею моим письмом подавать Вам совет, как переделать отмеченное место карандашом в начале предисловия, но позволю себе только высказать свое мнение, о котором никому не говорите, а пуще всего В. А-чу». После обеда я поехал к Кудиновой, от нее к Д. Д-чу, которого застал дома; прочтя мое письмо, уйдя из общей комнаты, он сказал, что думает предисловие совсем не печатать. Сидел у Д. Д. часа 2, беседовал с его женой и дочкой; они обе собираются в Крым, но не знают, куда; кое-что я им рассказал о Крыме, о путешествии морем, о пожаре на пароходе «Ольга» и проч. С Д. Д-чем не пришлось много говорить, явился некий поэт Мизинов, читавший свое стихотворение, посвященное дочери Д. Д-ча Кире Дмитриевне, но кое-что все-таки вполголоса поговорили (о фарфоровых часах, о паникадилах и т.д.).

Июнь 1925 г.

1 июня (19 мая). +12°. В Музее проверял описи шишаков, огнестрельного оружия, сделанные А.М. Бардыгиным очень хорошо. А.М. один из талантливых сотрудников Музея, которых у нас немного. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру» за провизией к именинам жены и Лёли. К 8 ч. пошел к Л.В., скоро пришла ее сестра М. [м. б., Е?].А. с сыном Женей 3 лет, сидела недолго, в 9 ч. пришла Л.И. Воронова, вела обычные разговоры; Л.В. мне чинила мой пиджак, закусывали; около 12 я ушел, Л.И. осталась. Выйдя из вагона, попал под дождь.

2 июня (20 мая). +10°. В Музее купил серебряную стопку, расчеканенную библейскими сюжетами (время императрицы Анны) за 50 р. и акварель К. Брюллова «Сон декабриста С.Г. Волконского» за 150 р. Сидел около часа в серебряной кладовой, изучал финифтяные сосуды усольского дела конца XVII в. Около 3 пошел с Л.В. к «Мюру», купил угощение для завтрашних именинниц и куклу для Ляли; от «Мюра» уехал к Е.А. Никитиной-Ордынской, которая еще раз сняла слепок с нижней челюсти. Говорил по телефону с Надей: здоровье Аркаши плохо, думает, что у него началась агония.

[10*] Так в оригинале.

3 июня (21 мая). +12°. Сегодня день именин жены, Лёли, внучки и правнучки и память по покойной сестре. В Музее отбирал слюдяные рамы для храма Василия Блаженного. Приносили продавать грамоту, данную Петром в 1708 г. казаку Шишкевичу, открывшему измену Мазепы; я ее имел в руках несколько лет назад; владелец, потомок казака, ценит ее не дешевле 2000 р. Вернулись из Петербурга наши сотрудники, очень довольные поездкой. После занятий проехал с Л.В. до Кудрина и домой. Заходил в Музей Д.Д. Иванов с пропуском для меня в Кремль, говорил, что предисловие к сборнику не напечатает. Дома было много народа с поздравлениями в течение дня, я застал Сапуновых, Кочуриных, Машу с детьми, нескольких дам; приехала погостить Адель Шмидт.

4 июня (22 мая). +12°, пасмурно. Вчера от Веры из Парижа получили письмо с поздравлениями, все Зайцевы скоро уезжают до октября на юг Франции; мое письмо с подробностями о смерти Патриарха они получили. Показывал в Музее Пономареву мощи пр. Саввы, потом ходил с ним в верхний этаж, где осматривали ящики убитой царской семьи. Я поражен невежеством Пономарева: он почти никому не подает руки. Заходил ко мне Н.Н. Померанцев, просматривал с ним его статью о финифти усольского дела. После занятий поехал с Л.В. в Хрущевский переулок и через Кудрино домой. Вечером (в 9 ч.) был с Л.В. в концерте (театр бывший Незлобина, теперь Московский художественный академический театр 2-й) двух превосходных музыкантов: пианиста Эгона Петри и скрипача Жозефа Сигети[60]; исполнили: «Сонату Крейцера» Бетховена, удивительно! Сигети сыграл «Испанскую симфонию» Лало[61]; играл чудесно, но вещь не произвела впечатления. Петри сыграл вариации на тему Паганини, сочинение Брамса; играл великолепно, но сама вещь мне была не по душе. В заключение оба артиста бесподобно исполнили «Интродукцию» и «Рондо» Шуберта; наслаждение получил большое, я очень люблю этого великого музыканта. Вернулся через Кудрино около 1 часа.

5 июня (23 мая). +10°. Ездил утром к Е.А. Никитиной, ответила, что техник зубов не кончил, назначила приехать во вторник после 3 ч. Сегодня Л.В. получила от Главмузея пропуск в Кремль в Оружейную палату, но комендант отказал пропустить, сказав, что в Оружейной палате для занятий впуска нет, и пусть Главмузей больше пропусков не дает. Я об этом сказал Пономареву, который хотел поговорить с Н.И. Троцкой. После 3 был с Л.В. в Кустарном музее[62] (Леонтьевский переулок), где она себе сделала покупку материи. Д.Д. Иванов прислал мне для прочтения статью «Германское искусство эпохи Возрождения на нескольких предметах Оружейной палаты»; написана очень хорошо, но точного определения вещам не дано. Другая его статья «Старые русские клейма серебра» служит введением к статье В.И. Троицкого.

6 июня (24 мая). +11°. Утром заходил Миша Зворыкин, прощался перед отъездом в Крым к Ване Акопиану. В 11 ч. поехал в Оружейную палату; там делал снимки с предметов для статьи Д.Д. отличный фотограф И.Н. Александров; при съемке присутствовал представитель коменданта Кремля; после состоялось заседание Ученого совета. Я передал Д.Д-чу его статью. Померанцев мне дал поступивший в Палату прекрасный потир с резьбою работы Василия Андреева. Ушел в 2 ч.; у «Мюра» купил провизии. Дома застал ужасную ругань между пролетарскими бабами, жена очень волновалась. После обеда поехал к Л.В. через Театральную площадь, где пересел в авто-

бус только что открывшейся новой линии № 4 в Серебряный бор; до Кудрина поехали через Охотный ряд по Моховой, Воздвиженке и по Поварской (стоит 15 к.). Л.В. мне прочитала свое исследование о чернильницах Музея; написано очень хорошо, научно, по архивным источникам; исследование еще не кончено, остается рассмотреть орнамент. Уехал домой около 11 ½ ч. Вечер свежий: +6°.

7 июня (25 мая). Воскресенье. Троицын день. Встал поздно. +14°. После обедни пришел А.А. Карзинкин, поел со мною ветчины; рассказывал о своей поездке в Петербург, которою остался очень доволен; Петербург значительно опустел, но жить там в отношении квартир свободнее, уровень общества значительно выше здешнего; от Эрмитажа и Русского музея в восторге. Бедствие от последнего наводнения 1924 г. очень велико, барки, пригнанные ветром на набережную, разрушили тротуары; торцовая мостовая от воды поднялась. Весь день читал. После обеда пришел брат жены, очень нудный человек; он озабочен судьбой своих книг; у него книги по музыке (партитуры, по теории музыки) и по латинской литературе; боится, что после его смерти жена его и дети спустит за грош; я ему посоветовал подарить музыкальную часть в Консерваторию, остальное Московскому университету.

8 июня (26 мая). +6°. Дождь. Духов день. Читал разнообразные книги (Диккенса, Вассермана, Ив<ана> Гебдон[63]). В 2 ч. отправился к Л.В., ел прекрасный обед (суп с шампиньонами, куриные котлеты с цветной капустой). Пришли М.В. и Петр Константинович [Вощинин], он рассказал интересные факты из жизни Зоологического сада (кормление удава, про тигра, про яйца страуса, который несется и т.д.); после их ухода беседовали о предстоящей поездке Л.В. на Кавказ; настроение ее было меланхолическое. Ушел около 11 ч.

9 июня (27 мая). +8°. Из петербургского Эрмитажа приехал Роман Романович Фасмер[64] для занятий восточными монетами, главным образом, испехбедами[11*]. Слышал от Н.Б. Бакланова, что вместо одного директора будет назначен комитет из 5 лиц: Пономарева, Мицкевича, С.П. Григорова, Щекотова и Бакланова. После занятий был с Л.В. у Бакланова, я смотрел глиняную посуду, вывезенную им с Кавказа, а Л.В. взяла у него книги по орнаменту. Был у Е.А. Никитиной, челюсть готова, вставил, покуда неловкости во рту не чувствую. Обошлась 106 р. Она советовала мне принимать орхикрин, восстанавливающий силы.

10 июня (28 мая). +9°. Купил жене цепочку на крест. Слышал от Р.Р. Фасмера, что Ретовский после операции омоложения заболел расстройством умственных способностей, начал буйствовать, рвать на себе платье, хотя силами окреп; ему более 70 лет. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», купил бумаги, конвертов и проч., оттуда прошли на угол Брюсовского переулка и Никитской, где смотрели продающиеся Шеншиным вещи: столовые часы Frederic'a Duval'я (25 р.), кокосовый в серебре кубок, данный канцеляристу Василью Козакову 1759 г. (35 р.) и акварельный портрет Н.П. Моромцева работы П. Соколова (15 р.); с Никитской пешком дошли до квартиры Л.В., где я посидел с ¼ ч. и уехал домой. На Никитской встретил Машу, говорит,

---

[11*] Испехбеды, правильнее Испахбадиды – мусульманская династия (1074–1210), владевшая территориями в областях Южного Каспия (Табаристáн и Гилян).

что здоровье Тани неважно, к ней сегодня поехала Екатерина Алексеевна [Бальмонт].

11 июня (29 мая). Р. +10°. С 11 до 2 ½ ч. тянулось заседание Ученого совета; на нем, между прочим, обнаружилось, какой интриган Городцов: Д.Н. Эдинг хотел сделать разведки на городище Старой Рязани; Городцов не пожелал этого и в музейном отделе Главмузея, где он председательствует, устроил так, что Эдингу разрешения не дано; все это было всеми понято и разоблачено в речи Анисимова и даже Пономарева. После занятий обедал с Л.В. в «Московском трактире», где я очень давно не был (ресторан недавно открылся); ресторан занимает одну большую комнату, прежней бархатной мебели, конечно, нет; кормили хорошо (обед 1 р. 50 к. из 3 блюд). После обеда Л.В. уехала по своим делам, я пошел в Музей на заседание «Старой Москвы», читал И.И. Полосин политическую историю Москвы при Грозном по Штадену, об опричнине, но о самом городе не сказал ни слова; был назначен перерыв, и я ушел; народу на заседании было много, но чувствовалось, что лектор был не по аудитории; читал очень хорошо.

12 июня (30 мая). +9°. Сегодня последний день занятий в Музее, многие уезжают из Москвы. Итальянская миссия осматривала верхний этаж Музея (фарфор, кость, бронзу и религиозный отдел). У А.Н. Топорнина с Пономаревым было столкновение; возмущенный резкостью Пономарева Топорнин хотел подать в отставку; я и Сергиевский советовали подождать. Видел доставленные из единоверческого монастыря 2 иконы: одна Владимирской Божией Матери школы Прокопия Чирина (нач. XVII в.), другая «Рождество Николая Чудотворца» 1604 г., писал Семен Бороздин; обе иконы поступили к нам. После занятий заходил с Л.В. в Охотный ряд, купил жене цветной капусты, оттуда проехали к Е.А. Никитиной, она подточила те места новых челюстей, которые беспокоили десна. У жены открылось кровотечение, хотя вид ее не болезненный.

13 июня (31 мая). +9°. Сильное падение барометра. Ночью шел дождь. Утром поехал к «Мюру», купил провизии себе и Таниным внукам; оттуда к Маше-внучке на Арбат, поел у них рыбного супа, рыбы; у Маши кухарки и бонны нет, она одна; за столом сидели Е.А. Бальмонт и Маша с 3 детками. Приехав домой, узнал от прислуги, что у жены была сильная боль в груди; подошел к постели, слава Богу, припадок прошел, жена встала. После обеда в 6 ч. поехал к Л.В. проститься перед ее отъездом в Батум; ввиду сомнения о часе отхода поезда мы прошлись к Н.Н. Нотгафт, оттуда к портнихе, которую не застали, и обратно в Кудрино; за чаем Л.В. прочитала из вводной статьи к выставке XVII в. о перьях и чернилах того времени; статья написана толково и по материалу представляет большой интерес; в ½ 12 я ушел, сердечно простившись с этой прекрасной, сердечной женщиной.

14 (1) июня. +12°. Воскресенье. В ½ 12-го пошел на Курский вокзал проводить Л.В., которая поехала с поездом 1 ч. 10 м. до Новороссийска; я усадил ее в жесткий вагон, спутницами ее были Н.Н. Нотгафт с дочерью. Были: брат жены и Валя с дочерью Таней; здоровье Вали немного лучше. Правнук наш Аркаша, по словам Вали, видавшей его, безнадежен, одного легкого у него нет. Написал небольшое дополнение к статье о фряжских резных дел мастере серебренике и медальере конца XVII в.; материалом к дополнению послужили: потир Оружейной палаты и напрестольный крест ярославского Спасо-Преображенского монастыря.

15 (2) июня. +9°. Сегодня 25 лет свадьбы Вали, вчера подарил ей по этому случаю 20 р. Написал Л.В. письмо. В Музее пустынно, но ко мне много приходило народу; зашел Н.П. Лихачев, которого вызвали по квартирному делу. Была Л.И. Воронова, сильно расстроенная из-за несогласия с Пономаревым, на которого хочет жаловаться в Главмузей. После 3-х поехал к Ел.А-не [Никитиной], так как челюсть местами давит; назначила приехать еще раз завтра. Сегодня назначено заседание домового комитета, жена посоветовала уйти мне куда-нибудь, чтоб не видеть обычного безобразия; после обеда я ушел к А.А. Карзинкину, выпил у него чашку кофе и пошли в кинематограф на Малой Дмитровке смотреть боевую картину «Багдадский вор»; удивительны технические усовершенствования, как полет на ковре-самолете, морское дно, чудовища, полет на крылатой лошади в облаках и т.д.; виды пустыни очень хороши, но в видах дворцов, городов, базаров видны искусственные постройки; животные: слон, верблюды, огромная обезьяна – очень хороши. Шла картина около 1 ¾ часов. Дома узнал, что заседание прошло без скандала.

16 (3) июня. +10°. Ночью шел дождь. Ходил в Музее наверх, совсем опустел; в религиозном отделе Е.И. Силин показывал иконы, которых я не видал, их в прошлом году получили из фонда. В Охотном ряду купил жене рыбы и цветной капусты. Заходил к Е.А. Никитиной-Ордынской, исправляла новую челюсть. В Музей заходил Трутовский, говорил, что его не пустили в Константинополь. В воскресенье похоронили талантливую артистку Малого театра Лешковскую.

17 (4) июня. +8°. Дождь. Получил открытку из Харькова от Л.В., едет благополучно. Вопрос о директоре Музея входит в новую фазу: называют Волгина[65]. Приходил ко мне Щекотов, беседовали о наших делах в Музее; видел Л.И. [Воронову], она вчера была у секретаря Троцкой, где встретилась с Пономаревым, с которым имела крупное столкновение по поводу отказанного ей кредита; по ее словам, Пономарев обещал ей кредит. Заходил Никольский, я ему передал статью о В. Андрееве с дополнениями.

18 (5) июня. +12°. Дождь. Получил от Л.В. из Ростова-на-Дону открытое письмо, едет пока хорошо. В Музее было заседание редакционного комитета, обсуждали вопрос об указателе к выставке XVIII–XIX вв., который хотят издать с многочисленными рисунками. Муралевич рассказал об отправке своей семьи в Батум; лишь только выехали из Новороссийска, началась качка, которой семья не вынесла, высадились в Сочи, деньги за билет до Батума пропали. Заходил после занятий к «Мюру», купил продуктов, фруктами торговать перестали. В 8 ч. поехал к Л.И. Вороновой проститься с ней: послезавтра уезжает с мальчиком под Каширу до ½ августа. Василия Сергеевича не было дома, пил чай, поел ветчины, свез ей торт, бутылку вина и 5 апельсин[12*]; мальчик ее, мой крестник, веселый, ласковый; в 10 ч. уехал. Без меня приходила О.Н. Чижова, просила замолвить словечко за ее сына, который поступает на медицинский факультет, перед Сергиевским или Мицкевичем.

19 (6) июня. +9°. Утром дождь. Утром переговорил с Сергиевским относительно поступления сына С.И. Чижова в университет; он посоветовал немедленно подать все бумаги в приемную комиссию и приложить к ним отзыв

[12*] Так у автора.

об ученых трудах С.И., что я и сделал, и отвез Ольге Николаевне. В Музее 2-й день вскрывают, осматривают и опять запечатывают агенты ГПУ ящики с имуществом царским (ящиков 12 или 13). Заходил в почтамт и на телеграф за справками: известий нет. Приехала погостить Адель Шмидт. В 5 ч. пошел к А.А. Карзинкину, сегодня его день рождения, обедал, за столом, кроме семьи, были Телешовы, было скучно, неинтересно и очень тоскливо на душе, в 7 ½ ч. я ушел домой.

20 (7) июня. +12°. День рождения жены. В 10 часов поехал в почтамт, где получил от Л.В. из Батума телеграмму о благополучном приезде. Прошел до Охотного ряда, купил компот, сухарей и т.п., оттуда заехал в Кубу, где получил удостоверение для Л.В. (мое еще не готово). Порядочно было народу; из близких были только Валя, Маша с детьми, потомства Нади не было; обедал Доля с сыном Митей; в 9 ч. все разошлись.

21 (8) июня. Воскресенье. Встал поздно. В 12-м часу я отправился в компании племянника жены Мити, Олега, Анюты (нашей прислуги) и ее племянницы Шуры в Зоологический сад; наплыв публики огромный, на **Б** не могли сесть, поехали на **А**, а от Никитских ворот пешком; заплатил по 50 к. с человека; смотреть животных было трудно из-за огромной толпы; в аквариум, где удавы, крокодилы и др., невозможно было войти, также к бегемоту была очередь, но мы пробрались, бегемота видели лежащим, он, вероятно, больной; хороши тигры, львы неважны, очень хороши попугаи; мои спутницы-крестьянки восхищались, все видели в первый раз в жизни. Встретил Машу с 2 детьми. Прочитал рассказы о Пушкине (издание Сабашникова); люблю все читать про Пушкина, какая была светлая и честная личность Пушкин; в книжке интересны примечания Цявловского, хотя не без натяжек; ему, т.е. Ц., очень хочется доказать, что Николай I был в связи с женою Пушкина, но доказательства неубедительны, хотя, зная Николая, можно было от него всего ожидать; но если бы Пушкин был уверен в неверности жены, что бы он сделал при его огненной натуре! Днем, без меня, заходил Н.П. Лихачев, жаловался жене на неприятности в его квартире… Вечером был другой Лихачев Александр Алексеевич, дальний родственник Н.П-ча, человек, как мне показалось, не в своем разуме; я поспешил его выпроводить. Вечером заходил Александр Андреевич Карзинкин с Аделиной.

22 (9) июня. +14°. Заходил в почтамт. В Музее получил от Л.В. 2 письма открытых, 2-е из Сочи, переезд с качкой, от которой Л.В. страдает. В Музее просмотрел перепечатанную в Оружейной палате (с ошибками) статью С.В. Бахрушина о кольчуге П.И. Шуйского. Кавказец принес стеклянную посуду конца XVIII – начала XIX в. Купил за 175 р. 18 стеклянных сосудов и 1 глиняный кувшин. Был на квартире Л.В., отдал Лар. Л-вне удостоверение на площадь комнаты, занимаемой Л.В. Лёля заболела кровавым поносом. Прислуга наша ездила в Мытищи, видела Аркашу, по ее словам, надежды на выздоровление нет.

23 (10) июня. +17°. В Музее у 2-х кавказцев из Дагестана купил около 60 штук стеклянной посуды, почти все русской, немного есть персидской; заплатил им в рассрочку с июля по сентябрь. Душный день, небо в тучах. Здоровье Лёли поправилось, понос прерван. Вечером гроза небольшая и дождь.

24 (11) июня. +16°. Приходили в Музей оба кавказца, заключили с обоими договор на покупку с рассрочкой посуды; подписать договоров не могли:

Пономарев весь день не являлся. Я занумеровал всю коллекцию; фигуры, орнаменты – все интересно, оригинально; возникает много вопросов, разрешить которые сейчас нет возможности по незнакомству с историей стекла в России и в других странах. Приходил Юрий Александрович Олсуфьев, ходил с ним в религиозный отдел. После 3-х ходил к Ел. А-не, долго держала меня с примеркой зубов, рассказывала о знакомстве с Верой, о смерти своего первого мужа, убитого в 1920 г. шальной пулей; интересуется историей Москвы, дал ей почитать «Старую Москву» Пыляева. Сегодня опять жаркий день. На душе тоскливо. Написал письмо Л.В. Вечером заходил старший сын С.И. Чижова Николай справиться, принят ли он на медицинский факультет; ответа я ему дать не мог. В Музей заходил Д.Д. Иванов (я его не видал) звать на чествование какого-то героя труда в Оружейной палате; идти, конечно, я не мог за недосугом.

25 (12) июня. +16°. Был утром в Кубу за удостоверением на площадь, не готово, отложили выдачу до 29. Купил для рабочих, живущих у нас на чердаке, примус завода Кольчугина за 8 рублей 30 копеек. В Музей заходила Н.А. Гринвальд, ездившая в Саров к преп. Серафиму; на днях уезжает в Уфимскую губернию к племяннице. Показывал верхние залы контролеру Наркомпроса Богомолову; он воспитанник Московского университета, словесник; провел его к Сперанскому, которого он слушал. Заходил П.П. Ефименко, проездом из С.-Петербурга в Украину, где хочет рыть; я был рад его встретить; внешностью он очень поправился. Слышал я, что артистка Ермолова помешалась на религии. День был душный.

26 (13) июня. +18°. Приехал из Петербурга и Новгорода А.И. Анисимов, видел в Новгороде экскурсию музейских дам, которою руководит Е.И. Силин; руководительством Силина Анисимов возмущен, говорит о ненаучности его объяснений и об антикварском подходе к иконам и т.д. Раздражительность Анисимова происходит, по-видимому, от язвы желудка. В Музей пришли: А.М. Эфрос, Н.Г. Машковцев и Ф.Ф. Вишневский, осмотрели серебро (ложки, вилки и т.п.), пригодное для продажи. После занятий заходил к «Мюру», купил жене мыла, одеколона, хлеба и т.д., поехал в почтамт, где получил письмо от Л.В. из Батума, из почтамта проехал на Арбат к Маше, отдал Е.А. свидетельство музейского месткома, что Таня живет на моем иждивении. Погода очень жаркая, улицы поливаются из водопроводов домов. Лёля уехала в Минск.

27 (14) июня. +16°. Пасмурно с утра, но днем сияло солнце, и было необычайно жарко. К 11 ч. поехал на заседание в Оружейную палату, снял оттиск на бумаге с мишени[13*] на кольчуге князя П.И. Шуйского, на ней ясно видны следы позолоты. Рассматривали вещи, ненужные Палате и отобранные для передачи в фонд; я отобрал для Исторического музея 4 вещи (костяной ларец, финифтяный по меди подносик, дарохранительницы и табакерку); на заседании Б.С. Пушкин читал об иконостасе из Алексеевской церкви Чудова монастыря; Н.Н. Померанцев сделал заявление, что слагает с себя заведывание за надзором соборов и старинных зданий Кремля вследствие нападок на него Машковцева в одном из заседаний Главмузея, на котором Померанцев, впрочем, не был; Д.Д. Иванов не без иронии отчитал докладчика и посове-

---

[13*] «Мишень» – накладной элемент кольчуги.

товал ему иначе относиться к людям; в результате Померанцев снял свое заявление об отставке. Мы все ходили осматривать чудесный Ризположенский собор, около Успенского собора, он маленький, но по вышине очень высокий, производит чарующее впечатление; фрески времени царя Михаила, иконостас поздний XVIII в.; постройка его конца XV в. Зашел к «Мюру», купил много провизии. Тоскливое чувство. В 7 ч. поехал в Донской монастырь, прошел на могилу С.Э. [Кафки-Викторовой], зашел в Малый собор к гробнице Патриарха; по-прежнему у него много цветов, службы не было, всенощная шла в большом соборе, пели 2 хора прекрасно, народу очень много, но до конца не достоял, очень устал и жарко как в храме, так и на воздухе; приехал домой в 9 ½ часа.

28 (15) июня. +16°. Воскресенье. Я слышал следующий рассказ, за достоверность которого не ручаюсь: В Париже был концерт композитора Рахманинова, в числе зрителей были представители советской власти, которых увидал Рахманинов, вышел на эстраду со словами, что играть отказывается, так как здесь представители власти, которая разорила его родину, слова вызвали взрыв аплодисментов, после которых представители советской власти покинули зал. В 11 ч. было общее собрание домового комитета, я оставался недолго, ушел в свою комнату; ко мне заходил в это время А.А. Карзинкин. Сегодня день рождения Адели Шмидт, которая приехала к нам погостить; пришел брат жены с сыном Митей, пришла актриса Милица Сергеевна Гай; завтракали и обедали на балконе; небо покрыто тучами, душно. Вечером приехали из Мытищ Леонид Степанович [Зворыкин] с Надей, мальчик очень слаб, надежды на выздоровление нет. Все разошлись около 10 ч. Пришли С. Орешников с Юзей.

29 (16) июня. +17°. Поехал утром в Кубу, удостоверение не готово; выйдя из ворот дома Кубу (Пречистенка, 16), вижу, сидит продавец папирос в картузе с надписью «Моссельпром», вглядываюсь – С.Ф. Салов, бывший товарищ председателя Московского окружного суда, я купил у него пачку папирос, он меня не узнал, я не решился напомнить о себе, так я был потрясен. Боже, как унизили нашу интеллигенцию! Из Музея поехал к Е.А.[Никитиной], чтобы подпилить челюсти. Получил 2 письма от Л.В. с прелестным описанием природы на Зеленом мысу. Заходил в Музей князь Щербатов, он получает квартиру в одном из корпусов Новодевичьего монастыря.

30 (17) июня. +16°. Умер от припадка грудной жабы в 4 ч. утра Н.П. Романовский; в последнее время его сменили, назначив коммуниста Кузьмина; неприятности по службе повлияли на его здоровье. Ему 30 лет, был симпатичный человек; во время следствия по поводу кражи в Музее сидел безвинно в тюрьме. В 3 ч. ходил с Малицким поклониться его праху. Был в Румянцевском музее, получал жалованье из Академии материальной культуры (50 р. 30 к.). Заходил В.А. Никольский, говорил, что написал пьесу «Мужичий царь», в которой обрисован по Костомарову 2-й Самозванец.

Июль 1925 г.

1 июля (18 июня). +18°. Получена телефонограмма с вызовом Бабенчикова и меня на завтра по делу № 717; какое это дело – я не знаю. В Музее дел было мало, сидел со Щекотовым, который нездоров, и болтал с ним. После 3-х поехал с Алисой Вильгельмовной Фюнер к арбатским дамам, застал одну

Екатерину Алексеевну и маленькую Машуру; Фюнер хочет ехать в Оптину пустынь и наводила о квартире и проч. справки. Тани еще нет. Был в Музее П.И. Нерадовский из Русского музея в Петербурге, показывал ему русские портреты XVII в., познакомил с Сергиевским, который познакомил его с задачами штатной комиссии. Погода стоит жаркая.

2 июля (19 июня). +18°. Рано, в 9 ¼ ч., пришел в Музей и сейчас отправился в храм св. Георгия на Моховой на отпевание Н.П. Романовского, пел порядочный хор; из музейских было много, почти одни низшие служащие; были: Малицкий, князь; на отпевание не остался, спешил к судебному следователю, куда к 12 часам приехал с Бабенчиковым; допрашивал меня около 1 ½ часов по поводу мены 1 и 11 декабря прошлого года ряда картин, ненужных Музею, на портреты Барышникова работы Тропинина, Голицына и Петра III у некоего Васильева; оказалось, что одна из картин работы Айвазовского «Переход евреев через Чермное море» была продана в Германию за 2000 р. Следователь Бороздин симпатичный человек. Любовался ballon captif[14*] в виде колбасы; привязан, кажется, на Красной площади. Около 6 ч. был сильный дождь с небольшою грозой.

3 июля (20 июня). +15°. Был утром в Кубу, где, наконец, получил удостоверение на площадь. Заходил в Музей И.А. Витвер, завтра едет в Батум, хотел быть у Людм. Вяч. Вчерашний допрос Бабенчикова длился до 5-го часа, допрос был на ту же тему, что и мой. Говорил с Надей по телефону: сегодня ночью умер после 5-месячных страданий малютка Аркаша; скажу откровенно, я не горюю о смерти этого бедняжки, хуже была бы его духовная смерть около такого человека, как его отец. Проходя по Красной площади, видел на площадке около храма Василия Блаженного лежащий баллон каптиф, имеющий форму колбасы, оболочка его алюминиевая; сбоку заметил рекламную надпись о подписке на заем. К обеду пришел Доля. В 8-м часу разразился сильный дождь и гроза, причем было удивительное освещение, ярко-желтое, которого я, кажется, никогда не видал.

4 июля (21 июня). +16°. Прочитал небольшие, отрывочные воспоминания Горького о Толстом; общее впечатление вынес о Л.Т., как о человеке, отрицательное, несмотря на похвалы, которые тут и там рассыпаны, но искренность Горького чувствуется. В 10 ч. поехал в Нескучный дворец, где в 11 ч. началось заседание Ученого совета Оружейной палаты под председательством Иванова; заведующий музеем мебели А.И. Батенин познакомил нас с составленным им «каталогом музея»; доклад его вызвал со стороны присутствовавших В.А. Никольского, С.З. Могрычева, Д.Д. Иванова и меня несколько замечаний, которые не приняты докладчиком; после мы прошлись по некоторым залам Музея с чтением описания этих зал Батенина. По окончании заседания Д.Д.И., В.А. Никольский, Могрычев, еврей (забыл его фамилию), приставленный к Палате, и я прошлись по Нескучному саду, который чисто содержится, полюбовались прекрасными видами и вышли к Калужской заставе, прошли к железнодорожному мосту через Москву-реку и сели на той стороне реки на трамвай № 24; путь трамвая идет по берегу реки, с которого прекрасный вид на противоположный берег с парком Нескучного дворца, Голицынской больницы. Заехал к «Мюру», в почтамт,

---

[14*] Ballon captif (*фр.*) – привязанный воздушный шар.

где писем не получил. Надвигалась туча, но задела краем с небольшим дождем. Вернулась из Минска Лёля.

5 июля (22 июня). +19°. Воскресенье. Поехал в Алексеевский монастырь, простоял обедню, прекрасно пел хор слепых, прошел на кладбище, был потрясен при виде огромного числа разрушенных памятников, но разрушенных умышленно руками негодяев нового молодого поколения; мои могилы пока целы; сброшен с пьедестала каменный памятник доктора Гринвальда, отца Натальи Александровны. С тяжелым чувством я вышел из монастыря. На одном из закрытых храмов снят крест, развевается красная тряпка. Отправился на Арбат, Таня еще не приехала, посидел с ½ часа с Машею и детьми. Слышал, что Аркашу вчера в Мытищах отпели, а сегодня свезли в автомобиле на здешнее армянское кладбище; отец прибил красную ленту к гробу.

6 июля (23 июня). +15°. Болела ночью экзема. Из Музея телефонировал Нечаевым (говорил с прислугой) о хулиганстве на Алексеевском кладбище. Получил от Л.И. Вороновой письмо из Каширы с описанием их житья. Вернулись из поездки в Новгород и Псков все дамы из религиозного отдела с Е.И. Силиным во главе, рассказали много интересного и печального, последнее – гибель многих фресок и недостаток интеллигенции. Показывал 2-м американцам некоторые залы Музея (скифскую, греческих колоний) Albert Gallatin, другой Bashford Dean[66]; главная их цель – покупка русских древностей для американских музеев. Заходил к «Мюру». От Л.В. получил 2 письма.

7 июля (24 июня). +16°. Иванов день (Ивана Купала). Послал Л.В. телеграмму. Заходил князь, сказал, что жена Скорино выслана в Оренбурский край. Пономарев сообщил, что Музей мебели закрывается, хотя в субботу, когда я там был, ничего не было слышно. Заходил Олсуфьев, ходил с ним в религиозный отдел. Видел Бубнову[67], она написала довольно дельную статью о печальном положении новгородских памятников (фресок, зданий, икон), которую хочет напечатать. М.В. Будылина рассказала мне о демонстративном отношении Е.И. Силина против А.И. Анисимова в Новгороде. Показывал представителям Главнауки вещи царской семьи, присланные давно из ВЧК после смерти семьи в Екатеринбурге; начали их описывать. Купил в Гуме алюминиевый кувшин за 4 р. 80 к. и такой же ковш. Была без меня Валя, говорят, посвежела. Дома застал Надю и Соню, приехавших с армянского кладбища с могилы Аркаши; Соня очень убита, сидит молча, на глазах слезы. На короткое время заходила Таня, вернувшаяся с дачи, вид ее мне не нравится, жалуется на боли в груди.

8 июля (25 июня). +16°. Был американец Дин (Dean) с женой, оба престарелые, очень симпатичные люди; принес превосходные фотографии с вещей Метрополитен музея в Нью-Йорке; вещи великолепные, но для Исторического музея не подходят: вооружения с XIII в. (чудные экземпляры), скульптура деревянная, большой вышитый орел (около 6 футов) двуглавый с именем патриарха Павла Константинопольского на груди, который он называет со слов профессора Успенского (какого?) орлец. Не совсем понимаю, для чего они меняют или продают такие чудесные предметы. Водил обоих в библиотеку, но долго оставаться не мог: пришли из Главнауки доканчивать опись царских вещей. Американцы ушли в Оружейную палату. Пономарев явился в Музей только во 2-м часу; ездил на дачу. Получил от Л.В. письмо № 6.

9 июля (26 июня). +16°. Утром заседание закупочной комиссии, куплено только 2 книги: немецкое описание войны 1877 г. и каталог музея Штиглица. В 11 часов отправился на заседание 3-х музеев: Исторического, Оружейной палаты и Музея изящных искусств, – которое происходило в канцелярии Музея, были: представитель Главмузея Машковцев, от Оружейной палаты Д.Д. Иванов, Гиацинтов[68] от Музея изящных искусств и я от Исторического музея; тут же присутствовали оба американца; обсуждался вопрос, могут ли музеи предоставить американцам что-нибудь из их дублетов, все вынесли отрицательный ответ. Из Музея мы 3-е (оба американца и я) вышли под сильным дождем, взяли извозчика и поехали в Московскую гостиницу[69], где они меня угостили зернистой икрой и чаем; из ресторана пошли в Исторический музей, где мельком поглядели иконный отдел (от иконы Ангела и Владимирской Божией Матери они в восторге); американцев отвел в рукописный отдел, а я занялся с представителями Главнауки, проверили вчерашнюю опись царских вещей. От всей суеты устал ужасно. Заходила в Музей Наталья Апполинарьевна, пригласила приехать в субботу в Новый Иерусалим. Вечером пришли Таня и Маша с обоими мальчиками (Машура уехала в Оптину пустынь), сидели до 9 часов.

10 июля (27 июня). +16°. В 10 ½ ч. я с американцем Дином поехал в Военно-исторический музей, дорогой застал нас сильнейший дождь, хотя мы ехали в пролетке и с зонтом, ноги от колен были промочены. В Музее показывал Вал. Ал. (фамилию забыл) и пришедший туда Арендт[70], отрекомендовавший себя как знатока оружия; в 1 ч. вернулись в Исторический музей, Дин занимался в отделе рукописей миниатюрами с изображениями воинов и т.п.; кроме того, я ему показал на иконах XV в. интересующие его изображения. Вышел в 3 ½ ч., и пока я переходил Воскресенскую площадь к трамваю, хлынул дождь, порядком меня измочивший, пришлось дома переменить белье. Слышал я от С.А. Детинова, что в Главмузее были большие неправильности и чуть ли не подлоги (подменяли картины), благодаря чему арестован А.М. Эфрос и грозит арест Машковцеву.

11 июля (28 июня). +15°. Утром пасмурно. Был утром у «Мюра», купил дамам (Е.П. [Богословской] и Н.А. [Баклановой]) шоколада и вафли. У «Мюра» же взял билет в жесткий вагон обратный до Истры за 1 р. 35 копеек. После обеда с поездом в 4 ч. 25 м. поехал в Воскресенск к Богословским, народу ехало масса. Через 2 ч. приехал на Истру, где меня встретил Михаил Михайлович, сели на извозчика и по пыльной улице приехали на его дачу, где нас встретили его жена Елизавета Петровна и Н.А. Бакланова, закусили и отправились погулять. Вид с их дачи прекрасный, большие дали, лес; мы прошли в лес, и, вернувшись, пили чай и в 10 ½ ч. легли спать; я спал в комнате с Мих. Мих. Семья эта превосходные люди, М.М. интересный собеседник.

12 июля (29 июня). Воскресенье и Петров день. Прекрасная погода. Я проснулся в 5 ½ ч., М.М. еще спал, подождал, пока он проснется, мы встали, хозяйки напоили нас чаем с хлебом и ветчиной. В 9-м часу я и М.М. пошли к обедне в село Никулино, которое видно с их террасы, ходьбы ¾ часа; церковь деревянная, века XVIII, внутри неинтересна, пели девочки. Вернулись в 1-м часу, подождали приехавшего из Москвы С.К. Богоявленского с женою Марьей Михайловной, сестрой Мих. Мих., сели обедать и отправились в длин-

ную прогулку в лес, сидели около дороги на срубленном дереве; разговоры были интересные на исторические темы, вернулись к обеду, где выпили подаренную мною бутылку превосходного красного вина, к 8-часовому поезду пошли на станцию Новый Иерусалим, провожали М.М. и Н.А.; Е.П. осталась. Устал я очень, исходил, по нашему подсчету, верст 11, да по солнцу. В поезд на ближних к Москве станциях насело огромное количество народу. Со мною в Москве приключилось следующее: я сел ошибкою на № 9 у вокзала, думая, что он едет к Сухаревой башне, вагон же шел в Останкино, я соскочил на ходу, когда вагон замедлил ход, но все же упал, разбил нос, потерял много крови, но боли особенной не ощущал.

13 июля (30 июня). Кровь из носа шла немного утром дома и в Музее. Заехал на почту, получил №№ 7 и 8[15*]. В Музее всем рассказал о своей поездке; Валентина Ивановна [Попова] поднесла мне кровоостанавливающую вату. Получил от Dean'а благодарственное письмо. Дел в Музее было мало, чему был рад, так как от ушиба болела левая часть лба. Муратова много и долго рассказывала о столкновении Силина с Анисимовым. После занятий заехал в почтамт, оттуда сел на **А**, разразилась сильная гроза с ливнем, чтобы спастись от дождя (зонта у меня не было), из вагона пробежал к Карзинкиным. Александр Андреевич еще не вернулся, просидел с час, пока дождь не перестал, пил с Соней и Аделиной Антоновной кофе.

14 (1) июля. +16°. Кровоподтек под левым глазом сделался синим, совестно выходить без повязки. Показывал иконы вдове поэта Блока Любови Дмитриевне Блок, урожденной Менделеевой, и 2 сестрам Евгении и Вере Федоровне Книпович[71]. Был из Музейного отдела Вайнер, осматривал вещи, не имеющие музейного характера. Получил от Л.В. письмо, хочет возвратиться из Батума на Тифлис, через Военно-грузинскую дорогу. Аделя Шмидт в бедственном положении, не обедала 4 дня, послал ей 10 р. По совету одной музейской служащей стал мазать кровоподтек восковой мазью. Вечером у жены был доктор, нашел ее общее состояние хорошим.

15 (2) июля. +13°. Утром послал телеграмму Л.В. Получил 10-е письмо. Дел особенных в Музее не было; приходила ко мне публика, большею частию неинтересная. После 3-х был у зубного врача Ел. Ал., она подчистила нижнюю челюсть, которая меня беспокоила. Вечером заходил брат жены с сыном Митей, принес посмотреть издание «Durch ganz Italien» с 2000 рисунками видов и памятников Италии.

16 (3) июля. +11°. Заехал утром в булочную в Кудрине, оттуда в Музей. Был В.П. Пожидаев[72], приехавший с Кавказа из Владикавказа, где он читает этнографию Кавказа; он интересуется тамгами и знаками, преимущественно древними; я ему показал знаки на ольвийских львах[16*], на бронзовых бляшках из Керчи, на керченских надгробиях и т.д.

17 (4) июля. +12°. В Музее дел было мало. Вел беседу с Е.П. Муратовой, которая попросила подняться к ней; по ее словам, в Музее много интриг, в числе интриганов она считает Е.И. Силина, который подкапывается под Ани-

---

[15*] Имеются в виду письма Л.В. Кафки.

[16*] Имеются в виду, вероятно, найденные в насыпи кургана на территории Ольвии надгробия в виде львов из светло-серого мрамора (VI–V вв. до н.э.), покрытые более поздними сарматскими тамгообразными знаками. С 1876 г. надгробия хранятся в Эрмитаже.

симова, а также в сообществе с[17*] Моргуновым[73] из Третьяковской галереи под Щекотова (?); я ее выслушал, но не отвечал. После занятий покупал с В.И. Поповой нансуку жене на рубашку и себе на рубашку и кальсоны. Вечером заходила внучка Маша; Таня уехала в Клин.

18 (5) июля. +11°. Дождь. В 11 ч. поехал в Зоологический сад (теперь его будут звать Зоологический парк) посмотреть тех зверей, которых в прошлый раз, за многолюдством, трудно было рассмотреть. Встретил П.К. Вощинина, с которым пошли вместе; он дал интересные объяснения о многих животных. Гиппопотама, к сожалению, нельзя было видеть: он лежал в воде. Американские страусы сидят на яйцах, причем сидят самцы исключительно, их 2, у каждого по 12 яиц. Оба удава помещены в стеклянный павильон, вроде оранжереи (туда не пускают, можно змей смотреть через стекло, но мы прошли); один удав, меньший, меняет кожу, лежит в воде, другой лежит, свернувшись, он с тех пор, как съел поросенка в 30 фунтов, 6 недель назад, ничего не ест, у него живой кролик, но он его не трогает. Хищники очень хороши, но львы спали, а превосходные тигры играли, как кошки. Смотрели выводков павлинов, цесарок и проч. Зашли в ресторан, я взял ветчины, которую есть не мог, а П.К. варенец. Из сада заехал к «Мюру», купил 6 тарелок по 43 копейки, сахарницу за 1 рубль 80 к. После обеда отправился в 6 ч. к князю на его новую квартиру в Новодевичьем монастыре; он занимает с прислугой маленькую комнату, бывшую келью, в заднем корпусе в правом углу монастыря. Князь меня встретил у ворот, прошли мимо могил Уваровых, Щербатовых (его отца и матери и др.); он обедал, я поел только пирога с малиновым вареньем и пил чай; пришел Сорокоумовский[74], Скорино, сообщивший, что его жену сослали в Актюбинск, куда он собирается поехать. Князю я привез торт от «Мюра». В 9 ¼ я ушел. Грустное впечатление производит житье среди могил; хотя некоторые памятники повалены, но, в общем, впечатление хорошее; у некоторых могил горят лампады. Вечером была ясная, свежая погода.

19 (6) июля. +16°. Воскресенье. Встал поздно. Поехал в Алексеевский монастырь, беспокоясь за целость могил; мои пока все в целости; тяжелое тоскливое чувство на душе; пошел в храм, пение слепцов было прекрасно, после службы стало легче. Дома застал А.А. Карзинкина, только что вернувшегося от доктора Трояновского, завтра с женою уезжает в Узкое на 2 недели. Часов в 5 пришел В.Д. Блаватский[75] из Музея изящных искусств (занимается античной керамикой), принес письмо к Фасмеру; беседовали с ним по разным вопросам античного искусства. Пришла Танюша, потом Вл. Вс. Всеволожский с братом жены, тип старого барина; все ушли в 10 часов.

20 (7) июля. +15°. Получил письмо от Л.В. от 12 июля. В Музей приходил финский ученый Тальгрен[76] с молодым студентом. С В.И. Поповой говорила по телефону из Нового Иерусалима Наталья Аполлинарьевна, спрашивала о моем падении с трамвая (она узнала об этом от одной нашей сотрудницы). Получил из Академии материальной культуры жалованье 50 р. 30 к., которое принесла из Румянцевского музея С.В. Штранге. Дела театральные плохи, все актеры бедствуют; живущий временно у нас Генни запил; П.С. Рожицкий попросил у меня рекомендательное письмо к Васе

[17*] Далее зачеркнуто: «(забыл с кем)».

Сахновскому как к режиссеру кинематографической фирмы «Русь», который, может быть, даст ему место действующего лица в какой-нибудь картине. Вечером ко мне пришел В.Н. Морозов (антиквар), принес показать серебряную с позолотой булаву, расчеканенную сценами из жизни короля Яна Казимира; булава поддельная; это обескуражило антиквара, приобретшего ее в собственность за 100 р.

21 (8) июля. +14°. Праздник Казанской Божией Матери, отмененный большевиками. Занятий в Музее было мало. С Марией Васильевной Будылиной долго беседовал о Е.И. Силине, которого она считает хитрым человеком и интриганом; она уверена, что его поездка с сотрудницами религиозного отдела была целью повредить Анисимову; то же говорила мне Е.П. Муратова, которую М.В. считает также хитрым и двуличным человеком. В Музее был Тальгрен, с ним занимался Д.Н. Эдинг. Ольга Ивановна Леонтьева увезла сегодня сына Олега в Дорогобуж, где обещал его принять на воспитание какой-то парикмахер. Чего от бедности не сделаешь! Жаль мне обоих. Вечером был К.В. Крашенинников, вспоминал о своем путешествии на Кавказ в прошлом году, бранил Батум и Сухум. Крашенинников подтвердил слух, что Музей передает здравотделу, где он служит[18*]. Болит экзема, особенно ночью. Чувствую большую слабость, вечером даже читать не могу.

22 (9) июля. +16°. В Музее дел было мало, но суетни много. Были 3 японца, из них только один говорил по-английски, остальные только на своем языке; я попросил М.В. Будылину показать религиозный отдел, который она знает, остального Музея она не знает; кроме верхнего этажа она ходила с ними на Красную площадь к церкви Василия Блаженного; обратила их внимание на гробницу Ленина, они остались равнодушны. При расставании японцы подарили М. В-не 2 шелковых носовых платка, что ее ужасно смутило. Прилежаеву (или Пожидаеву?) достал фотографии с 2-х керченских надгробий, на которых под греческими надписями высечены непонятные знаки, с которых он переснял для себя фотографии; с оригиналов (оба надгробия принадлежат Историческому музею) снять было невозможно вследствие облачности. Получил от Л.В. письмо от 15 июля. Вечером приехала из Мытищ Надя и пришла Вера Дмитриевна Бакланова. Читаю «Москва и Запад в XVI–XVII вв.» С.Ф. Платонова.

23 (10) июля. +17°. Чувствую сильное недомогание; в Музее все время сидел. Приходила Елизавета Петровна Богословская, просила приехать к ним в Новый Иерусалим в субботу; обещал, если буду здоров. Пономарев сказал, что Главнаука обязывает сделать опись серебряной кладовой под наблюдением Ларикова. После 3-х отправился обедать к Тане, свез им всякой всячины съедобной; с трудом досидел до 6 ч.; обедали А.А. Андреева, Б.А. Диатроптов, Маша, Алеша и Ерик (норвежец). Таня проводила до трамвая. Принял хины. Лег в 7 ½ ч.

24 (11) июля. +17°. Спал хорошо, недомогание стало меньше. Дел в Музее было мало; фотограф Ал.Вл. Лядов снимал для американца Дина иконы. После 3-х зашел к «Мюру», взял билет до Нового Иерусалима (обратный) за 1 р. 35 к. Был у Ю.А. Флоренской[77] (по поручению Л.В.), отдал снимок с иконы Ангела. Приехал И.А. Орбели, привез письмо Зографа, но я его не видал:

[18*] Так у автора.

был в религиозном отделе, он ушел на заседание. Вечером заходила Танюша, очень удивилась, застав меня на ногах.

25 (12) июля. +19°. Получил письмо от Л.В. от 17 июля. Купил у «Мюра» провизии, погода жаркая. Был Орбели, беседовали часа 2, немного закусили. С поездом 4 ч. 25 м. поехал в Воскресенск к Богословским; слез на Истре, взял за 50 к. извозчика, дорогою встретил идущего М.М., и мы вместе пошли; милые Елизавета Петровна и Наталья Аполлинарьевна радушно меня встретили, мы никуда не ходили; была на короткое время Евгения Степановна Радченко (жена Шнеерсона); в 10 ½ ч. легли спать.

26 (13) июля. Воскресенье. Выспался прекрасно, после 8 встали, после чая в 9 ч. пошли в собор г. Воскресенска к обедне, пел недурной хор, но народу было немного. Из Москвы к Богословским приехали гости: М.Д. Чичагова, М.К. Любавский, С.М. Богословский, брат М. М-ча, с сыном доктором и С.К. Богоявленский, с террасы никуда не ходили, только мужчины ходили купаться. Погода жаркая, сбиралась гроза, но прошла, немного было дождя. С поездом 8 ч. мы все уехали, нас все провожали. Поезд был переполнен, ехавшие комсомольцы вели себя вызывающе, пели отвратительные песни, кричали и т.д. Дома нашел Колю Бруни, приехавшего из Кашина, где он писал портрет Калинина для Петербурга; пришла Зоргаген, в 12 я ушел спать. Без меня приходил Н.Б. Бакланов, оставил записку, чтобы я завтра явился в 9 ½ ч. в Главнауку к Петрову[78]. Н.А. Бруни постарел, но мало изменился; он посетил могилу своего убитого сына Димы на Лазаревском кладбище.

27 (14) июля. +15°. Утром поехал прямо в Главнауку, где состоялось заседание в 10 ч. 30 м. (вместо назначенного в 9 часов 30 м.) под председательством Ф.Н. Петрова в присутствии Н.И. Троцкой; из музейских были Бакланов и Сперанский. Пономарев прочитал доклад о реформе Исторического музея, в котором провел идею дать иное освещение всем отделам, другими словами, всюду должен быть марксистский подход, религиозный отдел должен служить пропагандою антирелигиозному направлению; его поддерживал Пенкевич, возражали, но слабо: Бакланов, Эфрос, Машковцев и Троцкая. Петров вел заседание недурно, беспристрастно. Решено избрать комиссию по разработке новой программы устройства музея и пригласить ученых с марксистским направлением: Рожкова, Невского[79] и др. осенью, и разработка продолжится не менее года. Все это, особенно единоличное выступление Пономарева без совета с сослуживцами, произвело на меня отвратительное впечатление. Около 1 ч. мы ушли, я зашел со Сперанским в погребок в Охотном ряду, где съели по тарелке щей, куску солонины и выпили стакан чаю. Получил в Музее от Л.В. письмо от 20 июля, собирается 27, сегодня, выехать в Тифлис. Общее впечатление, полученное от Пономарева, что это карьерист, во что бы то ни стало желающий пройти в директора Музея. Коля Бруни показал мне набросок портрета Калинина, сделанный пастелью; портрет мне очень понравился. Мы беседовали, должен ли русский художник писать портрет лица, которого он считает врагом родины.

28 (15) июля. +16°. Не могу освободиться от скверного впечатления от вчерашнего заседания. Как противен этот езоповский язык, который привился у нас! С другой стороны – что поделаешь? Если будешь говорить искренним языком – очутишься в ГПУ. В Музей приносили костяной кружок с резным изображением апостола Андрея, вставленный в медную раму конца XVIII в.

с нарезною надписью, что это резьба Петра Великого, пожаловано государем забыл кому; М.В. Будылина рассказывала, как вчера водила немцев по Кремлю; один из них к ней обратился с вопросом, сколько она получает жалованья, где училась; сопровождавший экскурсию коммунист запретил вести частные разговоры; подошедший русский рабочий попросил перевести иностранцам хвалу Республике за то, что она сделала для Кремля, цари же ничего не делали; сопровождавший немецких рабочих еврей перевел; М.В. заметила из расспросов, что немецкие рабочие не очень верят официальным показаниям, а с частными лицами им не дают говорить. Заезжал к Е.А., починил сломавшуюся пружину зубов. После обеда Н.А. Бруни и я поехали в Донской монастырь, прошли к могиле Патриарха, народу никого не было, собор стали запирать; у гробницы много цветов. Посетили могилы убитого келейника патриарха Полозова, С.А. Муромцева, я прошел к могиле С.Э.[Викторовой-Кафки], крест еще пока не свалился. В 9 ч. были дома.

29 (16) июля. +18°. Большую часть дня в Музее провел в разборке и приеме вещей из Военно-исторического музея, преимущественно серебряных вещей разных полков (посуда, подносные предметы, оклады с икон), отбирал из них нужные для Музея, коих оказалось немного, около 10, остальная масса пойдет на продажу. От механической работы очень устал. Молоденькая барышня, работающая [со] старыми русскими портретами до XVIII в. (забыл ее фамилию), поднесла мне прекрасный букет цветов, не полевых, а садовых. Вечером беседовал с Н.А. Бруни, вспоминали, какое тяжелое время пережили и переживаем. Днем была гроза.

30 (17) июля. +16°. Днем был дождь. Получил от Л.В. письмо от 22 июля, по ее расчету, приедет в субботу на этой неделе. Пономарев назначен директором Исторического музея, в члены правления: Сергиевский, Бакланов, С.П. Григоров, Мицкевич и еще 2-е, забыл их фамилии (кажется, Лукин[80] и Гордон), оба коммунисты. Пономарев в длинном рассказе нарисовал свою научно-служебную биографию, затем, как мне показалось, чтобы ослабить неприятное впечатление, произведенное его докладом в Главнауке, он оправдывал свое предположение дать всей научной работе Музея марксистское направление, которое для XVII в. и ранних веков немыслимо, также не намерен в религиозном отделе вести антирелигиозную пропаганду (журнал «Безбожник» мы выставлять не будем) и т.д. Сказал еще, что хочет меня предложить в депутаты на 200-летний юбилей Академии наук, но я отказался (у меня нет подходящего костюма). Записывал вещи из Военно-исторического музея музейного характера. После 3-х заехал в булочную в Кудрине и домой.

31 (18) июля. +14°. Вторую половину ночи не спал: болела экзема на правой ноге. Получил от Л.В. письмо от 22 июля и телеграмму со станции Минеральные Воды, что завтра с поездом в 6 ч. приедет с Казанского вокзала. В Музей приходил Н.А. Бруни, показал ему наши лучшие иконы, он в восхищении, особенно от иконы Владимирской Божией Матери. Утром был в Козьмодемьянском переулке, ныне Старосадский, на Маросейке, в квартире профессора Святловского[81], которого не было дома, осматривал золотые вещи, сосуды из стекла и глины; лучшие предметы: золотая обоймица и чернофигурный кратер – сомнительны. Пришедшему ко мне Харько[82] из Музея изящных искусств, который указал это собрание, я высказал мое отрицательное о них мнение, Р.Р. Фасмер сегодня в последний раз занимался испехбедами, уезжает в Петербург; в первый раз пришел 9 июня.

Август 1925 г.

1 августа (19 июля). +16°. В 10 ½ ч. отправился в Оружейную палату, где состоялось заседание Ученого совета по покупке предлагаемых вещей: перстней, каменной иконки, резного образка св. Алексея на лале[19*] и проч.; после заседания В.К. Клейн показывал великолепное собрание тканей, исключительно почти в облачениях и их частях; едва ли в Европе найдется такое чудесное собрание. После пошли в зал, где начали развешивать гобелены. Н.А. Бруни уехал в С.-Петербург, к сожалению, я его уже не застал дома. К 6 ч. отправился на Рязанский вокзал, поезд пришел в 6 ч. 25 м.; Л.В. приехала в жестком вагоне, немного похудела, загорела; я ее проводил на извозчике (3 р.) домой, попил с нею чаю; она привезла мне ½ бутылки коньяку и фес гранатового цвета; от своего путешествия она в восторге, наибольшее впечатление произвело на нее море.

2 августа (20 июля). +20°. Встал поздно. Воскресенье, Ильин день. Прочитал книгу С.Ф. Платонова «Москва и Запад в XVI–XVII вв.». Написана прекрасным языком; очень хороши характеристики некоторых деятелей XVII в.: князя Хворостинина, Дионисия, Ртищева, Ордын-Нащокина. Но той «крепости», связи Московской Руси XVI–XVII вв. с Европой, какую видит автор, я не нахожу. Автор старается ослабить влияние Петра на сближение с Западом, с чем я согласиться не могу. Приехал из Минска Н.М. Гайдуков. В 2 ч. поехал к Л.В., обед она приготовила дома (суп с цветной капустой и грузинское блюдо «лоби» – фасоль с крутыми яйцами); пили чай, около 7 ч. поехали в Донской монастырь, были на могиле С.Э., крест же с могилы отчима Л. В-ны неизвестно кем снят; в 9 ч. были дома. Л.В. показывала срезанные ветви и листья с представителей роскошной флоры Батума. Какое удивительное разнообразие растений культивируется в этой благодатной местности! Около 10 уехал домой. От 4 до 6 была небольшая гроза. В мое отсутствие у нас была Танюша с Алешей; в Москву приехала внучка Аня с дочкой Агнией, которая серьезно больна.

3 августа (21 июля). +16°. Утром был свидетелем дома отвратительной сцены: жена бывшего председателя домового комитета Клименкова ворвалась с криком в комнату моей жены, которая еще не вставала, говоря, что наша прислуга бросила соли в дверь ее комнаты, что означает ссору (?); я едва удалил расходившуюся бабу; жену все это очень расстроило... В Музее утром показывал в религиозном отделе лучшие иконы М.Д. Езучевскому, М.М. Лосевой и А.С. Беляеву; Миша нашел в иконе Архангела итальянские черты; в иконе Сошествия Св. Духа что-то джоттовское; замечания М.Д.Е. относительно некоторых икон мне очень понравились их меткостью. Щекотов прислал записку показать сотруднику Третьяковской галереи наши портреты парсунного письма для выставки в память 200-летия Академии наук, которые галерея будет просить у Музея. Заходил А.А. Бахрушин, передает нам архив рода Бахрушиных. Пришла в 2 ч. Л.В., после 3-х мы прошли за провизией в Охотный ряд, через Кудрино я вернулся домой.

4 августа (22 июля). +16°. В 11 ч. пришел Роман Васильевич Лариков с Н.Д. Гагариным (оба от Главнауки); смотрели снаружи 13 запечатанных ящи-

---

19* Лал (перс. *lāl*) – рубин.

ков с вещами царской семьи и ящик (раскрытый) с мелкими вещами бывшего царя и семьи; Лариков сказал, чтобы все вещи взять в собственность Исторического музея. Заходил Сосновский; я ему предложил купить серебро-лом, принадлежащее Музею, но по цене дороже казенной, т.е. дороже 12 к. за золотник. После 3-х зашел к В.Н. Морозову с тем же предложением. Днем был циклон, разогнавший тучи. Заходила Л.В. по дороге на Воробьевы горы; был Ю.В. Готье. Завтра день рождения Лёли, подарил ей 10 р.

5 августа (23 июля). Р. +14°. Утром произошел очередной скандал у пролетарских «дам» нашей квартиры. Как трудно жить с новыми типами нашей республики. В Музей пришел Айналов, показывал ему иконы. В 12 ч. уехал в фонд к Красным воротам, осмотрел монеты, от которых отказался в пользу Музея изящных искусств. Встретился с П.С. Воскресенским, давшим мне плохую аттестацию назначенного ревизора. Беседовал с Б.В. Прудниковым. В 2 ч. вернулся в Музей, куда пришла Н.А. Бакланова, я ей передал письмо Пономарева к М.М. Богословскому (об адресе Академии наук). После 3-х зашел на минуту к Танюше, передал ей туфли и письмо Л.В., которая утром заходила ненадолго в Музей. Днем приезжали поздравлять Лёлю Надя, Валя и приехавший из Севастополя Митя. В 7 ч. поехал к Л.В.; она ездила на платформу Очаково по Брянской железной дороге к Губертам, которые ей рекомендовали дачу, снятую ею (15 р. в месяц одна комната); уехал в 11 ч.; идет мелкий дождь.

6 августа (24 июля). +14°. Дождь. Занятий нет по случаю праздника Преображения по новому стилю, который верующими не празднуется. Случайно раскрыл академическое издание переписки Пушкина; не отрываясь читал часа 3. Какая легкость слога, сколько ума и остроумия! Как проигрывают письма Вяземского в сравнении с письмами Пушкина. Ездил к В.Н. Морозову по поводу продажи серебра Музея, он уклоняется из боязни, зашел к Кудиновой, она также отказалась. Встретил случайно Бухгейма, служащего в Румянцевском музее, пригласил меня к себе; занимает крошечную, но чистенькую комнату в Дурасовском переулке, посмотрел жалкие остатки его прекрасной библиотеки. Вечером было заседание жилищного товарищества, по обыкновению, бурное, со ссорами, руганью. Какие криминальные типы создала русская современность! Читаю «Жизнь пчел» Метерлинка; написана интересно; но можно ли доверять его антропоморфному взгляду на пчел.

7 августа (25 июля). +13°. Получено распоряжение из Главмузея о возврате из Исторического музея всех икон, принадлежавших Успенскому и Благовещенскому соборам в Кремле. Пришла Л.В., начала описывать серебряную кладовую. Заходил С.В. Бахрушин, я рассказал ему о музейских делах. В 3 ч. ходил с Л.В. закусить в ресторанчик на Тверской около Охотного ряда (2 блюда: суп с рисовыми кубиками и мясом и судак – 65 к.). После такого обеда был не очень сыт. Проводил Л.В. на Брянский вокзал: она поехала на дачу (станция Очаковка). Возвратился в автобусе, где встретился с графом П.С. Шереметевым; живет он в Остафьеве, в том же доме живет Луначарский; по словам П.С., он очень тактичен, любитель играть на бильярде, с которым П.С. иногда сражается. Около 9 ч. пошел к А.В. Морозову (Введенский переулок), который меня пригласил по телефону; за чаем А.В. и С.З. Могрычев (заведующий Музеем фарфора) сообщили мне, что коллекцию русских гравированных портретов в количестве около 7000 листов, собранную Алек-

сеем Викуловичем, было предложено Главмузеем передать в Музей изящных искусств, но передача не состоялась, хотели передать в Третьяковскую галерею, но там отдела гравюр нет, поэтому А.В. просил ходатайствовать о передаче собрания Историческому музею; я обещал сказать об этом Пономареву. Алексей Викулович подарил мне свое издание «Собрание портретов, издаваемых П.П. Бекетовым», составил С.П. Виноградов (М., 1913).

8 августа (26 июля). +18°. В 10 ч. отправился в Симонов монастырь, который обещал показать мне В.И. Троицкий; с ним я встретился на Таганской площади, и вместе поехали. Сойдя с трамвая у Симонова монастыря, прежде всего, я был поражен великолепными столетними вязами, растущими у стен монастыря. Он показал мне все, начав со старинного здания гражданской архитектуры, которое В.И. относит к 1485 г.; на стене верхнего этажа видны следы фресковой росписи: деревья, 2 птицы, но к какому времени можно их отнести, сказать пока невозможно; смотрели снаружи высокое здание в 2 этажа, называемое сушильней, низ он относит к XVI в. В первом здании он хочет устроить небольшой бытовой музей. Долго сидели в трапезной времени царя Федора Алексеевича; В.И. показывал чертежи монастыря и познакомил со своими соображениями относительно хронологии построек; все ново и несогласно с прежними датами. Осмотрели старый собор, его ризницу, лучшие вещи которой перенесены в Оружейную палату. Поднимались на «гульбище», устроенное при Федоре Алексеевиче; вид с него на Москву и на южную сторону с Коломенским и т.д. восхитителен. Начав в 11, кончили в 3 ч.; я очень устал, вдобавок, пришлось ехать стоя в трамвае (такая масса народа) до Театральной площади. Зашел за провизией к «Мюру», в 4 часа был дома. Видел на кладбище монастыря могилу с роскошным по материалу памятником А.П. Бахрушина с пустым местом на плите для имени его жены, недавно умершей, но похоронить ее на этом кладбище большевики не разрешили.

9 августа (27 июля). +14°. Дождь. Воскресенье. Читал Метерлинка. Написал по просьбе канцелярии Музея (кажется, для Главнауки) список моих печатных трудов. Изложил письменно полученные от Морозова сведения относительно его коллекции русских портретов; записку передам Пономареву как материал для разговора с Троцкой. Вечером пришла Танюша; к жене пришли Гекерн и Зоргаген. Слышал, что на С.А. Котляревского ночью в Проточном переулке (Новинский бульвар) напали грабители, раздели, изранили; его отвезли в больницу.

10 августа (28 июля). +14°. Дождь лил весь день. В Музее все время описывал серебро в кладовой с помощью Л.В.; заходила Нат. Ал., приехавшая неделю назад. В 4-м часу под проливным дождем ходил с Л.В. к «Мюру», оттуда через Кудрино вернулся домой. В Музей из Третьяковской галереи приходили описывать и измерять те портреты, которые возьмут на выставку.

11 августа (29 июля). +14°. Дождь. С утра до 2 ½ ч. при помощи Л.В. и Н.А. описывал кладовую. Купил для Музея интересный в бытовом отношении предмет: железный ошейник с длинными 4 шипами, надевавшийся заключенным; по словам продавца, крестьянина Рязанской губернии, ошейник крепостного времени, изготовлен был бурмистром для мужиков, посаженных в заключение. Часов в 6 разыгрался грандиозный скандал у нашего пролетарского населения, я присутствовал при начале, так как в 7-м часу отправился

к Л.В., где просидел до ½ 11-го; вернувшись домой, узнал, что Точилкин отправлен на ночь в 33-е отделение милиции за оскорбление жильцов.

12 августа (30 июля). +14°. Ночью в 4 ч. Точилкин выпущен из милиции. Как тяжело жить в такой атмосфере! Продолжаю описывать серебро. Дома, по случаю стирки, не обедал, отправился к «Мюру», где съел за 80 к. обед из 2-х блюд: малороссийский борщ с мясом и галантин (какие-то лепешки из рыбы с макаронами).

13 августа (31 июля). +16°. Продолжал описание кладовой с помощью сотрудниц. Приехал И.А. Витвер с Кавказа, где заболел тропической малярией, изменился, ослабел. Обедал в столовой (в начале Тверской) вместе с Нат. Ал. (обед 90 к.: борщ, пожарские котлеты). К 4 часам вернулся в Музей на доклад И.И. Полосина, который частью своими словами, частью по книге изложил ту часть «Записок» Штадена, где говорится о топографии города; объяснений своих не дал. После его доклада давали дополнения: М.И. Александровский[83], А.М. Васнецов, одна дама, Д.П. Сухов, я и другие, незнакомые мне, лица. Существенно комментировал положение Опричного дворца Александровский, который, вопреки Забелину, место его считает между Воздвиженкой и Никитской. Васнецов указал, что место, где сидели львы, было не ров около Никольских ворот, а около Воскресенских (Иверских), которые назывались Львиными. Я сказал, что необъясненное Полосиным «Ям» (он думает, это урочище) находилось на месте Губернского правления, где в XIX в. была тюрьма для должников – «яма». Народу было очень много; был С.П. Ордынский с женой Е.А.

14 (1) августа. +15°. Праздник 1-й Спас, отмененный большевиками. Утром в Музее говорил со Щекотовым о коллекции гравированных портретов Морозова. Щекотов сказал, что давно заявил претензию на них; по-видимому, Историческому музею коллекции не получить. Принялся за описания серебра, но был прерван телефоном из Кремля: Померанцев просил сдать ему все иконы, взятые из Успенского и Благовещенского соборов, я согласился, и с 1 ч. до 3-х были сняты со стен 35 икон, не отпустил я трех икон: Владимирской Божией Матери, Донской и главы Христа со златыми власами. Возвращению икон на их старые места я очень рад. Около 4-х пошел к «Мюру», где купил для Л.В. и Губертов шоколадной соломки, пату и вафель. Видел А.И. Соболевского, дал мне составленный им некролог графини П.С. Уваровой («Известия Российской академии наук»), который, по его словам, был 10 раз исправлен цензурой (например, выражение «перешла в другой мир» заменено «скончалась» и т.п.); А.И. сообщил, что Н.П. Лихачев единогласно избран в академики Российской академии наук; этому я очень рад, по своим знаниям он стоит больше многих других. «Жизнь пчел» Метерлинка не мог дочитать сплошь, конец просмотрел; много фантазии.

15 (2) августа. +16°. Занятий нет, большевики распорядились праздновать Успение по новому стилю, народ не празднует. Был в Третьяковской галерее, не видал ее много лет. С большим наслаждением прошелся по верхним залам, посмотрел на чудесные произведения Репина, Сурикова, Крамского, В. Васнецова; видел внизу комнату с чудовищными полотнами последних художников-футуристов; любовался чудесными этюдами Иванова (самой картины «Явление Христа» еще нет). Зашел в кабинет Щекотова, с которым побеседовал с ½ часа. Оттуда проехал в Охотный ряд, где купил фруктов.

Не видал верещагинских картин, которым прежде отведено было много стен в галерее.

16 (3) августа. +14°. Воскресенье. В 6-м часу утра была гроза. В 11 ч. приехал на Брянский вокзал, с поездом в 11 ч. 33 м. поехал в Очаково, приехали в 12 ч., меня встретила Л.В.; мы пошли по липкой дороге через деревню к ее комнатке в доме против часовни. Первое впечатление от местности, благодаря ненастью, было неблагоприятно, но после погода разгулялась, окружающая местность мне очень понравилась; мы пообедали сытными вегетарианскими блюдами и отправились к Губертам в той же деревне Очакове. Л.В. живет около церкви, где похоронен масон Шварц (предок А.Н. Шварца[84]). У Губертов 2 девочки (одна 2 ½ лет, прелестный ребенок); дома была Елизавета Петровна. Поздоровавшись, Л.В. и я пошли в близлежащую рощу – бывшее барское имение, но запущенное, посидели на пнях, полюбовались живописной местностью и к 3 ½ часам пришли к Ел. П., которая нас напоила чаем; к 6 ч. пришли в комнату Л.В. и в 7 ½ ч. поехали Л.В. и я в Москву. На станцию пришла чета Губертов и А.С. Петровский[85]; М.В. [Губерт] остался с детьми в Очакове, а мы все отправились в Москву; поезд был набит битком, пришлось Л.В. и мне доехать стоя в уборной! Заехал с Л.В. к ней в Кудрино, попил чаю и в 10 ч. был дома. Впечатление от проведенного дня прекрасное. Комнатка Л.В. крохотная, платит 15 р. в месяц.

17 (4) августа. +15°. Сегодня день рождения Л.В. (ей исполнилось 40 лет), который мы вчера отпраздновали. Сегодня начало зимних занятий, но сотрудников мало, отделы пустуют. Продолжал опись вещей серебряной кладовой при помощи Л.В., Н.А. и А.М. Бардыгина. Заходил А.С. Петровский взглянуть на икону Владимирской Божией Матери. А.М. Бардыгин мне привез просфору от пр. Серафима Саровского, куда он ездил во время каникул.

18 (5) августа. Утром шел дождь. В Музей заходил Ф.И. Прове, подарил несколько монет из своего собрания. Опись серебра продолжается. Зашел к Танюше, у нее была инфлуенца; видел Аню с девочкой Агнией, которая очень больна, худа, как спичка, доктор П.В. Кисляков[86] сказал мне, что надеется ее вылечить.

19 (6) августа. +13°. Праздник Преображения. В Музее продолжалось описание серебра. Мне передали, что дом Губернского правления, который нам давал специальные средства, отбирается от Музея, и я, таким образом, лишаюсь половины жалованья. После 3-х заходил с Л.В. в лабораторию на Никольской и за мылом. После обеда пришла Надя прямо от Тани, рассказывала, что домовый комитет очень теснит арбатских дам; читала письмо Веры, которая с восторгом описывает Прованс. В 6 ½ ч. поехал с Л.В., приятно беседовали до 11 ч., ушел от нее под порядочным дождем.

20 (7) августа. +11°. Ночью шел дождь. В 4 ч. утра заболел желудком, принял капель Иноземцева. В Музей пришла Н.А. Бакланова и сообщила ужасную весть: 3-го дня сын М.М. Богословского утонул в Салтыковке в Кучинском пруде; горю родителей нет границ; вчера в Музей заходила Елизавета Петровна, мать утонувшего, и не подозревала, что ее сына нет в живых. Тело привезут сегодня, завтра, вероятно, похороны. Как мне искренно жаль несчастных Богословских. М.А. Петровский мне передал слух, что расстреляна жена С.С. Игнатова. Более 550 номеров серебра разобрано Л.В., и ею и мною описано. Чувствую недомогание, после 3-х заехал с Л.В. к Кудиновой

и через Кудрино вернулся домой. Съел тарелку куриного бульона с крохотным куском курицы и лег в постель, проспав без просыпа 3 часа.

21 (8) августа. +11°. Проснувшись вчера в 8 ч., лег совсем в постель и спал до 5 ч. утра (всего спал около 12 ч.); недомогание прошло, но послабление желудка осталось. Пономарев сказал, что он хочет следующую неделю отдохнуть и полечиться, так как чувствует нервное расстройство, просит меня его заместить, на что я согласился. По телефону С.В. Бахрушин сообщил, что отпевание сына Богословских началось в церкви Троицы (угол Денежного переулка) на Арбате, куда я отправился; покойник утопал в цветах; издали видел родителей, но не подходил к ним; пели певчие; после литургии я уехал. Заходил Д.Д. Иванов, говорил, что власти хотят устроить выставку коронных бриллиантов, поэтому не может ли Музей дать помещение и витрины; после его ухода я переговорил с Сергиевским, в понедельник мы осмотрим помещение, и я дам ответ. Опись серебра почти окончена. После 3-х доехал на автобусе с Л.В. до Кудрина и домой. Пришла к обеду Надя.

22 (9) августа. +12°. Ночью болела экзема, плохо спал, читал «Генриха IV» (2-я часть) Шекспира. В 11-м часу поехал в Охотный ряд, купил баранок, сухарей, сыру для себя и для Танюши, к которой и проехал, застал ее с Машей и Аней; попил чаю; Таня прочитала мне письмо Оли и ее belle-mère[20*], из которых видно, что муж Оли ее покинул и женился на какой-то немке из буржуазной семьи; не везет Тане и Наде в их дочерях: у Тани – Оля, у Нади – Нина, ранее сошедшаяся с Горшковым, от которого имеет дочь Нину, а теперь сошлась, по словам Нади, с каким-то кочегаром на мытищинской водокачке, от которого будто бы беременна! Написал Зографу ответ на его 5 писем.

23 (10) августа. +14°. Воскресенье. В 3 ½ ч. ночи у меня было небольшое расстройство желудка, повторившееся утром со слизью с кровью. С поездом 11 ч. 33 м. поехал к Л.В.; в вагоне встретился с сослуживицей по Музею Ел.Мих. Поповой; в Очакове меня встретила Л.В.; зная мою болезнь, она позаботилась покормить меня подходящими блюдами (суп куриный с рисом, сухари с чаем). Около 3-х мы пошли на погост церкви, нашли могилу Ивана Григорьевича Шварца, умершего в 1784 г.; прошли в лесок, посидели на упавшем дереве; настроение мое было прекрасное, Л.В. прочитала мне некоторые свои мысли на тему о Боге, все это меня глубоко тронуло. Тревожила меня боль в желудке, появилась слизь с кровью (об этом я не сказал Л.В.). Заходил М.В. Губерт ненадолго. Погода к вечеру стала хмуриться, посвежело. В 7 ч. 34 м. я уехал, провожала до станции Л.В. Дома был около 9; в 10 ½ ч. лег спать. От американца Bashford Dean'а получил открытое письмо из Harrogate (в Англии).

24 (11) августа. +9°. Желудок стал исправляться. Административные обязанности очень меня утомили. Сергиевский по поводу выставки коронных бриллиантов предложил следующую комбинацию: если валютная комиссия наметит наш Музей, то предложить крайнюю залу религиозной выставки (где древнейшие иконы); мы туда ходили; действительно, при некоторых переделках – это очень подходящая комната. Успел записать еще кое-что из серебра. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил кетовой икры 1 фунт, так как очень голоден после нескольких дней умеренного поста. Приехала погостить Адель Шмидт.

[20*] belle-mère (*фр.*) – свекровь.

25 (12) августа. +10°. Административных дел было много, к счастью, резолюции писал Ю.В. Сергиевский. Третьяковская галерея принимала картины для выставки, из старых, допетровских, портретов взято 3: И.К. Нарышкина, стольника Годунова и Люткина. В кладовой записали еще кое-что. После 3-х пошел в Ряды (Гум), купил лампочек, пастилы, папирос (для Адели). Погода весь день хмурая и прохладная. Послал в Metropolitan Museum в Нью-Йорке Башфорду Дину снятые для него 16 фотографий в запечатанном конверте, на почте взяли 80 копеек.

26 (13) августа. +10°. Дел административного характера в Музее было много. Утром заходил Д.Д. Иванов, показывал ему ту комнату, которую можно, предположительно, предоставить валютной комиссии для драгоценностей. Одновременно пришел М.В. Губерт, принес письмо от Л.В., я ему показал икону Владимирской Божией Матери; с М.В. послал Л. В-не ответ. Музейская суета меня очень утомила. После 3-х зашел к «Мюру», купил колбасы и водки. Вечером заходил брат жены.

27 (14) августа. +8°. Административная суета в Музее продолжалась весь день. Заходил Д.Н. Егоров, отбирал для Румянцевского музея, т.е. для выставки в память 200-летия Академии наук, портреты и др. вещи. Купил коекакой мелочи для коллекции Музея. После обеда поехал ко всенощной в Новодевичий монастырь; главный храм заперт, служили в меньшем; священник в средине службы обратился к молящимся и заявил, что монастыря более нет, а вместо него обыкновенная приходская церковь; на меня такое обращение произвело грустное впечатление. В храме встретился с сестрой Б.К. Зайцева Татьяной Константиновной, сели и побеседовали с ½ часа. Домой приехал к 10 ч., шло заседание домового комитета, по обыкновению, очень бурное; я ушел в свою комнату.

28 (15) августа. +9°. Праздник Успения Божией Матери. В Музей на короткое время приходила Л.В. Купил для Музея: портрет А.И. Тургенева работы Соколова, портрет масона В.Я. Жигарева работы Клауха; 2 вида карандашом Петербургского вокзала Николаевской железной дороги, вид на Архангельский собор, акварельный рисунок Шумова 1830 г. Вернулся из поездки на Урал Н.Б. Бакланов. Мелких хлопот в Музее было много. Заходил С.З. Могрычев по поводу передачи Алексеем Викуловичем Морозовым Музею икон, переговоры ведет А.И. Анисимов. Дома большие неприятности: комнату, где жила Е.Н. Коссович, по суду передали нижним жильцам – Алексееву с Наташей, которые немедленно хотели ею завладеть, что им не позволили, произошел большой скандал, скоро прекратившийся. Другой, более крупный, скандал произошел в комнате Мусаткиных, кончившийся дракой и страшной бранью... Вот в какие невозможные условия поставила нас советская власть! А.А. Захаров подарил мне V-й том своего перевода Ферреро «Величие и падение Рима». При такой жизни читать решительно не могу, голова не работает.

29 (16) августа. Р. +11°. Утром, в 9 ч., отправился в Оружейную палату, где состоялось заседание Ученого совета; рассматривали вопрос о глобусе Ломоносова, который Румянцевская библиотека просит на выставку в память 200-летия Академии наук. Смотрел купленное Оружейной палатой шитье – 2 Архангела, Иисус Христос и Богоматерь типа Знамения – по мнению Клейна, XII в., византийской работы. На заседании были С.П. Григоров, Д.П. Сухов

и палатские сотрудники. В 1-м часу все пошли с Н.Н. Померанцевым во главе в Успенский собор; Померанцев показал, как размещены возвращенные образа; прошли в Петропавловский придел, где расчищены фрески конца XV в., писанные Дионисием; леса в соборе еще не сняты. Около 2-х я ушел. Мощи все запечатаны. Зашел к «Мюру», купил лохань и 2 сковородки. Дома переоделся и отправился к сестрам Поповым; все 4 сестры (Евгения, Ольга, Валентина и Татьяна) обедали, пили чай, ели виноград и груши, принесенные мною; в начале 9-го я уехал домой. Шел небольшой дождь. Без меня был музейский служитель Т.В. Майоров, принесший в подарок яиц, и профессор Д.Н. Егоров, оставивший записку, чтобы я завтра не ехал к Богословским: у них умерла няня, упавшая при известии о смерти их сына в обморок, затем заболевшая и скончавшаяся. Жена была в кинематографе недалеко от дома, куда ходила с Лёлей и О.И. [Леонтьевой] пешком. Заходила без меня Маша, сказала, что у Тани сильно болит голова, и Аня заболела воспалением легкого.

30 (17) августа. +13°. Воскресенье. В 1-м часу отправился к Танюше, свез ей сыру и плодов; у нее мигрень; Аня лежит, у нее воспаление легкого, но, по-видимому, ей лучше; пили чай; в 4 ½ ч. был дома, распростился с Н.М. Гайдуковым, уехавшим на 10 дней на Волгу с иностранными учеными. Вечером пришли: Сережа, Юзя со своим 4-летним племянником Казимиром.

31 (18) августа. +11°. Прочитал обе части «Генриха IV» Шекспира; какие яркие типы! Выйдя утром из дома, встретил около Сыромятников Н.Н. Шварцмана, едущего в автомобиле, он меня подсадил, и мы быстро доехали до металлсиндиката на Кузнецком мосту, где служит. Н.Н. Пономарев вернулся с дачи, но в 11 ч. уехал в Главнауку, так что пришлось возиться с бумагами по-прежнему. Заходил Д.Д. Иванов относительно выставки государственных драгоценностей, я ему советовал адресоваться к директору. Читал адрес Музея Российской академии наук, написанный М.М. Богословским, он несколько сух, но мне понравился. В кладовой кончали опись при помощи Л.В. и проч. Приехав домой, застал сестру Сашу, которую давно не видал, она очень постарела. В 7 ½ ч. приехал к Л.В., побеседовали до 10 ½ ч., пили чай. Уехал домой под дождем.

Сентябрь 1925 г.

1 сентября (19 августа). +11°. Дождь. В Музее продолжаются хлопоты с упорядочением кладовой. Серьезных дел нет.

2 сентября (20 августа). +9°. Перенес из серебряной кладовой все ящики с монетами в рабочий кабинет с монетными шкафами. Заходил С.В. Бахрушин, сообщил, что Богословские переезжают из Нового Иерусалима в Москву. Дома у нас была санитарная комиссия, осмотрела все комнаты. Послал письмо на английском языке (переводила М.В. Будылина) Б. Дину в Нью-Йорк, просил его выслать мне 24 р. 80 к. за фотографии.

3 сентября (21 августа). +9°. Всю ночь шел дождь. На заседании Ученого совета был прочтен адрес Исторического музея Академии наук, составленный М.М. Богословским; адрес был подписан присутствующими и вложен в кожаную папку, за которую заплатили 60 р. Протасов, Городцов и Топорнин прочли их отчеты о летних поездках. Л.В. освобождала монетные полки от

массы образков, которые собирал Зубов как предметы чеканки (?!). После 3-х проехал с Л.В. до Пречистенки, где она сошла, я поехал домой.

4 сентября (22 августа). +8°. Начал разбирать монетные шкапы Зубова; Л.В. отбирала портретные изображения, не имеющие отношения к монетам, они будут переданы в отдел иконографии. Продано серебра-лому в Московское ювелирное товарищество (мют) на сумму более 7700 р. Заходила Н.А. Бакланова, сказала, что М.М. Богословский очень страдает по сыне, жена его менее, в Петербург он едет на торжества Академии один. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», хотел купить перчатки, за множеством народа не добился; через Кудрино вернулся домой. Сегодня разбиралось у народного судьи дело о комнате, которую занимала Е.Н. Коссович, которую хотели занять Алексеевы; судья признал их иск недействительным, дело отложено.

5 сентября (23 августа). +13°. Память по Л.И., царство ей небесное. Вчера вечером арестовали живших в комнате Мусаткиных (нашей прежней залы) двоих, мужа и жену, специальность которых было воровство в трамваях, людных местах и т.п.; я их ни разу не видал, хотя они жили давно. Около 11 поехал к Танюше, по дороге купил деткам сосисок, сыру, хлеба; Аня все еще лежит; сидел более часа около Ани, пил чай; Таня себя чувствует не очень хорошо. К 6 ч. поехал к Н.В. Петрову, причастному к Художественному театру; он распродает всякую «старину», большею частию хлам, я отобрал кое-что для Музея; сидел у него более часа; после поехал к Л.В., сидел до 11 ¼ ч., закусывал, пили чай. Холодный вечер.

6 сентября (24 августа). +11°. Воскресенье. Ночью дождь. Утром заходил А.А. Карзинкин, звал к себе на именины. Была М.Н. Гусева с обоими детьми. Весь день сидел дома, читал. Очень недурное описание нашего Зоологического сада (Зоосад, как теперь называется), составленное специалистами, служащими там, между прочим, П.К. Вощининым; все очерки научны; рисунки не все удачны.

7 сентября (25 августа). +9°. Продолжали отборку из зубовских шкапов предметов, не принадлежащих к нумизматике: портретные изображения из меди, чугуна, латуни, образки и т.п. В верхнем этаже спешат к приезду гостей по случаю 200-летия Академии наук по устройству выставки бытовых предметов, начиная с эпохи Екатерины II до декабристов включительно. После 3-х ходил с Л.В. в книжный магазин, где она купила детскую книжку своему крестнику; через Кудрино я вернулся домой.

8 сентября (26 августа). +8°. Утром была закупочная комиссия (Сергиевский, Топорнин, Тарабрин и я), купили на сумму около 300 р. Отпускал в «Мют» серебро. Продолжалась разборка зубовской коллекции. После 3-х заходил с Л.В. в Охотный ряд, на Пречистенку, оттуда на **А** домой. В 6-м часу была небольшая гроза.

9 сентября (27 августа). +8°. Дождь. Стал записывать в книгу поступлений (прежний инвентарь) вчерашние покупки. Разборка зубовских шкапов продолжается. После 3-х ходил покупать с Л.В. готовое пальто demi-saison в начале Тверской, заплатил 60 р. Третий вечер заседает ревизионная комиссия, представитель РУНИ[21*]. Заходил К.В. Крашенинников, мне не пришлось сидеть в комнате жены, где он сидел.

[21*] Районное управление недвижимым имуществом.

10 сентября (28 августа). +8°. Иконы Владимирской и Донской Божией Матери и Спасителя унесены Померанцевым и Тюлиным в Кремль. Записывал все купленные вещи. Приехал С.Н. Тройницкий, рассказывал чудеса про Эрмитаж, открыто им еще 33 зала. После 3-х ходил с Л.В. в пассаж, где она себе купила шляпу.

11 сентября (29 августа). +8°. Утром дождь. Праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи, отмененный большевиками. В Музей зашел Тройницкий, он себя плохо чувствует, говорит – грудная жаба; я его попросил отобрать табакерки XVIII–XIX вв. для выставки, что он и сделал. Почти весь день отбирали и записывали серебро для выставки XVIII–XIX вв. Вернулись Бакланов и Пономарев из С.-Петербурга; Пономарев расшиб ногу, едва ходит. Получил по почте приглашение на сегодняшнее заседание юбилейной академической комиссии в Консерватории; решил не идти. Вернулся с Волги Н.М. Гайдуков, привез балык, икру. В 7 ч. проехал к Л.В., сидел до 10 ½ ч., беседовали, закусили грибами, сыром.

12 сентября (30 августа). +7°. Сегодня, несмотря на субботу, в Музее были все сотрудники, шли приготовления к открытию выставки XVIII–XIX вв. До моего прихода был в Музее избранный академик Лихачев, оставил мне брошюрку «Музей палеографии». Смотрел выставки XVIII–XIX вв. и просвещения в XVII в., устроенную Сперанским в отделе рукописей; обе выставки, особенно последняя, очень интересны. Из Музея ушел в 2 ½ (прочие остались), зашел в Охотный ряд, купил А. А-чу 1 фунт паюсной икры. Дождь идет с утра. Переодевшись дома, пошел к А. А-чу, обедал у него в обществе его, Аделины и Сони, позже пришли Телешовы, сын С.С. Карзинкина, священник, и еще несколько человек; ушел в 8 ½ ч.

13 сентября (31 августа). +7°. Воскресенье. Несмотря на праздник, все занимались в Музее, подготовляли выставку XVIII–XIX вв., которая будет открыта завтра на 1 день по случаю приезда иностранцев на юбилей Академии, а потом закроется до октября. За обедом ели блины; к обеду пришли: Б.Л. Исаченко, Л.Н. Зоргаген, Александрова (антр<опософка>), Н.М. Гайдуков и нас трое.

14 (1) сентября. +2°. Весь день ясная, но свежая погода. В 8 ¾ ч. утра я был уже в Музее; с помощью А.Б. Салтыкова и Л.В. перенесены были золотые табакерки, украшения и проч. из кладовой на выставку, которая совсем готова, но ожидаемых иностранных ученых пришло всего несколько человек, приходили поодиночке; зашел Н.П. Лихачев в приподнятом настроении от избрания в академики и чествования здесь; познакомился с Бузескулом[87]. В 3-м часу принесенные драгоценности я унес с выставки и спрятал их до открытия выставки в октябре. Из Музея через Кудрино вернулся домой, где застал Валю с Таней; Валя сообщила, что вчера в Мытищах Нина без помощи акушерки родила мальчика; кто отец ребенка, я не знаю, говорят, какой-то рабочий с кочегарки. Какое тяжелое время! Слышал, что академик Ферсман, при посещении учеными Гохрана, где им показывались коронные бриллианты, вел себя очень пошло: надевал на себя корону и т.п.; вообще о нем отзывы нелестные; мне он всегда казался симпатичным.

15 (2) сентября. +7°. Начали разбор одного из отделов нумизматической коллекции Зубова – отдел чеканных крестиков, образков, главным образом, польских, их тысячи! Справедлива поговорка, что всякий по-своему с ума

сходит. Разбираем их вчетвером: Л.В., Нат. Ал., Алексей Михайлович Бардыгин и я. Заходил Н.П. Лихачев проститься, рассказывал о вчерашнем обеде, данном большевиками в Благородном собрании; кормили и поили на убой, но речи были очень скучны. Записал в книгу поступлений Евангелие 1759 г., напечатанное на пергамене и нелепо разрисованное в 1845 г. (4 Евангелиста и безвкусный орнамент на полях каждой страницы).

16 (3) сентября. +7°. В Музее продолжалась разборка образков. Появился Пономарев, но говорить мне с ним не пришлось. В 3-м часу я отправился в Музей изящных искусств, говорил с Н.И. Романовым относительно передачи от нас 2 мраморных статуй из собрания графов Уваровых, относимых к Канове, и др. предметов; Романов мне показывал новые приобретения, между прочим, привезенную с Урала «Мадонну» Рафаэля («Madonna del Popolo») с подписью Рафаэля на крае одежды Богоматери; Романов думает, что только лики Богоматери и Младенца кисти Рафаэля, а Иосиф и прочее кисти Джулио Романо. Картина принадлежала прежде Демидовым Сан-Донато. Показал мне остальные новые поступления в картинной галерее. Посмотрел на великолепный бронзовый бюст Брюса или Якова Долгорукова работы Растрелли (из собрания Зубалова). Видел коптские ткани, обрывки лицевой рукописи V в. Музей произвел на меня прекрасное впечатление. Выйдя из музея, встретил Л.В., сели на **А**, где встретился с Ф.И. Шмитом, приехавшим из С.-Петербурга; зашли на Никитскую, оттуда пешком дошли до Кудрина, где я сел на **Б** и домой. После обеда, в 7-м часу, я поехал к Танюше, заехал в Охотный ряд, купил внукам сосисок, яблок и пр.; Таню застал больною, Аня все еще лежит, пришел доктор Н.Н. Селивановский, осмотрел больную, нашел, что воспаление разрешается, но в моче есть белок; посидел часа 2, пил чай.

17 (4) сентября. +6°. Разборка образков коллекции Зубова подходит к концу. Принесен на продажу небольшой портрет Герцена в молодых годах (около 1834 г.); изображает ли он Г. – иконографический отдел еще не решил. После занятий отправился с Л.В. к ней обедать, ели суп, баклажаны с рисом, выпили кофе; в 5 ½ ч. я ушел. В Музей заходил Н.А. Шнеерсон (из Нового Иерусалима), говорил, что был в Поречье, где еще остались произведения искусства: статуя Кановы, саркофаг, бюст Сенеки работы Гудона, 2 барельефа Торвальдсена и несколько других; все эти вещи будут перевезены по зимнему пути в Исторический музей.

18 (5) сентября. +7°. Дождь шел целый день. В Музее продолжается разборка ненумизматической части зубовского собрания. Заходила Анна Николаевна Лихачева, дочь Н.П., принесла продавать каменную (из змеевика) массивную китайскую печать, происходящую якобы из пекинского императорского дворца, где похищена во время боксерского восстания. После 3-х ходил с Л.В. к «Мюру», купил жене одеколону, через Кудрино вернулся домой. Н.М. Гайдуков уехал в Минск; он подарил Лёле 200 р. на шубу.

19 (6) сентября. +4°. Дождь. Часу в 11-м поехал к Танюше, застал там священника Н.А. Бруни; здоровье Ани улучшается; пил у них чай; от Тани прошел к М.М. Богословскому, они завтракали; М.М. мне показался бодрым духом, Ел. П., по-видимому, очень удручена; говорили о наших музейских делах, о юбилее Академии наук; по его словам, из приезжих иностранцев был только один настоящий ученый – Эдуард Мейер, прочие 3-й сорт; доклад М.М. был не допущен к чтению; пил у них чай с бутербродом. После зашел в

Третьяковскую галерею, посмотрел выставку портретов, есть интересные, но слабо представлена петровская эпоха. Слышал, что приезжавшие иностранцы заметили придавленность русской интеллигенции. Вечером был у Л.В., закусили отварными грибами, пили чай, в 11 ¼ уехал домой. К вечеру стало очень свежо, небо было звездное.

20 (7) сентября. Воскресенье. Встал поздно, утром ясно, на солнце +16°. В 11 ч. отправился в Охотный ряд за провизией; по случаю похорон Склянского[88] трамвай № 1 поехал не по Мясницкой, а по Садовой; у Сретенки я сошел, купил провизии на Сретенке, доехал до Театральной площади, откуда с № 1 вернулся в ½ 2-го домой.

21 (8) сентября. +4°. Рождество Богородицы, праздник, отмененный большевиками. Сегодня разбирал всевозможные трактирные, заводские, магазинные и т.п. марки; бляхи кондукторов, контролеров и т.д. – все это собрание в значительном количестве; какую сделать классификацию – затрудняюсь; многое придется выделить в отдел быта. После 3-х отправился с Л.В. к ней в квартиру, взял грибы, которые, по моей просьбе, она отварила в уксусе; привез домой, поел, грибы очень хороши. С сегодняшнего дня Маша и Яльмар стали учиться у Людмилы Вячеславовны.

22 (9) сентября. +3°. Сегодня мне исполняется 70 лет; все ближе и ближе приближаюсь к смерти; умереть не страшно, жизнь стала нетерпимой, но страшно оставить близких моих, которым я иногда бываю нужен. Купил в Охотном ряду груш и винограду, которыми угостил в Музее некоторых сослуживцев; Нат. Ал. не пришла по случаю нездоровья; Л.В. принесла (от себя и Н.А.) бисквитный торт с яблочным вареньем. Пономарев и Сергиевский заболели, не явились на службу. Заходил М.М. Богословский, Наталья Аполлинарьевна, сговаривались относительно заседаний разряда. После 3-х я проводил Л. В-ну до квартиры Нат. Ал. и уехал домой. К нам приехала погостить Адель Шмидт. Погода стала теплее: +12°. Вчера я перенес из кладовой, где серебро, в шкап, стоящий в зале заседаний, 3 металлических ларца с частицами мощей, доставленных в Музей из Кремля года 2–3 назад, и ящичек с частицею мощей (череп и ножные кости) преп. Саввы Звенигородского. Вечером приехали: Маша с девочкой и Лёшей, Надя, Леон. Ст. с Митей, Наташа с мужем, Ваня, С.С. Бровкин, Доля, Федя Бец, Валя; привезли цветов, бисквит, грибов, конфект и даже 1 бутылку «Абрау-Дюрсо»; в 10 ½ ч. никого уже не было.

23 (10) сентября. +8°. Продолжается разборка зубовского собрания, начали регистрировать литые медные, чугунные и т.п. портреты. После занятий прошел с Л.В. в пассаж, где она покупала шерсть; через Кудрино вернулся домой. Жена огорчена смертью котенка, умершего от чумы.

24 (11) сентября. +9°. Разбор зубовского собрания продолжается. Пономарев и Сергиевский после болезни пришли в Музей. Видел издали профессора Лукина, назначенного членом совета Музея. После 3-х отправился обедать к Нечаевым, где сидел до 7; беседовал с П.П. [Нечаевым], был К.Н. Горский и ненадолго приходил брат доктора – В.М. Нечаев.

25 (12) сентября. +9°. Окончили разборку и краткое описание металлических рельефных портретов собрания Зубовых из 400 номеров с небольшим. Из Главнауки явились трое, осмотрели снаружи 13 ящиков с предметами семьи бывшего царя и составили акт; я должен был присутствовать. После

3-х пошел с Л.В. к «Мюру», где купил крестнику Никите, сыну Л.И. Вороновой, материи на костюм. Через Кудрино вернулся домой. Несколько дней стоит летняя погода. Сегодня, 40 лет назад, умер отец; царство ему небесное.

26 (13) сентября. +9°. Вчера получил корректуру моей статейки для сборника Оружейной палаты «Фряжских резных дел мастер, серебреник и медальер конца XVII в.». В 10 ч. отправился к Л.И. Вороновой; предварительно зашел к «Мюру», где съел 2 пирога и купил для Л.И. печенья; в квартире ее не застал: она с мальчиком гуляла в садике около прежней Городской думы; с нею вернулись в квартиру, где она покормила мальчика, в автобусе мы поехали в фотографию близ Никитских ворот, где сфотографировали ребенка. Домой вернулись пешком, так как у Л.И. кружится голова от езды; дорогою у меня на руках ребенок уснул. Около рядов сел в автобус и уехал домой. Вечером был у Л.В., читали, пили чай. На Кудринской площади встретил С.С. Игнатова.

27 (14) сентября. Р<еомюр>. Воскресенье и праздник Воздвиженья Креста Господня. Встал поздно, +12°, облачно. С утра почувствовал сильное недомогание, боль в паху, озноб, лег в постель, спал до 3 ½ ч., принял аспирина. Вечером стало легче.

28 (15) сентября. +5°. Недомогание прошло, осталась слабость. Начали разбирать медали Петра I. Из Музея взяты 13 ящиков с вещами бывшего царского дома. После занятий я и Л.В. пошли к Вороновым, где обедали; обед состоялся ради именин моего крестника Никиты; мальчик очень милый, любит отца, который с ним очень трогательно нежно обращается; Василий Сергеевич напечатал книжку «Народная резьба», которую мне подарил. Около 7 я и Л.В. ушли. Вечером заходила Танюша, днем без меня была Валя, ее здоровье неважно.

29 (16) сентября. +7°. Утром дождь, хотя барометр стоит высоко. Разбираем медали. Приехал из С.-Петербурга племянник А.А. Ильина – Драке, рассказал, что в Эрмитаже в комнату, где хранятся драгоценности, забрался вор, похитивший 14 вееров с драгоценными камнями и через окно, по веревочной лестнице, скрылся. После 3-х поехал на именины к Л.В., туда пришли: Танюша, П.К. Вощинин, М.И. Сизов; обедали прекрасной кулебякой с рыбой и рисом и с икрой; мясные котлеты, цветная капуста и кофе с бисквитом; в начале 7-го мы ушли; я проводил Таню до квартиры, зашел на час, посидел с детками. Дождь лил весь день, к 5 ч. перестал, когда я возвращался в 9-м часу, сияла луна.

30 (17) сентября. +6°. День свв. Веры, Надежды, Любви, Софьи. Именины Нади и Веры. Занятий в Музее ни сегодня, ни завтра нет за то, что 2 дня (субботу и воскресение) мы занимались, готовя выставку для открытия ее в день юбилея Академии наук. Вчера в Музей заходил М.М. Богословский; сказал мне, что я в заседании Общества истории и древностей российских предложен в члены; я его сердечно поблагодарил за такую для меня честь. К 12 ч. приехал на Новинский бульвар, откуда с Л.В. поехал в Донской монастырь, где она служила панихиду по матери и сестре; посидели с ½ часа на кладбище, погода была отличная, оттуда зашли в оранжерею Нескучного дворца, где Л.В. купила 2 цветка ее приятельницам-именинницам; один – bigonia – завезли В.В. Поспеловой, посидели с ¼ часа, другой Л.В. повезла одна, а я вернулся домой. Жена с Анютой ездила днем к сестре, отвозила ей кошку.

Октябрь 1925 г.

1 октября (18 сентября). +9°. В 10 ½ ч. отправился к Л.В., зашел в булочную за хлебом для животных и прошел к ней, пил у нее кофе, а в 12 ½ ч. отправились в Зоологический сад; ожидавший нас П.К. Вощинин подробно показал нам зверей, птиц, гадов, сопровождая объяснениями научного характера; из новых поступлений интересны: тапир, бегемот, пара павианов и много водяных птиц из Америки, Африки; оба удава издохли от паразитов во рту; ушли усталые в 5-м часу, я с Кудринской площади отправился домой. Вечером пришел С.С. Бровкин, много говорили о Пушкине.

2 октября (19 сентября). +8°. В Музей привез из Петербурга от Н.И. Репникова[89] А.И. Анисимов серебряную расчеканенную чашу, изданную в «Русских древностях» Толстого и Кондакова, т. VI, стр. 152, найденную в Микулине Городище Тверской губернии; чаша продается за 1000 р. Я ее показал Пономареву, который просил о ней доложить в Ученом совете Исторического музея. Продолжаем разбирать медали Зубова. После занятий заходил с Л.В. в Охотный ряд, смотрели реставрацию дома, принадлежавшего князю В.В. Голицыну, XVII в.

3 октября (20 сентября). +10°. В 10 ч. поехал в Кремль; сначала прошел с Н.Н. Померанцевым в Архангельский собор, где склад издания «Светильник»; один комплект подарен мне, я принес № 4 1914 г. со статьею Л. Погожевой «Село Микулино Городище». Зашел в Оружейную палату, где Дм. Дм. показал мне великолепное серебро, найденное замурованным в доме князя Юсупова; объяснения Дм. Дм. к вещам, которые он мне дал, очень интересны; 2 ковша времени Елизаветы Петровны поступят в Исторический музей. Из Палаты зашел в ряды (теперь Гум), где купил 1 фунт чая, 2 денных сорочки; около 1 ч. был дома, у нас сидела А.А. Джури, попросила взаймы 10 р., которые я ей дал. Прочитал полученный номер «Светильника», статьи в научном отношении слабы. К 7 ч. поехал к Л.В., сидел до 11 ч., читал вслух, пили чай, закусили.

4 октября (21 сентября). +8°. Воскресенье. Неожиданно состоялось собрание домового комитета под председательством представителя МУНИ; перевыбран председатель домового комитета, вместо Титкина – Алексеев, очень тупой человек. Заседание было бурное. Многие решили обжаловать решение собрания и потребовать другие выборы. Утром заходил А.А. Карзинкин, завтракал. В саду, между владениями Илышева и моими, сегодня поставили забор, сломанный покойным Илышевым в голодный год и сожженный на дрова. Читал выпуск «Библиотеки естествознания», содержащий «Гады и рыбы» А.М. Никольского (СПб., 1902 г.); прочел о змеях.

5 октября (22 сентября). +3°, на крышах иней. Взял в библиотеке Музея снегиревское описание чаши из Микулина Городища, прочел его, показывал надпись на чаше А.С. Орлову, он ее относит к XIV–XV вв. Продолжаем разбирать медали. После 3-х ездил к Арбатским воротам с Л.В., которая прошла к своей больной знакомой, я зашел купить кофе и домой. На улицах встретил пьяных: сегодня повысили градусы до 40°, удешевили бутылку водки до 1 р. 12 к. На улице слышны песни пьяных.

6 октября (23 сентября). 0°. Холодный ветер; шел снег, но стаял. В Музее И.П. Чебышева сказала мне, что мне назначено жалованье 150 р. Продолжа-

ли разбор медалей Зубова. После 3-х поехал с Л.В. за билетами на «Коллежского регистратора» в кинематограф на Арбатской площади, оттуда вернулся домой обедать, дорогой шел снег, стаявший вскоре. После обеда заехал за Л.В. и вместе отправились в Художественный кинематограф. Картина «Коллежский регистратор» написана по Пушкину («Станционный смотритель»), прелестная повесть которого извращена. Хорош Москвин в роли отца и Александров в маленькой роли лекаря, прочие слабы. После окончания проводил Л.В. до Кудрина, откуда на автобусе проехал в 20 минут до Таганки и по traму[22*] домой. Мне кажется, что не выработаны принципы, как писать пьесы для кинематографа, заграничные пьесы выезжают на трюках. Без меня заходила Танюша.

7 октября (24 сентября). +2°. В 10 ч. при ветре, дожде поехал в Симонов монастырь; на Таганской площади встретился с Д.Д. Ивановым, и мы вместе поехали; должны были приехать Машковцев и Бакланов, но ни тот, ни другой не прибыли. Мы и В.И. Троицкий осмотрели постройку XV в., которую я видел летом, трапезную церковь, затем перешли в келью отца Никифора, где нам дали закусить колбасы, попили чаю и стали совещаться о вопросе, где можно устроить помещение для Военно-исторического музея; остановились на здании XV в., которое предварительно необходимо отремонтировать, и на трапезной церкви, вышина которой пригодна для развески знамен. В 5-м часу мы отправились домой, остался, впрочем, В.И. Троицкий, заведующий Симоновым монастырем. В 4 ч. я наслаждался прекрасным звоном к вечерне: завтра память преп. Сергия, придел которого находится в Трапезной церкви. От Дм. Дм. слышал много дельных замечаний и мнений по вопросам археологии, архитектуры и т.п. Написал сведения о чаше из Микулина Городища. Вечером заходила Валя, очень худа, но самочувствие, по-видимому, хорошее.

8 октября (25 сентября). +2°. Дождь. Погода свежая, дождь к вечеру перестал. В 1 ч. началось заседание Ученого совета, на котором присутствовал профессор Гордон, назначенный членом правления. Я демонстрировал серебряную чашу из села Микулина Городища и дал некоторые объяснения к ней; совет решил ее купить (назначено владельцем 1000 р.). Заседание кончилось в 3 ½ ч.; выходя из Музея, обогнал С.В. Прохорова (он именинник) в довольно нетрезвом состоянии; зашел к «Мюру», купил хинной водки и сыру.

9 октября (26 сентября). +2°. Сегодня память (день ангела) И.Е. Забелина, царство ему небесное. В Музей заходил К.Н. Горский, получил заказ на писание надписей для выставки по 1 р. 50 к. за экземпляр. Тихон Викторович Майоров, служащий в Музее, овдовевший в прошлом году, собирается жениться и просил меня быть посаженным отцом; я согласился; сегодня зашел в его квартиру (в Музее же), благословил его; посаженной матерью была мать его умершей жены, а невесты не было, она в Муроме, куда он завтра уезжает венчаться. После благословения мы закусили горячими сосисками, сыром, выпили портвейна; все продолжалось около часа. После 3-х ходил с Л.В. в магазин готового платья, где купил брюки за 20 р., потом к «Мюру» – купил шумовку за 1 р. 50 к., через Кудрино вернулся домой. В Музее был И.А. Орбели, показал ему всю нашу посуду с армянскими и грузинскими над-

[22*] Так у автора.

писями; он отметил серебряный ковш с Агнцем на мишени, который описал. Он рассказывал, что кое-что из 19 похищенных в Эрмитаже вееров нашлось, один веер с рисунком найден выброшенным на 34 версте Николаевской дороги, поднял его железнодорожный сторож. Сегодня мне жалованья выдали на 30 р. больше, т.е. 150 вместо 120 р.

10 октября (27 сентября). +2°. Дождь. К 12 ч. поехал в Оружейную палату, где состоялось заседание под председательством Д.Д. Иванова, пришли только Клейн и я; Померанцев, хотя и был в Кремле, но находился в Успенском соборе, где духовенство «живой» церкви служило молебен; чем это было вызвано – не знаю. В заседании решено было передать 3 иконы, Владимирской Божией Матери, Донской и Спасителя, обратно в Исторический музей; я отобрал 13 монет для Музея, и решено передать 2 ковша Елизаветы Петровны из юсуповского собрания Историческому музею. Палате Чириковым предложено к покупке: 2 резных византийских камня – изумруд с Иоанном Предтечей и хризопраз с Николаем Чудотворцем, и обломок финифтяной птички на золоте; от камней отказались по дороговизне (по 1000 р. каждый), за финифтяный обломок, назначенный 500 р., предложено 150 р. К 7 ч. поехал к Л.В., она больна «прострелом», с трудом двигается; читал ей вслух «Станционного смотрителя», около 11 ч. уехал в автобусе № 7 через Таганку домой. Вечером звездное небо и серп луны.

11 октября (28 сентября). Воскресенье. Встал поздно, на солнце +10°. Топил печь. Утром заходил С.В. Прохоров, очень беспокоится: вчера получил повестку из ГПУ явиться завтра в 2 ч. к допросу. Читал весь день о животных Никольского.

12 октября (29 сентября). 0°. Получил от Н.И. Репникова письмо, назначает решительную цену за чашку из Микулина 1000 р. Занимался боспорскими монетами Н.П. Кивокурцев. Н.Б. Бакланов сказал мне, что Фомин ему жаловался на пьянство С.В. Прохорова; я его просил не доводить об этом до Пономарева. После 3-х я с Л.В. поехал к Танюше, которую не застал; все 3 малюток больны, поэтому к Маше и Яльмару Л.В. будет ходить давать уроки на дом до их выздоровления. Получил от Башфорда Дина из Нью-Йорка письмо; посланные ему фотографии он получил.

13 октября (30 сентября). –2°. Плохо спал ночь, болела экзема. Утром в Музее говорил с Прохоровым: его вчера долго допрашивали в ГПУ о его 2-й дочери; там осведомлены, что она была в Эстонском посольстве на вечеринке; он очень боится, не арестована ли она. Я сказал С. В-чу, что Фомин на него жаловался Бакланову за его пьянство, и советовал ему в пьяном виде не являться на службу; он оправдывал себя тем, что был именинник, и дал слово в таком виде не приходить в Музей. Написал Н.И. Репникову письмо, что Музей покупает за 1000 р. его чашку из Микулина Городища. Получил от Б. Дина из Нью-Йорка перевод на 2 ½ червонца за фотографии. После 3-х зашел к «Мюру» с Л.В., купил мадеры к именинам и для Яльмара краски. Оттуда доехал с Л.В. до Тани, где она дает детям урок, и уехал в автобусе домой. М.М. Богословский мне сказал, что вчера в Обществе истории и древностей я был избран действительным членом Общества.

14 (1) октября. +2°. Праздник Покрова Богородицы, отмененный большевиками. Разбираем зубовские медали, жетоны. Прохоров сообщил, что к их радости вчера получена от Лёли телеграмма о приезде ее в Париж. После

3-х было заседание ученых сотрудников Музея. Затем ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил яблоков, она провизии.

15 (2) октября. +6°. Дождь и туман. В 12 ч. явился Константин Петрович Винокуров (заведующий хозэксу[23*]), но Пономарев, который должен был присутствовать при просмотре вещей бывшего царя Николая, не мог прийти, поэтому Винокуров, прождав более часа, уехал, обещал прийти завтра. Начали отбирать медали Петра. После 3-х зашел с Л.В. к «Мюру», купил жене мыла, одеколону; от «Мюра» проехал с Л.В. к Танюше, где она осталась давать уроки детям, а я – домой.

16 (3) октября. 0°, ясно, на крышах снег, выпавший ночью. В Музее Б.Н. Граков и А.А. Захаров советовались, где произвести в будущем году раскопки, я указал 3 пункта: 1) окрестности Херсонеса; 2) Анапу (Горгиппия) и 3) Сухум (Диоскуриада). В 12 ч. пришел Винокуров и в присутствии Пономарева и меня проверил ящик с вещами бывшего царя, привезенный из Екатеринбурга. Сидели до 3 ½ часа, другой ящик будем проверять на будущей неделе. Из Музея заехал к Л.В., она лежит, спина болит, просила прийти завтра. К 7 ½ ч. поехал в Исторический музей на заседание АИМК, читал М.М. Богословский о так называемом Керченском походе 1699 г., затем П.А. Незнамов демонстрировал рукописную карту Азовского моря 1699 г., имеющую связь с походом Петра Великого к Керчи. Народу было 16 человек, кончилось заседание в 10 ¼ ч. Вечер холодный, небо звездное.

17 (4) октября. Встал поздно, на солнце +5°. Получил из Государственного банка 25 р. по переводу Б. Дина из Нью-Йорка за фотографии. Купил в Охотном ряду провизии для завтрашнего дня, в 1 час был дома, топил печь. Ольга Ивановна и Олег поднесли мне кондитерский торт 4-угольной формы; Адель Шмидт приехала погостить, привезла пирог или лепешку на сковороде, называется «блямба» или что-то вроде этого. После обеда поехал к Л.В., ее здоровье несколько лучше; подарила мне теплые перчатки к именинам; пили чай, угостила превосходной селедкой с соусом «Провансаль»; в 10 ¾ ч. я уехал домой.

18 (5) октября. +2°. Воскресенье, день памяти свт. Московских Петра, Алексея, Ионы, Филиппа и Гермогена. Около 12 пришел А.А. Карзинкин, завтракал, очень удивился, узнав, что я именинник. Днем были: В.М. Позднеев с дочерью, к вечеру пришли дети: Таня, Надя, Валя с потомством, всего было около 30 человек; кормили пирогами, сосисками, сыром, поили чаем; ушли все к 9 ½ ч. Были: Доля с сыном Женей, Саша и Сережа с Юзей Орешниковы и т.д.

19 (6) октября. Ночью выпал небольшой снег. Продолжал разбирать зубовские медали. Ходил в библиотеку взять необходимые издания по медалям, но книги Зубова до сих пор не разобраны. Из Музея изящных искусств получили медный массивный подсвечник с надписью: «граф Яков Брюс аѱгі» (1713). Ранее он принадлежал собранию Зубалова. Получил от Зайцевых поздравительные письма из Парижа. Репников прислал письмо, новостей о чашке не сообщает. После занятий ходил с Л.В. в аптеку Ферейна, в гимназию Тимирязева у Никитских ворот, из Кудрина приехал домой.

20 (7) октября. –1°. Выпал небольшой снег. Было заседание общеисторического разряда с докладом Н.А. Баклановой об обстановке иностранцев

[23*] Хозяйственно-эксплуатационное управление Главнауки.

в Москве в XVII в., к сожалению, всего доклада не слыхал, приходилось выходить по административным делам. После 3-х заехал к Тане; вчера был суд по претензии студии, которая хотела всех их выселить; дело отложено. Пил у них чай.

21 (8) октября. –2°. Сегодня 31 год назад умерла мать, царство ей небесное. В 10 ч. началось заседание закупочной комиссии, покупка многих вещей отклонена; чашу из Микулина решено купить. В 11 ½ ч. и до 2 ½ ч. шло заседание общеисторического разряда, которое не исчерпано, отложено до будущей среды; досталось Фомину за его отчет. В 3 ½ ч. пошел в Охотный ряд, купил сыру. Сотрудница Бубнова (ее муж редактор «Безбожника») едет в Италию изучать византийское искусство. Это довольно невежественная дама, в искусстве ничего не понимает. Сегодня хоронили С.О. Долгова, царство ему небесное, хороший был человек. К 7 часам поехал к Танюше на рождение Маши и именины Яльмара (Фомы); из посторонних был только Б.А. Диатроптов. Л.В., пришедшая дать уроки детям, осталась, пила чай; была Надя с Лялей, скоро уехавшие. У Л.В. разболелся исхиас[24*], около 9 она стала уходить, я ее проводил до ворот ее квартиры и уехал домой.

22 (9) октября. +1°. Разбирал зубовские медали. Найдено до 30 писем Пушкина к Хитрово у Юсуповых; говорил об этом с Цявловским, сказал, что будут изданы. В 3 ч. ушел к Л.В., она лежит, говорит, что в лежачем положении ей лучше.

23 (10) октября. –5°. Около 10 ч. приехал в Музей, откуда тотчас же отправился в Таможню (около Николаевского вокзала), где получил статьи Б. Дина из Метрополитен музея в Нью-Йорке и издания музея, фотография с португальского бердыша, посланная Дином, исчезла при досмотре, пошлины заплатил 86 копеек, провозившись около 2 часов. Получил свою статейку «Фряжских резных дел мастер» в сверстанном виде. Покупал с Баклановым стекло (посуду), котел медный и пр. за 500 р., но Пономарев этой цены не утвердил. Заехал к Л.В., она чувствует себя неважно. В нашей столовой заново сложили кирпичную печку-плиту.

24 (11) октября. Р. –3°. Выпал снег. К 12 ч. пошел в Музей фарфора на заседание Оружейной палаты, Дм. Дм. явился в ½ 2-го, затем В.А. Никольский, Померанцев, Мишуков и Баронова; рассуждали о заглавии сборника, решили: «Сборник Оружейной палаты», выпуск первый. С.З. Могрычев знакомил со своим проектом будущего Музея керамики (отобрать всю керамику у остальных музеев и отдать им); Никольский и Дм. Дм. его разнесли. В 3 ½ ч. я с Никольским ушли (прочие остались). Был у «Мюра», купил к завтрашнему дню сосисок, масла. Под проливным дождем вернулся домой; после обеда к 7 ч. поехал к Л.В., она, по-прежнему, страдает болью в седалищном нерве, почти все время лежала; мы попили чаю, поели селедки, около 11 я уехал.

25 (12) октября. +2°. Воскресенье. Вчера слышал от Никольского, что в Третьяковской галерее забастовка низших служащих, вызванная недовольством директором галереи Щекотовым; служащие будто бы требуют замены Щекотова Грабарем. В моей комнате температура +9°, топил печь. Сидел весь день дома, наслаждался теплом, читал или раскладывал пасьянс. Прочел неизданные работы Л. Толстого «Петр I», неоконченные и неотделанные

[24*] Вероятно, ишиас.

отрывки начатого им романа из эпохи Петра Великого. Читал «Разговоры Гёте» Эккермана; есть очень интересные страницы; но как несимпатичен Гёте, какое самомнение.

26 (13) октября. +2°. Пришла Л.В. в Музей, говорит, ей лучше, но вид ее мне не понравился. Был в Музее Д.Д. Иванов, показывал ему чашу из Микулина Городища, очень ему понравилась; смотрел выставку XVIII–XIX вв. Виделся со Щекотовым, сказал мне, что в Третьяковской галерее у него идет борьба на жизнь и на смерть; распущенность у служащих большая, не только у низших, но и у научных. Пономарев у кавказцев купил только стекло и фаянс, от медного котла отказался. После 3-х заходил с Л.В. в 3 магазина на Никольской купить 1 метр коленкору, но не мог купить: продают кусками; заходили в аптеку, проводил ее до Кудрина. Трудно было ехать по трамваю **Б**, так переполнены вагоны, были пьяные, было столкновение одного из пьяных с евреями. Во время обеда пришла Валя, ей стало хуже, боли в желудке сильные; Гальперн ее кладет в клинику; вид ее очень болезненный.

27 (14) октября. +4°. Сильный дождь. До 12 ч. в Музее описывал купленные у кавказца вещи: стекло, фаянс, перстни. На заседание общеисторического разряда я не пошел (читал Новицкий о поездке на Урал). Температура воздуха в 4 ч. стала +7°. К 7 ч. поехал в Общество истории и древностей российских, куда я избран действительным членом; заседание происходило в круглом зале Старого университета, читал А.И. Соболевский «Рюрик, Синеус, Трувор», доклад был скучный, ему возражали: Ю.В. Готье, Линдеман, Любавский и М.М. Богословский. Народу было много, все члены, человек 40, между прочим, С.Ф. Платонов, с которым я рядом сидел. Заседание кончилось около 10 ч. От доклада я не вынес определенного впечатления. После протокола, где упомянуто о моем избрании, я встал и поблагодарил за честь, раздались аплодисменты. Из Академии материальной культуры получил жалованье.

28 (15) октября. +5°. Туман. Дал взаймы П. С-чу 30 р. на покупку пальто. В Музее утром до 12 ч. шло заседание разряда, читались отчеты; между прочим, решено в каждом отделе вести дневник. Разбор медалей коллекции Зубова продолжается. После 3-х ходил с Л.В. в книжные магазины, доехал с нею до Кудрина, оттуда в автобусе № 7 поехал до Таганки и в трамвае домой. Днем заходила Валя, на днях ляжет в Клиники. П.С. купил в артели портных пальто из тамбовского сукна за 27 р., за прибавку ваты еще 3 р.

29 (16) октября. +5°. Начал разбирать медали Петра по типам. В Музее почувствовал недомогание и расстройство желудка. После 3 ч. поехал с Л.В. к Танюше, которая вернулась из Клина с внучкой Агнией. Надя стала брать уроки английского языка у О.Н. Анненковой, сбирается ехать в Англию к Лёле, если только получит визу. К обеду пришел Доля.

30 (17) октября. +5°. Вчерашнее недомогание после принятия аспирина прошло. С 10 ½ до 12 ½ ч. шло заседание моего разряда, докончено чтение полугодовых отчетов. Сергиевский сообщил о переименовании разрядов в отделы, заведующих в хранители и т.д., были избраны некоторые практиканты в сверхштатные сотрудники, между прочим<и> А.М. Бардыгин избран в сверхштатные сотрудники, Л.В. Кафка будет моя старшая помощница; длительные прения были подняты В.К. Клейном относительно Л.И. Вороновой, которую он не хотел сделать своей старшей помощницей, мотивируя ее огра-

ниченные знания, скверный характер и т.д., определили ее назвать исполняющей обязанности. С ½ 2-го до 2 ½ ч. шло заседание редакционного комитета под председательством Сперанского. Л.В. разобрала вчерне медали Петра. После 3-х ходил в Охотный ряд, через Кудрино вернулся домой. Сегодня послал Б. Дину в Нью-Йорк открытое письмо с благодарностью за присылку изданий и 25 р.

31 (18) октября. +5°. Дождь. К 12 ч. отправился в Оружейную палату, куда пришел во время общего собрания всех служащих (говорили о входной плате для публики по понедельникам, средам и пятницам по 10 копеек, о расчетных книжках и т.д.); собрание шло очень мирно и виделась дисциплина. После началось заседание Ученого совета, особенно серьезных вопросов не было (о Симоновом монастыре, как будущем Военно-историческом музее, о передаче в музей Троицкой Лавры бердышей и т.д.). Из Кремля зашел в Охотный ряд, купил провизии, яблоков. Погода прояснилась. К 7 ч. поехал к Л.В., дорогою шел сильный дождь. Застал Н.Н. Нотгафт. Закусили пирогом с рыбой, пили чай; здоровье ее лучше; в начале 12-го ушел при небольшом снеге, который, падая, таял.

Ноябрь 1925 г.

1 ноября (19 октября). Ясно, на солнце утром –1°. Воскресенье. Утром заходил С.В. Прохоров, расспрашивал о музейских делах, спросил, правда ли, что Фомин увольняется из Музея (об этом я не слыхал). К 1 ч. поехал к Л.В.; хотел зайти в Охотный ряд, но он был оцеплен: депутации от школ и проч. тянулись в дом Дворянского собрания для поклонения телу Фрунзе (кажется, команд<ующему> войсками), вчера умершему. У Л.В. пил кофе и ел пирог с рыбой; пришла М.В. Будылина-Кафка, прочитала мне заказанную ей «Роста» (Российское телеграфное агентство) статью с описанием Московского Кремля; в ней описаны пока соборы. Статья предназначена для Европы и Америки, где будет напечатана в газетах для широкой публики. Статья написана хорошо и деловито. Пришла затем Е.Г. Адамова, и я ушел. Дома просмотрел статью «Молдавская посуда Оружейной палаты», сделал кое-какие добавления, но необходимо просмотреть литературу о Молдавии, которой я еще не читал.

2 ноября (20 октября). Термометр не рассмотрел: оконное стекло замерзло. В Музее продолжалась разборка медалей Петра, жетонов, марок и т.д. Пономарев обратился ко мне с просьбою участвовать в депутации к Калинину, которого будут просить оставить за Музеем Губернское правление, которое отобрано у Музея по распоряжению Совнаркома. После 3-х ч. состоялся митинг, на котором один из музейских низших служащих коммунистов обрисовал личность умершего Фрунзе (он был один из агитаторов в войсках во время войны и т.д.), затем Г.А. Новицкий сказал несколько слов об энергии Фрунзе. Заходил с Л.В. на Лубянскую площадь, где купил ветчины; через Кудрино вернулся домой. Весь день шел мелкий снег, температура утром была –5°.

3 ноября (21 октября). 0°. По случаю похорон Фрунзе занятий нигде нет, все магазины закрыты. Вчера купил 1 сажень сосновых дров по 15 р. с до-

ставкой. Топил печь. Около 12 пришел А.А. Карзинкин, сидел до 2-х ч., поел ветчины. Читаю статьи, написанные к каталогу выставки XVIII–XIX вв.; недурна статья Ивана Никаноровича Розанова[90] «Наука и литература». К обеду пришел брат жены. Вечером сидел К.В. Крашенинников.

3 ноября (22 октября). –2°. Праздник Казанской Божией Матери. В мое отсутствие приходила Валя, жена нашла ее еще более похудевшей, в больницу пока не легла: мест нет. На улицах газетчики кричат: «Смерть Шаляпина», – правда ли – не знаю. В Музее продолжаем разбор медалей; Л.В. не пришла. После 3-х ходил к «Мюру», купил висячий замок, бутылку красного вина, сыру (превосходный бакштейн); проехал к Л.В., она лежит, сильные боли в пояснице; у нее были П.К. и М.В., посидел с ½ часа.

5 ноября (23 октября). 0°. Выпал снег. Сильная оттепель. Умер Михаил Фелицианович Ходасевич[91] от воспаления легких, похороны в Новодевичьем монастыре. В Музее продолжаем разбирать медали. Заходил В.А. Никольский, принес «Пушкинский сборник памяти Венгерова». После 3-х заходил в Верхние торговые ряды, купил лампочки, яблоков. После обеда съездил к Л.В., у нее был доктор Хорошко, нашел, что ее боли на подагрической почве; она встала с постели, пила со мной чай, после легла на кушетку; уехал в 9 ¾ ч. К вечеру стало немного холоднее.

6 ноября (24 октября). +1°. В Музее занятия кончились в 1 ч., я отправился с Нат. Ал. к Л.В., застали ее в постели, но ей лучше; Н.А. посидела с ¼ часа, я с час; с Кудринской площади сел в автобус до Таганской площади, т.к. трамваи были полны, на площади пересел на **Б**. В Музей Д.Д. присылал дополнение к своей статье о кубке Круга в Оружейной палате; новые данные об этом германском художнике XVI в. нашел в 3-м издании Розенберга. К вечеру появилась боль в ногах, стало знобить, принял аспирина.

7 ноября (25 октября). +2°. Дождь. Большевики празднуют 8-ю годовщину, все учреждения и магазины закрыты, трамваи не ходят. Вчера Лёля уехала на несколько дней к Гайдукову в Минск. Жена мне сказала, что Таня Кочурина выгнала мужа, который снял комнату около комнаты Лёли на Тверской. Среди дня погода прояснилась. Топил печь. Кое-что прочитал в «Пушкинском сборнике памяти Венгерова». Болели ноги, особенно правая.

8 ноября (26 октября). 0°. Воскресенье. В 12 ч. поехал к Л.В., ей гораздо лучше, посидел немного, пришла Е.Г. Адамова; съездил с Л.В. к портнихе, оттуда прошел к Тане, при мне пришла телеграмма от Н.А. Бруни (священника) о рождении дочки. Побеседовал с обеими арбатскими дамами, в 4 ½ уехал домой. Идет снег.

9 ноября (27 октября). –1°. Пришла на службу Л.В., боли у нее в пояснице прошли. Получил от И.И. Толстого письмо, извещает о юбилее в марте С.А. Жебелева[92]; просит для сборника в честь С.А. статейку не более ½ печатного листа. Начали разбирать медали частных лиц коллекции Зубова. У Н.К. фон Бооля купили за 150 р. небольшую коллекцию деревянных предметов. После 3-х ч. под проливным дождем через Кудрино вернулся домой. Застал дома Таню Кочурину, которая помирилась с мужем (надолго ли?). У Вали боли в желудке были до сего дня слабее, сегодня опять возобновились. Написал ответ Толстому.

10 ноября (28 октября). +1°. Сегодня храмовый праздник св. Параскевы в церкви Илии Пророка. Сегодня вернули в Музей из Успенского собора ико-

ны Владимирской Божией Матери и оглавную Спасителя, также Донскую. Разбирал медали частных лиц. После 3-х заходил с Л.В. в пассаж, оттуда доехал до Кудрина; сел на **Б**, пришлось у Сухаревой башни стоять более получаса: впереди сошел с рельс вагон. К обеду пришел Доля. Впервые пришлось увидать в Музее власяницу; смотрел ее ткань в сильную лупу: конский волос виден; принадлежала якобы преп. Пафнутию Боровскому (XV в.), находилась в Оптиной пустыни до ее разгрома.

11 ноября (29 октября). 0°. Дождь утром, весь день густой туман. Около 10 ч. в Музей пришли: артист Художественного театра Леонид Миронович Леонидов[93] и человек 5–6 из 3-го Госкино за материалом для пьесы из эпохи Грозного; их сопровождал П.С. Рожицкий. Всех пришедших водил наверх, в отдел иконографии, крестьянского искусства, где им показывались соответствующие рисунки, вещи; они сняли со многих фотографии; долго я с ними быть не мог, меня отозвали на заседание (Пономарев, Бакланов, Клейн, Корш, Малицкий, я и секретарь Топорнин); обсуждали, какие выставки можно устроить; предположили: выставку старой Москвы, тканей, автографов, миниатюр, медалей, и м. б. стекла. Раскладывать медалей почти не пришлось. В 3 ч. зашел в Охотный ряд, купил жене винограду и яблоков. Подписал в числе многих просьбу в Главнауку об открытии Московского археологического общества; слышал от Городцова, комиссар Покровский обещал оказать содействие для открытия Общества.

12 ноября (30 октября). +1°. Холодный ветер, к вечеру стало –2°. Л.В. вчера разложила хронологически медали Петра собрания Зубова; кое-каких типов по Иверсену недостает. С 1 ч. шло заседание Ученого совета, разговаривали о выставках, Сергиевский доложил отчеты отделов и т.п. В 3 ½ ч. я пошел к «Мюру», купил провизии, был в пассаже, купил жене на гамаши ¾ фунта черной шерсти (10 р. за 1 ф.). Днем заходила Таня Кочурина, сообщила, что Валя легла в клиники к доктору Плетневу.

13 ноября (31 октября). –3°. Ясная тихая погода. Разбирая монеты Зубова, нашел штамп так называемой полтины Рейхеля. Л.В. начала разбирать медали Екатерины II. Я отбирал для отдела домашнего быта многочисленные значки. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил для Вали икры. Вечером был на заседании АИМК в Историческом музее, читал С.К. Богоявленский о плане Москвы 1629 и 1631 г. (собственно план был начерчен докладчиком по архивным данным); доклад был содержателен по названиям владельцев в районах Воздвиженки и Покровки, но скучен; в начале 10-го разошлись.

14 (1) ноября. –3°. Утром отправился в Банк для внешней торговли СССР, где перевел Вере в Париж 300 франков по курсу 8.05, заплатил 24 р. 15 к. + 1 р. комиссионных, всего 25 р. 15 к.; зашел к «Мюру», съел 2 пирожка, купил провизии себе и внукам. Поехал в Археологическое общество на Берсеневку, где просмотрел все имеющиеся в библиотеке тома «Analele Academiei Romane», взял домой tomul XXXI, 1909. Снизу поднялся на верх, где реставрационные мастерские, встретил там Анисимова, Грабаря, Чирикова, Тюлина и других знакомых реставраторов, посмотрел иконы, шитье, Грабарь показал мне промытую картину Рафаэля 1509 г. «Святое семейство», виденную до промывки в Музее изящных искусств; хороши лики Богоматери и Младенца, плохо сделана рука Божией Матери и грубо лицо Иосифа. С Берсеневки проехал к Танюше, она навещала Валю в больнице; боли у Вали почти прекрати-

лись. Вернулся домой в 3 ½ ч. В 6 ч. поехал к Л.В., ее здоровье улучшается; читала вслух 1-е и 2-е действия «Макбета», пили чай, в 10 ½ ч. уехал домой.

15 (2) ноября. 0°. Воскресенье. Утром пришел Ал. Андр., сидел часа два, завтракал, ели жареную колбасу. Написал Зайцевым в Париж письмо. В 7-м часу поехал к Танюше, сидели у постели больной Е.А. Бальмонт: Таня, Маша, Александра Алексеевна [Андреева] и я; А.А. рассказывала о сегодняшней лекции Цявловского о найденных 30 или 28 письмах А.С. Пушкина к Хитровóй. В 9 ½ ч. я ушел. Слышал, что Б.К. Зайцев получил место редактора какого-то журнала в Париже с жалованьем в 1000 франков в месяц.

16 (3) ноября. +2°. Туманная сырая погода. Работал в Музее с лампами, такая тьма. Снимал фотограф Павел Аггеевич Детинов чашу из Микулина Городища с лицевой и оборотной сторон, негативы вышли очень хороши; оборотную, где надпись, несколько увеличил. После 3-х проводил Л.В. до лечебницы, где она берет ванны (у Петровских ворот), и на **А** вернулся домой.

17 (4) ноября. +2°. Придя в Музей, меня Сергиевский пригласил на заседание членов Совета (Пономарев, Сергиевский, С.П. Григоров, Гринберг[94], Гордон, Бакланов, секретарь И.П. Чебышева, А.И. Анисимов и я). Сергиевский доложил о моем разряде, что я уже слышал в Ученом совете, Бакланов и Анисимов о своих выставках; мне поручено составить охранную опись серебряной кладовой, для чего решено отложить разбор монет. Заходил С.А. Детинов, сообщил, что Щекотов удален из Третьяковской галереи; Щекотов послал Троцкой телеграмму в Кисловодск, где она живет с больным мужем (он, говорят, серьезно болен: у него язва в желудке). После 3-х доехал с Л.В. до Пречистенки, оттуда на **А** домой. Без меня заходила Таня Кочурина, говорит, что болей у Вали нет. Дай-то Бог! Написал А.А. Ильину письмо с отчетом для нумизматической секции о моей научной деятельности.

18 (5) ноября. +2°. Выпал небольшой снег, грязь увеличилась. Из Оружейной палаты доставили в дар Музею: ларчик, оклеенный костяными пластинками и 2 превосходных стильных ковша времени Елизаветы Петровны и Екатерины II, оба жалованных купцам за винную прибыль. Заходил Д.Д. Иванов, сообщил, что упразднен Музей мебели. После 3-х зашел к «Мюру», купил жене мыла и одеколона. Вечером заходил И.М. Булатов, с увлечением говорил о спиритических сеансах.

19 (6) ноября. –1°. Холодный ветер. Утром поехал с зятем нашей прислуги в Музей, где он подал прошение о принятии его на службу; Пономарев согласился, но потребовал, чтобы он зарегистрировался на бирже труда. Принялись за разборку предметов в серебряной кладовой, разбираем по типам. После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», где купил для правнука Миши (именинник в субботу) лото. От «Мюра» проехали в ресторан «Прага», где съели 2 обеда по 90 копеек. Приготовлено вкусно, но сам ресторан скромнее прежнего, скатертей нет, за некоторыми столами «товарищи» сидят в шапках или картузах. Проводил Л.В. до ее квартиры, где встретился с П.К. Вощининым, побеседовали; в 5 ½ ч. уехал домой.

20 (7) ноября. 0°, выпал небольшой снег. Утром пришел в Музей О.Ф. Вальдгауер вместе с Блавацким из Музея изящных искусств, говорили о петербургских эрмитажных делах, очень бранит Тройницкого; я заговорил о Жебелеве, которого Вальдгауер обозвал чуть не мерзавцем, укравшим у какого-то немца исследования по археологии и поместившим в свою книгу.

Вальдгауер осматривал в нашем Музее вазы для будущего corpus vasorum antiquorum. В кладовой продолжаем разбирать вещи по типам. После 3-х зашел в рыбный магазин, купил Вале зернистой икры ½ фунта (4 р. за фунт), проехал к Танюше, и с нею отправились к Вале в клиники; нашли ее сидящею в коридоре вместе с дочерью Таней, самочувствие ее хорошее, но боли опять появились; она в больнице очень тоскует и хочет уйти. Больница доктора Плетнева очень хороша, чистота всюду необыкновенная. В 5 ½ ч. мы ушли. Погода убийственная: мокрый снег.

21 (8) ноября. –3°. Ездил утром к «Мюру», в Охотный ряд, купил провизии, хлеба, меду. Возвратясь, топил печь. До обеда читал летопись Азарии о молдавских господарях. В 8-м часу приехал к Л.В., ее здоровье лучше, но страдает от чирья; читал вслух «Макбета», прочитал 3-е действие и 1-ю сцену (с ведьмами) 4-го; закусили, в 10 ½ ч. уехал домой.

22 (9) ноября. –2°. Воскресенье. К 12 ч. приехал к Л.В., одновременно прибыл П.К. Вощинин; мы втроем отправились в Естественно-исторический музей Московского университета; нас встретил Павел Викторович Терентьев[95], который и давал объяснения. Музей помещается в 2 этажах: в верхнем чучелы животных, но этот отдел мы осмотрели наполовину, перешли в нижний, где скелеты крупных животных размещены в средине, многочисленные коллекции гадов, рыб находятся в стклянках со спиртом. Чучелы животных не все хорошо сделаны. Интересны скелеты кита, слона, гиппопотама и мамонта, много черепов ископаемых носорогов. Ходили 2 часа, я очень устал. Зашел в Охотный ряд, где купил жене яблоков. Без меня была Валя (из больницы). Обедал Сережа.

23 (10) ноября. Р<еомюр>... Термометра не видно: окно замерзло. Позднее я узнал, что температура была –7°, в 10 ½ ч. было заседание III разряда, П.Н. Миллер читал свой проект выставки «Старая Москва»; решено представить Москву до пожара 1812 г. Заходил С.Н. Тройницкий, принес мне каталог «Резная кость» Кубе, «Мусульманский восток» (каталог выставки 1925 г.) и план показательной выставки отдела нумизматики в Эрмитаже. Разбирал ложки, ножи и вилки. После 3-х доехал до Музея изящных искусств с Л.В., где встретился с Блавацким и Харко, которые пригласили меня в пятницу вечером на чествование Владимира Егоровича Гиацинтова по поводу его 40-летней научной деятельности.

24 (11) ноября. 0°. Выпал снег. Достал в библиотеке Музея статьи Яцимирского о Румынии; в Музее разобрали по типам почти всю кладовую, я разбирал ложки, ножи и вилки по векам с XVI по XIX включительно. После 3-х зашел к «Мюру», купил для Никольского торт (4 р. 50 к., прежде стоил рубля 1 ½). После обеда уснул часа 2, в 8 ч. отправился к имениннику Виктору Александровичу Никольскому; народу было человек 7, после подошло еще человека 3–4; позднее пришла С.В. Иванова, а в ½ 11-го Дм. Дм. (он отдыхал дома); был обильный ужин, но не все было мне по вкусу; вино красное и белое (туркестанское) подавалось в четвертях; на стенах было вывешено огромное меню в стиле Никольского, таблицы с важнейшими фактами его жизни, написанные с неуклюжим остроумием. В 11 ½ я ушел с какой-то дамой, которую посадил в трамвай № 5.

25 (12) ноября. –2°. Докончил разбор ложек в кладовой, начали разбирать карманные часы. После 3-х поехал к Арбатским воротам, где купил кофе и

чаю. Видел Щекотова, говорит, его назначили в Третьяковской галерее директором новой живописи, хотя я слышал, что он совсем отставлен; Щ. сказал, что уходит в месячный отпуск.

26 (13) ноября. –5°. Утром в Музей зашла Н.А. Бакланова, с нею пошел к Пономареву, и беседовали о рисунках к ее статье о приказах. С 11 ½ ч. до 1 ч. шло заседание о практикантах в Музее. В кладовой разложены часы. После 3-х зашел с Л.В. в аптеку, проводил ее до Кудрина и уехал домой; ее здоровье улучшилось. Получил от Е.А. Пахомова[96] из Баку статью «О монете Корикэ Куропалата» и от Н.П. Лихачева «Византийские эксагии». Получил от А.А. Ильина письмо, пишет, что Эрмитаж приобрел сребреник Владимира.

27 (14) ноября. –3°. Выпало много снега, который падал весь день. Утром пришла в Музей Н.А. Бакланова, с нею отбирал предметы к ее статье об обстановке приказов XVII в. С ½ 2-го было заседание редакционного комитета (предс<едатель> Сперанский, были: М.М. Богословский, Н.Б. Бакланов, Ю.М. Соколов, Пономарев и я), обсуждали будущие издания Музея. В 3 ч. я ушел, заехал к Л.В. (у нее кашель), посидел с ¼ часа и домой. К 8 часам отправился в Музей изящных искусств на празднование 40-летнего юбилея Владимира Егоровича Гиацинтова, помощника директора. В 8 ½ ч. он пришел с семьей и был встречен аплодисментами, читались затем адреса: от музея (читал директор Н.И. Романов), от технических служащих (читал один из служащих); от Главнауки (читал А.М. Эфрос) и от Исторического музея (читал я). В зале, где висят картины немецкой школы, были накрыты столы, село человек не менее 100, говорили речи: Романов, Некрасов, Грушка, М.А. Петровский и др., скромный юбиляр остроумно отвечал. Я сидел с четою Губерт, пили крюшон, ели сладкое (торты, конфекты), затем под аккомпанемент рояли (М.А. Петровский) бас пропел 3–4 романса. В 11 часов я уехал. Видел очень много знакомых. Сегодня вставили балконную дверь в сад.

28 (15) ноября. +1° утром, к вечеру стало –5°. К 12 ч. приехал в Оружейную палату, Дм. Дм. мне вынул серебряную чару Владимира Давидовича XII в., которую будет фотографировать советский фотограф для Вячеслава Федоровича Ржиги с 4-х сторон. Потом мы пошли в канцелярию, где началось заседание Ученого совета: читали отчет заведующего филиалом Оружейной палаты Музеем мебели А.И. Батенина, плохо составленный; осматривали предложенные Чириковым предметы – медную лиможскую пластину с Распятием в 1000 р. (оценили 600 р.) и каменную икону Одигитрии в 250 р. (оценили 50 р.). Были другие малоинтересные вопросы (о вознаграждении авторов «Сборника» экземплярами). После заседания я поднялся с В.А. Никольским в Бронный зал, где В.А. познакомил меня с его проектом нового размещения оружия, затем В.А. мне сказал, что его будут будущую субботу чествовать, кажется, в Союзе писателей по поводу его 50-летнего возраста с платою по 6 р., которые я вручил Дм. Дм-чу. Из Палаты прошел к «Мюру», купил съедобного; у Театральной площади встретил П.И. Нерадовского, назначенного директором Третьяковской галереи вместо Щекотова; Нерадовский отказывается и уезжает в Петербург; чем окончится вся эта трагикомедия в «Третьяковке» (так в Москве зовут Третьяковскую галерею) неизвестно. Вечером топил печь. На окно нашей парадной лестницы, которая была открыта с улицы, подложили ребенка, плач которого я слышал в течение часа, не понимая, откуда слышится плач; маленький сын Мусат-

киных вышел и обнаружил его; при ребенке был крестик на шее и записка, что ребенок рожден 13 ноября, зовут его Анато́ль; мальчика отправили в милицию.

29 (16) ноября. –6°. Воскресенье. В 10 ч. поехал в храм св. Василия Кесарийского, где была торжественная литургия по случаю 30-летия хора Чеснокова; войти в церковь не мог: толпы народа стояли у храма; служил, кажется, заместитель патриарха митрополит Петр, хор, говорят, был в 310 человек. Встретил Сережу, который тоже не мог войти, и мы с ним пошли в храм Благовещения на Тверской, где простояли часть литургии; из храма пошли в его квартиру, где Юзя покормила холодной рыбой, свиными котлетами и кофе; у них живет Кира, дочь Коли, девочка лет 13, отец ее без места. Пришел к завтраку Свенторжецкий. В 2 ч. я пошел к Танюше, посидел с нею, с Н.А. Павлович и с детками, выпил с ними чаю и уехал домой. Вечером, около 9, приехала Танюша, пила чай.

30 (17) ноября. –7°. С утра до 1 ч. шло заседание моего разряда, А.И. Анисимов читал свой проект религиозной выставки в Музее; Клейн и Бакланов указали, что в его проекте не указано на иконы, как на бытовой материал, что им принято к сведению. Затем с Н.А. Баклановой ходили за поисками фонаря, сговаривались с фотографом П.А. Детиновым о фотографировании к ее статье. Утром, до Музея, был в фотографии ВЦИК'а по поводу фотографирования чары Владимира Давидовича к статье В.Ф. Ржиги (Охотный ряд, в доме, где была Национ<альная> гостиница). В кладовой Музея Л.В. и А.М. Бардыгин начали описывать серебро. Дома застал Надюшу (она выкрасилась в рыжий цвет) с Митей и Мишей. Дополнял статью о молдавской посуде.

Декабрь 1925 г.

1 декабря (18 ноября). Термометр не видно: замерзло окно. В 4 ч. –8°. Почти все время выдавал вещи для съемки в кинематограф (3-е Госкино) и для статьи Н.А. Баклановой, очень устал. Дома нашел В.Я. Дьяченко, он очень изменился, похудел.

2 декабря (19 ноября). –8°. Начали снимать вещи к статье Н.А. Баклановой. В 1 ч. пошел на заседание IV разряда у Сперанского, читал А.С. Орлов о змеевиках Музея, которых 116; он коснулся типов, но совсем не говорил о значении их в быте, не говорил о надписях, их значении и т.д. После заседания со мной говорил А.И. Анисимов по поводу его статьи об иконе Владимирской Божией Матери; статью он хотел напечатать у Сабашникова, что не удалось, так как Сабашников совсем разорился, и он хотел бы напечатать в трудах Исторического музея; об этом вопросе будем говорить в заседании моего разряда. После 3-х прошелся с Л.В. до дома, где она лечится, и уехал домой.

3 декабря (20 ноября). –3°, выпал снег. Снимали для кинематографа посуду Грозного (гальванопл<астические> снимки) и петуха – наши копии с вещей Оружейной палаты. Продолжается опись кладовой – описывают черневое серебро. После 3-х проводил до Петровских ворот Л.В., на А вернулся домой. Дал Н.Ф. Шершакову фотографии с клейм молдавского серебра для рисунка с них пером.

4 декабря (21 ноября). Термометр не видно: окно замерзло. Праздник Введения в храм Божией Матери, отмененный большевиками. Температуру позднее рассмотрел: –9°. В кладовой описываются вещи с чернью, я описывал холодное оружие. Беседовал с Н.А. Баклановой, увлечена архивными розысканиями. После 3-х заходил с Л.В. в пассаж, где она покупала себе трикотаж. После обеда поехал к Л.В.; пили чай, закусили, я дочитал 2 последние акта «Макбета». У внучки Ани грудница, ей сделали операцию под хлороформом.

5 декабря (22 ноября). Окно замерзло. Температура утром была –15°. Утром поехал в Охотный ряд, купил ветчины, сосисок; оттуда к Танюше, попил чаю; деткам подарил 3 томика «Детской энциклопедии», изд. Вольфа, 1862 г., с массою раскрашенных картин. Приехал домой в начале 2-го, затопил, пришли Валя с Таней; вчера Валя ушла из больницы, боли у нее еще продолжаются; пришла Адель Шмидт погостить несколько дней. Слышал, что арестован А.Д. Самарин по церковным делам. В 9 ч. было назначено чествование В.А. Никольского в доме Герцена (Тверской бульвар); к этому часу я приехал, но начали собираться только в 9 ½ ч.; приехал юбиляр с женой и человек 30 приглашенных (6 р. с человека). Знакомых было только Д.Д. Иванов, Терновец[97] и человека 3–4; но познакомился с интересными людьми: Г.Г. Шпет, Жилкин (перводумец)[98], Андреев (автор памятника Гоголю). Кормили вкусно (икра, рыба всякая, майонез, рыба заливная, рябчики, мороженое, вино, шампанское, коньяк, кофе), я пил немного; говорили много, недурно говорил А.А. Сидоров, хотя над ним подсмеивались, остроумен был А.М. Эфрос; говорил П.Д. Эттингер, но очень неостроумно. Я сидел с женой юбиляра, Эфросом, напротив сидел Д.Д. Иванов. В 12 ч. я ушел первый. Столовая, где мы ели, – сводчатая комната, вероятно, XVIII в. – дом этот принадлежал Яковлеву, отцу Герцена.

6 декабря (23 ноября). –1°. Воскресенье, встал в 10 ч. На своде комнаты, где мы вчера ужинали, были прибиты те плакаты с юмористическим curriculum vitae Никольского, написанные им самим и фигурировавшие на его именинах, а между ними прибит был портрет юбиляра, нарисованный тушевым карандашом Андреевым по карточке, данной художнику юбиляром. Все это, на мой взгляд, свидетельствовало, что более всего заботился о чествовании В.А. Никольского сам Никольский. Заходил А.А. Карзинкин, позавтракал, беседовали о его положении, которое очень печально, средств никаких. Как мне его жаль! После ухода А.А. до вечера просматривал свою статью о молдавской посуде, написал кое-какие дополнения.

7 декабря (24 ноября). –2°. От Башфорда из Нью-Йорка получил фотографию бердыша XV в., которая была потеряна в таможне. С 10 ½ до 1 ч. шло заседание моего разряда, разбирали вопрос о практикантах; А.И. Анисимов предложил напечатать рукопись его об иконе Владимирской Божией Матери. В кладовой продолжается опись вещей.

8 декабря (25 ноября). –2°. Придя в Музей, отправился в Оружейную палату, где Дм. Дм. вынул мне чару XII в., я указал, что́ должен снять фотограф для статьи Ржиги. Посмотрел перечницу царевича Федора Ивановича, орнамент ее по технике подходит к орнаменту братины Грозного; очевидно, дело рук той же мастерской. Получил чистый лист «Сборника Оружейной палаты» с моею статейкой. Придя в Музей, был на заседании у М.М. Богословского;

читал К.В. Базилевич об имении В.В. Голицына «Черная Грязь», теперешнее Царицыно; некоторые дополнения сообщил С.А. Детинов, занимавшийся историей Царицына. Недолго писал в кладовой, окончил сабли. К 8 ч. поехал в Музей на заседание бытовой секции АИМК под председательством Г.Л. Малицкого, который предложил председательство Машковцеву; читал А.Б. Салтыков о принципах экспозиции в музеях историко-бытового характера; доклад был изложен туманно, неясно; народу было много (Д.Д. Иванов, Л.В. Кафка и почти все сотрудники Музея бытовых зал); из возражений можно было заключить, что доклад не был понят. Я ушел с Л.В. раньше, проводил ее до Кудрина, приехал в 11 ½ ч.

9 декабря (26 ноября). –2°. Вчера в Музей заходила Нина Владимировна Бахрушина, недавно приехавшая из-за границы; видела в Париже Зайцевых, живут они недурно, Б.К. получил место редактора журнала, издающегося в Риге, получает за труд 1000 франков в месяц; Вера и Наташа очень скучают по России; прислали в подарок маме наколенники, мне носки. Утром из Музея ходил в Оружейную палату, дал Д. Д-чу «Analele» и корректуру статьи С.В. Бахрушина. Докончил в кладовой опись холодного оружия. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», купили для Музея туши.

10 декабря (27 ноября). –2°. Заходил в фотографию ВЦИК'а, сговорился на субботу снимать в Оружейной палате чару. Шершаков приносил рисунок клейм на посуде, кое-что вернул переделать. Приехал А.Н. Зограф из Петербурга. Получил письмо от Веры из Парижа, 300 франков она получила. После 3-х ездил к Танюше на короткое время. Получил в Музее через «местком» калоши № 11 за 3 р. Дома застал Надю с Лялей.

11 декабря (28 ноября). –5°. Приходила в Музей Ел. Алдр. Мейер (дочь пастора), приносила для определения серебряный сосуд, предлагаемый каким-то антикваром ее знакомому-иностранцу; сосуд оказался фальшивым. Пересматривал 8 томов «La messe» Rauhault de Fleury[99], ища аналогии чашке из Микулина Городища; не нашел. После 3-х пошел с Л.В. по Петровке, она в лечебницу, я в гомеопатическую аптеку, где купил жене гипарсульфура (по 5 крупинок каждые 2 часа) от гриппа. Около 6 пришли А.Н. Зограф и Б.Н. Граков, обедали, беседовали по вопросам нумизматики, об амфорных ручках, и, наконец, перебирали кости ближних; ушли в 10 ¼ ч.

12 декабря (29 ноября). –6°. Весь день шел снег. К 11 ч. поехал в Оружейную палату, где фотограф ВЦИК'а сделал 4 снимка с надписи чары Владимира Давидовича и 5-й – общий вид ее; как мне показалось, фотограф не очень опытный по съемке с предметов. Часа в 2 началось заседание Ученого совета, на котором присутствовал Гринберг, «заместитель» Дм. Дм-ча; В.К. Клейн показывал привезенную им из Вязем шитую икону Вознесения 1556 г., вклад господаря молдавского Александра; великолепный образец шитья. Куплены карманные часы фабрики Нортона конца XVIII в. за 25 р. Из Палаты зашел за провизией в Охотный ряд и домой. К 7 ч. поехал к Л.В., читали вслух «Осколки разбитого вдребезги» А. Аверченка, очень остроумные рассказы; ушел в начале 12-го. Снег прекратился.

13 декабря (30 ноября). –1°. Воскресенье. Топил печь; читал Никоновскую летопись и дополнение к ней; нашел много мест, очень для меня интересных (о печати Великого Новгорода, о печатях митрополичьих и т.п.); устыдился в своем невежестве. Сегодня чистили выгребную яму, благодаря засорению

которой с полгода сидим без уборной! Какое всюду разорение в домашнем хозяйстве! Дочитал «Осколки разбитого вдребезги», удивлен, почему советская цензура пропустила книжку. Начал писать заметку о серебряной чашке из Микулина Городища. Температура в моей комнате после топки печи 21 ½°!

14 (1) декабря. 0°. Зашел утром в фотографию ВЦИК'а, негативы с чары для статьи В.Ф. Ржиги сносны, но общий вид чары не в фокусе. Начал описывать карманные часы. С 1 ч. до 3 шло заседание редакционного комитета, рассматривали статьи на будущий год, которых представлено на 150 с лишком печатных листов. Умерла в Лондоне от рака в легких жена покойного В.И. Будылина – Надежда Николаевна.

15 (2) декабря. –3°. Выпало еще снегу. Репников писал Анисимову, что если в течение недели не вышлет Музей 1000 р. за чашку из Микулина, то выслать ее обратно; я сказал об этом Пономареву, который деньги обещал разрешить выдать по предъявлении счета. Л.В. пришла после 12: была у заупокойной литургии по Н.Н. Будылиной. Я описывал карманные часы. Слышал, что арестован митрополит Петр, заместитель патриарха. Обедал А.Н. Зограф, после обеда читал введение к описанию монет Тиры; его очерк по истории города обработан тщательно, но он совсем не коснулся до божеств, которые изображены на монетах; ушел в 9 ½ ч.

16 (3) декабря. Р. –5°. Утром была закупочная комиссия; рассмотрено много предложенных вещей, большею частию платков (есть очень хорошие 30-х годов), шалей, вышивок; купили 3 стеклянных сосуда расписных и 2 фаянсовых тарелки XVIII столетия. Чашку из Микулина Городища вписал в инвентарь по счету от имени А.И. Анисимова; она была принесена в Музей 2 октября нового стиля (лежала 2 ½ месяца!). После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил жене яблоков (антоновка по 85 к.). Статья на машинке перепечатана.

17 (4) декабря. –8°. Недолго занялся в кладовой, с 12 ½ почти до 4-х шло заседание Ученого совета, говорили о будущих выставках; Захаров позволил себе выразиться, говоря о раскопках в России, где заменил ее выражение словом «СССерия»; Пономарев сделал ему замечание по поводу такого «непарламентского» выражения. К 8 ч. поехал в исследовательский институт[100] против храма Спасителя, где Зограф читал о монетах Тиры с демонстрацией на экране снимков с монет; было человек около 20; приехал домой около 12 ч.

18 (5) декабря. Окно замерзло, по-видимому, –11°. Утром был в фотографии ВЦИК'а, получил снимки с чары Владимира Давидовича для статьи Ржиги, которому их отдал, он остался доволен. Описывал часы в кладовой, но долее 2 ½ ч. не мог из-за темноты. Пономарев уезжает на несколько дней в Петербург. После 3-х обедал с Л.В. в «Праге», кормили вкусно. Сегодня уехал в Петербург А.Н. Зограф. Без меня была Валя, ее здоровье лучше.

19 (6) декабря. –6°. Николин день. Утром отправился поздравить князя в Новодевичий монастырь, в квартире его не застал, он был у обедни, я пошел в церковь, застал молебен, который отстоял, встретил А.А. Карзинкина, с ним пошли к князю, поздравили его, посидели с ¼ часа. Заехал к «Мерилизу», купил съедобного, куклу для Ляли и сокращенные сказки Гримма Зоре; Олегу купил бенгальский огонь. Народу всюду масса. В 6 ч. отправился к Л.В., прочел вслух «Веселое богомолье», коротенький рассказ К. Лемонье; нам не понравился по тенденциозности религиозных вопросов и по грубости некоторых выражений. В 11 ¼ ч. ушел.

20 (7) декабря. Встал в 10 ½ ч., на солнце –7°. Воскресенье. Топил печь. Выправлял напечатанную на машинке статью для посылки ее в Петербург И.И. Толстому. Вечером пришла Танюша, сидела до 9 часов.

21 (8) декабря. –12°. Утром было заседание моего разряда, читал Н.Б. Бакланов, прочел скучный, специальный доклад о принципах в архитектуре. В кладовой продолжал описывать серебро, часы. После 3-х ходил с Л.В. на Мясницкую, где она купила себе чайник, заехал на 5 минут к ней, и домой.

22 (9) декабря. –8°. Продолжал описывать часы. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», где для крестника купил зимнюю шапку за 7 р. 50 к. Послал И.И. Толстому свою статью «Молдавское серебро» для сборника в честь Жебелева. Вечером писал о Микулинской чашке.

23 (10) декабря. –6°. Поехал утром на Пречистенку в Кубу, где зарегистрировался на площадь по 1 апреля. Из Кубу прошел к Танюше, купил детям карамель, пирожков с мясом и т.д. В Музей приехал к 11 ч.; описывал часы в кладовой; после занятий покупал в Охотном ряду съедобное вместе с Л.В., проводил ее до квартиры. Уезжает с квартиры председатель домового комитета К.Р. Титкин с семьей из-за неприятностей; жаль его: человек честный, хотя неважный администратор.

24 (11) декабря. +1°. Дождь. Купил яблоков Л.И. Вороновой, карамель для дома. Писал серебро с Л.В. в кладовой, из-за темноты кончили ранее 2-х часов. В Музей зашел Павел Сергеевич Шереметев, принес для продажи 2 кафтана XVIII в., 2 портрета (Коновницыной и Яковлевой); говорит, что материальное положение его плохо. После занятий зашел к «Мюру», купил мыла. Вечером писал о чашке.

25 (12) декабря. +1°. Занятий нет, хотя никто упорно не празднует Рождество Христово по новому стилю. Топил печь. Днем пришла М.Н. Гусева с детьми, после А.А. Карзинкин с Аделиной и Соней; Аделина, как католичка, празднует; в 2 ½ ч. все ушли. Сегодня в театре при Балаши<хи>нской фабрике (по Нижегородской железной дороге) идет «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого (Лёля играет небольшую роль Ирины); костюмы, взятые напрокат за 19 р., были принесены к нам (их более 10 пудов), я смотрел шапку Мономаха, одежду Грозного, бармы, женские костюмы, кафтаны рынд и проч., все сделано очень недурно и близко к эпохе; перед отъездом на вокзал пришел Евгений Алексеевич Краевский, играющий роль Грозного; говорят, Краевский недурной трагик. Писал о чашке из Микулина, читал письма Салтыкова-Щедрина, очень интересны; читал 76-й год, переживаю то время; но как он резок!

26 (13) декабря. Около 0°. Лёля с актерами вернулись в 9 ч. утра, заработали по 12 р. на человека. К 12 ч. пошел к Л.И. Вороновой, шел 50 минут (трамваи сегодня пошли с 12 ч., вчера совсем не ходили); она очень любезно меня встретила, крестник мой на вид здоровенький мальчик; пришла З.П. Измайлова, моя кума, сели завтракать, мальчик не сходил с рук Василия Сергеевича: так он его любит; позднее пришла Н.Н. Клейн; поел ветчины, выпил стакан кофе, в ½ 2-го пошел сесть на трамвай 31 и случайно встретил Л.В., с ней вместе поехали к Танюше, посидел немного с детками и уехал в 3 ч. домой. Получил от Миннза очень милое письмо. Заходила Валя, говорит: день хорошо, день плохо. Вечером писал о чашке.

27 (14) декабря. –2°. Воскресенье. Ночью, в 1 ½, был разбужен криками из комнаты, где живут Мусаткины; слышал брань, не спал часа 2. Вот прелес-

ти жизни, которую нам дали большевики! В 12 ч. поехал к Л.В., пил кофе, ел пирог с маком, ветчину, время провел очень тоскливо, в 2 ½ ч. уехал домой. К ней заходил какой-то Никитин, доктор Поспелов, показывал фотографии с прокаженных. Днем читал письма Салтыкова, «Дроздовский клад» С.И. Чижова, немного поспал. Вечером у жены были: племянница Анучина с новым мужем и Вера Попова тоже с новым мужем; я не выходил ни к кому.

28 (15) декабря. –5°. В кладовой Музея занимался В.И. Троицкий русскими клеймами на серебряной посуде. Приехал Орбели, хлопочет в Главнауке о разрешении купить у англичан сасанидское серебряное блюдо за 6000 фунтов стерлингов (57 000 р.); Троцкая протестует. С трудом занимался в кладовой описью часов, такой темный день.

29 (16) декабря. –5°. В Музее ни сегодня, ни завтра занятий нет, по-видимому, местком Музея это устроил в угоду низшим служащим, которые были заняты в праздники. Утром поехал в Оружейную палату, которая, однако, была заперта; из Кремля зашел в Охотный ряд, купил съедобного, и домой. Выпало много снега, который продолжает идти. Дочитал письма Салтыкова. Как он страдал! Последнее его письмо к Пантелееву – это сплошной вопль от физических страданий. По-видимому, он всю жизнь был болен, что отражалось на его психике. К 5 ч. пришли: И.А. Орбели и Н.П. Кивокурцев, обедали, сидели до 8 ½ ч.; с Орбели приятно разговаривали о наших работах; он большой знаток сасанидского искусства. Кивокурцев просил достать некоторые журналы по нумизматике.

30 (17) декабря. –3°. В 9 ч. утра пришел И.А. Орбели, с ним поехали на Кудринскую площадь к В.С. Муралевичу, который говорил мне, что кто-то приносил ему 14 серебряных сасанидских чаш, которые, с моих слов, заинтересовали Орбели; к сожалению, Муралевич не мог указать, кто ему приносил и т.д., расстались с И.А. на Кудринской площади, я поехал в Экспериментальный театр (бывший Зимина на Большой Дмитровке) и взял себе на завтра билет на «Севильского цирюльника» (балкон бельэтажа, 3 ряд, середина, № 120, за 2.50). Дм. Дм. прислал из Оружейной палаты курьера с книгами, взятыми у меня («Analele» и Яцимирского о русском искусстве), в письме просит прислать мой входной в Кремль билет для отсрочки с 1 января; я послал ему мою статью о молдавском искусстве для архива Оружейной палаты. Кончил заметки о чашке из Микулина Городища.

31 (18) декабря. +1°. Сильная оттепель, лужи на улицах огромные! Описывал часы при свете стеариновой свечи, электричества в кладовой нет! Вчера у Муралевича я увидел случайно веер и на нем номер инвентаря Исторического музея; веер он купил на Смоленском рынке в начале ноября; сегодня он веер принес, оказался наш. Мы все очень взволнованы. Кто мог стащить его? После занятий заходил к «Мюру» и другие магазины за сладкой наливкой к Новому году для Лёли, нигде не продают, купил кагор. К 8 ч. приехал в театр; опера «Севильский цирюльник» прошла в музыкальном отношении очень хорошо; Альмавива – Юдин, Розина – Барсова, Фигаро – Головин и Базилио – А. Пирогов[101] прекрасно пели; у Барсовой не сильный, но чистый колоратурный сопрано; оркестр небольшой, но хорошо играл (дирижер Небольсин[102]); возмутила меня мейерхольдовщина: во 2-м и 3-м актах декорации и мебель двигались под музыку (?!), все это для меня было невыносимо. В начале 12-го был уже дома; поели фромажа из печенки, сыра и поздравили (жена, Лёля, О.И. с Олегом и Анюта) друг друга в 12 ч. кагором.

1926 год

Январь 1926 г.

1 января (19 декабря 1925 г.). +1°. В 12-м часу пошел к Карзинкиным, но никого не застал: все были в католической церкви. Проехал в Девичий монастырь к князю, которого встретил у его квартиры, он хотел вернуться, но я отказался, и мы вместе поехали – я домой, он на панихиду к С.К. Родионову[1], вчера умершему от рака в кишке (Р. женат на Шаховской, родственнице князя). В вагоне линии **А** встретился с С.П. Ордынским; он рассказал, что заседание со здешними юристами о процессах в 1905 и следующих годах по поводу так называемого Вооруженного восстания не состоялось и перенесено на 18 января; С.П. взял себе литературные процессы этих лет. Он сказал, что едва ли все эти отчеты о процессах понравятся большевикам. Придя домой, стал топить печь. Заходили поздравить: 3 сына сестры жены Адель Шмидт и сын Адольфа Штрауса – Женя.

2 января (20 декабря). –2°. Около 12 поехал к «Мюру», зашел к Танюше, они проиграли дело в суде (заставили платить 5 р. с сажени и пени 600 р.), подали кассационную жалобу. В 7 ч. приехал к Л.В., побеседовали, закусили; у нее какие-то недоразумения с квартирой; около 11 ч. я ушел.

3 января (21 декабря). –4°. Воскресенье. Слышал я, что П.Г. Виноградов, оксфордский профессор, умер в Париже. Написал Миннзу письмо. Заходил А.А. Карзинкин; была Валя, ей стало лучше. В 1-м часу пошел к Аделе, молодежь только вставала, посидел у нее до 3-х, пил со всеми чай. Дома застал Сережу Орешникова; пришел Емельян Флегонтович Депутатов, наш бывший дворник, подарил кусок свинины, обедал с нами, угостил его смирновской водкой. Около 8 ч. приехали из Мытищ Леон. Ст. с Надей, Митя, Миша и Наташа с Жоржем – все наряженные в костюмы (из Большого театра), в которых были во время ряженого вечера в Мытищах под Новый год. Вошли молча, проплясали Надя с Митей, после Леонид Степанович (дама) с Жоржем, после сняли маски; пили чай, угостил их мадерой, в 10 ч. все уехали. При свете магния сделали 2 фотографических снимка.

4 января (22 декабря). –2. Принесли в Музей продать очки Екатерины II, подаренные ею вице-губернатору Новосильцеву; футляр серебряный с фарфоровым медальоном, на нем портрет Екатерины. Описывал часы, остальные продолжали описывать серебро. После занятий заходил в Охотный ряд, купил масла, рахат-лукуму, водки.

5 января (23 декабря). –3°. Была закупочная комиссия, купили 2 кафтана и 2-е штанов конца XVIII в., 2 портрета – принесенные Шереметевым; намечены к покупке: очки Екатерины II и разная мелочь. Большой переполох произвела пропажа стакана с резьбой В. Андреева, который хотел посмот-

реть В.И. Троицкий; не получив стакана, В.И.Т. ушел; после его ухода стакан нашелся между стопами. Продолжается опись часов, серебра. После занятий заходил в Охотный ряд, купил голландского сыра. Вечером писал о чашке из Микулина.

6 января (24 декабря). 0°. Рождественский сочельник. Настроение тяжелое. В Музее куплены за 100 р. у Георгия Евгеньевича Муратова очки Екатерины, подаренные ею Новосильцеву; хорош серебряный футляр с портретом Екатерины II на фарфоре. Описывал с Л.В. серебро в кладовой. После занятий зашел в Охотный ряд, купил для детей пастилы, пряников и поехал домой. К вечеру стало –5°, резкий ветер. Ко всенощной не ходил.

7 января (25 декабря). Рождество Христово. –8°. Тяжело на душе, встречая при такой жизни великий праздник; страдаю за всех моих ближних. Господи! Помоги нам, облегчи нашу жизнь. В свое время пошел на службу, народу на улицах мало, в Музей служащих пришло также менее, я описывал с Л.В. посуду в кладовой. После 3-х поехал домой. Настроение все время было тяжелое. Вчера Д.Д. мне написал, что в числе пожитков Бориса Годунова значатся 3 чарки *на волоское дело*; это выражение Д.Д. считает за работу русских мастеров, иначе было бы сказано «волоскаго дела». Петух, по его мнению, немецкой работы XVI века. А.Н. Зограф мне пишет о смерти О.Ф. Ретовского; после омоложения в прошлом году он впал в детство. К вечеру приехали: Кочурины с мальчиком, Маша с 3 детьми, Танюша (прямо с поезда из Клина), Л.С. и Надя с Соней Савари; больны: Валя, опять желудком, Наташа-внучка; в 8 ½ ч. все ушли.

8 января (26 декабря). Окно замерзло. Утром было –14°, к вечеру стало –8 ½°. Комната, где спала Ольга Ивановна (бывшая наша спальня) по суду отдана Алексееву, сожителю бывшей нашей горничной Н. Росинской. Приехала погостить Адель Шмидт. В Музее описывал с Л.В. серебро, и отбирали вещи для выставки XVIII–XIX вв. Ольга Ивановна переходит в комнату Алексеевых. В квартире нашей большие ссоры между пролетарским населением, что меня очень нервирует, заниматься трудно.

9 января (27 декабря). Окно замерзло, по-видимому, –12°. Утром ходил в кооператив за чаем, был у цирюльника, топил печь. Днем заходил князь Н.С. Вечером был у Л.В., прочитал ей мою заметку о чашке из Микулина; ушел в 11 ¼ ч. Погода ветреная, снежная метель.

10 января (28 декабря). Термометра не видно: окно замерзло. Воскресенье. Весь день рылся в летоп<исях> по поводу некоторых вопросов о Микулинской чашке. Перед вечером заходил некий Кочен, бывший табачный фабрикант в Киеве, предлагавший для Музея 86 портретов декабристов за 2000 р.; я ему сказал, что такой цены Музей не в состоянии заплатить, и посоветовал ему обратиться в Главмузей к Троцкой. Написал Н.П. Лихачеву письмо, где поделился с ним о приобретениях Исторического музея за последнее время. Вечером был у меня К.В. Крашенинников, беседовали о всяких современных вопросах, больше юридического характера.

11 января (29 декабря). Р. Окно замерзло. Слышал, вчера было утром –14°, сегодня –20°. В Музей заходил П.С. Шереметев, доволен, что купили у него мундиры и проч., он очень стеснен материально. Описывал в кладовой часы. В 3 ч. отправился с Натальей Александровной [Гринвальд] к Нечаевым, обедал, беседовал с П.П. и с его отцом, более никого у них не было; ушел до-

мой около 7 часов. Застал дома заседание домового комитета, но я не вышел, очень продрог на морозе.

12 января (30 декабря). Окно замерзло. Утром было –20°, после 3-х –16°, шел небольшой снег. На короткое время заходил в кладовую, описывал часы, остальное время зарегистровывал покупки. Принесли продавать акварельный портрет Сергея Бакунина работы К. Брюллова 1833 г. После 3-х ходил с Л.В. на Тверской бульвар к Т.Н. Поливановой, смотрели портреты Петра I, Елизаветы Алексеевны, очень плохой работы. Дошли пешком до Кудрина и домой.

13 января (31 декабря 1925 г.). Окно замерзло; в моей комнате +7 ½°! Последний день тяжелого года. Господи! Помоги нам! Узнал, утром было –12°. У жены сильный грипп, поставил термометр: 36,4°. В Музее было заседание моего разряда в отделе религиозных древностей: Пономарев настойчиво требовал у Анисимова открыть религиозную выставку к 1 марта, после резких прений между ними Анисимов согласился. Описывал часы. После 3-х обедал с Л.В. в «Праге», после зашел на ¼ часа к ней и домой. Дома застал доктора Гальперна у жены, он нашел сильный грипп, но воспаления в легком не нашел, прописал банки; повышения температуры нет. Купил жене яблоков и винограда. Приглашенная фельдшерица поставила 65 сухих банок на спину и грудь.

14 (1) января 1926 г. Окно замерзло. Жена всю ночь прокашляла, жара у нее нет, потела. Утром было –12°. В Музее докончил опись карманных часов, в 2 ч. ушел с Л.В. к «Мюру», где она помогла мне выбрать одеяло для жены (22 р. 23 к.!). Дома застал в более лучшем состоянии, но кашель еще есть. Топил печь. Сергиевский поручил мне написать для отчета с 1921 по 1925 г. характеристику лучших вещей к 1 февраля.

15 (2) января. Окно все еще замерзло. Ночь спал, как убитый, после вчерашней тревожной ночи. В комнате температура после топки утром +19°. Утром было –13° при тихой погоде и сильном тумане; в 3 ч. –10°. Здоровье жены улучшилось, кашель значительно уменьшился, но с постели пока не встает. Днем заходила Валя, чувствует себя хорошо. В Музее докончил опись карманных часов, всех 304 экземпляра. Купили за 10 р. портрет гуашью Кашкина, интересный тем, что на нем запись рукою Прасковьи Александровны Осиповой, друга А.С. Пушкина; находился до 1902 г. в Тригорском.

16 (3) января. Термометр рассмотреть нельзя: окно замерзло. Слышал, температура утром была –10°. К 12 ч. поехал в Оружейную палату, было заседание Ученого совета: Дм.Дм. доложил о маленьком золотом предмете – пластинке с эмалевым изображением птички византийской работы, века X-го; Д.Д. обратил внимание на технику эмали. Из Оружейной палаты пошли в Благовещенский собор, куда из церкви села Алексеевского перевезены 4 деревянные скульптуры 4 святителей, ранее находившихся в Успенском соборе, работы XVII в. Я посмотрел на иконостас, он прекрасен; было бы жаль переносить иконы опять в Исторический музей. Случайно увидел на орнаменте дверей в Благовещенском соборе те же мотивы, что и на Микулинской чашке; без сомнения, орнамент итальянский. Из Кремля зашел в Охотный ряд за провизией. К 7 ч. поехал к Л.В., она себя чувствует слабой, зашила мне все прорехи на визитке[1*], около 11 ч. я уехал. Температура вечером –7°.

[1*] Визитка (здесь) – верхняя часть костюма для визитов, вероятно, полуфрак.

17 (4) января. Термометра не видно. Воскресенье. Здоровье жены улучшается, встала с постели. Прочел великолепную 23 главу Евангелия Матфея. Заходил А.А. Карзинкин, посидел у жены. Пришла Валя, вид ее мне не понравился, но говорит, что чувствует себя лучше. Жена Сережи Юзя, говорят, очень больна: у нее чахотка. Приехала из Мытищ Надя с А.А. Паршиковым, который привез аппарат радио, антенну поставит в конце недели. Надя привезла снимки с ряженых, снятые у нас 3 января, их неудачно раскрасили. Поставили временно аппарат – радио (чрез электрические проводы), я слушал между 3 и 4 ч., говорили какую-то речь, звучит превосходно; в 8 ч. слушали оперу «Демон», исполненную в бывшем театре Зимина (теперь Экспериментальный), я кое-что прослушал из 1 и последнего действий; звучало удовлетворительно.

18 (5) января. –5°. Здоровье жены поправляется. Готовил отчет с декабря 1921 г. по 31 декабря 1925 г. Было заседание по устройству выставки XVII в. Купили стеклянной и фаянсовой посуды на 400 р. у дагестанца. После 3-х зашел с Л.В. к «Мюру», купил жене карамель. Приготовил список моих печатных трудов для Цекубу; М.М. Богословский хочет меня провести в 4-й разряд. Заболела сестра Саша кровотечением из носа, к ней (в Дмитров) поехал Вася Сахновский.

19 (6) января. Окно вновь замерзло. Праздник Крещения Господня, отмененный большевиками. В Музее записывал в инвентарь купленную вчера посуду и кушаки при помощи обеих сотрудниц. Во 2-м часу явилась экспертная комиссия с евреем Вейнером[2*] во главе, затем Мамуровского[2] и Вишневского, осматривали предназначенное к продаже серебро; в 3 ч. ушли. Температура утром –12°. В Музей утром заходил С.К. Богоявленский, взял у меня список моих печатных трудов для передачи М.М. Богословскому. Приехал дня 2 назад на съезд ботаников Н.М. Гайдуков; вечером был у нас.

20 (7) января. Окно замерзло. Ходил из Музея в типографию «Прометей», чтобы заказать Инвентарную книгу, но бумаги хорошей нет. Заходила Н.А. Бакланова с корректурой своей статьи о приказах. В кладовой отбирал для отчета вещи. Н.Б. Бакланов привез из Петербурга несколько интересных видов Москвы художника Алексеева[3] конца XVIII, начала XIX в.; особенно интересны виды (внутренние) Кремля.

21 (8) января. –13°. Утром явилось недомогание, слабость; в Музее едва ходил. Приходила Н.А. Бакланова с корректурой, я разметил рисунки. Говорил с Пономаревым относительно жены Фомина, которая вчера бестактно сказала художнику Бразу[4], что Музей покупает хлам, а хорошие вещи отказывает. Недолго был в кладовой с Л.В. и Витвером. В 2 ч. уехал, до дому меня проводила Л.В. Заказал инвентари для щукинского собрания и для собрания Музея. Приехав домой, выпил 2 стакана кофе и лег в постель, проспав более 2-х часов. Вечером пришел Н.М. Гайдуков, беседовал с ним два часа.

22 (9) января. У большевиков праздник, занятий нет, –9°. Вчерашнее недомогание прошло. Топил печь. Пришли: Н.М. Гайдуков и А.А. Карзинкин, завтракали. Занимался статьею о чашке. Получил от Миннза письмо (ответ на мое) с его портретом. Пришла Танюша, беседовали, пили чай; послал с нею письмо к Л.В. и книгу Борзаковского (о [нрзб.]).

[2*] Вероятно, Л.Я. Вайнером.

23 (10) января. –8°. Был утром на почте, купил открытых писем и марок; купил «Известия» с фельетоном, между прочим, о Б.К. Зайцеве, который послал Вере. Заходил к «Мюру», купил косарь, ножницы и т.д. Придя домой, написал Миннзу. Занимался своей статьей о чашке. К 7 ч. поехал к Л.В., у нее сидела Е.Г. Адамова; здоровье Л.В. неважно; уехал в 10 ½ ч. По радио жена и Лёля слушали «Лоэнгрина», послушал немного я; звучит оркестр хорошо.

24 (11) января. Воскресенье. Встал в 11 ½ ч. На солнце –5°, к вечеру, после заката, –8°. До обеда читал Павла Алеппского, написал Лихачеву письмо. Вечером писал о Микулинской чаше; высказал предположение, что она могла служить для провозглашения «чаши» в честь великого князя на пирах. По радио слушал некоторые места из «Пиковой дамы»; звучало не всегда одинаково хорошо, слышалось иногда шипение.

25 (12) января. День св. Татьяны. Память покойной матери, царство ей небесное. –11°. В Музее было заседание выставки XVII в., я знакомил членов с медною и серебряной посудою. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил Танюше сыра, масла, сарделек. После обеда поехал поздравить Танюшу; было много народа: Диатроптовы, В.Ф.[Джунковский] с племянницей, доктор Селивановский с женой и др.; посидел часа 2 ½ и уехал. Шел снег, температура в 10 ½ понизилась до –4°.

26 (13) января. –1°. В заседании закупочной комиссии решено не покупать портрета Бакунина работы К. Брюллова (аквар<ельного>). Начал описывать табакерки. Вечером читал кое-что из 2-й части «Домашнего быта русских царей». Прослушал по радио 1-ю картину I акта оперы «Садко», звучало недурно.

27 (14) января. –3°. Все служебное время описывал табакерки. Умер ортопед Духовской[5], прекрасный врач и превосходный человек, смерть его произвела на всех большое впечатление. Мне передавали, что в отделе по делам музеев (где Троцкая) большие несогласия с Анисимовым по вопросу о кремлевских иконах; хотят учредить комиссию по вопросу, где хранить иконы из соборов, в Историческом музее или в Кремле; в комиссию якобы назначены: Остроухов, Нерадовский и я. Слушал по радио кое-что, исполнявшееся в Консерватории: «Клевету» Россини, пел под рояль Садомов[6] (хорошо), вальс Штрауса (фортепьяно); звучало хорошо.

28 (15) января. –4°. Весь день заседания! Особенно утомительно было заседание Ученого совета, на котором, между прочим, разбирали вопрос о модели Коломенского дворца: передать ее или не передавать в музей села Коломенского; определили: временно передать до открытия выставки XVII в. Музейный отдел меня назначил председателем комиссии по обследованию икон, переданных из Исторического музея в Кремль; члены комиссии: П.И. Нерадовский и И.С. Остроухов. Обедал в Московском трактире с Л.В. Придя домой, застал Л.Н. Зоргаген.

29 (16) января. –5°. Продолжал описывать табакерки. Заходил Д.Д. Иванов, принес «Сборник Оружейной палаты». Было заседание редакционного комитета Исторического музея. Квартирный процесс вчера арбатские дамы выиграли. К 7 ч. поехал к Л.В., читал Щедрина (сказки) вслух; ее здоровье неважно. Стало к вечеру холодно, –10°, сильный ветер.

30 (17) января. Встал поздно, на солнце –5°, к вечеру около –9°. В 12 часов приехал в Оружейную палату на заседание Ученого совета, которое было

посвящено вопросу об обмене с Гохраном некоторых интересных предметов, там находящихся (все они реквизированы!) на ненужные Оружейной палате вещи. Как все это возмутительно! После зашел к «Мюру», где купил провизии на завтрашний обед. Вечером читал под гул брани самой отборной жильцов квартиры. Писал статью. Прочел в «Сборнике Оружейной палаты» статью о кубке работы (предполаг<аемой>) Круга, написанную Д.Д. Ивановым в стиле, свойственном автору, очень цветистом; для русского искусства статья имеет мало значения. Другая статья Н.Н. Померанцева о финифти усольского дела представляет новую страницу в истории русского искусства.

31 (18) января. Воскресенье, встал поздно. На солнце –5°. Топил печь. Поработал над статьей. К вечеру пришла милая чета Позднеевых, побеседовали часа 2 ½. Вечером на воздухе –8°.

Февраль 1926 г.

1 февраля (19 января). –6°. Докончил в Музее опись табакерок в витрине среди кладовой. После 3-х проводил Л.В. до Хрущевского переулка и по **А** домой. Дописал свою статью о Микулинской чашке. Написал П.И. Нерадовскому письмо об учреждении здесь комиссии о рассмотрении икон, перенесенных из Исторического музея в Кремлевские соборы.

2 февраля (20 января). –5°. Продолжал описывать табакерки из шкафа. Был на заседании общеисторического разряда (Богословского не было, председательствовал С.В. Бахрушин), И.А. Витвер прочел интересный доклад о лицах, встречающихся на посуде XVII в. в собрании Исторического музея. После 3-х отправился в цирюльню и домой.

3 февраля (21 января). –4°. Докончил опись табакерок в шкапу, принялся за мелочь. Заходил граф Шереметев, принес фрак 30–40-х годов XIX столетия и портрет С.М. Голицына на продажу. Получил из Музейного отдела официальное предложение написать отзыв о статье Клейна. Пономарев мне предложил прочесть и подписать протест, присланный Н.И. Троцкой против белого террора в Румынии; ввиду политического характера протеста я отказался подписать. После 3-х отправился к И.С. Остроухову поговорить об иконах кремлевских; по его мнению, их необходимо увезти из Кремля, в случае бомбардировки Кремля, как крепости, иконы пострадают; со мною ездил А.А. Карзинкин. Посидел у И.С. с полчаса. Заходил в Музей Д.Д. Иванов; относительно Микулинской чашки он высказал мнение, что она восточной или константинопольской работы. Дома я застал Надю и Лялю, вместе обедали. Вечером слушал по радио увертюру «Волшебный стрелок» Вебера и отрывки арий под рояль; звучало недурно.

4 февраля (22 января). –3°. Плохо спал ночь, ссоры и крики жильцов продолжались часов до 2-х; чувствую недомогание. Весь день шел снег. В Музее описывал безделушки. После 3-х поспешил уехать домой. Написал К.В. Тревер и послал ей под заказною бандеролью «Сборник Оружейной палаты». Загородное письмо с 1 февраля стоит 8 копеек.

5 февраля (23 января). Р. –7°. Начал составлять отчет Музея от декабря 1921 по январь 1926 г. После 3-х ч. отправился с Л.В. в Охотный ряд, где она покупала провизию, оттуда прошли в аукционный зал на Петровке (в пас-

саже), где мы смотрели предложенную Музею эмалевую посуду, 9 штук: 4 бокала, кувшин с лоханью, коробку, поднос и поднос за 500 р.; все бокалы поддельные; я отказался. Довез Л.В. до квартиры и домой.

6 февраля (24 января). Окно замерзло, слышал, что –15°. Прочитал статью В.К. Клейна об иноземных тканях в «Сборнике Оружейной палаты» и начал писать о ней отзыв для получения автором премии Главнауки. Вечером был у Л.В., она страдает мигренью; пришел ее бывший муж, М.И. Сизов, рассказывал о принципе радиопередачи, я мало понял; в 10 ч. 20 м. уехал домой.

7 февраля (25 января). Воскресенье. Окно замерзло. В моей комнате температура утром +7°. Топил печь. Весь день писал отзыв о статье Клейна. К обеду пришла Маша с Яльмаром и Машей прямо из цирка, где смотрели тигров; не следует показывать детям это дикое зрелище. Температура воздуха после заката солнца –12°. Приехал Н.М. Гайдуков на несколько дней.

8 февраля (26 января). Окно замерзло. –18°. Было заседание комитета по устройству выставки XVII в., я показывал с объяснением ларцы, подголовки, укладки и т.п., Л.В. демонстрировала с объяснением чернильницы, трубки для перьев и т.д. После 3-х был у «Мюра» с Л.В., купил хлеба, колбасы, после в кассе на Петровке взяли билеты на духовный концерт в Консерватории на воскресенье. Через Кудрино вернулся домой.

9 февраля (27 января). Окно замерзло. Вчера купил дров у железнодорожника дешевле, чем на рынке. Узнал, температура была –17°. В Музей заходил граф Шереметев, купил у него форменный фрак министра народного просвещения 30-х годов за 35 р. Подготовлял отчет. После 3-х заходил к Burban (у Арбатских ворот), купил пирожного. Придя домой, застал жену в кровати: у нее была сердечная схватка, к счастью, прекратившаяся после приема валериановых капель. Докончил отзывы о статье Клейна.

10 февраля (28 января). –18°. Слышал, что на открытых местах утром было –22°. В Музей членом совета назначен Щекотов и он же заведующим отделом иконографии. Отзыв о Клейне перепечатан на машине для передачи в Главнауку. Подготовлял отчет. После 3-х ездил с Баклановым в аукционный зал (у Арбатских ворот), хотели смотреть петровскую мебель, но она взята владельцем обратно. В Музее очень холодно, мало топят за недостатком нефти.

11 февраля (29 января). –18°. Вечером стало –7°. Все время в Музее подготовлял отчет, описывая серебро. На заседание Ученого совета пришел к концу, и не досидел: оно очень затянулось. Послал в Главнауку через С.П. Григорова мой отзыв о работе Клейна.

12 февраля (30 января). Окно замерзло. День именин отца, царство ему небесное. Продолжал описывать вещи к отчету. Приходил Нерадовский, сговорились на будущую пятницу собраться у Остроухова. Заходил М.М. Богословский, принес 2 анкеты для заполнения в Союз работников просвещения, я их заполнил и после 3-х отнес в Союз на Театральной площади. Ходил с Л.В. к «Мюру», купил сосисок, потом ходил с ней покупать подкладку для весеннего пальто; заехал к ней, посмотрел материю, полученную ею из Берлина. Встретил П.К. Вощинина, он отказался от Зоологического сада из-за несогласия с директором. Сегодня А.П. Мюллер простилась со мною, уходя совсем из Музея, она поступит где-то в Петербурге на службу. Н.М. Гайдуков уехал в Минск. Температура утром была –13°, к вечеру –5°.

13 февраля (31 января). –6°. В спальне жены спала Л.Н. Зоргаген. Топил печь. Весь день обдумывал статью для 100-летнего юбилея Керченского музея, сделал некоторые изменения в статье о Микулинской чашке. В 6 ч. вышел из дому, чтобы поехать к Л.В., у ворот почувствовал головокружение и тошноту, по-видимому, я угорел, прислонился к забору, ожидая трамвая, и стало легче; у Л.В. читал вслух «Предводитель Струнников» Щедрина, у меня опять заболела голова, в 10 ½ ч. я ушел, дорогой боль прошла.

14 (1) февраля. –3°. Воскресенье. Шел небольшой снег. Был в зале Консерватории в 1 ½ ч. дня на концерте; исполнялась хором под управлением Чеснокова «Всенощная» Рахманинова; прекрасный хор исполнил: 1) «Благослови, душе моя»; 2) «Блажен муж»; 3) «Свете тихий» 4) «Ныне отпущаеши»; 5) «Богородице, Дево, радуйся»; 6) Шестопсалмие; 7) «Хвалите имя Господне»; 8) «Благословен еси, Господи»; 9) «Воскресение Христово видевшее»; 10) «Величит душа моя Господа»; 11) Славословие великое («Слава в вышних Богу»); 12) «Взбранной воеводе». В общем, все композиции мне не очень понравились; лучшее впечатление на меня произвели: №№ 2 и 4 по 8; остальные меньше, а некоторые (1, 3, 9) почти никакого. Были в концерте Л.В., Н.А. и Петр Петрович [Нечаев]; народу было много, несмотря на то, что это было повторение того же концерта. Зал вижу только во 2-й раз, меня поразил колоссальный орган, дар С.П. фон Дервиз[7]. По стенам висят портреты композиторов почти исключительно немцев; из русских только Рубинштейн и Бородин; Глинка, Чайковский не удостоились быть помещенными; над эстрадой рельефный портрет Рубинштейна.

15 (2) февраля. –2°. Сретенье Господне, праздник, отмененный большевиками. В Музее подготовлял отчет. Приехал И.А. Орбели, привез письмо от К.В. Тревер, которая, оказалось, писала мне 11 января заказным письмом, которого я не получил. Вышел 4-й том «Известий Академии материальной культуры», моей статьи о перстне в нем нет. После 3-х зашел с Л.В. в аукционный зал на Петровке, смотрели канделябры и проч. Шеншиной, которые нам не очень понравились. Зашел в Охотный ряд, купил жене яблоков.

16 (3) февраля. –9°. Продолжал отчет. Перенесены м<ощи> пр<еподобного> С<аввы> Зв<енигородского>; после 3-х поехал к Танюше, свез всем баранок, сухарей, шоколаду, пончиков; здоровье Тани неважно, когда я пришел – она лежала. Приходила в Музей В.Д. Бакланова (дочь Анучина), хлопочет о пенсии, я ей подписал удостоверение, что она находилась на иждивении отца. Прослушал по радио пролог и 1-й акт «Царя Салтана», звучало нехорошо, что-то шипело.

17 (4) февраля. –3°. В Музее было заседание специально-исторического разряда; Н.Б. Бакланов сделал заявление разряду, что Фомин покрыл мраморные столы холстом, который выкрасил зеленой краской, краска якобы потекла и испортила ножки стола; определили всему собранию осмотреть, что после заседания было сделано, но особых повреждений я не нашел; Фомин прочитал проект выставки стекла в его отделе, обратив внимание исключительно на штофы и сулеи; его проект не встретил одобрения, и ему предложили устроить выставку русского стекла вообще XVIII и XIX столетий. После 3-х был с Л.В. в вегетарианской столовой, я там выпил какао, она обедала. Купил 4-й том биографии Толстого. Перенесли мелкие частицы. Лёля и Ольга Ивановна сегодня уезжают по Александровской железной дороге недели на 2 играть.

18 (5) февраля. –2°. Продолжаю подготовлять отчет. Щекотов вступил в должность заведующего отдела иконографии. После 3-х обедал в Московском трактире с Л.В. Вечером пришла Танюша, сидела до 9 часов.

19 (6) февраля. –4°. Продолжал подготовлять отчет. Заходила Н.А. Бакланова с корректурою своей статьи о приказах. В 3 часа поехал к И.С. Остроухову, в 4 ч. пришел П.И. Нерадовский, устроили 1-е заседание комиссии по обследованию икон, переданных из Исторического музея в Кремлевские соборы; на вопрос, где при данных условиях лучше оставить иконы: в соборах ли или в Историческом музее, определили предварительно исследовать степень влажности и температуры как в соборах, так и в Музее, производя наблюдения не менее 3-х недель. Заседание продолжалось с полчаса. От И.С.О. зашел к Л.В. и с нею обедал в Московском трактире. Вышло новое издание «Осколки разбитого вдребезги» А. Аверченка; купил за 45 к. (прежде стоила 30 к.). По радио прослушал акт балета «Иосиф Прекрасный», музыка Василенко; мне кажется, в ней чувствуется влияние восточных мотивов Бородина в «Князе Игоре»; мне не понравилось. 2 артиста прочитали сцены Пушкина «Моцарт и Сальери»; затем сыгран был «Requiem» Моцарта и пропета его прелестная колыбельная песня[8]. Какая-то певица начала петь арию из оперы Сальери, не помню какой, но я не дослушал. Составил протокол сегодняшнего заседания у Остроухова.

20 (7) февраля. –3°. К 12 ч. поехал в Оружейную палату на заседание Ученого совета; Д.Д. предложил к покупке деревянное клише с икон Спасителя и Божией Матери Тихвинской века XVII, которое отклонили, и прелестную кокосовую братину в серебре 2-й половины XVII в., судя по имени (забыл его) на оправе; на братине резаны: пирующий царь, постройка деревянного дома и [изображение] сидящего человека со славянскою надписью: «Богатому угобзися ніва»; все рисунки носят западный характер. Я прочел протокол вчерашнего заседания комиссии, заседавшей у Остроухова. Мне определено выдать 15 экземпляров «Сборника Оружейной палаты». Ходил с В.А. Никольским по бронной зале, где, под его руководством, начали размещать оружие. В 6 ч. поехал к С.П. Григорову, свез ему протокол вчерашнего заседания, поговорил с ним с полчаса относительно музейских дел; он мне сказал, что в Музей назначается профессор Рожков вместо Пономарева. Оттуда прошел к Л.В., докончили чтением «Предводителя Струнникова» и начали «Мертвые души»; около 11 ч. ушел; у трамвая встретился с Е.Г. Адамовой, вместе поехали.

21 (8) февраля. Воскресенье. Встал поздно, на солнце +11°. Топил печь. В полдень жена, после многих недель, выходила на полчаса во двор посидеть на солнце. Днем заходила Валя, жалуется на тошноту. Пришел А.А. Карзинкин, обедал; при нем разыгралась обычная возмутительная сцена с площадною руганью, бросанием ножа, поленьев и т.п. между женским полом. Вечером поехал в театр бывший Незлобина, смотрел «Сверчок на печи», переделка из рождественского рассказа Диккенса; милая пьеса, немного сантиментальная[3*].

22 (9) февраля. –4°. В 11 ч. состоялось заседание по выставке XVII в. под председательством М.М. Богословского (Пономарев был занят); я рассказал,

---

[3*] Так в оригинале.

чтó в Музее имеется по архитектуре XVII в.: облицовка домов кафлями, слюдяные рамы, двери, скобы дверные, замки и т.п. Полученные мною 4 экземпляра «Сборника Оружейной палаты» я дал М.М. Богословскому, Н.А. Баклановой, А.М. Бардыгину и Н.А. Гринвальд; по просьбе всех сделал надпись *от редактора*. Назначение в Музей директором Рожкова подтверждается. В Музей заходила жена П.С. Шереметева с письмом от мужа, она урожденная, кажется, княжна Оболенская. По радио слушал 15–20 минут речь Троцкого «Европа и Америка», произносимую в бывшем театре Зимина; речь не блещет красноречием, но очень дельная, ясная, и в той части, которую я слышал, не заметил советского шовинизма.

23 (10) февраля. –2°. Выпал небольшой снег. В Музее ничего нового не произошло. Заканчиваю отчет. Чувствую недомогание. После 3-х заходил к «Мюру», купил чаю, кофе, кофейник жестяной (1 р.), хинина и аспирина. Неожиданно вернулись из поездки Ольга Ивановна и Лёля, потерпели фиаско.

24 (11) февраля. –7°. Докончил описание выдающихся предметов для отчета. Заходили в Музей проездом Фармаковский и Спицын. Пономарев сказал мне, что в Музее скоро будет новое правление. После обеда поехал к Тане поздравить ее со днем рождения, свез ей и деткам съедобного; сегодня же день рождения Александры Алексеевны Андреевой; с обеими новорожденными и с ребятками сидели за чайным столом и мирно беседовали; в 8 ½ ч. я уехал домой; Ек. Ал. больна сильною инфлуенцей.

25 (12) февраля. –8°. Начал продолжать в кладовой Музея опись мелких предметов. Л.В. почувствовала недомогание, проводил ее до вегетарианской столовой, где купил 3-й том биографии Л. Толстого П.И. Бирюкова и 2 выпуск «Воспоминаний» Кузьминской; из столовой через Кудрино домой. От А.И. Маркевича из Симферополя письмо, пишет о предстоящем археологическом съезде в Крыму. И.Е. Миннз пишет, что получил все издания, посланные ему, в числе их «Софию». Вечером пришел Б.Н. Граков, взял несколько выпусков словаря Daremberg-Saglio, который я подарил Историческому музею.

26 (13) февраля. –5°. Заходила А.А. Андреева с письмами А.О. Смирновой (Россет) к графу Соллогубу, которые предложила Музею за 19 писем 100 р.; И.М. Тарабрин обещал дать ответ через 2 недели. С 1 ч. до 2 ½ было заседание редакционного комитета; говорили о статьях для каталога выставки, приняты: Басовой, Корша и Новицкого, последнего с сокращениями; забракованы: С.П. Григоровой и Ивана Никаноровича Розанова. В Музее был секретарь австрийского посольства *доктор Carl Hudeczek*, интересующийся русскими медалями, я обещал ему показать недели через две. Обедал с Л.В. в «Праге». Послал Миннзу под бандеролью «Сборник Оружейной Палаты», написал ему письмо.

27 (14) февраля. –8°. Утром ездил к Никитским воротам, встретился с С.В. Прохоровым, пошли с ним на Тверскую через Леонтьевский переулок, на углу переулка на меня наехал воз с дровами, оглоблей ударило в плечо и сшибло с ног, я упал, но повреждений не получил, кроме легкого ушиба. У Елисеева купил провизии на завтра. Вечером был у Л.В., вчера их обокрали, украли керосинку у Л.В.; здоровье ее неважно, ушел в 10 ½ ч.

28 (15) февраля. –8°. Воскресенье. Топил печь. Начал переписывать отчет. После 2-х часов стала болеть голова, немного полежал, пришла часов в 7 Танюша, сидела до 9 ¼ ч. Голове стало лучше.

Март 1926 г.

1 марта (16 февраля). Р. Окно замерзло. Сегодня день смерти сестры и Кудинова, царство им небесное. Утром было –7°. Чувствую недомогание, слабость, с трудом пошел в Музей, где все время писал отчет. После 3-х отправился с Л.В. на Балчуг, где в Металлосиндикате по протекции Сережи купили керосинку Греца за 9 р. 45 к. (в магазинах стоит около 19 р.); оттуда Л.В. проводила меня до дому. В Музей заходил П.И. Нерадовский. Придя домой, я лег и проспал 2 часа, за это время произошло трагическое происшествие: отравилась Ольга Ивановна карболкой, пригласили врача Гальперна, который промыл ей желудок, вызвали карету скорой помощи и отвезли в Шереметевскую больницу, положение ее опасно; оставила записку, что просит ее не спасать и на ее похороны привести Олега.

2 марта (17 февраля). –5°. Чувствую недомогание, остался дома; переписывал отчет, прочитал рассказ Гофмана о щелкуне и мышином царе. Отравление Ольги Ивановны произвело на меня тяжелое впечатление, мне ее очень жаль. К вечеру пришел А.А. Карзинкин, после Танюша; она принесла письмо Л.В., на которое ей ответил.

3 марта (18 февраля). –5°. Ночью и все утро шел снег, сделалась оттепель. Поехал в Музей, не пришла по болезни Н.А. Гринвальд. Переписывал отчет, Л.В. составляла отчет моего отдела. Около 3 я ушел, до дому меня проводила Л.В. Чувствую сильную боль в колене левой ноги. К обеду пришла Лёля, навещала в больнице Ольгу Ивановну, ей стало лучше. Дай Бог ей поправиться. Приехала Адель Шмидт.

4 марта (19 февраля). –1°. Ноге несколько лучше; остался дома. Дописал отчет, который мне очень надоел. Вчера вечером на живущего у нас в доме Прохора Малахова, ехавшего с деньгами на почтовом автобусе, около Курского вокзала напали грабители, хотели отнять деньги, что, по-видимому, сделать не удалось; на автобусе ехало провожатых трое. В 3-м часу ко мне пришла Елизавета Михайловна Сушкова с просьбою написать удостоверение в Кубу, что она дочь М.П. Струйского, внучка Петра Ник. Струйского, от брата которого Леонтия Ник. родился сын Александр Полежаев, поэт, и что она очень нуждается в пособии; удостоверение ей написал; она попила кофе с хлебом и ушла. Вечером пришла Зоргаген, но я с ней только поздоровался и ушел к себе в комнату.

5 марта (20 февраля). +2°. Отчет с конца 1921 по 31 декабря 1925 г. сдал перепечатать на машинке. Заходила ко мне Вера Васильевна Кулакова из Государственного фонда, которой, по ее просьбе, написал отзыв о ее научности. После 3-х зашел с Л.В. в Охотный ряд, купил сухарей, масла, яблоков и вина. Сильно тает. В 8 ч. началось заседание домового комитета.

6 марта (21 февраля). +1°. В 9 ч. утра поехал с № 1 на Тверскую-Ямскую, где в д. 40, в магазине текстильного треста, можно было купить 40 метров разной материи; благодаря помощи Л.В. все, что было намечено женой, было куплено, но пробыть в страшной жаре от огромного количества людей более 3-х ч.[4*]; я все время сидел, стерег шубу Л.В. Оттуда поехал к ней, выпил 2 чашки чаю с хлебом и с нею поехали к «Мюру», где я купил ветчины и

[4*] Так в оригинале.

овощных консервов; в 4 ½ ч. был дома, где застал внучек – Машу и Наташу. Погода убийственная, мокрый снег, на улицах грязь. Приехал Н.М. Гайдуков. Вчера в заседании выбран в председатели Алексеев, очень глупый, неразвитой человек, но, кажется, не вор.

7 марта (22 февраля). –1°. Воскресенье. Вчера вечером начал болеть мускул под левой рукой, и чувствовал всю ночь боль в левой лопатке, к утру стало легче. Топил печь. Жена мне намазала йодом левую лопатку. Писал отзыв о рукописной работе М.В. Будылиной-Кафки, кончил в 4 ч., начав часов в 11. К обеду приехали Сережа и Юзя, она совсем поправилась; обедал также Н.М. Гайдуков. После обеда, часов около 7, я уснул, приняв аспирина, когда проснулся, то все боли прошли; спал часа 3.

8 марта (23 февраля). –5°. Здоровье мое улучшилось, поехал на службу. Утром было заседание по устройству выставки XVII в., читал С.К. Богоявленский об оружии, я о стекле, об изразцах. Описывал кладовую. Пономарев попросил Л.В. дать ему список моих работ, который требует Главнаука. Не хотят ли назначить мне пенсию? После 3-х поехал с Л.В. до Кудрина, зашел купить мыла, салола, капель Боткина. Встретил Е.М. Сушкову, с которой доехал до Сухаревой башни. Послал Лихачеву под бандеролью «Сборник Оружейной палаты».

9 марта (24 февраля). 0°. В Музее описывал мелочь в кладовой. Получил из-за границы I и II выпуски Rosenberg'a[9] о марках (3-е изд.) на серебре. Страдаю желудком. Дома не обедал, почти все уходили свидетелями в народный суд (Тинку Клименкову присудили к 10 р. штрафа за бросание поленьями в людей). Пригласила обедать Л.В., покормила супом и цветной капустой, попил чаю и прошел к Танюше, купил детям 10 штук пирожного, ушел в 7 часов.

10 марта (25 февраля). +1°. Умерла жена А.А. Захарова, на днях родившая мальчика; жаль бедного А. А-ча. Было заседание 3-го разряда, Клейн прочитал план выставки тканей, затем обсуждали вопрос о принятии в сотрудники в отдел иконографии профессора Фабриканта[10] вместо А.П. Мюллер. После занятий заходил с Л.В. в Охотный ряд, где она покупала провизии. Погода ветреная, сырая. Ели блины, паюсную икру и вино (скверную малагу) покупал Н.М. Гайдуков.

11 марта (26 февраля). 0°. Заходил в Музей П.С. Шереметев с женой, предложил купить акварельный рисунок пожара Большого театра в Москве и книгу Nosdak «Louis XV et Mariè Leszinska». Продолжаем опись серебряной кладовой, остается немного. После 3 был с Л.В. у ее портнихи, которая ей шьет пальто; живет на набережной у Каменного моста; что за квартиры! Такой грязной дыры ни разу не видал. Около 4-х часов вышли, пошел сильный снег, успели сесть в автобус и добрались до угла Спиридоновки и Садовой, я сел на **Б**, она ушла домой. Дал 3 р. на похороны жены Захарова. Вечером заходила Танюша, взяла купленный мадеполам[5*], отдаст какой-то баронессе Дельвиг сшить мне сорочки.

12 марта (27 февраля). –7°. Большевики празднуют свержение самодержавия, занятий нет. Ходил побриться, мыл ноги, чтобы распарить ноготь на

[5*] Мадаполам, (разг.) *мадеполам* – белая хлопчатобумажная ткань, сорт миткаля высшего качества, идущая преимущественно на белье. Происходит от французского madapolame по названию одноименного города в Индии.

большом пальце левой ноги, который врос, и я чувствую острую боль; ноготь немого выстриг, но боль не прошла. Читал «Пошехонскую старину» Щедрина; какие тяжелые картины.

13 марта (28 февраля). –6°. Необыкновенное падение барометра: 731. В начале 10-го поехал на отпевание жены А.А. Захарова в церковь около Староекатерининской больницы; в церкви, кроме умершей, стояло еще 3 покойника, пел плохой хор; пришло много музейских. После литургии сначала отпели 3 покойников, но я очень устал и не остался на отпевание Захаровой. Видел А.А., который заплакал, поздоровавшись со мною, сказал, что родившийся младенец останется еще 1 месяц в больнице. Церковь не та, где отпевали Диму Бруни; та церковь, вроде часовни, в самом здании больницы. Погода ясная, но холодная. В 4 ч. поехал в Охотный ряд, где купил сыру, сухарей и т.д., оттуда к Л.В., ел блины (в них было много сахара), пили чай, я прочитал главу из «Мертвых душ» о Коробочке; беседовали, было довольно скучно; в 10 ¼ уехал домой.

14 (1) марта. Воскресенье. Встал в 10 ½ ч., на солнце +1°. Писал проект письма Пономареву о моем юбилее. Пришли: А.А. Карзинкин и Саша Орешников, обедали; А.А. ушел, Саша сидел вечер. Н.М. Гайдуков уехал в Минск.

15 (2) марта. –6°. Чистый понедельник. В 11 ч. было заседание комитета выставки XVII в., председ<ательствовал> М.М. Богословский; Л.В. прочитала об украшениях, цепях, перстнях; Клейн об одеждах XVII в. Продолжал в кладовой опись браслетов. После 3-х доехал с Л.В. до Кудрина, купил хины, аспирина, зашел в булочную и домой. Перед обедом пришла Т.П. Прохорова, горько жаловалась на пьянство ее мужа, спрашивала, что ей предпринять, чтобы остановить пьянство, на это никакого совета дать не мог, так как С.В. алкоголик, к тому же слабовольный человек.

16 (3) марта. –6°. Вписывал купленные платки, вышивки и проч. Предлагают купить интересный ковш, жалованный Алексеем Михайловичем дьяку Богдану Силину за серебряные и золотые дела в Саввине монастыре в 1650 г., просят 427 р. (3 р. за золотник). Л.В. поздно пришла на службу, была в институте им. Мечникова, где у нее взяли кровь, чтобы сделать сыворотку против заражения корью для ее крестника. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», где купил чайницу[6*] (2 р. 10 к.), зашел на 10 минут к ней. Вечером была Танюша, пришел Н.П. Кивокурцев, взял 3 книги по древней нумизматике.

17 (4) марта. –7°. В 11 ч. было заседание моего разряда, Фомин читал проект выставки стеклянной посуды в Историческом музее. Куплены ковер начала XIX в. за 150 р. и ковш Алексея Михайловича, вчера принесенный, по 2 р. 50 к. за золотник. После 3-х проводил Л.В. до Петровских ворот и уехал домой. Вечером был Б.Н. Граков, пересмотрел «Известия Археологической комиссии», взял выпуска 2.

18 (5) марта. Встал поздно, на солнце +2°. Занятий нет, у большевиков праздник. Топил печь. Рылся в книжных шкапах, ища некоторые книги, какой у меня беспорядок! Иначе и быть не может при тех тяжелых условиях, в которых живу. Когда Господь избавит нас от теперешнего ужаса? Открылся насморк. Вечером пришел Б.Н. Граков, взял остальные тома «Dictionnarie'a» Daremberg-Saglio. Подарил ему: дневники Бранденбурга, изданные Печенкиным, и 2 и 3-й тома «Раскопок в Смеле» Бобринского[11]; 1-го тома не имею.

[6*] «Чайницу» написано вместо зачеркнутого: «сахарницу».

19 (6) марта. –7°. Из Музея ходил в Румянцевский музей, где отобрал для Исторического музея кое-какие вещи из собрания Жиркевича[12], хорошего мало. После 3-х пошел с Л.В. в вегетарианскую столовую, съели по обеду. Зашли к «Мюру», взял билет в Троицкую Лавру, обратный (1 р. 75 к. туда и назад); зашли в магазин ювелирного товарищества (мют), посмотрел кокосовый кубок Троекурова, оказался поддельным; в Охотном ряду Л.В. сделала покупки, доехали до Кудрина, помог ей донести до квартиры. В трамвае ехал с Лёлей, которую встретил, скульптор Меркуров дал ей 25 р. для передачи Ольге Ивановне, добрый он человек. У жены ночью очень болела грудь, боюсь, не аорта ли. Умер генерал Брусилов.

20 (7) марта. –8°. У жены сильные боли в груди. С поездом 10 ч. 20 м. утра поехал в Сергиев (бывшую Троицкую Лавру); на вокзале встретился с Л.В. В музее Лавры нас встретили: В.Д. фон Дервиз, Ю.А. Олсуфьев, пришел немного спустя А.Н. Свирин, ехавший из Москвы в том же поезде. Нам открыли все витрины, посмотрели чару с буквами СΛО ВОΛ, техника ее молдавская, но грубее, чем на сосудах Оружейной палаты. Любопытно блюдо Трубецкого, на дне его резаны буквы ПОΛ СЛО (= словет польское). Смотрел надпись на потире в золотой оправе, пожертвованном Василием Темным; одно место не прочтенное, по-моему, это название монастыря, которое, может быть, прочтется, когда снимут мешающую оковку чаши. Ходили в собор, поклонились мощам преподобного Сергия, выставленным на поругание большевиками. В квартире В.Д. фон Дервиза закусили, попили чаю, ходили в реставрационную мастерскую, где чинился один из покровов на мощи преп. Сергия, а в другой комнате расчищались иконы иконостаса собора школы Рублева. С поездом в 4 ч. 11 м. уехали. С вокзала доехал с Л.В. до Охотного ряда, где она покупала провизию; у Музея сел на **А**. Дома встретил Ольгу Ивановну, приехавшую из больницы, она имеет вполне здоровый вид. В 8 ч. пришел доктор Гальперн, нашел у жены расширение аорты, прописал строгий режим.

21 (8) марта. –6°. Воскресенье. Написал кое-какие добавления к статье о Микулинской чашке. Читал «Пошехонскую старину». Лежал часа 1 ½, сильный насморк. Жена весь день, по совету врача, в постеле; боли в груди сегодня не чувствует. Вечером пришел К.В. Крашенинников, вели разговоры о папстве; он очень интересуется католичеством.

22 (9) марта. –8°. Утром, раньше обыкновенного, пришла Л.В. и сообщила о смерти Карелина, которого очень жалеет, ушла помочь его жене. Купили серебряный ковш Богдана Силина по 2 р. 50 к. золотник (356 р. 25 к.) и ковер русского тканья конца XVIII в. за 150 р. Видел нового директора Н.А. Рожкова, который пожелал со мной на днях поговорить о музейских делах. Отдал перепечатать на машинке статью о Микулинской чашке.

23 (10) марта. –6°. Ветреная резкая погода. В Музее ничего особенного не было. После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд за провизией, затем к «Мюру», где купил краски крестнику Алеше. Вечером приехали Леон. Ст. и Надя из Мытищ, пили чай, коньяк, болтали, в 8 ч. они уехали. Получил письма от Миннза и А.Н. Зографа.

24 (11) марта. –6°. Описывал оружие к отчету Музея с 1 октября по 1 апреля. Л.В. на службу не пришла по случаю похорон Карелина. После 3-х был в рядах, приобрел для Л.В. цепочку для креста. По дороге домой зашел в цирюльню. Статья о чашке перепечатана, порядочно ошибок.

25 (12) марта. –3°. Написал в Музее небольшой отчет о приобретениях и деятельности моего отдела за ½ года. Сидел на заседании эпиграфики в отделе Н.М. Каринского, из специалистов был А.И. Соболевский и М.Н. Сперанский; от Каринского я вынес такое впечатление, что он взялся не за свое дело; мне кажется, в эпиграфике на памятниках материальной культуры он идет ощупью. После 3-х проводил Л.В. до вегетарианской столовой на углу Неглинной и Кузнецкого моста, зашел к «Мюру», купил сыру Тане, чашку жене и клеенку к моему умывальнику. После обеда поехал к Танюше (сегодня рождение Алеши), по дороге купил ей и деткам съедобного и сладкого, Алеше краски; посидел у них часа 1 ½; здоровье Тани неважно, жалуется на боль в груди. Дома застал Валю, слушала с матерью по радио, кажется, «Фауста».

26 (13) марта. –4°. Резкий ветер. Описывал в кладовой кресты тельные и наперсные XVII в. Был секретарь австрийского посольства доктор Карл Худечек (Hudeczek), показывал ему собрание медалей Петра, более он смотреть не стал. После 3-х ходил с Л.В. к «Мюру», где она покупала провизию, я купил жене яблок. В 6 ч. поехал к Л.В., беседовал с нею до 10 ч., она чувствует себя усталою после смерти Карелина.

27 (14) марта. –5°. Топил печь (в комнате моей температура +8°). Выправлял статью о чашке. В 3-м часу ездил в Охотный ряд, купил хлеба, провизии. Вечером была Танюша, сидела до 10 ¼ ч. Заходил Н.П. Кивокурцев, дал ему «Numismatic Chronicle».

28 (15) марта. Р. –6°. Воскресенье. Написал небольшое дополнение к статье о Микулинской чашке (как характеризовали предметы составители описей XVI–XVII вв.). Днем заходила Валя, цвет ее лица очень бледный.

29 (16) марта. –5°. В 11 ч. было заседание комитета выставки XVII в., я демонстрировал предметы освещения, В.К. Клейн показывал образцы тканей XVII в. Описывал кресты тельные. Приехал И.С. Остроухов, но я отказался идти с ним наверх за поздним временем, с ним пошел Брягин[13]. После 3-х заехал к Никитским воротам, после к Л.В. и домой. Обедал К.Я. Малютин. Купил 1 сажень еловых дров по 24 р. за сажень!

30 (17) марта. –3°. Докончил опись крестов (как нагрудных женских украшений). Музей получил 3-й [выпуск] последнего издания Rosenberg'а. М.М. Богословский поднес мне «Русское общество и наука при Петре Великом» – речь, читанную им на годовом собрании Академии наук 2/II 1926 г. После 3-х заходил к «Мюру», где купил икры, оттуда прошел с Л.В. до Воздвиженки, она прошла в Кремлевскую больницу, где лежит вдова Карелина, а я уехал домой.

31 (18) марта. –4°. В Музее в 11 ч. было заседание закупочной комиссии, выдающихся вещей не купили. Смотрел на устройство выставки «Старой Москвы» (в кабинете Председателя и обеих смежных залах), есть интересные листы. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», купил крестнику Никите кошку (55 к.), его матери бутылку мадеры. В Охотном ряду 2 фунта сухих грибов по 3 р. за фунт. В 3 ч. пошел небольшой снег.

Апрель 1926 г.

1 апреля (19 марта). +1°. Начал в кладовой описывать ордена, знаки отличий и т.п. Еще на 6 месяцев мне прибавили 90 р. в месяц. После 3-х заходил с Л.В. в магазин, где она себе покупала цветное полотно; дошел с нею до

Петровских ворот, где она осталась в лечебнице, я уехал на А домой. Погода потеплела. Вечером по радио прослушал увертюру и 1-й акт оперы «Руслан и Людмила»; слышно было очень плохо.

2 апреля (20 марта). +2°. Выпал небольшой снег. Отобрал в библиотеке издания по истории орденов и знаков отличий для определения имеющихся у нас; кстати сказать, музейское собрание не богато знаками отличий. После 3-х ч. доехал с Л.В. до Пречистенки, где она осталась, а я поехал домой. В 3 часа шел густой снег, весь стаявший.

3 апреля (21 марта). +1°. В 10 ч. поехал к «Мюру» и в Охотный ряд, купил для дома компот, для Вороновой яблок. Погода холодная, резкий северо-восточный ветер. Приехав домой, топил печь. Узнал о смерти жены Коли Коссовича, нестарой женщины, умершей от туберкулеза внутренностей. Днем была Валя. Написал А.Н. Зографу письмо. В 3-м часу температура стала –1°, вечером –4°. В 6 ч. поехал к Л.В., прочитал ей статью о Микулинской чашке, сказала, что хорошо написана и научно. Вернулся домой в 11 ¼ ч. Ветер стих, на небе звезды.

4 апреля (22 марта). –3°. Воскресенье. Читал утром Лермонтова, перечитал все любимые стихи последних лет его жизни; какой великий талант. После взял Пушкина, отдохнул душой; сколько спокойствия у моего любимейшего поэта. В 12 ч. отправился к Вороновым; завтра именинница Л.И., свез ей 1 бутылку мадеры, 10 яблоков, крестнику матерчатую кошку. Завтракали, вели незатейливые разговоры; никого у них не было, около 3-х уехал. В 4 ч. пришла Танюша, обедала с нами, в 7-м часу ушла.

5 апреля (23 марта). –3°. Память покойной Л.И., царство ей небесное. Определял в кладовой Музея русские ордена. О.С. Долгова принесла для продажи дневник раскопок[14] на Кавказском побережье и образцы тканей и кружев. После 3-х был с Л.В. в Охотном ряду, купил жене яблоков. Дома написал небольшое дополнение к Микулинской чашке. Получил от И.И. Толстого письмо, пишет, что сборник статей в честь Жебелева будет поднесен юбиляру 18 апреля в напечатанном на машинке виде; все авторы должны заплатить по 5 р. 70 к. за переплет подносного экземпляра. Всех авторов более 50 человек. Едва ли подносились такие сборники юбилярам! До чего дожило наше несчастное отечество! Написал ему ответ.

6 апреля (24 марта). +3°. Утром был в «Цекубу», где получил удостоверение на дополнительную площадь по 1-е октября. В 1 ч. началось заседание общеисторического разряда (М.М. Богословский предс<едатель>), читал И.М. Тарабрин о коммеморативных памятниках Исторического музея с демонстрацией многих предметов (сабля князя Пожарского, палаш Скопина-Шуйского, бумажник Пушкина и т.д.), читал с большим пафосом, что у многих возбуждало улыбку. Получил оттиски статей от Зографа, Денике, Протасова, Захарова. В 3 ч. уехал домой. Получил от Н.Д. Протасова оттиск его статьи «К изучению клейм на византийской серебряной посуде»; статью прочитал, интересна; но я задумался над следующими его словами: описывая клеймо на чашке (стр. 68 оттиска), он расшифровывает буквы на нем Ф Т I М как имя Флавия Тиверия Маврикия, византийского императора; в примечании 12 он пишет: «...с такой расшифровкой согласен и столь большой авторитет, как А.В. Орешников» (?!). Да ведь расшифровывал-то я эти буквы еще в 1899 г. (см.: Древности. Т. XIX, протоколы стр. 71–72, причем составитель

протокола написал, что в дно чашки вставлена серебряная монета (?) с изображением богини и т.д.). Я помню, когда эту чашку впервые увидал в Музее Протасов, то я спросил его, к какому времени он ее относит, он ответил: «к XII»; тогда я ему раскрыл смысл букв Ф Т I М. Не это ли заставило написать на оттиске следующее нелепое посвящение: «Дорогому и глубокоуважаемому *учителю* и т.д.». Могу ли я быть учителем профессора!

7 апреля (25 марта). –6°. Праздник Благовещения, отмененный большевиками. За ночь выпало немного снега. В Музее с 11 до 2-х шло скучнейшее заседание нашего разряда, читались отчеты за ½ года. После была закупочная комиссия, приобрели 2 стеклянных бокала: великого князя Петра Федоровича и П.И. Безобразова, зеркало и 6 альбомов 30-х годов XIX в. Опись кладовой кончена. В 3 часа пошел с Н.А. к Нечаевым, у них был К.Н. Горский; П.М. был отозван к больному, а я беседовал с П.П-чем на разные темы, но более всего он меня знакомил со своею статьею о деятельности Александра II в последние годы его царствования; в 7 ½ ч. я ушел.

8 апреля (26 марта). Окно замерзло! Сегодня выдавали жалованье, моей помощнице Людмиле Вячеславовне прибавили 5 р. в месяц; Л.И. Воронова не утверждена у Клейна помощницей (он ее не представил), что ее крайне обидело, приходила ко мне жаловаться... Никаких особых дел не было в Музее. После 3-х был в почтовом отделении, послал И.И. Толстому 8 р. 5 к. (за себя 5 р. 75 к., остальное за А.А. Захарова). Ясная, но холодная погода; утром, говорят, было –8°.

9 апреля (27 марта). –6°. Ясный, холодный день. В Музее доканчивали в кладовой опись; по подсчету описано Л. В-ной и А.М. Бардыгиным 5000 предметов. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд, к «Мюру», где она и я купили провизии. Сегодня рано утром милиция описала имущество четы Клименковых. Вечером пришла Танюша, приятно беседовали до 11-го часа.

10 апреля (28 марта). –3°. Утром ездил в Охотный ряд, купил сыру, у «Мюра» мыла; зашел в Большой театр, хотел взять билет на вторник «Ночь под Рождество», остались только дорогие места: не взял. Придя домой, топил печь. Приехал Коля Коссович из Батума, там зимы не было, теперь купаются. Дочитал «Пошехонскую старину» Щедрина; какие великолепные характеристики помещиков и крепостных, по силе не хуже Льва Толстого. В 7 ч. приехал к Л.В., беседовали, я прочитал вслух главу о Ноздреве в «Мертвых душах»; в 10 ¾ уехал домой. Комнату не топил неделю, температура стала +9° и очень сыро; после сегодняшней топки градусник показал +22°.

11 апреля (29 марта). –5°. Воскресенье. В 11 ч. пришел А.А. Карзинкин, сидел до 1 часу; после него – брат жены Доля.

12 апреля (30 марта). +1°. Выпал небольшой снег. В Музее было заседание выставки XVII в., я показывал карманные часы; Сперанский и Тарабрин познакомили, что выставить по книжной и архивной части. После 3-х пошел к «Мерилизу», где купил кастрюлю (1 р. 70) из алюминия, 6 фаянсовых тарелок десертных (1 р. 92 к. за ½ дюжины), кофе. Приехала погостить Адель Шмидт. На улицах грязь. Вечером кое-что приписал к статье о молдавском серебре, которую, может быть, буду читать в пятницу в заседании Академии истории материальной культуры. Написал письма Зографу и Бауеру[15].

13 апреля (31 марта). –2°. От 11 ½ до 1 ½ шло утомительное заседание по вопросам реставрации. С 1 ч. до 2 ½ было другое заседание у М.М. Бого-

словского, читал С.К. Богоявленский о доме князя В.В. Голицына, я не стал слушать, очень устал. После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил жене апельсинов для варенья. Дома застал Надю с Лялей. Посидел с Колей Коссович, выпили по рюмке водки и распростились: он уезжает в Батум, где служит по морскому ведомству у большевиков.

14 (1) апреля. +1°. Сегодня 6-я годовщина смерти Л.И., царство ей небесное. С 11 до ½ 2-го было заседание моего разряда, читали свои отчеты заведующие религиозным отделом (Анисимов), военно-историческим (Марков[16]), государственного быта (я). Заходил П.С. Шереметев, жаловался на безденежье. После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил М.В. Будылиной (она именинница) в подарок кусочек копченой севрюги, также и себе, оттуда проехал в Кудрино, где купил украинского хлеба, и домой.

15 (2) апреля. –2°. Особенного в Музее ничего не было, занимались текущими делами. После 3 зашел к «Мюру», купил Тане сыру, для себя масла; потом зашел в пассаж, где купил перчатки (3 р. 25 к.), которые в 4-х местах разорвались, пока я в трамвае ехал домой. Вечером ездил к Танюше, видел обеих арбатских дам, Д.Н., Лёву с Ниной, посидел малость с ребятками (Таня привезла из Клина Мишу), которым привез пирожного. Около 9 уехал. Погода сырая.

16 (3) апреля. –1°. Со вчерашнего дня начали переписывать из черновой *книги поступлений* в беловую; поручено одной из сотрудниц Музея, кажется, Л.А. Евтюховой[17]. Разбирал шведские медали, современные Петру. После 3-х заехал на телеграф и послал поздравительную телеграмму Жебелеву (по адресу И.И. Толстого) от имени Захарова и своего. К 7 ½ ч. поехал в Исторический музей, где в помещении канцелярии (верх был занят другим заседанием) состоялось заседание бытовой секции Академии истории материальной культуры под председательством М.М. Богословского; я прочитал мою статейку «Молдавское серебро Оружейной палаты»; было порядочно народу, большею частию музейские (обе мои сотрудницы, А.П. Мюллер, Л.И. Воронова, etc., etc.); несколько вопросов задали: Д.Н. Егоров, С.В. Бахрушин, Н.Д. Протасов, В.Ф. Ржига; М.М. Богословский лестно отозвался о моем чтении, назвав метод образцовым. После заседания заехал на ¾ часа к Л.В., выпил чаю и поел бутерброд с сыром и икрой; в 11 ½ ч. был дома. Немного простудил горло, порядочно охрип.

17 (4) апреля. +3°. К 11 ч. пришел в Оружейную палату, где состоялось собрание Ученого совета, был Гринберг, заместитель Троцкой, которая уехала с мужем на Кавказ; вопросы были малоинтересные, я обратился к Д.Д. с просьбой о предоставлении Историческому музею на время выставки XVII в. седел, костюмов; принципиально получено согласие. После заседания поднялся с Д.Д. в залы, где он, Никольский и я смотрели новое размещение предметов, Д.Д. долго со мной смотрел петуха, которого он склонен отнести ко времени Ивана III, хотя недавно еще говорил мне, что это немецкая работа половины XVI в., ушел в 4-м часу, зашел в Охотный ряд, к «Мюру»; народу всюду масса, с трудом протискался в трамвай. Получил от И.И. Болоболина[18] письмо, очень меня тронувшее, он живет в Сыткове Тверской губернии со своею женой, устроил кожевенный завод кустарного характера. К 7 ч. поехал к Л.В., она мне рассказывала любопытные взгляды о загробной жизни; в 10 ½ ч. уехал домой. К.В. Крашенинников прислал жене записку, что мать его умерла в ночь на 10 апреля от кровоизлияния.

18 (5) апреля. +4°. Воскресенье. Отбирал для Исторического музея оттиски моих статей, которые передал в отдел архива Музея. Получил из Московского губпроса[19] пакет по почте с просьбою написать дополнительные сведения об научной деятельности В.В. Кулаковой из Государственного музейного фонда, которые и написал. Написал И.И. Болоболину. Просматривал статью о Микулинской чашке.

19 (6) апреля. +4°. Утром была закупочная комиссия, кое-что купили, но очень выдающегося нет. Снес оттиски в Музей. После 3-х зашел в квалификационный отдел (Театральная площадь), отдал дополнительный отзыв о В.В. Кулаковой. Послал 5 р. И.И. Толстому. У «Мюра» купил рыбы и 10 яичек пасхальных. Вечером была Танюша, сообщила о смерти сына К.Д. Бальмонта от первого брака, умершего после душевной болезни.

20 (7) апреля. +5°. Имел разговор с Пономаревым относительно сумм, имеющихся на покупку древностей; на вопрос, сколько имеется сейчас денег, ответил: «134 р.»; после ухода присутствовавшего при разговоре Анисимова, Пономарев мне говорит: «Хороших вещей упускать не годится, деньги найдутся, только об этом рассказывать не следует». Было заседание общеисторического разряда, читал С.В. Бахрушин, я не пошел, разбирал шведские медали эпохи Петра. После 3-х состоялось небольшое заседание по вопросу о размещении предметов в залах [с] Новгородской по Московскую включительно. Вода в Москве-реке стала прибывать, идет редкий лед. Моросит дождь. К 7 ч. отправился на заседание в Общество истории и древностей, читала Н.А. Бакланова доклад «Торговый дом в конце XVII в.». Доклад был хотя и сух, но материалы хорошо обработаны, на все вопросы она спокойно отвечала. Заседание кончилось в 10 ¼ ч., Е.П. Богословская пригласила к себе на чай, но я, за поздним временем и дальностью расстояния, отказался.

21 (8) апреля. +3°. Дождь, к вечеру стало ясно. В Музее занимались текущими делами: сортировали медали, нагрудные знаки. Назначенное на сегодня в моем разряде чтение Протасова о Микулинской чашке не состоялось по его болезни. После 3-х заходил к «Мюру» за игрушечными часами для Ляли, их в продаже нет, проехал на Арбатский рынок, и там не нашел. Заходил в Музей Д.Д. Иванов.

22 (9) апреля. Р. +5°. Около 6 ч. утра первая гроза и дождь. Утром по телефону Л.В. сообщила, что по болезни не придет. Говорил с Надей по телефону, спрашивал, можно ли приехать в субботу. В Музее в 11 ч. под председательством Н.А. Рожкова состоялось заседание по выставке XVII в., М.М. Богословский познакомил со своим планом выставки; между прочим, он говорил, что на выставке не должны быть представлены предметы религиозного культа, как то: облачения, сосуды, антиминсы и т.п.; ему возражали: Рожков, Анисимов, я. Заседание не кончилось, перенесено на будущий четверг. В 1 ч. началось заседание Ученого совета, обсуждалась смета, отчета за полугодие 27 отделов и т.д.; я ушел до окончания, заехал к Л.В. на полчаса, у нее недомогание. Вода в реке еще прибыла, лед идет. День был ясный и теплый, в вагонах открывали окна.

23 (10) апреля. +7°. Около 4 ч. утра была небольшая гроза и дождь. Утром проехал с 31 № по набережной, река была полна до берегов, лед шел сплошною массою и очень быстро, картина красивая; много народа стояло по всей набережной, кроме мостов, где не позволяли стоять. Днем река вышла

из берегов, прекратилось движение трамваев по набережной и по некоторым мостам; благодаря наводнению не пришла Наталья Александровна, Прохоров, В.Н. Десницкая, живущая в доме Археологического общества, двор которого в воде. Купил 2 торговые книги 1694 г. гостя Семенникова за 150 р. В 1 ч. состоялось заседание моего разряда; Н.Д. Протасов прочел о Микулинской чашке; доклад его мне крайне не понравился, он занялся только орнаментом, изображений символов не касался, об изображении Георгия сказал что-то очень туманное; надпись «велк. кн. Гиоргиꙗ» назвал писаною греческими буквами (!?); что это был за великий князь, он не объяснил. Вообще впечатление я вынес сумбурное. После 3-х пошел с Л.В. (ей сегодня лучше) к «Мюру», где купил Ляле кукольный шкапчик (2 р. 60 к.); от «Мюра» проехал к Арбатским воротам, думая проехать на **А** по набережной, но путь был затоплен. Вечером слышны были взрывы, говорят, динамитом взрывали лед на канале.

24 (11) апреля. Лазарева суббота. +8°. Утром жена поехала с О.И. покупать по рецепту очки (старые она сломала), но купить не пришлось, заказала, будут через несколько дней готовы. В 12 ч. я поехал на **Б** через Таганку к Л.В., с мостов смотрел на грандиозный разлив реки; у Л.В. застал М.В. Будылину, Е.Г. Адамову; завтракал, в 3 ½ ч. уехал на Ярославскую железную дорогу и с поездом 4 ч. 45 м. отправился в Мытищи, одновременно со мною приехала внучка Нина, я ее давно не видал, как она похудела. На станции подождали Леон. Ст., приехавшего со следующим поездом; на их экипаже отправились на водокачку, пришлось объезжать: их обычная дорога вся в воде. Надюша встретила радушно, Ляле я привез кукольный шкапчик, который она заполнила посудою. Обедали, приехал муж уехавшей в Севастополь Наташи Жорж; перед сном я вымылся в ванне, в 10 ч. лег спать.

25 (12) апреля. +7°. Вербное воскресенье. В 4 ½ ч. посмотрел в окно: сильный туман; я заснул, в 8-м часу проснулся, туман поднялся, но весь день было пасмурно, температура к вечеру опустилась до +5°. Весь день никуда не выходил, играл с Лялей в карты, она танцевала под рояль. Смотрел на новые приборы для радио, которые [нрзб., пристроил ?] Л.С. и Жорж, слушал какие-то куплеты. После обеда с поездом 5 ч. 18 м. уехал в Москву. До станции провожала Надя с Лялей. В 6 ½ ч. был дома, застал Танюшу, с ней посидел с 1 ч., она уехала. Судя по газетам, вода в реке стала сбывать.

26 (13) апреля. +3°. Получил в Музее письма от Веры из Парижа, от И.И. Толстого с приложением печатного списка «Сборника статей в честь С.А. Жебелева»; всех статей 55; от С.А. Жебелева очень теплое письмо. Начал разбирать зубовские иностранные медали. Вода стала спадать; отрезанные разливом сотрудники стали приходить. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил сыру, масла; оттуда проехал с Л.В. до Зубовской площади, где она осталась, я поехал через мост домой; вода вошла в берега, но Москва-река и Яуза полноводны. К обеду пришли Маша с двумя старшими детьми и Аня с Мишей; в 7 ч. они уехали. Просмотрел доклад Протасова о Микулинской чашке (взял его у А.[? м.б., М.]И. Александровского), не понимаю, как мог человек с академическим образованием написать такой доклад, который не дает никакого объяснения чашке. В 9-м часу пришел Брунов за 4-м томом «Известий» Академии истории материальной культуры, которого у меня нет; пробеседовали с час.

27 (14) апреля. +4°. В Музее шла обычная очередная работа в моем отделе. Принесли для покупки интересную тарханную грамоту великого князя Василия Ивановича, названного царем, 1510 г. в один монастырь в Гдове, с подтверждениями на обороте Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Годунова и Дмитрия Ивановича (Лжедимитрия); имя последнего другими чернилами, что следует исследовать. После 3-х ходил в Охотный ряд, купил кетовой икры (1 р. 44 к. за 400 граммов); как все стало дорого.

28 (15) апреля. +3°. В Музее обычные занятия, разбирали медали Зубова. Ко мне приходил Тарич[20] из Госкино, просил указать ему иконостас для церкви, в которой будет христосоваться Грозный, указал ему наш в церковном отделе, хочет его снять. Говорил с Пономаревым относительно жалованья А.М. Бардыгину, хотя бы временного; обещал поговорить с канцелярской бухгалтерией. После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», где купил вина 2 бутылки. Ехал домой по набережной, вода очень понизилась: от уровня до верха 6 камней. Вечером сидел с час артист Евгений Алексеевич Краевский, говорили по поводу постановки какой-то пьесы в студии Малого театра из эпохи Филиппа II; нужны костюмы этого времени.

29 (16) апреля. +5°. Великий Четверг. Заходил в Охотный ряд, купил к празднику съедобного. Получил IV т. «Известий РА[И]МК». В Музее было заседание комитета по устройству выставки XVII в.; Рожков предложил побеседовать о плане выставки; он настаивал разработать вопрос о народном хозяйстве, вывесить диаграммы и все в таком духе; сочувствия не нашел. Идя мимо копии с царского места в Новгороде, я был поражен сходством резьбы на нем с орнаментом на Микулинской чашке. После 3-х заехал к Л.В., которая не пришла, сказать ей, что завтра занятий не будет; посидел с ½ часа.

30 (17) апреля. Встал в 9-м часу, температура +12°. Утром поехал купить кой-чего съестного к празднику, всюду большие очереди; встретил у «Мюра» Л.В., с ней пошли в кремлевский кооператив в Охотном ряду, где долго стояли в очереди, наконец, купили съестного. Зашел в книжный магазин, купил ребяткам книжки; проехал к Танюше, сидел часа 2, пил чай. Вчера дети причащались, завтра Танюша причащается. Погода ясная, теплая. Написал Миннзу, послал ему список статей Жебелева. В театрах сегодня (в Великую Пятницу!) идут спектакли; какое глумление над религиозным чувством верующих!

Май 1926 г.

1 мая (18 апреля). Великая суббота. Встал в 9 ч., на солнце +18°. Большевики празднуют 1-е Мая, магазины все закрыты. Провел беспокойную ночь, у Мусаткиных ругались, кричали. Был в цирюльне, где публику пускали с большой осторожностью, боясь комиссара, сегодня все учреждения закрыты. Трамваи не ходят, но детей возят и в вагонах, и в грузовиках с красными флагами. Ночью украли из комнаты алюминиевую кастрюлю с молоком. Днем у жены был припадок с сильною болью. Приехал из Минска Н.М. Гайдуков. Вечером пьяный Точилкин ругался, Мусаткины выгнали его из комнаты… В начале 11-го я пошел с Олегом к заутрени в церковь Грузинской Божией Матери, народу было довольно много (сбирали на уплату налога!); служил один священник без дьякона, после заутрени мы ушли, в ½ 2-го были дома, поели пасхи, и я лег спать.

2 мая (19 апреля). +11°. Светлое Христово Воскресение. Завтракал А.А. Карзинкин, с ним пошел поздравить Аделину с Соней, выпил чашку кофе, оттуда на **А** (трамваи стали ходить с 12 ч.) проехал к Прохорову, С.В. не было дома, посидел с Татьяною Петровной и Надеждой Афанасьевной, от них поехал к Аделе Шмидт, к ней пришли сыновья Доли, Федя с сыном, глухонемым мальчиком, очень симпатичным. Дома застал много народа: Позднеев с сыном, Надя с Л.С. и Лялей, Валя с мужем, Н.Н. Вишневецкий (по театру Горич), и другие, которых имена не знаю, из мира актеров. На улицах оживленно и празднично, несмотря на усилия большевиков ослабить праздник; церкви, как я слышал, за заутренею были полны. Часов в 5 шел дождь.

3 мая (20 апреля). +14°. Утром заходил на ¼ часа С.В. Прохоров. В 12 ч. поехал к Л.В., позавтракал у нее, пришел один ее знакомый (забыл фамилию), после его ухода мы поехали в Новодевичий монастырь, она на кладбище, на могилу Карелина, я к князю, которого не застал, он был у нас; из монастыря проехал к М.М. Богословскому, которого не застал; Елизавета Петровна меня оставила, напоила чаем, накормила пасхой и проч.; много рассказывала об умершем сыне и об Наталье Аполлинарьевне, об их странном семействе (отец, мать, сестры и брат – все в ссоре с Нат. Аполл.!). От Богословских прошел к Тане на рожденье к Маше; народу – целая толчея; недолго сидел, поел пасхальных угощений и уехал домой, где застал Кочуриных, Веру Ал. Попову, Вал. С. Овчинникову и Карлушу Шмидт. К 7 ч. все ушли. Погода очень теплая, деревья начинают зеленеть. По радио сообщили, что в Англии забастовка рабочих.

4 мая (21 апреля). +11°. Дождь. В Музее шла обычная работа, сотрудницы принесли пасхи, кулича. Пономарев уехал в Петербург, ненадолго приходил Рожков. После 3-х зашел в «Огневую сушку» Прохорова, купил 1 фунт киевского варенья и отвез его Кочуриным, там были Валя и симпатичная дама Ольга Рудольфовна (фамилию забыл), обедали, слушали граммофон, Зоря очень умный мальчик, но разнузданный, забавлял нас; в 7 ½ ч. я ушел. К вечеру стало свежо.

5 мая (22 апреля). +3°. Чувствую слабость, расстройство желудка. В Музее регистровал покупки. Зашел на выставку «Ост» (кажется, Общество станковой живописи?)[21], ужаснее и отвратительнее картин не видал, не могу охарактеризовать ни одной картины, вместо людей какие-то трупы. После 3-х поехал к Тане, повидал А.А. Андрееву, которую завтра просил прийти за 50 р. за 17 писем А.О. Россет-Смирновой к графу Соллогубу с 1844 по 1852 г.; пил у них чай. Погода до вечера холодная, но дождя не было.

6 мая (23 апреля). +1°. Заходила в Музей А.А. Андреева получить 50 р. Был у меня Н.Г. Машковцев из Отдела по делам музеев, рассказал, как произошли выборы нового совета Музея в Главнауке; выбрано 5 человек: Рожков, Пономарев, Сергиевский, Протасов, Корш. Весь состав отдела по делам музеев против Протасова и Корша, но Рожков сказал, что направление в Музее негодно, и его следует реформировать, Корш обещал вести дело с марксистским подходом, а если оба не годятся, то через 2 недели сделаем новые выборы. Машковцев хотел начать компанию против нового совета, называл меня, я решительно отклонился. Слышал, что живущая в ссылке дочь Н.П. Лихачева Наталья Николаевна вышла замуж за того, кто наблюдал за нею. После 3-х заходил к «Мюру», купил книжку «Русские сказки» правнуку

Алеше, чаю, чернил. На Страстной неделе арестован Клименков, сегодня милиция явилась за его женой Христиной (Тинка), но она скрылась.

7 мая (24 апреля). +1°. На крышах небольшой снег. Утром в Музей приходили 2 академика: Ольденбург и Ферсман, последний определил несколько минералов в предметах старины, которых мы не могли определить. Получил от И.И. Толстого «Список печатных трудов С.А. Жебелева» с его литографированным портретом, исполненным на камне художником Верейским[22]; всех статей, исследований, заметок, рецензий и т.д. 212 названий; шрифт и бумага очень хороши. Официально назначен Корш в ученые секретари, а Бакланов освобожден от этой должности. Вчера в моем отделе начала заниматься Н.А. Бакланова недавно купленными торговыми книгами конца XVII в. Весь день шел мокрый снег. Вечером наслаждался более часа по радио музыкой: творениями Глинки, Даргомыжского и Вебера; слушал арии Антониды и Вани из «Жизни за царя» (!!), ариями из «Руслана» – Людмилы из I акта, Руслана «О поле, поле» и восточными танцами из той же оперы; прелестною вальс-фантазиею под небольшой оркестр; из Даргомыжского дали дуэт князя и мельника из «Русалки» и 2 романса; наконец, прослушал «Invitation à la valse» Weber'a.

8 мая (25 апреля). +2°. Рано утром приехала из Николаева Ксения Николаевна, урожденная Косцюшко, с полуторагодовалым мальчиком, сидела весь день, к ней явилась ее сестра и муж Волконский (еврей), около 5 все уехали. Читал «Сборник материалов по истории Золотой Орды». К 7 часам поехал к Л.В., к ней заходила М.В. Будылина попросить взаймы денег у Л.В. до получения жалованья, так как у нее денег было мало, то дал 10 р. я; читал вслух Гоголя (про Собакевича), закусили, попили чаю, в 10 ¾ я уехал; у Л.В. зуд на коже лица, ездила в накожную клинику, где определили экзему.

9 мая (26 апреля). Воскресенье. Встал поздно. +7°, в 3-м часу пошел дождь. Н.М. Гайдуков уехал в Горки читать лекции, оттуда в Минск. Читал «Сборник по истории Золотой Орды». Вечером пришла внучка Маша.

10 мая (27 апреля). +5°. Дождь. В Музее обычная работа. Состоялось 1-е заседание нового состава совета с Протасовым и Коршем; Бакланов сдал должность ученому секретарю Коршу. Бакланов сказал мне, что местком Музея протестовал против нового состава; хотя я согласен с этим, но мне не нравится вмешательство месткома не в свое дело. Да и правда ли это? Заходил Орбели. После 3-х заходил с Л.В. в бывшее Офицерское собрание, где купил чайное полотенце за 1 р. 03 к. Холодная неприятная погода.

11 мая (28 апреля). +6°. Дождь. В общеисторическом разряде (у М.М. Богословского) читал Башкиров[23] доклад о его поездке в Абхазию, я немного посидел и ушел: составлен неинтересно. После 3-х заходил к «Мюру», купил алюминиевую кастрюлю за 3 р., вместо украденной; зашел в книжный магазин, купил 3-й выпуск записок Кузьминской.

12 мая (29 апреля). +8°. Утром телефонила в Музей Л.В. о своем нездоровье и что на службу не придет. Была закупочная комиссия, купили недурные акварели (16 штук) с деревянных построек в Вологодской губернии и 4 акварельных портрета: 2 работы П. Соколова и 2 Рокштуля[24]. В 3 часа пошел с Н.А. к Нечаевым, обедал, был К.Н. Горский, особенных разговоров не было, в 7 ч. ушел домой, нашел жену расстроенною от безобразных сцен между Тинкою и дамским пролетарским персоналом.

13 мая (30 апреля). +8°. Плохо спал ночь, вероятно, на сон повлиял кофе, который вчера пил у Н.А. С 11 ч. до 1 ч. шло заседание комитета выставки XVII в. в религиозном отделе, Анисимов показывал иконы для выставки, Е.П. Муратова – шитье; в вопросе о плане вышел спор с М.М. Богословским, который считал недопустимым выставлять предметы религиозного культа, Рожков и проч. не были согласны; Рожков хотел, чтобы на выставке были «уголки», дабы нагляднее представить быт, с ним, кажется, никто не соглашался; отложили до следующего заседания. Имел с Рожковым щекотливый разговор о Фомине; Рожков поставил вопрос ребром: как я отношусь к нему? Я ответил, что отрицательно, и рассказал о его малых знаниях по вопросам стекла, фарфора и проч.; затем Р. попросил дать сведения о князе ввиду хлопот о пенсии ему. После 3-х заехал с Л.В. к ней (она себя чувствует неважно), встретил М.И. Сизова, посидел с ¼ ч. Вечером заходила Танюша.

14 (1) мая. +8°. В Музее особенного ничего не произошло. Написал Жебелеву, чтобы выслал мне мою статью о перстне св. Алексея Митрополита, если она непригодна. На Красной площади, наискось от Музея, против начала Никольской лопнула водопроводная труба, столб воды значительной толщины был почти до верха рядов, воды текло огромное количество, с трудом переходили около Иверской часовни. Зашел с Л.В. к «Мюру», я хотел купить себе фётровую шляпу, но самая дешевая стоит 16 р.! Дома застал Надюшу с Лялей. Вчера Лёля уехала с О.И. на несколько дней в Тульскую губернию играть. Арестован старший сын О.Н. Чижовой, как бойскаут[25]. К 7 ½ ч. приехал в Исторический музей на [заседание] Академии истории материальной культуры под председательством М.М. Богословского; я прочел доклад «Серебряная чашка из Микулина Городища». После доклада М.М. меня поблагодарил за «высокое наслаждение». М.И. Александровский сделал некоторые дополнения, между прочим, высказал предположение, не мог ли великий князь Георгий, чье имя на чашке, быть братом Ивана III, хотя тот не носил звания «великого», но на фреске Архангельского собора он именуется «великим». Заседание кончилось в начале 10-го часа, я проводил Л.В. до ее квартиры, посидел минут 40, выпил чаю. С.К. Богоявленский сказал мне, что его сын, бойскаут, ночью арестован. Клименкова выпустили из заключения на поруки.

15 (2) мая. Встал в 10-м часу, на солнце +21°. Утром поехал в антикварный книжный магазин (заведует Шибанов) на Рождественке, отобрал для Музея десятка 2–3 книг, себе купил за 1 р. «Слово о полку Игореве» Дубенского[26]. Зашел к «Мюру», купил пату, оттуда в Охотный ряд за осетриной[7*]. Погода очень теплая. Прочитал «Обстановку приказов в XVII в.» Натальи Аполлинарьевны Баклановой, хорошо ею обрисована обстановка и вид приказов, взятые из сухих архивных описей, приходно-расходных книг и т.д., памятниками материальной культуры почти исключительно из Исторического музея. К 7 часам поехал к Л.В., мы сначала беседовали о вчерашнем заседании, закусили селедкой с огурцами, пили чай, потом я читал вслух Гоголя (докончил посещение Собакевича и начал про Плюшкина); у Л.В. началось сердцебиение, я посоветовал скорее лечь спать и около 10 ч. уехал.

16 (3) мая. Воскресенье. Встал около 9 ч., на солнце +18°. В 10 ч. поехал в Новодевичий монастырь, прошел в церковь на литургию, было много

[7*] Надписано вместо зачеркнутого: «белорыбицей».

взрослых причастников; стоял с князем, который меня поджидал; в храме встретился с М.М. Богословским. После литургии пошли в квартиру князя, где обедал, пил кофе. После обеда хотел пройти на новое кладбище, к могиле сына М. М-ча, но вход из монастыря был закрыт, открыт другой с наружной стороны монастырской стены, против пруда, но оказался и тот запертым. Князь проводил до автобуса, и мы расстались. У князя я собрал кое-какие сведения о его административной деятельности в Музее, необходимые для получения пенсии. Погода очень теплая. Во время обеда пришла Зоргаген, очень меня утомила бесконечными рассказами о своих путешествиях.

17 (4) мая. +12°. В Музее ничего особенного не произошло. Получил от С.А. Жебелева письмо: просит прислать добавление к «Перстню св. Алексея Митрополита»; пишет, собираются поставить скромный памятник на могилу И.И. Толстого, просит посильно участвовать и сообщить об этом В.М. Васнецову и В.Д. Поленову. Из Музея зашел с Л.В. в антикварный магазин (к Шибанову), смотрел армянскую пергаменную рукопись «Евангелие» с множеством рисунков; цена ей 1500 р. Н.В. Измайлов[27] (кажется, секретарь Пушкинского Дома) заходил в Музей с письмами Бакунина для занятия ими Стекловым; подарил мне свою брошюрку «Из Puschkinian'ы» и «Памяти Н.А. Котляревского». Сегодня открыли балконную дверь.

18 (5) мая. Р. +12 ½°. С 1 ч. до 2 ½ ч. было заседание общеисторического разряда под председательством М.М. Богословского, читала Н.А. Бакланова «Печатный двор XVII в.», доклад написан по труду В.Е. Румянцева[28]; для пояснения показывались старопечатные книги с поправками справщиков (корректоров) того времени. После 3-х дошел с Л.В. до Биржи на Ильинке, где она осталась, я через Таганку вернулся домой. Погода жаркая. Получил от Миннза письмо.

19 (6) мая. +15°. Ночью опять были крики между Мусаткиной и Точилкиным, не дававшие мне спать. С 11 до 2 часов читал доклад Бакланов о металлических современных изделиях в Кубачах на Кавказе; читал по набору своей статьи; содержание мало соответствовало Историческому музею, годилось более для этнографии.

20 (7) мая. +14°. С 1 ч. началось заседание Ученого совета речью директора Н.А. Рожкова, сказавшего, что направление Музея должно быть согласовано с революцией, которая вихрем сметает старое; оттенил, какие стороны деятельности Музея должны быть поставлены на первый план и т.д. М.М. Богословский познакомил с планом перегруппировки зал от Киевской до Московской включительно. Я демонстрировал выдающиеся предметы, поступившие с января. После 3-х поехал к В.М. Васнецову, рассказал ему, что к предстоящей 10-й годовщине смерти И.И. Толстого собираются поставить скромный памятник на могилу, для чего сбирают средства; В.М. дал 5 р. (я сегодня послал 10 р.). Пил у него чай; рассказывал много интересного, между прочим, как граф Уваров заказывал ему, тогда молодому художнику, картину для Музея на сюжет «Каменный век». Показал мне свою мастерскую, где стоит его новая картина «Царевна Несмеяна»; сюжет взят из сказки, в которой описывается царевна, никогда не смеявшаяся, и царь обещал дать ее в жены тому, кто рассмешит. На картине изображена сидящая на кресле царевна с грустным лицом, кругом всякий люд и иноземные принцы и дурак верхом на боярине и проч. Написана хорошо, но смеха, который должен быть

у зрителя при взгляде на толпу, я не чувствовал. За чаем познакомился с его женой, дочерью-художницей и сыном; видел портрет В.М., работы его дочери, он изображен в красной шапочке, не идущей к его апостольскому виду. Сидел часа 1 ½.

21 (8) мая. +14°. В 1 ч. началось заседание редакционной комиссии Исторического музея, решили сначала печатать статьи популяризационного отдела, после отчет за 1916–1925 гг. с приложением статей, в числе которых будут напечатаны моя статья и Протасова о Микулинской чашке. После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил себе ½ бутылки водки, она – зелени. Погода жаркая. Вечером заходила Надя. Протасов переработал свой доклад о чашке, читанный им в моем разряде; он выкинул такие перлы, как надпись на исподе чашки «князя великого Георгия», писанная *греческими* буквами; в статье говорится только об орнаменте, но это такой ералаш!

22 (9) мая. +11°. Николин день. Около 11 ч. поехал к Адели Шмидт, свез ей 2 фунта баранок, посидел с ½ ч.; ее здоровье поправилось, обещает приехать к нам. В 5 ч. поехал к Каменному мосту, где встретил Л.В. и мы поехали на автобусе № 8 к Донскому монастырю, посетили могилу матери Л.В.; на могиле появились отростки кленов, которые я посеял в 1924 г. осенью. Оттуда проехали в Кудрино; Л.В. починила мне подкладку у пальто, я дочитал главу о Плюшкине, поели селедки с картофельным салатом, пили чай, около 11-ти я уехал. Вечер теплый, светила луна. В мое отсутствие был кто-то (Кивокурцев, Брунов, Алпатов ?) и оставил мне письмо Зографа, его статью о кизикинах и оттиск статьи Бауера «Die russische Münzfunde aus dem letzten Jahrzehnt».

23 (10) мая. Воскресенье. Встал в 8 ½ ч., температура +20°. Весь день читал Соловьева, Ключевского, даже Иловайского, как он ничтожен! Меня занимают у наших историков места о татарщине. К обеду пришли Сережа и Юзя.

24 (11) мая. +15°. Отделы архива и рукописей собираются дезинфицировать, все шкафы открыты, часть рукописей и много архивных бумаг будут уложены на стеллажи; те рукописи, которыми будут заниматься ученые, перенесены в мой отдел. У Зайончковской[29] куплена большая коллекция листов, исключительно времени Крымской войны; заплачено 300 р.; я поверхностно пересмотрел все 13 папок. После 3-х заходил в Охотный ряд, к «Мюру», купил 1 фунт сухих грибов (3 р.), сыру и 12 фарфоровых блюдечек для варенья (2 р.). Вернулась из поездки Лёля и О.И., ничего не заработали. Отнес в Музей статью о Микулинской чашке; решено печатать: 1) Отчет за 10 лет; к нему приложения: а) Рукописи Забелина; б) Змеевики Музея; в) Статьи о чашке – Протасова и моя. Одновременно будут печататься статьи популяризационного отдела – Г.Л. Малицкого и Надежды Сергеевны Воскресенской.

25 (12) мая. +13°. Сегодняшнее заседание общеисторического разряда (председатель М.М. Богословский) с докладом Сивкова об имении Покровском-Глебове происходило в самом имении, куда многие поехали, в числе их Л.В. Кафка. Так как жена меня просила дома не обедать из-за стирки, то я попросил Л.В. обедать у Лар. Леон., куда в 3 ч. и отправился. В Музее, в моей комнате, занимались рукописями профессор Селищев[30] и Максим Владимирович Сергиевский. Придя к Л.В., ее не застал, через ¼ ч. она приехала из Покровского; мы поели (суп с клецками, жареная рыба с картофелем), пришла М.В. Будылина, пили чай; в 6-м часу Л.В. и я ушли, она в больницу

к Е.Ф. Карелиной, я домой; на Воздвиженке встретил И.С. Баранова, поговорили минут 10.

26 (13) мая. +14°. Утром я и Л.В. осмотрели предметы, найденные при устройстве железнодорожного пути Московско-Виндавской дороги около станции Спас-Тушино, на том месте был лагерь 2-го Самозванца; вещи не представляют ничего особенного с точки зрения искусства, но в бытовом отношении имеют огромный интерес. Из предметов искусства заметил прекрасный медный перстень с изображением на щитке резцом человека и, по-видимому, Китовраса. Коллекция висячих замков дает типы для замков XVI и начала XVII в. В моем кабинете рукописями занимался А.В. Михайлов и архивными бумагами другой (забыл его фамилию). После 3-х в трамвае ехал с сыном царицынского священника, который рассказал мне, что М.Д. Езучевский, разведшись с женою, женился на другой. После обеда поехал в храм св. Василия Кесарийского ко всенощной, туда привезена икона Божией Матери «Нечаянная радость», служил епископ Николай, пел прекрасный хор слепых; огромный храм был полон народу, было чрезвычайно жарко, я с трудом стоял, до конца не дождался, зашел к Сереже, но его не застал. Без меня была Таня; пришел на короткое время К.В. Крашенинников, очень печальный после смерти матери.

27 (14) мая. +13°. В Музей утром заходил С.Ф. Платонов, говорил мне, что едет с женою в Париж, причем жена его получила визу, он не получил; заходил в здешнее французское консульство (назвал его кабаком), где был грубо принят. На заседании по выставке XVII в. я показал предметы, найденные в Тушинском лагере 2-го Самозванца; Рожкову, М.М-чу [Богословскому] и др. вещи очень понравились. Сегодня вернулся Городцов с городища Старая Рязань, где найдены 2 монеты последнего Рискупорида; это 2-й случай находки боспорских монет. После 3-х заходил с Л.В. купить тесьмы для обшивки моего пиджака. Получил 3-й том «Сборника Эрмитажа». М.Н. Пальчикова принесла письма к ее предку Пальчикову от А.В. Макарова, А.Д. Меншикова и др. современников Петра.

28 (15) мая. +14°. Долго беседовал с Н.А. Рожковым о музейских финансах. После обеда поехал к Л.В., которая мне обшила тесьмой пиджак; попили чаю, около 11 ч. я уехал.

29 (16) мая. +20°. Встал поздно. Был в Охотном ряду, у «Мюра», купил кое-какой провизии, заехал к Танюше, посидел с 1 час; в 2 часа был дома. Сегодня 3 раза ходил к цирюльнику и все раза возвращался: такая большая очередь, пришлось бы ждать часа 1 ½ – 2. В 6-м часу пошел дождь, была небольшая гроза. Около 7 часов ударом молнии сшибло довольно большой сук дерева в нашем старом саду. В 9 ч. приехала Танюша, но сидеть мне с нею не пришлось: было собрание домового комитета, как всегда, очень бурное; я сидел до 11 ч. и ушел. Прочитал любопытную статью в «Известиях Академии наук», № 7–8, 1926 г., «Из бытовой истории Петровской эпохи» С.Ф. Платонова. Описана одна статья в сборнике библиотеки Академии под названием: «Объявление о Великобританском славном монастыре, что в Санкт-Питербурхе» – это братство или сумасбродный собор составлен из иностранцев в подражание всешутейшему собору Петра, но грубее и не так остроумен, как петровский.

30 (17) мая. +15°. Воскресенье. В 10 ч. приехал в Охотный ряд, куда пришла Л.В., мы сели на № 18 и отправились в село Коломенское, слезли у деревни Малые Котлы; дорогою подсели М.М. Богословский с женою и Н.А. Баклановой, С.К. Богоявленский с женой; от трамвайной остановки по пыльной

дороге пошли в Коломенское, куда подошло еще много музейских: Лобанов с женой, Н.Б. Бакланов, В.И. Попова, М.И. Александровский, Т.А. Сидорова, А.Г. Введенская[8*]. Сначала закусили принесенною провизией, попили чаю, подошел П.Д. Барановский[31], занимающийся реставрацией храмов Коломенского и села Дьякова, и показал свои работы; им обнаружены многие постройки XVII в.: приказы и другие здания; церковь св. Георгия, которую считали новою, оказалась только в продольной части новой, но высокая – по его мнению, была колокольнею Вознесенской церкви, следовательно XVI в.; осмотрели дивную Вознесенскую церковь, прошли в Дьяково, храм которого грозил падением, благодаря нелепым пристройкам XIX в.; небольшой музей, в который собирается все, касающееся Коломенского, как то: рисунки, вещи, архитектурные части, там находимые, и т.п. Осмотрели Казанский храм XVII в., вторично пили чай, любовались превосходными видами, открывающимися с высот. П.Д. Барановский, по-моему, талантливо ведет дело, и при ничтожных средствах (4000 р.) произвел замечательные работы. Пришлось много походить, но я мало устал, до трамвая нам дали подводу, на которую сели: Л.В., Лобановы, А.Г. Введенская и я. В Москве я проводил Л.В. до Пресни, где она осталась, а я уехал домой, куда прибыл около 10 ч. Жена была одна, прислуга Анюта уехала на месяц в отпуск, Лёля где-то играет, но, к счастью, пришла Зоргаген.

31 (18) мая. +12°. После вчерашней прогулки в Коломенское чувствую усталость. В Музее был на заседании правления, между прочим, обсуждался вопрос о практикантах, из чего я узнал, что командируемые в Музей Университетом практиканты могут быть в Музее не более ½ года. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», купил вина к именинам. Жебелев прислал повестку на заседание 2 июня секции нумизматики и глиптики, посвященное памяти графа И.И. Толстого по поводу 10-летия его смерти. Содержание заседания следующее: 1) вступительное слово председателя Академии истории М.К.; 2) С.А. Жебелев: «Основные моменты деятельности гр. И.И. Толстого»; 3) профессор И.И. Толстой прочтет отрывки из «Мемуаров» покойного; 4) Научный сотрудник Н.П. Бауер: «Древний русский чекан конца X и начала XI в.». Иван Иванович Толстой прислал мне циркулярное извещение, что комитет по изданию «Сборника в честь С.А. Жебелева» решил вместо вторичного оттиска на машинке в 5 экземпляров напечатать брошюру на французском языке с заглавием статей, указанием числа страниц и рисунков и отметить основные положения каждой статьи; в письме сообщает о готовящемся памятнике покойному графу И.И. Т. на кладбище Александро-Невской лавры; работает над памятником Бернштам[32]: в гранитную глыбу вставится бронзовый медальон работы покойной жены графа. Написал отзыв о работе Л.К. Андреевой для экспертной комиссии в Ц.К.Б.У. и письмо к И.И. Толстому.

Июнь 1926 г.

1 июня (19 мая). +12°. В Музей приходили внучка Маша с маленькой Машей поговорить с Л.В. Ходил в архив, там огромная работа; вынуты архивные бумаги, разложены на стеллажи ввиду дезинфекции. В 3-м часу, под председательством Рожкова, было заседание заведующих отделами; Рожков

[8*] Здесь и далее автор ошибочно называет А.Г. Введенскую А.Г. Вознесенской.

заявил, что на будущий 1927-й год правительство отпускает на 5 или на 6 главных музеев 250 000 р. на раскопки, просил к четвергу подготовить сметы и наметить места. В.Ф. Ржига читал доклад о питании на Руси в домонгольский период по данным рукописной литературы.

2 июня (20 мая). +12°. Состоялась в 11 ч. часов закупочная комиссия (Пономарев, Клейн, Корш и я), секретарствовал Корш; много предложений отклонено, в числе их письма к Пальчикову; Корш вел себя как обычно, вышучивал многое. После заседания я попросил Пономарева уволить меня из председателей, сказав, что я не способен отстаивать интересов Музея и многие вещи упускаю; Пономарев сказал, что он боялся этих слов с моей стороны, просил остаться и почему-то прослезился; я остался. Приехала погостить Адель Шмидт. К обеду пришел Александр Андреевич Спицын, сидел до 8 часов, вели беседы на археологические темы; подарил ему «Сборник Оружейной палаты».

3 июня (21 мая). +13°. Именины жены, Лёли, память покойной сестры. В Музее особенных дел не было; в заседании по поводу раскопок и экскурсий в 1927 г. насчет обещанных денег участия я не принимал. Какая фальшь! После 3-х я поехал на ½ ч. к Л.В., которая не пришла сегодня, она убирала свои пожитки перед отъездом в Узкое. Приехав домой, застал многочисленное общество, приехавшее поздравить обеих именинниц, была сестра Саша, все дети, внуки, кроме Маши, которая в суде; пришел И.М. Булатов. Из зятьев были П.Н. [Сапунов] и Л.С. [Зворыкин]. Часов в 8 пришла внучка Маша из суда; дело их о взыске МОНО увеличенной платы за квартиру не состоялось за неявкою представителя МОНО.

4 июня (22 мая). +14°. Говорил с Пономаревым относительно предполагаемой в начале следующей недели дезинфекции отделов архива и рукописного; он чего-то опасается; я ему сказал, что боялся бы за миниатюры в рукописях, которые могут пострадать от цианистого калия, но П. уверил, что на краску, чернила и бумагу этот яд не действует, опасен только для живых организмов. Особенных дел в Музее не было. В 6 ч. отправился к Л.В., завтра едет на 1 месяц в Узкое, дала мне спрятать в Музее свои серебряные ложки, ножи, солонку; проговорили до 11 часов, она сказала мне, что Главнаука собирается меня чествовать в начале будущего года за мою 40-летнюю службу, якобы назначат мне пенсию. Не скажу, чтобы это меня порадовало; единственный плюс – это пенсия; остальное – ерунда.

5 июня (23 мая). +18°. В 10 ч. поехал к Л.В., она укладывала в чемодан вещи, чтобы в 2 ч. ехать в Узкое; сообщила мне о своем намерении поступить в монастырь; такое решение, которого я не ожидал, произвело на меня сильное впечатление. В 12 ч. приехал в Оружейную палату; Дм.Дм. показал мне поразительные вещи религиозного характера XVII в.: золотые сосуды с финифтью, золотой крест резьбы Василия Андреева (я упомянул о нем в моей заметке в «Сборнике Оружейной палаты»); миниатюры на финифти работы Григория Мусикийского, Овсова[33] (портрет Петра Великого и религиозная миниатюра). К сожалению, не мог всего смотреть, пригласили на заседание Ученого совета; Дм.Дм. заявил, что есть надежда на издание 2-го выпуска «Сборника Оружейной палаты» и спросил, нет ли у кого статей, я предложил свою о молдавском серебре, В.А. Никольский об оружейниках Оружейной палаты, Н.Н. Померанцев о серебрениках Соловецкого монастыря, Клейн о

шитье жемчугом, М.Н. Левинсон о золотных кружевах, М.М.Денисова о седле русской работы и еще кто-то, не помню; затем было длинное и скучное заседание о штатах Оружейной палаты. Из Кремля я зашел в Охотный ряд за маслом и сыром. Дм.Дм. обещал статью о золотой цепи Оружейной палаты. Дня 2 назад мне пришлось поговорить с Е.Е. Якушкиным, который мне рассказал, что Николай I был в связи с женой Пушкина, что было многим известно; в анонимных письмах к Пушкину намеки делали на неизвестного любовника Натальи Николаевны, в котором Пушкин подозревал Дантеса. Это меня очень поразило, и мне как-то не хочется верить. В Оружейной палате М.М. Лосева мне сказала, что 25 июля выходит замуж за инженера Постникова; хорошая она девушка, желаю ей счастья. Вечером написал небольшое окончание к статейке о перстне Алексея Митрополита.

6 июня (24 мая). +20°. Воскресенье. С утра тоскливое чувство; поехал в Алексеевский монастырь, обедня только что началась, служба была превосходная, пел прекрасный хор слепых; Евангелие было от Иоанна — исцеление слепого, священник сказал с большим чувством слово. Всю литургию меня душили слезы, вспоминались все близкие мне, и умершие, и живые. Грустное впечатление производит монастырь: над святыми воротами сброшен крест и водружен красный флаг, множество памятников опрокинуты, другие расколоты, когда я вышел из храма, то недалеко сидела группа «товарищей» и играли в карты, в храме еще слышалось пение. Поклонился могилам моих стариков и Л.И., пока все это цело. До вечера читал «Записки И.Д. Якушкина», раскладывал пасьянс; у жены сидели ее сестра и Зоргаген.

7 июня (25 мая). +16°. В Музее особенных дел не было. Сегодня с 3-х часов начнут в архиве и рукописном отделе умерщвлять вредителей посредством цианистого калия; несколько квартир, расположенных близ архива и рукописного отдела, выселено. Утром говорила со мною по телефону Л.В. из Узкого, очень довольна, зовет в гости. Получил от Веры письмо, Б.К. уехал к Буниным, туда же поедут 1-го июля и Вера с Наташей. Написал Л.В. письмо, пошлю завтра. Написал С.А. Жебелеву, прошу выслать мне обратно мою статью о перстне для вставок. Часу в 10-м была гроза.

8 июня (26 мая). +16°. Музей для публики и верхние этажи закрыты, поэтому много сотрудников не пришло. Я ничего не делал весь день. После 3-х зашел к «Мюру», купил крестнику игрушку, его матери бутылку вина. Погода очень жаркая. Говорил с Л.В. по телефону, она просила выслать из ее жалованья за июль 20 р. Свез в Музей серебряные ложки и ножи Л.В., которые положил в ее стол. Около 6 ч. была небольшая гроза. Вечером заходили Павел Николаевич [Сапунов] и Валя проститься перед отъездом на отдых, сняли комнату в деревне Ангелово в 6 верстах от станции Павшино по Виндавской железной дороге, вид Вали стал здоровее.

9 июня (27 мая). +14°. Барометр понизился. Утром поехал на Пречистенку (теперь улица Кропоткина), д.16, в Кубу, где жене швейцара вручил письмо к Л.В. с 30 р. для отсылки в Узкое; не знаю, дойдет ли письмо, женщина бросила его на окно, не дав никакой расписки. В Музее все время просматривал рукопись покойного В.Г. Тизенгаузена[34], содержащую текст для II тома «Материалов для истории Золотой Орды». Получил от С.А. Жебелева письмо, пишет, что профессор Вернадский[35] в Праге просит напечатать мою статью о молдавской посуде при Seminarium Kondakovianum; я

попросил Клейна узнать у Д.Д. Иванова, согласен ли он уступить статью, обещанную мной Оружейной палате. После 3-х зашел в ряды (теперь ГУМ), где купил 2 резиновых мячика для крестника Никиты и для Ляли. Днем была гроза, начавшийся дождь, кажется, нескоро кончится. В 7 ч. отправился к Вороновым, к ним пришли М.В. Сабашников и З.П. Измайлова, пили чай, вели разговор малоинтересный; мой крестник очень милый мальчик, по виду здоровый, веселый; мячу был очень рад. Ушел ровно в 12 ч., шел небольшой дождь, было холодно; приехав домой, взглянул на термометр, температура понизилась до +6°.

10 июня (28 мая). +7°. Вознесение Господне. Был у поздней литургии в храме св. Владимира у Ивановского монастыря; служили 4 священника и 2 дьякона; служба была прекрасная, с большим чувством, пел хор из 12 или более женщин и 2 мужчин. Сам храм строил Алевиз, но он переделан в XVII в. и, кажется, позднее; иконы и роспись новые и представляют мало интереса; было много причастников. Заходили Павел Николаевич и Валя. Погода была ясная, но свежая.

11 июня (29 мая). +6°. В 1-м часу ночи был разбужен криком и руганью пьяного Точилкина с нашими жильцами; от волнения долго не мог заснуть. Говорил с Л.В. по телефону, письмо и пакет с деньгами получила благополучно. Было заседание комитета выставки XVII в., обсуждали план, ходили смотреть те залы, в которых будет расположена выставка. Разобрал для регистрации перстни и печати графини Уваровой, есть очень интересные. Дм.Дм. через Клейна сообщил, что ничего не имеет [против], если мою статью «Молдавское серебро» я напечатаю в Праге. Написал Жебелеву, что статью пошлю в Прагу Вернадскому. Приезжала из Мытищ Надя, сегодняшнею ночью термометр у них показывал +4 ½°.

12 июня (30 мая). Р. +8°. Утром в 11 ч. был у «Мюра», купил провизии (масла, сыра) нам и Танюше, к которой и проехал; Маша с детьми уехала в Аносину пустынь (4 версты от Снегирей по Виндавской железной дороге); попил чаю в обществе Ек.Ал. и Ольги Николаевны [Анненковой], к 4 часам вернулся домой. Писал кое-какие дополнения к «Молдавской посуде». Вечером пришла Таня.

13 июня (31 мая). Воскресенье. В 3 ½ ч. утра термометр показывал всего +4°. Поехал с № 31 к Арбатским воротам в церковь св. Николы Явленного к поздней литургии, пел прекрасный хор, но кто автор песнопений – не знаю, они мне не понравились, не только не давали молитвенного настроения, но расхолаживали. Получил от Л.В. письмо, просит распечатать письмо на ее имя (если получится) от доктора Поспелова с рецептом, по которому заказать лекарство. После обеда съездил к А.А. Захарову (на Троицкой улице); он ездил в Петербург, где ушиб ногу, простудился и в таком виде явился в Москву; вид его жалок; он рассказал о своей поездке, читал доклад в Академии ИМК, смотрел геммы и т.д. Написал письмо Минязу.

14 (1) июня. +8°. Говорил утром по телефону с Л.В. Весь день пришлось ходить по Музею, сравнивал принесенные медные кресты и образа для покупки с имеющимися у нас; из предлагаемых вещей есть старые, века XII-го. После 3-х был в магазине «Москвошвей» на Кузнецком мосту, купил себе фуражку за 4 р. 95 к., в Охотном ряду грибов. Сегодня последний день занятий, которые прекращаются на 2 месяца, простился с сотрудниками отдела.

К вечеру небо затянуло тучами, шел небольшой дождь. Написал Л.В. в Узкое письмо.

15 (2) июня. +9°. Получил от Л.В. письмо, она в Узком скучает. В Музее было заседание закупочной комиссии, но не кончилось: Пономарева отозвали из Музея. Описывал печати графини Уваровой, есть интересные, старые, века XV. В разряде М.М. Богословского Н.Ег. Маслаковец читал доклад о древнейших русских монетах; я не понял, что он хотел сказать, был набор мнений разных авторов; все присутствовавшие были возмущены; М.М. дал ему понять, что он не познакомил разряд [с] тем, что должно читать, но докладчик едва ли понял, что сказал ему М.М. Вечером писал Л.В-не.

16 (3) июня. +11°. Отправился утром на Пречистенку в Кубу, где отдал письмо Л.В-не в Узкое. Приехав в Музей, говорил с Л.В. по телефону, она, может быть, приедет сегодня вечером или завтра утром в Москву и зайдет в Музей. Весь день рассчитывался по купленным древностям, между прочим, купил у одной пожилой дамы пару подсвечников за 10 р., фамилия ее Нилова О.Д., «Вам, верно, моя фамилия знакома», – сказала она; «Я знал по газетам адмирала Нилова[36]», – отвечаю ей; «Это мой брат, мы совсем разорены», – сказала она; бедность ее выразилась в том, что у нее не было 6 копеек заплатить за марку, я отдал свои. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил земляники – «Виктории». В 3 ½ ч. начал идти дождь. После обеда поехал к С. Орешникову, застал обоих, посидел с 1 час; взял записку на 2 керосинки, которые, по словам Сережи, распроданы, ожидают новых из Германии. Дождь довольно сильный.

17 (4) июня. +11°. Пасмурно. В 10 ч. пришла в Музей Л.В., приехавшая вчера вечером, рассказала кое-что об Узком; ходил с нею и с И.М. Горошковым[9*] по Музею и оценивали те часы, которые заводятся; в начале 3-го она уехала обратно. Описывал печати Уваровой. Г.А. Новицкий сообщил мне, что меня перевели в высший разряд Кубу «А»; хорошо было бы получать жалованье при этом переводе.

18 (5) июня. +9 ½°. Написал Вернадскому в Прагу. Описывал в Музее печати и перстни. В 1 ч. началось заседание редакционного комитета по музейным изданиям под председательством Сперанского; где будет печататься – еще не выяснено; прежде всего, будут печататься приложения к 10-летнему отчету: 1) «Рукописи Забелина» Сперанского; 2) «Описание змеевиков Исторического музея» Орлова; 3) «Микулинская чашка» моя. После 3-х зашел в ряды, купил 2 электрических лампы в 32 свечей каждая, по 1 р. 20 (Осрам) и угощения ко дню рождения жены. Написал отзыв о научной деятельности (?) С.В. Прохорова для Кубу.

19 (6) июня. +13°. Дождь. Читал «Слово о полку Игореве» с комментариями Д.Н.[10*] Дубенского, получил высокое наслаждение. Приехала на несколько дней Адель Шмидт. Днем поехал в Охотный ряд, купил масла и сыра. Сел у трамвая в Охотном ряду, чтобы ехать к Танюше, подходит П.С. Шереметев, ехавший также на Собачью площадку к сестре Гудович; народу ожидала масса, мы решили поехать на автобусе от Иверской часовни, там тоже очередь, я предложил ему ехать на извозчике пополам, он согласился; наняли за 1 р.

[9*] «И.М. Горошковым» написано вместо зачеркнутого: «забыл фамилию».

[10*] У автора ошибочно: М.И.

извозчика, проезжая Кисловкой, нас на извозчике обгоняет рабочий и начал кричать нам: «Советские буржуи, сволочь»; П.С. заволновался и говорит: «За что он нас ругает, он тоже едет на извозчике». Я ему говорю, не стоит волноваться, это следы советского воспитания рабочих. На Собачьей площадке мы расстались; я посидел у Танюши полчаса и поехал на № 31 домой, дорогой разразилась гроза с сильнейшим ливнем; меня, несмотря на чесучевый зонт, порядком помочило. Таня получила от Оли 2 доллара = 38 р. Л.В. прислала письмо, привезенное из Узкого А.А. Андреевой. Поехал ко всенощной в Новодевичий монастырь, там была Таня, пели монахини очень хорошо, прекрасно служили; кончилась служба в 9 ½ ч.

20 (7) июня. +14°. Воскресенье. Троицын день. День рождения жены. Написал утром письма Л.В. и Свирину в Троицкий монастырь. Приходило довольно много народа: Леон. Ст. с Надей, Танюша, сильно охрипшая, Дагмара, Доля с сыном, В.Д. Бакланова, Дьяченко и т.д.; сидели на балконе, но я не выходил из комнаты, читал «Слово о полку Игореве», раскладывал пасьянс; в 9 ½ ч. никого уже не было.

21 (8) июня. +11°. Духов день. Ночью был дождь. Неожиданно пришел А.А.Карзинкин, 3-го дня он должен был ехать в Узкое, но остался на оба праздника, едет завтра в 8 ч. утра; написал с ним записку Л.В-не. Также неожиданно пришел А.Н. Зограф проездом в Севастополь (едет туда в среду) и Одессу для осмотра нумизматических коллекций. Он привез «Сборник в честь Жебелева» для Румянцевской библиотеки по желанию юбиляра, но не в Исторический музей. Около 2-х ч. мы все ушли: А.А. домой, А.Н. в Музей изящных искусств, я к Танюше; нашел ее не лучше, чем вчера; заходил доктор, советовал сделать пульверизацию из Боржома и нескольких капель танина на стакан; посидел с час с нею, Ек.Ал. и Анжельсон, пили чай. Читал «О государстве русском» Флетчера.

22 (9) июня. +11°. Спал плохо, болела экзема. Ночью шел дождь. Придя в Музей, узнал, что обокраден Военно-исторический музей, подробностей не знаю. Зограф принес «Сборник в честь Жебелева», толстую книгу, я перелистал ее, просмотрел кое-какие статьи, но мне мешали. Пришел В.Н. Бенешевич, приехавший сюда по делам Палестинского общества; беседовал с ним часа 1 ½. Из Музея на короткое время заехал к Танюше, ей лучше; застал у нее Аню с мужем и девочкой Агнией, которая страдает малярией; завтра Таня уезжает с Агнией и правнучкой Машей в деревню. Священник, муж Ани, надеется получить место около Троицкого монастыря. Получил от Жебелева мою статью о перстне св. Алексея митрополита для дополнений. Получил оттиски статей от Е.В. Ернштедт[37], от Зографа и Фасмера. «Сборник Жебелева» Зограф отнес в Румянцевскую библиотеку. К обеду пришел Зограф, выпили бутылку красного St. Julien, сидел до 9 часов.

23 (10) июня. +14°. День в Музее прошел тихо, мало было у меня публики; доканчивал описание (в инвентаре) печатей и перстней собрание графини Уваровой, всего 100 с небольшим экземпляров. Заходил Зограф проститься, у него большой подъем духа ввиду его поездки в Крым и в Одессу. Читал Какаша и Тиктандера «Путешествие в Московию в 1602 г.»[38]; мало бытовых подробностей. Адель Шмидт уехала. Написал Миннзу о «Сборнике Жебелева». Послал Л.В. почтовых марок, которых в Узком не продают. Чувствую недомогание. Вещи, украденные в Военно-историческом музее, кажется, все найдены на чердаке: воры не успели их вынести.

24 (11) июня. +17°. Провел тревожную ночь: была ругань, кажется, даже драка, слышал звон разбитых стекол крики – ссорились Точилкин, Елизавета Кириллова и Мусаткины. В Музей пришел В.Н. Бенешевич, после М.Н. Сперанский, показывал им выставку икон. Сговорился с ними в субботу ехать к Троице, хотя Б. обещал ехать в том случае, если окончит дела. Была закупочная комиссия с Н.А. Рожковым, Сперанским, Коршем, купили все, что нашли нужным купить; Н.А.Р. удивительно мягкий человек. Утром я заехал в Кубу и послал Л.В. письмо. После 3-х заходил к «Мюру», где взял билет для Сперанского и себя к Троице.

25 (12) июня. +16°. Вписывал в инвентарь вчерашние приобретения: масонскую небольшую коллекцию, акты Вологодского епархиального дома и книгу Клингспора «Baltische Wappen»[39]. Пришел Айналов, вчера приехавший из Петербурга, Бенешевич и Алпатов; всех их проводил на иконную выставку. Получил от Л.В. письмо и говорил с нею по телефону. Вечером прочитал статью Вячеслава Федоровича Ржиги «Посуда домонгольской Руси».

26 (13) июня. +17°. С поездом 9 ч. 35 м. утра поехал к Троице, в том же поезде, но в разных вагонах ехали: М.Н. Сперанский, Д.В. Айналов и Брунов с Алпатовым. С вокзала пешком дошли до дома, где правление, квартиры и прочее (там и прошлые разы мы останавливались); принесли самовар, попили все чаю, я поел привезенной ветчины; отправились в собор, поклонились останкам преп. Сергия, посмотрели на иконы иконостаса промытые и нетронутые; из собора прошли в ризницу, где Айналов объяснил со стороны художества и техники знаменитую пелену Старицких; в комнате с серебром я тщетно искал водосвятную чашу молдавского дела, о которой мне говорил Д.Д. Иванов. Из ризницы прошли на выставку, где долго смотрели знаменитую рукопись Георгия Амартола с портретами князя Михаила Тверского и его матери Ксении. Кроме того, Айналов обнаружил в верхней части рисунка еще надпись, вероятно, русскую, но прочесть ее ни М.Н., ни Д.В., ни я не могли; перелистали всю рукопись Амартола, с которой М.Н. был мало знаком. Зашли в реставрационную мастерскую, где расчищалась одна из икон иконостаса и чинился покров с изображением преп. Сергия. Несмотря на очень жаркую погоду, температура в соборе была такая низкая, что принесли 2 пальто, Сперанскому и мне. Попив еще раз чаю, отправились с поездом 5 ч. 46 м. (Вологодский) в Москву; народу ехало масса. Дома застал возбуждение: была драка, Мусаткины били Точилкина. После скандала состоялось собрание, где обсуждался вопрос о скандале. Я и жена на заседание не пошли.

27 (14) июня. Воскресенье, встал поздно, +30°. Просмотрел «Сказание о Московии» Рейтенфельса; автор больше пользовался литературными источниками, материальной стороны быта мало касается. Написал Л.В. о поездке к Троице. После завтрака пошел к Аделе Шмидт, поздравил со днем ее рождения (которое завтра); от нее доехал до Театральной площади, где сел на автобус новой 2-й линии до Кунцева; взял до конца линии билет, стоит 50 к., крайний пункт Сетунь за Кунцевым, где я и сошел, пересел на обратный и вернулся домой; до Сетуни ехали очень быстро, минут 35 или 40, дорога неинтересная, пыльное шоссе, когда поднялись на Поклонную гору, открылся вид на Москву, вспомнился Наполеон, любовавшийся видом на Москву. Погода очень жаркая, скорее душная, хотя солнца не видно из-за сплошного серого неба, ожидалась гроза, но я слышал только один удар грома. Вечером

пришли Сережа с Юзей, О.И. Зауер, сидели мы все на балконе, воздух стал свежее.

28 (15) июня. +18°. Пришел в Музей утром Айналов и Брунов с Алпатовым, провожал их на выставку икон. Было много приходящих. Е.Н. Басова рассказывала о своей вчерашней поездке в Узкое, от которого она в восторге; в 1 ч. там был ливень. После 3-х пошел в Охотный ряд, где купил земляники – «Виктории», встретил Д.Д. Иванова, купившего ту же ягоду, пригласил меня с ним съездить к Троице. Встретился с Н.А. Рожковым, также покупавшим ягоды. Приехала Адель Шмидт. Пришло несколько родственников жены поздравить Адель со днем рождения; я не сидел на балконе из-за порядочного ветра, поднявшегося благодаря тучам. Написал Л.В. о поездке до Сетуни.

29 (16) июня. +17°. Свез письмо в Ц[е]кубу. В Музее было немало мелких хлопот: заходил один нумизмат (немецкая фамилия, забыл), просил показать ему копейку Петра 1711 г. со славянским и арабским годом, показал ему. Говорил с Шибановым относительно армянского лицевого Евангелия, за которое хочет получить 1500 р.; я ему, посоветовавшись с Рожковым, отказал. Тарабрин написал очень теплый некролог Н.Н. Кононова, который будет напечатан. После 3-х ездил на Малую Якиманку смотреть предложенный Музею портрет А.С. Пушкина, оказался литографированным, очень плохим. Получил от Лихачева письмо, пишет, что византийская печать автидука Михаила, которую ранее приписывал Олегу-Михаилу Тмутораканскому, теперь с большою вероятностью относит к Михаилу Дуке, протостратору, родному брату жены Алексея Комнина. В Музей пришел впервые после болезни А.А. Захаров, вид его очень жалкий. Часов в 6 был небольшой дождь.

30 (17) июня. +17°. Получил от Г.В. Вернадского из Праги письмо – выслать рисунки и статью для напечатания. Говорил с Л.В. по телефону, в Узком телефон был испорчен несколько дней. Взял из библиотеки «Сказание Массы и Геркмана о смутном времени». В Музее дел было мало. Дома застал Надю с Лялей, Дагмару. Пришел домой под небольшим дождем, освежившим температуру. Написал Вернадскому, что статью вышлю в августе, спросил, на чье имя ее выслать: Калитинскому[40] или ему. Фотографии прилагаю при письме. Вечером пришли Жорж и Наташа, которая недавно вернулась из Качи (в Крыму), где прожила 2 месяца; такого загара, какой у нее, я ни разу не видал, это настоящая негритянка.

Июль 1926 г.

1 июля (18 июня). +17°. Послал в Прагу Вернадскому в заказном письме (48 копеек) фотографии к статье о молдавской посуде. Получил от Л.В. письмо. Приходил М.Н. Сперанский, говорили об изданиях Музея, затем о порядках в Музее (по поводу запрещения собраний «Старой Москвы») и т. п. Придя домой, застал припадок грудной боли у жены. Вернулась из отпуска Анюта. Вечером у жены боли в груди прошли.

2 июля (19 июня). +18°. Плохо спал ночь, мешали разговоры и брань Точилкина и др., как я позже узнал, все были пьяны. Здоровье жены утром было нехорошо, пригласили Гальперна, который пришел в 5 часов. В Музее дел не было, с утра до 1 ½ беседовал с А.А. Захаровым. Около 2-х поехал с

Клейном в Музей игрушки (Пречистенка, дом бывший Селезнева), там состоялось заседание Ученого совета Оружейной палаты под председательством Д.Д. Иванова, были: Н.Д. Бартрам, В.А. Никольский, С.З. Могрычев, дамы из Палаты (М.М. Лосева пригласила меня на свою свадьбу в церковь Покрова в Левшине 25 июля); обсуждали вопросы о печатании путеводителей по Музею игрушки, Музею фарфора и «Дому боярина»; редактировать последний поручено мне. После заседания прошлись по залам дома Селезнева, помещение обширное, лучше прежнего. Говорил утром с Л.В. по телефону. Гальперн велел поставить жене 6 пиявок. Адель Шмидт уехала домой. Вечером был П.Н. Сапунов.

3 июля (20 июня). +12°. Прочитал «Записки о Московии XVI в.» Горсея; много ярких картин в царствование Ивана Грозного (многим верить не хочется); интересны его описания дворов и государей, современников Елизаветы Английской; но что я ищу в сказаниях иностранцев о России – того не нашел. Приехали из Мытищ Леон. Ст., Митя и Миша; позавтракав яичницей, отправились в Зоологический сад (ныне Зоопарк); новых зверей не заметил, но сад улучшился: прекрасные клумбы цветов, чистота всюду, строятся новые помещения. Уже почти при выходе пришли Надя с Лялей, они были на могиле маленького Аркаши на Армянском кладбище; я всех угостил вафлями и мороженым; в 4 ч. ушли. Без меня был Н.П. Бауер из Эрмитажа. Жене Лёля поставила на крестец 5 пиявок.

4 июля (21 июня). Воскресенье. Встал поздно. +20°. В 10 ч. пошел к обедне в храм св. Владимира; было прекрасное служение, как и прошлый раз; женский хор причащался и многие другие; более 2-х часов простоял незаметно. Служили в главном храме, было 3 священника и 2 дьякона, кажется, не те, что в прошлый раз. Внутренность храма, иконостас, иконы, стенная живопись новые. За ночь у нас украли домашние воры: одеяло П.С. Рожицкого и шарф Лёли. Как тяжело жить! Сделал небольшие добавления к статье о молдавской посуде.

5 июля (22 июня). +12°. Дождь. Был утром в Цекубу по поводу академического обеспечения, но ничего не пришлось выяснить. В Музей пришел Н.П. Бауер из Эрмитажа, где он занимается западноевропейскими монетами; здесь он будет описывать клады таких монет, также клады слитков. И.И. Толстой прислал мне мою статью о молдавском серебре. К обеду приехала Надя. В 7-м часу поехал к Л.В., посидел недолго, не хотелось говорить, в 9 ч. уехал. К вечеру стало ясно и прохладно.

6 июля (23 июня). +8°. Утром проехал в Цекубу, где подписал анкету; какой дадут ответ – не знаю. Заходила за жалованьем Л.В. Ничего почти не делал, вел разговоры с Бауером, Сперанским и Захаровым. Приезжала Валя, на здоровье не жаловалась.

7 июля (24 июня). +11 ½°. Иванов день (Иван Купала). В Музее ничего не делал, зато просмотрел много изданий; беседовал с Г.Л. Малицким, который имеет занятия в Отделе по делам музеев, там очень озабочены пожарами, происшедшими в последние дни в музеях от поджогов: Румянцевском, Толстовском, Музее мебели в Нескучном и еще где-то; все поджоги сделаны одинаково: разбивался пузырек с бензином в незаметном месте и спичкой поджигали; думают, что это проделки маниака. Долго сидела О.И. Попова,

рассказывала об Узком, тамошних непорядках и т.п. Н.П. Бауер усердно занимается описанием наших немногих монетных кладов.

8 июля (25 июня). +12°. Был в Охотном ряду, купил ½ фунта паюсной икры, земляники – «Виктории» – и сумку вместо на днях украденной. В Музее особых дел не было, говорил на всякие темы с Захаровым, Сперанским, Бауером. В 5 ½ ч. пришел Бауер обедал, за обедом были: Д.А. Красовская, К.Я. Малютин и Лотушка с Лёлей. После обеда (ели на балконе) мы перешли ко мне в комнату, где Н.П. мне прочитал отрывки из своего труда о русских ценностях до начала XII в.; ушел в начале 11-го часа.

9 июля (26 июня). +10°. Купили для Музея лицевой Синодик XVII в., очень нарядный, за 175 р. Все время разбирал уваровские монеты доцарского периода; меня заинтересовал один, мне неизвестный, тип князя Димитрия; какого Димитрия, пока не додумался. Нашел 4 киевских серебреника и порядочное количество слитков разных форм. Снял фотографию с перечницы царевича Федора Ивановича и с ковша Грозного с орлом на мишени, на «волошское дело». Слышал, что умер князь В.Д. Голицын, бывший директор Румянцевского музея.

10 июля (27 июня). +11°. Весь день было тоскливое состояние. С утра до 5 ч. переносил нумизматические книги из передней в нашу проходную столовую, перенес и шкаф; разобрал их по возможности в порядке. У всеношной был в церкви св. Димитрия Солунского, служили хорошо, пели все молящиеся, у кого есть слух и голос, дирижировал священник.

11 июля (28 июня). Воскресенье. Встал поздно, +17°. Утром перенес другой шкаф из передней в столовую; от 9 до 2-х расставлял в нем книги исторические и по археологии и др. Заходил Ося Шмидт. Поехал ко всеношной в Данилов монастырь (до Серпуховских ворот на **Б**, оттуда три линии – 3, 18 и 19); было торжественное служение: митрополит Тверской Серафим (Чичагов)[41] и 2 архиепископа, хорошо пели; встретил няню Танину, которая живет в монастыре, К.Ф. Гесселя, с которым прошли на могилу Гоголя; службы я не достоял, устал. Мощи великого князя Даниила Александровича покоятся в новом соборе, куда перенесены, кажется, недавно.

12 июля (29 июня). +13°. Петров день, праздник, отмененный большевиками. Разбирал уваровские доцарские монеты, встретил несколько новых вариантов, в общем, большинство монет плохой сохранности. После занятий зашел купить в Охотный ряд сухих грибов (лучшие 3 р. фунт). Получил от Вернадского из Праги письмо, просит выслать статью профессору Александру Петровичу Калитинскому (Loretanske nám. 109, Praha IV). Получил от Миннза письмецо.

13 июля (30 июня). +14°. Купили у Русула Магометова зеркало XVII в. и 6 стеклянных сосудов XVIII в. за 100 р. Разбирал уваровские монеты – псковские, новгородские, Василия Темного – все обычные, среди суздальских нашел одну для меня новую с изображением скачущего козла, с надписью ВОРИСОВА (вместо Б?), принадлежит, конечно, Борису Константиновичу Суздальскому. Послал в заказном письме Г.В. Вернадскому в Прагу фотографии с перечницы Федора Ивановича и с ковша Грозного. К обеду пришла внучка Нина и М.Н. Гусева. Вечером прочитал «Перстень св. Алексея Митрополита». Много думал о надписях на древнейших русских монетах.

14 (1) июля. +15°. Докончил беглый разбор доцарских монет Уваровых, кроме монет Бориса Суздальского и десятков двух новых вариантов, ничего не нашел. Бауер кончил разбор кладов, просматривает отдельные экземпляры слитков. В собрании Уварова имеется 4 сребреника, все, по-видимому, из нежинской находки, у Толстого не изданы.

15 (2) июля. +13°. В Музее разбирал уваровские копии с древнейших монет более 30 экземпляров: перед большинством количеством[11*] надписей становлюсь в тупик. Л.В. поднесла баночку варенья – «виктории», сваренного ею. Приехал с Урала Н.Б. Бакланов, в понедельник едет в Ольвию. Домовое управление выкрасило во всем помещении окна белою краскою; запах значительный. Была небольшая гроза.

16 (3) июля. +15°. Вчера в Музей заходил Тройницкий, сидел с час, очень жалуется на здоровье, вид у него болезненный. Сегодня распростился с Н.П. Бауером; от него узнал, что последнее издание великого князя Георгия Михайловича «Монеты Петра Великого по 1710 г.», может быть, цело и находится на одном из складов Гознака. Все время в Музее разбирал гальванопластические слепки с древнейших монет киевского периода. Заходил С.В. Бахрушин, вернувшийся из поездки по Ярославской и Тверской губерниям, где осмотрел до 10 музеев, был на месте битвы на Сити, где сохранились курганы, как думают, насыпанные над павшими воинами.

17 (4) июля. +14°. Все утро возился с окном моей комнаты: вешал занавеску и драпировку, помог мне К.Я. Малютин. В 12 ч. поехал к «Мюру», купил уксусу, масла, горчицы, сыру и т.п. Был у всенощной в храме Вознесения у Никитских ворот; служили прекрасно (священник и дьякон), пел отличный небольшой хор, было величание преп. Сергию; я был удивлен, получив от священника, когда я подошел под благословение, приложившись к Евангелию, поцелуй в верх щеки; по-видимому, мой старый вид заставил его это сделать. Храм внутри замечательно красив, особенно когда открыты царские двери; линии иконостаса, колонн в алтаре прекрасны; в нем венчался А.С. Пушкин.

18 (5) июля. +12°. Воскресенье. Около 9 ч. поехал к обедне в Донской монастырь; в начале Остоженки сел на № 24 (8 к.) и проехал берегом Москвы-реки до моста Окружной железной дороги; любовался противоположным берегом с садами Голицынской больницы, Нескучным и др., перешел через мост и пешком дошел до монастыря, в храме служба еще не начиналась, посидел на кладбище. Литургию служил епископ Можайский Алексей, царские двери все время до причастного стиха были открыты, пел недурной хор, перед «Отче наш» регент подошел к амвону и под его дирижерство все присутствующие пели молитву Господню, было очень торжественно и трогательно; приехал домой в 1 ¼ ч. Утром написал А.А. Ильину письмо. В трамвае видел следующую сцену: у Смоленского рынка входит продавец газет и скороговоркой, не называя журнала, предлагает купить за пятак вместо 20 к. юмористический иллюстрированный журнал «смеху на час», как он выразился; какая-то полуинтеллигентная дама купила и, заметив надпись «Безбожник», бросила его; вскоре сама вышла; человека 3-4 брали журнал, но оставляли, заметив надпись; у Красных ворот какой-то нестарый мужчина взял журнал, спросил сидящих, чей он, все отказались, он его свернул и унес.

[11*] Так в оригинале.

19 (6) июля. +11°. Придя в Музей, узнал о вчерашнем поджоге в Музее в 2 ½ часа, совершенном теми же приемами, что и предыдущие поджоги в Румянцевском, Толстовском, Мебели – музеях, т.е. приносилась бутылка бензину, в пробку вставлялся фитиль, который поджигался и затем производился взрыв и пожар. Бутылка была положена под диванчик на лестнице, ведущей в библиотеку; диванчик стоит под копией с мозаики киевского Архангела; обгорела часть стенки дивана, распространение огня прекратили, иначе вспыхнуло бы огромное полотно и перешло на рядом висящие портреты. В Музее разбирал печати. После 3-х пошел с Л.В. к Прохорову, купил черники для желудка, зашли к «Мюру», купил туфли. Получил письма от Танюши, Веры и Нат. Ал. (из Липецка). Умер бывший глава московских антропософов Трифон Георгиевич Трапезников.

20 (7) июля. +14°. Зашел утром в правление винторга к Б.А. Диатроптову (Верхние торговые ряды, Ветошный ряд) и расспросил, как доехать до избы, где живет Таня. В Музее дел не было; Л.В. прилежно занималась раскладкой и счетом зубовских русских медалей, я приводил в известность уваровские монеты. Беседовал с Н.А. Рожковым о продаже на вес музейского серебра-лому. Заходил Г.Л. Малицкий, пригласил к себе на дачу в Расторгуево на завтра. Зашел к «Мюру», взял билет в Расторгуево, купил жене туфли, дочке Георгия Леонидовича пату. Получил от А.А. Ильина письмо, благодарит за радушный прием Н.П. Бауера.

21 (8) июля. +15°. Праздник иконы Божией Матери Казанской. Утром, из трамвая, увидел траурные флаги, пассажиры читали внимательно газеты; я попросил у соседа посмотреть газету, узнал, что вчера умер у себя на квартире в Кремле от разрыва сердца Дзержинский, один из жестоких большевиков. Сегодня его должны были в 1 ч. вынести из Кремля и поставить гроб в бывшем Благородном собрании (теперь Дом союзов). В Музее я пробыл до 11 ¾ ч., т. к. с поездом в 1 ч. должен был ехать к Г.Л. Малицкому на дачу. Из-за переноса покойника все движение трамваев от центра было отменено, пришлось дойти до Лубянской площади, где сел на № 15, довез меня до Таганки, там до Павелецкого вокзала взял за 1 р. извозчика (из-за промедления движения трамваев боялся опоздать). Доехал до станции Расторгуево, где меня встретил Г.Л., мы сели в нанятую им бричку и поехали в деревню Лопатино (3 ½ версты); дача – деревенская изба, разгороженная досками, за 2 маленькие комнаты платит 120 р.; с террасы прекрасный вид на долину маленькой речки; около 4 ч. сели обедать; Ксения Михайловна, его жена, угостила отличным обедом (прекрасный суп, мясные котлеты, бисквит с кремом, ягоды и кофе!); у них милая дочурка Ирина 3 лет, спокойного характера. После обеда пошли в Суханово в парк (он в 10 минутах ходьбы), где я прежде столько раз бывал с семьей, где также с князем С.М. Голицыным был у княгини Волконской, обедал у нее; теперь парк и большой дом в запустении, около церкви, которая закрыта, расположился лагерь пионеров. Вообще Суханово произвело неприятное впечатление. Часа через 1 ½ вернулись домой, попили чаю, и я уехал; Г.Л. с девочкой меня проводили с ¾ версты, но маленький дождь заставил их вернуться домой; поезд отошел в 8 ч. 33 м. В Москве меня застал небольшой дождь. В деревне, где живет Г.Л., все извозчики были пьяны по случаю праздника иконы Казанской, несмотря на отмену праздника большевиками.

22 (9) июля. +15°. Барометр сильно упал. Часов с 3 ½ дня пошел небольшой дождь и немного гремело. В Музей заходил С.К. Исаков[42], он интересуется скульптором Шубиным; в Музее имеются, кажется, 2 его скульптуры, но они убраны в кладовую, завтра утром обещал ему их поискать. Дел было мало. Купил за 10 р. дневник Соковнина из Симбирска 1789 г., по-видимому, не очень интересный. После 3-х заходил с Л.В. к Б.А. Диатроптову, спросил его, как доехать от Снегирей до Аносина. Приехал Н.М. Гайдуков. Приехала погостить Адель Шмидт.

23 (10) июля. +13°. Дождь. В 10 ч. пришел в Музей С.К. Исаков, показал ему некоторые скульптуры (барельефный портрет графа Н.И. Панина работы Щедрина, бронзовую аллегорическую группу, приписываемую Шубину и др.). Заходил М.А. Полиевктов, профессор Тифлисского университета, поднес свой труд о посольстве Толочанова[43]. После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», купил для Танюши сыра, масла, баранок, сухарей, сластей; все это довез до ее квартиры. Шел небольшой дождь.

24 (11) июля. +14°. К поезду, отходящему с вокзала Виндавской железной дороги в 9 ч. 20 м. утра, отправился на трамвае, встретил на вокзале Л.В., заняли места (народу было немного) и поехали на станцию Снегири (44 км от Москвы), поезд еле-еле тащился, приехали в 11 ч. 13 м., взяли у станции телегу за 1 р. 50 к. и по ужасной дороге поехали в Аносино, но неудобство сообщения было вознаграждено прекрасными видами; местность холмистая, с лесочками и полянами. Добрались до деревни Аносино, лежащей на высоком холме около чистой речки Истры, которую переехали вброд. Таня и Маша живут в разных избах, очень чистых, но лишенных всяких удобств (нет отхожего места, приходится ходить в кусты!); никого не застали: ушли гулять, мы решили пойти навстречу и только сделали 20–30 шагов, как завидели всех; Танюша, Маша и все ребята обрадовались очень, встретив нас. Я привез хлеба, сыра, масла; Танюша испекла пирог по случаю именин Оли (которая играет за границей), мы закусили и отправились на прогулку по деревне, которая упирается в женский монастырь, построенный в 1822 г.; чистота удивительная в монастыре, памятники все в исправности, следов хулиганства комсомолов, как здесь в Алексеевском монастыре, нет. Вернулись домой, попили чаю с медом и в той же телеге потряслись к поезду в 6 ½ ч. Расстояние от Аносина до Снегирей считают 4 версты, ехали на телеге ровно час. Погода была прекрасная нежаркая. Вид всех детей очень здоровый, даже маленькая Агнесса, дочь Ани, живущая у Тани, значительно поздоровела. Яльмар, как всегда, меня поражает своею простотой, искренностью и умом.

25 (12) июля. +14°. Воскресенье. Весь день было тяжелое душевное состояние. Читал об Алексее Митрополите в «Истории русской церкви» Голубинского. К 5 часам отправился в церковь Покрова в Левшине на венчание Марины Михайловны Лосевой с Александром Васильевичем Постниковым; пришел минут за 15 до 5 часов, осмотрел церковь, которая мне очень не понравилась: внутри вся разделана заново, что очень дисгармонирует с ее наружным видом. Встретил знакомых, пришедших на свадьбу: Г.И. Чулкова с женой, пришли Д.Д. Иванов и Вера Тимофеевна с Мариной Михайловною; приехал жених, потом невеста, венчал их отец жениха митрофорный иерей отец Василий (прихода у него нет), пел хороший хор, служил священник превосходно, сказал прекрасное слово; венчание с молебном продолжалось око-

ло 1 ½ ч. Мать невесты Евдокия Ивановна, также Н.Д. Бартрам пригласили Д.Д., Чулковых, обеих дам из Оружейной палаты и меня на чашку чая, мы отправились с Д.Д. пешком на Пречистенку в Музей игрушки (там их вверху квартиры), в тесных комнатах набралось пропасть народа, родных и знакомых, подали шампанского, торты, сласти, кофе, чай, говорили обычные тосты; сначала Д.Д. и я сидели за главным столом, потом ушли в другую комнату, там сидели Евд. Ив., Н.Д. Бартрам; обе дамы из Палаты и молодая барышня, кажется, сестра молодой. Д.Д. мне сказал, что в Оружейную палату переносят все царские драгоценности для продажи. От Григория Ивановича Чулкова узнал, что на этой неделе утонул в Москве-реке сын М.А. Цявловского, студент. Вернулся домой около 10 ч. Молодые с поездом в 10 ч. 30 м. должны были уехать в Нижний Новгород, оттуда на пароходе по Волге и Каме.

26 (13) июля. +14°. Сегодня отпели и похоронили умершего 3-го дня В.М. Васнецова, царство ему небесное, прекрасной души был он. Умер он сразу, еще днем выходил в свой садик. С небольшим 2 месяца был я у него (20/7 мая). Немного таких людей. Все время в Музее укладывал с Л.В. медали. Выйдя со службы, посидел с ½ часа в Александровском саду, дошел до Воздвиженки до **А** и домой.

27 (14) июля. +14°. Неожиданно получил в Музее письмо от профессора Гольдштейна, председателя правления фонда помощи московским ученым и писателям, где мне пишет, что выслал 15 долларов субсидии. Меня это очень тронуло. Разбирал и определял шведские медали времени Северной войны. С 4 ч. ночи пошел дождь, временами прерывавшийся, около 12 ч. была гроза. Получил от А.А. Ильина письмо нумизматического содержания и в таком духе ему ответил.

28 (15) июля. +11°. Познакомил Л.В. с древнейшими русскими монетами по гальванопластическим слепкам (их около 70). Заходил П.С. Шереметев на ¼ часа. Вернулся из поездки на Урал А.Н. Топорнин, куда ездил с В.С. Вороновым; купили для Музея много бытовых предметов XVIII–XIX вв. В 2 ½ ч. Л.В. и я вышли из Музея, [она] дошла до здания Биржи повидать кого-то, я ее ждал в зале, которую не видал много лет. Вспомнился отец. С Лубянской площади на трамвае № 9 поехали в Останкино, где я провел раннее детство (в 1861 г.). Прошлись по парку, который отгорожен, содержится чисто, но цветника нет. Настроение очень тяжелое, побыли с ¾ ч. Произошла размолвка и мы поспешили уехать. Вспоминаю, как в Останкино приезжал Александр II с женою, пили там чай у простой самоварщицы. Вспоминаю, как меня купали в пруде, как водили смотреть труп утопленника…

29 (16) июля. +12°. С утра шел порядочный дождь. Садиться у Курского вокзала по утрам одно мученье: масса желающих ехать и недостаток вагонов; чтобы войти, пропускаю по 6 вагонов! Л.В. вручила мне письмо объяснительного содержания; я, как человек иных с нею взглядов, ничего не отвечу. Все время мы продолжали разбирать копии древнейших монет, знакомясь с типами, главным образом с надписями. Купил в Музее (в вестибюле) роскошное издание Кнебеля «Ростов и Углич» покойного Б.Н. Эдинга[44], заплатил 1 р. 75 к.

30 (17) июля. +11°. Дождь. Плохо спал ночь, болела экзема. Написал Л.В-не ответную записку. Заходила Н.А. Бакланова, рассказала, что жена С.К. Богоявленского очень страдает по сыне, который все еще в тюрьме. Разбирали

с Л.В. копии древнейших монет по типам. После 3-х мы пошли к «Мюру», я взял билет к Троице, купил провианту. После обеда в нашей бывшей столовой разыгралась отвратительная сцена: пролетарские «дамы» (Тинка и Наташа) разодрались из-за кошки, бросались стульями, посудой, разбили мой стакан, фаянсовую миску и т.д. Как тяжело на сердце! Углубляюсь в чтение, мысли разбегаются.

31 (18) июля. +14°. С поездом в 9 ч. 35 м. отправился в Троицкую Лавру в компании с Л.В. и М.В. Будылиной. В Сергиеве доехал с Л.В. на извозчике (перед приездом был сильный дождь), а М.В. пешком. Были в музее, долго останавливались перед шитою плащаницей Старицких. В комнате с серебром я разыскал водосвятную чашу, которую Д.Д. Иванов считал молдавским изделием; я не нашел ничего в ней молдавского, те ложки на тулове, которые ввели в заблуждение Д.Д.-ча, ничего не имеют общего с ложками братины; стоян и поддон чаши позднейшие. Встретились с К.К. Романовым (архитектор) с 2 ученицами, с Куфтиным[45]. После ризницы закусили, пили чай; после большинство ушло в трапезную, Успенский собор, я не пошел, отправился в митрополичьи покои, которые впервые подробно осмотрел. Беседовал долго с отцом Диомидом, ризничим; он мне рассказывал о некоем св. муже Исаакии, который говорил отцу Диомиду, как ему в церкви св. Духа явился покойный митрополит Филарет, а когда прикладывался раз к мощам преп. Сергия, то св. Сергий обнял его. Приятно было слушать, с какою верою говорил отец Диомид. На мой вопрос, приходят ли поклонники в дни памяти преп. Сергия, он сказал, что после того, как большевики стали отгонять верующих от храма, народу стало ходить мало; а прежде, лет 5–6 назад, приходящие плакали, целовали стены храма и т.д. Сегодня, когда мы спустились к мощам преподобного, то одна дама плакала, очевидно, поругание большевиков над мощами на нее сильно подействовало. Выехали с поездом в 6 ч. 9 м., через 2 часа были в Москве.

Август 1926 г.

1 августа (19 июля). Воскресенье, встал поздно, на солнце +22°. Среди дня произошел страшный скандал… Заходил А.А. Карзинкин. Н.М. Гайдуков уехал в Минск; обедали мы в 3-м часу, к обеду пришла сестра Белкина А.С. Подушкина. Необычайная тоска, старался ее рассеять чтением. Поехал в Новодевичий монастырь ко всенощной, слушал очень длинный акафист Илии Пророку, в нем слишком много повторений, что очень меня расхолодило, я ушел; уходя, встретился с Е.П. Богословской, поговорил с нею немного. Дня 2 назад Н.С. Щербатов перенес гроб с телом жены от церкви Румянцевского музея в Новодевичий монастырь, хотел посмотреть могилу с князем, но его в церкви не было.

2 августа (20 июля). +11°. Ильин день. Получил извещение из Государственного банка, что на мое имя пришли из-за границы деньги; немедленно отправился, где мне объявили, что мне следует получить 15 долларов из Нью-Йорка и спросили, хочу ли получить долларами или червонцами, я взял червонцы. Пришлось по советскому курсу получить 29 р. 10 к., из них вычли 12 к. за марки. В Музее занимался литературою по древнейшим русским мо-

нетам. Приехал с дачи Сперанский, с ним беседовал. После 3-х заходил к «Мюру», купил порошков (2 разных) от клопов и тараканов. Весь день погода была свежая. Сильная ревматическая боль в левом плече, второй день мажу плечо йодом.

3 августа (21 июля). +11°. Утром проехал на **А** до Каменного моста и по Александровскому саду пошел в Музей, так как было рано, то я минут 20 посидел в саду. Утром приходил в Музей А.М. Васнецов, подарил баклагу работы Вятского кустаря (Нолинский уезд). Продолжал с Л.В. изучать древнейшие монеты; сомневаюсь, чтобы при данных знаниях можно было бы точно сказать, какому Владимиру или Святополку принадлежат монеты. Зашел А.А. Карзинкин, с которым мы сговорились поехать в Серебряный бор; нас попросила взять с собою Л.В., и мы все втроем отправились; сели в обычный автобус № 4, в это время подъехал автобус другой конструкции, довольно изящный, идущий туда же без остановки за ту же цену 50 к., мы пересели, и он покатил, но как мы в нем прыгали! Л.В. прикусила язык; расстояние считается 14 ½ километров, которые мы проехали в 26 минут. Серебряный бор мне не понравился, тесно расположенные дачи выстроены по сторонам пыльного шоссе; но берег Москвы-реки, особенно дали, красив; с ½ часа побродили по берегу и в обыкновенном автобусе № 4 вернулись; слезли на Кудринской площади, где я пересел на **Б**, а А.А. на № 16.

4 августа (22 июля). +12°. Заходил в Музей Нерадовский, просил устроить заседание по поводу отопления в соборах и в Музее. Прислано из Главнауки письмо Ф.М. Достоевского к какой-то княжне, писанное в 1872 г. Читал о древнейших монетах. Н.А. Рожков уехал на месяц на Кавказ. После 3-х заходил к «Мюру», купил для Лёли бутылку кагора, завтра ее день рождения; подарил ей 10 р. Написал благодарность за 15 долларов доктору Гольдштейну в Нью-Йорк.

5 августа (23 июля). +12°. Небольшой дождь. В Музее разыскивал в собрании Зубова древнейшие монеты, которых было, как я думал, судя по его единственному нумизматическому труду, две, но их нашлось 13, обычных изданных типов и, кажется, нового ничего не дадут. Заходили Н.А. Бакланова, С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич; все говорят об участи бедных бойскаутов, более 3 месяцев сидящих неизвестно за что в тюрьме. Л.В. ушла в отпуск до 6 сентября, расстались очень холодно. Получил от Александра Петровича Калитинского из Праги письмо, просит выслать мои труды и рукопись о молдавском серебре.

6 августа (24 июля). +14°. «Советское преображение», которое верующие не празднуют; занятий нет. Какое глумление над нами! Сильная ревматическая боль в правом плече не проходит. В нашей бывшей столовой белят потолок, оклеивают обоями, все делается за мой счет (20 р.), и обои мои. Утром съездил на Театральную площадь во Всесоюзное общество культурной связи, которое, по случаю «праздника», заперто; хотел купить в Охотном ряду провизии, но магазины с продуктами заперты, проехал на Арбат, там эти магазины отперты, купил колбасы, масла и проч. Днем заходили Павел Николаевич и Валя, переехавшие с дачи; Валя очень поправилась; оба обедали. Сильная боль в правом плече, жена натерла какою-то мазью с хлороформом.

7 августа (25 июля). +10°. Послал в заказном письме (68 копеек) А.П. Калитинскому в Прагу статью о молдавском серебре с ответом на его письмо.

Зашел во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, служащие в нем, очень симпатичные люди, рассказали, как послать в Прагу книги. Прошел в Верхние ряды (Гум), где, по поручению жены, купил для Анюты кольцо с красным камнем. Зашел в Оружейную палату через Никольские ворота; площадь между Окружным судом и Арсеналом (где был убит великий князь Сергей Александрович) превращена в сквер с 2 широкими асфальтовыми проездами по сторонам. В Оружейной палате побеседовал с Д.Д., он мне показал некоторые сосуды, относимые им к концу XV в.; при мне Палату осматривала жена французского министра Эрио[46]. Из Кремля отправился в Цекубу обедать, кормили вкусно (бульон с пирожком и пулярду с картофелем); встретил там В.А. Дудареву и Н.Н. Соболева[47] с сыном. Вечером отобрал 20 названий своих статей для отсылки в Seminarium Kondakovianum в Прагу. Правое плечо болит, жена натерла мазью.

8 августа (26 июля). Воскресенье, встал поздно, температура +15°. Развешивал с помощью Прохора Малахова картины и фотографии. К обеду пришли Сережа с Юзей, позднее пришла ненадолго Зоргаген. Плечо сильно болело весь день; по совету Юзи, жена мне прикладывала на ¼ ч. горчичник к плечу, стало несколько легче.

9 августа (27 июля). +11°. Послал через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей 20 названий моих трудов в Прагу А.П. Калитинскому, за пересылку ничего не взяли. Просматривал зубовские удельные монеты, когда будут соединены с нашими и уваровскими, то собрание будет прекрасное. После обеда поехал ко всенощной в Новодевичий монастырь: там завтра праздник иконы Смоленской Божией Матери и апостолов Прохора и Никанора; пели прекрасно, народу было очень много; встретил в храме В.И. Троицкого; выходя из храма, В.И. мне указал на одного священника или монаха, продающего при входе образки и т.п., и предупредил быть при нем осторожнее, так как он на службе в ГПУ; не хочется верить, но в наше время все возможно. Нашел могилу княгини Щербатовой (рядом с монументом графа А.С. Уварова).

10 августа (28 июля). +8°. Утром проехал в Государственный банк, куда был еще вчера приглашен заведующим эмиссионным отделом Ефимом Исааковичем Рубином (телефон 2-71-36) для экспертизы золотых монет, полученных из Гохрана; принесли 2 мешочка золотых и электровых монет, которые я разделил на 2 кучки: для сплава и для продажи музеям; среди отобранных я обратил внимание на 2: на золотую медаль царя Алексея Михайловича и на золотой статер царя Фарзоя; слепок с последней мне был прислан покойным Якунчиковым (его большевики расстреляли), следовательно, это была коллекция Якунчикова. Чем моя экспертиза кончится – не знаю, но Рубин хотел меня пригласить при ликвидации. Среди монет есть прекрасные кизикины. Пробыл более 2 часов. В Музее начал разбирать уваровские удельные монеты. Дома встретил Надюшу с Лялей; они обедали. В Останкинском дворце был пожар от поджога.

11 августа (29 июля). +8°. Боли в правой руке стали слабее. Продолжал разбор уваровских удельных монет. Заходил А.А. Сиверс (из Эрмитажа), привез письмо А.А. Ильина. Явился Л.И. Пономарев, говорит, что его гайморит еще не вылечен. После 3-х отправился в Музей 40-х годов на Собачьей площадке; Борис Валентинович Шапошников, заведующий музеем, показал мне

комнаты всех этажей, впечатление о том времени, когда жил Хомяков, Гоголь и т.д., я вынес очень хорошее, Б.В. все устроил с любовью. Вечером определял некоторые монеты уваровского собрания, нашел несколько неизданных.

12 августа (30 июля). +8°. Все свободное время в Музее разбирал уваровские монеты. Пил чай с Л.И. Вороновой и В.И. Поповой. Заходила Н.А. Бакланова, сидела более часа, говорили о многом. После 3-х пошел покупать почтовую бумагу, встретил Н.Д. Телешова, сообщившего ужасную вещь о расстреле писателя Вагина (его я не знаю) без суда. Получил от И.И. Толстого письмо.

13 августа (31 июля). +9°. Послал письма Ильину и Толстому. Все свободное от посетителей время в Музее разбирал уваровские монеты. Заходил Л.С. Зворыкин, дал ему польский альбом построек для составления проекта дома; он рассказал, что сослуживец Нины в коммунальном хозяйстве Карамышев расстрелян; это то же лицо, о котором я вчера слышал (Вагин). Заходил к «Мюру», купил нож для хлеба, масленку и 6 чайных чашек (по 67 к. за чашку).

14 (1) августа. 1-й Спас, праздник, отмененный большевиками. +8°. Боль в правой руке продолжается. Утром ездил в ряды, купил молоток за 1 р. 10 к., к «Мюру» – купил чаю, сахару, кофе и пр. Просматривал литературу по удельно-вечевым монетам. Вечером пришла М.Н. Гусева.

15 (2) августа. +14°. Воскресенье. Был за поздней литургией в Даниловом монастыре. Читал «Поликушку» Толстого. Вечером пришел Сережа.

16 (3) августа. +10°. Сегодня начало занятий в Историческом музее после 2-месячных каникул; пришли Нат.Ал. и Алексей Михайлович [Бардыгин]; вчера приехала из Сарова Л.В., зашла ненадолго в Музей, поездкой довольна, принесла мне 2 просфоры: одна за здоровье жены, другая за мое. Заходил И.А. Гальнбек, поднес мне свой труд о финском олове (по-немецки), изящно изданный в Гельсингфорсе, и в рукописи – краткий очерк о русском олове. Л.В. хочет обработать для издания свое описание перстней. После 3-х я отправился обедать в Цекубу, встретился там [с] В.А. Дударевой, с Харко из Музея изящных искусств и с реставратором Яковлевым. Сегодня у нас не готовили: все были вызваны в суд по жалобе Клименковой, но дело отложено, свидетели не явились. Обедала и сидела М.Н. Гусева, хочет со мною съездить в Звенигород.

17 (4) августа. +10°. Туман. Все время разбирал уваровские великокняжеские монеты. А.М. Бардыгин укладывает в шкапы зубовские императорские монеты. Выдал представителю музея Белорусской республики (!?) 5 серебряных монетных слитков.

18 (5) августа. +12°. Ночью сильно болела правая рука, несмотря на растирание ее с вечера мазью бомбанге [?]. В Музее почти все время разбирал уваровские монеты. Около 3-х пришел Леонтьев, у его отца мы давно купили богатый конский убор, принадлежавший графу Зубову, в настоящее время он предложил купить принадлежности убора верховых лошадей того же времени; мы поехали, к нам присоединилась Л.В.; вещи сложены в чьей-то квартире в подвальном помещении, осматривали более часу; седла, паперси, уздечки, вальтрапы и проч., по-моему, турецкой работы, все из низкого серебра; их довольно много; ценит 500 р. Обещал ему предложить Музею.

19 (6) августа. +10°. Преображение Господне, праздник, перенесенный большевиками на новый стиль. Вчера вечером была страшная ругань в ком-

нате Мусаткиных и Точилкина в течение двух часов; нервы мои расходились, долго не мог ни читать, ни спать, правая рука сильно разболелась. На закупочной комиссии в Музее купили несколько предметов, любопытен один – эстамп 1705 г. «Зрительная арифметика» (35 р.). Ходил по тем залам, в которых будет расположена выставка XVII в. (залы Грозного), вместе с Л.В. и Нат. Ап. продолжал разбор уваровских монет. После 3-х поехал в Ботанический сад, в декоративном отношении неважен, в научном, вероятно, хорош; был в оранжерее (отдельная плата 20 к.) № 4, в ней растения жаркого климата, бассейн с 12 экземплярами Виктории регии, цветение ожидается дня через 2 и продолжится 3 дня. Посидел около цветущих клумб, полюбовался некоторыми старыми деревьями – ивами, вязами и др., которым лет по 200, вероятно, с начала основания при Петре аптекарского огорода. В Музей заходила С.В. Леман, воспитанница покойной сестры, я ее не узнал; служит в Керчи. Придя домой, встретил у нас Сашу Орешникова, пришли К.Н., урожденная Косцюшко, с мужем-евреем, принявшим фамилию Волконского, все обедали. Погода ясная, теплая.

20 (7) августа. +10°. В Музее нашлась запертая шкатулка в одном из забытых шкапов; я попросил ее принести к Пономареву; призвали слесаря, который ее отпер, оказались в ней незначительные вещи отца С.С. Игнатова (его часы, 2 ордена, портмоне и т.д.); решено передать ее Сергею Сергеевичу. Разбирал монеты Уваровых. Заходило много народу (Ржига, Соболевский, Н.В. Малицкий[48] и др.). После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», где взял для нее и для себя билеты в Новый Иерусалим, куда собираемся завтра ехать. К обеду пришла С.В. Леман. Получил в подарок от Ю.А. Олсуфьева из Троицкой Лавры его труд «Опись древнего церковного серебра бывшей Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII в.)».

21 (8) августа. +10°. С поездом в 9 ч. 20 м. я поехал с Л.В. в Новый Иерусалим. Погода весь день была великолепная. На вокзале взяли до музея за 1 р. извозчика. Войдя в стены монастыря, встретили П.П. Никольского, который позвал в свой садик; я познакомился с его женой Елизаветой Георгиевной; принесли самовар, мы заварили чаю, поели нашей ветчинной колбасы и отправились в Музей к Шнеерсону; я его попросил показать храм; он его отпер. Я был поражен, в какой он привел его вид; чудесные никоновские изразцы, которыми украшены многие части, главным образом, алтарные стены, были закрашены в XVIII столетии, Шнеерсон отмыл. Сегодня я только постиг всю внутреннюю красоту храма, несмотря на то, что реставрация в XVIII в., исполненная Бланком по рисункам Растрелли, изменила всю никоновскую внутреннюю декоровку, превратив ее в барочную с примесью рококо. В Музее мне Шнеерсон показал найденную им огромную гравюру 1694 г., изображающую внутренний вид храма св. Петра в Риме, которым Растрелли, очевидно, пользовался для реставрации Новоиерусалимского храма, который внутри напоминает отчасти храм Петра. Музей вновь распланирован гораздо лучше, чем был, прибавилось много отделов естественноисторического характера. Вообще, я окончил осмотр всего очарованный. Выйдя из Музея, мы пошли в Никоновский скит, к нам присоединился П.П. Никольской; в скит мы не входили, но посидели на пнях и полюбовались прекрасным видом. Вернувшись к Никольским, поели супа и компота (очень вкусный из яблоков) и отправились на вокзал к 7-часовому поезду; Никольские нас проводи-

ли полдороги, Шнеерсон подарил нам десятка 2 яблоков, которых урожай; он надеется собрать 2500 пудов и продаст их по 20 р. за пуд; на вырученные 5000 р. будет ремонтировать, чистить и т.д. музей и собор. Натан Александрович Шнеерсон человек энергичный и умный, но не очень образованный, в чем он сам сознается; честь ему за все, что он сделал. Вернулись в Москву в 9 часов вечера. Прекрасное мое настроение пропало после одного тяжелого разговора.

22 (9) августа. Воскресенье. Встал поздно, +16°. Был за литургиею в Алексеевском монастыре; слепцы пели отлично, особенно мне понравилась молитва Господня. Посетил дорогие могилы, целы, но вообще кладбище принимает вид мерзости и запустения, какие-то негодяи сбрасывают памятники… С тяжелым чувством вышел. Проехал на № 10 в Ботанический сад; масса народу у кассы и при входе в оранжерею, где Виктория регия; вчера ждали цветения, но и сегодня бутон еще не распустился, ожидают в 4 ч., я же был в 1 час. Бутон имеет величину гусиного яйца или чуть-чуть больше. Посмотрел на карликовые растения, как можжевельник 200 лет, вяз 50 лет и т.д.; не скажу, чтобы вид их был приятен, по крайней мере, меня они отталкивали, как всякое уродство. Просмотрел опись серебра Троицкой Лавры Олсуфьева; описание невозможное; это какой-то судебный протокол, а не научное описание. Написал автору благодарственное письмо за присылку книги. Днем был сильный ветер, поднимавший облака пыли; в 5-м часу пошел дождь. Заходили: С. Орешников и его приятель Свенторжецкий, который, из боязни, что Алексеевское кладбище уничтожат, хочет перенести прах его жены на другое кладбище, и просил навести справки об этом у Н.С. Щербатова, недавно перенесшего прах жены в Новодевичий монастырь.

23 (10) августа. +11°. Сильное понижение барометра. Сильная боль в руке продолжалась весь день. В Музее все время разбирал уваровские монеты. Заходила Н.А. Бакланова, рассказал ей свои впечатления о Новом Иерусалиме. Вышли из печати каталоги выставок религиозного быта и из эпохи крепостного хозяйства.

24 (11) августа. +11°. Вечером с 9 ½ ч. началась ругань пьяного Точилкина и продолжалась до 1 ч. ночи, призывали дворника и т.д. Как тяжело жить в таких условиях, созданных большевиками! Докончил осмотр уваровских монет. После 3-х зашел с Н.А. в ряды, где купил 2 пары черных носков по 90 к. пара. Заходила Н.А. Бакланова, послал с нею для М.М. Богословского книги по вопросу о монетной реформе Петра (сборник указов, Шодуара и «Очерки» Князькова[49]). К обеду приехала Надя с Лялей, привезла прекрасный букет цветов, позднее за ними заехал Леон. Степ. В Музей заходил А.А. Сиверс проездом из Можайска в Петербург, послал с ним письмо к Бауеру, «Сборник Оружейной Палаты» К.К. Романову и «Палеографию» Шляпкина А.А. Ильину.

25 (12) августа. +9°. Просмотрел все собрание покойного Н.И. Булычева; в нем есть серебряная монета Тмутараканского князя Олега-Михаила, воспетого в «Слове о полку Игореве» под именем Олега Гориславича; лучший экземпляр из виденных мною. Среди остальных монет встретилось 2–3 штуки мне неизвестных. Недурен экземпляр деньги Дмитрия Донского с петухом. Вечером был с Лёлей в бывшем цирке Никитина, превращенном в театр (у Старых Триумфальных ворот), смотрели фокусника под странной фамилией «Касфикис», по-видимому, немца, неважно говорящего по-русски. Фокусы

замечательные, особенно усыпление дамы, поднятие ее на воздух, на котором она держится; фокус ли это или гипноз – сказать не могу, но впечатление произвело большое; мне показалось, что при пробуждении дамы от сна с нею сделалось дурно, так что Касфикис давал ей что-то нюхать. Началось около 9, окончилось около 12; для фокусов слишком долго.

26 (13) августа. +9°. В Музее подготовлял монеты Булычева ко внесению их в книгу поступлений (сортировал, считал). Получил от А.П. Калитинского из Праги письмо, пишет, что в половине сентября отдадут в набор мою статью, корректуру обещают прислать. К обеду пришла С.В. Леман (Петрова), принесла портреты отца и матери (фотографии) и моего деда по матери Ивана Геннадиевича Кудрина (масляными красками); портреты находились в Химках в доме, где жила покойная сестра.

27 (14) августа. +11°. Докончил разбор булычевских монет. Ходил с Л.В. по залам Музея, отбирали перстни для издания. После занятий зашел в Охотный ряд, к «Мюру», купил съедобного, взял билет в Звенигород. Днем несколько раз шел дождь, была небольшая гроза.

28 (15) августа. +9°. Праздник Успения Божией Матери, перенесенный большевиками на новый стиль. Рука продолжает болеть, жена растирала ее вчера новою мазью. С поездом в 11 ч. отправился по Александровской железной дороге в Звенигород, куда без пересадки приехал в 1 час; у станции взял извозчика вместе с какой-то бабой, направлявшейся в дом отдыха в монастыре преп. Саввы Сторожевского. Местность прекрасная, холмистая, покрытая лесом; монастырь на высоком холме, но весь обезображен столовыми дома отдыха, где едят до 1000 человек. Приехав, я был разочарован: музей и собор были заперты, но я разыскал квартиру заведующего, познакомился с ним, и он все отпер. Не буду говорить о музее, который произвел скверное впечатление набором плохих портретов, ужасных картин etc; интересны вещи из ризницы: кресла Алексея Михайловича и его жены, облачения и т.д. В отделе археологическом любопытно погребение с сожжением покойника, чего я не видал среди погребений Московской губернии. Собор превосходен, видел только что открытые фрески на алтарной стене, должно быть, современные началу собора начала XV в. Заведующий Александр Христофорович Максимов[50] пригласил меня обедать, познакомился с его женой и 2 дочками; есть ничего не мог (я закусил привезенными пирогами и колбасой). В 4 ч. я ушел, взял извозчика и по дороге заехал, вернее, зашел, так как поднимался на крутой холм, в городок, где стоит старый собор, почти ровесник Саввину, но войти не мог, он был заперт, а духовенство ушло со святой водой по случаю храмового праздника. Собор снаружи очень интересен своей простотой. В 9 ч. был в Москве. Приехала Адель Шмидт.

29 (16) августа. +11°. Воскресенье. Весь день болела рука, никуда решил не выходить. Читал, разбирался в своих книгах, кое-что отобрал для Исторического музея.

30 (17) августа. +8°. Разбирал, правильнее, считал, булычевские монеты. Проверял описание перстней Л.В. Рука все время болела. Принесли на продажу редкий ольвийский ас[51] с Е П I К (за 50 р.), которого у нас нет. Жена ставила горчичник на больную руку, стало несколько легче.

31 (18) августа. +8°. Музей посетили 2 немецких археолога (забыл их фамилии), побеседовал с ними с ¼ ч., залы показывал А.А. Захаров. Опять

начинается «дело» о пропаже нескольких ящиков с древностями Ханенка, хранившихся во время войны в Музее; многих в Музее, в числе их и меня, допрашивал Эйферт[52], ученый секретарь Главнауки; рассказал ему, что помнил. После занятий поехал в Новодевичий монастырь к князю, расспросил его, через какое учреждение можно получить разрешение на [перенесение] тела покойника с одного кладбища на другое, что желательно знать Свенторжицкому, собирающемуся переносить прах жены из Алексеевского монастыря, кладбище которого хотят превратить в место для гулянья (?!); Н.С. сказал, что все зависит от Главнауки. Во время обеда пришли: Танюша с Аней и малюткой Агнией, вчера они переехали из Аносина; Маша с детьми переедет через неделю. Пришла М.Н. Гусева с дочкой. Перед сном жена поставила на больную руку горчичник.

Сентябрь 1926 г.

1 сентября (19 августа). +9°. Вчера я слышал от Н.А.Баклановой, что Г.П.У. приговорило арестованных в мае юношей, обвиняемых принадлежности (?) к бойскаутам к разным наказаниям: к ссылке в Соловки, в Сибирь и т.д.; сына С.К.Богоявленского, также юношу Чижова в Сибирь, будут родители хлопотать о смягчении наказания; Таня рассказывала, что дочь С.А. Котляревского в тюрьме помешалась; ее отпустили (!). Какой ужас! На закупочной комиссии купили пустяшные вещи; ольвийский ас с Е П І К я решил не покупать, усомнившись в его подлинности. Был шведский ученый д-р Арне[53], беседовал с ним около часа; едет в Керчь на съезд[54] с докладом о предметах скифского типа, найденных около Пекина; говорит порядочно по-русски, но в затруднительных местах мы переходили на немецкий язык. Состоялся редакционный комитет, определивший печатать Отчет за 10 лет с приложением статей: М.Н.Сперанского о рукописях Забелина, А.С.Орлова о змеевиках Исторического музея и моей о Микулинской чашке; думают, будет более 17 листов; набор начнется завтра. Л.В. телефонировала, что заболела желудком. У нас в доме начались работы по проведению канализации.

2 сентября (20 августа). +10°. Вернул Сосновскому ольвийский ас. Все время провел в разговорах музейного характера. Написал небольшой некролог о покойной Лидии Ивановне для отчета. Заходил к «Мюру», купил сластей детям в Мытищи. Был в «работнике просвещения» (бывшее Офицерское общество), куда отдали печатать отчет и наши статьи; спросил, в какой типографии будут печатать, сказали, в типографии «Красный пролетарий», бывшей Кушнерева, на Пименовской улице, там же будут делать и клише к моей статье. Возвратился из отпуска В.С. Муралевич, в его отсутствие выгорела его квартира.

3 сентября (21 августа). +8°. Вписал в книгу поступлений коллекцию монет покойного Булычева. Купили 7 миниатюр недурных за 100 р. у Сосновского и у него же веер за 10 р., на нем подписи участников 2-й Гаагской конференции в 1907 г. Сегодня днем жена должна была уехать с Надей в Мытищи; придя домой в 3 ½ ч., я ее еще застал; в 4 часа явилась Надя с Лялей и Мишей, к 5 ч. приехал автомобиль, и ровно в 5 тронулись в Мытищи. Сегодня и 3-го дня издохли 2 котенка, смерть их очень опечалила жену и Лёлю. Анюта по телефону говорила с Мытищами: путешественники доехали благополучно.

4 сентября (22 августа). +7°. К 11 ч. отправился к Наталье Александровне Гринвальдь, из ее квартиры поговорил с женой; устроилась она у Нади очень хорошо. Н.А. угостила осетриной и чаем, пришел П.П. Нечаев, сообщивший следующее политическое известие: по распоряжению Чжан Цзо Лина захвачен флот Китайско-восточной железной дороги и все имущество, относящееся к судоходству железной дороги; советские флаги сорваны и т.д. Я купил газету и, конечно, мало понял из советских объяснений. Во всяком случае, большевикам дана пощечина. Посидел у Н.А. около часа, сел на **А**, доехал до Страстной площади, оттуда на № 13 отправился в Покровское-Стрешнево (стоит 19 копеек); поездкой доволен, так как дорога новая по петербургскому шоссе; в Стрешневе пошел к «замку» княгини Шаховской гнусной архитектуры, в нем музей, который сегодня заперт, да меня в него и не тянуло, прошелся по парку (10 к. вход), он недурен, посидел у лужайки, обставленной очень плохими мраморными статуями и бюстами греческих ораторов, римских императоров, божеств, и уехал домой. Ко всеночной поехал в храм Василия Кесарийского, пел прекрасно хор Чеснокова; в первый раз слышал дьякона Михайлова с чудесным баритоном; встретил в церкви Сережу, рассказал ему, что узнал от князя относительно перевозки тела с одного кладбища на другое (для Свенторжицкого).

5 сентября (23 августа). +9°. Воскресенье. Память по Л.И., царство ей небесное. Утром был А.А.Карзинкин, сегодня перевозит жену из дома отдыха в Серебряном бору; рассказывал о строгом режиме в «доме», напоминающем каторгу: все делать по звонку. Лёля и Ольга Ивановна уехали в Мытищи, я остался один, пообедал в ½ второго и отправился в Петровское-Разумовское с № 12 от Страстной площади. В парке я не был десятки лет; смотря на выпуклые стекла окон Академии, мне вспомнилась ранняя юность, когда я ими любовался. Сойдя с трамвая у церкви, неприятное впечатление получилось на надписи на храме «Клуб». Перед зданием Академии прекрасный цветник, деревья парка великолепны; прошелся по длинной аллее до пруда, повернул направо, невдалеке беседка с тяжелыми каменными столбами, в ней буфет, я выпил стакан чаю, прошелся по парку и сел в вагон до Михалкова; на Михалковском шоссе я бывал с покойным П.В. Зубовым у покойного же И.И. Горнунга[55], у которого где-то на шоссе был домик; И.И. культивировал разные огурцы и имел несколько ульев. Доехав до конца линии, я в том же вагоне вернулся в город. Все мое путешествие продолжалось ровно 3 часа. Просмотрел газету, заметил, что Германия принята в Лигу наций. Все эти события последних дней едва ли могут быть приятны советскому правительству.

6 сентября (24 августа). +11°. Небольшой дождь. Боль в руке стала меньше, натирал ее йодом. Суетливый день в Музее. Явилась Л.В. после болезни. Говорил по телефону с женой, пребыванием своим в Мытищах она довольна. Заходил в Музей С.К. Богоявленский, сына его ГПУ посылает в Сибирь, в какой город – неизвестно; родители, особенно мать, страшно потрясены. После обеда ко мне зашла М.Н. Гусева, звала на именины обедать (именинница ее дочка Наташа). Плечо и рука к вечеру сильно болели, намазал йодом.

7 сентября (25 августа). +12°. Дождь. В Музей приехал в 8 ½ ч., в 9 ч. начали переносить вещи для выставки XVII в. из одного зала, который будет краситься, в другой. Принялся вместе с Л.В. за разбор зубовских княжеских монет; начали с древнейших, которых у Зубова 13, затем суздальско-ниже-

городские. Из Мытищ приехала Лёля, жена прислала записку, что остается еще на неделю. Вечером заседание домового комитета, на которое не пошел, сказавшись больным.

8 сентября (26 августа). +10°. Обычным занятиям в Музее помешало наблюдение над переносом вещей для выставки XVII в. и прорисей в религиозном отделе. Заходил Философов[56] из Эрмитажа и многие другие. С 2-х часов М.Н.Сперанский и я беседовали с представителем типографии, где будет печататься отчет Музея за 10 лет и приложения со статьями Сперанского, Орлова и моей. Кончили в 5-м часу, в это время шло общее собрание с речами о горняках в Англии. Я не был. Поехал к М.Н. Гусевой обедать, пришел М.Д. Езучевский, очень был рад его видеть, побеседовали с ним, пришли ее сестра, подруги М.Н., ее тетка; в 10-м часу Миша и я ушли. Говорил с Надей по телефону, жена довольна пребыванием в Мытищах. Отчет с приложениями обещали выпустить 1 Октября.

9 сентября (27 августа). +7°. Комнату для ремонта под выставку XVII в. сегодня окончательно очистили. Присутствовал на неприятном заседании Совета (Пономарев, Сергиевский, Сперанский, Малицкий и я) по вопросу о сокращении; сокращены: Н.Н. Усольская, Маслаковец (читавший неудачный доклад у М.М. Богословского о киевских монетах) и еще 2-е. Заходила Н.А. Бакланова, просила с ней поехать в Троицкую Лавру. После 3-х посетил О.Н. Чижову, она в большом горе: ее сын по приговору ГПУ сослан на 3 года в Соловки. За что страдают бедные наши юноши?!

10 сентября (28 августа). +6°. Другой день Л.В. не приходит, справлялся по телефону: лежит от боли в спине. Вернулся Н.А. Рожков из поездки на Кавказ. Весь день были посетители, Н.А. Бакланова просила съездить с нею к Троице; зашел В.А. Никольский, вернувшийся с Кавказа Рожков, рассказал мне о своем путешествии на лошадях по военно-грузинской дороге; наконец, пришли С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич, вели разговор пестрого характера. Зашла В.Т. Баронова-Косицкая, пригласила на завтра в Оружейную палату, будет 100-е заседание Ученого совета. После занятий зашел к «Мюру», купил сыру, колбасы и хлеба для Мытищ. После обеда поехал к Л.В., она лежит, у нее сильная боль в спине, вероятно, ее продуло; посидел с час, в 9 ч. был дома.

11 сентября (29 августа). +5°. Усекновение главы св. Иоанна Предтечи. Лёля уехала в Мытищи, где будет играть в тамошнем театре; послал с нею вчерашнюю покупку. К 11 ч. поехал в Оружейную палату на 100-е заседание, которое Д.Д. ничем не ознаменовал, дали кружку пустого чая. На заседании обсуждали вопрос о 2-м выпуске «Сборника», который будет объемом в 5 листов, так как денег только 1000 р. На заседании были: Д.Д., Клейн, В.А. Никольский, В.Т. Баронова и я. После заседания смотрели расстановку отделов оружий, тканей; видел 2 новых гобелена XVI в. (эпизоды из всемирного потопа). Из Палаты зашел в бывшее Офицерское собрание, съел порцию грибов в сметане (60 копеек) и выпил стакан черного кофе (25 к.); на **А** вернулся домой, пообедал с О.И. и Олегом, которые уезжают в Мытищи. Правая рука продолжает сильно болеть, с трудом надеваю сам пальто, а иногда прошу помочь.

12 сентября (30 августа). +6°. Воскресенье. В 10 ч. поехал в Данилов монастырь, народу в церкви было так много, что все не могли поместиться в

храме, я было попытался немного продвинуться, но меня сдавили, вор залез в брючный карман и вытащил кошелек, к счастью, в нем было немного мелочи; я поспешил выйти, ощупал боковой карман, где было 5 р., часы – все было цело. В трамвае отказались разменять, должен был на Даниловском рынке купить ½ фунта чаю, и поехал к Танюше, которой и отдал чай. Посидел с ½ часа, Маша с дачи приехала. Лёля приехала из Мытищ, спектакль был удачен, на нем была жена; жена приедет в четверг. Около 5 ч. пошел к Александру Андреевичу [Карзинкину] на именины обедать, пришли: Иола Игнатьевна Шаляпина (жена певца), все Телешовы; после обеда пришел А.Д. Полетаев, доктор Скарханов (или вроде этого), родственник А.А-ча. Разговоры были самые незатейливые, оживились после обеда, но я к 9 ч. ушел. Угощали просто, стол без салфеток, ножи и ложки плохо вычищены. Вино, фрукты – это все подарки гостей.

13 сентября (31 августа). +11°. В закупочной комиссии купили 7 альбомчиков из семьи Хомяковых и другие предметы. Успел немного разложить зубовские монеты. Из типографии прислали 2 первых листа Отчета Музея за 10 лет. Какая быстрота! После 3-х заходил к «Мюру», купил Наде в подарок на рождение чашку (1 р. 80 к.). Получили от Веры письмо, пишет, что 10 ноября будет юбилей (25 лет) литературной деятельности Бориса Константиновича.

14 (1) сентября. +11°. С 10 ч. до 3 ¾ ч. заседала комиссия, состоящая из представителей Отдела по делам Музеев – Эйферта и какого-то еврея, Александра Митрофановича Скворцова от Третьяковской галереи, Д.Д. Иванова от Оружейной палаты, Ф.Ф. Вишневского и меня; оценивали ненужные Музею вещи, привезенные из Богучарова. Оценка вещам была очень низкая, да и вещи очень плохие.

15 (2) сентября. +8°. Вчера был день рождения Веры, сегодня Нади. Не мог дозвониться по телефону до Мытищ, по-видимому, телефон у них не работает. Л.В. пришла в Музей после болезни. Купил в Музее рукопись Торжественник XVII в. у Потапа Степановича Кузнецова, старинного поставщика. Пономарев сказал мне, что из остатков каких-то сумм может выдать А.М. Бардыгину некоторую сумму за его работу, как сверхштатного сотрудника. Из Керчи со съезда вернулись Готье, Захаров; съезд, говорят, был недурен. После занятий заходил в Охотный ряд, купил сухих грибов. Обедал Доля; за чаем все время говорил о Вергилии, которым увлекается. Вечером определял уваровские удельные монеты.

16 (3) сентября. +8°. С 10 ½ до 2 ¼ ч. третьегоднишний состав комиссии переоценивал серебряные вещи, ненадобные Музею. С 2 ½ до конца беседовал с С.В. Бахрушиным и К.В. Базилевичем об устройстве зал, начиная с залы Новгорода и Пскова. Говорил с Надей по телефону, здоровье жены хорошо, хочет приехать в субботу, я не советовал, все около входа в квартиру перерыто, пройти очень трудно. Получил от С.А. Жебелева письмо, пишет, что приступит к печатанию V т. «Известий» не ранее конца года, когда будет известно, отпущен ли кредит на печатание.

17 (4) сентября. +8°. Раскладывал с Л.В. зубовские монеты, окончены Суздаль и Нижний Новгород, переходим к Москве; включены также монеты Дроздовского клада. Вечером определял уваровские монеты.

18 (5) сентября. +8°. Ночью была ругань между пьяным Точилкиным и Мусаткиным, мало спал. В 8 ½ ч. неожиданно пришла Елена Георгиевна Ада-

мова по просьбе Л.В., которая вчера забыла взять у меня (в Музее) книги (о монетах Донского и Василия Дмитриевича [И.И.] Толстого); так как я уходил к цирюльнику, то мы вместе и вышли. К 11 ч. поехал на Варварку в «Дом боярина» (бывший дом Романовых) на заседание Ученого совета, на котором рассматривались вопросы ненаучного характера (штаты и т.п.); кроме Д.Д. были Батенин, Мишуков, Померанцев, Вишневский, дамы (Марины Михайловны не было); оттуда поехал к Танюше, свез деткам съедобного мучного, посидел с ¾ ч. и домой. Встретил дома жену, вернувшуюся от Нади; она очень поправилась, была оживленна; к обеду пришел Доля. Получил по почте из Цекубу за июль 60 р. (вычли за пересылку 50 к.).

19 (6) сентября. +6°. Дождь. Воскресенье. Был за литургией в Донском монастыре. Прошел на новое кладбище, видел, как несли вырытый гроб, который был опущен в другую могилу; у мужчин были папиросы в зубах... Зрелище тяжелое. Часов до 3-х шел дождь. Просматривал нумизматическую литературу. Рука продолжает болеть, жена вечером натирала ее мазью с хлороформом.

20 (7) сентября. +6°. Типография прислала начало моей «Микулинской чашки» в сверстанном виде. Весь день в Музее прошел в суете (разговоры с многими посетителями и проч.), очень меня утомившей. В.Т. Баронова принесла на просмотр свою статью «Музей. Дом боярина XVII в.», которая будет печататься. Приехал Мацулевич[57] из петербургского Эрмитажа, дал мне свой труд о византийской чаше Эрмитажа. Заходил к «Мюру», купил лампочку, сыру. К обеду пришла Валя.

21 (8) сентября. +8°. Праздник Рождества Богородицы, отмененный большевиками. Третьего дня была свадьба П.П. Нечаева с Алексеевой. На закупочной комиссии купил конский снаряд у Леонтьева за 500 р., бронзовый бюст Островского работы скульптора Кафка, отца Л.В-ны, за 75 р.; бюст продала Л.В-на, которая не пришла сегодня: умерла вдова Карелина, ее, вероятно, сегодня хоронят. В религиозном отделе смотрел иконы для зала Великого Новгорода. Читаю описание «Дома боярина», написанное Бароновой; написано крайне плохо. Получил из типографии набор с окончанием моей статьи о чашке. Видел пробный оттиск с чашки, отпечатанный на меловой бумаге, мне понравился. Н.А. Бакланова сказала мне, что С.К. Богоявленский уехал в Сибирь, куда сослан его сын. Рука очень болит, с трудом ее двигаю.

22 (9) сентября. +8°. Сегодня мне исполняется 71 год. Сильная боль в руке продолжается. Начал составлять в Музее отчет с 1 апреля по 1 октября по программе, присланной из Главнауки. Приехал в Москву известный немецкий ученый ориенталист Зарре[58], обещал завтра в 10 ч. быть в Музее; был у меня минут 10. Приехав домой, застал кой-кого из приехавших меня поздравить; за обедом были Надя, Нина, Ляля, П.Н. и Валя, Таня (внучка) с Зорей, Митя, Ваня; нанесли пирогов, конфект. С трудом сидел от боли. Надя взволнована, собирается ехать к дочери Лёле в Париж, боится, что ГПУ ей не даст пропуска. Позже приехали: Леон.Ст., Соня Савари, Наташа, М.Н. Гусева; в 9 ч. никого уже не было. Получил от Орбели письмо.

23 (10) сентября. +7 ½°. Показывал Музей профессору Зарре из Берлина, одновременно с ним ходили: Мацулевич и его 2 сотрудницы в Эрмитаже; Зарре особенно заинтересовался иконою Владимирской Божией Матери и пеленою с Распятием и предстоящими, нашитыми на древнюю ткань, которую

Зарре определил сасанидскою VIII–IX вв. В 1-м часу состоялось заседание комитета по устройству выставки XVII в.; избрана подкомиссия, меня Рожков назначил ее председателем. С трудом ходил по Музею от боли в руке; после 3-х пошел с Л.В. на Петровку, в Столешниковом переулке у Albert купил торт из меренг А. Анд-чу и его жене по случаю 25-летия их свадьбы, торт завез к ним, прошел домой и переоделся в более приличный костюм. В 6 ч. пришел на обед к Карзинкиным; «молодые» и Соня были одеты по-праздничному, как в день Пасхи; пришли Телешовы, приехали жена Шаляпина с дочерью Ириною, пришла жена артиста Лужского Перетта Александровна и др. Мой торт был превосходен, распили бутылку шампанского (подарок Телешова) Абрау-Дюрсо; обед был очень неважен. В половине 9-го я ушел домой и застал у нас Танюшу, которая просидела до 10 ч. Перед сном я принял аспирина и поставил на руку горчичник.

24 (11) сентября. +8°. Занимался текущими делами в Музее: записывал новые поступления, писал годовой отчет и т.д. В 1 ч. заходил Ваня, сделал с меня 2 фотографических снимка. Пришел Зарре прямо из Оружейной палаты, от которой он в восторге. С ним и Л.В-ной пошли к «Мюру», где взяли билеты в Сергиево, я купил икры и ветчины в дорогу, у Лапина купил масла сливочного (Чичкина торговля закрылась). 3 дня у нас гостит Адель Шмидт, сегодня пришел ее навестить Карлуша. В Москву приехала для свидания с сыном, сидящим в тюрьме, вдова О.Ф. Ретовского Адель Каэтановна; не имея возможности переночевать в гостинице, обратилась к жене, хотя совсем не была знакома с нами, и останется ночевать.

25 (12) сентября. +6°. День смерти отца, царство ему небесное. С поездом 9 ч. 35 м. утра поехал в Троицкую Лавру; на Ярославском вокзале встретился с Н.А. Баклановой, Л.В-ной, позднее пришел профессор Зарре и с ним двое служащих в конторе воздушного сообщения с Берлином, где Зарре и остановился. Только что сошли в Сергиево с вокзала, как встретил священника Н.А. Бруни, который приехал в Лавру по поводу места. В посаде сильная грязь, пошел мелкий дождь. Встретил нас А.Н. Свирин очень радушно, мы попили чаю, закусили привезенной провизией и т.п., а затем прошли в бывшую ризницу, теперь Музей, где Зарре очень интересовался тканями и серебром; затем прошли в собор, где посетили даже придел с мощами св. Сергия. После показал нам келью монаха со всею обстановкою; в ней двое вериг, кольчуга, которую, как вериги, носил монах, монашеский костюм и проч.; сама келья в здании, сзади ризницы, внизу, по словам Свирина, XVI в.; зашли в Трапезную церковь, где посмотрели прекрасное медное паникадило XVI в. западной работы; оттуда прошли в митрополичьи покои. Фотограф сделал с нас четверых 4 снимка (авиаторы уехали раньше в Москву). Вернулись в нашу комнату, вторично закусили и попили чаю и с поездом в 5 ч. 46 м. уехали в Москву. Зарре очень милый и культурный человек и очень знающий, особенно в тканях. В мое отсутствие заходил А.Н. Зограф, приехавший из Крыма со съезда.

26 (13) сентября. +8°, дождь. Воскресенье. Рука продолжает болеть. Дочитал «Путешествие» патриарха Макария, какой богатый исторический и бытовой материал содержит этот труд сына патриарха Павла Алеппского. Разбирал уваровские монеты, многих не мог определить. К обеду пришел А.Н. Зограф, рассказывал о своем путешествии в Одессу, Севастополь,

Керчь, где собирал материал для «corpus numorum» боспорских монет, сделал слепки с 1800 монет; послал с ним письмо к Орбели и 3 серебряных мелких нерусских монеты для определения в Эрмитаже.

27 (14) сентября. +8 ½°. Праздник Воздвижения Креста Господня, отмененный большевиками. Дождь. Утром проехал в Цекубу, где продолжена площадь моего помещения до 1 января 1927 г. (взяли 1 р. 50 к.). В канцелярии Цекубу заплатили за август 60 р. Утром пришел в Музей проститься перед отъездом в Петербург Зарре; он очень благодарил за поездку в Троицкую Лавру и показ музея. В 11 ½ ч. состоялось заседание моего разряда, рассмотрели план Фомина выставки стекла, затем заявление Е.П. Муратовой о командировке ее в Киев и другие вопросы. Зашел Зограф, принес слепок с найденного якобы золотого статера царя Спартока, статер, судя по слепку, подозрительный, особенно сомнительна лицевая сторона с портретом царя без царской повязки; куплен Таманским музеем за 15 р. Сегодня Зограф уезжает в Петербург. Ходил с Н.Б. Баклановым в бывший Румянцевский музей, где смотрели архитектурные обломки от Грановитой палаты в Кремле; орнаментика очень интересна, вероятно, конца XV в.; некоторые части позолочены. Все эти части будут перевезены в Исторический музей. После занятий ходил с Л.В. в Охотный, где купил масла и сыра; она приглашала меня к себе обедать в среду, в день ее именин; я отказался. Дома застал внучку Аню с Мишей и Настей и Машей; все обедали. Вечером поставил горчичник и надел нарукавник на больную руку.

28 (15) сентября. +5°. Написал вчерне отчет с 1 апреля по 1 октября. Рука весь день болела. К 7 часам отправился в Общество истории и древностей российских на доклад Михаила Николаевича Тихомирова «Летописный отрывок времени Василия III»; содержание доклада было очень интересно; вызвало некоторые дополнения, впрочем, не по существу, со стороны А.И. Соболевского, председателя, вместо не пришедшего М.К. Любавского; Ю.В. Готье напал на докладчика, не сказавшего, что отрывок содержит апологию Василию, но С.В. Бахрушин справедливо его защитил. Окончилось заседание около 9 ½ ч.

29 (16) сентября. +5°. Докончил отчет по отделу Государственного быта, отдал перепечатать на машинке. Осматривала перстни М.И. Максимова (из петербургского Эрмитажа), по-видимому, очень знающая женщина. Заходила в Музей Соня Карзинкина, взяла взаймы до 15 октября 10 р. К 8 ч. отправился на заседание Всесоюзного общества культурной связи с заграницею в Цекубу на Пречистенке, 16, где профессор Арнэ (из Стокгольма) прочел доклад на тему: «Связи между скифской и китайской культурой в конце бронзового века». С содержанием доклада я был знаком по рассказу Арнэ в прошлое свидание с ним. Народу было много, я сидел с Д.Д. Ивановым; был шведский посланник; много было музейских и, между прочим, Пономарев с женой. Аудитория новая, находится внизу. Приехал на **Б**.

30 (17) сентября. +5°. Вчера вечером поставил горчичник и надел фуфайку, присланную Веруней еще давно из Италии; руке не легче, сегодня весь день болела. С 12 ½ ч. шло заседание Ученого совета, посвященное, главным образом, отчетам о летних поездках сотрудников; В.С. Воронов демонстрировал и толково объяснял привезенные им и другими членами экспедиции предметы с Урала. После занятий пошел к «Мюру» и купил 2 бумажные фуфайки

по 1 р. 64 к.; та, которую вчера надел, очень шерстит, отчего тело чешется. Дома застал именинницу Надю, приехавшую из Мытищ с Лялей, привезла пирог с капустой, который мы за обедом съели. Жена покойного Ретовского, получив свидание с сыном, заключенным в ГПУ, уехала в Петербург.

Октябрь 1926 г.

1 октября (18 сентября). +9°. Показывал Е.К. Мраз[59] из Русского музея в Петербурге портреты XVII в., которыми она занимается. Приехал некий А.Н. Ганнибал (потомок предка Пушкина), интересующийся персидским стеклом; то немногое, что мы имеем из кавказских могил, я ему указал; он русский, но живет в Тегеране, где занимается торговлей; подарил мне книжку «Персидские стихи» в его переводе. После занятий ходил за ватой для окон в ряды, но ее не оказалось. Вечером определял удельные монеты.

2 октября (19 сентября). +6°. Съездил утром к Никитским воротам, купил ваты для окон, оттуда поехал к «Мюру», купил перчатки, колбасы, сыру, масла, плитку шоколада для Олега: он завтра именинник. Вернувшись в 11 ½ ч. домой, определял уваровские монеты; нашел, по-видимому, неизданную ростовского князя Василия (борисоглебской стороны).

3 октября (20 сентября). Воскресенье, встал поздно (в 8 ¼ ч.), на солнце +12°. Был за литургиею в Новодевичьем монастыре. Весь день разбирал монеты; «Новгородские монеты» Толстого представляют трудности для разбора, думаю, как бы упростить, иначе теряешь много времени для ссылок на №№ его книги.

4 октября (21 сентября). +7°. Дождь. В Музее весь день разбирал уваровские монеты. Получил от Жебелева 5 экземпляров «Recueil Gébélev» и письмо: он разрешает печатать статью о перстне Алексея Митрополита в «Сборнике Оружейной палаты»; А.А. Ильин сообщает, что Зографу оперировали руку, на которой был нарыв, прошло все благополучно. Весь вечер разбирал тверские пулы, нового ничего не нашел. Погода осенняя, дождь.

5 октября (22 сентября). +2°. Сильный ветер. Только что я пришел в Музей, ко мне подошел Пономарев и попросил поговорить с ним приватно, мы ушли в другую комнату. Он мне сказал, что Луначарский его отстранил от должности заместителя директора, назначив на его место Корша. Я поразился этим распоряжением; Корш такая ничтожная величина и такой ленивый человек, что видеть его помощником Рожкова никак допустить нельзя. Пономарев прибавил, что Корш глуп и еще что-то, и затем попросил меня написать о нашем разговоре Н.И. Троцкой. Я согласился, но решил подождать Л.В-ну, с которой хотел посоветоваться. Поговорив с нею и показав ей проект моего письма к Н.И.Т., она посоветовала не писать, а поговорить с С.П. Григоровым. Сговорившись по телефону с С.П., я отправился в Отдел по делам музеев и прошел к Григорову; тот уже знал о событии и посоветовал лично поговорить с Н.И.Т.; я подошел к ее кабинету, у нее сидел Пономарев, когда он вышел, я прошел в кабинет прямо к столу, за которым сидела Н.И.; она любезно раскланялась, привстала, протянула руку; усевшись, я рассказал про свидание с П., и как он просил написать ей об этом свидании, но я предпочел лучше лично переговорить, с чем она вполне согласилась. Из ее слов я по-

нял, что она невысокого мнения о Корше, назвала его «лентяем» и человеком, непригодным для должности заместителя директора, и думает, что Ф.Н. Петров, управляющий Главнаукой, поймет, что такое Корш. Она попросила меня повидаться с Петровым, на что я ей сказал, что не знаю, как он меня примет и что сказать ему; она посоветовала передать ему все, что я ей сказал. Я пошел в отдел Главнауки; у Петрова сидел Пономарев, когда он вышел, я направился в кабинет управляющего; он добродушно со мной поговорил, обрисовав мне причину назначения Корша: Рожков был обижен распоряжением Пономарева в его отсутствие: отнятием некоторой суммы жалованья у Корша и Протасова, которых через Луначарского и назначил первого заместителем директора, второго ученым секретарем; после разговора с Ф.Н., он сказал, что напрасно Пономарев поспешил бить тревогу, так как скоро назначения на такую должность не делаются. Мы распростились. Оба главка произвели на меня хорошее впечатление. Вернувшись в Музей, я рассказал обеим дамам мой визит в Главнауку. Утром послал Sarre «Recueil Gébélev». В Музей доставили снимки, сделанные дважды в Сергиевой Лавре с Зарре, Свирина, Л.В., Нат. Ап. и меня; вышли обе фотографии хорошо. Вечером заходил Б.Н. Граков.

6 октября (23 сентября). +3°. В 3-м часу ночи был разбужен криками и руганью между Точилкиным и Мусаткиной, разбудили председателя домового комитета и жильцов, все это начало галдеть; я долго не мог успокоиться. Ужасная жизнь! Утром в Музее подошел ко мне Пономарев и поблагодарил меня за то, что я вчера был у Н.И.Т. и Ф.Н.П. и рассказал о нем. Когда пришел часов в 11 Н.А. Рожков, я пришел к нему и подробно рассказал о моих вчерашних визитах в Главнауку, прибавив, что настоящее положение конфликта между Пономаревым и Рожковым я узнал только от Ф.Н.; Н.А.Р. прежде всего выразил сожаление, что П. меня побеспокоил, попросив съездить (или написать) в Главнауку; затем он сказал, что потребует удаления П. и Сергиевского, которые подкапываются под него, и что при будущих сокращениях будут удалены Фомин и кое-кто из сотрудников отдела домашнего быта, кроме Салтыкова. Остальное время в Музее занимался определением уваровских монет и переноскою нашего собрания доцарских монет из кладовой в один из зубовских шкапов. В 3 ч. отправился с Нат. Ал. обедать к Нечаевым; за обедом сидели П.М. Нечаев, К.Н. Горский и Н.А.; разговоры были малоинтересные.

7 октября (24 сентября). +1°. Ночью выпал небольшой снег. Утром из Музея съездил в Цекубу, где получил академическое обеспечение 60 р. за сентябрь. Продолжал разбирать монеты Уваровых. Был на заседании эпиграфической комиссии под председательством Каринского, были: Новосадский, Орлов, Соболевский, Ржига и др.; К. вел заседание вяло и бесцветно, окончить его мне не удалось, так как вызвали. В Музее очень холодно, я надел пальто, писать не мог. После 3-х зашел за чаем к «Мюру». Снежок шел весь день, но таял.

8 октября (25 сентября). +1°. Купил с согласия Н.А. Рожкова за 260 р. 4 прекрасных по сохранности и рисункам русских кувшина XVIII в. (один 1768 г.) у кавказца. Заходил С.Н. Тройницкий, подал на имя директора заявление о разрешении допустить демонстрацию нескольких серебряных сосудов во время его лекции в понедельник. Н.А. согласился и мы отобрали 10 разнообразных сосудов. Неожиданно вручено в Музее следующее «объявление»: «Сегодня, в пятницу 8 октября в 3 часа дня, в зале ученого совета состоится

общее экстренное собрание сотрудников Г.И.М. членов секции научных работников. Предмет занятий: Вопрос о снятии с должностей зам. директора Музея Л.И. Пономарева и члена правления Ю.В. Сергиевского. Уполномоченный секции» (подписи нет). Мы, т.е. мои дамы, Сперанский и многие другие поняли, что это собрание устроено руками Сергиевского, и решили демонстративно не идти на заседание, и в 3 ч. весь мой отдел и Н.А. Бакланова, пришедшая к нам, ушли. Все это меня очень взволновало. Н.А. Бакланова спросила меня, могу ли я читать в следующую пятницу «Перстень Алексея митрополита», так как М.М. Богословский в понедельник приезжает с Кавказа; я согласился. В своей комнате вставил зимнюю раму.

9 октября (26 сентября). +2°. Выпал небольшой снег. День памяти по Иване Егоровиче Забелине, царство ему небесное. Рука продолжает болеть: писать больно. Утром заехал в Музей, где в канцелярии мне сказали, что заседание членов секции научных работников вчера не состоялось. К 11 пошел в Кремль на заседание Ученого совета в Оружейную палату. В Кремле на площади, где был убит Сергей Александрович, разбит сквер, в сквере устроен фонтан среди бассейна. Настоящая идиллия! В Палате читались планы 5 лет как будущих работ в Палате (читал Д.Д.) и по кремлевским постройкам (читал Померанцев). Д.Д. сказал собранию, что моя статья о перстне Алексея митрополита передается для печатания во II том «Сборника». Из Кремля прошел к Танюше, купил баранок, сухарей и проч.; Таня была очень рада моему приходу, прослезилась; в 4 ½ ч. уехал домой. К обеду пришла М.Н. Гусева. Жена ездила с Анютой в какой-то трест у Покровских ворот, где купила материи для шубы по 6 р. 86 к. за метр (3 ½ метра). Вечером пришел А.А. Карзинкин. Погода весь день была ясная.

10 октября (27 сентября). +5°. Воскресенье. Топил печь, так как в комнате показалась сырость. Разбирал уваровские монеты. Получил от К.С. Кузьминского письмо, по-видимому, хочет со мною примириться. Вернулся П.С. Рожицкий из Минска, где жил у Н.М. Гайдукова 2 недели; Н.М. вернулся с Кавказа сильно похудевшим; приезду П.С. все мы очень обрадовались. Докончил разбор уваровских доцарских монет; не разобрал, впрочем, Новгород и Псков. Просмотрел статью о перстне, которую придется, вероятно, читать в пятницу.

11 октября (28 сентября). +8°. Дождь. К 10 ч. в Музей пришли Д.Д. Иванов и Н.Н. Померанцев, чтобы слушать лекцию С.Н. Тройницкого, но лекция перенесена была на 12 ч., и оба ушли. В 11 ч. началось заседание моего разряда, прочтены были полугодичные отчеты отделов моего, Клейна, Бакланова, Военно-исторического и Фомина; отчеты отделов иконографии и религиозного еще не готовы. В 1-м часу я пошел на лекцию Тройницкого о серебряной посуде, начала уже не застал, то, что я слышал, он говорил о посуде, которой не было перед глазами, поэтому, думаю, большинство слушателей ничего не поняли; с лекции меня вызвал Рожков; надобно было выяснить вопрос, можно ли отдать 5 зал, назначенных под выставку XVII в., выставке 4-х искусств; я сказал свое мнение, что это задержит открытие нашей выставки на 2–3 месяца, и ушел. После слышал, что вопрос будет сообщен Ф.Н. Петрову, и т.д. Встретил в залах Е.П. Муратову, сообщившую, что Петров выгнал меня будто бы в шею (?!); я сказал, что ничего подобного не было. Домой зашла внучка Нина и принесла 2 талона на получение из «Москвотопа» 1 сажени дров.

12 октября (29 сентября). +5°. Сегодня 2-я лекция С.Н. Тройницкого о металлической посуде; отобрали ему, по его указанию, новые сосуды, как настоящие, так и поддельные, которые он и демонстрировал; большую часть лекции он посвятил вопросу, как отличать поддельные металлические изделия от подлинных. После лекции мы с ним распростились, он сегодня уехал в С.-Петербург. Было заседание общеисторического разряда, читал Ю.В. Готье о Гатчинском дворце, не был на его докладе; после заседания я подошел к М.М. Богословскому и поблагодарил его за хлопоты об академическом обеспечении для меня. Занятия в Музее окончились по распоряжению администрации в 2 часа, из-за холода в Музее, который еще не отапливается. Написал письма И.И. Болоболину и Н.П. Лихачеву.

13 октября (30 сентября). +5°. Дождь шел несколько раз днем. Зарегистровал около 60 предметов конского снаряжения, купленных у Г.М. Леонтьева за 500 р. После занятий зашел к «Мюру», купил сахару, сливочного масла, сыру. Сегодня Пономарев сказал мне: ходят слухи, что его хотят определить в Оружейную палату, но он этого предложения не примет. – Любопытно бы знать, поместят ли его *при* Д.Д. Иванове или *вместо* Д.Д.И.? Разбирал вечером пулы Булычева и Рязань, в последней исключительно Ивана Федоровича, все хорошей сохранности.

14 (1) октября. +5°. Праздник Покрова Богородицы, отмененный большевиками. Рука продолжает болеть. В Музее с 1 ч. до 3 ½ ч. длилось общее собрание, большую часть времени занял доклад Сергиевского о деятельности профсоюза; в «текущих делах» говорили об отоплении, о времени выдачи жалованья раз в месяц и др. вопросы; в заключение одна из сотрудниц отдела популяризации спросила, отчего не назначают вновь отмененное заседание об удалении Пономарева и Сергиевского; за поздним временем и общим утомлением вопрос был снят, но, кажется, заседание будет назначено во вторник. Рожков сказал Анисимову, что Пономарева назначат заместителем директора в Оружейную палату, а Сергиевского в Музей изящных искусств. Лёля заболела, слегла в постель. Написал Кузьминскому примирительное письмо. Вечером заходила Танюша, после нее М.Н. Гусева.

15 (2) октября. +5°. Вышел из дому под дождем. В Музее от 11 до 2-х часов был на ногах, ходил с С.В. Бахрушиным, К.В. Базилевичем, Л.В. Черепниным[60] и одной барышней (забыл ее фамилию) по Новгородской, Суздальско-Владимирской и Московской залам, рассуждали, как перегруппировать их и чем дополнить; перешли в церковный отдел, но там ничего не пришлось отобрать: Анисимов недружелюбно отнесся к комиссии по перегруппировке в залах удельной Руси. Заходила М.М. Постникова (Лосева), я ее свел к Сперанскому, у которого она взяла Мстиславово Евангелие (его оклад) для изучения скани и эмали; я впервые внимательно осмотрел оклад, скань и часть финифти в среднике XVI в., остальное XI в.; видел осколок снаряда, брошенного большевиками; часть оклада была немного повреждена разорвавшимся снарядом. В 2 ч. я вышел, солнце сияло, но было ветрено. Взял для доклада пайдзе. К вечеру разыгралась настоящая буря, но без дождя. В 7 ½ ч. приехал в Музей в заседание Академии истории материальной культуры; народу пришло мало: М.М. Богословский (председатель) с Елизаветой Петровной, Н.А. Бакланова (секретарь), обе мои сотрудницы, Д.Д. Иванов, госпожа Дракохруст[61], Незнамов, священник от Успения в Печатниках Н.П. Виноградов, –

вот и все; я прочел «Перстень Алексея митрополита»; мне показалось, что доклад не понравился, хотя Д.Д., после доклада, на мой вопрос, годна ли статья для «Сборника», ответил: «Еще бы, без сомнения». Ушли все в 10-м часу.

16 (3) октября. +4°. В 12 ч. поехал в реставрационную комиссию, помещающуюся в здании бывшего Археологического общества на Берсеневке; пришли: Н.А. Гринвальд, Н.А. Бакланова и Л.В. Кафка; отдел иконописи показывал П.И. Юкин (отличный реставратор); видели 2 громадных иконы Рублева из чина («апостол Павел», готовый, и «Архангел» в периоде чинки), «Сошествие во ад» Рублева; большую Богоматерь из Ярославля, чудесную небольшую икону архангела Михаила с частью *русской* подписи, дотатарского времени; Димитрия Солунского из Дмитрова, замечательная икона, сильно записанная, но раскрытая до слоя XV в., ниже его есть еще слой и много других; впечатление сильное. Тут же расчищается картина голландской школы, отличного письма, из церкви Скорбящей Божией Матери – «Истязание Христа»; реализм в лицах удивительный, тип Христа мне не понравился. Посмотрели совсем готовую Мадонну, Рафаэля (собрание Демидова); после прочих типов русских икон она мне показалась слащавою. После прошли в комнату, где реставрируется шитье; показывала Т.Н. Александрова-Дольник[62]; есть несколько недурных плащаниц, икон, шитых ковров. Из реставрационных мастерских я ушел с приятным чувством, что в русском народе много талантливых мастеров, и таланты не были заглушены ни татарами, ни поляками. С Берсеневки проехал в Зоологический сад, собственно в новый отдел со зверями «на свободе»; он еще не вполне устроен; помещение для белых медведей хорошо; скалы для горных животных мне не очень понравились, в Риме сделаны естественнее. Тигр, судя по фотографии, имевший помещение «со свободою», говорят, помещен в клетку, так как была опасность, что он может перепрыгнуть. Пробыл не более ¾ часа; очень устал. Встретил отца Диомида из Троицкой Лавры.

17 (4) октября. –2°. Воскресенье. Был за литургией в Даниловом монастыре. Холодная, ветреная погода. Весь день обдумывал план статьи о древнейших русских монетах, кое-что записал.

18 (5) октября. +2°. На крышах иней. Сегодня день моих именин; с грустным чувством вспоминаю этот день в давно прошедшие года. В Музее в нашем кабинете промыли и замазали оба окна; стали топить, но настоящего тепла еще нет. Зашел Д.Д. Иванов, я ему достал 3 тома «L'épopée byzantine» Schlumberger, из них он взял материал для своей статьи об иконе Димитрия Солунского на стеатите (в Оружейной палате, куда она подарена А.В. Морозовым). Оружейной палате я подарил «Мстиславово Евангелие» Симони и его же «переплеты». После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», купил сыру, масла и сластей для Танюши, куда и поехал. К ней пришли Я.А. Поляков, Лева Бруни, поели прекрасного пирога с рисом и рыбой; приехала Аня с Настей из Клина, часу в 7-м пришла Л.В., потом Б.А. Диатроптов, пили кофе, чай; присутствовали все арбатские дамы; Е.А. Бальмонт подарила мне бутылку вина, присланного епископом Кентерберийским покойному патриарху Тихону, но не доставленного за смертью патриарха; что это за вино – не знаю; ярлыка на бутылке нет, по цвету красное. Трое деток: Яльмар, Маша и Настя все время сидели у меня на коленях. В 7 ½ ч. Л.В., Диатроптов и я тронулись домой, шел сильный и крупный снег, таявший на земле. Дома нашел дочь

Позднеевых, пришедшую поздравить от имени стариков, которые больны; днем были: Л.С., Надя, Валя и др.

19 (6) октября. +2°. Вчера получил от Кузьминского письмо в самом миролюбивом духе. Начал раскладывать монеты Булычева на полки монетного шкафа. Заседали: С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич, Л.В. Черепнин, барышня (забыл ее фамилию) и я; рассуждали, как приступить к расположению вещей в залах удельной Руси. Читаю «Пушкин в жизни» В. Вересаева.

20 (7) октября. +2°. В 11 ч. назначено заседание моего разряда, были только Фомин, Марков, Александровский и я, остальные явились (Анисимов и Щекотов), когда я закрыл заседание; они мне передали свои отчеты. Остальное время провел в ходьбе по Музею, очень устал. Получил от Лихачева письмо. Л.В. заболела, не пришла. После 3-х ходил в «мют», просил прислать осмотреть серебро, назначенное в продажу.

21 (8) октября. +2°. День смерти матери, царство ей небесное. Утром пришел из «мюта» П.Н. Калинин, мы с ним осмотрели серебро (около 4 пудов). После формальностей со стороны Отдела по делам музеев (акт, и проч.) серебро будет послано. Л.В. пришла, ей доктор-гомеопат прописал лекарства растительного характера: морковный сок, траву зверобой. Отобрал медали Петра для зала имени Петра в Переяславле-Залесском. Заходил М.И. Тюлин, за печати назначает 60 р. После 3-х заходил в Охотный ряд, купил кетовой икры по 1 р. 4 к. за 400 грамм.

22 (9) октября. –2°. Утром в нашу рабочую комнату в Музее вошел Л.И. Пономарев и с нами простился, пожав нам всем руки, и сказав, что уходит из Музея, так как назначен в Оружейную палату; он быстро вышел, я его догнал, у него на глазах были слезы; он мне сказал: «Я ухожу, а вместо меня вам дали Корша». Несмотря на его сухость, его жалеют; один из сотрудников Н.Б. Бакланов мне сказал: «Какую нам дали цацу, он теперь начнет сводить со многими счеты и уберет многих». Заболел дифтеритом Протасов, но, говорят, поправляется. Была закупочная комиссия, купили кое-что, но выдающегося нет. Получил поздравительные письма (к именинам) от Б.К., Веры, Наташи и Оли. Зайцевым материально живется лучше.

23 (10) октября. +2°. Выпал небольшой снег, пошел дождь; в 10-м часу под сильным дождем, среди тумана, отправился в Кремль, зашел предварительно в булочную у Арбатских ворот и съел два прекрасных слоеных пирожка с капустой по 16 копеек. В Оружейной палате прошел к Д.Д., который сидел в кладовой и что-то разбирал; я взошел вместе с Мариной Михайловной Постниковой; Д.Д. мне показал 2 серебряных укропницы (чашки полусферической формы), вклад, кажется, Лобанова-Ростовского. В 1-м часу пошли на заседание Ученого совета (пришли: Клейн, Померанцев, Вишневский и др.). Д.Д. сообщил, что интендант не разрешает складывать дрова на площади, но мест нет, придется возить в «Дом боярина» на Варварку, что сопряжено с расходами до 1000 р. в год; потом читали отчеты: М.Н. Левинсон (о знаменах), Померанцев и т.д., научных вопросов не было. В 4-м часу ушел к «Мюру», где купил ливерной колбасы и сосисок. Сильный дождь смыл весь снег. Назначенный в Оружейную палату заместителем директора Л.И. Пономарев не был на заседании, ему, по-видимому, еще не выдали пропуска в Кремль.

24 (11) октября. +4°. Воскресенье. Топил печь; пришел А.А. Карзинкин, завтракал, ели сосиски, пили кофе. Написал Зайцевым длинное письмо о нашем житье-бытье.

25 (12) октября. +1°. Выпал небольшой снег, который продолжает падать весь день; на улицах грязь. В Музее весь день писал счетные акты на покупку вещей. Здоровье Протасова ухудшилось: дифтерит пошел глубже. Вечером состоялось заседание домового комитета; прошло спокойно: Клименковы и Мусаткины не явились.

26 (13) октября. –2°. Весь день простоял ясный, снежок не стаял. В Музее я нашел на окне снаряд, по-видимому, не разряженный, сообщил Рожкову, он встревожился; вызвали Маркова из Военно-исторического музея, который, осмотрев его, сказал, что это германского образца и, может быть, начинен меленитом, советовал увезть его из Музея (!?). Перенесли предметы XVII в. из передних зал в задние; переносили молодежь-художники; сколько попортят вещей, обращаясь таким образом с ними! В заседании общеисторического разряда С.В. Бахрушин прочитал интересный доклад о поездке в Тверскую губернию, очертив с археологической стороны Тверь, Старицу, Кашин, Торжок и другие места. После 3-х часов я поехал к Танюше, никого не застал дома, оставил письма Веры, Оли; узнал от Александры Алексеевны, что муж Оли Куфтин, брата его я здесь знаю.

27 (14) октября. –5°. Плохо спал, мешала ругань Точилкина с Мусаткиной; домашняя жизнь, благодаря дикости жильцов, невыносима; жаль жену, которая должна это все переносить. В Музее почти весь день приводил в порядок уваровские монеты и производил уборку вещей, купленных у Леонтьева. После 3-х съездил к О.Н. Чижовой, свез ей некоторые вещи, оставленные у меня ее покойным мужем; она рассказывала про сосланного сына Колю, который оставлен пока в Кеми и работает, как на каторге, по 12 ч. в сутки; жизнь в Соловках, говорят, легче, она надеется, что его туда перешлют; несчастья очень изменили О.Н-вну: вид ее стал дряхлый. Бедная женщина.

28 (15) октября. Окно замерзло в 5 ч. утра; в 6 ч. рассмотрел: –3°. Вскрыл в Музее ящик из Румянцевского музея, нашел в нем монеты и папку с бумагами А.М. Подшивалова, среди которых нашел мою цензурованную рукопись «Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов»; мне почему-то стало совестно за себя, глядя на нее. Привел в порядок по пакетам все уваровские удельные монеты. После 3-х пошел в ассоциацию востоковедения (Никольская, 10), где Муралевич прочел доклад о значении золотоордынской нумизматики для истории; был им возбужден вопрос об издании II-го тома «Материалов для истории Золотой Орды» по персидским источникам в переводе Тизенгаузена; возможно, что он будет напечатан, если татары дадут денег. Заседание (председатель Бороздин) шло от 3 ½ до 4 ½ ч. С трудом добрался до дому, такая масса народу в трамваях. В 6 ч. пришла Танюша, сидела до 9 ч. Снег шел весь день при порядочном ветре.

29 (16) октября. 0°. Вскрыл ящик с монетами Румянцевского музея, выделил из них удельные. Получил в подарок книгу (прислал И.Э. Грабарь) «Вопросы реставрации», которую не успел посмотреть: ее попросила Н.А. Бакланова. Заходил И.Е. Бондаренко, только что выпущенный из тюрьмы, где просидел месяц; на мой вопрос, за что был взят, ответил, что уфимский музей, одним из основателей которого был он, обокрали в то время, когда он жил в Петербурге (?!). Он очень похудел. Какое время! Никто не может поручиться, что его сегодня не возьмут. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд. К вечеру пришла Надя в очень возбужденном состоянии: боится, что ГПУ не

разрешит ей пропуска за границу; за ответом пойдет в понедельник. К 7 ½ ч. поехал на заседание в Исторический музей в АИМК, читал М.М. Богословский о приезде и приеме шведского посольства Петром в 1699 г.; крайне интересны бытовые подробности о дарах, об одежде Петра и проч., видно, что Петру не нравились старые обрядности и многое игнорировал. Публики было много, на ¾ дамского пола.

30 (17) октября. +1°. Небольшой снег. Вставили в балконную дверь зимнюю раму. Топил печь. Чувствую слабость, боль в правой руке; поев вареной картошки с подсоленным сливочным маслом, стал читать 2-й вып. «Пушкин в жизни», Вересаева, но сидя заснул, должно быть, с час. Искал в «Описи Оружейной палаты» серебряную посуду, поднесенную Карлом XII (т.е. его посольством) Петру I в 1699 г., о которой вчера упоминал в докладе М.М., нашел одну крошню, остальные не упомянуты. К обеду пришла Маша с Машей и Яльмаром, сидели до 9 ч., при них начался очередной скандал между Мусаткиной и Точилкиным. Идет дождь.

31 (18) октября. +2°. Воскресенье. Написал А.Н. Свирину и А.А. Ильину. Был у поздней литургии в Новодевичьем монастыре. Днем пришла М.В. Пичета, рассказывала про школьные интриги, обедала. Скандал Мусаткиной и Точилкина с неприличной руганью последнего повторился. Заниматься не могу, мысли не вяжутся. Читаю 2-й выпуск Вересаева «Пушкин в жизни».

Ноябрь 1926 г.

1 ноября (19 октября). +2°. Купил в Музее у крестьянина бронзовый кинжал скифо-сибирского типа, найденный в Томской губернии. Выложил для показания в залах образцы древних русских серебреников (в копиях) по другому определению, как у Толстого. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил 400 гр. паюсной икры (3 р. 12 к.). Приехала погостить Адель Шмидт. После обеда пришла Надя и Валя; Надя разочарована: в ГПУ ей сегодня в выдаче паспорта отказали, велели прийти в четверг.

2 ноября (20 октября). +1°. Погода несколько раз менялась; утром температура дошла до +6°, потом упала, ветер дул чуть не с силою урагана; вечером в 5 ч., когда я возвращался, было –2° и сильный ветер. В разряде М.М. Богословского читал С.В. Бахрушин о городах Угличе и Переяславле, которые он посетил летом; из доклада видно, что С.В. мало знаком с памятниками материальной культуры. Приехал из Петербурга по вызову Главнауки Н.П. Бауер; он и Прохоров будут отбирать монеты музейного значения в Обществе филателистов (?), куда они привезены из Гохрана. М.Н. Сперанский дал мне «Славянскую грамматику», которую я свез после 3-х Тане для отсылки Вере. У Тани посидел не более ¼ часа.

3 ноября (21 октября). –2°. Просматривал коллекцию удельных монет из Румянцевского музея, нашел между ними 2 из собрания Черткова; как они туда попали? Они мною изданы в «Русских монетах до 1547 г.», на рисунках 8 и 10. Заходила Н.А. Бакланова, напомнила, что в пятницу в Новый Иерусалим едут: чета Богословских и она; провизию берут они. И.М. Тарабрин сообщил мне, что преосвященный Платон (Н.Н. Руднев, мой сослуживец) переслан из Соловков, кажется, в Сольвычегодск. Заходил С.К. Богоявленский, от сына из Сибири нет вестей, что их очень беспокоит.

4 ноября (22 октября). +3°. Праздник Божией Матери Казанской. Сегодня четверг, поэтому занятий в Историческом музее нет, зато будут в субботу. К 11 ч. отправился к Вороновым; мой крестник Никита очень милый и спокойный мальчик, очевидно, в отца; Л.И., мальчик и я пошли к «Мюру», где я ему купил обещанные зимние кавказские (из бурки) сапожки и калоши (4 + 2 р. 5 к.); вернувшись домой, стали завтракать; пришел Василий Сергеевич. Разговор вела Л.И. После ее разговоров у меня остается какой-то неприятный осадок на сердце. В 2 ч. я ушел, купил печенья и пата для завтра, взял в Новый Иерусалим билет. У крыльца квартиры встретил Надю и Митю; Надя с плачем рассказала, что ей ГПУ отказало в пропуске за границу. Вечером зашла Валя, здоровье ее «так себе», плохо спит; мне она показалась бодрою.

5 ноября (23 октября). 0°. В Музее пробыл до 1 ч., отправился на Виндавский вокзал, где съел порцию рыбы и выпил чаю. Поезд в Новый Иерусалим отходил в 4 ч. 50 м.; в начале 4-го приехала Н.А. Бакланова, сказала, что не может ехать, по случаю боли в сердце, не поедут также Богословские; привезла корзинку с ветчиной, пирожками с капустой, с тортом, шоколаду и баночку варенья! Все это мне! Мы более часа беседовали. Добрался до Нового Иерусалима благополучно, слез на Истре, за 50 к. доехал до монастыря; одновременно подъехали: Левенсон[63] (из Главнауки) и Константин Яковлевич Виноградов[64]; мы прошли в музей на заседание; набралось порядочно народу, думаю, человек 30 или более. В 7 ч. началось заседание докладом Шнеерсона о 5 годах работы музея; потом прочел малоинтересный доклад В.И. Троицкий «Из истории собора» времени его чинки при Елизавете. Хороший доклад сделал геолог В.О. Глиндзич об обследовании Тростянского озера. Константин Яковлевич Виноградов рассказал о результатах своих раскопок в этом году, в заключение Евгения Степановна Радченко (жена Шнеерсона) очень недурно познакомила слушателей с задачами изучения деревни. На всех докладах делались вопросы или возражения, особенно Шнеерсону, из чего можно было видеть отношения к нему, в большинстве случаев, недоброжелательные. Заседание кончилось в 12-м часу. Шнеерсон меня пригласил ночевать к себе. Мы пошли темною сырою ночью из монастыря в Воскресенск, где они квартируют; я взял под ручку Евгению Степановну, шли мы с полчаса; я устал; выпили чаю, во время которого Ш. много рассказывал об интригах, бранил П.П. Никольского, который переводится в Боровск; около 1 ч. я лег; комната (зал) простая, но чистая, белье мне дано очень чистое; спал сначала нехорошо, но утром крепко заснул, не слыхал, как Евгения Степановна уехала в Москву.

6 ноября (24 октября). Встал в 7 ½ ч., пили [чай] с Шнеерсоном и 2 милыми его детьми, мальчиком Димой 7 лет и дочкой Верой 4 лет, закусили вареным картофелем с мясом, и я отправился в монастырь, а Ш. зашел куда-то, температура, должно быть, +1°. В 10 ч. в музее сошлись: Ш., Троицкий, Левинсон, Виноградов и я; Ш. до 1 ч. ходил по музею, впрочем, предварительно мы напились чаю. Много прибавилось серебра, мебели, бытовых вещей из деревни. Из музея прошли в собор, которым я восторгался все время. Какая красота линий, орнаментики рококо! Ходил в ковуклию (там почему-то меня душили слезы, многое вспомнилось), поднимался на 1-й ярус хор; видел много икон, незамеченных мною ранее; любовался чудесными бронзовыми

дверями западной работы. В 3 ч. 16 м. уехали в Москву. Дома нашел всех живыми.

7 ноября (25 октября). +1°. Воскресенье. Большевики празднуют 9-ю годовщину своей власти, трамваи не ходят. Заболела прислуга Анюта. Встал в 10 ¼ ч., затопил печь. В 12-м часу зашел А.А. Карзинкин, рассказал, что в субботу в 2 часа Рожков в зале заседаний собрал сотрудников и охарактеризовал с точки зрения историка русскую революцию. Ненадолго заходила М.Н. Гусева с детьми. Вчера я нашел в Новом Иерусалиме среди ненужных музею вещей 2 бронзовых сосуда, несомненно, античных; спросил Шнеерсона, откуда они, он ответил: из Поречья; я попросил его дать их Историческому музею, на что он согласился. Сегодня сделал попытку дать очерк нашему собранию монет удельного периода.

8 ноября (26 октября). +2°. В Музее о речи Рожкова говорят неодобрительно. Написал письмо от имени Исторического музея в Новоиерусалимский музей относительно бронзовых ваз из Поречья. После 3-х зашел в посудный магазин около Никитских ворот, купил чайник, 4 чашки, 4 стакана, за все заплатил 2 р. 89 к.

9 ноября (27 октября). +3°. Написал Зарре, послал фотографии с Владимирской Божией Матери и с нашей группы в Троицкой Лавре. Написал Гальнбеку о его оловянной коллекции посуды и проч. Утром была закупочная комиссия с Рожковым и Коршем, выдающегося ничего не купили. В квартире развелось много мышей, вчера вечером поставил капканчик, которым задушило в течение дня 6 мышей. Вечером зашел Н.П. Бауер, сидел до 10 ч.

10 ноября (28 октября). +3°. Получил от Веры и Наташи письма. Взял из библиотеки «Описание Киева» Закревского, где прочитал о Кирилловском монастыре, который основан Всеволодом Ольговичем; Зотов, в Любецком синодике, называет его Всеволодом-Георгием, а Закревский полагает, что он был Кирилл. Л. В-на была в суде как свидетельница по делу Прохорова, допрашивать ее будут в пятницу; она сообщила, что обвиняемый Меньшиков скрылся за границу. Заходил в Охотный ряд за маслом, нашел только подсоленное сливочное масло.

11 ноября (29 октября). +2°. Утром отправился на Покровку, купил носки нитяные за 1 р., вигоневые за 1 р. 25 к., оттуда проехал к «Мюру», купил провизии: масла сливочного, прованского, селедок, компоту и проч., оттуда проехал на Арбат, Таня в Клину, посидел с Машей и детьми; Яльмар увлекается собиранием почтовых марок. В «Рабочей газете» помещен портрет Щекотова по случаю процесса, который, по словам газеты, продолжится не менее недели. Писал о монетах Ярослава.

12 ноября (30 октября). +2°. Приходило много народу, больше по пустякам, ходил в верхний этаж, просил в религиозном отделе дать опись иконам Румянцевского музея. Около 3-х отправился с Л.В. в Музей 40-х годов, где осмотрели коллекцию портретов рода Соймоновых, продаваемую Булыгиной; портреты малоинтересны, кроме 3–4, между ними есть якобы кисти Левицкого, женский, но попорченный; интересны intèrieur'ы; показывала Е.В. Сильверсван, урожденная Бахрушина; кстати, прошлись по всему дому. В 5 ч. пришел Н.П. Бауер, обедал, беседовали по вопросам нумизматики до 8 ½ ч., по его мнению, «сребро Ярославле» не монеты, а те печати, которые носили купцы (гости) по договору Игоря с греками.

13 ноября (31 октября). +1°. Все время в Музее раскладывал уваровские монеты. Прохорова в суде допрашивали; по его словам, процесс производит неприятное впечатление; отталкивающее впечатление делает председатель (его фамилия еврейская). После 3-х заехал к Никитским воротам, купил Танюшиным внучатам конфект (сегодня или завтра хотели прийти); купил 2 чайные чашки по 37 копеек для обеих сотрудниц. Вечером заходила Танюша, сидела до 9 ½ ч.

14 (1) ноября. +2°, на крышах иней. Воскресенье. Сегодня 7 лет смерти Лёши, царство ему небесное. Ночью была страшная ругань между Точилкиным и Мусаткиной, все это очень повлияло на здоровье жены. Был в Донском монастыре у литургии, пришла Танюша, после окончания мы с ней прошли к гробнице Патриарха, она вся в цветах. Утром заходил И.М. Булатов, брал у меня фотографию с «Джоконды» Винчи. Написал Лихачеву и Ильину. К обеду пришли Сережа и Юзя, между ними заметный разлад, она тяготится страстью Сергея к игре, хочет взять разводную и уехать к родным в Варшаву.

15 (2) ноября. +3°. Окончил разбор суздальско-нижегородских монет Уваровых. В 12 ½ ч. состоялось заседание редакционного комитета, назначили к печати статьи отдела популяризации. Л.В. вернулась из суда, ее не допрашивали, так как дело ясно; допросы все кончены, завтра, вероятно, состоится приговор. После 3-х заходил к «Мюру», купил провизии и 1 бутылку водки пшеничной (2 р.). К обеду пришли: М.Н. Гусева и Миша Езучевский, мы выпили бутылку вина, присланного епископом Кентерберийским покойному патриарху Тихону, оказался прекрасный кагор; после обеда беседовали до 10 часов; характер беседы напомнил вечера, проведенные с его покойным отцом.

16 (3) ноября. +3°. Процесс еще не кончился, сегодня ожидается приговор. Мне рассказывали, что Щекотов на суде говорил много лишнего и вредного для Музея. В Музее занимался обычными делами.

17 (4) ноября. +3°. Суд вынес приблизительно следующие приговоры: Щекотову, Бабенчикову выговоры, Прохорову месячное заключение с применением амнистии, причин не знаю. Прохоров хочет подать кассацию; стоит ли? Какая у нас правда? Какой суд? Несомненно, к нему применили классовый, как купцу, приговор. Заходил Бауер проститься; он был в эмиссионном отделе, видел то золото, которое я смотрел. К обеду пришла внучка Нина.

18 (5) ноября. +2°. Утром был у К.Ф. Гесселя, заведующего технической библиотекой в доме бывшем Арцыбашева (через дом от меня), сказал ему, что собираюсь вечером к нему; он меня провел по библиотеке (40 000 томов), встретил А.В. Фюнер (она сверхштатный сотрудник в нашем Музее). Оттуда проехал в магазин ГПУ на Кузнецком мосту за керосинкой системы Греца, но не нашел, также нет у «Мюра», проехал к Никитским воротам в магазин «Коммунар», где купил за 8 р. 70 к. русского изделия системы Греца, еще 2 сковородки (27 к. и 65 к.) чугунных и бидон для керосина на 10 фунтов за 75 к. Читал о дрогичинских пломбах. К 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, показывал мне некоторые издания, давно мне известные (эмали Звенигородского, «Гравюры Уткина» Ровинского и др.); познакомился с дочерью и 2 взрослыми сыновьями, сели за самовар, разговор вели пестрый (о спиритизме, о Зоологическом саде, о литераторах – Тургеневе, Достоевском и т.д.), в 10 ½ ч. я ушел. Выпало немного снега.

19 (6) ноября. +2°. Сырая погода. С 12 ч. до 4-го часа тянулось заседание Ученого совета с докладом Городцова о его раскопке на городище Старой Рязани (интересного сообщил немного). Неожиданно после обеда пришли Валя с дочерью, Леон. Ст. с Надей и Зоргаген, пили чай, слушали по радио «Фауст» Гуно; в 9 ч. все ушли.

20 (7) ноября. +3°. Л.В., придя утром в Музей, принесла мне от внучки Маши письмо с извещением, что вчера в 1 ч. дня умерла от паралича сердца А.А. Андреева; она была здорова, пошла за покупками и зашла к соседям Сабуровой и Волковой, где ей сделалось дурно; ¼ часа пробыла без сознания и, не приходя в себя, умерла. Царство ей небесное, чудесный была человек, до смерти жила духовной жизнью, писала…; ей было, кажется, 72 года. Из Музея ушел в 3-м часу, заехал домой, закусил и отправился в квартиру Танюши, которая из Клина еще не вернулась, за ней поехала Нина, дочь Ек.Ал.; прошел к комнате, где лежала покойная, ее уже выносили, гроб несли В.Ф. Джунковский, Котляревский и др.; народу было много, церковь напротив, я шел с Машей и Алешей; в церкви было очень много знакомых, стоявших панихиду; после панихиды я пошел с Алешей в булочную, купил пирожного, баранок, сухарей; по дороге домой мой правнук наклал в штаны, пришлось прислуге дома его мыть. Попили с баранками чаю (Ольга Николаевна [Анненкова], Ек. Ал., Маша и я), они все ушли ко всенощной, я уехал, дома поел супу. До церкви ко всенощной шел с Анной Алекс. (тетя Аня, вдова Саши Бруни), у которой на шее рак, его выжигают радием.

21 (8) ноября. +3°. Воскресенье. В 11-м часу поехал к литургии в церковь св. Николая Явленного в начале Арбата; приехал перед пением Символа веры; хор был великолепный, «Верую» пели Гречанинова, читал тенор очень хорошо; все пение напоминало скорее концертное, нежели церковное; молитву Господню, под регенством протодиакона Прокимнова, пели все молящиеся. После обедни прошел в храм, где стояло тело умершей А.А., застал конец панихиды, было много народа; Таня приехала вчера; встретился с А.Е. Грузинским[65], Н.П. Киселевым и др., прошел с Танюшей в квартиру, она мне рассказала последнее свидание с А.А-ной. Погода убийственная, сыро, мрачно, но не холодно +6°. Написал Вере о смерти А.А-ны.

22 (9) ноября. +4°. Заболела жена, температура утром 37,8°, в 4 ч. дня 38,6°. В 8 ½ ч. поехал в церковь к литургии, пришел к началу, у гроба уже были все близкие к покойной; перед Херувимской я уехал с Л.В., так как в 11 ч. должно было состояться заседание моего разряда; в начале был доклад Бакланова о нужной мебели в отделе архитектуры и иконографии, после Л.В. прочитала свой реферат о писчих принадлежностях в древней Руси с демонстрацией музейных предметов. Из Нового Иерусалима Шнеерсон прислал 2 бронзовые вазы из уваровского собрания в Поречье, которые я видел. Смерив температуру жены, послал за Гальперном, который вскоре явился, угрожающего не нашел, прописал что-то; после его ухода у жены сделался бред, бредила беспризорными; я дал ей ложку микстуры, поставил клистир.

23 (10) ноября. +5°. Ночью вставал к жене, спала спокойно. Утром подошел к ней, сказала, что ей лучше, и удивилась, отчего вчера вечером сделался такой жар с бредом. Вернувшись в 5-м часу со службы, нашел ее значительно бодрее, и самочувствие хорошим; утром температура 38,2°, в 5 ½ ч. 37,7°. В Музее была закупочная комиссия, приобрели у Виктора Людвиговича

Драке, племянника А.А. Ильина, фаянсовые настольные часы завода Поскочина, сервиз фаянсовый того же завода и 2 тарелки (Веджвуд и Межигорье), часы за 100 р. и остальное за 100 р.; купили разную мелочь; регистрация, расчет с Драке заняли много времени, я очень устал. После 3-х зашел к «Мюру», купил ревенных лепешек (0,5 за 50 к. сотня), черного сладкого хлеба, сыру, мыло и ½ бутылки одеколона; в Охотном ряду для жены винограду и 3 лимона (по 45 к.!). Н.П. Лихачев мне пишет, что академическое издательство отвело для Музея палеографии 10 листов, вследствие чего он будет хлопотать напечатать всю русскую часть его «Материалов» на таблицах I–LVII. Дай-то Бог, чтобы удалось это.

24 (11) ноября. +6°. Рано утром подошел к проснувшейся жене, ей, слава Богу, лучше; жар на ощупь незначительный. Смерил температуру = 37,3°. В Музее составлял протокол закупочной комиссии, отбирал монеты суздальско-нижегородские для открытых зал, и другие текущие дела. После 3-х зашел купить чаю у «Мюра», купил у Ферейна 2 банки Бира по 2 р. 15 к. От Н.П. Лихачева получил по почте его статью: «“Гуманистическое письмо” и автографы гуманистов, рукопись, коллационированная Анжело Полициано». Вечером заходила Танюша, мы сидели у постели жены.

25 (12) ноября. +6°. Температура у жены понизилась: 36°. Был на почте за марками, у «Мюра» за хлебом и икрою для жены. Получил в Цекубу за октябрь и ноябрь академическое обеспечение 120 р., оттуда прошел на Никитскую, купил для Яльмара «Русские детские сказки» Афанасьева (1 р.). Во втором часу пришла Надя с внучкой Ниной, пили чай, закусили, Нине прочел вслух «Сказку о царе Салтане» Пушкина. К обеду пришла внучка Аня, позднее – Валя, вид ее плохой, жалуется на желудок. Умер в Лондоне Красин, не везет большевикам. Вечером жена и Валя слушали по радио оперу «Евгений Онегин».

26 (13) ноября. 0°. Провели беспокойную ночь: произошел опять скандал с руганью, битьем двери в комнате между Мусаткиной и Точилкиным. Жизнь делается невозможной в таких условиях, но защиты мне и жене, как «буржуям», просить не у кого. В Музее разбирал монеты Уваровых. После 3-х купил в Охотном ряду Яльмару фунт конфект, Танюше сыру, сухарей, баранок и отправился к новорожденному, Танюша покормила супом с пирожком с морковью, осетриной; пили чай со сладким пирогом; из посторонних пришли Диатроптовы; в 6 ½ ч. я уехал домой. Здоровье жены, слава Богу, лучше.

27 (14) ноября. +2°. Утром в Музей зашел А.М. Эфрос, спросил портрет Николая II, который необходим для какого-то кино; у нас такового нет, также не имеется ни в одном учреждении: так основательно был он уничтожен из страха перед большевиками. В начале 12-го пошел в Кремль в Оружейную палату на заседание Ученого совета, которое было малоинтересно; после из канцелярии пошли в залы, где я видел Евангелие из дворцовой церкви Воскресения Словущего в чудесном золотом окладе конца XVII в. с эмалью; смотрел несколько табакерок золотых с эмалью, чеканкой; интересна одна с чеканным портретом Елизаветы Петровны, очень сходным по работе со знаменитой уваровской табакеркой, на табакерке вырезано имя мастера George à Paris, вероятно, и уваровская того же мастера. Пономарева все еще не пускают в Кремль; Д.Д. думает, что причиною этому, что он 4 года был коммунистом, но вышел из партии; придя в Музей, я рассказал это Протасову,

который думает, что причиною этому был уход Пономарева из Казани вместе с чехословаками. В Оружейной палате на заседании мне поручили осмотреть на Никитской (угол Газетного переулка) шкаф для Музея мебели. Придя в Музей из Кремля, я отправился с Л.В. к антиквару, зайдя предварительно в антикварный магазин взглянуть на шкаф, который нам очень понравился; он небольшой резной, с отличною резьбой по карнизу в стиле Возрождения, на дверцах 2 отличных геральдических льва; оценен шкаф владельцем в 600 р. Из магазина дошли до Никитских ворот, где я сел на **А**; в вагоне встретился с М.И. Сизовым. После обеда к 7 ½ ч. поехал с Лёлей в Художественный кинематограф на Арбатской площади на «Крылья холопа», билет на 2 лица прислала администрация в благодарность, что я давал вещи для съемки; в вестибюле нас встретил П.С. Рожицкий (один из опричников в пьесе); сидели мы в ложе; играл оркестр из «Игоря», одну пьеску Бородина «В монастыре». Вся пьеса – это какая-то каша непонятная; без объяснения смысла разобрать нельзя. К числу самых неудачных мест я отношу пляску Грозного во время оргии.

28 (15) ноября. +2°. Воскресенье. Здоровье жены улучшилось, обедала вчера со всеми. Утром заходил А.А. Карзинкин, завтракал. Была Валя; у меня лихорадка, я с трудом пишу. К вечеру пришла Маша с Алешей. Днем я работал.

29 (16) ноября. +2°. Спал хорошо, чувствую слабость. По дороге к трамваю поднялась рвота; в вагоне рвало. Забыл надеть калоши. По настоянию сотрудниц в 12-м часу в сопровождении А.М. Бардыгина уехал домой. Дома лег, выпил черного кофе. Лежал все время.

30 (17) ноября. +1°. Весь день лежал, посетили меня Танюша, Валя и А.М. Бардыгин с письмами от Л.В., М.М. Богословского, 2 письма от Зографа, при одном 2 удельные монеты [князя] С[емена] В[ладимировича] Боровского и 1 западноевропейская, А.А. Ильина, Н.П. Лихачева. К вечеру заходил А.А. Карзинкин.

Декабрь 1926 г.

1 декабря (18 ноября). –4°. Провел тяжелую ночь, каким-то образом очутился под кроватью среди обломков железа; 4 часа старался освободиться, слабость не позволяла. Вчера Анюта истопила мою печь довольно жарко; может быть, это было причиною моего кошмара. Мерил 2 раза температуру: ½ 12-го = 37,9°, в 6 ч. 37,7°. Был Гальперн, нашел невралгию, прописал камфору и абсолютный покой. Заезжала Танюша со своей внучкой Агнией.

2 декабря (19 ноября). –2°. Выпал снег. От 12 до 5 сидела Л.В., заходил А.А. Карзинкин, пришли днем Надя, Валя с дочерью; вечером пришла Танюша; здоровье неважно, желудок не действует.

3 декабря (20 ноября). –8°. По-видимому, зима установилась, снегу много. Болит экзема; П.С. Рожицкий сделал на обе ноги компресс из буровой жидкости. Днем была Валя; около 4-х ч. приехала из Музея Л.В., обедала у моей кровати; часов в 6 уехала. Часов в 9 пришла Танюша.

4 декабря (21 ноября). –8°. Введение во храм Богородицы. К вечеру вчера жар стал спадать. Анюта истопила печь. Заезжала Надя, внучка Маша; около 4-х приехала Л.В., она сидела с женой.

5 декабря (22 ноября). –3°. Воскресенье[12*]. После обедни заезжала Л.В., принесла просвирку. Я не вставал; навещали меня Валя с мужем, Миша Езучевский, Танюша.

6 декабря (23 ноября). Провел довольно плохую ночь, болела ступня правой ноги, компресс решил не класть до совета Гальперна. Была Л.В., Танюша, Надя, Лёля, Таня Кочурина с мужем. Гальперн не был, захворал. Погода сырая, 2 гр. тепла.

7 декабря (24 ноября). Морозный солнечный день, на солнце тает. Чувствовал себя с утра крепче. Навещали меня Валя с дочкой, Леонид Степанович, А.А. Карзинкин, Миша Езучевский, Лёля. В 4 ч. пришла Л.В., Танюша. Был доктор Гальперн, велел делать инъекцию из камфары. Лиза Иванова сделала с вечера до 1 часу 3 инъекции. Принимал 3 раза в день адонис, а на больные ноги компресс из ихтиола. Забегала вечером Маня Клеопина. Был опять грандиозный скандал у Мусаткиных. Валя, К., у меня сидела вечер, поехала домой и прислала Павлика, чтоб он у нас посидел. Вечер он сидел до 12 ночи.

8 декабря (25 ноября). Морозный солнечный день, на солнце тает. Были все дочери, внучка Наташа и Танечка, Л.В., А.А. Карзинкин, Анна Ивановна Благовещенская, у нее катаракта на глазу. Читала вслух Чехова. Температура утром 37,5, вечером 38,7. Поздно вечером пришел Миша Езучевский, предлагала остаться ночевать.

9 декабря (26 ноября). Морозный солнечный день. Около 12 часов ставили клизму, т[емпература] у[тром] 37,3, в[ечером] 38,1. Днем никого не было, читала Чехова вслух. Был В.Ф. Джунковский, Танюша, Л.В. Доктор Гальперн нашел улучшение. Митя привез от Надюши заливного судака, был П. Сапунов, Маня Клеопина. Камфару вспрыскивают аккуратно.

10 декабря (27 ноября). [нрзб]. Спал ночь тревожно, часто просыпался, утром пересел в кресло. Т[емпература] у[тром] 36, в[ечером] 36, днем навещали дети Анечки, вместо Тани, Наташа, Салтыков и Л.В., беседовал о музейских делах и пр., был Миша Езучевский. Ночью ставил клистир, помогло! Юбилей Зайцевых, много о них думали.

11 декабря (28 ноября). 2 градуса морозу. Лежал в кровати, вставал к столу часа на 2–3 пить чай, ел (манную кашу, картофельное пюре, печеных яблок). Из Музея приходил А.А. Карзинкин, нового ничего не сообщил. Пришла Танюша, перед всенощной ушла. Вечером был доктор Гальперн, отменил инъекции камфары и другие лекарства; компрессы на обе ноги велел делать из буровой жидкости вместо ихтиола.

12 декабря (29 ноября). Воскресенье. Снег, –2°. До завтрака читал Чехова, надоел, стал читать «Дубровского» Пушкина. Около 1 ч. пришла Л.В., рассказала, что ревизовали кладовую, главным образом, 2 ящика с царскими вещами, были 3 раза. Пришел Н.Д. Протасов, принес 31 р. жалованья из АИМК, сидел долго, я устал; пришел А.А. Карзинкин. В 5-м часу поел с Л.В. жареного цыпленка, каши, выпили чаю; в 5 ½ ч. она ушла. Сидели Валя с Зорей. В 8-м часу я лег спать, в это время заходила Танюша.

13 декабря (30 ноября). –3°. Спал хорошо. Утром дочитал «Дубровского»; прочел «Гробовщик» Пушкина. С 12 читал свои заметки о древнейших

[12*] Далее по 10 декабря включительно дневниковые записи сделаны женой А.В. Орешникова.

русских монетах. Заходил Вася Сахновский, рассказывал о своих занятиях в Художественном театре в качестве режиссера; у них большие хлопоты по постановке новой пьесы Леонова[66]. После Музея пришла Л.В., я ей продиктовал свое заявление в Цекубу о невозможных условиях жизни в квартире, она все переписала, я подписал, завтра обещала подать в Цекубу; мы обедали с ней. Вечером заезжала Надюша.

14 (1) декабря. –4°. Спал хорошо. Л.В. вчера принесла «Отчет Исторического музея за 10 лет (1916–1925)», в нем напечатана моя статья о Микулинской чашке[67]; брат последнего мужа Оли Полиевктовой, Б.А. Куфтин, прислал мне свои 2 статьи: 1) «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова»; 2) «Материальная культура русской Мещеры». Сегодня днем никто не приходил; просмотрел весь «Отчет» Музея. К вечеру пришла Танюша, сидела часа 2.

15 (2) декабря. –6°. Спал хорошо; боль в мочевом пузыре прошла. К вечеру сделалась оттепель. Впервые надел костюм. Читал 1 и 2-ю главу «Евгения Онегина». Днем были Валя с дочерью и с Зорей. В 4 ч. пришли: Л.В., Н.А. Бакланова, П.А. Незнамов, А.А. Карзинкин; с дамами вел разговоры о выставке XVII в. и др.; к обеду все ушли, кроме Л.В., с нею пообедал; в 6 ½ ч. она ушла. Зашли внучки: Маша и Нина, пили со мной чай. В 8 ч. лег спать. Из Музея Л.В. принесла мне статью П.С. Ефименка «Юридические знаки» (Ж.М.Н.П. 1874 г.), читал ее.

16 (3) декабря. –5°. Печь вчера была истоплена; спал хорошо; чувствую слабость, болей нигде нет. Лежал часа 2. После завтрака (ел цветную капусту, 2 ломтя белого хлеба с икрой и чай с печеньем), пришел князь Н.С. [Щербатов], затем Анна Александровна, бывшая Бруни, потом Исакова; разговоры с ними меня очень утомили. До 6 ½ ч. сидел М.М. Богословский часа 1 ½; говорили о выставке XVII в.

17 (4) декабря. –7°. Вчера вечером в комнате Мусаткиных было заседание домового комитета, в это время я спал. Сегодня чувствую себя крепче. Около 12 ч. зашла Валя с Зорей, который принес мне показать игрушку-головоломку и книжку о Крокодиле Крокодиловиче в стихах, прочел ее вслух, белиберда невозможная. Завтракал ветчиной. Днем приехала Надюша с Лялей, сидела у меня более часа. В 5-м часу приехала Л.В., привезла мне жалованье, 52 оттиска моей статьи о Микулинской чашке; обедала со мною и женой, рассказывала о музейских делах, в Музее ожидают ревизию; в 6 ½ она уехала. Мою печь истопила Анюта. Вечером, лежа в кровати, стал просматривать текст моей статьи о Микулинской чашке, в это время пришел М.Д. Езучевский, посидел со мною с ½ часа, принес тетрадь берлинского журнала Wache «Tutanchamon», посвященный последним находкам в Египте; с большим интересом просмотрел прекрасные иллюстрации.

18 (5) декабря. –5°. Температура в комнате +19°, поэтому спал неважно, часов в 5 утра дочитал статью, нашел несколько опечаток; в 7 ч. совсем встал. Днем читал о дрогичинских пломбах. Часа в 2 лег, немного спал, в 3 ½ часа встал. В 4 ч. пришла Танюша, любовалась изданием Wache «Tutanchamon», ушла в 6 ½ ч. ко всенощной; к Машиным детям приехала Наталья Афанасьевна, которая будет жить за стол; это очень облегчает жизнь Маши.

19 (6) декабря. Воскресенье и Николин день. Спал хорошо до 5 ½ ч., утром, лежа, читал «Евгения Онегина». Окно замерзло, –11°. Читал «Вопросы

реставрации» – статью Грабаря об Андрее Рублеве; изложение статьи мне не понравилось. После обедни, около 2 ч., пришла Л.В., обедала со мною, много говорили. Заходил А.А. Карзинкин, после Саша Орешников. Л.В. ушла в 6 ½ ч.

20 (7) декабря. Окно замерзло, по-видимому, –10° или около того. Днем дочитал «Евгения Онегина». В течение дня писал вступление к статье, с трудом кое-что написал. Из посетителей никого не было. Истопили мою печь.

21 (8) декабря. Окно замерзло. Спал до 8 часов, мало просыпался. Слышал, температура воздуха –10°, с сильным ветром. Приготовил бандероли с моею статьею о чашке всем знакомым в Эрмитаже, в бывшей Сергиевой Лавре, Н.П. Лихачеву. Читал «Родословную моего героя», «Медного всадника». Около 4-х ч. пришла Л.В., принесла письма: Зографа и Пика; обедала со мною, написала для Отдела по делам музеев сокращенное мое заявление, поданное в Цекубу; много с нею говорили о музейских делах. Была вчера ревизия под начальством Невского; главная забота ревизии – сократить количество здешних музеев, соединив в один. Ушла Л.В. в 7 часов.

22 (9) декабря. Окно замерзло. Спал не очень хорошо вследствие расстройства желудка среди ночи, после чего к утру уснул. Прочел «Пиковую даму». Читал записки опричника Штадена. Часу в 3-м пришел А.М. Бардыгин, принес мне квитанции на посланные им заказные бандероли с моей статьею; А.М. сидел до 4-х часов, интересный он и живой человек. Перед А.М. пришли: Валя с Таней и Зорей, сидеть с ними мне не пришлось. Температура воздуха, по словам А.М., сегодня около – 15°. Анюта истопила мою печь. На ночь намазал обе ступни ног, щиколотки ихтиолом.

23 (10) декабря. Окно замерзло. Спал крепко. На солнце окно оттаяло, температура повысилась до 0°, после заката опустилась до –10°. В 5 ч. пришла Л.В., обедала с нами в моей комнате; к концу обеда пришла Танюша, обе ушли в 8 ½ ч. Началась перепись народонаселения; сегодня переписали жильцов нашего дома.

24 (11) декабря. –8°. Со ступни правой ноги кожа сошла как чулок. Весь день отдыхал, немного писал. Лег рано спать.

25 (12) декабря. –4°. Рождество Христово по новому стилю, все закрыто. Провел тревожную ночь; в 11 ч. явился пьяный Точилкин, его удалили, я заснул, во 2-м часу был пробужден криками и борьбой в столовой: Алексеев выпроваживал Точилкина; в мою комнату вошла испуганная и плачущая жена с Анютой, я их успокоил словами, но у меня сделалась нервная лихорадка, продолжающаяся до сих пор; конец ночи плохо спал. Днем немного занялся своей работой. Пришел А.А. Карзинкин, подарил мне 1 бутылку красного вина, сидел часа 1 ½ . Температура воздуха днем была +1°. К вечеру 0°. Анюта топила мою печь. У жены была А.Н. Коболева.

26 (13) декабря. –7°. Воскресенье. Днем занимался начатою работой о классификации древнейших монет. Заходил Миша Езучевский, угостил его красным вином, подаренным А.А. Карзинкиным. К обеду пришли: П.Н. с Валей, Кочурины с Зорей; я обедал один; после пришли ко мне П.Н. и Василий Арсеньевич, последнего угостил вином, сам я почти не пил. Вечером у Вали сделались боли в животе.

27 (14) декабря. Окно замерзло, –2°. Написал Зографу письмо. Днем занимался, немного отдыхал. Топили печь. Вечером была у жены М.М. Яковлева.

28 (15) декабря. +1°. Провел тревожную ночь, не спал до 3-го часа: у Елизаветы Кирилловой шло пьянство с песнями, гармоникой в присутствии Клименковых, Точилкина и др.; слышал ругань между Мусаткиной, Христиной Клименковой. Очень тревожился за жену. Жизнь такая невозможна. Ночью пошла носом кровь. Днем немного отдыхал. Читал кое-что из «Русской истории» Багалея. Около 4-х пришла Л.В., принесла жалованье из Академии 32 р., но долго сидеть не могла, в моей комнате жарко, у нее сделалось сердцебиение, и она уехала домой. Пришла Танюша, ее внучка Агния больна, по диагнозу доктора Сперанского, перитонитом; Танюша очень этим обеспокоена.

29 (16) декабря. 0°. Дворник Ерохин, по-видимому, заболел от пьянства белой горячкой: изрубил одну из дверей дома. С утра до 2 ½ ч. писал, окончил краткий обзор литературы о древнейших русских монетах (Толстой, Чернев, Петров). Температура воздуха в 3 ч. сделалась –5°. Начал читать рассказ Гофмана «Эликсир сатаны». К жене пришла М.Н. Кан. Л.В. приехала в 4 ч., привезла жалованье 60 р. (академическое обеспечение) из Цекубу, заплатила за меня 4 р. на весь год за площадь в квартире; обедала в моей комнате, много говорили, подсели к нам жена и внучка Нина; ушла Л.В. в 7 ¼ ч. Вернулся П.С. Рожицкий из поездки на гастроли в Тульскую губернию в отчаянном положении, всем артистам (8 человек) в Москве хватило только на трамвай.

30 (17) декабря. –13°. Утром приехала из Мытищ Надя у них сегодня температура воздуха –25°. Приехала Адель Шмидт, озабочена болезнью сына Карла: у него психостения (не понимаю, что это за болезнь). Все сидели в моей комнате и завтракали. Часа в 3 пришел Д.Д. Иванов, сидел до 5 ч., много рассказывал про дела Оружейной палаты; Пономарев стал ходить в Кремль, мне показалось, что он производит несимпатичное впечатление как на Д.Д., так и на прочих; сообщил, что Музей мебели якобы передается Историческому музею, а Военно-исторический отходит в военное ведомство.

31 (18) декабря. –12°. Писал статью. Читал Гофмана, просматривал некоторые статьи из «Археологических известий и заметок». В 3-м часу приехала Л.В., привезла жалованье за ½ месяца. К обеду пришел Вячеслав Степанович Муралевич, поднес по крымскому обычаю на Новый год зернистой икры, приятно побеседовали, в 5 ч. он ушел, до 6 ½ ч. сидела Л.В. От С.А. Жебелева получил очерк ученой деятельности В.В. Латышева.

1927 год

Январь 1927 г.

1 января (19 декабря 1926 г.). Окно замерзло. Лег спать вчера в 9-м часу, в 12 ч. был разбужен стуками: пьяный Точилкин ломился в дверь, его не впустили; к счастью, никаких скандалов не происходило, и я уснул. Днем заходила М.Н. Гусева, сидела со мною часа 1 ½. Часа в 3 пришли Сережа с Юзей, пили в столовой чай, я впервые за всю болезнь пил с ними чай. «Эликсир сатаны» произвел на меня неприятное впечатление[1].

2 января (20 декабря). Окно замерзло. Воскресенье. –15°. В 12-м часу пришел А.А. Карзинкин, подождал прихода Л.В., которая пришла от обедни во 2-м часу, стали пить кофе, подошел Иван Мемнонович Тарабрин, сидел часов до 3-х. В 5-м часу стали обедать я и Л.В., во время обеда пришел В.А. Никольский, потом Танюша; Никольский много рассказывал о своей новой теории: о рисовании известной картины Сурикова «Боярыня Морозова» по законам математики. Около 7 Л.В. и Танюша ушли, Никольский остался до 9 ¾ ч., рассказал сюжет своего нового произведения «Холопий царь» из эпохи 2-го Самозванца; хочет предложить пьесу или 2-му Художественному театру, или Малому театру.

3 января (21 декабря). Окно замерзло. К вечеру окно прочистилось, температура –13°. Днем немного поработал над статьею.

4 января (22 декабря). Окно замерзло. –8°. Днем пописал. В 3-м часу пришел доктор Гальперн, осмотрел ноги, нашел небольшие отеки, разрешил выйти на воздух, выслушал сердце, в общем, остался доволен; прописал строгую диету: запретил мясо черное, вино, рыбу; разрешил: 1 раз курицу, раза 3 судака и 3 раза молочное, растительную пищу. Прописал: сайодин в таблетках, спермоль[2]. К обеду пришла Л.В., принесла купленные ею галоши (ботики), которые не влезли, взяла обменить. Беседовали с ней о музейских делах, о выставке XVII в., которую она начала устроивать вместе с Натальей Аполлинарьевной; в 7-м часу она ушла. Получил письма: от Ильина, Дервиза и Свирина; Ильин прислал рисунок с печати Георгия архонта, крайне плохо сделанный, врученный Лихачевым; Ильину написал ответ. Вечером заходила ко мне на короткое время М.В. Пичета. Утром сам топил печь, очень устал.

5 января (23 декабря). –2°. Написал Н.П. Лихачеву, что заказанный им рисунок с печати Георгия архонта никуда не годен. Днем немного пописал статью. Адель Шмидт уехала домой, у нее не все ладно с ее сыновьями; неудачники они, а может быть, обстоятельства нашей жизни сделали их такими. В 4-м часу приехала Л.В., принесла галоши, которые также не влезли на ногу, придется самому ехать менять. За обедом между женой и Л.В. был продолжительный разговор об общих знакомых Бромлей[3]; в 6 ¼ ч. Л.В. ушла.

6 января (24 декабря). +1°. Рождественский сочельник. Встал в 7 ½ ч., намазал ступни кольдкремом (по совету доктора) и впервые после болезни надел штиблеты. Вчера начал принимать спермоль 2 раза в день по 30 капель на рюмку боржома. Утром сделал первый выход на воздух к моему брадобрею, сходил благополучно. Около 12 ч. поехал с Павлом Степановичем Рожицким в ряды менять купленные ботики Л.В-ной; приказчик сказал, что я не умею надевать и свободно их надел. Из рядов прошел к «Мюру», купил кекс и карамели для завтра. Вернулся благополучно домой. Вечером пил с женой чай в моей комнате.

7 января (25 декабря). –3°. Рождество Христово. Тоскливое чувство у меня, видя, с каким старанием хотят большевики убить религиозность у верующих. Когда кончится эта ужасная тирания! Торговля открыта, но не все лавки с провизией открыты. Топил печь. Во время болезни Л.В. посетила меня 22 раза. Боль в костях обеих ног. Весь день читал. В 4 часа пришла из Музея Л.В., обедала, к обеду пришли Наташа (внучка), Нина, приехала из Мытищ Надя с Лялей, позднее Леон. Ст. с Митей, пришли Валя, Кочурины оба; все пили чай в столовой. Л.В. принесла III-й выпуск «Пушкин в жизни» Вересаева, ушла она в 7 ч., остальные все в 9 часов.

8 января (26 декабря). –4°. После 6-недельного перерыва отправился в Музей, где все служащие встретили с большим сочувствием, и всякий мне выразил радость по поводу моего выздоровления. Повидался с Н.А. Рожковым, сходил в сопровождении Л.В. и Корша на выставку тканей, которая мне очень понравилась. Около 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», купил чаю, сливочного масла, мыла; домой вернулся на автобусе № 9 (от Большого театра до Сыромятников за 10 копеек). Дома застал Таню, Машу с 3 детьми, посидел с ними; пришел М.Д. Езучевский; в 8 ч. все ушли.

9 января (27 декабря). –11°. Воскресенье. Читал «Пушкин в жизни» Вересаева. Часу в 1-м пришла дочь С.В. Прохорова – Лёля, приехавшая из-за границы, где прожила более года (в Париже и Ницце); рассказывала, что жизнь русских эмигрантов тяжелая. Часов в 5 пришла Е.А. Бальмонт, приносила «Les nouvelles litteraires», где описан юбилей Зайцева, автор – A. Remezov[4], приложен очень плохой портрет юбиляра; Б.К. попал в число grands écrivains[1*]. Часов в 7 пришел К.В. Крашенинников; он увлекается католицизмом, посещает каждый праздник французскую церковь. Здоровье Сергея Васильевича, по словам его дочери, все еще плохо. Заболел П.С. Рожицкий горлом, жена поставила компресс, дали аспирину. К.В.К. ушел около 10 ч.

10 января (28 декабря). Окно замерзло. У жены ночью была тошнота. Лёля вчера играла где-то около Коломны, заработала 12 р. 50 к.; кажется, в первый раз такую сумму, а то, бедняга, привезет 1 р. 50 к., 2 р., много если 5 р.; тяжела жизнь актера! В Музей приехал к 10 ч.; Л.В. и Н.А. Бакланова там уже были с 9 ч., под их руководством были перенесены для выставки XVII в. 6 пушек, изразцы, окончины[2*], мебель и проч.; придя, я все предметы пересмотрел. Антиквар Тюнин[5] и реставратор Григорий Осипович Чириков при-

---

[1*] Великих писателей.

[2*] Окончание – оконный переплет из узких полос (обычно железных), вставленных концами в деревянную раму и служащих опорой для кусочков слюды, которые закреплены замазкой и оловянными бляшками разной формы.

несли для покупки Музеем серебряный ковш, по-видимому, римской работы III в. с 5 византийскими клеймами VI–VII в.; ковш принадлежал князю Оболенскому, издан в «Отчете Археологической комиссии за 1867 г.», упомянут у Rosenberg'a (2-е издание, среди византийских клейм), найден в Пермской губернии; поверхность ковша покрыта рельефными изображениями Нептуна, морских божеств и проч.; цена высокая: 5000 р.; мы (Рожков, Протасов и я) предложили 2000 р. Сойдемся ли, не знаю. Получил от сестры с Урала (станция Бисертский завод) письмо, спрашивает о моем здоровье, описывает, как плохо у них жить. М.М. Богословский дал свою статью «Петр Великий в Англии в 1698 г.». Мой бывший дворник Емельян Флегонтович Депутатов прислал очень милое письмо и гостинец: свинины и гусенка. Погода морозная, но тихая, –15°. Павел Степанович поправляется.

11 января (29 декабря). Окно замерзло. В 3 ¼ ч. на термометре бывшей Городской думы –12°. Утром в Музей пришел М.Д. Езучевский, я ему дал проект Царицынского дворца Баженова 1776 г., находившийся прежде в Оружейной палате; с него Миша срисовал некоторые части проекта. С 12 ч. началась ревизия царских вещей Романом Васильевичем Лариковым и Лазарем Яковлевичем Вайнером, из музейских были только Л.В. и я; в 3 ч. кончили и запечатали кладовую; в субботу будут продолжать. После занятий был с Л.В., купил прованского масла и 2 книжки для правнучки Маши по собиранию гербария. В.А. Городцов сегодня ездил в Донской монастырь, на кладбище которого выстроен крематорий, и сегодня в первый раз было сожжено 5 покойников-коммунистов.

12 января (30 декабря). Окно замерзло. В 3 ч. у Думы –13°, резкий ветер. Арендт принес серебряную братину XVII в. с надписью «Братина добра человека пити из нея на здравіе». С 1 ч. до 3 шло заседание комитета выставки XVII в., обсуждали вопросы о распланировке, о витринах; чертежи будет делать Н.Б. Бакланов; выставка, по-видимому, ранее осени не будет готова. После 3-х заходил с Л.В. в магазин Прохорова, купил мармеладу.

13 января (31 декабря 1926 г.). Окно замерзло. К 11 ч. поехал в эмиссионный отдел Государственного банка, где был летом, смотреть якобы вновь поступившие золотые монеты, но таковых не поступало; я попросил просмотреть те, которые отобрал, их было 3: Фарзой, червонец 1701 г., медаль Алексея Михайловича с его портретом, к ним я прибавил: Аспурга ΑΛΤ и пантикапейскую с головою Пана в профиль; попросил свесить, в 5 монетах оказалось 33,9 граммов (= 7 золотников 91 доля). Из банка зашел к «Мюру», съел пирожок с капустой, купил печенья и конфект для Л.В. В банке показывал Ал.П. Успенский, знакомый А.А. Ильина по Петербургу. В 4 ч. пришла Л.В., принесла баночку варенья из кружевника[3*], обедала, ели гуся; после обеда Л.В., жена и Лёля вели разговор о лучших местах романов Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Мне Л.В. сказала, что Музей хочет меня чествовать за 40-летнюю мою службу; в день юбилея на дом приедет депутация с адресом из следующих, сколько помнится, лиц: директора, М.Н. Сперанского, М.М. Богословского, Н.Д. Протасова, Людм. Вяч. и, кажется, С.К. Богоявленского (ему поручено составление адреса). Скорее бы кончился юбилей, если только ему суждено осуществиться. Сколько во всяком юбилее

[3*] Так в оригинале.

ложного или, по крайней мере, преувеличенного! Хотят еще устроить товарищеский чай и издать в честь меня сборник. Кончился старый год. Как он был тяжел для нас. Сколько я перестрадал за жену! Какие тяжелые дни пережил я, о которых здесь ни разу не упоминал. Господи! Помоги семье моей, моим близким и мне!

14 (1) января 1927 г. Новый год, но он незаметен, занятия и жизнь текут, как в будни. Сегодня 2 года, как умерла М.А. Голубцова, царство ей небесное. Мороз, сколько градусов, не знаю, в некоторых местах –19°, в других –15°. Ходил в сопровождении Л.В. и Н.А. Баклановой по верхнему этажу Музея, намечали вещи для выставки. В Музее новый член правления Филонов[6], коммунист, по наружности антипатичный. Получил поздравительное письмо от Лёли Комиссаржевской из Берлина.

15 (2) января. Окно замерзло. В 3 ч. на термометре у Думы –16°. Утром была закупочная комиссия, между прочим предложены к покупке 2 письма Грибоедова и серебряная братина XVII в. С 12 ½ до 2-х я с Л.В. и Н.А. Баклановой ходили по подвалам и отбирали вещи для выставки XVII в. После 3-х заходил к Прохорову купить сухой зелени для супа и компот. В то время, как я обедал, внизу происходила драка Мусаткиных с Клименковыми и, кажется, Точилкиным; мы все заперлись, чтобы не попасть в свидетели. В 7 ч. пришел Константин Федорович Гессель, сидел до 10 ч., говорили о разных вопросах литературы, общественных делах; впрочем, разговор был малоинтересен. Скандалы жильцов продолжались, одного избили в кровь. От домашних волнений у меня сделалось сердцебиение и лихорадка, жена дала брому.

16 (3) января. Воскресенье. Благодаря брому спал хорошо, но лихорадочный озноб (нервный) чувствовал все утро. В 10 часов поехал с 31 № в церковь Николы Явленного на Арбате к литургии, приехал в самом начале; в храме было очень холодно, я стоял в шелковой шапочке; пели прекрасно, но мотивы были вычурные. После литургии зашел к В.Ф. Джунковскому, посидел недолго. Дома застал Л.В., позавтракали, я топил печь; около 5 обедали, в 7 ч. Л.В. ушла. С трудом дочитал «Эликсир сатаны».

17 (4) января. Говорят, утром было –20°; мое окно с термометром замерзло. Был на 2-х заседаниях в Музее: моего разряда, на котором Щекотов прочел проект, как классифицировать отдел иконографии. Второе (с 2 до 3-х) – ревизия романовских вещей, продолжение предыдущей; ревизия еще не кончена.

18 (5) января. Крещенский сочельник. Утром, около 10 ч., на термометре Городской думы показывало –17°, в 3 часа –13°. Заходил С.В. Бахрушин, смотрел с ним вещи из раскопок Старой Рязани прошлого года; интересны клейма на днах горшков; вся коллекция состоит из предметов домашнего быта – железных, глиняных, немного медных.

19 (6) января. Крещение Господне. Утром температура –19° около Городской думы. Ревизовали романовские вещи, еще [не] кончили, осталось на один раз. Присутствовала при ревизии Л.В., я был не долее ¼ часа. Ходил с Н.А. Баклановой по подвалам, смотрел пушки, все (их, кажется, 12) XVII в., одна 1618 г. После занятий зашел к «Мюру» за сливочным маслом.

20 (7) января. Термометр после заката солнца показывал – 11°. Утром ездил к «Мюру», купил пиленого сахара, мыла, конвертов. Дома писал письма: Зографу и Лёле Комиссаржевской в Берлин. Поработал над статьей. Кончил о

путешествии Спафария в Китай по изложению К.В. Базилевича в его книжке «В гостях у богдыхана». В 5 ч. пришла Танюша, сидела до 8 ч. Вчера по распоряжению [Ф.Н.] Петрова закрыта в Музее религиозная выставка, каталоги изъяты; кстати сказать, каталог выставки, составленный Анисимовым, очень хорош.

21 (8) января. Мороз, как вчера. В Музее особенного ничего не произошло. Готовятся к моему юбилею, пишут адрес; слышал, что 13 февраля (нового стиля) в воскресенье приедут меня поздравлять на дом. Хоть бы скорее прошла вся эта комедия. В 2 ½ ч. назначено общее собрание с речью о Ленине; я и Л.В. ушли в 2 ч., зашли к «Мюру», где я купил колбасы, пирожного для завтра; смотрели папку для моего адреса (стоит 11 р. 95 к., да за надпись золотом около 5 р.). А.А. Ильин прислал в конверте повестку Академии наук, адресованную на мое имя в Эрмитаж (?) на заседание на сегодняшний день с докладами М.М. Богословского о русско-датском союзе 1699–1700 гг. и С.Ф. Платонова «Орден Иуды 1709 г.». Любопытно, что нашел об этом С.Ф.

22 (9) января. Занятий нет, большевики празднуют избиение рабочих 9 января в Петербурге. Со вчерашнего дня начал принимать йод (сайодин); спермоль кончил. Топил печь. Немного занимался своею статьею. В 4 ч. пришла Л.В., обедали в моей комнате; чувствовала себя не совсем здоровой; с нами сидел П.С. Рожицкий, много рассказывал Л.В-не эпизодов из своей актерской жизни; в 8-м часу Л.В. ушла.

23 (10) января. Воскресенье. –13°. Утром зашел А.А. Карзинкин, мы позавтракали, около 12 отправились на выставку картины А.А. Иванова «Явление Христа народу» и большого числа этюдов к ней; встретившийся там Юлиан Павлович Анисимов (из Третьяковской галереи), принимавший участие в устройстве выставки, дал нам интересные объяснения к этюдам. Какой великолепный рисовальщик был Иванов! Как внимательно изучал он типы лиц на своей картине! В 2-х турникетах, поставленных неудачно благодаря плохому освещению, выставлены рисунки к Ветхому и Новому Завету, также другие карандашные и акварельные рисунки, сделанные с мастеров Возрождения, с древнеегипетских рисунков и проч. Впечатление я вынес большое. В этих же залах находится выставка книги, ее смотреть параллельно с ивановской было нельзя. Выходя, встретился с П.И. Нерадовским, заехавшим с петербургского поезда «поклониться Иванову», как он выразился. Дома застал Федю и Карлушу, сыновей Адели, и Валю с дочкой. Перед обедом пришел Саша Орешников, вечером приехала Надя с Мишей, пришла О.И. Зауер, все сидели в комнате жены.

24 (11) января. –14°. В Музее зарегистрировал последние покупки, в числе их 2 письма Грибоедова к Рыхлевскому из Табриза. Ревизию романовских вещей в кладовой кончили, была одна Л.В., я заходил ненадолго. В 2 ½ ч. состоялось общее собрание, на котором выступил с речью приглашенный оратор Хохлов, говорил на тему «3 года без Ленина», я, хотя и сидел, но не слушал; между прочим, сказал, что мы близки к опасности войны, но надеется, что ее не будет. Во время заседания пришли из кладовой: Лариков, Гагарин, Вайнер и Л.В.; до 4-х часов Лариков составлял протокол; все вещи оставлены Историческому музею. После окончания я зашел к «Мюру», купил жене одеколону. Дома застал М.Н. Гусеву, взяла взаймы 6 р.

25 (12) января. День памяти матери, царство ей небесное. В Музее ничего особенного не было. Купил Танюше сыру, баранок, сухарей, деткам

конфект; после занятий отправился к Танюше, вскоре пришла Л.В., мы пообедали и прошли в комнату к Маше, где пили чай; пришли Диатроптовы, Е.Ф. Джунковская, д⟨еви⟩ца Лебедева, подруга Оли, очень милая барышня, и другие, приятно вели разговор о Толстом и проч.; Яльмару я подарил коньки, Маше книжку по собиранию растений, Алеше альбом для марок; Агнии волчок. Около 8 я уехал. Дома встретил Н.М. Гайдукова, сегодня приехавшего из Минска.

26 (13) января. –4°. Утром было заседание закупочной комиссии, в присутствии Н.А. Рожкова и Н.Д. Протасова; Н.А. был вполне здоров и благодушен, как всегда. Вскоре я узнаю, что он заболел: у него был, по-видимому, припадок грудной жабы, был доктор от «скорой помощи», наш Кисляков (он детский, служит в нашем отделе архива); вызвали жену, очень молоденькую (ему около 60 лет, это его 2-я жена); я видел Н.А., он сказал, что ему лучше. В серебряной кладовой Л.В., Н.А. Бакланова намечали, какие серебряные вещи куда поместить на выставке XVII в., пришел Н.Б. Бакланов и беседовал о формах и размерах витрин. После 3-х зашел к «Мюру», купил водки и красного на тот случай, если меня приедут поздравить в день юбилея.

27 (14) января. –2°. Утром ездил к «Мюру», купил 6 стаканов, 6 рюмок, 6 тарелок десертных и 1 чайник алюминиевый на 10 стаканов (4 р. 75 к.). В почтовом отделении у «Мюра» послал Вере в Париж под заказною бандеролью № 4 «Смехача» (юмористический журнал) с рисунком на Мейерхольда, затеявшего поставить «Горе от ума» на манер «Ревизора». Днем немного пописал статью. Н.М. Гайдуков имеет больной вид, сидит на строгой диете; у него не в порядке желудок.

28 (15) января. –5°. В Музей пришел утром А.И. Батенин, заведующий Музеем мебели, к которому комитет выставки XVII в. обратился с просьбою осмотреть мебель для выставки; он, Н.А. Бакланова и я пошли в подвалы и осмотрели отобранные предметы, он большую часть шкапов забраковал. Об этом узнал Н.Б. Бакланов и остался недоволен, сказав мне, что Батенин его ученик, и он не хуже его мог разобраться в стилях, а его только приглашают в комитет выставки как мастерового для чертежей витрин. В 1 ч. началось заседание комитета выставки под председательством М.М. Богословского, разговор шел о витринах, т.е. какую форму и размеры дать им. Вчера от воспаления в легких умер профессор Александр Никитич Филиппов, также умерла недавно Екатерина Андреевна Аваева, урожденная Кудрявцева. В Сибири замерзли 2 ссыльных епископа, один, кажется, Корнилий где-то на Урале, другой бывший профессор Добронравов Николай[7]; последнему из Москвы была послана теплая одежда, которая тамошними властями задерживалась; прислугу ему запретили иметь; он сам пошел за водою с ведром и замерз у проруби, где его и нашли; дальше идти некуда; с каждым днем прибавляется список мучеников. Перед обедом пришел священник Н.А. Бруни, после обеда побеседовали, в 6 ½ ч. он уехал на заседание, а я в 7 ч. на заседание Академии истории материальной культуры в Исторический музей, читал В.И. Троицкий «Быт серебренников XVII в.»; материал дал большой, но необработанный; председательствовал М.М. Богословский.

29 (16) января. –2°. Обжег себе руку о керосинку, образовалось 2 пузыря. Виделся на улице с Д.Д. Ивановым, который мне жаловался на тяжелый характер Пономарева, им все недовольны. Сосновский принес на продажу

миниатюру неизвестной дамы, подписанную: «К. Брюллов 1839 г.», назначил цену 225 р., показывал помощнику Щекотова Фабриканту, мы оценили 75 р.; у миниатюры платье не отделано. Заходил Ю.В. Сергиевский, принес 2 платка на продажу, нужны деньги для лечения сестры его жены, помятой лошадью, его тесть митрополит (забыл его имя) сослан куда-то под Шую на 6 месяцев[8]. После занятий зашел к «Мюру», купил сосисок и сливочного масла для Таниных внучат; купил Гоголя (редакция Кирпичникова) для маленькой Маши, все это свез на Арбат, застал одну Танюшу.

30 (17) января. –2°. Воскресенье. Прочитал «В гостях у богдыхана» К.В. Базилевича; автор изложил путешествия 3-х русских посольств XVII в. в Китай: Спафария, Никифора Венюкова и Елизария Избрандта, последнее относится к 1692 г., к началу царствования Петра. Все было для меня в этой книжке ново, особенно жив рассказ у Избрандта. В 1 ч. отправился к М.М. Богословскому, которого застал дома, жены его не было: она по воскресеньям занимается в обществе с другими дамами обучением грамоте безграмотных взрослых женщин; сидел у него до начала 4-го часа, закусил пирога, пил чай, беседу вели на разные темы (о заседании в Академии наук с докладом Платонова о медали в 10 фунтов, о записках Штелина, о современных событиях и т.п.); возвратившись домой, беседовал с Л.В. в то время, когда у жены сидела О.С. Гекерн; обедали все в столовой, к обеду пришла Танюша с маленькой Машей; вечером пришел Борис Лаврентьевич Исаченко, недавно приехавший из Петербурга; мы все перешли в мою комнату, Б.Л. рассказывал про свою поездку в Америку на конгресс ботаников, в Испанию, где ученых принимал Альфонс XIII и, между прочим, сказал, что, как король (sic), интересуется рабфаками (!?). Все разошлись в 8 ½ ч. Погода была весенняя, на солнце +11°, стаяло много снега.

31 (18) января. –5°. Послал Мин630 письмо и статью о Микулинской чашке. С 11 до 3 была в Музее ревизия серебра в кладовой, не найденные по описи прежней ревизии: платиновый (на самом деле серебряный) портсигар Николая II, его часы фабрики Буре и золотое перо – найдены. После занятий зашел в Охотный ряд, где купил грибов сухих (3 р. 50 к.) и стклянку кабуля (40 к.). Вечером приехали Леон. Ст. и Надя.

Февраль 1927 г.

1 февраля (19 января). –3°. Послал А.П. Калитинскому в Прагу свою статью. Ездил в Цекубу, где получил академическое обеспечение. Был на заседании эпиграфической комиссии, Каринский показал снимки, привезенные им из Тверского музея, с надписи на иконе Василия Кесарийского, с любопытного медного блюда с резной иконой Знамения, кругом нее Троица и 13 пророков, буквы молитвенной надписи определяют блюдо, по мнению А.И. Соболевского, XIV–XV вв.; научного доклада не было.

2 февраля (20 января). –2°. Ночью болела экзема, плохо спал. По телефону сообщали, что у Н.А. Рожкова было 3 припадка, его перевезли с квартиры в Кремлевскую лечебницу. Исправлял красными чернилами описки и поправки в инвентаре. Была ревизионная комиссия в лице Ларикова и Гагарина, искали среди романовских вещей: золотое перо и чернильницу с надпи-

сью «викторик» (?), лампочку для щипцов и перламутровый портсигар. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд за покупкою ½ фунта икры и 1 фунта сливочного масла. Получил от С.А. Жебелева письмо, пишет, что узнал [от] А.А. Ильина о статье о древнейших монетах, которую я пишу, просит ее прислать не позднее мая для «Известий».

3 февраля (21 января). –4°. Написал Жебелеву, что не хотел бы печатать своей статьи ранее статьи Бауера о хронологии древнейших русских монет на основании кладов. Днем поработал над статьей. Вечером пришел милиционер и составил протокол, подписанный мною, о выселении Клименковых; писал около часа; милиционер оказался человеком очень воспитанным.

4 февраля (22 января). –4°. Придя утром в Музей, был поражен вестью, что третьего дня вечером в 11 ½ ч. умер Н.А. Рожков в Кремлевской больнице на Воздвиженке. Царство ему небесное. Добрый, мягкий, душевный был человек. В «Известиях» напечатан жесткий некролог его, написанный Покровским, который не может простить ему, что он не был коммунистом. В 12 ½ ч. в зале заседаний собрались все сотрудники, Корш вкратце сказал о болезни и смерти Н.А.; к половине 2-го пошли все к больнице, во дворе стояли красные дроги, из мертвецкой вынесли полированный под дерево гроб, дроги тронулись, за ними мы все в Старый университет, где в актовой зале тело его выставили, сняв крышку; его милое лицо сохранило симпатичные черты. Было много народа. Около гроба стоял почетный караул из музейских служащих. Выйдя из университета, Л.В., М.В. Будылина и я пошли вместе, дамы направились в вегетарианскую столовую (угол Кузнецкого моста и Неглинной внизу), где заказали блины со сметаною, а икры я купил дорогою, всей икры не съели, подарил остаток М.В-не. Помянув блинами Н.А-ча, я с Л.В. отправился заказать пенсне жене, но в советском магазине (Лубянка, 13, бывший Трындина) оправы не оказалось. С Лубянки доехали до Сухаревой башни, оттуда Л.В. и я поехали на **Б** по домам. Получил поздравительную телеграмму с 40-летней деятельностью от эрмитажных нумизматов: Ильина, Придика, Сиверса, Фасмера, Бауера и Зографа. Плохо спал ночь, болела экзема.

5 февраля (23 января). –5°. Послал на имя А.А. Ильина благодарственное письмо всем эрмитажным, приславшим мне поздравительную телеграмму. Поехал к выносу тела Н.А. Рожкова, застал, когда гроб вынесли и заиграла музыка; было очень много народа; встретил Л.В., с которой пошли за процессией, у Воздвиженки повернули к Арбату, гроб повезли через Пречистенку. У ворот Новодевичьего монастыря встретил сидящую на камне В.Р. Менжинскую, поговорил немного с нею, прошли на новое кладбище монастыря, походил по нему, читал имена погребенных, масса знакомых имен, сколько артистов Большого (Хохлов), Малого (Лешковская) и Художественного театров; трогательна надпись на кресте повесившегося М.А. Стаховича[9]. Повезли тело, поднесли к могиле, сказано было несколько речей: студентом (очень теплое слово), представителем от политкаторжан[10], С.И. Мицкевичем, А.М. Эфросом и Коршем, последнего не мог расслышать по слабости его голоса. Стоял я с Л.В., С.Б. Веселовским[11], И.П. Чебышевой, подошла В.И. Попова и пригласила Л.В. и меня к себе погреться, попить чаю; поехали в автобусе до Левшинского переулка; дорогою к ее квартире зашел в магазин, купил ей ветчины и печенья; пили чай с ее сестрами и С.К. Просвиркиной[12]. Впечатление от гражданских похорон

вынес неприятное, ни разу не пришло на ум помолиться за его душу. К 8 часам поехал к Н.А. Баклановой (по ее приглашению), там был М.М. Богословский и дама (забыл ее имя), вскоре пришел А.Н. Северцов[13] (зоолог) с женою и Е.П. Богословская (с лекции А.И. Анисимова в Политехническом музее). Сначала разговор был академический (о делах Академии наук), а после стал общего характера о литературе, главным образом, о Пушкине, Л. Толстом и проч.; пили чай, ели жареные пирожки с рисом и рыбой; в 1-м часу все мы ушли, Нат. Ап. провожала всех нас до Смоленского рынка, где я застал последний вагон № 31; в 1 час был дома.

6 февраля (24 января). –3°. Воскресенье. Сегодня 53 года нашей свадьбы. В 11 ½ ч. поехал смотреть выставку «Книги» в Рум⟨янцевском⟩ муз⟨ее⟩ (где картина Иванова «Явление Мессии»), встретил Н.П. Киселева, который объяснил мне инкунабулы и древнейшие книги, без объяснения ничего нельзя понять; посмотрел еще раз этюды. Оттуда проехал к Танюше, жалуется на здоровье; съел телячью котлету, выпил чашку чая и уехал домой; застал Л.В., обедали. Милиционер Лаптев допрашивал многих в доме относительно Клименковых.

7 февраля (25 января). –5°. Чувствую с утра недомогание, в 5 ч. было расстройство желудка. В 12 ч. была ревизия романовских вещей, которая кончена, начали писать акт, завтра докончат; ушел в 4 ½ ч. Вечером сделалась лихорадка, принял хины и аспирина.

8 февраля (26 января). Ночью был сильный озноб, вырвало хиной, встал в 11 часов. Весь день лежал. Смерял температуру в 4 ч. – 38,8°. Заходил А.А. Карзинкин, закусил со мной. После ухода его я уснул. В это время заходила Л.В. к жене. После нее пришла Танюша, сидела у меня с час. На ночь принял аспирина.

9 февраля (27 января). –7°. Ночью была сильная испарина. Проснулся в 1 ч., не спал совсем; в 6 ч. встал. Весь день занимался статьей. Получил от Е.М. Придика 2 оттиска его статей с надписью «Дорогому юбиляру». В 4-м часу пришли А.А. Карзинкин и Л.В., обедали в столовой, я в своей комнате, после обеда все ушли; пришла Танюша, очень сокрушается о своей внучке Агнии, которая тает, по-видимому, у нее туберкулез. Смерил температуру в 7 ¾ ч. вечера – 37,4°. На правой ноге появилась краснота, жена намазала ихтиоловой мазью.

10 февраля (28 января). 0°. Выпал снег. Весь день лежал под шубой, зяб. Вечером пришли Надя и Валя; Надя только что вернулась от Сони Савари, у которой родилась девочка, хотят назвать Наталья, будут крестить, но не октябрить. Жена намазала правую ногу ихтиолом.

11 февраля (29 января). –6°. Всю ночь болели пальцы правой ноги, особенно, если я ими шевелил; жена смыла ихтиол, стало несколько легче. Днем поспал. Из Музея зашла Л.В., принесла письмо Веры, Б.К. [Зайцева] и проч. из Парижа и новое издание Академии истории материальной культуры «Сообщения». Вечером пришли Танюша и А.А. Карзинкин, до 10 ч. вели разговоры, вспоминали прошлое; все время ощущал подагрические боли в пальцах ноги.

12 февраля (30 января). –6°. Сегодня день памяти отца моего. Царство ему небесное. Боли в пальцах ноги значительно уменьшились, сильных приступов совсем не было. Вчера днем мерял температуру: 37,4°. Написал

всем нашим парижанам общее благодарственное письмо, в нем описал кратко смерть и похороны Н.А. Рожкова. Лег спать рано, жена поставила компресс на пальцы ноги.

13 февраля (31 января). –2°. Воскресенье. Спал хорошо, ноге легче, ночью была испарина. Вчера вечером получил поздравительную телеграмму от Н.П. Лихачева, которого письменно отблагодарил. В 1-м часу неожиданно пришел И.А. Орбели, живой, как всегда, много рассказывал о Тройницком, с которым он в контрах по эрмитажным экономическим вопросам; я его спрашивал, не знает ли о каком-либо кандидате в директора Музея, ответил, что намечают Е.А. Преснякова[14], ученика С.Ф. Платонова. Сказал, что он и К.В. Тревер написали в честь моего юбилея по статье. После обедни заходила Л.В., но обедать не осталась, уехала с Танюшей, которая ко мне зашла с панихиды по А.С. Пушкине в храме св. Харитония в Огородниках. Жена и П.С. Рожицкий поставили мне компресс на ногу; боли в ноге прошли. Вечером пришел А.А. Спицын, сидел часа 2, рассказывал много интересного про Керченский съезд, про выходки Городцова, про свои успехи в науке и т.д. Пришли поздравить меня А.Н. Коболева и О.И. Зауер.

14 (1) февраля. –1°. Боли в пальцах почти прошли, снял компресс. Днем читал; около 3-х пришел А.М. Бардыгин из Музея, с ним пробеседовал часа 1 ½, какой он развитой и знающий человек; он принес мне ряд поздравительных телеграмм: С.А. Жебелева, П.П. Ефименко, Эрмитажа, С.Н. Тройницкого, АИМК, подписанную Марром; письменно поздравила В.Н. Муромцева-Бунина, почему-то считающая, что я имел влияние на развитие ее духа, [телеграмм] А.Н. Зографа и И.Е. Миннза. К вечеру распухла нога, но болей нет. Истопил печь.

15 (2) февраля. –5°. Сретенье Господне, праздник, отмененный большевиками. Опухоль ноги за ночь прошла. Днем немного пописал (о родовых и личных знаках). В 4-м часу пришла Л.В. из Музея, принесла несколько писем: Протасова с фотографией херсонесской бронзовой статуэтки, поздравительное от В.Н. Бенешевича, то же от К.В. Тревер; Хилл (G.F .Hill) прислал поздравление, к которому приложил оттиск своей статьи о новых приобретениях монет в Британском музее, в числе которых монета Эминако[15]. От некоего Александра Николаевича Миллера из Самары получил письмо, где он рекомендует себя последним потомком Г.Р. Державина по женской линии и предлагает купить 2 печати: золотую с инициалами Державина, другую простую с его гербом. Л.В. сообщила, что адрес мой готов, заставка, сделанная Н.А. Баклановой, не особенно изящна. С М.Н. Сперанским в Музее сделалось дурно, был приглашен врач в карете скорой помощи; подробностей не знает Л.В., так как в его отделе не была. Сидел до 10 ¼ ч. в своей комнате с женою и Н.М. Гайдуковым, беседовали о прошедших временах.

16 (3) февраля. –6°. Нога к вечеру пухнет, за ночь опадает; около большого пальца к вечеру делается водяной пузырь, к утру подсыхающий. Написал благодарственные письма: Н.Я. Марру, С.Н. Тройницкому и С.А. Жебелеву. Около 12 был у меня Леонид Антонович Мацулевич, приехавший сегодня из Петербурга по поручению Эрмитажа осмотреть у антиквара Тюнина ковш с византийскими клеймами, который Мацулевичу не был показан. Заходили Валя с дочкой. В 4 ч. пришел А.А. Карзинкин, принес жалованье за ½ месяца (101 р. 76 к.) и поздравительное письмо от профессора Бузескула из Харькова;

А.А. обедал со мною. Жена мазала пальцы на ноге цинковой мазью, болячки подсохли.

17 (4) февраля. –8°. Утром (между 10 ½ и 11 ½) съездил к «Мюру», купил вина, кофе, чаю, прованского масла (1 фунт = 2 р. 40 к.), печенья и меду. Днем немного поработал. Около 5 ч. пришел Л.А. Мацулевич, Л.В., обедали; после обеда пришла Танюша, приехал из Пушкина от Д.Н. Эдинга А.А. Спицын, которого жена покормила. Н.М. Гайдуков с Лёлей уехали в театр. Вечером пили чай с купленным медом с Дальнего Востока (из Хабаровска), мед очень вкусен. Около 9 все разошлись.

18 (5) февраля. –6°. Возвратившись около 5 домой, застал жену больною: у нее был сердечный припадок, который стал при мне ослабевать. Был в Музее, прошелся по верхнему этажу. Заходил ненадолго Мацулевич, торговля с Тюниным (ковш) еще не состоялась. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», купил провизии к воскресенью.

19 (6) февраля. –9°. Жена чувствует себя, слава Богу, хорошо. Утром купил ветчины. В Музее особенных дел не было. Заходил проститься перед отъездом А.А. Спицын. Лёля подарила мне записную книжку с надписью на серебряной дощечке «Дорогому Папе от Лёли. 18/II 1927 г.»; подарок ее очень меня тронул. Ольга Ивановна подарила мне чайную фарфоровую чашку с клеймом Н Г Ф Грузино; в чашке лежал абрикосовый пат. Жена подарила мне открытку с видом памятника Пушкина на Тверском бульваре. Такие отношения трогательны, спасибо им всем. Погода морозная, с сильным северо-восточным ветром.

20 (7) февраля. Окно замерзло. Воскресенье. Анюта поднесла мне полотенце, как все это меня трогает. В 1 ч. 15 м. приехали: М.М. Богословский, М.Н. Сперанский, С.К. Богоявленский, Н.Д. Протасов, Л.В. Кафка и князь Н.С. Щербатов; М.М. прочел адрес от имени личного состава Исторического музея, разрисованный Н.А. Баклановой по грамоте Михаила Федоровича; адрес написан в обычном хвалебном тоне, о моих достоинствах судить не мне. Л.В. вручила мне от имени «Старой Москвы» рисунок А.М. Васнецова «У ворот Скородома» XVII в., сбоку печать Калиты (?). Сели закусить, пришли Лёля и Н.М. Гайдуков, проговорили за бутылками вина часов до 4-х, когда все, кроме Л.В., ушли. Пришли около 5: Адель Шмидт и все дочери и некоторые внуки, принесли торты, конфекты, сели за стол, было человек около 20. После ухода депутации пришел В.А. Городцов, просидел с час со мною и Л.В., рассказывал больше о себе. Около 10 я со всеми распростился и ушел в свою комнату. Получил поздравительное письмо от Н.И. Новосадского. Как я рад, что день прошел; все время я чувствовал неловкость. Как можно хвалить и оценивать человека при жизни? Зато отрадно было смотреть на жену, которая искренно радовалась, смотря на меня. Получил поздравление от Н.Д. Телешова, Аделины Антоновны на итальянском языке, от дочери их Сони и очень милый акварельный рисунок от Елены Андреевны [Телешовой] с видом решетки бывшего нашего сада. Папка для адреса Музея кожаная, на ней серебряная дощечка с надписью: «1887–1927 г. Алексею Васильевичу Орешникову. Исторический музей». Заказывала Л.В. у «Скорохода», стоит, кажется, 20 р.; она приспособлена для бумаги, конвертов.

21 (8) февраля. Кажется, –8°, окно замерзло. В Музее слыхал от Натальи Аполлинарьевны, что М.М. Богословский остался вчерашним днем очень

доволен. Ходил с Л.В. и Нат. Ап. в отдел В.С. Воронова и в религиозный смотреть вещи для выставки XVII в. В 2 ч. назначены выборы в Моссовет, явился Барановский из Губмузея, познакомил в речи с фабр⟨ичным⟩ и т.п. состоянием в Московской губернии; я посидел с ½ часа и уехал. Заказал у Рюмина пенсне жене за 8 р. Вечером заходил Б.Н. Граков, принес взятые им книги.

22 (9) февраля. –8°. В Музее с 1 ч. до 3 сидел на заседании, читал Башкиров о его летней экскурсии на Таманский полуостров, нового я вынес мало. Послал свои статьи А.А. Спицыну и Хиллу в Лондон. Зашел за пенсне для жены к Рюмину. Вечером немного поработал над статьей.

23 (10) февраля. –7°. В Музее была закупочная комиссия, Корш командовал, что купить, что не покупать, не обращая внимания на мнение членов. В 1-м часу я поехал в Цекубу, где получил академическое обеспечение 60 р.; там с моей головы сделали антропометрическую съемку; для чего это – не понимаю; как я слышал, снимали со всех членов Цекубу. После 3-х заехал на ¼ ч. к Танюше, поздравил ее с завтрашним днем рождения, свез ей сыру, масла, баранок, сухарей и карамели для детей; видел только Таню и Ек. Ал. дети все ушли гулять. Вернувшись домой, застал Д.Д. Иванова, сидевшего с женой в моей комнате; он поднес мне адрес от Оружейной палаты; посидел у меня недолго.

24 (11) февраля. Окно замерзло; говорят, утром было местами до –16°. На сегодняшнее число Музей назначил мое чествование за 40-летнюю службу в 1 ч. дня. В 12 ч. я позавтракал и стал собираться к отходу, внезапно входят М.Н. Сперанский и Ю.А. Алмазов, заявившие, что посланы за мной в автомобиле. В 1 ¼ мы выехали и через 10 минут были в Музее; в канцелярии группа поздравителей меня встретила аплодисментами; мы поднялись, в зале Иоанна III (около серебряной кладовой) меня ожидало человек, я думаю, 150, встретившие меня рукоплесканиями; накрыты были столы, меня посадили между М.М. Богословским и М.Н. Сперанским, тут же сидели Е.Ф. Корш, И.М. Тарабрин, Г.Г. Лицвенко и В.И. Родионов (технические служащие), начались приветствия, поздравления, в числе которых было милое поздравление от Н.И. Троцкой, трогательный адрес технических служащих и т.д.; угощение было устроено Людмилой Вячеславовной, подавали крюшон, пирожное, ветчину. Н.Б. Бакланов поднес прекрасную акварель вида монастыря в Суздале. Н.Д. Протасов и П.А. Детинов сняли группы. Из близких пришли Танюша с Машей. В начале 5-го Ю.А. Алмазов привел автомобиль, куда сел он, Танюша, Л.В. и я, и все вместе поехали к нам, но Ю.А. не остался, а прочие поели малость; приехала Маша с девочкой Машей и Алешей, и мы мирно побеседовали, сидела с нами и Адель Шмидт; в 8 ч. все разошлись. Многими эпизодами сегодняшнего дня я был тронут, услышал многое, чего не ожидал; не было ли многое преувеличением; во всяком случае, я остался при прежнем взгляде на себя как музейного работника. На все приветствия я отвечал простою благодарностью.

25 (12) февраля. –5°. Плохо спал, очень болела экзема. Сговорился по телефону с Отделом по делам музеев относительно моего визита к Н.И. Троцкой; назначили приехать в 12 ч., к которому часу я и приехал. Н.И. встретила меня очень любезно, я ее поблагодарил за ее письмо; перешли на разговор о директоре в Исторический музей, она сказала, что М.Н. Покровский очень бы желал Преснякова, на что я сказал, что он едва ли согласится оставить в Петербурге семью и детей, может быть, будет согласен, если Н.И. его попро-

сит; потом она называла имя Довнар-Запольского[16], прибавив, что у него характер скверный; я ей рекомендовал С.В. Бахрушина. По-видимому, вопрос о директоре не решен в Главнауке. Про заместителя директора она так сказала: «Если у вас будет новый директор, то придется выбрать другого вместо Корша», про которого выразилась неодобрительно. Выйдя из Главнауки, я сел в трамвай с А.И. Б⟨атениным?⟩, которому сказал, что Н.И. имеет плохой вид, болезненный, тот рассказал, что она очень несчастлива в личной жизни, и якобы с ней часто бывают обмороки. В 1 ½ было заседание комитета выставки XVII в., говорили о мебели, стеллажах и т.п. Получил поздравление из Политехнического музея, из Музея Нового Иерусалима и др. Написал Hill'у в Британский музей благодарственное письмо за поздравление, написал также свое мнение, что статеры с именем Эминака ольвийской чеканки (перевод на английский язык сделал по моей просьбе А.А. Захаров очень плохо).

26 (13) февраля. –3°. Выпало немного снега. В Музее П.А. Детинов, наш фотограф, сделал с меня 2 фотографических снимка. На стенной музейной газете помещено известие о моем юбилее с похвалою по моему адресу; пишу это со слов С.В. Прохорова, сам я не читал. Особенного в Музее ничего не было. После 3-х заходил в Охотный ряд купить масла сливочного, в советских магазинах его не было. Получил от Макаренка несколько его статей на украинском языке и письмо, на которое ответил, посылаю ему свою последнюю статью. Вечером заходил Доля, поил его чаем.

27 (14) февраля. –3°. Воскресенье. Начало масляницы. Топил печь. Пришел А.А. Карзинкин, сидел часа 2, завтракал. После его ухода в 1 ч. я принялся за писание благодарственных писем за поздравление с юбилеем, написал с десяток, порядком устал.

28 (15) февраля. –5°. Антиквар Тюнин принес для продажи стеатитовую иконку с Праздниками, греческой работы XIV в., назначил 1500 р. (!). Заходил М.А. Волошин, я с ним успел только поздороваться; цель его прихода – посмотреть икону Владимирской Божией Матери. После 3-х зашел к «Мюру», купил ревеню, боткинских капель, личного мыла. В воскресенье в университете назначено юбилейное торжество А.С. Орлова (его 30-летие научной деятельности), наш Музей, где он служит, принимает участие; когда обратились к М.Н. Сперанскому с предложением участвовать от Музея в составлении адреса, то он, говорят, написал, что этот юбилей излишний; если это верно, то это прямо неприлично так относиться к сослуживцу и к человеку науки. Вечером приехали: Леон. Ст. с Надей и с Лялей, но я с ними почти не сидел, так как к 7 ч. ушел к А.А. Карзинкину; поблагодарил его жену и Соню за приветствия, а Елену Андреевну Телешову за ее рисунок решетки нашего бывшего сада. В 9 ч. я был дома.

Март 1927 г.

1 марта (16 февраля). –1°. Идет снег. Сегодня 11 лет, что умерла сестра, царство ей небесное. Слух о выходке Сперанского по адресу Орлова подтвердился, все возмущены. На мой вопрос, что заставило С. так поступить, мне ответили: «Зависть». В Музей зашел *Арсений Николаевич Насонов*[17], исполняющий обязанности старшего помощника хранителя отдела нумизматики

в петербургском Эрмитаже; он историк; я ему бегло показал залы: Киевские, Новгородскую, Суздальско-Владимирские и раннюю Московскую, затем вещи, приготовленные к выставке XVII в., он остался очень доволен. После 3-х пошел с Л.В. к букинисту в Охотном ряду (сзади церкви св. Параскевы), где купил для правнуков книгу «Вселенная» Герштекера за 2 р., которую и отдал Л.В-не. От Веры получили письмо, сообщает, что Б.К. написал 2 рассказа и пишет о Тургеневе. Продолжаю писать благодарности за поздравления, сегодня написал Владиславу Петровичу Бузескулу и Владимиру Николаевичу Бенешевичу.

2 марта (17 февраля). –2°. В закупочной комиссии стеатитовую иконку с Праздниками оценили в 300 р. (Тюнин назначил 1500 р.). Ходил с Л.В. в кладовую № 7, осмотрели медную посуду, вся позднее XVII в. После 3-х ходил в Охотный ряд, купил икры, масла, яблоков. Погода сырая. Вечером приехала Танюша, пила чай, много говорили про мой юбилей, ушла в 9 часов.

3 марта (18 февраля). +1°. В 2 ч. пришла Л.В., и мы стали есть блины в моей комнате (жена, Лёля, Л.В. и я); Л.В. сидела до 6 часов. Часов в 7 пришел М.Д. Езучевский, беседовали с ним до 10 ч.

4 марта (19 февраля). +2°. Выпало немного снега. В Историческом музее время от времени вывешивается на стене отпечатанная на пишущей машинке «Стенная газета» под заглавием «Просвещенец», орган ячеек ВКП(б) (Всероссийская коммунистическая партия большевиков) и ВЛКСМ (этого я не понял) ГИМ (= Государственного исторического музея). Среди многочисленных статей партийного характера последнего выпуска газеты напечатана следующая: «*40 лет труда.* Если бы можно было в настоящее время точно измерить затраченную трудовую энергию в течение 40 лет нашим дорогим юбиляром А.В. Орешниковым, то можно было бы воздвигнуть вторую Хеопсову пирамиду. 40 лет или 11 520 рабочих дней или 69 120 рабочих часов или 4 147 200 минут неустанной заботы о делах Музея и о его интересах. Личная жизнь почти не существует, все для науки. Все для того, чтобы Музей мог расти, развиваться и рассказывать массе об историческом быте прошлых веков. Образцом этого прошлого: прошла молодость, сгорбилась спина, поседели волосы, уменьшились физические силы, но увеличился опыт, но не ослабевала любовь к делу. Дело живо. Пример Алексея Васильевича к научной работе: необыкновенная пунктуальность во времени, тщательность в определении вещи, его отношение мягкое, гуманное к своим помощникам и ко всем служащим вызывали и вызывают всеобщее уважение, авторитет и воодушевляют всех, кто с ним соприкасался в работе. За отданную Алексеем Васильевичем энергию и труд в течение долгих лет поблагодарим его за себя и за будущее поколение и пожелаем физических сил для продолжения его научной деятельности в Историческом музее. Будем работать, как он!!! Т.Ч. (= Татьяна Чернопятова)». Особенных дел не было, дважды был в рукописном отделе, где Сперанский мне рассказал о слухе относительно назначения в Музей директором Преснякова, заместителем Пономарева (?), ученым секретарем Корша, его помощником Протасова; Алмазов будет удален (?). Все это Сперанский слышал от М.М. Богословского. Заходил А.А. Бахрушин, звал к себе в четверг 17 марта.

5 марта (20 февраля). –1°. Чувствовал весь день озноб, недомогание. В Музее особенных дел не было. Получил от Н.П. Лихачева письмо, сооб-

щает, что сделался дедушкой (дочь его, сосланная в Сибирь, вышла замуж и родила). Придя домой, съел с десяток блинов с кетовой икрой, сметаной и маслом, и лег в постель, закрывшись шубой (в комнате было свежо), проспал более 2 часов, лихорадочное состояние прошло.

6 марта (21 февраля). +2°. Прощеное воскресенье. К 1 часу поехал в Московский университет, где в актовой зале состоялось чествование 30-летней учено-литературной деятельности А.С. Орлова. Народу было очень много, человек 200. Ректор университета, некто Вышинский[18], сказал вступительное слово и «обвинительный акт» (его выражение), намекнув, что в наше время революции, когда пробивают новые пути, стоя по колени в крови... Далее я не расслышал перехода к «путям» А.С. Орлова. Слово было встречено аплодисментами, вероятно, по адресу юбиляра. После говорил утомительную речь о трудах юбиляра, затем объявлен перерыв, и я ушел. В 7 часов поехал к М.М. Богословскому, застал Н.А. Бакланову, потом пришли М.В. Нестеров с женой и А.Н. Северцов с женою; разговор был разнохарактерный: про скифов, про каменный век, вспоминали Неаполь, Рим, куда недавно ездили Северцовы; сели за чайный стол, разговоры перешли на театр, литературу; около 12 все разошлись.

7 марта (22 февраля). +2°. Чистый понедельник. В Музее просматривал описанную А.М. Бардыгиным коллекцию уваровских монет и медалей. А.С. Орлов, по-видимому, очень доволен вчерашним своим юбилеем. Дома застал приехавшую из Петербурга Екатерину Ивановну Дремлюг. П.А. Детинов отпечатал снятый им 26 февраля портрет; многие в Музее купили его (в форме открытки) и приходили ко мне за автографом; жена и музейские дамы находят выражение лица слишком строгим. Вчерашнюю ночь спал не более 2–3 часов, поэтому после обеда лег и 3 часа проспал. Написал А.А. Спицыну запрос об одном перстне Музея из раскопок Спицына 1894 г.

8 марта (23 февраля). +2°. В Музее особых дел не было, приводим в порядок монеты и медали. Танюша заболела гриппом, температура была 38°; жена просит не ходить, чтоб не заразиться. Получил письмо от Виктора Федоровича Смолина[19] из Казани, которому написал ответ.

9 марта (24 февраля). +2°. В 1 ч. пошел на заседание в отдел М.Н. Сперанского, где О.И. Попова прочитала доклад о новых письмах Грибоедова, дающих новые сведения о нем в отношениях к представителям военной администрации (Ермолову и др.). Сперанский думает, что письма со статьей Поповой напечатает Музей. Получил от фотографа П.А. Детинова подарок: 2 моих портрета и группу, снятую во время юбилея. После 3 поехал к Танюше, свез ей 10 яблоков и варенья, здоровье ее поправляется; сидел недолго. Дома застал Надю, которая с нами обедала. Написал Зайцевым, послал им портрет.

10 марта (25 февраля). –1°. Утром жена сказала мне, что ночью у нее был сильный припадок, длившийся часа 1 ½. Подай, Господи, ей здоровья. Съездил утром на почту (послал Вере заказное письмо), зашел к «Мюру», купил себе носки (85 к. пара), масла, сыру, конвертов. Топил печь. Читаю «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». Много интересных фактов. Здоровье жены до вечера было хорошо.

11 марта (26 февраля). –1°. Было заседание по выставке XVII в.; В.К. Клейн привез для Музея из Нового Иерусалима и Коломенского кол-

лекцию кирпичей XVII и XVIII в. с клеймами, лещадей[4*]; отбирали для выставки в отделе иконографии куншты[5*]. Вечером заходила Зоргаген (я ей не показывался) и говорила жене, что война непременно будет, об этом говорят в германском посольстве, секретарь которого, кажется, женится на дочери Зоргаген. Неужели война? Сколько жизней погибнет!

12 марта (27 февраля). 0°. Большевики празднуют свержение самодержавия, занятий и торговли нет. Немного поработал над своей статьей. Заходила Валя с дочерью; Валя имеет очень болезненный вид. Вечером пришла Лёля, у нее ни денег, ни работы нет; не сумела она устроить свою жизнь, дал ей 5 р. и 20 льготных трамвайных билетов.

13 марта (28 февраля). +1°. Воскресенье. Был за позднею литургиею в храме св. Николая Явленного на Арбате; хор пел прекрасно. Оттуда зашел к Танюше, но ее не застал, посидел с Машей, которая сегодня ожидает в гости жену норвежского посланника с дочерью; посидел с ¼ часа, выходя, во дворе встретил Танюшу с маленькой Агнией, возвращавшихся из церкви; сообщила мне, что умер от разрыва сердца третьего дня протоиерей Постников, венчавший летом своего сына и М.М. Лосеву. Разбирался в родовых знаках на печатях.

14 (1) марта. –2°. В.К. Клейн привез для Музея из Коломенского и Нового Иерусалима кирпичи с клеймами русских заводов XVII в. Особенных дел в Музее не было. В центре тянутся вереницы выборщиков на перевыборы в Совет. Погода сырая. Идет мелкий снег. Вечером зашла Танюша, беседовали; попила чаю, закусила. Анюта истопила мою печь, стало очень тепло.

15 (2) марта. +1°. Н.П. Попов прочитал интересный и содержательный доклад о русской книге до XVIII столетия. Вечером был на заседании Общества истории и древностей российских, читала Н.А. Бакланова доклад «Торги и промыслы в Нижнем Новгороде при Алексее Михайловиче». Доклад прекрасно написан и обработан. У меня, по-видимому, грипп: насморк и небольшой кашель.

16 (3) марта. –3°. Просматривал зубовские доцарские монеты, не помещенные им в основную коллекцию, встретил кое-какие неизданные по вариантам, новых типов не заметил. Вчера вечером в университете (на заседании) кто-то надел мои резиновые галоши, оставив совсем рваные; я решил купить новые; выходя из Музея с Л.В-ной, встречаю молодого человека, пристально посмотревшего на мои галоши, что я заметил и сказал Л.В-не, что мои рваные галоши обращают на себя внимание; вдруг смотревший на них молодой человек догоняет меня, называет мою фамилию и говорит, что, вероятно, он надел вчера мои галоши; мы пожали друг другу руки и обменялись галошами. В Музей заходил А.М. Эфрос (из Отдела по делам музеев) и, между прочим, обратился к Л. В-не, чтобы она (?) написала мой curriculum vitae; она попросила помочь меня написать. Не совсем умно обращаться к человеку, совсем не знающему моей жизни, с подобной просьбой. Вышло небольшое музейное издание «Портреты декабристов». Приехала погостить до понедельника Адель Шмидт.

17 (4) марта. 0°. В 1-м часу поехал к А.А. Бахрушину; в его Театральном музее открыта выставка «Крепостной театр», по названию только «крепост-

---

[4*] Лещади – тонкие каменные или кирпичные плиты, которыми устилали пол.
[5*] Т.е. гравюры.

ной», на самом деле это выставка материальных памятников театрального дела с конца XVIII в., видим портреты актеров, разрезы и фасады театральных зданий, рисунки декораций, костюмов и т. п.; А.А.Б. объяснил мне всю выставку, после скромно позавтракали, в начале 4-го я уехал. Дома застал Л.В. и Надю с Лялей, евших блины; Л.В. чувствовала себя нездоровой; у нее опять прострел. Я для нее отобрал издания Археологической комиссии, где встречается материал по перстням из раскопок, она около 3-х ч. сидела и делала выписки; дал ей на дом 2 книги «Материалов по археологии России».

18 (5) марта. +2°. Большевики празднуют Парижскую коммуну, занятий и торговли нет. Написал по просьбе Л.В-ны (для Отдела по делам музеев) краткий обзор моей научной деятельности и моих трудов. Немного поработал над статьей; родовые знаки трудно даются.

19 (6) марта. –7°. С С.В. Бахрушиным, К.В. Базилевичем, В.А. Городцовым и Н.Д. Протасовым ходили в Суздальско-Владимирские залы и рассуждали, как разместить вещи. В Музее заседала штатная комиссия по поводу сокращения. Как я слышал, по Наркомпросу будет сокращено 500 человек. Л.В. не пришла по болезни. После занятий зашел в Охотный ряд, купил ветчины. А.П. Мюллер прислала свой труд «Быт иностранных художников в России». Bashford Dean из Нью-Йорка прислал «Bulletin of the Metropolitan museum of art», несколько выпусков, посвященных оружию.

20 (7) марта. Воскресенье, встал поздно, на солнце +1°, но ночью был мороз. В 12-м ч. пришел А.А. Карзинкин, позавтракали ветчиной, выпили; он очень озабочен обострением между Италией и Россией: Италия предъявила ноту большевикам относительно Румынии, которая завладела Бессарабией, чем большевики возмущены. Дочь А.А-ча служит в итальянской миссии, и он боится, что последует разрыв, и Соня лишится места. Думаю, что большевики будут выворачиваться, чтобы избежать войны, которая им не по силам. Сидел над статьей, написал вчерне главнейшие княжеские знаки на привесных печатях. Во время обеда пришел брат жены, сидел до 9-ти часов.

21 (8) марта. –7°. Болела экзема, плохо спал. Брал в музейной библиотеке книги для себя и для Л.В. Чувствую боль в правом плече. Получил письмо от Веры, мой портрет дошел до них. В 11 ч. пришел в Музей В.Ф. Джунковский с сестрой, племянницей, с ними человек 6 знакомых; цель прихода – посмотреть икону Владимирской Божией Матери; я их провел в религиозный отдел, где попросил показать иконы М.В. Будылину, а сам ушел.

22 (9) марта. +2°. Сегодня было заседание правления Исторического музея, в котором, между прочим, был обсуждаем вопрос о жалованьи А.М. Бардыгина, который получает лишь ½ оклада; меня позвали на заседание, я настойчиво просил дать ему полный оклад, как хорошему работнику, а не приглашать со стороны в помощь другого (по желанию М.М. Богословского хотели пригласить Привалову[20], она мне незнакома как работница по материальной культуре); Правление определило дать А.М. Б-ну с 1-го апреля полный оклад. После занятий ходил вместе с Л.В. покупать себе френч, были в 3 магазинах, но не нашли. Лёля уехала в Минск к Гайдукову на несколько дней.

23 (10) марта. 0°. Днем ездил в Цекубу получить академическое обеспечение – 60 р. Послал В.Ф. Смолину некоторые оттиски своих статей по нумизматике Боспора и др., также «Микулинскую чашку». Заходили домой Леонид Степанович с Митей; Митя поступает на подготовительные курсы в

Техническое училище. К вечеру стало холоднее, –5, резкий ветер. Была Танюша, сидела до 8 ½ ч.

24 (11) марта. Окно замерзло, когда окно оттаяло на солнце, термометр показывал –5°. Ночью на чердаке был пожар от железной печи, которую выбросили в окно. В 12-м часу съездил к «Мюру», купил чаю, бутылку вина, печенья. Около 2-х приехала Л.В., до 4-х делала выписки из книг моей библиотеки для статьи о перстнях. Пришел А.А. Карзинкин, позднее Н.Б. Бакланов и В.И. Попова, сели обедать в столовой, после перешли в мою комнату, пили чай, около 8-ми вечера уехали.

25 (12) марта. –6°. Неожиданно для меня произошло следующее: М.М. Богословский остался недоволен (считает себя обиженным), что Привалова (его кандидатка) не принята, а Бардыгину дали ее половинный оклад; на сегодняшнее заседание комитета по устройству выставки XVII в. он не приехал, поручил председательство Сперанскому и т. д. Неприятно это для меня потому, что я себя не считаю виновным. Приехал Зограф, заходил в Музей.

26 (13) марта. Встал поздно, на солнце 0°. Утром ездил на выставку посмертных картин и рисунков В.М. Васнецова (в его доме, 3-й Троицкий переулок). Самые большие полотна со сказочными сюжетами, много портретов, картин на религиозные темы и карандашных рисунков. Писать маслом сказочные сюжеты – большой риск; всё нужно сочинять; такие сюжеты я допускаю в карандашных рисунках. Всего лучше Васнецов в религиозных картинах, но не в тех, которые я сегодня видел, а в картинах Третьяковской галереи. Дома застал Валю, жаль мне ее, такая она бледная. Дай, Господи, ей поправиться. Пришел Ваня Акопиан с женой; у него очень милая жена, без малейшего кокетства. К обеду пришел А.Н. Зограф, потом Б.Н. Граков, болтали о всякой всячине, в 10-м часу ушли. Зограф настоящий фанатик, не обращая внимания на состав слушателей, говорит только то, что его интересует; за обедом он обращался только ко мне с разговорами о херсонесских монетах.

27 (14) марта. Воскресенье. Встал поздно, на солнце +6°. К вечеру, после заката солнца, –5°. Топил печь. Весь день ничего не делал, раскладывал пасьянс. К обеду пришел Сережа, Н. Поллак, двоюродная сестра жены.

28 (15) марта. –5°. Болела экзема на левой ноге, плохо спал. В Музее было заседание моего разряда, рассуждали, как описывать в отделах вещи. В Музей приходила Н.А. Бакланова, на поклон Л. В-ны едва ей ответила; слышал, что М.М. Богословский хочет, чтобы Корш приехал к нему с извинением (?). Весь день меня лихорадило. Получил от Hill'а из Лондона письмо с благодарностью за посланную ему статейку о Микулинской чашке. Сегодня из Минска вернулась Лёля. Вечером был у меня сильный пароксизм лихорадки; в это время пришла Танюша, под шубой я согрелся и уснул. В 11 ч. жена разбудила, следов лихорадки не было.

29 (16) марта. –5°. Проснулся в 4 ½ ч., лихорадки не чувствовал, встал в 5 ½ ч., стал писать по просьбе Лобанова краткие характеристики выдающихся монет монетного собрания Музея, написал о 2 медалях Самозванца, о статере Игиэнонта и о портретных монетах скифских царей. Во время писания начало лихорадить, я попил чаю и лег в кровать. В 1 ч. пришла Валя с дочерью, посидели у меня с полчаса. В 4 часа приехала Л.В., вслед за нею Танюша. Л.В. обедала, пила чай, отбирала мои книги для статьи о перстнях; часов в 7 уехала, Танюша осталась; я лег, почувствовал тошноту, меня вы-

рвало гороховым супом, который я ел; меня лихорадило, я укутался и крепко заснул; жена сидела до 3-х ч. ночи, читала.

30 (17) марта. –2°. Спал хорошо, но сильно расстроены нервы, я несколько раз плакал. Днем прочитал интересную статью В.Ф. Ржиги «Литературная деятельность Ермолая-Еразма». В начале 5-го приехали: Л.В. и А.А. Карзинкин, потом Танюша; Л.В. и А.А. немного закусили. Пришел А.Н. Зограф, прочие все ушли. К жене пришла Зоргаген. Часть левой ноги ниже колена очень болит. Посмотрел, все больное место воспалено. Жена в 7 ½ ч. поставила компресс из буровой жидкости.

31 (18) марта. –4°. Все утро читал Лермонтова. В 1-м часу заходила Валя. В 3 ч. пришли Л.В. и Таня, обедали у меня в комнате; во время обеда зашел А.Н. Зограф справиться о моем здоровье. В 7 ч. все дамы ушли. Прочитал с наслаждением «Горе от ума». Какой ум, наблюдательность у автора!

Апрель 1927 г.

1 апреля (19 марта). –4°, на крышах лежал иней. Решил сегодняшний день просидеть дома, в ноге есть еще краснота, жесткость и боль. Днем разбирал книги для Л.В., ища подходящие к ее статье издания, ничего не нашел. В 4 ч. она зашла из Музея, принесла письмо от А.А. Ильина и жалованье за ½ месяца; часов в 6 после чая ушла домой.

2 апреля (20 марта). 0°. Вчера приехал Олег из деревни, чтобы здесь исповедоваться и причаститься; живя у учителя, этого было сделать нельзя! Сегодня я его разбудил, чтобы он шел в церковь, в 9-м часу он вернулся, причастившись, принес мне, жене по просфоре; все это меня до слез растрогало. Да поможет ему Господь сохранить веру. Но как это трудно сделать ребенку среди растлевающего влияния большевиков. Был в Музее, куда утром пришла Н.А. Бакланова, любезно поздоровавшись, и затем ушла; после нее виделся с С.В. Бахрушиным; между прочим, он мне рассказал, что в Остафьево назначен П.П. Никольский, П.С. Шереметев отставлен. На последней стенной газете Музея помещена группа, снятая в день юбилея Протасовым, и рядом напечатано: «Посвящается А.В. Орешникову. 24 февраля с.г. Исторический музей чествовал старейшего из старейших научных работников Исторического музея А.В. Орешникова, положившего всю свою жизнь в дело и работу Музея. 40 лет непрерывного труда и энергии вложил А.В. в дело Музея; юбилейное чествование застало его бодрым, готовым продолжать свою любимую научную работу на пользу Музея. Редколлегия Исторического музея газеты «Просвещенец», орган ячеек В.К.П. (б) и В.Л.К.С.М. приветствует и желает ему счастья и успеха. Редколлегия». К обеду пришел А.Н. Зограф, обедали с ним вдвоем у меня, а в комнате жены была Нина Акопиан и случайно пришел ее 1-й сожитель В. Горшков, ныне милиционер! Около 7 А.Н. ушел читать доклад о монетах Херсонеса в институте. Читаю «Мертвые души».

3 апреля (21 марта). 0°. Воскресенье. Утром топил печь. Читал «Мертвые души». Написал А.А. Ильину.

4 апреля (22 марта). +2°. В Музей доставили из [Гос]фонда серебро, бронзу, всякую мелочь; заметил штук 5–6 XVII в. Получил пропуск в Кремль с 1 апреля по 1 июля. После занятий заходил с Л.В. в Охотный ряд, купил икры, с 9-м автобусом приехал домой. Пришла Танюша, закусила, попила

чаю, ушла в 7 часов. Л.И. Вороновой по случаю ее именин подарил одну бутылку мадеры, крестнику 10 яблок.

5 апреля (23 марта). +3°. Память по Л.И., царство ей небесное. Начали описывать серебро, присланное из фонда, интересны: братина архимандрита Тихона из Троицкого Ипатского монастыря; водосвятная чаша из Высоцкого монастыря, вклад Нарышкиной по ее муже Иване Ивановиче, ковш Петра I 7204 г.[6*] и др. После занятий заходил в Охотный ряд за яблоками. Дома застал Валю с дочерью и Надю. Сегодня судили Клименковых по обвинению их в истязании одного из жильцов, их присудили на 2 недели принудительных работ.

6 апреля (24 марта). +2°. Продолжаем описывать серебряную посуду из фонда. В 1 ч. пошел в отдел Сперанского слушать доклад А.Д. Седельникова «Повесть о Дракуле». Чай исчез с рынка, в магазинах отказали, купил у «Мюра» 1 фунт (2 фунта не дают). Написал Макаренку письмо, пошлю ему «Сборник Оружейной палаты».

7 апреля (25 марта). +3°. Благовещенье Пресвятой Богородицы, праздник перенесенный (?) большевиками на новый стиль. Случайно праздник пришелся на четверг, когда Музей закрыт для занятий. Был за поздней литургией в Новодевичьем монастыре, пел прекрасный женский хор бывших монахинь. После обедни зашел на могилу Н.А. Рожкова, на ней лежала красная тряпка от венка издательства «Книга» и больше ничего; с грустным чувством я ушел. В начале 2-го был дома, пил чай с А.И. Благовещенской и Арцыбашевой. Потом пришла Л.В., которая обедала, ушла в 7 ½ ч.; интересных разговоров не вели.

8 апреля (26 марта). +2°, сырая погода. В 10 ½ ч. пришел М.М. Богословский, с которым я пошел в Отдел рукописей, где М.М. сговаривался со Сперанским относительно устройства выставки XVII в., после отправились на заседание, в котором присутствовал большевик Милонов и Протасов; М.М. познакомил с программою выставки, устройство диаграмм взял на себя Милонов. После заседания я диктовал Л.В-не описание серебра из фонда. Обедал в Цекубу (85 копеек), оттуда прошел к Танюше, купил детям баранок, сухарей, карамель. В 7 ½ вернулся домой. В городе много говорят о последних событиях в Китае: о «налете» (таково выражение в газетах) на общежитие советского консульства в Пекине и об окружении советского консульства в Шанхае англичанами и «русскими белогвардейцами». Чем кончится факт оскорбления большевистской власти — неизвестно.

9 апреля (27 марта). +2°. Все время в Музее описывали в инв⟨ентаре⟩ вещи из фонда. Из всего, что произошло в Китае, можно заключить о полном бессилии большевиков. Вечером к жене пришла Зоргаген.

10 апреля (28 марта). +4°. Воскресенье. В 10 ½ ч. отправился в Музей социальной гигиены в бывшем Вдовьем доме на Кудринской площади; после долгих хождений по огромному владению разыскал заместителя директора Института социальной гигиены Лазарева, у которого расспросил, имеются ли остатки московских аптек XVII в., Лазарев ответил, что надобно обратиться в Нескучный сад (помещение манежа) к П.А. Двинянинову, который заведует музеем, но он, Лазарев, сомневается, чтобы интересующие меня предметы

[6*] 1696 г.

там находились; по музейскому телефону завтра обещал со мной сговориться. Дома застал А.А. Карзинкина, с которым побеседовали о политическом положении; что ожидает наших большевиков-вождей, предугадать нельзя.

11 апреля (29 марта). +2°. Все время диктовал Л.В-не описание вещей из фонда. В 2 ч. пришел П.А. Двинянинов (из Института социальной гигиены), показал ему аптекарскую посуду, которая его очень заинтересовала. По улицам идут манифестации с флагами, вследствие чего из Музея с № 31 ехал более часа. Дома застал старинную знакомую жены Юлию Федоровну Венер, с которой пробеседовал до 9 ¼ часа.

12 апреля (30 марта). +2°. Выпал небольшой снег. В 10 ч. отправился в Военно-исторический музей, где встретился с С.К. Богоявленским, мы отобрали кое-что из вооружения для выставки XVII в.: латы польские, щит, тулумбасы[7*], пистоль, саблю и проч.; в Музей приехали около 1 ч., диктовал Н.А-вне (Л.В. по болезни не пришла) опись вещей из фонда. В 3 ч. началось общее собрание, читал Раченков что-то, но я слушать не стал, занялся чтением печатных листовок Башкирова об экспедиции на Таманский полуостров. В 4 часа уехал домой. После обеда пришла С.В. Леман, приехавшая из Керчи на месяц; вскоре за нею пришла Валя с дочерью; вид Вали мне не понравился.

13 апреля (31 марта). -1°. Пришла Л.В.; не была вчера по случаю удушья; диктовал ей опись вещей из фонда. Заходила в Музей Е.П. Богословская; Академия наук командирует ее мужа в Париж за рукописями А.С. Пушкина, принадлежащими Онегину (псевдоним, настоящая фамилия Отт), ныне умершему; он отказал рукописи Академии наук, назначив душеприказчиками Милюкова и Коковцева, которые, кажется, не выдают их в Россию; с мужем собирается ехать и Ел.П. После занятий заходил с Л.В. к «Мюру», купил ветчины.

14 (1) апреля. +2°. День смерти Л.И., царство ей небесное. Дважды ездил к Никитским воротам. Была Надя; на водокачке принимаются чрезвычайные меры: будут здание красить в защитный цвет, ГПУ ставит своих сторожей и т. д. Неужели положение дошло до пределов…?

15 (2) апреля. +2°. Целую неделю чувствую расстройство желудка. Диктовал Л.В-не опись костяных вещей, преимущественно статуэток. В 1 ч. началось заседание комитета выставки XVII в.; М.М. Богословский не пришел, занят сборами в Петербург, вернувшись откуда, едет в Париж, куда ему ехать очень нежелательно.

16 (3) апреля. +4°. Вербная Суббота. Из Музея около 11 ч. отправился на заседание Оружейной палаты в «Дом боярина» на Варварке. Д.Д. Иванов сделал доклад об отношении С.Н. Тройницкого к Оружейной палате, от которой получил вещей на один миллион для Эрмитажа, Палате же не желает дать ничего; все это было сказано в очень страстных выражениях; Д.Д. хочет все это изложить на заседании методич⟨еской⟩ ком⟨иссии⟩ в Главнауке. Потом говорил о распоряжении Главнауки закрыть филиал Оружейной палаты – Музей мебели. Куда поместить все предметы из Музея мебели, никто из присутствовавших указать не мог. В 2 ч. вернулся в Музей. После занятий ходил с Нат.Ал. в Охотный ряд, где на лотке у знакомого разносчика купил 1 фунт кофе в зерне за 6 р., столько же купила и Н.А., взяла кофе к себе домой

[7*] Старинное название литавр, барабана.

и обещала изжарить; я купил ½ фунта молотого кофе за 2 р. 30 к. Был у всенощной в церкви Грузинской Божией Матери, служил один священник[21] без диакона, пел хор, народу было не более трети всего храма.

17 (4) апреля. +4°. Дождь. Вербное воскресенье. К 10 ч. поехал в Донской монастырь, где стоял литургию; туда пришла Л.В., с нею после обедни пошли в Музей социальной гигиены, помещающийся в здании манежа в Нескучном саду, куда мы пришли по приглашению П.А. Двинянинова, обещавшего показать все, что в музее имеется, по истории аптечного дела. К сожалению, для истории аптек в России в допетровское время, что нам было интересно видеть для выставки XVII в., ничего не оказалось, но, собран недурной иконографический материал по западным аптекам. Музей в целом мы не осматривали, но, проходя, я был неприятно поражен видом обнаженного тела (мумифицированного, как значится на надписи) св. Иоасафа Белгородского с кощунственною надписью[22]; какая-то жидовка давала публике объяснения. Оттуда проехали домой, Л.В. завтракала и обедала; к обеду пришел Саша Орешников; в 9 часу он ушел.

18 (5) апреля. +2°. Разбирал дублетные экземпляры зубовских монет доцарского периода. Заходил С.К. Богоявленский, с которым смотрели в кладовой наше оружие. В 3 ½ ч. поехал в Цекубу, где получил академическое обеспечение (60 рублей); в ресторане пообедал; оттуда прошел к Танюше, посидел с нею, с Анею и с Машею. Вода на Москве-реке невысокая.

19 (6) апреля. +4°. В Музее все время разбирал зубовские дублеты, а обе сотрудницы описывали привезенную из фонда бронзу. Заходил священник из Казанского собора спросить меня, справедлив ли слух, что Казанский собор большевики намереваются уничтожить, я ему сказал, что об этом я ничего не слыхал. Заходила внучка Маша, принесла 4-й выпуск «Пушкин в жизни» Вересаева.

20 (7) апреля. +3°. Холодный ветер. Была закупочная комиссия, купили резной из кости образ Воскресения Христова, царские врата и проч., от многого отказались. Записывал в инвентарь, писал счета. После занятий зашел к «Мюру», купил внукам яиц на Пасху, кофейник и проч. Слышал от Протасова, что наша музейская коммунистическая ячейка хочет занять Казанский собор под клуб!! Я очень потрясен этим. Заходила Н.А. Бакланова, говорила, что, может быть, сегодня уедут в Париж М.М. Богословский с женою.

21 (8) апреля. +3°. Дождь. Великий Четверг. Написал поздравительные письма Ивану Ивановичу Болоболину, Н.П. Лихачеву; топил печь. В 1-м часу отправился к Адели Шмидт, дал ей немного денег; живет она в большой нужде; при ней застал Осю, который без места. От Адели проехал к «Мюру», там масса народу; чтобы купить сыру, стоял в очереди более ½ часа. От «Мюра» проехал к Танюше, ее не застал, передал Маше сыр. Погода плохая, весь мокрый пришел домой. Был у всенощной в храме св. Иоанна Предтечи на Земляном валу, служили 3 священника, которые по очереди читали 12 Евангелий, хор пел очень недурно. Храм внутри превосходен, строил Казаков, пристройка позднейшая, очень бесвкусна. Вышел я около 10 ч., немного не достоял службы. Дома застал заседание домового комитета, скандалов, кажется, не было.

22 (9) апреля. +3°. Из фонда привезено много ковров в Музей. Разбирал зубовские дублеты доцарских монет. Купил в Охотном ряду яблок и апельсинов,

все дорого. Погода свежая, переменная, то выглянет солнце, то пойдет мелкий снег. Сегодня музейские комсомольцы устраивают танцовальный вечер! Безмозглые мальчишки хотят этим показать презрение к религиозному чувству верующих. Вечером у меня была сильная боль в сердце, слава Богу, прошла. Дочитываю 4-й выпуск «Пушкин в жизни» Вересаева; читать этот выпуск – одно терзание, невольно пробуждается ненависть к обществу, погубившему нашего великого поэта.

23 (10) апреля. +5°. Великая Суббота. Утром поехал к «Мюру», но не мог добраться, такая масса народу, прошел в Охотный ряд, всюду толпы покупателей; у «Головкина» купил колбасы и баночку маринованных вишен, сок которых дорогой обратно пролил в мешке, смочив колбасу. Дома сидел, старался развлечься чтением от тяжелых мыслей, все время меня душили слезы. Когда же кончится тирания большевиков? Написал поздравительные письма А.А. Ильину и А.Н. Зографу. К заутрене пошел с Олегом в храм св. Иоанна Предтечи на Земляном валу; приехали (на трамвае **Б**) около 11-ти, через полчаса началась полунощница, народу была масса, за крестным ходом был пущен фейерверк, даже в храме зажгли бенгальский огонь, заметен религиозный подъем; пели неважно, хору мешал какой-то дребезжащий голос; в 1 ч. заутреня кончилась, мы дошли пешком, хотя трамваи еще ходили; дома поели пасхи.

24 (11) апреля. +6°. Дождь. Светлое Воскресенье. Написал Верочке поздравление в Париж. В 1-м часу зашел к Карзинкиным, они завтракали, безалаберщина у них, как всегда; я у них ничего не ел; отправился от них к Прохоровым, которые завтракали, застал в числе завтракающих А.В. Иванова и другого сотрудника Исторического музея (забыл его фамилию); С.В. был порядочно опьяневшим, [я] просидел минут 10 и уехал к Танюше. У нее застал нескольких посетителей (Диатроптовых и др.), посидел с час и уехал. Без меня было у нас много народа, я застал Наташу с мужем, детей Адели Шмидт, после пришло еще несколько человек, всех кормили телятиной, ветчиной, поили чаем. В то же время у председателя домового комитета шло пьянство, игра на гармонике, крики...

25 (12) апреля. Встал в 9-м часу, на солнце +10°. В 11 ч. отправился в Алексеевский монастырь; когда вошел в ограду, кругом храма шел обычный крестный ход; среди молящихся встретил Н.А Гринвальд, с которою мы посетили могилы наших близких; запущение кладбища огромное; мы посидели с ¼ часа на скамье, против клуба, устроенного большевиками в одном из монастырских зданий; Н.А. осталась, а я отправился в Новодевичий монастырь к князю, которого встретил на кладбище монастыря, мы похристосовались и расстались; я прошел на новое кладбище монастыря, посидел с ¼ ч. на солнце (погода была весенняя) и оттуда проехал к О.Н. Чижовой. Бедная женщина! горести ее сильно состарили. Она рассказала о сыне, сосланном в Соловки, где получил место счетовода, сослан он на 3 года, один год только что прошел. Вернулся домой часа в 4; была Надя с Ниной, ее сожителем, кстати сказать, симпатичным человеком, зовут его Михаил Андреевич, была Валя с мужем и с дочерью с мужем и с Зорею; пришел Сережа Орешников, поели все телятины, ветчины, попили кофе, приехал Леон. Ст.; часу в 6-м все уехали, на смену им прибыли: Танюша, Маша с 2-мя старшими и с Настенькой; дети много резвились, мы беседовали в комнате жены, в 9-м часу все уехали. Днем без меня заходили М.Д. Езучевский и С.В. Прохоров.

26 (13) апреля. +8°. Вчера, часов в 11 вечера, была небольшая гроза. В Музее записывал покупки; пришла Н.А. Бакланова, сообщила, что только вчера оба Богословские уехали в Париж. Ходил с Н.А. в отдел быта, отбирали ключи, замки для выставки XVII в. Домой поехал с Л.В., должны были дойти до Театральной площади, Красная площадь оцеплена: хоронят какого-то американского коммуниста[23]. После обеда пришла Л.Н. Зоргаген с дочерью, очень неглупою девицей; Л.В. уехала в 8-м часу, я беседовал с обеими Зоргаген до 10 часов.

27 (14) апреля. +8°. Утром в Музей пришла Танюша с С.В. Леман, я им показал религиозный отдел; главное внимание было обращено на иконы Владимирской Божией Матери, «Спас Златые власы», Ангела и на рублевские иконы. Отбирал зубовские дублеты. А.М. Бардыгин заболел, я попросил его уехать домой. Заходила Н.А. Бакланова, сговорились с нею и с Л.В. завтра идти в реставрационную мастерскую. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», я купил себе перчатки, Л.В. чаю и ветчины.

28 (15) апреля. +8°. К 1 ч. поехал на реставрационную выставку (в дом Московского археологического общества на Берсеневской набережной), туда же пришли Л.В. и Н.А. Бакланова. Давали объяснения по отделу шитья Т.Н. Александрова-Дольник, по отделу икон Г.О. Чириков. Реставрация шитья сделана прекрасно, известная пелена Софьи Палеолог, которую я видел в виде лоскутов, восстановлена превосходно. Выразительна расчистка икон, блещущих своей первобытной красотой; интересен образ Димитрия Солунского конца XII в. из Дмитровского собора; вероятно, он писан по заказу Юрия Долгорукого по случаю рождения сына Димитрия, будущего великого князя Всеволода Большое Гнездо. Прекрасно восстановлена картина «Се человек» Яна Мостарта начала XVI в. из Скорбященской церкви на Большой Ордынке[24]; много лет назад я ее видел в церкви, считая тогда ее произведением Дюрера. «Мадонна с покрывалом» с подписью Рафаэля на меня не произвела особого впечатления своими кричащими тонами[25]. Дома застал Валю с дочерью и с внуком. Вечером пришла Зоргаген – мать, я с нею посидел с ½ часа.

29 (16) апреля. +6°. В Музее в 11 ч. началось заседание по устройству выставки XVII в., рассматривали диаграммы, чертежи витрин и т.д. Получил от Веры из Парижа письмо, они перед праздником соборовались, говели; Б.К. только завтра выезжает из Марселя в Грецию (Афины, Дельфы), оттуда на Афон, вернется через Сербию и Болгарию. Разбирал зубовские дублеты. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил для Вороновых яблок и оттуда прошел к Л.И. обедать; были у них: З.П. Измайлова и какая-то артистка из Петербурга; мой крестник премилый мальчик; разговоры были малоинтересны; в 7 ½ ч. я ушел.

30 (17) апреля. +2° утром, днем погода потеплела, в 5 ч. стало +11°. В 11 ч. из Музея отправился в Оружейную палату в Кремль; на заседании Д.Д. рассуждал, какие меры принять против краж, ввиду похищения 5-ти картин из Музея изящных искусств; никаких мер не выработано. Говорили об издании «Сборника Оружейной палаты»; за отсутствием средств (всего имеется 500 или 600 р.) предположено печатать «Материалы», т. е. не исследования, а намечены материалы, собранные В.И. Троицким о серебрениках Оружейной палаты. С В.Т. Бароновой ходил в залы (мы заседали в канцелярии) и смотрел

перстни по просьбе Л.В., которой нужны перстни билярского типа[8*]; отметил один. В Музей вернулся в 1 час, в 2 ч. состоялось общее собрание, явился какой-то жид и говорил о значении 1 мая; в речи его заметна была боязнь, что капиталисты будут угрожать пролетариям. После заседания зашел с Л.В. к «Мюру», купил сыра и масла. Дома застал Адель Шмидт, приехавшую погостить. В 8 ч. отправился к Н.А. Баклановой, куда пришли: С.К. Богоявленский с женою, С.М. Богословский (брат М.М.) с женою и сыном Михаилом Сергеевичем (врач)[26] и А.Н. Северцов с женою. Н.А. приготовила прекрасную закуску, состоящую из фаршированной курицы с провансалем, ветчины, пасхи 2-х сортов с куличем и двух бутылок вина красного, после всего пили чай; беседа была пестрая, Северцов говорил, что большевики стали уступать, Семашко где-то сказал, что необходимо общение с советскими и т. д.; он же прочел кое-что из сборника «Парнас дыбом». Ушли в ½ 12-го. Кое-где уже зажжена иллюминация.

Май 1927 г.

1 мая (18 апреля). Встал в начале 12-го, +12°. Воскресенье. По случаю 1-го мая трамваи и автобусы не ходят, днем был И.М. Булатов, как всегда много говоривший и пророчивший всякие блага, но пророчества его никогда не сбываются. Написал сестре Саше письмо. Заходила М.Н. Гусева с Аликом; потом пришел К.В. Крашенинников, читал часа 3, говорил больше всего о католической церкви, о кладбищах и т. п.

2 мая (19 апреля). +5°. Большевики постановили праздновать и сегодняшний день, все закрыто, торговли нет. Вчера поздно вечером была гроза. Днем поехал на реставрационную выставку, осмотрел рисунки с памятников архитектуры, которых не видал прошлый раз; любопытна реставрация церкви Рождества в Столешниковом переулке, которую хотят сломать. Посмотрел опять иконы; на иконе Дмитрия Солунского заметил ангела, венчающего Дмитрия короною; спросил об этом Чирикова, который сказал, что ангел приписан в XVI в.; народу было довольно много. Погода сырая и свежая. Возвратясь домой, почувствовал недомогание, выпил чая с лимоном. К обеду пришел С. Орешников, после обеда – С.В. Леман, а затем Танюша.

3 мая (20 апреля). +5°. Принял вчера вечером аспирина, лег в 7 ч. и крепко спал до 4-х часов; сегодня чувствую себя крепче. В 10 ч. отправился в Военно-исторический музей, куда приехал С.К. Богоявленский, мы осмотрели привезенные К.В. Марковым из Петербурга вещи для выставки XVII в.: 2 рейтарских шлема, пищаль, латы, берендейку[9*]; в 12 ч. ушли. В 1 ч. в Музее началось заседание общеисторического разряда (председательствовал С.В. Бахрушин), М.И. Александровский прочитал доклад о Москве времени ее основания; это был набор фактов непроверенных и сумбурно изложенных, возбудивший общие протесты. В Музей с 1-го мая назначен Пантелеймон Николаевич Лепешинский[27], математик, старшина Клуба старых большевиков; он был, но я его не видал. После обеда к жене пришла Зоргаген. Разобрал

[8*] Имеются в виду серебряные пластинчатые кованые болгарские перстни с шестиугольным щитком, гравированным орнаментом и чернью. Напоминают древнерусские перстни с чернью.

[9*] Берендейка – ремень с подвешенными принадлежностями для заряжания ружья.

письма, телеграммы и адреса, данные и присланные в мой юбилей, все это хочу отдать в музейский архив.

4 мая (21 апреля). +5°. Состоялась закупочная комиссия, приобрели недурной альбом со стихами и прозой, принадлежавший князю И.И. Одоевскому, убитому в 1814 г. под Бриенном, между стихами есть 2 стихотворения собственноручные Дениса Давыдова «Чиж и роза» и «Гусару гусар», принадлежит альбом, судя по датам, 1808 по 1812 г.; все время вписывал покупки, вписал счета, акты. Сегодня объявили, что свободный день с четверга переносится на субботу. К обеду приехала Надя. Жена приглашала Гальперна, который нашел расширение сердца, велел ей лежать дней 5, как можно меньше есть.

Не думал я, начиная эту тетрадь почти 3 года назад, что я ее кончу. Сколько тяжелых дней, моральных и физических, пережил я, особенно в прошлом году. Сколько разочарований пришлось испытать и в людях, и в личной жизни! А постоянные страдания за жизнь близких, за родину, развращаемую нашими мучителями-большевиками?[10*] Вот те висящие надо мною тучи, о которых я говорил в начале тетради. Какое страстное желание я часто испытываю делиться своими печалями и редкими радостями с близким человеком, но такого у меня не было и не будет. Те, которые около меня, слишком от меня далеки по духу. Я знаю, что они все лучше, нравственнее, нежели я, но их взгляды на жизнь, на взаимные отношения совсем иные, и это отдаляет меня от них. Просматривая страницы этой тетради, видел, что и внутренней своей жизни я не имел смелости касаться, избегал говорить о многих лицах, которых часто вижу. Да и возможно ли говорить о них со своей точки зрения? Я всегда могу ошибаться в своей характеристике.

Тетрадь восьмая

(5 мая 1927 г. – 31 января 1928 г.)

5 мая (22 апреля). +7°. Вчера выставили балконную дверь. Здоровье жены сегодня удовлетворительно, днем ее навещали Надя, Нина, Валя с потомством и Дагмара. В Музее обычная работа: обе сотрудницы регистрировали вещи из фонда, А.М. и я занимались монетами: он чижовскими (боспорскими), я зубовскими. Новый директор П.Н. Лепешинский ходил по выставкам с Коршем, который, однако, не счел нужным представить ему заведующих отделами. В 3 ½ часа я с Н.А. [Гринвальд] отправился к Нечаевым, где обедал, за столом сидели: В.М. Нечаев (брат доктора), Петр Петрович с молодою женой и К.Н. Горский; позже пришел Петр Михайлович (у него был прием больных). Разговоры были малоинтересны; жена П.П-ча служит в Музее изящных искусств, как собеседница совсем неинтересна. Воры картин в Музее еще не обнаружены. Около 7 я уехал домой, застал Танюшу, посидел с нею с полчаса. В 8 часов явились из Музея председатель месткома А.П. Раченков и секретарь ячейки (забыл фамилию); я позвал председателя домового комитета и их в свою комнату и в течение часа знакомили их с положением моим в квартире, о тех неприятностях, которые создает чета Клименковых; оба музейских сказали, что постараются выселить Клименковых; они просили нашего председателя узнать, действительно ли Клименков партийный.

[10*] Последние три слова вымараны автором.

6 мая (23 апреля). +8°. Здоровье жены удовлетворительно. Вчера я снес в Музей все поднесенные мне в юбилей адреса, письма, поздравления, и вписал их в книгу поступлений под № 59 322. Сегодня в Музее продолжали вчерашнюю работу. Заходил граф П.С. Шереметев, звал к себе в Остафьево даже с ночевкой. Вернувшись домой, застал внучку Машу с Алешей, которые обедали. Читаю Гоголя, сколько в его повестях, особенно в «Тарасе Бульбе», бытовых черт.

7 мая (24 апреля). +10°. Был у Николая Васильевича Петрова (Большой Каретный, бывший Спасский, переулок), который предлагал купить кое-какие вещи перед своим отъездом в Париж; я отобрал внутренний вид ризницы Симонова монастыря, группу «Положение во гроб» из дерева, колоду карт и 5 народных картин. Я с ним разговорился о Париже, сказав, что там живет моя дочь с мужем; он их по Москве отлично знает; послал Вере поклон. От Петрова проехал к «Мюру», купил провизии. Последнее время стали очень болеть суставы 2-х пальцев правой ноги и некоторые пальцы на руках; по совету жены начал пить уродонал (советской фабрикации); поможет ли?

8 мая (25 апреля). +5°. Воскресенье. Поехал в храм св. Николая Явленного на Арбате к поздней литургии, которую отстоял, пели хорошо; из церкви прошел к Танюше, по дороге купил 10 яблоков ребяткам, недолго посидел, выпил чашку чая. Дома нашел Е.А., бывшую Кутасову и Л.В., все обедали; после обеда Л.В. смотрела у меня в комнате альбом Пушкинской выставки 1899 г.; в 7 ½ ч. уехала домой. Погода свежая, северный ветер.

9 мая (26 апреля). +5°. Разбирал в Музее монеты. Привезли отобранные у Н.В. Петрова вещи: резную из дерева группу с Христом в гробе (из Симонова монастыря), вид ризницы Симонова монастыря и несколько народных картин. Почувствовал недомогание; после занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил огурцов, вишен и проч. Л.В. поехала со мной домой, обедала, я лег в постель, ничего не ел, принял аспирина и крепко уснул.

10 мая (27 апреля). +5°. Утром чувствую себя лучше, на службу не пойду. Весь день читал автобиографию Шаляпина. Заходила Валя с дочерью и внуком. В 4 ч. пришла Л.В. и Танюша с внучкой Агнией, обедали, в 7-м часу ушли. А.Н. Зограф пишет, что на Пасхе он сделал предложение дочери Г.И. Котова и получил от отца и от нее согласие на брак. Вечером зашел А.А. Карзинкин.

11 мая (28 апреля). +7 ½°. Утром купил 2 фунта тимофеевой травы по 38 к. для засейки луга в нашем бывшем садишке. Была закупочная комиссия, приобрели дамский парюр[11*] начала XVIII столетия и все вещи из ризницы Симонова монастыря, которые я отобрал у Н.В. Петрова. В.К. Клейн по моему отзыву получил из Главнауки 400 р. [...][12*] о его статье о тканях; по этому случаю пригласил меня в воскресенье к себе «спрыснуть» неожиданную получку. Приезжала Надя с Лялей; на водокачке в Мытищах назначен осмотр чердаков и проч. Чего боятся большевики?

12 мая (29 апреля). +2°. Шел небольшой снег. В Музее описывал покупки, писал акты. Других дел не было. Из «Музея мебели» привезли мебель для

[11*] Парюр (*фр.* parure – украшение, убор) – набор ювелирных украшений, выполненных в едином художественном ключе.

[12*] Далее три слова вымараны.

Дневник. Восьмая тетрадь. Май 1927 г.

сидения, зыбку[13*], шкаф и т.п. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», купил масла, ветчины. Погода холодная.

13 мая (30 апреля). +3°. В Музее в 11 ч. состоялось заседание Комиссии по устройству выставки XVII в.; перед началом заседания Протасов привел

[13*] Зыбка – люлька, колыбель.

ко мне в кабинет Пантелеймона Николаевича Лепешинского; мы отрекомендовались друг другу и пошли вместе на заседание, куда уже собрались: Сперанский, Н.А. Бакланова, Бакланов, Богоявленский, Л.В., Тарабрин, Клейн, Протасов, Малицкий; Н.Б. Бакланов показывал чертежи витрин для тканей, по поводу которых шли разговоры. Лепешинский в памятниках, как я слышал, мало понимает, впечатление делает симпатичное. После заседания я зашел в ту комнату (в вестибюле, где лестница), где сотрудницы описывали ковры, я немного помог, диктуя описание, а Л.В. ползала по ковру с метром, диктуя меру каждого. В 3 ч. пришла Н.Д. Рудницкая-Моргунова[28], и в 3 ½ мы отправились в Донской монастырь на автомобиле (ехали с Театральной площади 15 минут, заплатила Н.Д. 2 р. 60 к.), взятом ею по ее желанию (я протестовал против такой траты, но напрасно). Мы вошли в Музей, устроенный около входных ворот в здании 1718 г.; комнаты все сводчатые, экспонаты состоят из предметов XVIII и начала XIX в.: икон, тканей и бытовых; много икон очень интересных по композиции и по деталям, дающим много бытовых черт; ткани, главным образом на фелонях и стихарях, встретил я очень хорошие как французские, так и восточные; имеются и более ранние, между последними меня поразила своим оригинальным рисунком одна с изображением лодок с амурами, зданий, цветов; сохранилась, как вчера сшитая; ее не носили, по-видимому, по неудобству рисунка для церкви (из храма св. Николая в Столпах), более годного для мебели, чем для облачения. Прошли на стену монастыря, после в отделение надгробных памятников тут же на дворе, свозимых с разных кладбищ; те памятники, которые привезены с кладбища Андроникова монастыря. Церковь Михайловская обращена в Музей надгробий, видно много памятников и плит князей Голицыных. Прошли в старый и главный соборы; в первом посмотрели промытую икону Донской Божией Матери кисти Симона Ушакова, посмотрели памятники работы Мартоса в церкви и др., у могилы патриарха Тихона стоял священник. В главном храме читали акафист великомученице Екатерине, с иконы которой снята риза. Музей еще не вполне устроен, но содержимое, при приведении его в систему, даст яркое понятие об искусстве XVIII в. Проходили мы часа 2; вернулся я трамваем в 7 часов. В газетах прочитал постановление ЦК по поводу выступления коммуниста Зиновьева на собрании, посвященном дню печати (9 мая), которое считают недопустимым, нетерпимым, и т.д.; дело передано в ЦКК. Вот и свобода слова! Вероятно, жидка Зиновьева выгонят из партии.

14 (1) мая. +5°. Написал утром письма: А.А. Ильину, А.Н. Зографу и А.А. Сиверсу. К 1 ч. отправился в Академию художественных наук[29] на Пречистенку, куда пришли: Л.В., М.В. Будылина, Евгения Павловна Муратова и др.; Евг. П. нам дала объяснения к копиям с некоторых древних фресок Великого Новгорода, Киева, Ладоги, Владимира; некоторые произвели сильное впечатление; видел впервые такие редчайшие, неизвестные мне, фрески, как из Десятинной церкви. Перед отходом из дому ко мне зашел А.А. Карзинкин с газетой, из которой узнал, что в Лондоне в советском полпредстве был сделан английской полицией обыск в таком же роде, как в Китае! Опять пощечина советскому правительству! На улицах тянутся процессии «протестующих», как я заметил, демонстранты шли со скучными лицами, видно, что все участвующие шли по принуждению. Л.В. попросилась к нам обедать, так как у нее ремонт в квартире; с нею я заехал с Пречистенки к «Мюру», где купил

ветчины и рыбы для жены. В 6-м часу Л.В. ушла. Вечером заходила Танюша, сидела до 9 ¼ ч. Написал Вере письмо о Петрове.

15 (2) мая. +7°. Воскресенье. Написал для представления в Цекубу отзыв о научной деятельности Н.Д. Рудницкой-Моргуновой. После завтрака пришла Л.В., ее комната в ремонте, сидел с нею до 3-х часов; отправился к В.К. Клейну, познакомился с его семьей; явились Н.Д. Протасов и Д.Д. Иванов; сервирован был прекрасно стол с массою закусок, выпили тминной водки, красного; обед состоял из супа, рябчиков, компота; разговоры вели большею частию Протасов и Дм.Дм.; я предложил тост за Вл.К., как автора статьи о тканях, а Протасов за меня, как за рецензента; в общем, разговоры носили характер «перемывания костей». Ушли мы в начале 9 часа. Сидело за столом 10 человек (2-е супругов, их родители – двое, сестра В.К., его 2-е детей и 3-е гостей). Сойдя у Воронцова поля с трамвая, встретил К.В. Крашенинникова, который был у нас, сказал, что едет в Италию, но стесняется просить визы; я его просил зайти ко мне поговорить на эту тему. Погода сырая, почти весь день шел дождь.

16 (3) мая. +5°. Просмотрел коллекцию боспорских монет покойного С.И. Чижова, поступившую к нам, она будет хорошим дополнением к нашей. Мои сотрудницы докончили описанием последний транспорт вещей из фонда; есть хорошие ковры конца XVIII в. французские. Заходил с Л.В. к «Мюру» за провиантом; Л.В. чувствует себя нездоровой. Вернувшийся из Петербурга Бабенчиков сообщил, что С.Н. Тройницкий покинул пост директора Эрмитажа и остался заведующим отделом быта. В 7 ч. приехала Н.Д. Моргунова-Рудницкая, ей я прочел отзыв о ее научной деятельности для Цекубу; отзыв взяла перепечатать на машинке и пришлет мне для подписи; поил ее чаем в своей комнате, сидела до 10 ч. У жены перед приходом Н.Д. был сердечный припадок, когда он прошел, жена пришла и сидела с нами.

17 (4) мая. +5°. Состоялось заседание общеисторического разряда (председатель С.В. Бахрушин), читала Н.А. Бакланова о стекольном заводе в Измайлове в XVII в. Говорил с Н.Б. Баклановым относительно возможности зачисления Н.Д. Рудницкой в ЦКубу; он сказал, что прием строгий, и ввиду того, что у нее нет печатных трудов, ее могут не принять.

18 (5) мая. +6°. Дождь. Состоялась закупочная комиссия, пришел Лепешинский, чтобы познакомиться с нею; купили кое-что. Пришел К.В. Марков из Военно-исторического музея, я ему показал оружие, хранящееся в кладовой. Разбирал зубовские дублеты. Получил от М.М. и Е.П. Богословских письма из Парижа.

19 (6) мая. +8°. Утром ездил с П.С. Рожицким в Таганку, где в магазине готового платья купил толстовку за 20 р. 45 к.; оттуда проехал в Музей; директор пригласил меня на заседание правления, где Н.А. Бакланова прочитала обстоятельный доклад о плане выставки XVII в.; было много разговоров со стороны Милонова, Лепешинского; Корш предложил некоторые изменения по выставке, не встретившие сочувствия; Лепешинский выбрал подкомиссию по выставке. Написал М.М. Богословскому письмо в Париж. После занятий заходил к «Мюру», купил внучке Маше бутылку красного вина и ½ головки голландского сыра. Купил у А.В. Гладкова (книготорговец в вестибюле Исторического музея) «Стихотворения» Некрасова за 1 р. (Государственное издательство. Петербург, 1920. Текст по старой орфографии, заглавие и предис-

ловие по новой. Ред. Чуковский. Биография Евг. Максимова). В 7 ч. поехал к Танюше, застал пришедших гостей: М.С. Волкову, Н.Н. – доктора, Диатроптовых, Павлович; сидел до 9 ½ ч. Приехав домой, попал на бурное заседание домового комитета, в котором, кажется, исключена из членов жилищного товарищества чета Клименковых.

20 (7) мая. +5°. Вписывал в книгу поступлений покупки. Ходил в отдел архитектуры, где М.И. Александровский показал мне замечательный атлас Московской губернии, ее уездов, рисованный в 1800 г. от руки с акварельными видами Кремля и некоторых уездных городов Московской губернии; меня очень заинтересовал вид Борисова, Можайского уезда, с несуществующею теперь церковью, типа церкви Вознесения в селе Коломенском, и крепости; все это было сломано по распоряжению Павла. В 8-м часу пришли: А.А. Карзинкин и К.В. Крашенинников, последний сбирается в сентябре ехать на 1 месяц в Рим, ему нужно для визы рекомендацию кого-нибудь из видных итальянцев здешней колонии, что А.А. обещал устроить. Весь вечер беседовали об Италии, более всего о Риме; в 10 ½ ч. оба ушли. У жены сидела Зоргаген.

21 (8) мая. +9°. К 11 ч. отправился в Оружейную палату, в Кремле встретил Лепешинского, который расспросил меня о цели моего прихода в Кремль; я рассказал. В Оружейной палате состоялось заседание Ученого совета, на котором присутствовал Пономарев, обсуждали вопрос об охране, затем об издании; Пономарев сказал, что 800 р. можно ассигновать на 2-й том «Сборника», в котором решили печатать труд В.И. Троицкого о серебряниках, золотарях при Оружейной палате в XVI–XVII вв.; потом ходили по залам, я попросил мне показать памятники с надписями от XV в. и старше, их оказалось 4: 2 ковша епископских Евфимия и Ионы, лампада попа Саввы и водосвятная чаша Иоанна III. Из Кремля зашел в Охотный ряд, купил яблок, редиски.

22 (9) мая. +10°. Воскресенье. Николин день. Около 12 ч. отправился в Музей социальной гигиены в Нескучном саду, чтобы повидать П.А. Двинянинова и спросить, когда он может прочесть доклад о старых (века XVII-го) русских аптеках; он ответил, что скоро прочесть не может; с ним я посмотрел останки виленских мучеников, св. Иоасафа Белгородского, обнаженные большевиками; к сожалению, П.А. не мог показать мне повреждений у мучеников, так как не знаком с протоколом их осмотра. Из музея прошел в парк, где посидел на солнце, в 3 ч. был дома, где застал Валю с дочерью и внуком и Л.В.; Валя скоро ушла, пришла Танюша с Алешей и Агнией, обедали, в 8-м часу все ушли. Мой крестник Алеша очень милый ребенок.

23 (10) мая. +9°. Утром из Музея съездил в Цекубу, получил академическое обеспечение. Неожиданно получил от А.П. Калитинского из Праги «Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова» (Прага, 1927) с моею статьею «Молдавская посуда московской Оружейной палаты»; к статье приложено несколько рисунков. Статья набрана по старой орфографии, корректуры ее мне не присылали. Разбирал зубовские монеты. Имел разговор с Коршем, который спросил меня, заметил ли я в заседании Комитета по устройству выставки XVII в. его возражения; я ответил, что заметил; он сказал, что был вынужден так говорить, чтобы спасти Музей от влияния коммунистов; если мы пойдем по старой традиции, то нам могут назначить на выставку для ее устройства в желаемом для них направлении большевиков; я посоветовал Коршу поговорить с М.М. Бо-

гословским после его возвращения из Парижа. По случаю стирки (готовить обед дома было невозможно) обедал в Цекубу, кормили за 85 к. очень плохо: невкусный рассольник и сосиски со скверною капустой. Из Цекубу прошел к Танюше, купил им пирожного, пирожков с рисом и капустой, баранок и сухарей. Получил от Емельяна Флегонтовича свинины и 30 яиц, пишет, что очень тронут моим подарком пластинок для граммофона.

24 (11) мая. +12°. Третий день, что стало тепло; с утра до 4-х часов шел дождь. В 1-м часу началось заседание общеисторического разряда (председатель С.В. Бахрушин), В.Ф. Ржига прочел доклад о напитках в домонгольской Руси; доклад обстоятельный, как и все его доклады. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», купил клеенку, мыла, одеколона, печенья. Прочитал свою статью, набрана отлично, ошибок заметил две или три. Вечером пришел К.Ф. Гессель, сидел до 10 ½ ч., много говорил, все больше на религиозные темы.

25 (12) мая. +12°. Падение барометра. Написал А.П. Калитинскому в Прагу благодарность за присылку «Сборника». Была закупочная комиссия, выдающегося не купили. Пришла Н.А. Бакланова, возмущена поведением Корша, хочет уйти из секретарей комитета выставки. Из фонда привезли еще несколько ящиков с серебром, фарфором и пр. После занятий отправился к Нечаевым, куда пришла племянница Н.А-ны Зинаида Гилярьевна, которую не видал я 2 ½ года; подарила мне бурак[14*] уфимского меда; обедали (жидкая селянка, осетрина и компот), вели с Петром Михайловичем разнообразные разговоры; в 8 ½ ч. я ушел. Жаркий день, к вечеру с юга стали находить тучи, вдали молния. Получил от Веры открытое письмо, пишет, что Б.К. в Греции, присылает восторженные письма. Разрыв СССР с Англией, по-видимому, несомненен. Вечером, около 11 ч. шел сильный дождь, град и была гроза.

26 (13) мая. +14°. Разгрузили привезенные из фонда 3 ящика серебра, большая часть – хлам. В 5-м часу была небольшая гроза с порядочным дождем.

27 (14) мая. +10°. Днем была гроза. Между Англией и большевиками разрыв; разговоров об этом в обществе очень мало. В Музее с 11 ½ до 3 ½ шло заседание комитета по выставке XVII в.; Лепешинский раскритиковал программу, составленную М.М. Богословским, назвав ее ненаучной; Корш говорил в том же духе; С.В. Бахрушин сделал прекрасные возражения, отстаивая прежнюю программу, после чего Лепешинский значительно смягчил возражения; Корша поддерживал Анисимов. Конфликт не кончился, на вторник назначено заседание. Из Музея поехал к сестрам Поповым (к 3-м, 4-я, Ольга Ивановна, не была за обедом), где обедал в обществе Валентины Ивановны, Евгении Ивановны и Татьяны Ивановны; после обеда зашел к Ольге Ивановне, живущей через комнату, посидел с ¼ часа; по-видимому, у них с нею ссора. Разговор был малоинтересен. К 8-ми часам отправился в сопровождении Т.И. пешком в Художественную академию на доклад В.А. Никольского, который прочитал о художественных украшениях на холодном и огнестрельном оружии с демонстрацией значительного количества рисунков. Изложение, как всегда, было украшено цветами красноречия, нового внесено мало. Дополнения сделаны Д.Д. Ивановым (о японском вооружении), я кое-что сказал, между прочим, поправил его относительно лафета царь-пушки, который отлит при Николае I, а не современен пушке. Д.Д. меня проводил до трамвая **Б**, который,

---

[14*] Бурак – круглый коробок из бересты.

довезя меня до Таганки, свернул по Вшивой горке и через Маросейку довез меня до Земляного вала, откуда я дошел пешком до дому; линию чинят ночью, поэтому с 11 ч. прекращено движение на некоторых участках пути.

28 (15) мая. +11°. К 11 ч. отправился в «Дом боярина» на Варварку. Проходил Рыбным переулком между обоими Гостиными дворами, где до революции жизнь кипела ключом, сейчас все мертво, большевики все задушили. На заседание собрались только Д.Д. Иванов, В.Т. Баронова, Д.И. Успенский[30] и я; обсуждали вопрос о предложенных Музею фарфора 2-х предметах: а) рельефа Рашетта и б) «домика» по модели Кендлера (директора мейссенской фабрики), – вещей не было[31]; Д.Д. просил в музей сходить, осмотреть их и убедиться в оценке их владельцем Ганешиным (150 и 25 р.). Смотрели в размещении икон в моленной. Я осмотрел утюг западной работы века XVII и аршин с инкрустированными серебряными орлами; обе вещи Д.Д. согласен выменять на равноценные предметы. С Варварки прошел к «Мюру», купил водки, хлеба. К вечеру шел дождь. Заходила Валя. Прочитал «Дядька в затруднительном положении», комедия Жиро, переведенная с итальянского кем-то и исправленная и переписанная Гоголем. Перевод и язык плохи; удивляюсь, как мог Гоголь послать такую вещь Щепкину.

29 (16) мая. +11°. Воскресенье. Был у поздней литургии в церкви Николы Явленного; хор пел прекрасно, народу, как всегда, много. Из церкви зашел к Танюше, ее в Москве нет, уехала до среды в Клин, посидел с Машей и детьми. Читал некоторые статьи из пражского сборника.

30 (17) мая. +11°. Дождь. Все время заносил в книгу поступлений полученное из фонда серебро, но часто мешали приходящие посетители с разными вопросами. В 3 ½ ч. назначено общее собрание, от которого я ушел; кажется, предположено выразить протест против консервативного английского министерства; комедию эту мне не хотелось проделывать. Дома застал Валю с дочерью и внуком.

31 (18) мая. +11°. В 10 ч. началось заседание комитета выставки XVII в., поставлен был вопрос, принять ли план, предъявленный Коршем, или держаться плана М.М. Богословского; после недолгих разговоров С.В. Бахрушин, сделав незначительные изменения (главным образом в отделе религиозного быта), предложил голосовать, его план был принят. После нескольких дней болезни пришла Л.В. Вечером был на заседании Общества истории и древностей российских, читал Иван Иванович Полосин «Фейт Зенг из Нюрнберга», бывший в России при Иване Грозном; доклад интересен как рисующий сношения с Западом, но в бытовом отношении не представляющий интереса.

Июнь 1927 г.

1 июня (19 мая). +11°. Состоялось заседание закупочной комиссии, приобретено за 500 р. у Е.Е. Якушкина: тетрадь артельная расходов декабристов в Петровском заводе 1831–35 гг., артельный устав декабристов и автограф Рылеева «Боярин Артамон Матвеев»; в тетради много подписей декабристов. Описывали серебро из фонда. Пришел кофе из Гамбурга чрез С.В. Прохорова. После занятий отправился в Музей фарфора, где осматривал предъявленные

к обмену на дублеты фарфоровые вещи: барельеф работы, якобы, Рашетта «Венчание нимфами Амура» и домик с модели Кендлера; были на экспертизе: А.В. Морозов, С.З. Могрычев и Б.И. (забыл фамилию); я усомнился в подлинности рельефа Рашетта, на котором подпись Rachet, но не Rochette; подобный рельеф издан Тройницким в «Старых годах» в 1914 г., где подпись Rochet (из собрания Шаховского). Решили домик променять на 6 чашек Попова, оцененных в 30 р., а рельеф, оцененный владельцем в 150 р., как сомнительный, оценить дешевле, в каком смысле и был составлен протокол; но наше решение было прервано телефоном из Оружейной палаты, откуда сообщили, что Музей фарфора должен уплатить 40% с цены, что и заставило нас уклониться от мены. Ввиду серьезного политического положения, стал последние дни читать советские «Известия»; замечаю в статьях тревогу за положение власти; что будет, угадать трудно. Господи! Сохрани нас от ужасов войны.

2 июня (20 мая). +12°. Вознесение Господне. Поехал к литургии в 9 ½ ч. в храм Богоявления в Дорогомилове храм новый, много икон и фресок, скопированных с произведений Нестерова, Васнецова, но много с картин, не подходящих к храму, например, «Чудо св. Николая» Репина. Служба и пение были великолепны, хор Нестерова превосходный, дающий молитвенное настроение; я не заметил, как простоял два с лишком часа. Дома застал Л.В., пришла М.Н. Гусева, брат жены, все обедали. После обеда приехала О.Н. Анофриева с внуком Юлианом, сыном умершей Людмилы. Я сидел у себя в комнате, читал газеты, биографию Некрасова, написал письмо С.Н. Тройницкому. Политический горизонт мрачен, пахнет войной. П.С. Рожицкий уехал на съемку кинематографической картины на тему «Капитанская дочка» на Волгу, Урал и т.д.

3 июня (21 мая). +13°. День именин жены и Лёли. В Музее описывал серебро из фонда; было заседание комиссии выставки XVII в., прошло спокойно. Получили письмо от Веры и Наташи из Парижа, поздравительное; пишет, что Б.К. присылает восторженные письма с Афона; материальное их положение неважно. Л.В. уехала на 2 недели в отпуск. После занятий зашел к «Мюру», купил хлеба и коробочку конфект для Ляли. Придя домой, нашел многочисленное общество детей, внуков, правнуков и знакомых. Разъехались все рано.

4 июня (22 мая). +15°. К 12 ч. отправился в Оружейную палату, где заседание уже шло; я сообщил мой взгляд на текст «Словаря серебряников» Троицкого (предложил не печатать его выдержки из печатной описи Оружейной палаты). С разрешения Д.Д. взял домой «Recueil d'études dedices à la memoire de Kondakov. Prague, 1926». Д.Д. сегодня уезжает в Ясную Поляну, откуда завтра вернется. Выйдя из Палаты, отправился по приглашению Н.Н. Померанцева осматривать открытые комнаты патриарха Никона в соборе 12-ти Апостолов; удивительные типичные сооружения XVII в. с узенькими лесенками с поручнями, все это в периоде перестройки. Оттуда прошли в комнаты около Золотой Палаты, которые также приводятся в первоначальный вид, то есть XVI в., времени царя Федора Ивановича или Годунова. Устал я порядочно. Из Кремля прошел к Танюше, снес им мучной пищи; Маша с дочкой и Алешей уезжали в Мытищи до завтра. При мне пришли: Н.А. Павлович, Б.А. Диатроптов и доктор П.В. Кисляков. Сегодня приехал Н.М. Гайдуков из Петер-

бурга, завтра, кажется, уезжает в Минск. К обеду пришла артистка Стефани с сыном, Зоргаген.

5 июня (23 мая). +13°. Воскресенье. Был за позднею литургиею у Богоявления в Дорогомилове, служил епископ, стояло в храме тело умершего священника, поэтому служение было особенно торжественно; хор Нестерова пел превосходно. Прочитал в пражском сборнике, посвященном Кондакову[32], интересную статью Н.Т. Беляева[33] «О булате и харалуге» (харалуг, харалужный от джагатайского слова «кара-луг» = черная сталь). В статье Ростовцева (стр. 246) есть такое выражение: «Я.И. Смирнов обещал написать экскурс... но был уморен голодом большевиками, прежде чем собрался это делать». Смело и сильно! Н.М. Гайдуков уехал в Минск. Редактировал, по просьбе Д.Д. Иванова, рукопись В.Т. Бароновой «Музей. Дом боярина XVII в.». По требованию времени, слишком много места отведено политике...

6 июня (24 мая). +12°. Описывал серебро. Приходило много посетителей. Приехал Н.П. Лихачев. Заходила В.Т. Баронова, передал ей ее описание «Дома боярина» с моими замечаниями. Получил письма от А.П. Калитинского и С.А. Жебелева; последний пишет, что «Сборник», изданный Seminarium Kondakovianum, запрещен к ввозу в Россию. После занятий заходил к «Мюру» купить чаю и 1 бутылку вина. Написал Жебелеву относительно статьи о перстне Алексея Митрополита.

7 июня (25 мая). +15°. Уехала Адель Шмидт, прогостив у нас с неделю. Второй день разбирал с Коршем медную посуду для выставки XVII в. Описывал серебро из фонда. Душная погода, сильный ветер, поднимающий тучи песку с улицы; поливают, как следует, в центре, на окраинах плохо.

8 июня (26 мая). +15°. Ночью шел дождь. Из газет узнал, что вчера в Варшаве на вокзале застрелен Борисом Сафроновичем Кавердой посланник советской власти в Польше Войков[34]. Слышал, что Войков один из тех, которые подписали смертный приговор Николаю II. Весь день диктовал описание серебра из фонда. Из Богоявленского монастыря доставлено несколько картонок с рукописями, иконами и разными предметами; подробно не смотрел, но заметил Синодик 1598 г. с записью многочисленных родов, другой Синодик XVII в. Слышал, что Губерт с семьей отставлен из Музея изящных искусств и должен очистить квартиру в 2-х недельный срок. В 3 ч. пришел Н.П. Лихачев, с ним отправился к «Мюру», купил ветчины и проч.; он обедал, после обеда беседовали о его печатающейся при Академии статье о привесных печатях; в 7 ½ ч. он ушел. Дорогой, когда мы ехали домой, встретили огромную процессию «протестующих»; судя по лицам, сочувствующих было не видно, шли все по принуждению.

9 июня (27 мая). +12°. Газетные известия сообщают об убийстве под Минском Опан[...нрзб.] из ГПУ, везшего на дрезине пойманного шпиона; в Петербурге в партийный клуб брошена бомба, ранившая 30 человек. Слышал я, что якобы в Харькове и Киеве были взрывы в помещениях ГПУ. В Музее продолжаем описывать серебро из фонда. В 5-м часу шел сильный дождь.

10 июня (28 мая). +9°. В газетах прочитал ужасное объявление председателя ГПУ Менжинского о расстреле 20 человек (имена их перечислены) «ввиду открытого перехода к террористической борьбе со стороны монархической белогвардейщины». Упокой, Господи, их души! На заседании по устройству выставки быта XVII в. ясно обозначились взгляды коммунистов

Лепешинского и Милонова и некоммуниста Корша, с которыми остальная часть присутствовавших не была согласна. Приехал С.Ф. Платонов, спрашивал о документах эпохи Петра. Г.П. Георгиевский принес на продажу серебряный ковш времени Иоанна и Петра. Получил от Б.К. Зайцева из Афин открытое письмо, пишет, что восхищен Афоном, о котором будет писать.

11 июня (29 мая). +9°. К 11 ч. отправился в Оружейную палату на заседание, Дм.Дм. не застал, он уезжал в фонд, из членов пришел только Ф.Я. Мишуков. В Оружейную палату пришел осмотреть Николай Ипполитович Манцев[35], помощник Орбели в Эрмитаже, за отсутствием начальства стал объяснять я, в это время пришел Дм.Дм., некоторое время я с ним побыл, поговорили о путеводителе по «Дому боярина», о статье Троицкого, и я расстался; в канцелярии побеседовал с В.Т. Бароновой, она очень довольна отзывами Д.Д-ча и моим о ее труде. Из Палаты я отправился в Зоологический сад, внешний вид которого очень хорош; впервые видел в новом помещении 5 тигров на воле, остальные (львы, леопарды, 2 тигра и др.) в старом помещении; хороша и обширна клетка для обезьян. Выйдя из Зоопарка, хотел сесть на обычный трамвай, чтобы заехать к бывшему «Елисееву» или к «Мюру», но, по случаю похорон убитого в Варшаве Войкова, все трамваи изменили маршруты, я доехал до Таганки, где купил ветчины и сыру, и оттуда пешком пришел домой (на трамвай не мог сесть). В 8-м часу пришел Н.П. Лихачев, страшно взволнованный: в квартире, где он остановился у сына, был ночью обыск с арестом одного старика, у которого он столовался; Н.П. очень волнуется, что может быть обыск и у него; я его всячески старался успокоить; дал мне сохранить свои документы.

12 июня (30 мая). +14°. Воскресенье. Троицын день. Поехал к литургии к Богоявлению в Дорогомилове; хор Нестерова был превосходен; ушел я, простояв часть молебна, слишком устал. Опубликованы «ноты» Польши и советская. Польша отклоняет ответственность за убийство, советская власть требует сурового наказания за убийство. Суд над Кавердой будет обыкновенный, но не полевой. По-видимому, еще политическое убийство: около станции Битца по Московско-Курской железной дороге убит коммунист Туров (Гинзбург). Днем пришли: В.Я. Дьяченко, мать и дочь (Люся) Кутасовы, позже пришла Танюша с Яльмаром; все обедали, кроме Тани. Часу в 5-м пошел дождь, прекратившийся в 7 ч.

13 июня (31 мая). +12°. Духов день. Встал в 5 ½ ч., болит левый бок, сильно болевший еще вчера, когда я был за литургией. Погода дождливая. Поехал в Дорогомилово к Богоявлению; храм был заперт, так как служили раннюю обедню, вернулся домой, пришел А.А. Карзинкин, вслед за ним Л.В., попили кофе, поели сыру; А.А. ушел, Л.В. осталась, обедала со мной; пришел Сережа. В начале 5-го Л.В. уехала на дачу, она живет у М.А. Доброва в Крюкове, в какой-то деревне. Читаю не без удовольствия «Италию» Б.К. Зайцева, много в книге наблюдательности относительно этой страны, которую он страстно любит. Вечером пришел К.В. Крашенинников, сказал, что о поездке за границу пока перестал думать. К жене пришла Гекерн с дочкой.

14 (1) июня. +13°. Плохо спал, болела экзема и левый бок. Состоялась закупочная комиссия, купили кое-что, хороша коллекция (20 штук) набойки, имеются XVII века. Описывал серебро из фонда. Было заседание моего разряда: П.А. Незнамов просил ассигновать ему 150 р. на поездку в Калужскую и Тульскую губернии для покупки вещей для Музея; Бакланов сообщил свой

план, как разместить массу мебели, привезенную из упраздненного Музея мебели. Что делает правительство?! Тратит деньги на устройство Музея мебели, а после разоряет его!

15 (2) июня. +13°. Утром заехал в почтамт за посылкой, А.А. Спицын прислал свое творение «Разведки памятников материальной культуры» (в посылке около 10 было для раздачи). В 10 ½ началось заседание Ученого совета, посвященное, главным образом, вопросу об организации выставки XVII века. Выбрали новую комиссию с Коршем во главе. Часа в 2 разразилась гроза с сильным дождем и градом. Заходил проститься перед отъездом Н.П. Лихачев. После обеда, часу в 7-м, отправился к Танюше, она лежит, у нее грипп, также у Яльмара, но он поправляется; посидел у обоих больных, в это время разразилась гроза, я переждал, когда пройдет дождь, и к 10 благополучно прибыл домой.

16 (3) июня. +16°. Описывал серебро из фонда. Слышал, будто на Военно-исторический музей готовилось покушение на ограбление; не выдумка ли это? Ценного мало, а предметы вооружения большею частию старые. Судя по газетам, в Женеве на конференции Лиги наций Англия пытается устроить антисоветский фронт. Написал в Прагу Калитинскому, предложил ему для сборника в память Я.И. Смирнова статью о перстне Алексея Митрополита. В 7 ¾ ч. пришел Н.Д. Протасов, пил чай, выпили с ним бутылку красного, закусывая сыром, разговоры вращались о прошедших временах, о Кондакове, о спиритизме; в области музейных дел он намекнул, что Лепешинский подозрительно смотрит на общеисторический разряд, изучает его доклады, затем недоверчиво относится к Н.Б. Бакланову; в 11 ¼ ч. он ушел. Несколько раз шел дождь.

17 (4) июня. +11°. Несколько дней, как большевики стали разрушать Красные ворота; трубящая медная золоченая Слава снята, верхняя часть ворот разрушена. В 11 ½ ч. состоялось заседание комитета выставки XVII в., посвященное осмотру тканей, облачений, шитья, икон резных, металлических и т.д. Описывали серебро из фонда. Нат.Ал. уехала в Елатьму на 2 месяца. Каверда, застреливший в Варшаве Войкова, присужден к пожизненному заключению, но суд будет ходатайствовать заменить приговор 15-летним заключением; на таковой приговор пресса большевиков негодует.

18 (5) июня. +9°. Дождь. Ездил к Танюше, она, хотя встала, но чувствует себя слабой; сегодня Яльмар уезжает с Ниной Бруни в Оптину пустынь. С Арбата проехал к «Мюру», где стоял в очереди не менее часу, купил всякого провианта к понедельнику. По-видимому, у «Мюра» много уволенных, поэтому с покупателями занимается один вместо 2–3-х. Под сильным дождем вернулся домой. Судя по газетам, антисоветский фронт в Женеве не удался. Читаю писание В.И. Троицкого.

19 (6) июня. +9°. Воскресенье. В 9 ½ ч. пришел А.А. Карзинкин, и мы поехали к литургии в храм Богоявления в Дорогомилове, пел хор Нестерова прекрасно, А.А-чу очень понравился; в храме был Игумнов[36], директор Консерватории. Слышал, что арестованы Прове, Калиш; за что – не понимаю. Обедали в 2 ч. Читаю рукопись Троицкого, много интересного материала по истории серебряного дела.

20 (7) июня. +11°. День рождения жены, ей исполнилось 70 лет. В Музей приехала с дачи Л.В. и будет до 15 июля ходить на службу. Стали описывать серебро из фонда, но меня часто отрывали от работы; был один американский ученый Томас Уитемор[37], египтолог и византинист, я ему подарил 2-й том

«Трудов Московского нумизматического общества», ходил с ним в религиозный отдел, куда также пришла С.С. Волкова, интересующаяся крюковыми нотами. Получил от С.Н. Тройницкого письмо, пишет, что принялся за научные работы. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», где мы купили почтовой бумаги, конвертов и т.д. Вместе поехали домой, где собралось порядочно народу: Танюша с Машей, Алешей и Агнией, приехала Надя с Машей Кристенсен, которая гостит у Нади, Наташа, Нина с Лялей, позже приехал Леонид Степанович; приехала погостить до среды Адель Шмидт; пришла А.И. Благовещенская; в 8 ½ ч. никого уже не было. За обедом ели телятину, пироги с мясом и творогом, пили кофе, чай и красное вино. Служащая машинисткой в Музее Н.А. Станкевич, дочь покойного Алексея Ивановича, и ее сестра арестованы 3-го дня. Сегодня утром вернулся из Парижа М.М. Богословский с женою.

21 (8) июня. +15°. Весь день описывали предметы из фонда. Вчера ко мне заходил В.И. Троицкий, я просил его прочесть со мною те листы его рукописи, которые уже читал. Обещал на днях прийти.

22 (9) июня. +14°. Слышал от Н.Д. Протасова, что вчера по распоряжению Петрова, управляющего Главнаукой, приказано в 2 недели «свернуть» Военно-исторический музей. Описывали вещи из фонда. Заходил В.А. Никольский, дал на прочтение «Письма Пушкина» (1815–1825), т. I с примечаниями Модзалевского; сообщил, что Отдел по делам музеев упразднен. Арестован Тимофей Геннадьевич Карпов.

23 (10) июня. +15°. Дождливая погода. Весь день описывали предметы и рукописи из ризницы Богоявленского монастыря; между рукописями интересны синодики 1599 г. и XVII в.; из икон одна подписная 1684 г. Никиты Павловца изографа. Приехал М.М. Богословский, расспрашивал Сперанского о заседании по выставке XVII в. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», оттуда поехали на автобусе домой; дома застали Зоргаген. После обеда, около 8, Л.В. ушла. Дождь лил весь день.

24 (11) июня. +13°. Состоялось заседание выставки XVII в., пришел М.М. Богословский, которому М.Н. Сперанский передал свое председательство. Описывали с Л.В. бронзу из Музея мебели, перенесенную в верхний этаж Музея, порядком устал. В 7 ½ ч. пришел В.И. Троицкий, мы просмотрели его «Словарь мастеров-серебряников XVII в.», который я редактирую; ушел в 11 ч.

25 (12) июня. +15°. В 10 ½ ч. отправился в Цекубу за академическим обеспечением, ждал с ½ часа, так как кассира не было. Оттуда проехал на **А** к «Елисееву», где купил масла, ветчины, колбасы, сыру. В 1-м часу вернулся, шел небольшой дождь, было несколько ударов грома. Просмотрел рукопись В.И. Троицкого, придется кое-где сделать дополнительные примечания (об «иконе» царя Федора Ивановича, о севских чехах[38], о бородовых знаках).

26 (13) июня. +16°. Воскресенье. Был за литургией в храме Богоявления в Дорогомилове, пели чудесно; молитву Господню пропел дьякон solo под аккомпанемент хора; голос у него прекрасный; выходя из храма, со мною разговорился какой-то рабочий, спросив меня, не иду ли я из храма, ответив ему, я похвалил прекрасный хор и голос дьякона; рабочий рассказал подробности о дьяконе, который выписан из Житомира на жалованье 200 р. в месяц, но, имея большую семью, выговорил себе 2 праздника в месяц, чем и подрабатывает для семьи. С утра чувствую недомогание, пообедав в 2 ч., я лег на 1 ½ ч., стало легче. К жене пришли Кутасова с дочерью. Вечером пришел К.В. Крашенинников. На ночь принял аспирину.

27 (14) июня. +16°. Сегодня занятия в Музее начнутся в 1 ч. и до 6. Утром ходил в аптеку, к цирюльнику, где прочитал газеты: Троцкий и Зиновьев за нарушение партийной дисциплины исключены из партии. В 12 ч. поехал в Музей, куда явилась сегодня с дачи Л.В., с которой до 4 ¼ ч. вверху докончили описание бронзы из Музея мебели; она уехала домой, я остался ждать до 6 ч., но, узнав, что все «начальство» в 4 ч. ушло, так как якобы Протасов перепутал часы и т.д., я также ушел. День был жаркий. Весь вечер просматривал «Словарь» Троицкого, вычеркивал ненужные слова.

28 (15) июня. +16°. Л.В. и я продолжали вписывать в книгу поступлений предметы из Музея мебели. В каком они виде! Много вещей благодаря перевозке и отсутствию упаковки поломаны. Занимались от 10 до 3-х. Приглашал Л.В. от имени жены обедать, приехать отказалась по болезни желудка, поехала к доктору-гомеопату. Дома нашел Надю с Лялей и правнучкой Машей, пришедших поздравить Адель Шмидт со днем ее рождения, но Адель не пришла: провожает завтра сына Оскара в Брянск, где он поступает на службу. Получил из Праги открытое письмо из Seminarium Kondakovianum, подписанное Н. Беляевым[39] (А.П. Калитинский уехал из Праги временно), сообщает, что мою статью о перстне св. Алексея Митрополита редакционный комитет принял и просит прислать не позднее 1–15 октября. В Крыму 3-го дня было землетрясение, значительно изменившее очертание Южного берега; наиболее сильное колебание было в Ялте, многие дома дали трещины. Одновременно было землетрясение в Малороссии. Вечером пришла внучка Маша, сидела до 9 часов. Сообщила, что у Марины Михайловны Постниковой (урожденной Лосевой) родился мертвый ребенок; брат ее арестован.

29 (16) июня. +16°. Ясное небо, отлично можно было наблюдать солнечное затмение, в 7 ½ ч. солнце было на $^2/_3$ закрыто диском луны. Продолжал описывать вещи из Музея мебели. Была закупочная комиссия, приобрели неважные вещи. Утром ездил с Анютой в Охотный ряд за ягодами; по совету знакомого продавца отложил покупку дня на 2; купили лесной земляники по 50 к. фунт, таз с ручкой за 5 р. 50 к. Представители английской рабочей партии Лендсбери, Макстон, Броквей прислали Рыкову телеграмму, взывающую прекратить казни без суда, шокирующие общественное и рабочее мнение; в «Известиях» Рыков напечатал ответ, по-моему, не по существу.

30 (17) июня. +16°. Утром было заседание выставки XVII в., последнее. Продолжали описывать предметы из Музея мебели (часы, канделябры). Л.В. получила из Донского монастыря извещение, что могила ее матери будет срыта, так как на этом месте будет проложена дорога. Газеты сообщают, что в ночь на вчерашний день в Крыму повторилось землетрясение, но более слабое; храм св. Владимира в Херсонесе дал трещину. Вечером пришла М.В. Пичета, но я не вышел, заснул, сидя, часа на два.

Июль 1927 г.

1 июля (18 июня). +13°. Сегодня описывали акварели, пастели из фонда, бронзу из Музея мебели не могли, не дали в помощь служителя, а одному переставлять тяжелые вещи трудно. После службы пошел с Н.А. Баклановой и Л.В. в Охотный ряд, где купили ягод (я – клубники 3 фунта по 30 копеек). Приехала погостить Адель Шмидт. У жены перед моим приходом был сер-

дечный припадок. Заходила Танюша, побеседовала со мною, около 9 ушла. После пришла М.Н. Гусева. В 10-м часу пришла Вера Тимофеевна Баронова (заведующая «Домом боярина»), принесла билет для входа в Кремль, просила завтра прийти в Оружейную палату.

2 июля (19 июня). +15°. В 10 ч. заехал в Музей, захватил рукописи Троицкого и с ними пошел в Оружейную палату, в Кремле встретил Лепешинского, который завтра уезжает в Бировку на Алтай, где его жена будет лечиться от малярии. В Оружейной палате был один Дм.Дм., которому я показал мои поправки редакционного характера и моих 2–3 примечания, ими Дм.Дм. остался доволен, но нашел, что моих примечаний слишком мало; рукопись хочет сегодня отнести к автору для переписки ее на машинке. В Палату доставлено из Госфонда 16 ювелирных вещей большею частию Фаберже; я не пошел их смотреть. Из Кремля прошел к «Мюру», купил съестного. К обеду пришла Л.В., обедали на балконе; после обеда я поспал с ¾ ч., потом поехал в храм Богоявления в Дорогомилове, хор пел великолепно, особенно мне понравилось «Слава в вышних Богу»; служба кончилась в начале 10-го часа.

3 июля (20 июня). +17°. Воскресенье. К литургии поехал в Алексеевский монастырь, стройно и трогательно пели слепцы, на левом клиросе монахини; был на могилах, пока все цело; новых разрушений среди памятников я не заметил; обитатели кладбищенских зданий отвратительны, недалеко от храма сидела у стола группа играющих в карты. В № 27 «Огонька» прочитал автобиографию Н.Я. Марра, отец его шотландец, мать грузинка; автобиография касается главным образом развития его научных взглядов. Вечером был дождь.

4 июля (21 июня). +16°. С утра дождь. На службу уехал к 1 часу. Описывал с Л.В. портреты акварельные из фонда; писать под лестницей в Музее было очень трудно благодаря сумрачной погоде; часа в 2 была гроза; в 4-м Л.В. уехала на кладбище для перенесения праха ее матери и сестры в другое место. Я ушел из Музея около 6 ч.

5 июля (22 июня). +14°. Читаю письма Пушкина с 1815 по 1825 г. с примечаниями Модзалевского; крайне интересно, узнал много нового для себя, хотя это уже было ранее напечатано, например, посвящение к «Полтаве» относится к М.Н. Волконской. Около 9 поехал с Анютой в Охотный ряд, купил 13 ½ фунтов клубники по 35 копеек. В Музее продолжал описывать акварели из фонда. Пришла Л.В., возмущенная кладбищем Донского монастыря: назначенный перенос праха не состоялся, так как рабочие и начальство не явились; под проливным дождем ей пришлось с М.В. Будылиной простоять даром и уехать; сегодня она опять говорила с заведующим кладбищем Донского монастыря, и ей назначен понедельник. Дома застал Таню Кочурину, сказала, что здоровье Вали неважно. К обеду пришла внучка Нина. В 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, беседовали за самоваром в сообществе с сыном и дочерью до 10 ч.; беседа малоинтересная.

6 июля (23 июня). +14°. Доканчиваем опись вещей из фонда и из Музея мебели. После занятий ходил с Л.В. покупать хлеб к «Мюру», оттуда мы поехали в 9-м автобусе домой обедать, обедали на балконе; она посидела до 8-ми ч.

7 июля (24 июня). +15°. Рождество Иоанна Предтечи (Ивана Купала). Описывали акварели, пастели, вышивки и т.п. После службы зашел с Л.В. в

Охотный ряд, купил сыра и масла. Шел небольшой дождь. Сестер Станкевич выпустили из ГПУ; я спросил, за что она сидела, ответила: «Не знаю»; сидели 17 дней. Ю.А. Олсуфьев прислал «Три доклада по изучению памятников искусства Троице-Сергиевой Лавры»; прочитал их, для меня малопонятна статья «О линейных деформациях в иконе Троицы Андрея Рублева».

8 июля (25 июня). +16°. Написал Н.П. Лихачеву о статье Трутовского «Рязанские пломбы» и Ю.А. Олсуфьеву – благодарность за книгу. Описывали с Л.В. гравюры и рисунки из Музея мебели. Корш прочитал мою статью, сказал, что братина Грозного из Оружейной палаты, описанная мною, починена при Анне, на что указывает клеймо 1737 г. Заходил М.М. Богословский, уезжает в Елатьму один без Е.П. [Богословской] в воскресенье, а завтра туда же Н.А. Бакланова. М.М. сказал, что Музей отказал принять в архив его бумаги, что, по-видимому, очень его оскорбило. После занятий зашел к «Мюру», взял на завтра билет на «20-ю версту», купил кой-чего Вале и ее потомству. Т.Г. Карпов вчера выпущен из Бутырок, где просидел 17 дней; его присудили к высылке на 3 года из Москвы за пропаганду против советской власти на религиозной почве (или что-то вроде этого), другими словами, за то, что он был членом церковного совета; он выбрал себе для жительства Нижний Новгород.

9 июля (26 июня). +16°. С утра дождь. С поездом 9 ч. 55 м. отправился на «20-ю версту». На станции, несмотря на сильный дождь, меня встретили Валя с дочкой; до дачи, где живут Кочурины, не более 5 минут ходу, но в дождь по глине идти трудно. Они занимают одну комнату и крытую террасу (250 р. за лето). Напились какао, посидели, пока не прошел дождь, и пошли на дачу, где живет Валя и П.Н., очень близко от дачи Кочуриных; Валя занимает крохотную комнату у Анны Ивановны Благовещенской, живущей с сыном Иваном Михайловичем (его не было на даче), его женой и мальчиком (около 2 лет), премилым ребенком; меня угостили («викторией») с их огорода; посидев с час, пошли обратно. В средине дня дождь перестал, сильным ветром разогнало тучи. Нас, т.е. Валю, Василия Арсеньевича, Таню, Зорю и меня сняли, сели обедать, приехал со службы Павел Николаевич; я с Зорей играл в дураки, пьяницы; попили чаю, гулять никуда не пошли, по глинистой почве ходить неудобно. С поездом в 6 ч. 9 м. я уехал в Москву. Местность мне очень понравилась. У жены грипп, хотя повышения температуры нет. Здоровье Вали, судя по наружности, неважно, но говорит, что ей лучше; она очень похудела.

10 июля (27 июня). +16°. Ночью была большая ругань между пьяными женщинами – Кузнецовой, Клименковой и др. Барометр сильно пал. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове, наслаждался чудесным пением хора Нестерова. Днем заезжал Леон.Ст. и Надя, сидели с полчаса; после приехала Танюша с Алешей и Агнией, поили их чаем, в 7 ч. ушли. У жены порядочный грипп, но температура нормальна – 36,3°. Вечером пришел К.В. Крашенинников, дал ему на прочтение биографии Плутарха.

11 июля (28 июня). +17°. В Музей кавказец привез много стеклянной посуды, но новых видов я не нашел. Описывали вещи из фонда; около 3-х часов поехал с Л.В. на кладбище Донского монастыря, где было назначено перенесение гробов с прахом ее матери и сестры в другую могилу, так как через место прежней могилы должна проходить дорога к крематорию; туда

же приехала М.В. Будылина. Л.В. очень была взволнована. Гробовщики сначала неохотно хотели приниматься, но обещание дать на чай подвинуло дело; к 6 часам раскопали могилы матери и сестры Л.В-ны, которая по нашей просьбе не подходила к могилам, а сидела в отдалении; гроб сестры совсем развалился, судя по выпавшей берцовой кости, тело совсем сгнило; гроб матери, умершей 4 ½ г. назад, был цел (сестра умерла в 1919 г.); к моменту переноса второго гроба Л.В. ушла за священником, чтобы он отслужил панихиду, и они оба пришли, когда могильный холм был уже насыпан. Гроба опущены в могилу второго мужа матери Л.В-ны – Ант. Кал. Викторова. Иеромонах отпел литию, и мы с Л.В. уехали к ней, М.В. не поехала. В 7 ½ ч. сели обедать, после обеда Л.В. мне прочитала начало своей статьи о перстнях, где описаны болгарские перстни; статья очень недурна и вполне научна; попили чаю, и в 10-м часу я ушел; Л.В. меня проводила до Садовой-Триумфальной, где я сел на **Б**, а она домой. Дома рассказал жене все события дня и около 11 лег спать.

12 июля (29 июня). +15°. Петров день. Часть описанной бронзы перенесли в верхний этаж. Продолжалось описание присланного из фонда: части костюмов, облачения, масса лоскутов; хорошего мало. Заходил Айналов проездом в Петербург. Л.В. успокоилась; после службы мы пошли в Охотный ряд, где она купила ягод, сахарного песку. Л.И. Якунина мне сообщила, что получила от Бая письмо с жалобой, что я его забыл, и что он прочел какую-то мою статью, переведенную на французский язык; что это за статья – не знаю. Заходил П.П. Нечаев, мечтает пробраться в Музей; я ему советовал подать заявление с рекомендацией видных ученых; он сказал, что рекомендацию ему могут дать даже партийные вроде Покровского. В Музей доставлено 6 мешков (пудов 6) старинных монет на временное хранение.

13 июля (30 июня). +15°. Третий день мы, т.е. Л.В. и я, приходим к 9 ½ ч., при нас переносят описанные вещи в верхний этаж. Продолжали описывать матерчатые предметы: платье мужское и женское, всякие лоскуты и т.д. По просьбе Е.П. Муратовой снес ей «Иконографию Богоматери» Н.П. Лихачева. После занятий пошел с Л.В. покупать себе летний картуз, а она – шляпу, но не нашла по мерке, а я купил за 6 р. 50 к. (!) картуз на Кузнецком мосту, в маленьком магазине Георгия Котова. Дома застал Валю и Надю с Лялей. Получил от Арсения Ивановича Маркевича «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. I (58-й выпуск прежних «Известий Таврической ученой архивной комиссии»), посвященный А.И. Маркевичу с его портретом, содержание, судя по оглавлению, интересно. Позднее приехал Л.С. Зворыкин, рассказывал, что меры по охране водокачки чрезвычайны; по-видимому, война будет несомненно.

14 (1) июля. +16°. Все описанные предметы из-под лестницы в вестибюле перенесены в верхний этаж. Докончил запись в книгу поступлений вещей из фонда. После занятий ходил с Л.В. в Годеинский переулок в мастерскую соломенных шляп покупать ей шляпу, но по мерке ее головы она не нашла; с Арбата поехали к нам домой обедать; около 8 она уехала. В газетах большевики пишут официально о неудаче китайской революции. Вечером был очередной скандал: драка Точилкина и Калужского, призывался милиционер, который махнул рукой и ушел.

15 (2) июля. +16°. Написал Лихачеву о мнении Муралевича о знаках на пломбах. В Музее, в моем отделе, был один (Л.В. ушла на 1 ½ месяца в от-

пуск); был в религиозном отделе, куда сдал полученные и записанные предметы. В 3-м часу был на заседании правления, где сделал заявление, чтобы форменную одежду, относящуюся к отделу государственного быта, мне не хранить за неимением шкапов и сундуков, а передавать в отдел тканей и одежд; мое предложение было принято. Заходила В.Т. Баронова, приглашала на завтра в «Дом боярина» на заседание Оружейной палаты; я отказался. После службы пошел к «Мюру» купить колбасы, дорогой встретил Л.В-ну, которая шла из аптеки, мы зашли вместе к «Мюру», после расстались. Дома застал внучку Нину, с ней пообедал (жена и др. ели раньше). Проехал мимо Красных ворот; от них осталось одно воспоминание. Грустно видеть эту площадь без красивой арки. Написал Арсению Ивановичу Маркевичу в Симферополь поздравительное письмо с 50-летием его научной деятельности.

16 (3) июля. +16°. Встал рано; к 11 ч. поехал на Серпуховскую площадь, где на сквере подождал Л.В., с нею отправились в Коломенское с трамваем № 18, слезли в Нижних Котлах и оттуда пешком до Коломенского шли тихим шагом 50 минут. Там нас радушно встретил П.Д. Барановский, душа и знаток Коломенского; показывал реставрационные работы Сытного дворца и здания Приказа; все делается со знанием, научно. В музее выставлены замечательные деревянные ворота, привезенные из Калужской губернии, с надписью, что повесили их при Елизавете Петровне, но, по мнению П.Д., они сооружены в XVII в.; столбы в виде огромных дубовых бочек, одна над другою. Прошли в храм Вознесения, полюбовались его чудесною архитектурою снаружи и внутри. Снаружи музея висят несколько замечательных колоколов XVI и XVII вв.; между колоколами один времени Алексея Михайловича с прорезным верхом; звон у всех мелодичный. Там встретили Ап.М. Васнецова, живущего в Коломенском; зашли к нему; показал несколько этюдов с Коломенского, сделанных им; мне они не понравились по неприятным краскам; с Ап.Мих. и П.Дм. мы пили чай (они обедали).Обратно до Котлов поехали в рессорной телеге за 2 р.; дорога отвратительна; ехали ½ часа. Когда сели в трамвай № 33, стала надвигаться грозовая туча; Л.В. зашла к М.В. Будылиной, а я поехал домой; гроза прошла стороной, дождь мало освежил горячий воздух. Судя по сегодняшним утренним газетам, коммунисты в Китае придавлены, в вечерних газетах сообщается об избиении коммунистов в бельгийском парламенте и о демонстрации рабочих в Вене, есть убитые и много раненых. Вечером помылся, главным образом, ноги.

17 (4) июля. +17°. Воскресенье. В 10 ч. отправился к литургии в храм Богоявления в Дорогомилове; доехав с № 23 до Кудринской площади, с трудом попал на трамвай, идущий в Дорогомилово, так как значительное количество вагонов было направлено на Ходынку, где был праздник «Обороны». Литургию пели прекрасно, не понравились мне мотивы «Достойно есть» и «Отче наш»; дьякон красиво пропел ектению после Херувимской. В храме встретил С.В. Певницкого, приехавшего в храм прямо с вокзала. Дома встретил Л.В., которая обедала, в 6-м часу ушла, распростившись перед отъездом на дачу. Лёля уехала к Н.М. Гайдукову. В 2 ч. была гроза и дождь, продолжавшийся до вечера.

18 (5) июля. +15°. Послал А.И. Маркевичу статью о Микулинской чашке. Получил от Миннза великолепно изданный в Оксфорде его перевод труда Кондакова о русской иконе. В Музей заходила М.И. Максимова из Эрмита-

жа, показывал ей некоторые античные резные камни. Вернулся из отпуска А.М. Бардыгин. Получил от Нат.Ап. из Елатьмы письмо, пишет, что воздух прекрасный, но жизнь дорога. Я ей ответил.

19 (6) июля. +14°. Работали с А.М. Бардыгиным в серебряной кладовой: описывали и расставляли по полкам и шкафам последние поступления в Музей из фонда, покупкою и т.д., успели расставить 111 номеров. Заходил С.Н. Тройницкий, он живет у Боткиных на даче в Пушкине. Коммунистическое движение в Австрии, кажется, уменьшается. С.Н. Тройницкий собирается ехать в Судак к жене, которая была больна горлом; сказал мне, что отдал в печать свой труд о табакерках. В «Вечерней Москве» прочитал: умер художник В.Д. Поленов, обокрали Костромской музей и американский богач Г. Уэлльс приобрел за 30 000 долларов рукопись произведений Шекспира, чему я не верю, подлинник шекспировской любой пьесы стоит много дороже. К 8 часам поехал к В.А. Никольскому, куда вскоре пришел Д.Д. Иванов, разговоры были пестрого характера; поели холодной закуски, выпили бутылку «Понте Кане», попили чаю, в 12 ч. разошлись. От Виктора Александровича узнал, что в Отделе по делам музеев более не служат Эфрос А.М. и Н.Г. Машковцев; Топорнин и Григоров остались.

20 (7) июля. +16°. Продолжали в кладовой описывать и расставлять новые поступления. Дм.Дм. прислал обратно пропуск в Кремль, где комендант требует нового портрета, придется сняться. Приехали Надя, Митя и правнучка Маша из Мытищ; от Нади узнал, что умерла Т.В. Зайцева, мать Бориса Константиновича; ей было около 80 лет. Заходил в Музей В.И. Троицкий, принес 31 страницу перепечатанного на машинке текста его «Словаря»; в нем он сделал кое-какие новые дополнения (о Бейер, Ф. Беккере); в заглавии он написал: «Составил *проф.* (?) В.И. Троицкий».

21 (8) июля. +14°. Праздник Казанской Божией Матери. Дождь, днем погода разгулялась. В 10 ½ ч. отправился сняться в фотографию Сахарова и Орлова для впуска в Кремль; за 6 карточек (маленького формата) заплатил 2 р. 50 к. В Музее все время описывали с А.М. Бардыгиным серебро и расставляли по полкам. Seminarium Kondakovianum прислал еще в начале мая в Исторический музей «Сборник памяти Кондакова».

22 (9) июля. +15°. Дождь весь день. Докончили с А.М. Бардыгиным опись серебра последнего получения в серебряной кладовой (300 с чем-то номеров). По телефону спрашивал Кубу о жалованье, ответили, что выдадут не ранее 29 июля. Получил из фотографии портрет для карточек на вход в Кремль. Была закупочная комиссия (я и Протасов), купил только 2 грамоты Михаила Федоровича Борису Салтыкову за «сиденье» в Москве. Телефонила Н.Д. Рудницкая, приглашала меня с женою на открытие музея в Донском монастыре[40] во вторник 26 июля. Заходил В.И. Троицкий с продолжением «Словаря»; я его упросил не ставить пред его фамилией звания «профессор», он согласился. Была Танюша с Агнией; ходила на отпевание Т.К. Зайцевой, хоронили на Дорогомиловском кладбище; умерла 81 года; я ее никогда не видал.

23 (10) июля. +16°. Дождя не было, но облачно. С поездом в 11 ч. отправился в Царицыно. Выход со станции крайне неудобен: приходится подниматься к переходному мосту, перекинутому над путями станции; место около станции крайне грязно, постройки скучены... Пешком дошел до Давыдковской дачи у Фигурного моста, на ней устроена выставка, посвященная

Царицыну, собраны портреты прежних владельцев: Голицыных, начиная с Василия Васильевича и затем Кантемиров; на стенах висят виды Царицына как XVIII столетия, так и XIX столетия до позднейших фотографий включительно; но предметов мало и выставка очень жидка. Показывал мне ее устроитель Владимир Васильевич Казанцев, сын священника, теперь умершего. Расписавшись в книге посетителей, пошел в парк, который содержится очень чисто, прошелся по знакомым местам, пробудившим во мне много воспоминаний, по большой аллее, посидел у Миловиды, дошел до Золотого снопа; колосья на этом храме Цереры сшиблены гражданами нашей республики. С 3-х часовым поездом вернулся домой. С утра мне не здоровилось, дважды был понос, который прекратился после капель Боткина, и, гуляя по парку, хоть и чувствовал слабость, но желудок выдержал. Вернулась из Минска Лёля. Вечером зашел Ал.Андр., недавно вернувшийся из Узкого; рассказывал о своих знакомствах в Узком, интересного мало.

24 (11) июля. +16°. Воскресенье. Поехал в храм Богоявления в Дорогомилове, пели, как всегда, прекрасно; за причастным стихом пели: «Разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами Бог» Чеснокова; это поют, кажется, за всенощной, под Рождество Христово. Приехал домой в половине 2-го, у меня сидел Н.П. Бауер, который остался обедать, выпили с ним 1 бутылку красного и 1 бутылку мадеры; сидел до 7 ½ ч. К вечеру пришли Сережа Орешников с Юзей. Цель приезда Бауера: отбор монет для Эрмитажа из присланных в Музей 6 мешков для филателистов.

25 (12) июля. +15°. Дождь. Утром в Музей пришел Н.П. Бауер, стал для себя описывать ефимки зубовского собрания; купил панагийную резную иконку (Вознесение и Благовещение) в прекрасном серебряном окладе, по-моему, XVI в., царьградского изделия, и миниатюру на финифти: истязание персами какого-то святого отрока, все за 50 р. А.И. Маркевич пишет мне, что в прошлом году с 6-го на 7-е июня умер И.А. Линниченко. Царство ему небесное! Все знакомцы уходят туда, где нет печали. Заведующий раскопками в Херсонесе Гриневич[41] приглашает меня на 10–13 сентября в Херсонес на 100-летний юбилей раскопок Херсонеса. После занятий зашел с Ал.Андр. к «Мюру», где купил прованского масла и мадеры, и поехали вместе в автобусе домой. В.Т. Баронова принесла билет для входа в Кремль с моим новым портретом, срок билета по 1 ноября сего года. От Бауера узнал, что А.Н. Зограф уехал с женою в Ольвию на раскопки, в Москве он ни к кому не зашел.

26 (13) июля. +12°. Дождь. В.И. Троицкий в 3-й раз приносит перепечатанный на машинке текст его «Указателя», который я в Музее проверяю, но мне мешают посетители: сегодня долго сидел С.Н. Тройницкий, рассказывал о делах Эрмитажа, о некоторых деятелях, например, Луначарском, которого он знает, и т.д. Бауер еще не уехал. Появился Корш, по-видимому, он был болен. В 3 ч. я поехал в Донской монастырь на открытие в одном из его зданий, постройки 1718 г., музея XVIII в.; иконы и облачения я видел при посещении монастыря 13 мая. Наталья Даниловна Рудницкая, устроительница музея, встретила меня очень радушно; народу собралось порядочно, человек более 50; объяснения давала Н.Д. и местами коммунист (забыл его фамилию), конечно, с известным уклоном, особенно там, где касалось богатств монастыря. Михайловская церковь, обращенная в музей надгробий, приобрела прекрасный вид, памятники работы Витали и других скульпторов выставлены отлично; из над-

гробных плит на полу есть той Голицыной, с которой, говорят, Пушкин списал «Пиковую даму». Были в обоих храмах, в ризнице; до конца я не дождался, так как предполагалось заседание, я очень устал и уехал с П.П. Шибановым, хотя Нат. Дан. звала на чашку чая. Погода убийственная, дождь, холодный ветер. Заметил из окна трамвая, что на набережной у Китайской стены сложены обломки разрушенных большевиками Красных ворот.

27 (14) июля. +12°. Дождь. Заходил С.Н. Тройницкий, обещал привезти из Петербурга старинный ларец с 15-ю грамотами Трубецких. Получил от Л.В. письмо, сообщает о плохом здоровье и просит приехать к ней в субботу; ответил ей, что если серьезное что-либо не помешает, то приеду. Из Государственного фонда привезли 10 ящиков вещей: фарфор, бронза, серебро и проч. Дома встретил Надюшу и Наташу; Надя сговорилась с мамой приехать за ней на автомобиле в субботу.

28 (15) июля. +13°. Ездил в Цекубу за обеспечением, встретил там С.К. Богоявленского, который мне сказал, что вчера Е.П. Богословская привезла из Елатьмы Михаила Михайловича, у него, по мнению его брата-врача, тифоид; желудок, он думает, расстроил в Париже; остановились не на своей квартире, а у брата; квартирная распря еще продолжается. Вскрыл с Ал.М. [Бардыгиным] привезенные вчера 10 ящиков из фонда, интересного мало. Заходил Дм.Дм., с ним беседовал о «Словаре» Троицкого: я предложил кое-где сократить, он согласился. Татьяна Григорьевна Чернопятова попросила на 1 месяц 40 р., я дал. Говорила по телефону Л.В., ей лучше, продиктовала мне название 4-х гомеопатических средств, которые просила ей привезти в субботу, и еще кой-чего из съестного. После занятий ходил на Петровку в гомеопатическую аптеку, где купил 4 пузырька (по 45 к.):1) Mercur corvs 3. 2) Carbo vegetabilis 6. 3) Sepia 6. 4) Пульсатилла 3х. Послал Лихачеву статью Трутовского о рязанских пломбах. Заходил М.В. Алпатов с книгою «The Russian Icon» Кондакова (пер. Миннза), которую брал на прочтение. Сегодня выселили Редькина, штукатура, жившего на нашем чердаке.

29 (16) июля. +13°. Дважды говорил с Надей по телефону, обещает завтра прислать за мамой автомобиль из Мытищ. Бауер с Прохоровым начали в моем отделе разбирать монеты из фонда. А.М. Бардыгин и я проверяли и описывали полученные из фонда предметы. После 3-х пошел в Охотный ряд и к «Мюру» за покупкой провизии и проч., что заказала Л.В. вчера по телефону. Дома очередные скандалы жильцов, ссора Мусаткиной с Елизаветой Кирилловой.

30 (17) июля. +12°. С поездом в 9 ч. 45 м. отправился к Л.В-не на станцию Крюково по Николаевской железной дороге, куда через час приехал, меня встретила Л.В. в бодром состоянии, боли в желудке прошли; я взял извозчика за 75 к. (городская пролетка), и мы отправились в деревню Каменку, версты 1 ½ от станции, на дачу № 69, где она живет у Добровых; М.А. Доброва[42] не было, он в Переяславле-Залесском, были жена и дочь, обе очень милые, простые; дочери 21 г., ее жених сослан большевиками в Соловки. Вскоре я отправился с Л.В. на прогулку; место, где лежит деревня, глинистое, местами сырое, что чувствовалось при ходьбе, несмотря на теплую погоду, стоявшую несколько дней. Вернувшись домой, сели обедать, угостили сытно рисовым супом, холодной телятиной с картофелем и цветной капустой, а на 3-е блюдо Л.В. угостила малиновым киселем, а Лидия Ивановна Доброва вишневым

киселем. После обеда Л.В. легла отдохнуть, а я сел в садике читать «Записки» Позье в «Русской старине», которую я привез Л.В. из Москвы. Отдохнув, Л.В. предложила прогуляться, но в другую сторону, мы пошли полями и оврагами в соседнюю деревню Кутузово, где жила Л.В. со своим мужем в 1919 г.; местоположение ее гораздо лучше, имеет прекрасные виды, и нет того ветра, который дует в Каменке благодаря ее открытому положению. Вернувшись, сели пить чай, но я спешил на поезд в 6 ч. 20 м.; не найдя извозчика, пошел пешком вместе с Л.В., пожелавшей меня проводить, шли мы 26 минут средним шагом и прибыли минут за 10 до отхода поезда. В мое отсутствие за женою в 1 ч. заехал Леонид Степанович и взял ее в автомобиле в Мытищи. Дома я нашел Лёлю, Зинаиду Алексеевну страдающими желудками, также и Анюту; боли и расстройство произошли от неумеренной еды окрошки. Проведенным днем я остался очень доволен.

31 (18) июля. +15°. Воскресенье. С поездом в 10 ч. 5 м. отправился в Мытищи, со станции за 1 р. взял извозчика на водокачку. Жену и всю семью Леонид Степанович нашел в отличном расположении духа. Часу в 12-м приехала внучка Маша навестить свою дочку, гостящую у Нади; после пришли из Тайнинского Наташа, Нина с обоими детьми, много было детского шума, играли дети в крокет, после прекрасного обеда Надюша села за рояль, стала играть танцы, танцовали Маша (правнучка) с Лялей, Наташа; по моим наблюдениям, у маленькой Маши много ритма в танцах, ее голенькие ножки выделывали грациозные *па*; танцы кончились капризом Маши, характер ее неважный. Перед обедом пришел брат жены Доля, впервые посетивший Мытищи. После чая, с поездом 5 ч. 45 м., Леонид Степанович, Маша и я уехали в Москву. Погода великолепная.

Август 1927 г.

1 августа (19 июля). +13°. Бауер и Прохоров продолжали с 10 ч. утра разбирать монеты; я прочитывал принесенные перепечатанные на машинке листы с «Указателя». С 1 ч. начал описывать серебро из фонда, описание перенесли в кладовую. Говорил по телефону около 1 часа с Надей, Лотушка здорова, читает в саду. После 3-х зашел к «Мюру», купил хлеба и красного вина для Маши и для Наташи. Написал Миннзу письмо с благодарностью за присланную книгу.

2 августа (20 июля). +15°. Ильин день. В Музее А.М. Бардыгин и я продолжали описывать и вешать серебро, которое перенесли в кладовую. Говорил по телефону с Надюшей, жена здорова. Со мной говорила по телефону Л.В., зовет в субботу к себе. Заходила в Музей вдова доктора Астрова (ее 3 сына погибли от большевиков)[43] с другой дамой (забыл фамилию), спрашивали об Алексеевском кладбище, я ее направил к Б.С. Пушкину (кладбище большевики хотят обратить в место для гулянья, футбола и т.п., ради чего разоряют памятники). В 6 ч. поехал к Танюше, купил ей хлеба, баранок и т.п., застал только ее и Агулю, Маша с Алешей уехали к Диатроптовым (где-то по Александровской железной дороге); посидел до 8 ч., началась небольшая гроза, пошел дождь, ввиду которого захватил зонт, и к 9 благополучно добрался до дому.

3 августа (21 июля). +15°. Днем была гроза с дождем. Продолжали описывать и переносить серебро в кладовую. Получил от Л.В. письмо, просит приехать к ним в субботу на дачу и привезти капусты, пасты и т.п. В библиотеке Музея большой беспорядок: просил мне выдать IV-й том Татищева, которого имеется 5–6 экземпляров; с трудом нашли в одном комплекте, остальные все разрознены. К обеду пришла внучка Нина, обедала со мной и Лёлей; с Ниной пошел к Адели Шмидт, у них квартира ремонтируется, беспорядок ужасный; угостила нас чаем с вареньем; побеседовали с Карлушей, Женей Штраус, и в 7 ч. я ушел домой, Нина на заседание в свое правление ВСНХ, где она служит машинисткой. Около 10 ч. вечера зашел ко мне Александр Васильевич Смирнов (старинный наш знакомый) справиться об адресе В.А. Поповой; сидел минут 20. Получил от Зографа из Одессы письмо, где он живет с женой, проездом в Ольвию.

4 августа (22 июля). +14°. Утром приехал в Музей С.Н. Тройницкий из Петербурга, привез для продажи интересный ларец конца XVII или начала XVIII в. с 15 грамотами Салтыковых от Михаила Федоровича до Петра включительно, одна из них богата иллюминована, ценит 250 р., цена недорогая; кроме того, архив Батюшковых. Продолжали описывать предметы из Зубаловского фонда. Жена Ф.И. Прове прислала оценить скарабей и флакон, оправленный в серебро; скарабей обычный, египетский, испорчен: Прове его украсил алмазными искрами и оправил в золото (!), что я и сказал. Приехал Л.С. Зворыкин из Мытищ, мы с ним пообедали, он уехал обратно, с ним отправил 1 бутылку красного и для Нади 2 пачки папирос. В 6 ч. отправился к Танюше на именины к Маше, свез ей 1 бутылку красного, сухарей, карамель; застал несколько человек гостей: доктора Н.Н. Селивановского, Ю.Д. Церетелли[44], Б.А. Диатроптова, священника Н.А. Бруни, скоро ушедшего с женой Г.И. Чулкова, двух дам Гофман и Науман; за чайным столом побеседовали; около 9 я ушел, так как очень устал после дневной работы. В мое отсутствие заходил С.В. Певницкий.

5 августа (23 июля). +14°. День рождения Лёли, подарил ей 10 р. и кусок мыла. В Музее продолжали описывать фарфор, стекло и всякую мелочь; я так устал, что прекратил описывать на ½ ч. ранее. После 3-х отправился в Охотный ряд, к «Мюру», за покупкою цветной капусты, масла и прочего, что заказала Л.В. Говорил по телефону с Лотушкой и с Надей. Вечером переделал одно место в статье о перстне Алексея Митрополита.

6 августа (24 июля). +14°. С поездом 9 ч. 45 м. поехал к Л.В. в деревню Каменку, на станции Крюково она меня встретила, здоровье ее неважно, боль в спине, но желудок стал лучше. Выпив стакан чая, мы пошли вдоль деревни, которая спускается к оврагу к неглубокой речке, перешли ее по мостику первобытной конструкции и поднялись на другой берег, вид оттуда очень хороший на окрестности, посидели на пне и вернулись обратно; М.А. Добров заболел кровавым поносом и лежит в Москве, с ним жена его, на даче только обе милые девицы, да приехала к Л.В-не Е.Г. Адамова; в 2 ч. обедали, между прочим, ели лесную малину, купленную у деревенской девушки, Л.В. угостила вкусной кашей, а милые девушки прекрасным куриным супом. После обеда Л.В. легла отдохнуть, а я читал «Русскую старину». Перед моим отходом на станцию попили чаю, и я пошел к поезду 6 ч. 20 м. в сопровождении Л.В. Погода была отличная.

7 августа (25 июля). +16°. Воскресенье. С поездом в 10 ч. 5 м. поехал в Мытищи, со станции до водокачки шел 27–28 минут пешком, не было извозчиков по случаю уборки сена, погода была очень жаркая; нашел жену и всех здоровыми. Надюша мне приготовила ванну, я вымылся. Приехала из Москвы Маша с Алешей. Часа в 2 сели обедать, пришли из Тайнинки Нина с обоими детками, Наташа с мужем, приехали из Зенина Соня Савари с 6-месячной прелестной девочкой и с мужем. За обедом малость выпили. После обеда Надя и Андрей Савари сыграли в 4 руки увертюру к «Князю Игорю», после Машура и Ляля прекрасно танцевали под игру Савари или Мити или Надюши. У Нины прекрасный сынок Юра 1 года 10 ½ месяцев, все говорит, и, к моему удивлению, рассказал с небольшим подсказыванием матери 2 сказочки в стихах: «Красная Шапочка» и «Золотое яичко». С поездом 5 ч. 45 м. уехал в Москву, до Тайнинки со мною ехал Митя. Дома застал скандал: у Клименкова их жилец разбил стекла в окне, по-видимому, пьяный; призвали милицию и т.д. У жены боли в ногах от сырости, по ее словам, сбирается на днях в Москву. В Мытищах часу в 12-м была небольшая гроза и дождь, в Москве, говорят, был довольно сильный дождь и гроза.

8 августа (26 июля). +14°. Сегодня А.М. Бардыгин в Музей не пришел. До 1 ч. я просматривал рукописи Троицкого; была закупочная комиссия (Протасов и я!), ценили грамоты, ларец для них и архив Батюшкова, решили предложить 250 р. После чая отправился описывать вещи из фонда, описал немного фарфора. Говорил по телефону с Надюшей, жена и прочие здоровы; завтра или в среду жена приедет.

9 августа (27 июля). +14°. А.М. Бардыгин призывался на случай мобилизации, по этой причине вчера не был. Продолжали с ним описывать фарфор, вещи из папье-маше и разные мелочи. Пришел С.Н. Тройницкий, купил у него ларец с грамотами и архив Батюшкова за 300 р. Говорил с Л.В. по телефону из Крюкова, хотела к нам приехать в четверг. После 3-х заходил к «Мюру», купил вина. Дома застал приехавшую жену в сопровождении Леон. Ст. и Нади; все обедали, около 7 ч. уехали в Мытищи. Часу в 9-м зашел Н.П. Бауер (из петербургского Эрмитажа), посидел со мною и женой с час.

10 августа (28 июля). +15°. Придя в Музей около 10 ч., я вскоре ушел в Кремль, в Оружейную палату, куда снес отпечатанные на машинке листы (107 страниц) труда В.И. Троицкого, которые передал Д.Д. Иванову. Д.Д. пригласил меня в залы, показал мне размещение эмалевых предметов – византийских, итальянских XIV в., лиможских; большая часть (их, впрочем, немного), великолепны. Потом перешли к новой витрине с 19 ювелирными предметами времени Александра III и Николая II. Очень хороши по тонкости работы яхта «Штандарт», кажется, из платины, сибирский поезд из золота, но пасхальные яйца мне не понравились. Ничего нового в искусство эти вещи не вложили. Посмотрел с Д.Д. двойной трон Ивана и Петра, верхняя часть которого, по мнению Д.Д., XVI в., времени Грозного. Пробыл в Палате с 1 час. Возвращаясь в Музей, меня обогнал автомобиль с 4 седоками, один из них вышел около подъезда и стал подниматься по лестнице, это был Троцкий, получивший выговор за нарушение партийной дисциплины. Придя в Музей, хотел с А.М. Бардыгиным продолжать занятия, но он ушел домой, ему нездоровилось. Я начал один вписывать вещи из фонда, но занимался менее часа: сделалось так темно от нашедшей тучи, что я прекратил занятия и ушел. Граков говорил, что

Б.В. Фармаковский по дороге в Ольвию заболел в Полтаве, с ним сделался удар; это известие я прочитал в сегодняшней «Вечерней Москве». Жаль его. После обеда съездил к В.А. Никольскому, хотел позвать его завтра обедать, но он с женой уехал до 1 сентября в Эсентуки.

11 августа (29 июля). +15°. Утром в Музей зашел С.Н. Тройницкий за ассигновкой. Продолжал с А.М. Бардыгиным описывать вещи из фонда: папье-маше, всякую мелочь и кружева. В 2 ч. приехала в Музей Л.В., после 3-х пошли мы в Охотный ряд, где я купил икры; оттуда мы отправились к Елисееву, где Л.В. купила себе и Добровым провизии, а у Филиппова мучного. В 5 ч. домой пришли С.Н. Тройницкий, Н.П. Бауер, Д.Д. Иванов, стали обедать, за столом сидело 6 человек: трое гостей-мужчин, Л.В., жена и я; выпили 2 бутылки красного, немного мадеры, а Тройницкий рюмки 3–4 водки. Беседа была пестрая. Часу в 8-м Тройницкий и Бауер ушли, Д.Д. беседовал до 8 ½ ч., разговор его, как всегда, был содержателен и интересен. Л.В. ушла в 9 ч., она ночует в Москве, завтра утром уезжает в Крюково.

12 августа (30 июля). +15°. Около 9 поехал в Военно-исторический музей (дом князя Юсупова у Красных ворот), где в моем присутствии вскрыли ящик с флагами, коврами, принадлежавшими Музею 12-го года; все вещи немузейного характера, решено их продать; покупателями являются 10 сотрудников. В Историческом музее пришлось проверять вещи одному, А.М. Бардыгин не пришел, порядком устал, перетаскивая вещи для проверки. В мое отсутствие утром заходила Л.В. за вещами, которые вчера оставила. Выходя из Военно-исторического музея, я зашел в церковь 3-х Святителей, службы не было, но храм был отперт; в нем помещена икона Боголюбской Божией Матери из часовни около Варварских ворот; сидевшую у свечного ящика старушку я спросил, поминают ли Патриарха, ответила, что не поминают, и народу ходит мало; внутренность храма (в нем крестили Лермонтова) ничего интересного не представляет.

13 августа (31 июля). +14°. К 12 ч. отправился в «Дом боярина» на Варварку, где состоялось заседание при участии Дм.Д-ча, Н.Н. Померанцева, В.Т. Бароновой и другой дамы (забыл ее имя и фамилию). В.Т. показывала размещение на стенах верхнего этажа фотографий с портретов, зданий, intérieur'ов, вещей XVII в. Дм.Дм. перед великолепным портретом посла Потемкина работы Кнеллера дал объяснение, каким образом портрет в XVIII в. из Англии попал в Россию; по его мнению, это устроил Григорий Александрович Потемкин, его потомок. В ½ 2-го мы ушли. Доход этого дня от платы за вход поступает в «Ответ Чемберлену». Дойдя с Д.Д. до Никольских ворот, я сел на 11-й трамвай и поехал на кладбище Донского монастыря взглянуть на могилу матери Л.В-ны, которая в том же виде, как была закопана при мне, дерном не обложена. Кладбище приводится в приличный вид, проводятся дорожки; крематорий, кажется, не открыт.

14 (1) августа. +15°. Воскресенье. Праздник Креста Господня (1-й Спас). Был у Литургии в храме Богоявления в Дорогомилове, пел хор Нестерова прекрасно; «Единородный Сыне» и «Верую» Чайковского мне не очень понравились; Молитву Господню, кажется, Степанова, пел дьякон-баритон соло с аккомпанементом хора очень недурно. Часа в 4 пришли: М.Н. Гусева и Т.П. Александрова, сидели до 9 ½ ч., разговоры с дамами мне очень надоели, я с ними распростился и ушел в свою комнату.

15 (2) августа. +15°. Занятий нет, большевики заставляют «праздновать» Успение Божией Матери по новому стилю, зная, что все верующие чтут этот праздник по старому стилю. В 11 ч. поехал в Зоологический сад, народу было много, многие тысячи, так что осматривать было невозможно; из новых зверей я заметил 2-х африканских страусов, бобровую крысу из Южной Америки, величиною с кошку, животное водяное, почти все время плавало в бассейне. Около острова зверей встретил К.В. Крашенинникова, посидел с ним с ¼ часа. В мое отсутствие была Танюша с Агнией и Алешей, я их встретил выходящими из дому. Часу в 4-м была небольшая гроза и дождь. Умер брат известного певца Собинова.

16 (3) августа. +12°. Утром на моих глазах умер всеобщий любимец котенок Апельсинчик (прозванный по светло-желтой окраске его шерсти), вероятно, от кошачьей чумы. При помощи технического служащего докончил в Музее разбор привезенных из фонда предметов и из Великого Новгорода 2-х больших Евангелий XVIII в. в серебряных окладах и дарохранительницы. Около 12 ч. пришел А.М. Бардыгин с дядею В.В. Постниковым, последний предложил к покупке кашпо стеклянного завода Бахметева с рисунком в стиле Теребенева[45] за 125 р., я отказался. А.М. чувствует себя нездоровым будет отдыхать 3 недели. Приехала М.В. Будылина из монастырей Ферапонтова и Кирилло-Белозерского, в восторге от архитектуры, природы и т.д. Принесли продавать древний бронзовый римский шлем, найденный в русле Риона. После занятий зашел к «Мюру», купил белого хлеба, в булочных его недостаток. Дома застал Валю с Таней и Зорей, которые с нами обедали; вид Вали мне не понравился. В 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, разговаривали за самоваром с ним, его дочерью Верой Константиновной до 10 ч.; темы разговора были малоинтересные (о болезни его умершей жены, о видах в Смоленске, куда он ездил, и т.п.); возвращался под порядочным дождем.

17 (4) августа. +13°. Около 12 ч. ночи был разбужен грубыми криками и бранью Точилкина, который был, впрочем, кем-то из Мусаткиных удален, но на дворе долго слышался его голос. Такое нарушение спокойствия взволновало меня, я долго не мог заснуть. Когда кончатся эти невозможные условия, в которые мы поставлены большевиками!? Приехав в Музей, привел в порядок мою комнату, освободил ее от десятичных весов, большого стола, внесенных для разбора и взвешивания западных монет из Госфонда Бауером и Прохоровым для Эрмитажа; затем привел в порядок в вестибюле под лестницей ящики из бывшего Румянцевского музея, из Военно-исторического музея. Вписывать не пришлось: явились С.П. Григорова, рассказывавшая про свое путешествие в Бухару, затем М.В. Будылина, пришедшая ко мне, чтобы поговорить по телефону с Л.В-ной, чего сделать не пришлось, так как телефон переносился в комнату Протасова, что, не скрою, меня возмутило; этим лишили возможности говорить служащим Музея; конечно, Л.В. не могла соединить свой телефон с музейным. Заходил А.М. Бардыгин, его здоровье неважно. Часа в 2 заходила Н.А. Бакланова, рассказала про болезнь М.М. Богословского, который поправляется. Видел П.П. Никольского, который звал меня в Остафьево. Вечером прочел свою статью о перстне, перепечатанную на машинке с дополнениями.

18 (5) августа. +14°. С утра стал описывать вещи, долго провозился с 2 Евангелиями и дарохранительницей из Риги, все XVIII столетия, одно Евангелие, времени Елизаветы Петровны, необычайной тяжести, не менее

1 пуда весом. Получил письма от Л.В., Миннза и Лихачева. После 3-х зашел купить в Охотный ряд масла, сыра, у «Мюра» – конфект, у Прохорова чернослива, орехов. Приехал Н.М. Гайдуков, проездом в Рим. В 9-м часу пришел Н.П. Бауер проститься, послезавтра уезжает в Петербург; сидел до 10 ¼ ч.

19 (6) августа. +15°. Праздник Преображения Господня, который большевики разрешили праздновать по новому стилю, сегодня занятия, как в будни. Продолжал описывать серебро из фонда. Описанное за последние [дни] серебро снес в кладовую. После 1 ч. говорить не пришлось: беседовал с С.В. Бахрушиным о его поездке в Новгород, Псков, Опочку, Тригорское, Михайловское. Говорил по телефону с Л.В., просит приехать в воскресенье. После занятий купил у «Мюра» чаю (продают по ½ фунта, не более), сахарного песку (продают не более 4 килограммов), взял билеты на 20-ю версту и в Крюково. Пришла внучка Нина, сказала, что Надя страдает головною болью. Приехал П.С. Рожицкий. Вечером пришли: Танюша и Татьяна Константиновна Буйневич, сестра Б.К. Зайцева, сидели все на балконе, пили чай; около 9 все ушли.

20 (7) августа. +14°. С поездом 9 ч. 55 м. поехал на 20-ю версту Московско-Брестской ж.д., встретили меня Валя, Таня и Зоря; прошли на дачу Кочуриных, где меня угостили кофе из гималайского жита, очень вкусным. Около 12 отправились гулять в чудесный лес по течению Сетуни, местность прекрасная, дошли до имения Самарина, в доме живут какие-то дети; посидели около церкви; проходили мимо очень старой липы, около которой якобы сидел Пушкин; бывал ли тут наш поэт – я не знаю; вернулись другою дорогою; жаркая погода меня разморила, я подремал в садике, но был разбужен петухом, подошедшим ко мне. Обедали часа в 4 после приезда Василия Арсеньевича, выпили бутылку сладкого красного, поели маринованных грибов; после обеда приехал П.Н. Сапунов. С поездом в 6 ч. 9 м. я уехал. Мой правнук Зоря очень избалованный мальчик, вел себя неважно.

21 (8) августа. +15°. Воскресенье. С поездом в 9 ч. 45 м. поехал в Крюково. День был душный, ехало очень много народа; на станции меня встретила Л.В., мы взяли извозчика. На даче встретил поправившегося от болезни М.А. Доброва, он рассказал про свое путешествие в Переяславль-Залесский, показал свои акварели с храмов, с базара в городе, сделаны очень талантливо. Попив кофе из гималайского жита, мы отправились, Л.В. и я, пройтись, но показавшаяся вдали туча и раскаты отдаленного грома заставили нас вернуться, я был сильно вспотевши, снял визитку и жилет и с ½ ч. просыхал, тем временем туча приблизилась, полил порядочный дождь, разразилась небольшая гроза, мы сели обедать; после обеда к Добровым приехал П.Д. Эттингер, с ним поговорили о полиграфической выставке; Л.В. предложила прогуляться, мы пошли в сторону к деревне Кутузово, полюбовались живописными берегами маленькой речки и вернулись на дачу; М.А. с супругой и Эттингера не застали: они ушли гулять; мы взяли извозчика и поехали с Л.В. на станцию к поезду в 6 ч. 20 м., где я расстался с Л.В. Поезд был переполнен, в Москве не мог сесть на трамвай и взял извозчика от Красных ворот за 50 к. Дома встретил уходящую О.Н. Онуфриеву с внуком, Н.М. Гайдукова и О.И. Зауер. В Москве дождя не было.

22 (9) августа. +13°. Вчера, часов в 10 вечера, был дождь и гроза. Утром заходил в почтамт получить академическое жалованье М.Н. Сперанского. Вернулась Н.А. Гринвальд из отпуска, привезла мне из Елатьмы пчелиного меда. Начали с ней описывать вещи из фонда. Заходила Е.П. Богословская, я

ей обещал посетить М.М-ча завтра. Вечером беседовал с Н.М. Гайдуковым о его поездке (завтра он уезжает) на ученые конгрессы в Берлин, затем в Рим и Неаполь, откуда он вернется в половине октября; на поездку у него 1400 р. в долларах. В Берлин он едет с докладом.

23 (10) августа. +14°. Из Музея в 11 ч. ездил в Цекубу получить академическое обеспечение 60 р. Продолжал с Н.А. описывать серебро из фонда (порядочная дрянь!). После 3-х отправился навестить М.М. Богословского, получившего на время болезни приют у брата С.М-ча (Малая Грузинская, д. 8); встретила меня очень радушно Елизавета Петровна, провела к М.М-чу, который лежал в постели; вид его очень хорош и прекрасное самочувствие. Ел.П. позвала меня в столовую, угостила зернистой икрой, тортом, чаем; рассказывала о Париже, от которого в восторге; потом перешли к М.М-чу, где продолжался разговор о Париже, о тяжелом житье эмигрантов; сообщила подробности о музее Онегина (Отто), за которым он ездил; самое интересное этого музея – рукописи – М.М. не смотрел (!), так как шкафчик, где они хранятся, был завален книгами. Сидел у них более часа. Газета «Вечерняя Москва» сообщила, что в 19 минут по полуночи казнен на электрическом стуле Сакко, а через 7 минут Ванцетти. 12 ч. ночи в Нью-Йорке соответствуют нашим 7 ч. утра. Хотя большевистские газеты считают обоих казненных невинными, но я не думаю, чтобы американские судьи не разобрали вопроса о виновности или невиновности казненных. Вечером была небольшая гроза.

24 (11) августа. +15°. Продолжали описывать серебро из фонда; заходила Т.Н. Александрова-Дольник, от нее я узнал, что В.С. Гадон 10 августа выпущен из Вологодской тюрьмы и, кажется, 26 августа ему разрешено уехать в Москву. «Наркоминдел» взял описанные мною 18 августа 2 Евангелия и дарохранительницу для возвращения их в Ригу. К чему было привозить их в Музей?! Купил бронзовый шлем, найденный около Риона, за 25 р.; я охарактеризовал его как римский, но необходимо проверить. Получил от П.В. Харламповича[46] его 2 брошюры на белорусском языке; одна о пражских грошах, другая о монетных скарбах (кладах) в Белоруссии; бесполезно печатать мало-мальски научные книги на этом странном языке.

25 (12) августа. +11°. Продолжалось скучное описание иконных окладов. Заходила Н.А. Бакланова, с ней сговорился ехать в субботу в Остафьево. Доставлены 10 витрин для выставки XVII в. для книг и рукописей; осматривали, сверяли с чертежами М.Н. Сперанский, Н.А. Бакланова и я; витрины не совпали с рисунками, сделанными Н.Б. Баклановым; по указаниям М.Н.С. будут сделаны некоторые изменения; в общем, работа топорная. Встретил в Музее на выставке XVIII в. Д.Д. Иванова, который сказал мне, что указатель мастеров XVII в. Троицкого, по словам Л.И. Пономарева, не вполне подходит к задачам Оружейной палаты; по поводу этого вопроса придется поговорить. Купил в Охотном ряду сыра, масла, груш и винограда. Сегодня в «Известиях» напечатано: Совнарком РСФСР во вчерашнем заседании постановил лишить Ф.И. Шаляпина звания народного артиста республики. Думаю, что от этого Шаляпину ни тепло, ни холодно. Вечером пришла к жене Л.М. Яковлева, после Танюша; Маша (внучка) серьезно больна, у нее болит печень. В заграничных газетах напечатано, что Сакко и Ванцетти были анархисты-бомбисты, кем-то из них бомбой убито было несколько человек.

26 (13) августа. +11°. Продолжали описание окладов с икон. Пришла Н.А. Бакланова, смотрели с нею и М.Н. Сперанским рисунки витрин для вы-

ставки. После 3-х зашел к «Мюру», купил себе ветчины, Танюше сыра и масла, заехал в булочную на Арбате, купил семье Танюши хлеба всякого; у Машуры гнойное воспаление почечных лоханок, лежит, но болей сегодня нет; самочувствие, на мой взгляд, хорошее.

27 (14) августа. +15°. Утром дождь. В 10 ч. поехал с поездом Московско-Курской железной дороги, в сопровождении Н.А. Баклановой, на станцию Щербинка, где мы наняли извозщичью телегу за 1 р. 50 к. в Остафьево; дорога (около 4 верст) скверная, шел мелкий дождь; ехали ¾ часа. Подъехали к знаменитому дому князей Вяземских, потом графа Шереметева, стены которого видели Карамзина, писавшего там несколько лет свою историю, А.С. Пушкина, П.А. Вяземского и многих русских людей. Я спросил П.П. Никольского и П.С. Шереметева, которые были в кладовой дома; оба вышли, П.С. встретил нас очень радушно, и мы тотчас с ним пошли осматривать дом и содержимое в нем. Общее впечатление у меня получилось такое: если исключить две верхние комнаты, связанные с именами Пушкина и Карамзина, то остальные представляют набор всяких картин и хороших и плохих (последних большое количество), всяких вещей антикварного характера, икон, коллекции минералов и проч., собранных Павлом Петровичем Вяземским без всякой системы и, прибавил бы, без всякого понимания; например, комната с оружием производит неприятное впечатление по количеству вещей сомнительной древности. Интересны и цельны комната П.А. Вяземского со шкапами книг, журналов его эпохи. Прошлись по парку; прекрасна аллея «Парнас», жалкое впечатление производят памятник Пушкину, подражающий нашему на Страстном бульваре, на остафьевском он не в плаще, а в сюртуке, и памятник Карамзину, нелепый по идее: на пьедестале из гранита лежат бронзовые книги – творения Карамзина. П.С. пригласил нас обедать на террасе, за столом сидели: он и его жена, симпатичная дама, рожденная княгиня Оболенская, около стола резвился его 4-летний сын Вася. Обед был скромный: суп, яичница с черным хлебом и макароны; я захватил торт из Москвы, который поднес графине, а Наталья Аполлинарьевна привезла маленькую жестянку паюсной икры; торт поели с чаем; мать П.С-ча не обедала, по слабости, с нами; жена П.С-ча снесла ей ломтик белого хлеба с икрой. П.С. меня позвал к ней, она сидела в кресле и читала Жития святых; я ей рассказал про барона де Бая, который у них много раз гостил, про В.С. Гадона, недавно выпущенного из тюрьмы, про их родню нашего князя; посидел минут 5. В комнате, где жил Карамзин, многое меня тронуло: пушкинский стол, его трость со вделанною в набалдашник пуговицею с мундира Ганнибала, на ней вензель Петра Великого; жилет, в котором был смертельно ранен Пушкин; портрет Жуковского с надписью «Ученику победителю» и т.д.; портрет Пушкина в гробу кисти Козлова. Комфорта там никакого нет, отхожее место стоит отдельно, сколочено из досок… Вот теперешняя обстановка потомка птенца Петра Великого. Всю эту перемену в жизни переносит он, по-моему, спокойно. В 5 ½ часа нам дали экипаж, и за 2 р. он подвез нас к станции на поезд 6 ч. 39 м. из Серпухова, причем возница мне дал приходный ордер: «Получить от т(оварища!) Шереметева П.С. для профессора N за лошадь к станции Щербинки 2 р.». Путешествие на мою спутницу и меня в знаменитое Остафьево произвело прекрасное впечатление. Дома нашел все в благополучном виде. Забыл прибавить, что 11 комнат во флигеле заняты сожительницей Луначарского Розенель[47] с ее матерью, которых издали видел в парке, а сам нарком куда-то уехал из Москвы.

28 (15) августа. +18°. Воскресение и праздник Успения Божией Матери. Встал поздно, в 8 часов. Около 10 ч. поехал в храм Богоявления в Дорогомилове к литургии, храм был полон, хор Нестерова прекрасно пел; «Верую», кажется, Архангельского, пел солист с приятным баритоном. В 6-м часу зашел к нам С.В. Певницкий.

29 (16) августа. +13°. Из Музея утром ходил в Оружейную палату, отнес Д.Д. просмотренные листы рукописи Троицкого; от Д.Д-ча узнал, что Н.И. Троцкая при настоящих условиях не может принять место в Отделе по делам музеев; на ее место назначен Эйферт, а Вайнер уехал в Париж. С 12 ½ ч. начали описывать вещи из фонда. Заходила Н.А. Бакланова, говорила по поводу иллюстраций к ее статье о привозных товарах в Россию в XVII в. Получил от Л.В. письмо, сбирается приехать не позднее субботы; я ей ответил открытым письмом. Написал П.С. Шереметеву, поблагодарил его за хлебосольство. В сегодняшней «Вечерней Москве» прочитал, что на вчерашнем митинге в Сокольниках какой-то товарищ Берг, польский эмигрант, сказал, что Польша спешно готовится к войне с СССР; на том же митинге постановлено ходатайствовать о переименовании Красноворотской площади в площадь Сакко и Ванцетти (!).

30 (17) августа. +12°. Часов около 12 ночи был разбужен сильным стуком в дверь к Мусаткиным: явились пьяная Кузнецова и пьяный Точилкин; поднялась ругань, крики; дебоширство долго продолжалось, я не мог спать. Продолжал с Н.А. вписывать вещи из фонда. Слышал от Протасова, что после 1 октября сократят в Музее 8 человек, а в январе 20% (!); он же мне сообщил, что Лепешинского в Сибири укусила бешеная собака, и он в Омске делает прививку. Говорил с Л.В. по телефону в 1-м часу, мое письмо, опущенное вчера в 4 часа, она уже получила; как аккуратно и скоро работает почта. Зашел к «Мюру», купил 1 фунт кофе из гималайского жита (28 копеек). Дома встретил Надюшу, Наташу и Лялю; они обедали. В субботу Надя едет с Лялей в Анапу на месяц покупаться, у нее сильные головные боли. Вечером состоялось собрание домового комитета, на котором решено отдать наш бывший сарай Яблоновскому под постройку здания с квартирами, а на месте нашего погреба разрешено Богуславскому устроить мастерскую для производства чернил.

31 (18) августа. +13°. Сегодня докончили под лестницей описание вещей из фонда; описанное серебро перенесено в кладовую. Была закупочная комиссия, вещи малоинтересные (платье женское шелковое 60-х годов, вышивки и т.п.). После 3-х зашел к «Мюру», купил хлеба, ветчины. Прочитал «Письма Пушкина», т. I, с прекрасным содержательным комментарием Модзалевского.

Сентябрь 1927 г.

1 сентября (19 августа). +10°. Свежий день, но ясный. С поездом в 10 ч. поехали: М.В. Будылина, Н.А. Бакланова и я в Дубровицы; от Подольска взяли за 3 р. 50 к. извозчика; доехали до Десны, через которую перешли по лаве (пешеходный мост). Дворец Голицыных, т.е. комнаты, пустой, вся обмеблировка, вещи (фарфор, бронза, картины и проч.) перевезены в Никольское-Урюпино, в Московский фонд (в Донском монастыре) и в Третьяковскую

галерею (главным образом, портреты), кое-что осталось, я отобрал для Музея 2 предмета: 1) мундир или кафтан князя Б.А. Голицына с витриною; и 2) проект храма Спасителя Витберга; предложили 2 люстры, но я принял их условно. Познакомился с заведующим, Сергеем Иннокентьевичем Дараганом, и его женой; они пригласили в одну из комнат нижнего этажа дома, которая содержится неопрятно, стол покрыт грязнейшею клеенкой, посуда грязная, но пришлось пить; съедобное, ветчины, хлеба мы привезли с собою. Подкрепившись, осмотрели пустые комнаты, после отправились к церкви Знамения, начатой постройкой в 1690 г. и освященной, кажется, в 1704 г. в присутствии Петра Великого; архитектор – Тессин. Церковь как снаружи, так и внутри очень интересна, но с православными храмами ничего общего не имеет; очень хорош иконостас по резьбе; иконы в стиле ушаковских, кроме местных Спасителя и Божией Матери живописного характера, работы, по-моему, юго-западных мастеров XVIII в. Затем началось искание извозчика, которого насилу нашли за 4 р. Посидев с ½ часа в парке, полюбовавшись прелестными берегами Десны, в 5 ч. уехали. Грустно смотреть на это типичное дворянское гнездо, в котором будет устроен дом отдыха для большевиков. Дома нашел Танюшу, сказавшую мне, что Маша была серьезно больна почками, теперь стала поправляться; Аня третьего дня произвела четвертую дочку. Приехала погостить сестра жены.

2 сентября (20 августа). +8°. Н.Д. Протасов попросил меня подать директору Музея счет на вчерашнюю поездку, я подал такой: билет железнодорожный 1 р. 16 к. (и обратный), за 2 конца извозчика от Подольска до Дубровиц 6 р., всего 7 р. 16 к. Прошел по верхним залам Музея; в религиозном отделе смотрел икону преп. Василия Исповедника с подписью Симона Ушакова по обещанию стольника Василия Семеновича Волынского 7170=1662 года. Заходила Н.А. Бакланова по поводу печатания ее статьи о привозных товарах. В мое отсутствие приезжала из Мытищ Надя с Лялей проститься перед отъездом в Анапу; с нею приехали все ее дети. После 3-х заехал к Танюше, свез ей мучного съедобного и для Маши груш; ее здоровье улучшается, хотя она лежит в постели, около нее сидели: доктор Селивановский, Церетелли, Т.К. Буйневич; я побыл минут 20.

3 сентября (21 августа). +12°. После завтрака поехал к «Мюру», купил масла, сыра, ветчины; оттуда – к Танюше; Маше и деткам купил компот из абрикосов и шоколаду. Маша лежит, очень похудела, но поправляется. Посидел около часа.

4 сентября (22 августа). +12°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове; хор Нестерова пел великолепно, «Херувимская» Чайковского мне мало понравилась; очень хорош «Отче наш» Шереметева, соло пел прекрасный тенор. В храме встретил Сережу, с ним поехал домой. Дома встретил Л.В-ну, вчера переехавшую в Москву; все обедали на балконе; во время обеда пришла Юзя. Вечером Л.В. прочитала вслух мою статью о перстне Алексея Митрополита, которую я проверил по переписанному летом на машинке экземпляру.

5 сентября (23 августа). +9°. Получил от А.А. Ильина письмо; пишет, что он разобрал надписи на монете, описанной мной по 2 экземплярам на стр. 186 под №№ 875–876; в Эрмитаже 7 таких монет, они двуименные; на монете читаются следующие надписи: «Се печать княжа Ива», на обороте

«Се печать княжа Дмит»; А.А. относит к Ростовскому княжеству. Слышал от Н.Б. Бакланова, что недавно утонул на глазах отца сын Н.Е. Макаренко. Вернулся из Сибири Лепешинский, прививки продолжает здесь делать. Вернулся из отпуска А.М. Бардыгин, здоровье его стало лучше, но еще не совсем.

6 сентября (24 августа). +8°. В Музее занимался немного; пришлось беседовать с приходящими посетителями, между прочим, с В.И. Стражевым[48], знакомым Зайцевых, он принес часть клада римских монет, найденных где-то в Абхазии. Расспрашивал Лепешинского, как его укусила бешеная собака; оказалось – не укусила, но на руку попала слюна взбесившейся собаки, и, по совету врача, он стал делать прививку. Приехал В.С. Муралевич из Феодосии. После 3-х поехал к Танюше; Маша все еще лежит, температура 37,1°; очень нервничает; при мне пришел А.А. Полиевктов навестить дочь; сухой он человек, никогда не приносит своим детям и внукам ничего; а как они все нуждаются! Домой приехал в начале 6-го часа. Обедала артистка Гай. Около половины 9-го погасло в нашем районе электричество; зажгли свечи, у кого они были; продолжалось это с полчаса.

7 сентября (25 августа). +8°. В серебряной кладовой Музея А.М. Бардыгин и я при помощи 2 служителей разместили по полкам и шкапам серебро последней получки; обе сотрудницы записывали под лестницей вещи из фонда: облачения, материя и т.п. В 12 ч. я был приглашен Лепешинским в кабинет по следующему обстоятельству: Н.Б. Бакланов письменно доложил директору, что заведующие отделениями самовольно берут мебель, полученную из Музея мебели; взял только Клейн 2 шкапа, не предупредив Бакланова, заведующего мебелью; Лепешинский понял, что Н.Б. обижен поступком Клейна и довольно дипломатично уладил ссору. Вечером заходила М.Н. Гусева с девочкой, пригласила меня на завтра обедать.

8 сентября (26 августа). +8°. Послал в заказном пакете (88 копеек) статью о перстне Алексея Митрополита при письме к А.П. Калитинскому в Прагу. В Музее была закупочная комиссия, предложены были записные книги Коновницына, деятеля 1812 года. После занятий зашел к «Мюру», купил торт и с ним отправился к М.Н. Гусевой, маленькая дочь которой сегодня именинница; было много народу, люди, мало мне знакомые, кроме Миши Езучевского, с которым немного побеседовали; ушел в 8 ½ часов.

9 сентября (27 августа). +9°. Записные книжки Коновницына куплены (их 3) за 45 р.; бегло их просмотрел, есть интересные странички, между прочим, стихотворение, без подписи автора, на Аракчеева, полное ненависти к этому временщику. Состоялось заседание комитета выставки XVII в.; носившее административный характер. Днем была Валя, здоровье ее неважно, лежала у нас. Написал А.А. Ильину ответ на его письмо

10 сентября (28 августа). +7°. В 10 ч. поехал на Арбат, купил у «Burban» пирожков Танюшиным внукам, а больной Маше груш; с покупками пошел к ним; Танюша напоила меня чаем, я съел 2 пирожка с капустой, посидел у больной Маши, к ней пришла М.А. Сабашникова; больная поправляется, но еще лежит. От них отправился в Кремль; на заседании Оружейной палаты Дм.Дм. попросил меня доложить о труде В.И. Троицкого, что я вкратце и сказал, признав его достойным печати. Л.И. Пономарев, кажется, уже снес напечатанную часть «Словаря» в Главлит. Из Оружейной палаты приехал в фонд МОНО в Донском монастыре, где мне сказали, что скоро привезут для

Исторического музея вещи из Дубровиц. Оттуда проехал к «Мюру» за ветчиной и сыром. Погода сырая, несколько раз шел дождь. Довольно свежая, особенно ночью, погода нисколько не повлияла на листву: Нескучный сад стоит зеленый без единого желтого листа. Вечером заходил К.В. Крашенинников, сидел часа два.

11 сентября (29 августа). +12°. Дождь. Воскресенье. Праздник усекновения главы Иоанна Предтечи. Был за поздней литургией у Богоявления в Дорогомилове; хор Нестерова пел великолепно; в храме встретил К.В. Крашенинникова. После обеда (по праздникам мы обедаем не в 5-м часу, а в 2 ч.) пришла дочь Позднеева с мальчиком, позже Лёля и Гай. Просматривал литературу по монетам XVI–XVII вв. Погода со средины дня разгулялась.

12 сентября (30 августа). +11°. Утром в Музее встретил П.Н. Миллера, сообщившего, что поездка его с Н.А. Баклановой за поисками стеклянного завода близ Нового Иерусалима увенчалась успехом; пришедшая Н.А. подтвердила его слова, рассказала, как они удачно нашли место завода, основанного Койэтом в XVII в., и показала осколки стекол, куски сосудов и т.д. Получил от М.И. Максимовой 2 ее труда, изданных в 1926 г.: «Резные камни XVIII–XIX вв.» и «Античные резные камни Эрмитажа». Лепешинский мне сказал, что нашему Музею предлагают как филиал музей в Алупке в Крыму; я ему посоветовал отказаться за дальностью расстояния и указал на Одесский музей. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», где купил 1 бутылку красного вина, кусок сыра А.А-чу и для Сони плитку шоколада; оттуда отправился к А.А-чу на именины, где обедал; за столом, кроме А.А., Аделины, Сони и Пины, сидела Иола Игнатьевна Шаляпина; после пришли Телешовы, священник их прихода и А.Д. Полетаев; беседовали на самые простые темы; обед был неважен; выпили красного вина, принесенного И.И. Шаляпиной (подарок ее мужа 12 лет назад); в 7 ½ ч. я ушел домой. Около 6 ч. была гроза.

13 сентября (31 августа). +12°. Мои сотрудницы и А.М. продолжали сдавать по отделам записанные предметы и принимать доставленные из фонда; прислали много портретов. В Крыму, в воскресенье ночью, было землетрясение, на этот раз с жертвами и с разрушением зданий. Съезд в Херсонесе едва ли будет удачным после такой катастрофы. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд покупать по просьбе жены кизилю для варенья. Во Франции началось движение против СССР. Днем заходила Валя, жена нашла ее слабою. Н.М. Гайдуков пишет из Берлина, что не получил визы в Италию на съезд; ему придется вернуться обратно. Написал сестре Саше письмо в Петербург.

14 (1) сентября. +9°. Сегодня день рождения Веры; придется ли мне и жене увидать ее? В Музее волнение: сегодня произошло сокращение 8 человек из технических служащих, и между ними [сократили] Настасью Михайловну (Настю) из религиозного отдела; она меня со слезами просила заступиться; я говорил с Лепешинским, с Ал. Мерк. [Емельяновым][49], но все напрасно; она подала жалобу в конфликтную комиссию. Отбирал из портретов, привезенных из фонда, наиболее старые, т.е. копии с портретов XVII в.; отобрал штук 7–8. После занятий зашел к «Мюру», купил Маше икры, Танюше сыра и масла, себе 1 фунт чаю. Проехал к Танюше; Маша встала, ей лучше; пил у них чай, за столом был доктор Селивановский. Дома застал Ваню Акопиана, он переводится из Борисоглебска в Гатчину; Ваня обедал. Газетные телеграммы приносят новые подробности о землетрясении в Крыму, много, сравни-

тельно, человеческих жертв, много зданий разрушено и повреждено, между прочим, пострадала Алупка с ее дворцом и мечетью. Сегодня Илья Бороздин прислал телеграмму из Севастополя, что все живы.

15 (2) сентября. +6°. На заседании закупочной комиссии приобретен посольский топорик XVII в. за 50 р. Лепешинский позвал меня в свой кабинет и спросил меня, какого я мнения об А.А. Фомине, я ему откровенно сказал, что о нем, как музейном работнике, очень невысокое, и привел ему несколько примеров его невежества; Лепешинский говорит, что можно ли назначить временно вместо Фомина А.Б. Салтыкова, я ответил утвердительно, тогда Л. сказал, что Фомина он увольняет, тем более он 4-й месяц в отсутствии. Не скажу, чтобы такой разговор был мне приятен. Приходил Н.Н. Померанцев, ему я показал слюдяные старинные рамы, из них он отобрал для собора 12 апостолов в Кремле 10 штук. После занятий я отправился, по приглашению Д.П. Сухова, в сопровождении Е.И. Силина, Л.В. и Н.Н. Померанцева в храм Василия Блаженного, который частично реставрируется Д.П. Суховым, который подробно показал свои очень остроумные архитектурные восстановления наружных и внутренних частей и то, что им сделано, поражает глаз; впечатление получается превосходное; он пришел к тому заключению, что храм как снаружи, так и внутри, не был расписан, а был сложен полосками белого камня вперемешку с полосками кирпича; это можно видеть на стороне собора, внизу, против Кремлевской стены. Внутри, в галерее, покрытой при Федоре Алексеевиче, стены были покрыты орнаментикой из цветов. Все виденное мною поразило меня. Были в реставрационной мастерской, где расчищается огромный чудотворный образ Спасителя из часовни; письмо удивительное. Видели 2 иконы (Василия Великого и Иоанна Златоуста) из того иконостаса, который был сооружен при Грозном; в XVIII в. он был продан. После осмотра ризницы, кладовых и проч. нас угостили чаем с прекрасным белым хлебом. Осмотр длился 2 ½ часа. Сколько впечатлений пришлось перенести в течение дня!

16 (3) сентября. +8°. Дождь. Состоялось заседание комитета выставки XVII в. Заходил после занятий к «Мюру» купить чашек чайных, но, за многолюдством, ушел. Погода с 12 ч. разгулялась.

17 (4) сентября. +4°. Сегодня Музей открыт для очистки зал для выставки XVII в., вместо субботы он будет закрыт в четверг. Я зашел на ¾ часа и затем отправился в «Дом боярина» на заседание Ученого совета Оружейной палаты; на заседании Бартрам делал доклад о выставке в октябре в Музее игрушки; я вручил Д.Д-чу письмо Лепешинского с просьбою дать до июня 1928 г. два мушкета и конское снаряжение; Д.Д., после долгой речи с не совсем лестным отзывом о нашем Музее, изъявил свое согласие. Заседание произвело на меня неприятное впечатление от слов Д.Д-ча. Оттуда прошел в Охотный ряд, купил яблок, винограда, груш и 5 персиков; у «Мюра» купил сыру. Надя прислала письмо из Анапы от 14 сентября, землетрясение было слабое; Анапой она очень недовольна. В 6 ч. отправился ко всенощной в Дорогомилово; хор Нестерова был превосходен; встретился в храме с Сережей Орешниковым, он еще не сокращен на службе. Дома застал Леон. Ст., побеседовали с ним о землетрясении.

18 (5) сентября. +8°. Воскресенье. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове, пели прекрасно, но не все мотивы были мне по душе. Дома

застал Валю с мужем и с дочерью и Л.В., все обедали. После обеда разыгрался отвратительный скандал, затеянный пьяными Кузнецовой и Клименковой; все это происходило у нас в столовой. Жаль бедную жену. Вечером отправился с Л.В. в кино Колосс (здание Консерватории), смотрели «Человек из ресторана» (по повести Шмелева); заглавную роль играл Чехов; инсценировка скверная, автор картины впустил, как и во все советские картины, ненависть к буржуазии; мы не знали, как досидеть; сверх программы показали несколько снимков с картин разрушения в Крыму, главным образом, в Ялте, после землетрясения, впечатление ужасное. По окончании Л.В. пригласила к себе пить чай, я пошел, но чай пить не остался, посидел с ¼ часа и ушел с неприятным чувством.

19 (6) сентября. +8°. Во вчерашних газетах напечатано известие о смерти Кони, сегодня прочитал о смерти артиста Южина на юге Франции. Видел вернувшихся со съезда в Херсонесе Захарова и Готье, оба бывших очевидцами землетрясения в Херсонесе ночью; Захаров во время толчка сидел в нужнике, а Ю.В. шел со знакомым по саду, когда испытал колебание почвы, в воздухе слышались звуки: это звенели крыша и рамы со стеклами храма св. Владимира; приезжие из Москвы жили в архиерейском доме при монастыре, который на ночь не покидали, дом остался цел, только в комнате, где останавливался С.Ф. Платонов, обвалилась штукатурка потолка. Был в Цекубу, получил 60 р. академического обеспечения. После занятий отправился к Никитским воротам в маленькую лавочку ювелира и отдал в починку кольцо моей матери, которое носит Лёля, и шейную цепочку для креста моей жены.

20 (7) сентября. +7°. Весь день дул северо-западный ветер, шел мелкий дождь. В Музее, через окна, перетащили в выставочную залу из верхнего этажа огромный глобус, поднесенный Голландскими штатами Алексею Михайловичу. Получил от заведующего Отделом по делам музеев В.А. Эйферта (заместившего Н.И. Троцкую) письмо с вопросом о моем мнении относительно переливки трофейных пушек в Кремле; я ответил, что все это собрание орудий должно остаться целиком как памятник освободительной войны 1812–13 гг. и как предметы археологические.

21 (8) сентября. +7°. Рождество Богородицы. В Музее было заседание по поводу выставки XVII в.; подвезли несколько новых витрин. После занятий заходил к «Мюру», купил ветчины, сыру, масла. Оттуда проехал к Никитским воротам к золотых дел мастеру, который чинил цепочку для креста Лёле.

22 (9) сентября. +5°. Сегодня мне 72 года! Тяжело жилось мне благодаря тяжелой обстановке, созданной большевиками, надежды на улучшение никакой не вижу. Ночью очень болела правая рука около плеча, неужели повторятся прошлогодние боли? В 1 ч. ездил в Донской монастырь, в одной из упраздненных церквей которого устроен склад МОНО, куда привезены вещи из Дубровиц, виденные мною; склад заперт, хотя вчера по телефону сказали, что будет открыт. Какое невежество! Проехал в Охотный ряд, купил коричневых яблоков. Погода свежая, ветер, временами дождь. Музей закрыт, потому что в субботу он был отперт по случаю переноски мебели. Перед обедом неожиданно пришла Л.В., подарила мне галстух, после пришла Лёля и артистка Гай, поднесли: Лёля пирожного, Гай – цветок в горшке – астру; затем Валя с Зорей, принесли пирожного; после обеда пришла Танюша, сказала, что Маша опять слегла, температура 38,4°. В половине 8-го все ушли.

23 (10) сентября. +5°. Боль в правом плече, вчера вечером жена натерла плечо мазью с хлороформом. Стал готовить отчет моего отделения за год с 1 октября по 1 октября; Л.В. заболела и ушла домой. Получил от Нади письмо из Анапы, к 1 октября собирается вернуться; толчки в Анапе были незначительны; городом она очень недовольна. Вечером писал заметку о монетах XVII в.

24 (11) сентября. +5°. Вчера на ночь принял аспирина, жена натерла плечо мазью; боль есть. Утром с трудом писал, днем рука болела менее. В 11 ч. отправился в Оружейную палату на заседание Ученого совета, которое все было посвящено вопросу об устройстве выставки Конюшей казны к октябрьским празднествам; выставка устраивается по идее Клейна. После заседание Д.Д. показал недавно поступившее в Палату блюдечко финифтяное по серебру усольского дела XVII в. с любопытными по финифти рисунками причудливого характера; изображены фантастические животные, каких мне не случалось видеть. Д.Д. сказал, что его жене предстоит операция гинекологического характера; дочь его сокращена на службе в Наркомпросе. Около 3-х поехал в Военно-исторический музей; его правительство прекращает, и все вещи перевозятся к нам в Музей. При помощи Константина Владимировича Маркова и Вал.Ал. [Ермолова?] и Игнатия Осиповича Скорино я отобрал 50 вещей для выставки XVII в. Вернулся домой в 5 ч., у нас сидела Нина Акопиан, она обедала с нами.

25 (12) сентября. +9°. Воскресенье. День смерти отца, царство ему небесное. Был в Алексеевском монастыре, пели слепцы; посетил могилы, пока целы; новых разрушений памятников не заметил. В мое отсутствие были: В.И. Троицкий, принесший рукопись своей статьи, и А.А. Карзинкин. Обедали вдвоем с женой в 1 ½ ч., после нашего обеда приехали: Леон. Ст. с Митей и Наташей, Сережа Орешников с Юзей, и затем Кутасова с дочерью; кроме 2 последних, все ушли около 6 ч. Я переписал заметку о монетах XVII в. для каталога выставки и продержал корректуру перепечатанного на машинке «Словаря» Троицкого.

26 (13) сентября. +12°. Из Музея пошел в Кремль, отнес в Оружейную палату перепечатанные листы «Словаря» Троицкого, Д.Д-ча не застал, прошел к Н.Н. Померанцеву и Ф.Я. Мишукову, которых нашел около Ивановской колокольни, сговорился с Н.Н. относительно переданных в Кремль слюдяных оконниц; слышал, что сень памятника Александра II и галерея кругом нее будут сломаны. В Музее подготовлял предметы для экспозиции на выставке XVII в. После занятий зашел к «Мюру», купил матерчатые перчатки (2 р. 54 к.). Погода летняя, сейчас в 5 ч. температура +18°.

27 (14) сентября. +10°. Праздник Воздвижения Креста Господня, отмененный большевиками. Ночь спал плохо. В Музее подготовляю годичный отчет. После занятий зашел к «Мюру» обменить перчатки, купленные вчера, которые оказались разных цветов; обменили с извинением.

28 (15) сентября. +11°. Перед утром шел дождь. Боль в правом плече, хотя с вечера жена натирала больное место мазью. Утром в Музей пришли Д.Д. Иванов и Ф.Я. Мишуков, и, по моей просьбе, сортировали медную посуду для выставки XVII в., собственно, те сосуды, которые Корш отложил, как принадлежащие к XVIII в.; ошибка Корша очевидна. После ухода Д.Д-ча я с Мишуковым отправились во двор в кладовую, где я отдал отоб-

ранные Н.Н. Померанцевым слюдяные рамы. Описывал посуду для отчета. Залы для выставки приводятся в порядок – чистятся, моются. Н.А. Бакланова сочла себя обиженную техническими служащими и расплакалась, хотела уходить из комитета; пришлось ее успокоить. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру» и купил ей на 1 р. 53 к. алтайского сыра. Получил [от] А.А. Ильина письмо в ответ на мою просьбу сообщить подробности о датских монетах, чеканенных Христианом IV для торговли с Россией[50]. Погода очень теплая.

29 (16) сентября. +8°. С вечера принял аспирина, спал крепко, боли в плече не чувствовал. Готовил в Музее отчет, хлопотал по выставке. Заходила Наталья Даниловна из Донского монастыря, собирается нас посетить дома. В 3 ½ ч. поехал с Нат.Ап. в автобусе № 5 к С.К. Богоявленскому, живущему в архиве на Девичьем поле, он лежит, по-видимому, у него воспаление в легком; сидел более часа, беседовал с ним, самочувствие у него хорошее, хотя температура около 38°; около 6 уехал. Погода убийственная, сильный дождь. В 9-м часу у жены сделался припадок (сильная боль в груди), который продолжался около ¾ ч., она уснула на ½ часа, и припадок сном прошел. Проверял перепечатанную на машинке рукопись В.И. Троицкого, которую (продолжение) сегодня получил.

30 (17) сентября. +8°. День именин Веры и Нади; со дня на день ждем приезда Нади из Анапы. Было длительное заседание по вопросу, какие надписи делать на экспонатах выставки XVII в. Писал отчет о поступлениях в Музей. Заходил Н.Н. Померанцев, я ему показывал приготовленные к выставке вещи, от них он в восторге. Дома застал жену, слава Богу, без болей в груди. Сделал вчера взнос 3 р. в Цекубу за площадь; вносила, по моей просьбе, Наталья Аполлинарьевна Бакланова. Плечо очень болит; жена натерла его летучею мазью. Дождя днем не было, погода свежая.

Октябрь 1927 г.

1 октября (18 сентября). +8°. Позавтракав в 11 ч., отправился в Зоологический сад; народу было очень мало; сад заметно улучшается; новых, интересных, зверей не заметил; купил за 50 к. альбомчик с недурными цинкографиями «Новый зоопарк» профессора Завадовского. Оттуда заехал к «Мюру», купил масла, сыра, ветчины. Только что приехал домой, является Надя, вчера вернувшаяся из Анапы, которою очень недовольна; погода там жаркая, Надя загорела; несколько раз страдали от нордоста. После обеда пришел Леон. Ст., за ним Валя с Таней и Танюша; пили чай, закусили сыром.

2 октября (19 сентября). +8°. Воскресенье. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове; прекрасное пение много помогало молитвенному настроению. Вернувшись в 1 ½ ч., нашел сестру Сашу; как она изменилась! Приехала из Петербурга, почти все мои родные живут в бедственном положении. Бедная родина, как тебя разорили большевики! Пришла Л.В., мы все обедали; после обеда сестра ушла, а Л.В. сидела до 4 ½, пили чай в моей комнате, к чаю пришла Лёля, настроение ее невеселое: не может устроиться на постоянную службу.

3 октября (20 сентября). +9°. Туман. Утром узнал от Н.А. Баклановой, что С.К. Богоявленскому стало хуже: температура около 40°, кажется, воспа-

ление в обоих легких; его свезли в Солдатенковскую больницу. Из Оружейной палаты доставили 2 мушкета и сбрую конскую; Д.Д. Иванов удручен: завтра его жене делают операцию в частной лечебнице доктора Александрова. В 3 ¼ ч. Лепешинский познакомил нас с современным политическим положением; предварительно восхвалил форму правления большевиков, сказав, что всеобщее блаженство наступит у нас лет через 20–30; нам все завидуют, и каждый день приносит неожиданности; империалистические державы в недалеком будущем пойдут на СССР войною, мы все, и коммунисты, и не состоящие в партии, должны спасти ее, etc., etc.; после его речи председатель месткома Раченков сделал призыв на новый заем. Я ушел. Отправился с Л.В. в ряды (ГУМ), где купил лампочек. В Музее писал отчет, ходил в выставочные залы, которые почти освобождены от лишней мебели. Вечером сделалось очень тепло.

4 октября (21 сентября). +10°. Докончил отчет за год деятельности моего отделения (с 1 октября по 1 октября). Слышал от О.Н. Бубновой, что коммунистическая партия очень невысокого мнения о нашем директоре Лепешинском. Заходил ко мне А.А. Бахрушин, звал завтракать в одну из суббот. С половины дня стало холоднее, пошел мелкий дождь. Слышал, что здоровье С.К. Богоявленского стало хуже.

5 октября (22 сентября). +6°. Ходил в Оружейную палату, отнес перепечатанный «Словарь» Троицкого; Дм.Дм. в хорошем настроении: вчера его жене вырезали рак в матке в лечебнице Александрова, операция длилась час, окончилась благополучно. С.К. Богоявленскому стало хуже, у него плеврит, сегодня хотят делать операцию. Разобраны предметы из Военно-исторического музея для выставки XVII в.

6 октября (23 сентября). +3°. Плечо продолжает болеть; натирать летучею мазью перестал, принимаю аспирин, который немного успокаивает боль. Узнал от Н.А., что вчера благополучно сделали операцию С.К. Богоявленскому. Начали усердно подготовлять выставку XVII в.; сегодня чистили ларцы, дамы мыли старинное серебро. После занятий зашел к «Мюру», купил ½ фунта икры паюсной. День был ясный, холодный. Заходил отец Диомид (из Троицкой Лавры), звал к Троице с ночевкой.

7 октября (24 сентября). +2°. Было заседание по устройству выставки XVII в.; чистят и моют сундуки, укладки, серебряную и медную посуду; вид многих стал неузнаваем, особенно сундуков, после снятия грязи и пыли. В.И. Троицкий принес последние перепечатанные на машинке листы своего «Указателя»; заходил Валерий Николаевич Каверзнев, брат давно умершего нумизмата[51], купил у него миниатюру «Семья Есиповых», начала XIX в., за 50 р. После занятий отправился к Танюше, отвез им мучного и деткам сластей; здоровье Маши все еще не вполне восстановилось, сидит над переводами с норвежского; выпил чаю, была Анна Александровна (тетя Аня). Без меня заходила Валя, последние дни ей лучше.

8 октября (25 сентября). +4°. К 11 ч. поехал в Оружейную палату; предварительно зашел к «Burban», в начале Арбата, съел 2 жареных пирожка с мясом по 14 к. каждый; цена высокая, но пирожки превосходны. С Арбата пешком дошел до Оружейной палаты, где тотчас же началось заседание Ученого совета; М.Н. Левенсон сделала доклад о материях, которыми обиты троны костяной, так называемый Ивана III, и трон Годунова; костяной трон теперь

не обит, но нашлась материя, которая находилась на нем или на подобном, которую решили починить (она ветха), а на троне Годунова обивка оказалась из материи первой половины XVIII в., а от древней осталась обитою часть сиденья снизу и, кажется, под позднейшею, которую подпороли, видно было старую; позднейшая обивка, времени Анны или Елизаветы, была покрыта куском такой же парчи; этот кусок посылался в Мюнхен на выставку мусульманского искусства, как материя с трона Годунова, подаренного ему шахом Аббасом; по словам Дм.Дм., так она и была записана в научном каталоге выставки (!). Затем Дм.Дм. подошел к трону Ивана и Петра и привел из «Указателя» Троицкого то место, где говорится об изготовлении трона или «места» для Михаила Федоровича мастерами иноземцами Индриком Рыфом, Изиясом Цинграфом, Яковом Ромздером и др.; без сомнения, этот трон и был переделан в 1682 г. обоим царям. Я предложил сделать некоторые исправления в «Указателе» Троицкого. Здоровье жены Д.Д-ча улучшается после операции. Из Кремля зашел к «Мюру», купил масла, сыра, колбасы. Плечо очень болит. Неожиданно, часов около 7, пришел Н.П. Лихачев, сегодня приехавший из Петербурга; он занимается дрогичинскими пломбами, и для этого ему необходимо просмотреть монеты Джучидов[52]; также ему необходимо пройти в университетский музей для осмотра тех рязанских пломб, которые издал Трутовский. Попросил у меня список моих трудов, на мой вопрос, зачем, ответил, что хочет меня предложить в члены-корреспонденты Академии наук, я ему ответил, что это излишне, и замял разговор; его труд по сфрагистике Академия начала печатать.

9 октября (26 сентября). +5°. Плечо болело всю ночь. Воскресенье и св. Иоанна Богослова. День памяти И.Е. Забелина. Вечная ему память; как часто вспоминаю его и его превосходные печатные труды. В 9 ½ ч. отправился к Вячеславу Степановичу Муралевичу на Кудринскую площадь; он еще был в постели, жена его разбудила; сказал ему о желании Н.П. Лихачева просмотреть Джучидов, которых Вяч.Ст. согласился показать во вторник. Оттуда поехал в храм Богоявления, литургия еще не начиналась; служить начали в 10 ч. 40 м.; хор Нестерова пел прекрасно. Дома встретил А.А. Карзинкина; потом пришла Л.В., сели обедать. После обеда А.А. ушел, а я побеседовал с час с Л.В. о статьях в каталоге выставки XVII в.; около 5 ч. Л.В. ушла.

10 октября (27 сентября). +5°. Дождь. Исправлял рукопись Троицкого. Отбирал для Корша серебро; пришел Лихачев, показывал ему наши печати. Погода к вечеру стала ясная, подул холодный ветер. Комнату истопила Анюта. Чувствую недомогание. Весь вечер правил рукопись Троицкого.

11 октября (28 сентября). +5°. Придя утром в Музей, имел разговор с Е.К. Муромцевой, которая со слезами мне жаловалась на грубое обхождение с нею Фомина; я ей советовал обратиться в музейский местком. С 11 ½ до 2 шло утомительное заседание комитета выставки XVII в., во время которого я убедился еще более в ничтожестве Корша, как человека и как музейного работника. В 2 ч. сходил на ½ ч. в Оружейную палату, снес Д.Д-чу исправления «Словаря» Троицкого. Назначены лица по описанию отделов выставки; я буду писать по отделу домашнего быта и о старых портретах. Н.М. Щекотов назначен главным распорядителем. Дома застал Надюшу с Лялей и Емельяна Флегонтовича с сыном Алешей, подарил мне кусок свинины. Без меня захо-

дила Валя, жена ее нашла в хорошем виде. К обеду приехал Леонид Степанович. Вечером читал о древнейших русских парсунах.

12 октября (29 сентября). +2°. В Музее осматривали Щекотов, Бакланов и я портреты для выставки, отобрали 17 штук, есть недурные, например, Алексей Михайлович, возможно, что кисти С. Лопуцкого[53], патриарха Никона с аппликацией; пришлось взять и копии из-за костюмов. Заходил Константин Владимирович Марков из Военно-исторического музея, говорили с ним о распределении оружия на выставке. Нат.Ал. и Ал.Мих. перемыли серебряную посуду в кладовой. К вечеру стало холодно, около 0°, падала крупа.

13 октября (30 сентября). +2°. На крышах снежок. Купил в Охотном ряду эмалированный урыльник за 1 р. 50 к. Познакомил моих сотрудников с моим взглядом на наши портреты XVII в. Распростился с Н.П. Лихачевым. Дополнял для каталога выставки статью о портретах. Вечером заходила Танюша.

14 (1) октября. +1°. Покров Пресвятой Богородицы. Докончил описание парсун и портретов; в Музее невозможная сутолока благодаря устройству выставки. Н.М. Щекотов подходит ко мне и говорит, что Корш интриган. Погода холодная, но ясная. По требованию французского правительства представитель большевиков в Париже Раковский отозван. Какой позор советской республике! Приходится эту пилюлю проглотить.

15 (2) октября. +2°. Небольшой снег. К 1 часу отправился на Берсеневку в реставрационную мастерскую (дом бывшего Археологического общества), где Т.Н. Александрова-Дольник показала мне шитье религиозного характера, которое там чинится; интересен св. Димитрий Солунский двухстороннего шитья. Затем перешел в иконный отдел, где будут раскрываться привезенные из Новгорода иконы; видел знаменитое «Знамение Богородицы», но еще не раскрытое, на обороте его свв. Петр апостол и Наталия; оборот расчищен. Смотрел икону Спасителя оттуда же. Полюбовался Димитрием из Дмитрова, Орантой из Ярославля (наполовину расчищена) и Благовещением из Успенского собора; показывали М.И. Тюлин и фотограф И.Н. Александров, который снимает трехцветкой Димитрия из Дмитрова, Благовещение, мадонну Рафаэля. Были: М.В. Будылина и Л.В.; с Л.В. отправился к «Мюру», купил сосисок, хлеба, яблок, сыра, масла. Погода сырая, весь день мокрый снег. Заходила внучка Нина, обедала с нами. Л.В. привезла в реставрационную палату для починки спорок с кресел Алексея Михайловича и его жены, находившихся в Звенигороде. Топил печь.

16 (3) октября. +1°. Выпал снег. Воскресенье. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове; Нестеров почти каждый раз дает песнопения новых композиторов, но не всё мне нравится. Дома был в ½ 2-го; около 2-х пришла Л.В., обедала, в 5 ч. ушла. Просматривал перепечатанные листы «Словаря» Троицкого, докончил все, устал порядком, работа скучная. Вечером пришел К.В. Крашенинников, сидел часа 2.

17 (4) октября. –1°. Из Музея в 11 ч. пошел в Оружейную палату отнесть дочитанные мною последние листы «Словаря» Троицкого; Д.Д-ча не застал, он взял отпуск на неделю для перевозки больной жены, которая очень слаба; В.Т. Баронова спрашивала по телефону дочь Д.Д-ча, та ей сказала, что мать поправляется. В Музее много хлопот с выставкой. Вечером было заседание домового комитета; центр заседания – перевыборы председателя, избран вместо Алексеева – П.С. Рожицкий. Заседание было бурное с отврати-

тельными сценами. В каких ужасных тисках мы живем! Во время заседания пришли М.Д. Езучевский и М.Н. Гусева в гости, я их попросил уйти, что они и сделали.

18 (5) октября. 0°. Выпал снег. День именин моих. В Музее весь день была сутолока с устройством выставки; я, Л.В. и А.М. расставляли медную посуду, укладки, подголовки, коробьи и т.п. по стеллажам. Маша и Яльмар прислали через Л.В. поздравительные письма. Н.А. Гринвальд поднесла мне плитку шоколада, Л.В. кожаную сумку, которую еще не сшила. Без меня пришли Владимир Матвеевич Позднеев и внучка Нина, принесла пирожного. Обедали с нами Лёля и Матвей Алексеевич; после обеда пришел Саша Орешников. На улице грязь.

19 (6) октября. +5°. Весь день в Музее шли хлопоты с устройством выставки; Корш объявил, что отдела государственного быта, за неимением места, не будет; на заседании я сказал, что Корш отменяет отдел государственного быта и военный, на что Лепешинский выразил протест и потребовал обязательного их устройства; Коршу пришлось уступить. Пришел К.В. Марков, принес очерк военного отдела. Общую редакцию очерка выставки поручено вместо Корша сделать Н.С. Воскресенской. После занятий пошел с Л.В. в книжный магазин, где купил Яльмару и Маше по книжке в подарок на именины и рожденье и географические учебники для обоих. К вечеру стало холоднее. Во время обеда пришла Танюша, но я с нею мало сидел: писал о домашнем быте выставки.

20 (7) октября. +1°. Плохо спал, болела экзема и правое плечо. Хлопоты на выставке большие, не достает рабочих рук. Получил от Веры и Наташи поздравительные письма из Парижа. Докончил заметку для выставки о домашнем быте.

21 (8) октября. +4°. День кончины матери, царство ей небесное. В Музее отобрал для выставки 4 надгробия, найденных в Москве, из них одно немецкое. Перепечатан на машинке мой очерк домашнего быта на выставке. Л.В. пришла полубольная. После занятий ходил с ней к «Мюру», где купил для Танюши сосисок, сыра и масла. После обеда в 6 ч. отправился к Танюше, сегодня день рождения правнучки Маши, ей 10 лет; пил чай в обществе Екатерины Алексеевны Бальмонт, Б.А. Диатроптова; позднее пришел Ю.Д. Цертелев, стали снова пить чай; пришла Н. Павлович, разговоры были малоинтересные; все дети были не в духе. В 11 ч. я уехал. Топил днем печь.

22 (9) октября. +1°. Вчера взял ссуду в 50 р. *на 2 месяца*. Около 10 ч. поехал в Музей, хотя сегодня занятий нет, где свиделся с Н.С. Воскресенской, которая познакомила меня с некоторыми ее сокращениями данных ей статей о выставке. Намечал с Г.Л. Малицким и Н.М. Щекотовым, какие надписи делать на экспонатах отдела домашнего быта. Пришла Н.А. Бакланова, совещался с нею, как развесить некоторые портреты. Выпив стакан чая, во 2-м часу поехал в Цекубу справиться об академическом обеспечении, канцелярия закрыта по случаю каких-то похорон, но швейцар сказал, что деньги выдадут, как он слышал, через 2 месяца (!). Вместо отозванного из Парижа Раковского туда большевики назначили Довгилевского, бывшего полпреда в Японии.

23 (10) октября. +1°. Воскресенье. Был за литургией в храме Богоявления в Дорогомилове; пение хора Нестерова было прекрасное; мне понрави-

лось «Верую» Архангельского. От Тверских ворот поехал в автобусе № 9, из окна впервые видел площадь, образовавшуюся после сломки храма на углу Столешникова переулка. Прочитал судебное дело английских шпионов, сегодня напечатано показание двоих Прове, которые во всем сознались. Часа в 3 приехали Надюша с Ниной и ее малюткой мальчиком Юрою; очень смышленый ребенок, ему 2 г. 1 м., но обилие слов, какие он произносит, очень велико для его возраста.

24 (11) октября. +2°. Дождь. Много хлопот по выставке, осуществлению которой мешает Корш, так как сам ничего не подготовил к открытию своего отдела, он пускает в ход всякие интриги. В газетном отчете о суде над английскими шпионами сказано, что прокурор требует смертной казни над обвиняемыми, в числе их оба брата Прове. Вечером просмотрел сокращения статей для выставки, произведенные Н.С. Воскресенской; местами чувствуется, что она не все понимает, что читала. Привезли тело Южина, выставили в фойе Малого театра; была там Лёля, народу много, но останавливаться у гроба не разрешали.

25 (12) октября. +2°. Дождь. Мой отдел домашнего быта на выставке почти кончен; пришел М.М. Богословский, осматривал выставку. Беседовал с Н.С. Воскресенской по поводу ее сокращений статей по выставке, указал ей на некоторые несообразности, затемняющие смысл; она во всем согласилась. Из газет узнал, что пленум коммунистической партии исключил из Центрального комитета партии членов партии Троцкого и Зиновьева за то, что обманули партию и грубейшим образом нарушили взятые ими на себя обязательства. Суд приговорил 2-х Прове и Корепанова к расстрелу. Сегодня торжественно похоронили в Новодевичьем монастыре артиста Южина, я не был поклонником его как артиста. Прочитал «Смерть Иоанна Грозного» Толстого; на долю Грозного автор отвел слишком много свирепости, но мало оттенил его ум.

26 (13) октября. 0°. Холодный ветер, стихший к вечеру. Продолжалось устройство выставки; был К.В. Марков, который завтра приступит к устройству военного отдела. Состоялась закупочная комиссия в лице Корша, Протасова и меня; цены намечены, но покупать не можем, так как кредит еще не открыт. После занятий ходил с Л.В. в пассаж, где купил теплые кальсоны за 5 р., к «Мюру» за чаем. Вечером зашла Танюша, вернувшись из Химок от Ани. Сегодня *вернул* в Музей ссуду в *50 р.*, взятые пять дней назад.

27 (14) октября. +1°. Утром сильный дождь и туман, к вечеру все прошло. С 1 ч. дня М.М. Богословский начал со всем комитетом осматривать выставку, моим отделом домашнего быта остался очень доволен. К.В. Марков начал устраивать военный отдел. По телефону Л.И. Пономарев просил меня зайти в Оружейную палату, в 3 ч. я пошел, встретил там Д.Д. Иванова, его жену перевезли домой, она поправляется, хотя слаба; Пономарев передал мне корректуру «Словаря» Троицкого, фамилии от начала, кончая «Кириллов Терентий». Купил 2-е издание «Истории г. Москвы» И.Е. Забелина у А.В. Гладкова (вестибюль Исторического музея) за 3 р. 25 к. без атласа, мой экземпляр, подарок Ивана Егоровича, украден из шкафа жильцами. Вечером было заседание домового комитета (о старом доме, из которого уехали Wagon-lits), я не присутствовал, правил корректуру; набор страшно мелкий, много букв выпало.

28 (15) октября. +2°. Весь день дождь. Купил 3 пары прекрасных золотых серег XVII в. за 60 р. Расставляем серебро на выставке. В 7 часов отправился на заседание Академии материальной культуры, председатель М.М. Богословский; читала Н.А. Бакланова доклад о ее раскопке стекольного завода Коэта XVII в. в Духанине, близ Нового Иерусалима; честь открытия завода по архивным документам принадлежит ей; при докладе она демонстрировала осколки посуды XVII в. и те горшки, т.е. их части, в которых плавилось стекло. Народу было мало, всего 8 человек, кроме председателя и докладчицы.

29 (16) октября. +4°. Дождь. Утром передвинул из моего бывшего кабинета шифоньеру, которую поставил в столовою на место книжного шкафа, который перенесен в коридор. В 12 ч. поехал к «Мюру», съел 2 слоеных пирожка по 14 к., купил масла и сыра, прошел в Музей, где Л.В. расставляла серебро; в начале 3-го мы ушли, я отправился к Танюше, но ее не застал: уехала в Химки к Ане, ее муж, кажется, получает приход у великомученика Никиты; посидел с Ек.Ал. и Марг.Ал., попил с ними чаю, пришла внучка Маша, ее здоровье улучшается. Из газет узнал, что оба Прове и Корепанов расстреляны. Вечером правил корректуру «Словаря» Троицкого; с трудом правлю полосы две – так мелок шрифт. Топил печь.

30 (17) октября. +7°. Дождь. Воскресенье. Был за литургией в храме Богоявления в Дорогомилове, пел хор прекрасно. К обеду пришла Л.В., Лёля; после обеда приехала В.А. Попова, у нее 8 месяцев назад родился сын; я с дамами не сидел, правил корректуру.

31 (18) октября. –4°. Смотрел Уральскую выставку, которую устроил В.С. Воронов; предметы XIX ст., но многие сохранили старые традиции в типах. На нашей выставке почти не был: были открыты окна для промывки стекол. После занятий сел на автобус 9-й линии (№ автобуса 11), не доезжая Ильинских ворот показался огонь, шофер остановил, все выскочили, но через минуту огонь потушили и мы поехали. Докончил корректуру 23-х полос набора «Словаря» Троицкого.

Ноябрь 1927 г.

1 ноября (19 октября). +1°. В 11-м часу пошел из Музея в Оружейную палату, где вручил Л.И. Пономареву проверенные 23 гранки набора «Словаря»; Д.Д. сказал, что на заглавном листе должно стоять мое имя; условились так: «под наблюдением» моим, но не под редакцией; короткое предисловие (оно, оказалось, написано Д.Д.) решено напечатать в начале на особой странице; в нынешнем году будет отпечатана только половине труда, за неимением денег. Д.Д. показал кое-какие вещи из имеющих быть выставленными на выставке к 10-летию революции в Оружейной палате; великолепны чудесные попоны, интересны китайские седла, привезенные Спафарием; затем Д.Д. провел в кладовую, где смотрели драгоценные предметы из Новодевичьего монастыря, привезенные на временное хранение: очень богат золотой оклад на иконе Смоленской Божией Матери с великолепными дробницами; любопытна по золотому окладу варварской работы на иконе Млекопитательницы. Возвращаясь в Музей, видел садящегося в автомобиль Троцкого. В Музее продолжали декорировать серебром все 3 витрины. Ушел из Музея с

Нат.Дан., приезжавшей отбирать вещи для выставки в музее Донского монастыря. Забыл упомянуть, что в Музее видел Марину Михайловну Постникову, ее вид мне понравился.

2 ноября (20 октября). +2°. Сильный холодный ветер, к вечеру стало холоднее. В Музее писал объяснительные этикетки к посуде на выставке. Из Государственного банка передано в Музей 287 золотых и электровых монет, вес 3015 граммов, между ними статер Фарзоя, золотой Алексея Михайловича и др. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», где я купил себе глубокие резиновые галоши (3 р. 30 к.)

3 ноября (21 октября). – 4°. Написал А.А. Ильину о получении монет из банка, и чтобы за эрмитажными он прислал не ранее конца ноября. Продолжали размещение вещей на выставке; в 1 ч. началось заседание комитета выставки XVII в., С.В. Бахрушин выступил против объяснительного текста, составленного красным профессором Милоновым к его отделу с диаграммами; замечания С.В.Б. он принял к сведению. После занятий пошел с Л.В. к «Мюру», где купил картонку (из фанеры) для фуражек за 2 р. 65 к. Сильный пронзительный ветер, хотя температура на 0°. К обеду приехали Надя с Митей и Нина. Вечером пришла Танюша, сказала, что прихода священнику Бруни пока не удалось получить.

4 ноября (22 октября). –2°. Праздник Казанской Божией Матери, отменен большевиками. Слышал, что Казанский собор, наш музей и музей храма Василия Блаженного со вчерашнего дня запечатаны на 3 дня по случаю ожидающихся торжеств 10-летия революции; занятия в Музее прекращены до вторника. Весь день отдыхал, раскладывал несколько раз пасьянс, читал «Историю города Москвы», И.Е. Забелина. Читая ее, забывал, что И.Е. историк: он передает многие легендарные события, чудеса, как истинные факты, нисколько не оттеняя их неправдоподобность. Что это? Вера в сверхъестественное, или признак умственной слабости? Но огромный материал, собранный им, поразил меня. Большое ему за это спасибо. Днем шел небольшой снег.

5 ноября (23 октября). +1°. Несколько дней, как в нашем коридоре идет ломка стены: делают дымоход для квартиры, которая строится на месте нашего бывшего каретного сарая, погреба; пыль и грязь. В 11 ч. отправился к «Мюру», купил масла, сыра, ветчины, икры, всего на 10 р.! Дорога отвратительная, скользко, масса падающих. За обедом ели редкое теперь блюдо – блины с икрой, маслом и сметаной (съел 7 блинов).

6 ноября (24 октября). +2°. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове, пел хор Нестерова прекрасно, большею частию произведения Чеснокова, не всё мне понравилось. К 2 часам пришли Л.В. и А.А. Карзинкин, обедали, пришли также Лёля и П.С. Рожицкий, скоро ушедшие; беседовали только Л.В. и А.А. Проехал всю Садовую от нас до Смоленского рынка, почти все фасады домов увешаны красными флагами, надписями по поводу 10-летней годовщины революции, портретами Ленина и т.д. Погода сырая, дождливая, снег стаял. Газеты вышли в тройном, даже больше, объеме; полны рисунками, статьями в хвалебном тоне по адресу к большевизму; я их, впрочем, не читал. Вечером был у нас Д.Д. Иванов, привез мне билет для входа на выставку «Конюшенной казны» в Оружейной палате на вторник; беседовали с ним на всякие темы, между прочим, он отнесся отрицательно к постановке Станиславского «Царская невеста», которую видел на днях: режиссер про-

явил полное невежество относительно стиля эпохи, в костюмах, в обстановке; много было предметов XVIII, вместо XVI в.

7 ноября (25 октября). +3°. У большевиков торжество, празднуют 10-летие революции, все закрыто, занятий нет. Топил печь, весь день читал; никого не было, так как трамваи не ходят. Вечером к жене пришли А.Н. Коболева и О.И. Зауер.

8 ноября (26 октября). +5°. Ночью болела экзема и правое плечо, плохо спал. Придя в Музей, отобрал те экземпляры золотых монет, присланных из Государственного банка, которых нет в собрании Исторического музея. В 12 ч. пошел на открытие «экспозиции» Конюшенной казны в Оружейной палате. Вещи конского убранства великолепны; интересны 2 китайских седла, привезенных в XVII в. Спафарием; посмотрел костюмы цариц XVIII в., Петра II; впрочем, я их видал ранее. Объяснения давал Д.Д. и палатские дамы, особенно М.М. Денисова. Публика состояла только из жителей Кремля. Жаль, что многим интересующимся выставка недоступна. День был ясный, теплый, как весной.

9 ноября (27 октября). +5°. Устанавливал с Л.В. и А.М.Б. серебряную посуду в малой витрине по системе, мною указанной. Получил чрез Т.Н. Александрову-Дольник починенные в реставрационной мастерской обивку с кресла Алексея Михайловича и с другого кресла XVII в.; за чинку заплатили 150 р. Просил Лепешинского устроить пропуск в Кремль на выставку в Оружейной палате сотрудникам моего отдела; обещал все сделать. Без меня была Валя, чувствует себя лучше. К обеду приехала Надя, жалуется на сильные головные боли.

10 ноября (28 октября). +7°. В Музее стараемся научнее расставить серебряную посуду в 3-х шкапах. Ездил в Цекубу, где выдали 60 р. академического обеспечения за октябрь. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», где купил колбасы, оттуда зашел во 2-й МХАТ (бывший театр Незлобина), взял на субботу место на «Смерть Иоанна Грозного» (бельэтаж 4 ряда № 92) за 2 р. 50 к. В газетах напечатано, что бюро московского комитета ВКП исключило из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и Смилгу и сняло с ответственных постов всех лидеров оппозиции.

11 ноября (29 октября). +8°. Дождь. Решили разместить серебро следующим образом: витрина с русским серебром, другая с западным и небольшая с посудой XVI и началом XVII в. Приехал из Петербурга М.М. Богословский, прошелся по выставке, очень критиковал отдел Корша; сообщил, что здоровье С.К. Богоявленского неважно, температура держится высокая, кажется, придется выпилить еще ребро.

12 ноября (30 октября). 0°. В 11 ч. поехал в книжный магазин Государственного издательства, где купил за 2 р. 75 к. «Тутанхамон» Картера и Мейса. С Кузнецкого моста зашел к «Мюру», съел пирожок за 10 к., купил жене гребенку (72 к.), и оттуда отправился в Оружейную палату на заседание ученого комитета, разбирались вопросы о карточной системе для коллекций, о передаче альбома Рихтера в «Дом боярина» с чертежами этого здания и т.д.; купили за 150 р. акварельный вид теремов, сделанный в конце XVIII в. Из Кремля с Д.П. Суховым прошел в собор Василия Блаженного, где он мне показал подклети XVI в.; в одной из подклетей лет 40 назад я был с архитекторами Археологического общества, помнится, с Мазыриным и Мейснером,

и меня поразило, что пол был усеян орехами, которые хрустели под ногами; видел медную лампаду с интересною надписью о принадлежности ее церкви Покрова «на Убогих домах» и с именем мастера. Оттуда зашел вторично к «Мюру», купил сыра и масла. На Красной площади, около входа в Исторический музей, стоит локомотив с тендером, сделанный в натуральную величину из дерева для какого-то кино в Вхутемасе; на него глазеет масса зевак. Купил по 2-м ордерам 2 сажени березовых дров по 17 р. за сажень и за провоз 10 р. Вечером был в театре на «Смерть Иоанна Грозного» гр. А.К. Толстого; по-моему, это была не игра, а балаган: ни одного слова не было просто произнесено, все движения были неестественны, были какие-то кривляния, единственным исключением был Готовцев, игравший Гарабурду, местами недурен был Берсенев в роли Годунова[54]. Декорации – один ужас! Почему-то все столбы под сводами наклонены вбок, о стиле росписи и говорить нечего. Великолепное серебро XVI в. не было представлено, вместо него какая-то темная посуда (но, может быть, это не по средствам). Бросались в глаза такие промахи: предлагают Годунову выпить чару вина, он выпивает братину. Театр был переполнен (начался в 7 ½ , окончился в 10 ¾ ч., много сокращено). Вышел на площадь, шел сильный снег. Дома топлена печь. Героя пьесы исполнял Чебан, на его игру мне тяжело было смотреть, хотя он употреблял все силы представить в Грозном психически ненормального человека. Без меня была Танюша.

13 ноября (31 октября). +2°. Воскресенье. Погода убийственная, сыро, туманно, едва добрался до бульвара по лужам, сел на 23 № и через Кудрино поехал в храм Богоявления к литургии; великолепно пел хор Нестерова литургию Чайковского, в которой далеко не все мне понравилось. К обеду пришла Л.В., побеседовал с ней, в 6 ч. она ушла; обшила мне голубоватой тафтой абажур на лампу к кровати.

14 (1) ноября. –1°. Сегодня день трагической смерти покойного Лёши, царство небесное его мученической душе. Выпал небольшой снег на смену вчера стаявшего, резкий ветер. В Музее пересматривали серебро, многое исключили. После занятий съездил к Танюше, купил малость съедобного, посидел с полчаса. К нашему обеду пришла Валя, вид ее мне понравился. Получил от Н.П. Лихачева письмо, просит выслать список моих статей для представления их в Российскую академию наук на случай избрания меня в члены-корреспонденты Академии; ответил ему, что списка не пришлю.

15 (2) ноября. –3°. Наконец принялись на выставке за устройство военного отдела. Продолжаем сортировать посуду, все, что начала XVIII столетия, удаляем. Слышал, что сегодня удаляют еще ребро у С.К. Богоявленского. Жаль его. Сегодня выставили балконную дверь.

16 (3) ноября. –3°. В Музей заходил Д.Д. Иванов, осматривал серебро, дал несколько ценных указаний, после которых пришлось несколько вещей удалить, у других исправить названия. Военный отдел подвигается, но не все еще размещено. Узнал, что Л.И. Пономарев записан кандидатом в партию большевиков. Директором в Петербургский Эрмитаж назначен Вальдгауер. Приехала Адель Шмидт. Истоплена печь. С большим интересом читаю историю открытия замечательного погребения Тутанхамона.

17 (4) ноября. –3°. На выставке поставили в отделе домашнего быта новую небольшую витрину для медной мелкой посуды; военный отдел почти

закончен устройством. Было заседание общеисторического разряда, читал С.В. Бахрушин о записных тетрадях купца Кошкина конца XVII, начала XVIII в., но я, к сожалению, за недосугом, не мог присутствовать. Заходил Сосновский, сообщил, что Ф.И. Прове с 2 сыновьями в воскресенье уезжает в Ташкент, жена его остается здесь. Получил 2 сверстанных листа «Словаря» Троицкого. После занятий отправился с Л.В. на Тверскую на выставку обезьян, которых более 50; есть недурные экземпляры; кроме того в зверинце 2 удава, тюлень, крокодил (довольно большой) и 2 дикобраза; тюленя мы покормили рыбой, а обезьянок конфектами. Вечером правил корректуру листов 1 и 2-го «Словаря»; удивляюсь на Пономарева, как мог он выбрать такой мелкий шрифт.

18 (5) ноября. –3°. Выставка открывается послезавтра, но работа по ее устройству продолжается, все изнервничались, нередко слышны недовольные возгласы. Заходил в Оружейную палату, вручил Д.Дм-чу подписанные мною 2 первых листа «Словаря» Троицкого; беседовал с ним относительно выставки резьбы по серебру, которую хотят устроить в «Доме боярина», ожидает быть интересной. В Музей пришел С.Н. Тройницкий, сегодня приехавший из Петербурга; директор в Эрмитаж еще не назначен; рассказывал, что во время советских празднеств в Петербурге было неспокойно, Зимний дворец был оцеплен. После занятий заехал к В.А. Никольскому, вручил ему пригласительный билет на открытие нашей выставки. За обедом были блины с красной икрой. Вечером пришла Валя.

19 (6) ноября. –7°. С утра до 3 ½ заканчивали размещение немногих нерасставленных экспонатов; поставили 3 больших парсуны из Архангельского собора, повесили 2 на днях полученных из петербургского фонда венецианских зеркала XVII в.; суетня была страшная, дамы разнервничались. В 1-м часу состоялось небольшое заседание Ученого совета, на котором М.М. Богословский прочел отчет о заседаниях комитета выставки. Я ушел из Музея в 3 ½ ч., но обе дамы и А.М. остались доканчивать прикрепление сосудов проволокою к стеллажам. Очень эффектна зала с серебром, особенно при электрическом освещении. Из газет узнал, что вчера застрелился большевик Иоффе.

20 (7) ноября. –8°. Воскресенье. В 11 ч. отправился в Исторический музей; прошел в залы выставки, кое-где еще слышны были стуки молотков. В начале 1-го Лепешинский произнес вступительное слово, поблагодарил поименно всех устроителей выставки; после него М.М. Богословский повторил в сокращении вчерашний отчет, наконец, Ф.Н. Петров произнес длинную малопонятную речь на тему о современных задачах музеев; около 2-х все отправились на выставку, народу было много; я объяснял нескольким группам, в которых были Е.П. Богословская, Е.А. Ордынская (зубной врач); в 3 ½ ч. по звонку стали расходиться, и я уехал домой вместе с Л.В. По отзывам многих, выставка производит хорошее впечатление. После обеда я немного вздремнул на кресле и около 8 стал собираться к Северцовым (живут в здании университета на Никитской), пришел К.В. Крашенинников, побеседовав с ним с ¼ ч., поехал. У Александра Николаевича Северцова (жена его Людмила Борисовна) собралось до 30 или более человек, все больше профессура и слушатели Ал.Н-ча; из знакомых была чета Кречетович, оба Богословские, Н.А. Бакланова. А.Н. рассказал о своем летнем путешествии в Германию, остановившись подробно на г. Роденбурге, отлично сохранившем свой облик с

XVI в.; свой рассказ иллюстрировал открытыми письмами чрез эпидиоскоп на экране; затем описал научное путешествие в Стокгольм с целью повидать специалистов по вопросу о строении ископаемых рыб. Лекция была очень интересна. После вся публика расселась за 4 столами, и Людмила Борисовна угостила бутербродами (с икрой, рыбой, мясом), пирожками (с мясом и капустой) и чаем. Ровно в 12 я ушел, спеша застать трамвай.

21 (8) ноября. –6°. Почти все время в Музее, при помощи Л.В. и А.М., я исправлял ошибки в «Спутнике по выставке»; исправление еще не кончено. Получил от А.П. Калитинского из Праги от 15/X письмо; пишет, что моя статья о перстне Алексея Митрополита отдана в печать. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», где купил себе теплые перчатки за 2 р. 43 к. Вчера вечером, когда я возвращался домой, то застал милиционера в комнате Точилкина, в которую через окно залез вор и украл что-то из одежды.

22 (9) ноября. –5°. Докончил корректуру «Спутника по выставке», передал ее Протасову для отсылки в типографию. С сегодняшнего дня введена запись часов прихода и отхода в Музей. С 12 ½ ч. объяснял сотрудникам Музея отдел домашнего быта на выставке. После занятий заходил с Л.В. к «Мюру», купил сосисок. Заходил Тройницкий, рассказывал про отношения между служащими Эрмитажа, между прочим, весь отдел монет решил не подавать руки Орбели. К 7 ч. поехал в ОИДР на заседание, посвященное памяти Н.А. Рожкова; вступительное слово сказал М.К. Любавский, после которого память Н.А. почтили вставанием, за ним В.Н. Бочкарев прочел обстоятельную речь о научных трудах Н.А., охарактеризовав его, как ученого марксиста; в заключении М.М. Богословский поделился личными воспоминаниями о Н.А., очень тепло составленных; кончилось около 10 ч.

23 (10) ноября. –5°. Утром продержал корректуру 7 гранок «Словаря». Придя в Музей, встретился с Троицким, который обратился ко мне с просьбою поделиться слюдяными рамами и пушками XVII в. с музеем Донского монастыря; я ему посоветовал обратиться по этому поводу к директору. Ходил на ½ часа в Оружейную палату, отнес корректурные гранки. Л.И. Пономарев рассказал мне, что он нашел на Никольской в церковном доме храма Владимирской Божией Матери помещение для канцелярии Оружейной палаты, куда ее сегодня и переносят; в комнате, где была канцелярия, будет библиотека, реставрационное отделение и еще что-то. Дм.Дм. сообщил о статье Д.И. Успенского для «Сборника Оружейной палаты» «Чистка оружия». В Музее состоялась закупочная комиссия, особенно интересного ничего не купили. Заходил С.Н. Тройницкий проститься (сегодня уезжает), я ему показал уральскую выставку, а Л.В. показала серебряную посуду на выставке. После занятий зашел с Л.В. к «Мюру», купил мыла. Адель Шмидт уехала домой. Вечером пришла Танюша, сообщила приятное известие, что священник Н.А. Бруни получил место в соборе Орехова-Зуева, где уже служил несколько дней.

24 (11) ноября. –5°. Обратился к Лепешинскому с просьбою пропустить в Оружейную палату пятерых сотрудников моего отдела, он дал записку в комендатуру Кремля. В 2 часа состоялось заседание общего собрания, Лепешинский произнес речь о достижениях за 10 лет, все великолепно, мы во многом перещеголяли Европу; все смеялись, слушая его болтовню. После Л. стал говорить Корш, я и обе сотрудницы ушли. Пошел с Л.В. в Столеш-

ников пер. к Альберту, где купил ореховый торт В.А. Никольскому. Около 8 поехал на именины к Никольскому, народу было очень много, человек 20, так что сидели на чемоданах и т.п. за неимением мебели; я сидел с очень милой дамой (звали ее Зинаида Петровна) и Варварой Ивановной Второвой с одной стороны, слева сидел П.П. Кончаловский; болтали очень оживленно; Дм.Дм. заехал до моего прихода на короткое время, так как командирован в Петербург с Вайнером из Отдела по делам музеев; угощали обильно, но невкусно, я поел только пирога с капустой и выпил красного вина; в 11 ½ ч. уехал домой.

25 (12) ноября. –8°. Придя в Музей, тотчас же отправился к коменданту Кремля с запиской Лепешинского о пропуске сотрудников в Оружейную палату, но коменданта не застал, говорил с товарищем Беляевым, сказавшим, что без разрешения коменданта пройти нельзя, просил позвонить ему в конце дня, звонил в 3 ч., но комендант еще не приходил, думаю пойти завтра. В 1-м часу начал давать объяснения залы домашнего быта популяризационному отделу, объяснял часа два. После занятий отправился к Ал.Андр-чу, он лежит 4-й день, страдает воспалением седалищного нерва. Заходил из комендатуры в Оружейную палату, где сообщил Д.Д-чу о намерении посетить во вторник Оружейную палату сотрудникам Музея; Д.Д. сегодня уезжает в Петербург. Написал в Прагу Калитинскому выслать мне книгу Нидерле о славянских могилах.

26 (13) ноября. –3°. Выпал небольшой снег. Около 11 поехал к «Мюру», купил себе и Танюше сыра, масла, и проч., оттуда прошел в Исторический музей, где оставил покупки и отправился в Кремлевскую комендатуру, зашел в Оружейную палату, поговорил с Пономаревым (Д.Д. уехал в С.-Петербург), выпил кружку чая и прошел к помощнику коменданта Беляеву, сказавшему мне, что впуск в Кремль разрешен просимым лицам через Троицкие ворота во вторник. В Музее меня ждал А.М. Бардыгин, который сообщил по телефону о разрешении Л.В-не. Из Музея проехал к Танюше, попил чаю с сухарями, дал Яльмару конфект по случаю дня его рождения, побеседовал с Е.А. Бальмонт и оттуда проехал по **А** до А.А. Карзинкина; он еще лежит, но ему лучше; дал ему плитку шоколаду; у него сидела Ирина Матвеевна Соколова; Аделина Антоновна угостила кофеем с сбитыми сливками; посидев с полчаса, ушел домой. Выпало порядочно снега. В 8 ч. отправился к Н.А. Баклановой; у нее сидел М.М. Богословский, затем пришли оба Северцовы, М.Н. Сперанский, М.К. Любавский и часов в 10 Е.П. Богословская; главные темы разговоров были у академиков о делах академии, о членах Академии (не без злословия), о современном положении (ожидают войны). Угощала Н.А. очень хорошо: пышки с мясом, капустой, паюсная икра, вино красное и чай. Около 12 Сперанский и я ушли. Между прочим, в разговорах академики упоминали о кандидатах в действительные члены академии и между ними много говорили о проф. Д.Н. Егорове, которого хотят провести; заметно было, что некоторым это не нравится, и высказывались, что он уже 35 лет наукой не занимается, посвятив себя административным должностям. Слышались прения при разговорах об Ольденбурге, Ферсмане и др.

27 (14) ноября. –2°. Воскресенье. Был за литургией в храме Богоявления, хор Нестерова прекрасно пел обедню Чеснокова, мне очень понравилось: Отче наш, Верую, Хвалите Господа с небес (причастный стих) и др., менее

эктении. Подсыпало еще снегу, днем температура 0°. Часа в 4 приехала внучка Маша с троими детками; Маша и Яльмар сидели довольно долго у меня и говорили много стихов довольно трудных, например, «Бородино», «Утопленник» и др.; около 7 все уехали.

28 (15) ноября. –1°. В Музей не пойду; сегодня и завтра заниматься не будем, оба дня дали на отдых вместо двух субботних дней, когда мы являлись на службу для подготовки выставки. В 1-м часу поехал в Охотный ряд, купил жене яблоков, взял на «Ревизора» билет в Экспериментальном театре на 5 декабря, купил у Прохорова компота. Обедали в 4 ч., к обеду пришла Л.В., в 6 ч. ушла. Неожиданно вечером пришел (вчера прибывший из С.-Петербурга) А.Н. Зограф с супругою Ольгою Григорьевной (рожд. Котовой), очень милою дамой, ее специальность керамика; теперь она занимается трипольскою культурой; побеседовали о Праге, с которою у нее есть связи, об эрмитажных делах, главным образом, о некрасивых поступках Орбели.

29 (16) ноября. –2°. В 11 ¼ приехал в Музей, куда собрались пятеро (А.М., Л.В., Н.А. Гринвальд, Н.А. Бакланова, и Н.И. Привалова) и через Троицкие ворота, после соблюдения формальностей, прошли в Оружейную палату, где М.М. Постникова, М.М. Денисова, В.К. Клейн и Н.Н. Померанцев показывали все сокровища Палаты, выставку Конюшей казны, подробнее мы осмотрели отдел церковной старины. Н.Н. Померанцев предложил осмотреть выставку деревянной скульптуры в храме Михаила Малеина около Вознесенского монастыря; выставка небольшая, но вещи преинтересные, начиная с XV в.; между ними деревянная скульптура, работы Ермолина, Георгия Победоносца, некогда стоявшая на Спасских воротах; деревянные скульптурные надгробия с рак московских святителей и др.; замечательны каменные звери со Спасских ворот. Из Вознесенского монастыря прошли в Архангельский собор, посмотрели иконы, могилы великих князей, царей. Сколько воспоминаний у меня всегда было, когда я ходил в Кремль, а теперь, особенно после внимательного прочтения «Истории города Москвы» И.Е. Забелина, всякое место что-нибудь мне говорит о прошлом.

30 (17) ноября. –4°. В Отделе рукописей просматривал опись Патриаршей ризницы 1701 г. (из Синодальной библиотеки) в надежде найти описание перстня Алексея Митрополита, но пока не нашел, придется пересмотреть лист за листом. Кое-что объяснил из предметов на выставке XVI–XVII вв. сотрудницам отдела популяризации. После занятий зашел с Л.В. к «Мюру», купил сыру, торт и 1 бутылку мадеры и вместе приехали домой. К 5 ч. пришли оба Зографа, Б.Н. Граков, все сели обедать, но Зографы долго не остались, уехали в Художественный театр смотреть «Дни Турбиных»[55], а вскоре ушли и Л.В. с Граковым. В конце обеда зашла Валя, вид ее сегодня болезненный.

Декабрь 1927 г.

1 декабря (18 ноября). –2°. С 10 ч. собрались в Музее: Зограф (от Эрмитажа), Харко (от Музея Изящных искусств), Прохоров и я (от Исторического музея) и стали разбирать монеты из фонда; я заявил претензию на все боспорские монеты; среди отобранных мною есть очень интересные. Разбор продолжится несколько дней. После занятий зашел к А.А. Карзинкину,

он встал; я посидел с ним полчаса, выпил чашку кофе. Дома застал Надю с Митей.

2 декабря (19 ноября). –2°. Прочитал «Записки» М.И. Глинки, я их ранее читал, но захотелось возобновить в памяти, как творил наш гениальный музыкант свои бессмертные оперы. Это была настоящая славянская натура, например, задумав «Руслана и Людмилу», плана оперы не составил, а какой-то Бахтурин, на вечере у Н. Кукольника, под пьяную руку в ¼ часа написал план! И вообразите, пишет Глинка, опера сделана по этому плану. По-видимому, Глинка был неврастеник: живя в 50-х годах в Париже, когда уже местами появились железные дороги, он стал собираться в Россию на лошадях, купил коляску, но лошадей на станциях уже не было, пришлось ехать в вагоне. В Музее продолжается разборка монет; из отобранных много монет интересны: серебряная монета Феодосии, монета Артаксии. Заходил И.Е. Бондаренко, он перебрался совсем в Москву. Видел А.Н. Свирина, приглашал в Музей Сергиевой Лавры посмотреть новую расстановку вещей. Вечером просмотрел данный мне В.С. Муралевичем клад из 136 медных монет, найденных близ Куру-Баша (около Феодосии), состоящий из 28 монет Фофорса, 9 Радамсада и 99 последнего Рискупорида[56]; новых годов не нашел.

3 декабря (20 ноября). –7°. В 1-м часу поехал в реставрационную мастерскую (дом бывшего Археологического общества), где Григорий Осипович Чириков показал знаменитую икону Знамения из Великого Новгорода, которую расчищают; расчистку временно прекращают, икону новгородские живоцерковники потребовали на праздник Знамения 27 ноября, после которого она будет возвращена, сопровождает икону П.И. Юкин. Лик Богоматери и Христа еще не расчищен, слой на ликах с живописью XVI в. пока ими оставлен; я заметил на открытых местах древнейшую живопись и буквы золотом **Х** и **Р**, вероятно, XII или XI в. Посмотрел икону Оранты из Ярославля, живопись прекрасна, выражение лица Богоматери девственное. Посмотрел чинящееся шитье: плащаницу из Вознесенского монастыря 1627 г. и тканую обивку с кресла Алексея Михайловича из Звенигорода (кресло у нас на выставке). С Берсеневки проехал к «Мюру», купил сыру и печенья. Зайдя утром к моему парикмахеру побриться, просмотрел последние журналы («Крокодил», «Красную Ниву», «Огонек» и т.п.), особенно меня заинтересовала карикатура на Троцкого, изображенного шарманщиком, рядом с ним певичка еврейского типа, смысл подписи тот, что как он не играет, никто его не слушает. Давно ли Троцкий был во главе, а стал критиковать, попал в «Крокодил».

4 декабря (21 ноября). Окно замерзло. Воскресенье. Праздник Введения во храм Богородицы. Около 10 ч. окно начало оттаивать, видно –7°. Был за литургией у Богоявления в Елохове, служил архиепископ Звенигородский (имя забыл[57]), пел прекрасно, как всегда, хор Нестерова; особенно мне понравились «Херувимская» Глинки, необычайно простая, «Отче наш» Шереметева и «Что тя наречем» Чеснокова; служба была продолжительная, я вышел из храма в начале 2-го часа. Дома застал бурное заседание домового комитета; я прошел в свою комнату, где сидели жена и А.Н. Зограф; в 3 часа стали обедать, кроме нас за столом сидели П.С. Рожицкий и Олег. После обеда беседовал с А.Н.З. до 8 ¼ ч.; он мне прочитал свой доклад о монетах с пегасом (Коринфа и Сиракуз) из собрания Шувалова. У жены вечером сидела Зоргаген, приходившая прощаться перед отъездом за границу.

5 декабря (22 ноября). –3°. Разбор монет из фонда кончен, что досталось на долю Исторического музея – не знаю, так как вся боспорская медь досталась нам, без разбора. Л.В. не пришла по болезни. После 3 пошел к «Мюру» с Нат.Ап. за маслом, которого не оказалось, но, по знакомству, мне продали 600 гр. Вечером был в Экспериментальном театре (бывшем Солодовникова), смотрел «Ревизора», Хлестакова играл Чехов, городничего – Борисов. Остался доволен.

6 декабря (23 ноября). –8°. В общем пьеса была сыграна прилично и срепетована старательно. Городничий – Борисов был недурен, по типу был похож на покойного Макшеева, но тот был талантливее; Хлестаков – Чехов был хорош и, по-моему, приближался к типу, созданному Гоголем; прежние Хлестаковы были хуже, но все же Чехов местами переигрывал; обе дамы неважны; хороша была Пошлепкина – Блюменталь-Тамарина[58]; об остальных говорить не стоит. Кончился спектакль поздно, в трамваи сесть не мог, пришлось взять извозчика за 1 р. 50 к.! Из Музея около 11 ч. ездил в Цекубу, получил 60 р. академического обеспечения за ноябрь. Во 2-м часу было собрание ученой комиссии, читали проект нового положения об Историческом музее. Получил записку от Л.В., ей несколько лучше. После 3-х заехал к Танюше, но ее не застал дома, купил Ек.Ал-не печенья «Альберт», а деткам баранок, сухарей. Н.Б. Бакланов уходит из Музея, его пригласила Петербургская академия художеств.

7 декабря (24 ноября). –8°. Утром послал Калитинскому письмо в ответ на его письмо; придя в Музей, получил в подарок от него просимый труд Нидерле и также письмо. В Музее совещались: Бакланов, Малицкий, Протасов и я по поводу присланного из Главнауки распоряжения о передаче Историческому музею прав на регистрацию частных коллекций. Придя домой, правил корректуру «Спутника по выставке XVI–XVII вв.». В 7-м часу поехал к Екатерине Алексеевне Бальмонт поздравить ее с днем ангела, народу было очень много, одни приходили, другие уходили; в 9 ½ ч. уехал домой. Таня сообщила, что священник Н.А. Бруни места в соборе Орехова-Зуева не получил.

8 декабря (25 ноября). Окно замерзло. Написал в Прагу благодарность за книгу Нидерле. Весь день в Музее давал объяснения по выставке, сначала Вячеславу Федоровичу Ржиге, к нему присоединилась Наталья Даниловна Рудницкая, после Н.А. Бакланова. В 1-м часу пришла Т.Н. Александрова-Дольник, принесла вычиненную обивку с кресла царя Алексея Михайловича; около 2-х давал отделу популяризации объяснения 4-х витрин: с часами, медною мелкою посудою и с финифтяною посудою и 5 польских картин в 8 зале. К обеду приехал А.Н. Зограф, сидел до 7 часов.

9 декабря (26 ноября). Окно замерзло. В 5-м часу дня термометр показывал –5°. Утром в Музее Н.А. Бакланова сообщила мне, что я избран в члены-корреспонденты Академии наук[59]. Пришла Л.В., ее здоровье несколько лучше. Было заседание выставочного комитета, рассматривались вопросы о дополнении зал некоторыми предметами и частью об удалении, например огромного шкафа, добытого из фонда Н.Б. Баклановым. После занятий заходил с Л.В. к «Мюру», купил сыру, масла, тетрадь и календарь.

10 декабря (27 ноября). –5°. Утром ходил к парикмахеру. Целый день почти ничего не делал, убирал письменный стол, мыл ноги, топил печь,

написал Н.П. Лихачеву благодарственное письмо за избрание меня в члены-корреспонденты Академии наук. Вечером было заседание домового комитета, я не выходил; пришла Танюша, беседовали с нею до 10 ¼ ч. в моей комнате.

11 декабря (28 ноября). –5°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления; пение и служение, как всегда, были превосходны. Доехал на трамвае только до Смоленского рынка, далее путь был прегражден пожарными у Дорогомиловского моста, где тушили пожар; я дошел от Смоленского рынка до храма пешком. Дома застал внучку Аню, муж ее священник без должности, они очень бедствуют, мне ее очень жалко. После обеда пришли Сережа с Юзей.

12 декабря (29 ноября). –9°. В кабинете Лепешинского заседала коммунистическая ячейка. Ходил в Оружейную палату, беседовал с Д.Д-чем относительно рисунка с перстня Алексея Митрополита; взялась сделать рисунок Марина Михайловна Постникова. Спрашивал Д.Д. о цели поездки его в Петербург, ему в фонде сказали, что экспорт хлеба за границу сократился, а необходимо правительству три миллиона, поэтому нельзя [ли] на эту сумму выделить из фонда ценностей; по мнению Д.Д., это трудно осуществить. Заседали отдел общеисторический и специально-исторический по вопросу о новом «положении о музее»; существенного замечено мало. После занятий зашел к «Мюру», купил угощение: маленький тортик и ½ фунта икры.

13 декабря (30 ноября). –7°. Открылся небольшой насморк, днем было недомогание. Утром давал в Музее объяснения домашнего отдела на выставке Л.В-не, которая в воскресенье будет показывать выставку «Обществу друзей Исторического музея». С 12 ½ до 3 ½ ч. шло заседание Ученого совета, посвященное рассмотрению Устава; рассмотрели половину; существенным считаю заявление А.И. Анисимова, обратившего внимание на малое значение Ученого совета и на большие права Правления. Об этом вопросе назначено заседание на завтра.

14 (1) декабря. –7°. Начиная с 11 ½ ч. до 4-х часов обсуждался новый устав Музея; чтения окончены, поправки внесены, кроме вопроса о просветительном бюро (отделе популяризации), для разработки которого назначена комиссия, которая доложит свои заключения Ученому совету в пятницу в 1 ½ ч.

15 (2) декабря. –4°. Вчера выдавали прибавку к жалованью всем, получающим небольшие оклады, мне, как уже получающему спецприбавку (90 р.), жалованья не увеличили. Чувствовал вчера себя нездоровым, принял аспирина, сегодня легче. Утром М.Н. Сперанский 1 ½ часа объяснял свой отдел на выставке; его отдел посвящен просвещению на Руси, которое он осветил в обстоятельном докладе, иллюстрацией которому служили рукописи и печатные книги. Затем в заседании общеисторического разряда (теперь отдела) под председательством М.М. Богословского Н.И. Привалова читала доклад о торговле в Касимове, я не стал слушать, разбирал медные боспорские монеты собрания Прове, поступившие к нам из фонда. Около 3-х Ю.В. Сергиевский выступил с докладом от Цекубу; я ушел, слишком устал от заседаний в последние дни. Приехал А.А. Спицын на выставку.

16 (3) декабря. –8°. Утром был в Оружейной палате, Д.Д-ча не застал; беседовал в Мариной Михайловной относительно рисунка с перстня Алексея Митрополита. Придя в Музей, слушал объяснения выставки, которые давала Л.В-на. Около 2-х было собрано на ½ часа заседание Ученого совета

относительно последних замечаний на Устав Исторического музея. После 3-х был с Л.В. у «Мюра», купил съедобного. К обеду пришел А.А. Спицын, приехала Надя; со Спицыным поговорил до 6 ½ ч., и он уехал; между прочим, сообщил мне, что на место Н.И. Троцкой в Отдел по делам Музеев будет назначен Гриневич, о котором он невысокого мнения. После Спицына пришла Танюша, беседовала с нами до 10 часов.

17 (4) декабря. –13°. Часу в 11-м поехал к Никитским воротам, купил в «Коммунаре» перчатки за 2 р. 28 к.; недавно купленные у «Мюра» совсем развалились. Оттуда зашел к «Мюру», купил компота, марципана. Народу в магазинах масса. К 3 часам пришла обедать Л.В., после сидела у меня до 6 часов, беседовали о нашей выставке.

18 (5) декабря. –12°. Воскресенье. Не поехал к литургии, в храме прохладно, моя лысая голова зябнет; думаю, что насморк и кашель сделались благодаря температуре в церкви в прошлое воскресенье. Вчера Лёля играла в клубе фабрики Бромлей; заработок ее 4 р.! Жаль Лёлю, какая низкая плата на труд! Весь день читал «Письма к брату» Гершензона. Как мне нравится Гершензон! По-видимому, это был высокой души человек, необыкновенной чистоты. Книга интересна тем еще, что заставляет переживать то время, которое я сам переживал. Как он любил науку.

19 (6) декабря. –16°. Праздник св. Николая Чудотворца, отмененный большевиками. Утром в Музей пришла М.М. Постникова, говорили, как лучше сделать рисунок с перстня Алексея Митрополита. Я попросил М.М-ну посетить выставку, которую сегодня обещал показать А.А. Спицыну, она согласилась, что я исполнил. В 3-м часу была закупочная комиссия. Получил, к удивлению, корректурные гранки «Перстня» из Праги. Корректуру в течение вечера исправил.

20 (7) декабря. –18°. Вчера я только что лег в 11 ч. и заснул, как был разбужен стуком в дверь П.С. Рожицким, который крикнул: «Пожар в том доме, но опасности нет». Я обулся, накинул шубу и пошел в комнату жены, которая была взволнована. Был 1-й час ночи; в окно было видно, как пылал мезонин старого дома, и пожарные на крыше заливали огонь; кажется, через час пожар был прекращен. В мезонине жил какой-то коммунист с женой и ребенком, их временно перевели в нашу столовую; женщина мне рассказала, что загорелось от печи. В 2 ч. я лег спать. В 5 ½ ч. я встал, все было тихо, сварил себе чаю, просмотрел еще раз корректуру, запаковал ее под бандеролью, которую заказным послал в Прагу Калитинскому (стоило 18 копеек). В Музее особенного ничего не было. После 3-х немедленно уехал домой, где нашел всех спокойными.

21 (8) декабря. –16°. Вернулась Лёля из Борисова, близ Царицыно под Москвой, где играла 2 вечера, заработала 12 р.; сообщила о смерти С.П. Гесселя, часто ходившего к детям. В Музее писал счета и акты на покупки. В начале 2-го часа состоялось заседание моего разряда, читал Н.Д. Протасов о 2-х кадильницах XI–XIII вв. сирийского происхождения из бывшего собрания графини Уваровой, присутствовал Эрнст[60] из Херсонеса. Днем меня стало знобить. Вечером принял аспирина.

22 (9) декабря. –8°. Получил из Цекубу академическое обеспечение. В Музее приводил в порядок боспорскую медь из собрания Прове. Заезжала во время обеда Надя на короткое время. Сестра жены Адель очень бедствует, послали ей немного с Анютой.

23 (10) декабря. –8°. Доканчиваю Гершензона, какой был способный человек, как метко подмечал характеры лиц. В Музее рассчитывался с целым рядом лиц, продавших нам вещи. Заходил П.С. Шереметев, но мало пришлось поговорить с ним, в это время принимал из редакции «Рабочей газеты» 2 грамоты: Петра Великого Савве Рагузинскому 1710 г. и Александра I на возведение девицы Кагуловой (незаконная дочь Румянцева) в дворянское достоинство. Было заседание комитета выставки с докладом М.И. Александровского о Якутском остроге. После был доклад Корша о деятельности правления Музея. После пошел с Л.В. к «Мюру», купил сыра, масла, ромовую бабу. Обедал А.А. Спицын, много рассказывал о себе, о родителях, ушел около 8. Во время обеда заходила Танюша, сидела не более часа.

24 (11) декабря. Окно замерзло, по-видимому, около –5°. Утром ездил в Охотный ряд, купил сластей для детей. Вернулся в 1 ¼ ч., всюду – в магазинах, в трамваях – народу очень много: температуру воздуха мог рассмотреть: –8°. Написал Лихачеву, что сундук его опорожнил. В 5-м часу заходил К.В. Крашенинников проститься: завтра уезжает в Рим, отпуск ему дан на 1 ½ месяца, 8 февраля обещает быть обратно. Приехал Олег из приюта дефективных детей; двухмесячная жизнь в приюте на него благотворно повлияла: он поздоровел и стал, по-видимому, спокойнее; останется у нас 2 дня. С праздниками пришло пьянство: часа 1 ½ или более дебоширил и ругался пьяный Точилкин.

25 (12) декабря. –5°. Воскресенье. Рождество Христово по *новому* стилю, мы празднуем его *по старому*. До 2-х ч. ночи скандалил пьяный Точилкин, но я крепко спал, не слыхал. Набросал Вере письмо к празднику. Около 2-х пошел к А.А. поздравить Аделину с праздником, застал их за завтраком; была Иола Игнатьевна Шаляпина, пришла Труффи, дочь оперного капельмейстера[61], посидел с час.

26 (13) декабря. –7°. В Музее занятий нет. До 2-х читал; к 2-м пришла Л.В., внучка Маша с правнучкой Машей, подарила мне полученные из Норвегии теплые шерстяные перчатки и 2 пары шерстяных носков; позже пришли Валя с Павлом Николаевичем, оба Кочурины с Зорей, Лёля с Зинаидой Алексеевной, пили все чай, закусили пирогом, заливной рыбой; в 7-м часу все ушли. Утром топил печь.

27 (14) декабря. –2°. Особенных дел в Музее не было. Л.В. прочитала мне свой доклад о перстнях из Болгар, очень недурно написанный. Было заседание редакционного комитета, определили печатать статьи, читанные в общеисторическом разряде: Н.А. Баклановой, Чекан и Заозерской. Получил из Симферополя от Арсения Ивановича Маркевича поздравление с избранием меня в члены-корреспонденты Академии наук.

28 (15) декабря. –3°. Просматривал рукописную опись Патриаршей ризницы (вернее, имущества, оставшегося после последнего патриарха), составленную по указу Петра 1701 г. В 1 ч. началось заседание моего разряда, читала Л.В. доклад о перстнях из Болгар; некоторые дополнения дали Н.Б. Бакланов и я. После обеда отправился к А.В. Сосновскому, смотрел его монеты, побеседовали о теперешних нумизматах, вернее, собирателях монет; людей, интересующихся научно монетами, нет ни одного. От него прошел к Танюше, она кормила 3-их: Алешу, Агнию и Настю; когда детвора

ушла, стали пить чай, пришла О.Н. Анненкова, побеседовали о Пушкине, Гершензоне; около 10 уехал домой. К вечеру стало холоднее.

29 (16) декабря. –9°. Вписывал грамоты, данную Савве Рагузинскому в 1710 г. и девице Кагуловой на дворянство 1805 г. В 1 ч. было заседание общеисторического разряда (председатель М.М. Богословский); Ю.В. Готье внес предложение о будущей выставке эпохи Петра I до 1760 г.; Н.А. Бакланова прочитала доклад о г. Васильсурске по архивным данным XVII в. После занятий заехал на ¼ часа к Танюше, отвез О.Н. Анненковой «Смутное время» Платонова. Получил V-й том «Известий» Академии истории материальной культуры. Вечером заходил Ваня Акопиан, авиатор; служит в Борисоглебске; кажется, его переведут в Новочеркасск.

30 (17) декабря. –9°. До 12 ч. ходил с Н.А. Баклановой по Музею, отбирали привозные предметы XVII в. к ее статье; предметы будут фотографироваться. Разобрал по царствованиям боспорскую медь Прове, всех 339 настоящих, 1 поддельная; собрание это будет хорошим дополнением к музейскому. После 3-х зашел к «Мюру», купил съедобного. Часов в 8 пришел А.В. Сосновский, ему я предложил купить мое маленькое собрание медалей, относящееся к нумизматике (медали в честь нумизматов, монетных дворов и т.п.), штук 60; он обещал на днях зайти за ними; беседовали с ним на разные темы, он человек довольно развитой; ушел в 12 ч.

31 (18) декабря. –8°. Утром ездил за покупкой мыла, 1 бутылки мадеры. Весь день читал, спал часа 2.

1928 год

Январь 1928 г.

1 января (19 декабря 1927 г.). –12°. Новый год по новому стилю; вчера его с 8 ч. начали встречать Мусаткины, по-видимому, все были пьяны, и взрослые, и дети; долго слышалось дикое пение, балалайка, топанье ногами, но драки, кажется, не было. Был у литургии в храме Иверской Божией Матери на Большой Ордынке; поехал туда по словам А.В. Гладкова (букинист в вестибюле Исторического музея), очень хвалившего хор Рютова; хор пел недурно, но до хора Нестерова ему далеко; маленький храм был переполнен молящимися. Литургия кончилась в 12 ½ ч. Дома застал А.А. Карзинкина, с ним закусил ветчины. К обеду пришла Л.В.; после обеда просмотрела издание Археологической комиссии «Восточное серебро», в 4 ½ ч. ушла. Вечером пришла Соня Карзинкина, после чая ушла.

2 января (29 декабря). –5°. Получил от Калитинского письмо из-под Парижа (Boulogne sur Seine), посвященное вопросу о статье Анисимова «Икона Владимирской Божией Матери», о чем я с Анисимовым переговорил. Разбирал медь Прове, нашел новый, последний, год Рискупорида VI. К обеду пришел А.В. Сосновский, П.С. Рожицкий. Сосновскому я поручил продать мои медали, относящиеся к нумизматике, рассчитывая по 1 р. на круг; не продал, конечно, мои – от Петербургского археологического общества (за «Русские монеты»), от Московского археологического общества (золотую за мои труды), от Академии наук (золотую за разбор сочинения И.И. Толстого на Уваровскую премию), плакету и другую, пробную, в олове. Пришла М.Н. Гусева, попросила побеседовать со мной наедине; мы ушли в мою комнату, и она мне сказала, что влюбилась в одного, который моложе ее на 8 лет; зная плохую жизнь ее с мужем, я сказал, что благословляю ее; М.Н. удивилась, сказав, что удивлена моими словами; я ей объяснил причину моих слов и советовал откровенно все сказать мужу и разойтись, а любовь загасить, хотя это трудно. К определенному мы не пришли. Когда все ушли, я все рассказал жене, которая ее назвала кокеткой.

3 января (21 декабря). –5°. Написал ответ А.П. Калитинскому в Булонь-на-Сене. Продолжал разбирать медь Прове. В 2 ч. было заседание заведующих отделами по вопросу, какие журналы выписывать на 1928 г., ввиду безденежья много названий сокращено. После занятий зашел к «Мюру», купил конфект и отправился к Кочуриным обедать; к ним приехали Надя с мужем, Валя с П.Н., Миша и др.; разговоры вращались на тему, кто и как встретил Новый год; в 7 ½ ч. я ушел.

4 января (22 декабря). –8°. В 12 ч. в моей комнате в Музее собрались: Анисимов, Фомин, Марков, Щекотов; мы обсуждали вопрос, каким

образом реагировать на библиотеку Музея, чтобы она удовлетворяла нужды Музея; решили наше решение передать правлению. В 1 ч. состоялся доклад моего разряда: Л.Н. Гутовская прочитала о финифтяной посуде XVIII в. с металлическими накладками; доклад был очень обстоятельный, сопровождался демонстрацией предметов из богатого собрания их в Музее. Зашел, идя домой, в парикмахерскую, где я всегда бреюсь, встретил там Н.М. Гайдукова, сегодня приехавшего из Минска. Вечером заходил на короткое время А.В. Сосновский по поводу коллекции медалей, купленной у меня. После него пришел Д.Д. Иванов, сидел долго, пил чай, много беседовали о музейных делах; я ему сказал, что в Отдел по делам музеев будет назначен Гриневич; Д.Д. подтвердил этот слух.

5 января (23 декабря). –8°. Показывал этнографу Шульцу (живет где-то на Урале) медную посуду с клеймом «S I B I R» и стеклянную посуду, преимущественно расписную. Беседовал с Лепешинским по вопросу о приеме и отпуске драгоценностей; он настоял, что все это должно делаться в присутствии особой комиссии. Получил от Миннза поздравление к Рождеству. Заходил один археолог с юга, некий Захаров[1], и, между прочим, рассказывал, что в Анапе продавалась золотая монета Спартока; вероятно, это подделка. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», где купил сыру, вина и халвы; народу масса; некоторых продуктов, например, чая, сливочного масла, совсем не имеется для продажи.

6 января (24 декабря). 0°. Рождественский сочельник. В Музее рассматривал поступившие коллекции черноморских колоний (Чижова, [Гос]фонда, Румянцевского музея); когда все это соединится с нашею – будет прекрасное собрание. Народу, т.е. сотрудников, в Музей пришло менее обычного. Слышал, что в Сибири непокойно: толпы крестьян останавливают поезда. Чем это вызвано? Купил для праздника сластей, Танюше купил сыру и сластей. В 3 ч. поехал к Танюше, она себя чувствует неважно; сегодня вернулась из Оптиной пустыни Маша с Яльмаром. Не пошел ко всенощной: чувствую слабость, но болей нигде нет. Читал «Мудрость Пушкина»; какой глубокий ум у Гершензона.

7 января (25 декабря). Рождество Христово. –1°. Только благодаря неприсутственному для Музея дню – субботе – сижу дома, для остального – сегодняшний день большевики считают рабочим. Около 10 поехал к литургии в Новодевичий монастырь, служба была в маленькой больничной церкви, большую, трапезную, большевики взяли под склад фонда. Теснота в церкви была ужасная, и очень тепло. Отстоял литургию и молебен, пели монахини, «Верую» и «Отче наш» пели все молящиеся; это меня очень тронуло. В храме князя [Щербатова] не встретил, пошел к нему, оказывается, он в церковь не пошел по слабости; посидел с полчаса, от него проехал к Адели Шмидт, у нее посидел тоже с четверть часа; она была одна, чувствует себя сносно, но беспокоится за сына Карла, у которого сильное нервное расстройство. Настроения праздничного не заметно на улицах. К 4 часам пришло много народу, все дети, с поздравлениями, но не все обедали, да и посадить было бы некуда, так как обедали в комнате жены. Заходил на ½ часа Владимир Матвеевич Позднеев; пришли: Танюша с Яльмаром и Настей, Леон.Ст. с Надей, Валя с Василием Арсеньевичем, Таней и Зорей, Наташа с Жоржиком и Нина. В начале 9-го все ушли. Только что все ушли, разыгралась такая

сцена: в столовую влетает совсем пьяная Мусаткина (за все года в первый раз видел ее в таком состоянии), подбегает ко мне, схватывает мою руку, целует ее, говорит, что уважает меня, извиняется и бросается на диван; ее вывела Лиза «дворничиха». После Мусаткиной явилась пьяная Балашиха в комнату жены, где сидели: жена, Гайдуков с Лёлей и Зинаидой Алексеевной [Арцыбашевой], и стала петь им какие-то песни, я вошел и попросил ее выйти. Сегодня Н.М. Гайдуков уезжает в Петербург на съезд ботаников.

8 января (26 декабря). –2°. Воскресенье. Провел тревожную ночь: был разбужен пьяными криками жильцов, руганью Точилкина, плачем с воем пьяной бабы и т.д., все это так меня разволновало, что долго не мог заснуть. Утром заходил С.В. Прохоров. Во 2-м часу отправился к М.М. Богословскому, не застал ни его, ни Елизаветы Петровны. Прошел к Д.Д. Иванову, которого тоже не застал: он был в Оружейной палате, сидел с его супругой Софьей Владиславовной и дочерью Кирой Дмитриевной; жена Д.Д-ча большая говорунья, чего-чего мне не рассказывала, но больше житейского. Домой приехал в 4 ½ ч., застал С.В. Певницкого и Л.В-ну; С.В. вскоре ушел, Л.В. осталась обедать и около 7 ушла. Вечером читал «Мудрость Пушкина» Гершензона.

9 января (27 декабря). –5°. В Музее особых дел не было, продолжаем приводить монетное собрание Зубова в порядок. Получил бесплатно, как член-корреспондент Академии наук, ее издание «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово». 1827–1832. Труды Пушкинского дома, вып. XLVIII. После 3-х съездил с Л.В. к Арбатским воротам в аукционный зал «Прага», где смотрели комодик аптечный деревянный с инкрустацией из кости, о нем сегодня говорила Наталья Аполлинарьевна; нам он не понравился, много починок. Купил 5 плиток кирпичного чая, весом ¼ фунта в плитке, за 5 р. Утром был в Музее С.К. Богоявленский; я показал ему выставку, которая ему понравилась; он еще слаб, с трудом поднялся по винтовой лестнице. Получил открытое письмо из Рима от К.В. Крашенинникова; от Рима в восторге; погода там теплая, ходят без пальто.

10 января (28 декабря). –6°. Утром в Музей зашла Вера Тимофеевна Баронова, говорила со мной о новом плане устройства музея «Дома боярина», я ей сказал, что теперешний план экспозиции дает ложное понятие о быте боярина и советовал устроить просто выставку памятников быта XVI–XVII вв. С 1 ч. до 3-х шло заседание Ученого совета, читали протокол с поправками устава (читал Ю.А. Алмазов), после Протасов прочитал годовой отчет; я ушел до окончания заседания.

11 января (29 декабря). 0°. Слышал, что Троцкого выслали в Астрахань, других оппозиционеров в разные города, кроме Радека и Раковского, которые пока нужны для справок; все высланные будто бы под ведением ГПУ, в случае проявления их деятельности будут приняты строгие меры, вплоть до расстрела. После обеда пришла внучка Маша, получила заказ на перевод с норвежского «Открытие южного полюса». Мы с ней вышли вместе около 7 ч.: она поехала домой, я в Исторический музей на заседание Государственной академии истории материальной культуры (музейная комиссия), читал Д.Д. Иванов «О принципах экспозиции памятников декоративного искусства» (председатель Малицкий, секретарь Топорнин). Впечатление от доклада я вынес сумбурное. Первые его слова были, что невозможно провести границу

между декоративным и чистым искусством, что он далее и развил, после этого мне стало ясно, что в Музее чисто декоративные предметы выставлять как музейные предметы нельзя. Объявили перерыв, которым я воспользовался и ушел. Народу было очень много; видел Грабаря, Никольского.

12 января (30 декабря). 0°. В общеисторическом разряде В.С. Воронов прочитал доклад о своей поездке на Урал и о ее результатах. В 2 часа состоялись перевыборы месткома, которые прошли очень бурно; все намеченные 7 человек избраны, но неизвестно, утвердит ли Губ⟨п⟩рос, так как после выборов, когда должны были быть избраны 2 кандидата, часть технических служащих демонстративно вышла; назначено будет новое собрание. Вечером у нас было собрание домового комитета, очень бурное, кончившееся чуть не дракою, я не выходил, также и жена. Во время заседания пришел А.В. Сосновский, подивился нашему безобразию; через него я продал за 50 р. мои нумизматические жетоны и медали; проговорили с ним почти до 12 ч.

13 января (31 декабря). 0°. В Музее весь день прошел в заседаниях: в 11 ч. начался Ученый совет, на нем обсуждался вопрос о предложенных Главнаукой Музею «филиалах», которых несколько: Василий Блаженный, Коломенское, Александрова Слобода, Грузино, Марьино; многие высказались чуть ли не за всех; Лепешинский заявил, что нельзя столько филиалов, Музей может обанкротиться; некоторые пожелали присоединить Кусково и Остафьево. После состоялась закупочная комиссия, кое-что приобрели, между прочим, берлинское издание «Последний Самодержец» (о Николае II); книга относится отрицательно к Николаю II и его сотрудникам; кто автор книги – не сказано; общий тон характеристик деятелей крайне грубый, на меня произвел отталкивающее впечатление; иллюстрации очень интересны; заплатили 30 р. Сегодня последний день старого, тяжелого года; сколько страданий пришлось перенести, и что ужасно – просвета не видно. До 10 ½ ч. сидел в комнате жены, раскладывал пасьянс, потом лег спать.

14 (1) января. +1°. После завтрака отправился к «Мюру», где купил сосисок, сыру и сладкого Танюшиным внукам; оттуда проехал к Танюше, попил чаю; маленькая Маша лежит, у нее небольшой жар, при мне сидел А.А. Полиевктов, он не нашел ничего опасного. Я подарил Яльмару и Маше книгу «Развлечения и фокусы» с рисунками (1 р. 40 к.), которая, по-видимому, очень заняла их. Прошел с Танюшей к Владимиру Федоровичу [Джунковскому], который только встал с одра болезни, у него было крупозное и гриппозное воспаление легких; посидел минут 10. Оттуда проехал к Никольским, застал Анну Николаевну; у нее сидел Н.И. Смирнов, бывший муж Веры; вспомнили старое, расстались дружелюбно. Домой вернулся к обеду. В газетах прочитал, что 12 января в Брюсселе на выставку советского культурного и хозяйственного строительства явилось 100 или менее человек студентов, вооруженных дубинками, и в течение 2 минут разгромили выставку с криками: «Долой Советы!»; разбиты зеркала, вазы, статуи, в числе которых бюст Ленина (работы Меркурова) и проч., затем были даны 2 свистка, нападавшие построились в ряды, а потом рассеялись по улицам, раздавая антисоветские прокламации; следственные власти не обнаружили никаких признаков, которые позволили бы напасть на след виновных. Происшествие знаменательное! Забыл прибавить, что двое из нападавших сказали одному

из очевидцев, что хотели «протестовать против выставки советской лжи». Французская палата депутатов лишила 2-х коммунистов, Кутюрье и Кашена, депутатской неприкосновенности, присужденных к тюрьме; оба коммуниста при выходе из Палаты арестованы. В 8 ч. поехал в автобусе к Н.А. Баклановой; у нее собралось обычное общество академиков и др., как и в прошлый раз; разговоры велись о художнике А.А. Иванове, Гершензоне и т.п.; не обошлось дело без злословия по адресу многих ученых. Вернулся я в 12 ½ ч. Без меня скоропостижно умер наш дворник Иван Федорович от чрезмерного пьянства; такого конца надобно было ожидать. Угощение у Н.А. было прекрасное: фаршированный поросенок, холодная индейка, вино красное и белое, чай с кексом, вареньем.

15 (2) января. +2°. Воскресенье. Был за литургией в храме Богоявления в Дорогомилове; хор Нестерова прекрасно спел несколько для меня новых композиций; «Херувимская» была Глинки. Во время обеда пришел князь [Щербатов], но не обедал, сидел часа 2, жаловался на слабость головы; после пришел Федя Бец, племянник жены, и Карл Шмидт, другой племянник, оба сидели у меня; к удивлению моему узнал, что Карл интересуется старинными иконами.

16 (3) января. 0°. Поверяли счетом монеты, присланные в Музей для нашей коллекции и для Музея изящных искусств. Заходил О.Ф. Вальдгауер вместе с Блавацким, у которого остановился; очень ругал Тройницкого и Орбели. Вечером читал письма Пушкина к Хитровой. Написал А.А. Сиверсу благодарность за присланную статью о Б. Скотте, медальере.

17 (4) января. 0°. Вскоре стало холодать, к вечеру было –6°. С 10 до 1 ½ сдавали монеты в Музей изящных искусств в присутствии Матвеева[2], заместителя директора Исторического музея, начальника охраны Ал. Меркурьевича Емельянова, помощника хранителя Музея изящных искусств А.С. Стрелкова[3], Л.П. Харко, А.М. Бардыгина и меня; хлопот было немало, дважды переделывали акты, наконец-то все уладили и затем проверили наши монеты, присланные из Госфонда. Пришлось поволноваться из-за беспорядочности нашей администрации. После 3 пошел с Л.В. к «Мюру», где купил сыру, достал по знакомству сливочного масла (другим отказывали) для нее. Послал Н.П. Бауеру благодарственное письмо за присланный оттиск его статьи. Вечером был в Обществе истории и древностей российских, читал М.М. Богословский «Палата об Уложении (1700–1703)»; в докладе он сделал очерк о попытке Петра Великого разработать Уложение царя Алексея Михайловича, дополнив его новыми законами. Вопрос для меня совсем новый. В прениях говорили С.Б. Веселовский, С.В. Бахрушин, Готье и др.

18 (5) января. –9°. Разместил часть боспорских, недавно поступивших, монет в наше собрание; есть несколько новинок. Сегодня память по матери Л.В-ны, которая заказала панихиду в храме св. Владимира, куда пригласила меня. После 3-х пошел к «Мюру» вместе с Граковым, которому нужно было просмотреть у меня «Отчеты [Археологической] комиссии»; я его позвал обедать. К обеду пришел А.В. Сосновский, мы побеседовали до 7 ½; я поехал с Граковым на извозчике (за 50 к.) до храма Владимира, я пошел в храм; службу очень тянули по-монастырски, пел неважно женский хор, в котором сестра Л.В-ны. Всенощная кончилась в 9 ½ ч., а панихида в 10 ч. Священник (о. Сергий) служил прекрасно. Приехала погостить Адель Шмидт.

19 (6) января. Окно замерзло. Крещение Господне. На заседании общеисторического разряда П.Н. Миллер показывал находки, полученные при земляных работах в Москве в 1927 г.; предметы очень разнообразны, видим помадные банки, изразцы, гребень, кошелек, массу железных вещей, лошадиные подковы, остатки деревянной мостовой, стеклянные сосуды и т.д.; вещи большею частию XIX, XVIII и немного конца XVII в. После перешли на Уральскую выставку, устроенную В.С. Вороновым, который и дал обстоятельные и интересные объяснения. Получил от Pick'a[4] статью «Ein neues Portait des Kaisers Jistinian». Температура воздуха утром была –16°, за городом –20°. Вечером приходила Танюша, побеседовали с ней часа 2, много говорили о Пушкине.

20 (7) января. –11°. Раскладывал монеты Понта. Все отделения Музея получили «анкеты» от правления, на которых мы написали часть ответов. В 3 ч. отправился к Наталье Александровне [Гринвальд] обедать, был один К.Н. Горский; скучные разговоры вел П.М. Нечаев, говорил исключительно о себе; около 7-ми я уехал домой. Заходил в Музей С.Н. Тройницкий, рассказал содержание своего доклада, который читал в среду.

21 (8) января. –13°. Сегодня было назначено заседание Совета Оружейной палаты в «Доме боярина» в 11 ч., куда я и отправился; там узнал, что заседание отменено; переговорил с Дм.Д-чем по телефону, от него узнал, что явился А.Н. Свирин за вещами Троицкой Лавры. С Варварки прошел в Охотный ряд за яблоками и мандаринами, оттуда в Цекубу за академическим обеспечением, которое получил; встретил там Г.И. Чулкова и М.В. Нестерова; с Пречистенки проехал к «Мюру», купил сыру, икры, рыбы, сладкого; из кармана вытащили копеек 40 мелочью. В 8-м часу пришли: В.А. Никольский с женою Анной Николаевной, через час Д.Д. Иванов и неожиданно с ним его жена София Владиславовна. Мы все перешли в комнату жены, где было теплее (у меня –13°, но казалось холоднее), закусили рыбой, индейкой, выпили кофе, присланный Лёлей Комиссаржевской, нашей внучкой, из Нью-Йорка, выпили 1 бутылку красного вина, вели довольно оживленный разговор, впрочем, нас трое мужчин говорили особо: темы наших разговоров были недоступны дамскому обществу. В начале 12-го все ушли.

22 (9) января. –8°. Воскресенье. Утром топил печь. Заходил А.А. Карзинкин. К 2 ч. пришла Л.В., около 3-х сели обедать; после обеда вели беседу о ее будущей статье, содержание которой будет: «Роспись на старинных ларцах, укладках, коробьях и т.п.». Пришли Сережа с Юзей, пили чай, около 6-ти Л.В. ушла; зашел на час Н.А. Бруни (священник), места не имеет, занимается кустарным делом: делает рамки, чинит инструменты и т.д.; жаль его и семью его.

23 (10) января. –10°. Сотрудники моего отделения начали регистрировать полученные коллекции Глебовой-Стрешневой из Петербургского фонда; кроме того, Л.В. в кладовой подбирала вещи Николая II из Екатеринбурга, которые ГПУ будет отправлять в Царское Село. Я с фотографом был на выставке, указал ему, что нужно снять для статьи Н.А. Баклановой. Разбирал монеты последнего боспорского царя Рискупорида всех наших коллекций: Бурачкова, Уваровых, из фонда (Прове). В 2 ½ ч. началось общее собрание для дополнительных выборов в местком, которые не состоялись прошлый раз; заседание было очень страстное, баллотировку Мельникова (коммуниста)

отклонили, несмотря на защиту его ячейки; обвинение Ю.А. Алмазова Мельниковым о том, что он стоял за сокращение технических служителей, было всеми научными сотрудниками опровергнуто. Получил с Лидией Николаевной Угловой, заведующей миниатюрами в Эрмитаже, письмо от Сони Веселовской от 5 декабря(!), пишет, что Борису Константиновичу делали глазную операцию, снимали катаракт; сын их Борис[5], мой крестник, кончил Пражский университет на доктора астрономии и защищал диссертацию по небесной механике. Академия наук прислала мне приглашение на торжественное годичное заседание 2 февраля; кроме отчета, будет речь академика М.Н. Розанова «Руссо и Толстой». Вечером заходила Валя, вид ее удовлетворительный. Из Мытищ сообщает Надя, что Наташа, ее дочь, у нее заболела серьезно женскою болезнью. Вечером состоялось собрание домового комитета; сгоревший мезонин сдан кому-то с условием починить сгоревшую крышу и отремонтировать за свой счет комнаты; крупных скандалов, к удивлению, не было; я не выходил.

24 (11) января. –12°. Утром был в Оружейной палате, отдал Марине Михайловне Постниковой (Лосевой) фотографию с перстня Алексея Митрополита; Дм.Дм-ча не застал. В Музее разобрал монеты последнего Рискупорида. Смотрел вещи, привезенные из Глебова-Стрешнева, недурна мебель, канделябры; много дряни, которой не стоило брать. Слышал, что будет учреждена комиссия из представителей Главнауки и Наркомфина для изъятия из музеев драгоценностей (золота, серебра) для продажи на помощь государству; в случае споров – решает Наркомфин. После 3-х ходил с Л.В. к «Мюру», купил сыра и ливерной колбасы. Обедал Н.М. Гайдуков, вернувшийся из Петебурга. Был у меня М.Д. Езучевский, много с ним говорили о современных делах, о литературе; здоровье его плохо, страдает желудком, испробовал аллопатические средства, хочет лечиться у гомеопатов.

25 (12) января. Память матери, царство ей небесное. Именины Танюши, день рождения Вали. –12°. Вынимал из шкапов выставки предметы для фотографирования к статье Н.А. Баклановой. Посетил музей А.А. Флоренский с сестрой, осматривал выставку; он обещал устроить для Музея интересный костяной византийский триптих IX в., фотографию с которого показывал; триптих находится где-то в Грузии; я познакомил А.А-ча с Протасовым, обещавшим войти в переписку с владельцем. Получил от Н.П. Бауера ответ на мое письмо по поводу его статьи. В квартире, где живет Танюша, все больны гриппом, поэтому поехать к ней ни сегодня, ни завтра на чтение Благого о Пушкине, куда меня пригласили, не могу. Читал статью Беляева о польском восстании по письмам Пушкина к Хитрово. На сон грядущий прочитал «Бахчисарайский фонтан», давно его не читал.

26 (13) января. –4°. С.В. Бахрушин прочитал в разряде М.М. Богословского доклад о торговле новгородских купцов Кошкиных со Швецией в последних годах XVII в. Адель Шмидт уехала. Из Мытищ приехала Надя с Лялей, пришла со службы Нина, перед обедом явилась Зоргаген, Н.М. Гайдуков, все обедали. После обеда Надя с потомством уехала домой, я ушел к себе, чтобы не сидеть с Зоргаген, по той же причине ушел и Гайдуков; З., очевидно, наше бегство поняла, тоже ушла.

27 (14) января. –2°. Отбирал вещи для фотографирования к статье Н.А. Баклановой (панагии молдавского господаря Стефана Томши 1623 г.,

напрестольный крест, чернильницу). Заходила М.М. Постникова, принесла рисунок с изображения зверя на перстне Алексея Митрополита; сделан грубовато, но похож. После 3-х Лепешинский поделился воспоминаниями о Ленине, сообщил факты из его жизни, но психологического портрета не дал. После начал читать Г.А. Новицкий «Ленин и наука», но я и многие ушли.

28 (15) января. –2°. Написал Калитинскому в Прагу, послал ему рисунок с печати перстня Алексея Митрополита. В письме к Лихачеву написал свое мнение о статье Бауера. Утром зашел на почту; подошел затем к магазину «Мюра», заперт, начало торговли только с 11; проехал в трамвае к Страстному монастырю, у Елисеева купил сыру, сосисок. До 2-х обдумывал статью Бауера, в третьем поехал к Л.И. Вороновой; муж и жена были дома, крестник Никита спал; Василий Сергеевич разбудил мальчика, одел его (Лидия Ивановна стряпала); ребенок премилый, разговорчивый; в 3 ½ ч. сели обедать (суп с брюссельской капустой, паштет, пирожное, чай; выпил 1 рюмку водки и стакана 2 красного вина); разговор был на обыкновенные житейские темы; в 5 ½ ч. я уехал домой.

29 (16) января. –6°. Воскресенье. Топил печь. Весь день читал. Написал небольшую критическую заметку на статью Н.П. Бауера «Древнерусский чекан конца X и начала XI в.».

30 (17) января. –5°. С 11-ти до 4-х шло заседание заведующих отделениями под председательством Корша; на заседание я опоздал; рассматривались вопросы о сокращении отделений; заметно было, что в Отделе по делам музеев хотят сократить общеисторическое отделение (М.М. Богословского); завтра назначено продолжение. После 4-х зашел с М.Н. Сперанским к антиквару Тюнину (в здании Музея), который предложил рыцарское вооружение, от которого я отказался, и оловянную четвертину с нарезными рисунками и надписями, я просил завтра прислать на рассмотрение. Написал А.П. Калитинскому, не согласится ли напечатать в «Сборнике» мой отзыв о статье Бауера.

31 (18) января. –4°. В Музей утром зашла дочь покойного Всеволода Федоровича Миллера, Нина Всеволодовна Бирукова, сообщила о смерти ее матери перед Рождеством, о смерти жены ее брата Бориса, умершей вчера; цель ее прихода попросить меня подписать под анкетой Цекубу о предоставлении ей некоторой пенсии; я согласился и попросил подписать Ю.М. Соколова; придет с анкетой послезавтра. С 1 ч. до начала 4-го сидел на заседании (продолжение вчерашнего). Рассматривали вопрос, кто должен заведывать древностями, найденными при раскопках, принадлежащими к исторической эпохе; Городцов доказывал, что все вещи, даже XIX в., найденные в земле, принадлежат его отделению, что вызвало большие возражения со стороны С.В. Бахрушина и М.М. Богословского; Городцов в ответах был резок, даже груб. Получил от непременного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга извещение от 28 января об избрании меня в Общем собрании 14 января членом-корреспондентом. Кончаю тетрадь. Просмотрел исписанные страницы, ни на одной не хватило духу написать про мое внутреннее «я». Чувствую, что нервы мои стали слабы; не могу без слез читать те страницы Евангелия, где выступает личность Христа. Чаще и чаще приходят мысли, что будет с женою и теми детьми, которые имеют некоторую нужду во мне, когда я умру.

Тетрадь девятая
(1 февраля 1928 г. – 15 сентября 1929 г.)

Февраль 1928 г.

1 февраля (19 января). –3°. Написал непременному секретарю Академии наук Ольденбургу благодарность за избрание меня в члены-корреспонденты. Все утро в Музее подбирал для статьи Баклановой вещи для фотографирования. С 1 ч. до 3-х было заседание моего разряда, читала Е.П. Муратова доклад о литургическом шитье Украины с демонстрацией предметов из музейного собрания; за поздним временем дебаты не пришлось делать. После занятий зашел с Л.В. к «Мюру», купил рыбы и вина. К обеду пришел А.В. Сосновский, сидел до 10 ½ ч.; показывал ему клад серебряных монет от Петра I до Екатерины II, найденный где-то в Ярославской губернии; клад дал мне для продажи Н.Д. Протасов, которому принес крестьянин; А.В. оценил в 46 р.

2 февраля (20 января). –12°. Разбирал монеты Фофорса. Заходил А.В. Сосновский, показывал ему боспорские царские монеты. Антиквар Тюнин принес две серебряные штампованные части грузинских икон: «Распятие Господне» и створку с изображением «Воскрешения Лазаря» и «Крещения Господня», ценою за обе 1200 р.! Кроме того, оловянную четвертину, которую я уже смотрел, за 100 р. После службы я зашел с Л.В. к нему посмотреть монеты, интересных не оказалось. Дома получил от С.А. Жебелева поздравительную телеграмму с избранием меня членом-корреспондентом Академии наук. Заболел Н.М. Гайдуков гриппом.

3 февраля (21 января). –11°. Послал Жебелеву благодарственное письмо за поздравление. Состоялось заседание Ученого совета, разбирали реорганизацию отделений, между прочим, у Городцова отняты его отделения с XI в. и т.д. А.В. Сосновский принес в дар Музею неизданные таблицы к труду великого князя Георгия Михайловича «Монеты Петра Великого»; таблицы с монетами 1711–1719 гг., всех 50 таблиц. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», купил селедок, печенья, икры, частью для Надюши; взял билет на завтра в Мытищи. Написал А.А. Ильину поздравление с избранием его в члены-корреспонденты Академии наук.

4 февраля (22 января). –18°. Утром ездил купить сыру, колбасы у «Мюра»; у Burban на Арбате купил пирожного и пирогов с капустой. Часа в 2 пришла Л.В., я ей дал «Восточное серебро» для матерьяла к ее статье о перстнях. В 2 ½ ч. отправился на вокзал, на трамвае не мог ехать, взял за 75 к. извозчика. С поездом 3 ч. 30 м. поехал в Мытищи, в тот же вагон пришел Леон. Ст., в другом ехала Нина; от станции в Мытищах мы все доехали на лошади с водокачки. Надя радушно встретила меня; Наташу, которая гостит у матери, я нашел лучше, чем можно было ожидать после тяжелой болезни; она очень худа и, по совету врача, ежедневно 3 часа лежит на морозе несмотря ни на какой мороз. У Нади же гостит Соня Савари с дочкой Наташей, прелестным годовым ребенком, которого кормит мать. По приезде я тотчас же вымылся в ванне, после которой сели обедать. После обеда приехал С.В. Певницкий с сыном, сели пить чай, но мне не хотелось сидеть со всеми, я ушел в данную

мне Митину комнату, прочел статью Гершензона «Чаадаев и Пушкин» (изд. Брокгауза и Ефрона «Пушкин») и в 10 часов лег спать. Температура воздуха вечером была –23°.

5 февраля (23 января). –23°. Воскресенье. Спал хорошо, хотя ночью был разбужен мышами, поднявшими в комнате возню. Встал в 7 ½ ч., дочитал статью Гершензона; к чаю все вышли часов в 10. После гулял с Надей и Лялей около дома, потом играл с Лялей в карты в «пьяницы», слушал какую-то ерунду по радио, вели немудреный разговор с Жоржем (муж Наташи), Митей, в 2 часа пообедали, и я распростился с Л.С., отправившись с Надей, Митей и Лялей в Тайнинку к Нине и ее сожителю Мише, он рабочий на вагоностроительном заводе в Мытищах, человек молодой, скромный, но совсем неразвитый; живут в квартирке о 3-х комнатах, которая составляет их собственность; пили чай, с поездом в 6 ч. 42 м. я уехал домой, а Надя с Митей в Мытищи. Домик Нины недалеко от станции в молодом сосновом лесу; дорога очаровательна была сегодня; сильный мороз, полная луна, сосны и ели в снегу; я был совсем очарован. Дома застал всех здоровыми.

6 февраля (24 января). Окно замерзло. Температура утром на термометре около думы показывала –19°. Почти все время в Музее давал вместе с Н.А. Баклановой фотографу вещи для снятия к ее статье о привозных товарах. Получил от А.А. Ильина поздравительное письмо. Заходил с Л.В. после занятий к «Мюру» купить чаю, продают по ¼ фунта на человека; купил в частном магазине в Охотном ряду сливочного масла с 1 фунт за 2 р. 25 к. для Танюши.

7 февраля (25 января). –18°. От Л.В. узнал, что Танюше стало лучше, температура нормальная. Читал статью Л.В-ны о перстнях из Болгар, которую посылает для печати в Казань, отбирал с нею перстни для фотографирования. Идя сегодня по верхним залам Музея, натолкнулся на заседание в отделе домашнего быта под председательством Фомина; на мой поклон он встал и поздравил меня с производством в члены-корреспонденты Академии, все сотрудники тоже встали и приветствовали меня аплодисментами. После 3-х заходил с Л.В. к «Мюру», купил туалетного мыла, мыла для стирки в продаже не имеется. Температура к вечеру стала –10°. Дома Анюта истопила мою печь, так как температура была утром +9°. Вечером переписал для печати мой отзыв о статье Бауера.

8 февраля (26 января). –10°. Почти все время устроивал для съемки перстни к статье Л.В-ны на 2 таблицы; негативы, по-видимому, хороши. Слышал, что вчера близ станции Московско-Курской железной дороги произошло крушение пассажирского поезда; говорят, пострадало много детей, ехавших в школу или из школы, есть убитые. Ни в одной газете об этом не напечатано. А.И. Маркевич мне пишет, что коллекция монет А.Л. Бертье-Делагарда в 1923 г. продана в Женеве у Naville, а его готские предметы куплены Британским музеем и описаны в 1924 г. Dalton'ом[6]. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил жене яблоков, у «Мюра» купил орехов и печенья.

9 февраля (27 января). –2°. После резких разговоров с Коршем собрать закупочную комиссию (я сказал, что уйду из председательства), она была собрана, кое-что купили, между прочим, оловянную четвертину за 75 р. у Тюнина, к которому заходил после занятий. Разбирал, т.е. классифицировал

боспорские монеты, начиная с Рискупорида VI. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил: 10 плохих апельсинов за 1 р. 50 к., которые Л.В. взялась сварить для варенья. Передавали слух, что Рыков разошелся со Сталиным по вопросу о Троцком, к Рыкову, якобы, примкнул Ворошилов; по-видимому, образовывается новая «оппозиция».

10 февраля (28 января). +1°. Сидел в штатной комиссии (председатель Корш), присутствовала большая часть заведующих отделениями; в результате будем просить некоторого расширения штатов. Оружейная палата отпечатала 1-ю часть «Словаря московских мастеров» Троицкого; Д.Д. прислал мне благодарность как директор Оружейной палаты. После занятий зашел к Тюнину, купил жилет XVIII в. за 30 р.; у «Мюра» купил вина и ½ дюжины мелких тарелок (по 23 к. за штуку); из окна магазина видел, как приехала карета скорой помощи, в которую внесли мужчину, оглушенного снегом, упавшим с крыши Большого театра; близ этого места я часто стою, ожидая автобуса. К 7 ½ ч. отправился в Исторический музей на заседание Академии истории материальной культуры, читал В.А. Никольский о мастерах замочниках Оружейной палаты; его доклад будет напечатан в «Сборнике Оружейной палаты»; другой доклад о Печатном дворе XVII в. прочитала Н.А. Бакланова; нового сообщила мало. На заседании были музейские и палатские дамы, Д.Д., А.Н. Свирин, П.Д. Барановский. Погода сырая, шел мокрый снег.

11 февраля (29 января). +1°. По случаю юбилея Красной армии 4 субботы будут ей посвящены во всех музеях, поэтому мы явились на службу, но зато свободный день от занятий будет понедельник; пришли только Л.В. и я; Л.В. правила свою статью, а я проверял описи. В 3 ч. Л.В. и я пошли к «Мюру», где купил рыбы, после прошли в Столешников переулок в кондитерскую «Au bon gout», где купил 10 штук пирожного. С № 9 автобуса вернулись домой, встретили в автобусе Лёлю, которая сегодня переехала в новую комнату около церкви св. Василия Кесарийского. К 5 ч. пришли Н.Д. Протасов и В.К. Клейн, сели обедать, во время обеда пришла М.Н. Гусева и в конце И.А. Орбели; разговор был общий, без содержания, Протасов произносил тосты, разбавленные его воображением; к 8 часам все ушли. Орбели привез от К.В. Тревер письмо с поздравлением меня. В общем, вся застольная беседа произвела на меня тяжелое впечатление, главным образом, от лжи и хвастовства, которые слышались от Протасова.

12 февраля (30 января). +2°. Воскресенье. День памяти отца, царство ему небесное. Провели мы тревожную ночь: в течение всей ночи до 5 ч. утра стояла брань, крики, визг (кто-то кого-то бил) в комнате Мусаткиных. Утром слышал, что Точилкина обокрали, но почему ругались все пролетарии – не знаю, да и расспрашивать не хочу. В 1-м часу отправился к Танюше, по дороге купил хлеба, баранок, сухарей; Танюша с постели встала, но вид ее болезненный, болит голова; посидел у нее с Машей и Аней, только что приехавшей из Химок с больной девочкой Таней (ей 6 месяцев) к доктору; пил чай, дети Маши ушли с Ек.Ал. в детский кинематограф; приехал домой около 4-х часов. Н.М. Гайдуков уехал в Минск.

13 февраля (31 января). –2°. Занятий в Музее нет вместо субботы. Утром заехал к Burban, выпив стакан чаю (6 копеек) и съев два пирожка, оттуда прошел в Оружейную палату; Д.Д. рассказал мне, что хочет два «жезла» из резной кости разобрать, так как они составлены из фрагментов древнего

стула великих князей московских, века XIV–XV. Получил от Д.Д. только что отпечатанный «Словарь московских мастеров» Троицкого, вып. 1-й; в книжке 71 страница малого формата; отпечатан очень мелким шрифтом, производит неблагоприятное впечатление. Он же передал мне проредактировать для 2-го выпуска «Сборника» свою статью и статью М.М. Постниковой. Видел в Оружейной палате Клейна и 2-х сотрудниц, которые также приготовили по статье. Приехал домой в половине 2-го. Вечером прочел статьи Д.Д-ча, их шесть небольших, в одной, об иконе Димитрия Солунского, я бы сделал несколько поправок.

14 (1) февраля. –5°. В Музее поправлял описи. Долго беседовал с А.С. Орловым по поводу готовящейся им библиографии по русской эпиграфике до 1500 г. Получил от Н.М. Беляева из Seminarium Kondakovianum в Праге письмо (А.П. Калитинский еще в Париже), просит выслать мой отзыв о статье Бауера; все мои письма в Прагу дошли благополучно. Переписал мой отзыв для отсылки в Прагу.

15 (2) февраля. –7°. Сретенье Господне. Послал утром в заказном пакете (28 к.) в Прагу статью – отзыв о статье Бауера и письмо к Н.М. Беляеву. Придя в Музей, тотчас отправился в Оружейную палату, отнес туда рукопись Троицкого «Словарь»; у меня был дублет рукописи, где оригинал, отданный Пономареву, не знаю. Сказал Д.Д. Иванову, что я не согласен с его объяснениями в статье о стеатитовой иконе Димитрия Солунского относительно принадлежности святых на рамке иконы к патронам князей нижегородских, и объяснил ему мой взгляд; мне показалось, что он обиделся, и предложил статью написать мне, я отказался; он мне передал по секрету, что в Оружейной палате хранится знаменитый клад Петросы[7], присланный из Букарешта на хранение во время войны; большевики клад передали временно в Оружейную палату; также он сообщил, что им послан в Льгов, Курской губернии, Н.Н. Померанцев для осмотра найденного в Льговском уезде клада, состоящего из золотых цепи и венца (вес около 5 фунтов); исполком назначает за вещи 3000 р. Об этой находке сегодня напечатано в «Известиях». Просмотрел труд Одобеско «Le tresor de Petrossa», чтобы познакомиться с вещами; все вещи, по-видимому, принадлежат готам. Л.В. пришла в Музей больная: у нее, по-видимому, грипп. Вечером зашел А.В. Сосновский, сидел до 12 ¼, много говорили на нумизматические темы.

16 (3) февраля. –6°. Проверял музейские описи. Состоялся доклад С.К. Просвиркиной «Ковши и скопкари», прослушал только начало, был отозван пришедшим А.А. Флоренским, которому показывал вместе с Л.В. серебряную кладовую (Микулинскую чашку, которую Флоренский считает армянским изделием, небольшое собрание восточных предметов, табакерки). После занятий зашел к «Мюру», купил шоколадной соломки для А.Н. Никольской; она именинница. К 8 ч. поехал на **Б** к Никольским, народу, как всегда, было много, на ¾ незнакомых; были: Д.Д. Иванов с женой, Кончаловский с женой (она – дочь В.И. Сурикова) и лица 2–3 знакомых; сидел рядом с женой Д.Д-ча, которая без умолку говорила об интимных вещах вслух, например, о близости ее дочери к какому-то жиду и т.д.; на мой вопрос, не «расписалась» ли ее дочь с ним, ответила: «А я почем знаю, может быть, почему он ходит каждый день». Ужин был обильный. В 12-м часу я ушел.

17 (4) февраля. –13°. Между книгами библиотеки Зубова нашлась папка в форме книжного переплета с врезанными 28 оттисками в олове медалей Петра Великого работы Мюллера[8]; находка интересная. Просмотрел монеты последних царей Боспора собрания С.И. Чижова, есть хорошие экземпляры. Купил 10 перстней, между ними штуки 3 старых века XIV–XV. Музейский фотограф не стал работать в Музее, все негативы к статьям Баклановой и Л.В-ны остались без отпечатков; после занятий я взял оба негатива с перстней и отправился в фотографию Сахарова и Орлова вместе с Л.В., где и попросил сделать отпечатки. Оттуда прошли в булочную «Au bon gout», где купили бриошей к чаю. К 7 ½ ч. поехал в Исторический музей на заседание комиссии по истории быта Московской секции Государственной академии истории материальной культуры, читала Л.В. «Перстни волжских болгар» (то же, что читала в моем разряде); присутствовавшая публика (10 человек), по-видимому, мало что поняла, ни одного серьезного вопроса или замечания никто не сделал, только М.М. Богословский и Н.А. Бакланова выразили сомнение в том, была ли действительно какая культура у волжских болгар. В 10 ч. я был дома.

18 (5) февраля. –9°. Выпало немного снега. Утром купил сливочного масла в частном магазине 1 килограмм за 5 р., в советских магазинах масла нет. В Музее «дежурили» только А.М. Бардыгин и я. Музей, т.е. директорá, разрешили какому-то «Совкино» взять для фотографирования в картине на сюжет из «Капитанской дочки» старинные пушки; я отобрал 7 старинных пушек без лафетов, одну с лафетом и 1 лафет без пушки на 7 дней, взято за пользование по 5 р. с предмета! Возмутительно! Сделал опись 35 акварельным портретам, писанным П. Соколовым, Мартá, Росси[9] и Брюлловым (один), купленным для Музея год назад у кого-то Главнаукой. После 3-х зашел к Прохорову, купил компоту, пастилы и варенья, у «Мюра» купил вина и сыру.

19 (6) февраля. –12°. Воскресенье. Масленица. Топил печь. Заходил А.А. Карзинкин, пил с ним кофе. Просмотрел со стороны стиля статью Л.В-ны о перстнях. Кое-что написал из доклада, который собираюсь прочесть. Вечером пришел К.В. Крашенинников, недавно вернувшийся из-за границы (из Италии); от поездки в восторге, особенно сильное впечатление произвел на него Рим. Ушел в 10 часов.

20 (7) февраля. –11°. В обычный час утром Л.В. не пришла на службу, пришедшая М.В. Будылина сообщила мне следующее: вчера в дом, где квартирует Л.В., явились агенты ГПУ и стали делать обыск в комнате Тегера; не знаю, каким образом подвернулась агентам Л.В., которые, узнав, что Тегер ей «родственник», задержали и ее; Тегера увезли, вечером увезли и Л.В., не сделав у нее обыска; очевидно, она задержана в ГПУ, так как днем в Музей не пришла. В Музее разбирал монеты боспорских царей. После 3-х зашел в фотографию за отпечатками с негативов с перстнями к статье Л.В-ны; взяли по 75 к. за отпечаток. Оттуда зашел к «Мюру», купил красного крымского вина, икры и рыбы. В Музей заходил Н.И. Репников, у которого куплена Микулинская чашка; он мне сказал, что Орбели считает чашку изделием кавказским; а А.А. Флоренский, которому я недавно показывал чашку, определенно назвал ее армянскою.

21 (8) февраля –10°. Утром съездил к Елисееву на Тверскую, купил вареной осетрины, 1 кило за 2 р. 60 к. вместо купленной вчера, оказавшейся

испорченной; купил еще 1 фунт постного сахара и 20 мандаринов. Во 2-м часу неожиданно вошла Л.В.; приход ее был радостно встречен женою и мною. Она рассказала об обыске, который был произведен у Тегера, которого в воскресенье увезли в ГПУ; целый день она сидела в квартире, в коридоре, не смея войти в свою комнату, но обыска не было. Часу в 10-м ее увезли на Лубянку в ГПУ, где ее допрашивал следователь Кишкин о Тегере и его знакомых, также о ее личных знакомых; ночью ее увезли куда-то близ Курского вокзала в помещение, куда сажают мелких воров, проституток и т.п., где она пробыла до вчерашнего вечера в сообществе с какой-то спекулянткой, впрочем, отпущенной. Сегодня Л.В. утром поспешила навестить М.В. Будылину, и оттуда к нам; я с ней просмотрел ее статью, где внесли некоторые стилистические поправки. В 3 ч. приехала А.Н. Никольская, за нею Виктор Александрович, вскоре Д.Д. и Софья Владиславовна Ивановы, часа в 4 сели за блины, которые были хороши, выпили немного красного вина и мадеры, дамы пили запеканку[1*], беседа была оживленная, в 7 ¼ все ушли.

22 (9) февраля. –12°. Л.В. пришла, встретили ее очень сочувственно. Утром из Музея съездил в Цекубу, где получил академическое обеспечение 60 р. Из Музея ходило несколько человек в Оружейную палату, при них был привезен клад найденных осенью в Льговском уезде Курской губернии вещей; кроме 2-х готских они видели серебряный предмет античного характера, служивший самоварной крышкой (!!) крестьянам. Получил от А.А. Ильина письмо, при нем фотографию со статуэтки А.А-ча, исполненной Верой Федоровной Штейн[10]. Дома нашел Валечку с дочерью и внуком, завтра она именинница; вид ее мне не понравился. Вечером зашла Танюша, поправившаяся после гриппа, посидела часа полтора, принесла письмо Веры из Парижа.

23 (10) февраля. –12°. Почти все время провозился с фотографированьем, которое передано Сахарову и Орлову. На заседании общеисторического разряда Ю.В. Готье читал о своих раскопках в Судаке. К 7 ½ ч. поехал на Пречистенку в Художественную академию (бывшая Поливановская гимназия), где в секции пространственных искусств В.А. Никольский прочитал «Историю художественных образов боярыни Морозовой» (по картине Сурикова); доклад был очень интересен; было немного народа в огромной актовой зале; присутствовали Д.Д. с женой, А.Н. Никольская и много знакомых. Читать начал в 9 ½ ч., читал полтора часа. Председательствовал Домогацкий, секретарь Блаватский. Д.Д. мне сказал, что ушедшую из Исторического музея Бубнову (она поругалась в отделе) поместили в Оружейную палату (!).

24 (11) февраля. –12°. Классифицировал боспорские царские монеты. Особых дел в Музее не было. В 2 ч. началось заседание, посвященное 10-летию Красной армии; Константин Владимирович Марков познакомил с современным состоянием нашей армии и наших соседей, война с СССР наших соседей рано или поздно обязательно будет. В конце его доклада я ушел, поехал к Танюше, сегодня ее день рождения; посидел часа полтора с нею, Машей и ребятками; пришел Б.А. Диатроптов. Дома у нас нашел Нину Акопиан, все вместе обедали.

[1*] Запеканка – здесь: наливка из ягод, настоенная на пряностях в печи в замазанной наглухо посуде.

25 (12) февраля. –12°. В Музей пришли только Н.А. Гринвальд и я. Заходил П.Д. Барановский с рисунками-реставрациями Д.П. Сухова домов Троекурова и В.В. Голицына против церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду, и самой церкви, которую большевики хотят снести[11]; Академия материальной культуры хлопочет, чтобы ее не сносили и оставили как памятник конца XVII в.; едва ли большевики согласятся. Во 2-м часу пошел в Оружейную палату, где Д.Д. показал мне золотые гривну и цепь из Льговского уезда Курской губернии и там же найденную серебряную крышку полусферической формы, расчеканенную 4-мя лицами и между ними 4-мя, по-видимому, ветками, работы упадочного стиля. Из Кремля прошел в Охотный ряд, купил кетовой икры, у «Мюра» ветчины. Ночью произошла отвратительная сцена, которую я, к счастью, не слыхал: Точилкин вышиб стекло в раме комнаты (нашей прежней залы) Мусаткиных, бросив со двора кирпич. В Музей доставлены отпечатки со всех негативов, которые делались последние 2 недели.

26 (13) февраля. –16°. Прощеное Воскресенье. Топил печь. Днем у жены был припадок с сильною болью в груди, очень меня встревоживший, но, слава Богу, через 1 час прошел, после того, как она заснула на ¼ часа; обедала с нами вместе. Написал вступление к докладу «Значение нумизматики, как вспомогательной дисциплины истории». Часа в 4 пришел Саша Орешников со своей новой женой Еленой Николаевной; что она за человек, еще не раскусил; на жену и Лёлю она произвела хорошее впечатление.

27 (14) февраля. Чистый понедельник. –16°. В разборе боспорских царских монет, начиная с последних, дошел до Савромата II, медь которого очень хороша. Заходил ненадолго Тройницкий, дал мне 2 своих книжки о фарфоре; Вальдгауера удалили из заместителя директора, нового еще не выбрали, есть голоса за Тройницкого.

28 (15) февраля. –5. Проверял переписанную на машине статью Л.В. о перстнях, она ее читала по рукописи вслух. Заходила в Музей молодая дама Любовь Николаевна Белова-Кудь[12], сотрудница Херсонесского музея, где занимается монетами, подарила мне свой труд «Хронологическое описание монет, найденных в Херсонесе при раскопках 1926 г.»; дама очень милая, но мало осведомленная в нумизматике. Дома нашел Надюшу с Лялей, обе обедали и сидели вечер. Писал доклад о монетах Кесарии и Агриппии. Часу в 9-м пришел А.В. Сосновский, принес таблицы монет Петра с 1711 по 1719 г., сидел до 11 ¼ ч.

29 (16) февраля. День смерти сестры, царство ей небесное. –4°. В Музее отобрал от А.А. Фомина серебряные вещи, случайно ему переданные; он мне показывал протоколы своих раскопок в Судаке с многочисленными фотографиями. Смотрел 2 интересных издания, полученные в Музее: «Corpus сасанидских монет» Парука (индуса), изданный в Бомбее, и другое – 1-й том описания «Grünes Gewölbe» в Дрездене[13]; 70 превосходно сделанных таблиц. Около 3-х поехал к Танюше, свез деткам апельсинов, посидел минут 10–15. К 7 ч. отправился к А.В. Сосновскому; он мне показал греческие монеты собрания Ф.И. Прове, которые Ф.И. желал бы продать; все монеты расценены и цены крайне высокие, едва ли придется в Москве продать. Сидел часа 3, выпили ½ бутылки красного вина, закусили сыром; в 11 ¼ ч. я ушел, А.В. меня проводил до трамвая.

Март 1928 г.

1 марта (17 февраля). –1°. Топил печь. Часов в 11 пришли Валя с дочерью и внуком Зорей, посидели с 1 час, пили чай; Валя жаловалась на тошноту, но вид ее мне понравился. Писал доклад. К 7 ч. поехал к Танюше, дорогой купил сдобный калач для Е.А. Бальмонт, а Танюше баранок, сухарей и конфект ирис. К 8 часам перешли в комнату, куда пришел Д.Д. Благой, прочитавший очень интересный доклад о Пушкине, разобрав его пристрастие к дворянству, характеристику Петра, Евгения по «Медному всаднику» и по другим произведениям П.; читал более 1 ½ ч. Народу было, кроме своих, человек 6–7.

2 марта (18 февраля). –1°. В Музее было заседание общеисторического разряда, С.К. Богоявленский прочитал интересный доклад об Английском монетном дворе в Москве при Алексее Михайловиче; чеканилась только медная монета; в докладе очень подробно обрисовано его устройство, перечислены названия рабочих, занимавшихся чеканкою и проч.; местоположение двора против церкви Георгия, где теперь Политехнический музей. В 3 ч. поехал к сестрам Поповым вместе с Валентиной Ивановной, которой свез мандаринов. После обеда была оживленная беседа, Ольга Ивановна рассказала про свое вчерашнее свидание с Бонч-Бруевичем, к которому обращалась по поводу печатания своей статьи о письмах Грибоедова; много говорили о музейских делах, о Толстом и его семье; уехал около 8 ч.

3 марта (19 февраля). –1°. Утром заехал на ½ часа в Музей, захватил рукопись В.И. Троицкого («Словарь»), и с нею прошел в «Дом боярина» на заседание Ученого совета Оружейной палаты; рассматривались разные вопросы, между прочим, как вознаградить 2 семьи тех крестьян, дети которых нашли золотые готские вещи, определили выдать каждой семье по 100 р. и ходатайствовать о постройке крыши над школой, которая стоит без крыши. Вел разговоры о Бубновой с Д.Д. и с Пономаревым, которая остается в Музее по просьбе Анисимова. Из «Дома боярина» прошел к «Мюру», где хотел купить сыру, но отделения гастрономическое и винное закрываются. Зашел в книжные магазины на Кузнецком мосту за изданием Академии наук «Пушкин и его современники», там и понятия об этом издании не имеют, только у Шибанова мне показали выпуск, мне ненужный, а что мне было надобно, предложили выписать (со статьею Гофмана о пропущенных строфах в «Евгении Онегине»). Около 3-х пришла Л.В., жена ее кормила постным, ушла около 7-ми. В 8-м часу пришла Танюша, сидела в моей комнате, пила чай, приятно беседовали; ушла в 10 ½ ч.

4 марта (20 февраля). – 8°. Воскресенье. Весь день отдыхал, читал мало. Много думал о некоторых вопросах, связанных с докладом, между прочим, об имени Ornistoteles на монетах Иоанна III, почему мастер, если он действительно был известный Аристотель Фиораванти, изменил его на Орнистотеля. Написал Ильину письмо о докладе Богоявленского об Английском монетном дворе в Москве.

5 марта (21 февраля). –13°. Главнаука предписала составить список предметов немузейного значения для продажи за границу; я дал список 17-ти вещам. Убирал оружие (холодное и огнестрельное), привезенное из Глебова-Стрешнева, порядочная дрянь. Искал в библиотеке издание «Пушкин и его

современники», что было нужно мне – не нашел. Зашел к «Мюру», на месте гастрономии и винного отдела – продают сласти. Вечером начал переписывать с листочков доклад; если мне удастся его обработать, то дам его в сборник в честь ученой деятельности В.А. Городцова, который готовят его сослуживцы и слушатели.

6 марта (22 февраля). –12°. В Музее особенных дел не было. Заходила из Оружейной палаты Вера Тимофеевна, показывала монеты, все оказались плохими и частью фальшивыми. Дома нашел Надюшу с Лялей. По словам Нади, у Наташи произошло примирение с мужем (они хотели расстаться).

7 марта (23 февраля). –3°. Падает снег. День был солнечный. Утром явился в мою комнату крестник с матерью, не стесняясь сел к столу и стал рисовать; я пошел в буфет и купил ему пирожное (16 к.) и конфекту ирис (3 к.); вскоре его мать увела. В 12 ½ ч. началось заседание моего разряда, читали Л.И. Якунина о якутских костяных изделиях, вопрос новый, но составлен был удовлетворительно; докладчица очень волновалась. При помощи Б.Н. Гракова достал из университетской библиотеки «Пушкин и его современники», XXXIII–XXXV выпуски, содержащий «Пропущенные строфы “Евгения Онегина”» Гофмана, посмертные стихотворения Пушкина. В 7 ч. отправился в Исторический музей на доклад С.П. Григорова «Природа историко-бытового музея». Тема для меня очень интересная, но разочарование мое было полное; докладчик совершенно не понял своей задачи и изобразил музей, который осуществить невозможно; во мне образовалась путаница понятий. Возражали, конечно, отрицательно Г.А. Новицкий, А.Б. Салтыков, А.М. Эфрос (оба последние очень ясно обрисовали свои взгляды), и начал говорить какой-то провинциальный музейный деятель, но я ушел. Народу было очень много. Вышел я вместе с Д.Д. Ивановым, который мне с грустью сообщил, что его дочь «расписалась» с человеком им нежелательным; я пожалел их. Приехал домой в 11 ч.

8 марта (24 февраля). –5°. Послал «Словарь» Лихачеву, Сиверсу, Ильину. Сегодня день работницы; в 1 ч. состоялось заседание женской половины Музея с речами, на это время я уходил в отделение военно-историческое в одном из подвальных помещений Музея, где сложены ящики с коллекциями (до 700 ящиков), картины, между ними «1812 год»[14] Верещагина, прекрасный портрет Д.А. Милютина Репина; в помещении, где картины, сегодня температура 21°, но иногда доходило до +26°! Разруха в музейном деле полная. Просматриваю работу Гофмана над «Евгением Онегиным»; интересно будет прочесть «Е.О.» с восстановленным текстом, но мне, конечно, этого прочесть не придется.

9 марта (25 февраля). –8°. Топил печь. Ездил в Охотный ряд, купил съедобного. Днем немного писал. В 5 ч. пришел А.В. Сосновский, обедал, к обеду пришел П.С. Рожицкий. После обеда до 12 ч. сидели вдвоем, я много рассказывал о прежних нумизматах; в начале 1-го часа А.В. ушел.

10 марта (26 февраля). Встал поздно, на солнце было около 0°. До 2-х составил черновик для доклада (о Кесарии и Агриппии). После заката солнца температура понизилась до –10°. Вечером была у жены В.А. Попова.

11 марта (27 февраля). Окно замерзло. Воскресенье. Дней 4–5 назад я занял в Музее 50 р. на покупку дров, так как из моего сарая дрова были выкрадены; долг обещал отдать в течение *4-х месяцев*. В 11 ч. поехал на выставку картины А.А. Иванова «Явление Христа народу», этюдов к ней и

рисунков на евангельские, библейские и др. сюжеты. По дороге встретился с Н.Г. Тарасовым[15], шедшим на заседание чеховского общества, которое помещается под выставкой. Картина и этюды этого исполина художника всякий раз очаровывают меня, когда созерцаю их! Какая сила в лицах, фигурах! Спустился с выставки, побыл с ¼ ч. на выставке Чехова; между фотографиями нашел знакомые лица (Н.П. Кондаков, его сын, много артистов). У жены грипп, в 7 ч. ставил термометр, температура 37,5°.

12 марта (28 февраля). Окно замерзло. Большевики празднуют свержение самодержавия, все закрыто. Температура у жены 37,3°. Топил печь. Днем пришла М.В. Пичета, сидела до 6 ½ ч., обедала. Температура вечером –7° с резким ветром. Температура у жены в 8 ½ – 37, 9°.

13 марта (29 февраля). –4°. Здоровье жены улучшилось, спала хорошо, мокрота стала свободнее отделяться, температура 37° утром. В Музее получил ряд писем, между прочим, от некоего Юдина из Томска, который прислал мне портрет моей жены с Лёлей на руках, данный его жене, ныне умершей, в 1890–91 г.; присылка эта очень меня тронула. Н.П. Бауер пишет, чтобы я показал его ученику по университету Ивану Георгиевичу Спасскому[16] наши дукачи. Приехав домой, нашел жену, сидящую в креслах с книгой, привез ей 10 яблок и 2 апельсина. Вчера умерла артистка Малого театра М.Н. Ермолова.

14 (1) марта. –7°. В Музей заходил Ю.А. Олсуфьев (из Троицкой Лавры), показал мне фотографию с серебряного кубка Сергиевского музея, который он не может определить, я также не мог, но показал ему несколько увражей по серебряной посуде, где аналогий он не мог найти. Была закупочная комиссия, особенно интересных предметов не купили. Получил от Н.Е. Макаренка 2 оттиска: «Sceaux de plomb de la période grand-ducale de l'Ukraine» и другую – «Борзенскі емалі». Днем заходила Валя, вечером пришла Надюша, сидела почти до 10 ч., рассказывала про умершую М.Н. Ермолову, со слов ее дочери, что покойная в последние года про театр слышать не хотела и читала 2 книги: Библию и «Сад Аллаха», роман английского писателя (забыл имя[17]).

15 (2) марта. –8°. В Музее состоялось заседание общеисторического разряда (по болезни М.М. Богословского председательствовал С.В. Бахрушин) с докладом В.А. Дударевой «Архив Сырейщиковых», московских купцов, род которых идет с XVII в.; доклад был очень интересен по содержанию и живости. Получил от А.А. Ильина письмо, сообщает, что С.А. Жебелев согласен напечатать доклад С.К. Богоявленского об Английском монетном дворе в издании Академии истории материальной культуры. Вечером пришла Танюша, сидела часа 1 ½–2; вид ее хороший.

16 (3) марта. Окно замерзло. К вечеру термометр показывал –2°. Главнаука распорядилась, чтобы Исторический музей к завтрашнему дню к 11 ч. дал сведения о количестве монет, годных для продажи на европейских рынках; я написал, что годных для продажи античных и западноевропейских монет имеется несколько сотен, случайно попавших, так как таковых мы не собираем. После 3-х заходил с Л.В. в книжный магазин для покупки учебных книг внукам. Приехала погостить Адель Шмидт. В газетах сегодня напечатано следующее: в Нью-Йорк прибыл транспорт золота из СССР в сумме 5 миллионов долларов, которое было сдано 2-м американским банкам для расчета с торговыми фирмами за купленные товары, но американское министерство финансов не допустило использовать это золото, так как вопрос

о праве собственности на него вызывает споры. Одновременно французский посол в Соединенных Штатах обратился к американскому правительству с нотой, в которой указывает, что французский банк возбуждает в Соединенных Штатах судебное дело с требованием признания за ним права собственности на советское золото. Какое унижение советской власти!

17 (4) марта. –4°. Послал Жебелеву письмо и статью Богоявленского. Утром ездил за провизией; проезжая в трамвае через Театральную около 11 ч., видел против Малого театра автомобиль, на нем гроб с телом Ермоловой, на площади огромная толпа народа. В газетах прочитал следующее: в Берлине происходило совещание по экономическим вопросам; в Донецком бассейне (Донбасс) большевиками замечены были какие-то контрреволюционные выступления, арестовано было много лиц, и между ними несколько германских инженеров[18]; германское правительство поручило германскому послу в Москве сделать запрос по этому поводу и прервать переговоры в Берлине; советские делегаты уехали в Москву. Около 3-х пришла Лёля, более недели болевшая гриппом; последние дни к ней ездила Анюта. Днем навещала жену Анна Ивановна Благовещенская.

18 (5) марта. Воскресенье. Окно замерзло. В 10 ½ ч. поехал в Третьяковскую галерею, где мне хотелось посмотреть новости, поступившие в последние года, и новую развеску картин. Новых картин видел мало, из скульптур кое-что. Любовался нашими «стариками», Врубель, как и ранее, мне не понравился, в его картинах я чувствую что-то ненормальное. Впервые видел «Бубновый валет», какой ужас! Огромная толпа народа, экскурсии очень мешали смотреть. Вернулся домой в 3-м часу, встретил Л.В., которая обедала; после обеда пришли Маша с девочкой и Алеша, сидели недолго, пили чай. Вечером пришел К.В. Крашенинников, разговор шел о Ермоловой, о концертах и т.д.

19 (6) марта. –10°. Вчера в Третьяковской галерее я заметил один портрет крестьянской девушки в кичке работы Аргунова 1786 г., принадлежащий Историческому музею (дар А.П. Бахрушина); сегодня я наводил справки в Музее, как он мог попасть туда, но пока еще не нашел; Щекотов думает, что он попал туда на выставку «У истоков живописи» вместе с остальными, которые возвращены. В Музее был отбор ковров, как я слышал, для эмира Бухарского или Афганского[19]. Получил [из] петербургского Русского музея объемистый 1-й том «Записок историко-бытового отдела». К обеду пришла Нина, позднее – Надюша с Лялей; Надя много рассказывала о похоронах Ермоловой, на которых была по пропуску.

20 (7) марта. –8°. В Музее в 1 ч. было заседание выставочной комиссии под председательством М.М. Богословского; рассуждали, главным образом, о вопросе, кто будет ответственнен за целость выставки и др. вопросы. После занятий я поехал с А.А. Карзинкиным навестить Г.Л. Малицкого, который был серьезно болен; Г.Л. стал поправляться, встал с постели, но температура еще не спала: 37,1°; он очень обрадовался, оживленно говорил; вскоре пришла Ксения Михайловна[20] (она служит в Музее изящных искусств), накрыли стол, подали кофе, копченую севрюжку, печенье; дочка их Ирина пошла гулять; мы беседовали часа полтора; с трудом сели в трамвай (так много было народа), в 6 ½ был дома. Застал у нас Валечку, она лежала от боли в желудке и за обедом ничего не ела, потом ей стало легче; вид ее

очень изнуренный. Получил из Праги 30 оттисков моей статьи о молдавском серебре чрез Общество культурной связи с заграницей. Сегодня отправили в готовящееся помещение для падишаха Афганского Аманулла-хана несколько больших ковров.

21 (8) марта. –4°. Придя утром в Музей, тотчас же отправился в Оружейную палату, снес Д.Д-чу на просмотр оттиск «Молдавской посуды» и взял для Музея на просмотр «Niello» Rosenberg'а. Д.Д. очень озабочен здоровьем жены, неприятностями в Оружейной палате между техническими служащими; общее политическое положение в СССР тоже его беспокоит и волнует. Сказал, что идут большие неприятности между Пономаревым и Главнаукой. Пробыл у него с час; он мне показал любопытный предмет: серебряная погремушка, оканчивающаяся свистком, а на противоположном конце коралловая палочка вершка в 2; я, конечно, не мог определить, Д.Д. сказал, что это «соска» императора Иоанна Антоновича. В 1 ч. было заседание моего разряда; читала Анна Лазаревна Вейнберг[21] о первой жене Павла I Наталье Алексеевне; о ней сообщила мало, но познакомила с недавно найденным дневником Павла, времени его сватовства, очень бесцветным по его содержанию; на мой вопрос о дальнейшей судьбе Натальи Алексевны (докладчица остановилась на бракосочетании), Вейнберг ответила, что это будет темой ее другого доклада; она умерла от родов. Получил письмо от Наташи Зайцевой из Парижа. Вечером приехали из Мытищ Леон.Ст., Надя и Миша; Леон.Ст. сделал для жены аппарат радио с 2-мя лампочками, который и повесил на стене в комнате жены; сегодня же мы слушали концерт из Берлина, состоящий из отрывков русских опер, я слышал из «Бориса Годунова» и из «Садко» (сцена танцев на новгородской площади).

22 (9) марта. –3°. Получил из Музея пять отрезков от облигаций разных номеров 6% выигрышного займа, стоимость которых вычитали из жалованья. Получил из Цекубу академическое обеспечение 60 р. Особенных дел в Музее не было. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил копченой севрюги и крабов. В 7 ч. пришла жена А.В. Сосновского Евгения Давыдовна с письмом А.В-ча, где он пишет, что заболел, температура 39° и не может прийти.

23 (10) марта. –2°. Послал С.А. Жебелеву статью о молдавском серебре, также дал М.М. Богословскому и Н.А. Баклановой. Просматривал неразобранные удельные монеты, видел много новых, в числе их медный пул Андрея Дмитриевича Можайского. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд за провизией, взяли билеты в Сергиево на завтра.

24 (11) марта. –6°. С 9-ти часовым (Вологодским) поездом поехал с Л.В. в Сергиевскую Лавру; в вагоне было свободно. Со станции за 40 к. поехали к музею на санях. Все лаврские, состоящие при музее, Ю.А. Олсуфьев, Владимир Дмитриевич фон Дервиз, А.Н. Свирин, отец Диомид встретили нас в музее, отвели теплую комнату, где вскоре появился самовар; все прошли к нам, мы угостили их икрой и конфектами. Затем отправились в музей, где мы довольно подробно осмотрели знакомые нам предметы, но расставленные иначе по характеру каждой вещи: потиры к потирам, чарки к чаркам и т.д.; выставка блестящая, хотя расставлено все тесно, что сделано умышленно, чтобы показать, что дублетов нет, в случае появления лиц, командированных для изъятия в продажу. Посмотрели чудесное шитье, прошли в реставрационную мастерскую, где расчищают местные иконы из

собора, по-видимому, мастеров Рублева. А.Н. Свирин обратил внимание на одну чудесную чашку в музее и показал ей параллель в альбоме Ханенки. Впервые я посмотрел попристальнее чернь по серебру и золоту. Вообще впечатление у меня огромное. Из музея мы перешли в особую кладовую запечатанную, отпер ее приставленный коммунист, впрочем, добродушный; вещей немного, но драгоценны по материалу и художеству; великолепен золотой оклад с чеканкою и каменьями Евангелия времени царя Михаила Федоровича, великолепны вещи XVIII в.; интересны на вещах 2 камня с шапки Ивана Грозного. Перед отходом на железную дорогу попили чаю с А.Н. Свириным, который нас проводил немного; с 6 ч. местным поездом благополучно вернулись. Дома все здоровы. Адель Шмидт уехала домой. Забыл сказать, что мы заходили в Троицкий собор, где поклонились останкам преподобного Сергия. Грустные мысли у меня: зачем духовенство наше уверяло, что тело преп. Сергия нетленно; зачем большевикам так надругаться над обнаженными костями великого угодника.

25 (12) марта. –8°. Воскресенье. Утром топил печь. Днем читал, статьей не занимался. Чувствую слабость, весь день клонило ко сну. Заходил Ф.К. Мейер, его сын расстрелян.

26 (13) марта. –6°. Утром заехал в почтамт, послал в Петербург Лихачеву и некоторым эрмитажным оттиски моей статьи. Дорогой, идя к трамваю, поскользнулся, упал, очень ушиб спину и голову. В Музее узнал, что в пятницу вечером с князем Н.С. сделался удар, по-видимому, слабый. В Музее стал раскладывать по коробкам (лоточкам) еще не разложенные монеты удельные Зубова. После обеда стал писать статью, но пришла Танюша, сидела часа 2, пила в моей комнате чай, пришлось писание оставить.

27 (14) марта. –7°. Собирался навестить князя, но врач просил его не беспокоить несколько дней; у него было небольшое кровоизлияние, которое, надеются, рассосется. Была закупочная комиссия, куплен серебряный черневой оклад на икону «Знамения»; икона не представляет интереса, но оклад XVII в. Все время в Музее раскладывал и определял неразобранные серебряные монеты Зубова. Во время обеда пришла Валя; она стала еще худее, щеки ввалились; боли в желудке продолжаются; как мне жаль ее. Вечером поработал немного.

28 (15) марта. –4°. Купил в Музее 4 посудины у кавказца за 30 р. Состоялось заседание моего разряда, читала Е.К. Муромцева о фарфоровых статуэтках завода Гарднера конца XVIII, начала XIX в., сюжеты которых заимствованы у рисунков Венецианова (русские типы). Приехал Леонид Антонович Мацулевич из Эрмитажа для осмотра клада из Орловской губернии, но разрешения на пропуск в Кремль не может получить с понедельника. Получил от С.А. Жебелева письмо, 2 оттиска его статей и автобиографию Н.П. Кондакова. Окончил статью для «Сборника в честь В.А. Городцова»; слышал, что на печатание в честь него «Сборника» будет дано от разных учреждений до 4-х с лишком тысяч рублей. В 8 ч. пришел А.В. Сосновский, проговорили с ним до 10 часов, закусили кильками, редиской, пили чай.

29 (16) марта. –1°. К 10 ч. поехал в Нескучный дворец, где ранее был Музей мебели, теперь – Народоведения (Этнографический); туда прибыл В.К. Клейн с Ф.Ф. Вишневским и позднее С.П. Григоров с Вейсбандом,

последнего не знаю. Мы осмотрели отобранные предметы из Конюшенного музея, часть которых назначена на продажу за границу, часть в Оружейную палату и Исторический музей; кроме разной упряжи, к нам поступят 2-е саней и прекрасная деревянная люстра (около 1800 г.) с 2-мя торшерами. Встретился с Б.М. Соколовым[22], директором Музея народоведения, кое-что он показал мне. Я собирался уходить, как пришел Д.Д. Иванов, побеседовал с ним о его личных делах, домашних и в Оружейной палате, где произошли ссоры Пономарева с Гриневичем, начальником Главнауки и т.д., все это на него очень подействовало, он даже похудел; жене его лучше. В Музей вернулся в начале 3-го. Получил из Академии наук диплом на звание члена-корреспондента; А.А. Ильин прислал мне «Zapiski numizmaticzne», № 3–4, 1926 со статьею М. Гумовского о литовских монетах, изданных С.И. Чижовым в «Дроздовском кладе»; обращусь к какому-нибудь, знающему польский язык. Отдал в Музей *долг 50 р.* (см. 11 марта). После 3-х пошел купить бутылку красного в Винторге (бывший Депре) на Петровке, куда меня провожала Л.В. Вечером были Леон.Ст. и Надя, пили чай; я беседовал с Л.Ст., который мне говорил, что на водокачке принимаются меры для обороны на случай войны.

30 (17) марта. –1°. В Музее продолжал раскладку зубовских монет. В 8-м часу пришел Л.А. Мацулевич, с которым просидели почти до 12 ч.; он очень интересный и знающий человек в области римского, византийского искусства; рассказывал об Эрмитаже, его сослуживцах; об Орбели отнесся очень отрицательно, сказав, что это человек другой расы и его психология ему непонятна. Вальдгауер не удален из Эрмитажа, он отставлен из заместителей директора Эрмитажа.

31 (18) марта. +1°. К 11 ч. поехал в «Дом боярина» на заседание Ученого совета Оружейной палаты. В заседании должен был [быть] решен вопрос, брать ли Оружейной палате дом, принадлежавший В.В. Голицыну, находящийся в Охотном ряду; за отсутствием Сухова и Померанцева вопрос не обсуждался. В числе присутствовавших был Ю.А. Алмазов от имени Главнауки. С Варварки прошел в Охотный ряд, кое-что купил из провизии (ветчины, сыру), оттуда приехал на Тверскую в магазин бывший Елисеева, так как в Охотном ряду магазины от 1 ч. до 2-х заперлись на обед. Очень устал. Вымыл ноги. Неожиданно приехала Ольга Ивановна на короткое время, она сломала и вывихнула правую руку. К обеду пришла внучка Наташа, у нее опять ссора с мужем; от нас поехала к матери в Мытищи.

Апрель 1928 г.

1 апреля (19 марта). +1°. Воскресенье. Прочитал «Воспоминания и думы» Н.П. Кондакова; желчный характер автора чувствуется почти в каждой строке. В 10 ч. поехал к литургии в Новодевичий монастырь. После службы зашел к князю; хотя он и в постели, но почти здоров; сообщил, что обе его племянницы в Париже, материально живут хорошо, благодаря проданным вещам; посидел у него не более 10 минут. К обеду пришла Л.В.; жена и она пили чай в моей комнате; я познакомил Л.В-ну со взглядами Д.Д-ча на черневую посуду по его еще не напечатанной статье.

2 апреля (20 марта). +2°. Из Музея ездил утром в Цекубу, заплатил за себя и за Л.В. по 4 р. по 1-е января 1929 г. В Музее все время диктовал Н.А. Баклановой подписи под рисунками к ее статье о привозных товарах. По случаю домашней стирки дома не обедал, ел в Цекубу, кормили следующими блюдами: картофельный суп и печенка в сметане; суп порядочный, но второе блюдо мне не понравилось. Из Цекубу дошел до храма Спасителя, где крайняя остановка автобуса № 9, сел в него и за 30 к. проехал весь его маршрут; по словам кондуктора, автобус пробегает до Курского вокзала 37 минут. Снял 2 снимка с изображения монет в книгах для статьи в «Сборник» Городцова. В Смирне было землетрясения, разрушено 20 домов; в Венеции, по-видимому, небольшое землетрясение.

3 апреля (21 марта). +2°. Нахожусь в большом волнении: в Музее, когда я сидел один, так как все ушли получить жалованье, в мою комнату входит А.М. Бардыгин в сопровождении 2-х молодых людей; А.М. говорит мне, что они хотят обыскать мой стол; я обращаюсь с вопросом к обоим, из какого они учреждения, те ничего не ответили, тогда я сказал: «Из ГПУ», – и отправился за жалованьем, которое, впрочем, было уже взято Н.А-ной; вернувшись, я увидел, что один из агентов ощупывает карманы А.М-ча; затем, сказав, что должны взять А.М-ча, все трое вышли. А.М. был очень бледен. Что за причина задержания А.М-ча, неизвестно, думаю, не по религиозному ли вопросу, так как он очень религиозен. Все очень потрясены, так как все любили А.М-ча, как прекрасного человека и отличного работника. Ходил с Н.А. описывать несколько вещей, снятых для ее статьи. Перепечатали мне на машинке мою статью, вышло 12 ½ страниц. После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил бутылку водки. Заходил С.Н. Тройницкий и Л.А. Мацулевич, который завтра уезжает. Н.П. Лихачев пишет, что его сосланный сын выпущен и был у него; получил 2 сверстанных листа его статьи о печатях. Вскоре после обеда пришла Танюша, поела гречневой каши, и мы сели пить чай в моей комнате; неожиданно после 8 ч. явилась Надежда Афанасьевна, гувернантка в семье С.В. Прохорова; Татьяна Петровна, жена С.В-ча, напуганная мужем (он был выпивши), что в Музее были аресты, просила узнать правду; я рассказал все, что случилось, и мы перешли на обычную дамскую болтовню; около 9-ти все ушли.

4 апреля (22 марта). +2°. Узнал в Музее, что вчера в ночь арестован Виктор Александрович Никольский с увольнением от должности; я очень потрясен. Ко мне подходил музейский служащий коммунист С.В. Кузьмин и спрашивал о вчерашнем обыске у А.М. Бардыгина и о моем мнении о причинах задержания; я ответил, что не знаю, но думаю, что причина церковная; он мне сказал, что если причина уголовная в связи с Музеем, то и меня вызовут к допросу, а если причина, касающаяся лично А.М-ча, то меня тревожить не станут. Заниматься почти не мог, какой-то туман в голове. Заходили Тройницкий и Мацулевич, последний распростился. После 3-х ездил с Л.В. к Елисееву, купил компоту. В 5 ч. пришел А.В. Сосновский, обедал, выпили бутылку хорошего лафита, много беседовали про нумизматов, ушел он в 12 часов.

5 апреля (23 марта). +1°. День памяти Л.И., царство ей небесное. Сотрудница Музея (имени ее не знаю), живущая в том доме, где живет Бардыгин, рассказала, что дня за 2 до его задержания он получил посылку

из-за границы (что там было, она не знает), эта посылка во время обыска в его комнате была взята. Музейский местком хочет о нем хлопотать. В Музее разобрал несколько удельных монет. Получил при письме А.А. Ильина выписку из протокола заседания секции нумизматики и глиптики с докладом Н.П. Лихачева о статье Макаренка «Sceaux de plombe de la période grand-ducale de l'Ukraine»; ту печать, которую Макаренко приписывает сыну Владимира Мономаха Андрею, Лихачев относит отцу Владимира великому князю Всеволоду-Андрею Ярославичу. У жены последние дни очень распухли ноги, и чувствовала себя нехорошо, особенно беспокоило ее сердце; сегодня пригласили Гальперна, который осмотрел ее, не нашел ухудшения против прошлого года, прописал пить йод, запретил есть мясо и велел есть молочное; посещение врача ободрило жену. Гальперн дал на прочтение «Записки Е.А. Сушковой (Хвостовой)».

6 апреля (24 марта). 0°. Утром шел мокрый снег. Ходил в Охотный ряд, купил сухого горошка по 1 р. 50 к. за 400 граммов. В Музее разбирал монеты, записывал новые покупки. После 3-х ходил с Л.В. к «Мюру», купил 1 кило украинского хлеба и нуги. Вечером выправлял некоторые места в статье.

7 апреля (25 марта). +1°. Вербная Суббота. Благовещение. Утром ездил в Охотный ряд, купил 3 ½ фунта осетрины за 2 р. 15 к., прованского масла и 4 жестянки компота. Весь день читал записки Е.А. Сушковой, в них главную роль [играет] она сама, затем ее роман с Лермонтовым, непонятно для меня кончившийся; чье было анонимное письмо – не знаю, вероятно, Лермонтова. Личность Сушковой, судя по «Запискам», мне не понравилась, многие разговоры, записанные несколько лет спустя, внушают мне сомнения.

8 апреля (26 марта). +2°. Небольшой снег. Вербное воскресенье. С утра топил печь. Написал Лихачеву письмо по поводу его объяснения печати киевского князя Мстислава-Константина (я думаю, *великого князя* Черниговского); изображение на лицевой стороне он толкует как портрет императора Константина VIII (я думаю, св. Константина равноапостольного). К 2 ч. пришла Л.В., обедала; после обеда прочитал по ее просьбе мою статью для «Сборника» Городцова; жена и Л.В. пили в моей комнате чай; в 6 ч. она ушла. Слышал, что у А.М. Бардыгина обыск в квартире продолжался с 2-х до 11 ч. вечера; главная причина обыска, должно быть, была посылка с шоколадом и какао, полученная им от родителей из-за границы; его отвезли в ГПУ. Прочитал, вернее, просмотрел дневник Сушковой 1833 г.; в нем ее пустота резче выступает, нежели в «Записках».

9 апреля (27 марта). +1°. Напавший вчера мокрый снег еще не стаял. Погода неприятная, сильный ветер, скользко. Придя в Музей, сейчас же отправился в Оружейную палату, но Д.Д-ча не застал, он уехал в Главнауку; о судьбе Виктора Александровича никто ничего не знает. Должность Пономарева сократили, он уволен из Оружейной палаты. Узнал от А.Б. [Салтыкова], который видел дядю А. М-ча, что при обыске ничего не нашли. Говорят, будем заниматься в Великую Субботу и в 1-й день Светлого Праздника! К чему такое насилие! И.Е. Бондаренко подал прошение о принятии его на службу в Музей вместо ушедшего Н.Б. Бакланова. Сегодня уехала в Миллерово Ольга Ивановна, мать Олега. Дочитал книжку с мемуарами Сушковой и др. авторов. Правдивее всех воспоминания Шан-Гирея.

10 апреля (28 марта). –3°. Понижение температуры началось вчера к вечеру. В Музее вел текущую работу по записи купленного и по регистрации монет. Проверял количество ящиков из Военно-исторического музея, находящихся в вестибюле под лестницей и в серебряной кладовой. Музейское правление назначило меня заведующим выставкой XVI–XVII вв. Сегодня Лёля уехала в Минск на неделю.

11 апреля(29 марта). Окно замерзло; слышал, ночью было около –10°. В Музей приходил В.С. Гадон, отпущенный из Вологды к больной сестре на 2 недели; он такой же жизнерадостный, каким был 3–4 года назад; на жизнь не жалуется, дает уроки французского и немецкого языка; посидел минут 10–15. Ходил в Оружейную палату, она заперта; только что вернулся в Музей, как явился Дм.Дм., побеседовали с ним, к Анне Николаевне не советует ходить. Чувствую сегодня неприятный осадок на сердце от мелких ссор, главным образом, дам из-за пустяков; тяжело видеть интриги по поводу кандидатуры Бондаренко: Протасов просит его провалить, Корш стоит за него; каждый порознь говорил мне свое мнение; я отменил заседание и переговорил с А.И. Анисимовым (это очень умный человек) о Бондаренко; Анисимов знает его научную деятельность, а также рассказал мне, как он себя вел в Главнауке лет 7–8 назад; у меня получилось о Б. впечатление неблагоприятное. Получил от Музея из Академии истории материальной культуры издание великого князя Георгия Михайловича «Монеты Петра I с начала его царствования до 1710 г.»; таблицы великолепны, приложена прекрасно исполненная в экс⟨либрисе⟩ гравюра с портретом Петра работы Кнеллера.

12 апреля (30 марта). Великий Четверг. Окно замерзло. С восходом солнца рассмотрел температуру – 5°. Сегодня в Музее была комиссия по отобранию предметов для продажи за границу; комиссия состояла из Д.Д. Иванова, Ф.Ф. Вишневского, Власова[23], Вейсбанда, Клейна, Корша, меня; наложили на нас 100 000 р., но пока набрали по нашей оценке на 51 тысячу рублей, не тронуты еще иконы; самое ценное, что взяли – это 2 гобелена 30 000 р., затем католические облачения из слуцких кушаков, бронзовая группа и т.п. Остальное время записывал покупки, регистровал удельные монеты. После 3-х пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил детям шоколадных яичек, у «Мюра» – клею, бумаги на стол и т.д. Получил из Киева от Н.Е. Макаренко письмо, полное похвал по моему адресу по случаю избрания меня в члены-корреспонденты Академии наук; написал ему благодарность и послал «Молдавскую посуду Оружейной палаты».

13 апреля (31 марта). –5°, в Музее узнал, что в субботу, воскресенье и понедельник занятий у нас не будет; от этого известия легко вздохнулось. Со многими пришлось говорить, настроение у всех невеселое. Заходил ко мне Вейсбанд из финотдела и сказал мне, что за мою поездку в Нескучный дворец мне сколько-то выдадут; за что такая милость – не знаю. Занимался текущими делами. После 3-х поехал к Танюше, купил деткам шоколадных яиц с сюрпризами, карамели, кулич и сухарей; посидел с ½ часа, съел заливного судака, выпил чаю; маленькая Маша лежит, у нее жар, у Яльмара распухли гланды, прочие здоровы. Дома застал Надюшу, Леон.Ст. командируют летом заграницу.

14 (1) апреля. –3°. Великая Суббота. День смерти Л.И., царство ей небесное. Утром шел небольшой снег, позднее сделалась метель с сильным

ветром. Ездил в Охотный ряд, купил печенья, сыру, сластей и вина. Народу в магазинах очень много, чтобы войти в некоторые, приходилось становиться в очередь. Приехав в 1-м часу, затопил печь и поел кулича с кофе (кулич очень вкусен, домашнего печенья). До вечера читал, исправлял статью. На сердце тоскливо. Жена очень страдает болями в суставах ног, с трудом передвигается. К заутрени решил не идти.

15 (2) апреля. –1°. Светлое Воскресение. Выпало за ночь снегу. Утром пришли приходские священники (был отец Василий), я вышел к ним. В нашей церкви, говорят, народу было менее, чем в прошлом году. В 1-м часу пошел поздравить семью А.А. Карзинкина, которого встретил дорогою: он шел к нам, – мы похристосовались и пошли своею дорогой; у Карзинкиных посидел недолго, обе в грустном настроении: Соня потеряла место у итальянского консула, который уехал за границу. От них проехал на Зубовский бульвар, зашел к Богословским, Михаила Михайловича не застал, посидел с ½ часа с Елизаветой Петровной; в том же доме живут Ивановы, Дм.Д-ча не застал; с Софьей Владиславовной сидел пожилой человек, фамилии его не разобрал; пробыл час или 1 ½, в продолжении которых Софья Вл. говорила без умолку на всякие темы вперемешку, так что передать разговора нельзя; с сожительством дочери с евреем она, кажется, примирилась, но «зятя» зовет жидом, Мишкой. Вернувшись домой в 5 ½ или в 6 часов, застал большое общество: Леон.Ст. с Надей, Митей, Валя с Зорей, потом пришла Маша с Яльмаром и Лёшей, Федя Бец, Карлуша Шмидт, Наташа с Жоржем. Вся шумная компания к 9 ушла. Закуска была пасхальная: ветчина, телятина, кофе, чай. Весь день шел мокрый снег.

16 (3) апреля. +1°. В 11 ½ ч. поехал к Адели Шмидт, от нее с № 17 отправился к князю Н.С. в Новодевичий монастырь, он меня встретил среди комнаты (встал с кровати сегодня в 1-й раз); у него было несколько знакомых, побыл с ½ часа. Из Новодевичьего монастыря проехал на Тверской бульвар в Камерный театр, в фойе которого выставлено 47 полотен П.П. Кончаловского, народу было масса; я не поклонник творчества Кончаловского и особенно меня на этой выставке поразили грубость рисунка и отсутствие воздуха; видел самого художника, которого спросил о судьбе В.А. Никольского, тот мне ответил, что дело идет хорошо, и скоро все выяснится; дай-то Бог. С выставки проехал к Анне Николаевне, но ее не застал. Дома нашел порядочно народу, были: П.Н. Сапунов, оба Кочурина, Л.В. и М.М. Богословский; с М.М. побеседовали о делах Академии наук, против деятельности которой появилась на днях статья. Л.В. и М.М. вскоре ушли, на смену подошли Сережа Орешников и Александровы с дочкой, поели все ветчины, попили кофе, явилась Зоргаген. Часов в 9 пришла Вера Попова с сыном. Как скучны эти праздники с гостями, с которыми не имеешь ничего общего.

17 (4) апреля. +3°. В Музее шла текущая работа; в неразобранных монетах Зубова нашел несколько интересных, между ними медную Андрея Дмитриевича Можайского. В субботнем номере «Рабочей Москвы» помещено [обращение] (автор его Д.Д. Иванов) с воззванием антирелигиозного характера не праздновать Пасхи, подписано, между прочим, Коршем и Протасовым. Скажу откровенно, я поступком Д.Д-ча возмущен; слышал, что перед Пасхальной заутреней, во время полунощницы человек более 100 молодежи ворвались в храм Спасителя, проникли в алтарь... Что было

дальше – не знаю, мое возмущение не позволило мне дослушать рассказа. Господи, когда это все кончится?! К обеду пришла внучка Нина, от нас уехала к себе в Перловку. Вечером пришел Д.Д. Иванов, я ему ни словом не намекнул, что читал его обращение; разговор вели о вопросах, касающихся продажи музейных ценностей; сидел часа полтора, пил чай.

18 (5) апреля. +1°. Падает снег. В Музее шла текущая работа. Принесли продать ковш Петра I 1715 г. и четвертину XVII [в.], обе за 300 р. Назначены к сломке храмы: 3-х святителей у Красных ворот и св. Николая на Мясницкой; в последней [церкви] древнейший храм XV в. Какое варварство. Слышал от многих лиц о переполнении храмов в светлую заутреню и необычайном религиозном подъеме у молящихся; в одном храме священник сказал слово на тему «Торжество зла и поругание правды», причем предложил всем исповедываться и причащаться во время заутрени, что и было исполнено.

19 (6) апреля. +1°. С утра в Музей пришел заниматься приехавший из Петербурга Иван Георгиевич Спасский, слушатель Бауера в университете; Ив. Г. интересуется дукачами, и я ему выложил всю нашу коллекцию (более 100 штук); это будет его диссертация. В 1 ч. состоялось заседание моего разряда, обсуждались заявления Бондаренки и Сухова о принятии их на службу в Музей заведующими отделом архитектуры вместо ушедшего Н.Б. Бакланова; все высказались за Сухова, а к Бондаренко отнеслись отрицательно. Получил от А.Н. Зографа письмо, извещает, что в 1-й день Пасхи родился у них сын. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», купил для правнуков конфект. Оттуда проехал к Кочуриным, туда пришла Танюша с Машей правнучкой, Яльмаром и Мишей; была также Валечка с П.Н. и пришла дама Ольга Рудольфовна Герц, с которой ранее жил Василий Арсеньевич; кормили прекрасно; слушал по радио В.С. Муралевича, читавшего о жизни растений; читал прекрасно. В 8 ч. я ушел.

20 (7) апреля. –3°. Была закупочная комиссия, купили небольшой кусок коптской ткани V в. за 25 р.; предложили Музею купить ковш 1715 г., жалованный Петром донскому атаману Кутейникову за 200 р. и серебряную четвертину за 100 р., мы оценили все за 120 р. Разбирал неразобранные коллекции монет Зубова – китайские, иностранные медали и русские медали. После 3-х ч. Л.В., Валентина Ивановна Попова отправились к «Мюру», где купили марципана, оттуда уехали в автобусе № 9 домой; к обеду пришел приехавший сегодня из Петербурга Н.Б. Бакланов; вскоре после обеда Л.В. ушла, за нею Н.Б. и Вал.Ив.; в 7 ч. пришел Н.Д. Протасов, хотела приехать его жена, но не приехала; пили чай, дали Протасову закусить, выпили с ним бутылку Chambertin, он много болтал, в начале 12-го все ушли, т.е. Протасов, Лёля и Зинаида Алексеевна [Арцыбашева].

21 (8) апреля. +3°. Написал А.А. Ильину письмо. К 11 ч. поехал в Оружейную палату на заседание Ученого совета; все заседание было посвящено вопросу о принятии Сапожникова на должность хранителя в отдел памятников Кремля, чему воспротивился Д.Д., определивший туда Вишневского; кандидатура Сапожникова исходила от Н.Н. Померанцева; разговор между Д.Д. и Померанцевым принял острую форму; по предложению Д.П. Сухова вопрос был снят с очереди до выяснения. Из Оружейной палаты мы все пошли в канцелярию Архангельского собора, где Н.Н. показал новые поступления в отдел «Памятники Кремля»: альбом с видами Кремля

60–70-х гг. XIX в. и другой альбом с вырезками: интересного мало. Избрали комиссию для осмотра 2-х видов Кремля у Д.Ф. Богословского. Из Кремля отправился в Цекубу, где получил академическое обеспечение. Погода убийственная; все время шел мокрый снег. В 5-м часу приехал Л.С. Зворыкин, установил антенну к радио в комнате жены, обедал, после обеда приехали его сыновья Митя и Миша и от нас поехали смотреть в театре «Периколу». Вечером был К.В. Крашенинников, ездивший на праздники в Петербург.

22 (9) апреля. +3°. Воскресенье. В 1-м часу поехал в Музей изящных искусств на выставку, устроенную в память 400-летия смерти А. Дюрера. В трамвае встретил Аделину Антоновну, которая сообщила, что сегодня ночью арестован священник их прихода 3-х святителей. Выставка посвящена гравюрам Дюрера, подлинных гравюр более 200; я не поклонник его с художественной стороны как гравера, фигуры слишком реальны, а типы Богоматери напоминают простых немок. Встретил внучку Машу, с которой ходил; знакомых было много; интересно было бы взглянуть на его картины маслом, которых я не видал; судя по репродукциям, они, должно быть, очень хороши. Встретил К.С. Кузьминского, пожали друг другу руки. С выставки поехал в Охотный ряд, купил жене яблок. После обеда пришли Сережа Орешников с Юзей; за чаем Юзя рассказала про интересную операцию в клинике у профессора Мартынова[24] (она фельдшерица у Мартынова), который вынул у больного солитер из печени, голова солитера имела длину небольшого чайника, а длина туловища 7 метров. Я был поражен этою чудесною операцией, а еще более величиной солитера, который имел многочисленное потомство… У меня вечером сделалось недомогание, принял аспирина, выпил 3 стакана чая с лимоном, лег в постель и уснул часа на 2, после чего недомогание прошло.

23 (10) апреля. +3°. День ясный, вода на реке не прибыла, но лед идет редкими льдинами. Узнал в Музее, что наш сотрудник Ф.Ф. Вишневский арестован, арестованы его дяди, за что – неизвестно. Получил извещение от Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, что оно меня избрало 12 марта в свои почетные члены. В Музее все время заносили в книгу поступлений разную заваль, оставшуюся не занесенною. Получили от Верочки из Парижа письмо, пишет, что Б.К. скоро напечатает книгу «Афон» и пишет роман. Вечером заходила Валечка; вид ее неважен. Посылаю в Казань в Общество археологии, истории и этнографии, также профессору В.Ф. Смолину мою статью о молдавской посуде.

24 (11) апреля. +3 ½ °. До 12-ти ч. в Музее зарегистровывал с Л.В. монеты. В 1-м часу началось заседание Ученого совета; первая половина прошла в болтовне, которую начал Незнамов, в конце – рассматривался вопрос о заместителе вакантного места заведующего архитектурой; этот вопрос разбирался в специально-историческом разряде, и из 2-х кандидатов, Бондаренка и Сухова, остановились на Сухове; но в правлении Музея вопрос был предрешен в пользу Бондаренка, что и было принято собранием. Удивлен я был весьма. После 3-х отправился с Клейном и Д.Ф. Богословским, нашим реставратором, к нему на квартиру (против храма Спасителя), где уже был Д.Д. Иванов, и после пришел Н.Н. Померанцев; по поручению Ученого совета Оружейной палаты мы осмотрели 2 предложенных к покупке вида Кремля: 1) со стороны Каменного моста и 2) внутри вид с места теперешнего

плаца на Чудов монастырь; справа дворец (митрополита Платона), слева колокольня и яма с колоколом; первый вид – акварель, второй – масло, оба работы известного Алексеева. Первый вид недурно писан, имеет подпись художника, второй имеет, по-моему, много неправильностей, начиная с купола филаретовской пристройки, но в археологическом отношении он интереснее. Ценит владелец за акварель 600 р., за масло 800 р., я оценил по 300 р. за каждый. Послал утром мою статью и благодарность за избрание Казанскому обществу, другую В.Ф. Смолину.

25 (12) апреля. +4°. Продолжалась регистрация монет. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил ветчины, хлеба. Если верить газетам, английский ученый Вулей[25] открыл в Вавилоне гробницы халдейских царей с удивительным антуражем. К 7 ½ ч. поехал на заседание Московской секции Академии истории материальной культуры, где я прочел «Значение нумизматики, как вспомогательной дисциплины истории»; собралось человек 15 или около; вероятно, никто не понял, хотя М.М. Богословский нашел, что доклад интересен и остроумен. После меня читала В.А. Дударева «Несколько заметок о разрушенной даче Преображенской больницы». Л.В., которая меня проводила до автобуса, нашла в докладе много нового материала и т.п. В мое отсутствие собрался домовый комитет, но произошел какой-то скандал, затеянный Клименковой, и все собрание разбежалось. Я выпил стакан чая и лег спать. Проезжая на 31-м на заседание, видел на Москве-реке полный ледоход, вся набережная полна народу; подъем воды небольшой.

26 (13) апреля. +3°. Разбирал коллекцию медалей покойного А.А. Левенстима, разобрал небольшую часть, нашел ряд французских, английских, турецких и итальянских медалей, отчеканенных на события войны 1854–1855 гг. Слышал, что в музее Троице-Сергиевой Лавры большие неприятности, вызванные антирелигиозным направлением правительства. После 3-х поехал с Л.В. к зонточнику у Покровских ворот Смирнову, где она отдала перетянуть свой зонтик; оттуда зашли напротив в кондитерскую Дюмон, где купили пирожного, затем дошли до Земляного вала, где расстались, сев в трамваи. Погода очень теплая. Видел в Музее дядю А.М. Бардыгина – Владимира Васильевича Постникова, он удивляется, за что его арестовали, никакой вины советского характера в нем не было.

27 (14) апреля. +3°. При помощи Л.В-ны развернул из пакетов все собрание медалей и жетонов покойного А.А. Левенстима; по-видимому, это не все его собрание, не нашел финляндских медалей, описанных им в 3-м томе «Нумизматического сборника»; интересного в собрании немного; довольно полно представлены иностранные медали на Крымскую войну. Заходил А.Н. Свирин, показывал ему иностранные издания по серебру. Получил от А.Н. Зографа письмо с написанным им отзывом о нумизматических работах Е.М. Придика с просьбою ко мне подписать для представления в Цекубу. Пишет Лихачев, что протокол, составленный Фасмером, передал неверно доклад о печатях, изданных Макаренко, и что мои исправления верны; печатание его работы в Академии затягивается. Видел дядю Алексея Михайловича, ему Лобанов сказал, что Лепешинский справлялся в ГПУ, где ему ответили, что он арестован по религиозному вопросу. Получил анкету из Академии наук от комиссии «Наука и научные работники СССР», которую заполнил и пошлю.

28 (15) апреля. +8°. Утром ездил в почтамт; послал Зографу отзыв о Придике в Цекубу. Погода ясная и теплая, надел впервые демисезонное пальто. Вернувшись домой, затопил печь, съел яичницу; пришли Валя с дочерью и внуком Зорей; к Павлу Степановичу, который объявил себя больным и не пошел на съемку в кино, пришла его приятельница артистка А.Я. Разумова, вся компания весело пила чай. З.А. Арцыбашева принесла мне картину – этюд девушки восточного типа, работа, по-видимому, Семирадского, но без подписи. К 7 часам отправился к А.В. Сосновскому, у него сидел Михаил Дмитриевич Кругликов, адвокат; сидели втроем до 11 часов, выпили полторы бутылки красного вина, вели не очень содержательную беседу и разошлись.

29 (16) апреля. +10°. Воскресенье. С утра занялся установкой книг в шкап в коридоре, лежавших в 2-х сундуках с прошлого года. Переписываю статью о древних русских монетах. Пришел А.А. Карзинкин, вслед за ним Л.В., оба остались обедать, после обеда он вскоре ушел, я продолжал писать; чувствую, что не хватит знаний для статьи. В 5 ч. Л.В. ушла. Сегодня собрание домового комитета в том доме, я не пошел, сидел весь вечер и писал.

30 (17) апреля. +9°. Развернул последний ящик с медалями Левенстима, крайне неинтересный. Привезли 9 ящиков с конюшим прибором из Нескучного дворца; вскрою ящики после четверга. В 2 ч. было общее собрание, читал какой-то латыш о международном положении, я ушел ранее окончания его речи; самое существенное, что я слышал, что сильное увеличение капитализма всюду, кроме СССР. Из Музея прошел в Охотный ряд, купил ветчины, горошка, редьки, зашел к «Мюру», купил печенья, помадки. Во время обеда пришла Танюша с маленькой Агнией, посидела до 7 ½ ч. А.А. Карзинкин дал мне новое издание «Путешествий Гулливера», которое начал читать.

Май 1928 г.

1 мая (18 апреля) +6°. Дождь. С 8 ч. стало проясняться и днем светило солнце. Все закрыто, трамваи не ходят. Сижу дома и пишу свою работу о древнейших русских монетах. Мне кажется, что в Киеве монет не чеканилось ни при св. Владимире, ни при Святополке Окаянном, ни при Ярославе Мудром; сребро Ярослава – новгородская, а не киевская монета (все это я прибавил в черновике статьи). По временам читал новое издание «Путешествие Гулливера»; окончил 1-ю часть (лиллипутов). У нас полная тишина, никого из посторонних не приходило из-за отсутствия сообщения. Вечером неожиданно пришли навестить жену близкие по месту жилища знакомые: ее двоюродная сестра Н. Поллак, А.Н. Коболева и А.Д. Богуславская (еврейка-жилица).

2 мая (19 апреля). +4°. Занятий сегодня нет, как я слышал, сегодняшним днем большевики заменяют праздник Вознесения Господня 24 мая, когда будем заниматься. Днем продолжал писать о древнейших монетах, немного читал «Гулливера». Часу в 3-м поехал в Новодевичий монастырь навестить князя; подходя к его домику, меня он увидал в окно и выбежал босой (он лечится по методе Кнейпа) в коридор, мы сердечно расцеловались; у него сидел Игнатий Осипович Скорино, который много рассказывал о европейской войне, где он участвовал, а в конце заведовал эвакуацией раненых; между прочим, рассказал о страшном действии газов: когда немцами была пущена

первая волна, то в траншеях осталось 9000 тел, живые же умоляли приколоть их, так мучительно действуют газы. Н.С. рассказал, что его дочь в Париже, куда приехала из Константинополя, где участвовала в работе ювелирной мастерской Фаберже; муж ее, по словам Н.С., содержится на счет жены, он, кажется, не совсем в здравом уме. Сидел там с час. Погода днем была свежая, заставившая меня облечься в ватное пальто; дул северо-восточный ветер. Кончаю 2-ю часть «Путешествий Гулливера» «Путешествие в Бробдингнег»; в прежнем издании называлось «в Бробдиньяг».

3 мая (20 апреля). +3°. Разбирал монеты Московского нумизматического общества. Мне сообщила Валентина Ивановна Попова, что она «расписалась» с Н.Б. Баклановым и переедет жить в Петербург; пока это держит в секрете. Пришел А.Н. Свирин и с большим волнением сказал, что служить в музее Сергиевой Лавры очень трудно, и просил устроить из их музея филиал Исторического музея; я его познакомил с Коршем, которого просил переговорить по этому поводу с директором. Свез 2 этюда Семирадского, принадлежащие З.А. Арцыбашевой, к Тюнину, которому назначил 150 р. за оба. После обеда пришла Валя, приехавшая вчера из Мытищ, где пробыла 2 дня; у Нади малярия, температура до 40°. После пришла Зоргаген. Вечером поработал немного.

4 мая (21 апреля). +2°. Придя в Музей, занял в музейской кассе взаимопомощи 75 р. на 4 месяца. В Музее разбирал монеты, перешедшие из Московского нумизматического общества, почти один хлам. После 3-х пошел с Л.В. в пассаж, где на лотке у торговки купил летние перчатки за 2 р. 75 к., у «Мюра» купил мыла, с Театральной площади проехали к Покровским воротам к зонточнику Смирнову, где Л.В. отдавала чинить зонтик. От Покровских ворот пешком дошел до дому.

5 мая (22 апреля). +4°. Получил повестку заплатить в финотдел 34 р. какого-то налога, за что – не знаю. Днем был у В.Н. Морозова, который меня просил посмотреть его старинные монеты (греческие); между ними нашел октодрахму с изображением сидящего киликийского царя, очень интересного рисунка; остальные монеты ничего нового не представляют в смысле новых типов, но есть штуки 3–4 порядочных. В 5-м часу пошел снег, покрывший слоем крышу против моего окна.

6 мая (23 апреля). +5°. Воскресенье. Поехал в храм Богоявления в Дорогомилове, служил архиерей (имени не разобрал), великолепно пел хор Нестерова. Служба была очень длинная, архиерей в средине литургии сказал слово, которое не мог понять из-за резонанса; народу было очень много; я приехал около 11-ти во время пения «Во царствии Твоем», а ушел в 1 ¼ во время причастного стиха. Очень устал, не было места у стены, чтобы прислониться. Из храма зашел к Е.П. Коновницыной, просившей меня посмотреть мраморную вазу, которую я нашел неподходящей для Музея. Квартира ее в Большом Толстовском переулке; комната крохотная, неопрятная. После обеда мыл ноги; написал Лихачеву письмо.

7 мая (24 апреля). +5°. Послал под бандеролью в Вену Леону Ружиска оттиски статей по нумизматике, напечатанные в «Известиях Академии истории материальной культуры». В Музее было заседание Ученого совета, говорили про летние командировки. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил немного сластей. Приехала погостить Адель Шмидт.

8 мая (25 апреля). +10°. Л.В. и Н.А. регистрировали привезенные из Нескучного дворца седла и прочий конюший убор XVIII – начала XIX в., одно седло восточное конца XVII в.; заходил в Музей А.В. Сосновский. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил сыру, бутылку красного вина. В газетах напечатана нота к польскому правительству по поводу покушения в Варшаве с требованием обеспечения безопасности советским представителям. Вывешены траурные флаги по случаю смерти Цурюпы[26]. В 7 ч. пришел А.В. Сосновский, выпили 1 бутылку Chambertin, закусили крабами, сыром: в 11 ч. он ушел.

9 мая (26 апреля). +9°. На закупочной комиссии кое-что купили. Занимался текущими делами. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил стклянку варенья, оттуда с Л.В. проехали домой обедать. Днем временами шел дождь. После обеда пришла Танюша с Гулей, сидели до 7 ¾ ч. и ушли вместе с Л.В.

10 мая (27 апреля). +11°. Днем шел дождь несколько раз. В Музее произошло следующее событие: Г.Л. Малицкий сообщил мне, что в Гланауке ему говорили, что служащий в Историческом музее Вишневский не арестован, а сбежал до ареста, вместо него взята жена (что он женат – я не знал); вдруг Вишневский является (я его, впрочем, не видал) и сообщает, что был в Петербурге, где зажился; ему посоветовали явиться в ГПУ, он ушел. Весь день регистрировал зубовские удельные монеты, в Музей принесли продавать письмо А.С. Пушкина к брату Льву из Михайловского в феврале 1825 г., оцененное владельцем 200 р.; письмо издано; архив Музея отклоняет покупку. Вечером кратко изложил содержание моего доклада, читанного 25 апреля.

11 мая (28 апреля). +9°. Рано утром шел порядочный дождь. Ночью болела экзема. Сравнил письмо Пушкина с печатным текстом академического издания его писем (1906 г.), какая небрежность, сколько ошибок! Потом принесли мне письма Пушкина под редакцией Модзалевского, там текст вернее, но и то заметил 2 ошибки, не считая неверных знаков препинания. Была у меня Марина Михайловна Постникова, просила рассказать ей легенду о Крестном древе, что я и сделал; показывал ей издание «Das grüne Gewölbe». С 1-го часа шло заседание Совета по вопросу о филиалах, от наших филиалов представители собрались все; я посидел с полчаса и ушел, стал разбирать монеты Зубова (удельные).

12 мая (29 апреля). +5°. Дождь. До 2-го часа писал статью о древнейших монетах, в 2 поехал в магазин бывший Елисеева, купил сыру, фаршированного перцу и ½ фунта чая (более не продают). В «Рабочей Москве» травят музей Троице-Сергиевой Лавры, в частности, В.Д. фон Дервиза и Ю.А. Олсуфьева; именуют ее гнездом черносотенцев.

13 мая (30 апреля). +9°. Воскресенье. Весь день читал страницы Карамзина, Ключевского, Багалея, которые касаются истории России киевского периода; ищу связи между экономической стороной эпохи и выпуском первых чеканных монет; поиски безрезультатны, но археологические данные заставляют меня склониться к мысли, что ранее XII в. монет не чеканили кроме Ярославова серебра, чеканенного в Новгороде, когда там княжил Ярослав Мудрый. Явление странное. Кое-что записал. Была у жены Жозефина Антоновна Котович, урожденная Котон, старинная знакомая, с 6-летней прелестной дочкой, правдивым и искренним ребенком. Читал записки Менделеевой, вдовы

знаменитого химика, под неверным заглавием «Д.И. Менделеев в жизни»; прочитал ⅓ книги, посвященной, главным образом, кругу петербургских художников; довольно интересно.

14 (1) мая. +8°. Определял неразобранные монеты удельного периода собрания Зубова. Разыскивал с Л.В. записи вещей, доставленных в 1920 г. по списку, ненаучно составленному, данному мне директором Матвеевым. Купил у Сосновского саблю XVII в. молдавского изделия за 75 р.; состоялась закупочная комиссия, кое-что купили, между прочим, серебряную четвертину за 40 р. Днем была небольшая гроза.

15 (2) мая. +9°. Купил 2 миниатюры с 2-х, по-видимому, сестер, с шифрами[2*], 1836 г., работы Roman'a Wisczinski за 50 р. Было заседание моего разряда, читала А.Г. Введенская о планировке деревень в 18-м и начале 19 века; доклад очень серьезный и интересный. После 3-х зашел с Л.В. в Охотный ряд, купил варенья вишневого. Дома застал Надюшу с Лялей, у Нади была малярийная лихорадка. Заплатил долг в Музей 75 р. К 7 ч. поехал в Общество истории и древностей российских (старый университет) на доклад Н.А. Баклановой «Гости Панкратьевы и их торговля»; в докладе дала очерк крупного торговца конца XVII в.; М.М. Богословский сказал, что ее доклад займет одно из почетных мест в ряду подобных докладов о российской торговле; но немало было возражений со стороны слушателей. После, по приглашению Н.А-ны, поехали к ней: М.М. Богословский, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, М.К. Любавский, пришла Л.Б. Северцова и я; была холодная закуска, красное и белое вино, чай; разговоры были легкого содержания; кое-кого злословили; уехал я в начале 1-го часа.

16 (3) мая. +8°. Весь день обе сотрудницы занимались текущими делами, я принимал от Л.И. Вороновой вещи ее отдела на выставке. В 2 ½ ч. я ушел из Музея, прошел в Охотный ряд, купил Танюше сыра, масла, варенья, также нам сыра; на Петровке купил водки и красного. Оттуда проехал к Танюше, всех повидал, сидели у Ек. Ал., выпил чаю, в 5-м часу уехал. Погода теплая, солнечная.

17 (4) мая. +11°. Проверял присланные из фонда монеты (хлам) и более 200 печатей и перстней, старых, даже XVII в., почти нет; много совсем неинтересных. Был на докладе В.Ф. Ржиги о височных кольцах домонгольского периода; материалом ему послужили кольца из курганных раскопок в собрании Исторического музея. После 3-х ходил с Л.В. в посудный магазин, купил 6 чайных чашек, бидон для сахара, нож; у «Мюра» купил бородинского хлеба и 10 пирожных. Оттуда проехали домой. К обеду пришел А.А. Спицын; в 6 ½ ч. ушла Л.В., в 7 ½ ч. – Спицын; беседу вели малоинтересную.

18 (5) мая. +11°. Утром заехал в почтамт, получил из Киева «Украïнський Музей. Збірник 1», присланный мне, по-видимому, управлением Киевского музея; издание прекрасное в типографском отношении, недурно сделаны и фототипии. В Музее докончил разбор печатей, перстней и монет из фонда. После 3-х был с Л.В. в Охотном ряду, купил редиски, яблоков, варенья; зашел в книжный магазин, купил правнучке Ляле 3 детские книжки (советское

[2*] Шифр, здесь – знак отличия в виде вензеля царицы, высшая награда отлично окончившим курс институткам.

издание) к ее дню рождения. В Музей заходила М.М. Постникова, я дал ей английскую книгу о Кресте; она сказала, что завтра в Оружейной палате будут прощаться с Л.И. Пономаревым, который уходит из Палаты за упразднением его должности, определенного места для службы не имеет; жаль его, как администратор был полезный человек и у нас, и в Оружейной палате.

19 (6) мая. +12°. Утром немного поработал над статьею о древнейших русских монетах. Уставил в шкап в коридоре книги, спрятанные в прошлом году в комод. Ездил в Охотный ряд, купил 1 фунт свечей, ветчины, сыру, Танюшиным внукам баранок, сухарей, ирису. Зашел к Танюше, она уехала к Ане в Химки, застал Машу; у Яльмара и [пра]внучки Маши была Л.В., давала им урок, попили чаю, я уехал с **Б** домой, Л.В. ушла к себе. Отобрал ряд книг, которые хочу отдать Историческому музею. Выставили балконную дверь. Отдал портнихе выворотить и починить летнее пальто и старый сюртук, которому около 25 лет, пальто же шил в Вене.

20 (7) мая. +15°. Воскресенье. Написал в Пушкинскую комиссию при Академии наук о письме А.С. Пушкина к брату Льву, которое Музей наш не купил; в письме я привел ошибки печатного текста редакции Модзалевского. Утром заехал в почтамт для посылки письма заказным. Проехал к литургии в храм Богоявления, служба была прекрасная, хор Нестерова пел чудесно; впервые слышал причастный стих «Блажен уразумеваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь». Пели последнюю неделю перед Вознесением «Христос воскресе», «Ангел вопияше». Домой приехал около 2-х, вскоре к обеду пришла Л.В.; после обеда пришли Маша со старшими детьми, затем Ал.Андр., беседовали мирно до 7 ч., когда все ушли. Около 8 пришли Леон.Ст. с Надей, пили чай с сыром; Надя мечтает ехать за границу к своей дочери Лёле, которая теперь в Америке, но на днях выезжает в Европу; в 9 ½ ч. ушли.

21 (8) мая. +12°. Регистрировал русские и польские медали Зубова. Получил от Лихачева письмо, пишет, что ранее осени статья не будет отпечатана. Leon Ruziska из Вены прислал несколько своих статей на французском, немецком и румынском языках. В 3-м часу началась гроза и сильный дождь. Зашел в магазин на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки, купил 6 чайных ложек из белого металла.

22 (9) мая. +13°. Праздник св. Николая чудотворца. Из Музея утром ходил в Оружейную палату, снес «Niello» Rosenberg'a; Д.Д. не застал, Д.И. Успенский сообщил мне, что В.А. Никольский сослан в Новониколаевск[3*]. Из Кремля проехал в Цекубу, где получил академическое обеспечение 60 р. В Музее регистровал зубовские медали. После 3-х заходил в Охотный ряд, купил горошку. Подписал на ужин в честь Городцова на четверг на этой неделе, заплатил 4 р. Вечером заходил брат жены и М.Н. Гусева с обоими детьми, ушли все в 8 ½ ч.

23 (10) мая. +14°. Регистровал покупки, зубовские медали; заходил Д.Д. Иванов, сообщил, что В.А. Никольского сослали на 5 лет, сначала в Новосибирск, оттуда будет отправлен в более отдаленные места. Слышал, что растрата в Музее изящных искусств 23 000 р., в 5000 р. сознался Воробьев; Н.И. Романов подал в отставку. Говорят, что в музеях будет введено до 10%

[3*] С 1926 г. – Новосибирск.

партийных служащих. Получил приглашение от Главнауки на 1-е заседание предварительного комитета по созыву I Всесоюзного археологического съезда, которое состоится 26 мая в Историческом музее. После 3-х заходил к «Мюру», купил ½ фунта молотого кофе за 3 р. и печенья. В 4-м часу налетел сильный ветер, поднял массу пыли, я поспешил войти к моему цирюльнику А.И-чу, где побрился и подстригся. Сегодня Л.В. приняла от Сперанского вещи на выставку XVII в., также от Клейна. Утром рано до Музея заезжал к Танюше сказать, что завтра вечером не могу быть у нее. Вечером приехала внучка Нина из Тайнинки, где живет со своим сынком Юрой, очень смышленым мальчиком; в 9 ½ ч. уехали обратно.

24 (11) мая. +12°. Вознесение Господне. Праздник отменен большевиками. Сегодня в актовом зале университета празднуют 40-летие ученой деятельности В.А. Городцова; на мой вопрос, отчего мне не дали подписать адрес от Исторического музея, оказалось, что его совсем не писали! Я настоял на адресе, иначе это очень неприлично; А.Я. Брюсов наскоро написал, стали собирать подписи. Подписал адрес от Общества друзей Исторического музея, нескладно написанный П.А. Незнамовым в течение 6 минут, как он мне похвастал. Регистровал медали. Заходил Александр Алексеевич Черданцев[27], который будет заниматься нашими угольными марками[4*]. Заходила М.Н. Левинсон, принесла свою статью «Металлическое кружево XVII в.» для «Сборника Оружейной палаты». После 3-х Л.В. приглашала пойти с ней в университет поздравить В.А., но я отказался, пошла одна. К обеду пришли Лёля со знакомой артисткой княгиней Вяземской, которая хочет устроить Лёлю на лето в театр. К вечеру пришла Вера Дмитриевна Бакланова (дочь Д.Н. Анучина). К 9 часам поехал в ресторан «Прага», где чествовали В.А. Городцова; закуска была назначена в 9 ½ , но сели в 10 ч. 20 м.; народу было много; юбиляра встретили аплодисментами; много говорили похвал В.А-чу, а через час, когда подогрелись водкой и плохим красным вином, то некоторые тосты, особенно П.Н. Миллера, обратились в балаган. От Главнауки был Гриневич, между прочим, поднявший тост за меня как за нумизмата. Беседовал с Протасовым, который мне сказал, что Корш сказал Лепешинскому, что с Протасовым служить не может, и советовал его назначить заведующим филиалами; Лепешинский сказал Протасову, что об этом будет разговор в правлении. Трутовский мне сказал, что ему поручено Московским университетом написать о моих ученых трудах. Зачем это нужно? Воображаю, что Трутовский напишет. Ужин был очень плохой, вино красное плохое. Я ушел первым ровно в 12 ч., все остались. Сидел я рядом с Н.И. Новосадским и с Максимом Владимировичем Сергиевским, против меня сидел Н.Д. Протасов.

25 (12) мая. +12°. Утром в Музее был А.А. Черданцев, сличал свою коллекцию угольных знаков с музейными, но осмотр не кончил, уезжает на Кавказ; возвратившись оттуда, докончит. В Музее заседание по музейному съезду, пришли: Гриневич от Главнауки, Платонов от Академии наук, Лазарис[28] от Эрмитажа, Д.Д. Иванов от Оружейной палаты, С.П. Григоров от Отдела по делам музеев и другие; предс⟨едательствовал⟩ Лепешинский,

---

[4*] Имеются в виду угольные печатки – металлические знаки для учета труда крестьян, поставлявших на металлургические заводы древесный уголь.

меня приглашали, но я не пошел. Д.Д. Иванов сказал мне, что у него был обыск ночью в течение часов трех, после чего ушли. Протасов сказал мне, что музейская ячейка идет против Корша; не думаю, чтобы Корш был опасен, это совсем беззаботный человек, весь интерес его жизни состоит в болтовне. Регистровал зубовские монеты. После занятий поехал с Б.Н. Граковым к себе, он обедал, после в купленный за 75 к. ящик уложил подаренные мною Музею книги. Пришла Валечка, бедная, как она худа! После пришла Танюша, сидела до 8 ½ ч., завтра уезжает с Агулей в Рыбное.

26 (13) мая. +15°. К 12 ч. поехал в Музей на заседание Предварительного комитета РСФСР по созыву I Всесоюзного археологического съезда, который должен состояться в конце 1929 г. Часа 2 ½ говорили об организации съезда, все, что выработали, определили передать президиуму, председателем которого избран В.А. Городцов, секретарем А.Я. Брюсов и человек 5 членов. Слышал от Корша, что у арестованного Вишневского, нашего сверхштатного сотрудника, найдено до 2000 золотых монет (?!) и 150 вееров; откуда мог он столько получить, разве от отца. У его дяди, также арестованного, нашли несколько табакерок, кажется, золотых. После заседания был в Охотном ряду, купил ветчины. Получил из Академии наук ее «Отчет за 1927 г.» в 2-х выпусках. Вечером было заседание домового комитета, происходившее в саду старого дома; жильцы были из 3-х владений, соединенных вместе; завтра будут выборы нового председателя; я на заседании не был.

27 (14) мая. +12°. Воскресенье. Утром приехал Н.М. Гайдуков, думает на днях ехать в Бонн на съезд ботаников, если получит визу в Германию. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове; народу было менее обыкновенного, хор Нестерова пел хорошо, но не все мне понравилось, кроме прекрасного «Верую» Чеснокова и причастного стиха Бортнянского. В начале 3-го пришла Л.В., обедали: Н.М., Лёля, Л.В. и нас двое. После обеда я ушел к себе читать рукопись М.Н. Левинсон «Золотое кружево» для «Сборника Оружейной палаты»; статья переписана на машинке, пропущено много слов, букв и т.д.; не имея оригинала, не мог дополнить всего, придется рукопись вернуть для исправления. Л.В. около 6 ушла. К жене пришла Александрова и другие. Вечер у меня сидел К.В. Крашенинников, говорили много о Риме, вообще об Италии, где он был недавно. В 11 ч. он ушел. Вечером был дождь.

28 (15) мая. +12°. Послал телеграмму Вальдгауеру с поздравлением по поводу 25-летия его ученой деятельности. Начали чистить под наблюдением Нат.Ал. сбрую, [которую] я смотрел в Нескучном дворце. Приходила М.Н. Левинсон, вернул ей для поправок ее рукопись «Золотое кружево». Музей получил 2 интересных издания: 1) Гальнбек, «Русское олово» (по-немецки) и 2) Розенберг, 4-й том о клеймах на посуде; в томе помещены все клейма, не вошедшие в предыдущие 3 тома, посвященные Германии, и византийские. Н.М. Гайдуков получил из консульства визу на Германию, куда на днях выедет.

29 (16) мая. +12°. В Музее занимался текущими делами. После 3-х пришла к Л.В-не Л.И. Доброва, мы втроем пошли в булочную, где я купил баранок детям Маши; идя Охотным рядом, встретили П.Д. Барановского и Яновича, которые затащили нас во двор, где был дом В.В. Голицына, который решено сломать; рассказали, что от них только что ушел Марр, которому они

представили всю несообразность сломки редкого здания XVII в., тот обещал поговорить с М. Горьким, чтобы он повлиял на представителей власти, и т.д. Зашли к «Мюру», купили конфект для Н.Н. Клейн, к которой Л.В. и я пошли обедать; сидели за столом: ее сын – юноша и 2 дочери; обед был вкусный; после обеда смотрели кое-что из ее хрусталя и 2 фаянсовые тарелки, судя по клейму ***Б*** императорского завода времени Елизаветы Петровны, хотя такие клейма существуют на западном фарфоре; тарелки найдены в колодце при постройке ее мужем дома на Варварке[29]. Около 7 отправились к внучке Маше (Таня уехала); читал Д.Д. Благой «Евгений Онегин», социологический очерк. Доклад написан интересно, но точка зрения классовая, отчего, по-моему, значение типов Евгения и Татьяны, имеющих общечеловеческое значение, было не ярко. Народу собралось порядочно: Г.И. Чулков, Верховский, Цертелев, Диатроптов, доктор Селивановский и др.; ушли около 11 ч.

30 (17) мая. +13°. Докончил регистровать один шкап с медалями Зубова. На закупочной комиссии купили паникадильце, скатерть с картою железнодорожного пути между Петербургом и Москвой. Н.М. Гайдуков уехал сегодня в Германию.

31 (18) мая. +13°. Регистровал новые поступления. Заходил Владимир Егорович Гиацинтов, заместитель Н.И. Романова, подавшего в отставку от должности директора Музея изящных искусств; он просил дать список предметов искусства для его Музея в обмен на имеющиеся у них миниатюры; я просил прийти завтра в 12 ½ ч. Сегодня Олег уехал к матери в Острогожск. У жены слабость и сонливость с утра, по временам озноб и жар; от доктора отказывается.

Июнь 1928 г.

1 июня (19 мая). +9°. Дождь. Был в Музее В.Е. Гиацинтов; пошел с ним в серебряную кладовую, где ему показал портрет работы Франчья, рисунок школы Рафаэля (оба от Уваровых) и 2 бронзовых статуэтки («Одиссей» и «Полифем») из собрания Строганова; от виденных вещей он был в восхищении. Потом прошли в византийскую залу, смотрели 2 мраморные статуи якобы Кановы, которые ему не понравились. В отделе Фомина осмотрели ряд бронз, также на выставке XVIII в., и, наконец, осмотрели бюст Фавна (Уваровых), отобранный для Госторга. В заключение пошли в сопровождении Фомина в подвальные кладовые, где Фомин просил Гиацинтова взять от нас гипсовый слепок с гроба Адама Киселя[30] (!); Гиацинтов, конечно, улыбнулся. После занятий пошел с Л.В. в чайный магазин на Петровку, там продают чай только по 100 граммов на человека; сорт чая средний, по 63 копейки за 100 граммов. С Петровки проехал к Елисееву, купил 1 бутылку «Кометы» (род шампанского) по 1 р. 70 к. и помадки на воскресенье. Редакционный комитет по изданию сборника в честь В.А. Городцова начал собирать статьи; я свою просмотрел, кое-что поправил.

2 июня (20 мая). +8°. Дождь, барометр упал. Утром жена жаловалась на недомогание, на боли в разных местах; я смерил температуру = 37°, просила поставить горчичник. В начале 11-го часа поехал в Охотный ряд купить провизии, всюду большие очереди, за сыром простоял ¾ часа.

У меня сделалась с утра острая боль в левом паху, явилось недомогание, с трудом из Охотного добрался до дому во 2-м часу. Сидел с женой в своей комнате, ей стало лучше. Лёля сбирается на днях ехать играть в провинцию во Владимирскую губернию с М.А. Вяземской, урожденной фон Муральт, которая у нас обедала. Принял на ночь аспирина.

3 июня (21 мая). +8°. Троицын день. Именины жены и Лёли. Был за литургией в Алексеевском монастыре, храм был полон, пели слепые; посетил дорогие могилы, пока целы. Молебна не стоял, не могу стоять на коленях. Без меня заезжала внучка Маша с Алешей, хотят нанять комнату у Ани в Химках. В 2 ½ часа сели за обед, пришла Лёля с подвязанной левой рукой: у нее сделался на ладони нарыв от укола. Потом пришли: Л.В., А.И. Благовещенская; за обедом поздравили именинниц «шампанским», несмотря на дешевую цену, 1 р. 70 к., «Комета» приличное вино. После обеда пришли: Леон.Ст. с Надей, Сережа с Юзей, пили кофе; в 6 ½ часа все ушли. Погода свежая +6°, шел днем дождь с крупой или мокрым снегом. Зашла внучка Наташа, она разошлась с мужем, в который раз – не знаю. Написал Вере с семьей.

4 июня (22 мая). +6. Духов день. Почти весь день писал о древнейших русских монетах, только от 2 до 4 съездил в квартиру Танюши, где застал одну Н.А. Павлович, остальные дамы все разъехались; цель моей поездки была узнать, кто может принять мой шкапчик для книг, который подарил Маше; ответить Н.А. не могла.

5 июня (23 мая). +9°. В Музее узнал, что вчера занятия были, не пришел только мой отдел, вместо вчерашнего дня будем заниматься в четверг, который для остальных свободен. Записывал покупки, регистровал дукачи Зубова, которых насчитал 46. После 3-х пошел с Л.В. на Большую Никитскую в Консерваторию, где взял билеты себе и Л.В. на завтрашний вечер в память А.С. Пушкина, устроиваемый Обществом любителей российской словесности, оттуда прошел в какую-то цирюльню, и на 9 автобусе от Никитских ворот уехал домой. Сегодня отдал свою статью А.А. Захарову для «Сборника» Городцова.

6 июня (24 мая). +7°. Из Академии истории материальной культуры приехала сотрудница за материалом для II тома «Русских кладов» Кондакова; я ей выдал Владимирский клад 1896 г. для описания; от нее слышал, что текста для II тома не найдено. Магазин древностей Тюнина в здании Музея запечатан якобы по случаю ликвидации. Получили от Веры и внучки Наташи письма. Все время в Музее вписывал покупки и занимался текущими делами. После занятий зашел к «Мюру», купил для Лёли в дорогу конфект; хотел купить жене летнее одеяло, но ни у «Мюра», ни в других магазинах на Петровке не нашел. Возвращался домой в автобусе под проливным дождем. К обеду пришли: Леон.Ст. с Надей, Антонина Николаевна Коболева и еще какая-то старушка. К 9 ч. поехал в Консерваторию на заседание Общества любителей российской словесности в память 129-й годовщины дня рождения А.С. Пушкина; туда же приехала и Людмила Вячеславовна. Председательствовал Сакулин. Щеголев прочитал о А.С. Пушкине в 1828 г. очень содержательную речь; Цявловский о пушкинской литературе за 1927/28 г. Литературное отделение было неудачно; «Всероссийское общество поэтов» в лице поэтов и поэтесс познакомило нас с 9-ю стихотворениями, посвященными Пушкину, из них 3–4 можно было прослушать, но остальные… были «тихий ужас»; если бы великий наш поэт

услыхал их?! Вокальная часть (Катульская и Богданович) была хороша. Декламация – неудачна; читали: Коренева, Книппер (из 7-й песни «Евгения Онегина»), «Воспоминание» и пролог к «Руслану». Из отдела декламации я вынес впечатление, что артисты Художественного театра читать Пушкина не умеют. Присутствовал внук А.С. Пушкина – Григорий Александрович, встреченный аплодисментами; по наружности он бесцветен. Вернулся в 1 ч. ночи.

7 июня (20 Мая). +7°. Вчера вечером в мое отсутствие приезжала О.Н. Чижова. Музей сегодня закрыт, кроме нашего отделения. Подсчитывал зубовские медали в 7-м шкафу, наконец, кончил. Издательство Академии наук известило меня, что скоро выйдет сборник к 25-летию ученой деятельности профессора И.И. Толстого, который будет стоить 2 р., в продажу не поступит; послал 2 р. От Б.В. Фармаковского получил статью на малороссийском языке (?) «Боспорьскі Спартокіди в Атеньскому різьбярстві» (последнего слова не понимаю). После 3-х зашел с Л.В. в магазин «Коммунар» в начале Тверской, купил жене одеяло за 14 р. 95 к.; оттуда проехал в Цекубу, где обедал за 85 к. (рассольник и рубленые котлеты с картофелем); сидел с Иваном Львовичем Поливановым[31]. Сегодня Лёля уехала с труппой на 2–3 месяца играть во Владимирскую губернию.

8 июня (26 мая). +5°. Описал для внесения в книгу поступлений медали Зубова из шкафа № 6. Купили за 250 р. копии с крымских византийских фресок. Заходил Д.Д. Иванов, возвратил английскую книгу о кресте, которую я давал М.М. Постниковой. Получил от Шугаевского[32] его 3 статьи: 1) о медном змеевике; 2) о кладе ефимков и 3) «Що такое "канак"». Все 3 статьи для меня интересны по заглавиям, но, к сожалению, писаны по-малороссийски.

9 июня (27 мая). +12°. Встал поздно. До 12 съездил в Ряды, купил 2 лампочки по 5 свечей (по 48 к.), в Охотном ряду купил ветчины, сыру и 3 фунта черешни (по 65 к.). Написал Валентину Андреевичу Шугаевскому в Киев. Немного занялся древнейшими русскими монетами. Портниха принесла мне мое летнее пальто, сшитое в 1913 г. в Вене; она выворотила наизнанку, и оно стало, как новое; взяла 10 р. с моей подкладкой. Читаю «Капитанскую дочку»; как великолепно написано, что за язык!

10 июня (28 мая). +12°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове; хор Нестерова пел великолепно; после литургии была панихида по умершем певце из хора; трогательно было смотреть на певчих, державших зажженные свечи. Вечером были у жены: О.И. Зауер, О.В. Позднеева; разошлись в 10 ½ ч.

11 июня (29 мая). +12°. Описывал новые поступления; ходил с Л.В. по выставке XVI–XVII вв., намечали кое-какие улучшения в экспозиции. После 3-х заходил к «Мюру», купил сладкого. Получил из Комиссии по изданию сочинений Пушкина благодарность за сообщение о письме А.С. Пушкина к брату Льву; ответил в Комиссию, что письмо продано в Румянцевский музей[33] за 100 р. Сегодня прислуга Анюта уехала на 1 месяц в деревню; уезжая, плакала.

12 июня (30 мая). +15°. Весь день регистровал прежние поступления, между прочим, до 30 с лишком дукачей; разбирал с Л.В. монеты. После занятий был с Л.В. у «Мюра», купил к умывальнику коврик за 1 р. 42 к., 2 лампочки по 25 свечей, ½ фунта кофе за 2 р. 50 копеек; съели по ½ порции мороженого

(20 к. ½ порции). А.М. Бардыгин отчислен от должности. Сегодня был у меня один из дядей Вишневских, их обоих выпустили из тюрьмы, а племянник еще сидит. Вечером заходила внучка Нина. У жены была Яковлева. В Музее у меня сделалось недомогание, которое чувствую и теперь (8 ½ ч.), принял аспирина.

13 июня (31 мая). +14°. Выписывал из инвентаря статьи, в которых зарегистрированы монеты. Заходил А.А. Бахрушин, приглашал к себе, обещал прийти к нему в субботу, если не пойду в Оружейную палату. Разыскал в архиве Музея мой давнишний дар – «Доношение Г.Р. Державина о пугачевском бунте». Разложил с Л.В. по витринам выставки несколько новых поступлений: румынскую саблю XVII в. с русскою надписью, четвертину, икону Знамения, золотой крестик и др. После занятий заходил к «Мюру», купил бородинского хлеба (8 к. за 400 граммов), в винном магазине купил 1 бутылку мадеры. Идет (в 3 ч.) дождь, температура +9°. Недомогание после аспирина прошло.

14 (1) июня. +8°. Продолжаю выписывать из инвентаря статьи о монетах, печатях и перстнях. В 11 ч. неожиданно в Музей приехал А.А. Ильин, мы дружески бросились в объятия (не видались лет 14), он экстренно вызван из С.-Петербурга в Главнауку. Посидев до 12 ½ ч. он отправился в Отдел по делам музеев, куда по телефону во 2-м часу вызвали меня. Причина совещания следующая: покойный великий князь Георгий Михайлович завещал свою коллекцию монет и медалей Государю; все монеты, по случаю наступившей войны, были отданы на хранение в Ссудную казну; когда опасность увеличилась, то все ценности были переправлены в Ейск, откуда впоследствии исчезли, и по чьему-то анонимному письму узналось, что 4 ящика находятся в Белграде; монеты в письме оценены в 10 000 000 (!) рублей; об этом и шла речь. Председателем заседания был Эйферт, членами: П.И. Нерадовский, А.А. Ильин и я. Решили еще допросить Ф.Ф. Вишневского, который в Москве принимал из Петербурга ящики с монетами, которых было 5; из них 4 очутились в Белграде, а 5-й неизвестно где. Решили завтра собраться в Музее. Из Главнауки я ушел около 4 часов; Ал.Ал. уехал в гостиницу спать, а я, заехав в Музей, пошел с Л.В. покупать у «Мюра» провизию, и поехали домой обедать. После обеда Л.В. починила мой костюм, в начале 9-го ушла домой.

15 (2) июня. +11°. Дождь. К 10 ч. пришли в Музей: А.А. Ильин, П.И. Нерадовский, Ф.Ф. Вишневский; в 11 ч. Владимир Александрович Эйферт. На заседании Вишневский кое-что дополнил о 5-м ящике с монетами великого князя, который остался в Москве; его, вероятно, обезличили, и содержимое попало в общую кучу. Заседание кончилось в 2 часа. А.А. Ильин осмотрел несколько планшет с удельными монетами; в 3 часа он, Л.В. и я на обусе № 9 поехали домой обедать; после обеда беседовали в моей комнате на нумизматические и другие темы, в 9 ½ Л.В., за нею Ал.Ал. ушли. Во время обеда была небольшая гроза, вечером дождь.

16 (3) июня. +15°. К 11 ч. поехал в Главнауку к Эйферту, одновременно туда пришел А.А. Ильин, Нерадовский совсем не явился. Эйферт дал нам прочесть и проверить написанные им 2 протокола секретных заседаний; мы внесли кое-какие стилистические поправки, но по существу все было верно; все трое их подписали. В 12 ½ ч. мы вышли и поехали в Зоологический сад,

где сначала съели по порции горячей ветчины с горошком (1 р. 25 к.) и выпили по стакану чая с лимоном (15 к.). Осмотрев довольно поверхностно зверей, вышли из сада в 4 ч., попали под дождь, от которого спасались где-то под воротами; зашли к В.Н. Морозову, у которого Ал.Ал. осмотрел виденные мною прежде монеты, предложенные Морозовым Эрмитажу. Распростился с Ал.Ал., который сегодня уезжает в Петербург. Вечером шел сильный дождь.

17 (4) июня. +10°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления; хор Нестерова прекрасно пел: «Херувимскую» Глинки, «Отче наш» Шереметева (соло пел отличный тенор); «Верую» Чеснокова; особенно понравился мне причастный стих «Величит душе моя» незнакомого мне композитора, кажется, Александрова-Оксар (или вроде того), слова Богоматери пела меццо-сопрано; хор «Честнейшую херувим». К обеду пришла Л.В., сидела до 7 часов. Позже пришел К.В. Крашенинников, беседовали до 9 ½ ч., много говорили о его странствиях по Армении. К жене пришли: Ольга Владимировна Позднеева и одна артистка из студии Художественного театра; с ними я сидел до 10 ¾ часа.

18 (5) июня. +10°. В Музее занимался текущими делами. Получил от Валентина Андреевича Шугаевского длинное письмо, описывает свою научную деятельность, работу и т.д.; прислал новый труд: «Чи була на Україні в XVII ст. власна монета. Стаття друга».

19 (6) июня. +10°. Дождь шел всю ночь, была гроза, град. Под проливным дождем поехал в автобусе № 9 в Столешников переулок в кондитерскую «Au bon gout», где купил себе и музейским сотрудницам бриошей (18 копеек), в Охотном ряду купил сыру. В Музее продолжал выписывать из инвентаря статьи с монетами и т.д. Заходил М.М. Богословский проститься: завтра уезжает в Узкое на 6 недель. После занятий купил в Охотном ряду черешни (35 к. за фунт) и отдал Л.В-не, которая обещала на завтра сварить варенье; зашли к «Мюру», купили хлеба и сластей. Портниха меряла мне вывороченный старый сюртук. Погода сумрачная, ветер напоминает осень.

20 (7) июня. +10°. День рождения жены. В 8 ½ ч. отправился в бывший магазин Елисеева, купил вина и черешень. В Музее, не отрываясь, делал выписки из инвентаря. После занятий поехал с Л.В. домой обедать; застал А.И. Благовещенскую, Валю с дочерью и внуком. Надя не приехала, так как Ляле в пятницу будут вскрывать гнойник около уха; Адель Шмидт не могла прийти: не на кого оставить квартиру, так как сын ее Карл женился, т.е. расписался в воскресенье и уехал на дачу. Во время обеда пришел брат жены, позже – Леон.Ст.; к 8 ч. все ушли. Отсутствие Адели, Лёли опечалило жену, что отразилось на состоянии ее духа.

21 (8) июня. +10°. В Музее занимался текущими делами; искал гальванопластические копии с печатей XIII, XIV, XV вв. из Рижского архива, наконец, нашел их в кладовой. В Музей пришли представители Госторга с покупателями из Германии, осмотрели и наметили к покупке: 2 гобелена и 2 бронзовые скульптуры – «Богоявление» (школы Бернини) и бюст Фавна (из собрания Уваровых). После занятий заехал к Адели Шмидт; она одна, Карлуша на 2 недели поехал на дачу; свадьба его будет осенью. Получил письма: от Верочки и от И.Г. Спасского из Нежина. В 8 ½ часа поехал к Л.И. Якуниной; она пригласила Л.В. и меня к себе на вечер послушать чтение Александра Валентиновича Средина[34], художника, почти совсем глухого, который 2 ½ ч. рассказывал о Полотняном заводе Гончаровых, про их семью,

о которой не стоило бы говорить, если бы Пушкин своею женитьбою на Н.Н. Гончаровой не прославил эту семью. Интересно было познакомиться с письмами Натальи Николаевны к ее отцу; прежде мне не случалось читать ее писем; слог ее недурен. Народу было порядочно, человек 10. Чай пить и закусывать я не остался из-за позднего времени (11 ½ ч.) и распростился; со мною пошла и Л.В., остальные все остались.

22 (9) июня. +12°. Утром ездил в Цекубу за жалованьем. В Музее познакомился с Александром Бернгардовичем Струве[35], назначенным директором музея в Сергиевском монастыре вместо А.Н. Свирина. С 1-го часу началось заседание по вопросу об инвентаризации предметов в отделах Музея; ко вторнику должны подать Коршу проекты описаний. Матвеев, Корш, Емельянов и я ходили по зданию Музея и намечали, куда поместить рабочую комнату отдела Византии, где устроить помещение для ящиков с невыставленными вещами и т.д. Из Рыбной дачи пишет Танюша, что у малютки Агнии коклюш, вот грустно! Заходил в Охотный ряд за сливочным маслом, к «Мюру» за пастилой. Со средины дня идет дождь. Получил от портнихи вывороченную визитку, вышла как новая.

23 (10) июня. +10°. Барометр очень упал. К 11 ч. отправился в Оружейную палату. От Д.Д. узнал, что В.А. Никольский где-то за Иркутском, а Анна Николаевна в Москве. Д.Д. со мной прошел в религиозный отдел, где, к моему удивлению, я нахожу Л.А. Мацулевича, описывающего стоящую перед ним серебряную вазу, происходящую из той же местности в Курской губернии, где в прошлом году были найдены готские вещи. Ваза очень интересна, ее тулово расчеканено изображениями в рост 9-ти муз с их именами по-гречески; на дне вазы отчеканено клеймо с изображением сидящей богини; по мнению Мацулевича, ваза относится к IV–V столетиям по Рождеству Христову. Верх горла сосуда отломан. Одновременно было приобретено золотое запястье готское с альмандинами, или, может быть, с красными стеклами. За сосуд заплачено крестьянке 120 р. (!), а золотое запястье у крестьянина отобрано даром (!). Статью о сосуде и вещах Мацулевич обещал написать для Оружейной палаты, но вот вопрос: где достать денег на издание и т.д.? Из Кремля прошел в Охотный ряд за ветчиной и хлебом. Говорил по телефону с Надей, она сказала, что боится оперировать Лялю, ездила с ней к доктору Беляеву[36], который обещал лечить без операции. Два дня мы сидим без электричества, которое заперли за невзнос платы домоуправлением; вчера мною было внесено 4 р. 52 к., не знаю, заплатили ли остальные жильцы дома.

24 (11) июня.+11°. Воскресенье. В 10 ч. поехал в храм Богоявления, с настроением простоял литургию; хор Нестерова, как всегда, пел прекрасно. В 1 ½ ч. приехал домой, застал Л.В., с ней мы выработали проекты 3-х инвентарных книг для нашего отдела. В 4 часа пришли Д.Д. Иванов и Леонид Антонович Мацулевич, обедали; Л.А. много говорил о переходной эпохе в искусстве в V–VI вв. по Р.Х., которою он специально занимается, к этой эпохе он относит и серебряный сосуд из Курской губернии, который он описывает. В 8 ч. оба гостя ушли. Часу в 6-м пришла внучка Маша с детьми Машей и Алешей, сидели до 8 ½ ч. Почти весь день шел дождь.

25 (12) июня. +12°. Говорил по телефону с Надей, Лялечке лучше, по-видимому, операции не будет; завтра везет ее к доктору Беляеву (Агапиту). В Музее продолжал выписывать из инвентаря статьи. После занятий

заехал к А.Н. Никольской, не застал ее. Вечером заезжал Леон.Ст. с Надей, подтвердили об улучшении здоровья Ляли.

26 (13) июня. +10°. Дождь. Продолжал в Музее текущую работу. С 1 ч. до 3 шло заседание по вопросу об инвентаризации предметов в отделах; окончание отложено до пятницы. После 3-х ходил с Л.В. к «Мюру» купить съедобного к чаю. К обеду пришла А.Н. Никольская, рассказала о делах мужа, которого скоро обещали вернуть; сидела до 8 ч.

27 (14) июня. +10°. Разбирал с Л.В. незаинвентаризованные медали. Приехал Н.П. Лихачев. Музей получил из Сергиевского музея разрешение на временную выдачу кафтана Грозного для нашей выставки. Оружейная палата прислала окончание рукописи Троицкого (словарь) для печати; принесла рукопись М.М. Денисова вместе со своей статьей для «Сборника Оружейной палаты» «Декоративные мотивы восточного конского убранства XVII в. по материалу Оружейной палаты». А.Н. Никольская телефонировала мне, что получила от Виктора Александровича из Иркутска телеграмму, по-видимому, его возвращают. К вечеру приехала О.Н. Анофриева со своим внуком Юлианом, очень умным и милым мальчиком, сидели до 9 ½ ч.

28 (15) июня. +12°. Продолжали разбирать монеты. Н.П. Лихачев снимал копии с тамг на джучидских монетах. После занятий зашел к «Мюру», купил бородинского хлеба и сухарей для Адели Шмидт, сегодня ее день рождения; заехал к ней, подарил ей 5 р. и 2 пачки папирос; к ней пришли: 1-я жена Доли, ее сын Женя, сын Адели Федя и одна из жилиц; посидел около часа. Сегодня в Музей явился Вишневский, вчера выпущенный из тюрьмы, ему обвинения не было предъявлено. Дома нашел Надю с Лялей, которую, ввиду завтрашней операции, остригли; бедняжка не знает, что ее будут оперировать; настроение у нее бодрое, жара нет; я поиграл с ней в карты. Позднее приехала ее мать, Нина, сидела часа 2.

29 (16) июня. +12°. Дождь. Операция (трепанация около правого уха) у Ляли сделана под хлороформом, продолжалась 25 минут. Когда я приехал в 5 ч., девочка была спокойна, в хорошем самочувствии, кушала хорошо (оперировал П.И. Постников). В Музее продолжали заниматься текущей работой. Пришел Н.П. Лихачев, Л.В. и я показывали ему выставку, он ею остался доволен. Из хранящихся в Музее его книг он отобрал целый чемодан, который Л.В. и я донесли до трамвая, так как сам он не мог нести. После занятий пошел купить макарон, которых нигде нет; заехал к Елисееву, купил сыру, сосисок; у разносчика купил крупной земляники по 40 к. за фунт. У нас обедали: Митя, Нина, Надюша, которая ночевала, спала на кровати жены вместе с Лялей.

30 (17) июня. +11°. Девочка, по-видимому, поправляется, хотя временами жалуется на боль около уха. К 12 ч. отправился в «Дом боярина»; на заседании Д.Д. предъявил несколько предметов из серебра, поддельных и сомнительных. С Варварки прошел к «Мюру», купил хлеба, сухарей и карамели для Ляли. Дома нашел Валю с дочерью и отца Ляли – В. Горшкова. После приехал Леон.Ст., пришла Нина; обедали только Зворыкины и Нина, прочие уехали. Заходила Вера Дмитриевна Бакланова. Часов около 7-ми пришел Н.П. Лихачев, по обыкновению, жаловался на все; его работу «Византийские и русские печати» Академия наук напечатает осенью. Сидел часа два, завтра уезжает.

Июль 1928 г.

1 июля (18 июня). +13°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления [в Дорогомилове]; большая часть песнопений состояла из произведений Чеснокова; хор пел хорошо, но не под управлением Нестерова, а другого. Из Мытищ приезжал Леон.Ст., Нина, уехали около 8 ч. Вечером я играл с Лялей в дураки и в акульки.

2 июля (19 июня). +14°. Утром дождь, позднее погода разгулялась. В Музее начал разбирать боспорские монеты Румянцевского музея, порядочный хлам. В 1-м часу Н.М. Матвеев попросил Л.В-ну и меня дать объяснения выставки двум экскурсиям, так как все сотрудницы популяризации были заняты; показали обе выставки; мои слушатели (из Александрова с какой-то фабрики) были большею частию мало интересующиеся объяснением, кроме 10 (всех 45 человек), которые внимательно слушали. После занятий поехал с Л.В. домой обедать, так как в ее квартире ремонт. Сегодня сделали Ляле первую перевязку; Постников разрешил ей встать с кровати; она с нами обедала. Начал рассматривать ненапечатанную часть «Словаря» Троицкого.

3 июля (20 июня). +13°. Текущим делом заниматься в Музее не пришлось, было слишком много посетителей. Разговаривал с Н.М. Матвеевым, который поинтересовался узнать, почему я не беру отпуск, я ему все объяснил. Приехав домой, принял ножную ванну. К обеду пришла Л.В., Маня Гусева; Л.В. вскоре ушла, а Маня беседовала со мною, рассказала о своей грустной семейной жизни.

4 июля (21 июня). +13°. Утром регистровал новые поступления, после 12-ти до 3-х разбирал с Л.В. в серебряной кладовой старые поступления, главным образом монеты, которые все перенесли в наш кабинет. Дома нашел внучку Машу со всеми детьми: пришли прощаться, завтра уезжают в Оптину Пустынь. Пришла также Нина, все обедали.

5 июля (22 июня).+15°. Регистровал покупки, раскладывал монеты, говорил с многочисленными посетителями, которые очень меня утомляют. Л.В. заболела, в 1-м часу ушла домой. Приехал Александр Алексеевич Черданцев, занимался угольными марками. Надюша с Лялей уехали к Постникову, который сделал девочке вторую перевязку, от него проехали на вокзал. После обеда неожиданно пришел Л.А. Мацулевич, приехавший из Петербурга проездом в Курск на раскопки Главнауки на то место, где была найдена ваза с музами и готские вещи; раскопками будет руководить В.А. Городцов; от Оружейной палаты едут Н.Н. Померанцев, Козлов. Поездка Мацулевича за границу не состоялась вследствие отказа Главнауки выдать разрешение. Пришла М.Н. Гусева за мной, чтобы ехать к М.Д. Езучевскому. Мы все трое: Леонид Антонович, Маня и я шли до Курского вокзала, где я распростился с Л.А. Миша встретил меня очень радушно, угостил отличным красным вином (Понте Кане), сыром; пили чай; вели интересную беседу; жена Миши Екатерина Васильевна показалась интереснее, чем ее мне обрисовали. Около 10-ти я вышел, Миша меня проводил до трамвая **А** у храма Спасителя. Комната у него отличная, чистая, здоровье его улучшилось.

6 июля (23 июня). +11°. В Музее занимался Черданцев; в 1 ч. распростился и уехал. Прочитал мне свою статью об угольных марках, привел несколько любопытных фактов из фабричной жизни на Урале; я ему советовал

привести в статье побольше фактов о заводах (их около 50-ти), что им не сделано; он обещал. Госторг взял 2 гобелена для отправки за границу. Ко мне заходил С.П. Григоров, ему Г.Л. Малицкий сегодня сказал в Главнауке о моем желании поговорить с ним; я сказал С.П-чу, чтобы он побеседовал с Ф.Н. Петровым относительно Л.А. Мацулевича, которому Главнаука отказала в отпуске в Германию, куда приглашают на съезд ученых-археологов за счет Германского археологического института; я просил С.П-ча подчеркнуть Петрову некрасивость такого факта, который может попасть в газеты; он обещал поговорить. После занятий зашел в Охотный ряд и к «Мюру», купил хлеба и икры для поездки в Сергиевский музей, взял у «Мюра» обратный билет за 2 р. 2 к. После обеда ходил в наше домоуправление, уплатил за квартиру за 2 месяца, и другие расходы около 55 р. Л.В. телефонила, что не может по болезни ехать в Сергиев за кафтаном Ивана Грозного.

7 июля (24 июня). +12°. Праздник св. Иоанна Крестителя (Ивана Купалы). С вологодским поездом в 9 ч. поехал в Троицкую Лавру. В музее меня встретил А.Н. Свирин; за самоваром я вынул бородинский и белый хлеб, ¼ фунта паюсной икры и мы закусили, затем пошли в Музей, бывшую ризницу; А.Н. отпечатал шкаф, где висела одежда Грозного, и вынул ее. Это, по-моему, ферязь, судя по рисунку и описанию у Савваитова[37], сшит из желтой шелковой камки, стеганой на вате; подкладка – синяя крашенина; застегивался ферязь шелковыми снурами в 4 ряда. Одеяние поношено, пришлось в музее нижнюю часть полы подшить; старая заплата находится вверху спины под воротником. При каких обстоятельствах попал ферязь в Троицкий монастырь? Не в последний ли приезд Грозного после убийства сына, когда он так об нем убивался, что кратко, но красочно описано во вкладной книге монастыря. Это место я читал вслух в один из приездов в Сергиев в обществе Л.В., Богословских, Н.А. Баклановой и др. Не скрою, какое-то жуткое чувство овладело мной, когда ферязь уложили в большой ящик, написали акт о передаче его мне для выставки в Историческом музее и вручили мне ящик. Мог ли вообразить грозный царь, в какое жестокое (такое же, как при нем) время его ферязь повезется напоказ в Москву… Заперев ящик в комнате, где мы пили чай (это комната В.Д. Дервиза, уехавшего в Москву), я со Свириным пошел в собор посмотреть отреставрированный, вернее, расчищенный, чин, исполненный Рублевым и его сотрудниками. Как он хорош! На глаз заметно, что не одна рука писала иконы; некоторые, например, апостол Павел, мягкого облачного письма, вероятно, самого Рублева; другие более резкие, например, св. Димитрий Солунский, может быть кисти Даниила Черного или одного из мастеров. Уехал с ферязью домой с поездом в 3 ч. 22 м. и благополучно добрался в 5 ч. 15 м. Дома показал ферязь только жене и Зинаиде Алексеевне.

8 июля (25 июня). +15°. Воскресенье. В 10 ч. поехал к литургии в Дорогомилово, с трудом добрался, так как по случаю праздника кооперации все трамваи направлены на Ходынку; доехав кое-как до Смоленского рынка, пошел пешком в храм Богоявления; пришел с опозданием; пели прекрасно, но не все композиторы мне понравились, например, «Отче наш» Са́рти[38]. Дома неожиданно застал сестру Сашу, пробиравшуюся в Петербург; нашла, что я очень похож на мать. С 3-х часов пошел дождь, продолжавшийся до 7 ч.

9 июля (26 июня). +12°. Утром донес ящик до извозчика, которого нанял за 1 р. 75 к. до Музея. С Л.В-ной, которая поправилась и пришла на службу, мы повесили ферязь в витрину на выставке. Служащие с любопытством смотрели на одежду Грозного; их, конечно, интересовало имя Грозного, а не его одеяние. Весь день отбирали в кладовой связки с монетами, медалями, часть которых перенесли в нашу рабочую комнату. По Москве ходят разговоры, что дня 2 назад бросили в комендатуру ГПУ бомбу; подробностей я не слыхал, и в газетах ничего не пишут об этом.

10 июля (27 июня). +11°. Получил в Музее телеграмму от Жебелева, просит оказать содействие американскому историку Цейтлину. Продолжал текущую работу в Музее. В «Известиях» прочитал о брошенной 6 июля вечером бомбе в ГПУ, которою убит один красноармеец, а другой серьезно ранен; один из бросивших бомбу, Радкевич, убит, а другой арестован близ Подольска. В той же газете помещено изображение серебряной вазы с музами, которую я видел в Оружейной палате; место ее находки деревня Большой Каменец Курской губернии. Вчера Анюта вернулась из деревни, привезла мне в подарок полотенце.

11 июля (28 июня). +14°. В Музее шла текущая работа (записи, покупки, писание счетов). Матвеев, начальник охраны, Протасов и я вскрыли 4 ящика, присланные во время войны из Виленского музея: в одном оказались еврейские газеты, тыковый кушак, антиминсы, в другом – монеты, в последних двух оружие; подробно не рассматривали, но в последнем ящике, где сверху лежали обыкновенные кольчуги, я попросил досмотреть до дна, надеясь найти знаменитую байдану Ивана Выродкова, описанную Рыковым в XXV томе «Древностей», и не ошибся, она там лежала; жаль, если ее отберут от нас. Получил от Танюши письмо из Рыбной дачи. После обеда пришел профессор Арцимович из Минска, знакомый Н.М. Гайдукова, посоветоваться относительно картины Айвазовского, которую хочет продать; я ему советовал представить на регистрацию в Главнауку. Заходил В.Я. Дьяченко.

12 июля (29 июня). +13°. Праздник свв. Петра и Павла. В Музее – текущие дела. После занятий поехал с Валентиной Ивановной Поповой и Л.В-ной к нам обедать. В Охотном ряду купил прекрасной земляники «Нобль» по 50 к. фунт и сыру. Пред самым обедом пришел Н.Д. Протасов, болтал без умолку, часов в 8 уехал с Вал.Ив., а Л.В. просидела до 10 ч.

13 июля (30 июня). +12°. В Музей явился американский историк Цейтлин (фамилия указывает на его происхождение), о котором Жебелев мне телеграфировал. Я его спросил (мы говорили по-русски) о цели его приезда, ответил, что интересуется еврейским вопросом: об отношении русского правительства к евреям, начиная с начала XIX в., и Иосифом Флавием, тем местом, где Флавий говорит о Христе, которое многими считается за позднейшую вставку, для этого он и приехал изучать русские тексты, т.е. русские переводы Флавия. Он был удивлен, когда я ему сказал, что в Историческом музее имеются рукописи; я его повел в рукописное отделение, познакомил со Сперанским, сказавшим ему, что Музей обладает 5-ю рукописями Флавия. Часа через 2 он вернулся в мою комнату, благодарил и просил послать одну рукопись в Петербург в Публичную библиотеку, где ее будет изучать, а свое исследование напечатает в Америке. Видел Н.А. Бакланову, сообщившую о следующем: собачка Л.Б. Северцовой взбесилась и хоть никого не укусила,

но лизала руки; врач усыпил собачку и рекомендовать всем сделать прививки, для чего все приехали из Абрамцева, куда Сперанский и я собирались завтра поехать. Часов в 7 неожиданно ко мне пришел Л.А. Мацулевич, приехавший с Городцовым и другими из Курской губернии из села Большой Каменец, где были найдены знаменитая ваза с музами и другие вещи; находок экспедиция никаких не сделала; при пробных раскопках найден склеп и больше ничего. Мацулевич сегодня виделся с Петровым, начальником Главнауки, и говорил о разрешении на поездку заграницу, в котором ему было отказано; Петров обещал дать ответ к 20 июля. Сегодня Л.А. уезжает в Петербург в 11 ½ ч. вечера.

14 (1) июля. +15°. В 10 ч. отправился в Оружейную палату, рассказал Д.Д-чу о вчерашнем свидании с Мацулевичем. Идя по улице Кремля, вижу около Потешного дворца человек 5, что-то смотревших, подхожу, вижу – на мостовой извивается небольшой уж, вероятно, привезенный в Кремль вместе со свежим сеном для лошадей красноармейцев; боясь, как бы ужа не раздавил автомобиль, я его поднял и передал какому-то парню, чтобы он его снес в сад. Из Кремля прошел в Охотный ряд, купил земляники для варенья и ветчины. Дома застал Валю, приехавшую навестить маму; вид у Вали болезненный. К обеду пришла Надя, хлопочет об отпуске в Париж. После обеда пришла М.Н. Гусева. В 6-м часу отправился на Зубовский бульвар к В.И. Троицкому, которого не застал, попросил его дочь передать Василию Ивановичу, чтобы он зашел в Музей поговорить относительно рукописи «Словаря». С Зубовского бульвара проехал в Дорогомилово ко всенощной, народу было немного, хор Нестерова пел очень хорошо, особенно понравилось мне «Ныне отпущаеши» (соло сопрано) и Великое славословие Архангельского; половину всенощной я просидел. Возвращаясь, любовался с Бородинского моста блеском далеких гроз на востоке и на южной стороне горизонта.

15 (2) июля. +18°. Воскресенье. Встал в 8 ½ ч. Около 12 почувствовал недомогание, не в состоянии был сидеть; пришел А.А. Карзинкин, попоили его кофе, после чего он уехал к Остроухову, а я принял аспирина, лег и уснул часа два. К 4 ч. А.А. вернулся, мы пообедали, в 6 ч. он уехал.

16 (3) июля. +15°. Вчера перед сном принял еще порошок (0,3) аспирина и крепко спал всю ночь. Сегодня мне лучше. В Музее весь день занимался текущей работой. Чувствовал все время головокружение и слабость. Приходила Наталья Аполлинарьевна, прививку ей и Северцовым будут делать 10 раз, хотя исследование мозга собачки дало отрицательный результат. Приехала погостить Адель Шмидт. Вечером заходил внук Митя с рисунками родовых знаков, которые сделал неудовлетворительно, обещал переделать.

17 (4) июля. +15°. Ночью была гроза. Утром пришел в Музей Н.С. Щербатов, он очень изменился, говорит, пришел отказываться; теряет силы и слабеет память; жаль его. Занимался текущей работой. Во время обеда была гроза.

18 (5) июля. +14°. Ночью была гроза. Из Музея ездил в фонд МОНО в Донском монастыре, видел В.И. Троицкого, который временно исполняет должность заведующего, поговорил с ним относительно текста его «Словаря». После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил сладкого, сыру, лимонов, так как сегодня хотел приехать Карлуша Шмидт с невестой, но прождали их напрасно.

19 (6) июля. +15°. Купили в Музее несколько вещей: квасник XVIII в. с фигурами, персидскую раму (?) с любопытною росписью, кавказскую

бронзовую статуэтку, складни XVII в. и проч. Занимался текущим делом. После занятий Л.В., Граков и я пошли за покупками к обеду под проливным дождем, я и Б.Н. были без зонтов; дома обедали, в 7 ч. все ушли. В Музей заходил С.Н. Тройницкий, сбирается ехать за границу.

20 (7) июля. +13°. Утром из Музея ходил в Оружейную палату, просил для Гракова и Л.В. пропуск в Кремль, но Д.Д. сказал, что пока в Москве съезд, пропуска в Кремль получить нельзя. Посмотрел опять вазу из Курской губернии, ее поместили под стеклянным прикрытием в большой зале с серебром; откровенно говоря, она не подходит к общему собранию вещей Оружейной палаты. Описывал вчерашние покупки. В 3-м часу Модестов из Главнауки мне телефонил произвести экспертизу монет в Филателистическом обществе (Тверская-Ямская, 3) для вывоза за границу; я туда отправился, познакомился с Писанко, заведующим обществом, симпатичным человеком; он дал мне списки отобранных монет (главная часть их – талера), которые я прочитал и попросил показать маленькую золотую ольвийскую и 4 статера Асандра 9, 17 и 21 годов, последнего не помню. На списках я подписал разрешение, завтра поеду печатать ящики. Адель Шмидт уехала домой. Вечером приехали: Карлуша Шмидт с невестой, которую отрекомендовал как жену, на вид она очень симпатична. Пришел брат жены; все мы беседовали; интереснее всех Карлуша. Ушли все в 11 ч.

21 (8) июля. +11°. Праздник иконы Казанской Божией Матери. Утром поехал с Анютой в Охотный ряд, купили клубники для варенья, огурцов и цветной капусты. Из Охотного ряда поехал в Ассоциацию для наложения печатей на посылки с монетами; оказалось, что печать для пломбирования должна быть моя; пришлось ехать в Музей за тисками (на современном языке за «пломбиром»); к счастью, немец, купивший монеты, пришел в Ассоциацию, он предложил свой автомобиль, и через ½ часа я тиски привез. Запечатал 4 коробки и связку со шведскими плитками. Немец Краузе, юрист по образованию, выучился говорить по-русски, оставшись в России в 1914 г. в качестве пленного, и свободное время посвятил изучению языка. В нынешнем году он приехал сюда из Германии, надеясь получить место защитника немцев-инженеров на процессе Донбасса, но не был допущен; в разговоре со мною он хвалил Крыленко как оратора, образованного человека и хорошего шахматиста; не знаю, искренно ли он говорил. Из Ассоциации проехал в Цекубу за жалованьем, но выдачу отложили до понедельника. Прошел в Кремль, где Д.П. Сухов показал новые реставрационные архитектурные работы в древнейшей части дворца; зашли в Успенский собор, где Н.Н. Померанцев показывал американцам внутренность собора. В первый раз видел часть расчищенной живописи на одной из колонн; насколько она в лучшую сторону отличается от колонн, покрытых в последнее время живописью. Долго смотреть не мог, очень устал, с раннего утра не садился до 2-х часов, ничего не ел. С трудом добрался из Кремля до «Мюра», купил на завтра билет в Абрамцево, купил Северцовым бородинского хлеба и конфект; полуживой добрался домой, где Павел Степанович меня подстриг. С.А. Жебелев мне пишет, что получил 12 и 13 листы печатающегося в Праге «Сборника» в память Я.И. Смирнова, в них напечатана моя статья «Перстень св. Алексея Митрополита»; 1-й выпуск «Сборника» выйдет в сентябре. Вечером пришел К.В. Крашенинников, приятно побеседовали с ним часа 2.

22 (9) июля. +12°. Воскресенье. С поездом в 9 ч. отправился в Абрамцево к Северцовым; на Ярославском вокзале встретился со Сперанским. В Хотькове наняли за 2 р. извозчика, дорога туда плохая, шоссе, устроенное при Мамонтове, испортилось. Встретили нас ласково; мы им привезли целый бородинский хлеб и кило конфект (вскладчину оба). Н.А. Бакланова, которая с ними живет, повела показывать «достопримечательности»; пошли в церковь, снаружи она недурна, в новгородском стиле, внутри все безвкусно. Прошли в Музей, посвященный Аксаковым, Хомякову, Гоголю; на стенах много мелких картин и рисунков Васнецова, Поленова, Врубеля и др. Погуляли по окрестностям, которые очень живописны; к сожалению, пошел дождь. Дача Северцовых, предназначавшаяся, говорят, для бани, хорошо выстроена, но очень темна. Покормили нас рыбой, похлебкой, компотом. В 5-м часу пили чай, ели ветчину. Обратно пошли пешком, так как извозчик не приехал; шли час; полдороги провожали Северцовы, а всю дорогу Нат. Ап.; устал я порядком. Поезд вологодский был переполнен. Дома был в 10 ½ ч.

23 (10) июля. +11°. В Музее продолжал регистрацию неописанных удельных монет собрания Зубова. После занятий пошел с Л.В. купить вина и поехал с ней домой. В 4 ч. явился Протасов, затем С.Н. Тройницкий, обедали; С.Н. много пил; вели нескончаемые разговоры ненаучного характера. В 9-м часу Л.В. с Тройницким ушли, в 11-м часу Протасов.

24 (11) июля. +11°. Приехал сотрудник Эрмитажа Павел Павлович Дервиз[39], помощник С.Н. Тройницкого, попросил показать ему серебро, пошел с ним и с его женой Марией Сергеевной в кладовую, где он нашел десятка полтора интересных предметов, которые отложил для описания. Дома нашел Надю с Лялей; девочка поправилась. К обеду пришла Нина.

25 (12) июля. +11°. Музейный фотограф Вал.Мих. Веселаго снимал стеклянную чашу из Курской губернии. Дервиз с женой продолжали осматривать серебро. После 3-х был сильный дождь с грозою. Вечером просматривал текст «Словаря» Троицкого.

26 (13) июля. +11°. Заходил в Музей из Кремля Н.Н. Померанцев, осматривал замки, изразцы, жиковины и т.п., просил из дублетов дать кое-что Кремлю; сказал ему, что вопрос можно возбудить, когда директора вернутся из отпуска. Вечером докончил просмотр перепечатанного на машинке текста «Словаря» Троицкого. Какой большой труд сделан им и притом бескорыстно!

27 (14) июля. +10°. Почти все время занимался в Музее монетами Пскова и Великого Новгорода. На практике убедился, как нелепо описаны (расклассифицированы по типам) монеты обоих городов Толстым. Чета Дервизов распростилась около 3-х. Пошел сильный дождь. Обедал в Цекубу (дома стирка), съел обед в 85 к. (прекрасные свежие щи и шницель). Сидел с С.К. Просвиркиной, которая рассказала мне много интересного про поездку на север за покупками для Музея. Л.А. Мацулевич мне пишет, что на «неделе историков» в Берлине германский историк Эд. Мейер говорил о нем с Покровским и послом СССР Крестинским, которые обещали оказать содействие по отпуску Л.А-ча за границу. Послал Н.А. Баклановой в Абрамцево 13 р. 23 к. и «Очерки» с ее обеими статьями чрез М.А. Петровского, который там живет.

28 (15) июля. +11°. Утром съездил в Главнауку, где, к удивлению, получил за экспертизу не 12 р., как обещали; а 15 р. 50 к.; выдавал Модестов. Заехал

к «Мюру», купил целый бородинский хлеб для Зворыкиных, сластей детям и взял обратный билет в Мытищи (55 к.). Обедал дома и с поездом в 3 ч. 15 м. поехал. Принял ванну. Вечером с Митей смотрел сделанные им рисунки с родовых знаков на печатях, сделаны удовлетворительно, кое-что перерисовал. Пили чай с вкусным ореховым пирогом домашнего приготовления. Спать лег в 10 ½ ч. Ночь была холодная, спал под теплым одеялом.

29 (16) июля. Воскресенье. Спал до 8 час. День был довольно ясный. Сидел в саду, смотрел на игру в теннис Леон.Ст. и Наташи. Пришла Мария Валериановна Пичета, приехала из Тайнинки Нина с сынком Юрой. В 2-м часу обедали, а в 4 ч. 5 м. я уехал домой, куда меня проводил Леон.Ст.; посидел с час и уехал обратно. Часов в 6 пришел Владимир Федорович Джунковский, побеседовали с ним, восхищается недавно вышедшими воспоминаниями А.Ф. Тютчевой «При дворе двух императоров». Для своих записок ему необходимы московские газеты за 1901–1904 гг., просил оказать ему содействие в библиотеке Музея; я попросил зайти завтра.

30 (17) июля. +15°. В Музее были: Е.А. Пахомов и В.Ф. Джунковский. Пахомов читает в университете в Баку восточную нумизматику; просил показать ему восточные монеты, которые, за отсутствием Муралевича, показать ему я отказал; тогда он решился заняться нумизматической литературой из библиотеки Зубова; я его провел в нашу библиотеку. В.Ф. Джунковскому попросил достать все просимые им газеты. Остальное время в Музее пришлось беседовать с многочисленными посетителями. После 3-х поехал с Л.В. домой обедать. Вечером ко мне некий Вл.Ив. Пилецкий, принесший мне письмо от А.К. Маркова (!), давно умершего, и показавший мне письмо от А.К. Маркова к П.В. Зубову, также умершему! Пилецкий сказал, что не мог своевременно их передать ни мне, ни Зубову. Пилецкий окончил Археологический институт, служил в Баку преподавателем, и теперь пробирается в Благовещенск, но на дорогу у него недостает 7 р.; я ему подарил 8 р. У меня сердце разрывалось, смотря на него; одет, как нищий, все у него украли... Сегодня был, кажется, первый жаркий день за все лето, даже вечером было тепло.

31 (18) июля. +13°. У жены вчера вечером был припадок удушья, сегодня ей легче. В Музее занимался текущим делом. Мои книги, переданные Музею, переписаны; всех около 70 названий. После занятий заходил к «Мюру» купить лампочек, затем на Тверскую в книгоиздательство «Academia», говорил относительно печатания окончания «Словаря» Троицкого. Дома нашел жену и Анюту расстроенными: домашние воры украли металлическую полоскательницу и полный кувшин с молоком; затем жена Кузнецова в пьяном виде ворвалась в наши комнаты и ругалась. О случившемся сообщили новому управдому, который сочувственно отнесся к нам. Заплатил за квартиру и коммунальные услуги (канализация, электричество, вода) по 1-е августа 22 р. 76 к.

Август 1928 г.

1 августа (19 июля). +10°. Описывал зубовские монеты. Купили рисунки с иконостаса и с орнаментальной росписи московского Успенского собора, сделанные архитектором Александром Протогеновичем Поповым[40] в 1882 г. Умер Б.В. Фармаковский на даче в Парголове. После занятий был с Л.В. у

«Мюра», купили сестрам Поповым сластей, оттуда проехали к ним обедать; беседовали главным образом с Ольгой Ивановной; она недурно рассказывала об Узком, где прожила месяц. В 7 ½ ч. мы ушли.

2 августа (20 июля). +12°. Ильин день. В Музее текущие дела. Н.Д. Протасов подарил Музею прекрасный серебряный ковшичек, покрытый изречениями, изделие XVI или начала XVII в.; затем 4 маленьких образка, резных по кости, раковине и камню; все вещи очень недурные. После занятий съездил к князю, он, хотя на ногах, но чувствует себя слабым; сидел у него минут 10. Вечером приехал Д.Д. Иванов с супругой, привезли пирожного от Dumont; сидели часа 2, пили чай; разговор Д.Д-ча, как всегда, очень живой и остроумный.

3 августа (21 июля). +11°. В Музее вписывал новые поступления, писал счета, акты на покупки. Был В.Ф. Джунковский, занимался в библиотеке. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, видом которого были поражены: все торговцы с тротуара удалены, что за причина их удаления – не знаю. У «Мюра» купили бородинского хлеба, пата, взяли билеты в Сергиев, а в Охотном ряду икры. После обеда пришли А.А. Карзинкин с Соней, пили чай; после них пришла Вернер, бывшая служащая в Wagon-lits, предлагала тверские полотенца на продажу.

4 августа (22 июля). +10°. С 9 часов поездом поехал в Сергиев, на вокзале встретился с Л.В., в Хотькове присоединилась чета Северцовых и Н.А. Бакланова. С вокзала на извозчиках поехали в музей, где нас встретил А.Н. Свирин; попив чаю и закусив, пошли в собор, осмотрели подробно чин в иконостасе письма Андрея Рублева и его сотрудников; осмотрели, насколько возможно внимательно, работу самого Рублева; спускались к мощам преп. Сергия, потом прошли в музей. А.Н. Северцов впервые был в Сергиеве, осматривал невнимательно. Посетили выставку XIV–XV вв., полюбовались «Троицей» Рублева, затем вернулись в нашу комнату, попили чаю; уехали с поездом в 3 ч. 22 м.; Л.В. осталась ночевать у своей знакомой, Северцовы и Н.А. сошли в Хотькове. Дома нашел внучку Наташу. Без меня заходил Митя, оставил рисунки с родовых знаков.

5 августа (23 июля). +11°. Воскресенье. Дождь. В 10 ч. зашел А.А. Карзинкин, и мы отправились во французскую католическую церковь; пришли к проповеди, которую по-французски говорил епископ. Служба мне понравилась с внешней стороны, жалел, что не понимал текста; орган звучал хорошо, играла Пина Джури, племянница Аделины Антоновны. Присутствовал итальянский посол с женой и членами посольства. Видел издали К.В. Крашенинникова. Из церкви поехал к В.И. Троицкому, сговорился с ним относительно корректуры «Словаря». Погода холодная, сырая, совсем осень.

6 августа (24 июля). +11°. Сегодня занятий нет, также торговли; большевики предписали праздновать Преображение по новому стилю, но верующие празднуют по старому. В 10 ½ ч. поехал к В.И. Троицкому, с которым просмотрели всю ненапечатанную половину его «Словаря»; он мне указал, где на странице 70 типография напутала при наборе. В 1 ½ я ушел. Дома застал Л.В., приехавшую к обеду; в 6 ½ ушла.

7 августа (25 июля). +11°. Утром был в Оружейной палате, говорил с Д.Д. относительно печатания «Словаря». Прошли по залам, меня поразила

выставленная в Бронной зале современная противогазовая маска рядом со шлемами, татарскими железными шапками с масками в виде человеческих лиц!! М.Н. Сперанский дал мне на просмотр «в честь А.И. Соболевского», изд. Академии наук. В Музее раскладывал новгородки в ящички, надписывал номера. После занятий пошел в контору типографии «Academia» и предъявил ей листов 40 «Словаря» для отсылки в Петербург, но попросили дать весь материал; придется опять идти.

8 августа (26 июля). +12°. В Музее совещались: Протасов, Сперанский и я – относительно издания «Сборника» Исторического музея со статьями Ржиги «Домонгольская посуда» и Протасова «Византийская посуда Исторического музея». Переговоры с Гознаком относительно исполнения рисунков поручено мне. Ходил в издательство «Academia», передал весь текст окончания «Словаря» Троицкого для составления в Петербурге сметы. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд для покупки для Лёли по ее письму сыра, помадки, сухарей и 1 бутылки мадеры; придя домой, узнал, покупать ничего не надобно, так как возвращается в Москву и просит на дорогу выслать 10 р., которые ей и посланы по телеграфу.

9 августа (27 июля). +11°. Туман. В Музее тихо, занимался текущим делом. Вечером у жены была Зоргаген.

10 августа (28 июля). +11°. Весь день шел дождь. В Музее определял неразобранные удельные монеты собрания Зубова. После занятий был в Охотном ряду, купил для Вали икры, нам севрюги. Взял билет на 20-ю версту.

11 августа (29 июля). +12°. С поездом в 10 ч. поехал на 20 версту к Валечке и Кочуриным; меня все встретили на станции, минутах в 3-х от нее их дача. Болезненный вид Вали меня поразил, но ее самочувствие было хорошо. Попив какао, Валя, Таня с мужем и Зоря отправились погулять по направлению к деревне Переделки; местность, где мы шли, очень живописна, особенно хорошо на берегах Сетуни, имеющей вид ручейка; хороша еловая роща. Прошли версты 3. В 3-м часу мы обедали, около 5 из Москвы приехал Павел Николаевич; около 6-ти я уехал в Москву.

12 августа (30 июля). +11°. Воскресенье. Были в храме Богоявления, хор пел хорошо. С трудом приехал домой в трамвае: сегодня начало спартакиады[41]; многочисленные процессии участников, возвращавшихся с Красной площади, мешали правильному движению трамваев по бульварной линии. После обеда смотрел большую коллекцию фотографий с памятников искусства Италии (Венеция, Рим, Милан, Флоренция, Перуджия, Ассиза, Болонья); фотографии принадлежат А.А. Карзинкину и временно лежат у меня. Вечером неожиданно пришла Маша (внучка), вчера приехавшая на несколько дней из Оптиной пустыни; за нею пришла вся семья Карзинкиных и наша соседка по квартире Анна Давыдовна Богуславская, пили чай, беседовали на пестрые темы, мало для меня интересные.

13 августа (31 июля). +12°. Продолжал в Музее разбор зубовских монет. Днем была Надя, сообщила, что в субботу Леон.Ст. уезжает с Митей в Новороссийск, оттуда в Крым на 1 месяц.

14 (1) августа. +11°. В Музей ко мне приходило много народу, между прочим, Сперанский и Ржига, беседовали об издании статьи Ржиги «Посуда домонгольского периода». Заходил, проездом из Можайска в Петербург,

А.А. Сиверс, рассказывал об эрмитажных делах, об Орбели отозвался очень отрицательно как о человеке, прибавив, что ему очень обидно так в нем разочароваться. Н.А. Бакланова пишет мне из Абрамцева написать ей командировку в Александров и Переяславль-Залесский, за ними зайдет ко мне Л.Б. Северцова; я сам после занятий пошел в квартиру Северцовых с командировкой и с 13 р. 13 к., жалованьем Н.А. из Академии истории материальной культуры; посидел с ½ часа, рассказывали о японском театре, который им очень понравился; билеты купили у барышника за 16 р. за 2 кресла (!). Обедала у нас внучка Маша.

15 (2) августа. +11°. Утром дождь, днем погода разгулялась. В Музее разобрал часть монетных слитков. После занятий ходил с Л.В. в издательство «Academia», где получил смету на печатание окончания «Словаря» Троицкого за 791 р. 76 к.; оттуда проехал в Цекубу; Л.В. отправилась в канцелярию, а я остался обедать; встретился с А.А. Сиверсом, с которым вместе и сели; съели по обеду за 85 к.; в зале был С.Л. Толстой, который , увидав меня, подошел и присел к столу; я его спросил, кто редактирует «Дневники» его матери (издательство Сабашникова), ответил, что редактирует сам; живет С.Л. на даче в 3-х верстах от Переделок. Из Цекубу я вышел с А.А. вместе, сели на **А**, он слез у Страстного монастыря.

16 (2) августа. +12°. Продолжал в Музее разбор слитков. Л.В. второй день чувствует себя больной: у нее боль в спине. После занятий пошел в Охотный ряд за сыром, встретил А.Н. Никольскую, пригласил ее обедать; она сказала мне, что Виктору Александровичу назначено – 6[5*], он выбрал Саратов, куда выезжает из Иркутска, туда же поедет и она, как только получит телеграмму о его выезде из Иркутска. К обеду пришли внучки Маша и Нина, после обеда – муж Нины, оба отправились на спартакиаду.

17 (4) августа. +12°. Утром был в Оружейной палате, отдал Д.Д-чу смету «Academia» и фотографические снимки с вещей Обоянского клада для отсылки Мацулевичу. Д.Д. показал мне браслет, отобранный или купленный у еврея; он очень сходен с браслетом, поступившим ранее, но массивнее, немного поломан у застежки, камни все вынуты; еврей за браслет требует 2401 рублей. Фотографирование в Оружейной палате Александровым началось, многое снято; снимки с сосуда (18 × 24) вышли, по его словам, удачно. Вели с Д.Д. всякие разговоры, между прочим, о семье Л.Н. Толстого; Д.Д. рассказал о своем знакомстве с Кузьминской, сестрой С.А. Толстой, о ней отозвался неодобрительно. В Музее текущая работа. Здоровье Л.В. все еще неважно; после занятий пошел с ней к «Мюру» купить торт для Г.Л. Малицкого, который пригласил меня, А.А. Карзинкина и Ирину Матвеевну Соколову завтра к себе на дачу. Забыл прибавить, что вместе с браслетом Н.Н. Померанцев привез из Курска 2 серебряные монеты, принадлежащие Курскому музею, по типу очень сходные с изданными мною в «Материалах» на т. III, №№ 37–38, относимые мною готам.

18 (5) августа. +15°. С поездом в 11 ч. поехал с А.А. Карзинкиным, зашедшим за мною, к Г.Л. Малицкому на дачу близ станции Расторгуево (2 года назад я ездил к нему); на вокзале к нам присоединилась Ирина Матвеевна Соколова. Дорога от станции до деревни, где живет Г.Л., убийственна, ехали

[5*] То есть запрещено жить в 6 центральных губерниях.

почти шагом, а около Екатерининской пустыни так плоха, что пришлось выходить из экипажа. Г.Л. и Ксения Михайловна нас ласково приняли, мы им привезли: торт, виноград, шоколад, мармелад (для девочки). Положение дачи прелестно, вид с балкона очаровательный. Пообедав, пошли в рядом лежащий парк имения Суханово, который частью вырублен, частью зарос. Екатерининская пустынь, обращенная в женский монастырь, процветает и даже получает от правительства для посева семена; церковь цела, в ней служат. Вернувшись из парка, пили чай, я любовался чудесными видами. В 6 часов подали таратайку, через 40–50 минут были в Расторгуеве, около 8 уехали в Москву. В Расторгуеве был порядочный дождь, на даче и в Москве не было. Сегодня Леон. Ст. с Мишей уехали на 1 месяц на Кавказ. Митя опять не принят в художественное училище.

19 (6) августа. +14°. Воскресенье. Преображение Господне. В 10 ч. поехал в храм Большого Вознесения у Никитских ворот; пел хор Семенова, очень отличающийся от хора Нестерова, крикливость хора неприятно на меня действовала; протодиакон Прокимнов обладает хорошим баритональным тенором, но говорит слишком громко. Встретился в храме с М.И. Александровским, от него узнал, что храм построен в 1848 г.; на мой вопрос, где же венчался А.С. Пушкин, ответил: или в одном из задних приделов, или в храме при колокольне, которого теперь не существует. Народу было много. Дома застал Людмилу Вячеславну.

20 (7) августа. +10°. Утром в 6 ¾ ч. приехала с вокзала Лёля, с плачем бросилась ко мне на шею; поездка их труппы была крайне неудачна: кроме материальной стороны, они все болели, кто малярией, кто экземой; Лёля очень похудела. В Музее занимался текущей работой. В 1 ч. поехал в Гознак (бывшая Экспедиция заготовления государственных бумаг) на Мытную улицу близ Даниловского рынка, где разыскал Сергея Степановича Ермолаева, показал ему фотографии с чары Владимира Давыдовича (из Оружейной палаты) и спросил его, возьмется ли Гознак приготовить таблицы к 1 октября, он обещал. Помещение Гознака (это, кажется, дом Брокара, где я был и смотрел его собрание) произвело приятное впечатление своей чистотой и вежливым обращением. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил дыню по 45 к. за кило (вся стоила 1 р. 75 к.), прошли к «Мюру», где отдал вставить стекла пенсне в новую оправу. К обеду пришла М.В. Пичета.

21 (8) августа. +8°. Утром получил из нового здания почтамта на Тверской академическое жалованье для М.Н. Сперанского. Здание только что открыто; я был в первой нижней огромной комнате, поражающей своей чистотой, светом и размером; зеркальные окна велики. В Музее раскладывал монеты Тверского клада, описанные мною в 1900 г. Ездил в Гознак, отдал Ермолаеву фотографии с чары. После занятий зашел к «Мюру», купил для Адели Шмидт бородинского хлеба и сухарей, которые ей свез; у ворот ее квартиры встретил ее сына Эдуарда, которого давно не видал; посидел с ¼ часа. Дома нашел Надю, Нину с Лялей и Юрой; все обедали.

22 (9) августа. +9°. Утром был в Оружейной палате, попросил Д.Д-ча показать обе «готские» монеты, которые сравнил с изданными в «Материалах»: ни той, ни другой не нашел на таблице. Был в Цекубу, получил 60 р. В Музее занимался текущими делами. После занятий заходил за пенсне к «Мюру».

Л.В. купила 2 колоды карт для пасьянса, которые подарила мне в подарок на именины.

23 (10) августа. +9°. Кончил в Музее раскладку в шкапе кладов Тверского и Устюжненского, описанных мною. После 3-х дождь.

24 (11) августа. +11°. Читал только что присланное из Главнауки новое положение (Устав) Музея; марксистский микроб заметно в нем сидит. Л.В. нашла среди данных Музею золотых монет (иностранных) «московский золотой» Ивана III. После занятий купил у «Мюра» хлеба черного и белого. Дома нашел Таню Кочурину, которая возымела желание заниматься Италией! Дал ей кое-что по путешествию по Италии. К 7 ½ поехал в кинематограф «Артес» (Лихов переулок) смотреть «Симфонию большого города», произведение немецкого режиссера Руттмана; до «Симфонии» показали этюды из спартакиады: бег женщин, мужчин, езда на велосипедах, мотоциклетках, плавание, стрельба и т.п. Затем показали эпизоды из пробега на автомобилях между Москвой и Тифлисом; виды на Военно-грузинской дороге; очень интересно схвачен снимок со смерча и т.д. Хороши снимки Кашгара: замечательная пещера с озером, с кристаллическими отложениями. «Симфония» интересна, она рисует жизнь Берлина в разные часы дня; мы видим улицы, вокзалы, фабрики, т.е. жизнь в них, Зоологический сад и т.д. Человеку, не видавшему Берлина, как мне, снимки на экране менее интересны, нежели человеку, хорошо его знающему; многое мне было непонятно. Вертели фильм слишком скоро.

25 (12) августа. +11°. С поездом в 11 ч. поехал в Царицыно, от станции за 50 к. доехал до парка, прошел весь парк, отдыхая, или, вернее, наслаждаясь природой у Миловиды, в липовой аллее, у Золотого снопа, колосья которого давно сбиты, но я их помнил... Вспоминал прошлую жизнь, многих, с которыми жил или гулял в Царицыне. Вспомнил, как в первый раз, в 1867 или 1868 г., приехал сюда с отцом, тогда еще существовал ресторан Щеглова, помещичьего типа, там, где был ресторан Дипмана, помню в парке беседку «Гриб»… мне стало очень грустно. Парк довольно чист, пруд полон, но купален нет, женщины купались с дорожки парка, не стесняясь меня, когда я проходил. С поездом в 3 ч. 6 м. уехал в Москву. К обеду пришла М.Н. Гусева сказать, что разрешение Наде на поездку за границу не дано.

26 (13) августа. +12°. Воскресенье. Был за литургией в Дорогомилове, богослужение было особенно торжественное, служил архиепископ Иоасаф, хор пел отлично, народу было очень много. Дома просматривал одно немецкое издание по истории античной культуры. Когда мы доживем до подобного издания по нашей культуре?

27 (14) августа. +12°. Нашел в Музее гальванопластический снимок с эрмитажного «московского золотого» (издан Лихачевым); сравнив с нашим, только что найденным, я убедился, что наш поддельный. В Музее текущие дела. После занятий Л.В. и я пошли в Охотный ряд искать сливочного масла, в советских магазинах не нашли, купили подсоленое в частном магазине по 1 р. 30 к. за 400 граммов. Вечером пришел А.Н. Миляев, сидел часа 2, вспоминали о прошлом; он безработный, его должность в финансовом отделе бывшей фабрики Зингера сокращена. У жены сидела Зоргаген.

28 (15) августа. +11°. Праздник Успения Божией Матери, отмененный большевиками. Купил за 2 р. 50 к. у мальчика шлем, по-видимому, персидской

работы, с очень недурными рельефными рисунками охоты. Купил за 75 р. ручную мортиру немецкой работы 1738 г. Начал приводить в порядок монеты черноморских колоний. После занятий ходил к «Мюру» за хлебом.

29 (16) августа. +12°. В Музее складывал в общий шкап монеты черноморских колоний; начал распределять царские. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд, оттуда к ювелиру у Никитских ворот, где чинились серьги жены; на **А** приехали домой обедать. После обеда, часов в 7, пришла Валентина Ивановна Попова (жена Н.Б. Бакланова) проститься перед отъездом в Петербург; ушла с Л.В. в 9 ч.

30 (17) августа. +11°. Все время в Музее регистровал покупки, заниматься монетами не имел времени. Музей выдал Л.В-не и мне командировки в Боровск и 25 р. на поездку. После 3-х зашел на почту, послал, по просьбе Танюши, ей 25 р. на возвращение в Москву. Получил от И.Э. Грабаря, директора Государственных реставрационных мастерских, II-й том сборника «Вопросы реставрации», присланный экземпляр именной. Приехал Лепешинский из отпуска, но в Музей еще не приходил. Жену нашел не совсем здоровою, у нее боли в сердце; при мне ей стало легче.

31 (18) августа. +18°. Получил от Виктора Александровича Никольского из иркутской тюрьмы письмо, пишет о своем освобождении и в начале сентября переезжает в Саратов. Продолжал в Музее разбор боспорских монет. После занятий пошел с Л.В. в ряды, где она купила чулки, а я шнур для пенсне; оттуда проехали обедать в Цекубу, по случаю стирки жена просила не обедать, откуда каждый поехал к себе.

Сентябрь 1928 г.

1 сентября (19 августа). Вчера в 10 ч. вечера вышел из дома и к 11 ч. был на вокзале Брянской железной дороги, где встретился с Л.В.; в 12 ч. 50 м. ночи отправились в Пафнутьев Боровский монастырь, куда нам было дано от Музея поручение осмотреть все серебро – хлам, выбрать из него вещи музейного характера и, кроме того, привезти в Исторический музей Макарьевское Евангелие 1533 г. Сели мы в вагон II класса, теперь называемый «мягкий», в «жесткий» сесть было невозможно: все вагоны переполнены мешочниками, едущими в Калужскую губернию с хлебом; наш билет до Балабанова стоил 4 р. 18 к. Л.В. тотчас легла и уснула, я заснуть не мог; дорогою сломался локомотив, который чинился 2 часа. Пошел дождь. Прибыв на станцию Балабаново, сели в автобус, открытый, но затянутый брезентом; каждое место до Боровска стоит 1 р. 50 к. Монастырь лежит в 10 верстах от станции, дорога сносная, мощеная, ехали 35 минут. Вошли в квартиру Александра Бернгардовича Струве, директора Музея (партийного); он занимает квартиру в старинном здании, построенном, по его словам, в 1601 г. Встретил нас он и его жена Екатерина Васильевна любезно. Попив чаю, принялись за работу. Принесли Евангелие, представляющее прекрасный образец искусства XVI в. в Великом Новгороде; сканной оклад с чеканными Распятием и Евангелистами, письмо, лицевые изображения Евангелистов, заставки очень хороши. В предисловии изложена вся стоимость работы по отделам. Потом принесли несколько пудов серебра, которое мы все осмотрели и все мало-мальски пригодное отобрали

для Боровского музея, всех вещей около 50-ти, из них наиболее интересны 4 серебряных круглых мишени с раки преп. Пафнутия с чеканными надписями, содержащими тропарь и время сооружения раки (1674 г.); затем серебряная глубокая тарелка с надписью, гласящей, что это блюдо сооружено князем Репниным в 1653 г.; остальные предметы неважны. В 12 ч. позавтракали, пришел Кирилл Михайлович Асафов, сотрудник Исторического музея в отделе рукописей, очень симпатичный человек. Струве, который нездоров, хотя не лежит, предложил отдохнуть; мне принесли в его кабинет кровать, но я спать не стал, взял читать описание Боровского монастыря архимандрита Леонида, составленное неважно. Посидев часа 1 ½, Л.В. и я пошли с Кириллом Михайловичем осматривать монастырь. Собор построен в XVI в., но в нем сохранились более древние части, например, диаконник XV в. с остатками фресок; икон хороших нет. Осмотрели музей, помещающийся в трапезной; вещей немного; из особенно интересных отметил прекрасную плащаницу времени Годунова, покров на мощи преп. Пафнутия, прекрасно сохранившаяся Минея с 7106 г.[6*] на переплете, и вот, кажется, все. Поднялись на колокольню, вид ее прекрасный на город, красиво расположенный на берегах р. Протвы, и на чудесную местность... На колокольне замечателен колокол 1487 г., литья Федьки Пушечника, другой 1685 г.; сохранился механизм башенных часов. Под колокольней осмотрели подземелье, где 9 месяцев сидел протопоп Аввакум; комната маленькая, сырая, окна нет. В 6-м часу обедали, после пошли (Кирилл Михайлович с женою и 2-мя детьми, Л.В. и я) прогуляться вокруг монастырских стен; место очень красивое, с одной стороны покрытое лесом, пруд, копанный преп. Пафнутием. Вечером Л.В. одна докончила опись серебряного хлама. Струве составил акты, уложили Евангелие, переписаны были описи для Исторического музея (Пафнутьев монастырь – филиал Исторического музея). Я так устал от бессонной ночи и ходьбы, что, сидя на диване в кабинете Струве, при всех заснул. В 10 ч. сели ужинать, я ничего не ел, выпил чаю с медом. После ужина шла беседа до 1 ч. ночи; в начале 2-го поехали на извозчике на станцию. Дождь перестал, светила через туманное небо луна; ехать было жутко ввиду слухов, что на дороге шалят; на полпути извозчик подсадил мужчину и женщину; ехали 1 ч. 15 м. В 2 с чем-то часа ночи отходил «дачный» поезд, с которым мы решили ехать; я взял по 1 р. 30 к. билеты и в переполненном вагоне поехали в Москву. Нам очень хотелось спать, мы оба клевали носами, но заснуть было невозможно.

2 сентября (20 августа). Утро было свежее. Приехали в 6 ч. 35 м.; нанял за 3 р. извозчика, Л.В. проводила меня до дому; никто еще не вставал. Мы попили кофе, я вынул Евангелие, показал его жене; Л.В. уехала домой, я лег и уснул до 2 ч. 15 м. Приехал Н.М. Гайдуков, в 3 ч. мы сели обедать, после я опять лег спать.

3 сентября (21 августа). +8°. Дождь. С трудом дотащил чемоданчик с Евангелием до Курского вокзала, где сел на 31 трамвай. В Музей начинают съезжаться сотрудники, приехали Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, обоим показал привезенное сокровище. Видел Лепешинского, рассказал вкратце нашу поездку в Боровский монастырь, расхвалил Евангелие, которое просил

[6*] 1597/98 г.

вписать в книгу поступлений, но смотреть не пришел. Готье мне рассказал о своем пребывании в Судаке, где участвовал в раскопках, но должен был уйти из-за грубого отношения к нему Фомина. Бахрушин ездил по северу России; смотря на наше Евангелие, вспомнил, что видел в Ярославле Евангелие XIII в. После занятий ходил с Л.В. в Охотный ряд за сыром, который купили в частном магазине, в правительственных не было. Обедать поехал с Л.В., за столом сидели: Н.М. Гайдуков, Лёля, Гай и мы. Получил от Б.К. Зайцева письмо с описанием его летнего пребывания в Авиньоне и т.д.

4 сентября (22 августа). +6°. Вписал в книгу поступлений привезенное из Пафнутьева монастыря Евангелие. Приехал командированный из Царского Села взять туда вещи Николая II. Заходила Н.А. Гринвальд, с завтрашнего дня вступает в должность, а Л.В. завтра уезжает на 1 месяц в Узкое. Заходила днем Валя, вид ее лучше. Сегодня Протасов уехал до 1 октября в Судак. Дома произошел обычный скандал: ругань между Балашовой и Клименковой, перешедшая в драку. Управдом посоветовал подать в суд на постоянные скандалы, обещая меня поддержать. Стоит ли подавать в суд? Меня, как буржуя, судья едва ли выслушает.

5 сентября (23 августа). +6°. Несмотря на повышение барометра, весь день шел дождь. В Музее узнал, что сотрудница в канцелярии Екатерина Яковлевна, дочь Я.Н. Блинова (по мужу, кажется, Свидерская) сегодня утром ехала с мужем в мотоциклетке в Серебряном бору, где наехавшим автобусом была опрокинута; Е.Я. получила сильные ушибы, у мужа перелом ноги. Весь день сдавал вещи Николая II. Тяжелое чувство было у меня, глядя на интимные вещи семьи Николая II: на головные шпильки, пудреницу, коробочку с недоеденными конфектами, на огромное количество образков, крестиков, видел ладанки, в которых зашиты молитвы или заговоры; подавляющая масса вещей безвкусна, ни один предмет не привлек моего внимания.

6 сентября (24 августа). +10°. С 10 утра пришлось возиться с царскими вещами, в 2 ½ ч. явились упаковщики и ловко уложили в ¾ ч. все вещи в 2 ящика; составили акт и все сдали посланному из Царского Села Григорию Давыдовичу Дрейдену[42], очень покладистому молодому человеку. Заходил А.В. Сосновский, приехавший из Астрахани, привез в подарок жене икры. Ушел из Музея в 3 ½ часа, купил в Охотном ряду винограду и 5 груш. Доставили домой 10 аршин березовых дров, купленных у музейского служителя Василия Михайловича Котлова за 20 р., да за провоз 5 р. Вечером заходил А.А. Карзинкин с юношей Ждановым, любителем старинных монет; я ему подарил «Русские монеты до 1547 г.». После зашел Сережа Чижов, младший сын С. И-ча, просил дать отзыв о научных заслугах отца, позднее пришел К.Ф. Гессель, сидел до 10 ч.

7 сентября (25 августа). +10°. Разобрал часть медных боспорских монет, большинство из собрания Прове, экземпляры отличной сохранности. Со вчерашнего дня начал опечатывать мой кабинет на ночь. Жена попросила сегодня дома не обедать по случаю глаженья белья; обедал в Цекубу, съел обед за 85 копеек (картофельный суп и язык с легюмами[7*]). Зашел побриться на Никитскую. Дома нашел М.Н. Гусеву, сказала, что скоро ее будут оперировать, у нее в половых органах, кажется, саркома.

[7*] От *фр.* legumes – овощи.

8 сентября (26 августа). +10°. Дождь. В 11 ч. поехал на Варварку в «Дом боярина» на заседание Оружейной палаты; присутствовали только Д.Дм., В.Т. Баронова и В.К. Клейн. Все заседание было посвящено вопросу о печатании окончания «Словаря» Троицкого, решено печатать; договор с типографией «Academia» поручено заключить Клейну и Бароновой. Дм.Дм. сообщил о получении Палатой из Праги труда А.И. Анисимова об иконе Владимирской Божией Матери; я выразил желание посмотреть книгу, Дм.Дм. предложил пойти в Оружейную палату, куда после заседания мы отправились. Получив книгу в Оружейной палате, прошел к «Мюру» за хлебом и сухарями. Прочитал статью А.И. Анисимова «Домонгольский период древнерусской живописи» (в «Вопросах реставрации») и разочаровался в ней: автор посвящает каждой иконе только сухое описание подробностей реставрации, не касаясь исторической стороны иконы и редко – художественной; впрочем, он вначале об этом оговаривается; начало собственно русской живописи как преемницы византийской выражено слабо. Почему-то пропущено описание знаменитой иконы Димитрия Солунского из Дмитрова, хотя рисунок с нее приложен.

9 сентября (27 августа). +11°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления, хор Нестерова превосходно исполнил несколько для меня новых композиций. Ввиду наступающего 100-летнего юбилея дня рождения Льва Толстого вышли посвященные ему номера «Красной нивы», «Огонька», купил их жене, которая интересуется Толстым. Погода плохая, дождь. Прочитал исследование А.И. Анисимова о Владимирской иконе Божией Матери, изданное при Seminarium Kondakovianum в Праге. Вечером заходила О.Н. Чижова, советовалась по поводу поступления ее сына Сережи в университет, куда его не приняли.

10 сентября (28 августа). +11°. Дождь. Утром говорил по телефону с Л.В. (из Узкого), она послала жене 2-й том Гольденвейзера о Толстом и просит «Вопросы реставрации» через Цекубу. Милонов редактировал статью В.Ф. Ржиги о домонгольской посуде и статью Протасова о византийской посуде Исторического музея; о первой он отозвался Лепешинскому одобрительно, второй не одобрил. Решили печатать статью Ржиги; он был приглашен к директорам, которые, узнав, что у него готовы статьи о домонгольской архитектуре, о питании того же времени, решили и те одновременно печатать. Пришел Д.Д. Иванов для оценки бюста Фавна, который оценен им, Клейном и не пришедшими, но видевшими бюст ранее Власовым и Вишневским в 10 000 р.; Д.Д. считает поддельным, но относит к итальянской работе XVI в.?! Д.Д. в мрачном настроении, уверяет, что Оружейную палату растащат на продажу. Завтра юбилей Толстого; от юбилея уехал на неделю в Узкое А.Е. Грузинский…; вообще слышал неодобрительные отзывы об организации юбилея; многие из видных деятелей по литературе не приглашены.

11 сентября (29 августа). +11°. Ночью болела экзема, плохо спал. Заходила М.М. Постникова, смотрела икону Владимирской Божией Матери и некоторые другие; М.М. сказала, что Д.Д. Иванов стал неузнаваем: нервен, задумчив; это вчера заметил и я; он мне жаловался, что по ночам не спит, не раз повторял, что все разваливается и т.п. Проездом в Крым из Боровска заходил А.Б. Струве; видел его короткое время: сказал мне вполголоса:

«Я едва ли вернусь, умру». Ездил в Гознак заказать 2 таблицы для статьи Ржиги, свез им задаток в 50 р. После занятий поехал в Цекубу, где получил от Л.В. из Узкого 2-й том Гольденвейзера и послал Л.В-не с отходящим автомобилем «Вопросы реставрации». Вчера узнал, что наш сотрудник, теперь уволенный, Вишневский, только что выпущен из ГПУ, где просидел 5 недель; он сказал, что положение А.М. Бардыгина в заключении тяжелое. Дома нашел Надю, которая обедала.

12 сентября (30 августа). +11°. Лепешинский, посылая в Главнауку вчерашний протокол Д.Д. Иванова о бюсте Фавна, приложил свое заключение в таком роде: он считает, что такое заключение экспертов бросает тень на подлинность скульптуры и обесценивает ее, а потому предлагает оставить бюст во владении Музея. Ездил в Гознак, свез фотографии с чары Владимира Давидовича и заказал таблицы. После занятий зашел в винный магазин и купил для Александра Андреевича две полбутылки вина (Понте Кане, 2 р. за обе). К 5 ч. пошел к нему на именины; обедали: Н.Д. Телешов с женою, Рыбникова (кажется, дочь собирателя былин[43]), их родственница, и вся семья Александра Андреевича. Телешов много говорил о готовящемся 30-летнем юбилее Художественного театра в конце октября, рассказал о скучном вечере в память Толстого и проч. После обеда пришли: доктор Г.Г. Суруханов, А.Д. Полетаев, две дамы, одна из них крестная мать Шаляпина, другая мне неизвестна; разговоры были неинтересны и скучны. Ушел в 8 ½ ч.

13 сентября (31 августа). +8°. Спрашивал по телефону М.В. Сабашникова о лучшей цинкографии в Москве, он рекомендовал «Геокартпром» (Полянка, 9)[44], куда я поехал и заказал 2 клише для статьи Ржиги. В Музее шла текущая работа.

14 (1) сентября. +10°. День рождения Верочки. Начал укладывать основную коллекцию боспорских царских монет, отделяя дублеты и экземпляры плохой сохранности. Днем была Валя, приносила свою умершую собачку Тавфи, о которой очень горюет; закопали ее в нашем саду. Распростился с Г.Л. Малицким, уезжающим за границу. Н.М. Гайдуков уехал в Минск. К 7 ½ ч. поехал в Исторический музей на заседание Академии истории материальной культуры; читал М.М. Богословский о культурных новшествах Петра в 1699–1700 гг. Докладчик подробно остановился на мерах к образованию, на печатании книг в России и на Западе. Слушал с интересом, народу было порядочно, окончилось около 10 ч. Дома нашел Танюшу, вчера приехавшую из Рыбной дачи, посидел с нею с час; привезла с собой Агнию, а Маша с детьми приедет в конце месяца.

15 (2) сентября. +7°. День рождения Нади. Утром зашел к Старовой в Лобковский переулок посмотреть предложенные Музею 2 картины: «Восшествие на престол Павла» (аллегория) и «Прием Екатериной II татарских послов»; оказались дрянными. К 11 ч. отправился в Оружейную палату; Дм.Дм-чу сделали операцию: вырезали ноготь на ноге; операция была мучительная, без хлороформа, но он вынес, за что, как он сказал, его хирург похвалил. В Оружейную палату пришел некий Сауров из Госторга, принес пару золотых серег, которые предлагаются продать за границу за 10 000 р.; по предложению Дм. Дм-ча мы высказались: я сказал, что признаю их подделанными под антик, изображены амуры, у одного свирель, у другого сосуд, работа очень хорошая; недостаток их: они слишком массивны для

антика, выражение лиц амуров не имеет той прелести, которая свойственна антикам. Внешний признак – налет на золоте, который часто видим на предмете, пролежавшем 2000 лет в земле, – отсутствует. Д.Д., Клейн и прочие высказались в том же духе. Д.Д., по просьбе Саурова, изложил наше мнение письменно, под которым все подписались. Заседание Ученого совета Оружейной палаты было посвящено вопросу о напечатании 2-го выпуска «Словаря» Троицкого. Я не досидел до окончания заседания, спешил купить кое-что для Мытищ. Пообедав дома, с поездом в 4 ч. 15 м. поехал к Наде. В Мытищах нанял извозчика на водокачку за 1 р.; проезжая селом, вижу пожарный обоз и пожарных, поливающих что-то, я думал – пожар, но оказалось, пожарные пробовали напор воды из колодца; возница крикнул не направлять струи в нашу сторону, но пьяные пожарные со смехом направили струю на нас, окатив возницу, меня и пешеходов. Подъезжая к водокачке, встретил у мостика Надю, Валю, Нину, Лялю и Зорю. Пришлось у Нади в кухне повесить над плитой мокрые пальто, фуражку, перчатки. Надя была вне себя от негодования. Новорожденная испекла ореховый пирог, который ели за чаем; после чая я вымылся в ванне. Около 6 приехали из Москвы Жорж и Пав. Ник.; до 11 ½ ч. мы беседовали, затем дамы и мужчины сели играть в безик, а я лег спать. Вечером шел дождь.

16 (3) сентября. +11°. Воскресенье. Отлично выспался, встал в 7 ч., почитал кое-что из Шиллера и просмотрел рисунки издания «Вселенная и человечество», 5 том. В 3 ч. уехал с Ниной и с мальчиком Юрой на вокзал, Нина поехала в Тайнинку, я в Москву. Дома нашел Е.М. Придика, приехавшего около 12 из Петербурга и сегодня уезжавшего в Керчь по командировке осмотреть находки керамических надписей; его жена покормила. В 6 ½ он ушел на вокзал. Вечером пришли Сережа с Юзей, сидели до 9 ч.

17 (4) сентября. +8°. Дождь. Разбирал монеты до Котиса I. К вечеру погода разгулялась. Заходила Маня Гусева, рассказала, что Миша Езучевский лежал в клиниках, сегодня его перевезли домой; у него расширение сердца.

18 (5) сентября. +8°. Крики и ругань в квартире Мусаткиных не давали мне вчера долго заснуть. Утром в Музее был ревизор от РКИ, у меня он пробыл с ½ часа, знакомился с характером записей поступающих предметов. Матвеев говорил с клубом Муни, заведующий которого сообщил, что в хламе у них нашлась сабля, которую готовы отдать Музею; предложили сходить мне; я пошел на Неглинный проезд, д. № 13, где в подвальном грязном помещении находится клуб; предъявив им письмо за подписью Лепешинского, получил саблю, на ней золотой насечкой сделано изображение Божией Матери, под нею 1685 г. и греческая надпись, смысл которой музейские классики не могли понять. После занятий съездил к Танюше, сказал ей, когда может к нам приехать. Сегодня в Музее собрание по поводу подписки на заем; мне предложили подписаться на месячный оклад, т.е. на 180 р., но я сказал, что более, как на 50 р. с рассрочкой на 10 месяцев подписаться не могу. Из газет узнал, что начальником Главнауки вместо Петрова назначен Лядов[45].

19 (6) сентября. +7°. Приехал А.Н. Зограф, вызванный Музеем изящных искусств из Петербурга, чтобы дать отчет в сдаче монет Харко; он очень этим взволнован. Переносили из-под лестницы в особую кладовую, прежде бывшую византийскую рабочую комнату, ящики Военно-исторического музея и Виленского музея. После занятий зашел в Охотный ряд и к «Мюру»

за покупкою хлеба, ½ фунта икры и 1 бутылки вина. К обеду пришел А.Н. Зограф, имел разговор с Абрамом Эфросом относительно сдачи; по-видимому, все кончилось благополучно. В 6 ч. я вышел с А.Н. из дому, он пошел к Блаватскому, я к О.Н. Чижовой, отвез ей паспорт ее сына, который он оставил в Музее, она считала паспорт утерянным, о чем публиковала в газетах. От О.Н. прошел к Мише Езучевскому, он недавно встал с одра болезни и завтра едет на 2 недели в Узкое. Просидел у него часа 2 ½ вместе с Екатериной Васильевной, по-моему, очень неглупой, вели интересный разговор о новейшей мемуарной литературе; в 10 ¼ я ушел, Е.В. меня проводила до **Б**. Слышал, что здоровье А.М. Бардыгина нехорошо, боятся, что он тронулся. В Музее подал заявление правлению, не может ли оно мне платить с 1 октября вместо 180 р. 200 р.

20 (7) сентября. +8°. С 9-часовым поездом поехал в Сергиев, в вагоне встретился с Д.П. Суховым. Приехав, прошли в Музей к А.Н. Свирину; попив чаю и закусив привезенным, спустились к собору. С нами в комнате пила чай киевлянка Полина Аркадьевна Кульженко[46], приехавшая в Москву познакомиться с иконами. Моя задача была осмотреть каменный гроб, обнаруженный при земляных работах у северной стороны Троицкого собора. Гроб был накрыт каменной гладкой плитой, которая развалилась; по удалении осколков мы увидали скелет; я спустился к гробу, перебрал все кости, не нашел ни одного предмета, кроме обрывка кожи у ножных костей, очевидно, остатка от обуви. Гроб решили вытащить для выставки в Музее, что исполнили, но с большим трудом из-за его тяжести. Много умения при вынутии на поверхность земли гроба оказал молодой техник Иван Иванович Новиков. Рядом стоял другой каменный гроб, покрытый плитой, которая, также и самый гроб, от сырости стали разрушаться; внутри находился только костяк, его решили засыпать. Около второго гроба лежала массивная плита с надписью, ее решили поднять, окопали ее, человек 10 или более стали тянуть, но плита разломилась, веревка дважды обрывалась; выемку решили оставить до завтра. Гробов было видно несколько, все это, по-видимому, погребение князей Голицыных XVII в. Ранее найдены в том же месте обломки надгробия, на котором сохранилась фамилия княгини Голицыной, в иночестве Марфы. Заходил в реставрационную мастерскую, посмотрел приготовленные для чистки иконы из Рублевского чина апостола Андрея, св. Иоанна Златоуста и др.; реставратор Баранов[47] очень талантливый, по-видимому, он угадывает, что от иконы следует удалить и что оставить. В мастерской стоит великолепная икона из того же чина апостола Павла. При раскопках познакомился [с] состоящими при Музее лицами, между ними «безбожники». С поездом 7 ч. 54 м. уехал с Суховым в Москву.

21 (8) сентября. +8°. Праздник Рождества Богородицы. Говорил с Лепешинским по поводу прибавки, сказав ему, что если это затруднительно в финансовом отношении, то я откажусь от моей просьбы; Лепешинский ответил, что постарается исполнить ее, назвав меня музейским подвижником. Почти все время пришлось говорить с посетителями, не дававшими заниматься текущим делом. Вечером заходил А.Н. Зограф проститься перед отъездом в Петербург; его тревоги в Музее изящных искусств благополучно разрешились; познакомил меня со своею статьей о портретных изображениях на монетах V–IV вв. до Р.Х. для сборника в честь Вальдгауера.

22 (9) сентября. +12°. Встал в 8 ½ ч. Сегодня мне минуло 73 года; прошел еще один тяжелый год и приблизил меня к могиле. Отправился утром ко вдове оптика Рюмина на углу Покровки и Земляного вала купить оправу к пенсне, но, по предложению этой почтенной дамы, старую оправу тут же починили. От нее прошел к зонточнику Смирнову у Покровских ворот, попросил прикрепить новый наконечник к зонту, что он тут же сделал. Заехал в Охотный ряд, купил яблок, слив, винограду, у «Мюра» конфект для угощения внуков. В 1-м часу позавтракал вареным картофелем с подсоленым сливочным маслом. Пришла Валя с Зорей, подарила отварных грибов опят, заходила поздравить А.Д. Богуславская, подарила ½ бутылки вишневой наливки своего изделия; Таня Кочурина пришла с пирожным, Лёля с тянушками. Здоровье Лёли неважно, страдает желудком. У меня недомогание, чувствую боль в желудке. К обеду пришли: Танюша с Агнией, Надя с Лялей и Митей, Пав. Ник., Василий Арсеньевич; позднее пришла Вера Попова с сыном, было очень шумно; в 8 ½ ч. никого не было. Из Острогожска приехала Ольга Ивановна.

23 (10) сентября. +10°. Воскресенье. У жены ночью и утром были боли в сердце, дважды приняла капли, стало легче. Был у Богоявления [в Дорогомилове], большая часть песнопений Чеснокова, особенно красиво «С нами Бог» (причастный стих), прекрасно исполненный хором Нестерова. С большим удовольствием прочитал «При дворе двух императоров» А.Ф. Тютчевой; значение этих воспоминаний прекрасно выяснено во вступительной статье С.В. Бахрушина. Таких «верноподданных», какою была автор, теперь едва ли можно найти. Заходила С.А. Карзинкина, просила оказать содействие быть сотрудницей в «Советской энциклопедии»; я обещал написать Кузьминскому.

24 (11) сентября. +7°. Многочисленные посетители мешали в Музее заниматься текущей работой. Говорила по телефону из «Узкого» Л.В., она была больна прострелом, в Музей придет 4 или 5 октября. Ездил за жалованьем в Цекубу. Н.П. Лихачев пишет, что подписал последний лист к печати, обещает прислать статью тотчас по ее выходе. Вечером, в 8-м часу, приехали из Мытищ Леон. Ст., Надя и Миша; отец и сын поздравили, погода в Геленджике была прекрасная; сидели до 9 ½ ч.

25 (12) сентября. +9°. 43 года назад сегодня умер отец, царство ему небесное. Утром купил для Музея ¼ фунта чая и 5 фунтов сахарного песку. В Музей явился Г.О. Чириков и один коммунист по фамилии, кажется, Фейт (англичанин), по образованию архитектор, им поручено осмотреть иконы, отобранные для продажи за границу; пришел Грабарь, мы сели в религиозном отделе, и Грабарь сообщил, что правительство, главным образом, Сталин и Микоян, предписали послать за границу самые лучшие иконы, если же Музей пошлет 2-й и 3-й сорт, то к Музеям и хранилищам икон – церквам, монастырям – подойдут вплотную и возьмут все лучшее, тогда полетят такие иконы, как Владимирская, Донская, Оранта и т.п. Такое жестокое распоряжение произвело на Евгения Ивановича и меня тяжелое впечатление; когда Грабарь и др. ушли, то Е.И. Силин заплакал. По совету Грабаря решено не посылать иконы из собраний лиц, живущих за границей: Зубалова, Юсупова и др. Заходил С.Н. Тройницкий проститься перед отъездом за границу; по его словам, относительно продажи картин Эрмитажа

сделаны такие же распоряжения, например из 43 картин Рембрандта хотят взять 15! Мне теперь стало понятно, отчего такое тяжелое настроение у Д.Д. Иванова после покушений на Оружейную палату... Заходил к «Мюру» за чернилами, перьями, мылом. В Музей приходила Евфимия Васильевна Оболенская, сестра жены П.С. Шереметева, с письмом от П.С., в котором просит купить для Музея несколько предметов из тканей; от Евф. Вас. узнал, что его материальное положение плохо, места лишился, средств нет, с его матерью был удар недавно. Днем и вечером был дождь.

26 (13) сентября. +8°. Ветреный холодный день. Занимался боспорскими царскими монетами. На закупочной комиссии присутствовали оба директора, купили 2 предмета у Е.В. Оболенской за 25 р. и античную мелочь у Поповского. Получил от Л.В. из Узкого длинное письмо, описывает быт, здоровье ее поправилось; написал ей ответ. Написал Кузьминскому, не может ли предоставить работу С.А. Карзинкиной в «Советской энциклопедии».

27 (14) сентября. –1°. На крышах иней. Праздник Воздвижения Креста Господня. Вернувшись со службы около 5 ч., нашел жену больною, она стонала от сильной боли в печени, днем ее тошнило желчью; тотчас же послал за Гальперном; выслушав ее, нашел боли от желудка, сказав, что она переела; прописал болеутолительные капли, велел поставить горчичник, очистить желудок. Устал я в Музее порядком; пришлось подниматься в библиотеку, в архив (лифт испорчен). Было заседание общеисторического разряда, читал М.М. Богословский о князе Хилкове, русском после в Швецию в 1700 г.; доклад был не очень интересен. После занятий заехал в Цекубу, послал Л.В-не письмо, оттуда зашел в Гагаринский переулок, д. 14, кв. 19 к Ал.Ив. Шлеину, где осмотрел предложенный к покупке портрет Петра; тип мне известен по гравюре Вортмана 1714 г., но в живописи видел впервые; ценится в 200 р. Боли у жены в печени не прекращаются, несмотря на прием капель, хотя немного дремала; температура днем 35,4°, вечером 37,2°. Приходил Карлуша Шмидт, сидел до 10 ¼ ч.

28 (15) сентября. +2°. Лотушка провела тяжелую ночь, боли в печени и в сердце продолжаются; на взгляд она мне показалась спокойнее, нежели вчера. Придя домой со службы, застал жену в дремоте, у нее сидели Надя и Валя; на мой вопрос о здоровье ответила, что ей лучше. В Музее шла текущая работа, но мое состояние духа было неспокойно. Придя домой, послал за Гальперном; он осмотрел жену, кое-что ему не понравилось, и для предупреждения осложнений (опасается воспалений) назначил целый ряд мер, которые изложил в 6 пунктах. Настроение жены гораздо лучше, ее сильно клонит [в] сон, аппетита нет, температура 37,7°. Вечером пришла к жене приехавшая из Острогожска Ольга Ивановна. Заходил Карлуша.

29 (16) сентября. +3°. Жене, слава Богу, лучше, ночью желудок после приема лакричного порошка подействовал. Получил из Музея от Ю.А. Алмазова записку, извещает о заседании сегодня в «Доме боярина» в 11 ч., вчера он забыл мне сказать; я не поехал, т.к. записку получил в 11 ¼ ч. Утром пришли Валя, Надя. Во 2-м часу поехал в Охотный ряд за ветчиной и за икрой, которую доктор попросил купить жене; со мной поехала Надя прикупить провизии к завтрашним ее именинам. Всюду большие очереди. У Матвеева купил ветчины, в советском магазине ½ фунта икры. Возвращались на автобусе № 9, прождав его 25 минут. Температура у жены 38,8°, послал

за Гальперном. Осмотрев больную, нашел, что ее кишечник полон, хотел принять какие-то энергичные меры, но остановился на простом клистире с глицерином. После ухода доктора поставили жене промывательное. На мой взгляд, жена стала несколько крепче. Температура в 6 ч. 38,8°, в 8 ч. – 38°.

30 (17) сентября. +5°. Воскресенье. День именин Нади, Веры. Жена утром спокойно спала, проснувшись, сказала, что чувствует себя лучше. Температура 37,5°. Был за литургией у Богоявления, прекрасно было спето красивое «Верую» Кастальского, торжественно звучало «Хвалите Господа» Чеснокова (причастный стих). Вернувшись, нашел жену бодрою, она выпила с ½ чашки бульона; я обедал, чай пил у ее кровати. Заходила Таня Кочурина. Вечером ставили клизму; температура 38,4°. У Лотушки был бред, говорила мне, что сейчас читала книгу Рубинштейна и делала заметки. Потом говорила мне, что у нее вынули из живота кишки и положили в столовой на печку. Несмотря на такое состояние, у нее появился аппетит, выпила чаю и съела сухарь, макая в чай. Заходила: А.Д. Богуславская и О.И. Зауер, но я их не пустил к жене.

Октябрь 1928 г.

1 октября (18 сентября). +5°. В начале 6-го часа меня разбудила Анюта, жена всю ночь страдала от болей в сердце, вид ее был страдальческий, она слабым голосом сказала, что боли были сильные. В 6 ч. я послал за Гальперном, в 7 он пришел, осмотрел и сказал, что положение серьезно, и желал бы пригласить другого врача; ум хорошо, а 2 лучше, сказал он. Пригласили фельдшерицу, температура 38,4°. Я должен был съездить в Музей и сказать, что по болезни жены останусь дома. Лепешинский отнесся сочувственно. Из Музея заехал к Танюше. Днем положение жены было неопределенно; пришли все дочери, взрослые внуки, приехала Адель Шмидт. В 2 ч. вторично пришла фельдшерица, попробовала пульс, который стал крепче, нежели утром; после принятия салола сильно прослабило, и жена уснула спокойно, но температура была почти прежняя (38,3°). Когда я сидел во время обеда у кровати один, Лотушка перекрестилась и сказала: «Мне, слава Богу, лучше». Около 10 приехали врачи: Гальперн и приглашенный ассистент Плетнева Митрофан Михайлович Панченко; поставили такой диагноз: у больной начинался заворот кишок, который стал разрешаться, но опасность еще не миновала, необходимо продолжать еще более сильные меры лечения (высокая клизма, впрыскивание атропина). Все это к 12 часам ночи было исполнено; самочувствие у жены хорошее. Все время ее болезни Анюта, как дочь, трогательно относилась к ней с любовью, с нежностью и без малейшего ропота. Весь день лил дождь.

2 октября (19 сентября). +5°. Утром заходил Гальперн, осмотрел жену, написал распоряжение для фельдшерицы, которая вечером пришла. Температура 37,7°. В течение дня и вечером жена 3–4 раза ходила в подкладное судно, жаловалась на боли в мышцах ног и рук. В 11 ч. поехал в Музей. Приехала из Узкого Л.В. Все, включая Лепешинского, справлялись о здоровье больной. В 2 ч. я ушел, купил туалетного уксусу, одеколона и т.п. для освежения воздуха в комнате жены. Заходили все дети, приезжал

Леон. Ст. Приехал из Керчи, проездом в Петербург, Придик; я извинился, что не могу с ним быть, он уехал на Николаевский вокзал. Явился инспектор из финансового отдела и требовал с меня деньги за квартиру, я сказал, что плачу домовому управлению, он же с угрозою сказал, что если в 3 дня не заплачу, то явится с милицией описывать. В 11 ч. фельдшерица ставила высокую клизму.

3 октября (20 сентября). +3°. Жена чувствовала себя утром бодрее. Часов в 8 пришел Гальперн, смерил температуру – 36,6°. Жена попросила прочесть ей 14-ю главу Евангелия Иоанна, которую она очень любит, я прочитал. К 12 ч. приехал в Музей, немного занялся разбором боспорских монет; прошел в религиозный отдел, где с Е.И. Силиным наметили 30 или более икон для продажи за границу. В 2 ч. уехал. Дома нашел Надю с Валей. Обедал около Лотушки, она поела бульону и яблочного киселя; температура повысилась до 37,7°. Я долго сидел у ее постели, она заснула и бредила. Приехала Танюша, мы с нею пили чай около постели больной. Смерили в 8 ч. температуру – 38°. В Музее третьего дня взял ссуду в *125 р. на 4 месяца.*

4 октября (21 сентября). +2°. После промывательного впервые появилось твердое кало, температура 36,8°. Был утром Гальперн, велел продолжать лечение высокою клизмой. Самочувствие Лотушки удовлетворительное, прочитал ей 15-ю главу Евангелия Иоанна. Топил печь. В Музей приехал в 11 ч., успел немного заняться текущей работой. Л.В. составляет отчет за текущий год (с 1 октября 27 г. до 1 октября 28 г.). Был в Музее Ю.А. Олсуфьев, сказавший, что он реабилитирован во всех преступлениях, в которых его обвиняли в прессе (воровство из музея); все это устроила следовательская власть, а не ГПУ, как думали; по его словам, оправдание произошло благодаря ГПУ. Ю.А. просил зарегистрировать Музеем все его коллекции, что Протасов обещал исполнить. Ушел около 3-х со службы вместе с Л.В., хотел купить Лотушке туфли теплые, но у «Мюра» не нашел. Обедал я с Л.В. у меня в комнате, остальные в столовой. Здоровье жены, по-видимому, улучшается; вечером она сидела в кресле.

5 октября (22 сентября). +5°. Утром заходил Гальперн, остался состоянием жены доволен, отменил впрыскивание камфары. В Музее почти все время возился с разбором монет Савромата I, которых очень много. Приходил Ю.А. Олсуфьев; говорил со мною относительно поступления его в Исторический музей в отдел религиозного быта, я ему рекомендовал подать прошение на поступление в отдел государственного быта; обещал по этому делу зайти в понедельник. В 3 ч. лил сильный дождь, выжидал минут 15, пока не пройдет, в музейской раздевальной комнате в сообществе сослуживцев. Приехав домой, нашел жену в бодром состоянии, температура 37,3°. Читал «Дневники» С.А. Толстой; что за ужасная жизнь была в этой семье, но я не понимаю, как мог Толстой целые годы жить с С.А. ...Какой-то осадок остался во мне после чтения. Все-таки жестоко печатать о многих лицах, которые еще живы.

6 октября (23 сентября). +1°. Ясный холодный день. Утром зашел Гальперн, остался очень доволен состоянием больной, отменил клизмы, но велел принять усиленную дозу лакричного порошка (1 ложку столовую); днем прием подействовал 4 раза. С фельдшерицей рассчитались (20 р.) Температура утром 36,5°, вечером 36,9°. К 11 ч. поехал в Оружейную палату

на заседание Ученого совета; главная тема была: 5-летний план; комедию составления плана проделали; после заседания я рассказал Д.Д-чу о нашем заседании с Грабарем. Видел фотографии с вазы и других предметов из Курской губернии, сделаны Александровым прекрасно; очень хорошо сняты фотографии с предметов, снятых к статьям в «Сборнике» Палаты. Н.Н. Померанцев пригласил меня осмотреть работы по открытию комнат, лестниц в старом помещении Дворца около Золотой палаты, теремов; очень интересно. Дома нашел много народу, были все дети; пришел Леон. Ст., Нина, все обедали; в 8-м часу все ушли.

7 октября (24 сентября). +2°. Воскресенье. Был за литургией в храме Богоявления. Здоровье Лотушки улучшается, сегодня долго сидела в кресле, кушала бульон, судак заливной; к обеду пришла Л.В., обедали в комнате жены, Л.В. все время с ней говорила, ушла около 5 часов. Заходил на короткое время Ал. Андр. Утром написал Л.А. Мацулевичу о находке в Курской губернии обломка ведра или сосуда из бронзы и золотого винтика от браслеты, которые я вчера видел в Оружейной палате. Вечером пришел К.В. Крашенинников, заходил на 5 минут к жене, остальное время сидел у меня; беседа с ним интересна; между прочим, он рассказал о своем посещении Д.Д. Иванова, который поразил его своим растерянным видом и мрачным настроением духа.

8 октября (25 сентября). +3°. Здоровье Лотушки как утром, так и к вечеру было хорошо, она вставала с постели и сидела во время обеда с нами (Адель Шмидт и я); я ей купил зернистой икры. В нашем круге волнение: в «Вечерней Москве» напечатана гнусная статья «Группа контрреволюционных дворян в Ленинской библиотеке»; в ней поставлен вопрос о чистке личного состава в библиотеке; в числе 9 поименованных лиц прочел имя Ю.В. Готье. Как мне кажется, Лепешинский не очень этому сочувствует; когда я сегодня вручил ему заявление о желании Ю.А. Олсуфьева поступить в Исторический музей, то Л. сказал: «Пусть немного подождет, при теперешнем настроении и направлении это едва ли удастся». Заходил А.И. Соболевский, подарил мне поднесенный ему сборник статей его учеников и почитателей. В Музее разбирал монеты Савромата I и Котиса II. После обеда пришел Карлуша Шмидт с женой, побеседовал с ним, он неглупый человек. Заходил на ¼ часа Гальперн навестить свою пациентку, которою остался очень доволен.

9 октября (26 сентября). +7°. Здоровье Лотушки утром и вечером было хорошо. Виделся в Музее с Ю.В. Готье, рассказавшим мне, что вчера в газете ошибкою напечатали его имя, следовало Е.В. Герье[48], уже с 1 августа ушедшей из Ленинской библиотеки; это меня очень обрадовало, жаль было бы Юрия Владимировича. Заходил в Музей А.В. Сосновский, сильно похудевший; он был болен малярией, лежал 6 дней в больнице, лечил его доктор Н.Н. Орешников. Занимался боспорскими монетами, кончил Евпатором. Сегодня память И.Е. Забелину (день его именин), царство ему небесное.

10 октября (27 сентября). +7°. Здоровье жены становится крепче, обедала с нами (Адель, Надюша и я) вместе. В Музее шла текущая работа, была закупочная комиссия, приобрели, главным образом, матерчатое – подзор к простыням, коймы фабрики Колокольцова[49]. Днем навещали жену Валя, Надя.

11 октября (28 сентября). +5°. Жена, слава Богу, крепнет; когда я в 5-м часу приехал домой, она пришла в мою комнату. В Музее почти все время разбирал монеты Савромата II. Вчера и сегодня заходил А.В. Сосновский, приносил 4 иконы Ивана Викуловича Морозова[50] для оценки. Вернулся Ю.М. Соколов из-за границы; должен был ранее вернуться вследствие телеграммы Матвеева с угрозой увольнения, если к известному сроку не возвратится. Послал Квашонкину его пломбы: его оценка в 100 р. очень высока. В 8 ч. пришел А.В. Сосновский, я ему отдал мои обе золотые медали (Московского археологического общества и академическую за разбор труда И.И. Толстого) продать; сидел до 10 ½ ч., беседовали, закусили, пили чай; дал ему продать [мое] собрание монет доцарских и собрание бумажных денег С.И. Чижова.

12 октября (29 сентября). +5°. Здоровье Лотушки хорошо, но по временам является слабость. В Музее шла текущая работа. Получил от В.А. Никольского письмо из Саратова, где он поселился с Анной Николаевной в домике-избушке Н.И. Смирнова (первого мужа Веры). После занятий купил колбасы на завтра и взял у «Мюра» билет в Сергиево.

13 октября (30 сентября). +6°. Дождь. С Ярославским поездом в 8 ч. 30 м. отправился в Сергиево; только там встретился с В.Ф. Ржигой. В том же поезде приехали 4 дамы из Музея. В Музее встретил нас А.Н. Свирин, я попросил его отпереть церковь Св. Духа, ради посещения которой и поехал В.Ф.; там похоронен Максим Грек, и его интересовало надгробие с надписью. Церковь Св. Духа заколочена, в ней теперь склад предметов из Вифании и др. мест, а притвор, где было надгробие над могилой Максима Грека, обращен в клуб, стоят столы с журналами теперешнего направления, между ними «Безбожник», на столах – портреты коммунистических деятелей. Деревянное надгробие (новое) теперь уже не существует, лежит плита с надписью сильно загрязненною; я попросил воды и щетку, которою смыли грязь, и обнаружилась надпись, которую стал читать Вячеслав Федорович. К великому удивлению, надпись показала, что под плитою похоронен князь Андрей Иванович Ряполовский, умерший в 7079 г.!! Месяца не могли прочесть, поэтому год от Р.Х. приходится на 1571 или 1570 г. Из церкви св. Духа прошли на выставку XIV–XV столетия, но, как я заметил, музейские дамы к выставленным сокровищам остались равнодушны. Закусив колбасой с чаем в отведенной нам комнате, отправились взглянуть на «Троицу» Рублева, затем бегло осмотрели собор, музей, где мы покинули дам и с поездом в 3 ч. 30 м. уехали в Москву. А.Н. Свирин дал мне мой портрет, снятый Пендрие, тамошним фотографом, во время поездки 20 (7) сентября в Сергиеве для вскрытия найденных гробов около собора. Дома застал жену в добром здоровье. Лёля сегодня играет, поэтому пришло народу (артисты); все сидели и закусывали помидорами; я поел супу и яичницы. Погода дождливая.

14 (1) октября. +4°. Воскресенье. Праздник Покрова. Топил печь. Позавтракав, в 1-м часу поехал навестить князя в Новодевичий монастырь, он был тронут до слез моим приездом, его никто из музейских не посещает; угостил меня чаем. Выйдя из его кельи, надумал осмотреть собор и музей, случайно встретил Д.П. Сухова и вместе с ним осмотрели музей, устроенный в трапезной церкви; он количеством невелик, но много первоклассных предметов; особенно на меня произвели впечатление: опашень царевны

Софьи, кое-что из ее хоромной посуды, целый ряд религиозных вещей в лежачих витринах, лицевые рукописи. Из музея прошли в собор, обращенный в памятник XVI в. Его фрески 1590 г. по сюжетам (акафист Богоматери) очень интересны; гробницы Софьи и жены Петра Евдокии навели меня на раздумье о судьбе погребенных. Как хороша архитектура собора! Заехал в Охотный ряд за яблоками и виноградом. Дома нашел Танюшу с Агнией и Людмилу Вячеславовну; сели обедать, рассказал о вчерашней поездке к Троице и про музей Новодевичьего монастыря. После обеда пришла М.В. Пичета. Разговоры вели о современном нашем печальном экономическом положении и т.п. В 6 ¼ Таня и Л.В. ушли, около 8-ми ушла М.В. Пичета.

15 (2) октября. +3°. Все время в Музее писал счета и регистрировал новые поступления. Получил от Н.П. Лихачева его новый труд «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», вып. 1-й. Британский музей прислал оттиск из «Numismatic Chronicle» со статьей Hill'a «Greek coins acquired by the British Museum in 1927»; в статье издан статер Фарзоя из собрания великого князя Александра Михайловича. После занятий заходил к «Мюру», купил жене уксуса для освежения ее комнаты. Судя по здешним газетам, в Копенгагене скончалась вдовствующая императрица Мария Федоровна.

16 (3) октября. +1°. Разбирал монеты, кончил всю серию Савромата II, принялся за следующих царей. В Музее волнение: заболела сотрудница Е.Н. Басова, только что вернувшаяся из Азии с берегов Каспийского моря; болезнь ее – зараза рыбьим ядом; положение, говорят, безнадежно, жаль ее, хороший человек. После занятий ездил с М.И. Фабрикантом на Пречистенку к Шлеину, смотрели портрет Петра, который Фабриканту не понравился. По дороге домой в Грузинском переулке встретил Ивана Гавриловича Чинарева, с которым в 21–22 гг. был в Комиссии по экспертизе царских вещей, вспомнили старину. В Музей заходили Д.П. Сухов и Н.Н. Померанцев, им я показывал остатки дворца Ивана III, давно привезенные из Кремля. В нашей бывшей столовой управление уничтожило плиту, на месте которой воздвигнут калорифер цилиндрической формы, облицованный железом; сегодня новую печь истопили.

17 (4) октября. –2°. Вчера в 4 ½ ч. умерла Евгения Николаевна Басова в Староекатерининской больнице; в это время приехала Л.В. навестить больную; умерла без сознания. Царство ей небесное, жаль ее, хороший была человек; все музейские ее очень жалеют. Занимался текущим делом, после 3-х был у «Мюра» с Л.В., купил хлеба и немного сладкого, оттуда отправились обедать в Цекубу, дома не готовили по случаю уборки после постановки печи. Из Цекубу Л.В. меня проводила до трамвая **Б** на Зубовском бульваре, а сама пошла к сестре, там живущей. В Музей заходил А.В. Сосновский с дочерью Л.М. Савелова; вручил мне 110 р. за проданную академическую медаль; дочь Савелова спрашивала, не остались ли в Музее вещи ее отца, который живет в Афинах в бедности. В понедельник он заплатил мне 205 р. за медаль Археологического общества, я немедленно расплатился с кассой взаимопомощи (125 р.).

18 (5) октября. 0°. Почти всю ночь не спал от сильной боли в левой ноге, которая начала болеть вчера утром. Купил в Охотном ряду 5 груш и винограду, которыми угостил моих музейских дам. Л.В. подарила мне галстух, а Н.А. кусок мыла, шоколаду и 2 яблока. Все время сидел и разбирал

монеты, нога не переставала болеть. В «Известиях» напечатано объявление о смерти Е.Н. Басовой. На моих именинах никого не было, жена просила детей не приезжать; вечером на 1час зашла Маня Гусева, сидела у меня.

19 (6) октября. –1°. На ночь принял аспирина (0,3), спал, боли стали меньше, но еще не прошли. В 9-м часу отправился в храм св. Пимена на Селезневской улице поклониться телу умершей Евгении Николаевне. Гроб уже стоял в церкви. Скоро началась литургия, пели недурные певчие, пришло много музейских; после чтения Евангелия я ушел. Мои сотрудницы пришли около 1 часу: провожали тело на Миусское кладбище. В Музее занимался текущей работой, от которой отвлекали многочисленные посетители, между прочим, зашел Виктор Ал. Петров (из старых военных), затем П.П. Ефименко. Адель Шмидт уехала домой. Из Мытищ приехала Надюша, позднее Леон. Ст., поднесли мне кекс, обедали, в 7 ч. уехали в Мытищи. Около 8-ми пришел А.В. Сосновский, беседовали с ним до начала 1-го часа за бутылкой бургонского старого (Chambertin).

20 (7) октября. – 2°. Принимал на ночь аспирин, боли уменьшаются, но не совсем. К 11 ч. поехал в Оружейную палату на заседание Ученого совета, главная тема была о 2-м выпуске «Сборника», о его содержании; разбирали вопрос, печатать ли статью Мацулевича отдельно или в «Сборнике» с прочими, Д.Д. стоял за последнее, я также, но Н.Н. Померанцев настаивал выпустить ее отдельно и в большем формате. Я ушел до окончания заседания; купил в Охотном ряду груш и винограду для Л.И. Вороновой. К 4-м часам из дому поехал к Вороновым, дорогою зашел в магазин купить кофе, которого, также чаю, нет. Входя во двор квартиры Вороновых, встретился с Л.В.; встретил нас Василий Сергеевич и мой крестник, он очень вырос и развился (ему пошел 5-й год), тотчас стал меня занимать; пришла Лидия Ивановна, сели обедать, вкусно ели (закусили грибами, шпротами, выпили водки; 1-е блюдо суп с брюссельской капустой, после паштет), крестник сидел за отдельным столом. Вели беседу, Вас. Серг. прочитал 2 отрывка из своего дневника, относящиеся к 1917 г. В начале 8-го я и Л.В. ушли, она поехала к Танюше, я домой.

21 (8) октября. 0°. Воскресенье. День смерти матери, царство ей небесное. Мокрый снег. Топил печь. Около 2-х зашел А.А. Карзинкин, попил чаю, закусил сыру. Прочитал в «Вопросах реставрации» содержательную статью Грабаря о Мадонне del Popolo или di Loreto, находящейся в здешнем Музее изящных искусств. Автор статьи считает картину подлинным произведением Рафаэля, написанным в 1509 г. Из существующих Мадонн этого типа самая старая Нижне-Тагильская. У жены сделался озноб, я ей предложил перейти в мою комнату; несмотря на температуру 19 ½ градусов, она не могла согреться. Навещали ее Таня Кочурина, которая с нами поела рыбы за обедом; часу в 5-м пришла Танюша, пили с нами чай, после пришла О.И. Зауер, также сидела у меня. У меня нога болит, принял аспирину. В 9 ч. жена с трудом перешла из моей комнаты до своей кровати, к ногам поставили грелку, я смерил температуру: 38,5°.

22 (9) октября. +1°. Смерил температуру у жены в 6 ½ ч.: 37,5°. Когда я пришел со службы домой, она сидела, читала и обедала со мной, сказала, что чувствует себя хорошо. В Музее все время разбирал монеты. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, где я купил бидон для керосина на

20 литров (2 р. 2 к.), а Л.В. металлическое корытце для мытья посуды (1 р. 1 к.). Получил от Верочки поздравление ко дню именин. К 7 ч. пошел к А.В. Сосновскому (Казарменный переулок, д. 3, кв. 1), в этой квартире живет его 2-я жена (он с первой разошелся) Алла Степановна Федорова с 10-летним сыном Жоржиком; она мне очень понравилась своею естественностью, мальчик очень простой и милый. Мы осмотрели монеты О.Н. Чижовой. Выпили чаю, выпили бутылку бургонского (Романне), закусывая сыром, омарами. В 11 ч. я ушел, он меня проводил до ворот дома.

23 (10) октября. +3°. В Музее в моей комнате мыли и вставляли оба окна, сидеть было рискованно, поэтому я уехал за академическим обеспечением в Цекубу, но выдачи не было; зашел к О.Н. Чижовой, чтобы ей отдать 150 р. за проданные старые ассигнации, встретил ее на лестнице ее квартиры; войдя в комнату, вручил ей червонцы, она была потрясена, вынула из кармана подарок ее покойного мужа – золотой медальон с мелкими бриллиантами и другими каменьями, она его несла продавать; радости ее не было границ. Музей получил из Праги «Сборник», посвященный памяти Я.И. Смирнова; в нем напечатана моя статья «Перстень св. Алексея Митрополита» и критическая заметка о статье Бауэра. В Музее с 1 часу до 2 ¼ был в кладовой, куда привезено 9 ящиков с вещами из Госфонда; среди предметов не в ящиках привезено кресло Перекусихиной. Прочитал в «Сборнике» статью С.А. Жебелева о Я.И. Смирнове, многое можно было бы сказать еще о Якове Ивановиче как о человеке. Начал было читать «автобиографию» Спицына, да бросил…

24 (11) октября. +3°. Вчера вечером, в 10-м часу я только что заснул, как был разбужен бабьими криками, раздававшимися из коридора, я вышел в комнату жены, которая очень испугалась, думая, что бьют прислугу Анюту; оказалось, что дрались Балашова и Наташа, из-за чего – не знаю. Вот условия, в которые мы поставлены советской властью. В Музее с 11 до 3-х шло заседание Ученого совета, разбирался 5-летний план работ; Милонов говорил, что и как должен Музей издавать. Впечатление вынес тяжелое.

25 (12) октября. +4°. Дождь. С утра поехал с Анютой в магазин бывший Елисеева (ныне «Коммунар»), где по членской книжке «Коммунара» получили пачку ядрицы за 22 копейки (в других магазинах на дают). Пешком дошел до Музея, разболелась левая нога и болела весь день; так что в Музее с трудом ходил. Слышал, что тетка А.М. Бардыгина была с ним на свидании, он здоров, даже пополнел, но бледен; его дело будет пересматриваться, дай Бог, чтобы его освободили; остальные обвинявшиеся (кто – не знаю) сосланы в Соловки, в Сибирь. После 3-х поехал на Никитскую в парикмахерскую, побрился и остригся. Дома нашел Надюшу, Наташу, Митю и Лялю, все обедали, в 6 ч. уехали в Мытищи. Получил от Г.Л. Малицкого из Мюнхена письмо. Н.П. Лихачев прислал другой экземпляр своих «Материалов для сфрагистики» для поправок и дополнений. Вечером сильно болят левый бок и ноги, в 8 ½ ч. лег, приняв аспирина.

26 (13) октября. +5°. Всю ночь болела левая нога; не воспаление ли седалищного нерва у меня? В Музее занимался текущим делом (монетами). В 11 ч. поехал в Цекубу, где получил жалованье (60 р.), при возвращении на трамвае доехал до Пречистенских ворот, где нас попросили выйти по случаю какой-то аварии на линии, действительно, на углу Воздвиженки и Моховой

вагон линии Г опустился в землю с рельсами. Путешествие пешком при боли в ноге меня очень утомило. Слышал, что у правительства сильный поворот влево, особенно в антирелигиозном направлении.

27 (14) октября. +5°. Весь день чувствую недомогание, боль в левой ноге. Написал письма в Париж и Н.П. Лихачеву. Читал «Материалы» Лихачева. Пришли Валечка с дочерью и внуком. Вымыл свои ноги. Боль продолжалась. Часу в 9-м пришел А.В. Сосновский, за бутылкой Chambertin вели беседу и сговорились в цене за коллекцию монет С.И. Чижова. В 11 часов А.В. ушел.

28 (15) октября. +5°. Воскресенье. Провел мирно весь день: читал «Материалы» Н.П. Лихачева, раскладывал пасьянс. К 2 ч. пришла Л.В., обедала. В 7-м часу пришел А.А. Спицын с сыном Михаилом 28 лет, очень симпатичным молодым человеком, сидели с час. В 7 ¼ ч. никого не было.

29 (16) октября. +4°. Весь день разбирал боспорские царские монеты. Левая нога все время болела. Вечером не мог долго сидеть от боли, принял аспирина и лег.

30 (17) октября. +5°. В Музей заходил С.Д. Самарин[51], предлагал купить фарфоровую чашку с блюдцем XVIII столетия, я ему рекомендовал продать в магазин Госторга, т.к. у нас могут не купить или дешево оценят. Была Наталья Даниловна [Рудницкая-Моргунова] из музея Донского монастыря, просила показать ей орнаментацию стен Исторического музея, также потолков, дверей, что я сделал; порядком устал. Доканчиваю разбор [монет] последних боспорских царей, которых довольно много, теперь буду раскладывать их по годам. Получил по почте из Праги 2-й выпуск «Сборника», посвященного памяти Я.И. Смирнова; пошлины взяли 1 р. 68 к. В нашем домоуправлении я подписался на *второй* Государственный заем индустриализации, внеся сразу 25 р., сегодня получил *беспроцентно-выигрышную* облигацию № 25. Серия № 0074392. Разряд I.

31 (18) октября. +5°. Хотел купить чаю или кофе, ни того, ни другого в государственных магазинах (госуправление) не нашел. В Музее разбирал иностранные медали и немного занимался боспорскими. Заходил Ю.А. Олсуфьев, приехавший из Дмитрова, с похвалой отзывается о вещах тамошнего музея.

Ноябрь 1928 г.

1 ноября (19 октября). +3°. В Музее по телефону мне сообщили, что заболел Вячеслав Степанович Муралевич; после службы я навестил его; с ним вчера около 6 ч. вечера сделался сердечный припадок, длившийся 1 ч. 40 м. с обмороком, сегодня ему лучше; я ему советовал не приходить в Музей несколько дней. К.В. Сивков, заведующий нашими филиалами, рассказал мне о поездке в Пафнутьевский монастырь, где, по его словам, многих вещей недостает, в числе их все серебро, назначенное в переливку, запаковано, зашито в рогозу и увезено Струве, который теперь в Крыму. «Дело пахнет уголовщиной», – сказал Сивков. Продолжал разбор боспорских монет. После занятий ходил к «Мюру», купил кофе-мокко (вероятно, суррогат), принадлежности для электрической лампочки, которую хочу повесить в своей комнате. Приехал из Мытищ Митя, скопировал для меня родовые знаки, обедал, в 6 ½ ч. уехал.

2 ноября (20 октября). +3°. В Музее от К.В. Сивкова узнал, что дело о Струве передано в ГПУ. Продолжаю разбирать боспорские монеты; сегодня докончил Фофорса, остается Радамсадий и последний Рискупорид. Сегодня должна была к нам прийти обедать О.И. Попова, но заболела, я и Л.В. вместо нее пригласили Л.И. Воронову, мою куму, которая с радостью согласилась, и мы втроем приехали; обедали, настроение Л.И. было, по-видимому, очень хорошее; в 7 ½ ч. обе гостьи ушли.

3 ноября (21 октября). +5°. Послал утром Придику поздравительную телеграмму по случаю 30-летия его ученой деятельности, зашел в Музей, получил жалованье; к 11 ч. пошел в Оружейную палату на заседание; вопросы разбирались ничтожные, не стоило приходить. Узнал, что продажа за границу музейных редкостей приостановлена, но зато надвигается другая туча: Главнаука хочет переделать музеи, т.к. старые традиции никуда, по ее мнению, не годятся. Из Кремля прошел в Охотный ряд, где купил жене яблоков и винограду; лимонов на рынке нет, по словам разносчика, цена лимону возвысилась до 1 р. 50 к. штука. Заходил к жене С.В. Певницкий. Переделан диван в комнате жены Алексеевым Леонидом Николаевичем, жильцом нашего дома, коммунистом, очень хорошим человеком, за 6 р.; жаль, что он больной: у него рак в желудке.

4 ноября (22 октября). +6°. Воскресенье. Праздник иконы Казанской Божией Матери. На днях я узнал от З.С. Соколовой, что в Алексеевском монастыре собирают подписи по поводу могил; сегодня я отправился туда к литургии и спросил старосту о подписном листе, который и был мне подан, на нем я подписал свое имя и фамилию и адрес, никаких денег не принял, сказал, что подписи собираются для подачи просьбы в ЦИК о сохранении кладбища; стоял с трудом от боли в левой ноге. Сегодня кладбище произвело на меня особенно тяжелое впечатление, много видел свежих изломов крестов… мои могилы пока целы. К вечеру пришла Танюша, сидела до 7 часов, после нее пришла А.Н. Никольская, приехавшая из Саратова на неделю; продала книг на 50 р., во вторник уезжает; рассказала много любопытного про сидения Виктора Александровича в иркутской тюрьме. Ушла в начале 11-го ч.

5 ноября (23 октября). +5°. В Музее была закупочная комиссия, особенно выдающихся вещей не купили. Разбирал монеты Радамсадия, но долго заниматься не мог благодаря сумрачной погоде. Лядов, начальник Главнауки вместо Петрова, ездил к Троице, осматривал тамошний великолепный музей, о котором отозвался: «Пора с ним прикончить» (сообщил Протасов). Сеня Балашов провел мне электрическую лампу на потолок (1 р. 50 к. за работу). Протасов (со слов Матвеева) говорил, что Д.Д. Иванов в субботу на «ячейке» Музея вечером говорил речь, кажется, музейного характера, но с «уклоном». Подарил доктору Гальперну за его бескорыстное отношение ко мне во время лечения жены висевшую в моей комнате копию с картины Рафаэля «Мадонна со щегленком», сделанную бельгийским художником Л. Ченли. Много лет назад я купил ее у покойного антиквара Эдмунда Николаевича Коснерского за 20 р.

6 ноября (24 октября). +2°. Занятия в Музее были до 12 ч.; в половине первого явился Лепешинский и произнес речь на тему о торжестве «грядущего хама» (пролетариата) ввиду завтрашнего празднования у большевиков 11-й годовщины Октября. В полтретьего я был дома. Просмотрел взятую из

библиотеки Музея «Иллюстрированную историю Украины» профессора Грушевского. В 4 ½ ч. пришли внучка Маша и Ю.Д. Цертелев, пили чай, угостил их вином; в 7 ч. ушли, взяв небольшой шкапчик для книг, который я подарил Маше.

7 ноября (25 октября). +4°. Занятий в Музее нет, вся торговля закрыта по случаю празднования большевиками XI годовщины революции. С утра до половины дня разбирал, переносил и укладывал книги по нумизматике, сфрагистике и геральдике в шкапчик, который поставил на место отданного вчера Маше; все переплетенные книги заплеснели, без переплета отсырели. Написал Лихачеву письмо. Часов в 6 заходил некий студент Попов, приносил показать деревянную резную доску, по-видимому, от сундука, века XVII; сказал, что имеет несколько подобных досок; я обещал завтра их осмотреть. В 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, пили чай в обществе его сына, дочери с ее мужем и их годовалой дочери; разговоры были очень скучные; К.Ф. показывал мне издания Бенуа и т.п. увражи, познакомил с карточным каталогом, куда занесены имена художников, картины по художникам etc., etc. Все это была забава взрослого шалуна. Скучно! В 10 ½ ч. ушел домой. Но человек он хороший.

8 ноября (26 октября). +3°. В Музее занятий нет. В 11 ч. пошел в Яковлевский переулок в квартиру Софьи Алексеевны Поповой, сын которой вчера приносил доску; доска была часть какого-то сооружения, может быть, обшивки стен; я посоветовал владелице предложить антиквару Тюнину. С.А. Попова оказалась школьной подругой моих детей, особенно Вали. Тяжелое впечатление произвел на меня ее дом (она летом овдовела), прекрасно отделанный, но приведенный, как и все квартиры, в ужасное состояние. Что наделали большевики! Цену я посоветовал назначить 1000 р. Сегодня пришел один из жильцов, Л.Н. Алексеев, переделать мой матрац, на котором лежать с больной ногой стало трудно. Погода дождливая. Топил печь. К обеду пришла Тамара Николаевна Александрова.

9 ноября (27 октября). +3°. Сумрачный дождливый день, с трудом разбирал монеты, кончил Радамсадия, остался последний Рискупорид. С понедельника будем подготовлять кладовую (где серебро) к заложению обоих окон кирпичом; Л.В. покрыла во всех шкапах серебро бумагою. После занятий заходил к «Мюру», купил лампочек (50 свечей 48 [копеек], в 25 свечей 42 копейки). Дома застал: Надю с Лялей, Наташу и Валю с дочерью; все, кроме Тани Кочуриной, обедали.

10 ноября (28 октября). +3°. Утром ездил в Охотный ряд, купил 2 фунта ветчины, жестянку рыбных консервов (кильки 1 р. 8 к.); народу в Охотном ряду очень много. Около магазина «Мюра» стоит очередь за мануфактурой в несколько сот человек. Из «Материалов» Лихачева сделал выписки тех мест, в которых им сделаны определенные выводы.

11 ноября (29 октября). +5°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления; служили прекрасно; хор любителей под управлением Нестерова прекрасно исполнил выразительное «Верую» Кастальского; «Отче наш» Степанова пел дьякон соло с аккомпанементом хора; мне не очень понравилось; народу было очень много. Дома застал Л.В., которая обедала, ушла в 5 ¼ ч. Вечером пришел К.В. Крашенинников, много говорили о Д.Д. Иванове, с которым он служил в суде; отзывался о нем, как о замечательно умном человеке и талантливом администраторе.

12 ноября (30 октября). +4°. Плохо спал ночь, встал в 5 ½ ч., в 8 ¼ поехал в Музей, где, при помощи 5 служителей, в серебряной кладовой отодвинул от 2-х окон шкапы и ящики. В Музее разбирал монеты последнего Рискупорида. Вдова недавно умершего доктора Соловьева подарила Музею превосходный костяной шкафчик с откидной крышкой, на которой резана по кости картина библейского характера (победа над филистимлянами); внутренность с выдвижными ящиками очень стильна; изделие XVII в. Часу в 4-м порошил снежок. Сегодня было частное солнечное затмение, наиболее сильный момент пришелся на 11 ч. дня.

13 ноября (31 октября). +2°. Занимался в Музее текущим делом. Смотрел в Музее выставку предметов, добытых в поездке по северу России С.К. Просвиркиной, В.С. Вороновым и А.Н. Топорниным, которые и давали объяснения Л.В-не и мне. Выставка носит этнографический характер, очень интересна; по ней можно судить, как туго доходит до тех краев культура; огромное количество вещей, например, кремневое ружье, носит характер отдаленного времени. Обедала у нас внучка Наташа.

14 (1) ноября. +3°. День смерти Лёши, царство ему небесное. Почти все время провел в Музее в хождении и упрашивании Протасова, Корша и т.п. на закупочную комиссию, так и не упросил! Поступил дар Ломоносовой, состоящий из грамот Головкину, современнику Петра, и т.д. В Берлине на аукционе картин наложен запрет владельцев-эмигрантов, скандал всеевропейский!

15 (2) ноября. +5°. Хотел утром купить чаю, в «Чаеуправлении» нет. Почти все время в Музее пробыл в серебряной кладовой, где двое обивали фанерой полки, на которых стоит серебряная посуда и т.п., ввиду предстоящей работы по заложению обоих окон кирпичами. Записал дар В.В. Ломоносовой, состоящий из 12 предметов, в числе их 2 грамоты Петра I на пергамене. Заходил А.Н. Свирин, просится к нам в Музей; сказал, что хочет в церкви Св. Духа поднять те плиты, где, может быть, обнаружится плита над могилой Максима Грека. Приехал из Мытищ внук Митя, привез мне рисунки родовых знаков; обедал у нас. Около 7 ч. поехал к А.В. Сосновскому; побеседовал с ним в обществе его супруги почти до 11 ч.; выпили втроем 1 ½ бутылки красного вина, закусив крабами, ветчиной и сыром. Комнату свою на Поварской он прекрасно отремонтировал. Сын его, Жоржик, симпатичный мальчик 11 лет, тут же сидел и читал «Робинзона Крузое».

16 (3) ноября. +5°. В Музее было заседание (Анисимов, Д.Ф. Богословский, Протасов, Сивков, я, Клейн и еще кто-то), посвященное вопросу реставрации и охраны памятников; выяснилось, что положение этого вопроса самое плачевное; отсутствие рук, средств – главная причина. Шла текущая работа. После занятий поехал к Танюше, свез ей портрет моей матери, затем с нею прошел к сестрам Волковым, старым фрейлинам, и их родственнице Сабуровой (живут в том же владении); одна из Волковых просила меня по телефону приехать посмотреть бюст мраморный умершей Сабуровой, который хотели продать; я сказал, что Музей едва ли купит и советовал обратиться в Музей 40-х гг. с предложением взять его даром. Старые девы довольно любопытны по их взглядам, непохожим на современные; Сабурова уезжает за границу, ГПУ отпустило с условием не возвращаться в Россию (?).

17 (4) ноября. +3°. Дождь ночью. Заехал в Музей получить жалованье. К 11 ч. пошел в «Дом боярина» на заседание Ученого совета; главная тема

заседания была: о новой экспозиции вещей в Оружейной палате. Д.Д. Иванов в витиеватой речи сказал, что, несмотря на лестную похвалу западными учеными Арне и Соломона Палате как музею, «сферы» считают, что экспозиция не соответствует современным требованиям правительства, необходимо все переделать, чтобы все было понятно пролетариату, и он считает, в первую очередь необходимо приступить к переделкам надписей около вещей (этикетаж), о чем все время проговорили и на этом кончили!! Затем говорилось о вопросах административного характера и т.п. После заседания я говорю Д.Д-чу, что я был напуган темой, которой в сущности не коснулись, и вопрос далеко не кончен; из дальнейших слов Д.Д-ча заметно, что он сам не придает значения взгляду правительства. От него же я узнал, что переделка экспозиции должна произойти, кроме Палаты, в Историческом и Политехническом музеях. Из «Дома боярина» прошел к «Мюру», купил мыла и сластей. Вечером попробовал набросать проект статьи о родовых знаках на монетах.

18 (5) ноября. +3°. Воскресенье. Около 10 ч. поехал к литургии в Донской монастырь, застал конец (начиная с «Отче наш»); из храма пошел на кладбище, разыскал могилу Ключевского, которую украсили недавно гранитною плитой; плита безобразна, и, вдобавок, благодаря сырой погоде, надпись невозможно было прочесть, буквы высечены плоско. Со старого кладбища я прошел на новое к крематорию, около которого стояла громадная толпа, ждавшая очереди на осмотр; пускали группами по записи бесплатно, но можно было, заплатив 25 к., пройти, что я и сделал. Насколько снаружи крематорий непривлекателен, настолько приятное впечатление делает внутри. Когда мы собрались около того места, где опускается гроб с телом вниз, нам какой-то интеллигентный молодой человек рассказал о кремации, показал, как пустой гроб поднимается снизу и опускается, провел к колумбарию, где расставлены в нишах урны [с] сожженными костями, рассказал пользу кремации и вред погребения; после спустились вниз к печи, где при температуре в 1000° по Цельсию сжигается труп; сегодня сжигали тело какого-то беспризорного, мы по очереди проходили к оконцу и, быстро взглянув, проходили дальше; можно было рассмотреть только клокочущее пламя; оставалось рассмотреть только устройство низа печи, но я не пошел и отправился домой. Около печи, когда проходили, было довольно жарко... Приехав домой, истопил печь. К вечеру пришла Танюша, пили чай у мамы в комнате, так как у меня очень жарко. Позже пришла Лёля.

19 (6) ноября. +5°. В 11 ч. было заседание закупочной комиссии, многое отклонили, кое-что купили. Сивков сказал мне, что Струве сознался в израсходовании 1000 с чем-то рублей, которые обязуется уплатить в 4 срока. Текущим делом пришлось мало заниматься, поминутно отвлекали. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, купил сыру, оттуда поехали с автобусом домой обедать. После обеда побеседовал с Л.В. о разных научных вопросах, около 7 ½ ч. она ушла.

20 (7) ноября. +5°. В Музее занимался немного текущим делом. В 12 часов началось заседание общеисторического разряда (у М.М. Богословского), читал К.В. Базилевич о быте на Севере по архивным материалам, но я просидел не более часа: был вызываем по делам. Получил от Верочки письмо, пишет, что о болезни мамы узнала только от меня, письма ее сестер ни одно не дошло. Приехав домой, застал Надю, Валю, Зоргаген; Таню Кочурину встретил

дорогой. Слышал в Музее, что в воскресенье ночью музейские комсомольцы забросали грязью Петровского[52] (большая персона во ВЦИК'е) и обругали его жидом; говорят, всех арестовали. К 7 ч. поехал на заседание Общества истории и древностей российских; читал А.И. Соболевский доклад «Новые труды по древнейшей истории России». В докладе А.И. коснулся личного взгляда на центр Руси – Крым, за что от М.К. Любавского и М.М. Богословского ему досталось. Домой приехал в 9 ¼ ч., пили чай с вареньем из айвы варки Л.В-ны, подарившей мне баночку; попробовал этот фрукт впервые. Чай, который подавали сегодня на заседании, был скверного вкуса.

21 (8) ноября. +3°. Докончил сортировку вчерне царских боспорских монет. Пришел В.С. Муралевич и начал разбирать монеты; часа в 2 говорит мне, что ему нездоровится, и он телефонирует жене, чтобы привезла лекарства; через полчаса явилась жена и в грубой форме, не стесняясь меня и служителя в соседней комнате (сотрудниц не было), что она его бросит, если больной будет выходить, и т.д.; В.С. смущенно выслушал крики благоверной супруги и уехал с нею. Боюсь, что этот прекрасный человек серьезно болен. Из газет узнал, что в архиве Горчакова найдены рукописи Пушкина, между ними неизвестная доселе поэма «Монах», которая вскоре будет напечатана. Написал Вере открытое письмо.

22 (9) ноября. –5°. Вчера вечером шел снег. Весь день ясная солнечная погода с легким морозом. Часть дня просидел в серебряной кладовой, в то время как маляр закрашивал оба окна краской (мел с сажей). Получил 40 оттисков статьи «Перстень св. Алексея митрополита»; Л. В-не и Н. А-не дал по экземпляру. В сегодняшних «Известиях» напечатана статья под заглавием: «Клеветнические выступления некоторых ленинградских ученых в эмигрантском издании»; в статье говорится о «Сборнике» в память Я.И. Смирнова, изданном при «Seminarium Kondakovianum», в котором напечатан ряд статей русских ученых и, между прочим, статья С.А. Жебелева, посвященная Я.И. Смирнову, в ней подчеркнуты такие выражения, как названия годов после 1918 г. «годами лихолетья» или «тяжелым десятилетием». Автор статьи пишет, что в кругах секции научных работников выступление С.А. Жебелева вызвало негодование, и многие ученые требуют его исключения из членов Академии наук. В сегодняшнем номере «Вечерней Москвы» напечатан отчет о заседании в Московском бюро Секции научных работников с докладом професора Луппола[53], восставшего против печатания статей русских ученых в эмигрантской печати, и отмечает статью С.А. Жебелева, допустившую целый ряд политических выпадов против Советского Союза. Выслушав доклад Луппола, Московское бюро признало недопустимым для советских ученых участие в эмигрантской печати и осудило поступок ученых; кроме того, признало, что выступление С.А. Жебелева несовместимо со званием действительного члена Академии наук. Думаю, что ни один из авторов «Сборника» не думал о политической стороне своего поступка, т.е. пересылки статьи в редакцию «Seminarium Kondakovianum». Получил от И.Е. Миннза книгу «Catalogue of a loan exhibition of silver plate etc.» с надписью «Дорогому (далее мое имя) от старого друга. Ellis H. Minns», которая меня очень тронула. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», купил жене гребенку.

23 (10 ноября). –6°. Послал утром заказные бандероли со статьею Верочке и Лихачеву. Травля бедного С.А. идет по всему газетному фронту. В Пе-

тербурге в Центральном бюро секции научных работников выступил Марр, окончивший свою речь словами: «Поступок Жебелева должен быть осужден со всею резкостью». Все клонятся к тому, чтобы его исключить из действительных членов Академии наук. После занятий поехал на Никитскую в парикмахерскую, где меня брила молодая девушка. Обедала внучка Нина. Получил из Праги из Seminarium Kondakovianum открытку с запросом, получил ли я 40 оттисков статьи и 5 оттисков рецензии. Сегодня у нас в квартире событие: семья Мусаткиных поменялась квартирой с некоей семьей Рихтера-музыканта, который уже сегодня переехал; я их еще не видал. Соседство Мусаткиных было для нас большим бедствием; какова-то будет сменившая их семья?

24 (11) ноября. –6°. Написал Минннзу письмо. К 11 ч. поехал в Кремль в Оружейную палату, где по телефону от Н.Д. Бартрама узнал, что умер Миша Езучевский. Бедный Миша! Известие это меня поразило. Какой чудесный человек был он. Д.Д. Иванов, узнав о его смерти, сказал мне, что это была кристальная душа и тонкий наблюдатель искусства. Заседание Ученого совета было посвящено вопросу о выставке черни и эмали в верхних этажах «Дома боярина»; из экспонатов я видел панагию из Александро-Невской лавры с изображением Pieta работы Григория Мусикийского (на эмали) и портрет Петра Великого по Карель де Мору[54], тоже на эмали, работы Андрея Овсова; обе эмали подписные. Я ушел около часу, отправился к Елисееву, где купил яблоков для жены и 2 фунта копченой севрюги, которую дома поели и запили чаем (жена, Лёля и я). Дал свою статью: в библиотеку Оружейной палаты и Дм. Д-чу. В «Известиях» напечатано сегодня, что в секцию научных работников передано заявление ученых, участников «Сборника» в память Я.И. Смирнова: Сычева[55], Малицкого Н.В., Спицына, Поспевской (? вероятно, Костецкой), Романова, Тройницкого, Мацулевича, в котором заявляют, что, направляя год назад свои статьи в Прагу, имели в виду почтить память ученого; затем эта группа ученых заявляет, что не была уведомлена о характере отдельных его статей и не учитывала, что в какой-либо из статей могут найти место антисоветские выступления. Если бы они могли предусмотреть возможность каких-либо антисоветских выступлений на страницах сборника, то никто не дал бы туда своих статей. Далее просят снять с них тягостное обвинение в участии в сборнике, содержание какового оказалось явным выпадом против СССР. Далее сообщается о заседании в Академиии истории материальной культуры, где работает Жебелев, на котором было осуждено антисоветское выступление Жебелева. С.А. Жебелев с 15 ноября более не состоит товарищем председателя Академии истории материальной культуры. Бедный Я.И. Смирнов! Если бы он знал, сколько грязи всплыло около его честного имени!

25 (12) ноября. –1°. Воскресенье. Утром чувствовал недомогание. В 12 ч. поехал в квартиру умершего Миши; встретила меня его жена Екатерина Васильевна и провела в комнату, где стоял белый глазетовый гроб с телом Миши; он лежит с улыбкой, на щеках румянец, благодаря формалину, умер он 22 ноября в 3 ч. 20 м. дня, несмотря, что прошло трое суток, запаху ни малейшего, так как тело обложено льдом. В день смерти он сильно страдал от головной боли, которою никогда не страдал. За 1 ½ часа до смерти впал в бессознательное состояние. Он служил в Дарвиновском музее, получал 70 р. в месяц жалованья; директор Котс[56] сказал, что потеря для музея незаменима. Сегод-

ня в 6 ч. будет в квартире парастаз, завтра отпевание у Неопалимой Купины. Утром заходила Валя, в 4-м часу пришла Танюша.

26 (13) ноября. +1°. Получил 5 оттисков «Библиографии», в числе которой мой отзыв о статье Бауера «Древнерусский чекан». В кругу профессоров, академиков много разговоров о советских выступлениях против Жебелева; слышал, якобы Марр говорил не то, что напечатано, можно ли допустить такую мерзость! Занимался разборкой монет Ольвии и Херсонеса. После занятий ходил с Л.В. к «Мюру», где купил частый гребень Лотушке и для дома хлеба, оказавшегося кислым. Обедала внучка Наташа. В сегодняшнем номере «Вечерней Москвы» опубликован список вновь найденных автографов А.С. Пушкина; их семь, в числе которых одно довольно крупное (3 песни 424 строки) «Монах». Находка происходит из архива князя А.М. Горчакова; в том же архиве найдено много писем, относящихся к пушкинскому времени, которые спешно будут изданы Госиздатом, для чего будет избрана комиссия под председательством Фриче[57] (!), состоящая из Сакулина, Цявловского, Щеголева.

27 (14) ноября. +2°. Утром заседала комиссия (Д.Ф. Богословский, Щекотов, Фабрикант, Протасов и я) по реставрации; осматривали около 20-ти миниатюр на кости, лопнувших от сухости воздуха, каждую миниатюру оценили и поставили оценку реставрации; то же проделали с 5-ю портретами. Среди дня занимался монетами, перед окончанием занятий была закупочная комиссия, кое-что купили. После занятий ездил к О.Н. Чижовой, свез ей деньги, вырученные от продажи монет ее покойного мужа. Дома застал Надю и Валю, обе у нас обедали. Познакомился с жильцом, переехавшим в комнату Мусаткиных, Рихтером; на вид приличный немец; специальность его пьянист, дает уроки, играет по вечерам в кино.

28 (15) ноября. +2°. Послал под заказною бандеролью статью В.А. Никольскому в Саратов. Разобрал монеты Херсонеса Византийского и Пантикапея из собрания Румянцевского музея; не оказалось ни одной интересной. Утром новый жилец Рихтер пригласил меня в свою комнату, показал, как ее перегородил, познакомил с женою; у них сын 4 лет Эдуард. Купил 1 сажень сосновых дров за 18 р. с доставкой (16 р. дрова, 2 р. доставка).

29 (16) ноября. +2°. В 7 ¼ ч. с плачем приходит Лёля, получила телеграмму, что Н.М. Гайдуков умер. Как мне жаль бедную Лёлю. Царство небесное Николаю Михайловичу, чудный, добрый человек был он. Придя в Музей, получил телеграмму из Минска: «Сегодня ночью умер Гайдуков Ректор Пичета». Тоскливое чувство не покидало меня в Музее; около 2-х пришел С.Н. Тройницкий и своим разговором разогнал мои тяжелые думы. Сказал, что Енукидзе приказал прекратить травлю Жебелева, который восстановлен в должности товарища председателя Академии истории материальной культуры. От него же узнал, что две недели назад арестован А.А. Сиверс по доносу чьему-то. Сегодня в «Вечерней Москве» напечатано: «Академик Жебелев выступил с заявлением, в котором признает недопустимость своего участия в пражском антисоветском сборнике. Ввиду этого президиум Академии наук решил не применять статьи устава об исключении из Академии. Президиум Академии вынес постановление о недопустимости участия советских учёных в эмигрантских изданиях». Приехали Надя, Валя, когда узнали о смерти Николая Михайловича; позднее пришел Леон. Ст., вскоре уехавший с Надей в

Мытищи. Пришли около 9-ти А.В. Сосновский с женою Аллой Стефановной, пили чай, закусывали, вёл с ним беседу по нумизматике, около 12-ти они уехали. Лёля должна была уехать в Минск на похороны Ник. Мих-ча, с нею поехала Ольга Ивановна.

30 (17) ноября. +2°. Продолжал разбирать боспорские монеты. Около 2-х ч. состоялась комиссия по устройству выставки в память 100-летия смерти А.С. Грибоедова; председатель Н.М. Матвеев, члены: Павлов и все заведующие отделами, в числе их я. Уволены старые служители Музея, между ними Т.В. Майоров, Г.Г. Лицвенко; причина увольнения – их служба по вечерам в театрах. Исключен из действительных членов «Ранион» А.И. Анисимов; причина увольнения не ясна, но, по-видимому, его исследование об иконе Владимирской Божией Матери, напечатанное в Праге; об этом он мне сам рассказал, прибавив: «Перед Страшным Судом козлища отделяются от овец». Во вчерашнем номере «Известий» напечатано заявление академика С.А. Жебелева, в котором есть такие фразы: «Признаю ошибочным мое участие в сборнике Кондаковского семинария, так как в нем приняли участие столь определённо антисоветские люди, как М.И. Ростовцев». Затем есть такие выражения: «...с того времени, как М.И. Ростовцев покинул нас и занял враждебную антисоветскую позицию, наши пути разошлись, и он перестал быть мне соратником и другом». Весь тон заявления, не говоря о приводимых выдержках, мне очень не по душе: что это – трусость или старания подделаться под тон большевиков? После занятий заходил с Л.В. к «Мюру», купили кофе.

Декабрь 1928 г.

1 декабря (18 ноября). +1°. Выпал небольшой снег. От Лёли получена из Минска телеграмма, что задержится на 3 дня. В 12 ч. отправился в музей И.С. Остроухова, куда после меня пришла Людмила Вячеславовна; главное внимание мы обратили на собрание его медных образков и крестов, которое великолепно, есть очень древние, века VII-го – VIII-го; множество типов видел впервые. После прошли в отдел икон. Так как стало темнеть, то невозможно стало осматривать картины и предметы древности, все же полюбовались превосходной мраморной головой императора Виталия, посмотрели при электрической лампочке на 4 полотна А.А. Иванова («Голова Христа», этюд из группы большой картины, группа деревьев и залив, кажется, Кастелламаре). От Ильи Семеновича проехали на 23 номере к Страстному монастырю, прошли к Елисееву, где я купил ветчины. К обеду пришли Наташа и Нина; Л.В. ушла около 8 ч. Травля С.А. Жебелева все еще продолжается, сегодня в «Известиях» напечатаны следующие подробности заседания, посвященного обсуждению заявления Жебелева, в прениях выступил профессор Кораблев[58], сказавший следующее: академика Жебелева он высоко ценит как ученого, человек он искренний и последовательный, за исключением его заявления. Затем он приводит выдержку из некролога Тураева с похвалою покойному как истинному христианину и т.д. и продолжает, что искренность Жебелева теперь, после его «заявления», утрачена, но бойкотировать его не следует, оставаться же ему в рядах Академии наук было бы неуместным (!!). Далее выступил академик Ольденбург, сказавший, что секция научных работников должна поверить заявлению Жебелева.

2 декабря (19 ноября). 0°. Воскресенье. Встал около 10 ч. Составил 2 таблички родовых знаков. Начал писать воспоминания об И.Е. Забелине. К обеду пришла А.И. Благовещенская, вечером – Танюша, сидели все в комнате мамы, вспоминали прежнее житье. От Лёли получено открытое письмо из Минска: Николай Михайлович умер разрывом сердца, похороны были гражданские. К вечеру подморозило.

3 декабря (20 ноября). –4°. Занимался немного текущими делами. Заходил Григорий Александрович Ряжский, узнав чрез Шамбинаго о смерти Николая Михайловича, заходила дама Пантович, знакомая Ник. М-ча, все справлялись о подробностях смерти Н. М-ча. Получил письма от Верочки с Наташей, от В.А. Никольского. Началась очередная газетная травля: в «Вечерней Москве» напечатана статья (без подписи) под следующим заглавием: «Антисоветская работа под флагом науки. Протест РАНИОНа». В статье «отделывают» А.И. Анисимова за его исследование об иконе Владимирской Божией Матери, напечатанном в Праге; коллегия постановила внести предложение об исключении профессора Анисимова из числа действительных членов Научно-исследовательского института археологии и искусствознания. Об отвратительном тоне статьи писать не стоит. Сегодня на имя жены пришло письмо от Николая Михайловича из Минска от 21 ноября! Письмо писано Лёле! Точно голос с того света. Жену письмо очень расстроило. Обедал Леонид Степанович, от нас ушел в 6 ч. на заседание.

4 декабря (21 ноября). –7°. Введение во храм Божией Матери, праздник, отмененный большевиками. Лёля прислала маме письмо, из которого видно, как она тоскует о Н.М-че; Ольга Ивановна подробно описывает похороны, которые были очень торжественны; оба письма очень подействовали на жену, она все плачет. В Музее занимался текущей работой. Дома застал Валю с дочерью и внуком, Леон. Ст., Надю; все обедали; после обеда пришел Павел Николаевич Сапунов; была еще внучка Соня Савари.

5 декабря (22 ноября). –4°. Вернулась Лёля из Минска, я еще не видал ее, так как был на службе, а вернувшись домой, не застал: она ушла к себе; привезла кое-что из одежды, обуви, которое ей разрешил выдать В.И. Пичета. В Музее начали заделывать оба окна серебряной кладовой, пыль ужаснейшая; я присутствовал вначале, но в 1 час ушел на заседание в библиотеку, которое кончилось в 2 ½ ч., около 3-х кладовую запечатал. Завтра в 8 ½ ч. Л.В. уезжает на неделю в Александров для инвентаризации тамошних музейных вещей; после занятий пошел с ней в Охотный ряд, купили провизии (севрюги и сыру), взяли у «Мюра» билеты (она едет с Мартыновой). Вечером пришла Лёля, рассказала много подробностей о событии в Минске; В.И. Пичета отнесся к Лёле превосходно, чем очень облегчил ее горе. Получил от А.А. Ильина письмо, которому сегодня же ответил.

6 декабря (23 ноября). 0°, к вечеру стало –4°. Всё время просидел в Музее в серебряной кладовой, окна которой стали закладывать кирпичом. Это называется заниматься наукой в Музее!

7 декабря (24 ноября). –5°. Как и вчера, с 9 ½ до 2 ½ просидел в кладовой; в 2 ½ ч. застал заседание Грибоедовской комиссии, откуда вышел около 3 ½ ч. Зашел к «Мюру», купил одеколону для подарка. Сегодня в «Известиях» напечатана статья Н. Семашко «Симптом опасной болезни», направленная против русских ученых – «ничтожнейшего меньшинства всех научных работ-

ников». Тон статьи ужасный. Там же напечатана другая статья «Об участии профессора А.И. Анисимова в эмигрантском журнале»; в ней повторяется то же, что напечатано в «Вечерней Москве» 3 декабря, А.И. Анисимов подал в РАНИОН протест. В 7-м часу поехал поздравить Екатерину Алексеевну Бальмонт со днем ее именин; Танюши не было дома, она ездила к Ане на Немчиновку, приехала вскоре; у Е.Ал-ны набралось народу человек с 10, пришел Владимир Федорович [Джунковский], доктор Селивановский, несколько дам; я поговорил с Вл.Фед. с час, рассказал, как был сегодня у П.С. Шереметева в Остафьеве, поздравлял его мать; живут они плохо. Вернулся домой в 10 ½ ч. Между прочим, Вл.Фед. рассказал, что Шереметеву в Остафьеве отказали в дровах, они стали топить валежником, но и этого не позволили, температура в комнатах дошла до +7°. Теперь они купили дров в Дубровицах, которые получат, когда установится зимний путь. Жаль Павла Сергеевича!

8 декабря (25 ноября). 0°. Приехал в Музей в 9 ½ ч., около 10-ти рабочие принялись за дело, работали вяло, сказав мне на мой вопрос «отчего тихо работают», что работа тяжкая (отбивали штукатурку; от сильной пыли задыхались); окончили в 1 ¾ , после чего я уехал домой.

9 декабря (26 ноября). 0°. Воскресенье. Утром топил печь. Пришел Ал. Андр., угостил его кофеем, поболтали кой о чем; все разговоры у всех сосредотачиваются на одном: тяжело жить. Днем была Софья Владиславовна Иванова, как всегда, много говорила, вид ее хороший, по-видимому, операция подействовала на нее благотворно. Написал Владимиру Ивановичу Пичете в Минск благодарственное письмо за его отношение к Лёле. Вечером пришел Гр.Ал. Ряжский, приятель покойного Н.М. Гайдукова; интересный собеседник, обладает колоссальной памятью, говорил мне много стихов Шумахера наизусть.

10 декабря (27 ноября). –1°. Сидел в кладовой до 1 ¾, рабочие кончили ранее за недостатком материала. Говорил с Л.В. по телефону из Александрова, слышно было хорошо; просит разрешения остаться дня 2–3; после получил ее открытое письмо; видела много интересного.

11 декабря (28 ноября). 0°. Работа в серебряной кладовой Музея продолжается, когда кончится – не знаю. Получил от Веруни письмо, статью мою получила. Дома обедали все здешние дочери, из внучек – Наташа, Нина, Таня Кочурина с Зорей; Танюши не было. Перед обедом обокрали квартиру Ольги Ивановны, говорят, похищено все платье. После обеда, оставив детей, поехал к Танюше; она лежит, у нее прострел и боль в сердце, теперь ей лучше; посещает ее доктор Селивановский; посидел с полчаса и пошел к А.В. Сосновскому; мальчик их нездоров (крапивная лихорадка); встретили меня радушно, пил чай, выпили втроем бутылку красного, поели ветчины; после 11-ти я ушел.

12 декабря (29 ноября). –2°. Вчера вечером падал небольшой снег. Заложение окон в кладовой близится к концу, вероятно, завтра будет готово, остается штукатурка кладки. Ко мне в Музей заходил Д.Д. Иванов, сказал, что в субботу будет обсуждаться вопрос о печатании 2-го выпуска «Сборника Оружейной палаты». Завтра хоронят умершую вчера жену В.А. Городцова.

13 декабря (30 ноября). –3°. В Музей пришла Л.В., приехавшая вчера вечером из Александрова; работою своею очень довольна. День провел в кладовой, кирпичную кладку кончили, принялись за штукатурку. Получил от

Н.П. Лихачева письмо, считает брактиат, оттиск с которого ему послал, подлинным. Написал Верочке и Н.П. Лихачеву.

14 (1) декабря. –2°. Утром было заседание в библиотеке Исторического музея по вопросу о выписке журналов по заявкам отделов. Дежурили в кладовой частью Л.В., частью я; в кладовой работали только штукатуры. Здоровье Л.В. сегодня плохо: у нее прострел. Часу во 2-м в Музее раздались свистки; оказалось, что вор похитил из витрины Московской залы золотой браслет и золотой перстень – мощехранительницу, найденный на Куликовском поле; все входы были закрыты, привели собаку-ищейку, благодаря чему мы, т.е. Л.В. и я, могли выбраться только в 3 ½ ч., вся публика была задержана. Очень жаль перстня, он описан Щепкиным в «Археологических известиях и заметках». Выйдя из Музея, зашли в ряды, купили сыру и на № 1 трамвая приехали домой обедать, ели лапшу и превосходную утку; в начале 8-го Л.В. уехала. Выпал снег, ездят на санях. Просмотрел имеющийся у меня материал для 2-го выпуска «Сборника Оружейной палаты»; листов, печатанных на машинке, около 120, рисунков 42.

15 (2) декабря. –5°. К 11 ч. отправился в Оружейную палату на заседание Ученого совета, единственной темой заседания был вопрос об издании «Сборника»; я принес все имеющиеся у меня статьи и сказал, какое количество листов может содержать «Сборник» (приблизительно 13); Д.Д. предложил на обсуждение вопрос, необходимо ли статью Мацулевича, которая еще не готова, присоединять к имеющимся, или издать отдельным выпуском, решили издать вместе, тогда количество листов будет около 20-ти. До заседания я сказал Д.Д-чу, что в его статье об иконе св. Димитрия следует исключить его рассуждения о принадлежности иконы великому князю Димитрию Константиновичу, с чем он согласился и обещал статью переделать. Из Кремля зашел в Охотный ряд, купил ветчины, оттуда проехал смотреть рукописи к одному знакомому А.В. Сосновского, который меня там ждал; большая часть оказалась старопечатных книг, рукописи все Евангелия и богослужебные, отобрал один Пролог с сентября по март. Вечером приехали Леон. Ст. и Надя, сидели до 9 ½ ч.

16 (3 декабря). –9°. Воскресенье. К 1 ч. отправился в Музей 40-х годов смотреть предложенные к покупке игрушки: лото (несколько картонов), детские книги и разные вещи бытового характера; смотрел с Шапошниковым часа 1 ½. Холод в Музее значительный, сидел в шубе. Из музея прошел к Танюше, которая еще лежит, но ей лучше; посидел с час. Вечером пришел К.В. Крашенинников.

17 (4) декабря. –10°. С утра и до 3-х присутствовал на 2-х заседаниях: 1-е посвящено было специально-историческому отделу, читал М.И. Фабрикант о немецком художнике первой половины XVIII в., бронзовые рельефы которого, апостолы Петр и Павел, находятся в Историческом музее; определению имени немецкого мастера (забыл его) помогли 2 восковых его модели, принадлежащие также Музею. В 12 ½ ч. началось заседание правления и всех хранителей; разбирался вопрос о мерах предупреждения против краж ввиду недавней покражи перстня и браслета, о которой сегодня напечатаны подробности в «Вечерней Москве». Какой из музейских «ученых» дал сведения репортеру, не знаю, они все неверны.

18 (5) декабря. –12°. Утром в Музее разнеслась весть о смерти Евгения Ивановича Силина, которому на днях сделана вторичная операция; сегодня у

него поднялась рвота, швы разошлись, что сделалось причиной смерти. Все его жалеют, дамы плачут, хороший был человек. Большая потеря для религиозного отдела Музея. Сидел в кладовой, штукатурка приходит к концу. Приходил Д.Д. Иванов, которому я телефонировал, что нашел желаемую им книгу по истории Суздаля (Временник, XXII, 1855 г.); с Д.Д. пришла В.Т. Баронова, просившая меня замолвить словечко М.М. Богословскому за нее в секции научных работников. Приехал из Нежина Иван Георгиевич Спасский, занимающийся дукачами; привез в подарок цукату, изделие его матери. Дома обедали: Надя с Лялей, Валя и Наташа, вскоре ушедшие. Вечером было назначено собрание для объединения еще нескольких домов, лежащих на нашей улице, но собрание не состоялось за неприбытием официального лица.

19 (6) декабря. –15°. Николин день. Сидел около кладовой, читал статью В.Т. Бароновой и писал отзыв о статье. Штукатурные работы кончены. Получил от В.А. Никольского письмо. После занятий вышел с И.Г. Спасским, доехал с ним до консерватории, где взял [билет] на субботний спектакль (ученический) оперы «Черевички». От Никитских ворот поехал с ним домой обедать. После обеда пошли с ним в мою комнату и беседовали; он познакомил меня со своею статьею о дукачах, которых описал около 800 экземпляров, но типов только около 120. Я ему указал на молдавскую медаль, описанную Куником и Петровым и переизданную в I томе «Нумизматического сборника». Около 8-ми он ушел.

20 (7) декабря. –16°. Принялся за прерванную работу: начал разбирать монеты Северной Греции; работу несколько раз прерывали беседы с М.М. Богословским, А.И. Соболевским, С.Ф. Платоновым; наконец в 1 ч. явилась В.Т. Баронова, с которой я просмотрел ее статью и вручил ей мой отзыв о ней. И.Г. Спасский окончил описание [собрания] дукачей, о котором отозвался, как об одном из лучших. Мне пишет Лихачев, чтобы я спешно прислал свою статью в Петербург. А.И. Соболевский пришел ко мне с подвязанной щекой, на мой вопрос, что у него болит, ответил, что завязал от холода, так как сам убирает вместо дворника свой двор и т.п. Я был потрясен его ответом: академик, бывший член Государственного совета, исполняет обязанности дворника!

21 (8) декабря. –8°. Немного поработал над монетами. Распростился с Иваном Георгиевич Спасским, уезжает в Нежин. Заходила в Музей М.Н. Гусева, сильно похудевшая после операции; чувствует себя хорошо. Приходил Вячеслав Степанович Муралевич, совсем больной, жалуется на сердце, ушел около 2-х часов. В 8 ч. вчера в нашей столовой было заседание домового комитета по поводу присоединения еще 5 домов к нашему домоуправлению. В это же время пришел А.В. Сосновский с женой, сидели все в моей комнате, пили чай, закусывали, выпили 1 бутылку вина; часов в 10 пришел П.С. Рожицкий, разошлись в начале 1-го часа.

22 (9) декабря. –4°. К 11 ч. поехал в Оружейную палату на заседание Ученого совета; предметом заседания был выпуск путеводителя по «Дому боярина», 2-е издание, написанное заново В.Т. Бароновой, которое я просматривал; определили напечатать 5000 экземпляров. Купили за 7 р. разрозненный экземпляр издания «Chefsd’oeuvre d’orfevrerie a l’exposition de Budapest». Из Кремля приехал в Цекубу, получил 60 р., оттуда к «Мюру», купил сластей, печенья; в Винторге на Петровке купил пшеничной водки и мадеры. Наро-

ду всюду очень много. Домой вернулся в 3 часа. Вечером (в 7 ½ ч.) был на ученическом спектакле в Консерватории; давали «Черевички» Чайковского, под управлением Сараджева, а постановка Смышляева[59]; исполнение мне понравилось, голоса у многих, особенно у певшего Вакулу, также у Оксаны, школьного учителя, светлейшего очень недурны; хороши хоры. Неприятное впечатление произвел костюм беса, загримированного негром, во фраке, в цилиндре, белом жилете. В последнем акте церковь, в дверях видна толпа со свечами в руках, якобы на панихиде по Вакуле; выходя из церкви, бабы крестятся. Кончилось в 11 ½ ч.; зал Консерватории был полон.

23 (10) декабря. –5°. Воскресенье. Топил печь утром и наклеил родовые знаки на 2 таблицы, которые весь день описывал. К обеду пришел Сережа Орешников и сообщил печальную весть о смерти в Полоцке 12 декабря своего младшего брата Коли 49 лет; с женою был в разводе, осталась одна дочь 17 лет, живущая в Москве, у нас она никогда не была. Жаль Колю, в жизни был неудачник, страстный игрок, и несчастлив с 2-мя женами.

24 (11) декабря. –2°. Весь день в Музее занимался монетами. После занятий поехал с О.И. Поповой и Б.Н. Граковым обедать, вскоре пришла и Л.В., заходившая в Охотный ряд за провизией. После я с Б.Н.Г. ушли в мою комнату, где он делал выписки из «Отчета археологической комиссии». Л.В. с О.И. ушли в 7 ½ ч., Б.Н. в 9 ¾ ч. Обе таблицы родовых знаков отдал нашему фотографу В.М. Веселаго для фотографирования.

25 (12) декабря. –5°. Рождество Христово по новому стилю. После долгих кривляний заниматься или не заниматься, директора наши решили сегодня и завтра освободить научный персонал Музея от занятий. Все верующие чтят Рождество Христа по старому стилю, т.е. 7 января. У жены уже несколько дней грипп, довольно сильно кашляет. Весь день писал о родовых знаках. К обеду пришла Танюша с Агнией, сидели часа два.

26 (13) декабря. –5°. Утром пошел в почтамт купить марок, но он был заперт вопреки публикации. Проехал к Танюше за книгой, которую она вчера нечаянно взяла с другими; от нее тотчас же уехал домой. Пришел А.А. Карзинкин, позавтракал, пил кофе. Купил № 1 юмористического журнала «Чудак», кое-что прочитал, не заметил ничего, чтобы оскорбляло религиозное чувство или вооружало против ближнего; может быть такая умеренность в № 1, посмотрю, что будет далее. Все наши иллюстрированные журналы противно в руки взять, просматриваю их только в цирюльне во время очереди. К обеду пришла Валечка, около 8 ушла; вечером пришла Александрова с дочерью, рассказывала небылицы об игуменье Новодевичьего монастыря, продавшей (?) Историческому музею плащаницу и уехавшей за границу.

27 (14) декабря. –2°. Придя около 4 ч. домой, нашел жену в постели: она весь день не вставала благодаря сильному кашлю. В Музее весь день занимался монетами. Рассказывали мне следующее: знаменитый ученый академик Павлов подал в Академию наук заявление, что он уходит из академиков; заявление было им подано Ферсману, который заявил правлению, что Павлов уходит по болезни, на что Павлов возразил: «Это неправда, истинная причина изложена в заявлении». В заявлении же ясно было написано так: «200 лет Академия наук была рассадником просвещения, теперь же она обратилась в бардак». Мне не верится, чтобы Павлов мог употребить такое выражение. Получил от Верочки и Наташи длинные письма из Парижа. Отказался читать

в «Старой Москве» воспоминания об И.Е. Забелине, заявив П.Н. Миллеру, что чувствую себя не совсем здоровым. В 8 ч. смерил у жены температуру: 37,6°; открылся довольно сильный насморк.

28 (15) декабря. 0°. Сегодня жене лучше, встала с постели, мы вместе обедали. В Музее была закупочная комиссия, торговали малоинтересные предметы, кроме одного географического атласа XVII в., кажется, напечатанного в Голландии, но в него вклеены русские карты. После занятий пошел к Сереже на Балчуг, оттуда с ним на № 25 проехали на Триумфальную Садовую, где купил для жены трубки на ремешках за 6 р. 44 к. Получил от Христиана Zervos, редактора «Cahiers d'art» (в Париже) письмо, просит прислать статью по ранневизантийскому искусству. А.А. Ильин пишет мне, что А.А. Сиверс все еще не выпущен, арестован также Иван Иванович Толстой; за что? Понять не могу. Сережа сообщил мне, что его Поле Жоффрио в субботу сделали операцию: вырезали на груди рак.

29 (16) декабря. –2°. Утром ездил в Охотный ряд, купил бутылку белого вина, голландского сыра и туалетного уксуса. Приехал домой в 12 ½ ч., стали с женой есть сыр и пить чай, явился Д.Д. Иванов, сидел 1 ½ часа; много с ним беседовали о современном положении музеев; сообщил мне, что музеи якобы переходят в заведывание ЦК, во главе которого будет назначен Ф.Н. Петров, который об этом и сообщил Д.Д-чу. О «заявлении» академика Павлова он слышал, причем рассказал о Павлове, как о мировом ученом. Вечером был у А.В. Сосновского, смотрел 114 греческих монет Прове, за которые хочет взять 1000 р., по-моему, цена неимоверно высокая, я бы дал рублей 400. Беседовали на всякие темы; в 11 ½ ч. ушел.

30 (17) декабря. –8°. Воскресенье. Был за литургией в Новодевичьем монастыре; тяжелое притеснение, которое терпит христианство, привело меня в грустное настроение, которое не покидало меня все время богослужения. После обедни зашел к князю, посидел у него минут 20, тут же сидел его родственник Н.С. Родионов; князь, по-моему, умственно ослабел. После обеда пришла знакомая семьи Жижина, позднее пришла М.В. Пичета.

31 (18) декабря. –8°. Фотограф принес отпечатки с обеих табличек родовых знаков, вышли недурно. Н.П. Лихачев прислал рисунок с родового знака на XLV таблице, рис. 4. С 12 ¾ до 2 ½ было заседание специально-исторического разряда, читал А.С. Башкиров об устройстве выставки поливной керамики, которую он проектировал в больших размерах; решили выбрать комиссию для выработки программы выставки. А.Н. Топорнин читал о плане работ отделения рабочего быта на 1928/29 г., план утвердили. После занятий зашел к «Мюру», купил немного сластей на Новый год; народу очень много. К обеду пришла Зоргаген, говорила, что весной будет война. Ее разговоры меня утомили, я, сидя в кресле у письменного стола, заснул часа на два.

1929 год

Январь 1929 г.

1 января (19 декабря). –6°. Новый год по новому стилю, занятий в Музее нет. Встал в 7 ч., стал заниматься родовыми знаками; часов в 9 пришла Надя, которая ночевала в Москве у сестры Леон. Ст., где они встречали Новый год. Попив в 1-м часу кофе, я пошел к Карзинкиным, которые завтракали; застал Иолу Игнатьевну Шаляпину, Труффи и др.; от Карзинкиных поехал к Адели Шмидт, которая только что встала, прочие еще спали; посидел с час, отправился к Д.Д. Иванову, застал только Софью Владиславовну, Д. Д. был в Оружейной палате, вскоре он пришел, побеседовали, в 4 ч. 20 м. я уехал. Дома застал много народу: Л.В-ну, Сережу с Юзей, Василия Арсеньевича Кочурина с Таней и Зорей, Валю с мужем; стали обедать, но за теснотою все не могли поместиться в комнате жены. После обеда я пошел с Л.В. в свою комнату, где побеседовали с ½ часа; после чая все разъехались. Узнал от Ивановых о смерти Родичева в Швейцарии. Весь день была метель, стихнувшая к вечеру.

2 января (20 декабря). –7°. Придя в Музей, был потрясен известием об убийстве вдовы историка Иловайского[1], ее труп был зарыт в помойную яму. Ездил в Цекубу, внес за площадь за себя и за Л.В. по 4 рубля. Приехал из Петербурга Н.В. Малицкий, рассказал об аресте В.Н. Бенешевича и многих сотрудников Публичной библиотеки; говорит, что все арестованные были когда-то членами религиозно-философских кружков. Получил от В.А. Никольского письмо, живется ему трудно, заработка нет. После занятий заходил в Охотный ряд, купил ветчины.

3 января (21 декабря). –8°. Получил от Н.П. Бауера письмо, пишет, что моей рецензии он не читал. В Музее занимался текущей работой. Получил корректуру статьи для «Сборника в честь В.А. Городцова», которую правил вечером.

4 января (22 декабря). –8°. Слышал, что все иконы, отправленные из разных учреждений Москвы: Исторического музея, Третьяковской галереи и др. в Берлин на выставку, задержаны; говорят, что «выставка» только предлог, иконы назначались к продаже. В Музее сутолока, сегодня больше бегал, нежели занимался. Вечером заходила Надя. Написал в Париж письмо с поздравлением.

5 января (23 декабря). Окно утром замерзло, около 10 ч. оттаяло, температура –3°. Немного поработал над родовыми знаками. В 12-м часу пришли: Валечка и Надя с Мишей, завтракали (поели вареной колбасы и пили чай); Миша устроил радио, который не работал[1*]; около 2-х все ушли. Часов в 7

[1*] Так у автора.

пришел Б.Н. Граков, просматривал «Отчеты Археологической комиссии», делал выписки, часов в 10 кончил, потом до 12 беседовали по вопросам археологии, затем он мне рассказал кое-что по классической литературе, в которой он осведомлен, но я, к сожалению, мало знаю.

6 января (24 декабря). –6°. Воскресенье. Рождественский сочельник. Топил печь. Писал о родовых знаках. Часу в 4-м неожиданно пришел Иван Андреевич Гальнбек, приехавший из Петербурга на днях; просил меня написать в Московскую секцию научных работников отзыв о его труде о русском олове, вышедшем нынешним летом на немецком языке; сидел с полчаса. Поехал на **А** ко всенощной в храм Большого Вознесения у Никитских ворот, но не мог войти: большая толпа стояла, ожидая очереди войти; боясь простудиться без шапки, поехал на Арбат к Николе Явленному, огромный храм был переполнен; до конца не достоял, очень устал. Несмотря на антирелигиозные ухищрения, храмы посещаются. Перед сном жена и я поели ветчины, выпили чаю.

7 января (25 декабря). –3°. Рождество Христово. В Музее я заметил, что многие *боялись* поздравлять с праздником, молчали, когда я их приветствовал! Немного мог заняться монетами. И.Г. Спасский прислал сделанную им научную опись дукачей Исторического музея. К обеду пришла Танюша с Машей, Яльмаром и маленькой Машей, так как мы лишнего не готовили, то Анюте, по-видимому, ничего не осталось. Около 7-ми Танюша с потомством собралась уходить, поехал и я к А.В. Сосновскому на елку, доехали вместе до Арбатских ворот. У Сосновского никого не было, стали закусывать холодным поросенком, отменным жареным гусем; часу в 9-м пришел П.С. Рожицкий; около 11 мы уехали.

8 января (26 декабря). –4°. В «Вечерней Москве» напечатана отвратительная пошлая карикатура, изображающая великого князя Николая Николаевича в гробу, следовательно, он умер. Как низко смеяться над умершим. В Музее занимался монетами. Получил от сестры письмо. К обеду пришли: Надя с Наташей, Ниной и Лялей, Валя.

9 января (27 декабря). –9°. Придя утром в Музей, прошел к Тихону Викторовичу Майорову (бывшему служителю) поздравить его и его супругу с праздником. Встретили меня радушно, с самоваром, бутылкой портвейна и ветчиной с куличом; посидел у них с ½ часа. Была закупочная комиссия; между разными предметами предложена бывшей фрейлиной Ермоловой[2], племянницей знаменитого генерала, акварельная картина: прием персидским шахом генерала А.П. Ермолова – которую мы оценили в 150 р. против назначенной 200 р. Заходила вдова Миши Езучевского, приносила рисунки, которые считала принадлежащими Историческому музею; я их пересмотрел: рисунки не наши; говорила, что Бартрам собирается устроить выставку рисунков Миши. Чувствую недомогание, принял аспирину.

10 января (28 декабря). –3°. Почти весь день занимался монетами. Слышал, что Н.М. Каринский, заведующий отделом палеографии, уходит. Получил статью для «Сборника в честь Городцова» в сверстанном виде.

11 января (29 декабря). –1°. Занимался монетами, но был прерван приходом Мстислава Александровича Цявловского, который узнал, что у меня хранится тетрадь со стихами Пушкина, собранными одной из потомков Кривцова, друга Пушкина; эту тетрадь мне дал Граков, который в родстве с

Кривцовыми[3]. М.А.Ц. солидный пушкинист; между прочим, сообщил мне, что в «Огоньке» напечатал пушкинскую подпись к портрету Дельвига «Се самый Дельвиг тот». Днем, без меня, приходила внучка Аня с детьми Настей и Аллой. Вечером были Карлуша Шмидт и Федя Бец, сидели часа два. Вечером заходила В.Т. Баронова, известила, что завтра будет заседание Ученого совета в Оружейной палате.

12 января (30 декабря). +1°. Выпал небольшой снег. Написал Н.П. Бауеру письмо. К 11 ч. поехал в Оружейную палату на заседание Ученого совета; интересного ничего не было; узнал от одной из сотрудниц, что у В.А. Городцова вчера был удар; жаль, если разболеется. Дома пили чай со старушкой Борисяк, бабушкой жены Рихтер, новых жильцов. Мыл ноги. Вечером пришел К.В. Крашенинников, сидели в комнате жены, пили чай, сидела некоторое время с нами Лёля; в 11-м часу он ушел, Лёля осталась ночевать.

13 января (31 декабря 1928 г.). –7°. Воскресенье. Был за литургией в храме Большого Вознесения у Никитских ворот, служба и пение были очень хороши; церковь была переполнена; домой приехал в начале 2-го. К обеду пришла Людмила Вячеславовна, сидели до 6 часов. Доживаем последние часы старого года. Как он был тяжел! Сколько потерь, разочарований, несбывшихся надежд! Не могу не благодарить Бога за исцеление жены, за то, что питал мою семью и помогал, хоть немного, оказывать помощь близким моим. В остальном да будет воля Твоя. Набросал краткий отзыв о книге Гальнбека для секции научных работников. Сегодня день смерти незабвенного И.Е. Забелина, прошло 20 лет! Царство ему небесное; вечную память он себе заслужил своими прекрасными трудами.

14 (1) января –3°. Новый год! Большинство москвичей праздновали его по новому стилю. Пришлось много ходить по Музею. Неожиданно явился В.А. Городцов; распространенный Гриневичем слух, что с В.А. удар, был преувеличен. Монетами заниматься не пришлось, время прошло в разговорах с С.В. Бахрушиным, А.С. Башкировым и др. К вечеру стало холоднее.

15 (2) января. –14°. Почти весь день (с 11 ½ до 3 ½) шло заседание Ученого совета, читался отчет, план на будущий год, и, наконец, Ю.К. Милонов познакомил собрание со съездом историков-марксистов, выбрав 2–3 доклада, соответствующие нашим задачам; выбраны были доклады по доисторической археологии и один, Марра, по языку; все, что я слушал, для меня темно. Матвеев и Лепешинский избрали комиссию для обработки вопросов по каменному веку с марксистской точки зрения. Приехала погостить Адель Шмидт. Дома нашел: Валю с дочерью и внуком, Наташу, Соню Савари; все обедали, сидели до 8-ми часов. Написав отзыв о книге Гальнбека; написал ему, чтобы перепечатал отзыв в Петербург на машинке.

16 (3) января. –14°. Разбирал монеты Ольвии из Румянцевского музея. По распоряжению Главнауки выбрана комиссия из Матвеева, Протасова, Эдинга, Новицкого и меня для отбора из витрин ценностей (золота, серебра) ввиду воровства у нас; мы ходили по обеим выставкам, по открытым залам и намечали. Встретил С.Д. Меркурова, скульптора, ехавшего от Калинина, с которым имел переговоры о группе, заказанной ему для Красной площади; группа будет состоять из 9 фигур колоссальной величины с Лениным в центре; говорили мы в трамвае, он скоро вышел, не успев мне рассказать сюжет.

17 (4) января. –5°. Было заседание под председательством С.В. Бахрушина по вопросу об устройстве феодальных зал. Аманулла-хан, за которым так ухаживали большевики, отрекся от престола в пользу своего брата и улетел на аэроплане из Кабула. Афронт большевикам! Узнал от Протасова, что правление уволило из Музея А.И. Анисимова; мотивов не знаю, но жаль его, хотя относился к своей службе у нас спустя рукава. «Старая Москва» сегодняшнее заседание посвящает памяти И.Е. Забелина, читают: Тарабрин, Сперанский; я отказался. Обедали: Надя, Ляля и Митя. Неожиданно появился в наших комнатах сын Кузнецовых Александр, арестованный за воровство и за покушение на убийство Мусаткина! Ничего не понимаю в этой истории.

18 (5) января. +1°. Все время в Музее прошло в заседаниях: до 1 часу была закупочная комиссия, с 1 ч. до 3 ½ ч. шло заседание заведующих отделениями; главный центр тяжести лежал на общеисторическом отделе (М.М. Богословского), который, по-видимому, хотят упразднить.

19 (6) января. –2°. Крещение Господне. Праздник отменен большевиками. Был за литургиею у Богоявления в Дорогомилове, народу была масса, служил митрополит Сергий[4], несколько священников и дьяконов; вышел из храма в 1 ч. 10 м. Купил 1 сажень березовых дров, обошлась с доставкой 21 р. с копейками. Писал свою статью о родовых знаках.

20 (7) января. –8°. Воскресенье. Утром топил печь. Неожиданно управдом попросил разрешения устроить общее собрание жилищного товарищества, которое началось в 12-м часу и кончилось в 4 ½ ч.; в это время заходил А.А. Карзинкин на короткое время, затем Виктор Всеволодович Миллер, ботаник; ему интересно было узнать подробности о частной жизни Н.М. Гайдукова, его портрет и т. п., так как в ближайшую субботу предполагается устроить в университете заседание, посвященное памяти Н.М., с научными докладами. К обеду пришла Зоргаген, Танюша.

21 (8) января. –7°. Отбирал монеты для показательной коллекции на Кавказ. В 3 ч. состоялось заседание, посвященное памяти Ленина: Лепешинский поделился воспоминаниями о 1906 г., когда он жил с Лениным в Женеве, когда там получилось известие о расстрелах рабочих в Петербурге. К обеду ждали Карлушу Шмидта с женой, но его жена не пришла по болезни; неожиданно пришел Женя Штраус, после обеда в 7 ч. ушел; живет он в Царицыне. С Карлушею беседовали до 9 ½ ч. А.М. Бардыгин приговорен на 5 лет в Соловки. За какое преступление – понять не могу.

22 (9) января. –8°. Сегодня советский праздник, занятий нет. С утра начал переписывать статью о родовых знаках; часов с 2-х стали подходить посетители: явилась А.И. Благовещенская, М.Н. Гусева с сыном, Надя, Валя, поздоровавшись с ними, я ушел к себе и писал. К обеду пришли: П.Н. Сапунов, Таня Кочурина с Зорей, после обеда внучка Маша с Алешей; в 8 ½ ч. никого уже не было.

23 (10) января. –12°. Послал Гальнбеку отзыв о его книге. В Музее с 12 ½ до 3-х шло заседание [с докладом] Г.Л. Малицкого о его поездке по музеям Швеции, Дании, Финляндии и Германии. Говорил он слишком скоро и невнятно, многого я уловить не мог, но доклад насыщен фактами.

24 (11) января. –12°. Поехал утром на телеграф, послал в Казань в Общество археологии, истории и этнографии поздравление с 50-летним юбилеем Общества; зашел на почту, послал в то же Общество статью «Перстень

Алексея Митрополита»; в булочной у Мясницких ворот мошенник утащил из кармана шубы 2 р. 85 к. Из Музея проехал в Цекубу, получил 60 р. В Музее все время провел в хождении и в разговорах с разными лицами, между прочим, с П.П. Куренным[5], директором Лаврского музея в Киеве. Отправлял 11 икон за границу. От Куренного узнал, что год назад умер В.Г. Ляскоронский[6]. В 8-м часу пришел Б.Н. Граков просмотреть «Известия Археологической комиссии»; проболтали с ним до 10 ¼ ч. Вечером стало холоднее, перед сном термометр показывал –16°.

25 (12) января. –16°. Память матери моей, царство ей небесное. День именин Танюши, день рождения Вали. Получил за посланные 2 рубля сборник в честь И.И. Толстого, профессора Петербургского университета, под заглавием ΑΣΠΑΣΜΟΣ[2*], по поводу 25-летия его ученой деятельности. Штукатурка на 2 окнах серебряной кладовой все еще просыхает, решили ее не белить и с будущей недели ее приспособить для наших нужд. Я обратился к Лепешинскому, чтобы он дал мне для милиции отзыв о моей лояльности, он охотно согласился, вот он: «25/ I – 1929 г. Настоящим удостоверяю, что ответственный работник Государственного Исторического музея Алексей Васильевич Орешников является преданнейшим советской власти гражданином, и его лояльность в этом отношении не подлежит ни малейшему сомнению. Его самоотверженная работа в области музейного дела заслуживает благодарности и признательности со стороны заинтересованных советских учреждений и лиц. Директор Государственного Исторического музея П. Лепешинский (Член ВКП(б) с 1898 г., партийный билет № 34465)». Я его поблагодарил за такое обо мне мнение; откровенно говоря, мне всегда казалось, что работа непартийного в Музее, как бы она добросовестно не исполнялась, никогда не может быть оценена большевиком. В 1-м часу началось заседание о взаимоотношениях отделов, но не кончилось, в 3 ч. разошлись. Я поехал к Танюше на именины, купил ей целую головку сыру, деткам сладкого, подарил Танюше 10 р.; поел у нее заливного судака, попил чаю с вареньем, около 6 уехал; за столом сидели арбатские дамы и вся детвора.

26 (13) января. –17°. К 11 ч. поехал на Варварку в «Дом боярина» на заседание Ученого совета Оружейной палаты; бóльшую часть времени посвятили обсуждению хозяйственных вопросов, затем об издании «листовок» для некоторых зал Оружейной палаты; впервые издадут листовку об экипажах. Вчерашний отзыв Лепешинского, главным образом, то место, где он говорит, что я являюсь преданнейшим советской власти гражданином, оставил во мне какой-то осадок; из его слов можно понять, будто я сторонник советской власти. Ничего такого во мне нет; я переношу молча все невзгоды от власти большевиков только ради моей родины, ради спасения тех сокровищ, которые мне вверены. Молю Бога, чтобы он дал мне сил довести благополучно до конца немногих дней, которые остается жить, мои гражданские обязанности. Вечером поработал над родовыми знаками.

27 (14) января. –15°. Воскресенье. Утром топил печь. После занялся родовыми знаками. За обедом была только З.А. Арцыбашева, после обеда пришли: Л.В., Танюша, за ними А.Н. Никольская, приехавшая из Саратова хлопотать за мужа и продавать мебель; рассказала про Н.И. Смирнова, что

[2*] Ασπασμο (*греч.*) – приветствие.

он сделался безбожником[7]; Виктор Александрович очень скучает от безделья и без общества. Позже пришла Лёля; вскоре все ушли, кроме Л.В., которая ушла в 8 ½ ч.

28 (15) января. –14°. Все время в Музее пришлось ходить по залам, главным образом в религиозном отделе, который намечается к уничтожению, его раскассируют по разным отделам, что очень волнует сотрудниц отдела. Людм. Вяч. весь день занималась выдачей сбруи XVIII в. петербургскому Эрмитажу, от которого в обмен должны получить портшез. Обедал Л.С. Зворыкин.

29 (16) января. –16°. С 11 ч. до 3-х ½ ч. шло заседание, посвященное докладу Г.Л. Малицкого о его поездке за границу и по вопросу об уничтожении отдела религиозного быта, который поднят Н.М. Щекотовым и поддержан В.К. Клейном; А.И. Анисимов горячо защищал отдел; большинство, в числе их я, молчало, да и можно ли говорить, рискуя быть выгнанным из Музея; председатель заседания Матвеев предложение Щекотова принял. Настроение я вынес тяжелое. В Музей приходил ко мне А.Н. Свирин, сказал, что расстается с музеем в Сергиеве, так как невозможно служить при новом директоре; Свирину хочется поступить в Исторический музей, о чем он говорил с Лепешинским, который его спросил, кто его знает из музейских, он назвал Щекотова, Клейна и меня. К обеду пришли: Надя с Мишей, Валя с Таней и Зорей и девочка Наташа Гусева, гостившая у Нади, позднее приехала Соня Савари. Судя по газетам, в Венеции замерзли каналы!

30 (17) января. –17°. Принесли продавать портрет карандашом с сепией и растушевкой композитора Римского-Корсакова работы И.Е. Репина в 1871 г.: изображен в морском мундире en face в рост. Немного занялся монетами. Ездил к А.А. Бахрушину по поводу грибоедовской выставки, просили у него для нашей выставки портреты Бегичева и Бегичевой, но он не дает.

31 (18) января. –16°. Утром мне нездоровилось, была боль в груди, слабость, с трудом дошел до вагона № 31 у Курского вокзала; в Музее постепенно силы восстановились. Немного занимался монетами. Статья Л.В. о перстнях напечатана в Казани, но оттисков она еще не получила. Гальнбек прислал перепечатанный в Петербурге на машине мой отзыв о его книге «Russisches Zinn» для моей подписи.

Февраль 1929 г.

1 февраля (19 января). –17°. Продолжал отбирать показательную коллекцию монет для Азербайджанской республики. Купил для Музея портрет Толстого-американца за 200 р. Получил Музей книгу Baumgarten «Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siecles»; для моих целей непригодна, но содержит исправления и дополнения к генеалогическим таблицам истории Карамзина.

2 февраля (20 января). –16°. Утром написал и послал письмо А.А. Ильину о своих работах. Весь день писал о родовых знаках. Шел снег.

3 февраля (21 января). –5°. Воскресенье. Топил утром печь. Заходил А.А. Карзинкин, рассказал, что бывший их большой дом в Одинцове на днях сгорел дотла. Занимался родовыми знаками.

4 февраля (22 января). –8°. Сняли со стеллажей в серебряной кладовой фанеру. Занял в Музее в кассе взаимопомощи на 4 месяца *сто рублей*. Занимался монетами.

5 февраля (23 января). –25° показывал термометр на бывшей Городской думе в 10 ч. утра, мой термометр не было видно. С 10 до 11 ½ ч. было заседание в Историческом музее. Милонов изложил свои взгляды на доклады, критиковал подходы к ним наших докладчиков; ему хорошо возражали С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич. Остальное время занимался монетами. Сегодня самый холодный день.

6 февраля (24 января). –27°. Сегодня день нашей свадьбы. В кладовой Музея с утра началась уборка мусора и вытирание пыли; кончили работу в 2 ч.; пошел с Л.В. посмотреть, [как] устроивается выставка в честь 100-летия смерти Грибоедова, есть интересные экспонаты. Утром, идя на трамвай, сильно озяб, особенно руки; благодаря усилившемуся морозу стрелки на рельсах замерзли и по некоторым улицам утром трамваи не ходили.

7 февраля (25 января). –26°. Утром была закупочная комиссия, купили незначительные предметы. Весь день в Музее приготовлял коллекцию монет для Азербайджанской республики (в музей г. Баку). После занятий заходил к «Мюру», купил мыла, туалетного уксуса. Получил от Бауера ответ на мое письмо в мирном духе. Вечером кончил ту часть статьи, где писал о родовых знаках по монетам.

8 февраля (26 января). –21°. В Музее смятение: вместе с упразднением религиозного отдела Главнаука приказала уволить всех служащих, поэтому будут сокращены М.В. Будылина, Муратова и Сидорова, остается Бубнова (жена комиссара); утварь передается в мой отдел, иконы в отдел иконографии и т.д. Из всех сотрудниц жаль Марью Васильевну, у других мужья хорошо зарабатывают. Все мои сотрудницы с 12 ½ до 2 ½ сметали с серебряной посуды в кладовой пыль. Я почти докончил набор монет для Азербайджанской республики. Один из библиотекарей рассказывал подробности о грабеже убитой Иловайской; по мнению судебного следователя, унесено драгоценностей на 200 000 р., убийцы не успели много унести, найдено золото и ювелирные вещи, очень много костюмов мужа; странный, по-видимому, человек была Иловайская; имея много вещей, хлопотала о пенсии[8]. Пишет А.А. [Ильин], что А.А. Сиверс не выпущен и, вероятно, будет сослан.

9 февраля (27 января). –22°. Утром топил печь. Весь день писал о родовых знаках. К вечеру температура воздуха стала –16°.

10 февраля (28 января). –2° на солнце в 11 часов. Воскресенье. В 11 ч. отправился в «Совет рабочих и крестьянских депутатов Рогожско-Симоновского района», где предъявил отзыв о моей лояльности, данный мне Лепешинским; там меня спросили, разве я лишен избирательных прав, на мой ответ, что не знаю, ответили, что на днях в дом, где я живу, пришлют списки лиц, если там моего имени нет, то тогда я могу подать. Дом, занимаемый Советом, на Алексеевской, теперь Коммунистической улице, был, по-видимому, изящный, но во что его превратили товарищи! К 2 часам пришли Л.В. и А.Н. Никольская, обедали (кислые щи, гусь и кофе); после обеда пришла Танюша, сидели за самоваром, все ушли в 7 часов. Термометр в 7 ч. показывал, кажется, –17°.

11 февраля (29 января). –17°. Приехал из Петербурга Мацулевич; из Музея пошел в Оружейную палату для разговоров с Дм. Д-чем об издании «Сборника» с его статьей; остальное время в Музее провел в ходьбе. Все мои сотрудницы приводили в порядок кладовую. Сегодня в Большом театре вечер в память столетия смерти Грибоедова; мне дали билет в ложу № 3 бенуара с правой стороны, но, ввиду того, что Лёля заболела, еду к ней, а мой билет передал Л.В-не. В 2 ½ ч. началось заседание, посвященное деятельности Союза работников[9], читал С.И. Мицкевич. В 6 ч. поехал с Анютой к Лёле на Тверскую, не доезжая Тверской заставы; комната ее маленькая, холодная, у Лёли жар, но она на ногах; когда приехали, в ее комнате была репетиция, через ½ часа все разошлись; пришел П.С. Рожицкий и один из актеров, мы попили чаю, я Лёле купил 6 апельсин[ов] и лимон. Труппа уезжает завтра, Лёля в среду. Около 9 мы ушли.

12 февраля (30 января). –13°. Память об отце, царство ему небесное. Утром мои дамы докончили чистку посуды в серебряной кладовой. В 12 ч. состоялось небольшое заседание, посвященное выставке в память Грибоедова в нашем Музее; Лепешинский сказал небольшую речь, в которой обрисовал характер выставки; после его речи выставку открыли, народу было довольно много. Я говорил с Лепешинским относительно М.В. Кафки, просил его за нее; не знаю, достигнет ли моя просьба цели. К тексту из «Горе от ума» «Есть у меня вещицы три» я отобрал в отделе домашнего быта: 1) костяной туалетик, 2) перламутровый нессесер и 3) подушечку, шитую бисером. Затем разыскал листы с изображением церкви Николы в Сапожках, о которой упоминается в музейном тексте комедии Грибоедова. В 4 ч. температура воздуха сделалась –8°. К обеду пришли: Надя с Наташей и Лялей, Валечка с Таней Кочуриной; в ½ 8-го все ушли. Валечке, по-видимому, лучше. В 8 ½ пришла Лёля, будет ночевать, завтра собирается в провинцию играть. Мне положен оклад в Музее с 1 октября 200 р. в месяц; сегодня выдали за 4 месяца 80 р., из них 50 р. отдал в уплату *взятых на днях 100 р.* из кассы взаимопомощи.

13 февраля (31 января). –9°. Докончили в кладовой Музея уборку от пыли. Осматривал с Л.В. в религиозном отделе вещи, которые должны поступить к нам. Трое из музейских: А.А. Карзинкин, Прохоров и Баранов, кажется, лишены права голоса, поэтому смятение ужасное; какая судьба будет А.А-чу, у него ничего нет. Без меня заходили к жене Аделина и Соня, просили, чтобы я помог, но что я сделаю? После занятий зашел к «Мюру», купил Д.Д-чу конфект (орехов в марципане и нуксу) и проехал домой, где переоделся и к 5 часам отправился к Д.Д. Иванову, туда пришел Л.А. Мацулевич, а вскоре со службы явился и Д.Д.; Софья Владиславовна угостила хорошим обедом (суп, телятина и торт), пили кофе, чай, красное (Chambertin 2 бутылки); вели разговоры сначала на злободневные темы, потом о статье Мацулевича; в 10 ½ ч. ушли.

14 (1) февраля. –11°. Л.В. начала принимать предметы из [отдела] религиозного быта, сдает М.В. Кафка. Судьба всех лишенных прав избирательных, по-видимому, решена. Все свободное время переписывал список показательной коллекции русских монет для Баку. Из газет узнал, что вчера в Академию наук избраны забаллотированные Деборин, Лукин и Фриче, ученые-коммунисты[10]. Какое насилие над свободой выборов! Вчера вечером Лёля уехала в Красный Холм, сегодня она должна играть. Вечером набросал тему объяснения родовых знаков на товарных пломбах.

15 (2) февраля. –9°. Сретенье Господне, праздник отменен. В Музее с утра до 2 ½ ч. Л.В. и я показывали 2 «безбожникам» медали и ордена, из них оба отмечали те экземпляры, которые имеют отношение к будущей выставке, на которой будут представлены не только христианство, но и разные культы; оба «безбожника» очень приличные люди. Была закупочная комиссия, кое-что купил. Атмосфера все еще густа, много печальных лиц. К обеду приехали: Л.В. и Л.А. Мацулевич; после обеда Л.А. познакомил нас по фотографиям с интересными находками в Курской губернии (находятся в Оружейной палате): серебряной вазой с музами, византийской работы конца IV, начала V в., и с золотыми готскими предметами той же эпохи; соображения его очень интересны и убедительны. Ушли в начале 12-го часа.

16 (3) февраля. –10°. В 10 ч. отправился в «Дом боярина» на Варварке на заседание Ученого совета. На заседании [были] председатель Д.Д. Иванов и следующие лица: Л.А. Мацулевич, Д.П. Сухов, Н.Н. Померанцев, В.Т. Баронова, я и еще человека 2–3. Д.Д. заявил, что редактором 2-го тома «Сборника Оружейной палаты» избран я и тут же передал имеющиеся у него рукописные материалы статей, кроме статьи Мацулевича, которая еще не кончена. Леонид Антонович предъявил собранию фотографии для таблиц, которых будет 11, изготовляться будут у Голике в Петербурге, я настоял, чтобы там же была сделана таблица со стеатитовой иконы Димитрия Солунского к статье Д.Д-ча; Мацулевич вскоре ушел на заседание в Исторический музей. Явились двое из Златоуста и принесли несколько *булатных* вещей, изготовленных на заводе в Златоусте, прося Оружейную палату вступить в обмен с музеем в Златоусте, на что Д.Д. согласился. Было еще несколько разговоров хозяйственно-административного характера. Около 2-х я ушел. Исправлял свой текст о родовых знаках.

17 (4) февраля. –15°. Воскресенье. Топил печь. Около 12 заходил А.А. Карзинкин, читал мне проект своего заявления, в котором оттенил свои заслуги. Бедный А.А.! Как мне жаль его! После обеда заходила Танюша, сидела у меня в комнате, пила чай. Все свободное время писал о родовых знаках.

18 (5) февраля. –8°. Утром в Музее встретил Н.П. Бауера, вчера приехавшего из Петербурга, он занимался монетами. После 3-х я поехал с Л.А. Мацулевичем, Л.В. домой обедать, одновременно с нами пришла А.Н. Никольская; после обеда Л.В., Мацулевич и я поехали в Музей, где Мацулевич прочитал доклад о суджанских находках; народу было много, председательствовал В.А. Городцов; в 9 ч. ушли. По дому я лишен права избирать. Уплатил в кассу взаимопомощи 20 р., *остался должен 30 р.*

19 (6) февраля. –7°. Купил сажень дров березовых за 23 р. 50 к. с доставкой. Сказал Лепешинскому и Матвееву, что лишен избирательных прав, оба возмущены, сказали, что восстановят. Занимался приведением в порядок ольвийских монет. По газетным известиям Троцкий выслан из СССР за антисоветскую деятельность; слышал, что ни одна страна, кроме Турции, его не согласилась принять, и он будто бы уехал в Трапезунд[11]; правда ли это, не знаю. Дома застал большое общество: к обеду пришли Надя с Наташей, Соней, Митей, Валя с дочерью и внуком, Нина с Лялей; после обеда пришли внучка Маша и Нина Бруни-Бальмонт; в 7 ½ ч. все ушли.

20 (7) февраля. –13°. Занимался текущими делами; в 1-м часу состоялось заседание моего отдела административного характера: Клейн заявил, что в

его отделе необходимы сторы[3*], просил, чтобы к тканям допускали специалистов и т.д.

21 (8) февраля. –18°. Вчера заболел воспалением легких Н.С. Щербатов. Сегодня слышал, что его положение опасно, воспаление крупозное. В 1-м часу ездил в Цекубу за получением академического обеспечения. В Музее у всех мрачное настроение, особенно у Ал. Андр. и у дам из религиозного отдела; Е.П. Муратова поверила мне свое горе, попросила написать ей отзыв в Главнауку о ее научной деятельности; уступил ее просьбе, написал, хотя чувствовал неловкость моего отзыва в то время, как музейское начальство молчит. Сплетен и пересудов в Музее не оберешься. Делом музейским мало занимался, приходилось много беседовать с приходящими посетителями и с сотрудницами. Вечером исправлял текст своей статьи о родовых знаках...

22 (9) февраля. –17°. В Музее своим делом (монетами) заниматься не мог: мой рабочий стол был занят Бауером, который разбирал клад немецких монет; я подсел к нему и кое-что смотрел под его руководством. В 3 ч. я с Бауером поехал к нам домой обедать; после обеда в комнате жены мы перешли в мою комнату, где я ему прочитал мои родовые знаки; [он признал] оригинальность моего взгляда на классификацию монет по знакам, но сказал, что мой взгляд не поколеблет его взгляда на хронологию монет по кладам; ушел от меня в 10 ч.

23 (10) февраля. –16°.Написал краткое содержание моей статьи и послал его в заказном письме Н.П. Лихачеву, к письму приложил обе таблички. В 1 ч. пришел к имениннице Валечке, сегодня у нее болела печень; подарил ей икры. Сидел у нее до 2 ½ ч., была ее дочь и внук, пришла еще какая-то знакомая. Комнатка ее на 7-м этаже мне понравилась, очень теплая. От Вали заехал в Охотный ряд, купил в «Коммунаре» алтайского сыра для Танюши. Просмотрел газеты и пришел в ужас: в одной изображено несколько красноармейцев, прицелившихся в толпу интеллигентных граждан, под рисунком соответствующая надпись. Далее идти некуда! Господи, сохрани нас! К 7 ч. поехал к Б.Н. Гракову (Плотников переулок, д. 4, кв. 9), где уже сидел Бауер; они ждали нас к обеду, не предупредив; пришлось через силу есть и суп, и телятину, и закуски; разговор вели по большей части злоязычный; около 11 мы ушли. Морозная, лунная ночь.

24 (11) февраля. –18°. Воскресенье. В 10 ½ ч. поехал в Новодевичий монастырь навестить больного князя Николая Сергеевича; входя в келью, встречаю иеромонаха со словами: «Повремените входить, его обмывают»; минут через 10 я вошел; умерший Н.С. лежал на полу, его родственник Родионов, какая-то Ирина Ивановна и Поля одевали на него белье, потом с пола перенесли на кушетку и стали надевать его костюм. По словам Поли, он умер в памяти, со всеми простился, причастился и в 10 ч. скончался. Жаль его, царство ему небесное! Много добра сделал. Из Новодевичьего проехал к новорожденной Танюше (ей сегодня 54 года), которая еще не возвращалась из церкви. В ожидании ее и Маши посидел с ребятками; старшие готовили уроки. Вскоре явилась Маша с рынка, за нею Танюша, пришли Ек. Ал., Нина и Ольга Николаевна, принесли Тане куличик; мы попили чаю, и я около 2-х уехал в Музей, чтобы сказать Цинне, Терентию Ивановичу [Диденко][12], который, узнав о

[3*] Так у автора.

смерти Н.С. от кого-то, туда направлялся. Дома нашел Валечку, которая вскоре ушла. Анюта истопила печь. После обеда ненадолго заходила М.Н. Гусева, ее сократили на службе в банке, как имеющую мужа (!). Вечером стало меня лихорадить, принял аспирина и выпил горячего чая с ложкой коньяка.

25 (12) февраля. –18°. В Музее все время занимался монетами. Распростился с Н.П. Бауером, который сегодня уезжает. Сегодня тело князя выносят в 7 ½ вечера из квартиры в церковь, похороны будут, вероятно, послезавтра. Вечером заходил Карлуша Шмидт, побеседовали часа 1 ½; разговоры его очень содержательны, по интересным темам.

26 (13) февраля. –17°. Разбирал монеты Румянцевского музея, отдел ольвийский. По случаю стирки дома не обедал, отправился в Цекубу; обед в 85 к. был неважный. В мое отсутствие жену навестили: А.Н. Никольская и С.В. Иванова.

27 (14) февраля. –12°. Выпало немного снега. Заехав утром на ¼ часа в Музей, отправился на отпевание князя в Новодевичий монастырь, застал начало обедни; народу было много, служило 3 митрофорных священника; один из них сказал задушевное слово о покойном как добром человеке, отрешившемся от мирской суеты, никого не злословящем; монахини пели. Могилу его вырыли на новом кладбище монастыря, на старом, рядом с женой князя, не позволили на том основании, что на месте кладбища будет устроен парк для гулянья (?). Вернулся с Л.В. в Музей в ½ 2-го, пили в буфете чай. Домой приехал около 4-х ч., застал Надю с Наташей; Надя сказала, что Леон. Ст. отказался от места на водокачке в Мытищах и приглашен Высшим Советом Народного Хозяйства (ВСНХ) на постройку водопровода в Сочи; жалованья будет получать 550 р. в месяц летом и 400 р. зимой. Надя уехала в Мытищи, Наташа обедала.

28 (15) февраля. –17°. В Музее я все время испытывал тяжелое настроение: А.А. Карзинкин сказал мне: «Я гибну, приходится остаться на шее жены и дочери». Я его старался успокоить; как мне жаль его. Затем дали знать из правления, что завтра М.В. Кафка, Муратова и Сидорова могут не приходить, ввиду закрытия религиозного отдела [и увольнения] его сотрудниц; я пошел в религиозный дел, где видел ужасное настроение сотрудниц; Л.В. страшно волнуется за М.В-ну. Я сказал Матвееву, что завтра принять вещей из отдела не успеем, тот ответил, чтобы я сговорился с сотрудницами, которым даст пропуск. Все это кажется мне крайне нечеловечным; никакой попытки к облегчению их положения я не вижу. В 2 ч. я ушел в Рогожско-Симоновский совет с заявлением о пересмотре моего лишения прав на выборы; к заявлению приложил справку Музея о моей службе и отзыв Лепешинского обо мне. Вернулся домой в 3 ½ ч., застал Валю с дочкой. За ответом в Рогожско-Симоновский совет просили прийти в субботу в 6 ч. вечера.

Март 1929 г.

1 марта (16 февраля). –11°. День смерти сестры, царство ей небесное. Войдя в Музей, встретился с Евгенией Павловной Муратовой, пожелавшей со мной поговорить; мы вошли в мою комнату, она сразу сказала: «А.В., прошу вас назначить тайный, товарищеский суд и судить меня: я преступница». На мои слова, что я ничего за ней преступного не знаю, она ответила, что

всё узнаете, и просила избрать следующих лиц, кроме меня: Д.Д. Иванова, С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье, Бакушинского[4*][13] (из Третьяковской галереи), и, пожалуй, Клейна. Я ее просил успокоиться, на что она сказала, если суда не будет, она наложит на себя руки. При разговоре она очень волновалась, ходила, плакала. Такое нервное возбуждение у нее явилось, вероятно, вследствие удаления всех трех со службы Музея после упразднения религиозного отдела. Остальное время в Музее классифицировал монеты. Здоровье В.С. Муралевича внушает опасение: у него делаются дурноты, вероятно, от чрезмерного умственного занятия; он предупредил, что с ним может случиться обморок, на который не следует обращать внимания; но ничего с ним не произошло. У Дмитрия Федоровича Богословского умерла от крупозного воспаления легких жена; после занятий я к нему зашел и выразил свое участие к его горю; он очень убит; покойной было 46 лет.

2 марта (17 февраля). –12°. Утром брился, носил пенсне в починку, съездил в Охотный ряд, купил ветчины, сыру; зашел к «Мюру» за почтовой бумагой и конвертами, ни того, ни другого нет. В 5-м часу пришли Л.В. и О.И. Попова обедать, но в 5 ч. я должен был уйти в Рогожско-Симоновский совет; народу, лишенных прав избирательного голоса, было очень много; все сидели и стояли в узком коридоре, ожидая вызова; около 6 ч. началась перекличка, произнесли мою фамилию; вскоре позвали меня в довольно большую комнату, где за столом сидело человека 3 или 4, между ними женщины, одна из них смотрела на меня с улыбкой; молодой человек спросил меня, имею ли я дом; ответил, что имел, но теперь не имею; сколько в нем квартир, я ответил, что до революции было 3; еще спросил, занимаюсь ли я наукой, ответил, что занимаюсь; допрос мой продолжался едва ли более 5 минут, после чего довольно вежливо сказали, что через неделю известят; на мой вопрос, не лишен ли я права голоса, молодой человек сказал, что у них нет данных меня лишать; я встал с кресла и распростился. Около 7 часов был дома, выпил с обеими гостьями стакана 2–3 Барзака[5*], беседовал с ними до 10 ч., они уехали. Вечером заходил казначей наш В.С. Фомичев, сказал, что извещения домоуправление о лишении меня права голосовать оно не получало.

3 марта (18 февраля). –6°. Воскресенье. Днем делал в статье кое-какие изменения и дополнения. В 5-м часу пришла Танюша, сидела часа два. Написал Н.П. Лихачеву.

4 марта (19 февраля). –5°. Была ревизия от Наркомпроса вместе с Госторгом, но до моего отдела не дошла. Л.В. отбирала безбожникам намеченные ими медали. Я определял монеты Ольвии. Принес свою статью для перепечатания на машинке, но бумаги не оказалось; после 3-х пошел с Б.Н. Граковым и Л.В. на Тверскую, где в маленьком магазинчике мы купили писчей и почтовой бумаги.

5 марта (20 февраля). –8°. Большую часть времени в Музее диктовал Л.В-не описание орденов, нагрудных знаков и т.п. Заходил Эйферт из Главнауки, указал мне на вздутие на одной иконе Спасителя, которую я снял для реставрации; он мне сказал, что завтра придет ревизовать мой отдел. Получил письма от Мацулевича, Ильина и Лихачева. Отдал перепечатать на машинке

[4*] У автора – Богушинского.

[5*] Французское десертное белое вино.

Л.С. Игнатовой статью о родовых знаках, обещала кончить через 2 недели. После 3-х пошел с Л.В. в старый университет, где в актовом зале помещается выставка гипсовых слепков с предметов старины, научного характера (черепа, кости); между предметами древности удались египетские предметы и т.д.; много изготовлено для наглядного обучения групп, иллюстрирующих жатву, пахоту в разных странах, виды Египта, Греции и т.д.

6 марта (21 февраля). –15°. Сегодня с 1 часа началась ревизия нашего отдела, явились: Эйферт из Главнауки, представитель финансового отдела, то же от Госторга и др.; посмотрели регистрацию монет, главным образом восточных, показывал Муралевич; прошли в серебряную кладовую, по отмеченным в инвентаре номерам отобрали несколько предметов, все оказалось в целости; Л.В. очень волновалась. Вся ревизия продолжалась с час или немного более. Написал Н.П. Лихачеву и А.А. Ильину.

7 марта (22 февраля). –7°. С 12 до 2 ½ были опять ревизоры, осматривали систему записей в книге поступлений, спрашивали, кто ведет записи, etc., etc. Заходил П.С. Шереметев, сказал, что имеет подлинный портрет Матвеева Артамона Сергеевича, хотел бы его продать.

8 марта (23 февраля). –8°. Подал, по совету Эйферта из Главнауки, секретное заявление Лепешинскому, что в Музее хранятся 4 ящика из Виленского музея, присланные во время войны. Рабочие Симоновского района решили сломать Симонов монастырь, а из камня выстроить себе дома!! По поводу такого мудрого решения я собрал заседание специально-исторического отдела, на котором П.Д. Барановский, Д.П. Сухов и остальные присутствующие постановили выразить протест против сломки зданий и стен и использовать здания под Военно-исторический музей. Во время нашего заседания в зале было собрание музейских сотрудниц, работниц, по случаю сегодняшнего «дня женщин». После 3-х зашел с Л.В. в Охотный ряд, купил икры красной и копчушек нам и ей. Заплатил за квартиру, электричество и воду 31 р. 54 к. В сегодняшнем номере «Правды» воспроизведена 1-я страница «Дейли экспресс» с рассказом Троцкого о его высылке из России, следовательно, Троцкий живет в Европе, и, кажется, в Берлине. Л.С. Игнатова переписала мне на машинке более половины статьи, которую сегодня вечером правил, ошибок мало.

9 марта (24 февраля). –9°. К 12 ч. поехал в Музей, там меня ждал М.И. Александровский с протоколом вчерашнего заседания; я просмотрел протокол и отдал его перепечатать на машинке; пришел из Кремля Д.П. Сухов, рассказал, что большевики задумали выстроить внутри Кремля военную школу в 6 ½ этажей в вышину, что, по его словам, обезобразило бы Кремль, так как здание было бы выше Успенского собору; большевики от этой мысли отказались, будут строить вне Кремля[14]. В 1 ч. вернулся домой, в 5-м часу поехал за ветчиной к Елисееву, но ее уже распродали, купил сыру, компоту, а за ветчиной отправился в Охотный ряд, где магазины оказались уже запертыми (было 6 ч.); купил утку, очень большую, жирную за 3 р. 50 к. (!). Народу всюду масса, я очень устал.

10 марта (25 февраля). –9°. Выпал снег. Воскресенье. Топил утром печь. В 2 ч. пришла Л.В., обедала, после обеда с час у меня сидела в комнате, говорили о музейских делах, в 6 ¼ ушла домой. Вечером заходила М.Н. Гусева, приглашала во вторник в 12 ч. приехать в Дарвиновский музей.

11 марта (26 февраля). –10°. Отбирал в Музее для безбожников вериги; отобрал 18, а безбожники требовали 80; для них же отбирал с Л.В. ордена. Немного занялся монетами. Расплатился с кассой взаимопомощи: внес последние 30 р. После занятий пошел в гомеопатическую аптеку, купил жене тинктуру арники (для волос) и аконит в каплях. Моя статья перепечатана, всего вышло 23 страницы в лист, заплатил 5 р. Заехал к Танюше, не застал ее, была у вечерни, посидел с Машей и ребятками, принес им сыру и пасхи. Получил из избирательной комиссии извещение по почте, что я исключен из списка лиц, лишенных избирательных прав.

12 марта (27 февраля). –8°. Сегодня занятий нет: большевики празднуют свержение самодержавия. Получил открытое письмо от Александра Владимировича Позднеева, что его отец Владимир Матвеевич умер в ночь на 10-е марта; хороший был человек, царство ему небесное. К 12 ч. поехал в Дарвиновский музей (здание 2-го университета на Девичьем Поле). Приехал туда первым, после набралось человек 30–40. Директор музея Котс прежде всего познакомил нас с картинами покойного М.Д. Езучевского, писанными специально для музея; о существовании их я не подозревал; это большие полотна, сюжеты их относятся к эпизодам из жизни великих натуралистов, создателей естественной науки – Ламарка, Кювье, Дарвина, и т.д., и т.д., но сюжеты захватывают и более отдаленные эпохи из мира Востока, Греции, Возрождения (Коперник, Галилей и проч.). Рисунок картин отличный, современного кривляния и помину нет; всякий сюжет продуман так, что невольно останавливаешься или на композиции, или на выражении лиц. Мне было совестно и досадно, что ничего этого я не видал и не знал, когда он был жив! Как Миша был скромен! Сам музей в своей основе посвящен показать на экспонатах то, что открыли великие умы Дарвина, Ламарка и т.д. Мы видим изменение окраски птиц, четвероногих на прекрасно сделанных чучелах и т.д. Объяснения давал директор Котс, очень знающий человек, но дававший объяснения вперемешку с каламбурами, остротами на современную жизнь, но главная нотка, которую я подметил, это неуверенность в теории Дарвина о происхождении видов, не раз повторял он: «Это великая тайна». Его остроты, рассыпанные в слишком большом количестве, несколько охлаждали меня. Объяснение длилось 2 ½ ч., присутствовала Екатерина Васильевна, вдова Миши; встретил многих, бывавших в семье Езучевских… Ходил я все время с Бакушинским[6*], заведующим Третьяковской галереей. Уехал я совсем подавленный массою впечатлений. Посещение музея останется памятным для меня. Домой приехала, почти одновременно со мной, Танюша, которая сидела часов до 6. Забыл упомянуть, что существенная часть Дарвиновского музея наполнена прекрасными скульптурами и картинами художника Ватагина[15]; все они сделаны очень талантливо и прод<ум>анно.

13 марта (28 февраля). –2° утром, вскоре стало +2°, весь день шел мелкий снег. Приехал С.Н. Тройницкий, заходил ненадолго в Музей, из Эрмитажа приехало несколько человек на доклад Луначарского. Заходила в Музей Аделина Антоновна, она в отчаянии, что Александр Андреевич лишен права голоса. Были ревизоры, просили дать им серебра и табакерок на продажу, я сказал, что будет сделано, если получу распоряжение от начальства.

[6*] У автора – Богушинским.

14 (1) марта. –2°. Днем потеплело, снег тает. В Музее немного занялся монетами. В одной из зал выставки XVII в. повесил портрет Григория Ивановича Микулина, посла Бориса Годунова к Елизавете Английской в 1600 г. Заходил А.В. Сосновский, пригласил вечером к себе. Купил паюсной и кетовой икры. К 5 ч. пришла Л.В., и мы втроем сели есть блины; после обеда я уснул с час; в 8 ч. Л.В. ушла.

15 (2) марта. –6°. Занимался текущим делом. В моем отделе занимался изданиями по нумизматике Сасанидов Александр Семенович Стрелков; рассказывал, между прочим, о тяжелом положении в их музее благодаря невозможному директору Ильину[16]. В нашем музее сегодня разбирали жалобу Клейна на Л.И. Воронову; я после спросил Клейна, чем все кончилось, тот сказал, что не знает. В отделе Византии будет уволена, как я слышал, по заявлению Протасова, В.И. Лебедева; об этом она сказала мне.

16 (3) марта. –10°. В 10 ½ ч. отправился за ветчиной на Тверскую в «Коммунар» (бывший Елисеева), там ее не оказалось, купил 2 коробки копчушек (по 65 к.) и проехал в Охотный ряд, где купил ветчины. Прочитал «Повесть о брате моем А.А. Шахматове (легендарный мальчик)», написанную его сестрой Е.А. Масальской. Впервые узнал, что за удивительный ученый и человек был Шахматов. Весь интерес записок для меня сосредоточился на замечательных письмах 14–15-летнего мальчика. Как все письма чисты, какою страстною любовью пропитаны к науке. Остальное для меня было малоинтересно. Продолжение записок Масальской обещано издателем Сабашниковым. Послал анкету в *Цекубу*: «Жалованье в Музее 200 р., других внеакадемических служб не имею; на *полном* иждивении имею жену, на *частичном* дочь, ее дочь с 3 детьми, внучка, зарабатывает уроками». Около 7 поехал к А.В. Сосновскому, он с женой и Жоржем встретили радушно, угостили блинами с паюсной икрой, сметаной; выпили бутылку Chambertin, потом кофе с лимоном; беседа была обычная, около 11 ч. уехал домой; А.В. проводил до трамвая № 31.

17 (4) марта. –8°. Воскресенье. Утром заходил внук Митя Зворыкин, рассказывал, что вчера приехал заместитель Леон. Ст. на водокачке; Л.С. уезжает через неделю в Сочи, куда в начале мая переедут и Надя с детьми. Еще одно достижение революции: с нынешнего дня стали выдавать хлеб по карточкам! В 1 ч. зашел А.А. Карзинкин, угостил его ветчиной и Барзаком, старался его всячески утешить.

18 (5) марта. –8°. Большевики празднуют Парижскую коммуну, занятий нет. Чистый понедельник, начало Великого поста. Утром топил печь. Днем правил статью, немного поспал. К 5 ч. приехали: Надя, Наташа и Ляля, обедали, позже приехал Леон. Ст.; он полон сборами к отъезду в Сочи, куда уезжает через неделю.

19 (6) марта. –7°. Занятия в Музее окончились в 1 ч., а в 2 ½ ч. должны были все идти на выборы в Политехнический музей, куда я и пошел с Д.Н. Эдингом и В.А. Городцовым; аудитория была полна; царил перед началом заседания необычайный хаос: пение комсомольцами песен, играла музыка; в 3 ½ ч. открылось заседание; какой-то оратор говорил о политическом положении СССР, о ее достижениях и т.д.; все это было скучно, и я поспешил уйти, в 5 ч. был уже дома. В Музее произошел неприятный инцидент: наш фотограф Веселаго вчера получил по почте письмо от Исторического музея, что он с 15 марта более не числится на службе, без объяснения причин; он

это мне рассказал с большою горечью. Подобного у нас не случалось. По-видимому, каждый из нас может получить такую же бумажку! Ужасно! Дома нашел Адель Шмидт, приехавшую погостить.

20 (7) марта. –9°. В Музее очищал ту комнату, где стоят иконы Владимирской Божией Матери, Донской и другие первоклассные произведения, от ящиков, которые перенесены в кладовую (в них лежат не разобранные еще древности). Слышал, что Главнаука закрыла музеи Новодевичьего и Донского монастырей[17]. Куда перенесут сокровища? В 8 ½ ч. приехали Сосновский с женой и сыном, сидели до 11 ½ ч., закусывали, пили вино, чай.

21 (8) марта. –4°. Почти весь день Л.В. производила чистку нашей комнаты, удаляя ненужные предметы, небольшое участие принимал и я; с утра чувствую недомогание, в горле хрипота. Клейн заявил правлению, что не может работать с Л.И. Вороновой, которая медленно работает и имеет дурной характер; ее «судили» (Матвеев, Протасов), решили переместить ее в другой отдел. Дома нашел Валечку, вид ее мне понравился. Вчера получили письма Веры и Наташи, Вера приложила свой портрет, она мало изменилась. После обеда пришла внучка Нина. В 8-м часу, в то время, как мы все сидели в комнате жены за самоваром, неожиданно явилась Л.И. Воронова и прошла в мою комнату, где объявила, что правление решило поместить ее в мой отдел; это решение, по ее словам, сделано с той целью, чтобы выпытать от меня мое мнение о ней, как неудобной для меня сотруднице, и затем исключить ее из Музея; на такие слова я не знал, что ей ответить, но, во всяком случае, обещал ей ничего плохого о ней не говорить. После этих разговоров она с полчаса посидела с нами и уехала домой.

22 (9) марта. –1°. Имел разговор с Матвеевым, который в любезном тоне от имени правления просил временно взять в мой отдел Л.И. Воронову, а к Клейну временно поместить Н.А. Гринвальд. Я ему ответил, что на временное помещение согласен. Об этом рассказал обеим сотрудницам: Л.В. надулась, а Н.А. всплакнула; затем отправился к Л.И. Вороновой, передал ей разговор с Матвеевым, при моих словах, что я согласен взять ее только временно, лицо Л.И. отразило ее тяжелое душевное состояние, но она прибавила, что ее в свой отдел приглашает Щекотов, о чем Щекотов будет иметь разговор с правлением. Отобрал из дублетов для Можайского музея 18 монет можайских и верейских. В ½ 2-го отправился по поручению Главнауки в Государственную филателию, где осмотрел отправляемые русские и иностранные монеты, написал протокол осмотра; дома был в 4 ½ ч. Часу в 8-м пришел Б.Н. Граков, сидел до 11 ч., купил для Казакстана (Киргизский край) у меня «Отчеты Археологической комиссии» по 1 р. 50 к. за том.

23 (10) марта. –2°. Грипп продолжается 3-й день, дважды на ночь принимал аспирин, мокрота стала отделяться. Совсем больной поехал к 11 ч. в Оружейную палату; заседание Ученого совета продолжалось до 2 ¼ ч., большую часть времени посвятили на обсуждение[7*] вопроса, какие гобелены отдать на продажу за границу, затем, что ответить на распоряжение большевиков о снятии всех колоколов Кремля! Их было всех более 70, из них 18 (новых) взяты, а теперь разрешают оставить только 15, а Лядов (начальник Главнауки) говорит, что не нужно оставлять ни одного. Д.Д. из боязни говорил, что возражать

[7*] Так у автора.

нельзя, но весь Совет высказался, что всё же научный ответ о значении колоколов, как памятников, необходимо дать. До какого тупоумия дошли большевики. Я с трудом сидел в заседании, так мне нездоровилось; приехав домой, пообедал, разделся и лег в кровать, лежал, т.е. спал до 7 ч. Получил от Д.Д. для «Сборника» его статью об иконе из стеатита св. Димитрия; статью я прочитал, она значительно изменена сравнительно с первой редакцией статьи.

24 (11) марта. +4°. Воскресенье. Встал поздно. Насморк и кашель пока в том же положении. Написал А.Т. Стефанову[18] в музей в Ростове-на-Дону (о кладах). Утром заходила М.Н. Гусева. Весь день читал Ключевского и Соловьева о Руси до начала XII в.; стараясь уяснить себе родовой быт этой эпохи.

25 (12) марта. –1°. Чувствовал весь день недомогание. Утром из Музея съездил в Цекубу за жалованьем. Имел с Матвеевым разговор: он просил меня познакомить с наиболее ценными вещами из благородных металлов на случай, если у него спросят, что Музей имеет для продажи. После занятий зашел в Охотный ряд, купил ½ бутылки коньяку и 2 лимона. Была закупочная комиссия, купили кое-что, между прочим отрывок Евангелия [от] Никодима на пергамене XVI в. Дома нашел Надю и Валю, обе обедали, позднее пришла Таня Кочурина с Зорей.

26 (13) марта. –5°. По приглашению Матвеева Л.В. и я пошли на заседание правления, где был доклад Щекотова о скорейшей очистке бывшего религиозного отдела, поэтому обязали отдел государственного быта принять все серебро и перенести в серебряную кладовую и в свободные шкафы. В общеисторическом разряде (у М.М. Богословского) было заседание, на котором Милонов выступил с критикой докладов, читанных в последние годы, и с проектом новой экспозиции предметов; к сожалению, я только частично присутствовал, так как меня вызывали. После занятий пошел с Л.В. на Петровку, зашли в чайный магазин, где была огромная очередь за чаем, нам выдали по ¼ фунта за 63 копейки. Сегодня уехал в Сочи Леонид Степанович Зворыкин на летние работы.

27 (14) марта. –6°. Намечал в серебряной кладовой наиболее выдающиеся вещи из золота и серебра иностранного изделия на случай, если правительство будет отбирать для продажи. Купил в «Москвотопе» 2 ½ кубических метра (= 1 кв. сажень) хвойных дров за 20 р. с доставкой. Часу в 7-м приходит господин преклонных лет и спрашивает меня, я вышел из комнаты, он мне рекомендуется: «Ваш школьный товарищ Еремеев». Я всмотрелся в лицо и с трудом узнал Василия Ивановича, с которым не видался не один десяток лет; беседовали с ним более часа, вспоминали прежних товарищей, умерло $^{9}/_{10}$; попоил его чаем. Чем он существует, не знаю, он женат, но детей не имеет.

28 (15) марта. –3°. Была закупочная комиссия для приобретения архивных бумаг у одного военного А.С. Буцевича, которые куплены за 150 р.; архива я не видал, имею понятие по докладу Иванова, сотрудника Музея. В кладовой докончил с Л.В. осмотр наиболее выдающихся предметов. Дома нашел Танюшу и Валечку. В 7 ч. пришел К.Ф. Гессель и Карлуша Шмидт, все мы сидели в комнате жены. К.Ф. много рассказывал про статьи в английских газетах, которые получаются в библиотеке, которою он заведует; в статьях много говорится о Троцком, который в одной беседе с корреспондентом сказал, что большевики идут к термидору; любопытные известия сообщил о раскопках в Уре, месте, где жил Авраам.

29 (16) марта. +3°. Производил расчеты за купленные древности (писал акты, счета). С 12 ч. до 3-х шло заседание Ученого совета по вопросу о библиотеке. После 3-х зашел в «Коммунар» в Охотном ряду, купил щетку для натирания полов за 1 р. 6 к. и эмалевый уринал за 1 р. 9 к. Весь день дул резкий холодный ветер, в 4 ч. пошел снежок.

30 (17) марта. –3°. К 11 ч. приехал в Оружейную палату, где застал чтение протокола о ревизии хозяйственного отдела Оружейной палаты, который читал ревизор; заседание имело мирный характер, но для меня было малоинтересно. После началось заседание Ученого совета, по содержанию малоинтересное; окончилось часу в 3-м. Из Кремля зашел в Охотный ряд, купил ветчины. Погода очень ветреная. Вечером часу в 9-м заходила Л.В. сказать, что завтра в 2 ч. прийти не может, а придет позднее; я к ней не выходил. Когда я вернулся из Оружейной палаты домой, то застал Б.Н. Гракова, приехавшего за остальными «Отчетами» для Казакстана, которые он и забрал.

31 (18) марта. Воскресенье. Встал в 9 ч., на солнце +6°, но на крышах снежок не стаял, очевидно, был мороз. Поехал в Алексеевский монастырь к литургии, спросил старосту о регистрации могил, он ответил, что производится в будни в клубе; после обедни был у своих могил, все в исправности, зашел в клуб, переделанный из храма, вошел в правление, где сидели парни и девки (комсомолы) и играли в шашки, на мой вопрос о регистрации ответили: «В понедельник от 12 до 4-х, в остальные дни от 10 до 3-х». Из монастыря проехал на Арбат к Танюше; по дороге купил им баранок, сухарей, для детей мармеладу и шоколаду. Из всех нездоров Алеша, который вчера был именинник, подарил ему на подарок малую толику, а для Ани дал Танюше 5 р.; Ане тяжело живется; попил чаю, побеседовал с Ек. Ал. и Ольгой Николаевной; около 3-х уехал. Дома нашел Зоргаген, немного спустя пришла Л.В., вчетвером мы обедали. Погода холодная, температура воздуха в 4 ч. –3°, резкий ветер. После обеда пришли Сережа и Юзя; все пили чай в комнате жены, разошлись: Л.В. в 8 ч.; прочие в 9 ч.

Апрель 1929 г.

1 апреля (19 марта). –4°. Л.В. и я знакомили Матвеева с содержанием нашей серебряной кладовой, обращая главное внимание на те предметы, которые наиболее требуются за границей. Переносили назначенные нам, т.е. в мой отдел, предметы из [отдела] религиозного быта.

2 апреля (20 марта). –5°. Заходил Д.Д. Иванов, заплатил 30 р., взятые Оружейной палатой в субботу; я ему сказал, что не желал бы печатать статью Успенского в «Сборнике»; Д.Д. согласился. Отбирал и переносил из религиозного отдела некоторые предметы. После занятий зашел в «Коммунар» в Охотном ряду, где купил жене эмалированные таз и уринал. Слышал, что из Музея изящных искусств начальником Главнауки Лядовым удалены: Гиацинтов, Эфрос и Харко, о которых недавно была напечатана статья (я ее не читал) в «Комсомольской правде». Куда мы идем? По доносу людей без суда выгоняют на улицу.

3 апреля (21 марта). –5°. Большую часть времени провел в религиозном отделе Музея: отмечали с С.В. Бахрушиным, Протасовым и Клейном наибо-

лее замечательные иконы, затем занимался с сотрудниками и техническими служащими переносом вещей религиозного характера в кладовую и в шкапы моего отделения.

4 апреля (22 марта). –3°. При помощи Л.В. и Л.И. Вороновой перенесли все серебро из религиозного отдела в кладовую. После 3-х отправился с Л.В. обедать к О.И. Поповой; предварительно зашли в Охотный ряд, где я купил для О.И. Поповой 10 апельсинов (2 р.). Приехав, сели обедать, обед состоял из грибного борща со сметаной, какой-то рыбы с картофелем и клюковного киселя; выпили вина «Барзак», после – чай. Л.В. уехала в 5 ½ ч. на урок, я сидел до 9 ч., пришли обе ее сестры; разговор вели на литературные темы, было очень оживленно.

5 апреля (23 марта). –5°. Память о Лидии Ивановне [Бирюковой], царство ей небесное. Утром купил для именинницы Л.И. Вороновой 10 яблоков и 1 бутылку мадеры. Перенес с Л.В. остатки серебра в серебряную кладовую. Говорят, мы будем заниматься в Великую Субботу и в 1-й день Светлого Воскресения; если это осуществится, какое будет насилие над нами, верующими! Вышел «Сборник статей в честь В.А. Городцова», довольно объемистый; всем участникам будет вручено [по] 1 экземпляру «Сборника» в переплете и по 50 экземпляров оттисков.

6 апреля (24 марта). –5°. Идет снег. В 10 ½ ч. поехал в Алексеевский монастырь зарегистрировать могилы отца и матери; в правлении, помещающемся в упраздненном большевиками храме (там же кино и клуб), нашел сидящего за столом мужика, потребовавшего мои документы, которых я не захватил и хотел уходить, но он сжалился надо мной и поверил, что я ношу фамилию отца, дал мне жестянку с черной жидкостью и кистью и сказал, чтобы я сам пошел и поставил на памятнике *Р 896*, что я и отправился делать; глубокий снег занес проход к памятнику, огороженному решеткой; снег я разгреб ногами, но дверцы открыть не мог, должен был перелезть с большим трудом, и над надписью с именем отца написал цифры регистрации; вздохнул свободно, когда вылез обратно. В выданной мне квитанции говорится, что могила должна быть приведена в порядок, т.е. посажены цветы, убрана решетка к 30 мая 1929 г. За регистрацию ничего не взяли. С кладбища поехал к Танюше, свез для Ани бутылку подсолнечного масла и пакет пшена. У Танюши застал всех дома, посидел недолго; Агнесинька сказала мне наизусть «Спи, младенец мой прекрасный» очень четко и выразительно. Переделал заключение в моей статье о родовых знаках. Метель не прекращалась весь день.

7 апреля (25 марта). +2°. Воскресенье. Праздник Благовещения Богородицы. Встал поздно. Погода ясная. Топил печь, сжег хранящийся у меня кусок грушевого дерева из нашего сада, сломанного в бурю 16 июня 1904 г., буря тогда наделала много бед. К 2-м часам пришли Надя и Валя, обедали, вскоре ушли. Вечером пришла Танюша, сидела до 8 ч.

8 апреля (26 марта). –3°. Ночью выпало немного снега. Весь день шел мокрый снег. Отбирал в Музее ненужные для нашего отдела книги, которые сдам в библиотеку. В моем отделе 2 студента из Коммунистической академии[19] осматривали медали с изображениями портретов естествоиспытателей или относящихся к учреждениям такого же характера. Вернулась Лёля из поездки. Вечером заходила ко мне М.Н. Гусева; ей я рассказал, что Музей приобрел от М.П. Чеховой[20] (в Ялте) 5 патентов на чины, данные ее предкам

Клеопиным (она рожденная Клеопина), что ее очень заинтересовало: она интересуется историей своего рода. Переделанное окончание моей статьи несколько увеличилось в объеме.

9 апреля (27 марта). 0°. Весь день шел мокрый снег. В Музее пришлось иметь много разговоров и ходьбы, устал ужасно. Заходила дочь покойной артистки М.Н. Ермоловой[21], просила помочь ей продать кое-что; я обещал зайти на днях. Были какие-то 2 дамы из МОНО, просили помочь устроить антирелигиозную выставку для детей (?!), ответил им, что сегодня занят, просил зайти на будущей неделе. Получил письма от В.А. Никольского, А.А. Ильина и Н.П. Лихачева.

10 апреля (28 марта). –3°. Была закупочная комиссия, купили кое-что для Музея 40-х годов. Немного занимался монетами черноморских колоний. Слышал, что вчера в штатной комиссии Матвеев говорил об упразднении 21 сотрудника Музея. После 3-х отправился к Маргарите Николаевне Зелениной, дочери покойной артистки М.Н. Ермоловой; со мною поехала Л.В.; она живет в том же доме, где жила ее мать, на Тверском бульваре. Поднялись по скверной вонючей и грязной лестнице со двора на 3-й этаж, вошли в квартиру, довольно большую; Маргарита Николаевна нас ввела в спальню, где жила и умерла ее мать; вся обстановка осталась прежняя: на стенах портреты, масса икон в углу, у кровати, все плохие. М.Н. принесла монеты, которые думала продать, но я ее разочаровал: цена всем – цена серебра по весу. Пришел Виктор Николаевич Лебедев, юрисконсульт Исторического музея, ее хороший знакомый, побеседовал с ним; отозвался о Матвееве, назвав его странным человеком; об общем положении сказал, что далее идти некуда. Я его спросил, правда ли, что 10 000 человек в этом году будут выселены как домовладельцы, ответил, что это дело провалилось так же, как и лишенцы.

11 апреля (29 марта). –3°. Успел привести в порядок 2 планшеты монет черноморских колоний. К нам поступил объемистый альбом, содержащий старые афиши, визитные карточки, рисунки, засушенные цветы и т.д.; между карточками выделяются принадлежащие А.С. Пушкину, Н.Н. Пушкиной, баронессе Геккерн, И.А. Крылову, князю Вяземскому П.А., В.А. Жуковскому; кому принадлежал альбом – не знаю[22]. С 2-х до 4-х сидел на заседании по реорганизации Музея, устроенном по инициативе Милонова; говорили сотрудники Музея свои возражения на проект Милонова, которого я не слыхал; все высказываются отрицательно. Заседание еще не кончилось, когда я ушел. Дома застал Надю с Мишей и Лялей, которые обедали; после обеда пришла М.Н. Гусева с дочкой, после них Митя из художественного училища.

12 апреля (30 марта). –4°. Почти весь день в Музее укладывал в шкап № 8 монеты, соединяя собрания Музея (Бурачков), графа Уварова, Чижова и Румянцевского музея. После занятий зашел к «Мюру», купил мыла, лепешек мессинских. Погода ясная, но свежая; снег плохо тает.

13 апреля (31 марта). +1°. В 8 ч. утра отправился в Музей, с 9 часов при помощи 7 человек комсомольцев началась переноска вещей из бывшего религиозного отдела; ко мне в кладовую было перенесено 15 или 16 тяжелых ящиков; к 11 ч. переноска моих вещей была кончена. В 11 ч. пришел С.П. Григоров и расспрашивал меня, как и что работают сотрудники; я его познакомил; в разговоре он передал мне свои замечания относительно занятий в других отделах, довольно неодобрительно отнесся к отделу стекла и к отделу масля-

ных картин, но одобрил отдел тканей, фарфора; в 12 ½ он ушел, но Лепешинский попросил меня прийти в отдел домашнего быта по следующему поводу: из этого отдела должны были тоже переноситься вещи, но Фомин, явившись со всем штатом своих сотрудников, прождал с ½ часа, а так как рабочие, занятые у меня, еще не кончили переноску, то он, написав какую-то вызывающую (так мне сказал Лепешинский) [записку], ушел демонстративно со всеми из Музея, и его работа была поручена Лепешинским мне, которую я в час или менее исполнил. При таскании я изодрал на колене свои брюки. Из Музея отправился в Оружейную палату на заседание Ученого совета, на которое мог бы и не приходить; в 3 часа вышел из Кремля, зашел в Охотный ряд, купил сыру и халвы. Дома нашел внучку Нину, которая у нас обедала. После обеда приехала Надя с Лялей, после Наташа, Митя и Маша; вся семья собралась, чтобы встретить у нас Ваню с женой, приехавших из Петербурга проездом в Новочеркасск, они вскоре пришли, посидели с час, пили чай, и оба отправились в театр Мейерхольда смотреть пьесу «Клоп»; прочие вскоре уехали.

14 (1) апреля. +6°. Воскресенье, встал поздно. Сегодня 9 лет, что умерла Л.И., царство ей небесное. Около 12 ч. заходил А.А. Карзинкин, хлопочет продать в Третьяковскую галерею превосходный портрет своей бабушки, работы Тропинина; живется ему трудно. К обеду пришла внучка Аня, долго сидела. Какой она чудесный человек. При ней приходила дочь умершего Владимира Матвеевича Позднеева – Ольга Владимировна, подробно рассказывала о смерти отца. Часу в 8-м пришли Ваня с женой, сидели до 9 ч., от нас поехали на Казанский вокзал, на поезд в Новочеркасск; приятно провел время разговора с Ваней, у него разнообразные интересы, жена его Милица очень милая женщина.

15 (2) апреля. +3°. Пришлось в Музее много ходить, а с 1 часу занялся монетами Ольвии, которые соединил в один шкап, теперь примусь за приблизительное хронологическое распределение и за выделение дублетов. Л.В. предложила мне посмотреть сегодня «Чанг» в кинематографе, приехала около 6 ч. к нам, мы отправились на Триумфальную площадь в «Зеркальное кино», но «Чанг» идет только завтра, пришлось нам разойтись по домам. Написал В.А. Никольскому.

16 (3) апреля. –4°. Пришлось в Музее заняться монетами: составил коллекцию древнейших монет Ольвии, выделив дублеты и плохие экземпляры. В общеисторическом разряде П.Н. Миллер сделал доклад с демонстрацией вещей о раскопках на месте старой Покровской аптеки[23]; между вещами найдены черепки китайской аптекарской фарфоровой банки и китайского фарфорового кувшина (такого у нас нет). К семи часам отправился в университет в Общество истории и древностей российских, С.Б. Веселовский прочитал очень интересный доклад «Боярство в XIV столетии»; материал для доклада взят из синодиков и т.п.; им написано 25 биографий старых родов; познакомил с родом Радши; из его доклада впервые узнал, что Годуновы не татарского происхождения, а из Костромы[24].

17 (4) апреля. –5°. Сегодня был Н.В. Власов, представитель Госторга; за час до его прихода я пошел с Л.В., Матвеевым и Коршем в кладовую, где отобрали 12 табакерок, 3 кружки и два подноса; с его приходом опять пошли туда же (Матвеев не пошел), и Власов прибавил ещё 2 табакерки и миниатюру с видом на золоте от крышки табакерки, и ещё кое-что из серебра. Была

закупочная комиссия, купили несколько предметов. День был ясный и свежий, около 4 часов пошел снег, вскоре прекратившийся. Вечером смотрел в кино «Зеркальном» (Триумфальная площадь) нашумевшую здесь картину «Чанг»; сюжет рисует в джунглях Индокитая жизнь туземцев в борьбе за существование со зверями; построено всё в высшей степени искусно, иллюзия местами полная, но местами на наивность режиссеров смешно смотреть, например, во всех картинах, где фигурируют слоны; для детей зрелище занимательное.

18 (5) апреля. –5°. Написал в Музее несколько счетов и актов на последние приобретения. С 12 ½ до 2 ½ Н.В. Власов со мною и Коршем осматривал серебро и ещё отобрал несколько предметов. Сегодня слышал, что А.М. Бардыгина без предупреждения выслали из Бутырской тюрьмы в Соловки. Заходила после обеда Танюша, немного посидела. Часу в 8-м неожиданно пришли Сережа с мужем его сестры Поли – Константином Карловичем Жоффрио, который на днях уезжает с Полей навсегда во Францию, в Ниццу, где будет заниматься плодоводством, у него имеется небольшой сад с фруктовыми деревьями; он французский подданный.

19 (6) апреля. +1°. Почти весь день в Музее описывал и составлял акты приобретенным предметам для Музея и для Музея 40-х годов. Слышал от Н.А. Баклановой, что М.М. Богословскому стало хуже.

20 (7) апреля. +2°. В начале 12-го отправился в Охотный ряд, где купил 2 фунта ветчины, сыра, груш-консервов и 1 фунт зеленого горошка; всю эту операцию проделал более часа: у каждого отделения очереди. Из Охотного ряда проехал в Цекубу, выдачи академического обеспечения не было, швейцар сказал, что будут выдавать в мае, теперь пересматривают; я слышал, что многим, получающим большие оклады, обеспечение прекратится. Дошел пешком до Зубовской площади, оттуда на **Б** через Таганку поехал домой. Всюду огромные хвосты за хлебом, продуктами и проч.! Дома нашел Надюшу, которая, позавтракав с мамой и мною ветчиной, уехала в Мытищи; пришла Наташа. Идет порядочный дождь, Москва-река еще не тронулась.

21 (8) апреля. +2°. Воскресенье, никуда не выходил. Погода неприятная: мокрый снег, по временам светит, но недолго, солнце. Прочитал 1-ю часть «Из моих воспоминаний» петрашевца Д.Д. Ахшарумова; в ней все, что касается его личных переживаний, довольно скучно; трогателен эпизод бросанья из окна тюрьмы письма к Вареньке, и очень интересно описание казни, тут же отмененной, над 23 петрашевцами; зачем такое издевательство? Что должны были многие чувствовать? Часов в 6 пришла Л.В., сидела с женой; около 8 пришли в мою комнату, пришел К.В. Крашенинников, стали пить чай и выпили ½ бутылки вина; К.В. ездил за границу лечиться; в 9 ¾ они ушли.

22 (9) апреля. –1°. Только что утром вошел в Музей, меня встречает О.И. Попова с известием о смерти М.М. Богословского в субботу (20 апреля) в 10 ч. утра от грудной жабы. Это известие меня очень поразило. Жаль его как человека и как настоящего ученого-историка. В Музее все, кроме коммунистов, жалеют его. Я решился ехать к 5 ч. на вынос, и, чтобы известить жену, что опоздаю, попросил Л.В-ну съездить к нам с запиской к жене. В 1-м часу состоялось заседание специально-исторического разряда с докладом Анны Лазаревны Вейнберг[8*] об обнаруженном ею в собрании Музея портрете

[8*] У автора ошибочно – Гольдберг.

Данзаса, секунданта Пушкина; портрет карандашный с надписью: «К. Булгакову К. Данзас». Л.И. Воронова пригласила Л.В-ну и меня зайти к ней после занятий и закусить; я подарил ей 3 р. на покупку севрюги, и мы пошли; за стол сели: Василий Сергеевич, Л.И., Л.В. и я; Никита спал; поели супу, севрюги, почек и выпили чаю. К 5 ч. поехали на Зубовский бульвар; М.М. лежал в гробу с мало изменившимися чертами лица, но синий: народу было очень много; после панихиды его понесли на руках в храм Знамения в Зубове; как только начался парастаз, мы ушли. Отпевать будут завтра в 10 часов, служить будет архиерей, хоронить – в Новодевичьем монастыре. Жаль мне Елизавету Петровну, его жену, последнее время у них был семейный разлад; недавно они потеряли сына, который утонул, а теперь она – мужа. Смотрел, переезжая Крымский мост, из окна трамвая на Москву-реку, льда нет, но лед сверху еще не тронулся.

23 (10) апреля. –2°. Из моего отделения на отпевание М.М-ча поехала Л.В-на, вернулась около 2 часов, народу была полна церковь. Почти весь день я занимался монетами Ольвии. После занятий пошел с Л.В., зашли в магазин «Коммунар», где я купил пару носков, а она по карточке 2 белых катушки (17 к. за обе); потом зашел на Петровку в винный магазин, купил красного вина. Публикации в «Известиях» о смерти М.М-ча от имени Музея не было; как мне передал Лобанов, Лепешинский поданный ему проект публикации разорвал. Получили от Лёли Акопиан из Балтимора письмо, очень красиво описывает жизнь американцев и все внешнее, но ни словом не обмолвилась о своей интимной жизни, неужели она думает, что мы не знаем ее близости с Балиевым?

24 (11) апреля. 0°. Почти все время занимался распределением по буквам и монограммам медных ольвийских монет с типом Ипанида. Слышал от Арендта, что американский ученый Башфорд Дин умер, и я видел выпущенный в честь его сборник (со статьями об оружии) с приложением его портрета. Заходила Н.А. Бакланова и передала от имени Е.П. Богословской, что в воскресенье, в 9-й день смерти М.М-ча, будет на его могиле панихида.

25 (12) апреля. +1°. Продолжал заниматься ольвийскими монетами. Сотрудник Музея изящных искусств Харко делал слепки с боспорских монет с изображением Афродиты. Заходил в Музей А.В. Бакушинский, говорил со мной о Е.П. Муратовой, которая у него была; он считает ее ненормальной; я ему рассказал про мой разговор с ней, когда она просила меня сделать над ней тайный товарищеский суд и т.д., также рассказал ему о письме, полученном мной от имени какой-то А. Веденс… (не разобрал), в котором она хочет меня задушить и т.д.; А.В.Б. думает, что это ее письмо. У нас ночевал Андрей Адольфович Струтинский, приехавший дня на два сюда из Кубанской области, обедал, за обедом сидели: А.И. Благовещенская, Надюша с Мишей и Лялей. Слышал, что арестован С.П. Ордынский и его жена Ел. Алдр., зубной врач, которая мне делала зубы.

26 (13) апреля. +1°. Ночью выпало немного снега, днем шел мокрый снег. Все время в Музее занимался монетами Ольвии; Л.П. Харко докончил оттиски с боспорских монет с изображением Афродиты Урании, о которой он пишет диссертацию.

27 (14) апреля. +2°. К 11 ч. поехал в Оружейную палату; так как Д.Д. был вызван куда-то, то я пошел с М.М. Лосевой и Н.Н. Померанцевым в залы, где

я любовался великолепными часами; эти часы – целое сооружение самого конца XVIII в., стоят на 4 поставках, масса бронзовой скульптуры превосходной работы; я был поражен, с каким вкусом все сделано. Посмотрел золотой оклад 1593 г. с иконы Троицы в Ипатьевском монастыре. Возвращаясь вниз, встретил Д.Д-ча, который попросил меня вернуться для осмотра золотых вещей; оказались золотые погребальные венки, золотые бляшки и т.п., по-видимому, из находок в могилах около Керчи. Слышал, что вчера в Кремле разбирался вопрос о сломке всего Чудова монастыря! Этот вопрос обсуждают Енукидзе и Ворошилов. Я был потрясен этим известием. Из Кремля зашел в Охотный ряд, купил копченой севрюги и 5 свежих огурцов. Дома обедал в обществе с Андреем Адольфовичем Струтинским. Около 7 поехал к А.В. Сосновскому, который угостил легкой закуской (ветчина, сыр, сардины), выпили 1 ½ бутылки Chambertin (в питье вина участвовала его жена Алла Степановна), беседовали; я предложил ему устроить нумизматическое общество. А.В. обещал употребить всю свою энергию на это дело. Ушел около 12 ч.

28 (15) апреля. +6°. Вербное воскресенье. В 11-м часу поехал в Новодевичий монастырь к литургии; в трамвае встретился с Танюшей, ехавшей туда же с Настей и Агнией. В церкви встретился с Л.В. и М.И. Александровским; мы все съехались, чтобы присутствовать на панихиде на могиле М.М. Богословского (сегодня 9-й день смерти); на кладбище пришли Елизавета Петровна, Наталья Аполлинарьевна, жена Северцова, Бахрушин, Богоявленские и еще кто-то; пели монахини[9*]. Я немного поговорил с Ел. Петр. На кладбище посетил могилы князя, Н.А. Рожкова, многих артистов. Домой поехали вместе (Танюша с внуками и Л.В.), но дорогой Таня сошла, Л.В. обедала; после обеда пришли Софья Владиславовна Иванова и А.Н. Никольская, сидели довольно долго, много говорили, от их разговоров, мало для меня интересных, я устал и, как только дамы ушли, я тоже ушел к себе и стал читать воспоминания Ахшарумова, 2-ю часть, которая гораздо интереснее первой. Вечером пришли Лёля, М.В. Пичета. Погода весь день стояла теплая, ясная; это был первый весенний день.

29 (16) апреля. +3°. Занимался ольвийскими монетами. В Музее устройство антирелигиозной выставки идет с лихорадочной поспешностью. Вышел сборник статей, посвященных В.А. Городцову, по случаю 40-летнего юбилея его научной деятельности; по внешности издание недурное, по содержанию еще не знаю. Всем участникам, которых 63, экземпляры сборника даны в переплете; кроме того, они получат по 50 оттисков их статей. В Охотном ряду встретил М.М. Лосеву, сообщившую ужасную весть, что Вознесенский и Чудов монастыри и Николаевский дворец будут сломаны! Не хочется верить такому вандализму! Получил от Л.А. Мацулевича письмо, статью свою еще не кончил. По Москве-реке идет лед; вода невысока.

30 (17) апреля. +2°. Лед прошел, высота реки небольшая, против китайской стены уровень реки не дошел до уровня земли 7 камней. Из окна трамвая видел аэроплан, помещенный против храма Василия Блаженного лицом на Красную площадь. В Музее продолжал разбор монет Ольвии. Было заседание общеисторического разряда; С.В. Бахрушин сказал небольшую речь, посвященную М.М. Богословскому, охарактеризовал его, как творца общеисторического

[9*] Далее две с половиной строки вымараны.

Дневник. Девятая тетрадь. Апрель 1929 г.

разряда, как человека. После занятий ходил в Охотный ряд с Л.В., купил для куличей кардамону и фрукт в сахаре. Была Танюша с Алешей и Агушей, сидели до 6 ½ ч.; какой милый мальчик стал Алеша. Весь день чувствовал слабость, головокружение и небольшую головную боль.

Май 1929 г.

1 мая (18 апреля). +3°. У большевиков праздник, к нынешнему дню готовились к демонстрациям, но с утра пошел дождь. Днем написал детям в Париж. В 6-м часу приехали из Тайнинки внучка Нина с двумя своими малютками: Лялей и Юрой; Юра умненький мальчуган 3 ½ лет, мне подробно рассказал сцены «Чанга», которого он смотрел с матерью; уехали в 7 ½ ч. Погода к вечеру разгулялась, термометр в 8 ч. показывал +10°.

2 мая (19 апреля). +8°. Великий четверг. Туман, дождь. Весь день читал, делал кое-какие дополнения к статье о родовых знаках.

3 мая (20 апреля). +3°. В 11 ч. поехал в Охотный ряд в магазин Мосторга; огромный магазин был переполнен народом; я занял очередь за ветчиной, Анюта за рыбой; по крайней мере, целый час добирался до продавца среди брани, главным образом, у женского пола, толчков; купил на 10 с чем-то рублей; Анюта купила судак за 2 р.; затем купил Танюше и себе сыру. Из Охотного ряда заехал в Цекубу справиться, не удален ли, но мне ответили, что только получающие 400 р. сняты, я же, вероятно, не лишен академического обеспечения, которое будет выдаваться в конце будущей недели. С Пречистенки приехал к Танюше; дал ей головку голландского сыра, немного посидел и отправился домой. Встретил А.Б. Салтыкова, от него узнал, что А.М. Бардыгин добрался до места ссылки, причем пришлось, не доезжая Кеми, пройти несколько десятков верст пешком (!), теперь он, вероятно, в Соловках. Проезжая по набережной, заметил, что вода в реке поднялась: до уровня земли не доходит 4 камня. На улицах видел массу возмутительных плакатов, оскорбляющих религиозные чувства. Вечером зашла Лёля, сказала, что завтра, в Великую Субботу, играет в 3-х театрах последовательно одну роль, получит за все 30 р.! Ужасно!

4 мая (21 апреля). +6°. Великая Суббота. В 11-м часу поехал к «Мюру», купил сластей на праздник, хотел купить шоколадных яиц для детей, нигде не продают; зашел в другой магазин, купил яйцеобразных конфект (драже). Всюду масса народу, огромные очереди; творогу нет, придется сырной пасхи не делать. Во 2-м часу пришла Л.В., принесла мне мою старую шляпу (бархатную), которую починила, пришила новую ленту; попила чаю с хлебом, в 2 ч. ушла. Внимательно вчитывался в статьи Чернева и Петрова[25], посвященные монетам, определяемым И.И. Толстым, как сребреники Ярослава I и II типов. По просьбе жены к заутрени не пошел; жена боится, как бы большевики не стали врываться в храмы во время Богослужения. Дождался колокольного звона, который дружно начался в 11 ¾ ч. Господи, спаси нас!

5 мая (22 апреля). +7°. Светлое Воскресение. Встал в 8 ½ ч.; часу в 1-м пошел к А.А. Карзинкину, но их никого не было дома: ушли, кажется, на показательный спектакль в Большой театр. Оттуда поехал к Адели Шмидт, посидел с ней около часу, поел пасхи, попил чаю, сыновей ее не было дома. Из Стрелецкого переулка проехал на Зубовский бульвар к Елизавете Петровне Богословской; она мне рассказала о смерти М.М-ча, которой они так скоро не ждали; последние дни он продолжал работать и только в среду или четверг наступило ухудшение (умер в субботу) утром; хочет часть книг М.М-ча раздать ученикам, часть другую спрятать; его труд «Петр Великий» занимает в рукописи 4 толстых тома в лист (я видел 4-й том), отпечатан в 4 экземплярах

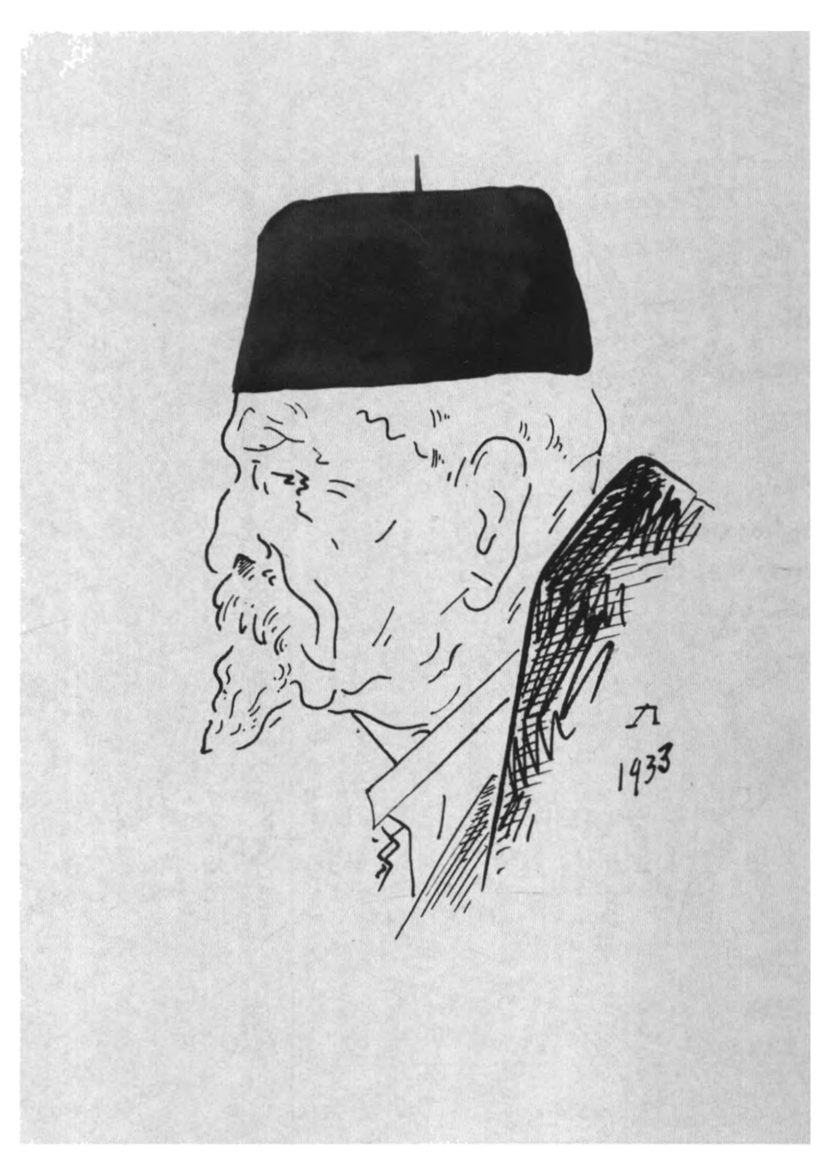
на пишущей машинке, будет храниться в 4-х разных местах; Ел.П. просила меня передать П.С. Шереметеву кусок синей суконной материи, которая получена покойным ее мужем из Цекубу; я обещал повидаться с П.С.Ш. по этому поводу. От Е.П-вны прошел к Д.Д. Иванову в том же доме, но не мог достучаться, уехал домой. Из трамвая любовался рекою, которая местами вылилась из берегов. Дома застал многочисленную компанию: пришли Валя с мужем, Надя с Мишей, Вася Сахновский, потом пришли оба Шмидта, Сережа, Федя Бец и проч.; ранее меня были Таня Кочурина, М.В. Пичета с дочерью и т.д.; разошлись все в 9 часов. Храмы ночью были полны молящимися, храм Спасителя был заперт, вокруг него были устроены возмутительные процессии безбожников.

6 мая (23 апреля). +5°. К 11 ч. поехал в Театральный музей им. Бахрушина на выставку А.С. Грибоедова. Выставку мне объясняла молодая дама Богдановская, потом заведующий музеем (забыл его фамилию). Выставка обширна, судя по каталогу, 740 номеров; много любопытных предметов, особенно полон театральный отдел по портретам и по изображениям ролей. Пришел сын Бахрушина[26] и жена А.А-ча – Вера Васильевна, позвали меня к болящему (А.А. уже давно нездоров), который сидел в кресле; мы похристосовались; подали самовар, попили чаю. Тут же сидел их родственник В.В. Постников, дядя А.М. Бардыгина, о котором его дядя кое-что рассказал; теперь А.М. на каком-то острове, ждет открытия навигации 20 мая, чтобы ехать в Соловки. От Бахрушина проехал в Исторический музей; взошел с Красной площади, разделся в общем вестибюле, прошел прямо на выставку «Что такое религия». Убедился, что цели выставка не достигнет, многочисленные экспонаты возбуждают любопытство, огромное их большинство ничего общего с религией не имеет. Посмотрел еще раз нашу выставку Грибоедова, она, по-моему, интересней; конечно, театральный отдел беднее, нежели у Бахрушина; спросил, как прошел вечер под Пасху. Сказали мне, что было человек 100, танцевали до 4-х утра. Без меня приходил А.А. Карзинкин. К обеду пришли А.И. Благовещенская и Т.П. Александрова; после обеда пришли Аделина Антоновна и Соня; Аделина много рассказывала о спектакле балетных учеников, который, по ее словам, очень удался.

7 мая (24 апреля). +8°. Почти весь день регистрировал монеты Ольвии. Получил 49 оттисков моей статьи из «Сборника в честь В.А. Городцова». Получил письмо от А.А. Ильина, сообщает, что А.А. Сиверс освобожден. К обеду пришла А.А. Бруни (тетя Аня), после обеда пришли: Танюша с Машей и 3 детьми и с Агнией; в 9 часу все ушли.

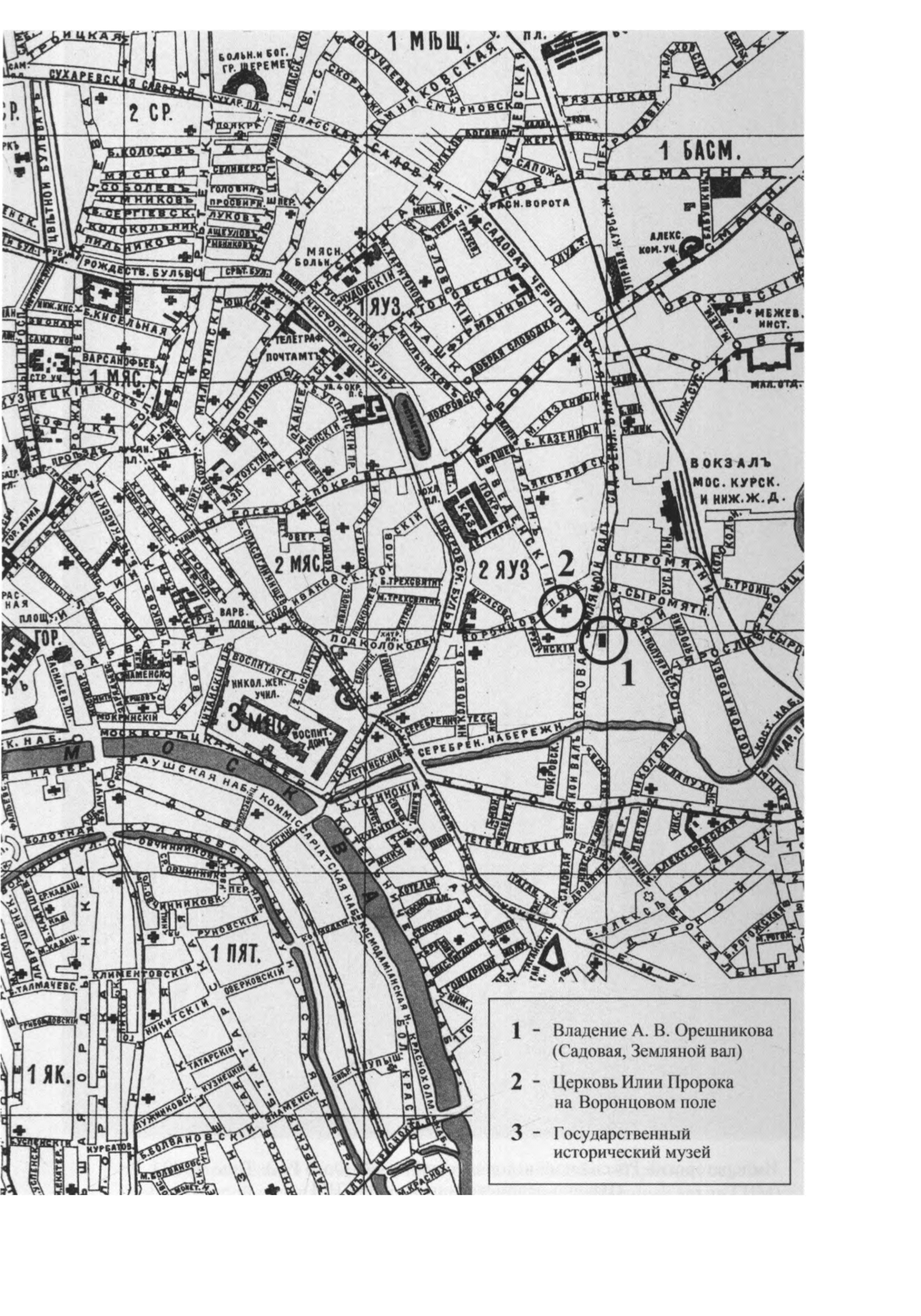
8 мая (25 апреля). +9°. Утром зашел к Т.В. Майорову (живет внизу в Музее), поздравил его и его супругу и дочку с праздником, угостили меня ветчиной, портвейном, куличом и чаем; посидел у них с ¼ часа. Была закупочная комиссия, особенно интересных вещей не купили. Занимался ольвийскими монетами. В 7 ч. поехал к А.В. Сосновскому, закусили ветчиной, пасхой с куличом, выпили кофе; около 12 уехал домой. Погода весь день стояла теплая, как летом.

9 мая (26 апреля). +9°. Занимался текущими делами: описывал покупки, писал акты, счета, разбирал по типам ольвийские монеты. После обеда заехала Надя с Наташей; в понедельник в 2 ч. дня Надя с Митей и Лялей уезжают в Сочи до осени.



Портрет А.В. Орешникова работы Л.П. Харко. Январь 1933 г.
Бумага тонированная, тушь, перо, акварель. 35 × 25 см.
Фото П.Г. Гайдукова. 3 мая 2011 г.
(Отдел рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина.
Ф. 34. Оп. II. Р. IV. Ед. хр. 117. Л. 1.
Первая публикация)

План г. Москвы. СПб., 1907. Фрагмент (центр города). Кружками обозначены: владение А.В. Орешникова на Земляном валу (1), церковь Илии Пророка на Воронцовом поле (2) и Государственный исторический музей (3)



1 МѢЩ.
2 СР.
1 БАСМ.
1 МЯС.
1 ЯУЗ.
2 МЯС.
2 ЯУЗ
3 МЯС.
1 ПЯТ.
1 ЯК.
ВОКЗАЛЪ МОС. КУРСК. И НИЖ. Ж. Д.
ПОЧТАМТЪ
1
2
1 – Владение А. В. Орешникова (Садовая, Земляной вал)
2 – Церковь Илии Пророка на Воронцовом поле
3 – Государственный исторический музей

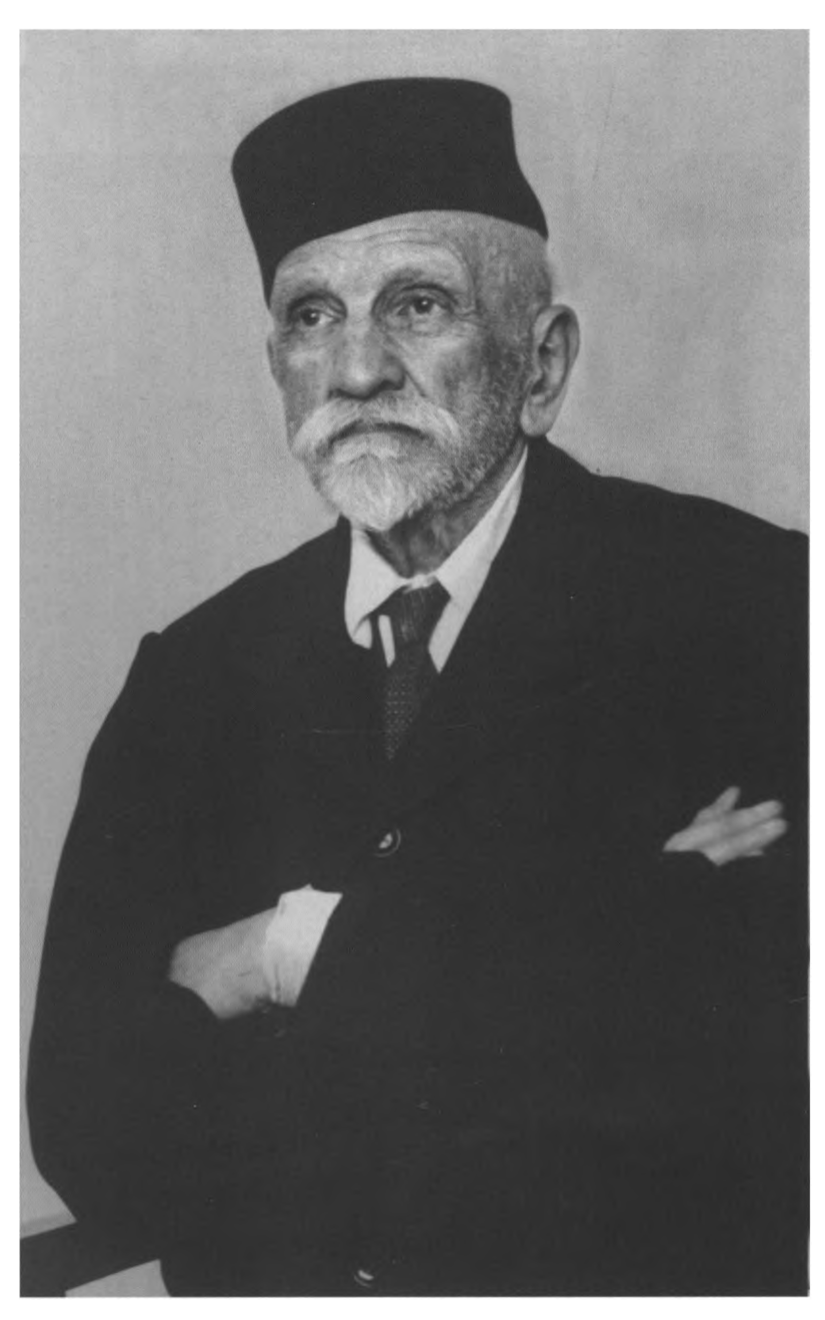
Императорский Российский исторический музей. Фото Р.Ю. Тиле. 1889 г.
(Научно-ведомственный архив ГИМ)

Государственный исторический музей. Оформление «Парадных сеней».
Фото второй половины 1920-х годов (Научно-ведомственный архив ГИМ)

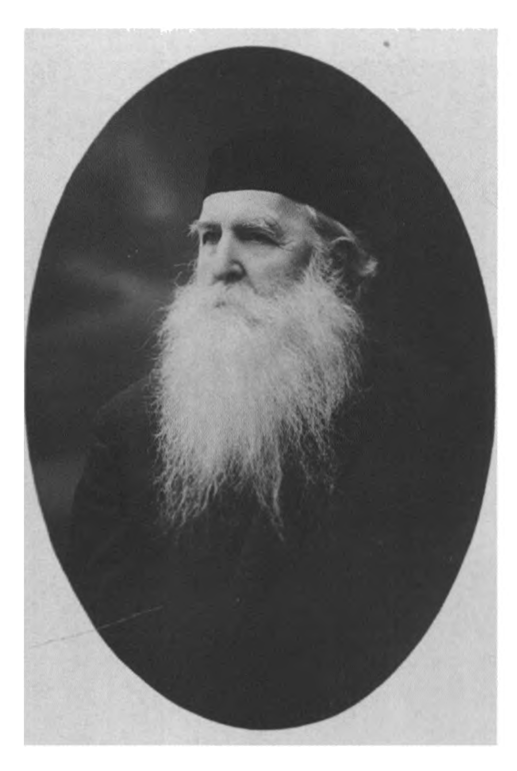
Государственный исторический музей. Выставка «Крестьянское искусство».
Фото 1921 г. (Научно-ведомственный архив ГИМ)

Экскурсанты в Государственном историческом музее. Фото 1920-х годов
(Научно-ведомственный архив ГИМ)

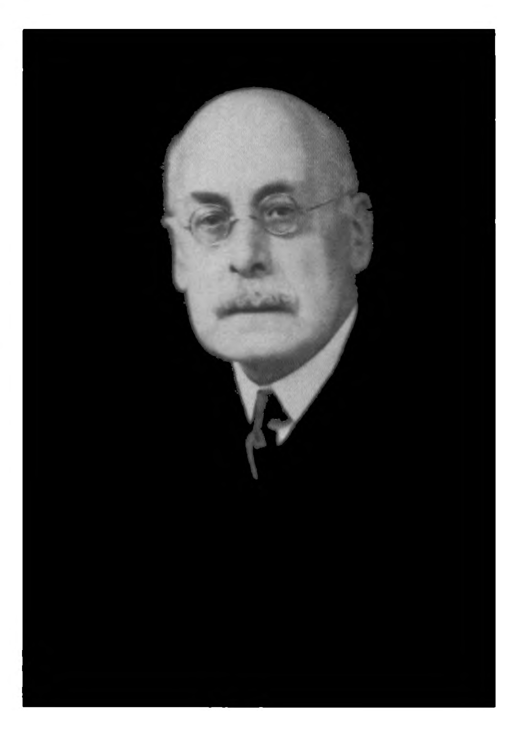
Государственный исторический музей. Выставка к 50-летию ГИМ «Работа Музея за 15 лет Советской власти» (?). Фото 1933 г. (Научно-ведомственный архив ГИМ)



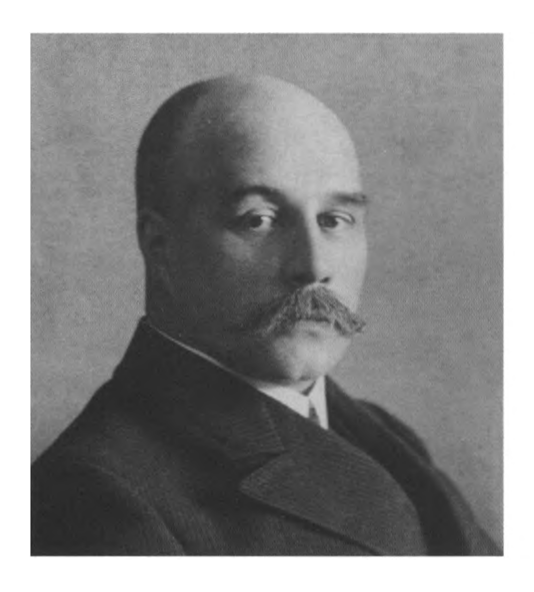
А.В. Орешников. Фото П.А. Детинова. 26 февраля 1927 г.
(ОПИ ГИМ. Ф. 136)



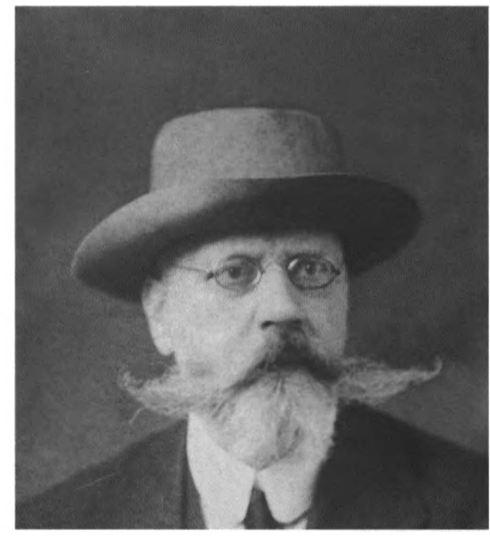
Н.П.Лихачев. 28 декабря 1931 г. Астрахань
(ОПИ ГИМ. Ф. 136)



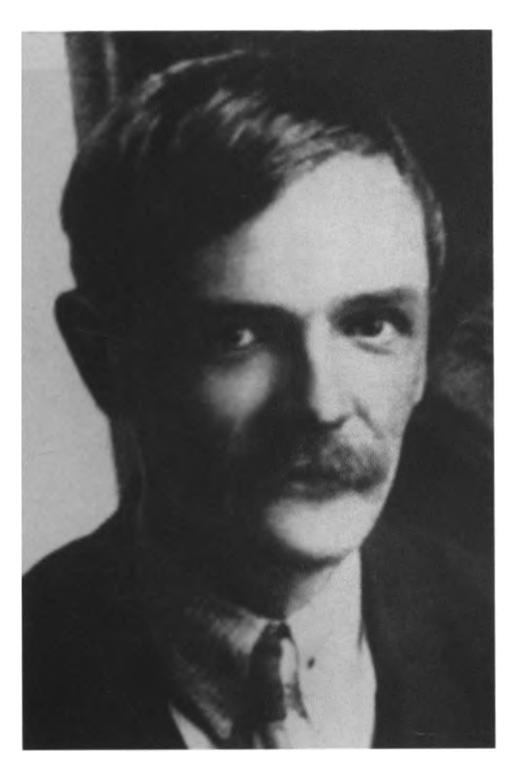
Эллис Х. Миннз. Апрель 1932 г.
(Minns volume. ESA. Vol. IX. Helsinki, 1934.
Фронтиспис)



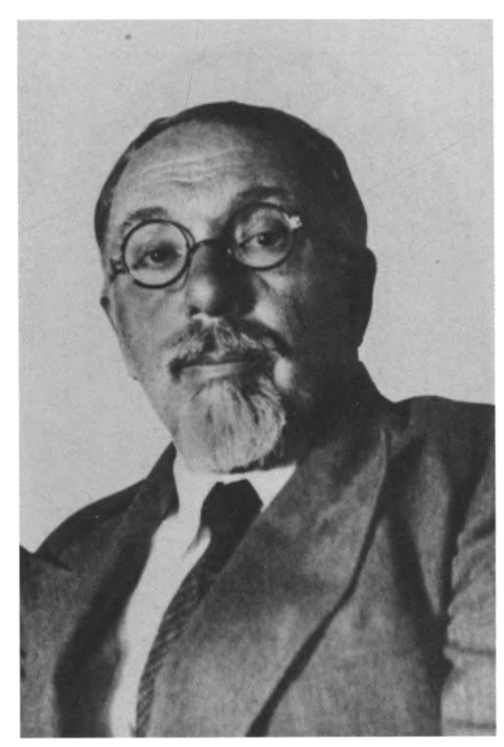
А.А. Сиверс. 1906 г. (Архив ОН ГЭ)



Е.М. Придик. 1922 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

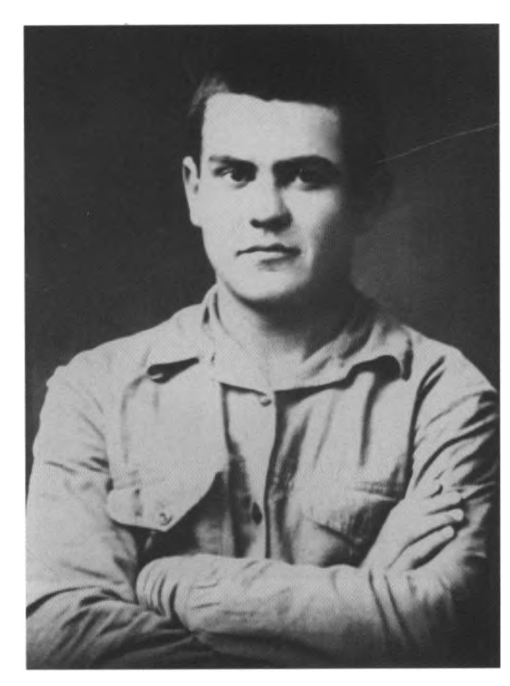


А.Н. Зограф. 1920-е годы
(Харко Л.П., 1960. С. 369)



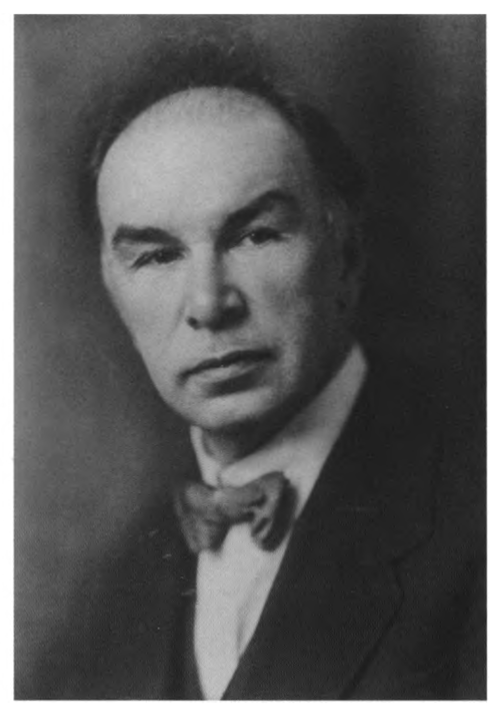
Н.П. Бауер. 1930-е годы
(Архив ОН ГЭ)

Р.Р. Фасмер. Конец 1920-х годов
(Архив ОН ГЭ)

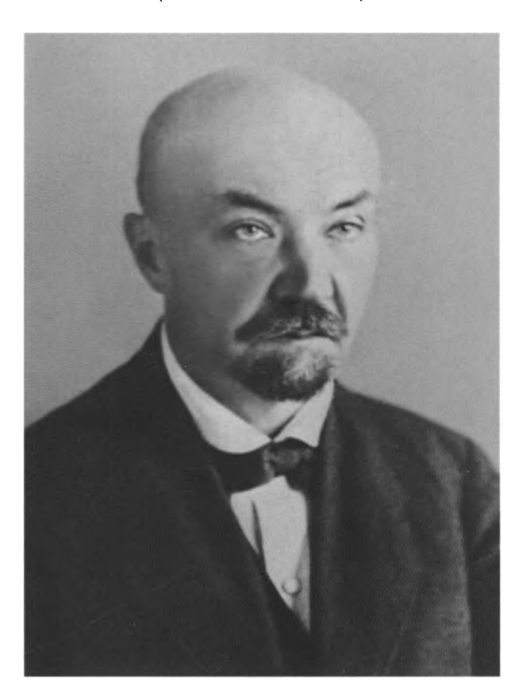


И.Г. Спасский. Конец 1920-х годов
(Архив ОН ГЭ)

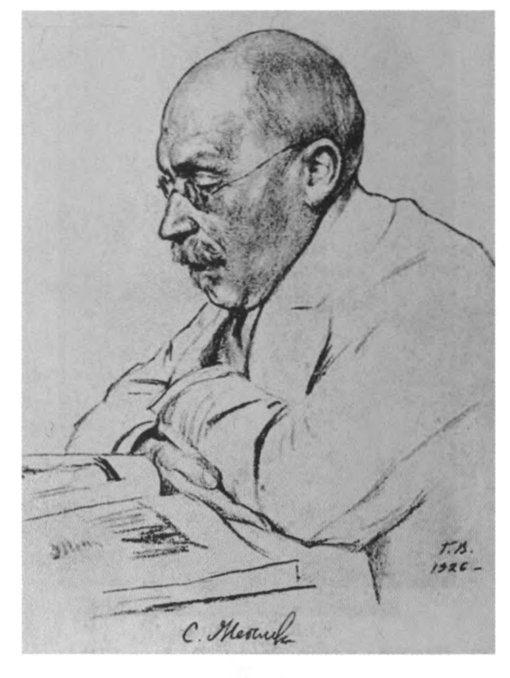
В.А. Городцов. Конец 1920-х годов
(ОПИ ГИМ. Ф. 431)



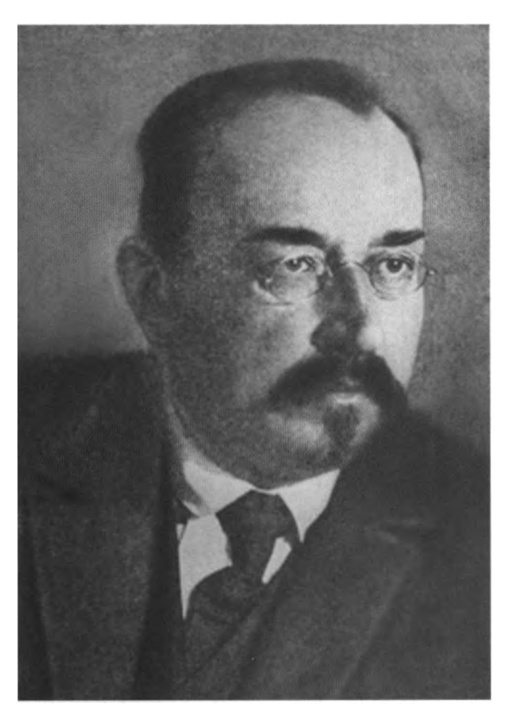
А.И. Анисимов. 1928–1929 гг.
(Фото предоставлено И.Л. Кызласовой)



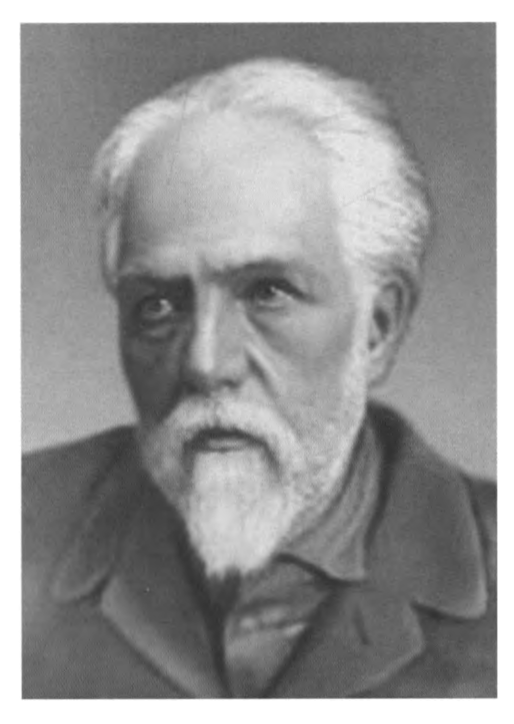
Д.Д. Иванов. 1920-е годы
(Фото предоставлено Т.А. Тутовой)



С.А. Жебелёв. Рис. работы
Г.С. Верейского. 1926 г.
(СПФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 86. Л. 21)



Н.А. Рожков
(Научно-ведомственный архив ГИМ)



П.Н. Лепешинский
(Научно-ведомственный архив ГИМ)

Ю.К. Милонов
(Научно-ведомственный архив ГИМ)

Н.М. Матвеев. Начало 1920-х годов
(ОПИ ГИМ. Ф. 489)

Сотрудники Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Слева направо: Н.Е. Гаршина-Энгельгардт, А.А. Ильин, А.А. Сиверс, Е.М. Придик, Е.А. Соколова (сидят); А.А. Маркова, Ф.Г. Гаврилов, Н.П. Бауер, А.А. Войтов, Р.Р. Фасмер, А.Н. Зограф, А.А. Быков (стоят); С.П. Егоров, неизвестный (на заднем плане). Фото 1929 г. (Архив ОН ГЭ)

У Трапезной палаты Троице-Сергиевой лавры. Профессор Фридрих Зарре (слева), Н.А. Бакланова, А.В. Орешников, Л.В. Кафка, А.Н. Свирин. 25 сентября 1926 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

А.В. Орешников в раскопе около северной стены Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Фото П.Л. Пендрие. 20 сентября 1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Чествование А.В. Орешникова в Историческом музее в связи с 40-летием его музейной деятельности. В центре за столом А.В. Орешников, по правую руку от него сидят (справа налево) М.М. Богословский, И.М. Тарабрин, Н.С. Щербатов, по левую – внучка Мария Полиевктова (Кристенсен) и дочь Татьяна Полиевктова. Фото П.А. Детинова. 24 февраля 1927 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Группа сотрудников, принимавшая участие в чествовании А.В. Орешникова в Историческом музее в связи с 40-летием его музейной деятельности. Фото П.А. Детинова. 24 февраля 1927 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Глубокоуважаемый Алексей Васильевич

Личный состав Государственного Исторического Музея приветствует Вас по случаю сорокалетия службы Вашей в Музее.

Вступая в 1887 г. в ряды сотрудников Музея, Вы не начали, а только продолжали свою научную деятельность, будучи уже вполне сложившимся и пользующимся почетною известностью ученым. Начало Вашей службы в Музее совпало с изданием Вашего в высшей степени ценного труда — описания монет Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах России. Нумизматическое собрание Музея дало Вам возможность сосредоточить на нем свою научную энергию, и плодом Ваших неустанных работ и тщательного анализа памятников явилась настольная книга каждого нумизмата „Русские монеты до 1547 г.", в которой Вы первый определили и ввели в научный оборот монеты князей Суздальско-Нижегородских, Ростовских и Ярославских. Было бы слишком долго перечислять все Ваши дальнейшие труды по нумизматике, те труды, которые дали Вам славу первого специалиста в этой области и которые сделали Ваше имя известным далеко за пределами родной страны.

ценных руководящих статей. Мы знаем Вашу скромность, но должны сказать, что Вы первый авторитет в области истории материальной культуры и выражаем свое пожелание, чтобы Вы в самых широких размерах делились не только с нами, но и со всем ученым миром результатами Вашего долголетнего опыта, Ваших знаний и Вашей наблюдательности.
Наши запросы к Вам никогда не оставались без ответа, на все недоумения Вы находили, что почерпнуть в сокровищнице Ваших знаний.
Вы всегда с открытой душой шли навстречу всякому научному начинанию. Мы Вас высоко ценим, как ученого и горячо любим, как человека доброжелательного, честного, прямого и когда нужно твердого. С такими чувствами искреннего уважения и любви к Вам мы желаем Вам доброго здоровья, чтобы Вы еще долго продолжали поддерживать в нашей среде стремление к научным изысканиям и вносить в нее Ваше неизменное научное доброжелательство

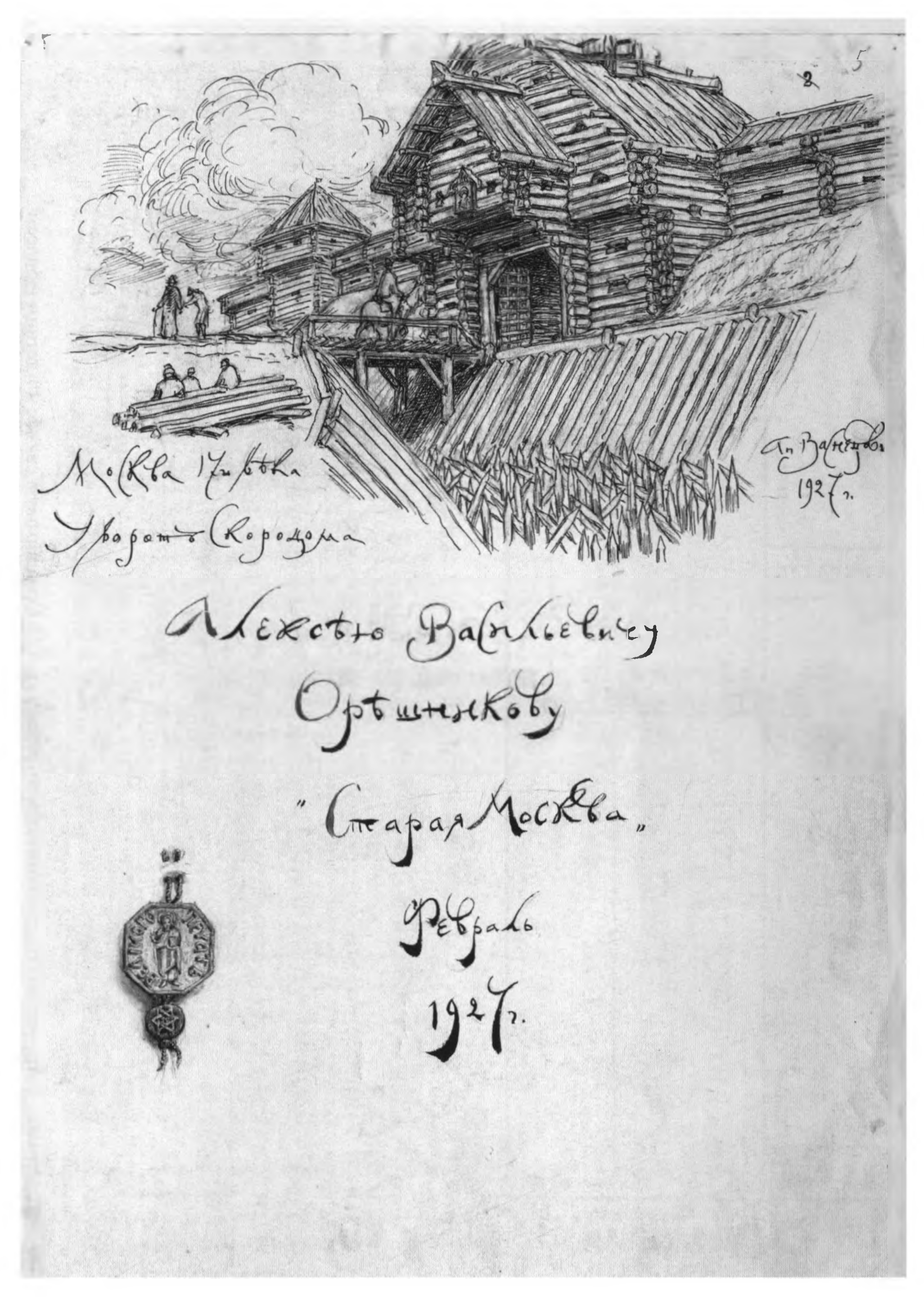
Адрес сотрудников ГИМ А.В. Орешникову в связи с 40-летним юбилеем его музейной деятельности. Подписи – автографы. Фрагмент (без средней части). Рис. Н.А. Баклановой. Чернила, акварель, твореное золото. Поднесен 20 февраля 1927 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Дорогой Алексей Васильевич,

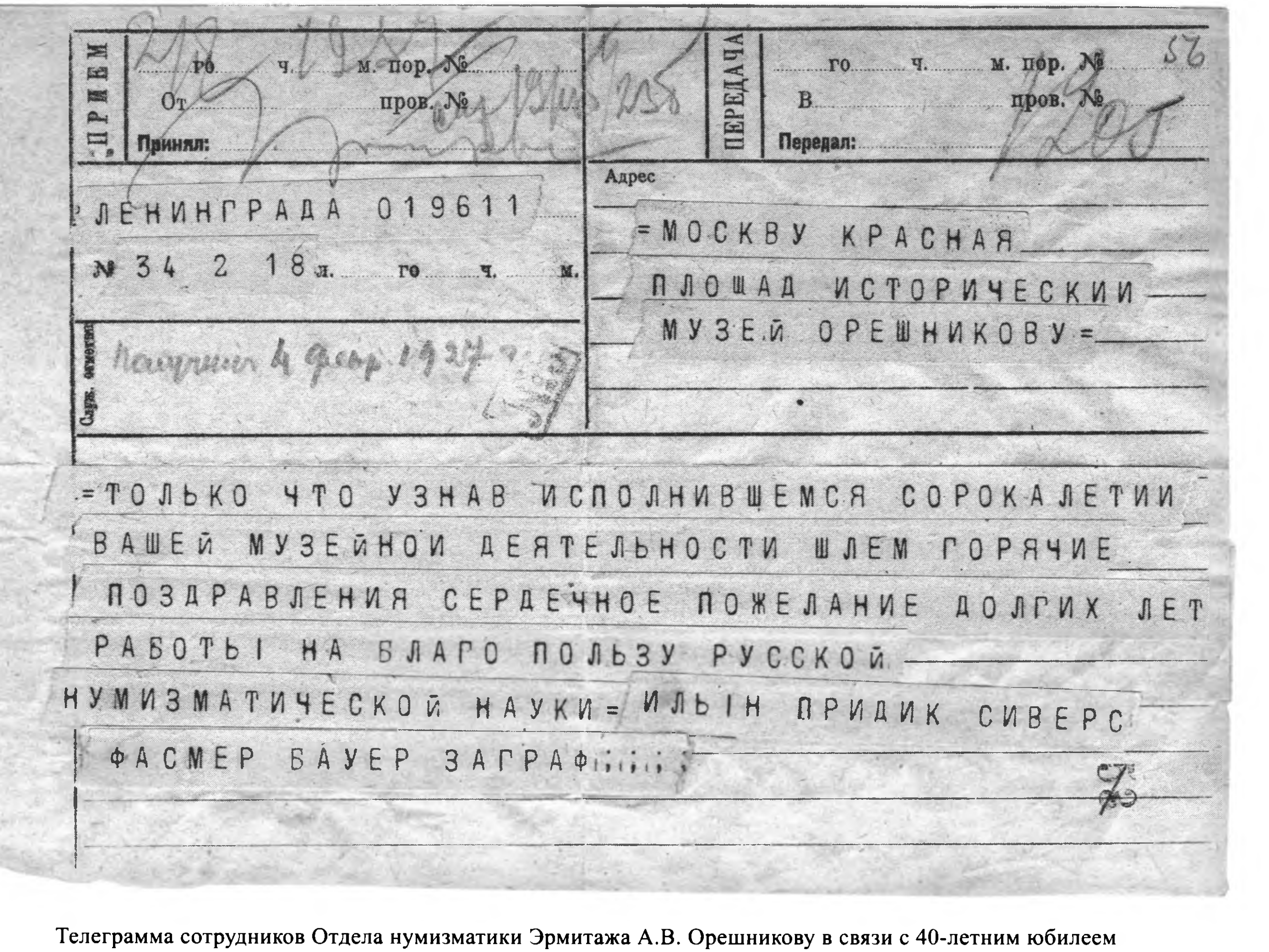
Оружейная Палата в безмерном долгу перед Вами, широко использовав Ваши драгоценные и неисчерпаемые знания. В день Вашего чествования примите благодарность древнего Московского четырехвекового музея, за все, что Вы сделали для его сбережения, для его расширения. И впредь работники Оружейной Палаты, конечно, будут продолжать в широкой степени пользоваться Вашими указаниями, Вашими советами, Вашим согревающим и просветляющим руководством в научном труде. Мы не совестимся злоупотреблять Вашим временем, разделяя общую уверенность, что вся Ваша светлая, чистая и бескорыстная жизнь давно не Ваша, давно отдана Вами на общее благо, и целиком посвящена великому делу выявления сокровенного смысла и глубокой красоты древней жизни русского народа.

Д. Иванов
Н. Бартрам
Н. Померанцев
В. Никольский
М. Левинсон
В. Тарасова
М. Денисова
Вишневский

Адрес сотрудников Оружейной палаты А.В. Орешникову в связи с 40-летним юбилеем его музейной деятельности. Подписи – автографы. Поднесен 23 февраля 1927 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)



Адрес Общества «Старая Москва» А.В. Орешникову в связи с 40-летним юбилеем его музейной деятельности. Рис. Ап.М. Васнецова. Бумага тонированная, чернила, карандаш, акварель. Поднесен 20 февраля 1927 г.
(ОПИ ГИМ. Ф. 136)


ПРИЕМ
го ч. м. пор. №
От пров. №
Принял:

ЛЕНИНГРАДА 019611
№ 34 2 18 л. го ч. м.

Служ. отметки: Получил 4 февр. 1927 г.

ПЕРЕДАЧА
го ч. м. пор. № 56
В пров. №
Передал:

Адрес
=МОСКВУ КРАСНАЯ
ПЛОЩАД ИСТОРИЧЕСКИИ
МУЗЕЙ ОРЕШНИКОВУ=

=ТОЛЬКО ЧТО УЗНАВ ИСПОЛНИВШЕМСЯ СОРОКАЛЕТИИ
ВАШЕЙ МУЗЕЙНОИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШЛЕМ ГОРЯЧИЕ
ПОЗДРАВЛЕНИЯ СЕРДЕЧНОЕ ПОЖЕЛАНИЕ ДОЛГИХ ЛЕТ
РАБОТЫ НА БЛАГО ПОЛЬЗУ РУССКОЙ
НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ НАУКИ= ИЛЬIН ПРИДИК СИВЕРС
ФАСМЕР БАУЕР ЗАГРАФ

Телеграмма сотрудников Отдела нумизматики Эрмитажа А.В. Орешникову в связи с 40-летним юбилеем музейной деятельности с его подписью: «Получил 4 февр. 1927 г.» (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Значение нумизматики, как вспомогательной дисциплины истории.

Начало статьи А.В. Орешникова «Значение нумизматики как вспомогательной дисциплины истории». Автограф. 1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Р. С. Ф. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
по ПРОСВЕЩЕНИЮ
Российский Исторический
МУЗЕЙ

13/VII дня 1925 г.
№ 4859

Москва, Красная площ. 2
телеф.

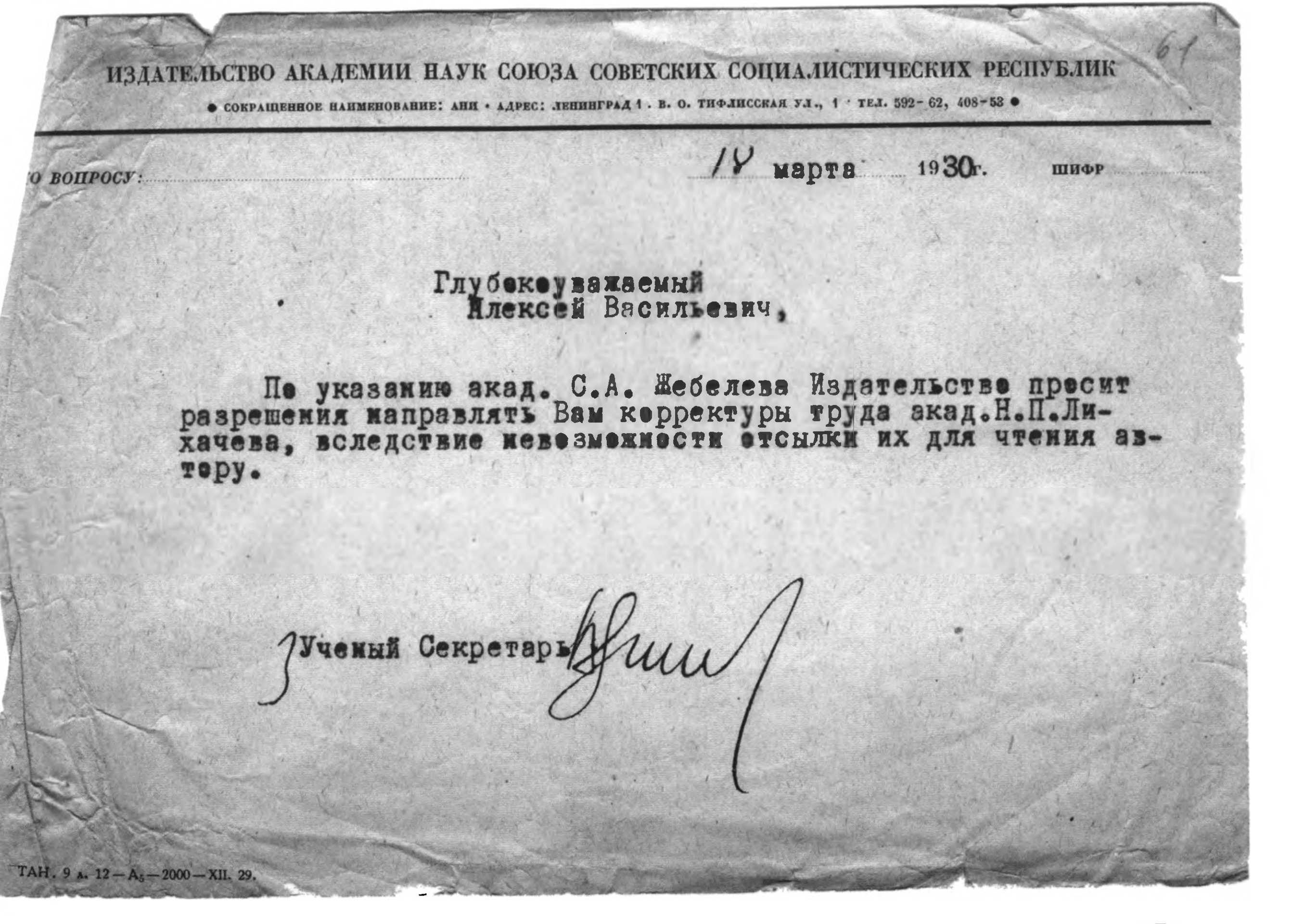
Удостоверение.

Российский Государственный Исторический Музей настоящим командирует Заведующего Отд. Доисторичеекой Археологии проф. В.А. Городцова в Ульяновскую губ., сроком с 10-го июля по 15 сентября с.г. для производства археологических исследований.

За Директора Музея: А. Орешников / Орешников/

Ученый Секретарь: Ю. Готье

Командировочное удостоверение, выданное В.А. Городцову для проведения археологических исследований в Ульяновской губернии. Подписано за директора ГИМ А.В. Орешниковым. 13 июля 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)



61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

● СОКРАЩЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ: АНИ • АДРЕС: ЛЕНИНГРАД 1. В. О. ТИФЛИССКАЯ УЛ., 1 • ТЕЛ. 592-62, 408-58 ●

ПО ВОПРОСУ: .... 18 марта 1930 г. ШИФР ....

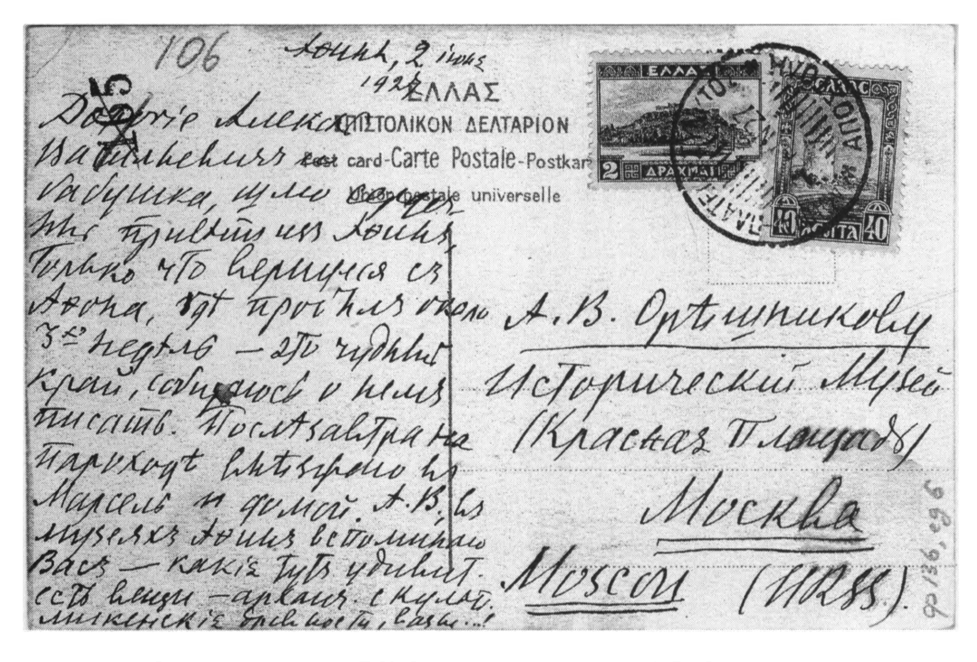
Глубокоуважаемый
Алексей Васильевич,

По указанию акад. С.А. Жебелева Издательство просит разрешения направлять Вам корректуры труда акад. Н.П. Лихачева, вследствие невозможности отсылки их для чтения автору.

Ученый Секретарь [подпись]

ТАН. 9 л. 12 — A_5 — 2000 — XII. 29.

Письмо ученого секретаря Издательства АН СССР А.В. Орешникову с просьбой держать корректуру труда Н.П. Лихачева «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2». 18 марта 1930 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)



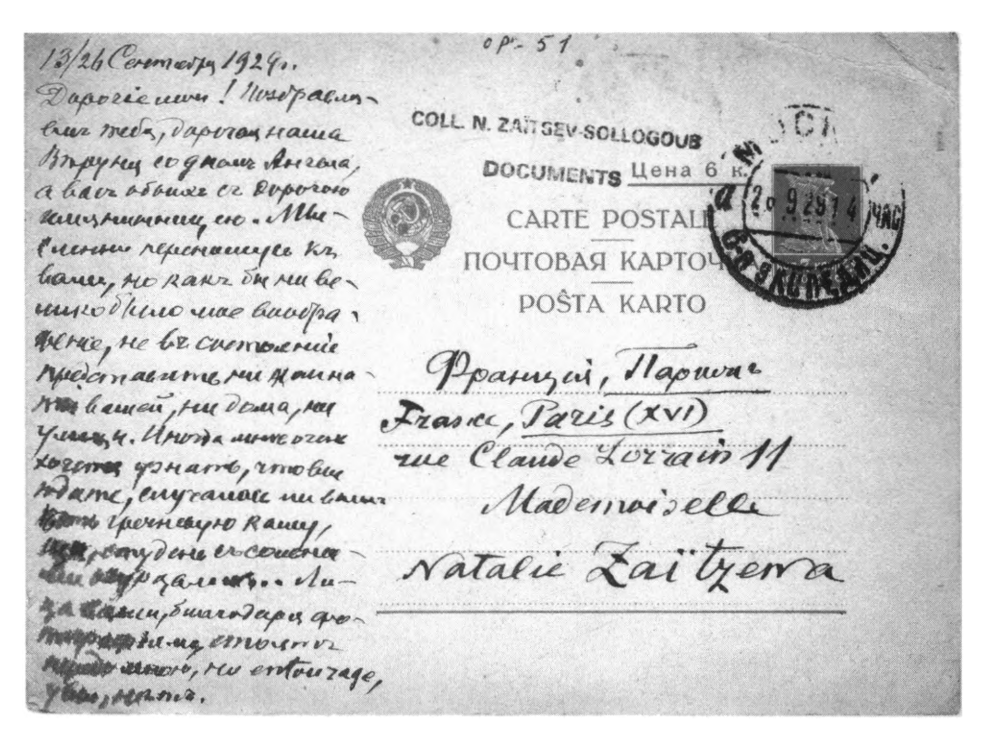
Аѳины, 2 июня 1927

ΕΛΛΑΣ
ΕΠΙΣΤΟΛΙΚΟΝ ΔΕΛΤΑΡΙΟΝ
Post card-Carte Postale-Postkarte
Union postale universelle

Дорогіе Алексѣй Васильевичъ и бабушка, шлю вамъ привѣтъ изъ Аѳинъ. Только что вернулся съ Аѳона, гдѣ пробылъ около 3-хъ недѣль — это чудный край, собираюсь о немъ писать. Послѣзавтра на пароходѣ выѣзжаю въ Марсель и домой. А.В., въ музеяхъ Аѳинъ вспоминаю Васъ — какія тутъ удивительныя вещи — архаич. скульпт., микенскія древности, вазы...!

А.В. Орѣшникову
Историческій Музей
(Красная площадь)
Москва
Moscou (URSS).

Открытка писателя Б.К. Зайцева своему тестю А.В. Орешникову
с описанием впечатлений от Греции. Автограф. Афины, 2 июня 1927 г.
(ОПИ ГИМ. Ф. 136)



13/26 Сентября 1929 г.

COLL. N. ZAÏTSEV-SOLLOGOUB
DOCUMENTS

Цена 6 к.

CARTE POSTALE
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
POŠTA KARTO

Франція, Парижъ
France, Paris (XVI)
rue Claude Lorrain 11
Mademoiselle
Natalie Zaïtzewa

Открытка А.В. Орешникова дочери Вере, внучке Наташе и Б.К. Зайцеву.
Автограф. Москва, 13 сентября 1929 г.
(Архив Б.К. Зайцева, Париж)

АКАДЕМИЯ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

НА ОСНОВАНИИ СВОЕГО УСТАВА ИЗБРАЛА 2 ФЕВРАЛЯ 1928 ГОДА

Алексея Васильевича Орешникова

В СВОИ ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ

по разряду классической филологии и археологии

И ПОСТАНОВИЛА ВЫДАТЬ ЕМУ НАСТОЯЩИЙ ДИПЛОМ.

Президент

А. Карпинский

Непременный Секретарь

Сергей Ольденбург

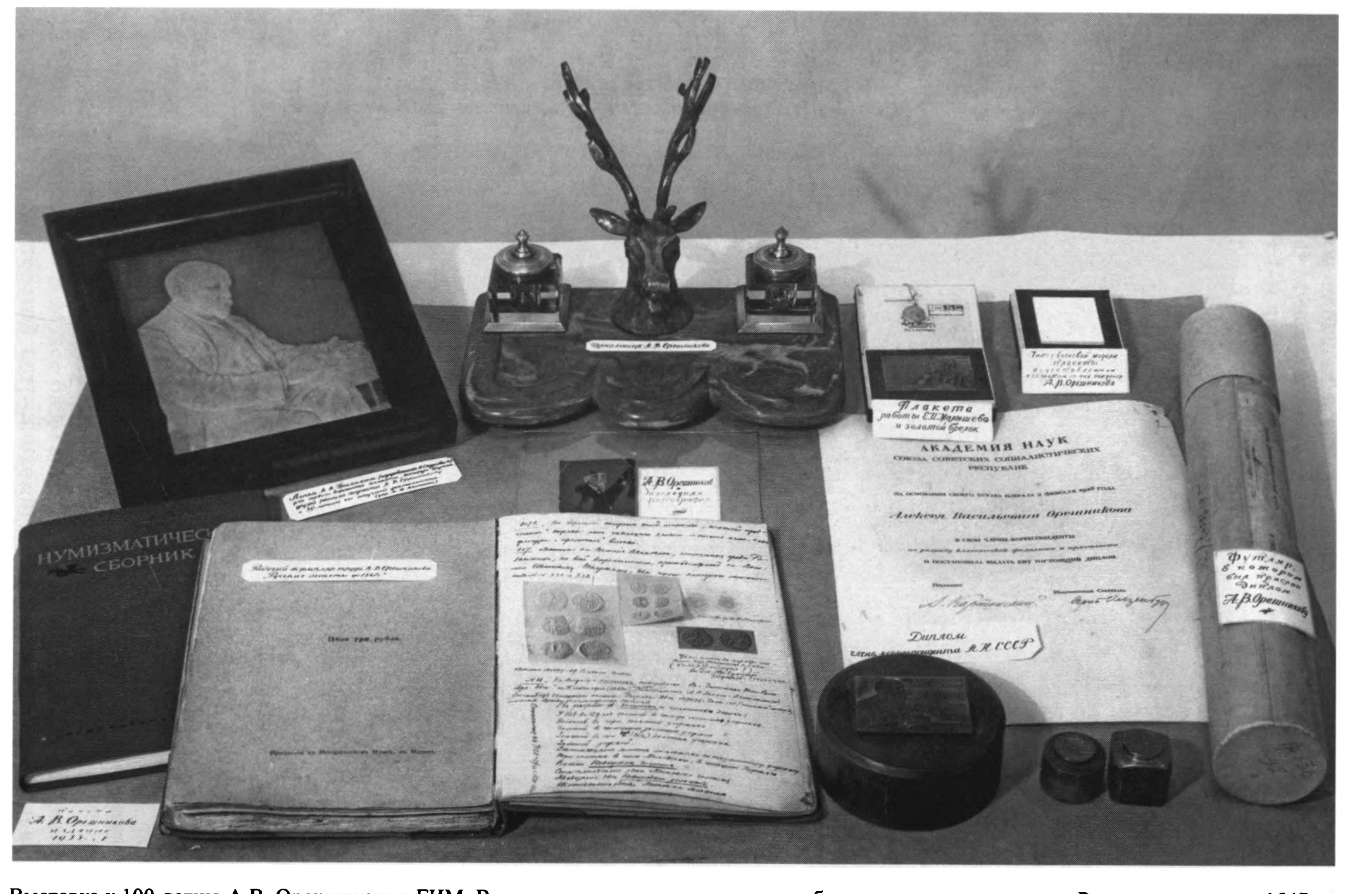
№ 1609

Диплом Академии наук СССР А.В. Орешникову об избрании его своим членом-корреспондентом. Подписан президентом АН СССР А.П. Карпинским и непременным секретарем АН СССР С.Ф. Ольденбургом. 1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136)

Мемориальный стол А.В. Орешникова в отделе нумизматики ГИМ. Фото П.Г. Гайдукова. 28 июня 2010 г.

Мемориальная доска «Дарители, меценаты и покровители» в вестибюле ГИМ (установлена в 1997 г.). (Фото предоставлено М.В. Зубовой)

Выставка к 100-летию А.В. Орешникова в ГИМ. Осень 1955 г. (Архив академика В.Л. Янина)



Выставка к 100-летию А.В. Орешникова в ГИМ. Витрина с его личными вещами, рабочим экземпляром книги «Русские монеты до 1547 г.» с рукописными вставками, юбилейным «Нумизматическим сборником» ГИМ. Осень 1955 г. (Архив академика В.Л. Янина)

Могилы семьи Орешниковых на 14 участке Введенского (Немецкого) кладбища Москвы.
Фото П.Г. Гайдукова. 2 мая 2011 г.

10 мая (27 апреля). +11°. Погода весенняя, теплая; утром присел на 5 минут на Театральной площади в сквере, заметил, что кустарники получили зеленый оттенок. В Музее занимался монетами, распределял типологически монеты Ольвии. В 1-м часу съездил в Цекубу, получил 60 р. академического обеспечения; боялся, что меня лишат; слышал, что лишены те, которые получают 400 р. и более в месяц. В Охотном ряду встретил Марину Михайловну Постникову, на мой вопрос о Дм. Дм. ответила, что он стал неузнаваем: раздражителен, сердит; вчера он читал в Цекубу доклад об окладе; на докладе был Н.Н. Померанцев, сказал, что характер имел антирелигиозный. Неужели Д.Д. свихнулся?!

11 мая (28 апреля). +14°. Утром ездил к «Мюру», где купил для Надюши в дорогу пастилы, мармеладу, карамели и пельмени; в Охотном ряду для нас купил севрюги и голландского сыра. Приехав домой, мыл ноги. Утром приехал со съемки П.С. Рожицкий после почти 2-месячного отсутствия. Перед обедом приехала Надя с Митей и с сожителем Нины; Надя обедала, остальные уехали в Мытищи. Около 9 пришли Сосновские, немного позднее П.С. Рожицкий, закусили рыбой, выпили 1 ½ бутылки красного и ¾ бутылки зубровки (кроме меня); ушли около 1 часу; разговоры малоинтересные.

12 мая (29 апреля). +22°. Воскресенье, встал поздно. Отправился на выставку картин А.М. Васнецова, с которым там встретился. На выставке собрано много его картин маслом, рисунков и т.д.; технику его я не очень люблю, она мне кажется жесткою; из картин на темы мне понравился «Шум в старом парке». Реставрации старой Москвы любопытны, но не всему я верю. В нижнем этаже здания, где выставка А.М.В. (один из корпусов Румянцевского музея), устроены выставки, посвященные Чехову, Короленке, М. Горькому; по ним я только прошелся. Слезая из трамвая в ½ второго, был немного помочен дождем. Во время обеда пришла Валечка, затем Надюша с Лялей. Около 3-х была гроза и дождь. Надюша Лялей и Ниной ушли, завтра Надя уезжает на Кавказ, распростился с ней, она плакала, увижу ли я ее?

13 мая (30 апреля). +12°. Сегодня выставили балконную дверь. В Музее продолжал разбирать монеты Ольвии. Сегодня Надя, Митя, Ляля и собака Дик с Курского вокзала выехали в Сочи.

14 (1) мая. +13°. Продолжал разборку ольвийских монет. У сотрудников, больше у сотрудниц, волнение относительно отпусков, так как в нынешнем году отпуска будут не два месяца всем, а кому 2, кому 1; как все это кончится – не знаю. После занятий прошел в Госторг (Тверская, 26) повидать Н.В. Власова, который обещал на днях прийти отбирать вещи для заграницы. В течение дня мне передавали следующие слухи: 1) будто бы латвийский посланник в СССР Озольс отозван обратно, заподозренный в шпионаже для Советской России; в Латвии, на границе, его багаж осмотрели, нашли много ценных по металлу вещей, икон, крестов и т.п.; 2) В Берлине будто бы задержан советский полпред, агитировавший 1 мая против германских властей; 3) Начальник Главнауки Лядов уходит в 2-х месячный отпуск и якобы не вернется. Можно ли всему сказанному верить – не знаю. Произведено много арестов, в числе арестованных называют известного Малянтовича[27].

15 (2) мая. +12°. В Музее было заседание по вопросу о расширении реставрационной мастерской сотрудниками. Продолжал разборку ольвийских монет. Клейн подал Лепешинскому заявление с жалобой на Л.И. Воронову,

что она распространяет грязные о нем слухи, ставит знаки вопроса против его фамилии на листе с записями приходящих и т.п. Лепешинский имел разговор с Л.И., которая отрицает все обвинения Клейна и хочет возбудить жалобу в суд о клевете.

16 (3) мая. +13°. В 8 ч. утра получили телеграмму от Нади о благополучном приезде в Сочи. В Музее Лепешинский пригласил в кабинет: Воронову, Клейна, Фабриканта, как председателя месткома, Лобанова, и разобрал ссору Клейна с Вороновой; насколько я мог понять бессвязный рассказ Л.И-ны, Лепешинский сказал Клейну: не следует правлению писать на сотрудника так, как он написал, не разобрав дела. Продолжал разбирать монеты Ольвии. Заходил П.С. Шереметев по моему письму, которое шло до него очень долго; я ему сказал, что могу из Цекубу достать ему кусок материи на костюм, он этому очень обрадовался, пригласил меня к себе. Приехала Адель Шмидт погостить. Вечером приехала Танюша с Гулей, сидели до 7 ½ ч. Сотрудница Музея В.И. Лебедева сообщила, что она уволена; Протасов, которого она спросила о причине увольнения, сказал, что уволена по требованию ячейки; если это верно, то это самое страшное, что произошло в жизни Музея…

17 (4) мая. +13°. В Музее продолжал разбирать монеты Ольвии. Заходила в Музей Е.П. Богословская, принесла кусок материи для П.С. Шереметева. После занятий заходил в Охотный ряд, купил компоту, для жены 5 апельсинов. В 5 ½ ч. пришла к обеду Л.В., в 8 ч. ушла домой.

18 (5) мая. +15°. К 11 ч. поехал в «Дом боярина» на Варварку на заседание Ученого совета Оружейной палаты; только что вошел в дом, как началась гроза с дождем, к сожалению, скоро прекратившаяся. На заседании Д.Д. познакомил с содержанием письма заведующего музеем в Осташкове, присланного при цепочке от карманных часов, подаренной игумену; передать содержание письма нет возможности, это произведение современного типа, которого породила революция; Д.Д. читал письмо со смаком; во всяком случае, этот документ достоин украсить страницы будущего исторического журнала. Были демонстрированы пробные таблицы с предметами судженской находки и 1 таблицей с иконой св. Димитрия Солунского к статье Д.Д. Иванова для «Сборника Оружейной палаты»; насколько хороши фотографии Александрова, настолько меня не удовлетворили фототипии. Из «Дома боярина» проехал на Алексеевское кладбище; впечатление на меня произвело самое ужасное: ломают крупные металлические памятники, часовни, всюду обломки кирпича, грязь. Прошел в контору, где зарегистрировал мои могилы, но там сказали, что все передано в отдел Сокольницкого благоустройства, прошел туда – никого не оказалось, просили прийти в понедельник. С трудом добрался до дому, все трамваи переполнены.

19 (6) мая. +17°. Воскресенье. Читаю «Записки, дневник, воспоминания и проч.»[28] А.О. Смирновой (Россет). Прочитал ее биографию, составленную Л.В. Крестовой, и ее «Записки». С обликом А.О. Россет я сжился по характеристике ее, сделанной Пушкиным («В тревоге пестрой и бесплодной»). Но какая разница между взглядом на Россет Пушкина и тем, что я получил по прочтении «Записок»: я не нашел ни простого сердца, ни детской доброты; ее «Записки» полны придворных сплетен, злых отзывов о людях, и т.д. Ее успех у мужчин происходил от ее внешности, хотя Пушкин, большой поклонник женской красоты, не был ею увлечен. Был за литургией у Богоявления в

Дорогомилове, хор Нестерова пел прекрасно, много произведений пели Чеснокова; «Верую» Гречанинова, соло пел баритональный тенор очень хорошо; народу было много. Прочитал воспоминания Смирновой о Жуковском и Пушкине; чувствуется, что ей не по силам писать о таком человеке, как Пушкин. Внешняя сторона Жуковского, его доброта, шутливые письма – подмечены хорошо, и больше ничего; письма Жуковского малоинтересны. У жены была В.Д. Бакланова (дочь Анучина) и другие дамы.

20 (7) мая. +9°. Выделил ольвийские монеты времени римских императоров. После занятий проехал на Красносельскую улицу в отдел Сокольницкого благоустройства, где сказал, что к 1 июня не успею привести в должный вид могилу, на что мне ответили, что можно запоздать, так как теперь с кладбища уносят металлические части. Дома нашел Валечку и ее дочь.

21 (8) мая. +9°. С утра немного занялся монетами, явился Ю.К. Милонов, член правления, марксист, и мы занялись разговорами на разные темы, между прочим, как удобнее организовать покупку необходимейших вещей для Музея; затем он познакомил меня со своей теорией, как смотреть с марксистской точки зрения на предметы, разделив их на группы; затем нашу беседу перенесли в другую комнату – фототеку, куда пришло человек 10 сотрудников, какой[-то] товарищ – грузин. К чему вели эти наши разговоры – не понимаю; сомневаюсь, чтобы милоновские теории имели практическое применение в Музее. Почти в 3 ч. я вышел из фототеки. После 3-х возил показывать на Никитскую кое-какие вещи, данные мне Танюшей; с Никитской проехал к З.М. Хрущевой (дочери М.Н. Ремизова, давно умершего), которая меня просила осмотреть старые предметы из Севастополя и Керчи, приобретенные ее отцом; все вещи – дрянь, половина подделки. Дома нашел Танюшу с Агнией. Около 8 ушли; пришел Б.Н. Граков, сидел до 10 ч., болтали о всякой всячине; я ему подарил «Восточное серебро».

22 (9) мая. +11°. Николин день. До 1 часу занимался в Музее, в 1 ч. пошел в рукописный отдел на заседание под председательством М.Н. Сперанского; читала О.И. Попова о двух письмах Пушкина к Киреевскому и И.М. Тарабрин о письме Пушкина к К.А. Полевому. Поповой сделали несколько дополнений о Раиче и Павлове, упущенных ею. Её доклад будет напечатан в «Огоньке» к 130-летнему дню рождения А.С. Пушкина. Вечером заходила Танюша.

23 (10) мая. +11°. Занимался монетами Ольвии. В 1 ч. ездил в Цекубу, получил 60 р. академического обеспечения.

24 (11) мая. +12°. До 1 часу занимался монетами, с 1 часу было заседание по оценке икон для Госторга, который их посылает за границу; всех икон 150, мы успели оценить около половины; в комиссию Главнаука назначила Ю.А. Олсуфьева, Музей назначил Щекотова и меня, но Щекотов ушел; список сделан Бубновой, которая тут и присутствовала. В «Известиях» прочитал, что расстреляны как контрреволюционные вредители и непримиримые враги советской власти: Н.К. фон-Мекк, А.Ф. Величко, П.А. Пальчинский[29]; остальные участники (имена не приведены) контрреволюционных организаций приговорены на разные сроки заключения. Из Музея уходит Фабрикант в Третьяковскую галерею, собирается уходить Щекотов в АХР.

25 (12) мая. +14°. Перечитал статьи Линниченки, Бобринского и Кондакова о Трирской псалтири. Ездил за ветчиной в Охотный ряд, нигде не нашел. Проехал к В.В. Арандаренко; он живет в доме, бывшем Нирнзее, в Гнездниковском

переулке, на 8 этаже, поднялся к нему на лифте. Арандаренко больной человек, весь трясется, стонет, но головою здоров; на мой вопрос, от чего он болеет, ответил, что ранее болел сонною болезнью, от нее вылечился, но несколько лет назад на дом, где он сейчас живет, напали бандиты, защищаясь, убил одного, что произвело на него сильное впечатление, он начал трястись, что продолжается до сих пор; лечат его 2 врача. Он предложил для Музея 2 портрета работы Аргуновых (отца и сына) и вид Пречистенки в 1826 г., по улице едет пожарная команда; за нее просит 200 р.; картину следовало бы купить. У него хорошая библиотека, которую также продает. Подарил мне «Опыт исторической экскурсии по Московскому Кремлю» с рисунками. Заходил к Танюше.

26 (13) мая. +14°. Воскресенье. Утром ходил за провизией в магазин, помещающийся в большом доме, выстроенном на земле А.А. Карзинкина на Хитровом рынке, купил кило осетрины за 1 р. 50 к., сыру на 1 р. 8 к., 3 свежих огурца за 90 к. и 3 сырка сладких по 13 копеек. К обеду пришла Л.В., все, кроме меня, отправились на балкон, я сидел в своей комнате, написал кое-какие дополнения к статье о родовых знаках; в 6 ч. любовались через бинокль воздушным шаром. В 7 ч. Л.В. ушла. Вечером пришли: Т.П. Александрова, К.В. Крашенинников, который много рассказывал об Иоанне д'Арк; он читает исследование о ней Анатоля Франса, которым очень увлечен.

27 (14) мая. +14°. В Музее узнал, что вчера похоронили академика А.И. Соболевского, умершего от воспаления легкого. Царство ему небесное, хороший был человек. Успел до 12 немного заняться монетами, с 1 ч. началась оценка икон для Госторга, продолжали с Ю.А. Олсуфьевым, к 3 окончили. После занятий пошел с Л.В. в ряды (Гум), купил там жестяной чайник за 2 р. 4 к., 1 фунт сыра и немного сластей; Л.В. покупала гамак для племянника. Обедала внучка Наташа, она имела место при ресторане на Пречистенском бульваре, но ушла, так как слишком трудно.

28 (15) мая. +13°. Слышал, что в Батуме были беспорядки, для прекращения которых стреляли с судов, якобы много разрушено и убито. Какие были причины – не знаю. К 11 ч. я с Клейном пошли в храм Василия Блаженного для оценки отобранных Госторгом предметов из парчи для заграницы; любопытно, что парчу с крестами не брали, как негодную для обивки мебели. Затем мы поднимались (Пономарев, Клейн и я) на колокольню для осмотра колоколов, которых 16 или 17; мы попросили не брать двух (один на земле, другой на колокольне) с надписями конца XVII в. В 1 ч. состоялось заседание общеисторического разряда под председательством С.В. Бахрушина, читал В.Ф. Ржига о домонгольских тканях на Руси; летописный материал исчерпан хорошо, но о материальных памятниках он почти не касался; любопытно отметить, что наши ученые совсем не занимаются памятниками вещественной культуры. После 3-х поехал с Л.В. в Цекубу, где мы пообедали; пища была доброкачественная. Домой приехал в 5 ¼ ч., переоделся и к 7 поехал на заседание Общества истории и древностей российских, опоздал на начало чтения Любавским «Памяти М.М. Богословского», затем почтили память А.И. Соболевского вставанием; на место умершего М.М., который был секретарем, выбрали Ю.В. Готье. Н.А. Бакланова прочитала доклад «Новгород Великий в конце XVI в.»; было бы правильнее назвать «Топография Великого Новгорода по новым данным», доклад был интересен, но возражения были слабы, по-видимому, знатоков истории Великого Новгорода было мало. Из

университета прошел к Малому театру посмотреть открытый вчера памятник Островскому, произведение скульптора Андреева, автора памятника Гоголю; насколько скульптура Гоголя произвела и производит отталкивающее впечатление, настолько фигура Островского мне понравилась; посмотрю ее днем; мне кажется, место неудачно.

29 (16) мая. +13°. Была закупочная комиссия, купили неважные вещи. Разобрал еще несколько типов ольвийских монет. Заходил В.И. Стражев, знакомый Зайцевых, сказал, что В.Н. Муромцева развелась с Буниным. После 3-х ходил с Л.В. в Охотный ряд, купил по карточке 2 катушки белых ниток за 26 к.; у частного торговца купил 1 катушку черную за 35 к.; купил в чаеуправлении 1 фунт пиленого сахара за 56 к.

30 (17) мая. +14°. К 1 часу Л.В. и я были вызваны в Главнауку к Вайнеру; явившись, узнали, что все мы трое должны ехать в монетный фонд (Тверская-Ямская, 3), чтобы осмотреть печать на небольшом мешке со 126 золотыми, 3 платиновыми и 19 серебряными монетами, так как печать возбуждала сомнение; мы все ее осмотрели и сравнили с привезенным хорошим оттиском той же печати из Главнауки; все, кроме меня, заподозрили; решено было вскрыть мешочек и проверить по акту монеты; я проверил, все оказалось в исправности; пришлось по поводу этой комедии составлять протоколы, что сделала Л.В., и мы подписались. Мешочек запечатали принесенной Н.В. Писанко какой-то дворянской печатью временно до запечатания музейною печатью. Все протоколы и печать я должен был отвезть в Музей, мой кабинет был уже запечатан, я распечатал, все спрятал и опять запечатал. Зашел к «Мюру», купил пату и карамель, которые пошлем Наде в Сочи с Мишей в воскресенье.

31 (18) мая. +9°. Дождь. Описывал новые поступления в Музей. Определение ольвийских монет приходит к концу. Весь день болела в Музее экзема на обеих ногах. После занятий поехал с Л.В. домой обедать. В 8-м часу приехала О.И. Попова, беседовали в комнате жены; она в сообществе с И.М. Тарабриным и М.А. Цявловским собираются издать сборник о Пушкине. В 10 ч. обе ушли.

Июнь 1929 г.

1 июня (19 мая). +9°. В течение дня несколько раз шел мелкий дождь, температура выше 10–11 градусов не поднималась. Весь день сидел дома, обдумал и написал небольшое добавление к сребреникам Изяслава и Ярополка и одного Ярополка (Петрос)[30].

2 июня (20 мая). +9°. Воскресенье. Заходил А.А. Карзинкин, очень озабочен, что с него лишенство еще не снято, хотя по поводу этого его вызывали в Моссовет; говорили с ним о С.В. Прохорове, которого правление Исторического музея удалило со службы за пьянство, позолотив эту пилюлю тем, что разрешило ему подать заявление об уходе; мне его жаль, человек он недурной, но бесхарактерный, и не мог справиться со своею слабостью. Утром приехал из Тайнинки Миша и от нас ушел на поезд, чтобы ехать в Сочи; его пришли провожать Нина с сожителем и ребенком и Наташа, которая осталась обедать. Весь день сидел дома, чувствовал недомогание, просматривал статью о родовых знаках.

3 июня (21 мая). +7°. В Музее осматривал устраивающуюся выставку по истории химии в России по материалам главным образом из коллекций Музея; выставка обещает быть очень интересной. Наконец докончил разбор монет Ольвии, остается их расположить хронологически, придерживаясь Pick'a. После занятий зашел в Охотный ряд с Л.В., купил сыру, драже; оттуда прошли в Консерваторию, где я взял билеты на четверг на заседание, посвященное 130-летней годовщине дня рождения Пушкина по 85 к. в 9 ряду партера. Дома застал многочисленное общество приехавших поздравить жену и Лёлю со днем Ангела; пришли все дети и внуки, брат и сестра Позднеевы и проч.; часу в 9-м пришла Л.В.; в 10 ч. все ушли.

4 июня (22 мая). +7°. Получил анонимное (подпись Введенская) открытое ругательное письмо, которое показал Протасову, тот его попросил дать ему на короткое время, сказав, что и он, затем Лепешинский, Матвеев и Милонов получили тоже анонимные письма; кроме того, Протасов получил посылку по почте, вскрыв которую, нашел в ней стилет и письмо с предложением сделать себе харакири; все директора возмущены письмами и, кажется, хотят поручить расследовать это МУУР'у. Начал разбирать ольвийские монеты хронологически по Pick'y. Н.А. Бакланова читала в общеисторическом разряде доклад о солеварницах в XVII в., но я его дослушать не мог: пришел Н.В. Власов из Госторга, и мы, т.е. он, Л.В. и я пошли в серебряную кладовую, где Власов отобрал еще вещей для заграницы. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил консервов рыбных и отправился домой. Занял в кассе взаимопомощи Музея *75 р. на 4 месяца.*

5 июня (23 мая). +9°. Утром шел небольшой дождь. Приехал А.Н. Зограф на 2 недели заняться ольвийскими монетами; привез от А.А. Сиверса 4 монеты – сребреника, которые продает за 500 р.; показал их П.Н. Лепешинскому, который решительно отказался от покупки. Начал хронологически расставлять ольвийские монеты. После занятий ездил на Алексеевское кладбище, могилы стоят, как прежде, решетка не снята. На дом пришло возмутительное письмо от той же «Успенской», полное грязной брани по моему адресу. Сделал для себя оттиски со всех 4-х монет А.А. Сиверса; нового монеты ничего не дают. Вечером шел дождь.

6 июня (24 мая). +10°. Ночью шел сильный дождь. Весь день в Музее распределял хронологически монеты Ольвии. А.Н. Зограф продолжает взвешивать ольвийские монеты с типом Борисфена, которые им все разделены на группы в хронологическом порядке; я его попросил распределить наши монеты с Борисфеном по его системе. После занятий Л.В., А.Н. и я пошли в Охотный ряд, я купил пирожного, и все трое отправились ко мне обедать. Пообедав, в 7 ½ ч. мы трое вышли, А.Н. ушел к знакомым, а я с Л.В. отправился на Пушкинский вечер, устроиваемый Обществом любителей российской словесности в память 130-летней годовщины дня рождения А.С. Пушкина; на эстраде сидели члены Общества и приглашенные, в числе их внук Пушкина Григорий Александрович, о нем заявил председатель Сакулин, и вся зала, как один человек, поднялась и зааплодировала; это был самый торжественный момент. Начались чтения; Благой прочел «Пушкин в 1929 г.» с социологическим уклоном, неприятно на меня подействовавшим. Интересный обзор дал Цявловский пушкинской литературе в 1928–29 гг. После 15-минутного перерыва был ряд чтений произведений Пушкина театральными артистами,

читали скверно, еще хуже была вокальная часть; мы не досидели, в 11 ½ ч. ушли, каждый уехал к себе домой. Мелкий дождь шел, но едва я пришел в 12 ¼ домой, как пошел сильный дождь.

7 июня (25 мая). +11°. Дождь. Утром узнал, что Ю.М. Соколова из заведующих библиотекой Музея, кажется, решено уволить. Протасов мне сообщил, что автор анонимных писем будто бы найден, и не один, а организация (?), имени пока сказать не может; на мой вопрос, не из технических ли служащих, ответил: «Из научных сотрудников, и человек почтенный». Расположил ольвийские монеты на полках, теперь примусь за Керкинитиду и Херсонес. После занятий Л.В., Зограф и я ходили к Малому театру смотреть памятник Островскому. Вчера на Пушкинском вечере я виделся с П.С. Шереметевым, которого спросил, получил ли он мое письмо, где я извещал его, что материя из Цекубу лежит у меня; он ответил, что письмо получил на 10-й день! Сегодня он был у меня, и я вручил ему материю, данную мне Е.П. Богословской; П.С. был очень тронут таким подарком. В 8-м часу была гроза и дождь.

8 июня (26 мая). +12°. Из газеты узнал о смерти А.А. Бахрушина, царство ему небесное; хоронят его в Новодевичьем монастыре в понедельник. Позавтракав, отправился в Зоологический сад, который произвел на меня отличное впечатление как внешностью, чистотой, так и прекрасным видом зверей; интересно кормление обоих орангутанов, и старого, и малого из рук ложкой, кормил пожилой господин, у которого молодой сидел на руках и нежно обнимал его. Прекрасные экземпляры земноводных в террарии, устроенном на острове; видел впервые крупных тропических ящериц. Гиппопотам все время был на воздухе и лежал. В продолжение 2-х часов раз-два шел сильный дождь.

9 июня (27 мая). +11°. Воскресенье. Весь день ничего не делал, немного читал, обдумывал некоторые части в статье (о пломбах), которые придется переделать. После обеда пришла внучка Наташа, после Валя с мужем. В 7 ч. отправился на гражданскую панихиду по А.А. Бахрушине; только что слез с трамвая, поскользнулся на тротуаре, упал и разорвал брюки на левой коленке; пришлось не снимать пальто; поднявшись на лестницу дома, встречаю сына покойного Юрия Алексеевича, который тотчас раздобыл портного, и брюки наскоро зашили. Встретил В.Ф. Джунковского, который рассказал мне о причине смерти А.А.: он умер от язвы в желудке. Народу было масса, представители Главискусства, Главнауки, Общества любителей российской словесности, всех театров; гроб был закрыт, так как покойного уже отпели в Апрелевке; в 9-м часу началась тихая музыка (скрипка, рояль); играли, кажется, Шопена; первую речь сказал начальник Главискусства Свидерский[31], 2-ю Прыгунов, помощник покойного, 3-ю начал Сакулин, тут я ушел с А.В. Сосновским; уходя, встретил Васю Сахновского; Сосновский меня проводил до трамвая. Гражданская панихида мне понравилась своею торжественностью.

10 июня (28 мая). +11°. Днем несколько раз шел дождь. Уголовный розыск телефонил в Музей, что пойман вор, укравший в Музее герб. Попросили меня съездить. Придя в 4-й район Муур'а в Гнездниковском переулке, мне предъявили бронзового орлика, украденного, вероятно, с зерцала; позвали воришку, парня лет около 20, я его расспросил, где он взял вещь, сказал, что в подвале Музея во время поденной работы; я сказал агенту, что вещь музейной и материальной ценности не имеет. Начал сортировать монеты Керкинитиды

и Херсонеса. Уплатил *в Музей 10 р.* А.Н. Зограф продолжал весить монеты Ольвии для будущего corpus'а боспорских монет.

11 июня (29 мая). +10°. Разбирал монеты Херсонеса древнейшего периода. Ездил смотреть монетный шкап с неким Коротковым в Трубниковский переулок, угол Кречетниковского переулка; шкаф дубовый на 166 полок, повидимому, очень хороший, просит 500 р.; мнение свое сказал Лепешинскому. Вместе с Зографом поехал домой, вскоре пришел Протасов, пообедали; после обеда я с Протасовым перешли в мою комнату, где мне он рассказал мнение об авторах анонимных писем; по мнению Матвеева и партийцев Музея, их человека 4, назвал Н.А. Бакланову, Л.И. Воронову, Ю.М. Соколова, Чернопятову; я сказал, что не верю, чтобы перечисленные лица были авторами, и думаю, что автором моих 3 писем был душевно больной, настолько бессмысленно содержание всех писем. В 6 ½ ч. ушел Протасов, а в 9 ½ Зограф. Правление Музея предложило Чернопятовой подать в отставку. Получил от А.А. Ильина письмо с ужасным известием, что А.А. Сиверс опять арестован. Во время обеда заезжала на час Танюша с Машей-правнучкой и Гулей.

12 июня (30 мая). +10°. Продолжал в Музее разбирать монеты Херсонеса. Была закупочная комиссия, приобрели за 3 р. кубышку, найденную около Александрова, с монетами XVII в. за 3 р. Получил повестку, что коллегия Научно-исследовательского института археологии и искусствознания постановлением президиума РАНИОН от 5 апреля сего года освободила меня от обязанностей внештатного действительного члена Института, т.е., проще, выставила; коллегия права: я ни разу не был ни на одном заседании. После службы ездил на Алексеевское кладбище, сговорился с артелью обложить могилу отца и матери дерном, убрать камни из-под решетки, которая будет снята, за 8 р. Дома нашел О.Н. Анофриеву с внуком, внучку Нину, которая осталась обедать.

13 июня (31 мая). +9°. Вознесение Господне, праздник отменен. Продолжал разбирать монеты Херсонеса. Я сказал Лепешинскому, что сегодня придет владелец монетного шкапа, который я смотрел; Лепешинский сказал, что поручит Кузьмину съездить осмотреть его; так и устроилось: Кузьмин ездил и купил за 400 р.

14 (1) июня. +9°. Разбирал монеты Херсонеса. Кузьмин привез монетный шкап, сотрудницы вложили все 166 полок, что составило немалый труд. После занятий Л.В. приехала обедать и проститься с женой перед отъездом на дачу на 2 месяца. Дал ей «Русскую старину», выбрала 1871 г.; ушла в 7 ½ ч.

15 (2) июня. +10°. Дождь. Весь день сидел дома. Распростился с Лёлей, она уехала играть с труппой до сентября в Рязанскую губернию. Читал статьи Зографа, Бертье-Делагарда и свою по нумизматике Херсонеса.

16 (3) июня. +12°. Воскресенье. Продолжал перечитывать нумизматическую литературу по Черноморью. Написал Ильину просьбу просмотреть то место в немецком издании Мейерберга[32], где говорится о монете Владимира. К вечеру пришла Танюша с Гулей, поели за обедом, пили чай, в 7 ½ часов ушли.

17 (4) июня. +12°. Утром шел дождь. В Музее пришлось мало заниматься монетами, явился американский ученый мистер Поп (Pope), пожелавший познакомиться с персидскими тканями и вообще с произведениями Востока, походил с ним по открытым залам и выставке; говорили по-французски,

я плохо, а он еще хуже, в некоторых случаях обращались [к переводчику], который с ним ходит. Получил от Миннза очень милое дружеское письмо. К вечеру пришел Вася Сахновский, беседовали с ним о старинных московских увеселениях, я ему советовал прийти в Музей и расспросить в нашем архиве, не имеется ли такого материала в бумагах Забелина; сидел часа два, пил чай.

18 (5) июня. +14°. Продолжал классифицировать монеты Херсонеса. Получил жалованье, уплатил *10 р. долга* в кассу взаимопомощи. После 3-х поехал обедать в Цекубу, кормили за 95 к. недурно: суп пейзан и язык с пюре; встретил Варвару Сергеевну Гильдебрандт, по мужу Марсову, выпил с нею стакан чая. Из Цекубу проехал к Танюше, посидел с нею, Машею и правнуками с 1 ч.; одновременно со мною к Маше приезжала дочь норвежского посланника, привезла детям крендель; сам посланник с женою уехали на Волгу. Часа в 2 начался сильный дождь и небольшая гроза.

19 (6) июня. +14°. Пасмурно, утром дождь, днем погода ясная и жаркая. В Музее продолжал типологический разбор монет Херсонеса. Заходил приехавший из Петербурга инженер А.М. Михайлов (знакомый А.А. Ильина), показывал мне разрубленный талер с ефимочными клеймами на каждой половинке и 2 золотые пластинки тоже с ефимочными клеймами; сидеть с ним долго не мог. Заходил также Сосновский, спрашивавший, что это за клейменые половинки талера с ефимочными клеймами, и показал мне рисунок с тех оригиналов, которые показывал мне Михайлов. Слышал я, что оба брата Вишневские, Феликс и Лев, высланы из Москвы (минус шесть), и также Н.В. Власов из Госторга. В 3-м часу пришла Л.В., с ней я поехал на Алексеевское кладбище; могилу отца с матерью обсадили дерном, решетку убрали. Оттуда проехали домой обедать. В 8 ч. Л.В. ушла, распростившись перед отъездом на дачу на 2 месяца.

20 (7) июня. +14°. День рождения жены. По просьбе Матвеева составлял список в круглых цифрах количества предметов в каждом отделе, пришлось некоторые отделы обходить и расспрашивать заведующих. Купили у Николая Модестовича Бакунина портреты: 1) его предка Бакунина в напудренном парике; 2) Бакунина, неизвестного по имени, в рост в детском возрасте; судя по костюму, конца XVIII в., писан крепостным художником, и 3) портрет Елизаветы Романовны Воронцовой, фаворитки Петра III, впоследствии по мужу, кажется, Полянской. За все 3 заплатили 200 р. Немного занялся монетами. Достал для К.В. Крашенинникова в Румянцевской библиотеке (через нашу библиотеку) «Библейскую археологию» И.Г. Троицкого. К обеду пришли: А.Н. Зограф, Валечка, внучка Наташа; в конце обеда приехали: Танюша с Машей, маленькой Машей, Алешей и Гулей; позднее пришел П.Н. Сапунов. С обеими внучками и А.Н. Зографом выпили Барзаку 1 бутылку и ½ бутылки; часов около 8 дети и внуки ушли, а я с А.Н. беседовал на нумизматические темы, он прочел обстоятельную статью о находках римских императорских монет при раскопках в Ольвии; около 10 он ушел.

21 (8) июня. +14°. Получил из Цекубу 60 р., заплатил в музейскую кассу взаимопомощи *10 р.* Весь день прошел в приеме многих лиц, предлагавших к покупке вещи. Сегодня произошло следующее: подаю Матвееву счет Бакунина на купленные вчера 3 портрета за 200 р., Матвеев отказался подписать, сказав, что согласия на 200 р. вчера он не дал, и более 175 р. они не стоят; несмотря на мои уверения, что он согласен был заплатить 200 р. – все было

напрасно, пришлось счет и акт уничтожить. Вскоре пришел Н.М. Бакунин, я перед ним извинился, он ответил, что этому он не удивляется, и согласился на 175 р. Я поспешил дать подписать новый счет, боясь, что через 2–3 дня он и от этой суммы откажется; Матвеев подписал. Получил от В.А. Никольского письмо, плохо ему живется в Саратове. Сегодня уезжает в Петербург А.Н. Зограф, сердечно с ним распростился, хороший он человек и очень знающий, но чрезвычайно нервный. Купил для жены черешни 500 граммов за 60 копеек.

22 (9) июня. +15°. Съев яичницу, отправился в Третьяковскую галерею, где произведена новая развеска картин; новый хронологический порядок позволил яснее себе представить развитие нашей живописи; к сожалению, некоторые картины неудачно повешены, блики на полотнах мешают видеть всю картину. Как было приятно вновь увидать старых знакомых, и какой ужас мне внушили декаденты и даже Врубель. Впервые познакомился с рисунками, но более внимательно смотреть их не мог, слишком устал. День был жаркий, на улицах продают березки для завтрашнего дня. В 7 часов поехал к Сосновским, пил чай, закусили ветчиной и рыбой, выпили втроем бутылку французского вина, беседовали на современные темы (о безбожниках и т.п.), около 12 я ушел.

23 (10) июня. +18°. Троицын день. Встал поздно. С утра была ясная погода, во 2-м часу небо обложило тучами, была небольшая гроза, пошел дождь, который то прерывался, то опять шел. Весь день никуда не выходил, читал, просматривал свою рукопись о родовых знаках. Вечером был К.В. Крашенинников, дал ему «Библейскую археологию» И.Г. Троицкого, которую достал в Румянцевском музее.

24 (11) июня. +11°. Духов день. С утра чувствовал недомогание и боль в желудке, решил к литургии не идти, сидел в своей комнате в дремоте, немного читал. Часу в 4-м пришли Сережа с Юзей, пили кофе, сидели до 7 ½ ч.

25 (12) июня. +11°. Прямым музейским делом не занимался, многочисленные посетители отвлекали от работы. По просьбе Лепешинского ездил на Тверскую в Земельный отдел смотреть портрет князя Меншикова, но видеть его не пришлось; лицо, у которого он хранится, уехало из Москвы до четверга. Вернулась из отпуска Л.И. Воронова. Сегодня на заседании правления обсуждался вопрос о Ю.М. Соколове, протестовавшем против его увольнения, кажется, его шансы остаться в Музее плохи. Сегодня в домовом комитете была комиссия, проверявшая заборные книжки; слышал такой возглас одного из членов комиссии: «Из этого дома никого выселять не придется»; но из соседнего дома, бывшего Илышева, как я слышал, определили выселить бывшую домовладелицу, генеральшу Илышеву 80 лет.

26 (13) июня. +10°. Принялся за разбор херсоно-византийских монет. Обе сотрудницы – Евтюхова и Воронова – начали проверять серебро из религиозного отдела, перенесенное в серебряную кладовую. Сын В.А. Городцова Мстислав[33], уехавший с отцом на раскопки в Брянскую губернию, сегодня приехал в Москву в сопровождении студента, разбитый параличом (отнялись рука и нога); это следствие отравления газом во время войны. Прочитал комедию Шекспира «Как вам угодно»; пьеса, как комедия, в целом, мне не понравилась, но в ней масса отдельных великолепных сцен. Комедию хотят играть в Художественном театре, произведет ли она, в целом, впечатление? Заходил

в Музей П.С. Шереметев; его выселяют из Остафьева, предлагают помещение в Тарасовке, которое он отказывается брать. Какая жестокость! За что?

27 (14) июня. +11°. Занимался текущими делами и немного разложил херсоно-византийские монеты. Заходил Писанко и оставил мне на просмотр свою рукопись «Каталог-справочник редких русских монет» императорского периода; я отказывался, так как ничего не смыслю в этом отделе русской нумизматики, но он настоял. Сегодня правление решило судьбу Ю.М. Соколова, который удален. Это может неблагоприятно отразиться на его служебной карьере. От Л.В. получил письмо с ее летнего местопребывания в Филимонках. Получил от Миколы Макаренко (Николай Емельянович) его последнее произведение «Чернігівський Спас» с трогательным посвящением его погибшему сыну Ору (какое это имя – не знаю) и его портретом; книга Украинской академией издана прекрасно.

28 (15) июня. +11°. Утром поехал в Главный почтамт, чтобы купить простых конвертов, которых не нашел у продавцов, нашел в казенной продаже марок в почтамте. В Музее немного занялся монетами, но многочисленные посетители с предложением вещей для покупки отвлекали от работы. Слышал от М.Н. Сперанского, что Академия наук отстояла у Главнауки сломку Чудова и Вознесенского монастырей, для помещения красноармейцев будет переделываться Арсенал в Кремле. Говорила со мною из Филимонок Л.В., звучит плохо. После занятий зашел к «Мюру» купить чайник (97 копеек), проехал к Адели Шмидт поздравить с днем рождения, у нее была Валечка, посидел с ¾ часа, выпил чаю и отправился домой обедать, у нас сидели Зоргаген и М.Н. Гусева с дочкой; после обеда обе вскоре ушли; на смену пришла В.Д. Бакланова, дочь Д.Н. Анучина, поговорил с нею с час.

29 (16) июня. +12°. С 10 ч. пошел дождь. В 12-м часу поехал на Алексеевское кладбище, теперь переименованное в Алексеевский парк, взглянуть на могилы, которые в том же виде, как я их видел последний раз. С кладбища проехал на № 6 на Садовую в Земельный отдел осмотреть портрет князя А.Д. Меншикова; он находился в кладовой, куда прошел с какой-то девицей; взглянув на портрет, я узнал такой же портрет в Историческом музее, купленный, помнится, как портрет неизвестного; это старик с длинной седой бородой; на обороте полотна надпись, гласящая, что это А.Д. Меншиков в Березове, куда он был сослан, указано имя художника, писавшего. Я заявил заведующему, что Музей желает взять портрет, тот указал, что следует взять разрешение Госторга, и мы его даром получим. С Садовой прошел на Тверскую в магазин бывший Елисеева, где купил колбасы и бутылку Мозельвейна (1 р. 50 к.) и проехал домой. Писанко на днях мне принес рукопись о редких русских монетах XVIII–XIX столетий; вначале им сочинен очерк русской нумизматики XVII–XX столетий; нелепее в этой области я ничего не читал; бездарно и невежественно в высшей степени.

30 (17) июня. +11°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове, хор Нестерова пел прекрасно; «Верую» и «Отче наш» новых композиторов (забыл их имена) очень хороши, также хорошо «Достойно есть» – Чайковского, и причастный стих «Услыши, Боже» нового композитора. После обеда пришла Танюша с Гулей, сидела до 7 ½ ч.; вечером к жене пришли: Анна Давыдовна Богуславская и артистка Глинская; я кое-что дополнил в статье о родовых знаках.

Июль 1929 г.

1 июля (18 июня). +12°. В Музее все еще продолжается «суд» над Ю.М. Соколовым, сегодня была коммунистическая фракция (состав ее мне неизвестен), которая разбирала его действия, окончательное решение последует в среду. Жаль его. Кончаю разбор херсоно-византийских монет. Получил 4 выпуска (в 2-х книгах) «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», в них, между прочим, напечатана статья Л.В. Кафки (с ошибкою Кавка) «Перстни Камско-Волжской Болгарии».

2 июля (19 июня). +13°. Кончил раскладку херсоно-византийских монет, и все монеты Керкинитиды и Херсонеса уложил в шкап № 8. Слышал от Ю.М. Соколова, что в партии коммунистов Музея произошел по поводу его раскол. Ходил в наш читальный зал, где происходит сортировка книг, поступивших во время революции; посмотрел на часть нумизматической библиотеки покойного С.И. Чижова. Какой хаос в читальном зале! Думаю, что долго не разберется эта масса книг из библиотек Уваровых, Чижова и др., слишком мало рук. К обеду пришли внучки Наташа и Нина, уехавшие в Тайнинку вскоре после обеда. Вечером у жены сидела Зоргаген.

3 июля (20 июня). +15°. Принялся раскладывать монеты Пантикапея, Феодосии; много разных типов. «Суд» над Соколовым в Музее кончился, но приговор будет сказан Главнаукой. Слышал от Сперанского, что в Румянцевском музее удалена вся ячейка, а директору объявлен выговор, что он распустил ячейку. После 3-х зашел к Танюше, она передала мне присланные подарки от Верочки из Парижа: жене 6 платков носовых, чулки, мне носки; все это нас очень тронуло. Вечером заходила вдова покойного Владимира Матвеевича Позднеева со своим внуком, горько плакала, вспоминая мужа. Неожиданно зашел в Музей Н.В. Власов; на мой вопрос, правда ли, что ему назначено –6, ответил – да, но теперь дело его пересматривается.

4 июля (21 июня). +15°. Обычную работою в Музее пришлось мало заниматься, то посетители, то должен был посвятить часа 1 ½ объяснять одному выдвиженцу, служащему в Главнауке (имя его Александр Иванович Объедков), разные типы серебряной посуды, ввиду того, что он должен присутствовать при отправке предметов за границу; обратился он ко мне по рекомендации Эйферта; знания его в серебре очень слабые. После занятий поехал с Л.И. Вороновой к нам обедать, за столом была еще Дарья Андреевна, а после обеда пришла Анна Давыдовна Богуславская. В Музей заходил Писанко (см. под 27 июня), которому я вернул рукопись «Каталог-справочник», сказав, что в ней много ошибок и печатать ее не следует.

5 июля (22 июня). +15°. Ночью был дождь. Получил от Л.В. письмо, за которым вслед приехала сама к доктору, так как сердце ее не в порядке. Начал раскладывать монеты Пантикапея по типам. После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», купил внучке Наташе конфект в дорогу; купил мыла.

6 июля (23 июня). +15°. Утром был у брадобрея, от него пошел искать ветчины, не нашел, должен был купить полтавской колбасы. В 11 ч. приехала с багажом внучка Наташа и от нас с Курского вокзала поехала в Сочи с дополнительным поездом в 2 ч. 50 м. Около 1 ч. пришла Л.В., сидела до 5 ½ ч., обедала, пила чай; я ей прочитал по ее просьбе свою статью о родовых знаках, думаю, что едва ли она усвоила ее, что понятно, так как тема ей была

<не>знакома. С Курского вокзала пришла внучка Нина, провожавшая сестру, сидела до 6 ч.

7 июля (24 июня). +15°. Воскресенье. Праздник св. Иоанна Предтечи (Ивана Купала). Отправился к литургии к Богоявлению в Дорогомилове. Служил архиепископ Филипп[34], поэтому служба была очень продолжительна, выстоять всю литургию в мои года очень трудно. Пение хора Нестерова было очень хорошо, и это мне давало силы стоять. После чтения Евангелия какой-то священник сказал слово, посвященное св. Иоанну Предтече, которое я решительно не понял; благодаря обширности храма, звуки и слова рассеивались. Вообще для проповедей в наших храмах никаких приспособлений не делается, и проповедь не достигает цели. До вечера отдыхал; вечером пришла внучка Маша проститься, во вторник уезжает с 2-мя детьми в Козельск.

8 июля (25 июня). +15°. Утром пришел в Музей приехавший из Петербурга Н.П. Лихачев, с которым пробеседовал до 2-х часов. Пришел после болезни Лепешинский, устроили закупочную комиссию и купили старинную дрезину (велосипед) о 2-х колесах без передачи, ехать нужно, отталкиваясь от земли ногами. Заплатили архитектору Дмитрию Афанасьевичу Родионову 100 р., купил его в Можайском уезде. Получил от Ивана Юрьевича Спасского 28 р. на съемку с дукачей. В 8-м часу приехал Н.П. Лихачев, прибывший в Москву с единственною целью побеседовать со мною о родовых знаках; я тотчас же принялся за чтение своей статьи, которую он выслушал с большим вниманием, сказав, что мы оба о знаках стоим на одном пути, оттенил в моей статье то место, где я разбираю монету Святополка, на которой чеканщик перепутал родовой знак, поставив знак Владимира Мономаха (это место он считает самым замечательным в статье); мои определения знаков на печатях считает предположительными, хотя ничего не может возразить против. Ушел он в 11 часов.

9 июля (26 июня). +17°. С 9-го часа до 2-го шел дождь. Узнал о смерти И.С. Остроухова, умершего вчера в 5 ч. вечера, завтра в Третьяковской галерее гражданская панихида в 12 ч., после которой его тело отвезут на Даниловское кладбище. В Музей заходил Н.П. Лихачев, с которым ходил на выставку «Что такое религия?», оттуда прошли в рукописное отделение, где смотрели переплеты рукописной Минеи из Боровска (1598 г.) и переплет Годуновской псалтири; показывали также Евангелие, которое я привез в прошлом году из Боровска. В числе вещей, доставленных в Музей из Госфонда, любопытен зеленомедный свещник восточной работы, на котором уже в России, вероятно, в XVIII столетии кем-то вырезана надпись, что царь с братией ушел в монастырь (намек на Грозного), затем виды на дорогу в монастырь, вероятно, в Александровой слободе, виды монастырской стены, церквей за стеной, наконец, резана фигура всадника с метлой в одной руке и с собачьей головой в другой, очевидно, опричник; рисунки резьбы сделаны довольно грубо. Вечером дома занимался вопросом о сребренике с изображением на лицевой стороне Святополка, а на оборотной родового знака Владимира Мономаха (№ 101 в монографии Толстого).

10 июля (27 июня). +15°. В 4-м часу утра пошел дождь, и была небольшая гроза. Занимался текущими делами, разобрал по типам часть монет Пантикапея. В 4 ½ пришел Н.П. Лихачев, обедал; после обеда беседовали с ним до 7 ½ ч. Пришли: Танюша с Гулей, Валечка с Таней, Танюша сидела недолго.

Вечером уехала в Умань О.И. Леонтьева на гастроли, с нею поехал до сентября Олег.

11 июля (28 июня). +16°. Продолжал разбор монет Пантикапея по типам. Заходил Н.П. Лихачев проститься, сегодня уезжает в Петербург; показал ему свинцовые печати, найденные в Херсонесе, затем он просмотрел архив Ечкина (бывшего содержателя экипажей), состоящий из грамот XVI–XVII вв., столбцов и т.д., принесенный Музею для покупки. Утром до 8 ч. шел дождь, днем было ясно и жарко, вечером была небольшая гроза. Вечером написал для статьи о родовых знаках свое предположение, какие сребреники чеканены Владимиром Мономахом для Чернигова, какие для Киева. Получил из Академии материальной культуры уведомление, что все *ученые* сотрудники и адъюнкты Академии в целях унификации переведены из *ученых* сотрудников в *научные* I разряда, в числе их, конечно, и я.

12 июля (29 июня). +16°. Петров день. В Музей привезены из Политехнического музея копии и частью оригиналы с разных предметов, между ними меня поразили Суздальские врата. В 12 ½ ч. пошел в бывший Музей Красной армии[35], который уже увезен, осталась большая библиотека, которую присоединяют к Румянцевской библиотеке; цель моего прихода была осмотр медалей и орденов, которые предложены нам, но я уклонился и посоветовал передать их в провинциальный музей. Монетами пришлось мало заняться. После 3-х зашел к «Мюру», купил на завтра билет в Новый Иерусалим и обратно (1 р. 80 к.) и конфект для Н.А. Баклановой.

13 июля (30 июня). +18°. С поездом в 9 ч. 20 м. поехал в Новый Иерусалим, сошел на платформе Истра, взял за 75 к. извозчика до монастыря. Нат. Ап. встретил, когда я уже туда приехал, она пошла меня встречать, но мы разошлись. Занимает она большую комнату в здании, где жила царевна Татьяна Михайловна; от старого времени сохранились только стены и фасад. Она меня радушно встретила, угостила ветчиной, чаем; затем мы пошли в Музей, который показывал Шнеерсон и Евгения Степановна, его жена; экспозиция в Музее очень хороша и поучительна; хорош отдел крестьянский, воспроизводящий только крестьян их края. Ходили мы более 2-х часов, потом вернулись к Нат. Ап., которая угостила и Шнеерсона, я пил чай; от сильной жары и усталости я ничего есть не мог. Надвигалась сильная туча, которая заставила меня лишь ненадолго зайти в великолепный собор и поспешить на вокзал; мы втроем пошли, дорогою я взял извозчика и в 6 ч. 14 м. уехал в Москву. Шнеерсон, который заведует в Главнауке краевыми музеями, осведомлен о настроениях в Главнауке, он мне рассказывал, что там отрицательно относятся ко всей администрации Исторического музея, главным образом, о Лепешинском, Матвееве, Милонове и Протасове.

14 (1) июля. +18°. Воскресенье. Решил никуда не ходить. Занимался своею статьей о знаках; если буду переделывать ее части так, как я изменял в последние дни, то она будет мало похожа на ее первую редакцию.

15 (2) июля. +16°. Днем дважды была гроза и сильный дождь, площади перед Музеем были покрыты водой. Монетами пришлось мало заняться. Куплено письмо декабриста В.Л. Давыдова к брату на французском языке, писано на розовой шелковой материи с целью зашить письмо в подкладку отъезжающего из Сибири, где в ссылке жил Давыдов. Из Нового Иерусалима приезжала Нат. Ап., привезла для жены прекрасный букет полевых цветов. Получил письма от Л.В. и А.А. Ильина.

16 (3) июля. +15°. Барометр сильно понизился; несмотря на такое понижение (738), дождя весь день не было. Мои занятия монетами в Музее были прерваны Лепешинским, который ко мне привел директора Тифлисского музея Какабадзе, которому я должен был показать некоторые отделы, чего, впрочем, сделать не удалось, так как он был занят Граковым в отделе археологии и затем Богословским в отделе реставрации. Занятия кончились в 2 ½ ч., после чего был устроен летучий митинг, на котором комсомолец-еврей отвратительного типа сказал речь о событиях в Харбине (насильственное завладение Китайской железной дорогой)[36] и призывал выразить протест; после него на ту же тему говорил в очень приличном тоне Ронский (из музейского месткома). По окончании все работники Музея должны были идти с плакатом «долой руки от СССР» к китайскому посольству вместе с работниками Третьяковской галереи; я не пошел, слишком устал. Купил ¼ литра зубровки и красного вина в Винторге на Петровке и уехал домой.

17 (4) июля. +13°. Весь день в Музее разбирал по типам монеты Пантикапея. В Суздальском зале установлены копии со знаменитых Суздальских врат, привезенные из Политехнического музея. Узнал от Д.П. Сухова, что большевики решили сломать монастыри Чудов и Вознесенский и Николаевский дворец, несмотря на протест Академии наук. Какое варварство! После занятий зашел к моему постоянному брадобрею Андрею Ивановичу и, сидя в очереди, пока другие стриглись и брились, стал просматривать юмористические журналы. Какая мерзость! Наполнены грязными карикатурами на духовенство, на святыню! Зачем так оскорблять религиозное чувство верующих?! Пока я сидел, разразился сильный ливень, по Воронцову полю и Садовой лились потоки; мне пришлось минут 10 ходить по тротуару, за невозможностью перейти улицу, но, собравшись с духом, перепрыгнул, промочив ноги, так что дома вымыл ноги теплой водой, чтобы не простудиться.

18 (5) июля. +13°. Память преп. Сергия Радонежского. Весь день разбирал монеты. Ультиматум СССР Китаем не принят, дипломатические сношения между обоими государствами прерваны. Заплатил в кассу взаимопомощи 10 р.

19 (6) июля. +11°. Успел бы докончить типологический разбор монет Пантикапея, если бы не прерывали посетители; заходил Н.Б. Бакланов проездом в Чарджуй, посидел с полчаса; из Центрального музея безбожников[37] заходили двое, которые интересовались, как записываются [предметы в инвентарь], удовлетворил их любопытство. Из Краснодара (бывший Екатеринодар) приехал заведующий тамошним музеем Николай Алексеевич Захаров, просил показать ему боспорские монеты, показал ему наши редчайшие монеты: Гигиэнонта, Спартока, Перисидов, Фарнака, Динамию, пантикапейское золото и т.д.; сам он, кажется, мало понимает. Сегодня Музей открыт от 2 до 7, но мой отдел был открыт от 10 до 3, остальные от 2 до 7, также весь Музей для осмотра; народу было много. Во время обеда пришла Танюша с Гулей и сообщила о смерти С.П. Ордынского. Царство ему небесное, превосходный был человек. Недавно он и его жена были арестованы, он, по-видимому, был освобожден. В 9 ч. пришли Сосновские, сидели до 1 часу, закусили, выпили 1 ½ бутылки красного; интересных разговоров, по обыкновению, не вели.

20 (7) июля. +12°. Утром в 6 ч. неожиданно приехала из Раненбурга Лёля после неудачной поездки с труппою, хочет халтурить здесь. Зашел ко мне мой

сосед по комнатам Рихтер со своим родственником этнографом (забыл его фамилию, он из донских казаков), только что приехавшим из Владивостока. Он рассказывал, что проезжая теми местами, где теперь может быть встреча русских с китайцами, он видел бронепоезд и похороны убитого китайской пулей русского командира; это было 1 июля, дней за 9 до занятия китайцами железной дороги в Харбине; по его словам, положение для СССР там серьезное, так как за китайцами стоят японцы, англичане. Вероятно, железную дорогу обратно получить не придется. С 1 ч. до вечера связывал в пачки всю полученную мною переписку, кое-что просматривал; особенно меня тронули письма покойной М.А. Голубцовой, читая некоторые, слезы меня душили по этой рано погибшей молодой жизни. Во всех письмах отразились мои духовные интересы.

21 (8) июля. +11°. Воскресенье. Празднование иконы Казанской Божией Матери. С утра боль в желудке и расстройство, решил не выходить, принял капли Иноземцева. Читал, раскладывал пасьянс, дремал. Вечером в 10 ч. была гроза.

22 (9) июля. +14°. Утром явился Вайнер и попросил пойти с ним в магазин случайных вещей С.П. Тюнина (в доме Исторического музея), сказав, что Главнаука поручила взять на учет Историческому музею предметы музейного значения; все вещи у него дрянные, и я отобрал для очистки совести 2 иконы и одну картину, на что составил протокол. От Наркомпроса явились двое, предъявили мандат, где просят дать 2–3 вещи для приза за лучшую стрельбу; я с обоими и с Лепешинским пошли в серебряную кладовую, где подходящего предмета не нашли, остановились на настольных часах, стоящих в кабинете директора, но окончательно вопрос выяснится завтра. Кончил разбор монет Пантикапея. К обеду пришла О.В. Позднеева с сыном.

23 (10) июля. +16°. Ходил из Музея в Народный комиссариат по иностранным делам (Наркоминдел) по телефонному вызову, но найти того, кто вызывал, не мог по вине Протасова. Получил из Оружейной палаты гранки набора «Словаря» Троицкого. В.Т. Баронова по телефону сообщила, что Д.Д. Иванов несколько дней назад заболел и был отправлен домой в карете скорой помощи. Начал разбирать по типам монеты Фанагории. Вечером правил корректуру «Словаря». Часов в 10 небольшая гроза.

24 (11) июля. +16°. Между Англией и СССР начнутся переговоры о возобновлении дипломатических переговоров[10*]. В Музее разобрал по типам монеты Фанагории и Горгиппии, остаются: Колхида, Диоскуриада. Слышал, будто Луначарский подал в отставку, которая принята. Говорил по телефону с В.Т. Бароновой, которая сообщила, что Д.Д-чу нехорошо, посланные для подписи бумаги возвращены без подписи. С.П. Ордынский умер от разрыва сердца; его жена Ел. Ал-на не выпущена, ей, говорят, грозит если не расстрел, то Соловки. Сильно больна О.И. Зауер, полагают, раком в желудке. Вечером правил корректуру «Словаря» Троицкого, набрана в типографии «Academia» очень хорошо.

25 (12) июля. +14°. Отбирал в Музее двое настольных часов для приза за стрельбу в Осоавиахим, выбрал с бронзовой группой Минина и Пожарского и поддельные под стиль буль. Принялся за царские монеты, все городские,

---

[10*] Так у автора.

кончая Колхидой, разложены в шкапу. Кончил править последние гранки корректуры «Словаря» Троицкого. Сегодня я распростился с Ю.М. Соколовым, ушедшим из Музея; мы сердечно пожали друг другу руки, причем он сказал, что в течение 15 лет его службы в Музее между им и мной не было ни одного столкновения.

26 (13) июля. +14°. Разобрал монеты династов, кончая Аспургом; как много неясного, неопределенного. В 1 ч. пришла Людмила Вячеславовна, вчера приехавшая из Филимонок, чтобы увидать Тегера, которого перевели из Соловков в Сибирь, в Петропавловск. Из Музея ходил с Л.В. к «Мюру», купил бумаги, конвертов, оттуда проехали к нам обедать; ушла Л.В. около 8 часов.

27 (14) июля. +14°. В 10 ½ ч. поехал в Цекубу получить академическое обеспечение; выходя, встретил П.С. Шереметева, у него отнимают библиотеку, его личную, он протестует и просит защиты у Цекубу; переселяют его из Остафьева в Новодевичий монастырь, чему он рад, так как в Остафьеве его травят. Ужасно! Оттуда проехал в Оружейную палату, где узнал подробности о Дм. Дм., как он заболел; Т.Г. Гольдберг[38] мне рассказала, что заболел он в понедельник 15 июля и отправился по соседству с Палатой в Кремлевскую амбулаторию, откуда в карете скорой помощи был отвезен домой; у него, кажется, произошла закупорка вен, ставили пьявки. Из Палаты проехал к Софье Владиславовне; она вышла ко мне и рассказала подробности о здоровье мужа; он не в полном сознании, но надеется, что поправится, и она увезет его в Узкое. Как ужасна его комната! Как можно допустить жить в такой обстановке человеку такой крупной величины! Возвращаясь по **Б** домой, видел из трамвая колокольню Симонова монастыря, глава и часть верха которой уже разобраны. В 4-м часу пришла обедать Л.В., в 6-м часу ушла ко всенощной в церковь св. Владимира, завтра там храмовый праздник.

28 (15) июля. +14°. Воскресенье. В 10 ч. поехал в Алексеевский монастырь ради осмотра могилы родителей, которая никем не охраняется; подходя, случайно встретил монахиню, очищающую чью-то могилу, я ее спросил, не согласится ли ухаживать за моей могилой, она согласилась, я ей предложил 2 р. в месяц, которые тут же заплатил вперед до 1 сентября. Зовут ее Ксения, по фамилии Митина; вошел к ней в келью, в которой живут 3 монахини, платят 15 р. в месяц, доход добывают стеганием одеял и уходом за могилами. В храме пробыл недолго, так как решил литургию стоять у Богоявления, куда и проехал с опозданием; служил епископ Питирим, хор, как всегда, пел чудесно; молитву Господню Степанова пели с хором все молящиеся; превосходно спели причастный стих Архангельского «Блажен разумеваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь». Домой опоздал почти на час, трамваи не пропускались благодаря процессиям; на Тверском бульваре стояли ¾ часа. После обеда пришла Танюша с Гулей, а вскоре К.В. Крашенинников; он после меня вчера был у Дм. Дм., которому стало несколько лучше, но все же сидеть с ним не разрешено; беседовали до 7 ½ ч.

29 (16) июля. +15°. Заплатил 10 р. в кассу взаимопомощи. По телефону В.Т. Баронова сообщила мне, что Д.Д-чу сегодня лучше. Весь день разбирал монеты по царствованиям. С утра чувствую недомогание, зашел в аптеку, купил аспирину, который принял вечером. Получил от Археографической комиссии в дар 35-й выпуск «Летописи занятий» со статьей Садикова[39] «Земская печать и Нижегородское ополчение 1611–1612 гг.». В 9-м часу была

небольшая гроза. После обеда крепко уснул с час; проснувшись, стал чувствовать себя крепче.

30 (17) июля. +13°. Спал хорошо, но недомогание еще не прошло. Подходя к Музею, был поражен: Иверские ворота обнесены забором, часовня разбирается; когда же выходил из Музея, то ее не существовало. За часовней обнаружилась в стене впадина. Слышал, что и ворота будут разобраны. Весь день в Музее разбирал монеты. После 3-х пошел в издательство «Academia» на Тверской с корректурою, оказывается, что издательство переведено на Ильинку, 15. Сломка часовни Иверской Божией Матери всех поразила. Пообедав дома, спал часа 3.

31 (18) июля. +10°. До 2 ½ ч. занимался в Музее монетами. В 2 ½ ч. собрался митинг с 2 речами: одного еврея и члена месткома Вронского; еврей (забыл его фамилию) говорил или, скорее, жестикулировал с криком, на обычные агитационные темы, между прочим, заявил, что капиталистов уничтожили, теперь отнимем религию; другой в очень приличной спокойной форме призывал к подписке на 3-й заем. В 3 ч. отправился в типографию «Academia», теперь имеет какое-то другое название, кажется, «Земля и фабрика», где отдал корректуру. Оттуда проехал в Цекубу обедать; обед был неважный за 95 копеек: гороховый суп с мясом и телятина с зеленью, которую не ел.

Август 1929 г.

1 августа (19 июля). +12°. С утра хмурилось, шел небольшой дождь, днем погода разгулялась. В Музее разбирал по типам большое собрание монет Савромата I. Приехала из Нового Иерусалима Наталья Аполинарьевна Бакланова, занималась в моей комнате. Занятия кончили в 2 ч., а в 2 ½ все должны были идти на демонстрацию в Парк культуры и отдыха. Подписался на 3-й заем на 25 р. в рассрочку на 10 месяцев, заходил Сосновский, дал в уплату за 4 сребреника половину, т.е. 250 р., которые я сегодня же перевел по почте А.А. Ильину. Л.А. Мацулевич пишет, что послал на мое имя свою статью о курских находках.

2 августа (20 июля). +14°. Ильин день. Началась переделка черного хода нашей квартиры. Слышал, что приостановлена сломка Иверских ворот. Продолжал разбор царских монет по типам. Заплатил 10 р. в кассу взаимопомощи. Из газет узнал, что англичане приостановили переговоры с СССР, полпред отозван. Дома нашел Валечку и А.И. Благовещенскую, обе обедали; вид Валечки болезненный, но самочувствие недурное.

3 августа (21 июля). +17°. В 10 часов заехал ненадолго в Музей, где нашел письмо от В.А. Никольского, видно, что он тоскует без определенных занятий. Из Музея зашел в Оружейную палату, где видел только В.Т. Баронову, расспросил про здоровье Д.Д-ча, но в душе решил самому съездить, что и исполнил; встретила меня Софья Владиславовна и провела прямо к его постели; Д.Д. имеет очень хороший вид, бодро со мною разговаривал (сидел я у него более ½ часа), вспоминал старую жизнь, рассказал про болезнь, прибавив, что он ничего не помнит о лицах, бывших у него, даже не помнит посещения К.В. Крашенинникова неделю назад. О делах Оружейной палаты я с ним не говорил, также избегал говорить о всём волнующем его. От него про-

ехал в Зоологический сад и прямо прошел в буфет, где съел языка с горошком (90 к.) и цветной капусты (75 к.), запив бутылкой лимонада. Поверхностно осмотрел зверей, остановившись дольше около обезьян, хищников и только что привезенных 2 жирафов. Из Зоологического сада проехал в Охотный ряд, купил колбасы около 2 фунтов и 1 кило (1 р. 40 к.) довольно плохой малины, которую жена стала превращать в варенье. День был очень жаркий, я сильно вспотел и должен был дома переменить белье.

4 августа (22 июля). +14°. Воскресенье. Утром написал письмо Л.В-не. Поехал к Богоявлению в Дорогомилово; хор Нестерова пел прекрасно. После обеда пришла Танюша с Гулей, Пав. Ник. с Валей; Танюша сидела до 7 ½ ч., Валя с П.Н. до 10 часов.

5 августа (23 июля). +12°. День рождения Лёли, подарил ей 10 р. Подходя к Музею, увидел около Иверских ворот за забором, которым их окружили, наших технических служащих; на мой вопрос, что они делают, ответили, что ворота опять наши; куда же отвезли икону Иверской Божией Матери? – ответили: «В Хлыновский тупик на Большую Никитскую в храм св. Николая». В Музее до 1 ½ распределял монеты, с ½ 2-го был на совещании о вопросах сохранения (консервации) разрушающихся предметов древности из железа, олова, меди, дерева и т.п.; состав был из представителей Исторического музея (Д.Ф. Богословский, Арциховский[40] и я), Музея Ленина[41] – Е.Т. Смирнова, Музея народоведения – Никольская, И.Э. Грабаря от Центральных реставрационных мастерских и профессора химии Н.Н. Николаева. Ни к каким практическим результатам не пришли. Слышал от Шнеерсона, что вместо Луначарского комиссаром Народного просвещения назначат Бубнова[42]. Вечером был ненадолго у Танюши, отдал ей письмо внучки Наташи из Германии, полученное на мое имя; оттуда прошел к А.В. Сосновскому, сидел у него до 12 ч.; он болен малярией.

6 августа (24 июля). +13°. Продолжал приводить в порядок монеты царей Боспора, принялся за Савромата II. Получил от Л.А. Мацулевича рукопись его статьи «Находки эпохи великого переселения народов в верховьи реки Суджи». На статье нашел посвящение ее мне, конечно, тотчас же посвящение вычеркнул.

7 августа (25 июля). +16°. С Протасовым вдвоем устроили закупочную комиссию, приобрели серебряную персидскую чашу за 35 р. и солоницу серебряную за 10 р. Получили в дар от Варвары Васильевны Ломоносовой несколько грамот и рукописное объявление Петра Великого за его подписью на заключение союза с христианнейшим королем и прусским королем, писанное в Амстердаме в 1717 г.; в 1-м часу был вызван в Коминтерн для осмотра монет; их оказалось 251 штука никуда не годных медных, которые я советовал сплавить. Идти туда мне было интересно, надеялся увидеть учреждение, через которое должны идти сношения с культурным Западом, но, придя, получил полное разочарование; в том отделе, куда я вошел (кажется, финансовый), было пустынно, служащие болтали, со мною вступили в разговоры; чувствовалось, что серьезным делом не занимались. В Музее успел разобрать несколько типов монет Савромата II. Дома нашел Нину внучку, выигравшую 250 р. и в лотерею полет над Москвой, что и проделала; летала минут 15. Прочитал найденную в Иванове-Вознесенске поэму Некрасова «Светочи» – первоначальную полную редакцию известной поэмы «Дедушка». На

меня все новые строки произвели впечатление *фальсифицированных*. Издание Государственного издательства, стоит 12 копеек. Предисловие Демьяна Бедного написано в пошлом тоне. В 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, который обещал мне показать снимки с озера Немо, которое итальянское правительство спустило, чтобы достать так называемую галеру императора Тиберия с вещами, затопленную в озере. К.Ф. показал мне иллюстрированный «Times», но там только снимки с остатков деревянной галеры, предметов никаких не изображено. Подарил Музею коллекцию столбцов XVII в., принадлежавшую Елпидифору Васильевичу Барсову.

8 августа (26 июля). +16°. Окончил разбор и раскладку монет Савромата II; судя по обилию и разнообразию типов этого царя, наше собрание его монет одно из лучших. Лихачев пишет мне, что в Академии наук сейчас «сладострастие сыска», производящее угнетающее впечатление. Отдал Л.С. Игнатовой печатать на машинке статью Мацулевича, ее начало, которое исправил, т.е. сделал более понятными буквы, т.к. почерк его очень неотчетлив.

9 августа (27 июля). +16°. С утра до 12 ч. Л.И. Воронова и я переписали все отобранные Госторгом предметы, в 12 ч. пришел из Оружейной палаты для оценки Ф.Ф. Вишневский, с которым мы оценили вещи. Всю работу окончили к 2 ч., опись переписали для Главнауки. Пить чай не пришлось за отсутствием воды (водопровод испортился), а хлеб всухомятку есть не могу, пришлось говеть до обеда. Получил от Л.В. письмо, болеет гриппом.

10 августа (28 июля). +16°. Написал Л.В-не ответ. Утром жена послала за Гальперном, который хотел вскоре прийти, я его прождал до 11 ½ ч. и уехал в Оружейную палату, в мое отсутствие доктор был, велел 5 дней лежать, ходить или босиком, или в просторных туфлях. В Оружейной палате я просил свешать некоторые предметы из судженской находки (по просьбе Мацулевича), но весы заперты и запечатаны, а ключ у Д.Д., придется дать свои, т.е. из Музея. Прошел с Тамарой Григорьевной в залы, посмотрел на Судженский клад. Часа в 4 ко мне приехал А.В. Сосновский, привез остальные 250 р. за 4 сребреника, обедал (ели борщ и картошку, выпили ½ бутылки Понте-Кане), ушел в 6 ч.

11 августа (29 июля). +16°. Воскресенье. До 2-х часов (обедали) выправлял рукопись Мацулевича; после обеда отправился к Д.Д-чу; встретила меня Софья Владиславовна со словами: «Дмитрий быстро поправляется». Он еще лежит, но заметно поздоровел, много говорили об Оружейной палате, об издании «Сборника»; он боится, что Вайнер из трусости будет препятствовать; сидел долее часа, пил чай с мармеладом. Дома нашел Танюшу с Гулей и М.Н. Гусеву, которая пришла еще при мне во время обеда; обе ушли в 7 ч., на смену им пришел брат жены.

12 августа (30 июля). +14°. Весь день приводил в порядок монеты боспорских царей, начиная с Рискупорида II. Часть рукописи Мацулевича напечатана на машинке, завтра возьму, но всю рукопись Л.С. Игнатова ранее, как через две недели, не обещает напечатать. На Красной площади строится гранитный «мавзолей» для трупа Ленина, я слышал, что труп его ночью перенесен в Кремль.

13 августа (31 июля). +14°. Дождь. Возвратившийся из отпуска начальник Главнауки Лядов распорядился закрыть Музей 40-х годов и устроить там

общежитие для студентов. В г. Ульяновске, бывшем Симбирске, устраивают дом, где жил Ленин; по поводу этого сюда приехал какой-то тип, привез несколько фотографий с мебели, считающейся принадлежавшей «Ильичу», и просил дать отзыв: «Могла ли мебель по стилю принадлежать Ленину?». Мы (Протасов, Сухов, Шапошников и я) дали утвердительный ответ. Все время разбирал монеты, принялся за Ининфимея. Как-то я писал С.А. Жебелеву относительно моей статьи о родовых знаках, которую послал бы в Академию материальной культуры, да не знаю как; в ответ он мне предлагает статью прислать ему, а он в ½ сентября ее представит для напечатания в Академии наук СССР.

14 (1) августа. +16°. Весь день разбирал монеты боспорских царей, кончил Фарса<н>зом, после которого помещаю Синга. Сегодня праздник «Первый Спас».

15 (2) августа. +12°. В отделе моем сидел один, так как Л.И. Воронова вчера уехала на 1 месяц в отпуск. Продолжал разбирать монеты. Около 1 ч. было заседание по поводу устройства выставки письменности за истекшие года Республики; я не совсем понял задачи выставки. Заходила М.В. Кафка, она безработная, зарабатывала только экскурсиями, которых к осени делается менее.

16 (3) августа. +14°. Думал поработать в Музее, но мое одиночество было нарушено посетителями: приехал С.Н. Тройницкий из-под Кимр, где охотился у знакомого, и сегодня едет в Петербург; много рассказывал о делах в Эрмитаже, где интриги, доносы процветают. Зашел С.В. Бахрушин, завернувший ненадолго с дачи сюда. Пришла М.В. Будылина-Кафка, надеялась узнать от меня о Л.В-не по письму, которое я ждал, но письмо от Л.В. получил по домовому адресу, пишет, что в воскресенье надеется приехать совсем с дачи. С утра несколько раз принимался дождь.

17 (4) августа. +15°. С поездом 10 ч. 5 м. Александровской железной дороги отправился к Кочуриным, в вагоне встретился с Валечкой и П.Н., которые туда ехали до понедельника. На станции нас встретила Таня с Зорей; придя на дачу (в 5 минутах ходьбы от станции), пили кофе, после которого решили прогуляться в имение Боде-Колычева верстах в 4-х; день был нежаркий, но солнечный; мы прекрасно прошлись; в имении дом разрушен, но церковь уцелела, мы в нее вошли, она новой постройки, расписано безобразно аль фреско[11*]; в этом имении я был еще с А.И. Акопианом, потом с А.А. Карзинкиным около 20 лет назад. Мы отдохнули минут 20 и вернулись другой дорогой через Переделки. Приехал В.А. Кочурин, в 4 ч. сели обедать, ели прекрасный суп, жареную осетрину, телятину с цветной капустой, на закуску арбуз, после пили чай. Неприятное впечатление произвел на меня Зоря, он все время капризничал, плакал. Выехал я с поездом в 6 ч. 20 м. Дома узнал, что больна Адель Шмидт, что очень расстроило жену. На днях я слышал, что П.С. Шереметев восстановлен во всех своих правах.

18 (5) августа. +15°. Воскресенье. На днях А.С. Орлов попросил меня послать Н.П. Лихачеву стихотворение, ему посвященное:

[11*] Аль фреско, а фреско (*ит.* a fresco – по свежему, по сырому) – техника настенной живописи, при которой краски наносятся на сырую штукатурку.

Н.П. Лихачеву

В мире тайных начертаний
Ты один, как дома:
Что для нас предмет гаданий, –
Все тебе знакомо.
К этим тайнам нет завесы
Для тебя, единый,
Богатырь, с главой Зевеса
И с душою львиной!

А. Орлов,
1929. VIII. 15.

Не понимаю, почему А.С. взял меня посредником для передачи стихотворения Н.П-чу. В 10 ч. отправился к литургии в Дорогомилово к Богоявлению. Отрадно было уйти с улиц, увешанных оскорбляющими религиозное чувство плакатами, и войти в храм с великолепным богослужением; хор Нестерова прекрасно пел, хорошо исполнил прекрасное «Верую» Кастальского, эффектный причастный стих «Хвалите Господа с небес» Чеснокова. После обеда, часа в 3, пошел к Адели Шмидт, которую нашел наружно очень изменившеюся, у нее болят головные покровы, лицо распухло и напоминает маску; по ее словам, ей сегодня значительно лучше. Возвратившись домой, нашел у нас Л.В., которая сегодня возвратилась с дачи; вид ее очень здоровый, загорела; посидел с ней час, она спешила уйти ко всенощной; принесла мне в подарок зимние шерстяные перчатки из белой шерсти, которые связали монахини. Сегодня Лёля уехала в Петербург попытать счастья на тамошней сцене. Да поможет ей Господь. Свою комнату она променяла на другую, получив в приплату 600 р.

19 (6) августа. +13°. Праздник Преображения Господня. С утра принялся в Музее за разбор монет последнего боспорского царя Рискупорида. Пришла на службу Л.В., принялась за прерванную работу – описание печатей; после занятий пошел с ней в почтовое отделение (у «Мюра и Мерилиза»), где послал последние 250 р. за сребреники А.А. Сиверса на имя Веры Владимировны Бутурлиной (Пряжка, 5). На Театральной площади встретил внучку Нину, с которой и приехал домой обедать.

20 (7) августа. +15°. Все время в Музее возился с монетами Рискупорида VI, разбирая их по годам. После 3-х пошел в Охотный ряд, купил огромный тяжелый арбуз за 1 р. 20 к., оттуда с Л.В. поехали домой обедать; после обеда побеседовали до 7 ч., после чего Л.В. уехала домой.

21 (8) августа. +16°. Перенесли в одну из свободных комнат (около отдела популяризации) 20 с лишком пудов медных монет, причем у 2-х ящиков отскочили дны[12*]. Кончаю разбор монет последнего Рискупорида. Некто Кампиони принес в Музей альбом видов России, исполненных акварелью для П. Свиньина в 20-х годах прошлого столетия, ценит его в 1000 р., всех рисунков 70, исполнены очень тщательно; купить не могли по безденежью.

22 (9) августа. +13°. Сегодня кончил раскладку боспорских царских монет и подготовил к раскладке монеты городов и царей северного берега Малой Азии; последнее собрание небольшое. Все в Музее, даже коммунисты,

---

[12*] Так у автора.

возмущены распоряжением Лядова «свернуть», т.е. закрыть и увезти в течение 5 дней Музей 40-х годов. От Н.П. Лихачева получил письмо с газетными вырезками статей, посвященных травле многих лиц, служащих в Академии наук. Равнодушно читать нельзя. Поздно вечером приехала А.Н. Никольская, вчера прибывшая из Саратова; привезла письмо Виктора Александровича; тоскует ужасно, положение его неопределенное. Перед нами заходила к Ивановым, Дм.Дм. все еще лежит.

23 (10) августа. +12°. Принялся в Музее за приведение в порядок в нашем отделе книг по нумизматике и выделение ненужных книг, которые отошлю в библиотеку; начатой работе помешали посетители. После 3-х заехал ненадолго к Танюше; последние дни она и Гуля хворали, теперь здоровье их улучшилось.

24 (11) августа. +13°. Сегодня жена решила причаститься Святых Таин, встала в 6 ч. и в сопровождении Анюты отправилась в храм Грузинской Божией Матери, где благополучно исповедалась и причастилась; в начале 9-го часа была дома. Как я рад за нее! Попив в 11 ч. советского кофе, очень скверного, с белым плохим хлебом, поехал в Оружейную палату, где поговорил с Д.П. Суховым об издательстве, но ничего определенного не узнал, так как он не в курсе этого дела так же, как и дамы, решил обратиться к Померанцеву, которого Сухов обещал ко мне прислать. Д.П. сказал мне, что начали ломать Вознесенский монастырь... Какое варварство! Из Кремля поехал к Страстному монастырю, оттуда на № 12 в Петровское-Разумовское, прошелся по длинной аллее до пруда, где закусил шоколадом, подышал чистым воздухом минут 40 и вернулся домой, куда приехал ровно в 4 часа. День был жаркий, но должен был надеть пальто, чтобы прикрыть дыры на штанах. Бухарина обвиняют в правом уклоне; вероятно, ему грозит участь Троцкого. Вечером пришел А.А. Карзинкин, вслед за ним К.В. Крашенинников, пили чай, вели интересную беседу сначала на современные темы, потом перешли на воспоминания о Риме, который очень любит К.В. Ушли оба в 11-м часу.

25 (12) августа. +13°. Воскресенье. Утром сходил в кооператив у Курского вокзала, купил сластей для внучки Нины и правнука Юры, сегодня уезжающих в Сочи; в 1 ч. они пришли, также провожающие их: Жорж, бывший муж Наташи, Соня Савари, Миша, сожитель Нины и оба уезжающие; к поезду в 2 ч. 10 м. они все ушли. Пришла М.Н. Гусева, в 3-м часу обедали; около 4-х я уехал к Дм.Дм-чу; здоровье его еще более улучшилось, но он пока не встает; рассказывал приключения с районным врачом, которая (женщина) заявила, что не берет на себя ответственности за такую продолжительную болезнь Дм.Дм-ча, боится, чтобы ее не обвинили в пристрастии, для чего был командирован другой врач по внутренним болезням, сказавший, что необходимо его освидетельствовать врачу по нервным болезням etc., etc. Много говорили об издании 2-го тома «Сборника Оружейной палаты», который Д.Д. советует подождать печатать. Врач советует Д.Д-чу съездить на кавказские минеральные воды. Сидел у него часа 1 ½ – 2. С трудом добрался до дому из-за многолюдства в трамваях.

26 (13) августа. +15°. В Музее все время разбирал монеты царей и городов Понта. Л.В. командирована в бывший музей И.С. Остроухова для отбора предметов, пригодных Историческому музею. В 2 ч. была небольшая гроза, пошел дождь. Придя домой, был поражен некоторым разгромом в большой

комнате, бывшей столовой; очищали один из шкапов для помещения моих книг, лежавших в другом шкафу в коридоре, который домоуправление приказало освободить от шкафа, чтобы выстроить плиту; при помощи Анюты перенес все книги в столовую и частью в свою комнату под стол.

27 (14) августа. +11°. Из Музея ездил утром в бывший музей Остроухова, встретил там Эйферта и сказал, что сегодня назначенных нам предметов взять не можем за неимением свободных служителей, а возьмем завтра, на этом мы сговорились. Музей Остроухова постепенно развозится по музеям; здание его предназначалось под студенческое общежитие, что и было причиною его уничтожения, но сегодня была комиссия, осмотрела его и нашла непригодным. К чему было так скоропалительно его уничтожать! В Историческом музее продолжал разбирать монеты, разобрал Амис и Амастрию. Погода свежая, шел несколько раз дождь. А.А. Ильин пишет, что секция нумизматики Академии истории материальной культуры высказала сожаление, что моя работа о родовых знаках будет напечатана в издании Академии наук, а не в «Известиях Академии материальной культуры».

28 (15) августа. +8°. Праздник Успения Божией Матери. Из Музея Л.В. ездила в бывший музей Остроухова с 2 техническими служащими за вещами, назначенными Историческому музею: 1) Шкаф расписной, по-моему, начала XVIII столетия; 2) 3 стула из Ипатьевского монастыря, обитые тисненой кожей; 3) Стол начала XVIII столетия; 4) Железный светец и часть надглавного креста; 5) запрестольный крест, по-видимому, западной работы века XII, необычайно грубой работы; изображения Распятия с предстоящими с одной стороны и Вседержителя с символами на другой исполнены чеканкою по меди, набитою на дерево. Приехала Валентина Ивановна [Попова] из Петербурга на встречу Николая Борисовича [Бакланова], которого ждет сегодня. После 3-х поехал в Цекубу, где узнал, что выдача академического обеспечения (60 р.) откладывается. Обедал с Марьей Михайловной (забыл фамилию) из нашей библиотеки и ее мужем; после обеда (борщ и котлеты) пил чай с П.С. Шереметевым; сказал ему, что он восстановлен в правах, и что ему будет выдано жалованье за год, последнего он не знает. Получил от С.А. Жебелева письмо, ему неизвестно о закрытии «Бюллетеня», но думает, что это вполне возможно. В Иерусалиме арабы бьют евреев; советские газеты по-своему освещают эти волнения, которым не верится; интересно знать, что пишут западные газеты. В нашем коридоре складывают новую плиту. Разбор монет черноморского перипла начал год тому назад, теперь его кончаю.

29 (16) августа. +8°. Л.В. и я начали разбирать книжный шкаф и сортировать книги по содержанию (нумизматика русская, иностранная, генеалогия, геральдика, справочники и т.д.); кончаю разбор монет северного берега Малой Азии.

30 (17) августа. +8°. Около 10 пошел из Музея в Кремль; сегодня назначено было вскрытие гробницы Натальи Кирилловны в Вознесенском монастыре, которое не состоялось, т.к. комендант Кремля Петерсон уходил во ВЦИК. Из Оружейной палаты мы (Клейн, Померанцев, Сухов и я) решили посмотреть Вознесенский и Чудов монастыри. Вознесенский внутри в полном разрушении, надгробия все сломаны; из него мы прошли в Чудов монастырь в старый храм, который еще не начинали разрушать; к нам присоединился заведующий разрушением обоих кремлевских монастырей

красноармейский командир Зиновьев. Я впервые видел здание Чудова монастыря, начавшегося постройкой в 1501 году; рука мастера итальянца видна, на откосах дверей высечен красивый орнамент по камню, сходный с таким же орнаментом в Благовещенском соборе, в первый раз видел наружные терракотовые полосы в виде поясов по фасаду, у дверей и на барабане купола; смотрел расчистку фресок: из-под позднейшего наслоения видны первоначальные фрески XVI в., особенно ясно видно фреску «Погребение св. Алексея Митрополита» в нише, где прежде была могила Алексея Митрополита. Д.П. Сухов мне говорил, что он видел остатки кирпичной стены между теперешней Кремлевской и Вознесенским монастырем, он думает, что это остатки стены Ивана Калиты. Померанцев настойчиво говорил Зиновьеву, что невозможно ломать такой памятник искусства, как храм Михаила Чуда, он с этим согласился и хотел поставить на вид в комиссии, которая ломает кремлевские здания. Придя в Музей, Л.В. и я разместили книги нашего отдела. Часов в 5 была гроза.

31 (18) августа. +14°. К 11 ч. поехал в Оружейную палату на заседание, главным предметом которого был вопрос об издании «Сборника Оружейной палаты». Клейн со слов Дм.Д-ча, у которого он был, говорил об издании одной статьи Мацулевича; но в заседании большинством голосов определили печатать кроме статьи о судженских находках также статью Дм. Дм. об иконе Димитрия Солунского. Из Кремля зашел в Охотный ряд, купил в советском магазине прекрасный, очень тяжелый арбуз за 2 р. (!). После обеда пришла Л.В., сидела с женой, потом пришла ко мне, разговаривали около часа. Во время чая пришла М.И. Савари (видел ее впервые). В 7 часов Л.В. ушла.

Сентябрь 1929 г.

1 сентября (19 августа). +12°. Воскресенье. В 11-м часу поехал на Алексеевское кладбище и прошел прямо к могилам родителей; монахиня обложила памятник свежим дерном, часть которого была разворочена, очевидно, сапогами возчиков, сваливших около памятника каменные цоколи; я тотчас же прошел к моей монахине и сказал ей о повреждении; она тотчас же пошла к моей могиле, удивившись; поправила разрушенное, полила дерн из лейки и прибавила, что многие могилы без памятников, но зарегистрированные, срываются, если насыпь лежит на пути проводимой дорожки. Прошел в храм, где отстоял литургию; пел хор слепых. После обеда в 3 ч. поехал к Дм.Дм-чу. Застал его сидящим на диване. Его первый вопрос был: «Слышали про сегодняшний взрыв?» – «Не слыхал», – говорю я. – «В 9 ч. утра взорван Вознесенский монастырь». – «Кто же это сделал?» – спросил я. – «Большевики, т.е. комендант Кремля и остальные». Рассказал это Д.Д-чу кремлевский доктор Шмидт, живущий на одном дворе с Ивановыми. Сделано это, по-видимому, для ускорения очистки места, где 30 сентября предполагается закладка военной школы. Я был потрясен этим фактом, разборка храма руками не так бы на меня подействовала. Д.Д. был очень оживлен, много рассказывал о знаменитом хирурге Пирогове, который 2-м браком был женат на его тетке. Пил у них кофе, чай с бруснично-яблочным вареньем. Поездка на Кавказ и в Узкое

отменены. Ушел в ½ 6-го, сел сначала на **Г**, у храма Спасителя на **А**, чтобы от Москворецкого моста взглянуть на Спасскую башню и верхи Вознесенского монастыря, новые здания которого стоят целые, следовательно, взорван старый храм с гробницами цариц, которые завтра назначались к открытию, и куда я должен был идти. Д.Д. решительно отказался печатать свою статью вместе со статьей Мацулевича и настаивает печатать только одну, о судженских находках.

2 сентября (20 августа). +7°. Из Музея в 10 ½ ч. отправился в Кремль в Оружейную палату, где понятия не имеют о взрыве Вознесенского монастыря. Как я узнал, для ускорения очистки места решили разрушить верх Екатерининской XIX в. церкви при Вознесенском монастыре; был заложен патрон со взрывчатым составом, но взрыв не удался по каким-то причинам. В 11 ч. пошли в Вознесенский монастырь Клейн, Сухов, Померанцев и др.; была подготовлена к вскрытию гробница Натальи Кирилловны; по снятию каменной плиты оказался каменный гроб, в нем стоял дубовый, по-видимому, колода; подняли крышку, которая не была приколочена, в гробу лежала царица, вся обмотанная шелковой камкой, по определению Клейна; камку не разматывали; явился комендант Кремля Петерсон, сказавший, что все погребенные должны быть перенесены в Архангельский собор; после пришел С.П. Григоров из Главнауки; мы все, кроме Петерсона, пошли в Архангельский собор, где Н.Н. Померанцев высказал свои предположения, где поместить вырытые тела в Вознесенском монастыре; остановились на подвалах при соборе, куда спустились, помещение обширное. Из Кремля зашел в Музей, где выпил чаю и вернулся в Вознесенский монастырь. Там рабочие подготовляли поднятие каменной гробницы Натальи Кирилловны посредством рычагов, что и было сделано. Тут я рассмотрел, что деревянный гроб не умещался в каменном, поэтому стенка со стороны ног была отнята. В 5 ½ ч. поднятие еще не кончилось, но я очень устал и уехал домой. Утром в трамвае встретился с доктором Гальперном, которому рассказал о предполагающихся раскопках в Кремле, что его заинтересовало, и вечером, часу в 9-м, пришел поговорить об этом и просидел до 10 ½ часа.

3 сентября (21 августа). +7°. В 10 ½ часа пошел из Музея в Кремль, зашел сначала в Оружейную палату, оттуда в Вознесенский монастырь; гроб с прахом Натальи Кирилловны уже стоял на полу собора, а другой гроб с прахом Марьи Ильинишны был подготовлен к поднятию при помощи рычага; деревянный гроб одинаков с гробом Натальи Кирилловны; между 12 и 1 ч. ожидали поднятие крышки, но я ушел, так как не хотел пылиться в моем единственном костюме, и ушел в Музей. Начал раскладывать монеты Малой Азии. После 3-х пошел в издательство «Академия» на Ильинку, но контора открыта только 3 раза в неделю от 12 до 2-х, пришлось уйти. Поехал с Л.В. в Цекубу обедать, так как дома ремонтировали комнату жены (белили стену, потолок, морили клопов). Кормили удовлетворительно. За стол подсела В.А. Дударева. После обеда каждый поехал домой. Почти весь день шел дождь. Вечером пришли П.Н. и Валя, пили чай.

4 сентября (22 августа). +10°. В Кремль сегодня не ходил, занимался текущим делом, подсчитал разложенные монеты городов, лежавших в пределах России. Ходил в редакцию «Academia», отдал подписанные листы «Словаря» Троицкого.

5 сентября (23 августа). +8°. Из Музея прошел в Кремль (Оружейная палата по четвергам закрыта) и отдал Н.Н. Померанцеву статью Мацулевича для представления в Главлит (цензура). Вчера взорван в 7 ч. утра и в 11 ч. купол Екатерининского храма. В Вознесенском монастыре работа кипит, извлекли несколько гробниц, детские каменные гробницы перевозятся в Архангельский собор; вскрывать все будут, когда перевозка кончится. Видел интересный стеклянный бокал с синими и белыми эмалевыми полосками и золоченым ободком вверху, нашли между детскими гробницами дочерей Михаила Федоровича и, по-видимому, Грозного (княжна Марья). В гробе Евдокии Лукьяновны я заметил стеклянный стакан; очевидно, положенный после соборования. Открыт целый ряд плит над гробами семьи Владимира Андреевича, вероятно, Старицкого. Откопали гробницу Софьи Витовтовны, но Софьи Фоминишны еще нашли. С.А. Жебелев мне пишет, чтобы выслать к октябрю мою статью о родовых знаках, так как слухи о прекращении «Известий» не соответствуют, по-видимому, действительности. В Музее отобрал из всех собраний (Музея, Румянцевского музея, Уварова, Булычева, Зубова) древнейшие русские монеты. Написал Лихачеву о вырытии гробниц в Вознесенском монастыре.

6 сентября (24 августа). +9°. Послал утром под бандеролью фотографические снимки с дукачей Ивану Георгиевичу Спасскому. Был в Кремле в Оружейной палате, чтобы переговорить с Клейном и Померанцевым о печатании статьи Мацулевича. Зашел в Вознесенский монастырь, на открытие гробов не остался, так как спешил в Музей на заседание. Мне говорили, что интересно погребение первой жены Михаила Федоровича Долгоруковой, она лежит в сарафане. Открыли могилу жены Федора Ивановича Ирины Годуновой. В Музее состоялось заседание по поводу выставки письма; Сперанский предложил программу ее, составленную со знанием дела. По-видимому, Музей 40-х годов будет «свернут». После 3-х заходил с Л.В. в Охотный ряд, купил 500 граммов голландского сыра за 98 к., больше не продают; у «Мюра» купил мыла.

7 сентября (25 августа). +12°. С утра дождь. В 10 ½ ч. отправился в Кремль прямо в Вознесенский монастырь; бóльшая половина гробниц извлечена и перевезена в Архангельский собор. При мне сегодня вскрыли гробницу Анастасии, матери Анастасии, первой жены Грозного, по фамилии Захарьевой-Кошкиной, она лежит в схиме; затем Софьи Витовтовны, у нее ничего не найдено, кроме савана из тафты; на ее плите надпись С О Ф Ъ [illegible] не высечена, сделана graffitti, такая же надпись на плите гроба Евдокии, жены Донского Є В Δ О К Ъ [illegible]. Рядом с Софьей Витовтовной гробница Марфы Собакиной, жены Грозного; ее тело обернуто великолепной итальянской тафтой, в головах стоял чудесный стеклянный сосуд в форме вазы на серебряном поддоне, прикрытый стеклянной крышкой; тулово сосуда украшено золотом и орнаментом; изделие, вероятно, венецианское; я спустился ко гробу и попробовал приподнять тафту у ног, думая найти обувь, но тафта рассыпалась при прикосновении. Рядом с гробницей Марфы Собакиной стояла гробница последней жены Грозного Марии Нагой – инокини Марфы; она лежала в суконной схиме, на которой ясно виден Голгофский крест на коричневом фоне. В 3 ч. я ушел из Кремля.

8 сентября (26 августа). Встал поздно, температура на солнце +16°. Воскресенье. До 3-х сидел дома, читал. В 3 ч. после обеда поехал к Д.Д-чу,

который меня встретил на ногах, он значительно окреп; сидел у него около 2 ч., он живо интересовался извлечением гробов цариц; говорил, что необходимо написать статью о кремлевских работах в Вознесенском монастыре для «Сборника Оружейной палаты». Приехав домой, застал у нас внучку Машу с 3 детьми; она подала прошение в школу имени Нансена о принятии 2-х старших. Сегодня прислуга Анюта уехала на месяц в деревню. Весь день был ясный, но холодный; несмотря на падение барометра, дождя не было.

9 сентября (27 августа). +7°.Сегодня Кирилл Михайлович Асафов привез в Музей прекрасные вещи из Боровского монастыря: превосходную митру с финифтяными дробницами, печатное Евангелие конца XVI в. с Евангелистами, шитую плащаницу (вклад Годунова), покров на мощи преп. Пафнутия 1530 г., 2 фелони, несколько образков; все это существенное прибавление к музейским коллекциям. После 3-х ходил в Охотный ряд с Л.В., купил колбасы и ½ фунта севрюги. Приехала Адель Шмидт погостить, она поправилась. Во время обеда пришла Валечка с внуком Зорей; после пришла Таня Кочурина.

10 сентября (28 августа). +6°. Из Музея отправился в Кремль, зашел за Клейном в Оружейную палату, оттуда прошли в Архангельский собор, который был открыт, так как в него возили гробницы из Вознесенского монастыря; я посмотрел на привезенные каменные гроба, стоящие вдоль стен. Придя в Вознесенский монастырь, Н.Н. Померанцев прежде всего мне показал открытую гробницу Натальи Алексеевны, дочери царевича Алексея Петровича; она лежала в прекрасном платье из золотой парчи, через плечо лента ордена св. Екатерины, на груди матерчатая орденская звезда, на голове высокий парик, из которого выглядывали кости черепа. Большая часть гробов перевезена, осталось гробов около 10, между ними не открытый еще гроб сестры императрицы Анны Ивановны – Прасковьи; через скважину в земле видно, что гроб обит позументом, а на гробе, по-видимому, бутафорская корона. Сухову и Померанцеву я сказал, что, по словам О.Н. Бубновой, ее муж нарком А.С. Бубнов очень недоволен сломкой храмов в Кремле. Возвратившись в Музей, я виделся с Ольгой Николаевной, которая мне подтвердила, что ее муж недоволен, что делается в Кремле, и прибавила, что едва ли удастся отстоять целость храмов, так как он со Сталиным не в ладах; тот на него сердит за то, что Бубнов при ссоре обозвал его грузинской обезьяной. Когда мы спустились с верхнего этажа в наш этаж, О.Н. сказала, что пришел ее beau-frère[13*] Иван Сергеевич Бубнов, с которым я познакомился; он принес продавать 2 иконы: св. Троицы и Божией Матери «Камень нерукосечной горы». Этот Бубнов ничего из себя не представляет. Ходил на Петровку, д. № 5, в магазин Мосторга, где смотрел, по просьбе Главнауки, проданную иностранцу серебряную кружку, которую я признал фальшивою. С 3-х часов пошел дождь. Придя домой, узнал, что у нас украли примус. Анна Мартыновна Бирзе[43] сказала мне, что решено «свернуть» Музей Александровой Слободы. Бубнов мне рассказал, что Иверская часовня в Хлыновском тупике восстановлена в том же виде, который имела у Иверских ворот.

[13*] Beau-frère, здесь – деверь.

11 сентября (29 августа). +6°. Усекновение главы св. Иоанна Предтечи. В Музее занимался текущей работой, описывал новые поступления из Боровского монастыря.

12 сентября (30 августа). +6°. Занимался текущей работой: писал счета на сделанные вчера покупки: 1) литографированный портрет Николая I в рост в короткой шубе; лист сделан в Мадриде; 2) небольшое собрание восточных монет, купленное за 20 р. у М.И. Тегер. Музейский юрисконсульт спросил меня, не слыхал ли я о переменах, ожидающихся в Музее; я ответил, что не слыхал, но «чистка» ожидается, и я готов, как и остальные[44]. На это Виктор Николаевич Лебедев говорит мне: «Вас-то не коснется, они любят жить чужими головами». После 3-х Л.В. поехала со мной к нам обедать, сидела до 7 часов.

13 сентября (31 августа). +4°. В Музее шла текущая работа. После занятий пошел с Л.В. в Охотный ряд, купили 300 граммов кетовой икры, зашли к «Мюру», взяли билеты в Сергиев на завтра, купили пельмень и пачку печенья. В газетах официально объявлено о назначении Бубнова народным комиссаром просвещения вместо Луначарского, который назначен председателем комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР.

14 (1) сентября. +4°. День рождения Веры. Встал в 5 ч. С поездом 8 ч. 30 м. поехал с Л.В. в Сергиев. Цель нашей командировки Музеем была наметить наиболее ценные предметы музея, бывшей ризницы, для передачи Историческому музею; об этом сообщила мне Анна Мартыновна Бирзе со слов приезжавшего из Сергиева одного из заведующих Сергиевским музеем. Когда мы приехали в Музей, то немедленно я переговорил с обоими заведующими – Фединым и другим, фамилию которого забыл, кажется, Гамза[45], а зовут его Ярослав Петрович. Из наших разговоров выяснилось, что теперешнее правление другого мнения и никаких ценных вещей выдать не желает. Из директоров Ярослав Петрович оказался очень развитым человеком, а Федин очень скромным и симпатичным. Я попросил показать нам собор и музей, что они исполнили с большой охотой; в соборе рублевские иконы прекрасно расчищены Барановым; иконы Троицы нет, она увезена в Третьяковскую галерею. В Музее распланировка частью другая, по вкладам; некоторые предметы, как знаменитый потир Василия Темного работы Фомина спрятан. Осмотрели запасы икон, интересных мало. Вернувшись в комнату для путешественников, стали пить чай со всеми заведующими, и с поездом в 3 ч. 21 м. уехали в Москву. Утром приехал из Сочи Миша внук и от нас отправился в Тайнинку; привез в подарок от родителей бутылку красного вина и персиков, которых я есть не мог по незрелости их. Погода была свежая, без дождя.

15 (2) сентября. +6°. Воскресенье. День рождения Нади. Вчера, по-видимому, простудился во время поездки, принял вечером аспирину, сегодня чувствую себя хорошо. Пав. Ст. сегодня уехал на продолжительное время на съемку для кино в Грозном. В 1-м часу пришел Ал. Андр., обедал, боится, что его «вычистят» из Музея. В 5 ч. пришла Танюша, сидела часа 2, очень сокрушается о Гуле, которая тает с каждым днем.

Тетрадь десятая

(16 сентября 1929 г. – 25 июня 1930 г.)

.... мы живем
В таком пресыщенном, распутном мире,
Что правда пред пороком в нем должна
Почти что извиняться и молить
Порок с поклоном низким, чтоб позволил
Он ей платить добром ему за зло!

(*Шекспир. «Гамлет», 3-е действие, разговор Гамлета с матерью. Перевод Соколовского, т. II, стр. 112*).

Сентябрь 1929 г.

16 (3) сентября. +8°. Только что пришел в Музей, как из Главнауки позвонил Вайнер ехать на Почтовую улицу в квартиру Вишневского отбирать из конфискованного их имущества музейные предметы. Отправился в Главнауку, куда прибыли Клейн и Виктор Никитич Лазарев[46], в 12-м часу отправились. Но так <как> определенно не знали адреса Вишневских, то попали не на тот трамвай, поэтому долго блуждали пешком. За что постигла Вишневских такая кара, как конфискация имущества – не знаю. Там уже были агенты ГПУ, которые очищали квартиру Вишневских, а все имущество в беспорядке было свалено в подвал, куда мы спустились; подвал со сводами, по-видимому, XVII в. Из крупных вещей я не заметил выдающихся, кроме, может быть, бюста Екатерины II. Мелкие вещи – табакерки, монеты – были сложены в несгораемом шкапу. Табакерок было 16, хороших не заметил; монет довольно много, большая часть крупные императорского периода, но нашлись боспорские золотые, между ними такие редкости, как с монограммой КАЕ. До 2 ½ ч. разбирали, но я поспешил уехать и поспел в Музей в 3 часа. Получил письма от И.Ю. Спасского, который доволен фотографиями с дукачей, С.А. Жебелева, который просит выслать статью о родовых знаках к 25 сентября, и от А.А. Ильина, приславшего плохой оттиск со сребреника, относимого к Ярополку-Петру. Дома получил письмо от Лёли в ответ на мое с описанием гробниц в Вознесенском монастыре. Проезжая по улицам Москвы, я поражаюсь длинными очередями около столовых, ясный признак, что на рынках провизии нет. Что же будет дальше? Вечером пересмотрел свою статью о родовых знаках перед отсылкой ее Жебелеву.

17 (4) сентября. +8°. Утром послал в заказном пакете (60 копеек) статью на имя Жебелева. В Музее вчера после занятий было общее собрание, на котором объявлено было о сокращении 34 сотрудников, имена которых были вывешены. Когда я утром пришел, ничего об этом не зная, приходящие сотрудники стали заявлять о «чистке»; об увольнении многих я был поражен; уволены: Сперанский, Тарабрин, Ржига, оба Граковы, Корш с сестрой, Фомин, Осин, Баранов, Воронова, Эдинг (жена), Захаров, Городцов, Над. Ник. Клейн и т. д.[47]; атмосфера в Музее была такая, как будто покойник в доме; мне почти всех очень жалко, но особенно Н.А. Бакланову, у которой заработка другого нет; отчислены также С.В. Бахрушин и Базилевич. Некоторые выражают на-

дежду, что «чистка» произведена неправильно и будет пересмотрена. Удивительно, что А.А. Карзинкин уцелел. Заниматься я ничем не мог. По телефону говорил с заведующим Госторгом Самуэлем[48], который просил меня зайти, и я пошел в 1 ч.; он предупредил, что наш разговор должен храниться в тайне. Содержание разговора такое: в Зимнем дворце помещен Царскосельский арсенал, целый ряд вещей которого покупается, вероятно, за границу; оценка отобранным вещам была сделана в Эрмитаже, но Самуэль просил проделать то же и меня, но не по оригиналам, а по изданию Рокштуля, причем дал мне номера по изданию; я отказывался, ссылаясь на мое плохое знакомство с оружием и т.д., но он настаивал; я обещал переговорить с моими сослуживцами по военно-историческому отделу, что, придя в Музей, и сделал. По всей вероятности этот нелепый с моей стороны tour de force[14*] я проделывать не буду. Академическое обеспечение 20 августа я не получил, заходил в Цекубу, ответили, что ранее октября едва ли будут выдавать; сегодня получаю из Цекубу уведомление, что академическое обеспечение за август и сентябрь будет выдаваться в октябре и ноябре, о дне выдачи будет уведомлено.

18 (5) сентября. +9°. В Музей утром пришли многие из «вычищенных», как то: оба Граковы, Б.Н. очень рассержен, обещает подать в суд, жена его спокойнее; М.Ф. Корш говорила мне, что Захаров вне себя и собирается протестовать. Вообще настроение у всех тяжелое. Приехал Лепешинский, очень любезно поздоровался, спросил о здоровье и прибавил: «Вы вечный, проживете 100 лет». Мне говорили, что он имел крупный разговор с виновниками разгрома Матвеевым и Милоновым. В 11 ч. я пошел в Кремль побеседовать с Н.Н. Померанцевым о рукописи Мацулевича. Идя по Кремлю, встретил 2-х сотрудниц из Оружейной палаты, сказавших, что его в Оружейной палате нет; отправился его искать сначала в Архангельский собор, где его не было; я походил по собору, гробницы с прахом стоят, около костяков антропологи осматривают кости, в подвалах идут подготовительные работы для установки там всех 60 гробниц. Из Архангельского собора пошел в Чудов монастырь, тоже напрасно; прошел в Вознесенский монастырь; чтобы к нему и к Малому [Николаевскому] дворцу подойти, теперь необходимо войти через дверь забора, который выстроен от Чудова монастыря до плац-парада, до самого гребня Кремлевского холма; чтобы пройти, нужно предъявлять билет для входа в Кремль. В Вознесенском монастыре не нашел Николая Николаевича, хотел возвращаться, но случайно спросил какого-то субъекта, не знает ли он, где находится Н.Н., ответил, что в Малом дворце, куда он идет; мы пошли через главный вход. Внутри все комнаты очищены от мебели и прочего, одни голые стены; нашли Н.Н-ча в одной из зал, где фотограф делал снимки перед сломкой дворца; я попросил его свести меня на тот балкон, с которого показывали народу новорожденного младенца, будущего Александра II. С балкона чудесный вид на Москву. Много мыслей пронеслось в голове, когда я стоял на нем; скоро всего здания не будет. Н.Н. Померанцев сказал мне, что к статье Мацулевича необходимо прибавить подробности о том, как добывались судженские вещи, что займет строк 15–20; я согласился. В 12 ч. вернулся в Музей; там встретил Вячеслава Викторовича Арендта, которого попросил оценить по сочинению Рокштуля о собрании оружия Царскосельского арсенала,

[14*] Tour de force (*фр.*) – трюк.

что он и сделал. В Музее занимался текущим делом; после 3-х отправился с Л.В. покупать примусы (ее примус тоже на днях украли), были в 3-х магазинах, ни в одном не оказалось. В Охотном ряду купил 1 кило яблоков «belle-fleur» за 1 р. 30 к. и вернулся домой. Сегодня внес последние 5 р. долга в кассу взаимопомощи.

19 (6) сентября. +8°. Занимался в Музее текущим делом. Разговоры о музейских событиях не прекращаются; что предпринято в Главнауке по этому вопросу, неизвестно. Сегодня Сеня Балашов купил по моей просьбе примус системы «Юпитер», заплатил 7 р. 72 к. После занятий был в Охотном ряду, купил ¼ бутылки английской водки и 1 кило коричневых яблок за 80 к. Получил от Веры открытое письмо, они все здоровы. А.А. Спицын пишет мне, что в Симферополе Эрнст печатает статьи Бертье-Делагарда под своим именем; это теперь открылось.

20 (7) сентября. +3°. Разговоры в Музее не прекращаются; правление заседало с 9 ч., результаты неизвестны. Днем разбирал клад монет XIV в., найденный в Косине (41 штука), большинство неопределенных и плохой сохранности, штуки 2–3 неизданных. После 3-х зашел к Рюмину у Земляного вала, починил пенсне. В 7 ч. отправился к А.В. Сосновскому, пил чай, закусывал ветчиной, цветной капустой, выпили втроем бутылку красного вина; в 12 ч. ушел.

21 (8) сентября. Встал около 11 ч. +10°. Праздник Рождества Богородицы. Вставил зимнюю раму. Съездил в Охотный ряд, купил для угощения детей яблоков, у «Мюра» конфект. Вернувшись в 2 ч. домой, застал С.В. Певницкого, приехавшего из Сормова, где он служит на заводе. Определял монеты доцарского периода из собрания Румянцевского музея.

22 (9) сентября. +6°. Воскресенье. Сегодня мне минуло 74 года. С утра до 1 часу определял монеты Румянцевского музея, кончил все, что принес, штук 200. Во 2-м часу пришла Л.В., обедала; после пришла Танюша с маленькой Машей, сидели до 6 часов; пришли Сережа с Юзей и Валя с Павлом Николаевичем; к 9 ч. никого уже не было. Разговоры были малоинтересные. Л.В. принесла рисунки Павла Соколова 1853 г. к повести Гоголя «Старосветские помещики», которая переписана, а рисунки карандашом (их 49) помещены в тексте в соответствующих местах; интересны типы и бытовая сторона, но животных художник рисовать не умеет.

23 (10) сентября. +7°. Придя в Музей, узнал, что большевики закрыли Общество истории и древностей российских, существовавшее более 125 лет! Сегодня хоронят профессора А.А. Грушка, умершего, кажется, от рака в гортани. В Музее разбирал монеты Румянцевского музея доцарского периода. С.А. Жебелев мне пишет от 19 сентября, что он прочитал мою статью, нашел ее интересной и годной для «Известий», но не надеется на скорое напечатание ее, т.к. издательское дело Академии очень хромает. Вечером написал, изложил содержание статьи Орбели «Временная выставка сасанидских древностей» 1922 г. для Оружейной палаты.

24 (11) сентября. +6°. В Музее занимался текущим делом. На закупочную комиссию я предложил «Старосветских помещиков» с рисунками Соколова за 500 р., оба директора оценили в 200 р. В 5 ч. приехала из Сочи внучка Нина с Юрой, зашли на ½ часа и поехали в Тайнинку.

25 (12) сентября. +5°. День смерти отца, царство ему небесное. Из Музея в 10 ½ ч. отправился в Оружейную палату, откуда с Померанцевым и Клейном

прошли в Архангельский собор, куда пришли 3 антрополога и С.П. Григоров. Начался осмотр всех гробниц (их, кажется, 67), т. е. содержимого; все мало-мальски сохранившиеся черепа передавались для исследования; слышал от одного из антропологов, что у Софьи Витовтовны позвонки срослись как признак голодания; на мой вопрос, какой же у великой княгини мог быть голод, ответил: «Пост». Все погребения XV–XVII вв. скромные, хоронили, по-видимому, большую часть в рубашках, но обертывали камкой, у одной царицы заметил рубашку или сарафан с шитьем на груди. Вся посуда – 2 стаканчика из цветного стекла, сосуды стеклянные из гроба Анастасии Романовой, Марфы Собакиной, серебряный шарообразный из гроба Марьи Темрюковны и другие небольшие глиняные с поливою выставлены в левой части алтаря Архангельского собора. Начиная с Петра погребения становятся пышными; смотрел Салтыковых, которые похоронены с южной стороны Вознесенского монастыря и перенесены в Архангельский собор; особенно богат парчовый кафтан с андреевской лентой московского губернатора Салтыкова (†1707), его отца и матери. Все погребения сфотографированы, снимков сделано около 200; виденные мною очень недурны. Между прочим, я заметил у одной погребенной странный круглый череп, у другой совсем кривую кость ноги, признак рахитизма. Из собора прошли в его канцелярию, где обсуждали вопросы по расходу сумм, которые выдаст Главнаука. Около 2-х ушли. От С.П. Григорова узнал печальную весть, что храм Ильи Пророка закрыт и в него переедет какой-то музей[49]! В кассе взаимопомощи занял 60 р. на 4 месяца. После занятий с Л.В. пошел в советский магазин готового платья и купил костюм за 47 р., да за переделку 2 р.

26 (13) сентября. +1°. В Музее занимался текущим делом. Купил яблоков и кило сахару, которые поднес Л.В-не к ее именинам.

27 (14) сентября. +1°. Воздвиженье Креста Господня. В Музее составлял годичный (с 1 октября по 1 октября) отчет по своему отделу. В Музей приходили Маша со всеми 3-мя ребятками; я попросил Л.В-ну показать детям залы. После 3-х поехал с Л.В. на Арбат к Burban, купил для именинницы Софьи Владиславовны 500 грамм конфект французского набора (1 р. 87 [к.] полкило), для нас сухарей.

28 (15) сентября. +6°. К 11 ч. отправился в Оружейную палату, где должно было собраться 1-е заседание для извлечения гробниц из Вознесенского монастыря, которое не состоялось за неприбытием С.П. Григорова. Я воспользовался этим случаем, чтобы осмотреть в залах Палаты финифтяные изделия; придя в залу, где выставлены великолепные церковные вещи из Патриаршей ризницы, Соловецкого монастыря и т. д., я был поражен: вся зала была пустая; по распоряжению Вайнера все предметы сложены в ящики... Сойдя вниз, в вестибюле встретил Ивана Ивановича Новикова[50], под наблюдением которого произведены все замечательные реставрации в Кремле: храма 12 Апостолов, в старой части дворца; в сопровождении этого простого, превосходного и знающего человека я отправился осматривать некоторые реставрации последнего времени; прежде всего, он мне показал открытый недавно портал в храме «Положения риз», исполненный в стиле порталов в храме Василия Блаженного; по-видимому, эта реставрация сделана архитекторами Василия Блаженного при Грозном. Затем прошли в храм 12 Апостолов, который стал неузнаваем сравнительно с прежним храмом. Теперь в нем ус-

танавливается иконостас из Вознесенского монастыря. В одно из помещений перенесены все скульптуры из храма Михаила Малеина; эти удивительные звери со Спасской башни, напоминающие чудищ Notre-Dame de Paris; впервые видел деревянную полуобгорелую скульптуру св. Георгия в рост, по-видимому, века XV; св. Георгий конный Ермолина находится в храме Положения риз. Затем прошли в Архангельский собор, в нем был только сторож, да каменщик скреплял развалившиеся каменные гробницы цариц и царевен; расставленные по храму многочисленные каменные гробницы с костяками, которые потревожены до всеобщего воскресения, среди тишины, произвели на меня сильное впечатление. В одном месте Ив. Ив. показал мне ящичек, в котором сложены колпачок с головы царицы Евдокии Лукьяновны, волосы и 2 ее заплетенные косы. Прошли в алтарь посмотреть сосуды повнимательнее, вынутые из гробов: стеклянных 7–8, лучший из гробницы Марфы Собакиной, хорош из гроба Анастасии Романовны. Из собора я попросил спуститься в подвал, где будут расставлены гробницы; там идут работы, извлекают песок и мусор, накопившийся за многие годы, высотою на 1 аршин, под ним виден кирпичный пол. В пристройке XVIII в. к собору помещается канцелярия, там работают антропологи, при мне мыли под краном череп, на мой вопрос – чей? – мне ответили: «Марии Ярославны, жены Василия Темного». Все эти картины: черепа, косы, сосуды, кости людей, о которых я читал, произвели на меня сильное впечатление. Распростившись с милым Ив. Ив-чем, я вышел и сел в садике, разведенном на месте убийства Сергея Александровича, и раздумался. Около 2 ч. пошел в «Москвошвей», где взял купленный костюм (в нем была небольшая переделка) и поехал домой. В 4-м часу пришли сестры Поповы, обедали; с Ольгой Ивановной приятно побеседовал о Пушкине, М.Н. Волконской; в 6 ½ обе ушли. Принялся за составление биографии для Академии истории материальной культуры, по ее требованию, написал очень кратко. Пришел К.В. Крашенинников, рассказал ему о виденном мною в Кремле, сидел часа 2 ½.

29 (16) сентября. +8°. Воскресенье. Встал в 7 ч., напившись чаю, принялся за автобиографию и за список трудов, которых перечислил 46 (биографии и рецензии выпустил). Около 12 закусил и отправился с написанным в Денежный переулок к сестрам Поповым; из них одна, Татьяна Ивановна, служит в Ленинской библиотеке, где также служит Д.Н. Егоров, и Т.И-не вручил написанные для передачи завтра утром ему мою биографию и список трудов; от Поповых отправился к Д.Д. Иванову, вручил его супруге, которая завтра именинница, конфекты, купленные в пятницу у Burban. Д.Д-ча нашел значительно окрепшим, он даже выходил на бульвар и сидел на лавочке, пил у них чай; Д.Д., как всегда, много говорил; ему доктор советует не заниматься год, и он, по-видимому, склоняется к этому. В 3 ч. поехал от него к Л.В-не на именины, кроме того, она сегодня причащалась; вскоре пришли Елена Георгиевна Адамова, затем М.А. Добров с женой и дочерью и М.И. Тегер; сели обедать, обед был отлично приготовлен. Потом пришли: Маша внучка с Машей и Яльмаром и одна знакомая Л.В-ны, пили чай с вареньем, печеньем, беседовал с Матвеем Алексеевичем Добровым, очень милым собеседником; в 6 ½ ч. я уехал домой.

30 (17) сентября. +7°. Именины Нади и Веры. В Музее занимался текущим делом, составлял годичный отчет Музея. Л.В. чувствовала себя нездоровой, ушла на час ранее из Музея. Заходил П.С. Шереметев, сказал, что библиотека ему возвращена.

Октябрь 1929 г.

1 октября (18 сентября). +6°. Окончил отчет Музея за 1928/29 г. Вчера Кузьмин (председатель ячейки Музея) попросил меня принести группу, снятую в день моего юбилея; сегодня принес ему обе, снятую Детиновым, и другую, небольшую, снятую Протасовым; на мой вопрос, зачем ему потребовалась группа, ответил, что просило правление; Л.В. его переспросила отдельно, ей сказал, что просила Бирзе. Заходил В.Ф. Ржига, положение его критическое, остался совсем без работы; спросил меня, может ли поговорить с директором о своем увольнении, я посоветовал поговорить только с Лепешинским. Академия истории материальной культуры прислала в секцию запрос о подписке на 3-й заем в сумме месячного заработка, должен был подписаться на 95 р. в рассрочку.

2 октября (19 сентября). +5°. В Музей двое принесли пару рогов первобытного быка, часть черепа и костяной молоток (обломок) со сверлиною; директора осмотрели и решили купить; заплачено 50 р.; находка сделана в Петербургской губернии, на границе Белоруссии. Выправлял отчет Музея, кое-что дополнил. Получил письмо от Мацулевича и от А.А. Ильина. Академия наук прислала № 8–10 «Известий» [за] 1928, где напечатана «Записка об ученых трудах А.В. Орешникова» и «Список» его трудов. В списке помещено много того, о чем я никаких докладов не делал. Записку подписали: С. Жебелев, Н. Лихачев, В. Бузескул. Там же помещена «Записка» об ученых трудах А.А. Ильина.

3 октября (20 сентября). +6°. Определил монеты доцарского периода, переданные Историческому музею из Румянцевского музея. Вчера вышел номер газеты «Комсомольская правда» с портретами многих уволенных от нас сотрудников; как говорят, номер был частью разослан, но редакция всю страницу с портретами [и] гнусными статьями против Музея изъяла и заменила другим текстом (я не читаю этой скверной газеты); тем не менее, слух распространился, и узналось, что группа была взята у меня по просьбе А.М. Бирзе, которая со мною при Лобанове (его жена в числе уволенных) имела разговор; я ей рассказал все, как было, она страшно возмущена Кузьминым, т.к. никакого поручения взять у меня группу она не давала. После занятий пошел с Л.В. купить: она кастрюлю, я вина, но кастрюль в 2-х больших магазинах не нашла, я 1 бутылку красного купил. В 4-м часу начался дождь. В 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, вернулся домой в 10 ½ ч., рассказал им о гробницах Вознесенского монастыря. Дождь вечером перестал.

4 октября (21 сентября). +9°. Дождь. Утром купил в Охотном ряду сыру, анчоусов (цены на все очень возросли), кетовой икры. В Музее на закупочной комиссии приобрели кое-какие неважные предметы. Занимался текущим делом. Боюсь, что дело с помещением в «Комсомольской правде» портретов уволенных сотрудников и с напечатанием грязной статьи о них кончится ссорою между ячейкой и другими. В 9-м часу приехали Сосновские, закусывали с винопитием, ушли около 1 часу.

5 октября (22 сентября). Встал поздно, температура на солнце +15°. Утром пришли Валечка с дочерью, завтракали. Весь день я почти ничего не делал, читал, раскладывал пасьянс. Часов в 5 пришла Танюша, сидела недолго, напоили ее кофе.

6 октября (23 сентября). +12°. Воскресенье. Утром был на Алексеевском кладбище, заплатил 2 р. за сентябрь за уход могил, оттуда проехал в храм мученика Трифона; впервые был в нем; церковь была переполнена; хор большой, но напевы чрезвычайно простые; дьякон из храма Богоявления в Дорогомилове. За литургией молились за болящего архиепископа Трифона[51]. Литургия кончилась во 2-м часу. Дома нашел Л.В.; в моем отсутствии был приходский протоиерей И.Ф. Мансветов, желавший со мной повидаться, но меня не дождался. После обеда достал Л.В-не книги для чтения, в это время протоиерей прислал просвирню спросить, не может ли опять прийти, но я сказал, что приду сам и вскоре пошел, одновременно вышла и Л.В. Иван Федорович был тронут моим приходом; главною целью свидания со мною было узнать о дальнейшей судьбе храма, который обречен на упразднение, я ему сказал, что слышал об этом от С.П. Григорова, и обещал сообщить, как решит этот вопрос Главнаука; сидел у него около часа. Погода чрезвычайно теплая, термометр в 9 ½ ч. вечера показывал +15° при ясном небе.

7 октября (24 сентября). +7°. Приобрели в Музее превосходный терракотовый ритон, найденный на берегу р. Риона, за 50 р.; «Старосветские помещики» с рисунками П. Соколова куплены за 200 р.; весь день были визитеры, не давшие возможности заниматься текущею работой.

8 октября (25 сентября). +5°. В 1-м часу из Музея пошел в Государственный банк к директору Евгению П. Ростковскому, который пригласил меня в кладовую, где хранится серебро для переплавки, также монеты, и предъявил мне отобранные года 2 назад Прохоровым 60 серебряных и 3 золотых; из серебра я взял только 13 восточных и 1 серебряный знак бронницкого городского головы; затем он обещал показать кладовую эмиссионного отдела, собственно, познакомить с сигнализацией посредством радия. Придя в Музей, рассказал об этом Матвееву и Емельянову, начальнику охраны, последний желает идти со мной осмотреть кладовую. Приехал Л.А. Мацулевич, обещал завтра рассказать о своей поездке в Эски-Кермен. После занятий отправился сесть на автобус или на трамвай, но движение по случаю похоронной процессии коммуниста Лепсе[52] прекратилось, пошел в сопровождении Л.А. на Лубянскую площадь, где сел на № 28 и у Земляного вала пересел на № 20. Вечером определял 18 привесных печатей и пломб, принадлежавших П.И. Юкину и проданных Сосновским кому-то; нашел великолепные экземпляры, изданные у Лихачева, но некоторые, по-видимому, неизвестные Николаю Петровичу. В квартире нашей устроили новую лестницу на двор.

9 октября (26 сентября). +5°. Утром купил бутылку красного Абрау каберне № 44 за 1 р. 45 к., оказалось очень недурное вино. В Музее докончил разбор монет Румянцевского музея. Лепешинский раздумал покупать за 200 р. «Старосветских помещиков» с рисунками П. Соколова! После 3-х отправился с Л.А. Мацулевичем в Цекубу обедать, кормили за 95 к. недурно: щи с мясом и пожарские котлеты; из Цекубу поехали на **Б** домой, пили чай, распили бутылку красного Абрау; рассказал ему о событиях в Музее, о Кремле и т.д.; он рассказал о раскопках в Эски-Кермен etc., ушел в 10 ч.

10 октября (27 сентября). +10°. Приготовляюсь к составлению общей коллекции монет доцарского периода; собрал в один шкаф неразобранные монеты этого времени из разных коллекций. После 2-х началось заседание общего собрания, докладчиком выступила женщина от Гупроса по фамилии

Сирота или что-то вроде этого, содержание ее доклада была характеристика музейского месткома, ныне уволенного, а также правления; и к тому, и к другому отнеслась критически. Возражали ей Цитович, Лепешинский, Л.В. Кафка и другие; я не досидел, ушел.

11 октября (28 сентября). +8°. В Музее начал определять неразобранную часть монет доцарского периода собрания Зубова. Начали с Л.В. пересматривать доставленные около 2-х лет назад ящики с медными монетами свыше 20 пудов; вскрыв один небольшой ящик, нашли большую золотую медаль, много серебряных, в другом оказалось тоже серебро, золотой полтинник, много нагрудных знаков и проч. Интересно заметить, что все пуды монет, считаемые только за медь, предназначалось послать из Госфонда прямо в переплавку. После 3-х зашел к «Мюру» посмотреть умывальник, самый дешевый 41 р.! С 3-х часов пошел дождь. К 8 часам приехал к М.А. Доброву, который меня давно звал; это великолепный человек, скромный, образованный, талантливый художник; за чайным столом с легкой закуской мы беседовали в обществе его жены, дочери, 2-х его сестер и племянницы; Людмила Вячеславовна, также пришедшая, попросила Матвея Алексеевича познакомить меня с его рисунками; с удовольствием я просмотрел его правдивые рисунки с животных, виды; очень интересны его офорты: виды Парижа, некоторые в красках. Ушел я с Л.В. около 11 часов. Дождь прошел.

12 октября (29 сентября). +6°. Утром ездил в магазин «Коммунар» за эмалированным тазом, нашел бракованный, купил за 1 р. 45 к. В деревне в церквах запрещено продавать просфоры и свечи, как частную торговлю, иначе платить большой налог. Написал В.А. Никольскому письмо о событиях в Музее и о Вознесенском монастыре. Вечером определял монеты Зубова.

13 октября (30 сентября). +6°. Дождь. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове; хор Нестерова пел прекрасно, исполнил 2 произведения Архангельского: «Иже херувимы» и «Верую»; Символ Веры очень хорош, «Херувимская» мне менее понравилась; народу было очень много. К обеду пришла Л.В., сидела до 6 ч., от нас пошла ко всенощной.

14 (1) октября. +5°. Дождь. Праздник Покрова. В Музее с 10 ½ ч. до 1 ½ ч. показывал Музей турку Réched Safvet Bey, депутату турецкого парламента, председателю турецкого клуба террористов; целью его осмотра Музея были предметы, бытовавшие в России, на которых отразилось влияние Востока; показывал ему как позднейшие XVI–XVII веков, так и предметы из раскопок. В 3-м часу состоялось общее собрание, на котором Милонов познакомил со своею теорией реорганизации Музея на марксистский лад. Вернулся домой в 5-м часу, пришла Танюша с Гулей, обе поправились.

15 (2) октября. +3°. Вывешено расписание или разделение Музея, составленное Милоновым в марксистском духе[53]. Какой-то ералаш, я плохо усвоил. Перешли на непрерывную неделю, выйдет путаница. Ездил в Цекубу за обеспечением за август, кассир денег еще [не] привез. Разбираем деньги из Госфонда, нашлась пробная Елизавета 1755 г. и два гроша 1762; первую нашел в издании Георгия Михайловича, второй не нашел. Вчера вечером у жены был припадок, но, слава Богу, обошлось благополучно; сегодня чувствует слабость.

16 (3) октября. +4°. На короткое время заехал в Музей, выдал Л.В-не доверенность на получение 60 р. за август из Цекубу и отправился с Клейном

в Главнауку, откуда с Вайнером и Скворцовым[54] (из Третьяковской галереи) поехали на Почтовую улицу в бывшую квартиру Вишневских, куда приехал представитель ГПУ, при нем пересчитали монеты и табакерки, где нашел еще несколько редкостей по русской и боспорской нумизматике, но остальных монет досмотреть за поздним временем не успели, придется ехать завтра. От С.П. Григорова узнал, что храм Ильи Пророка предназначен для Музея восточных культур! Лядов удален, назначен новый по фамилии Лупул[55]. В Эрмитаж назначен Кипарисов[56] из Академии истории материальной культуры. С Почтовой улицы заехал в Музей, откуда с Л.В. ходил на Петровку купить сластей.

17 (4) октября. +2°. Выпал снежок. В 10 ¾ поехал с Клейном на Почтовую улицу в бывшую квартиру Вишневских, одновременно приехал представитель ГПУ; сосчитали только медные монеты; вскоре пришел Вайнер и все отправились в подвал, где невозможно было регистрировать предметы музейного значения, так как все большое имущество было свалено в общую кучу; мы согласились описывать в том случае, если все будет приведено в порядок. Вайнер и из ГПУ уехали и обещали сообщить, когда все будет разобрано; мы также уехали, в 1 ½ ч. я был в Музее, заниматься не пришлось, в моей комнате замазывали окна. В 4-м часу я с Л.В. пошли за покупками: купил вина на Петровке и у Burban сухарей и сдобы. Получил от всех 3-х Зайцевых поздравительные письма к моим именинам; вчера такое же письмо получил от Нади.

18 (5) октября. 0°. Праздник Московских чудотворцев. В Музее разобрал целый шкапчик с монетами покойного Мануки Щербатова; монеты неважные: византийские, восточные, римские. Занялся текущей работой, определял монеты Зубова. К 3-м часам пришла Л.В. (у нее сегодня выходной день), мы отправились к нам обедать. По случаю моих именин пришли: Кочурины все трое, Валечка с П.Н., Нина, Миша, позднее пришла Л.И. Воронова. Неожиданно утром приехала из Петербурга Лёля на неделю. В 8 ½ ч. никого уже не было. Танюша с потомством не были, у всех грипп; Маша прислала с Л.В. письмо. Уплатил 10 р. в кассу взаимопомощи.

19 (6) октября. 0°. Выпал ночью снег. Сегодня в Музей идти не обязан, у меня выходной день. Часу в 12-м зашел в Музей, выпил стакан чаю, затем отправился в Оружейную палату, где сегодня будут отбирать вещи для Госторга. Из Палаты пошел в канцелярию Архангельского [собора], где застал Н.Н. Померанцева, с которым спустились в подвалы, где будут расставлены гробницы, перенесенные из Вознесенского монастыря (теперь он уже разрушен, частью взорван). Работы по очистке подвала значительно подвинулись вперед, остается удалить кирпичную печь и некоторые новейшие кладки стен, тогда помещение будет очень обширное. Вероятно, подвалы эти более ранней постройки, чем 1505 г., год постройки собора. Вчера произошел такой, интересный в бытовом отношении, случай: рабочий забыл свои рукавицы в подвале, когда на другое [утро] он вошел в подвал и стал брать рукавицы, из них вылетела летучая мышь, что очень напугало его, особенно когда кто-то сказал, что это душа Ивана Грозного. После видели эту мышь, летающую по подвалу, очевидно, там есть их гнездо. Из подвала прошли в храм 12 Апостолов и посмотрели на иконостас из Вознесенского монастыря, прекрасно поместившийся в храме, только один ярус его был убавлен. Н.Н. Померанцев

предложил посмотреть здание Чудова монастыря, выходящее к теперешнему ВЦИК'у, прежнему Окружному суду; сколько раз смотрел я на колоколенку, ныне разобранную, и на здание, из окон суда, когда бывал присяжным заседателем; Н.Н. полагает, что это низенькое здание XV века, так как кирпичи, из которых оно сложено, чрезвычайно тонкие, из таких кирпичей выстроены здания великокняжеской эпохи в Киеве, но я думаю, что оно более древнее, не может ли относиться к постройке времени татар, тем более известно, что золотоордынский хан подарил это место Алексею Митрополиту. Из Кремля отправился к Дм. Дм-чу, нашел его вполне окрепшим, только настроение его тяжелое. Более 2 часов мы беседовали с ним на всякие научные темы, я ему посоветовал не падать духом, а заняться какой-либо работой, так как у него большой запас творческих сил. Домой вернулся около 6 часов, с трудом сел в трамвай.

20 (7) октября. –3°. С введением пятидневки праздновать воскресенья не будем. Весь день занимался текущим делом. В зале заседаний Милонов слушал доклады сотрудников об экспозиции предметов по марксистскому уклону, слушал их с час; яснее всех был доклад А.Я. Брюсова, у прочих многого не понял. Вставил зимние рамы в комнате жены и балконную дверь.

21 (8) октября. +1°. День памяти матери, царство ей небесное. В Музей запоздал, трамвай еле двигался вследствие прокладки новых рельс[ов] от Лубянской площади к Варварской. Занимался текущим делом. Заходил Сосновский, его, кажется, примут на службу в Советскую филателистическую ассоциацию, которою теперь заведует какой-то Кислов[57] вместо Писанко; Сосновский просил дать рекомендацию Кислову, которую я написал. Температура воздуха к вечеру +7°, идет мелкий дождь. А.А. Карзинкина выселяют с квартиры, дают квартиру где-то в подвале; товарищи-бабы обошлись крайне дерзко; А.А. обращался к прокурору. Как мне жаль его. Помоги ему, Господи!

22 (9) октября. +7°. Заплатил в Цекубу 3 р. за жилую площадь. Начал приводить в порядок монеты суздальско-нижегородские. Присутствовал на заседании под председательством Милонова, между другими докладами был Клейна о тканях. Вчера в первый раз после лета истоплена печь в моей комнате.

23 (10) октября. +2°. Был днем священник нашего прихода и со слезами сообщил, что через 2 дня церковь Ильи Пророка должна быть отдана под ссыпку зерна. В Музее занимался текущим делом. Во время обеда пришла Танюша с Гулей, еще не все дети оправились от гриппа.

24 (11) октября. +5°. Около 11 ч. отправился из Музея в Государственный банк для получения отобранных мною ранее монет: 2-х двухрублевиков Петра 1711 и 1723 гг. и 50-ти злотых польских, затем серебряного знака бронницкого городского головы, 10-ти сасанидских и 3-х восточных; для сопровождения меня Лепешинский велел отправиться со мною комсомольцу Акиншину. Из Музея ходил в Кремль к Н.Н. Померанцеву, но его не нашел; сидел с ½ часа с художником Календою, который раскрашивает фотографии с гробниц Вознесенского монастыря; у художника было с десяток снимков нераскрашенных, впечатление отталкивающее. Вернувшись из Кремля, посидел с ¾ часа на докладах о реэкспозиции в Музее, председательствовал Милонов. Из Музея ходил в Охотный ряд, купил яблоков, заходил к «Мюру», хотел дать

починить оправу для пенсне жены, отказались. Академия наук прислала оттиски отзыва о моих ученых трудах; раздавать нумизматам не буду.

25 (12) октября. +5°. Почти весь день перебирал с Л.В. ящики с монетами, присланными Госфондом как медь для переливки, но в этой меди нашлось порядочно серебряных и даже 2 золотых: полтинник и крупная медаль. В серебряных нашел монету Димитрия-Корибута Ольгердовича, великого князя Черниговского и Новгород-Северского, изданную Догелем[58] как монету переяславль-залесскую, но переопределенную А.А. Ильиным. Придя домой, нашел жену в кровати: ее больная нога была днем распухши, она натерла ее ихтиоловою жидкостью, к вечеру стало, по ее словам, лучше.

26 (13) октября. +4°. Жена сегодня встала, опухоль ноги уменьшилась. В Музее продолжаю разбирать суздальско-нижегородские монеты. Настроение у всех научных сотрудников мрачное, то же, слышал, и в остальных музеях; слишком гнет большевиков тяжел. К обеду пришел Б.Н. Граков, болтал до 8 часов.

27 (14) октября. +6°. Воскресенье. Кончили, главным образом, одна Л.В., разбор монет, присланных для сплава из Госфонда; монеты насыпаны в небольшие мешки; серебра набралось приблизительно с пуд. Погода сегодня ясная и теплая, прошелся по Александровскому саду до Троицких ворот, где сел на 31 номер. Разобрал несколько типов монет суздальских князей до Василия Кирдяпы. К обеду пришла Зоргаген.

28 (15) октября. +6°. В 12 ½ ч. отправился в Кремль, зашел в Оружейную палату, оттуда в Архангельский собор; Н.Н. Померанцев, по моей просьбе, дал мне показать моим жене и детям несколько снимков с открытых гробниц цариц, погребенных в Вознесенском монастыре. У Архангельского собора мы встретились по уговору с нашим сотрудником К.В. Марковым (он читает в Кремлевском военном училище лекции); И.И. Новиков нам отпер собор, и мы осмотрели наиболее интересные гробницы. Придя в Музей, показал коекому снимки. Узнал, что неделю назад арестован Постников, муж Марины Михайловны, а вчера арестован Шапошников и отвезен на Бутырки. Заходил в Музей киевский профессор Василий Ефимович Данилевич; мы дружелюбно встретились, не видал его много лет; здоровьем он очень слаб. В 6 ч. отправился к Танюше на праздник рождений Яльмара, Маши; зашел в кооператив около Курского вокзала, купил детям яблоков, сладкого и на 31 номере поехал на Арбат. Сидели все в комнате Маши, пришла М.С. Волкова, Диатроптов, муж Ани Коля; ранее пришла Л.В., подарившая детям по книге. Пили чай, я показал снимки с погребений; вскоре Л.В., Коля ушли; дети легли спать, а М.С. Волкова и Б.А. Диатроптов вели беседу на литературные темы. Узнал, что у Владимира Федоровича [Джунковского] был обыск, и ему в 48 часов предложено очистить квартиру, а его племянник арестован. В 10 ½ часа я уехал домой.

29 (16) октября. +7°. Ездил утром на кладбище, заплатил 2 р. за мои дорогие могилы. С кладбища проехал в Охотный ряд, купил рыбы, для жены и Лёли купил одеколону, мыла и сластей Лёле в дорогу. К завтраку пришла Валечка с Зорей. Сегодня Лёля уехала в Петербург, на вокзал ее провожали Зинаида Алексеевна и [нрзб][15*].

[15*] Имя скрыто кляксой.

30 (17) октября. +4°. Сильный туман утром, вскоре рассеявшийся. В Музее занимался текущими делами. Слышал, что арестовано много из духовенства. Получил от Мацулевича французское resumè его статьи, которое с Клейном послал Померанцеву.

31 (18) октября. +7°. Туманная погода. Разбирал суздальско-нижегородские монеты, много нерешенного. Сегодня в Музее назначена партийная чистка, думаю, что произойдет комедия. Заходил Н.Н. Померанцев, ходил с ним на верхний этаж, смотрели иконы, принадлежащие кремлевским храмам. Приехала из Сочи Наташа, говорит, что Зворыкины приедут едва ли ранее половины декабря. Во французском (бельгийском) журнале по византологии сегодня прочитал, что в мае нынешнего года умер известный византинист Густав Schlumberger[59]; много лет назад он приезжал в Москву, останавливался в Славянском базаре, я был у него, завтракал с ним и с его спутницей, старой графиней De Lur Salus (или что-то вроде этого); помню, когда я его назвал Mr. Шлемберже, то он меня поправил, сказав: «J'ai francise mon nom; je m'appelle maintenant "Schlumbère"[16*]».

Ноябрь 1929 г.

1 ноября (19 октября). +5°. Занимался текущею работой. Получил от С.А. Жебелева открытое письмо, пишет, что гуманитарное отделение Академии наук приняло мою статью для помещения в «Известиях». В Музее началась партийная чистка, думаю, что это одна комедия.

2 ноября (20 октября). +5°. Разобрал все нижегородско-суздальские монеты. Сегодня вечером будут подвергнуты чистке: Матвеев, Пономарев и др., а в понедельник Лепешинский. Слышал, произведено много арестов, особенно среди духовенства. Топил печь в комнате.

3 ноября (21 октября). +6°. Воскресенье и мой выходной день. Чувствую себя нехорошо; ночью, в 1 час, проснулся за естественною надобностью, встал, взял в руки уринал, у меня закружилась голова, и я упал затылком на спинку кровати, разлив всю мочу. После заснул и встал в 6 ½ часов, голова продолжает болеть, но головокружение прошло. Днем читал «Бесы» Достоевского, немного поспал. В 4 ч. пришла Л.В., обедала, в 7 ч. ушла. После нее пришел Петр Никифорович Павильонов, сын давно умершего нашего знакомого, с которым видались, когда жили в Петербурге в 1875 г.; сидел до 11 часов.

4 ноября (22 октября). +4°. Головная боль прошла. Почти весь день в Музее прошел в чтении Л. В-ной лекции о серебре перед провинциальными сотрудниками музеев; прочитала Л.В. очень толково, но слушатели были, на мой взгляд, малоподготовленные.

5 ноября (23 октября). +5°. В Музее занимался монетами, проверял определения обширного отдела суздальско-нижегородских монет. В 3 ч. доставлено ГПУ 6 ящиков вещей Вишневских, но по телефонному распоряжению из ГПУ 1 ящик взят обратно и часть вещей из другого. Дома застал Танюшу, при ней обедал, но в 5 ½ ч. уехал в Исторический музей, где была партийная

[16*] «Я переделал свою фамилию на французский лад, и теперь меня зовут "Шлюмбéр"» (фр.).

«чистка», чистили В.И. Козлова, который служил в Историческом музее, затем в Оружейной палате. Для суда явился председатель и 2 заседателя; заставили Козлова рассказать биографию, затем начались допросы; спрашивать имел право всякий; выяснилось, что у него было немало грешков как по служебной части, так и относительно женского пола; большинство требовало удаления его из партии, но были голоса и за него. Я не досидел, в 10 ч. уехал. Народу было очень много.

6 ноября (24 октября). +3°. Вчерашний суд для меня непонятен: старались выяснить в Козлове отрицательные, порочные стороны его жизни судьи, т.е. все говорившие, у большинства которых руки от крови не обсохли, и которые до сих пор продолжают обагрять их нашею кровью. Весь суд – это фальшь. Утром шел снег крупными хлопьями, но днем погода была солнечная, свежая. В Музее докончил разбор суздальско-нижегородских монет, имеется около 5 неизданных. После 3-х было общее собрание, посвященное 12-й годовщине; Цитович сказал речь об успехах в Республике и о зависти к ней в Европе.

7 ноября (25 октября). Встал поздно, на солнце +5°. Сегодня и завтра большевики празднуют 12-ю годовщину революции, занятий нет. Днем написал небольшую объяснительную записку к серебряным слиткам, выставленным в Киевском зале Музея, привезенным мною из Михайловского монастыря. Приходила М.Н. Гусева с детьми. Был А.А. Карзинкин, обедал, выпили с ним ½ бутылки красного вина.

8 ноября (26 октября). +5°. Топил печь. Читал письма Достоевского к жене от тех чисел июня 1880 г., когда он приезжал на Пушкинские празднества; на вечерах в Благородном собрании был и я. Был удивлен, прочтя комментарий к этим письмам об отношении Тургенева к Достоевскому. Часа в 2 пришла внучка Наташа. Около 3-х сел на 20 номер трамвая, проехали до Богородского, посмотрел из окна вагона на ту дачу в Сокольниках, где мы жили; на сердце сделалось очень тяжело. Богородское мне не нравилось и прежде, но теперь стало еще хуже, грязно и скученно. Удивлен был, увидя в Сокольниках дачу Сазикова, которою назад лет 60 или более любовались; ее сейчас ремонтируют; стиль ее псевдорусский[60]. Вечером пришли Валечка с Павлом Николаевичем и Таня Кочурина.

9 ноября (27 октября). +5°. Пересмотрел собрания доцарских монет Уваровых, Булычева, Румянцевского музея; среди уваровских нашел много любопытных, неизданных типов. После 3-х пошел в Охотный ряд, купил яблок «Наполеон», у «Мюра» купил 500 грамм[ов] персидского горошка для еды с чаем, так как сахару ранее 16 ноября не будет. Завтра в храме Илии Пророка праздник св. Параскевы, но служения (всенощной) не было, следовательно, храм большевиками закрыт.

10 ноября (28 октября). +2°. Воскресенье. Сегодня мой выходной день, в Музей не пойду. Утром заехал к Анне Александровне Позднеевой, попросил ее напомнить сыну о возврате моих книг. От них прошел в храм Большого Вознесения к литургии, где, по случаю 36-й годовщины смерти Чайковского, хор пел обедню его композиции; народу было очень много. Вернувшись домой, нашел А.И. Благовещенскую, пришедшую поздравить с храмовым праздником; она нашла церковь запечатанною большевиками. Мне кажется, со времен Нерона не было такого гонения на христиан, как при большевиках.

Около 3-х поехал навестить Дм.Дм. Иванова, но его не застал; у Софьи Владиславовны сидели: дочь Кира Дмитриевна и бывшие судейские: А.А. Варгасов и Сорокоумовский; беседовали часов до 5-ти, но Д.Д. не приходил (он ушел в Оружейную палату), что очень беспокоило его жену, так как он еще не окреп после тяжелой болезни. Оба судейские ушли, и стала уходить и дочь, как он явился, очень слабый, тем более он ничего не ел; С. Вл. дала ему каши с молоком, которую он съел. Стали беседовать, я ему советовал ничего не держать рукописного в Оружейной палате, на что он ответил, что все решил передать в архив (вероятно, в Центрархив), но вспомнил, что о какой-то рукописи забыл сделать распоряжение, т. к. она находится среди книг Оружейной палаты у Успенского, и решил немедленно ехать на квартиру Клейна и сказать ему об этом; жена упрашивала его не ехать, но он настоял; тогда я решил его проводить, и мы поехали с Зубовского бульвара на Цветной; подошли к квартире Клейна, минут 20 стучали, напрасно, никто не отворил, вероятно, Клейн спал и запретил кого бы то ни было впускать. Решились уехать, я его проводил до квартиры. Настроение Дм. Дм-ча придавленное, он несколько раз повторил, что погубил и себя, и жену, и дочь. В мое отсутствие были священники со святой водой, сказали, что служить будут в храме апостола Иакова в Яковлевском переулке.

11 ноября (29 октября). +4°. Утром явился в Музей представитель ГПУ и сдал Музею привезенные предметы в 5-ти ящиках, принадлежавшие Вишневским; всех вещей 70 с небольшим; наиболее ценные относятся к эпохе empire. Стал отбирать монеты Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. У жены днем был небольшой сердечный припадок. От А.А. Ильина получил письмо очень печальное: ему предложено к 1 января очистить квартиру. Отвечал ему о своих нумизматических делах.

12 ноября (30 октября). +3°. Отобрал монеты Дмитрия Донского. В 1 ½ поехал в Главнауку на заседание, посвященное вопросу о передаче дублетов музеев в Советскую филателистическую ассоциацию (СФА); для разработки этого вопроса избрана комиссия из 3-х лиц (Трутовский, Сосновский и я). На заседании присутствовали Вольтер, Малицкий, Григоров и приглашенные: Трутовский, Сосновский, Ильин (директор Музея изящных искусств) и я. После того разбирали вопрос о возврате в Гатчинский музей из здешнего толстовского взятого портрета П.А. Толстого; от толстовского музея был Шохер-Троцкий[61]. Решено Чудов монастырь сломать. Слышал, что в Петербурге были в последние дни многочисленные аресты; арестованы якобы академики Карский, Платонов, ученый секретарь Археографической комиссии Андреев[62]. Как тяжело на сердце от таких слухов.

13 ноября (31 октября). +2°. Объяснил утром в Музее отделу популяризации кунные гривны в Киевском зале. Разбирая монеты Донского, встал в тупик: куда причислить монеты с надписью «печать великого князя И.И.»? К Донскому или его сыну? Говорят, что в «Ленинградской правде» напечатан ряд расстрелянных, между ними 4 большевика (имена мне незнакомы), занимавших ответственные должности.

14 (1) ноября. +2°. Весь день в Музее выбирал и соединял монеты Донского и обширный отдел Василия Димитриевича. Вечером пришел С.С. Бровкин, очень приятный собеседник и умный человек; рассказал ему о погре-

бениях теперь разрушенного Вознесенского монастыря; С.С. ушел на поезд (живет в Царицыне) в 9 часов.

15 (2) ноября. 0°. Сегодня свободный для меня день. Чтобы рассеяться после музейской атмосферы, решил поехать в Зоологический сад. Сел на трамвай № 1, который подвез прямо ко входу в Зоопарк. Там все на зимнем положении. Посмотрел на кормление зверей. Экзотические животные, вроде кенгуру, страусов помещены в теплые здания; любовался парою прекрасных страусов, один из них извергнул кало, другой съел его, извергнувший обернулся и доел, что первый не успел съесть; первых животных вижу, которые едят свои испражнения. Интересны 2 колоссальные черепахи, красивые тропические ящерицы. Народу было мало.

16 (3) ноября. +1°. Ночью выпал небольшой снежок, днем стаявший. В Музее узнал, что Джунковский арестован. Вчера из ГПУ доставлены вещи (миниатюры, табакерки и проч.), монеты, конфискованные у Вишневских, начали приводить в порядок для записи в книгу поступлений. По телефону из Госторга О.Н. Бубнова (она перешла туда из Музея) попросила меня к ним прийти, я пошел к 1 часу; она попросила определить подлинность и время серебряного вызолоченного складня с грузинскою надписью, который владелец определяет XIV в., я отнес его к XVI–XVII вв., мою экспертизу попросили написать, что я и сделал, а прочесть надпись я в шутку предложил послать Сталину, на что Бубнова сказала: «Да он, пожалуй, прочтет, так как учился в духовной семинарии». После 3-х назначено собрание месткома с союзом безбожников, которые хотели доложить о священнике, изнасиловавшем девочку (?!); я на заседание не остался. Обедала внучка Нина. Сидим без электрического освещения: закрыто за невзнос домоуправлением платы за электричество, слышал, что многие квартиранты не платили по несколько месяцев. За экспертизу в Госторге мне заплатили 5 р.

17 (4) ноября. +2°. Воскресенье. Слышал, что вчерашнее заседание месткома было бурное; Бабенчиков (?) требовал, чтобы присутствующие голосовали вместе с рабочими о предании священника смертной казни; голосование не состоялось. До чего озверели большевики! Описывал вещи Вишневских, привезенные ГПУ. С нынешнего дня открылось движение трамвая № 1 от Курского вокзала по Покровке, мимо Москворецкого моста к Музею, оттуда через Никитскую на Пресню. Электрическое освещение в квартире еще не пущено.

18 (5) ноября. +2°. Весь день в Музее диктовал Л.В-не описание вещей Вишневских. В газетах напечатано информационное сообщение, из которого видим, что пленум ЦК ВКП(б) постановил вывести Бухарина из состава Политбюро, а Рыкову и Томскому дал предупреждение, что, в случае малейшей попытки с их стороны продолжать борьбу против линии решений партии большевиков, не замедлит применить к ним соответствующие меры. Пришла перед обедом Танюша, сидела до 7 часов, сказала, что Джунковский не арестован. 2 дня назад нашего технического служащего Тер.Ив. Диденко сшиб автомобиль и протащил его несколько шагов; в результате – перелом ребра и разрыв легкого, харкает кровью; я навестил его на квартире (живет в Музее), чувствует себя плохо, лицо разбито. Он был матросом, служил у князя [Щербатова] денщиком, в Музее с 1885 г. со мною вместе.

19 (6) ноября. +2°. В Музее разложил все боспорские монеты, принадлежавшие Вишневским, неизданных нет, но несколько пробелов наших попол-

нилось, из 28 монет ¾ у нас имеется. Начиная с ½ 2-го начал диктовать Наталье Александровне [Гринвальд] описание 18 миниатюр из того же собрания. К обеду пришла Л.В., сидела до 7 ½ ч.

20 (7) ноября. +2°. Сегодня у меня свободный день, располагал заняться, но около 12 ч. пришла С.В. Иванова, очень расстроенная, плачет, ее беспокоит состояние Дм. Дм-ча, нервы которого так расшатались, что он стал нетерпим дома, всего боится, считает себя преступником относительно жены и дочери. Мы ее всячески успокоивали, поили чаем, пришел Илья Иванович Шиманович, наш старый знакомый, и в разговорах С.В-на успокоилась. Я сказал, что думаю поехать в Оружейную палату повидать Померанцева и спросить его относительно Гублита, куда он хотел представить статью Мацулевича. Моею поездкой в Кремль С.В. хотела воспользоваться, чтобы я уговорил Д.Д-ча поехать сегодня к доктору, но потом отдумала и просила ничего не говорить. Во 2-м часу я отправился в Кремль, видел в Оружейной палате Дм. Дм-ча, но ничего ему не сказал; он на меня произвел впечатление какого-то озабоченного человека. Из Оружейной палаты зашел в Архангельский собор, но Померанцева не видал, сегодня у него свободный день. В Оружейной палате впервые видел новую экспозицию тканей и серебра. Сделано все прекрасно, только серебряная посуда тесно расставлена. Какое ослепительное богатство русского серебра, черни, финифтяных изделий. Ходил с Мариной Михайловной Постниковой, муж ее все еще сидит, вероятно, в Бутырской тюрьме. Слышал, что храм Михаила Чуда в Кремле ломать будут через месяц; Николаевский дворец приготовлен к сломке, капсюли для взрыва стен будто бы заложены.

21 (8) ноября. +2°. Вчера Т.И. Диденко был без сознания. Все время в Музее диктовал Л.В-не описание миниатюр Вишневских, есть очень недурные, подписные.

22 (9) ноября. –2°. Докончил диктовать Л.В-не описание предметов, конфискованных у Вишневских; очень хороша маленькая коллекция силуэтов. Ездил в Цекубу, получил 60 р. академического обеспечения.

23 (10) ноября. +1°. Выпал небольшой снег. В Музее узнал от Ю.В. Готье, что прекращена выдача жалованья всем членам Московской секции Академии истории материальной культуры, таким образом, теряю 90 р. в месяц! Продолжал заниматься текущим делом. В 1 ч. приглашал Трутовского на заседание по поводу выдачи дублетов в СФА, но он не пришел, был только Сосновский, посидел с полчаса и ушел. Купил 2 ½ куб. метра березовых дров за 23 р. 75 коп.

24 (11) ноября. –4°. Воскресенье. До 1 ½ разбирал по типам монеты Василия Дмитриевича Московского, после началось заседание под председательством Милонова о реорганизации Музея на марксистский лад; вся эта затея Милонова мне показалась смешною и даже неумною. Вечером пришли в нашу квартиру 2 комсомольца с предложением записаться на картофель с доставкою по 7 копеек за кило, я записался на 150 кило. Слышал, что в Оружейной палате вместо Д.Д. Иванова директором будет назначен некий дагестанец по фамилии Тахо-Годи[63].

25 (12) ноября. –5° рано утром, к 1 ч. сделалось –1°. Сегодня выходной день, топил печь. Во 2-м часу поехал в Музей, чтобы захватить А.Н. Топорнина, и с ним отправился к Д.Н. Егорову, председателю Московской секции Академии материальной культуры; в Музее шло заседание под председатель-

ством Милонова по поводу реорганизации Музея, я посидел с полчаса, и с Топорниным ушли. Заседание происходило в кабинете директора бывшего Румянцевского музея; Егоров познакомил с содержанием бумаги, из которой узнаем, что вся Московская секция уничтожена (10 человек), а из петербургских членов уволены Лихачев, Айналов и еще 3-й, фамилию забыл. Домой приехал в 7-м часу, одновременно со мной приехал Илья Иванович Шиманович, который и обедал с нами, сидел до 10 ч.

26 (13) ноября. –1°. Л.В. и я вместе с А.Я. Брюсовым ходили по доисторическим залам Музея, где он нам объяснял древнейшие находки меди и железа. Состоялось заседание по вопросу о предоставлении СФА дублетов монет, к заседанию пришли Трутовский, Сосновский и Кислов (председатель СФА); я попросил их письменно изложить условия, на которых можно войти в сношения. После 3-х поехал в Цекубу (дома стирка), сидел с Коршем.

27 (14) ноября. +1°. Все утро ходил с Л.В. по открытым залам Музея, смотрели изделия из металлов. Занимался разбором по типам монет Василия Дмитриевича. Слышал, что будет в Совнаркоме разбираться проект обложения налогом икон якобы по 100 р. Неужели этот дикий проект будет осуществлен? Во время обеда пришла Танюша с Гулей, сидела до 7 ч. Вечером зашел К.В. Крашенинников, рассказал о своем посещении Д.Д. Иванова, которого нашел сильно возбужденным, все время говорил о какой-то митре, в которой недоставало одного бриллианта, в пропаже которого виновным считает себя, говорит, что его расстреляют и т.п.; К.В. думает, что он помешался, поехал к знакомому врачу-психиатру, который обещал у него быть. По мнению К.В., у Д.Д. мания преследования. Большое несчастие, если это так.

28 (15) ноября. 0°. Днем шел снег. В Музее продолжали прогулку по залам Музея, обозревая металлы. По телефону из Главнауки ходил в Мосторг на Кузнецком мосту для экспертизы изделий из серебра, назначенных за границу; все изделия (ложки чайные, солонки, ковши и т.д.) новейшего кустарного производства, были мною разрешены к вывозу за границу. Получил предпоследнее жалованье из Академии истории материальной культуры; ходил за ним в бывший Румянцевский музей. Вернулся в Музей в 2 ½ часа, застал конец заседания по реэкспозиции музейных собраний. К 7 ч. отправился по приглашению во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС); помещается в прекрасном особняке Рябушинских на Малой Никитской. В председатели собрания был избран Н.И. Новосадский, в секретари К.Э. Гриневич. Главный предмет заседания было предложение немцев издать на свой счет по-немецки и по-русски все экспедиции по раскопкам в России за 12 лет существования Республики. Присутствовало человек 20 и между ними Кипарисов, на днях прочитавший возмутительный доклад в Цекубу об Академии наук. В 9 ч. заседание кончилось.

29 (16) ноября. –2°. Сегодня мой свободный день вместо завтрашнего. Топил печь. В 1 час поехал в Оружейную палату, но, к великой досаде, захватил по ошибке не «впуск» в Кремль, а другую карточку; должен был идти в Музей, откуда протелефонил Клейну, чтобы он пришел с рукописью Мацулевича, через полчаса он принес ее, и мы отправились в типографию ВЦИКа в Ветошном ряду, куда она переведена из Кремля; в типографии посчитали количество строк и проч.; по их словам, набору текста будет 3 ½ листа, да для рисунков в тексте ½ листа, всего 4 листа; после получения из Гублита руко-

писи, отдадим в эту типографию. По-видимому, типография богата и персоналом и машинами, обещали в 1 месяц все исполнить. Из типографии зашел в булочную в рядах, купил 600 граммов сухарей и проехал на Арбат к Танюше, но ее не застал, посидел минут 10 с детьми и уехал домой. По словам Клейна, Д.Д. будет уволен от административных обязанностей в Оружейной палате, останется научным сотрудником; непартийные: Клейн, Сухов, Померанцев – будут якобы уволены; из Главнауки будет удален С.П. Григоров. В Оружейную палату назначено новое лицо по фамилии Каспарьян[64] (или вроде этого). Чудов монастырь, т.е. старый храм, будет снесен.

30 (17) ноября. –4°. В 12 ч. в Музее было библиотечное заседание, говорили о подсобных библиотеках, о выписке журналов, книг и т.п., в 2 ч. кончилось, началось новое у Милонова о реорганизации экспозиции. После 3-х поехал к О.И. Поповой, куда пришел А.Е. Грузинский, обедали, беседовали на разные темы: о литературе, об издании Толстого и т.д.; А.Е. очень простой, милый и интересный собеседник, с ним приятно было говорить; ушел в 9 ½ ч. Лёля пишет из Петербурга, что получила приглашение играть на сцене в Гдове 3 месяца по 100 р. в месяц, куда уезжает 1 декабря.

Декабрь 1929 г.

1 декабря (18 ноября). –4°. Воскресенье. Докончил разбор монет Василия Дмитриевича Московского, выделили дублеты и стертые экземпляры. Поехал домой вместе с Л.В. обедать; пришла В.Д. Бакланова, сидела с нами, но не обедала.

2 декабря (19 ноября). 0°. Выделял из всех коллекций монеты Василия Темного. После 3-х ходил с Л.В. в ряды (Гум), купил сухарей и клюквы. Заходил в контору типографии «Academia» (Никольская, д. 10, угол Черкасского переулка) и заявил, что при корректуре «Словаря» Троицкого мне не доставлен оригинал, обещали его выписать из Ленинграда, где находится типография. С трудом доехал с Лубянской площади в трамвае: такая масса ехала публики, в толпе вышибли клюкву из рук, которая рассыпалась. Вечером пришла внучка Наташа, получавшая место статистика в техническом училище.

3 декабря (20 ноября). 0°. В нашей комнате в Музее пропала брошка из раковины, недавно поступившая через ГПУ от Вишневских, вещь дешевая; дня два искали ее, но напрасно; решился сегодня сообщить об этом Лепешинскому, который пришел в комнату и решил составить акт о пропаже, а через комнату запретил проходить посторонним. Во 2-м часу в заседании у Милонова сообщил о металлах в Музее, кончая эпохой феодализма (до XV столетия); прочел прескверно, т. к. ограничен был 15-ю минутами. Вечером я отправился к Сосновским, сидел долго, до 1-го часа, закусывали, пили красное вино.

4 декабря (21 ноября). +1°. Праздник Введения во храм Богородицы. У меня свободный день. На службу не пойду. Неожиданно утром приехала из С.-Петербурга Лёля, в Гдов, кажется, ехать не хочет. Пришла Валя, сообщила, что ее дочь Таня разводится с мужем и выходит замуж за некоего Залесского. В 11 ½ ч. поехал в Кремль, захватил все рукописи для II тома «Сборника Оружейной палаты», который едва ли может скоро появиться. Придя в Ору-

жейную палату, узнал, что Д.Д. на заседании с новым директором, которому предстоит сдача вещей, сдавать их будет Клейн; я вызвал Клейна, вручил ему все статьи и попросил его устроить скорее сдачу статьи Мацулевича в Гублит. Из Оружейной палаты прошел в канцелярию Архангельского собора, где застал Н.Н. Померанцева; побеседовал с ним, узнал такие новости: Иван Иванович Новиков уволен; Чудов монастырь, т.е. храм Михаила Чуда, назначен к сломке; Николаевский дворец начали ломать. Третьего дня 2-е рабочих спрятались в одной из комнат Николаевского дворца и ночью, сломав дверь, проникли в храм, где мощи св. Алексея Митрополита; его гробница была запечатана и заперта; сломав крышку, они перерыли всю гробницу, ища драгоценностей, которых не было; череп святителя был выброшен. Н.Н. Померанцев, когда вошел, то увидал в гробнице много ваты, которою был наполнен костяк святителя; вату велел всю сжечь; тела, конечно, не сохранилось, были только кости, а у черепа был из воска подделан нос и часть затылка; в гробнице была найдена пелена XVI века. Кроме того, воры похитили раковину, пришитую на картон с надписью, что раковина привезена Муравьевым с Чермного моря с того места, где евреи переходили море, преследуемые фараоном. 67 гробниц еще не расставлены в подвале, который готов. С тяжелым чувством прошел мимо Чудова монастыря, посмотрел на сломку дворца. Спросил Померанцева, как он нашел Д.Д-ча, по его мнению, Д.Д. сошел с ума. Погода сырая, на улицах очень грязно. Из Кремля зашел к Танюше, сказал, что у Сосновского есть свободная квартира, а в квартире нуждается Владимир Федорович [Джунковский]; Танюша сходила за ним (он живет близко); он вскоре явился, я дал ему письмо к Сосновскому, к которому он обещал зайти. Вл. Фед. дал мне прочесть свое довольно обстоятельное объяснение по поводу тех неверных фактов о его архиве, сданном на хранение в Академию наук, о [чем] недавно читал Кипарисов в Цекубу. Свое объяснение он разослал в разные учреждения (в ЦИК, ГПУ и еще куда-то).

5 декабря (22 ноября). +2°. Занимался в Музее текущею работою. Повидимому, печатание статьи Мацулевича затянется: Клейн сказал мне, что новый директор Оружейной палаты (Михаил Иванович Карапетян) пожелал познакомиться с нею; какой результат знакомства будет – не знаю, так как понятия не имею о Карапетяне. После занятий заехал на ½ часа домой пообедать, и тотчас же вернулся в Музей, чтобы присутствовать на «чистке» Лепешинского, Бирзе и Кузьмина. Лепешинский сказал свою автобиографию, из которой узнаем, что он был сын «сельского попа», получил высшее образование в Петербургском университете, и затем рассказал обычный этап жизни революционера, сколько раз был арестован, сколько раз бежал и т.д.; об отрицательной стороне своей теперешней службы сказал, что он не на месте. Весь рассказ он вел без выкриков, без хвастовства, спокойным тоном, свойственным ему, который всегда обаятельно действует. Последнее его слово было покрыто громом рукоплесканий. Бирзе сообщила о своей довольно бесцветной жизни; ее речь была также покрыта аплодисментами. «Чистку» Кузьмина я не кончил; ему председатель (очень неглупый человек и прекрасно ведший заседание) задал много вопросов по политграмоте, на которые Кузьмин не отвечал. Ушел я в 9 ¼ ч., оставалась еще чистка какого-то Минина. Мне днем телефонировала Л.В., что чувствует себя больной, и завтра не придет.

6 декабря (23 ноября). +2°. До 1 часу в Музее разбирал в кладовой неописанные предметы; разобрал остатки археологического имущества Московского археологического общества, порядочный хлам. В 2 ч. поехал в Главнауку, куда вызвали по телефону; Вольтер спросил, на какую сумму отобрали вещей, сказал ему, что серебра и золота на 17 900 р. и дал ему список, а сколько отобрано остальных (фарфора, бронзы и т. п.) не знаю; вызвали Протасова, а я уехал. У Вольтера застал Лепешинского, который имел с ним разговор о Г.Л. Малицком, который, по-видимому, хочет уйти из Главнауки. Уходя, встретил Клейна, также вызванного по тому же вопросу, что и меня; Оружейная палата, кажется, отобрала на 1 миллион 200 тысяч.

7 декабря (24 ноября). +1°.Узнал от Клейна, что Дм. Дм. помещен в психиатрическую больницу около Донского монастыря. Как жаль мне его; вероятно, в Оружейную палату ему не придется поступить. Все почти время диктовал Нат. Ал-вне описание предметов, доставленных из бывшего Московского археологического общества. Л.В. пришла в Музей, хотя чувствует себя еще не вполне здоровой. А.А. Карзинкин последние дни не выходил: у него был сердечный припадок; сегодня пришел.

8 декабря (25 ноября). +2°. Воскресенье. Сегодня фотограф Исторического музея Александр Владимирович Хлебников снял меня дважды для контрольных входных карточек в Кремль. Начиная с 1 часу до 2 ½ ч. разбирал ящики с фотографиями, архивными материалами, рисунками и проч., присланные из Петербургского фонда; многое относится к семье Романовых. Прочитал 2 наброска Л.Н. Толстого для ненаписанного произведения из времен Петра Великого первых лет его правления (1-й набросок эпизод, когда пытали Шакловитого и 2-й из времени Азовского похода); хотя наброски не отделаны, но в обоих есть яркие, художественные места; жаль, что Толстой оставил мысль докончить это произведение. Хорошо написана А.Е. Грузинским вводная статья.

9 декабря (26 ноября). +2°. Сегодня мой свободный день. Утром съездил на Алексеевское кладбище, заплатил монахине 2 р.; памятник цел, но песок не посыпан, монахиня говорит, что они ходить не смеют, т. к. на них будет налог за платную работу (!); много ли эти бедные женщины получают. Прошел к другой могиле, но не нашел ее! Вероятно, эти звери срыли насыпь. Вернувшись с кладбища домой, выпил кофе с хлебом и поехал в Оружейную палату; переменил у кремлевского коменданта старый пропуск на другой по 1-е апреля с новой фотографией. Познакомился с новым директором, М.И. Карапетяном, армянином, плохо говорящим по-русски; я попросил его ускорить чтение статьи Мацулевича, ответил, что у него масса работы, и как только освободится – прочтет ее. Прошел в зал к М.М. Постниковой, поговорил с нею о ее муже, который все еще сидит в Бутырской тюрьме, свиданий не дают. Из Кремля отправился на квартиру Д. Д-ча, но Софьи Владиславовны не застал; ее прислуга рассказала, что здоровье Д. Д-ча, которого вчера видела С. В., хорошо, и она надеется, что скоро он выйдет из психиатрической больницы. Слышал, что в Соловках в концентрационном лагере, где 2 тысячи человек, был бунт, кажется, на почве голодания; бунт был усмирен расстрелом 200 человек, в числе которых был архиепископ Иларион[65]. К вечеру приходила Танюша с Гулей, посидела часа 2. Написал Мацулевичу о свидании с Карапетяном. В Кремле начали разбирать старый храм Чудова монастыря; подвалы

Архангельского собора готовы, начали через люк спускать плиты гробниц; вероятно, гробницы будут спущены, когда сделают снаружи вход в подвал.

10 декабря (27 ноября). +2°. Занимался текущей работой; с 1-го часу разбирал с М.В. Бабенчиковым в кладовой ящики с предметами из Петербургского фонда: большею частию портреты аристократов и царской фамилии. В 2 ½ ч. отправился в Настасьинский переулок, 3 в СФА (Советская филателистическая ассоциация) для экспертизы 2-х посылок с монетами за границу; монеты русские. В СФА служит А.В. Сосновский. К 7 ½ ч. поехал в ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) на заседание, которое было посвящено вопросу о статьях, имеющих печататься в издании ВОКСа; просили и меня по моей специальности.

11 декабря (28 ноября). +2°. Утром разбирал ящики, присланные из Петербургского фонда, в них, большею частию, были портреты. Часа в 2 началось заседание по реорганизации Музея под председательством Милонова; в 3 ч. было общее собрание, в котором Новицкий познакомил с последними событиями в Академии наук, руководствуясь речью Кипарисова, и призвал всех присоединиться к резолюции, вынесенной членами Академии наук; я не досидел заседания. Вечером заходила ненадолго С.В. Иванова, рассказала, как взяла Дм. Д-ча из больницы; находит, что его болезненное состояние не вполне восстановилось; просила меня заехать к ним. Вечером правил полученную наконец из издательства «Academia» корректуру «Словаря» Троицкого.

12 декабря (29 ноября). –2°. Узнал в Музее, что вчера умер от паралича сердца А.А. Фомин в клинике; около 2 недель назад ему вырезали грыжу, операцию перенес хорошо. Утром перенес из кладовой вещи, привезенные из Петербурга для регистрации, привел в порядок часть монет Василия Темного. Погода ветреная, шел сухой снег. В 6 ½ ч. поехал к Дм. Дм-чу; вид его меня поразил; просидел у них 2 ½ ч., все время он говорил, что его ожидает за те пропажи в Оружейной палате за время его директорства (какие-то 3 серебряные вещицы), он будет расстрелян и т.п.; при разговоре часто его подергивало, он хватался за колени или тер ноги; несколько раз взгляд его делался страшен. Я его всячески старался развлечь разговорами, на время как будто он отвлекался, но опять им овладевал бред. Ушел под тяжелым впечатлением. Очень жаль Софью Владиславовну, она вся измучилась.

13 декабря (30 ноября). –5°. Описывал новые поступления в Музей. Много говорил с Д.П. Суховым об отношении кремлевского начальства к вопросам реставрации зданий; по его словам, отношения очень трудные. Купил переяславских сельдей 4 штуки по 38 копеек и ½-литровую бутылку английской горькой водки. Вернулся из Грозного П.С. Рожицкий. Около 9 часов пришли Сосновские, пили, ели, ушли в 12 ½ ч.

14 (1) декабря. –8°. Топил печь, правил корректуру «Словаря» Троицкого. В 4 ч. пришла Л.В., обедала; после обеда сидела у меня, говорили о статье, которую ей предложила Бирзе написать популярно о монетах, но в марксистском духе; ушла в 7 ½ часа.

15 (2) декабря. –8°. Воскресенье. Весь день шел снег с сильным ветром. Записывал новые поступления. В 2 ч. началось заседание по реорганизации; по Милонову, придется превратить Музей в химическую лабораторию для исследования всех предметов, о научных исследованиях (как мы все в Музее

понимаем) не говорилось ни слова. Вечером правил корректуру «Словаря» Троицкого, но с большим трудом, благодаря очень мелкой печати.

16 (3) декабря. –3°. Регистрировал вещи из бывшего Археологического общества. Имел разговоры с разными посетителями, между прочим, с представителем Коммунистической академии, который устраивает музей. Исторический музей отделал целый ряд кладовых для помещения излишних вещей, которые и были разобраны разными отделами, между прочим, я указал, что необходимо помещение для хранения прибывающих в Музей ящиков с предметами музейного характера; по плану мне такую комнату отвели. Вечером заходила внучка Таня Кочурина; у нее сердечная драма: полюбила кого-то и мужа жаль оставлять; чем кончится – не знаю. Несколько дней у меня появилась боль в левом боку, особенно остро чувствую сегодня.

17 (4) декабря. –3°. Утром кончил корректуру, последний мастер Филиппов Семен. В Музее занимался текущими делами. Во 2-м часу пришел молодой еврей Синкин из Центрархива и попросил познакомить его с книгой поступлений, начиная с годов войны, я ему дал, и он тщательно просматривал записи, делая у себя заметки. После занятий зашел в издательство «Academia» и отдал подписной к печати 3-й лист «Словаря» и все гранки к верстке. Придя домой, нашел Надю, Митю, Лялю, сегодня приехавших из Сочи, и остальных: Соню, Валю, Таню Кочурину, пришедших встречать Надю. Утром часу в 8-м слышал выстрелы из пушек и пулеметную трескотню; днем узнал, что это были взрывы Николаевского дворца в Кремле. П.С. Рожицкий сегодня уехал в Ленинград.

18 (5) декабря. –2°. Утром ходил с Ал. Мерк. Емельяновым (начальник охраны Музея) осматривать вновь отстроенные кладовые и для наших нужд выбрал 2, из коих возьму, конечно, только одну. Немного занялся монетами Василия Темного. После занятий заходил к «Мюру», купил мармеладу к чаю, т.к. сахару дают ограниченное количество.

19 (6) декабря. –3°. Николин день. У меня свободный день. В 10 ч. отправился в Дорогомилово к Богоявлению; подходя от вокзала к храму, услышал звон, так отрадно его было услышать; благодаря гонению на церковь даже благовестить не стали, только редко ударяют. Храм был переполнен, служение было великолепное, пел хор Нестерова превосходно, всю службу простоял с радостным и молитвенным чувством; было много причастников, как детей, так и взрослых. Во время причастного стиха исполнялся 1-й псалом «Блажен муж». Молебна не стоял, вышел из церкви в 1 час без 5 минут. К вечеру пришла Танюша с Алешей и Гулей, сидели до 7 ч., дети очень резвились.

20 (7) декабря. –1°. Начал разбирать литые медные иконы в поисках за иконою Сисиния для Н.В. Малицкого, нашел пока с десяток, но без изображения Китовраса. Занялся монетами, проверил все монеты Василия Темного музейного собрания. Храм Михаила Чуда в Кремле взорван; накануне еще строили леса внутри для снятия со стен фресок XVI в., так с лесами и взорвали! Как это жестоко!

21 (8) декабря. –2°. Смотрел в отделе иконографии рисунки карандашом какого-то Чернова, штук 50–60, исполненные в конце 40-х гг. и начале 50-х, изображающие быт крестьян, чиновников, помещиков; рисунки без всякой претензии, это просто наброски с натуры, но сколько в них таланта. Продол-

жаю разбирать монеты Василия Темного из собрания Румянцевского музея. Ночью очень болел левый бок, днем стало легче.

22 (9) декабря. –4°. Воскресенье. Докончил разбор монет Василия Темного собрания Румянцевского музея, начал разбирать монеты того же князя собрания Уваровых. Ощущается недостаток сахара, который заменяем при питье чая конфектами. Заходила в Музей наша бывшая сотрудница в отделе популяризации, теперь служащая в Коммунальном музее (в здании Сухаревой башни) и просила зайти туда, управляющий музеем хочет посоветоваться со мной относительно некоторых отделов музея.

23 (10) декабря. –4°. Немного утром занялся монетами, с 11 до 3-х принимал вещи из Военно-исторического музея; разобрал 4 ящика с вещами церковного характера из полковых церквей с серебром, принадлежащим полкам; последние относятся к последнему пятидесятилетию и прекрасно характеризуют безвкусие этой эпохи. Из военных вещей интересен ящик с полковыми трубами, перевитыми георгиевскими лентами, данными за такие подвиги, как за взятие Берлина при Елизавете Петровне, за взятие Карса и т.д. Сколько крови было пролито, и к чему все это привело? Дома застал Надю с Мишей, которые обедали; живут пока в Тайнинке у Нины; в Мытищи переехать нельзя, там нет дров на продажу. Надюша ночевала у нас, спала с матерью.

24 (11) декабря. –7°. Сегодня у меня свободный день. Около 1 часа поехал в Коммунальный музей (в здании Сухаревой башни), куда меня приглашала Н.С. Воскресенская, ранее служившая у нас. Н.С. показала мне весь Музей, помещающийся в 3-х этажах; представлены все виды городского благоустройства в картинах, рисунках, фотографиях и т.д.: виды улиц, средств передвижения, начиная с извозчиков, кончая трамваями; освещение, мостовые, водопроводы, бойни, газовый завод и т.д.; много интересного, но многого не представлено, за неимением иллюстративного материала и самих памятников, например, масляных фонарей. Интересна очень архитектура комнат, сохранились поручи, высеченные в камне вдоль старых лестниц. Оттуда отправился обедать в Цекубу (дома стирают); народу было очень много, ждал, когда освободится место; сел с Н.И. Новосадским, видел много знакомых: Корша, Свирина (он служит в Третьяковской галерее); подошел один давнишний знакомый по имени Николай Васильевич, фамилию забыл, утомил меня болтовней об искусстве на марксистский лад; его болтовня ясно мне указала, что увлечение марксистскими взглядами есть только временное увлечение и едва ли будет прочно. Из Цекубу прошел до Садовой и на **Б** вернулся домой.

25 (12) декабря. –16°. Сегодня по новому стилю праздник Рождества Христова. Здесь большевики приняли всевозможные меры антирелигиозного характера, чтобы верующие не посещали богослужений и зажиганием ёлок не отмечали великого праздника. Почти все время в Музее принимал вещи из Военно-исторического музея. А.А. Карзинкина с семьей (их четверо) переселяют в Сокольники в одну комнату!

26 (13) декабря. –16°. Утром отвез в Цекубу анкету. Весь день принимал вещи Военно-исторического музея, интересных мало. Получил окончание набора «Словаря» Троицкого.

27 (14) декабря. –13°. Начиная с 12 ½ ч. Н.В. Власов стал принимать отобранные для Госторга вещи – серебро, табакерки и т.д.; все вещи свешаны.

Из СФА прислали посылку для экспертизы с монетами, разрешение на пропуск за границу я дал.

28 (15) декабря. –14°. Утром заходил Н.В. Власов из Госторга, смотрел мой секретер, но он для Госторга не подходящ; обратил внимание на обе рваные «Каналетто»; просил привезти в магазин. Весь день отбирали серебро для Госторга. Приносили на продажу Псалтирь с Новым Заветом печати Ивана Федорова 1580 г., но мы уже имеем 4 экземпляра. Чувствую недомогание.

29 (16) декабря. –9°. Воскресенье. По случаю недомогания на службу не пошел. Топил печь. Правил корректуру «Словаря». В 4 ч. приехала Л.В., обедала; к обеду пришла Надя. В 8-м часу все разошлись. Принял аспирина.

30 (17) декабря. –10°. Чувствую себя лучше. Пошел в Музей, где оба директора просили, чтоб я посидел дома до выздоровления. Все время Л.В., Власов и я провели в серебряной кладовой, оценивая отобранные для Госторга вещи. Написал Н.П. Лихачеву.

31 (18) декабря. –18°. Вчера оба директора просили меня остаться дома до тех пор, пока не поправлюсь; сегодня в Музей не пойду, хотя чувствую себя значительно лучше, хрипота еще не прошла. Утром сходил к своему брадобрею. Увязал обоих «Каналетто», за которыми хотел прислать Власов. Написал А.А. Ильину. Из Музея в 4 ч. приехала Л.В. с актами на передачу вещей из Госторга; обедала, в 7-м часу ушла. Завтра 1930-й год. Господи, помоги нам! Избавь родину нашу от тех ужасов, которые она переживает от тирании.

1930 год

Январь 1930 г.

1 января (19 декабря 1929 г.). –1°. В нынешнем году большевики отменили празднование Нового года, вероятно, из боязни, что в храмах будут, как всегда, отслужены молебствия. Утром Н.В. Власов прислал за моим так называемым «Каналетто». В Музее весь день пробыл с Л.В. и Власовым в серебряной кладовой, проверяли отобранные вещи, и затем Н.В. их запаковал в ящики, которые и были им увезены. Всего по нашей оценке на 26 тысяч с небольшим рублей. Неожиданно получил корректуру моей статьи из Академии наук. По моей просьбе Л.В. ездила в сберегательную кассу при Наркомпросе и взяла по моей книжке 50 р., осталось еще 22 р. Вечером прочитал корректуру статьи, набрана очень хорошо.

2 января (20 декабря). –6°. В Музее продержал еще раз корректуру статьи. С 1 часу до 2 ½ ч. принимал вещи Военно-исторического музея; попался сундук с новыми церковными облачениями. Таня Кочурина развелась с Василием Арсеньевичем и расписалась с Залесским.

3 января (21 декабря). –4°. Сегодня свободный день. Утром ездил в почтамт, послал в заказном пакете в издательство Академии наук корректуру и текст (85 к.), туда же перевел 2 р. на обложку оттисков. Из почтамта зашел в магазин, купил консервов (баклажан, кабачков, груш), 1 кило яблоков за 1 р. 10 копеек. Топил печь. В 4 ч. пришла Л.В., принесла жалованье, обедала. Во время обеда пришла А.Н. Никольская, приехавшая из Саратова более недели назад; Виктор Александрович все еще без занятий, живут продажей мебели; 2 раза была у Ивановых, нашла Д.Д. ужасным. После обеда пришла Надюша, на днях ожидает приезда Леонида Степановича из Сочи.

4 января (22 декабря). –4°. Утром чистил серебряную кладовую от мусора, пыли; после 12 принимал вещи из Военно-исторического музея (исключительно облачения).

5 января (23 декабря). +1°. Воскресенье. Разбирал литые иконы, ища изображение Китовраса для Н.В. Малицкого. Немного занялся удельными монетами. Получил письма: от детей из Парижа, А.А. Ильина, С.А. Жебелева и Н.В. Малицкого. Написал Ильину и Малицкому.

6 января (24 декабря). +1°. Рождественский сочельник. В Музее занимался текущей работой, принимал из Военно-исторического музея вещи, на этот раз полковое серебро, кое-какие коммеморативные предметы, вроде орденов великого князя Сергея Александровича, портсигара Государя, андреевской цепи Сергея Александровича и т.д. Получил от Н.П. Лихачева письмо; 2-й выпуск его «Материалов» выйдет еще нескоро.

7 января (25 декабря). –2°. Рождество Христово. С тоскою в сердце пошел в Музей, где стал отбирать из собрания Зубова монеты Василия Темного.

В 12 ч. пошел в библиотеку на библиотечное заседание; рассуждали, какие журналы выписать на 1930 г. В 1 ч. поехал в СФА, где экспертировал монеты для отправки за границу; туда же пришел из Главнауки В.А. Мамуровский; вернулся в 2 ½ ч. Дома нашел Надю с Митей и Мишей, пришла Нина, также П.Н. и Валя; обедали только мы, остальные обедали дома. Позднее пришла внучка Наташа; все разошлись в 9 ½ ч.

8 января (26 декабря). +2°. Сегодня у меня свободный от занятий день. В 10 ч. поехал в храм Богоявления в Дорогомилове, но поздней обедни не было, тотчас же я отправился к Большому Вознесению, где и стоял литургию; после обедни был молебен с многолетием и с провозглашением вечной памяти патриарху Тихону, архиепископу Илариону и Константину. У меня было сильное молитвенное настроение. Приехав в 1 ½ домой, пил с женой кофе. Получил от И.Е. Миннза поздравительное письмо, очень краткое, но много говорящее. Приехала Танюша с Гулей, к обеду пришла Л.В. и привезла мне 100 р., переданные ей Н.В. Власовым за оба мои «Каналетто». Обе ушли в 7 ½ ч. Получил от С.А. Жебелева открытое письмо, пишет, что условился с издательством Академии наук выслать мне сверстанную корректуру, которую я по просмотре пошлю для подписи к С.А. (спасибо ему за это).

9 января (27 декабря). 0°. Утром ходил в Оружейную палату, говорил с директором Оружейной палаты Карапетяном о рукописи Мацулевича; сказал, что он ее просмотрел, нашел длинноты, теперь будет ее внимательно читать. Д.Д. не застал, он уехал с Клейном в Главнауку. Прошел в канцелярию Архангельского собора, повидался с Д.П. Суховым и Н.Н. Померанцевым, которые пока еще не уволены. Проходя к Никольским воротам, был поражен видом, где стояли Вознесенский монастырь, храм Михаила Чуда и Николаевский дворец, на их местах пустыня. В Музее принялся за разбор зубовских монет времени Темного, но успел немного, отвлекали приходящие, между прочим, Николай Рудольфович Левинсон, явившийся изучать паникадила немецкого изделия с человеческими изображениями; с ним ходил в верхний этаж Музея, но там теперь паникадил не оказалось: они снесены в одну из кладовых. Хотел купить электрических лампочек, имеются только в 25 и 16 свечей, более сильных нет. Придя домой, нашел у нас Л.С. Зворыкина со всей семьей, он приехал из Сочи и проживет до 18 января. Сегодня ночью умерла от рака О.И. Зауер; хороший была человек.

10 января (28 декабря). –2°. До 12 ч. отбирал ненужные для Музея металлические предметы: церковные подсвечники, паникадила и т.п., все изделия XX в. фабрики Овчинникова[1], поступившие в Музей после конфискации его магазина. После 12-ти продолжал разбор монет Зубова.

11 января (29 декабря). –3°. Вчера разбил паралич А.Е. Грузинского; парализована правая сторона. Принимал от военно-исторического отдела оружие; в числе холодного оружия имеется сабля Александра II, поднесенная ему после взятия Плевны; она находилась на нем во время его убийства. После занятий зашел с Л.В. в Охотный ряд, купил яблоков по 1 р. 24 к. за кило.

12 января (30 декабря). –2°. Воскресенье. Был в редакции «Academia», отдал сверстанный конец «Словаря» Троицкого, но просил прислать еще раз. Из редакции прошел в «Дом боярина» на Варварку, смотрел, по просьбе В.Т. Бароновой, маленькое паникадильце XVII в. для их музея; паникадильце очень недурное. Встретил А.Н. Френева, сообщившего, что в Москву приехала

его тетка Варя Чуляева. В Музее разбирал зубовские монеты. После занятий зашел в Охотный ряд, купил бутылку красного вина за 1 р. 40 к. Здоровье А.Е. Грузинского не улучшилось, по мнению врачей, у него тромб в мозгу. Вечером приехала внучка Маша с Машей и Яльмаром; рассказывали, как посланник Урби устроил для них ёлку и всем раздал подарки, привезенные из Англии, куда ездила их дочь.

13 января (31 декабря). –3°. Встал около 9. Топил печь, сходил к брадобрею. Доживаем последний день (по старому стилю) ужасного года. Сколько потерь, сколько тяжелых нравственных переживаний пришлось испытать! На все воля Господня, но все-таки мы просим Господа облегчить нашу жизнь. Около 3-х поехал в магазин бывший Елисеева на Тверской; был поражен, как мало съедобного товара; купил 2 жестянки консервов баклажанной икры и ½ бутылки запеканки для встречи Нового года. Последний день года закончился печальною вестью: в 9 часов вечера ко мне пришла В.Т. Баронова и сказала, что Д.Д. Иванов пропал, уйдя из дому; К.В. Крашенинников, служащий в Наркоздраве, получил известие, что в морг привезено тело из Люберец Д.Д. Иванова, несомненно, это был погибший Д.Д., вероятно, бросившийся под поезд. Если это так, то да упокоит Господь душу его, а бедной Софье Владиславовне пошлет утешение. В 10 ч. пришел К.В. Крашенинников, сообщивший некоторые подробности о смерти Д.Д-ча: покойный вчера ушел из дому на службу, но в Оружейной палате его не было; сегодня только в 4 часа сообщили Крашенинникову из морга, что привезено тело Д.Д. Иванова, задавленного вчера поездом в Люберцах; К.В. поехал в морг, где увидел Д.Д-ча уже обнаженного на столе с раздробленной верхнею частью головы; из морга он проехал к Софье Владиславовне и сообщил ей подробности; думают похоронить его на Введенских горах.

14 (1) января 1930 г. 0°. Спал мало, встал в 4 ½ часа. В Музее почти никто не знал о смерти Д.Д-ча; я рассказал Матвееву все известные мне подробности. От 11 до 2 ½ принимал оружие и серебро из военно-исторического отдела. Много раз звонил в Оружейную палату, но телефон был занят, решился пойти и лично расспросить Клейна о дне похорон; по словам Клейна, разрешение еще не получено. В 6 ½ ч. поехал к Софье Владиславовне, застал там Клейна и человека 2–3 из Оружейной палаты, А.Н. Никольскую и одну даму. Софья Владиславовна была, как всегда, разговорчива; на мой вопрос, как себя чувствует, ответила: «Когда я вчера узнала, что Дмитрий неизлечим, я успокоилась, я не истеричка». Вскоре пришел К.В. Крашенинников, затем Кира Дмитриевна и Н.Н. Волконский, которые были на Введенских горах; купили могилу и организовали похороны; отпевать будут в храме свв. Петра и Павла в 10 ч., а в 1 ч. гражданская панихида. Я попросил С. Вл. дать мне последнюю статью Дм. Дм. о стеатитовой иконе св. Димитрия Солунского, она дала мне связку рукописей, между которыми я нашел статью.

15 (2) января. –3°. Приехав утром в Музей, вскоре отправился к литургии в церковь Петра и Павла (близ Немецкого кладбища); когда я вошел, шло отпевание, обедня была быстро окончена по желанию семьи; служили: священник, дьякон и причетник; народу было 10–15 человек; гроб был закрыт, так как тело было изуродовано. На меня напала тоска при виде всей обстановки; я не заметил на лицах близких ни одной слезинки. После отпевания гроб должен был быть отвезен до кладбища, но дроги не приехали;

Анна Николаевна Никольская, К.В. Крашенинников и я сели ждать, прождал до 12 ¼ ч. и уехал в Музей. После меня приехала Л.В., которая проводила тело до могилы; к погребению приехала вся Оружейная палата, из Главнауки Вольтер, Григоров и др.; Вольтер и Клейн говорили речи. Получил от Виктора Александровича Никольского письмо, привезенное его женой. Дома застал Елену Яковлевну Дьяченко, которая обедала. Вечером неожиданно приехали: двоюродная сестра (моя ровесница) Варя со своим племянником Александром Николаевичем Френевым (мой двоюродный племянник), сидели часа 2, пили чай, вспоминали прошлое; А.Н. очень неглупый интересный человек.

16 (3) января. –1°. Из Музея ходил с К.В. Сивковым на колокольню храма Грузинской Божией Матери в Никитниках для осмотра колоколов, что сделать не удалось за неимением лестницы. С колокольни прошли в храм; это типичный образец архитектуры, росписи икон для второй половины XVII в.; все исполнено очень талантливо, оригинально, но я не поклонник икон Ушакова. В Музее занимался текущим делом, перенес с Л.В. в серебряную кладовую кое-какое серебро, и сделали краткую опись принесенных туда из бывшего религиозного отдела икон в серебряных окладах. К вечеру очень устал, пообедав, уснул сидя в кресле часа 2, в это время приехала Надя, посидел с нею с ½ часа; ищут квартиру; Л.С. еще не знает, куда поедет на работу.

17 (4) января. +3°. Занимался текущей работой. С Владимиром Константиновичем Марковым и Н.И. Соболевым[2] проверяли списки сданных предметов, Вл. К. вписывал у предметов пропущенные номера. После занятий был в Охотном ряду, хотел купить яблоков, нашел с трудом, продают не более 1-го кило.

18 (5) января. –2°. Сегодня у меня свободный день. В 10 ч. поехал в Госторг (Тверская, 26) взглянуть на серебряную кружку с монограммой Ǽ (В) в клейме; Н.В. Власова не застал, показывал другой и О.Н. Бубнова; кружка интересная. Кроме кружки, смотрел на мощевик из Вифании XVII в., и на стаканчик розового стекла с изображением локомотива и вагона, вероятно, Царскосельской железной дороги. Все эти вещи желательно было бы приобрести в Музей. О.Н. рассказывала мне, что новый начальник Главнауки Луппол при ней ругал администрацию Исторического музея. Из Госторга прошел в винный магазин на Петровке, купил красного вина. Написал В.А. Никольскому о смерти Дм. Дм-ча.

19 (6) января. –3°. Воскресенье. Крещение Господне. Клейн сказал мне, что Д.Д. бросился между вагонами под поезд. В Оружейной палате вскрыли 2 ящика в его письменном столе, где найдены 2 записки; в одной сказано, что он не воровал, не торговал вещами, не уносил, а в другой говорит о сабле, у которой недостает ножен, и о митре, в которой не достает бриллианта; об этих предметах он при мне упоминал в разговоре. О.И. Попова сказала мне, что здоровье А.Е. Грузинского в одном положении, по ее словам, он будто бы спрашивал обо мне. Приходил Н.В. Власов из Госторга; я ему сказал, что вещи вчера видел, и если он их принесет, мы их покажем директору, который может согласиться на мену. Н.В. поехал за ними и привез следующие: 1) кружку с клеймом Ǽ (В); 2) кружку с гербом Ушакова; 3) икону-мощевик; 4) стеклянный стакан с изображением локомотива и вагона первой русской

железной дороги и 5) картину, шитую гарусом[1*], «Вид Поповки 1792 г.». Вечером была А.Н. Никольская, сказала, что завтра в храме Неопалимой Купины будет отслужена заупокойная литургия по Дм. Д-че.

20 (7) января. –5°. Утром пошел с Л.В. в серебряную кладовую, где наметили, что предложить Госторгу в обмен на их вещи. Немного занимался монетами Василия Темного собрания Зубова. После занятий ходил в Охотный ряд, купил колбасы на 96 копеек. Получил от Мацулевича письмо, он поражен гибелью Д.Д-ча, просит сообщить подробности. Вечером заходил Л.С. Зворыкин; ему предлагают работу в Златоусте по 800 р. в месяц.

21 (8) января. –2°. В Музее был занят текущим делом; после 3-х было заседание, посвященное Ленину; Лепешинский говорил речь; все время я был занят своими мыслями и почти ничего не слыхал. Вечером у Лёли был ее знакомый К.Я. Малютин, любитель голубей, кур; рассказывал о почтовых голубях; из его рассказа я уяснил себе принцип пересылки почты с голубями.

22 (9) января. 0°. Сегодня большевики празднуют избиение рабочих, занятий нет. Топил печь. Написал Л.А. Мацулевичу письмо о смерти Д.Д-ча. После обеда пришла Танюша, затем М.Н. Гусева, вели оживленный разговор. Брат Мани Борис (умалишенный) умер в ноябре. Вечером пришел К.В. Крашенинников, самый интересный человек из моих знакомых; главною темою нашей беседы был Д.Д. Иванов и его супруга; в оценке последней я с ним не согласен (я отношусь к ней отрицательно). Интересные мысли он высказывал относительно латинского перевода Библии, который он считает совершенным. Я ему сказал, что читать всю Библию сплошь немыслимо, историческая часть устарела и неверна; в Ветхом завете нужно читать только пророческие книги, псалмы, Иова.

23 (10) января. –2°. Вчера умер А.Е. Грузинский. Утром ходил с К.В. Сивковым в собор Василия Блаженного, оттуда в храм Грузинской Божией Матери, где отбирали для сплава подсвечники и другие церковные предметы – все позднейшего изделия, несколько вещей оставил. Интересна усыпальница 2 храмоздателей церкви Никитниковых; в ней сохранились 2 надгробные плиты. В Музее было заседание сотрудников Музея по выработке плана наших музейных работ.

24 (11) января. –3°. Получил свою статью в сверстанном виде. С 1 часу до 3-х шло заседание о реорганизации Музея; председательствовал Милонов, говорил много для меня непонятного. Лепешинский сказал несколько слов, в которых, на мой взгляд, заметно было, что он ничего не понял из сказанного Милоновым. После 3-х отправился в Цекубу обедать, оттуда заехал на час к Танюше, поздравил ее с наступающим днем Ангела, попил с детками чаю; здоровье Танюши неважно, жалуется на боль в груди, вид ее болезненный. Ек.Ал. Бальмонт больна воспалением прямой кишки. Сегодня была кремация тела А.Е. Грузинского. Вечером правил корректуру статьи.

25 (12) января. 0°. День памяти матери, царство ей небесное. Утром поехал в почтамт, послал корректуру издательству Академии наук (55 к.). В Музее принимал серебро из Военно-исторического музея; почти все сплошь безвкусные предметы. На завтра назначено погребение урны с

[1*] Гарус – род грубой шерстяной пряжи или ткани.

прахом А.Е. Грузинского на Ваганьковском кладбище; погребение А.Е-ча как атеиста, я слышал, будет гражданское, но не церковное.

26 (13) января. –1°. Воскресенье. Сегодня мой выходной день вместо пятницы. Весь день, до 4-х часов, почти ничего не делал. Утром рано пришла О.И. Попова, сидела с час, рассказывала об А.Е. Грузинском, приглашала к 4 ч. на погребение урны с прахом на Ваганьковское кладбище, но я отказался, сославшись на нездоровье. В 4 ч. пришла Л.В. из Музея к обеду, принесла сверстанные последние листы «Словаря» Троицкого, но в 8 ч. пришла Софья Владиславовна Иванова, все время говорили о покойном Д.Д-че; в 10 ч. ушла.

27 (14) января. –1°. Весь день принимал серебро Военно-исторического музея. Получил от Л.А. Мацулевича письмо, посылает мне оттиск на бумаге свинцовой печати, найденной Милеевым в 1910 г. на Митрополичьей усадьбе (территория Софийского собора); печать издана Лихачевым, а родовой знак мною переиздан под № 1 на табличке моей статьи. Вечером заходила М.Н. Гусева, просила прийти к ней в 1-й свободный день; обещал сговориться по телефону.

28 (15) января. –1°. Решили перенести серебро из Военно-исторического музея в серебряную кладовую; ходил с Л.В., и выбрали места, где будем ставить принимаемые вещи. После 12-ти Л.В., В.А. Ермолов[3], я и служитель часть предметов перенесли. В 2 ч. Милонов вел семинарий в марксистско-философском вкусе; я ничего не понял, как можно применить его к новой экспозиции. Получил от В.А. Никольского письмо. К вечеру Анюта истопила печь. Была Надя, я ей отдал квитанцию на получение посылки из Нью-Йорка от внучки Лёли, платить пошлины 10 р. за какао и кофе не могу по своему бюджету. Заходил в Музей В.И. Троицкий, был в Симоновом монастыре, на месте собора осталась кучка мусора[4]. Какие дикие звери большевики!

29 (16) января. –12°. Сегодня у меня свободный день. Правил корректуру «Словаря» Троицкого. В 11 ½ ч. поехал на Немецкое кладбище, куда приехали вскоре Софья Владиславовна, Анна Николаевна Никольская и знакомая Ивановых Петровская. Вчетвером отправились на могилу Д.Д., я купил за 1 р. венок из еловых ветвей, перевязанный белой лентой, С.Вл. другой венок, побольше, за 3 р.; дорогою встретили православного священника, который и пришел к могиле и отслужил панихиду; этому несчастному священнику я дал 1 р. и С.В. 1 р.; на могиле Д.Д. крест с датами рождения и смерти; через 2–3 могилы находится могила матери К.В. Крашенинникова с прекрасным памятником. С грустными чувством и мыслями стоял у могилы, думал о Д.Д-че, погибшем благодаря преступному невниманию близких домашних и сослуживцев его. Да упокоит Господь его душу. Кладбище производит хорошее впечатление, все памятники уцелели от варварства большевиков, которые чуяли, что за многие могилы заступятся в Западной Европе, а за нас, несчастных, заступиться некому. Вернувшись домой, застал Валю и Надю; Надя получила посылку, от которой я отказался, из Нью-Йорка; в ней был чай, сахар, кофе, какао, прованское масло и 1 фунт муки (!). Живущие на Западе не подозревают, в каком бедственном положении мы живем.

30 (17) января. –10°. Идет снег. Утром докончил и подписал к печати последние листы 32-го выпуска «Словаря» Троицкого; работа по корректированию была утомительная. Утром ходил продавать Лёлину цепочку;

идя по Никитской, был поражен: Никитский монастырь ломается![5] Из Музея утром ходил в Оружейную палату, отнес корректуру «Словаря» Троицкого. Принимал коллекции Военно-исторического музея. К обеду пришел Сережа Орешников, пригласил к себе в будущую пятницу на новоселье. Пришла дочь А.А. Спицына – О.А. Мамадышская, приезжавшая в Москву с экскурсией, которой давала объяснения в здешних художественных галереях. От нее узнал, что С.Ф. Платонов арестован, также В.Г. Дружинин[6].

31 (18) января. –18°. Почти весь день принимал вещи из Военно-исторического музея. После 3-х пошел с Л.В. в Госторг узнать о результате обмена; Власов сказал, что его начальство не находит возможным променять за одну нашу кружку принадлежащие им 2 кружки и 2 незначительных предмета; тогда я предложил прибавить к нашей еще что-нибудь; обещал зайти. На **А** уехал домой. Мороз хоть и порядочный, но благодаря отсутствию ветра переносится легко.

Февраль 1930 г.

1 февраля (19 января). –18°. Принимал вещи из Военно-исторического музея – ордена, нагрудные знаки и т.п. Приехал П.И. Нерадовский, расспросил его о краже из Русского музея, по его словам, украли немного: подносные блюда, медали. Приходили из Госторга Власов и Эйпштейн, будут отбирать для заграницы предметы из Музея. Приехал из Петербурга П.С. Рожицкий.

2 февраля (20 января). –9°. Воскресенье. Слышал, что церковь Грузинской Божией Матери будут ломать; за сломку стоят коммунисты Исторического музея, кроме Лепешинского. Был Н.В. Власов, с ним договорился об обмене 2-х кружек Госторга; к нашей кружке прибавил серебряную миску. С ним намечали бронзу для иностранцев. Бедная Русь, большевики ее совсем разорили. К 7 ч. поехал к Софье Владиславовне, где встретился с А.Н. Никольской, пили чай, после я пересмотрел все статьи Д.Д-ча (рукописные), их немного, ненапечатанных, думается, 2–3, я их отобрал и, с разрешения С.В-ны, передал Анне Николаевне, которая их отвезет мужу В.А-чу. С.В. продает оставшиеся книги, между которыми «Опись Оружейной палаты» с многочисленными заметками покойного Д.Д-ча. Я упросил не продавать «Опись», а подарить Историческому музею, она согласилась и обещала привезти. Выпало еще снегу.

3 февраля (21 января). –12°. Сегодня мой свободный день. Написал В.А. Никольскому о рукописях Д.Д. Иванова. Топил печь. Съездил в Охотный ряд, купил икры. Товару всюду очень мало.

4 февраля (22 января). –17°. Придя в Музей, узнал, что в Петербурге арестован Тарле[7]; с сидящим в тюрьме С.Ф. Платоновым сделался удар. Получил от Бауера письмо с такими известиями: Эрмитаж нам высылает рубль императора Константина[8], А.А. Ильин при падении сломал ребро, теперь поправляется, и что Н.П. Лихачев арестован. Заходила Людмила Борисовна, жена А.Н. Северцова, и сообщила, что Н.А. Бакланова арестована, а дома у нее произведен обыск. В Музее отбирали для заграницы миниатюры. В 4-м часу приехала Л.В., обедали, ели блины и пили чай в моей комнате. Лепешинский мне сказал, что церковь Грузинской Божией Матери ломать не будут,

иконы передадут в Третьяковскую галерею, а в церкви устроят реставрационную мастерскую.

5 февраля (23 января). –18°. Занимался монетами Зубова. Вечером читаю «Мухаммеданскую нумизматику» Савельева; основательный труд[9]. С трудом читаю «Бесы» Достоевского.

6 февраля (24 января). –12°. Сегодня день нашей свадьбы. Сколько пережито за эти долгие годы! В Музее поработал над монетами Василия Темного. Часа в 2 пришел Л.П. Харко из Музея изящных искусств и намечал монеты из дублетов южно-русских монет для их собрания.

7 февраля (25 января). –4°. Докончил разбор монет Василия Темного. Сменял 2 предмета музейских: шведскую кружку и серебряную миску с крышкой, украшенной фигурой оленя, на 2 кружки (конца XVII в. с клеймом Æ (В) и другую, с гербом Ушакова), стеклянный стакан с изображением 1-й железной дороги в России и картину, шитую гарусом, с видом села Попова 1792 г., у Госторга. После 3-х поехал к Сереже Орешникову, обедал у них; Юзя состряпала прекрасный обед: закуска – икра и селедка к водке, бульон с прекрасными пирожками, глухарь и компот; пили скверный портвейн, затем чай. Обедал Свенторжицкий; в 8 ч. ушел.

8 февраля (26 января). –12°. Сегодня мой свободный день. Был у брадобрея. Топил печь. Докончил «Бесов» Достоевского. Ни одного здорового типа; ни одного произведения я не читал, как это: все время чувствовал отвращение и к изображенным типам и даже к содержанию. В 2 ч. пришли С.Вл. Иванова и Анна Николаевна Никольская; первая принесла портреты свои, мужа, детей, которые показывала жене; много было бессодержательного разговора. Пришла Надюша, вскоре Митя; перед обедом С.В. и А.Н. ушли, Надя с Митей обедали.

9 февраля (27 января). –14°. Воскресенье. Прочитал в 8-м выпуске «Известий Академии наук» за 1929 г. интересный очерк С.П. Розанова[10] «Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109)», в котором автор реабилитировал поруганный немецкими историками облик жены Генриха IV Евпраксии-Адельгейды, дочери великого князя киевского Всеволода. Автор приподнял завесу с быта, в котором пришлось жить нечастной русской княжне, отданной замуж в Германию. Вписывал новые приобретения. Слышал, что С.Ф. Платонова вышлют за границу. Думают, Лихачева и Тарле. Было заседание с Милоновым о плановой работе в Музее; я вынес самое смутное понятие. Вчера был большой пожар, горела неоконченная постройка в 11 этажей здания для квартир членов правительства. Кроме этого было еще 2 пожара, о которых в газетах не пишут. После обеда поехал к Е.П. Богословской, чтобы спросить ее, как помочь пищею Наталье Апполинарьевне; к сожалению, не застал ее, оставил записку.

10 февраля (28 января). –20° или более, пишу по словам других, мое окно замерзло. В Музее до 12 ½ ч. занимался текущими делами, с 12 ½ до 2 ½ принимал серебро Военно-исторического музея. Слышал, что Наталью Апполинарьевну перевели в Бутырскую тюрьму; за что ее арестовали – никто не знает. Л.В. вчера упала, при падении вытянула жилу на ноге; сегодня пришла с палкой. Вечером заходил А.А., чувствует себя неважно, недели 2 назад подал прошение в Музее об увольнении; с 1 февраля он уволен. Без меня заходила Валя, чувствует себя плохо.

11 февраля (29 января). –. Окно замерзло. Идя в Музей, заметил на термометре у Думы –19°. В Музее почти все время принимал и вешал серебро из бывшего Военно-исторического музея. Получил от А.А. Ильина письмо, он поправляется, его переселяют из бывшего собственного дома. Какой-то женский голос мне телефонировал, что Л.В. больна, в Музей не придет. Вечером заходил Митя со знакомой девушкой (фамилию ее забыл), внучатой племянницей известного гравера Иордана[11].

12 февраля (30 января). Память отца моего, царство ему небесное. Окно в комнате замерзло. Термометр около Думы утром показывал –19 R°. В Музее весь день был один. Вписывал купленные вещи, писал счета, акты, занимался текущим делом. Получил от Л.В. записку, пишет, что лучше, надеется завтра прийти, просит меня не приходить; ответил ей, что приду, и просил ее от имени Бирзе не приходить. Анюта истопила печь.

13 февраля (31 января). Сегодня мой свободный день, но решил его пропустить, т.к. в моем отделении будет слишком мало народа. Выпал снег. Температура утром –6°, в 4 часа +1°. В Музей явилась Л.В., сказав, что ее ноге лучше. Весь день принимал и вешал серебро Военно-исторического музея. Дома застал Аллу Степановну Сосновскую, принесшую конфекты на 1 р. 40 к.

14 (1) февраля. +1°. Всю ночь чувствовал недомогание. В Музее диктовал Н. А-не описание миниатюр, присланных из Музея изящных искусств; миниатюры очень плохие. Заходил Ю.А. Бахрушин, приносил для определения клейм на ложке 1573 г.; у Розенберга не нашел. Приглашал из Оружейной палаты Ф.Я. Мишукова, чтобы посоветоваться с ним о технике серебряного дела. Получил от И.Е. Миннза его труд «Small bronzes from N. Asia and Van». Без меня заходила Валя, ее здоровье стало лучше.

15 (2) февраля. +1°. Сретенье Господне. Решил остаться дома. Прочитал мемуары Вальца[12] «65 лет в театре», машиниста и декоратора Большого театра, довольно забавны. Топил печь. Боль в правой руке и слабость продолжаются. После Музея приехала Л.В., обедала, в 7 ½ ч. ушла.

16 (3) февраля. –2°. Воскресенье. Продолжал разбирать монеты после Василия Темного. Сегодня в «Известиях» напечатано интервью с заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием и его Синодом, полное самой наглой лжи; хорошо наше духовенство, подписавшее интервью[13].

17 (4) февраля. –3°. В Музее занимался скучнейшим делом: по просьбе Л.В. ставил к ее описи серебра порядковые номера! Заходил В.Ф. Джунковский и просил устроить его, т.е. допустить заниматься в архиве Музея бумагами Юнге; на его заявление Лепешинский ответил, что пусть он доставит разрешение Главнауки, о чем я сообщил Вл. Ф-чу и советовал ему сейчас ехать к Вольтеру. В.Ф. сказал мне, [что] в Румянцевском музее не допустили к занятиям, ответ хотели дать через 2 дня. После занятий ездил в Грузины[2*] к одной еврейке смотреть железный стол тульской работы 1745 г., прождал ее целый час и уехал. Получил из Академии наук 2 отчета за 1929 г., которые просмотрел, сидя у еврейки, надеясь найти какие-нибудь подробности о прошлогодних событиях в АН, но ничего не нашел. В 7 ч. отправился к Сосновским, которые обильно угощали яствами и питием; ушел от них в 12 ч. 30 м.

[2*] Имеется в виду местность на территории Пресни в районе Большой и Малой Грузинских улиц.

18 (5) февраля. –7°. Сегодня у меня свободный день. В 12-м часу поехал на Никольскую в закрывающийся магазин «Парча и утварь» посмотреть, по их приглашению, вещи, пригодные Музею; я отобрал стеклянный крест, Евангелие в современном деревянном резном переплете и несколько старопечатных книг, о чем написал Р.С. Раките записку, которую отнесут из магазина. Прошел с Никольской в Охотный ряд, хотел купить меда, но его не оказалось; также исчезла колбаса; купил жестянку килек. У «Мюра» купил 2 куска мыла и флакон цветочного одеколона Лёле. Сегодняшние «Известия» полны сообщениями об антисоветской травле в Европе; знаменитое «интервью», по-видимому, раскусили на Западе, чему я очень рад. Были Валя с дочерью и внуком; здоровье Валечки лучше, хотя вид ее неважен. У Лотушки распухла и покраснела нога.

19 (6) февраля. –12°. Неожиданно утром пришел в Музей Л.А. Мацулевич; он командирован в бригаду, направляющуюся на юг России для сбора вещей за границу. Рассказал мне, что арестованные Лихачев, Тарле, Платонов не выпущены; за что взят Лихачев, не знает, думает, что в связи с арестом Платонова, которого он и многие обвиняют в сокрытии документов, от чего пострадало столько народа. Под угрозой увольнения из Эрмитажа находится А.А. Ильин; это было бы ужасно. Мацулевич получил от Карапетяна письмо: печатать статью он разрешает, но просит вместо 4 ½ листов сократить до 3-х. Докончил ставить порядковые номера на описи серебра в кладовой; кажется, 4200 с чем-то номеров. Просидел с час на заседании у Милонова, которое мне осталось чуждым.

20 (7) февраля. –3°. Вскрывал в кладовой ящики. Вешал принятые от Военно-исторического музея ордена. Жена попросила пообедать в столовой, так как не надеялась достать продуктов; я обедал в Цекубу (манный суп и баранина, довольно мягкая – за 95 к.); оттуда проехал к Танюше, которую давно не видал, не приходила по болезни Гули; застал милую девочку в постели, рассказала мне свою болезнь, которую назвала каттаром[3*]; я ей принес мандарин; велела положить на полку и сказала, что она на диете и съест его через 3 дня. Танюша говорит, что очень устает от работы. Какая у нее тяжелая жизнь! Домой вернулся к 7 часам, застал Наташу Акопиан. У Лотушки утром, когда я еще не уходил, был небольшой припадок сердечный, теперь чувствует себя хорошо. Встретил на Остоженке О.Н. Чижову с сыном; по внешнему виду ей плохо живется; сын ее старший из Соловков переведен в Акмолинск.

21 (8) февраля. 0°. Составлял подробную анкету. Принимал ордена из Военно-исторического музея. После 3-х ездил в Грузины смотреть стол из железа и меди; работа очень хорошая; на доске, очень тяжелой железной, сделаны рисунки, надписи; на ножках прочел: «Делали Туляне завотчики Масаловы 1745 г.». Владелица просит 500 р., я ей предложил 150 р. Дома нашел внучку Нину, которая обедала; она беременна, родит в июле.

22 (9) февраля. –2°. В Историческом музее событие, его обокрали. Воры залезли в окно этажа, выходящего к Иверским воротам, и запирающегося железными ставнями. Вор поднялся к верхней части окна, не прикрытой ставнями, разбил его, влез и отворил ставню. Разбили несколько витрин, украли 23 серебряные рюмки (24 обронили) из прибора для вина графа Ростопчина,

[3*] Правильно: катар (устар. название гастрита).

из той же витрины взяли сервиз Empire, затем планшету с перстнями, веера, и, кажется, некоторые миниатюры; что еще похищено – не знаю, так как протокола не читал. На всех музейских этот факт произвел тяжелое впечатление. Из закрытого магазина «Парча и утварь» на Никольской, где я был, привезены отобранные предметы и книги богослужебного характера.

23 (10) февраля. –5°. Воскресенье и мой свободный день. День Ангела Валечки. Масляница. Топил печь. Поработал над планом по вопросу о древнейших русских монетах. К обеду пришли: Танюша и Л.В. Л.В. рассказала, что похищенное почти всё найдено, и вор пойман. В 8-м часу Танюша и Л.В. ушли. В 6 ч. пришел С.С. Бровкин, побеседовал с ним до 9 ч.; от меня уехал в Царицыно, где живет с семьей.

24 (11) февраля. –2°. День рождения Танюши. Придя в Музей утром, встретил Л.И. Воронову, которая видела О.Н. Бубнову, жену наркома, сообщившую ей, что он уволил все правление Исторического музея, сказав: «Нам старых калош не нужно». На самом деле уходит, кажется, только Лепешинский; будет служить в Коммунистической академии. Начиная с 12 ½ ч. пошел с Нат. Ал. в кладовую, где вскрыли 31 ящик с вещами, присланными из Московского фонда. Заходил А.В. Сосновский с Дуниным-Борковским[14]; последний просил меня редактировать нумизматический отдел «Советского коллекционера»; я согласился; хотели устроить заседание недели через 2. Сосновский принес из СФА в дар Музею золотую монету Владимира, экземпляр хорошей сохранности, подлинный, но считаемый в СФА за «сомнительный».

25 (12) февраля. –5°. Продолжали вскрывать ящики из фонда. Воровство в Музее произвело панику: сегодня в серебряную кладовую сдано значительное количество золотых и серебряных вещей, выставленных в открытых залах. Приносили на продажу «Указ» на открытие в Вербилках фарфоровой фабрики Гарднера в Вербилках[15]; мы оценили его в 50 р., но владелец взял его обратно.

26 (13) февраля. –4°. Все время с небольшим перерывом принимал в серебряной кладовой вещи из Военно-исторического музея (иконы, церковные сосуды, оружие, несколько Евангелий, ордена). Видел Лепешинского, который сказал мне, что переходит в Коммунистическую академию. К обеду приехала Надюша. Вечером писал кое-что для статьи.

27 (14) февраля. –4°. Л.В. и я проверяли библиотеку нашего отдела. Какой-то человек, пожелавший остаться неизвестным, подарил Музею варшавское знамя с отрезанным низом. Ходят слухи, что Матвеев уволен, его спросили, ответил, что пока еще не уволен. Вместо Лепешинского будто бы назначат Каменеву. Из Петербурга вернулся Клейн, говорил, что из Эрмитажа взято на 28 миллионов рублей, в числе картин взято «Св. Семейство» Рафаэля; вся гатчинская галерея продана и т.д. и т.д. Около 9 ч. пришли Сосновские, сидели до 1 часу, пили, ели.

28 (15) февраля. –5°. Заходил А.А. Карзинкин на короткое время. Дал ему для передачи одному больному мальчику 6 изданий по древней нумизматике. Топил печь. По приглашению Сосновских к 5 часам отправился к ним на блины, которые были очень вкусны, но икры найти не могли, поэтому ели с кильками; вместо сметаны они ели кефир, который по вкусу заменял сметану; я не решился его есть; в 7 ¼ ч. я уехал и, приехав домой, лег спать.

Март 1930 г.

1 марта (16 февраля). –4°. Немного занялся монетами; проверял с Н.А. в кладовой присланные из Ялты старые геодезические предметы, подзорные трубы и т.п.; вместо Лепешинского будто бы назначат Лиэ из Главнауки.

2 марта (17 февраля). +1°. Воскресенье (Прощеное воскресенье). Занимался текущим делом. Принимал серебро из Военно-исторического музея. Клейн говорил, что иностранцы от многих вещей отказываются из-за высокой цены, например, за картину Рафаэля «Св. Семейство» большевики назначили 2 ½ миллиона рублей; иностранцы дают 600 000 р.; от собрания резных камней совсем отказались. В статье «Головокружение от успехов» Сталин говорит, что успех колхозного движения превзошел ожидания. Но, по его словам, успехи имеют и теневую сторону: они прививают дух самомнения, который не позволяет закрепить достигнутые успехи и использовать их в дальнейшем, что является большою опасностью etc., etc. В результате большевики испугались антиколхозного движения у крестьян и, по-видимому, хотят ослабить насильственное устроение колхозов. Заходил внук Миша, говорил, что нашли в Тайнинке свободную дачу.

3 марта (18 февраля). +1°. Чистый понедельник. Память сестры, царство ей небесное. Успел в Музее разложить часть монет Василия Темного. Принимал из Военно-исторического музея серебро. Погода сырая, на улицах грязь. Вечером заходила Танюша; их всех выселяют из квартиры, которая будет переделываться.

4 марта (19 февраля). +2°. Разбор монет Василия Темного кончаю. В кладовой Л.В. и я укладывали золотые вещи из открытых зал.

5 марта (20 февраля). +2°. Память внука Лёши, царство ему небесное. Сегодня мой свободный день. Днем занялся статьей. К обеду пришла Надюша с обоими сыновьями; после обеда пришел С.С. Бровкин и Вл.Як. Дьяченко; последние посидели с час, Надюша уехала в Тайнинку в начале 10-го часа.

6 марта (21 февраля). –5°. Выпал снег. Ясный, но очень холодный день. В Музее разбирал ящики под лестницею в библиотеку, ища ящик Военно-исторического музея, который не оказался, но неожиданно нашел прекрасный чемодан, по-видимому, присланный из Екатеринбурга от погибшей царской семьи; я его вскрыл, сверху видел несколько икон; чемодан перенес в кладовую, вещи перепишу. Была закупочная комиссия с Матвеевым; говорить с ним очень трудно. Показывал наши парсуны приехавшей из Петербурга Н.К. Маковской, внучке известного художника. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил отварных груздей (1 р. 40 к.) и маленькую стклянку с прованским маслом (90 к.).

7 марта (22 февраля). –8°. В Музее разбирал при помощи Л.В. вещи, найденные вчера в чемодане; ценных нет, но для характеристики царской семьи представляют большой интерес, особенно для детей; найдено много тетрадей учебных; списки белья; масса фотографий и т.д. Я охарактеризовал их Н.М. Матвееву, который просил не разглашать и пока оставить в Музее. Занял 30 р. у Ел<ены> Андр<еевны> [Телешовой ?] на покупку дров.

8 марта (23 февраля). +1°. Идет мокрый снег. В Музее сообщили печальную весть: в припадке сумасшествия повесилась жена Н.П. Попова, вероятно, старая женщина; у нее была мания преследования и боязнь умереть

Дневник. Десятая тетрадь. 10–11 марта 1930 г.

с голода; Николая Петровича мне очень жаль. С утра перенесли чемодан и вещи царской семьи из кладовой к нам; под наблюдением Л.В-ны вся суконная одежда была перечищена, мы разобрали все тетради царских детей, все фотографии, разные бумаги, рисунки; все это будет описано. С сегодняшнего дня разрешен (?!) колокольный звон, но колокола нашего прихода Ильи Пророка услыхать более не придется: все колокола сброшены. Прочитал «Записки» М.С. Щепкина; много интересных бытовых фактов, но о театре я ожидал большего. В письмах есть много мыслей, как играть; любопытен его ответ Гоголю.

9 марта (24 февраля). +1°. Воскресенье. Л.В. и я принялись разбирать и описывать вещи семьи Николая II; для их интимной жизни, для образования детей найдется, вероятно, кое-что в фотографиях и тетрадях ученических царевича и царевен. Интересен небольшой альбом домашних фотографий, снятых Ольгою или кем-либо; на них главный персонаж Н.П. Саблин[16], снятый один с царицей и несколько с царем, с княжной Ольгой; мне сказали, что он был близкою особой к императрице, а до него у нее был Козлов (или Орлов?), убитый. Думаю, что это все басни. Между бумагами нашел 90 с чем-то исследований мочи царицы. Если все это вписать с комментарием, только беспристрастным, то можно многое выяснить. Получил от В.А. Никольского письмо, между прочим сообщает, что Рыков, ректор Саратовского университета, с некоторыми профессорами записывается в партию большевиков.

10 марта (25 февраля). +1°. Сегодня у меня свободный день. Получили печальную весть: вчера умерла скоропостижно Дагмара Миллер, двоюродная сестра жены; я не видал ее давно. Днем немного поработал над статьей. К обеду приехала Надя с Лялей, вскоре пришла Нина; вечером пришел Митя, принес мне рисунок родового знака.

11 марта (26 февраля). +2°. Получил от С.А. Жебелева письмо, пишет, что для 2-го выпуска труда Лихачева осталось еще 4–5 листов и, чтобы продвинуть дело, он посоветовал Академии посылать корректуру мне. Я, конечно, соглашусь. Все время в Музее принимал от Бабенчикова иконы в серебряных окладах для хранения в кладовой. После 3-х было заседание по вопросу о перерегистрации в секции научных работников. Заходил на полча-

са С.С. Бровкин; я ему отдал «Тайную Вечерю» Леонардо да Винчи. Часов в 7 пришла Л.В., сидела до 9 часов. Написал С.А. Жебелеву, что согласен держать корректуру статьи Н.П. Лихачева.

12 марта (27 февраля). +1°. Большевики свой праздник «Парижскую коммуну» отменили. В Музее весь день занимались исканием пропавшего ящика Военно-исторического музея с серебром; нашелся в моей кладовой под другими ящиками. Успел разобрать последние монеты Василия Темного. Хождение по лестницам Музея меня очень утомило; едва ноги дотащил до дому. Вечером заходил К.В. Крашенинников, дал ему прочесть письмо Абрикосова из «Вечерней Москвы», содержанием которого он очень возмутился.

13 марта (28 февраля). +2°. В Музей М.И. Погодин[17], внук историка, приносил показать костяную пороховницу с резною сценою въезда какого-то властителя, по-видимому, немецкой работы, с 1574 годом. Отбирал иконы в серебряных окладах для хранения в кладовой. Описал вещи в найденном вчера сундуке Военно-исторического музея.

14 (1) марта. +1°. Занимался текущим делом. Нашел целую шкатулку монет, большею частию арабских и золотоордынских, затем русских доцарского периода; принадлежали, по-видимому, Уваровым. После 3-х ходил к «Мюру» купить шнур для электрической лампы, но не оказалось. Вечером приходила Танюша, живется ей очень плохо; говорит: «Жизнь меня замучила»; видела Любавского, который сказал, что Тарле выпущен.

15 (2) марта. –3°. На днях слышал, что на Алексеевском кладбище много памятников, даже зарегистрированных, снесено, поэтому сегодня утром я поехал взглянуть, цел ли памятник над могилами отца и матери; памятник цел, но, по-видимому, была попытка сбросить крест с постамента, т.к. крест покривился, но не упал. Вид кладбища ужасен. Зачем эти варвары задумали уничтожать его? Зачем [понадобилось] надругаться над многими памятниками? Партия большевиков круто повернула направо: сегодня опубликовано, что прекращается принудительная коллективизация, [разрешается] допускать в колхозы тех «кулаков», в семье которых имеются преданные советской власти лица, воспрещается закрытие рынков, восстанавливаются базары, прекращается закрытие церквей, но допускается их закрытие в случае желания подавляющего большинства прихожан. Интересно знать, повлияет ли такое распоряжение на улучшение рынка, который пуст; вчера, например, за обедом мы могли поесть только супа и картофеля. Днем заходила Валечка с Зорей. Часа в 3 приехала С.В. Иванова, обедала у нас, подарила мне портрет (контрольную карточку) Дм. Дм-ча и советское издание «L'art decorative» 1925 г. со статьями Дм. Д-ча, В.А. Никольского и др., издано очень хорошо в бывшей Экспедиции заготовления государственных бумаг, теперь Гознак. Во время обеда пришел А.А. Карзинкин, все вместе пили кофе. От С.Вл. узнал, что сын А.А. Сиверса расстрелян, а А.А. сослан в Туруханск, откуда писал С.Вл. о смерти Д.Д-ча, о которой прочитал в газетах. Сегодня я свободен, днем почитал Прозоровского «Монета и вес»[18], но для себя нашел мало.

16 (3) марта. –1°. Выпало немного снега. Воскресенье. Утром приходил в Музей С.К. Исаков[19], заведующий каким-то отделом Русского музея в Петербурге; с ним ходил в отдел иконографии, где он хотел смотреть разные скульптуры XVIII в. Принимал иконы от Бабенчикова.

17 (4) марта. –7°. Вчера купили прекрасную ритуальную саблю, которую употребляют мусульмане-фанатики для самобичевания; также приобрели 2 сосуда синего стекла; за саблю дали 75 р., за 2 сосуда 30 р. Диктовал для записи в книгу поступлений описание портретов собрания Юсупова. После 3-х Лепешинский держал речь о Мопре[20], объяснял значение этого общества в деле революции и т.д.; также рассказал об успехе колхозного хозяйства, не сказав ни слова о повороте вправо правительства в этом вопросе. Встречали и провожали его аплодисментами.

18 (5) марта. –8°. В Музее разобрал вчерне целую шкатулку монет, из них большая часть восточных, русских доцарского периода, сербских, болгарских и немецких; шкатулка принадлежала Уваровым. В 1 ч. поехал в Музей транспорта, помещающийся в левой (от зрителя) части Виндавского вокзала[21]; туда меня пригласил В.А. Афанасьев для экспертизы 2-х серебряных ларцов, поднесенных министру путей сообщения при Александре II Мельникову; ларцы серебряные, на них есть карты железных дорог и т. д.; финансовый отдел их хотел взять на переплавку, но я старался оставить их за музеем; вопрос будет решен финансовым отделом. Афанасьев показал мне музей, который очень интересен, дает много любопытного о первых годах постройки железных дорог, много показательных моделей для устройства тормозов, семафоров; любопытны чертежи первых паровозов. За экспертизу заплатили мне 7 р. 50 к. Ушел в 5-м часу. После обеда ходил к нашему протоиерею И.Ф. Мансветову, который сам хотел прийти, но я предпочел самому его навестить; он советовался со мною, стоит ли хлопотать о возврате храма Ильи Пророка, из которого чай вывезли, и Главнаука собирается перестроить его под какое-то учреждение; я ему сказал, что при теперешнем составе в Главнауке будет ему бесполезно хлопотать, но советовал лучше действовать через митрополита Сергия, хотя едва ли просьба будет уважена при теперешнем антирелигиозном составе Главнауки.

19 (6) марта. –7°. До 12 ч. занимался монетами; с 12 ½ до 2 ч. диктовал Н.А-не опись портретов собрания Юсупова. В 2 ч. было заседание по реорганизации Музея, показывались 3 первые залы (каменного и металлического веков), расположенные по марксистской системе, объясняли устроители; вещей выставлено, думаю, менее 4-й части, зато очень много таблиц с объяснительным текстом. Что из этой реорганизации выйдет, покажет будущее. Получил от А.П. Новицкого[22] из Киева 2 его статьи на малороссийском языке и письмо, из которого узнаю, что он академик Украинской Академии наук и занимает кафедру истории украинского искусства, состоит председателем Всеукраинского Археологического комитета (голова Археологiчного Комiтету). К 8 ч. поехал к Сосновским, накормили меня сытною закуской, выпили 1 бутылку красного, в заключение, по случаю 12-летия Жоржика, пили шоколад; уехал в 11 ½ ч.

20 (7) марта. +1°. Встал поздно; сегодня у меня свободный день. Вчера купил 1 сажень дров (23 р. 75 к.); дрова сырые; сегодня топил печь со всякими ухищрениями, выбирая более сухие поленья, которые разжигал; в конце концов удалось истопить. Написал отзыв в Цекубу об английском путеводителе по Кускову и Останкину М.В. Будылиной. В 7-м часу неожиданно зашел Л.А. Мацулевич, сегодня приехавший с юга и в 8 ч. уезжающий в Петербург; их экспедиция на юг была безуспешна. В 7 ч. пришла Л.В. и принесла пакет из Академии

наук с корректурой статьи Н.П. Лихачева с приложением письма заместителя ученого секретаря Академии, который просит разрешения направлять мне корректуры труда Н.П.Л. за невозможностью отсылать ему для чтения.

21 (8) марта. +2°. Утром был в почтамте, послал А.П. Новицкому письмо и бандероль со статьею о перстне Алексея митрополита. Диктовал Н.А-не описание 29 перстней из Общества сельского хозяйства[23]. К обеду приехала Надя. Правил корректуру Н.П. Лихачева; в присланных мне гранках прочел описание печати Романа (рисунок не оттиснут), которую относит к св. князю Борису Владимировичу.

22 (9) марта. +1°. Сегодняшний день посвятили, Л.В. и я, приведению в порядок библиотеки нашего отдела. После 3-х пошел с Л.В. к «Мюру», шли Охотным рядом, тротуар полон торговцами и покупателями, в магазинах съедобного ничего нет; купил у разносчика лимон за 45 к. (!). У «Мюра» купил ализариновых[4*] чернил за 45 коп. Подписал к верстке присланную корректуру Лихачева.

23 (10) марта. +1°. Воскресенье. Утром послал в Академию наук корректуру Лихачева и письмо. В Музее разбирал монеты; в 2 ½ ч. отправился в Главнауку на заседание по выработке условий по выдаче в СФА дублетных экземпляров монет.

24 (11) марта. +2°. Ходил с К.В. Сивковым в закрытый большевиками храм Грузинской Божией Матери на Старой площади, лазали на колокольню с 9-ю колоколами; 2 колокола (1708 г. и другой, конца XVII в.) мы наметили оставить, а 7 разрешили взять на переплавку. С 1-го ч. до 3-х принимал иконы для хранения в окладах; отобрал 80 икон. Получил от А.А. Ильина письмо, пишет, что живет невесело и не предвидит, когда будет себя чувствовать легче.

25 (12) марта. +2°. Сегодня у меня свободный день. Написал А.А. Ильину письмо. Топил печь наполовину, чтобы осушить стены, которые отсырели, чего до революции я не замечал. Немного писал для статьи. После обеда пришли: Танюша и Вася Сахновский; Вася рассказывал много интересного, между прочим, рассказал, что пьесу «Петр I» А.Н. Толстого смотрел Сталин, и она ему очень понравилась; рассказал, что за границу поехал на гастроли Камерный театр[24], который не был допущен ни в Бельгию, ни в Голландию. После пришла Л.В., принесла мне полученный из издательства Академии наук сверстанный 13-й лист труда Лихачева с просьбою подписать к печати. В 10-м часу все ушли.

26 (13) марта. +4°. Дождь, который днем прекратился. Дважды пришлось удивляться невежеству нашего начальства: утром Матвеев меня спрашивает о каком-то гобелене с изображением убиения царевича Петра; я спрашиваю, какого царевича Петра, тот ответил – сына Петра I; этого не было, говорю я, вероятно, царевича Ордынского... Затем Милонов при мне просил Ракиту уничтожить свастику в зале бронзового века (?); я ничего не возразил на такое бессмысленное распоряжение. С 1-го ч. до 3-х принимал иконы из религиозного быта. Обедал в Цекубу по случаю стирки; там же пил чай с С.П. Веселовским[5*]; спросил его о Нат. Аполл., говорит, что арестована в связи с

[4*] Чернила из вытяжки чернильных орешков с добавлением железного купороса, гуммиарабика и уксусной кислоты.

[5*] Вероятно, с С.Б. Веселовским.

арестом С.Ф. Платонова. Дома нашел Надю, Валю, внучку Таню с Зорей. Веселовский же сказал, что Тарле еще не освобожден.

27 (14) марта. 0°. Послал корректуру труда Лихачева, лист 13-й, с подписью к печати. Музей им. А.П. Чехова в Таганроге подарил Историческому музею астрономическую рукопись Тихо Браге 1598 г., по-видимому, с его автографом. Смотрел с Д.Ф. Богословским иконы-картины работы Безмина[25], исполненные аппликацией, их 4 (3 религиозного содержания и 1 портрет Никона); они все наклеены на дерево, которое дало трещины, и иконы рискуют погибнуть; по мнению Д.Ф., починка потребует около 300 р. за каждую. В серебр<яной кладовой> настлали ряд стеллажей, на которых Л.В. и Ермолов начали раскладывать серебро.

28 (15) марта. +1°. С вечера нападало снега, который тает. Ночью болел желудок, может быть, от осетрины, которую купил в Музее для завтрака, прослабило. Река Москва немного поднялась, пошел лед; такого раннего ледохода я не помню. В Музее принимал иконы в окладах, всего принято 228 номеров. Третьяковская галерея меня вызывала на заседание с Марром по вопросу о выделении на Украину вещей; я отказался ехать, т.к. очень устал. Вечером немного пописал для статьи. Возвращаясь со службы домой, встретил у дома Валечку, вид ее очень болезненный.

29 (16) марта. –2°. Резкий ветер. Укладывал в шкап разобранные монеты. Слышал, что арестован служащий у нас Пав. Ал., за что – понять не могу; также арестован сотрудник Музея изящных искусств Стрелков. Вечером читал материал для статьи; прочел «Русские меховые ценности» Трутовского; изложение статьи путаное, как вообще все его статьи.

30 (17) марта. –3°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. С утра до 4-х ч. читал Мрочек-Дроздовского, писал статью. Лёля, не находя работы, решила взять место при раздевалке в Университете народов Востока[26] у Страстного монастыря с жалованьем в 45 р.; радуюсь, что она не погнушалась таким местом, да поможет ей Господь; права поступить в театр, если придется, она не теряет.

31 (18) марта. –6°. Нападало столько снега, что с трудом утром проходил по тротуару. Получил из Академии наук корректуру в сверстанном виде 14-го листа Лихачева; оттуда же присланы выпуски «Известий»: № 10, 1929 г. и № 1, 1930 г. В Музее принимал от Военно-исторического музея серебряные полковые трубы с георгиевскими лентами. После 3-х поехал в Цекубу отдать анкету, но, по случаю переезда из комнаты в другую, жилищный отдел был закрыт. Вечером правил корректуру. Чувствую недомогание, принял аспирин.

Апрель 1930 г.

1 апреля (19 марта). –3°. Был в Цекубу, где отдал сведения о площади. Особенного ничего не произошло в Музее. Недостаток в продуктах чувствуется, едим, что дают по карточкам; сахара в последнее время нет, сегодня купил 3 куска пиленого сахара за 6 копеек; масла коровьего давно нет по карточкам, у крестьян с рук видел, как купили сливочного масла по 3 р. 75 к. за фунт. Выпало много снега, вид улиц стал зимний, ездят на санях. Получил от

внучки Лёли письмо из Нью-Йорка, ответил ей открыткой в Париж. Вечером корректировал 14-й лист Лихачева; очень много польского текста; этого языка не знаю. Топил печь.

2 апреля (20 марта). –2°. Подсыпало еще снега. Днем началось таяние снега. Утром диктовал Нат. А-вне описание предметов для занесения в инвентарь. Сюда приехали немецкие ученые для изучения преимущественно церковных древностей, икон; я, как говорящий по-немецки, показывал им вверху иконы Рублева, 3 иконы из Звенигорода, «Флора и Лавра» и др. Одному из немцев продал мой экземпляр «Светильника» за 20 р. После обеда пришел Митя Зворыкин, затем Надя и Валя; вечером к жене пришла Т.П. Александрова. Читал корректуру 14-го листа, подписал: «К печати», – но написал ученому секретарю издательства Академии наук Всев. Леон. Яковлеву, что нельзя ли прислать на просмотр еще раз 14-й лист.

3 апреля (21 марта). +1°. Утром был на заседании правления Музея, говорили, как распределить те 600 с лишком ящиков Военно-исторического музея, хранящихся на Кокоревском подворье. Отправил в Академию наук (издательство) 14-й лист труда Лихачева и письмо ученому секретарю Яковлеву. Из Музея ходил к «Мюру», взял обратный билет в Малаховку (85 к.), купил сестре плитку шоколада «Золотой ярлык» и мессинских лепешек. После 3-х поехал с профессором Галганом и его сыном к себе, где я ему продал за 100 р. «Материалы для иконографии» Лихачева и «Храм-усыпальницу» за 20 р. Лотушка, также Лёля, чувствуют недомогание. В 6 часов пришла Танюша, сидела часа 2.

4 апреля (22 марта). +2°. Сегодня у меня свободный день. Утром поехал на Рязанский вокзал, где встретился с Васей Сахновским, и мы с поездом в 10 ч. 50 м. поехали в Малаховку, где живет сестра Саша у Любочки; встреча моя с сестрой была самая родственная, Саша расплакалась; у Любочки сын Вася 13 лет, по-видимому, милый мальчик; мужа Любы Якова Васильевича Хитрова (он инженер) не было, он весь день на службе в Москве. Сейчас же мы сели обедать состряпанный Любой [обед] (щи и солонина с картофелем и морковью), потом пили чай с уральским медом, т. к. сахара нет; я привез им плитку шоколада, помадки и мессинских лепешек. До 3-х мы говорили, я им рассказывал о кремлевских погребениях в Вознесенском монастыре и проч. С поездом в 3 ч. 47 м. мы уехали, Любочка нас провожала. Домик, где они живут круглый год, дачного типа, но теплый, у них 3 комнаты и огромная терраса, которая на зиму заперта. Пробыл у них 3 часа с большим удовольствием.

5 апреля (23 марта). 0°. Москва-река очень спала, льда не видно. В Музее занимался текущими делами, между прочим, выделил из одного ящика с холодным оружием наиболее ценные экземпляры, украшенные серебром-золотом. После 3-х ходил с Л.В. к «Мюру», купил мыла, пастилы и клюквы в сахаре. Погода днем была солнечная, на солнце было жарко. Сегодня память по Л.И., царство ей небесное.

6 апреля (24 марта). 0°. Воскресенье. В Музее текущие дела; принимал в серебряную кладовую из Военно-исторического музея наиболее ценное холодное оружие, между прочим, саблю, которую имел на себе император Александр II в день его убийства; затем саблю Наполеона I, подаренную им кому-то из русских генералов.

7 апреля (25 марта). +1°. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, отмененный большевиками. В Музее начал составлять коллекцию монет княжества Суздальско-Нижегородского, выделял дублеты. Из Госторга пришел Н.В. Власов, принес для промена 2 серебряные кружки и фарфоровую чашку митрополита Филарета; сказал, что продал этюд Семирадского, принадлежащий Зинаиде Алексеевне Арцыбашевой, за 40 р. После занятий заходил за деньгами в Госторг на Тверскую, 26. Слышал, что на Кавказе близ Нальчика было восстание казаков и горцев на почве колхозного вопроса; колхозы распались, несколько сот человек советских, говорят, убито. Сегодня приехал Леон. Степ. из Сочи, был у нас с Надей, через неделю едет в Златоуст, а Надя в Сочи на 6 недель, а оттуда проедет в Златоуст. Леон. Ст. подтвердил известие о резне на Кавказе. Приехала Адель Шмидт погостить. Получил анонимное грязного содержания письмо, судя по почерку подписавшейся А. Успенской, той же особы, которая мне несколько раз писала в прошлом году; это, вероятно, помешанная. Заходил в Музей Клейн, сказал, что Карапетян меня вычеркнул из списка для входа в Кремль. Карапетян уходит из директоров Оружейной палаты, куда будет назначен какой-то рабочий-металлист (!), а его заместителем Клейн. У Клейна арестованы сын 18 лет и племянник.

8 апреля (26 марта). +1°. Описывал холодное оружие (бердыши, алебарды и др.), принадлежавшие Вишневским. Успел немного разобрать монеты суздальско-нижегородские. Перед окончанием занятий Матвеев попросил задержаться, т. к. должны приехать из финансового отдела для отбора золота и серебра на сплав; в начале 5-го явились двое мужицкого вида коммунистов, затем приехали из Главнауки двое, и все мы в сопровождении Бирзе и охраны отправились в кладовую, где приехавшие бегло осмотрели серебро, обращая внимание на тяжелые предметы, после чего обещали приехать 11 апреля и отобрать для сплава. Вот до чего дожила бедная Русь! Вернулся домой в 5 ½ ч., застал Танюшу с Гулей; Танюша слышала, что Нат. Апол. присудили на 3 года ссылку на какой-то остров на Белом море за переписку для С.Ф. Платонова[6*]. Погода днем была очень теплая.

9 апреля (27 марта). +7°. Встал поздно (в 8 ч., обыкновенно встаю в 5 ½ ч.). Сегодня у меня свободный день. Утром немного пописал статью. В 12 ч. поехал в Настасьинский переулок в СФА, куда пришел А.В. Сосновский; помощник его А.А. Вершинин дал мне коллекцию доцарских монет; я пересмотрел суздальско-нижегородские, неопределенные, ярославские и ростовские, отобрал из всего собрания 6 экземпляров, которые отчасти могут дополнить наши экземпляры; в общем, собрание в СФА доцарских монет неважно. Пришла за мужем Алла Степановна, в 3 ч. мы ушли. Возвратившись домой, застал жену в беспокойстве: заболела ее сестра Адель ущемлением грыжи. После обеда немного пописал статью; в 8-м часу пришла Л.В., мы побеседовали о музейских делах, я ей прочитал, что у меня готово для статьи; в 9 ч. она ушла; к жене пришли ее знакомые 2 дамы.

10 апреля (28 марта). + 2°. Адель Шмидт поправилась. Весь день в Музее провел в кладовой, явилась «бригада» в составе Эйферта, Н.В. Власова, начали отбирать серебро – табакерки, в числе их знаменитую уваровскую золотую, стопы, кружки, surtout de table (Lamerie) и т. д., всего на сумму около

[6*] Так в оригинале.

300 000 рублей. Многие предметы я оспаривал. Одновременно Л.В. с Ермоловым подсчитывали и отмечали серебряные вещи на сплав. До чего мы дожили! Что сделали большевики с Русью! Тройницкий говорит, что будто бы всем арестованным академикам будет предложено выехать заграницу. Музей в Александрове[27] приказано сократить и ценные вещи передать нам; сегодня привезено много ценнейших предметов и в научном и в материальном отношении.

11 апреля (29 марта). +2°. Вчера вечером в 10 ч. обещали доставить вещи из Музея в Александрове, для чего приезжала Л.В., но вещи не были привезены, и Л.В-не пришлось даром просидеть 1 ½ ч. Сегодня утром привезли; вещи превосходные, все бытового характера. Между ними портрет царевны Марфы Алексеевны, ее опахалы[7*] (2), зеркало, много серебряной церковной посуды, также царской; очень хороши ткани фелоней; несколько оловянной посуды, медных кувшинов и т. д.; замечательна колодка для заключенных.

12 апреля (30 марта). +4°. Сырая погода. Придя утром в Музей, спрятал вместе с Н.А. все вещи (ткани и серебро) из Александрова, чтоб «бригады» не увидали. Одна из бригад от Госторга – Тройницкий, Власов – отбирала в отделе тканей, в отделе домашнего быта вещи из финифти (табакерки и т. п.). Этот грабеж музейных ценностей меня страшно волнует. Сегодня Вербная Суббота, под давлением большевиков благовеста к всенощной не слышно... многие из нашего дома ушли молиться.

13 апреля (31 марта). +4°. Лазарево воскресенье. Почти весь день занимался один в отделе монетами, Л.В. с Ермоловым отбирали серебро на переплав. В 2 ч. Матвеев и Бирзе смотрели отобранные вещи для сплава, кое-что оставили. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил 1 бутылку красного вина на праздник. Клейн принес мне пропуск в Кремль с извинением, что задержал. Парижский коммерческий суд наложил, по просьбе испанского банка «Арнус», секвестр на имущество торгпредства СССР в сумме 30 миллионов франков. Опять пощечина нашему правительству. Вечером были: Леон. Ст., Надя, Митя и Ляля. В Великую Субботу Надя с Соней, Лялей и девочкой Сони уезжают в Сочи, а Леон. Ст. в четверг едет в Златоуст.

14 (1) апреля. +5°. Память Л.И., царство ей небесное. Сегодня у меня свободный день. Пав. Ст. подстриг машинкой мою бороду. По просьбе жены ходил в магазин у Курского вокзала получить по карточке 2 катушки белых ниток, которые и получил за 26 копеек. Остальное время писал статью. Передали такой слух: Ворошилов пришел к Сталину и стал говорить ему, что он сделал всех нищими; Сталин велел его выпроводить, тогда Ворошилов ранил его из револьвера (правда ли?). Вечером приехала Л.В., сидела часа 3.

15 (2) апреля. +3°. Получил от издательства А.Н. все отпечатанные 12 листов труда Н.П. Лихачева, и ошибкою приложили уже подписанные мною к печати 13 и 14 листы. Отбирал с Л.В. в кладовой некоторые серебряные предметы, предназначенные для сплава, но, посоветовавшись с Бирзе, решили пока оставить, как имеющие английские и французские клейма. Заходила ко мне в Музей дочь Четыркина И.Д.[28] из Калуги, умершего 26 лет назад, предлагала монеты, которые не надобны Музею, но сообщила, что у ее брата сохранилась стеклянная бутыль с видом морского сражения (эту

[7*] Так в оригинале.

бутыль я знаю по рисунку в «Трудах» Калужской ученой архивной комиссии); живет он на Мясницкой, дом 22, комната 45, куда я и прошел из Музея, видел бутыль и кое-какие другие предметы, которые просил принести нам. Вечером просматривал подписанные листы 13 и 14 и сделал некоторые поправки; листы эти присланы не ошибкою и нарочно вместе с отпечатанными для справок.

16 (3) апреля. +2°. Утром немного занялся монетами, но помешал В.Я. Адарюков, пришедший повидаться. С 12 ½ до 3-х я с Ермоловым сдирали с икон Военно-исторического музея серебряные оклады для сплава. Лёля несколько времени больна, была у врача, нашел, что у нее часть легкого затронута.

17 (4) апреля. +7°. Великий Четверг. Утром заходил в Музей Филиппов, зав. финансового отдела, сказал, что сегодня весовое серебро принять не может за отъездом и нездоровьем его сотрудников, сговорились на среду. С 12 ½ ч. до 3-х обдирали я и В.А. Ермолов оклады с икон, которые вешали. Послал в издательство Академии наук подписанные к печати 13-й и 14-й листы труда Н.П. Лихачева.

18 (5) апреля. +8°. Небольшой дождь, днем погода была ясная. Получил из Академии наук последние страницы рукописи Н. П-ча, предисловие ко 2-му выпуску, оглавление и набор. Из Александровой слободы доставлены оклады с икон, которые идут почтой, негативы, фотографии и проч. Мне пришло на ум, не принадлежат ли монеты, отнесенные мною Димитрию Константиновичу Нижегородскому, совсем другому княжеству, может быть, Черниговскому. После 3-х заходил в Охотный ряд, купил ½ литра водки. 4 дня назад застрелился Маяковский; все газеты трубят о нем, как о выдающемся поэте и драматурге; я ни строчки не читал из его произведений, из любопытства прочел цитируемые в газетах стихи; по-моему, набор слов. После обеда пришли Надя, Наташа, Миша и Митя; Надя завтра уезжает в Сочи. Позднее пришел Леон. Ст.; в понедельник уезжает в Златоуст. Правил вечером корректуру статьи Николая Петровича. Как мне жаль его! За что его мучают? С каким тяжелым сердцем прочитывал я его последние строки, писанные на свободе.

19 (6) апреля. +8°. Великая Суббота. Пасмурная погода. Топил печь. Написал Н.Г. Лихачевой поздравительное письмо. Сегодня в 2 ч. 10 м. уезжает Надя в Сочи с Соней и ее дочкой, и с Лялей; все отъезжающие пришли, с ними их провожающие: Леон. Ст.; Миша, Андрей Савари, Нина; взяли с собой в Сочи собаку Дика.

20 (7) апреля. +8°. Светлое Христово Воскресенье. По словам жильцов нашей квартиры, храмы нашего района были переполнены молящимися. Утром начал писать статейку о монетах Димитрия Ольговича Брянского или ? В Музее занялся монетами; вчерашний антипасхальный вечер, говорят, не удался из-за малолюдства. Мне передавали, что сын В.А. Городцова Мстислав проявил свой талант богохульника в высшей степени. Сегодня назначена панихида по М.М. Богословском в Новодевичьем монастыре, оттуда Елизавета Петровна приглашает всех к себе; к сожалению, я не мог быть, так как узнал слишком поздно. К обеду пришли: Валя, П.Н. и внучка Таня с Зорей, но не обедали. Объявлен приговор харьковским академикам, высшее наказание 10 лет заключения, несколько человек обвинены условно и освобождены[29].

Слышал, что Н.А. Бакланова в здешней тюрьме. Вечером пришли: Леон. Ст., А.А. Карзинкин, в 8 ч. все ушли.

21 (8) апреля. +8°. В Музее занялся суздальско-нижегородскими монетами, собрание которых значительно, есть несколько неизданных, интересна одна с новым типом князя Бориса Городецкого. Последние дни отбирали на сплав серебро, на что отдали массу предметов полкового характера из Военно-исторического музея, ободрали много окладов с икон и т.д. Все это ужасно! Вот до чего довели нас большевики! Так как в Европе нам ни гроша не верят, а тракторы большевикам нужны, то и решено распродать музеи, причем художественные предметы продаются через ««Антиквариат»», а нехудожественные через финансовый отдел. Всего на сплав отложено, кажется, 43 пуда серебра, меди, помнится, пудов 50. После занятий Л.В. поехала к нам обедать; к обеду пришла Танюша с Гулей. Все ушли около 8 ч. Докончил править последние гранки Н.П. Лихачева.

22 (9) апреля. +7°. Утром в Музей телефонили из Главнауки, что Пробирная палатка может передать нам весы екатерининских времен; я отправился на Малую Бронную, 18 осмотреть их; весы хорошей сохранности, на коромысле имеют вензель Елизаветы Петровны и 1747 г., стоят в большом футляре. Ввиду уплотнения Пробирной палатки весы их стесняют; я обещал за ними прислать. Назначен директором в Музей Милонов. Спешат к 1 Мая сделать новую экспозицию предметов «эпохи феодализации», для отдела металла приобрели инструменты для мастерской у Мишукова, которые сегодня перенесли в верхний этаж. К обеду пришла внучка Нина, позднее пришел Митя, я его попросил сделать контурный рисунок с печати с «Дьн ѣслово», обещал.

23 (10) апреля. +10°. Сегодня финансовый отдел должен был принимать из Музея серебро и медь на сплав, но сообщил по телефону, что принимать будет Государственный банк; я пошел в эмиссионный отдел Государственного банка и переговорил с заведующим отделом, который обещал уведомить по телефону о дне приема. Занялся в Музее монетами Суздаля и Нижнего Новгорода. Слышал, что Андрей Белый в своей книге «На рубеже 2-х столетий» описал наших дочерей. Вечером пришли Сережа с Юзей и внучка Маша с Яльмаром и Машей; Сереже я подарил большую фотографию с портрета А.С. Пушкина работы Тропинина.

24 (11) апреля. +10°. Сегодня свободный день. С утра до 12 ½ ч. писал. Поел вареной картошки с маслом и поехал к С.Вл. Ивановой, которую не застал, вернулся домой и нашел ее у нас, побеседовал с ней немного, около 4-х ч. она уехала. Вечером был у Сосновских; угощали вкусною пасхой и прочим; вернулся домой в 11 ¾ ч.

25 (12) апреля. +9°. Получил письма от Н.Г. Лихачевой и Н.П. Бауера; Н.Г. пишет, что не приняли передачу Н. П-чу в тюрьму во вторник на Страстной неделе и в начале Пасхи; она была бы в отчаянии, если бы в этот промежуток времени не получила доверенности на получение зарплаты из Академии наук, еще пишет, что на днях исполняется 40-летие со дня защиты диссертации. Как жаль мне Ник. Петр. и всю его семью, гибнет такой ученый! Бауер прислал оттиск своей немецкой статьи о слитках (начало). Академия наук прислала 11-й лист, начисто отпечатанный. Hill (Британский музей) прислал оттиск своей статьи в «Numismatic Chronicle» о приобретениях Британского

музея в 1928 г.; монеты малоинтересные. Н.В. Малицкий прислал оттиск 2-х статей: 1) створка панагиара и 2) глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки. Занимался в Музее нижегородско-суздальскими монетами. К обеду пришла внучка Наташа.

26 (13) апреля. +7°. Получил из издательства Академии наук сверстанный 15-й лист статьи Н. П-ча. До 12 ч. пробыл в тех залах, где устраивается по плану Милонова выставка посуды; Л.В. устраивает отдел серебра. Остальное время в Музее правил корректуру, беседовал с В.Ф. Ржигой. Вечером правил корректуру.

27 (14) апреля. 0°. Воскресенье. Какое резкое падение температуры! Слышал, что на северной стороне утром было –2, –3°. В 4 ч. дня термометр R показывает +3°. В Музее занимался монетами Суздаля и Нижнего Новгорода. Заходил Н.Н. Померанцев, подготовляет выставку коронации Николая II; ходил с Н.Н. в библиотеку за литературным материалом для этой эпохи (Ходынка и т.д.), затем в отдел иконографии. После он зашел ко мне с Д.П. Суховым, беседовали об Оружейной палате и делах, какие там творятся; по их словам, Клейн перешел на левый уклон. Выставка посуды в Музее строится, но бестолково; Милонов не сумел сделать плана. Говорят, что Сталин отстранен от руководительства. Сегодняшние газеты говорят о готовящемся взрыве советского полпредства в Варшаве.

28 (15) апреля. –1°. Вчера получил из Харькова от Андрея Степановича Кацевалова его статью на малороссийском языке «Нариси з історіі економичного життя грецьких колоній…»[30]. Сегодня послал ему несколько своих оттисков. Из Академии наук получил сверстанный 16-й лист, из приложенных к нему гранок одной не прислали. В Музее занимался монетами. Говорят, что варшавская бомба устроена самим полпредством; не думаю, чтобы большевики рискнули на такое опасное дело; после обеда отправился к Л.В., пил у нее чай, затем пошли на сеанс в планетарий[31] (билеты получил бесплатно); устроен немцами недурно и небесный свод представлен наглядно в смысле движений небесных миров, но объяснения в антирелигиозном духе были отвратительны и неубедительны; на меня вся его лекция произвела отталкивающее впечатление, так как все научные предложения тонули в богохульных фразах, в которых изощрялся лектор, по-видимому, из жидов. Домой приехал в 9 ½ ч. и застал большое общество: Карлушу Шмидт с женой, Антонину Николаевну, Дарью Андреевну, Александрову с дочерью; позднее пришли: Н.А. Боголюбов, доктор, сватающийся за Лёлю, и Лёля (оба уходили куда-то). Лег спать около 12 часов.

29 (16) апреля. +8°. Встал в 9 ч. Сегодня свободный для меня день. Утром жена получила письмо от С.Вл. Ивановой, которая с Анной Николаевной [Никольской] обещала сегодня приехать к нам; ввиду проводов Лёли в Тарусу (она уезжает с доктором Боголюбовым Н.А. к нему погостить в Тарусу), жена попросила меня съездить к С.В-не и попросить ее перенести визит на завтра, что я и исполнил. Написал Всеволоду Леон. Яковлеву о недосланных мне 3-х гранках 16-го листа. Неожиданно на дом доставлены мне из издательства Академии наук оттиски моей статьи «Классификация древнейших монет по родовым знакам»; прочитал ее и вынес такое впечатление, что изложена так сухо и сжато, что едва ли будет доступна ее читателям. Вечером (поезд в 11 ч. 50 м.) Лёля уехала в Тарусу к родне Н.А. Боголюбова, который поехал с нею.

30 (17) апреля. +5°. Дождь. Весь день занимался монетами Суздаля. Получил из издательства Академии наук сверстанный 17 лист и ошибкою вместе с моим пакетом привязан был пакет с корректурою академика Н.К. Никольского[32], живущего в Детском (бывшем Царском) Селе. Вечером приехали: С.Вл. Иванова и А.Н. Никольская; последняя привезла письмо Виктора Александровича и статью Дм. Дм. о стеатитовой иконе св. Димитрия Солунского из Оружейной палаты; обе ушли в 11-м часу.

Май 1930 г.

1 мая (18 апреля). +7°. Сегодня и завтра занятий в Музее не будет. Весь день читал корректуру статьи Лихачева. В 1 ч. обедали, перед обедом пришел брат жены, после обеда его сын. Всех листов в статье Н.П. Лихачева 17 полных и 18-й неполный.

2 мая (19 апреля). +7°. Написал письма: А.А. Ильину и Всев. Леон. Яковлеву. Завтра пошлю под бандеролью всю корректуру Н.П. Лихачева, которую вчера держал, и оттиски статьи: А.А. Ильину, Зографу, Бауеру и Придику. Посылаю статью С.А. Жебелеву, и написал ему благодарственное письмо. Ночью было покушение на воровство: вор со стороны сада хотел подставить лестницу, влезть в окно, но упавшая ставня помешала. Вечером пришли П.Н. и Валя, рассказывали о вчерашних процессиях на улицах.

3 мая (20 апреля). +4°. Утром из Почтамта на Мясницкой послал в издательство Академии наук листы 15, 16 и 17 и гранки 18-го. На имя А.А. Ильина послал оттиски статьи: Придику, Зографу, Бауеру и А.А-чу; послал письмо и оттиск С.А. Жебелеву. В Музее с поспешностью готовят выставку посуды, главным образом, как ее делали, занимались даже вчера и третьего дня. На меня выставка производит отрицательное впечатление, видно, что планом руководил невежественный человек. В 12 ½ ч. пошел в Кремль, подходя к Оружейной палате, встретил Лепешинского, побеседовали минут 10; он занимается в Наркомторге, где, по его словам, ему интереснее всех музеев. В Оружейной палате я был поражен новою экспозицией, блеском чудных предметов; познакомился с новым директором С.И. Махоркиным[33], молодым человеком; он рабочий-металлист, в музейном деле ничего не понимает, в чем и сознается, руководит всем Клейн. Из Оружейной палаты с Померанцевым прошел в пристройку Архангельского собора, откуда спустились в подвал, где размещены 62 гроба из Вознесенского монастыря, а 6 гробов (Салтыковых и др.) пока оставлены в Архангельском соборе, куда их поместят – еще неизвестно; размещены гроба очень хорошо. Из Архангельского собора с Н.Н. прошел к Успенскому собору, сзади которого свезены обломки зданий, которые находят на том месте, где стояли Вознесенский и Чудов монастыри; обломки некоторые интересны по их итальянской отделке XVI в.

4 мая (21 апреля). +7°. Воскресенье. Утром заехал в почтамт, опустил статью: Н.А. Захарову, В.А. Шугаевскому и Н.Е. Макаренко. В Музее весь день занимался монетами. После 3-х заходил к Мюру, купил личнóго мыла; съедобного каждый день становится меньше. Мы едим пищу без масла, которого нет. Что сделали с Россией большевики! Во что они обратили ее! Читаю сборник «Старая Москва» (М., 1929 г. Вып. 1). Интересна статья покойного

М.М. Богословского «Возвращение Петра из-за границы в 1698 г.», которую слышал 5 лет назад. Прочел статью Н.Д. Виноградова «Красные ворота», запрещенную (?!) советской цензурой, но в данном мне экземпляре она уцелела. Получили от Лёли письмо из Тарусы, где она гостит у Боголюбовых; по-видимому, ей там нравится.

5 мая (22 апреля). +2°. Продолжал разбор и классификацию суздальских и суздальско-нижегородских монет. Главнаука меня известила, что я назначен в члены комиссии по рассмотрению списков ударной бригады. Музей извещен Главнаукой, что Бирзе и я назначены в комиссию по приемке вещей в Оружейной палате от прежнего директора новому. Получил от А.А. Ильина письмо, пишет, что во главе нумизматического отд<еления> Эрмитажа вместо него поставлен Н.П. Бауер, «это и есть результат, или, лучше, следствие исключения меня из секции научных работников», – прибавляет он. Как мне жаль, что обижен такой прекрасный и знающий человек. Моя статья его заинтересовала, но я его не убедил, что золото и серебро Владимира с Христом чеканено не св. Владимиром, а Владимиром Мономахом. После 3-х поехал обедать (дома стирка) в Цекубу вместе с Л.В-ной; обед был недурен: лапша с мясом и гусь с капустой (95 к.). Встретил много знакомых, к нам подсел Гр.А. Ряжский, много говорили; видел Степана Борисовича Веселовского, который прочитал мою статью в «Известиях» и хочет побеседовать со мной; он мне сказал, что Н.А. Бакланова выслана на 3 года в Котлас; видел обоих братьев Соколовых, Бориса и Юрия, пил с ними чай и т.д. Выйдя, расстались с Л.В.: она пошла к брату, а я к С.Вл. Ивановой; у нее сидела В.Т. Баронова, которая обедает у ней; смотрел 2 бронзовых канделябра с черными бронзовыми женскими фигурами, работы французской начала XIX в.; посидел у нее с час.

6 мая (23 апреля). +4°. Сегодня мой свободный день. К 11 ч. поехал в Оружейную палату для переговоров по поводу начала комиссии по передаче вещей новому директору Оружейной палаты (его фамилия Монахтин С.И.); на перепутье зашел в Музей, где попросил Л.В-ну переговорить с эмиссионным отделом Государственного банка о приемке им серебра и меди. В Оружейной палате мы собрались в маленькой комнате для переговоров в количестве 9 человек; назначены, кроме директора и Клейна, следующие лица: Сухов, Померанцев, Бирзе, представитель коменданта, я, Вайнер и еще какое-то лицо. С воскресенья начнем собираться. Когда я пришел в Оружейную палату, там была экскурсия сотрудников Исторического музея, им давали объяснения заведующие отделами. Марина Михайловна показала мне потир из Переяславля-Залесского; посмотрев на него, я, кажется, убедился, что определил его стоян XVI–XVII веком; он если не современный чаше, то все-таки ближе к XII веку.

7 мая (24 апреля). +4°. Получил из Академии наук № 2 «Известий» с моей статьей. В.К. Лукомский[34] (как его имя – не знаю) прислал свою статью на малороссийском языке «Медаль К.К. Острожского». В Музее почти ничего не делал, благодаря неурядице, которую устроил Государственный банк, приехавший за серебром и медью, которые мы не отпустили из-за невозможных условий приемки. Приехала погостить Адель Шмидт, к обеду пришла А.Н. Никольская. После обеда пришли: Танюша и племянница Любочка, обе сидели недолго. С.А. Жебелев пишет, что в Праге изданы «Заметки по истории средневекового искусства и культуры» Кондакова. Но как ее получить?

8 мая (25 апреля). +5°. Начал разбирать в Музее монеты Василия Кирдяпы. Получил от Владимира Крескентьевича Лукомского письмо, просит выслать ему оттиск моей статьи. Написал Лукомскому и И.Е. Миннзу.

9 мая (26 апреля). +3°. Послал статью Лукомскому, Миннзу, Хилу и в библиотеку Британского музея. С 10 ½ ч. Государственный банк начал принимать серебро; приемщики каждую вещь перевешивали, а сомнительные по металлу пробовали кислотой; с десяток мелких вещей отложены из серебра в медь; приемка продолжится несколько дней. В ½ 2-го уехал в Главнауку, где собралось нас 10 человек или около; председательствовал Клейн, который читал списки спорных предметов, отобранных для продажи через «Антиквариат» за границу; многие предметы мы отстояли, но на миллионы рублей ограблена Русь! Просмотрели только петербургские музеи, придется еще идти на заседание. Вышли из Главнауки в начале 6-го часа.

10 мая (27 апреля). +4°. Зашел на час в Музей и к 11 ч. пошел в Оружейную палату, куда к 11 ½ ч. собрались члены комиссии: Бирзе, Померанцев, представитель месткома В.Н. Иванов, он же избран секретарем комиссии, а Бирзе ее председателем, Вайнер, представитель комендатуры, я; присутствовали Монахтин и Клейн. Составлен был план, после чего Вайнер потребовал на выдержку вещи из тканей, начал придираться, вел себя возмутительно; в 12 ½ Бирзе и он должны были ехать в Третьяковкую галерею для разрешения какого-то вопроса между рабочей инспекцией и галереей; я остался, чтобы повидаться с Власовым, затем пошел в Музей помочь сдавать серебро Л.В-не, которая была одна; приемщики из Госбанка ушли в начале 5-го. С 4 ½ ч. пошел дождь.

11 мая (28 апреля). +8°. Воскресенье. Сегодня свободный для меня день, но решаюсь им пожертвовать, пойду в Музей помочь Л.В-не отпускать серебро в Государственный банк. Послал в издательство Академии наук Яковлеву фотографию с печати с «Дъньслово» для статьи Н.П. Лихачева. Слышал, что вызван из ссылки в Петербург В.Н. Бенешевич, очевидно, скоро будет суд. В Музее с 10 ½ ч. до 4 ч. сдавали серебро, которое, наконец, сдали; осталась медь. К обеду пришла Л.В. Заезжал на велосипеде Митя, привез рисунок с печати с «Дъньслово», очень неудачный; я ему показал снимок, который сделал наш фотограф.

12 мая (29 апреля). +7°. Дождь. Около Курского вокзала, когда я ждал утром трамвая, разразилась небольшая гроза, пошел сильный дождь и град. В Музее я попросил сотрудниц вскрыть ящики с предметами, присланными в 1914 г. из Вильны к нам на хранение. К 11 ч. отправился в Оружейную палату; Бирзе, как председатель комиссии, попросила меня делать поверку, я стал продолжать брать на выбор вещи в отделе шитья; между прочим, осматривали сорочку царевича Димитрия, бывшую на нем, когда он себя ранил в Угличе и умер от раны; затем шапочку из красного сукна с запонкою из каменьев спереди, любопытна надпись на холстинке чернилами того времени «скуфейка царевича Димитрия»; его кошелек с серебряными монетами, я их высыпал: лежали денежки Ивана Грозного. Зрелище на все эти предметы заставило о многом подумать. Кончили в один час с небольшим, я выпил кружку чая со своим сахаром и ушел в Музей. Обе сотрудницы уже разобрали все вещи из Вильны; извлекли из ящиков много оружия, несколько кольчуг, знаменитую байдану Выродкова, современника Грозного, несколько обрывков

слуцких кушаков, много медалей и монет в коробках и т.д. После 3-х я пошел в «Антиквариат» к Н.В. Власову, который вскоре пришел из Оружейной палаты; с ним мы поехали под сильным дождем к Софье Владиславовне Ивановой смотреть канделябры, которые понравились Власову, который хотел еще раз приехать с Глазуновым, представителем петербургского «Антиквариата», чтобы оценить их. Датирует их 80-ми годами XVIII столетия.

13 мая (30 апреля). +8°. Сегодня в Музее Государственный банк начал принимать остатки серебра и медь, но мне присутствовать не пришлось: в 12 ½ ч. отправился с Е.К. Муромцевой в Главнауку, где отстаивали спорные предметы; табакерку Разумовского пришлось, по-видимому, отстоять; за некоторые серебряные вещи Оружейной палаты Клейн много спорил с Эйфертом, решили завтра вещи осмотреть на месте. В 4 ч. кончили, и я отправился с Ек.К. к больному А.Б. Салтыкову, живущему на Новинском бульваре в доме бывшем Плевако. Он живет с теткой и сестрой, у него воспаление легкого; он очень обрадовался, увидав меня, поговорил с ним с ¼ ч., но я боялся долее сидеть, так как у него сильный жар; лечит его доктор Никитин[35], лечивший Льва Толстого; около 5 мы ушли. Между прочим, вспоминали о его деде А.А. Салтыкове, умершем 45 лет назад; он был антиквар, я у него покупал монеты.

14 (1) мая. +10°. К 11 ч. пошел в Оружейную палату, куда все члены комиссии пришли. Прежде всего занялись вышивками, затем прошли в отд<ел> экипажей. Пришел из Главнауки Эйферт по вопросу о спорных вещах, мы отстаивали 2 огромных кубка, взамен которых дали: кувшин, кружку и двойной кубок, по моей оценке, за те же 100 000 р. Составили акт, подписанный Эйфертом, Бирзе, Клейном и мною. После стали продолжать работу по передаче. Я очень устал, поел только черного хлеба, которого купил на 2 копейки, и выпил кружку чая.

15 (2) мая. +9°. Дождь. Сегодня кончили перевеску металлических предметов, серебра оказалось пудов 35, меди около 60 пудов. С 1 ч. до 4 шло заседание, распределялись экспедиции, рассматривались расходы и т. п. Заметно, что Милонов с ненавистью относился ко всему прошлому; его нетерпимость на меня неприятно подействовала. Дома нашел внука Мишу Зворыкина, который обедал. Киевский Лаврский музей попросил меня прислать мою статью о значении нумизматики; посылаю на имя директора эту статью и о родовых знаках.

16 (3) мая. +11°. Отправил в Киевский музей свои статьи. С утра занялся в Музее монетами, в 12 ½ ч. Милонов объяснял выставку посуды, начав словами, что он реорганизует кунсткамеру в музей социалистического строительства быта или что-то вроде этого; объяснял часа 2, после часть публики спустилась в залу заседаний, где желающие делали свои замечания, из них можно отметить существенные замечания и поправки А.В. Филиппова[36]. Встретил Н.Н. Соболева, ничего нового не сказавшего мне о Н.П. Лихачеве. Дома застал Нину, порядочно пополневшую (она беременна), и няню, прежде служившую у Нади.

17 (4) мая. +7°. Заехал на ¼ ч. в Музей, оттуда к 10 ч. отправился в Оружейную палату; Оружейная палата получила из Пучежа плащаницу 1441 г., сооруженную архиепископом Новгородским Евфимием. Из вещей осматривали мелочь в Золотом зале (теперь полон ящиков с вещами, ненужными

Палате). Выпив кружку чая, в 12 ¾ ч. поехал с Клейном в Главнауку, куда никто, кроме нас двоих и Е.К. Муромцевой, не пришел; просмотрели довольно много списков со спорными вещами, принадлежащими исключительно провинциальным музеям; в 4 ч. мы ушли, я проехал по **А** до Страстной площади, оттуда отправился в «Антиквариат», по дороге зашел в магазин бывший Елисеева, думая что-нибудь купить, но он был пуст, кроме шкапов с винами и немного со сластями; купил нуги и мармеладу. В «Антиквариате» виделся с Н.В. Власовым, он оценил канделябры покойного Дм. Д-ча 500 р.; видел О.Н. Бубнову, которая сказала мне, что кончает (?!) университет. К обеду пришла внучка Наташа. Вечером сидел с женой, Адель Шмидт и Наташей, читал им вслух: «Послание о дарвинизме», «Порой веселой мая» и «Поток-богатырь»[37].

18 (5) мая. +15°. Воскресенье. Сегодня свободный день, встал вместо 5 ½ ч. в 8 ¾ ч. Утром мыл ноги, остальное время занимался писанием статьи, вернее – обдумывал отдельные части статьи и записывал. В 5 ½ ч. пришла Танюша, сидела часа 2; пришли: П.Н. и Валя.

19 (6) мая. +10°. Зашел ненадолго утром в Музей, оттуда в Оружейную палату; Бирзе не пришла, ее замещал Вайнер, осматривали серебро, драгоценности; в 12 ½ ч. кончили. В Музее занялся монетами; видел кое-кого, рассказывали, что Н.П. Лихачев в Музее палеографии замещен Ольденбургом; кто-то получил от Н.А. Баклановой письмо, где просит выслать шелковое платье (?). После 3-х зашел к «Мюру» купить тетрадей, продали только 2 по 3 к. какого-то уменьшенного формата. Получил от Р.Р. Фасмера открытку, пишет, что его коллеги по Эрмитажу не согласны с моими конечными выводами. Проехал к С.Вл. Ивановой, рассказал ей мой разговор с Н.В. Власовым, посоветовал ей предложить канделябры Мосторгу; выходя от нее, встретил В.Т. Баронову, которая была сегодня в Главнауке, ей там сказали, что в персональной пенсии Софье Владиславовне отказано.

20 (7) мая. +10°. Летняя погода; вчера выставили балконную дверь. Занимался текущим делом, устал, так как ночь плохо спал. Получил от Миннза письмо, оттиски дошли благополучно. Сегодня уехала домой Адель Шмидт, прогостившая около 2-х недель.

21 (8) мая. +11°. В Музей утром пришел из «Антиквариата» Н.В. Власов и взял бесспорные предметы: табакерки, кружки, стопы, слуцкие кушаки, фелони и т. д.; в 12 ½ я пошел в Оружейную палату, но Вайнер явился только в 2 ч., в этот промежуток я пробыл у М.М. Постниковой, смотрел церковные ценности; с приходом Вайнера брали, как всегда, на выбор, оружие огнестрельное и холодное; в 3 часа все разошлись.

22 (9) мая. + 14°. Николин день. Утром в Музей заходил Орбели, рассказал об эрмитажных делах, об А.А. Ильине; просил серебряный ковш для Эрмитажа, я сообщил его просьбу Матвееву, которому посоветовал не давать согласия, т. к. Эрмитаж не возвращает взятых вещей; ковша не дал. Занимался текущими делами. Получил от Миннза его статью «Small bronzes from N. Asia»[38]. Сегодня вернулся из Петербурга Н.Д. Протасов, привез из Эрмитажа для нашего собрания рубль императора Константина Павловича; А.А. Ильин ценит его 10 000 руб.

23 (10) мая. +15°. Днем был сильный дождь с грозою, хотя барометр не отклонился ни на линию. Получил письмо от И.Г. Спасского, пишет о своем

большом горе: его мать столкнули с площадки вагона (в Нежине), и она, после 3-х недель страданий, умерла. Жаль мне прекрасного юношу! А.А. Ильин пишет, что, по его мнению, родовой знак на сребрениках и златниках с Христом не может быть моложе знака на Ярославле сребре. Получил из типографии Академии наук отпечатанный начисто 13-й лист «Материалов» Н.П. Лихачева и последние гранки в сверстанном виде. Весь день диктовал Нат. Ал-вне описание для книги поступлений предметов из Музея Александровой слободы. Написал А.А. Сиверсу открытое письмо в Ново-Туруханск (Сибирский край); посылаю ему под бандеролью 2-й выпуск «Словаря» Троицкого, и мои 2 последние статьи по нумизматике.

24 (11) мая. +9°. Утром послал А.А. Сиверсу письмо и бандероль. К 10 ч. пришел в Оружейную палату, с 10 ½ ч. начали проверять записи Архангельского, Благовещенского и Успенского соборов; в Архангельском выдающихся вещей нет, осматривали подвал с гробами цариц и царевен. В Благовещенском соборе превосходна ризница с мелкими иконами, все первоклассные предметы; поднимались на крышу собора в один из приделов в главе. В Успенском соборе помещены предметы из Соловецкого монастыря, видел очень хорошие. В 1 ½ ч. вышел из Кремля, очень устал. Придя в Музей, продиктовал Нат. Ал-не описание нескольких предметов из Музея Александровой слободы. Написал Макаренку, Мацулевичу.

25 (12) мая. + 10°. Воскресенье. Послал 18-й лист в типографию Академии наук. В Музее с утра отправился в библиотеку, где смотрел библиотеку покойного С.И. Чижова, это очень ценное прибавление к отделу нумизматики. Остальное время описывал предметы Музея Александровской слободы.

26 (13) мая. +16°. Утром Прохор Григорьевич выставил в моей комнате зимнюю раму и вставил стекло в форточку, которая всю зиму была забита дощечкой. Позавтракав, поехал к бывшей Городской думе, где сел на автобус № 10 и поехал в Останкино (цена 25 к.); автобус подходит к самому дому Шереметевых, во дворе которого меня встретила М.В. Будылина, и мы тотчас же пошли в дом; стильностью многих комнат он произвел превосходное впечатление; замечательно интересны остатки театра; картинная галерея неважная, нет (или я не заметил) ни одной порядочной картины. Прошел немного по парку, вспомнил, как около 70-ти лет назад я видел Александра II с женой... вернулся по трамваю № 9 с пересадкой на **Б** около Сухаревой башни. Дома нашел Л.В., которая обедала, в 7 ½ ч. ушла. Заходил Митя Зворыкин.

27 (14) мая. +15°. В 10 ч. отправился в Оружейную палату, где решено было идти в «Дом боярина» на Варварку, где я пробыл до ½ 1-го; книга поступлений ведется плохо, ни один памятник не описывается подробно; заведует некая Полянская, партийная, к науке никакого отношения не имеющая. В Музее ко мне обратилась от имени Н.В. Малицкого А.Д. Стена́[39] (?), интересующаяся лицевыми рукописями, ходил с ней в отдел рукописей. Описывал для книги поступлений вещи из Александровой слободы.

28 (15) мая. +16°. Осматривал в Музее те иконы, которые отобраны «Третьяковкой» (около 160). Описывал вещи из Александровой слободы (серебро). Заходил в Музей Сперанский, он слышал в Петербурге, что в июне будет суд над академиками; Крыленко якобы не находит у них состава преступления.

29 (16) мая. +13°. Вознесение Господне. Из Музея к 10 ч. пошел в Оружейную палату, но Бирзе явилась только в 11 ½ ч., стали знакомиться с делами канцелярии, кончили в 1 ½ ч. Придя в Музей, узнал, что завтра Третьяковка отберет все намеченные ею иконы; чем кончится «разбазаривание» Исторического музея нашими директорами – не знаю. Заходил Тройницкий. Хотел купить кусок мыла, но не нашел. Была Танюша с Алешей и Гулей, сидела часа 2. Я чувствую недомогание и боль в животе, хотя расстройства нет.

30 (17) мая. +12°. Сегодня с утра «Третьяковка» должна была брать из Музея отобранные иконы; третьего дня я говорил Милонову, что невозможно многих икон отдавать, в ответ он назначил комиссию из меня и Бирзе, которая должна была решить, что не отдавать. Сегодня, когда я пришел, Бирзе сказала, что она не пойдет, просила быть мне одному. От Третьяковки главным был Гамза, очень возмутившийся мной, который не отдал многих вещей, пригрозил, что будет жаловаться Главнауке на меня, не исполняющего предписания правительства, я ему ответил, что доносить он может, но я интересы Музея должен соблюдать и против насилия не пойду, т. к. это бесполезно. В 2 часа мы кончили баталию на словах, но расстались дружелюбно. После 3-х зашел за мылом к «Мюру», но его не было. Вчера вечером приехала Лёля из Тарусы. Вечером немного поработал над статьею.

31 (18) мая. +11°. Сегодня у меня свободный день. Утром побрился, мыл ноги, до 3-х часов писал статью. В 4-м часу пришел А.В. Сосновский, побеседовал с ним, он обедал, в 7 ч. ушел.

Июнь 1930 г.

1 июня (19 мая). +6°. Воскресенье. Был в последний раз в Оружейной палате, подписывал 10 протоколов в 3-х экземплярах; в 12 ½ ч. ушел в Музей, где продолжал описывать вещи из Александровой слободы. Жебелев пишет мне, что едва ли Академия наук напечатает 3-й выпуск «Материалов» Лихачева. Сколько времени ходит Боголюбов[8*] к Лёле в качестве «жениха», но ни разу никто – ни жена, ни Лёля, ни сам он, – не выразили желания поближе познакомить меня с ним; при встрече мы обмениваемся молча рукопожатиями и расходимся. Странные отношения ко мне!

2 июня (20 мая). +4°. Весь день занимался текущим делом, вписывал поступления из Александровой слободы (иконы царского изографа Михаила Милютина[40], Симона Ушакова); показывал кое-что Винклеру[41], очень симпатичному немцу из Кёнигсберга, очень изуродованному на войне; отбирал дукачи для съёмки И.Ю. Спасскому. После 3-х зашел в Охотный ряд, купил ½ бутылка мадеры (1 р. 70 к.) для завтрашних именинниц.

3 июня (21 мая). +4°. День именин жены и Лёли. Продолжал описание предметов из Александровой слободы: плащаницы, покровцы и т. п., один из покровцев очень богат по количеству жемчуга, алмазов. Ходил с Милоновым, Ал. Мерк. [Емельяновым], Топорниным в кладовую для разборки вещей. Слышал, что сюда приехали двое ученых хлопотать перед правительством за академиков. Помоги им, Господи! Придя домой, нашел Валю с Зорей,

[8*] В оригинале – Боголепов.

Дневник. Десятая тетрадь. Май–июнь 1930 г.

которые обедали, пришли Танюша (подарила маме 10 яиц сырых), потом В.Д. Бакланова; я ушел к себе и заснул, пока я спал – пришли Дьяченко с женой, жена меня <не> разбудила, сказав, что я уже лег спать.

4 июня (22 мая). +5°. С утра я разбирал с Милоновым и Бирзе те иконы, которые я не отдал Третьяковской галерее; Милонов настаивал отдать все, что требовала Третьяковка, я защищал, Бирзе меня поддерживала; просмот-

рев 42 иконы, я ушел, явился Гамза, с которым без меня Милонов говорил, чем кончились их разговоры – не знаю. Ходил с Новицким в кладовую, отбирали для выставки «торгового капитала» привозные вещи. Было заседание Ученого совета, некоторые отделы делали доклады на тему, что ими сделано с 1 октября. В 4 ½ ч. пришла О.И. Попова, сидела часа 3, рассказывала о своих литературных занятиях, главным образом, об архивных изысканиях. Она приехала из Староекатерининской больницы, где навещала А.Б. Салтыкова, он поправляется, хотя еще слаб.

5 июня (23 мая). +5°. Сегодня у меня свободный день. Прочитал «Воскресение» Толстого; читая, пережил много отрадных минут для души и испытал много наслаждения от художественного изложения рассказа. Весь день писал статью, читал материалы к ней. Температура воздуха начинает, как будто, теплеть.

6 июня (24 мая). +8°. В Музее до 11 ½ ч. описывал предметы из Александровой слободы, в 11 ½ ч. отправился в Главнауку, переименованную в Секторнауку (?), где были только Клейн и я, <к> часу пришел В.Н. Лазарев из Музея изящных искусств, докончили просмотр спорных предметов, между прочим, ряд картин Эрмитажа со «Св. Семейством» Рафаэля (оценка 2 000 000 р.), которые разрешили продать, в числе их и Рафаэля, кроме 4-х. В 3 ¼ ушли. Домой дошел пешком. Вечером пришли: Валя с дочерью и внуком.

7 июня (25 мая). +8°. Весь день был один в отделе, описывал фелони из Александровой слободы. Слышал, что у А.Б. Салтыкова опять повысилась температура до 37,8°. В 2 ½ ч. пошел в Секторнауки, куда пришел А.С. Петровский для обсуждения спорных книг, отобранных из Томского университета, где до полумиллиона книг, главным образом, из собрания Строганова. Сегодня в фотографической комнате Музея профессор Винклер кинофотографическим аппаратом снял с меня несколько метров, обещал увеличить с лучшего снимка и мне прислать; я просил его также послать Вере, адрес которой дал ему. Вечером заходил А.В. Сосновский, по его просьбе дал ему сочинения князя Сибирского.

8 июня (26 мая). +9°. Троицын день. Тоскливо провел великий праздник. Такое притеснение религиозного чувства еще более его увеличивает, по крайней мере, у меня. В Музее весь день описывал церковные ткани, облачения из Александровой слободы.

9 июня (27 мая). +10°. Духов день. Продолжал в Музее описывать ткани из Александровой слободы. Приехал из Петербурга академик В.Н. Перетц[42], на мой вопрос, не знает ли он что о процессе академиков, ответил, что не знает, рассказал, что Лихачев находится в состоянии прострации, на всякий вопрос отвечает «да», что бы ни спросили. Встретил на улице Цызырева, на мой вопрос о Зенбицких сказал, что все 5 братьев умерли: М.Н. от аппендицита, П.Н. от тифа, 3-й не помню, а 4 и 5 кончили самоубийством (один застрелился, другой повесился!)[43]. В 7 ½ ч. отправился к Сосновским, угощали по теперешнему времени роскошно; ушел от них около 12; пошел, в сопровождении Сосновских, по Поварской, так как все трамваи, по случаю ремонта, изменили маршруты, сел на Кудринской площади.

10 июня (28 мая). Встал около 11 ч., на солнце температура +23°. Днем до 4-х часов читал материалы к статье, немного писал. В 4 ч. пришла Л.В., обедала, в 7 ½ ч. ушла.

11 июня (29 мая). +10°. Докончил опись вещам Александровой слободы. С 11 ½ до 3 ½ ч. шло заседание: заведующие отделами читали отчеты об их работах с 1 октября. Видел О.Н. Бубнову в Музее, принесла мне показать прекрасную рукопись в 12 д<олю>, лицевую, календарного характера, за которую ей дают 200 р.; между прочим, ругнула экспозицию по методу Милонова в залах Музея. Около 9-ти пришел Гр.Ал. Ряжский, сидел <до> 11 ¼ ч., интересный собеседник, живой человек.

12 июня (30 мая). +12°. На службе был один в отделе. Пришел В.Ф. Ржига, попросил дать ему материала по одежде домонгольского периода к его статье (снимков с древних тканей и т. п.) и также материалы для иллюстраций к «Слову о полку Игореве»; замысел интересный, так как никто этим не занимался; я указал ему кое-что. Ходил в комнаты над Иверскими воротами, отделанные под рабочие кабинеты Музея; в архитектурном отношении очень интересны. Читал текст объяснительный по-немецки к молитвам Гертруды, жены Изяслава Ярославича, они имеют историческое значение. Дома нашел Дарью Андреевну, Т.Н. Александрову с дочерью, пришедших обедать. Вечером немного поработал над статьею. Получил от некоего С.М. Голдина, сотрудника Эрмитажа, [письмо], просит отобрать памятники нашего Музея с «геракловым узлом». Узел я знаю, но никогда им не интересовался, даже не знаю, есть ли он у нас.

13 июня (31 мая). +14°. Вчера около 11 ч. вечера украли из передней примус. Занимался в Музее текущей работой. Заходила в Музей Варвара Константиновна Соколова (муж ее Соколов расстрелян большевиками) с внуком, побеседовал с ней, вспомнили Езучевских.

14 (1) июня. +16°. Плохо спал ночь. Начал в Музее заниматься монетами, но очень мешали: сначала пришел В.Н. Лебедев, наш юрисконсульт, с просьбою прочесть одну грамоту 1717 г., затем пришла М.В. Будылина с прошением в Оружейную палату о зачислении ее на службу, ходил с нею к Клейну в отдел тканей, где она и вручила прошение. Явился Милонов, попросил отпустить в Третьяковскую галерею иконы, я было отказывался, но он сказал, что других специалистов нет; я согласился отпустить 100 икон, а более я устаю, так как приходится каждую икону брать в руки, осматривать, диктовать причину, почему я оставляю икону и т. д.; однако отпустил до 150 икон, из них 40 с чем-то оставил в Музее, остальные в Третьяковскую галерею. Заходил побриться в парикмахерскую против Музея, т. к. с моим брадобреем Андреем Ивановичем что-то произошло: вчера я зашел было к нему, но его стеклянная дверь была разбита и заделана деревом, на звонок никто не вышел. Слышал, что на днях сгорело в Волоколамске до 200 домов, и в той местности крестьяне волнуются, обещают сжечь все, что уродится… Сегодня П.С. Рожицкий уезжает в Одессу на месяц или более.

15 (2) июня. +20°. Воскресенье, у меня свободный день. Был в храме Богоявления в Дорогомилове; с большим чувством простоял литургию, хор Нестерова пел великолепно. Написал Минннзу, послал ему фотографию с фриза рога из «Черной могилы». К вечеру пришла внучка Наташа. Жена продала часы из столовой за 50 р. одному из жильцов, который отдал их в чистку, взяли 12 р. Часу в 8-м пришла Танюша с Гулей, сидела не более часа; подарила мне как редкость (!) несколько карамелек.

16 (3) июня. +12°. Вчера вечером была небольшая гроза и дождь. Послал в заказном письме Миннзу фотографию с фриза турьего рога из «Черной

могилы». В Музее спрятал с помощью Л.В. все серебро из Александровой слободы. Отобрал около 200 икон, частью в Третьяковку, частью оставил в Музее. После 3-х зашел на Петровку, купил немного вина. Получил 4-ю корректуру последних страниц работы Н.П. Лихачева (стр. 273–279 18-го листа).

17 (4) июня. +8°. Отослал в Академию наук последнюю корректуру труда Н.П. Лихачева. В Музее занимался текущим делом. Купил чайник для сбитня за 10 р. После 3-х зашел к Мюру, хотел купить печенье, не только печенье, но ничего съедобного не было, все полки пустые. В отделе, кроме меня, никого не было. Приехав домой, нашел Л.В., приехавшую проститься: сегодня уезжает в Петербург на 2 недели, обедала (лапшу с мясными консервами и блинчики!), в 7 ч. ушла. Узнал, что Лёля наняла дачу в Тушине на средства Боголюбова[9*], куда сегодня переехала (не понимаю, что делается).

18 (5) июня. +10°. Докончил разборку суздальских и нижегородско-суздальских монет, выделил дублеты. После 3-х пошел в «Антиквариат», где Н.В. Власов показал мне много кружек XVII–XVIII в. Хороша одна, работы Телота. Вечером Н.В. Власов заезжал ко мне, я ему показывал имеющийся у меня эскиз плафона (масло) работы XVIII столетия; он думает, что писан в России художником-иностранцем.

19 (6) июня. +9°. Утром и днем шел небольшой дождь; пасмурно, свежо. В Музее принялся за отбор монет московских уделов, но прервал работу отпуском в «Антиквариат» финифтяных табакерок, миниатюр, составлением акта и т.д. Принимал Н.В. Власов. Придя домой, перед обедом вымыл ноги.

20 (7) июня. +10°. День рождения жены. Поздравить пришли: Анна Давыдовна (еврейка – чернильница), принесшая вазочку варенья и вазочку меда, Ольга Ивановна испекла коржики из своей муки, но наши дрова; приехала Лёля с дачи, Валя с дочерью и Зорей, дядя Доля. Обедали скромно: лапша и пшенная каша. Я весь день писал статью. Завтра переводится время на *1 час* вперед[10*], кажется, до *30 сентября*.

21 (8) июня. +10°. С 11 ½ до 2-х шло собрание с Милоновым и Бирзе; главный вопрос был: требование Третьяковской галереи отдать ей иконы Владимирской Божией Матери, Донской, «Спас златые власы» и Архангела Гавриила; требования предъявил Гамза, ему энергично возразила Бирзе, отстаивая все 4 иконы; на вопрос Милонова – почему иконы нужны Музею – кто-то, кажется, Протасов, сказал, что они важны в антирелигиозном отношении, что очень понравилось Милонову, и он решил их оставить. Гамза был обижен резкими замечаниями против Третьяковки и, рассерженный, ушел, сказав, что сообщит все Сектору науки (бывшая Главнаука). Остальная часть заседания была посвящена музейным делам. Получил жалованье, после 3-х отправился в ряды за примусом, но не нашел, пришел к «Мюру», но и там не было, купил 3 лампочки в 25 свечей по 40 к. Дома нашел Танюшу с правнуками Машей и Алешей, которые скоро ушли. Днем несколько раз шел дождь. Чувствую недомогание, принял аспирина.

[9*] В оригинале – Боголепова.

[10*] Зачеркнуто «вперед» и написано «назад», затем зачеркнуто «назад» и восстановлено «вперед».

22 (9) июня. +10°. Воскресенье. Из Музея в 10 ч. пошел в Оружейную палату, куда должна была одновременно прийти Бирзе, но опоздала на 1 ½ ч.; мы должны были просмотреть библиотеку (там около 16 000 томов); 2/3 в порядке, а 1/3 в большом беспорядке, что и было нами отмечено в акте; в 1 ч. я ушел. Ко мне пришел В.Ф. Ржига, с которым сговорились на пятницу отобрать ткани для фотографирования. Написал Н.Г. Порфиридову[44] в Новгород, попросил его прислать фотографию с гробницы новгородского князя XII в., вскрытую в Софийском соборе.

23 (10) июня. +8°. С утра чувствую недомогание. Придя в Музей, тотчас засел за разбор монет Галицкого княжества. Чай пил в буфете, за 2 стакана чая с сахаром и за 2 куска черного хлеба заплатил 10 копеек. Купил в кооперативе ½ литра водки (1 р. 87 к.), влил в нее рюмку чая и всыпал ложку сахарного песка; перед обедом выпил 1 рюмку. Вечером заходил К.В. Крашенинников, переводил мне молитвы Гертруды из Троицкой псалтири, ушел в 10 ч., дал ему книгу Stetiner'а о Риме.

24 (11) июня. +8°. Докончил в Музее разбор галицких монет, принялся за можайские. Получил открытку от Веры и Наташи, поздравляют бабушку с днем рождения. У Наташи послезавтра выпускной экзамен в Сорбонне. Получил письмо от Л.В. из Петербурга, недовольна деловой стороной своей поездки. Часов около 9 пришел А.В. Сосновский, показывал старинную серебряную посуду, предложенную ему; ушел около 12 часов.

25 (12) июня. +10°. Сегодня у меня свободный день, которым пользуюсь, чтобы поправиться от недомогания, которое продолжается. Днем немного поработал над статьею; читал Савельева, Погодина («Русскую историю»). Днем почувствовал боль в желудке и позыв, из меня вышло густой темной крови со столовую ложку; более не повторялось. Вечером неожиданно пришла к нам приехавшая из Керчи воспитанница покойной сестры – Софья Васильевна, сидела у меня часа 1 ½, беседовали о тяжелых временах, которые переживаем. Кончаю тетрадь. Сколько в ней отмечено тяжелых моментов нашей горькой жизни! Просвета совсем не вижу... Господи, спаси нас!

Сонет

Нет, мраморных гробниц расписанные плиты,
Вам ввек не пережить хвалебный голос мой!
Нет, песни о тебе не будут позабыты
Как надписи на урне гробовой!
И если бы война низвергла мавзолеи,
А чернь мятежная все зодчество людей –
И тут ни Марса меч, ни грозных битв трофеи
Не тронут памяти прославленной твоей!
Ни смерти не страшись, ни горечи забвенья;
Нет, в памяти людей ты будешь жить всегда,
И слава о тебе пройдет чрез поколенья
И будет в мире жить до Страшного Суда,
Когда, покорная призыву Вышней силы,
Прекрасной, как всегда, ты встанешь из могилы.

(*автор Шекспир, перевод графа И. Мамуны*)

Тетрадь одиннадцатая
(26 июня – 22 сентября 1930 г.)

Июнь 1930 г.

26 (13) июня. +8°. Докончил разбор монет Андрея Дмитриевича Можайского; благодаря Дроздовскому кладу определилось несколько типов монет Андрея Дмитриевича, отнесенных мною к Ростову. С 12 ½ до 2 ч. отпускал в Третьяковскую галерею иконы. После 3-х зашел на Петровку, купил ½ бутылки красного вина. Сегодня в 5 ч. в Большом театре открывается XVI съезд большевиков; театр оцеплен. Что-то скажет провинция? Будет ли сказана правда? Или, как всегда, мы будем обмануты? Вечером шел дождь.

27 (14) июня. +11°. Был в Музее В.Ф. Ржига, показал ему Распятие с Предстоящими, нашитое на сасанидскую ткань, и 2 обрывка материи от одежд Андрея Боголюбского и другого князя; просил сфотографировать все три. Приехала из Петербурга Л.В., много рассказывала о своих впечатлениях. После 3-х поехал в бывший Музей фарфора в Большой Знаменский переулок к С.З. Могрычеву, который меня вызывал по телефону; С.З. показал мне более сотни серебряной мелкой посуды из собрания Алексея Викуловича Морозова, теперь принадлежащей Музею фарфора, и предложил взять ее в наш Музей, я согласился. Оттуда проехал к «Мюру» за мылом, обещали выдать по 30 талонов карточки 1 или 2 июля; в кондитерском отделе выдавали в очередь по 3 палочки шоколаду по 10 копеек каждая (!)

28 (15) июня. +12°. С ужасом и удивлением увидал, что наши варвары разрушают купола храма Илии Пророка... Доканчивал разбор можайских монет.

29 (16) июня. +12°. Воскресенье. Была закупочная комиссия с Бирзе и с Мельниковым (?), купили 4 кабацких крючка и приспособление к плетению кружев, за все 8 рублей. Отпускал Третьяковской галерее иконы, принимал А.Н. Свирин и незнакомый мне молодой человек. Утром заехал на почту и послал мою последнюю статью в Прагу в библиотеку Seminarium Kondacovianum. К обеду приехала Л.В.; читал ей кое-что из статьи, уехала в 7 часов.

30 (17) июня. +12°. Сегодня у меня свободный день. Весь день писал статью (о монете Олега Святославича). После обеда заходила Танюша с Гулей, сидели недолго.

Июль 1930 г.

1 июля (18 июня). +9°. Занимался монетами Вереи. Был один из чиновников шведского посольства, я объяснял ему значение букв (титул) на серебряном бокале времени Петра I, бокал посланник выиграл при игре в теннис. Возвращался на трамвае № 1 по вновь проложенным путям: с Красной площади повернули мимо Василия Блаженного на Варварку, через Варварскую площадь по Солянке, Хитровым рынком, Покровским бульваром через Земляной вал к Курскому вокзалу; путь стал короче. Получил от Minns'а письмо, помеченное вместо месяца «Иван Купала», пишет, что какой-то Щербаків-

ский в Праге пишет «всякую всячину, и, между прочим, о монетах св. Владимира»[45].

2 июля (19 июня). +12°. Утром в Музее было заседание у директора библиотеки Цитовича организационного характера по вопросу об упорядочении выдачи книг. После 1 часа занимался верейскими монетами, меня часто отрывали, между прочим, явился американский ученый (?) Цейтлин (какой он нации, видно по фамилии), говорящий по-русски; по новым, мне неизвестным правилам, американцев пускают к занятиям только по разрешению Главнауки или ВОКС'а, но заместитель директора Мельников (бывший комсомолец), узнав, что буду в рукописном отделе сопровождать американца я, пропустил его. Возвращался на № 31, сев на Воздвиженке, у Троицких ворот поворотили на набережную, свернули к Варварской площади, через Солянку, Хитров рынок по Покровскому бульвару, через Земляной вал к Курскому вокзалу.

3 июля (20 июня). +11°. Небольшой дождь. В Музее весь день занимался только монетами, докончил разбор и выделение дублетов монет Вереи. Большевики торжествуют победу, противники их: Томский, Угланов и др., – произнесли покаянные речи. Распространился слух, что Томский, Рыков и Бухарин (он не был на съезде) арестованы[46].

4 июля (21 июня). +12°. Дождь. Весь день в Музее занимался монетами, принялся за монеты княжества Серпуховского. Получил из Академии наук издание «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII–XXXIX; прислали, вероятно, по указанию кого-то. Вечером зашел А.А. Карзинкин; моральное его состояние ужасно, его тяготит бездеятельность и жизнь на заработки жены и дочери; он решил продать превосходный портрет своей бабушки работы Тропинина 40-х годов. Посидел с ним с час, выпили по 2 рюмки мадеры. Бывший технический служащий в Музее Комнаткин зашел ко мне в отдел и сказал, что взялся за 2300 р. снять 4-х медных орлов с Музея; я его расспросил рассказать подробнее: снимать будет сам с одним помощником, лесов строить не будет, потребуется только 2 дерева, кажется, по 12 аршин; весу в орлах, думает, по 60 пудов; проработает с месяц, расходу будет 700–800 р., остальное остается ему. Если мне память не изменяет, то в начале революции, когда хотели снимать орлов, была подана смета в Главнауку на устройство лесов и прочее в 40 000 р.; смету не утвердили.

5 июля (22 июня). +13°. Сегодня у меня свободный день. До 12 ч. позанялся статьей, в 12 ½ ч., выпив с черным хлебом 2 чашки кофе «Здоровье» (сносное), поехал в Зоологический сад; дорогой пошел очень сильный дождь, размывший кое-где путь (нанесло песку), так что пришлось объехать. В Зоологическом саду осмотрел наиболее для меня интересных животных и птиц; получены новые обезьяны с Мадагаскара, мартышки, крупнее макак; любовался дракой 2-х селезней, которых старались разнять 2 гусака, но напрасно, подошел сторож-мальчик и одного взял и бросил в пруд. Видел кормление хищников; посещению отдела с пресмыкающимися помешал дождь, и было уже 3 ¼ ч., я сел в трамвай. В 5 ч. была гроза с дождем.

6 июля (23 июня). +12°. Воскресенье. Утром немного поработал. В Музее продолжал заниматься монетами. Заходил Сосновский, принес договор между Сектором науки и СФА о дублетах. После 3-х ходил с Л.В. в Большой Кисловский переулок к В.Г. Лидину[47] (он по болезни не выходил), смотре-

ли сеточку со стклянками, шкапчик начала XIX столетия, стклянки, может быть, старее. Возвращался в трамвае под сильным дождем с грозою. Получил от В.А. Шугаевского интересное письмо касательно печатания 3-го выпуска «Материалов» на украинском языке; ответил ему, что преждевременно и опасно об этом начинать разговор.

7 июля (24 июня). +12°. Праздник Ивана Купала, сколько личных воспоминаний с этим днем! Разбирал в Музее обширный отдел боровских монет.

8 июля (25 июня). +13°. Придя в Музей, вскоре отправился в секцию научных работников, где возобновил билет по 1 января 1932 г.; оттуда прошел в Мосторг, где навел справки о монетах, найденных в Полтавской губернии и отосланных в Мосторг; монеты были, судя по письму из Полтавы, английские XVII в.; в Мосторге сказали, что монеты получены и отосланы в Петербург на монетный двор. Остальное время в Музее разбирал монеты Петра Дмитриевича [князя] Дмитровского, отличающиеся очень плохой сохранностью. Дома нашел сестру Сашу, временно приехавшую из Малаховки. В пятницу Лёля уезжает с Н.А. Боголюбовым в Сталин<а>бад[11*]. Мою беседу с Сашей прервал приход А.А. Захарова, который просидел у меня более 2 часов, ведя бесконечные разговоры о своих работах, мало для меня интересных; уезжает около 11 числа на Кавказ.

9 июля (26 июня). +12°. В Музее в моем отделе все время была тишина, у Н.А. выходной день, Л.В. зашла на 5 минут (она сняла дачу, куда переезжает); я кончил разборку монет всех уделов Москвы, теперь примусь за Ростов и Ярославль. Дома нашел Маню Клеопину-Гусеву, которая обедала. К вечеру приехала Танюша с Гулей, сообщила, что Маша с детьми поедет куда<-то> под Козельск. Часов в 8 вечера пошел дождь.

10 июля (27 июня). +14°. Дождь. Сегодня у меня свободный день. Весь день читал о весе древнейших монет, кое-что написал, но, по-видимому, никакого результата не будет. Днем была Валя с дочерью и внуком, дочь ссорится со своим сожителем. Лёля завтра собирается выехать с Боголюбовым, укладывается. В 8 ½ ч. пришла Л.В., сидела до 10 ½ ч. у меня, пили чай, беседовали об искусстве. Вечером пришел Ник. Ал. Боголюбов, рассказывал о местах, куда едут; приедут на 7-й или на 8-й день; адрес его: Таджикская ССР, Гарм, Окрздравотдел, Н.А. Боголюбову для Е.А. Борги.

11 июля (28 июня). +11°. В Музее был безалаберный день, многочисленные посетители постоянно отрывали от работы; успел немного заняться ростовскими монетами. Купил Лёле в дорогу одеколону. Пришли Пав. Ник. с Валей, дочерью и внуком проводить Лёлю. На Рязанский вокзал Лёля из дому выехала в 6 ¼ ч., поезд отходил в 7 ч. 20 м.; провожали ее на вокзал: Анюта, Зинаида Алексеевна, Ольга Ивановна. Да поможет Господь Лёле устроиться!

12 июля (29 июня). +12°. Петров день. Получил из Главнауки распоряжение выдать все бесспорные и спорные вещи, отобранные ударной бригадой, в числе их уваровскую табакерку, еще 2 табакерки и surtout de table Lamérie (на 225 000 р.!). Отбирал для СФА витрины, которые приезжал смотреть Сосновский с кем-то; одобрили. Немного занялся монетами. По случаю отъезда завтра в деревню Анюты, я обедал в Цекубу; теперь обед один в 70 копеек, сегодня был перловый суп с мясом, вкусный, очень хорошая фаршированная

[11*] Название города Душанбе в 1929–1961 гг.

капуста; после выпил стакан чаю и съел сладкий пирожок; сидел с Н.И. Новосадским, его супругой В.А. Дударевой, после под<сел> С.В. Милеев, рассказавший мне, что на днях был заочный суд над Бабенчиковым, которого обвинили во *вредительстве* (сорвал антипапскую выставку и т. п.); обвиняемого не было: он в отпуске. По-моему, такой заглазный суд недопустим. Председателем был Цитович. Выйдя в 5-м часу из Цекубу, попал под сильный дождь, продолжавшийся целый час. Вечером заходила Танюша с Гулей; они остались дома вдвоем, Маша с детьми уехала в Рыбную.

13 июля (30 июня). +12°. Воскресенье. Отобрал из серебряной кладовой 3 табакерки и surtout de table работы Ламери, написал акт. Заходила О.Н. Бубнова, просила ей, то есть «Антиквариату», продать до 100 медных образков, которые думает продать американцам. Успел немного заняться монетами. Часа в 2 пришла Л.В., после 3-х пошел с ней в секцию научных работников на Театральной площади, оттуда прошли на Петровку, 5 в магазин «Художник», куда А.А. Карзинкин отдал на продажу портрет своей бабушки работы Тропинина; там мне сказали, что сегодня смотрел Нерадовский из Русского музея. Дома Л.В. обедала. Анюта уехала до 1 августа в деревню. Сегодня в Музей доставлено из Музея фарфора 220 экземпляров серебряной мелкой и средней посуды.

14 (1) июля. +12°. Дождь. Утром явились представители Главнауки, финансового отдела, «ударная бригада», и я с Л.В. отправился в серебряную кладовую, где мы отбирали им серебряные вещи немузейного значения: оклады с икон, куски басмы, несколько целых предметов позднейшей работы; в 1 ч. кончили. Явились из «Антиквариата»: Андрей Иванович Цветаев[48], сын покойного Ивана Владимировича, и один из служащих; отдали им все 3 золотых табакерки, surtout de table и 4 портрета. Устал порядочно; придется завтра Л.В-не и мне быть в Музее. В 7 ½ ч. отправился к Гр.А. Ряжскому, доехал до Красных ворот на **Б**, оттуда в Машков переулок пешком; трудно было подниматься в 6-й этаж по 120 с чем-то ступеням; приятно в беседе провел вечер, познакомился с его женой, малоинтересной и очень молодящеюся женщиной; ушел в 11 ¾ ч., пришлось идти пешком, т.к. в нашу сторону ни **Б**, ни [№] 20 не ходили.

15 (2) июля. +13°. Встал часов в 8, в Музей приехал в 10 ½ ч. Сегодня мой свободный день, но я решился пойти в Музей, чтобы разобрать по сортам отобранные вчера бригадой предметы. Все время до 2 ½ ч. Л.В. и я занимались в кладовой. После 3-х я с Л.В. поехали к нам обедать, пришел к обеду Митя внук, вскоре ушедший. После обеда пришел Б.Н. Граков, вскоре за ним Н.А. Бруни; приезд его сюда очень меня обрадовал, он хочет у Калинина хлопотать о судьбе арестованных в Петербурге: сыне П.Н. Волкова и еще о ком-то. Беседу до 9 ч. вели очень оживленную.

16 (3) июля. +12°. В Музей утром пришел бакинский археолог Азимбеков, интересующийся мусульманскими надписями; я ему показал нашу каменную плиту, разобранную В.Г. Тизенгаузеном и изданную в «Отчете Исторического музея», еще 2, и серебряный кубок, поднесенный бакинцами Валериану Зубову; завтра хотел еще раз прийти. Остальное время переписывал номера серебряных вещей, отобранных бригадой. К обеду пришел Коля Бруни, вскоре Танюша с Гулей и Валя. Беседовали до 7 часов, после все, кроме Валечки, ушли. Вечером поработал часа 1 ½.

17 (4) июля. +11°. Утром приехал из Одессы П.С. Рожицкий, рассказывал, что там такая же разруха, как и в остальной России, кроме того, страшный недостаток в мелочи, что создает большие неудобства. Идя на службу, зашел в бывший храм пророка Илии, который отделывается под Музей восточных культур, хотел войти посмотреть, но какая-то комсомолка не пустила. Послал в Почтамте на Мясницкой Лёле письмо воздушной почтой простое за 45 к. (заказное стоит 65 к.); на мой вопрос, как скоро оно дойдет, мне ответили, что неизвестно, т. к. по аэроплану пойдет только частично, остальной путь по железной дороге. В Музее продолжал с Л.В. переписывать отобранное ударной бригадой. Часу в 7-м была небольшая гроза.

18 (5) июля. +11°. Докончил с Л.В. отборку и опись серебра для Госторга. Л.В. завтра уезжает на дачу. Получил открытое письмо из Туруханска от бедного А.А. Сиверса, неизвестно за что сосланного туда; сообщение с Туруханском, по-видимому, неудобное: я ему написал 24 мая, он мне, вероятно, тотчас же ответил 8 июня, но письмо оттуда пошло только 28 июня и пришло сегодня; как он был рад моей посылке. Получил письма: от А.Н. Зографа с острова Березани и от А.А. Ильина. Днем была небольшая гроза. Идя домой, встретил Валю с семьей и внучку Наташу, которая меня поздравила с 16-м правнуком: у Нины родился мальчик[49]. К обеду пришел Коля Бруни, сидел до 8 ч., завтра едет к сыну в Рыбинск, оттуда к себе в Петербург. В 5 ч. была 2-я гроза с сильным дождем.

19 (6) июля. +13°. Ночью проснулся от грозы. Проверил в Музее перепечатанные описи для Госфонда; вскоре явился председатель бригады Петухов, который подписал все 5 экземпляров описи и взял с собою, чтобы дать подписаться остальным. Отбирал медные иконы для «Антиквариата», набрал 60, остается еще 40. После 3-х зашел к Мюру, купил 2 бутылки красного Абрау (по 1 р. 80 к.) и ½ бутылки английской.

20 (7) июля. +16°. Воскресенье. Сегодня у меня свободный день. Был у литургии в храме Богоявления, пели хорошо, хотя хор был небольшой и вместо Нестерова управлял другой; очень хорошо спели короткое «Хвалите Господа» (запричастный стих) Чеснокова. Недостаток в мелочи сказался: в церкви не разменяли рубля, также в трамвае. До обеда занялся статьей. После обеда неожиданно пришли Валентина Ивановна [Попова] с сестрой Татьяной Ивановной (Киской по прозванию); Валентина Ивановна вчера только приехала из Петербурга и завтра сбирается на месяц к сестре Ольге Ивановне под Малый Ярославец[12*]; сидели почти до 10 ч., беседовали о петербургских и здешних музейных делах. Вечером была гроза.

21 (8) июля. +17°. Праздник иконы Казанской Божией Матери. Отбирал для «Антиквариата» 100 медных образков. Смотрел на отобранные табакерки лукутинского изделия, которые Кустарный музей желал бы получить в собственность; я сказал, что этого сделать нельзя. Немного занялся ярославскими монетами. Придя домой, узнал, что должна приехать из Сочи Надя с семьей; только что сел за стол, как она явилась, и с ними человек 7 встречавших. Я начал обедать, но щи есть не мог: прокисли от жары; съел 2 яйца и 3 пирожка с мясом. Надя привезла десятка 3 персиков, недозрелых, между ними нашел

[12*] Малоярославец.

2 почти созревших, которые с аппетитом съел. В 7 часов все уехали в Тайнинку.

22 (9) июля. +12°. Дождь. Приготовил опись и другие бумаги на отобранные медные иконы для «Антиквариата», которые (их 100) расценил в 222 р. 50 к. Занялся немного монетами Ярославля. Заходил Сосновский, приносил статьи Голикова[50] для журнала «Советский филателист», хотя статьи нумизматические. Вечером приехала Танюша с Гулей, сидела с час.

23 (10) июля. +12°. Сектор науки НКП известил, что опять придет новая бригада отбирать цветной металл, который не у меня, но так как заведующего Новицкого не было в Музее, то пришлось мне обойти все места, где имеются ненужные вещи; пришлось обойти самый верхний и подвальный этажи; устал. Разобрал часть монет Ростовского княжества. Просмотрел наше собрание слитков с целью осмотреть надписи, клейма, родовые знаки, нашлись очень любопытные.

24 (11) июля. +12°. Получил от Лёли письмо из Кагана (Новая Бухара) от 17 июля; путешествие ее очень интересует. В Музее большую часть времени диктовал опись серебряной посуды из Музея фарфора. Надюша у нас ночевала сегодняшнюю и вчерашнюю ночи; взяла билеты себе и Мише в Златоуст на воскресенье. Часу в 10-м приехали Сосновские, сидели до 6-го часа, ели, пили английскую горькую, красное вино; выпили 2 бутылки Абрау; разговоры были легкого содержания.

25 (12) июля. Встал около 12 ч., температура на солнце +23°. Проснулся ночью от сильной рези в мочевом пузыре; с трудом помочился; поднялась тошнота, по-видимому, от отварных грибов, но рвоты не было. Днем была сильная слабость, спал часа 2. К вечеру пошел дождь. По совету Надюши пил боржом по ½ стакана через 2 часа.

26 (13) июля. +13°. Боли прошли, осталась слабость. Все время в Музее диктовал Н.А-вне описание серебра из Музея фарфора. Вечером была гроза с сильным дождем. Поработал над статьей.

27 (14) июля. +13°. Воскресенье. До 1 ч. спал, в 1 ч. был разбужен стуком в дверь снизу; я встал, чтобы отворить, пришел Олег и Алексеев; меня очень взволновала такая бесцеремонность, тем более, у всех квартирантов имеется ключ от двери, и я ни минуты не уснул. Неожиданно рано приехала с дачи Л.В. и попросила меня отобедать с нею в Цекубу, я ее попросил съездить домой и предупредить жену, что я не приду обедать; она съездила домой и к 3-м часам приехала за мной. Явился от Главнауки Левинсон и представитель от металла, крайне неприятный человек; когда я ему показывал, что могу дать, он назойливо требовал и остальное. В Цекубу мы съели по обеду в 70 к., по пирожному в 20 к., и выпили по стакану чая 10 к. (всего 1 р.); суп был отвратительный из свежих грибов, мясо было недурно (boeuf brisé). Из Цекубу Л.В. поехала ко всенощной в храм Владимира, я домой. Получил от Наташи Зайцевой из Парижа письмо; экзамен при Сорбонне благополучно выдержала, едет отдыхать куда-то под Cannes[13*]. Сегодня Надюша с Мишей уехали в Златоуст с поездом 8 ч. 20 м.

28 (15) июля. +13°. Ночью был ливень, утром идет дождь и гроза, такая погода грозит урожаю. Диктовал Н.А-не опись серебра из Музея фарфора. В

[13*] Канны.

2 ч. пришла в Музей Л.В., в 3 ч. поехала к нам обедать. Днем несколько раз шел дождь. После обеда пришла Танюша с Гулей и Сережа Орешников. Л.В. ушла в 7 ½ ч., остальные в 8 ½ ч. От Лёли пришло письмо из Сталинабада; в Гарм еще не летали.

29 (16) июля. +12°. Пришлось в Музее отбирать ненужный медный хлам. Ходил с Новицким в кладовую № 13, где намечали, что из медных паникадил и лампад можно отдать. Утром заходила Л.В. проститься и просила заказать ей сластей; сегодня уезжает в Филимонки. Утром приехала Анюта, привезла яиц, масла, лепешек. Писал С.А. Жебелеву, что А.С. Орлов едет с женой в Петербург, не найдет ли для него комнату в 52 квадратных аршина.

30 (17) июля. +14°. Сегодня мой свободный день. Составил табличку родовых знаков для статьи. В 11 ½ ч. отправился на Алексеевское кладбище; крест черного гранита унесен зверями, стоит один постамент с надписями; конечно, и его возьмут... На кладбище застала небольшая гроза с дождем. Немного занялся статьею. Написал А.А. Ильину. Часов в 8 приехала С.В. Иванова с дочерью, вели обычные бессодержательные разговоры; ушли в 10 часу. От Софьи Владиславовны узнал, что сын А.А. Сиверса расстрелян.

31 (18) июля. +12°. В Музее с утра при помощи служителей перенесли все, что ранее отобрали в верхнем этаже из цветных металлов; остальное время диктовал Н.А-не описание серебра Музея фарфора. Собрал закупочную комиссию с Мельниковым: купили портрет купчихи и тарлатановое[14*] платье за 15 р. Умер Борис Матвеевич Соколов от уремии. Вечером занялся статьей. Пришла старушка-соседка Анна Никифоровна Борисяк, по ее просьбе показал ей пасьянс «Наполеон», единственный, который я знаю.

Август 1930 г.

1 августа (19 июля). +13°. Дождь. Узнал, что Матвеев ушел из директоров. В Музее пробыл до 2 ½ ч., ушел пораньше, чтобы попасть на кремацию Б.М. Соколова. Диктовал Н.А-не серебро из Музея фарфора, все окончил. Дома пообедал; к 4 ч. пришел А.А. Карзинкин и мы отправились в Донской м-рь в крематорий; приехали в 5 ч., тела еще не привозили; в 5 ½ ч. привезен был гроб весь в цветах, поставлен был на люк, который спускается, ногами к публике, крышку сняли и унесли; началась музыка струнного небольшого оркестра; начали говорить речи, первый говорил Коган, затем Шувалов[51] (Общество российской словесности), после директор Дарвиновского музея Котс; говорили ученики, ученица покойника. Когда речи кончились, стали прощаться с телом, я ему поклонился. Видел мать умершего, брата, который очень горевал, так что ушел из крематория. Народу было очень много. В 7 ч. был дома.

2 августа (20 июля). +12°. Ильин день. Наш приходский праздник уничтожен большевиками! А как он торжественно праздновался! Зашел в почтамт, послал Лёле воздушной почтой письмо в Гарм, но, придя домой, узнал, что

[14*] Тарлатан – легкая хлопчатобумажная или полушелковая материя.

они будут жить близ Самарканда в *Пенджикенте*. В Музее отпускал цветной металл из подвала № 13, очень устал. Около 2-х ходил с З.С. Соколовой в Казанский собор. Во что его превратили?! Я отобрал одну икону, все богослужебные книги и метрические записи, все это велел перенести в Музей. Тяжело мне было ходить по ободранному храму. Днем был дождь, в 4 ч. гроза с небольшим дождем. Заходила к жене В.Д. Бакланова, дочь Анучиных, говорила, что много арестов, в том числе ее дочь была дня два арестована. У всех кассиров обыски, был ночью обыск у Аллы Степановны Сосновской, ищут мелкого серебра. Наш музейный фотограф снял к составленной к моей статье таблице родовых [знаков], вышло недурно.

3 августа (21 июля). +11°. Воскресенье. Сегодня Третьяковка, по распоряжению свыше, <забрала> все наши сокровища иконной живописи: Владимирскую, Донскую, «Спаса златые власы», Ангела с золотыми волосами и проч. (всего 28). Хорошо, если эти иконы останутся у нас, а если уйдут за границу... Утром с Заозерской ходил в кладовую № 13, хотел отобрать лампады, но не взял ни одной, жаль отдавать. Занялся немного ростовскими монетами. Приходил некто Иван Васильевич Горбачев, беспоповец, беседовал с ним с полчаса, пригласил меня на Преображенское кладбище посмотреть беспоповское богослужение. День был ясный, но в 5 ½ ч. была гроза с дождем. Заходила Танюша с Гулей, в среду уезжают в Рыбную недели на три.

4 августа (22 июля). +13°. Дождь. Сегодня мой свободный день. До одного часа занимался, пришла Верочка, жена Карлуши Шмидта, спрашивала о даче, я рекомендовал Верею. Около 2 ч. погода прояснилась, и я решился проехать на трамвае № 1 до парка; ехали по Пресне, мимо Солдатенковской больницы, аэродрома, местность малоинтересная, но я тут много лет не был. На проезд в оба конца употребил 2 ч. времени.

5 августа (23 июля). +12°. Кончил разбор ростовских монет, из отнесенных мною к Ростову (Александр, Михаил и др.) много выделил в неопределенные. Просматривал древнейшие монеты нашего собрания для отбора к изданию. Получил от Л.В. письмо, собирается приехать в Москву 9 августа, уедет обратно 10 августа.

6 августа (24 июля). +14°. Отпущен цветной металл в Трудметаллторг. Отбирал для издания древнейшие монеты, всего для издания наберется 11 или 12, из них штуки 3 со слепков. Но где можно заказать фототипию? Кроме Гознака, говорят, никто не сделает. Пересматривал в библиотеке отобранные книги по нумизматике, лучшие экземпляры в переплетах и по сохранности покойного С.И. Чижова; невольно проникаешься к его памяти уважением. Сколько труда и любви положил он! Купил у Мюра для Анюты цветочного одеколону к ее именинам (3 р.)

7 августа (25 июля). +15°. Ночью была гроза. Пересматривал остальные книги по нумизматике; попался экземпляр описания нежинского клада Волошинского, принадлежавший Сонцову[52]; в него вклеено 2 письма Волошинского к Сонцову от 1865 и 1866 г., одно довольно длинное, нового ничего не дает, но любопытно по взглядам того времени на первые русские монеты. Этот экземпляр я просил передать в архив.

8 августа (26 июля). +13°. Беседовал утром с А.С. Орловым; он назначен директором «Музея книги, письма и документа» в Петербурге с

15 августа. Остальную часть дня занимался возвращением ковров; в марте 1928 г. к приезду падишаха Афганского Наркоминдел взял для обмеблировки квартиры падишаху у нас 6 ковров, и с тех пор ковры сгинули; на днях Наркоминдел заявил, что ковры у него в Спасопесковском переулке, д. 10; так как решительно некому было ехать за ними, то предложил услуги я; мне в помощь дали юнца, и мы отправились. Дом оказался Второвых; меня он поразил внутри (я видел огромную залу) отделкою в стиле раннего empire, с колоннами и с великолепной громадной люстрой. Ковров я отобрал 5, 6-й не подошел по описи. Сильный ветер, по Москве тучи пыли; придя домой, вымыл лицо и глаза, которые залипли пылью. Написал Жебелеву об Орлове, т.е. о его назначении.

9 августа (27 июля). +13°. Сегодня у меня свободный день. С большим удовольствием прочитал небольшую книжку Венедиктова «Тайны Эвереста», величайшей горы в мире; преклоняюсь перед упорством человека, рискующего жизнью ради науки, но не ради материальных выгод. Высота Эвереста 8840 метров. Писал статью, но работа не очень клеилась (не мог ясно выразить соображений Петрова о монетах Изяслава Ярославича). В 3-м часу пришла Л.В., обедала, проговорили до 8-го часа; завтра утром уезжает в Филимонки и уже до сентября не хочет приезжать в Москву. Подарила мне баночку отварных грибов, набранных ею. От Нади письмо, выписывает погостить Валю, шлет ей деньги на выезд.

10 августа (28 июля). +12°. Воскресенье. Перевешал те экземпляры монет, которые собираюсь издать. Остальное время дня в Музее почти ничего не делал. Во время нашего обеда явился А.А. Захаров, приехавший на днях с Кавказа, сел с нами обедать и после до 8 часов со мною проговорил.

11 августа (29 июля). +14°. Утром у меня было головокружение. Весь день прождал приемщиков из Госфонда и «Антиквариата», но не явились. Бабенчиков сказал мне, что уходит из Музея. Отобрал из всех коллекций рязанские и пронские монеты.

12 августа (30 июля). +16°. Узнал от К.В. Сивкова, что вчера в Пушкине на даче арестован Ю.В. Готье, а здесь С.К. Богоявленский, какая причина ареста – неизвестно. Начал разбирать рязанские монеты.

13 августа (31 июля). +13°. Весь день ждал, когда приедут за серебром, но напрасно, занялся рязанскими монетами. Приехал из Петербурга профессор Н.В. Малицкий, едет во Владимир смотреть открытые древние гробницы. Арестован в Минске В.И. Пичéта. Вечером занялся моей работой. У жены были: Александрова с дочерью. Лёля прислала длинное письмо из Пенджикента с описанием путешествия, которое было ужасно по некультурной местности.

14 (1) августа. +14°. «Первый Спас». Сегодня мой свободный день. С утра занялся своею статьею. В 1 ч. заходил двоюродный брат жены Владимир Павлович Волков, сын дяди Паши, посидел с ½ часа. С сегодняшнего дня Анюта начала торговать сластями от Моссельпрома; я у нее купил на 2 р. с небольшим 1 плитку шоколада, 2 пачки печенья и конфект. Меня очень затрудняет разбирать мнение Н.П-ча о сребрениках Ярослава; я с ним ни в чем не согласен.

15 (2) августа. +13°. Арестованы: Любавский, Егоров, Яковлев; страшно делается на душе. В Музее разбирал рязанские монеты; малоинтересны.

Принял 32 места вещей, купленных Вороновым и Топорниным в Пермской губернии. Утром послал Лёле заказное письмо; в почтамте встретил Васю, дела его в материальном отношении поправились.

16 (3) августа. +13°. Продолжал разбор рязанских монет. В 12 ½ ч. пришел А.В. Сосновский, с ним и с Ракитой ходили по Музею, искали комнату для монетного фонда; подходяща одна без окон. Показывал ему монеты Фракии, Тиры, Ольвии, Феодосии, Нимфея, Керкинитиды, Херсонеса. Вечером мыл ноги, заметил, что ноготь большого пальца левой ноги, на которой было рожистое воспаление, отслоился, и под ним стал виден другой ноготь; часть старого ногтя я срезал. Вечером занимался статьей, высказал свое несогласие со взглядами Лихачева.

17 (4) августа. +17°. Воскресенье. Дождь и гроза, днем было жарко. Окончил в Музее разбор рязанских монет. Приехал из отпуска В.Ф. Ржига, потрясен известием об аресте историков; вручил ему снимки с тканей, он остался очень доволен. Валя на днях едет в Златоуст к Зворыкиным; сегодня вечером была у нас с П.Н-чем.

18 (5) августа. +15°. В 3 ч. утра была небольшая гроза. Был в почтамте на Мясницкой, послал И.Ю. Спасскому свою последнюю статью. В Музее занялся монетами спасскими, пронскими. Описал несколько крестов Виленского музея.

19 (6) августа. +16°. Преображение Господне. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове, великолепная была служба, чудесно пел хор «Молитву Господню» Шереметева (соло тенор), «Верую» Чеснокова и др.; виделся с М.В. Нестеровым. Получили от Танюши из Рыбной дачи письмо, она, Маша и внуки, все были больны какой-то болезнью с сильным жаром. Заходила Валечка с Зорей проститься; Валя завтра собирается выехать в Златоуст к Наде, а Зоря с матерью и ее сожителем едут в Батум. Была внучка Наташа, завтра едет в Сочи. Написал Танюше письмо. Заходил Доля, жалуется на здоровье. Немного занялся статьей.

20 (7) августа. +17°. В Музее особенного ничего не было. Явился из отпуска Милонов. Умер Е.Е. Якушкин от заворота кишок после операции. Валечка уехала в Златоуст, а ее дочка с сыном и сожителем в Батум. Получил от В.А. Никольского письмо, ответил ему.

21 (8) августа. +17°. Небольшой дождь. Сегодня хоронят Е.Е. Якушкина, сбирали на помощь семье, я подписал 1 р., собрано всего 30 р. Занялся распределением по княжествам тех монет, которые мною ошибочно были приписаны Ростову, попавшие теперь в Можайск, и др. Ехал из Музея с трамваем № 1 по новым путям: по Забелинскому проезду огибая Музей, идет по Никольской, заворачивает в Богоявленский переулок, пересекает Биржевую площадь, едет по Рыбному переулку, заворачивает на Варварку и по Варварской площади к Ильинским воротам и т.д. до Курского вокзала. Переулками ехать чрезвычайно тесно, вагоны еле ползут. Написал А.А. Сиверсу в Туруханск.

22 (9) августа. +13°. Каждый день приносит вести, от которых душа содрогается: слышал, что арестован Ю.В. Сергиевский; в газетах («Рабочая Москва») прочитал, что расстреляно 9 человек (приведены фамилии), занимавшихся скупкой и сокрытием серебра и распространением контрреволюционных слухов. Неожиданно в Музей пришел А.Б. Салтыков, вполне поп-

равившийся, очень рад был его видеть. Принялся в Музее за разбор тверских монет. П.С. Рожицкий уехал на 1 ½ месяца под Брянск на съемку. Вечером заходил часа на 2 К.В. Крашенинников.

23 (10) августа. +12°. Не отрываясь, разбирал тверские монеты, почти кончил небольшой отдел денег Ивана Михайловича; некоторые надписи, кажется, можно дополнить. Беседовал с Н.Вл. Малицким и затем с Кузьминым, коммунистом, который служил в Музее, теперь перешел в Наркомторг, получает около 600 р. в месяц! Получил от Л.В. письмо, возвращается в Музей 1 сентября.

24 (11) августа. +14°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. У жены хрипота еще не прошла. День был душный, все время я сидел в своей комнате, разбирался в вопросе о весовой системе древнейших монет, к положительным результатам прийти не мог.

25 (12) августа. +13°. С утра до закрытия Музея в моей комнате занимался каменными образками Н.В. Малицкий. Протасов сказал, что из Сергиевского музея приезжал заместитель директора и предлагал старое серебро в обмен на антирелигиозные предметы (?!); вероятно, мне придется ехать. Продолжал разбирать тверские монеты. Погода немного стала прохладнее.

26 (13) августа. +11°. Дождь. Продолжал разбирать тверские монеты, собрание их огромно. Получил от С.А. Жебелева письмо в ответ на мое, где я спрашивал о статье И.И. Толстого, напечатанной в 1884 г. в «Известиях Академии наук»; ссылку на нее я нашел в некрологе И.И. Толстого, написанном Жебелевым; оказывается, никакой статьи там не напечатано. Вечером заходил А.А. Захаров; сидел часа 2, много говорил, еще более злословил.

27 (14) августа. +8°. Продолжал разбирать монеты Бориса Александровича Тверского. В 12 ч. отправился в Кремль, где давно не был; там большие работы ремонтного характера; чинят каменные стеллажи для пушек. В Оружейной палате встретился с Н.В. Малицким, с которым прошел в отдел серебра, которое показывала ему Марина Михайловна; она недавно приехала от мужа, с которым пробыла 7 дней. Смотрел в Оружейной палате комнату, где чистят металлические вещи, расспросил о средствах консервировать железо. Заходил в Музей Александр Борисович Салтыков, с которым собираюсь сходить к дяде Алексея Михайловича Бардыгина.

28 (15) августа. +12°. Праздник Успения Богородицы. После 3-х ч. пошел дождь. Продолжал разбирать тверские монеты. Беседовал с Милоновым о лаборатории для чистки и консервации металлов, главным образом, железа. Необходимых кислот в магазинах нет. В газетах помещен список еще 10 человек, расстрелянных за хранение мелких серебряных денег. Неужели это преступление так велико, что[бы] лишать жизни из-за него?! В 1 ч. ночи у Богуславских (евреи-чернильники) был обыск; искали мелкого серебра; нашли серебра рублей на 5 и меди на 3 р.; все отобрали.

29 (16) августа. +11°. Сегодня мой свободный день. До 1 часу занимался статьей, кончил Ярослава Мудрого. В 1 ½ обедали; в 2 часа отправился в театральную библиотеку к А.Б. Салтыкову (он там служит); встретил С.В. Фомину, которую не узнал, так она похудела. Вместе с А.Б. отправился

к Владимиру Васильевичу Постникову (дядя А.М. Бардыгина), взял адрес А.М., посидел около часу, пил чай, побеседовали, к 6 ч. вернулся домой.

30 (17) августа. +11°. Послал под заказной бандеролью в Соловки свою статью «Классификация» А.М. Бардыгину. В Музей приходили всякие посетители, пришлось много беседовать.

31 (18) августа. +11°. Воскресенье. Слышал об ужасном случае: сегодня сжигают доктора Янсона с его женою, отравившихся морфием от горя, что их сын[53] расстрелян по обвинению в принадлежности к теософам. Упокой, Господи, души этих страдальцев. Слышал, что все арестованные историки отправлены в Петербург; должно быть, будет скоро суд. Получил от Арциховского фотографии с обнаженных мощей епископа Никиты скопца (зачем такое глумление?!); затем с мощей Владимира Ярославича, Индигерды (жены Ярослава), вскрытых в новгородском Софийском соборе; передал их Ржиге В.Ф. В Музее занимался монетами, беседовал с В.Ф. Ржигою, Николаем Владимировичем Малицким. Вечером занялся статьею.

Сентябрь 1930 г.

1 сентября (19 августа). +13°. Вернулась из отпуска Л.В., у нее в квартире переделывают печь, поэтому ночует у знакомых. Продолжал приводить в порядок тверские монеты. Приехал Миша из Златоуста, приходил сегодня к нам вместе с Ниной и ее детьми, кроме новорожденного.

2 сентября (20 августа). +13°. Утром и днем была гроза. Купил в Музее кинжал булатный с надписью золотой насечкой почерком конца XVIII в. о принадлежности Ермаку Тимофеевичу 1582 г.; ножны в серебряной оковке 1842 г., за 50 р. Все время занимался монетами Михаила Борисовича Тверского.

3 сентября (21 августа). +8°. Дождь. Сегодня у меня свободный день. Весь день писал статью. Дождь без перерыва шел весь день.

4 сентября (22 августа). +6°. Дождь. Продолжал распределять тверские монеты. Показывал австрийскому археологу Борну золотые и серебряные вещи, спрятанные в серебряной кладовой. После занятий Л.В. приехала к нам обедать. В 8-м часу уехала домой, я стал заниматься статьей. Заходил П.Н. Сапунов.

5 сентября (23 августа). +6°. Сырая погода. Разбирал тверские монеты; сколько среди пул непрочтенных надписей. Второй день является в Музей В.С. Муралевич. Заходила М.В. Пичéта; ее муж (бывший) Василий Иванович еще не арестован; он уехал из Москвы 30 августа в Минск. М.К. Любавский из петербургской тюрьмы прислал открытку с просьбой привезти белья и т.п., его дочь ездила, но ее на свидание не допустили.

6 сентября (24 августа). +6°. Докончил разбор Твери с уделами только музейной коллекции, за остальное собрание еще не принимался; то место в статье, где говорю о причинах одновременного помещения имен Изяслава и Ярополка, подвигается с трудом. Сегодня утром кое-что написал.

7 сентября (25 августа). +6°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день вместо завтра, обменил по просьбе Н.А. Гринвальд, которая завтра именинница и берет этот день себе. Дождь помешал мне поехать к литургии. Весь день писал, окончил введение к описанию монет Изяслава и Ярополка. Дождь

прекратился, барометр начал повышаться. Вчера приехала погостить Адель Шмидт.

8 сентября (26 августа). +6°. Принялся за тверские монеты зубовской коллекции, есть разновидности. Показывал американке Рихтер отделение антиков. В газетах появился еще список расстрелянных – 6 человек!

9 сентября (27 августа). +5°. Вчера около Перервы на Курской железной дороге было большое крушение: один скорый наехал на рабочий, говорят, разбито 4 вагона, убито и ранено 100 человек; из Москвы было послано 50 карет скорой помощи. Справедливы ли все эти цифры – не знаю, газеты молчат. Утром в Музее говорил с немцем Борном о предметах тератологического характера (звериный стиль), чем он занимается. По телефону меня вызвали в СФА к 1 часу, куда я поехал, по дороге зашел в «Гранд-отель» (бывшая Московская гостиница), где открылся антикварный магазин. В СФА пробыл до 4 ¼ ч.; пришлось подписать 19 описей монет, посылаемых за границу на продажу и на аукцион, куда командируется А.В. Сосновский.

10 сентября (28 августа). +7°. Сегодня прилетел в Москву из Берлина цеппелин, мне не удалось его видеть; произвел большой фурор. Продолжал заниматься монетами. После 3-х зашел в новый магазин антикварных вещей (в Московской гостинице) и предложил посмотреть канделябры у С.В. Ивановой, обещали со мной к ней поехать. Из магазина проехал к Софье Владиславовне, сказал, что завтра к ней приедем.

11 сентября (29 августа). +6°. Праздник усекновения главы Иоанна Предтечи. Все утро провел в хождении по Музею за поисками деревянного тябла[15*] XIII в. для Борна, которое, наконец, нашлось. Затем пришел Н.В. Власов из «Антиквариата», принесший ранее 2 серебряные кружки и фарфоровую чашку митрополита Филарета, оцененные в 880 р., на эту сумму я дал ему серебряных чарок, посуды, подносов 3 штуки и золотой браслет. После 3-х зашел в антиквариат Гума, и с И.П. Бирчанским отправился к С.Вл. Ивановой по поводу продаваемых ею канделябров, за которые она просит 1000 р.; Бирчанский сказал, что канделябры обесценены позолотой, поэтому может их взять на комиссии; завтра она их отвезет. Вечером пришла Маша с детьми Машей и Яльмаром, вчера приехавшие с Рыбной дачи. Потом пришел Карлуша Шмидт.

12 сентября (30 августа). +8°. Отпускали в «Антиквариат» серебро, что заняло много времени. Заходил А.В. Сосновский, дал ему удостоверение для представления в Сектор науки, что увозимые им 8 монет не представляют музейной ценности; он летит на аэроплане в Берлин в воскресенье. Зашел поздравить А.А. Карзинкина с Ангелом, но не застал его, посидел минут 5 с Аделиной Антоновной. После обеда заходила С.Вл. Иванова, советовалась, отдавать ли канделябры на комиссии. Советовал ей отдать. Поехал к Сосновским; они радушно встретили, угощали обильною пищею (колбаса, селедка, котлеты, торт) и вином; приехал домой в 1 ч. ночи.

13 сентября (31 августа). +1°. На крышах иней, по-видимому, ночью был мороз. Сегодня мой свободный день. Читал «Московский пушкинист», 2-й

[15*] Тябло – деревянная балка с пазами, на которой крепили иконы иконостаса.

Дневник. Окончание одиннадцатой тетради. Сентябрь 1930 г.

выпуск; есть интересные толкования на стихи Пушкина. Написал кое-что для статьи.

14 (1) сентября. +4°. Воскресенье. Продолжал разбор тверских монет коллекции Зубова. Из Музея приехал домой с Л.В. обедать, после обеда ушла. Заходил Доля, сидел у меня с час.

15 (2) сентября. +2°. На крышах иней. Утром сообщили, что арестован К.В. Сивков; его квартира в Музее. С 10 ч. до 1 часу было заседание; Милонов без конца говорил. С 1 часу до 3-х занимался монетами; с 3-х до 5 было общее собрание, наслаждались советским красноречием Милонова. Оба заседания меня очень утомили.

16 (3) сентября. +5°. Арестована сотрудница Музея отдела популяризации – Чекан. Утром ходил на выставку XVIII–XIX вв. смотреть мебель из карельской березы, которую покупает антикварный магазин Гума. Все время разбирал тверские монеты. Вставил в своей комнате зимнюю раму.

17 (4) сентября. +7°. Дождь. Утром ходил с Новицким, осматривали мебель, которую можно продать. Отпускал Госфонду давно отобранное серебро для сплава. Говорят, арестован А.Б. Салтыков, Полосин, объявлен вне закона артист Чехов, уехавший за границу. После 3-х был в парикмахерской у Казанского собора, оттуда проехал в сберегательную кассу, справился, не положено ли за мою экспертизу, оказалось, что не положено. Чувствую недомогание. Получил от С.В. Ивановой письмо, уведомляет, что канделябры проданы за 700 рублей.

18 (5) сентября. +8°. Дождь. Сегодня у меня свободный день. Недомогание стало проходить. Весь день занимался статьею; до Святополка-Михаила более-менее все написал. В 4 ч. заходила из Музея Л.В., предупредила, что хочет изменить свой день отдыха на другой; завтра не придет.

19 (6) сентября. +5°. В Музее почувствовал недомогание. Ходил с Новицким по подвалам, показывали Бирчанскому мебель. Начал описывать для статьи наши древнейшие монеты, но помешали посетители. Слышал, что А.Б. Салтыков заболел, но он не арестован.

20 (7) сентября. +2°. Принял вчера аспирина, сегодня стало легче, но решил остаться дома. В «Известиях» прочел о расстреле 8 спекулянтов и о высылке 430 человек за спекуляцию. Писал статью. Адель Шмидт уехала домой, прогостив 2 недели. В 5-м часу из Музея зашла Л.В. на ¼ часа. Кончил текст моей статьи, которой дал заглавие: «Денежные знаки, обращавшиеся в домонгольской Руси»; кое-что надобно исправить и дополнить описанием музейских монет.

21 (8) сентября. +1°. Воскресенье. Рождество Богородицы. Безалаберно провел время в Музее. Легкое недомогание еще есть. Встретился в трамвае с П.П. Нечаевым.

22 (9) сентября. +5°. Сегодня мне исполнилось 75 лет. Господи, благодарю тебя. Ходил в Музее сначала в библиотеку, где просмотрел дублетные книги по археологии и т. д., для своего отдела отложил одну; затем был в подвале, где сложены ненужные Музею картины, всё хлам. Л.В. у нас обедала, в 7 часов ушла; заходил на 1 час А.А. Карзинкин поблагодарить меня, что я был у него 30 августа. Что-то ожидает нас; внутреннее положение наше ужасно. Да спасет нас Господь, одна надежда на Бога.

Тетрадь двенадцатая

(23 сентября 1930 г. – 28 февраля 1931 г.)

Сентябрь 1930 г.

23 (10) сентября. +9°. Сегодня мой свободный день. Написал А.А. Ильину. Пришла А.С. Сосновская, рассказала, как полетел ее муж: аэроплан поднялся в 9 часов, в 12 часов были в Смоленске, 2-я остановка в Ковно, 3-я в Кёнигсберге и в 9 ½ ч. вечера в Берлине; полет на него не повлиял, хотя он и боялся за сердце. Занимался описанием древнейших монет по экземплярам собрания Исторического музея. Прочитал в газетах, что в кино показывают цеппелина, то есть прилет его в Москву; т. к. я его не видал, то решил посмотреть хоть в кино; вид его внушительный, длины, кажется, 230 метров. Затем показывались звуковые фильмы, например, первомайские процессии в Петербурге, идущие полки мимо Зимнего дворца, с музыкой, которая слышна, но довольно глухо; долго шла скучнейшая фильма – постройка какого-то колхоза, причем была речь одного товарища, отчетливо переданная с его говорящей физиономией на экране. Любопытна картина «Школа плавания в Нью-Йорке», снимки пловцов сделаны не только над водою, но и под водою; как достигли этого американцы – не понимаю. Придя домой, нашел внучку Машу, пришедшую меня поздравить со днем рождения, посидел с ней около часа.

24 (11) сентября. +6°. Разбирал монеты Михаила Тверского. Слышал, что А.Б. Салтыков взят. В 3 ч. состоялся митинг; Милонов сказал короткую речь по поводу недавнего процесса вредителей и просил присоединиться к голосу пролетариата и требовать строжайшей меры наказания. Затем выступил А.Я. Брюсов от имени своего, Пчелиной[54] и Арциховского с просьбой принять их в партию. Милонов еще сказал, что необходимо ходатайствовать о награждении орденом Ленина ОГПУ, которое открыло вредительство. Вечером описал сребреники Мономаха с типом Христа.

25 (12) сентября. +5°. Сегодня исполнилось 45 лет, что умер отец, царство ему небесное. В газетах напечатан список 48 расстрелянных вредителей. Весь день разбирал монеты Михаила Тверского. Музей извещен, что обокраден музей в Александровой слободе, похищена вся оловянная посуда XVII в. В Таджикистане (где Лёля) 23 сентября было сильное землетрясение, много разрушено, есть убитые, раненые.

26 (13) сентября. +2°. Весь день сегодня описывал в Музее тверские монеты. После 3-х зашел в сберегательную кассу спросить, не поступило ли что, оказалось, ничего не поступило. Вечером чувствовал большую слабость, заняться мог очень мало, голова не работала.

27 (14) сентября. +4°. Воздвиженье Креста Господня. Продолжал описание тверских монет. Л.В. пришла, хотя «прострел» еще не кончился. Получил от Лёли письмо из Пенджикента; пища и одежда, т. е. материал для нее, у них есть; багаж их пропал. Вечером пришла внучка Наташа, на днях приехавшая из Сочи.

28 (15) сентября. +8°. Воскресенье. Сегодня у меня свободный день. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове, пели, как всегда, прекрасно. Написал Лёле в Пенджикент, Наде с Валей открытое письмо в Златоуст.

29 (16) сентября. +8°. Продолжал разбор тверских монет. Купили в Музее охотничье ружье системы Lefaucheux с барабаном на 6 зарядов за 50 р.

30 (17) сентября. +6°. Вспоминаю своих далеких именинниц. В Музей приносили из СФА для экспертизы отсылаемых за границу византийских монет. Ездил в МСПО[55] (Мясницкая, 43) по вызову смотреть «исторический» стол, который, судя по надписи, оказался сделанным из дерева, посаженного Петром I в Ревеле в 1712 г.; стол попросил прислать. Продолжал раскладывать тверские монеты. Послал письмо Шугаевскому.

Октябрь 1930 г.

1 октября (18 сентября). +7°. Подъезжая на трамвае к Музею, был поражен зрелищем: Брюсов вез тачку, Дмитриев[56] нес что-то тяжелое в руках, оказалось, что сегодня «день ударника», и все научные служащие должны были исполнять все работы, например, перетаскивание шкатулок в кладовые, разобрать изразцы и т.п.; на тяжелую работу назначались только сильные и молодые, а слабые или старые, как например, мои обе сотрудницы, дежурили в открытых залах, а технические служащие пошли на более тяжелую работу. Я весь день просидел в своей комнате и занимался тверскими монетами. Вывешен приказ об увольнении К.В. Сивкова (он арестован), Е.А. Домбровской, 2-х машинисток – Станкевич, дочери покойного А.И. Станкевича, и Л.С. Игнатовой, которая мне печатала все мои статьи. Н.Д. Протасов сказал мне, что ему предложено подать в отставку, но для сдачи дел ему дан месяц. Не понимаю, за что уволены Игнатова, отличная машинистка, и Домбровская, очень знающая свое дело по части икон. Заходил Н.Н. Соболев, рассказал, что видел зятя Лихачева; тот ему говорил, что Наталью Геннадиевну допустили на свидание с мужем в присутствии следователя; Н.П. отрекомендовал его жене, как своего ангела-хранителя; чувствует Н.П. себя хорошо, но все его домашние боятся за его судьбу.

2 октября (19 сентября). +2°. Доканчивал тверские монеты собрания Зубова, довольно много таких, которых у нас нет, есть неизданные типы и неизданные варианты. Л.В. сказала мне, что хочет уходить из Музея, так как не может заниматься химией, что требует Милонов; будет искать уроков.

3 октября (20 сентября). +3°. Сегодня у меня свободный день. Утром съездил в цирюльню около Казанского собора побриться. Около 12 ч. зашел Жоря Сосновский, принес от матери в подарок отличных яблок, возвращения Сосновского ожидают 20 октября. Докончил описание сребреников Исторического музея. Вечером приехали: А.Н. Никольская и С.Вл. Иванова, сидели часа 2; мое длинное письмо Виктор Александрович не получил: у них взяли 2-х почтальонов, у которых нашли до 1700 неразнесенных писем, вероятно, и мое было там. Софья Владиславовна очень довольна, что продала за 700 р. канделябры.

4 октября (21 сентября). +3°. Свежая сырая погода. В Музее начал разбирать городенские, кашинские и микулинские монеты. Получил открытые письма от Верочки и Наташи и от А.М. Бардыгина; письмо А.М. очень трогательно. Сегодня докончил описание древнейших монет в статье; этим закончил работу.

5 октября (22 сентября). +2°. Воскресенье. Докончил разбор монет тверских уделов. Получил от А.А. Ильина письмо, он еще не восстановлен, бедный А.А.! Несколько дней назад умер в Куоккала знаменитый Репин.

6 октября (23 сентября). +4°. Неожиданно утром пришел в Музей вернувшийся с Кавказа профессор Винклер и тронул меня обещанием дать привезенных консервов. В Тифлисе его обокрали в отеле, стянули отличный фотографический аппарат. Разбирал тверские монеты собрания Уваровых, Румянцевского музея, есть отличные экземпляры. Из Музея зашел в сберегательную кассу, но ничего туда не положили, только вписали 1 р. 45 к. %. Получил от А.В. Сосновского из Берлина письмо, ему ответил.

7 октября (24 сентября). +5°. Дождь. Весь день, не отрываясь, разбирал тверские монеты Румянцевского собрания. Слышал, что вчера арестовали А.И. Анисимова. Необычайное падение барометра: стоит на 729. От Лёли письмо от 26 сентября, о землетрясении не упоминает. Вечером выбрал ряд книг, которые желал бы продать. Жалованья сегодня не заплатили, не обещали и завтра.

8 октября (25 сентября). +1°. Сегодня мой свободный день. Утром отбирал книги по археологии, которые хотел показать Винклеру, но он не приехал. От Нади письмо из Златоуста, приезжает с Валей послезавтра.

9 октября (26 сентября). –2°. Занялся до 12 ½ ч. монетами. Пришел профессор Винклер и доктор Влес (женщина), пошел с ними в Кремль, где показал им Архангельский собор, но подвала с женскими гробницами не успел, должен был идти в Музей. Он мне сделал прекрасный подарок в виде закусок, привезенных им с собой, часть их отдал Л.В-не и Н. А-не. К обеду пришла Л.В., но рано ушла. Заходил Митя, 25 октября поступит на военную службу в 5-ю пулеметную роту.

10 октября (28 сентября). +2°. Почти все служебное время в Музее был занят осмотром 250 негативов по социалистическому строительству в Шуе, которые предложил Милонову сам фотограф Д.И. Чернов; я отобрал 167 штук, за которые владелец назначил 400 р.; Милонов согласился.

11 октября (28 сентября). +2°. Продолжал разбирать монеты тверских уделов. Был в отделении архива, смотрел предложенные Ечкиным для покупки грамоты. Слышал, что арестован Куфтин. Передавали мне, что А.А. Захарова исключили из секции научных работников и, кажется, удалили из РАНИОНа за резкие слова (?)[57]. Придя домой, нашел вчера приехавших из Златоуста Надюшу и Валечку; Надюша приехала на 1 месяц, что<бы> устроиться с квартирой, после вернется к Леониду Степановичу. Валечка чувствует себя гораздо лучше, болей в желудке нет.

12 октября (29 сентября). +2°. Воскресенье. В Музее готовимся к выставке, которая должна быть открыта 7 ноября, «политехнизация школы», и по всеобщему обучению, пришлось ходить в Отдел рукописей, иконографии и т.д. Вечером неожиданно пришла Танюша, приехавшая 3-го дня из деревни; часа 2 приятно провел с нею, чай пили у меня.

13 октября (30 сентября). +5°. Сегодня мой свободный день. Дождливая погода. Топил печь. Около 12-ти пришла Валечка. Истопив печь, отправился к В.В. Постникову, прочитал ему и Софье Васильевне, его сестре, письмо Алексея Михайловича; на мой вопрос, не знают ли что об А.Б. Салтыкове,

ответили, что ничего не знают, так как с его семьей не знакомы. Возвратился П.С. Рожицкий со съемки для кино.

14 (1) октября. +5°. Праздник Покрова Богородицы. Почти все время занимался монетами, затем осматривал помещение для будущей лаборатории Музея. Получил от Шугаевского письмо, ответил ему.

15 (2) октября. +5°. Разбирал тверские монеты собрания Уваровых. Утром заходил в Почтамт, послал Шугаевскому мои «Материалы» по нумизматике Черноморья. После 3-х зашел в парикмахерскую у Казанского собора. Вчера в Третьяковкой галерее нечаянно уронили икону Владимирской Божией Матери, при падении у нее откололся верх.

16 (3) октября. +4°. Продолжал разбор монет Уваровых. Вечером начал делать кое-какие изменения в описании сребреников Изяслава Ярославича. Обедала О.В. Позднеева.

17 (4) октября. 0°. Кончил разбор тверских монет уваровского собрания. Получил от А.А. Сиверса письмо из нового его местопребывания, из села Верхне-Ичибатского Туруханского района. К обеду пришла Надюша.

18 (5) октября. +8°. Праздник Московских святителей. Мой свободный день. Послал с Курского вокзала в заказном письме И.Ю. Спасскому фотографические снимки с дукачей. До 1 ч. писал свою статью, в 2 ч. обедали, пришли Анна Ивановна (дьяконица) и Валечка с поздравлением; часов до 4-х еще поработал, пили чай, пришли: Танюша, Таня Кочурина с Зорей и Л.В., поднесшая мне ½ бутылки портвейна; Пав. Ст. поднес 2 бутылки игристого мозельвейна, который мы выпили; был еще Павел Николаевич; приехала из Тайнинки Надюша с внуком. К 9 ч. все разъехались.

19 (6) октября. +8°. Воскресенье. Продолжал в Музее заниматься тверскими монетами. Получил от А.В. Сосновского открытое письмо из Брауншвейга, погода там теплая, спит при открытых окнах, ходит без пальто.

20 (7) октября. +8°. Заказал в нашей муляжной мастерской отлить слепки с древнейших монет для таблицы в мою статью, удастся ли – не знаю. Занимался монетами. Заезжала Надя, квартира им будет готова к 1 января где-то около Николоямской улицы. Вечером кончил некоторые изменения в статье.

21 (8) октября. +7°. День смерти матери, царство ей небесное. Вчера вечером началась вечеринка у соседей-жильцов Балашевых по случаю «свадьбы» (без венчания в церкви и без «расписывания» в милиции) Сени Балашева на какой-то девице; всю ночь были песни, от которых я просыпался, но дебошей, по-видимому, не было. В Музее разложил в шкап все тверские монеты объединенной коллекции. После 3-х началось заседание плановой комиссии, от которой у меня в голове все спуталось, и в 4 ч. я ушел. Вечером пришел К.В. Крашенинников, сидел до 10 ч.

22 (9) октября. +7°. В Музее ничего особенного не было. М.М. Успенский отлил мне слепки из гипса для таблицы к статье; отлились удовлетворительно. Из отлитых пришлось, к сожалению, слепки с 3-х сребреников отложить, иначе таблица вышла бы слишком велика.

23 (10) октября. +7°. Сегодня у меня свободный день. До 1 ч. занялся выправкой статьи. В 1 ½ отправился навестить С.В. Иванову, посидел с час. В 5 ч. пришла Л.В., обедала, кормили ее курицей, лапшой и настоящим кофе со сгущенными сливками; в 8 ½ ч. ушла. Получил от Лёли письмо, ждет из Сталинабада найденного сундука. Получили карточки 4-й категории.

24 (11) октября. +5°. М.М. Успенский, состоящий при муляжной мастерской Музея, отлил мне все монеты для таблицы к статье, наклеил их на стекло; по-видимому, вышли удачно; отдал фотографу снимать. Смотрел в Музее иконы нашего собрания, расположенные Е.А. Домбровской на несколько отделов: быта, архитектурных, портретных, антирелигиозных и др.; в чем состоит антирелигиозность, понять не мог.

25 (12) октября. +5°. В Музей привезено из Рязани под охраной ГПУ 19 пудов монет, большею частью медных. Отбирал монеты Екатеринбургского и Колывановского двора для уральской выставки. Приехал из Владивостока И.Е. Бондаренко, заходил ко мне. Часов в 7 пришла С.Вл. Иванова, сидела часа 3, была очень оживлённа.

26 (13) октября. +5°. Воскресенье. Уходят из Музея В.С. Воронов и А.Н. Топорнин, что за причина ухода, не понимаю. Начал разбирать монеты Румянцевского музея. Чувствую себя не вполне здоровым. Жалованья не платят до сих пор.

27 (14) октября. +6°. Утром в Музее отправлял облачения из ткани из разборочной кладовой в отдел тканей. В 1 ч. пошел в Оружейную палату узнать, могу ли по доверенности получить облигации покойного Дм. Дм-ча. М.М. Постникова и Е.Н. Дмитриева[58] показывали мне устроенную ими выставку игрушек царских детей и оружия для тех же детей, вещи превосходные. Кремль очень подчистился в смысле мостовых и тротуаров. Вечером заходил В.Н. Морозов, приносил шкатулку немецкой работы XV в. медную с изображениями святых, которую я признал подделкою; показывал кокосовую, в серебряной оправе, братину с надписью по венцу «Братина князя Лва Александровича Шліаховво(са)ческова»[16*]; братина подлинная, но имя встречаю впервые.

28 (15) октября. +5°. Сегодня мой свободный день, встал около 10 часов. В 1 ч. поехал к С.В. Ивановой, взял у нее доверенность на получение облигаций покойного Дм. Дм-ча. Пил у нее чай вместе с дочерью С.В-ны Кирой, которая у нее ночует раза 2 в неделю. Вечером заходила Танюша, сидела часа 2.

29 (16) октября. +5. Вчера были выборы месткома Музея, заседание было очень бурное, выступала Л.В. в защиту одного технического служащего непартийного; против выступила Бирзе, сказав, что непартийцы Музея показали свое лицо, показав враждебное отношение к партии и т.д. Заходил А.С. Орлов, приехавший из Петербурга, сказал, что дело Лихачева неплохо; сообщил мне о некоторых сторонах Н.П., о которых я понятия не имел: он был страстный любитель женщин, имел связи с многими, собирал порнографию etc.; я сказал, что все это следует сжечь, чтобы не попало в руки жены и детей, он ответил, что ту же мысль выразило ГПУ. «Материалы», вып. II, кажется, будет выпущен, но только 18 листов.

30 (17) октября. +4°. Послал Н.В. Малицкому фотографии с образков с 7-ю отроками. Разобрал серебро императорского периода (монеты) собрания Румянцевского музея; порядочный хлам. Заходил в Оружейную палату справляться в канцелярии, каким образом получить деньги за взятое серебро. Двое артиллеристов приводили в негодность все наше огнестрельное оружие. У нас обедала Л.В., уехала домой в 7 часов.

[16*] В надписи на чаше буквы «са» выносные.

31 (18) октября. +4°. На имя Милонова Орбели прислал клад с серебряной посудой, медную водосвятную (?) чашу и дагестанский медный котел, попросив в обмен: серебряный армянский ковш, медное блюдо и котел; Милонов согласился на мену. Заходил А.С. Орлов, дополнил рассказами о Лихачеве некоторые подробности о его нравственной стороне. Занимался текущей работой. В 3 ч. пошел в «Международную книгу» на Кузнецкий мост, купил для А.А. Сиверса «Пушкин», сборник второй, за 1 р. 50 к.; оттуда на трамвае № 10 поехал к Калужским воротам, чтобы пересесть на **Б** и ехать к С.В. Ивановой; на беду прекратился ток, и более часа стояли у Манежа; приехав к Калужским воротам, хотел пересесть на **Б**, но все было полно, и я пешком дошел до С.В., посидел 5 минут, сказал ей что надо об ее облигациях (их продавать не разрешили), и затем дошел до Пречистенки, где с трудом влез в вагон, в начале 8-го был дома, сильно устал.

Ноябрь 1930 г.

1 ноября (19 октября). +6°. Сегодня в 1 час ночи явились 3 агента ГПУ, поджидали прихода П.С. Рожицкого и его арестовали, что очень взволновало жену и Анюту, которые не спали всю ночь; но я так вечером устал, что когда все стихло, я уснул. Жаль бедного П.С., по-моему, он ни в чем не виноват, может быть, болтал что-нибудь под веселую руку. Послал А.А. Сиверсу «Пушкина» под бандеролью, написал ему. В Музее занимался текущим делом. Сегодня стал ходить по Воронцову полю трамвай № 31.

2 ноября (20 октября). +1°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Изменил и дополнил кое-что в статье там, где пишу о Тмутороканском княжестве. Заходила Алла Степановна Сосновская, сидела с час, сказала, что мужа ждет 15 ноября. Часов в 5 пришли: Танюша и Е.А. Бальмонт, с большим удовольствием беседовал с ними, ушли в 7 ¼ ч.

3 ноября (21 октября). +4°. Описал клад серебряной посуды, найденной в Ярославской губернии (прислан из Эрмитажа) и другие предметы (медная водосвятная чаша и котел из Дагестана). Ходят слухи, что открыт заговор против правительства, в числе заговорщиков называют Д.Н. Егорова.

4 ноября (22 октября). +6°. Праздник иконы Казанской Божией Матери. Утром провозился с ученым секретарем Эрмитажа Марком Дмитриевичем Философовым, сдал ему серебряный армянский ковш, кавказский (или Семиреченский) котел и медное блюдо с цирковыми сценами. От него слышал, что Тройницкий не уволен, а продолжает служить.

5 ноября (23 октября). +5°. Описывал купленные вещи, писал счета и акты; проверял монеты Румянцевского музея. Таблица с монет к статье готова, вышла недурно. Заходил вечером К.В. Крашенинников на ½ часа, взял у меня 2 книги Иосифа Флавия из библиотеки Музея.

6 ноября (24 октября). +5°. Считал медные монеты Румянцевского музея. Поднимался в наш архив, чтобы справиться о Василии Федоровиче Вердеревском, оказался какой-то деятель в Посольском приказе, в 1515 г. участвовал в каком-то посольстве; имя его вырезано на серебряном ковше, присланном из Эрмитажа. В 1 ч. велено Музей закрыть, началось заседание, посвященное 13-й годовщине Октября, говорил Милонов; после Арциховский (Музей пре-

жде и теперь, довольно слабо); еще неизвестный, «воспоминания». Вечером пошел дождь. В 8-м часу отправился к К.Ф. Гесселю, сидел до 11 ч., пил чай со сластями, вели разговоры на музейные темы.

7 ноября (25 октября). +8°. Советский праздник. Погода сырая с утра, днем разгулялась. Топил печь. Степановы (где жили Рихтеры, уехавшие в Челябинск) пригласили жену и меня пить кофе, выпил чашку. Переработал кое-что в статье. В 9-м часу неожиданно явилась Алла Степановна и привезла мне туфли, присланные мне А.В. Сосновским из Берлина с каким-то знакомым; мои совсем износились.

8 ноября (26 октября). +2°. Второй день советского праздника 13-й годовщины существования Республики; занятий нет. Часов до 2-х кое-что исправлял в статье, немного читал. Пришла Л.В., попросила обменяться с нею выходными днями (мой завтра), я согласился; завтра она переезжает на новую квартиру, кажется, Потаповский (бывший Успенский переулок на Покровке) переулок, д. 6. Пришел А.А. [Карзинкин], мы все обедали, в 4 ½ ч. Л.В. уехала укладываться. В 6-м часу поехал к Танюше, которую не застал, она была в Немчиновке у Ани, но скоро приехала; вскоре пришла Е.А. Бальмонт, все сидели мирно, пили чай; около 9-ти я ушел.

9 ноября (27 октября). +3°. Воскресение. Поверял медь Румянцевского музея. Описывал шитье из Госфонда. Приехал С.Н. Тройницкий, был с ним в залах Музея.

10 ноября (28 октября). +4°. Сырая дождливая погода. Поверял медь. Заходил Н.В. Власов из «Антиквариата», принес серебряную кружку гамбургской работы, на ее тулове прекрасно вырезаны 3 фигуры в рост, один в польском костюме, 2-й не помню, а 3-й в русском кафтане XVII столетия и в высокой боярской шапке; может быть, удастся ее приобрести (цена 650 р.). Ходят разговоры, что Бухарин арестован.

11 ноября (29 октября). +3°. На службы не пойду, свободный мой день вместо воскресенья, которое уступил Л.В-не. Около часу пошел к брадобрею (у Казанского собора), оттуда в «Антиквариат» (Тверская, 26), который прекращает свои дела, и все передается Гуму; Н.В. Власов показал мне 3 прекрасные серебряные кружки XVII <в.> из бывшей ризницы Троицкой Лавры. С трудом мог сесть на трамвай **А**. Вставили балконную дверь.

12 ноября (30 октября). +1°. Продолжаю проверять доставленные предметы из Румянцевского музея; в следующем ящике оказались итальянские медали, восточные перстни и разный хлам. Написал В.А. Никольскому письмо.

13 ноября (31 октября). +1°. Выпал небольшой снег. В 12-м часу явилась ревизия из Наркомпроса под председательством К.Я. Виноградова, из членов: Ф.В. Гогеля и еще троих; довольно внимательно осматривали всю систему записей, по-видимому, остались довольны; завтра опять придут.

14 (1) ноября. +1°. Утром разобрал оловянные и медные медали Румянцевского музея, интересных нет. В 1 час явилась вчерашняя комиссия, продолжала ревизовать записи, посмотрела, как помещены монеты и медали, затем перешли в серебряную кладовую, где более смотрели интересные вещи, к 3-м часам кончили с моим отделом, 19 ноября пойдут в археологический. После 3-х зашел в магазин против почтамта, где купил 1 кило колотого сахара за 3 р. К вечеру топил печь.

15 (2) ноября. +2°. Мокрая погода, изредка дождь, мокрый снег. Разбирал монеты Румянцевского музея, все один хлам. Слышал, что арестован Блюхер, один из командиров Красной армии[59]. Сегодня назначен в Музее митинг по поводу заговора против Республики, ходили с листом для подписи, чтобы расстреляны были виновники[60]. Я ушел, совесть не позволяет мне подписывать такой ужасный приговор. Пошел купить ализаровых чернил, с трудом нашел за 10 копеек. Доехал до Красных ворот на № 34, где долго стоял, не мог сесть, дошел пешком, очень устал.

16 (3) ноября. +4°. Воскресенье. Сегодня выходной мой день вместо пятницы. Весь день писал, т. е. обрабатывал, переписывая статью. Прочитал обвинительный акт, подписанный Крыленко, это настоящий заговор против СССР.

17 (4) ноября. 0°. Продолжал разбирать в Музее хлам из Румянцевского музея. Пришла Надюша, обедала; уехала в 8 ½ ч. ночевать в Тайнинку.

18 (5) ноября. 0°. Продолжал разбирать монеты и прочее из Румянцевского музея. Во 2-м часу пришел Н.В. Власов и начал отбирать вещи в обмен на кружку с боярином; отбирал перстни, цепочки, чарки и разную мелочь; кружку он ценит в 650 р. Мне рассказывали, что в Оружейную палату явился комендант Кремля Петерсон и сказал, что нужно Оружейной палате «выметаться из Кремля, т. к. здание нужно для другой цели; перевести все можно в Исторический музей, где места много». Вот это было бы несчастье для сокровищ Оружейной палаты, которые можно хранить только за такими стенами, как кремлевские, и при войске.

19 (6) ноября. –5°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Слышал, что Павла Степановича посадили в Бутырскую тюрьму. Обрабатывал статью, решил прибавить к описанию монет Ярослава упоминание о подписи Анны Ярославны ради палеографических целей. Заходила Надюша. Вечером пришел Ф.К. Солодовников, мой троюродный брат, посидел с час, пил чай; нигде не служит (ему 70 лет), получает пенсию 26 р., помогает ему сын-инженер.

20 (7) ноября. –3°. Докончил разборку второго ящика с монетами Румянцевского музея. Сегодня слышал, что месяца 1 ½ назад умер П.А. Гуськов[61].

21 (8) ноября. –3°. Разбирал русские медали Румянцевского музея. Были: Власов и Свердлов из «Антиквариата», ценили отобранные Власовым на обмен кружки вещи, наценили 650 р. (стоимость кружки). Заходил в сберегательную кассу, где мне положено 20 р., которые я взял. Вчера в 1 ч. ночи уехала в Пенджикент к Лёле Ольга Ивановна. Вечером был у А.В. Сосновского, который вчера приехал; интересного рассказал немного; угощал обильно колбасой, сыром и т.д. Часов в 6 заходила Танюша.

22 (9) ноября. –5°. Докончил разбором ящик с медалями Румянцевского музея. Была закупочная комиссия, кружка с боярином поступила в Музей.

23 (10) ноября. –5°. Воскресенье. Раскрыл новый ящик с монетами Румянцевского музея. Провозился с 1 часу до 3-х отпуском выменянных вещей на кружку.

24 (11) ноября. –7°. Выпало немного снега. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Просматривал текст моей работы; нашел порядочно описок. Написал А.А. Ильину, в письме изложил в общих чертах свою статью. Вечером пришел Сосновский с женою, я посидел с ним ½ часа и ушел спать, они остались сидеть с женою и Надей, которая заехала к нам и остается ночевать.

25 (12) ноября. –3°. Начал разбирать новый ящик с монетами Румянцевского музея. Занимался текущими делами: смотрел отобранные портреты масляными красками. Пришлось из Музея идти пешком: из-за демонстраций трамваи не ходят с 3-х до 9-ти. Пропавший в дороге сундук Лёли нашелся, все содержимое цело.

26 (13) ноября. –2°. Подсыпало снегу. Продолжал разбор монет. Был Сосновский с Вершининым, осматривали списки присланных монет. Из Эрмитажа пришло отношение с просьбой прислать статир Фарзоя, из 3-х статиров я выбрал тот экземпляр Бурачкова, который издал Пик. Заходил бриться, бривший меня жаловался, что им жалованья не платят. Украинская академия наук обратилась чрез А.П. Новицкого просмотреть труд покойного В.Г. Ляскоронского «Римские монеты в пределах южной Руси, как исторический источник для древнейшего периода русской истории», и высказать мое мнение относительно издания его работы.

27 (14) ноября. –1°. Продолжал разбор монет, кончил восточные, принялся за шведские XIII–XVIII столетий, среди шведских есть интересные типы. Получил от А.Н. Зографа письмо. В 5 ч. пришла обедать Л.В., ушла в 7 ½ ч.

28 (15) ноября. 0°. Продолжал разбор монет. Войдя в наш зал заседаний, я был поражен видом: весь огромный стол был уставлен скелетами детей, небольших животных, птиц, стояла модель сердца человека и т.п.; коллекция эта принадлежит университету и прислана на выставку, которая у нас будет в залах. Безумие устраивать выставку в такого рода учреждении, подобном нашему.

29 (16) ноября. +1°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Весь день просматривал черновые записи для моей последней статьи; есть в ней места, которые надобно дополнить и частью переработать. После обеда пришла Надюша, угощала пирожным. Температура воздуха повысилась, сильно таяло.

30 (17) ноября. +1°. Воскресенье. Продолжал разбирать монеты Румянцевского музея. Утром был в подвале с мебелью с представителем «Антиквариата», который отбирал мебель.

Декабрь 1930 г.

1 декабря (18 ноября). 0°, к вечеру стало –4°. Продолжал разборку монет. Приехал Орбели, привез письма А.А. Ильина и Н.П. Бауера, очень зовет меня приехать в Петербург. Написал Зографу о Фарзое.

2 декабря (19 ноября). –4°. Докончил 3-й ящик с монетами.

3 декабря (20 ноября). –4°. Продолжал разбор монет. Заходил Виктор Фёдорович Смолин, сотрудник Херсонесского музея; рассказал мне, что подводный «город» у Херсонесского маяка, открытый Гриневичем, едва ли таков, каким его описывает. К обеду пришла О.И. Попова, читала кое-что из своей работы о смерти Грибоедова (рассказ про 9-летнюю армянку). Вечером в столовой я споткнулся о чемодан и упал, разбил лоб у левого глаза до крови и левую коленку. От ушиба стало лихорадить, с трудом пишу. Заходил в Казанский собор с Новицким и представителем «Антиквариата»; ужасное зрелище представляет храм: он превращен в сарай, заваленный мебелью из Музея 40-х гг., стены ободраны, царит мерзость и запустение....

4 декабря (21 ноября). –2°. Праздник Введения во храм Божией Матери. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Часам к 12 пришла Валечка; я ее расспрашивал о сожителе Тани Залесском, она отозвалась о нем с хорошей стороны, но говорит, что он очень деспотичен, и не надеется на их долгое сожительство. Дал Вале «Историю Киевского княжества» Иловайского и «Русскую историю» Багалея; Валя хочет читать и рассказывать Зоре. Около 5 ч. пришла Танюша, сообщила, что кто-то писал кому-то, что я арестован, и что Вера очень беспокоится. Часов в 7 пришли С.Вл. Иванова и А.Н. Никольская, все вели обычные разговоры; Танюша ушла около 8-ми, а остальные дамы около 9-ти.

5 декабря (22 ноября). +2°. Начал продолжать разбор, но помешали посетители: Орбели, Померанцев, Сухов и др.; в соседней комнате шло заседание музейного съезда, Милонов читал тезисы, шли рассуждения о реорганизации музеев на марксистский лад, я ничего не понимал, о чем говорили, так все это мне чуждо; я пошел в залы и смотрел выставку в фотографических снимках музеев прежде и теперь, коллекционирования в старину и теперь, все устраивал Г.Л. Малицкий очень ясно, толково и более часа давал объяснения, от которых я очумел.

6 декабря (23 ноября). +2°. Продолжал разбор польских монет Румянцевского музея. Сегодня закрытие музейного съезда, большая часть сотрудников ушла в Политехнический музей, где происходит съезд. Прошелся по выставкам в залах Музея; черт знает что за выставки! Плакаты, фотографии; университетом выставлены скелеты животных, снимки с сифилитических ран и т.д. Судебное дело над «Промышленной партией» кончается; прокурор Крыленко требует расстрела всех 8 человек. Неожиданно на суде свидетель Осадчий, который на все вопросы Крыленко, как, например, известны ли ему были связи работы «Промышленной партии» с иностранной вооруженной интервенцией, отвечал: «Известны», – таким образом, из свидетелей превратился в подсудимого. Какой-то идиот!

7 декабря (24 ноября). +1°. Воскресенье. Докончил разбор польских монет Румянцевского музея. Передал Орбели статер Фарзоя для Эрмитажа. Меня весь день лихорадило. Вечером пришел К.В. Крашенинников, сидел до 9 ¾ ч.

8 декабря (25 ноября). +1°. Принялся за последний ящик с монетами Румянцевского музея, греческими и римскими. Объявлен приговор подсудимым «Промышленной партии»: пятерых расстрелять, остальных лишить свободы на разные сроки[62]. Трое украинцев из Киева и Одессы: Болтенко[63], П.П. Куренні́й и Червяк с разрешения Милонова смотрели в серебряной кладовой Михайловские клады.

9 декабря (26 ноября). 0°. Выпало немного снега. Сегодня мой свободный день. Сегодня опубликовано постановление ЦИКа (Калинин и Енукидзе), что смертная казнь пятерым, Рамзину и пр., заменена 10-летним лишением свободы на 10 лет[17*], а остальным вместо 10 лет 8 лет лишения свободы. Прочтя отмену казни, у меня нервно хлынули слезы. Это первый случай мягкости, проявленный нашим жестоким правительством. Топил печь. Занимал-

---

[17*] Так в оригинале.

ся статьею, сделал небольшое дополнение для объяснения знаков родового быта на монетах. Вечером приезжала из Тайнинки внучка Нина.

10 декабря (27 ноября). +1°. Просмотрел греческие и римские монеты Румянцевского музея, много в них хлама. Заходил утром на почту, послал Миннзу бандероль с московской английской газетой, в ней статья о подводном Херсонесе Гриневича. Получил из Академии истории материальной культуры от С.Ф. Донской облигации, придется их раздать. В 3 ½ было общее собрание, Малицкий читал о плане занятий в Музее в 1931 г.

11 декабря (28 ноября). 0°. Занимался текущим делом. Царскосельский дворец берет от нас чемодан с одеждой и другими вещами семьи Николая II, присланный несколько лет назад из Екатеринбурга и найденный в марте нынешнего года под лестницею; приехавшая из Царского, ныне Детского, села проверяла содержимое. Вечером заходил К.В. Крашенинников за 2-й и 3-й частями Иосифа Флавия.

12 декабря (29 ноября). –8°. Занимался текущим делом. После 3-х заходил в квартиру Ю.В. Готье, но жены его не застал, говорил с нею по телефону. Вечером В.М. Готье была у меня, я ей передал облигации, присланные из Академии материальной культуры.

13 декабря (30 ноября). –8°. Занимался текущими делами. Приходили: жена Д.Н. Егорова и В.В. Богданов, вручил им облигации. Получил от П.С. Шереметева записку, просит приехать к ним; ответил ему, что собираюсь завтра.

14 (1) декабря. –10°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Написал Шугаевскому. Утром съездил в 4-е почтовое отделение около Земляного вала, получил от Лёли 35 р. для жены. Топил печь. Заходил некто актер Раузе, вчера выпущенный из тюрьмы, где сидел вместе с П.С.; сказал, что П.С-ча обвиняют в таких словах: «Если переменится правительство, то он берет винтовку и идет против большевиков». Слова эти передали по доносу. Едва ли в трезвом виде он мог сказать что-нибудь такое, но в пьяном – возможно. В 6-м часу после обеда поехал к П.С. Шереметеву, он живет в Новодевичьем монастыре, занимает одну комнату внизу в каменном доме, где жила царевна Софья; в комнате помещаются: он с женой, 8-ми летний сын Вася и няня. Застал его готовящим ужин: жарил баранину и картофель, сели ужинать, была рыба кет, красная икра, баранина, картофель «Пушкин» и чай; выпили кавказского портвейна. Пришел доктор Терьян. Беседа была живая, рассказывал им о гробницах Вознесенского монастыря и т.п. Вася ходит в советскую школу, он очень живой мальчик. Домой вернулся в 10 ¼ ч.

15 (2) декабря. –8°. В Музее разбирал незарегистрированные монеты. Носил свою рукопись для перепечатки на машинке, но бумага так тонка, что писать на ней невозможно.

16 (3) декабря. –17°. Мороз, хотя крепкий, но терпимый, сильного ветра нет. Занимался текущими делами, подсчитывал количество принятых монет.

17 (4) декабря. –16°. Занимался в Музее текущей работой. Приходил К.Я. Виноградов, восстанавливал протоколы 2-х заседаний ревизии, которые потерял Незнамов.

18 (5) декабря. –12°. Утром был в Музее Сосновский, ходил с ним в библиотеку, где он отбирал дублетные экземпляры по нумизматике. По распо-

ряжению Наркомпроса отобрал с Л.В. серебра немузейного значения около 1 пуда. Мне, кажется, будет выдано 200 р., как компенсация за то, что я не брал отпуска.

19 (6) декабря. –9°. Николин день. Сегодня мой свободный день. Температура в моей комнате +7°. Топил печь. Сделал несколько редакционных изменений в своей статье. Слышал, что М.К. Любавский сослан на 5 лет в Кемь, а С.Ф. Платонов на 10 лет в Соловки. Вечером пришла Танюша, а вскоре за нею Митя Зворыкин в мундире пулеметной роты; в 7 ½ ч. Танюша ушла.

20 (7) декабря. –5°. С 10-ти до 1 ч. шло заседание: доклад Виноградова о его ревизии. Отбирал и вешал золотые монеты, ненужные Музею, всего 37 монет весом 373 грамма. Предписано составить план работ на 1931 г. По просьбе Рыкова он увольняется от должности председателя Совета народных комиссаров; вместо него назначен Молотов (Скрябин). Уплатил в кассу взаимопомощи 10 р., остался должен 10 р.

21 (8) декабря. –8°. Воскресенье. Написал и подал Цитовичу, директору нашей библиотеки и председателю месткома, отзыв о научных занятиях и «общественной нагрузке» Н.А. Гринвальд для предоставления его в Наркомпрос для получения пенсии. Слышал, что Платонов и Любавский сознались в заговоре против большевиков (кажется, имелось в виду восстановление монархического правления, и будто бы в нем участвовал и покойный М.М. Богословский). После 3-х заходил к Н.В. Власову в «Антиквариат», смотрел серебряный ковш М.Я. Строганова. С трудом доехал в трамвае **А** от Страстной площади, такая была давка. Получил от Миннза очень кислое письмо, между прочим, пишет, что директором Британского музея назначен Хилл (G.F. Hill), не раз присылавший мне свои статьи.

22 (9) декабря. –7°. Занимался текущим делом, протоколом приемки вещей из музея «Старой Москвы»; беседовал с фининспектором Подосиновым; приходил Н.В. Власов, принес ковш М.Я. Строганова.

23 (10) декабря. –6°. Утром отправился на почту послать 2 р. 50 к. за пересылку облигаций, но на **А** доехал половину Чистых прудов, прекратился ток, пошел пешком до самого Музея через Мясницкую. Из Петербурга привезли 6 ящиков с вещами для лондонской выставки восстановленных предметов; приехали Орбели и Кипарисов, которые сопровождают вещи до Лондона. Сдал серебро и золото. Суматоха меня очень утомила. Вечером заходил А.А. Карзинкин, пил чай; он очень ослабел.

24 (11) декабря. –2°. Сегодня мой свободный день. Написал Миннзу открытое письмо. Топил печь. Во 2-м часу отправился в сберегательную кассу, но ничего не положено; зашел к брадобрею. Стало свежее: в 4 ч. –5°.

25 (12) декабря. –... Окно замерзло. Сегодня весь христианский запад празднует Рождество Христово. С 10 ч. до 1 ч. ходил по Музею – в подвалах, по всем этажам, отбирали мебель; затем составляли опись, акт и оценку. Приехала К.В. Тревер, заходила с Орбели и Кипарисовым в Музей, они присутствовали при отправке ящиков на лондонскую выставку. После 3-х месяцев сидения в ГПУ выпущен К.В. Сивков; следователь его допрашивал 9 раз, по делу о заговоре Платонова, но К.В. решительно ничего не знал. К обеду пришла Надюша.

26 (13) декабря. Окно замерзло. К 4 часам выпало много снега, температура –8°. Пришел Н.В. Власов, отбирал драгоценности в промен на ковш

Строганова. Зашел к Танюше, съел кусок пирога с рисом; все Кристенсен – Маша и 3-е детей – поехали на елку к норвежскому посланнику. Чувствую недомогание, завтра останусь дома. Я еще не кончил с женой обеда, как пришли Камилла Васильевна Тревер и Иосиф Абгарович Орбели проститься; посидели с ¾ часа; оба сегодня уезжают: она в Петербург; он в Лондон. Мы попоили их кофе. Орбели сказал, что в январе будет суд над историками, и что Платонов с Любавским не сосланы. В воскресенье хоронили няню Митрофановну, Танюша с внуками была на похоронах.

27 (14) декабря. Окно замерзло. Вчера в Музее меня лихорадило, сегодня решил остаться дома. Сегодня ночью был в комнате Алексеева коммуниста (рядом с комнатой жены) обыск, сам он арестован на месте его службы, кажется, по обвинению в краже ремней. Топил печь. Температура воздуха –12°. Вчера заплатил последние 10 р. в кассу взаимопомощи. В 5 ч. пришел А.А. Захаров, за ним вскоре Л.В. Кафка, обедали, затем беседовали в моей комнате до 8 ¼ ч. А.А. дал мне 2 своих статьи и познакомил с материалом для следующей статьи о бронзовых фигурках, находимых на Кавказе и в Сибири.

28 (15) декабря. Окно замерзло. Воскресенье. По просьбе жены и Л.В. сегодня остался дома, хотя мне лучше. В 12 ч. пришла Валечка, говорила, что температура воздуха –17°. Читал биографию Шлёцера С.М. Соловьева. Делал поправки в статье.

29 (16) декабря. Окно замерзло. Сегодня мой свободный день, но я пойду на службу, так как вчера оставался дома. Температура воздуха утром была –21°, к 4 ч. стало –16°. Получил от А.С. Орлова письмо, просит приехать дней на 10 в С.-Петербург, необходимо разобрать монеты и печати Н.П. Лихачева; читал письмо жене, говорит, чтобы я ехал. В Музее занимался текущим делом. К обеду пришла Надюша с Лялей, позже пришла Танюша, все сидели в моей комнате, которую согревали керосинкой.

30 (17) декабря. –18°, к вечеру стало –14°. Получил 200 р. из Музея. Почти ничего не делал в Музее, только распределил древнейшие монеты по новой системе. Дал Милонову письмо Орлова, прочитал его и сказал, что за командировку заплатит наш Музей, а не МКДП (Музей книги, документа и письма).

31 (18) декабря. –15°. До 1 ч. провозился с Александром Андреевичем Спицыным, ища в библиотеке одного издания с портретом Петра Великого. Слышал, что выпущено из тюрьмы шесть заключенных историков из Саратова. Получил от В.А. Никольского поздравительное письмо; он получил незначительный заработок. К моему приходу в 4 ч. Анюта затопила печь (в комнате было всего +7°), которую докончил топить. В 8 ч. пили чай в комнате жены: жена, Вал. Вас. [Махолина], Олег, Анюта, Зинаида Алексеевна и я; выпили по рюмке мадеры, поздравили с Новым годом друг друга, в 8 ½ ч. я ушел спать. Кончился страшный по событиям год, да избавит нас Господь в следующем от таких же потрясений. Подай, Господи, душевного спокойствия всем нашим близким, избавь заключенных, исцели болящих. Благодарю тебя, Господи, за помощь, которую оказал мне в моих занятиях.

1931 год

Январь 1931 г.

1 января (19 декабря). –14°. Сегодня ночью умерла Анна Никифоровна 86 лет, вероятно, от грудной жабы, превосходная была старушка, царство ей небесное. В Музее до 12 ч. пробыл в отделе бронзы, отбирал для описи не занесенные в инвентарь предметы; затем до 2-х часов с Н.В. Власовым устроивал мену предметами украшений на ковш М.Я. Строганова, чарку с киевским гербом и корзиночку с гербом Каменец-Подольска. После 3-х зашел к С.В. Ивановой ее поздравить с Новым годом, нашел ее в кухне за стряпней, пробыл минут 5. Возвращался на **Б**, давка была ужасная. Тело покойной Анны Никифоровны почему-то отвезли утром в морг для вскрытия. Дома нашел Надюшу и Валентину Васильевну [Махолину].

2 января (20 декабря). –14°. Занимался в Музее текущими делами. Отдал 1-ю половину статьи напечатать на машинке.

3 января (21 декабря). –13°. Разбирал кучу (около 200 штук) монет, так называемых неопределенных, по-видимому, из клада; 63 штуки отдал в лабораторию промыть от окиси. Заходил некто П.Лаз. Жаткин[1] от издательства «Academia», просил показать ему рукописные записки А.Т. Болотова и имеющиеся у нас рисунки Болотова (штук 6 или 7), о которых я понятия не имею; просил его прийти послезавтра. По словам Жаткина, Луначарский редактирует сокращенного Болотова, не более $^1/_5$ части всех «Записок» со своим предисловием. Получили от Лёли письмо, из которого видно, что предыдущее ее письмо не дошло; пишет, что посылает с доктором Леонтьевым посылку, описанную в предыдущем письме. Как неаккуратно доходят письма!

4 января (22 декабря). –12°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Писал В.А. Никольскому и В.А. Шугаевскому. Заходила Надюша. В 5 часов пришла Л.В., обедали в комнате жены, чай пили и беседовали у меня; ушла в 8 ¼ ч.

5 января (23 декабря). –9°. Получил от А.Н. Зографа письмо, узнал от А.А. Ильина, что я приеду, просит известить его телеграммой о дне выезда, хочет меня встретить. Машинистка принесла первые 14 страничек моей статьи; набрана хорошо.

6 января (24 декабря). –5°. Рождественский сочельник. Всю ночь и весь день идет снег, насыпало целые кучи; температура в 4 ч. –3°. В Музее начал сдавать Харко (Музей изящных искусств) греческие монеты Румянцевского музея. После 3-х зашел в магазин купить бутылку портвейна, народу масса. Дома нашел приехавшего из Пенджикента доктора Василия Васильевича Леонтьева; с ним Лёля прислала изюму, орехов, полотна, мыла. Сегодня он

Январь 1931 г.

1 (19 Дек.). −14°. Сегодня ночью умерла Анна Никифоровна 86 л. отроду, тихо, от грудной жабы; превосходная была старушка, царствие ей небесное. В Музее до 12 ч. пробыл в отд. [illegible] брони, отбирал для описи не занесенные в инвентарь предметы; затем до 2х часов с Н.В. Власовым устраивали витрину предметов украшений на к[illegible] М.А. Стрелковой, [illegible] с левой [illegible] и [illegible] с [illegible] Потом в 3 ч. зашел к С.В. Ивановой ее поздравить с Нов. Годом, нашел ее в кухне за стряпней, пробыл минуты 5. Возвращаясь на Б., давка была ужасная. [illegible] покойницу Анну Никиф. почему-то отвезли утром в морг для вскрытия. Дома нашел Надюшу и Валентину Ивановну.

2 (20). −14°. Занимался в Музее текущими делами. Отдал 1ю половину статьи напечатать на машинке.

3 (21). −13°. Разбирал кучу (около 200 шт.) монет п. нов. неопределенных, поступивших из клада; 63 шт. отдал в лабораторию промыть от окиси. Заходил ко мне П. [illegible] от издательства Academia, просил показать ему рукописные записки А.Т. Болотова и хранящиеся у нас рисунки Болотова (шт. 6 или 7), о которых я понятия не имею; просил его придти послезавтра. По словам [illegible], Луначарский редактирует сокращенного Болотова, не более 1/5 части всех „[illegible]", со своим предисловием. Получил от Лёли письмо, из которого видно, что предыдущее ее письмо не дошло; пишет, что посылает ей др. [illegible] посылку, [illegible] в предыдущем письме. Как неаккуратно доходят письма!

4 (22). −12°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Писал В.А. Никольскому и В.А. Шугаевскому. Заходил Надюша. В 5 час. пришла Л.В., обедали в комнате, [illegible] у меня; ушла в 8 1/4 ч.

5 (23). −9°. Получил от А.Н. Зографа письмо, узнал от А.А. Ильина, что я приеду, просит известить его телеграммой о дне выезда, хочет меня встретить. Машинистка принесла первые 14 страниц моей статьи; набрано хорошо.

Дневник. Двенадцатая тетрадь. Январь 1931 г.

уезжает в Петербург к родителям. Вас. Вас. очень симпатичный человек, обедал с нами. На Николаевский вокзал его проводила Анюта. На ночь вымыл себе ноги.

7 января (25 декабря). –1°. Рождество Христово. Сдавал в Музее монеты Харко. Был Жаткин, показывал ему рукописи Болотова. Холод в Музее порядочный, градусов 7–8 тепла; не хватает нефти для отопления. К обеду пришли Надюша и Валечка, мы вскрыли жестянку с ветчиной, подаренную Винклером (ветчина великолепная); позже пришла Таня Кочурина с Зорей и П.Н. Сапунов. Пришла Танюша часов в 7, сидела до 9. Я согрел мою комнату керосинкой и немного подремал, чувствую большую усталость.

8 января (26 декабря). –1°. Продолжал сдавать Харко монеты Румянцевского музея. От Орлова письма нет, составил телеграмму, которую прочел Милонову (писал ему, ответа нет), который велел послать ее за счет Музея. Анюта истопила к 5 часам печь. К обеду пришла Л.В. Надюша, ночевавшая у нас, тоже обедала, часу в 8-м уехала в Тайнинку. Пришел К.В. Крашенинников, сидел до 10 ч., беседовали об Италии. Л.В. уехала около 9-ти на фабрику «Серп и Молот» учить рабочих немецкому языку. Вечером сидела с нами Толкина.

9 января (27 декабря). –7°. Сегодня мой свободный день. Сегодня ночью был обыск у одного из жильцов в нижнем этаже, которого арестовали; арестованный, кажется, студент. Неожиданно во 2-м часу приехала Адель Шмидт; жена обрадовалась ее приезду. Написал небольшую вставку в описание монет Владимира Мономаха второй группы. К вечеру приехала Маша с 3-мя детьми, сидели у меня в комнате, пили чай, беседовали; я им подарил «Историю Египта» Брэстеда[2] (перевод Викентьева), уехали в 7 ½ ч.

10 января (28 декабря). –7°. Получил от Орлова письмо, просит приехать в начале февраля; то же пишет и Милонову. В Музее долго возился с фининспектором, редактируя акт на переданные вещи. Перепечатку первой половины рукописи моей статьи сегодня машинистка мне дала. Вчера, когда я уже лег спать, около 10 ч. неожиданно явился П.С. Рожицкий из тюрьмы и всеми был радостно встречен. Сегодня в 6 ч. утра он пришел ко мне (ночевал с Олегом внизу), мы дружески расцеловались, он мне часа 1 ½ рассказывал, как провел 2 месяца и 9 дней на Бутырках. У нас ночевала Надюша с Лялей, приехавшие из театра.

11 января (29 декабря). –9°. Воскресенье. Занимался текущими делами.

12 января (30 декабря). –7°. Сегодня год, как погиб Дм.Дм. Иванов, царство ему небесное. Составил в Музее краткое описание архивных бумаг и грамот, купленных у Ечкина за 100 р. (23 грамоты XVII в., польские 2 грамоты с подписями королей Владислава IV и Яна Казимира; есть интересные). Сдавал Харко греческие и римские монеты. Решил из статьи вычеркнуть подпись Анны Ярославны.

13 января (31 декабря). –2°. Занимался текущими делами, описывал поступления; пришлось говорить с посетителями. Вечером пришла А.С. Сосновская, сидела часа 1 ½–2.

14 (1) января 1931 г. –3°. Мой свободный день. В моей комнате очень свежо, топил печь. Все время до 4-х ч. редактировал свою статью (1-ю половину), перепечатанную на машинку (за 37 ¼ страниц заплатил 8 руб.). Днем пришли: Надя с Лялей, Валя; в 4 ч. Надя с внучкой ушли. Пришла

внучка Наташа. Обедали: Адель Шмидт, Наташа, Валя, позднее пришел Б.Н. Граков, которого покормили. Часу в 9-м пришел В.Ф. Ржига, сидел до 10 ½ ч., беседовал со мною о «Слове о полку Игореве», которое сбирается издавать, просил ему помочь в подборе иллюстрированного материала. Он и Граков ушли вместе.

15 (2) января. 0°. Из Эрмитажа пришли на имя Музея 2 ящика с восточным серебром, которое сегодня я сдал В.Н. Кисаеву[3], помощнику Орбели; ящики свезены в «наркоминдел» и завтра повезутся в Лондон на выставку; в ящиках сасанидские блюда. Отдал машинистке перепечатать продолжение моей статьи. Вечером приходила Танюша, сидела недолго.

16 (3) января. 0°. Ходил по отделам Музея, знакомился с инвентаризацией.

17 (4) января. –2°. Был в Музее Сосновский, говорили с ним о передаче в СФА монет, присланных в Исторический музей из провинциальных музеев. Сдавал Харко греческие и римские монеты из Румянцевского музея. Идет мокрый снег.

18 (5) января. +1°. Воскресенье. Крещенский сочельник. Утром упал, довольно сильно расшибся. В Музее отбирал для Госторга бронзовые вещи из дублетов. Обедала Надюша. Вечером сидел Доля.

19 (6) января. –3°. Крещение Господне. Ночью упала со стены фотография с нашею группой (отец, мать и мы трое), я очень испугался. С утра топил печь. В 4-м часу поехал к Л.И. Вороновой, поднес ей мармеладу и ½ бутылки малаги; с трудом доехал: так полны трамваи. Перед моим приходом Василий Сергеевич Воронов отвез свою мать в больницу: у нее или грыжа, или заворот кисты. Л.И. угощала прекрасно; в 8 ч. я ушел с Л.В., с трудом через Таганку доехал до дому; все улицы полны народом и демонстрантами, по-видимому, комсомолами обоего пола.

20 (7) января. –3°. Придя в Музей, узнал, что мать В.С. Воронова, которую вчера В.С. свез в больницу, ночью умерла. В Музее занимался текущими делами. Одновременно с моим приходом домой пришли: Владимир Павлович Волков с женою Марьей Михайловной, только что приехавшие с поездом из Сочи и у нас ждавшие отъезда на Николаевский вокзал (Волков двоюродный брат жены); обедали, пили чай, в 7 ½ ч. ушли.

21 (8) января. –3°. В Музее пришлось мало заниматься, пробыл долго в отделе металла. В 3 ½ ч. открылось общее собрание, посвященное памяти Ленина; Цитович сказал, что в течение 7 лет, прошедших со дня смерти Ленина, социализм у нас сделал большие шаги вперед.

22 (9) января. –8°. По случаю годовщины расстрела рабочих занятий в Музее нет. Занялся надписями на сребрениках Мономаха, чеканенных для Переславля. В 2 часа приехали Леон. Ст., Надя и Маша; Л.С. много рассказывал о своих работах в Златоусте. Затем пришли: Ю.Ф. Рихтер повидать Адель Шмидт, Раиса Ивановна, жена Доли и, наконец, Сережа Орешников с Юзей. Такую массу гостей кормить было невозможно, поили сначала кофе, потом чаем; хлеб весь был съеден. К 7 ч. все разошлись.

23 (10) января. –12°. Занимался текущими делами, особенного ничего не произошло. Обедали у нас Леон. Ст. с Надей, Антонина Николаевна; позднее пришла Танюша; в 8 ч. все ушли. Около 9-ти пришел сын Адель Шмидт – Оскар с женой его брата Карла; я зажег керосинку для чая и ушел спать.

24 (11) января. –5°. Отбирал с Л.В. для выставки замки амбарные. Просмотрел надписи на сребрениках Мономаха второй группы по музейной коллекции, конечно, чтение И.И. Толстого «на столе» в них видеть нельзя; несколько раз вертелось на языке сделать в статье намек на «Переяславль», но удержался. В моей комнате весь день сидел С.А. Детинов, очень много говорил, мешал мне; много отрицательного рассказал про А.С. Орлова.

25 (12) января. –16°. Память моей матери. День именин Танюши, день рождения Валечки. Воскресенье. Топил обе голландские печи: в комнате жены и у себя. После обеда поехал к Танюше на именины, застал там Аню с 2-мя старшими детьми, позднее пришел ее муж Коля, тетю Аню, жену сына художника Серова, Людм. Вяч., после пришел Б.А. Диатроптов и др.; пил чай с медом, дети показывали свои коллекции марок. Жена очень кашляет, внучка Маша ей послала каких-то норвежских крупинок. Около 8-ми ч. я с Л.В. уехали по домам.

26 (13) января. –20°. В Музее занимался текущим делом. В 3 часа отправился к Л.В. на новоселье обедать. Угостила прекрасным супом из шампиньонов, паштетом с мясом, сама его стряпала и прислала кусок жене. Квартира ее полуподвальная, комната небольшая, довольно темная и, кажется, сырая; сидел до 8 ½ часа. Обедали: Л.В., Марья Васильевна Будылина и Ал.Ал. Сизова.

27 (14) января. –17°. Низкая температура в комнатах Музея на меня действует расслабляюще: не могу сосредоточиться на занятии, стараюсь ходить. После 3-х состоялось общее собрание, обсуждался наказ в Моссовет (прежняя Городская дума); от Музея избрана Бирзе. Домой вернулся в 5 ½ ч. От Клейна слышал, что третьего дня арестован Ф.Я. Мишуков, служащий в Оружейной палате.

28 (15) января. –12°. До 2-х часов показывал представителям «Антиквариата» бронзовые предметы, отобранные для продажи за границу, затем составлялось 2 акта. В 2 ч. явился Сосновский, отправился к Милонову, который вызвал меня; я объяснил Милонову причину, почему Музей передает Музею изящных искусств наши греческие и римские монеты; Милонов просил меня изложить письменно, сам же ушел. Дома нашел Надю и Лялю, обе обедали.

29 (16) января. –11°. Занимался текущей работой. После 3-х пошел в «Антиквариат» на Тверскую, 26, но интересного ничего не нашел. На Тверской встретил огромную демонстрацию с музыкой. Адель Шмидт уехала домой.

30 (17) января. –15°. Сегодня мой свободный день. Топил печь; в моей комнате утром было +8°. К обеду пришел Доля. Сильный кашель у жены продолжается, но стала выделяться мокрота. Написал А.А. Ильину письмо.

31 (18) января. –18°. Придя в Музей, узнал, что 16 января арестован А.А. Карзинкин. Как мне жаль его. После 3-х зашел на их новую квартиру на Рождественке № 7/5, кв. 47, где застал одну Аделину, она убита, все время плакала, сказал, что взяли его из квартиры 2 недели назад, и сидит в ГПУ. В Музее занимался текущими делами; говорил по телефону с каким[-то] представителем греческого посольства, который меня дня 2–3 назад просил достать литературные материалы о Софье Палеолог, что я и сделал, я просил его приехать ко мне в Музей, он обещал.

Февраль 1931 г.

1 февраля (19 января). –16°. Воскресенье. Заходил в Музей референт из греческого полпредства Наркоминдела, которому я передал список сочинений о Софье Палеолог, необходимых какой-то писательнице, интересующейся вопросом о влиянии Софьи Палеолог на русское искусство, культуру и т.д. Зашел побриться, из цирульни отправился на перевыборы на Триумфальную Садовую в Театр оперетты. Театр был полон, но я просидел с час, прослушал речь Попова, хорошо сказанную, о современном положении государства, окруженного врагами; недурно сказал приветствие рабочий от завода (забыл название). Я очень озяб, болел палец, я ушел домой и большими муками в трамвае добрался до дому. Обедала Надюша, позднее пришел Леон. Степ. с какого-то обеда.

2 февраля (20 января). –17°. Занимался текущим делом. В 1 ч. пришел Сосновский отбирать дублеты, я ему сказал, что из основной коллекции боспорских монет я не выдам ни одной, а дублеты может взять, сколько желает, последние я ему показал, не понравились. После 3-х пошел получать по ордеру ботинки, купил в Газетном переулке в бывшем «Скороходе» за 9 р. 25 копеек.

3 февраля (21 января). –12°. Утром часа 1 ½ просидел в кабинете Цитовича, просматривал отобранные Сосновским книги по нумизматике, оцененные библиотекою в 300 р., Сосновский переоценил 150 р.; я нашел, что за 150 р. продать можно, с чем Цитович согласился. Остальное время просидел в своей комнате, заниматься не мог от холода. Отдал выздоровевшей машинистке рукопись до Тмутороканя.

4 февраля (22 января). –15°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Ходил в кустовое 11-е управление прописать племянницу Анюты Шуру. На выборах в Академию наук СССР выбран в академики А.С. Орлов. Исключены из академиков Платонов, Тарле, Лихачев и Любавский ввиду установления факта участия их в контрреволюционном заговоре. Историк рабочего движения Ротштейн[4], предложенный в академики, забаллотирован, что вызвало протест со стороны «Варнитсо»[5], оглашенный на заседании А.Н. Самойловичем[6]. Обедала Надюша.

5 февраля (23 января). –16°. До часу занимался текущими делами (в библиотеке, говорил с Милоновым, и т.д.). Потом явилась с Гриневичем профессор Познанского университета полька (фамилию ее забыл), с нею часа 1 ½ пробыл в серебряной кладовой, где она отбирала для своей работы ожерелья греческой работы, которые буду фотографировать. Придя домой, мыл ноги и отдыхал, так как очень устал и назябся, холод в Музее нестерпимый. Получил по почте в подарок из Русского музея роскошное издание «Материалы по русскому искусству», т. I (Лнгр.[1*], 1928).

6 февраля (24 января). –15°. Низкая температура Музея лишает меня возможности заниматься. Милонов объяснял нам новую экспозицию в зале, черт знает что! Музея совсем узнать нельзя. Обедала Надюша, после обеда приехал Л.С., покормили его отдельно; завтра уезжает в Златоуст.

[1*] Зачеркнуто: СПб.

7 февраля (25 января). –16°. Утром заходил в почтамт, послал Лёле заказное письмо, купил марок. В Музее занимался текущим делом (подготовлял для панны золотые ожерелья для съемки); был в отделе бронз, иконографии и т.д. В 5 ч. пришла Л.В., обедала, обедал также Пав. Ст., который после обеда рассказывал Л.В-не о своем сидении на Бутырках; в 8 ч. Л.В. ушла.

8 февраля (26 января). –16°. Воскресенье. Послал Лёле под бандеролью «Все проходит» Телешова. В Музее занимался текущими делами. Часов в 6 пришла Танюша, я мог посидеть с ней полчаса, в 6 ½ отправился к В.Ф. Ржиге; путешествие в трамвае **Б** было ужасно, огромная масса народа в вагоне стояла сплошною стеной, не мог выйти у бань, не доезжая Крымского моста, а вылез на Зубовской площади! Оттуда пешком пошел в 1-й Бабьегородский переулок. К В.Ф. Ржиге должен был прийти С.К. Шамбинаго, но заболел; пили чай, закусывали селедкой с картофелем и зеленым луком и приятно беседовали; решили в следующий раз собраться или у меня, или у Шамбинаго. Вернулся я благополучно в 12 ч. 10 м.

9 февраля (27 января). –10°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Проверял перестуканные на машинке листы моей статьи, напечатано недурно. К обеду пришла Надюша, 3-го дня проводила Л.С-ча на месяц в Златоуст.

10 февраля (28 января). –15°. Получил от А.С. Орлова письмо, меня он ждет. Милонов дает командировку; я взял у кассира 50 р. на билет, зашел в центральную кассу, спросил билет на 16 февраля, но ответили, что выдача будет за 2 дня: написал Орлову, что выеду 15 или 16 февраля.

11 февраля (29 января). –13°. С 10 до 12 было заседание в библиотеке (у Цитовича), посвященное вопросу о подсобных библиотеках в отделах, которые Цитович хочет сократить, его поддерживала Бирзе, сотрудники все протестовали. Заходил Сосновский, завтра уезжает за границу, написал ему разрешение на вывоз 22 монет. Приходил преподаватель университета Рогинский[7], антрополог, интересовавшийся масками, снятыми с умерших известных лиц; водил его в отдел иконографии, показывал всё, что имеем.

12 февраля (30 января). –11°. Память об отце, царство ему небесное. Занимался текущим делом. Заходил Сосновский, которому пришлось дать другое удостоверение и запечатать пакет с 22 монетами. Моя статья перестукана, вышло 95 страниц писчей бумаги советского образца.

13 февраля (31 января). –15°. Все почти время пробегал в Музее, хлопоча о командировке, наконец, получил 150 р. на 2 недели. Утром заходил Сосновский, он уменьшил [число] вывозимых им монет из-за налога, пришлось ему переписать разрешение на вывоз.

14 (1) февраля. –16°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Написал В.А. Шугаевскому. Готовился к отъезду, собирал все, что надобно показать нумизматам по домонгольской нумизматике.

15 (2) февраля. –15°. Воскресенье. Сретенье Господне. Утром в 9 ч. прошел на центральную станцию, но до кассы не дошел, такая масса народа; пошел из Музея в 12 ч., но билетов уже не было. В Музее ничего почти не делал, только ходил по отделениям. Дома застал Л.В., после пришла Маня Клеопина, обедали; после обеда пришли Валечка и Пав.Ник. Л.В. ушла в 7 ½ ч., Сапуновы около 9 ч.

16 (3) февраля. –11°, резкий ветер. Простоял 1 ½ ч. в центральной кассе, билета не достал. Придя в Музей, получил командировочное свидетельство,

с которым отправился опять в то отделение, где дают билеты по командировкам; там сказали, что дают только в жесткие вагоны. Вернулся в Музей и попросил ученого секретаря достать билет. В 2 ч. началось производственное заседание, пришел с него в 3 ½ ч. Обедала Надюша, угощала рахат-лукумом.

17 (4) февраля. –10°. Сегодня в Музее был поражен, как громом, что в 5 ч. утра арестована ГПУ Людм. Вяч. после 5-часового обыска! Как мне жаль ее! Что за причина ареста – понять не могу. Билет мне, конечно, не достали, но обещали через чье-то посредство. Узнав об аресте Л.В-ны, сказал в Музее, что в Ленинград пока не поеду, так как мой отдел нельзя оставлять на одну Н.А-ну. Слышал, будто президент АН – Карпинский – требовал освобождения Тарле и Платонова, и что будто бы Карпинский за это будто бы уже удален. Вечером часов в 7 пришел К.В. Крашенинников, за ним вскоре С.В. Иванова, сидели до 10 часов; я очень устал от ее разговоров.

18 (5) февраля. –12°. Весь день в Музее был, как в чаду: так на меня подействовал арест Л.В.; Милонов и Бирзе утешали меня… Послал Орлову телеграмму, что отъезд мой из-за дел в Музее откладывается на несколько дней. Отпустил в «Антиквариат» и Гум проданные бронзы.

19 (6) февраля. –13°. Сегодня мой свободный день, но я решил идти в Музей. Для музея Нового Иерусалима, ныне Истринский музей, отобрал и сдал 13 предметов XVII в.: чернильницы, нож и вилку, чарку с емал<ью?>. Заходила М.В. Будылина и рассказала, что заведены связи с Красным крестом, через которого узнают, где теперь Л.В.; ее брат обещал ей денежно помогать. К обеду пришли Танюша, Надюша и Валечка. Анюта истопила печь.

20 (7) февраля. –7°. В Музее описывал для книги поступлений наиболее трудные предметы. Говорил с Бирзе о Л.В., она думает, что ее подержат некоторое время.

21 (8) февраля. –4°. Выпало немного снега. В Музее занимался текущим делом. Я обнаружил портрет А.Т. Болотова, который смотрела жена редактора «Записок» Болотова (изд. «Academia») Жаткина. К 4 ч. поехал к Сереже Орешникову обедать, приехала также Надюша, пришел А.И. Свенторжицкий; обед был на славу. К 10 ч. вернулся домой, Надя осталась ночевать.

22 (9) февраля. –5°. Воскресенье (прощеное). На службу не пошел вместо пятницы. У меня расстройство желудка после вчерашнего обеда с sauce provencale. Весь день отдыхал, читал Пушкина, Лескова. После обеда пришла Танюша, сидела до 8 ч.; пришла также Вера Попова.

23 (10) февраля. –11°. Чистый понедельник. Именины Валечки. Отобранные книги в библиотеке по вопросу о Софье Палеолог сдал референту греческого посольства Ферендини. Третьяковская галерея меня вызвала для осмотра паникадил, взятых из разобранной церкви; из 4-х паникадил 2 советовал оставить, а 2 неважные. Руссо[8] (помощник директора) провел меня через 2 залы, в которых для образца развешены картины; новая развеска произвела на меня удручающее впечатление. Заходил в Музей П.Л. Жаткин, показал ему портрет Болотова (масло), от которого он в восторге.

24 (11) февраля. –12°. День рождения Танюши. В Музее приготовил для издания «Записок» Болотова 2 пробные монеты, чеканенные для Пруссии по рисунку Болотова, попросил в архиве отобрать 2 страницы из его «Записок». В 1 ч. поехал в Цекубу, где попросили принести из домоуправления цифру

площади в метрах, и кто живет. Оттуда проехал в квартиру Л.В-ны, застал одну Ал.Ал-ну [Сизову], которая сказала, что ничего неизвестно о ней. Приехав домой в 2 ½ часа, затопил печь. Ночь плохо спал благодаря пьяным крикам дворника и его сожительницы, особенно последней, испускавшей истерические крики.

25 (12) февраля. –15°. Видел Милонова, который сказал, что в Ленинграде меня ждут, придется ехать. Заходила М.И. Тегер, ничего о Л.В-не не узнала; по распоряжению Бирзе ей выдали жалованье Л.В. за первую половину февраля. Заходил А.В. Сосновский, сообщил, что арестована О.Н. Чижова; в Германию не поехал. Пойдя домой, только что отобедал, неожиданно входит А.А. Карзинкин, 18 февраля выпущенный из Бутырок. Как я был рад! Он поправился, потому что, как больной, сидел в одиночке, где прекрасно кормили.

26 (13) февраля. –12° показывали утром на термометре у Городской думы, но, слышал, за городом было –20° с лишком по Реомюру. В Музее особенных дел не было, давал объяснения металлическим предметам при их описи. Вечером зашла внучка Аня, очаровательное существо, покушала, пила чай; сокрушается, что ее муж болеет: у него был обморок.

27 (14) февраля. –5°. В Музее Иван Ник<анорович> [Розанов] давал объяснения на выставке «Книжных обложек», слушал с большим интересом; обложка к 1-му изданию «Мертвых душ» была рисована самим Гоголем. Был в Цекубу, зарегистрировал площадь квартиры, после 15 марта выдадут квитанции. После 3-х зашел в магазин для иностранцев, где М.М. Успенский показывал мне «товар» (вещи из Исторического музея, Оружейной палаты и т.д.), цены чрезвычайно высокие, едва удается продать; может быть, отделы ковров, мехов, современных ювелирных предметов доступнее по ценам. Обедали Надюша с внуком Юрой. В Музей заходила М.В. Кафка, о Л.В. ни слуху, ни духу.

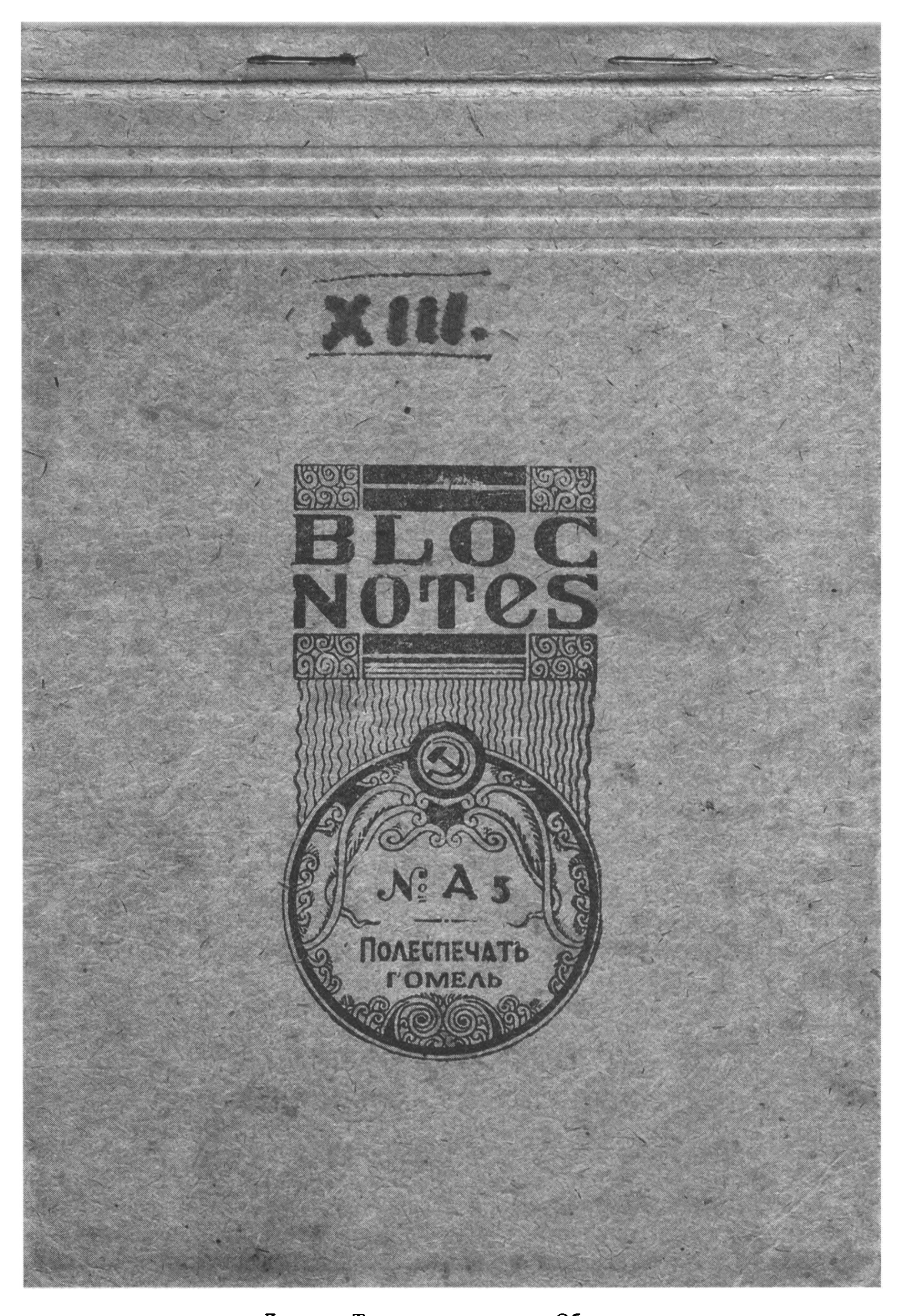
28 (15) февраля. –5°. Утром в Музей пришел Шибанов с альбомом Свиньина[9], собрали Комиссию из Бирзе, Адарюка, Цитовича, Кашина, меня и Ивана Никаноровича. Он поставил цену 1200 р., Цитович 1000 р., заплатить не деньгами, а дублетами книг; ответа Шибанов не дал. Показывал Б.Н. Жаворонкову[10] боспорские монеты (Пантикапей) с изображением плуга и рисунки динариев времени Юлия Цезаря, также с изображением плуга, затем медную монету Скилура с возом. Придя домой, мыл ноги.

Тетрадь тринадцатая

(1 марта 1931 г. – 13 января 1932 г.)

Март 1931 г.

1 марта (16 февраля). Сегодня мой свободный день. В этот день умерла сестра. Воскресенье. Топил печь. Около полуночи был разбужен лаем собачек и мужскими голосами; очень разволновался, думая, что пришли к П.Ст. или ко мне с обыском; долго не мог уснуть; заснул, когда разговоры стали мирные. Сегодня утром оказалось, что приехал из Харькова муж сестры П.С-ча, которого П.С. до сих пор в лицо не видал. Из Музея мне прислали ½ сажени



Дневник. Тринадцатая тетрадь. Обложка.

березовых дров; кому я обязан такою милостью? Обедали: Петр Юлианович Ясунчук, П.С. и нас двое; в 5 ½ П.Ю. уехал на заседание по вопросу о тракторах. Сколько сегодня градусов температуры – узнать не мог, окно замерзло, по-видимому, около 15°.

2 марта (17 февраля). +1°. В 3 ч. ночи раздался в наружную дверь сильный стук, пришла милиция арестовать дворника Василия Григорьевича Калужского. В Музее много пришлось поработать, очень устал. Дворника выпустили из-под ареста. Обедали: П.С. Рожицкий, его шурин П.Ю. Ясенчук и нас двое. Вечером была М.В. Пичета.

3 марта (18 февраля). +1°. Плохая погода, мокрый снег с ветром. Принимал от Е.К. Муромцевой серебро. Отдал в «Антиквариат» 311 эротических листов, которые с разрешения Сектора науки должны быть проданы. Отправился в «Антиквариат», где их пересчитали, оценили в 500 р. Билета в Петербург мне не достали, ездил к Николаевскому вокзалу, но и там бесполезно. Обедали дома: П.Ю. Ясенчук, П.С. и нас двое. Вечером П.Ю. уехал в Харьков.

4 марта (19 февраля). –5°. Отбирал в подвале бронзу из Музея 40-х гг., много хороших вещей. Вечером заходила Танюша, сидела часа два.

5 марта (20 февраля). –3°. Перенес в кладовую Музея все серебро с выставок, которые разбираются и устроиваются новые. Занимался текущим делом. Взял билет «жесткий» с плацкартой, стоит до Петербурга 27 р. 50 к. После 3-х заехал в почтамт, опустил 2 открытых письма Ильину и Орлову, что в воскресенье 8 марта выеду с поездом 10 ч. 30 м. Зашел к А.А. Сизовой, узнал, что Л.В. в ГПУ, но передачи денежную или с бельем не приняли; на вопрос, почему – ответили: «По многим причинам». Дома нашел Надю с Митей и Лялей, поели блинов. У жены сильный кашель, длится несколько недель, температура ниже 37°.

6 марта (21 февраля). –9°. Сегодня свободный день. Топил печь. Днем заходили: Соня Савари и Таня Кочурина на короткое время; жену навещала ее кузина, Т. Поллак, обедала.

7 марта (22 февраля). –12°. Осматривал в Музее надглавные кресты с разрушенных храмов, предназначенные к переливке. Объяснял Анне Лазаревне [Вейнберг] сюжеты русских картин аллегорического и религиозного характера. Заезжал к С.В. Ивановой сказать, чтобы не писала А.А. Сиверсу, ввиду его переезда в другой город.

8 марта (23 февраля). –13°. Воскресенье. Утром зашел в «Коммунар» (Верхние ряды), где заплатил взнос 4 р. 50 к. В Музее посмотрел снимки с портретов Болотова для издания «Academia» – очень хороши. Началось в 12 ½ ч. заседание, на котором пробыл с полчаса; пришла М.И. Тегер и сказала, что Л.В. перевезли на Бутырки. Уехал домой, уложил пожитки в чемодан; застал Валечку с дочерью и внуком. Обедал вдвоем с женой; от ревматических болей в пальцах правой руки принял атофана, который на меня плохо подействовал: стало жечь руки, ноги, голову; такое состояние продолжалось около часа, потом все прошло. Попил с женой чаю и распростился с нею. В 9 ¼ поехал на 20-м трамвае на Николаевский вокзал на поезд 10 ч. 30 м., провожали меня Анюта и Олег; место спальное в жестком вагоне; вагон отапливался.

9 марта (24 февраля). Спал хорошо, проснулся в Малой Вишере. Доехали с опозданием на час[2*]. Написал в вагоне открытку жене. Выйдя из вагона, нашел за 3 р. носильщика, который поехал со мною в Дом ученых[11]. Доехав до арки Штаба, мы пешком дошли до дома № 27 на улице Халтурина (бывшая Миллионная); дом этот – бывший дворец великого князя Владимира, где в комнате № 8, бывшей библиотеке великого князя, я и буду проводить время. Придя в комнату, я заметил, что потерял дорогой калошу с левой ноги. Т. к. в комнате еще жил неуехавший жилец, то я решил идти в Академию наук в Музей КПД (Книги, письма и документа). Туда нет ни трамвая, ни автобуса, пришлось идти пешком, что было чувствительно для левой ноги без калоши. Разыскал А.С. Орлова, который познакомил меня с персоналом его музея, с которыми я буду работать, и затем принял меры достать мне калоши, послав со мною техническую сотрудницу при Академии, с которой я отправился в Конюшенную в магазин «Универмаг», где купил за 3 р. 25 к. пару калош, пропутешествовав часа 2. Купив калоши, пошел в Дом ученых обедать; придя туда, встретил много знакомых: Григория Ивановича Котова, Т.Н. Зограф, К.В. Тревер. Заказал себе грибной суп и жареную рыбу; суп был отвратителен, а рыба оказалась плотвой, и я попросил переменить на пшенную кашу с молоком в стакане, каша была невкусная; войдя в свою отведенную мне комнату, я распаковал свои пожитки и хотел было отдохнуть, но пришел А.Н. Зограф, узнавший о моем приезде, посидел с ½ часа. После его ухода я, на кресле сидя, крепко уснул и был разбужен заведующей Дома ученых, которая пришла за вещами уезжающего жильца, вскоре пришедшего; я с ним познакомился: Косыгин, геолог, очень симпатичный человек, мы с ним поговорили около часа, и он уехал на вокзал.

10 марта (25 февраля). В комнате прохладно, но терпимо. Спал отлично, проснулся, по обыкновению, около 5, а в 5 встал. Температура –7°. Написал жене письмо и открытку Н.А. Гринвальд. Отправился в Главный почтамт опустить письма и надумал послать жене телеграмму. Из почтамта прошел на Исаакиевскую площадь, где сел на трамвай и доехал до Штаба и домой. В почтамт я шел пешком по Большой Морской, теперь улица Герцена, во что обратилась эта блестящая улица! В 11 ½ ч. зашел А.Н. Зограф, с ним пошел в Эрмитаж. Холод в залах невозможный. Осматривал монеты Ольвии, Тиры, Боспора, выставленные для осмотра публикой, собрание великолепное. Из сотрудников был один дежурный Р.Р. Фасмер. Перешли наверх, досмотрели Херсонес. Собрание древнейших монет замечательно. По остальным залам Эрмитажа прошлись немного. Поехали к А.А. Ильину, он очень изменился, по-видимому, у него болит личной нерв; он мне очень обрадовался, познакомил меня с его женой Верой Владимировной, большой говоруньей. Просил прийти обедать и почитать ему статью, обещал. От А.А. поехал с Зографом обедать, вкусно покормил, и с Моховой, где живут они, А.Н. проводил меня пешком до Дома ученых. Письма не получил из дома.

11 марта (26 февраля). Встал в 6 часов, напившись чаю, пошел в том же доме № 27 в интернат престарелых ученых к Коле Бруни, которого застал в

[2*] Далее зачеркнуто: На вокзале нанял носильщика, и поехали на трамвае 4 до арки и затем пешком до Дома ученых. Придя туда, увидал, что потерял калошу с левой ноги. Свободных комнат нет, обещали вечером дать отдельную.

столовой за чаем; прошли в его комнату, оказавшейся не такой, как описывал он. Оттуда пошел пешком в МКПД, где мне помощником дали Ю.Я. Перепелкина[12]. Работа по разбору скучнейшая. В 2 ½ ч. ушел обедать к себе, кормили недурно: свежие щи и осетрина. Пообедав, отправился на Васильевский остров к Баклановым, пил у них чай, пригласили в воскресенье обедать. От них прошел к С.А. Жебелеву, куда проводила Валентина Ивановна [Попова-Бакланова]; С.А. был очень любезен, познакомил с сестрой и воспитанницей, сидел часа 1 ½, пригласил в пятницу обедать. Писем сегодня опять нет, что меня беспокоит, но В.И. говорит, что почта здесь неаккуратна.

12 марта (27 февраля). –3°. Спал тревожно, очевидно, от дум, что письма нет. Когда я вернулся в 3 ½ ч. из Академии, письмо жены лежало в комнате, настроение сразу изменилось. Отправился в АН в 9 ½ ч., шел пешком сначала по Дворцовой набережной до Дворцового моста, у него сошел по мосткам на Неву и пересек ее, выйдя около университета. Начал разбор печатей, укладывать слепки с печатей помогала Марья Александровна, с которой покупал калоши; среди новгородских и псковских печатей нашел незнакомые мне типы, которые Н.П., вероятно, подготовлял к изданию в III выпуске «Материалов», около 3-х ушел. На Неве встретил Бауера, позвал к себе в воскресенье, не знаю, пойду ли. Обедал, сидел с Котовым, Ольгой Григорьевной и Мацулевичем; ел недурные кислые щи с кулебякой с рисом и гречневую кашу с молоком в стакане. После обеда я с час полежал, но не уснул. Пришел А.С. Орлов, сидел около часа, говорил об академических делах, сказал, что 2-й выпуск «Материалов» Лихачева, как государственного преступника, не будет выпущен, сохранятся только 3 экземпляра[13]. В 7 ½ ч. он ушел, а я отправился к Коле Бруни, и с ним перешли через улицы к Григорию Ивановичу Котову; познакомился с его семьей (малоинтересна); пришел А.Н. Зограф с женой; беседовали приятно за самоваром до 10 часов. Придя домой, лег спать.

13 марта (28 февраля). –4°. Встал в 6 часов. Был в Музее КДП все время, разбирал русские монеты – страшный хлам, иностранные тоже дрянь. В 3 ½ пошел в 4-ю линию к С.А. Жебелеву, у которого обедал, разговаривали до 7 ч. Когда возвращался, шел сильный снег. Дома нашел 2 письма от Лотушки. На Неве встретил Тревер.

14 (1) марта. –4°. Ушел довольно рано, в начале 10-го был уже на месте. Разложил много хлама, помогал Юрий Яковлевич Перепелкин. Послал жене и Танюше письма. Вернувшись домой из Академии наук, нашел в комнате прекрасного кота, спавшего на диване. Обедал, сидел с Мацулевичем и с сестрою Зографа. После обеда заходил ко мне Н.П. Бауер, позвал сегодня к себе. Я немного отдохнул, в 7 ч. поехал на трамвае № 22 к Бауеру на Введенскую улицу, д. 7, кв. 34. Сойдя с вагона, увидал церковь, в ней идет всенощная (сегодня выносят крест), я зашел, поют хорошо, но я стоял недолго, боясь простудить голову; против церкви дом № 7, где живет Бауер. Квартира отличная, познакомился с его женой Ниной Сергеевной, урожденной Григорьевой. Угостил меня тартинками с сыром, ветчиной, выпили все 3-е по 2 рюмки портвейна. Жена вскоре ушла, я с Н.П. пил чай, разговоры вели малоинтересные. Ушел в 9 ½ часов.

15 (2) марта. –5°. Воскресенье. Сегодня в АН свободный день. Вчера Бауер рассказывал, что эрмитажные научные сотрудники чистили снег у Эр-

митажа и сбрасывали в Неву! Послал жене письмо, зашел к Коле, который показал мне эскиз задуманной им картины: отец входит в морг, где среди трупов находит тело убитого сына (эпизод из своей жизни). Он зашел ко мне и, взглянув на крепость, прослезился, вспомнив, что там погиб его другой сын. Около 11 ч. поехали в храм в память погибших моряков при Цусиме (в конце Английской набережной), там шла в подземной церкви литургия, народу было очень много, много было причастников; после литургии была лития по погибшим морякам, затем молебен Божией Матери Державной (интересны молитвы, которые читал священник). В конце литургии за мной пришла В.И. Бакланова. После обедни, с разрешения священника, пошли в верхний храм, мозаика в котором (огромное изображение Христа в рост, Евангелистов и др., мозаика сделана по рисункам Коли, очень недурным; еще 2 мозаики по рисункам В.М. Васнецова. Из храма я с Валентиной Ивановной пошел к ним через Николаевский мост, а Коля домой. У Баклановых пил чай, обедал. Вал. Ив. мне продала 3 стакана (27 копеек за 3). В 4 часа уехал к себе. Расстроился желудок. Около 7 поехал к Ал.Ал. [Ильину], которому прочел 1-ю половину статьи, пил чай. Дома нашел 2 письма жены и визитную карточку Жебелева. В 11 ч. был дома.

16 (3) марта. –9°. Встал в 5 ½ ч., болел живот. Написал жене письмо. Пришел в Академию в 9 часов, где сидел до 2 ¾ ч. Пошел пешком к себе через Неву, день солнечный, так что глазам было больно. Встретил Бауера, который посоветовал зайти в Эрмитаж и взять у Зографа «Wörterbuch der Münzkunde» Schrötter'а, я так и сделал: зашел в канцелярию и вызвал Зографа, который пошел со мной обедать. В столовой встретил Колю [Бруни], сообщившего, что Соня [Веселовская] сидит у него, и попросил зайти к нему. Я зашел и пил чай вместе с Соней и Андрюшей; Соня похудела ужасно, Андрюша на вид здоровый, они сюда приехали за керосином. Вскоре ушли. Получил от жены открытку. Соня сказала, что ее сын, мой крестник, (астроном) служит на обсерватории в Алжире, но не в Австралии, как говорили. От 7 до 8 спал, вставши, заварил чаю и выпил стакан. Просматривал Schrötter'а, «Wörterbuch der Münzkunde».

17 (4) марта. –9°. Встал в 6 часов. В Музее КДП продолжал разборку печатей, нашел Ярославле сребро[14]. Говорил с Орловым, спросил, можно ли ссылаться на II выпуск «Материалов» Лихачева, ответил, что ни под каким видом. Зашел домой, переоделся и поехал к А.А. Ильину, прекрасно угостил, я ему докончил чтение статьи; особенных разговоров о ней не было. Вернулся домой около 11 ч. Получил письма от Лотушки и Н.А. Гринвальд.

18 (5) марта. –5°. Встал в 6 ч. с болью в правом боку и паху. Написал жене письмо. Болезненное состояние усилилось настолько, что с трудом надел шубу. После путешествия пешком боли стали утихать, и во время разбора стало терпимо. Неожиданно является в мою комнату Валентина Ивановна и говорит, что имеет просьбу передать Елене Дмитриевне небольшой пакет, который и передала, на мой вопрос, что это, говорит: «Сладенькое». Меня очень тронуло это, мы с ней распростились. Возвратился я почти без боли, сел обедать (суп из головизны очень вкусный, к нему пирог с рисом, затем гречневая каша с молоком, которое не пил). Ко мне подсели Григорий Иванович Котов, Коля и позднее А.Н. Зограф и Мацулевич; оба последние проводили меня до номера. Я заходил в канцелярию, чтобы прописаться, но

ввиду того, что я остаюсь недолго, прописывать не стали. Встретил в вестибюле К.В. Тревер, Орбели приехал из Лондона, зовут к себе вечером, не знаю, попаду ли. Вечером соснул с час, встал, заварил чаю, попил, почитал кое-что из 2 выпуска «Материалов» Лихачева и лег спать.

19 (6) марта. –7°. Великолепное утро, небо безоблачно. Встал в 6 часов; боли в боку небольшие. Разобрал монет и печатей довольно много. Сказал Орлову, что уеду в воскресенье 22-го, но он попросил остаться еще на день, я согласился, причем сказал, что Академия позаботится достать мне билет, и велел по телефону спросить, имеются ли билеты на 23 марта, там ответили, что не имеется, а есть только международные за 45 р., я не согласился на это и попросил взять на 24 марта. В 2 ч. я ушел домой, где нашел письмо жены. Прошел в Эрмитаж, смотрел монеты уделов, показывал А.А. [Ильин], в 4 ½ ушел с А.Н. Зографом к нему обедать, пошли пешком, я очень устал; обедал Г.И. Котов, часов до 8 ½ разговаривали, А.Н. со мной поехал в автобусе, посидел у меня до 20 ч.

20 (7) марта. –3°. Встал в 9 часов. Сегодня в АН свободный день. Утром снес письмо на почту, купил марок, оттуда прошел в Эрмитаж; К.В. Тревер показала мне выставку своего отдела, очень интересна; расположена в комнатах Зимнего дворца. Орбели все еще нездоров. В залах встретил С.Н. Тройницкого, хочет со мной повидаться, но не знаю, придется [ли]; сегодня уезжает в Царское Село. Из Эрмитажа зашел в парикмахерскую, побрился (в доме на углу Мошкова переулка и Миллионной в подвальном этаже). На утро купил в буфете Эрмитажа 4 сдобные булочки. Зашел к Коле. Придя домой, нашел письмо Лотушки. Обедал, ел прекрасные суточные щи и судака под соусом, выпил чаю вместе с Колей, который сбирается ехать в Лесной, звал меня, я отказался, чувствовал себя усталым. После обеда с час полежал, но не спал; встал и решил проехаться до Гостиного двора, по которому прошелся, упадок торговли полный; зашел в аптеку, купил салолу, потом у Штаба в какой-то магазин, где думал найти печенья, но его не оказалось, купил 2 плитки шоколада «Мокко» по 90 к. и вернулся домой, где начал писать жене. В 7 ½ ч. принес себе чаю, просмотрел статьи, поднесенные мне Бауером, Придиком и Котовым. Погода весь день ясная, порядочно таяло.

21 (8) марта. –3°. Встал в 6 ½ часов. Дописал письмо жене. В Музей КДП пришел еще до 9 часов. К 2 часам разобрал последние сундуки, разложил много печатей. А.С. Орлов сказал, что мы уедем к нему обедать в 2 ¾ ч.; мы отправились в бывший дом Н.П. Лихачева на Петрозаводскую. С тяжелым чувством посмотрел на дом и на комнату, когда мы вошли, все ободрано, грязно; поднялись на 4 этаж в квартиру Орлова, которая грязна, в ней лежат дрова. Сели обедать, выпили водки, обед был сытный. В 4 часа он уехал на заседание в АН, сказав, что вернется через час; его жена Марья Митрофановна стала топить печь, я сел на кресло, начал читать «Романова», очень пошлую, пристрастную книгу, читал, вздремнул; потом поговорил с Марьей Митрофановной, пробило 6 часов, его все нет, я откланялся и уехал. Дома был около 8, выпил кружку чая и лег спать.

22 (9) марта. Воскресенье. 0°. В МДПК осталось разобрать монеты, остальное – печати и проч. – разложил. Написал жене письмо, от нее 2 открытых письма. Сильно тает, через Неву трудно переходить, местами – лужи. Отправился в магазин бывший Елисеева на Невском против памятника Ека-

терине, купил 2 батона по 60 к. каждый (!), т. к. булочек в нашем буфете уже 3 дня не продают. Проехал к А.А. [Ильину]; Вера Владимировна угостила на славу: жареные грибы на сковородке, суп, котлеты из рябчиков (!), апельсины. А.А. прочитал свою классификацию о монетах Василия Темного. А.Н. [Зограф] достал билет на 24-е марта на поезд 11 ч. 30 м.

23 (10) марта. +1°. Встал в 5 ½ ч. Написал Нат. Ал. открытку, что завтра выеду, и отправился на телеграф послать Лотушке телеграмму о выезде. На нашем дворе встретил Колю, который шел ко мне. Он пошел меня проводить, мы шли по набережной, дошли до памятника Петра, который осмотрели со всех сторон. Как он хорош! У почтамта мы расстались. Пославши телеграмму, поехал на трамвае на Васильевский остров через Николаевский мост. Прошел по 5 линии, вспомнил [И.И.] Толстого, Гиля; прошел через Большой проспект на 3 линию, вспомнил дом Кранихфельда, где мы жили, и оттуда по набережной в МКДП, где докончил раскладку печатей, разделил по отдельным ящикам массу монет; явился Орлов и поднес мне 2-й выпуск «Материалов» без заглавия, без предисловия, только 18 листов текста. Но что они будут делать с остальными экземплярами? Пришел Юрий Яковлевич Перепелкин. Около 3-х часов я ушел. В столовой Дома ученых пообедал (щи кислые с кулебякой, манная каша с компотом), приготовлено вкусно. Зашел в канцелярию, заплатил за постой всего 19 р. 25 к. (по 1 р. 25 к.), очень дешево за такую прекрасную комнату. Прошел в армянский магазин, купил мягких конфект. Зашел за Колей, позвал его пить чай, угостил его конфектами; сидел часа 1 ½, рассказывал про семью, мне показалось, что он несчастлив в детях.

24 (11) марта. +1°. Встал в 5 ¾ ч. Уложил свой багаж. Пошел в МДПК, но через Неву переходить по льду не рискнул, слишком много луж; погода неприятная, ветер с Ладоги, весь день идет мокрый снег. В МДПК разложил монеты по сортам (восток, запад, русские и древние), распростился с Орловым, даже расцеловались, как компенсацию я указал на следующее: Ярославле сребро (обломок), привесная бляха с родовыми знаками и медный пул с Георгием и татарской надписью. У университета сел на трамвай № 5 и доехал до Русского музея, в этнографическом отделе которого мне показали вещи из знаменитой находки в восточном Алтае в урочище Пазырык на р. Улаган (10 трупов лошадей с упряжью, седлами и проч.), 2 лошади у них, а 8 в Зоологическом музее Академии наук. Оттуда прошел в Дом ученых, обедал, встретил Кипарисова, передавшего поклон Хилла и Миннза. Обедал с Колей, В.Ф. Котовой и Т.Н. Зограф[3*]. Вернувшись в комнату, сел отдохнуть, но явился А.Н. Зограф и с ¾ часа говорил. После пришел Коля, пил с ним чай. В 8 ½ пришел дворник Михаил Гаврилович, присланный Г.И. Котовым, донес мои вещи до трамвая № 4 у Штаба, доехали до вокзала, где дворник внес их в вокзал, заплатил ему 3 р. В 11 ½ ч. поезд отошел.

25 (12) марта. Оттепель. Спал отлично, проснулся перед Лихославлем. В Москву поезд пришел в 11 ч. 10 м. Встретил меня Пав. Ст. Дома было все благополучно, Лотушка очень мне обрадовалась. Позавтракав, я поехал в Цекубу взять свидетельство на жилую площадь, там мне сказали, что свидетельства мне брать не следует, так как у меня излишков площади нет. Встретил там Бирзе, о Л.В. ничего не знает, видел там же П.М. Нечаева и Нат. Ал.,

---

[3*] Над строкой помета: Встреча с Кипарисовым.

которые пришли хлопотать о квартире: их выселяют. Обедал дома, после обеда, сидя в кресле, спал часа 1 ½–2.

26 (13) марта. +2°. Кашель жены почти прошел. Встал в 6 часов. В Музее меня встретили очень радушно, много расспрашивали о Петербурге, что я там делал. Сообщили, что на последней неделе арестованы Н.Р. Левенсон, Чириков. Заходила М.И. Тегер; по распоряжению Бирзе ей выдали жалованье Л.В.; я дал 5 р. для отсылки Л.В-не. Больна М.В. Будылина, я решил ее навестить и в 2 часа поехал к Серпуховским воротам; меня встретил П.К. Вощинин, мы расцеловались, он сказал, что М.В. болела паратифом, теперь поправляется, но очень слаба; я попросил позволения взглянуть на нее из другой комнаты, отворили дверь, она очень обрадовалась, увидав меня, но просила не подходить, у нее огромная слабость; попросила П.К., чтобы он меня угостил американской или английской колбасой, я съел кружок и выпил чашку чая, поговорил с ним с 20 минут и распростился. Дома, до обеда, вымыл ноги, пообедал и соснул в кресле с час. Чувствую слабость, головокружение, вероятно, от усталости. Вечером часа на 1 ½–2 заходила Танюша, много говорили о детях, о родных; рассказала, что муж Маши выслал из Германии ветчины и сала, а Оля тоже продуктов; за обе посылки придется заплатить пошлины по 16 р. за каждую.

27 (14) марта. –3°. Написал А.А. Ильину письмо. В канцелярию звонили из ГПУ, что найдены монеты, которые предлагают Музею, идти было некому, пришлось идти мне на Лубянку, 2; оказалось, найдено 3 клада копеечек XVII в., вырытых где-то в Москве (Батурин, передавший их мне, не помнит), а 3-й клад найден при сломке стены какого-то здания. Монеты не представляли интереса, и я отказался взять их, предложив отдать их в Госбанк, но попросил отдать обе кубышки, которые мне и отдали. Заходил Сосновский за монетами, присланными из разных городов, я их не отдал, сказав, что без разрешения Сектора науки или директора не отдам, с чем Сосновский согласился. Зашел в Охотный ряд, купил бутылку портвейна за 4 р. 75 к.

28 (15) марта. –2°. Занимался текущим делом. Милонов сказал, что 1 апреля уходит в отпуск на 2 месяца; говорят, что он более не вернется. Заходила ко мне в отдел Бирзе с Разумовской и просила обучить Разумовскую серебру и т.д., прибавив, что, если Л.В. вернется, то это не помешает быть обеим. Сегодня в «Известиях» сказано, что жителей в Москве на 25 марта учтено 2 663 000 человек. Отдал Гусеву переплесть «Материалы».

29 (16) марта. +1°. Весь день идет мокрый снег. В 12 ч. было открытие выставки по военному искусству. После 3-х поехал к А.А. Сизовой, которая сообщила, что Л.В. передала через сестру Екатерину Антоновну 2 мешочка для гребенок с вышитыми ею именами «Котя» и «Мотя»; следовательно, она работает; меня это утешило. Выпил у А.А. стакан чаю с конфектою.

30 (17) марта. –2°. Выпал ночью небольшой снег. С утра пришел Сосновский, разбирали описи присланных монет из провинциальных музеев; в среду придет на заседание Сектора науки, которое будет у нас в зале заседаний.

31 (18) марта. –2°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. К завтраку пришла Валечка. Написал А.С. Орлову письмо. Читал «Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма». М., 1931. Это одна из интереснейших книг по Пушкину, какие мне приходилось читать; автор ее С. Бонди́[15]; его имя мне ранее не встречалось.

Апрель 1931 г.

1 апреля (19 марта). –3°. Состоялось заседание по вопросу о передаче СФА монет, присылаемых из провинциальных музеев.

2 апреля (20 марта). –3°. Писал в Музее анкету. Текущие дела. Милонов со вчерашнего дня ушел в отпуск на 2 месяца. Погода неприятная, холодный ветер. К обеду пришла Надюша, угощала рыбой кет; я купил смоквы 1 кило.

3 апреля (21 марта). –6°. В Музей заходил Сосновский, проверяли протокол заседания с Бессоновым[16]. Занимался текущими делами. Заходил к А.А. Сизовой выяснить, как получить жалованье для Л.В.; т. к. М.И. Тегер уехала недели на 2 из Москвы, то вопрос не выяснен. Сестра Л.В-ны Екатерина Антоновна получила от Л.В. письмо, писанное недели за 2 до получения; пишет, что здорова, бодра, всех любит; просит вещи похранить, а мебель, может быть, придется продать.

4 апреля (22 марта). –8°. Лазарева суббота. Приходил Бессонов из Сектора науки и сообщил мне, что там хотят меня назначить заведующим хранением всех древностей и дадут мне 2-х помощников; делается это ввиду плохого хранения всех древностей. В 7 ч. отправился к Шамбинаго (Арбат, д. 4, кв. 35), куда пришел В.Ф. Ржига, сговаривались об иллюстративном материале к «Слову о полку Игореве». Пили чай. Его жена знает нашу Валю, училась с нею у Констан. Его дочь замужем за Каптеревым[17]; живут все вместе. Вернулся домой в начале 1-го часа.

5 апреля (23 марта). –5°. Вербное Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Топил печь, дрова горели плохо, сырые. К вечеру пришла Танюша, сидела до 8, здоровье ее неважно.

6 апреля (24 марта). –3°. Страстная неделя. Была некая Hertha Hösel, ее отец служит на фарфоровой Мейсенской фабрике[18], поручил ей осмотреть статуэтки, главным образом, сделанные на Мейсенской фабрике по заказу Екатерины II; показал ей все статуэтки Кендлера, какие у нас имеются, штук 20 с лишком. Текущие дела.

7 апреля (25 марта). –1°. Благовещение. Узнал в Музее о заключении Г.Л. Малицкого, С.П. Григорова, П.И. Юкина и, говорят, предстоят аресты других музейных работников. В Музее было заседание с 1 часа до 3-х по вопросу о хранении вещей, были на заседании: В.К. Клейн, С.В. Бессонов (от Сектора науки), Пчелина и Ларионов (заведующий хозяйством). Дома нашел Надюшу.

8 апреля (26 марта). +1°. Выпало немного снега. Утром был у брадобрея. Писал в Музее почти все время: письмо в Сектор науки; отчет за квартал 1931 г.

9 апреля (27 марта). –4°. Великий четверг. Составлял письмо в Сектор науки. Смотрел образа, отправляемые Музеем в Хабаровск. Часов в 9 пришел за книгами Граков, сидел до 11-ти.

10 апреля (28 марта). 0°. Сегодня у меня свободный день. Получили телеграмму из Оренбурга от Лёли, пишет, что приедет в субботу с Ольгой Ивановной. Топил печь. Приехала из Тайнинки Надюша, завтракали картошкой. Купили у крестьянина 1 мешок картофеля за 12 р.

11 апреля (29 марта). –3°. Великая Суббота. В Музее почти ничего не делал. Долго сидел в рукописном отделе, болтал с Н.П. Поповым, Седельни-

ковым. Из Музея домой приехал с Граковым, которому дал «Известия Таврической ученой комиссии» со статьей Махова[19] о херсонесских амфорных ручках. Лёля не приехала в 1 ч. 30 м., поезд опаздывает, неизвестно, когда придет (в 6 или в 12 ч.). Ровно в 8 ч. приехали Лёля и Ольга Ивановна, радости было без конца, Ник.Ал. [Боголюбов] тоже приехал, но он отправился с вокзала к родителям. Много рассказывают о голоде и болезнях у таджиков.

12 апреля (30 марта). –1°. Воскресение Христово. С тяжелым чувством пошел на службу, где принялся за текущие дела. Ушел немного ранее 3-х, чувствовал головокружение. Дома нашел Валечку, Надю с Соней и ее дочку Наташу, которая спела несколько песен; слуха не имеет, но манера петь очень мила, позднее пришли Наташа внучка и Пав. Ник., затем Н.А. Боголюбов, посидел с ним около 1 часа, слушал его интересные рассказы о Таджикистане.

13 апреля (31 марта). +1°. Выпало снегу, на улицах очень грязно. В Музее составлял акты на монеты провинциальных музеев, передаваемые в СФА. Послал Орлову письмо и из Музея его рукописи по эпиграфике и его книги. После обеда пришла Танюша, пила у меня чай, приятно побеседовали.

14 (1) апреля. –2°. Выпал небольшой снег. Составлял акт на ящики с монетами для СФА. Смотрел в рукописном отделе «Изборник Святослава» и Галицкое Евангелие 1144 г. – свидетелей похода Игоря Святославича; с миниатюры Изборника и с некоторых заставок Евангелия будут сниматься фотографии для издания «Слова о полку Игореве». В 7 часов поехал к Сосновским, от них вернулся в 12 ½ ч., пил, ел, беседа была не содержательна.

15 (2) апреля. +3°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Написал А.А. Сиверсу письмо. Заходил А.А. Карзинкин, жалуется на головокружение, ставил за уши пиявки.

16 (3) апреля. Весь день был теплый, стаяло много снега. Отпустил в СФА монеты из 16 городов. Заходила Елизавета Петровна Богословская, просила продать 2 севрские вазы и хлопочет устроить дочь профессора Яковлева художницей в Оружейную палату. Переплел 1-й и 2-й выпуски «Материалов» Н.П. Лихачева. Испанский король Альфонс отказался от престола.

17 (4) апреля. +1°. Весь день шел дождь. Занимался текущим делом. Начали в Кремле разбирать Чудов монастырь; мощи св. Алексея Митрополита перенесут в Успенский собор. Вечером приехала Танюша с Яльмаром и Гулей; с детками я играл в короли.

18 (5) апреля. +2°. Дождь утром. Показывал Б.Н. Жаворонкову монеты Пантикапея с изображением плуга. Вечером заходил К.В. Крашенинников, сидел до 10 ч.

19 (6) апреля. +2°. Воскресенье. Особенных занятий не было. Зашла М.В. Будылина, она совсем поправилась; рассказала, что к Ларисе Леон<идовне> приходила женщина, сидевшая в тюрьме вместе с Л.В-ной, и теперь освобожденная; Л.В. просила сказать, что она здорова и бодра, выбрана старостихой камеры, ходит с провожатым в тюремный кооператив за провизией, ее допрашивали, в обвинение поставили, что она кормила какого-то анархиста; думает, что ее вышлют из Москвы. Из Музея заехал к Е.П. Богословской, не застал ее, оставил записку о вазах. Прошел к Софье Владиславовне Ивановой, посидел минут 20, встретил Киру. Приехав домой, нашел А.А. Захарова, с которым беседовал часа 2. В 9 часов пришел В.Ф. Ржига,

говорили с ним о иллюстративном материале к «Слову о полку Игореве», затем он говорил о переводах на современный язык «Слова»; для издания он сделал свой перевод.

20 (7) апреля. +5°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. В 3-м часу зашел А.А. Карзинкин, с ним я пошел к Ксении Михайловне Малицкой, муж которой арестован, у нее была вдова Шилейко, Вера Константиновна[20], которая занималась с Ириной, дочерью Георгия Леонидовича. Посидели с час, пили чай (адрес Малицких: Малая Якиманка, д. 20, кв. 18). За что взят Г.Л., Ксения Михайловна не знает. Москва-река начинает наполняться.

21 (8) апреля. +5°. На реке шел лед. В Музее занимался текущими делами. Заходила М.И. Тегер, хочет получить жалованье Л.В. Перед обедом вымыл ноги.

22 (9) апреля. +4°. Отдавал фотографу шлем, меч и проч. для «Слова о полку Игореве»; показывал Е.Н. Дмитриевой (из «Дома боярина») поддельную посуду. В 4 ч. началось заседание о плане на 1931 г., в 5 ч. я удрал. Утром стригся и брился. Москва-река около Москворецкого моста не дошла до берега 4 ½ камней; идет редкий лед. Обедала Надюша, Леон. Ст. приезжает послезавтра.

23 (10) апреля. +4°. Утром проехал по набережной, вода была на уровне, как вчера, лед шел сплошной. В Музее смотрел в библиотеке целую кучу папок с гравюрами, рисунками и т.д., просил все это перенести в отдел бытовой иллюстрации для разбора.

24 (11) апреля. +4°. Москва-река немного поднялась, но из берегов, кажется, не вышла. Ко мне обращался один из американских директоров какого-то музея с просьбою проэкспертировать один золотой крест византийской работы будто бы X века, оцененный антикваром в 650 долларов; крест мне показали, он оказался поддельным, что я ему и сказал; он купить отказался. Встретил в винном магазине М.А. Цявловского, сообщившего мне, что в Ульяновске (Симбирск) найдено 9 неизданных рукописей Пушкина.

25 (12) апреля. +11°. Сегодня мой свободный день. Ввиду теплой погоды печь решил сегодня не топить. В 11 ч. отправился в магазин «Международная книга», где думал по талону получить приложение к «Отчету» Академии наук за 1930 г., но там сказали, что «Отчет» в продажу не поступает. С Кузнецкого моста прошел к Власову на Тверскую («Антиквариат»), там узнал, что вышел роман А.Н. Толстого «Петр I», имеющий большой успех. Проехал на **А** по набережной, река поднялась до уровня набережной, местами, против Кремля и против Воспитательного дома, немного вылилась на улицу, – народу тысячи. Часов в 6 пришли Леон. Ст., Надя и Митя, сидели до 9 ч.; Леон. Ст. только вчера приехал из Златоуста.

26 (13) апреля. +6°. Воскресенье. Москва-река начала спадать. В мой отдел поступила, по просьбе Бирзе, Разумовская Вал.Ал.; сегодня я ее знакомил с формами сосудов и с другими предметами быта. Умер Гр.Ал. Волконский.

27 (14) апреля. +6°. Несколько раз принимался дождь. В 10 ч. в Музей пришел К.Э. Гриневич с 31-м «политкаторжанином», которым я показал нашу технику записей в книгу поступлений, дал им несколько предметов для описи (веер, чернильницу, грамоты, кружку). Получил от А.А. Ильина письмо, описывает «чистку» троих: А.А. Ильина, Мацулевича и Тройницко-

го; чистка была на заводе им. Синицына, чистило 700 человек рабочих; А.А. решили оставить, Тройницкого все закричали вычистить по 1-й категории, Мацулевича – тоже; но окончательное решение еще не вынесено. Относительно жалованья за 2-й месяц Л. Вяч. директор обратился к Лебедеву, нашему юрисконсульту, по совету которого нужно обратиться к Л.В., чтобы она выдала доверенность сестре; после 3-х я поехал к А.А. Сизовой и сообщил ей определение нашего управления. Вечером пришла Танюша, сидела у меня часа 2, пила чай; принесла мне Новый Завет в переводе Победоносцева.

28 (15) апреля. +6°. Приходил в Музей режиссер оперы Большого театра и обратился ко мне дать материал для оперы «Царская невеста», которая будет поставлена в мае; я ему дал указания и материал.

29 (16) апреля. +7°. Были «политкаторжане», я им объяснял ошибки в их описаниях; 6 из их группы пожелали сняться при магнии, я было хотел уйти, но они пожелали, чтобы и я был с ними; таким образом, меня увековечили с «политкаторжанами». Купил 3 серебряных браслета и 1 шейную гривну, найденные близ Алатыря на берегу р. Суры. Заезжал к А.А. Сизовой, передал ей зонтик Людмилы Вячеславовны. Вечером слышал 2 удара грома, но грозы не было.

30 (17) апреля. +15°. Встал в 10-м часу. Сегодня мой свободный день. Была Валечка, жаловалась на боли в желудке, вид ее мне не понравился. Написал В.А. Никольскому о своей поездке в Петербург.

Май 1931 г.

1 мая (18 апреля). +11°. Встал в 7 часов. Сегодня и завтра занятий нет. Неожиданно около 11 ч. пришла Людм. Вяч.; мы горячо расцеловались с нею; отпустили ее вчера в 7 ч. утра; утром была в Музее, но ко мне прийти не могла. Наше свидание было омрачено тем, что ей разрешено быть в Москве только до 4 мая, а потом ехать в Новосибирск на 3 года. Она очень крепка духом, надеется, что срок сократят; сидела у нас до 4 ½ ч., завтракала, обедала, очень много рассказывала про жизнь в Бутырской тюрьме в течение 2 ½ месяца. Допрашивали ее 1 раз и предъявили обвинение, что кормила анархиста А.А. Карелина, который был на пенсии у большевиков. Пообедав, я пошел ее провожать до трамвая **А**, но он еще не шел, поэтому пошли пешком до ее квартиры, но я туда не входил, а вернулся через Чистые пруды домой. Бедная Л.В.! За что она так страдает! Да поможет ей Господь перенести ссылку и вернуться к нам. Вечером на короткое время заходила М.Н. Гусева с сыном.

2 мая (19 апреля). +10°. Утром послал из Почтамта на Мясницкой заказное письмо Никольскому. Проехал в Охотный ряд, купил бутылку портвейну М.В. Будылиной; конфект для Л.В. не мог купить из-за большой очереди. Во время обеда пришла Маша внучка с обоими старшими детьми, думая повидаться с Л.В., и брат жены, но я тотчас же уехал к Л.В., которую не застал: она была у зубного врача; в ее отсутствие пришел М.И. Сизов с женой, и все сели обедать. Как только пришла Л.В., я с ней поехал к М.В. Кафка, где застали сестру Л.В. Екатерину Антоновну с мужем, Петра Константиновича Вощинина; я принес бутылку вина, которую выпили, закусывая великолепными яствами (икра паюсная, страсбургский пирог (!)

и т.п.); разговоры вертелись на вопросах, как поедет Л.В., где устроится. По словам мужа сестры Л.В-ны, в Новосибирске, куда она назначена, ее могут услать в другой город. Ушли мы в 10-м часу, я проводил Л.В. до квартиры.

3 мая (20 апреля). +8°. Встал в 5 часов. Воскресенье. Плохо спал. В Музей поехал в 8 часов; приехал, еще 9-ти не было, вскоре пришла Л.В., показала мне неоконченные дела и ушла; часу в 11-м пришла ко мне Бирзе и сказала, чтобы Л.В. завтра не ехала, а взяла бы свидетельство, что она больна и просит отсрочить поездку в Сибирь, а тем временем Музей станет хлопотать о ее полном освобождении; я немедленно поехал на ее квартиру, застал Л.В. дома, передал ей слова Бирзе и позвал ее с собой в Музей, где она имела разговор с Бирзе и решила завтра все же ехать, а Музей начнет хлопоты, и она надеется, что скоро вернется в Москву. Был режиссер Большого театра Юрий Алексеевич Еленев-Перовский и взял отобранные вещи для постановки оперы «Царская невеста». Вечером была небольшая гроза и дождь.

4 мая (21 апреля). +8°. В Музее почти ничего не делал, сходил на Кузнецкий мост, купил Л.В-не конфект в дорогу. В 2 ½ ч. уехал домой, пообедал и отправился на квартиру Л.В., собралось ее проводить много народа: обе сестры, М.И. и Н.И. Сизовы, О.А. Карелина. Пили кофе, чай, сердечно все распростились и, помолившись, поехали на Ярославский вокзал в трамвае, багаж повез Н.И. Сизов. Поезд отошел в 9 ч. 55 м.; в Новосибирск приедет через 5 суток. Счастливый путь бедной Л.В-не, невинно пострадавшей.

5 мая (22 апреля). +8°. Дождь. Узнал, что сегодня Цитович к 1 ч. должен был ехать в Сектор науки к Лупполу хлопотать за Л.В-ну. Вечером заходила ненадолго Танюша.

6 мая (23 апреля). +8°. Пришлось много ходить по всему Музею, очень устал. Заходил Сосновский. Передал ему квитанцию на получение с железной дороги монет из Эрмитажа. Обедали Надя и Валя, позднее пришел Л.Ст., завтра он уезжает в Свердловск. Вечером приходила к жене А.С. Сосновская, рассказывала, как жестоко раскулачили Морозовых.

7 мая (24 апреля). +11°. Сегодня мой свободный день. Около 11 ч. пошел к А.А. Сизовой, Магдалена Ивановна больна, лежит, но попросила меня войти к ней и побеседовать, посидел с ½ часа, собирается ехать в Ташкент к мужу. От них зашел в почтамт, послал заказное письмо Шугаевскому, оттуда в Никольскую аптеку купить ревеню и мыльного порошка, ни того, ни другого нет; зашел в цирюльню и домой. Выставили балконную дверь.

8 мая (25 апреля). +8°. Обучал Разумовскую, как описывать серебро. Получил открытое письмо от Л.В. от 5 мая с дороги (штемпель «Шарья Ниж.»), едет пока хорошо. Зашел к Сизовым, прочел им письмо. Слышал у них, что к 15-летию Советской власти будут прощены все политические, не замешанные в террористических актах. Написал Л.В-не первое письмо до востребования.

9 мая (26 апреля). +10°. Послал Л.В-не письмо. В Музее писал протоколы на передачу в СФА присланных монет. Заходил В.Ф. Ржига, показывал ему снимки для издания «Слова». Вчера ночью была гроза с сильным дождем.

10 мая (27 апреля). +7°. Воскресенье. Получил от Л.В. 2-е письмо открытое, также жене. Заходил Сосновский, но принимать не стал монет, поручил другому, который не пришел. Бирзе хочет поместить Т.Г. Гольдберг из Оружейной палаты, которую привела, по-видимому, это неприятный человек. Дома написал письма Ильину, Ржиге, Л.Вяч-не (открытку). Заходил К.В. Крашенинников.

11 мая (28 апреля). +2°. Третьяковская галерея просит 2–3 предмета из серебра для экспозиции, отобрал кубок, стопку и стакан. Отпустил в СФА 7 ящиков монет. Получил от Л.В. с дороги из Ишима открытку, надеется в ночь на 9-е приехать в Новосибирск. В 10-м часу приехала Надя из Тайнинки в большой тревоге и сказала, что у Ляли дифтерит, ей сделали прививку, остальных детей увозят на водокачку в Мытищи.

12 мая (29 апреля). +3°. Сегодня у меня свободный [день], но на короткое время придется идти в Музей показать какой-то американке византийские древности. В 11 ч. отправился в Музей, туда пришел Виктор Никитич Лазарев (из Музея изящных искусств) и вслед за ним приехали жена американского банкира Кан, франц<узский> гражд<анин> Рувве и агент из Интуриста; я показывал лучшие мелкие вещи из византийского отдела и скифское золото; смотрели очень быстро в моем кабинете, потом все перешли в Отдел рукописей, где смотрели 4 древнейших лицевых рукописи, осмотр также был быстр. Замечательна окраска ногтей у американки: густого красно-коричневого цвета. Часов в 7 вечера пришел В.Ф. Ржига, беседовали об издании «Слова о полку Игореве», ушел в 11 часов.

13 мая (30 апреля). +2°. Зашел на почту, послал Л.В-не письмо жены. Осматривал в подвале Музея картины, предназначенные к возврату в Госфонд. Весь день болели ноги, придя домой, вымыл их, стало легче. Вечером зашли Танюша и Надя, Лялю Надя поместила в больницу в Мытищах.

14 (1) мая. +5°. Сегодня какой-то субъект вызвал Лебедева и ушел с ним, назад Лебедев не вернулся; не арестован ли он. Приходила М.В. Будылина и сообщила, что от Л.В-ны сестра ее получила из Томска телеграмму, где она будет ждать дальнейшего назначения. Мне все это не очень ясно. Заходил к Сизовым, сказал им о телеграмме.

15 (2) мая. +6°. Из Музея с А.Л. Вейнберг [пошел] в ОГПУ, туда пришел Гамза, вызвал знакомого ему сотрудника ГПУ, и мы все поехали на Пречистенку, д. 21, в бывшую квартиру А.И. Анисимова, где Гамза взял для Третьяковки иконы, а я отобрал 2 ящика с рухлядью, за которыми, придя в Музей, послал. Для «Антиквариата» отбирал складни мелкие (штук около 50-ти). В.Н. Лебедев, ушедший вчера в ГПУ, не вернулся до сих пор, очевидно, он задержан.

16 (3) мая. +9°. Сегодня 1-й день пришла на занятия ко мне Т.Г. Гольдберг; посадил ее описывать ткани. Кажется, на днях назначено перенесение праха Гоголя и плиты из Даниловского монастыря в Донской. Вечером был у нас младший сын С.И. Чижова с молодой женой; мать его, Ольга Николаевна, арестована с января, он спрашивал, не было ли золота среди монет, переданных его покойным отцом, я ему сказал, что золота не было, я его даже не видал у С.И., так как оно было продано; жена Сергея Сергеевича еврейка, очень неглупая; сидели до 10 ¾ ч.

17 (4) мая. +14°. Воскресенье. Встал в 10-м часу. Сегодня мой свободный день. Написал объяснения некоторых слов в «Слове о полку Игореве» (для издания «Academia»). С 2 ½ ч. до 6 у меня сидел Гр.Ал. Ряжский, очень интересный собеседник.

18 (5) мая. +8°. Получил от Л.В. из Томска открытое письмо. Ходил в Оружейную палату, там полный ремонт, все витрины с вещами сдвинуты, кое-что из серебра посмотрел, знаменитый потир переяславского собора там; посмотрел петуха Ивана III. Мои коротенькие объяснения для «Слова о полку Игореве» перестуканы на машинке.

19 (6) мая. +11°. Придя в Музей, был приятно удивлен, встретив В.Н. Лебедева, выпущенного из ГПУ. Разбирал с Клейном лоскуты тканей, принадлежавшие А.И. Анисимову. Обедала Надя, Ляля поправляется.

20 (7) мая. +11°. Заходила в Музей М.В. Будылина, она тоже получила из Томска от Л.В. письмо, пишет, что спина болит, куда ей ехать далее, сообщат через 10 дней. Вести неутешительные. Получил от бухгалтера все облигации Л.В., которые свез А.А. Сизовой для передачи Екатерине Антоновне, которая сегодня к ней заедет. В Музей приходил М.А. Цявловский с молодою женой. Описал перстни для книги поступлений (27 штук). Погода очень теплая.

21 (8) мая. +12°. Вознесение Господне. По распоряжению Наркомпроса в наш Музей переведена из Оружейной палаты Марина Михайловна Постникова, Бирзе поместила ее ко мне в отдел. Сегодня разбирали у Бирзе мою программу, как заниматься вновь поступившим, и программу Клейна, которая оказалась неудобоисполнимой. Ходил по аптекам, искал ревеню и других слабительных средств, ничего не нашел; купил в аптеке Наркомздрава какие-то американские пилюли, стоят 15 к. за 10 штук. Получил от А.С. Орлова письмо, обещает 15 июня привезти Ярославле серебро и проч. Застал дома Танюшу с Гулей, малютка пообедала, была Надюша, но скоро уехала.

22 (9) мая. +18°. Николин день. Сегодня у меня свободный день. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове; чудесная была служба, великолепно пел хор Нестерова; кончилась в начале 2-го часа; народу было очень много. В 5-м часу приехали Е.А. Орлова, сестра Л.В-ны и М.В. Будылина, сидели до 7 ½ ч., много говорили о Л.В-не, вспоминали старину, Забелина и т.д. Только что они ушли, пришла Л.И. Воронова, за нею Валентина Васильевна Махолина. В 9 ч. я ушел в свою комнату.

23 (10) мая. +10°. Описывал иконы, которые покупает «Антиквариат». Писал ответы на разные отношения, присланные при монетах. Последнее время обдумывал и частью переделал в статье некоторые места, где пишу о куне, резане, ногате, гривне.

24 (11) мая. +11°. Воскресенье. Получил от Л.В. от 16 мая из Томска письмо, поразившее меня; ее ссылают в Нарымский край; за что эта невинная страдалица терпит такие муки! Да поможет ей Господь перенести эти тяжелые испытания. Оценивал для Торгсина[21] иконы. К обеду пришла Надя, у нее заботы с квартирою.

25 (12) мая. +12°. Занимался текущими делами в Музее. Придя домой, впервые встретил перед обедом Н.А. Боголюбова и дружно беседующего с Лёлей[4*].

26 (13) мая. +14°. Говорил с Цитовичем о Л.В-не, он сказал, что Наркомпрос отказался перед ГПУ ходатайствовать о смягчении ее участи. Занимался текущими делами. После обеда в 7-м часу отправился к В.Ф. Ржиге, отдал ему объяснения к «Слову о полку Игореве» (о ногате, резане и о златокованном столе и др.). Он мне прочитал кое-что из своих объяснений к «Слову» и часть перевода, который мне очень понравился. Пили чай, его жена рассказала о их посещении какого-то гипнотизера, его сеансы, особенно по внушению (заставлял курильщиков не курить, пьяниц не пить, приводил человека в каталептическое состояние и т.д.); ушел в 11 ½ ч., приехал домой в 12 ½ ч.

[4*] Так в оригинале.

27 (14) мая. Встал около 11 ч., температура на солнце +30°. Сегодня мой свободный день. Вчера взял у В.Ф. Ржиги «Записки историко-филологического факультета Петербургского университета» (часть 118-я), 1914 г., с обширною статьею профессора Святловского «При<ми>тивно-торговое государство, как форма быта», просмотрел, а кое-что внимательно прочитал, ч. 1-ю «Деньги»; нового для себя нашел немного. Вечером была Танюша, читал ей письмо Л.В-ны; от нее узнал, что вчера похоронили Я.А. Полякова, моего школьного товарища, царство ему небесное.

28 (15) мая. +16°. Получил от Л.В. открытку от 17 мая, написанную на пароходе в Томске, штемпель «Кривошеино» 21 мая, куда она едет – не пишет. Директор Музея Милонов уходит из Музея. Утром отбирал иконы Казанского собора, все новые, XIX в., их употребят на стройку (большие) или на дрова.

29 (16) мая. +11°. Из архива Пономарев мне передал ящик с монетами, принадлежавшими покойному В.В. Розанову, принесшему их в Музей еще до войны; монеты греческие, есть недурные по сохранности экземпляры. Из бывшего Общества любителей естествознания и антропологии, где председателем был Анучин (оно теперь ликвидировано), сегодня принесли медали, 1 серебряную и 70 бронзовых, из них я отобрал 15, остальные дублеты. Новые сотрудницы М.М. Постникова и Т.Г. Гольдберг сегодня начали проверять серебряную кладовую. Сегодня Академия наук известила Музей, что разрешает выдать в Исторический музей обломок сребра Ярославля, бляху с родовым знаком и монету с надписью «Раджан»[22].

30 (17) мая. +13°. Записал медали, принесенные ученым секретарем бывшего Общества любителей естествознания и антропологии. Разобрал часть монет покойного В.В. Розанова. Неожиданно часу в 8-м пришли Б.Н. Граков с Ольгой Александровной, своей женой; он должен был ехать на лагерный сбор в Нижний Новгород, но билета на 7-часовой поезд не мог получить, обещали дать на ночной в 1 ч. ночи; пришли ждать у нас до 9 ½ ч., вспоминали старое музейское время…

31 (18) мая. +5°. Воскресенье. Троицын день. Разбирал монеты Розанова. Заходил Сосновский, покупает на 690 р. книг из дублетов библиотеки. Смотрел рисунки западных мастеров, перенесенных из библиотеки в отдел гравюр; есть итальянские Гвидо Рени, К. Маратти и др.[23] В 7 ч. пошел к К.Ф. Гесселю, смотрел у него прекрасные издания по итальянскому искусству; он читает какое-то многотомное французское издание о папах и восхищается им. Я просмотрел главу о Григории VII, который меня интересует, по ней могу судить, что книга рассчитана не на серьезное чтение. Вернулся домой около 11 ½ ч. Лёля поступила на место, кажется, счетоводом, куда пойдет завтра.

Июнь 1931 г.

1 июня (19 мая). +10°. Духов день. Сегодня у меня свободный день. Был у литургии в храме Богоявления в Дорогомилове; простоял с большим религиозным подъемом; пел хор церкви преп. Пимена очень хорошо, дирижировал молодой человек в монашеской рясе; народу было менее, чем в Николин день[5*]. Лёля сегодня поступила в финотдел на 90 р. жалованья.

[5*] Далее 4 строки вымараны.

2 июня (20 мая). +8°. Докончил разбор монет Розанова. Вчера перенесли из Данилова монастыря в Новодевичий монастырь останки Гоголя, Хомякова и Языкова, не оказалось в гробу Гоголя его головы, думают, что она исчезла во время починки могилы Гоголя в 1909 г. Художественным театром. Факт небывалый! Купил карту Сибири, чтобы проследить путь Людм. В-ны к месту ее ссылки.

3 июня (21 мая). +14°. Именины жены, Лёли, память сестры. Занимался текущим делом. Около 3-х поехал к М.В. Кафка, чтобы сговориться ехать с нею в пятницу в Коломенское, встретил у нее П.К. Вощинина, приехавшего из Битцы. От М.В. узнал, что Екатерина Антоновна получила от Людм. Вяч. телеграмму из Колпашева, Западная Сибирь, Тогур[24]; просит выслать огородных семян. Бедная Л.В.! Куда ее сослали! Должно быть, глушь. Застал Надюшу, Валечку с дочерью и внуком и Ивана Михайловича, художника, рисовавшего карандашом портрет с жены. Видел в Музее Милонова; сказал ему: «Зачем покидаете Музей?» Ответил: «Так решил ЦК». «А кто будет Ваш преемник?» спросил я; Милонов назвал имя профессора-историка из красной профессуры (я забыл его имя), который недавно имел спор с М.Н. Покровским. Сегодня же мне передавали слух о желании иметь место директора Исторического музея П.С. Рыковым из Саратова. После обеда пришли: Танюша, П.Н. Сапунов, Валентина Васильевна Махолина. Я сидел в своей комнате с Танюшей, после с Машей; Яльмар показывал свой альбом с марками. В 8 ч. все разошлись.

4 июня (22 мая). +11°. Дождь, в 5 ½ гроза. Занимался текущим делом. После 3-х заехал к А.А. Сизовой, никаких вестей от Л.В. не имеет; комната Л.В-ны сдана 4-м: 2-м женщинам и 2-м детям, семья интеллигентная. Взял из музейской библиотеки «Западная Сибирь» Семенова-Тян-Шанского, разыскал в тексте и на карте деревню *Колпашеву и Тогоур*, должно быть, на р. Кети, впадающей в Обь; название «Нарым» по-русски значит болото.

5 июня (23 мая). +8°. Утром заехал в Музей, оттуда к 11 ч. приехал к М.В. Будылиной, где застал П.К. Вощинина; мы с ней тотчас же пересели на трамвай 48, который шел по направлению к деревне Котлы, где нас ждал экипаж, высланный из Коломенского. Расстояние 2 ½ версты ехали быстро, колеса без резиновых шин, к которым мы привыкли, поэтому по плохой мостовой было ехать очень тряско, даже голова болела. В Коломенском сегодня было открытие выставок старинной архитектуры русской и все, что к ней относится: окон, дверей, печных изразцов, инструментов и т.п.; все очень интересно, но особенно меня поразил архитектурный отдел: есть чудесные образцы резьбы, конструкции (ворота) и т.д. Показывал П.Д. Барановский – душа всего! Он восстановляет колокольню к знаменитому Вознесенскому храму, которая в 40-х годах XIX столетия переделана на новый лад. Посетили Приказную палату, обставленную на старинный манер, но мне обстановка не вся понравилась: есть более поздние предметы. Попили фруктового (довольно невкусного) чая, М.В. угостила бутербродами, с нами был И.И. Новиков, которого я часто встречал в Кремле. На обратном пути я зашел к М.В., которая подарила мне кусок мыла и ½ фунта чая; в 5 часам был дома. У Серпуховских ворот хлынул сильный дождь. Погода в Коломенском была ветреная и прохладная.

6 июня (24 мая). +7°. Сегодня мой свободный день. Часа в 2 приехал бывший режиссер Большого театра (теперь он режиссер подвижной оперы)

Юрий Алексеевич Еленев-Перовский и привез мне 2 билета на «Царскую невесту» в благодарность за помощь по постановке оперы. Посидел с ним с ½ часа, рассказывал мне о своей прежней жизни. Вечером был в Экспериментальном театре (бывшем Зимина) на «Царской невесте», был один, Лёля не поехала. Опера, т.е. музыка и певцы, мне очень понравилась, особенно хороши были Савранский – Грязной и Любаша – Обухова[25], но декорации и обстановка ниже всякой критики, например, кувшины скопированы с квасников XVIII в., стаканы покрыты какими-то пупышами. Я последнего акта не досидел, иначе поздно пришлось бы лечь, дома был в 11 часов. Встретил там А.Л. Вейнберг.

7 июня (25 мая). +5°. Воскресенье. Занимался текущими делами. Надя при падении в Тайнинке вытянула ногу, доктор сказал, что придется лежать 3 недели.

8 июня (26 мая). +4°. Занимался текущими делами.

9 июня (27 мая). +7°. Днем без меня была Надя, нога ее поправляется. В Музее принимал вещи, возвращенные из театра, куда брали их для «Царской невесты». Составил план для ознакомления сотрудниц в 1931–1932 гг. (сентябрь–июнь) с древнейшей нумизматикой и серебряной посудой. Академик Волгин напечатал в «Известиях» статью «Московская сессия Академии наук», из которой видно, что Академия наук хочет встать «лицом к массам». Вечером были: С.Вл. Иванова и К.В. Крашенинников, сидели до 9 ½ ч., заходил сосед по квартире Р.Герм. Рихтер.

10 июня (28 мая). +8°. Занимался текущими делами. После обеда пришел А.А. Захаров, посидел часа 1 ½, поднес статью; затем пришла Танюша, сидели у меня, пили чай.

11 июня (29 мая). +11°. Сегодня у меня свободный день. С 10 ½ поехал в Музей изящных искусств, прошел в кабинет Ю.В. Сергиевского, с которым переговорил о передаче греческих монет бывшего собрания Румянцевского музея к ним. Прошелся по картинной галерее, видел много прекрасных полотен, между ними знакомцы из Эрмитажа, пробежал отделы коптский и египетский; как интересен отдел египетский. В 1 ч. был дома. Из газет узнал, что в хирургии сделано новое и очень важное усовершенствование: операция без ножа, при помощи электрической тупой иглы; результаты в Англии и Германии получились удачные.

12 июня (30 мая). +10°. Все время пришлось в Музее сдавать иконы, складни, составлять акт и т.д. Получил от Л.В. печальное письмо. М.В. Будылина дала мне прочесть письмо Л.В-ны к ее сестре. Бедная, за что она так страдает?

13 июня (31 мая). +12°. В Музее занимался текущими делами. Вчера вернулся из Таджикистана наш фотограф, ездивший с экспедицией, там война с афганцами, о чем он читал в местной военной газете, которую запрещено показывать публике, из нее видно о форменных сражениях с убитыми и ранеными. Будто бы на китайской границе тоже стычки с китайцами. Дома нашел Надю, она поправилась, начала переезжать на квартиру в Сивяков переулок.

14 (1) июня. +10°. Воскресенье. Написал Л.В. открытое письмо. В Музее занимался текущими делами. Пропажа золотой коробочки, которая сегодня нашлась Муралевичем на полу.

15 (2) июня. +10°. Описывал удельные монеты. Вчера получил от В.А. Дударевой для Л.В-ны 2 катушки ниток, сегодня она дала клубок шерсти для штопки чулок. Сегодня в «Известиях» пишут, что большевики тоже хотят подняться из Ленинграда на сферическом аэростате в стратосферу. Вечером заходила М.В. Будылина, пила чай, от нас пошла к Сизовым за посудой для Л.В-ны.

16 (3) июня. +10°. Сегодня мой свободный день. П.С. Рожицкий сказал мне, что собирается жениться на подруге детства – гречанке Венераки. Обедали в 2 ч., после обеда поехал постричься в парикмахерскую на Остоженку, где встретил Н.Д. Бартрама, побеседовал с ним; обещал прислать огородных семян для Л.В. К вечеру пришла Танюша с Гулей, пили кофе, ели хлеб со сливочным (!) маслом. Днем до 2-х приходили Валечка с дочерью и с внуком, который уезжает завтра с отцом в Смоленскую губернию на 2 месяца. Вечером шел дождь.

17 (4) июня. +10°. Проверял с Разумовской составленную ею опись серебра; она, Ракита и Бирзе сегодня едут на 10 дней в Петербург. Обедала Надюша.

18 (5) июня. +11°. Ввернул лампу в 150 свечей в серебряной кладовой. Занялся монетами. Через Т.Г. Гольдберг Горкави прислала 10 р. для Л.В-ны.

19 (6) июня. +10°. День был жаркий. Отпускал в Третьяковскую галерею 3 серебряных вещи: кубок и 2 стакана. Нат.Ал. принесла для Л.В.: вафли, сахарного песку, пшена. Пришлось подписаться на 200 р. на 3-й заем. Обедала внучка Нина с правнуком Аркадием 11 месяцев. Вечером пришла Наташа внучка и А.Н. Никольская, приехавшая хлопотать о муже; срок ссылки В.А. кончился 4 мая, но ему приехать в Москву не разрешено.

20 (7) июня. +12°. День рождения жены. Утром послал Л.В-не посылочку; хотел отправить с Главного здания почтамта на Тверской, но там приема нет, пришлось ехать на Мясницкую; за пересылку (5 кило) взяли 6 р. 40 к., за ящик 1 р. 20 к., всего 7 р. 60 к. В Музее занимался текущей работой. Уходя, встретил кёнигсбергского профессора, имя которого забыл, приехал сегодня, уезжает в Германию послезавтра, хотел зайти. В Музей заходил Сосновский, а к нам приходила его жена, но я ее не видал. Застал Надю и Валю, позднее пришел Пав. Ник., а вечером Таня Кочурина с новым мужем и Зоря, поднесли цветок и торт. Заезжала Танюша с правнучками Машей и Настей. Сегодня Арендт сказал мне, что к тексту «Слова о полку Игореве» прибавляется художественный перевод, сделанный Штормом, и все издание назначено к продаже за границею, все количество издания будет 300 экземпляров.

21 (8) июня. +14°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Был в храме Богоявления в Дорогомилове за литургией, прекрасно пел хор Нестерова, но было много песнопений незнакомых мне композиторов, к которым я не привык; прекрасно пропели «Блажен разумеваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь». Благодаря плохой акустике не понял проповеди, даже не разобрал ни Апостола, ни Евангелия. На днях я получил пригласительный билет на Московскую сессию Академии наук. Сегодня в 6 часов было назначено 1-е заседание, на которое я отправился к 6 часам. Народу в колонной зале Благородного собрания было масса. Назначены были 2 доклада: 1) Бухарина «Наука СССР на перевале всемирной истории» и другой, не состоявшийся, Губкина[26] «Естественные богатства СССР и их

использование». Вступленье говорил Кржижановский, подчеркивая успехи строительства в СССР, когда он кончил, выступил непременный секретарь Волгин, заявивший об отмене доклада Губкина и о приеме депутаций, я ушел. Встретил М.Н. Сперанского и Т.Н. Бакланову, внучку Д.Н. Анучина, она замужем за академиком Лукиным, с нею я и сидел. С билетом я имел право сидеть на трибуне, но не решился быть в таком важном обществе. Дома был в 8 ч.

22 (9) июня. +12°. Утром явился кёнигсбергский профессор Винклер с молодою женой, очень красивой, и подарил мне много всякой всячины: из съедобного – черного и белого хлеба, жестянку селедок, кнекеброд, плитку шоколада, 2 апельсина; из лекарства – хинина и всяких других, отданных жене и Лёле, затем ниток, иголок. Его добротой я был тронут до глубины души, какой превосходный человек! Да, забыл: чаю, кофе и сахарного песку! В конце занятий приехал А.С. Орлов, мы с ним расцеловались, привез обещанную компенсацию: фрагмент Ярославля серебра, привеску с родовым знаком Рюриковича, думаю, Ярослава и серебряную монету с арабскою надписью, которую читают «Раджан».

23 (10) июня. +11°. Утром был в почтамте на Мясницкой, послал «Советский собиратель» Шугаевскому. Вписал в книгу поступлений сребро Ярославле, привеску с родовым знаком и пул с изображением Георгия и с арабской надписью «Пулада» (?). Видел кое-кого из бывших на 1-м заседании Академической сессии, остались недовольны.

24 (11) июня. +12°. На планшетку с древнейшими монетами положил маленькое собрание наших привесных русских печатей и другие памятники монетообразной формы. Разобрал и разложил несколько доцарских монет. Привезли в Музей планы Христа Спасителя, который начнут ломать 10 июля; назначены к сломке Иверские ворота, но их пытаются отстоять. Дома нашел сестру, как она постарела; здоровье ее стало лучше.

25 (12) июня. +11°. Разложил кое-какие доцарские монеты по полкам. Заходил С.А. Жебелев, рассказал некоторые курьезы в сессии академиков.

26 (13) июня. +18°. Сегодня мой свободный день. Встал поздно в 7 ½ часов. Барометр очень понизился. Не получал от Л.В. писем, пошел к А.А. Сизовой, которая мне показала ее последнюю открытку от 31 мая, ничего нового не узнал; А.А. сказала, что в письме к Екатерине Антоновне Л.В. пишет, что корова куплена, на ее долю пришлось 45 р., доение коровы лежит на обязанности Л.В-ны. Погода теплая, душная, солнца нет, изредка идет дождь. После завтрака занялся просмотром некоторых мест своей статьи. Погода из душной стала прохладной.

27 (14) июня. +12°. Пасмурная погода. Наконец пришли письма от Л.В-ны – жене и мне; по-видимому, ей скоро не выбраться из Нарымского края. Бедная, бедная! Не могу заниматься на службе, так расходились нервы. Говорил по телефону с В.Ф. Ржигой, он мое письмо получил, для него было новостью узнать, что «Academia» к переводу «Слова» В.Ф-ча прибавляет перевод какого-то Шторма; хочет это дело разузнать.

28 (15) июня. +12°. Воскресенье. Вернулись из Петербурга Бирзе, Разумовская, рассказали, что погода холодная, дождливая, о научном ничего не говорили. Слышал, что сломка храма Спасителя приостановлена по следующим причинам: 1) сломка одного мрамора по смете архитекторов обойдется

в 800 тысяч рублей; 2) стены настолько прочно сложены, что придется их разрушать только динамитом.

29 (16) июня. +13°. Слышал, что С.П. Григорова вышла замуж за А.А. Захарова. Бедная женщина, супруг ее, кроме физического недостатка, имеет плохой характер. Вернувшиеся из Крыма говорят, что Севастополь на военном положении. В Музей заходил В.Н. Лазарев, смотрел рисунки иностранных мастеров. Вечером пришла Танюша с Гулей и Алешей, побеседовали, пили чай.

30 (17) июня. +15°. Утром зашел к брадобрею. В Музее пришлось немного заниматься. Просматривал источники, кто мог чеканить монеты конца XIV или начала XV в. с именем Димитрий (как мне кажется), которые я отнес в «Русских монетах», № 840–841, Димитрию Константиновичу Суздальскому. Несомненно, это не суздальские монеты, и вопрос о них могут разрешить только места находок. Получил из Музея право на 1-ю категорию. Жена написала Л.В-не, я приписал несколько строк.

Июль 1931 г.

1 июля (18 июня). +13°. Сегодня мой свободный день. Утром ходил в Наркомпрос, комната 242, пенсионное отделение, где Харитонов, расспросив меня о месте и летах службы, сказал, что я имею право на пенсию, и дал мне директивы, что я должен написать для получения пенсии. К обеду пришла Надюша. Читал Гоголя и о Гоголе по изданию «Народная польза» (СПб., 1902).

2 июля (19 июня). +12°. Перенес серебряную посуду XVIII–XIX вв. с выставки в кладовую. Просил местком дать мне отзыв для представления в Наркомпрос по поводу персональной пенсии.

3 июля (20 июня). +12°. Просматривал «Опись Оружейной палаты» с рукописными примечаниями покойного Д.Д. Иванова, многое разъяснено, особенно гербы; опись подарена Софьей Владиславовной. Есть о посуде ценные добавления. Заходил к жене ее брат Доля, но ко мне не зашел. Впервые ел землянику «Викторию», как большое лакомство. Вот до чего мы дожили! Стоит в кооперативе 1 р. 25 к. за ½ кило! Это считается дешево.

4 июля (22 июня). +12°. Все утро очищал мою комнату от столов и витрин ввиду переделки электрических проводов. По-видимому, решено сносить Иверские ворота, так как начальство приказало очищать наши комнаты. В 3 часа поехал в СФА, где экспертировал посылаемые за границу монеты, пришлось расписаться 48 раз; вернулся домой около 6 часов.

5 июля (23 июня). +12°. Воскресенье. В Музей пришел, еще 9-ти не было, явились монтеры, начался ремонт электричества; я попросил, чтобы у меня дежурил один из старых служителей, назначили Михаила Ивановича. Зашли: сотрудники нижегородского музея, которым я объяснял приемы инвентаризации, и директор Лаврского музея в Киеве П.П. Куренній, которому показывал присланное из Академии наук сребро Ярославле и привеску с родовым знаком. Читал любопытную статью Тупикова о литературных трудах царевича Ивана Ивановича (ЖМНП, 1894 г., декабрь)[27]. Из Музея вышел около 4-х часов. Жалованье не выдают уже 2 дня. В «Известиях» напечатана речь

Сталина «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства». Многие, читавшие эту речь, видят поворот к облегчению положения интеллигенции. Поживем – увидим, а пока положение тяжелое у всех непартийных интеллигентов. Вечером пришла Танюша, сидела до 8 ½ ч., беседовали, пили чай.

6 июля (23 июня). +14°. Сегодня мой свободный день, но не пользуюсь им, так как ремонт в моей комнате в Музее, возьму другой день в обмен. Пасмурно, ночью был, по-видимому, дождь, крыши мокрые. Ремонт в моем кабинете продолжается, когда кончится – неизвестно. Писал для Наркомпроса автобиографию.

7 июля (24 июня). +18°. Праздник св. Иоанна Предтечи (Ивана Купала), сколько воспоминаний связано с этим праздником! Сегодня мой свободный день вместо вчерашнего; встал в 7 часов. Написал А.А. Ильину письмо. Читал «Мертвые души». После обеда внезапно пришел А.А. Захаров и объявил о своей женитьбе на С.П. Григоровой и попросил разрешения приехать с ней к нам. Два часа сидел, утомил своим скучным разговором.

8 июля (25 июня). +16°. Ремонт в Музее продолжается. Получил от А.А. Ильина письмо, к 1-му сентября должен сдать коллекции, и его удаляют из Эрмитажа по 1-й категории; такой жестокий приговор произнесен за преступления, которых, по его письму, он не совершал. Как это ужасно. Встретил Бирзе, уходящую в отпуск до 6 сентября; спросила о Л.В-не, я ей рассказал о ее положении; Бирзе спросила, подавала ли она просьбу о смягчении участи, на это я сказал, что слишком рано, Бирзе говорит, что не рано, при этом прибавила: «Клянусь Вам», – и перекрестилась; я рассмеялся на ее жест, и мы расстались. Отказано мне в продовольственной карточке I категории.

9 июля (26 июня). +16°. Со вчерашнего дня начали ломать Иверские ворота, сегодня уже разрушена левая башня. Вероятно, будет сломан и храм Спасителя. Ремонт в моем кабинете окончен, завтра будут мыть пол. В своей рукописи сделал кое-какие дополнения.

10 июля (27 июня). +17°. Получил от А.А. Сиверса письмо от 18 июня, шло 3 недели. В Музее началась в моей комнате уборка после ремонта. Слышал, что памятник Минину и Пожарскому хотят передвинуть к храму Василия Блаженного. В 3 часа прошел небольшой дождь, был удар грома; погода жаркая и душная. В 10-м часу вечера был дождь с грозою.

11 июля (28 июня). +17°. Сегодня мой свободный день. Написал открытку А.А. Сиверсу, послал ему под бандероль «Заметки о деньгах “Русской Правды”» С.А. Усова[28]. Заходил к А.А. Сизовой, но ее не застал. Днем пришла Надюша. В 4 началась сильная гроза с ливнем; под дождь попала Лёля, вся вымокла; около 5 дождь прекратился. Позднее была еще гроза.

12 июля (29 июня). +15°. Воскресенье. Праздник свв. апостолов Петра и Павла. День пасмурный, но дождя не было. В Музее тоскливо, работать не могу. Чувствую слабость, вероятно, от плохого питания; вчера съел тарелку супа и 3 молодых картофелины; за завтраком стакан кофе «Здоровье» и ломоть хлеба. Ночью проснулся в 3 часа и не мог уснуть, встал в 5 ½ ч.

13 июля (30 июня). +14°. Собрал, наконец, все бумаги, нужные для получения пенсии, и отвез их в Наркомпрос; дама, которая принимала их, сказала, что заседание комиссии по пенсиям едва ли в июле состоится, вернее,

будет в конце августа. Заходила ко мне в Музей О.Н. Бубнова (жена наркома) и просила меня отобрать медных образков штук 200 для продажи, хотела завтра зайти. Говорит мне, что ей жаль, что ломают Иверские ворота, ее муж тоже противился сломке, но Ворошилов настоял, чтобы свободнее проходить войскам на парад. Сталин звонил ее мужу, сказав, как ему не стыдно стоять за старые камни; Бубнов должен был уступить. Также Ворошилов требует передвинуть памятник Минину и Пожарскому в сторону к Василию Блаженному; Лобное место, кажется, трогать не будут. Я спросил о сломке храма Спасителя, она ответила: «Мне его не жаль», – в чем я согласился с ней, но это вопрос еще не решенный; она сказала, что шофера́ автомобиля ее мужа несколько раз спрашивали о сломке храма; я ей сказал, что им жаль не потери художественного памятника, а по религиозному чувству. Она согласилась. Вечером был небольшой дождь.

14 (1) июля. +13°. Вчера вернули с почты мое письмо, писанное Л.В-не в Новосибирск до востребования. Утром дождь. Почти все время в Музее отбирал с О.Н. Бубновой медные кресты, иконы, складни, которых набрали до 200 штук. Дождь льет, как из ведра. Распростился с Н.А. Гринвальд, уезжает на 1 месяц в отпуск в г. Петровск, не доезжая Ростова. Вечером был К.В. Крашенинников, сидел до 9 ½ часов.

15 (2) июля. +12°. Сегодняшнюю ночь у нас ночевала Надюша, не могла вчера уехать, т. к. вся ее одежда промокла от дождя. Все почти время возился с литыми иконами, которые я разобрал по типам, описание их начала Т.В. Сергеева, при описи я ставил оценку. Был в Музее директор Кёльнского музея Салемони, я показывал ему в кладовой скифские предметы, некоторые он сфотографировал. Получил от Hill'а, директора Британского музея, оттиск его статьи о новых приобретениях Британского музея, есть интересные ольвийские, херсонесские, все из коллекции Догеля; я не знал, что Догель собирал монеты колоний русского Юга. Вечером заходила Танюша, Маша переехала на 2 месяца в одну деревню в 5 верстах от станции Жаворонки.

16 (3) июля. +13°. Сегодня мой свободный день, но пойду в Музей, иначе придется закрывать отдел, т. к. у обеих оставшихся сотрудниц также выходной день. Плохо спал ночь от сильной рези в желудке, в 4 часа был понос, принял салола, стало легче. Опись медных икон окончена. Пришла О.Н. Бубнова, отбирал с нею мелкие иконы плохие, в 1 ½ ч. пошел с нею в Торгсин, где она служит, там меня угостили чашкою кофе, показали нарядный большой потир 1702 г. из Астрахани с финифтяными иконами, 2 панагии XVI в. и ковш 1710 г., данный астраханскому стрельцу, кажется, Федорову. Кроме икон, отобрали деревянные резные кресты. Заходил Муралевич, сильно возбужденный какой-то гадалкой, у которой он сегодня был; его рассказ так повлиял на О.Н. Бубнову, что она решилась также к ней сходить. Получил от Р.Р. Фасмера письмо, где он дает мне чтение на пуле арабской надписи; где он видел это пуло? Состоялась закупочная комиссия с Андреюком и Незнамовым, торгуем компас, назначенный Тарабриным 100 р., мы даем 50 р., за 11 силуэтов с советскими типами предлагаем 20 р.

17 (4) июля. +14°. Утром был дождь. Написал Владимиру Крескентьевичу Лукомскому письмо о гербе на сабле и ковше. Утром мне телефонировала в Музей М.М. Постникова о смерти вчера вечером Н.Д. Бартрама; гражданская панихида завтра в 7 ч. в Музее игрушки. Записал кое-что в книгу пос-

туплений. Заходил сотрудник из Торгсина, просил ускорить сдачу медных иконок и крестов. Ник. Дм. я видел в последний раз 16 июня у брадобрея, ровно месяц назад.

18 (5) июля. +15°. Дождь. Днем погода разгулялась. Весь день провозился с медным литьем; все переписано и взято Торгсином. Получил письмо от Шугаевского, прислал любопытный родовой знак на дне глиняного горшка. К 7 часам поехал в Музей игрушки на гражданскую панихиду по Н.Д. Бартраму. Народу было масса; гроб утопал в цветах. Евдокия Ивановна мне рассказала о причине смерти Н.Д-ча (нарыв на печени и что-то в желчном пузыре). Говорили речи: кажется, ученик Н.Д-ча, Вольтер из Главнауки, заведующий мастерской игрушек; после речи 3-го оратора я ушел, не мог вынести атмосферы.

19 (6) июля. +13°. Воскресенье. Смотрел выставку проектов Дворца Советов на месте храма Спасителя; проекты мне крайне не понравились, хотя некоторые в сегодняшних «Известиях» названы интересными. Приходил в Музей хранитель Максимилианского музея в Аугсбурге Альберт Гемерле (Haemmerle), показывал ему наше серебро, остался доволен. Заходила в Музей М.В. Будылина, сообщила, что после долгого перерыва получила письмо от Людмилы Вячеславны. Гемерле мне говорил, что ½ года назад умер Марк Розенберг и оставил ему дополнение в рукописи к его клеймам на серебре. Вечером пришла Танюша, она очень похудела.

20 (7) июля. +13°. Написал письмо во Всеукраинскую археологическую комиссию о присылке мне фотографии с родового знака на горшке, найденном в Киеве. Послал туда свою классификацию. Утром пришла О.Н. Бубнова, отобрал с ней медных крестов и иконок на продажу. Остальное время возился с описью, составлением акта и т.д. Вечером приходила Л.И. Воронова, сидела до 9 часов.

21 (8) июля. +18°. Праздник иконы Казанской Божией Матери. Сегодня мой свободный день. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове, пели чудесно, народу было меньше обыкновенного. Читаю «На рубеже двух столетий» Андрея Белого; язык ужасен, характеристики, по-моему, пристрастны; не бросаю книгу, потому что много знакомых лиц описывается автором.

22 (9) июля. +16°. В Музее небольшие текущие дела. Разбирал доцарские монеты. День был очень жаркий, голова плохо работала.

23 (10) июля. +17°. Занимался текущим делом. Днем был дождь, освеживший воздух.

24 (11) июля. +11°. Получил сразу 2 письма от Л.В., от 6 и от 11 июля; у нее было расстройство желудка, но подлечилась, теперь ей лучше, только слаба; посылку получила. Ходил в Кремль в Оружейную палату; застал массу иностранцев, кажется, американцев. Кремль от Никольских до Троицких ворот представляет цветник с прекрасными розами. Встретил П.Н. Лепешинского, дружелюбно побеседовали. Был в Оружейной палате, внутри она окрашена, каждый зал особенным цветом; мне очень понравилась зеленая окраска бронного зала и не понравилась окраска синего цвета для серебра; недурен вестибюль. Из Палаты прошел к Ивану Великому, чтобы посмотреть на то место, где был Чудов монастырь; теперь там куча камней, а сзади них безвкусное здание, кажется, военной школы. Кремль потерял свой

прежний облик. *Сегодня* жена наняла за *20 р. в месяц* старуху для стряпанья и стирки.

25 (12) июля. +12°. Получил от Лукомского [письмо] и длинное письмо от Людм. Вяч. от 4 июля. В Музее занялся монетами доцарского периода. Памятник Минину и Пожарскому начали разбирать для перенесения его к Василию Блаженному.

26 (13) июля. +16°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Послал Л.В-не 20 р.; зашел к А.А. Сизовой, у которой сидел ее сын Николай Иванович; побеседовали с ½ часа. К завтраку пришла Валечка и вскоре ее дочка. Начал писать письмо Л.В-не. Была А.Н. Никольская, судьба Виктора Александровича, т.е. вернется ли он в Москву, еще неизвестна. Жена сварила немного вишневого варенья.

27 (14) июля. +13°. Чувствовал себя в Музее слабым благодаря расстройству желудка, пришлось больше беседовать с разными приходящими ко мне. Послал открытку Л.В-не. Вечером пришли: Наташа внучка, Вера Дмитриевна Бакланова (Анучина) и Танюша; я сидел с Таней в своей комнате и пил чай. Докончил длинное письмо Л.В-не.

28 (15) июля. +14°. Послал Л.В. заказное письмо № 1 в Тогур. В Музее описывал подаренные вчера З.С. Соколовой щит и кольчугу. Ходил с Андреюкой и Незнамовым во 2-й Киевский зал, где сейчас заделывают дверь, недавно проделанную на Иверские ворота, которые ломаются. Заходил Н.В. Власов, предлагает меняться ковшом времени Петра на дамские украшения. Получил от Н.А. Гринвальд из Петровска письмо и другое от Вани Акопиана из Гурзуфа, где он отдыхает в военном санатории. Обедала Надя.

29 (16) июля. +16°. Купил в Музее за 20 р. пару бальных женских туфель, вышитых шелком, 20–30-х гг. XIX столетия. Наш реставратор Д.Ф. Богословский приглашен для снятия живописи в храм Спасителя в течение 2-х месяцев; храм предназначен к сломке.

30 (17) июля. +12°. Утром шел по Красной площади, памятник Минину и Пожарскому готовят к перенесению (на голове Пожарского веревка); перед входом в храм Василия Блаженного роют яму для фундамента памятника; почва у Василия Блаженного – чистый речной песок. Ходил в Мосторг, смотрел медную купель, которую продают за 150 р. (мне сообщили из Сектора науки). Сегодня Марина Михайловна Постникова ушла в отпуск на 1 месяц, едет к мужу за Вятку. Получил от Л.В. открытку от 17 июля и закрытое письмо от 15 июля № 4, а дома жена получила письмо от Л.В-ны, которой я сегодня же написал открытку о всех ее письмах. Вечером, около 9 ч., пришла бывшая прислуга Карзинкиных и сообщила, что сегодня в 4 ч. дня умер от паралича Александр Андреевич. Царство ему небесное, прекрасный был человек.

31 (18) июля. +12°. Сегодня мой свободный день. В 10 ч. поехал на квартиру Карзинкиных, едва нашел ее (Рождественка, 7, кв. 42); встретил, кроме Аделины, Сони и Пины, сестру А.А-ча Елену Андреевну с мужем и сыном, пришла Торнаги, жена Шаляпина; усопший лежал на кровати; лицо мало изменилось; отслужена была панихида; когда отпевают и где хоронят – еще не решено. Вернувшись домой, нашел М.Н. Гусеву, с ней позавтракал. Написал Л.В-не 2-е письмо. Вечером пришла внучка Маша, сидела у меня, пришла Надюша, в 9 ч. все ушли.

Август 1931 г.

1 августа (19 июля). +12°. Получил открытку от А.А. Сиверса, просит выслать 2 книги по Пушкину. Соня Карзинкина мне телефонировала, что вынос тела будет завтра в 7 ½ ч. утра. Послал Л.В-не заказное письмо № 2. Вечером пришла Танюша, прямо с поезда от Ани; прочитала письмо Оли из Чехословакии, где, между прочим, описывает, что внучку Лёлю привезли больную из Лондона в Париж, где ее оперировали: вырезали селезенку; у нее была редкая форма малярии, которою заражаются от собак или от крыс.

2 августа (20 июля). +13°. Ильин день. Воскресенье. Из Музея около 10 ч. пошел в храм Троицы Полей, литургия уже кончилась, начался молебен. Была Танюша. От Н.Д. Телешова узнал, что отпевание начнется только по возвращении Пины из католической церкви в 11 ½ часов; мы с Танюшей вышли, она пошла за провизией, я – в Музей; в 11 ½ ч. отправился в церковь, отпевание началось, священник ясно и хорошо читал, продолжалось более 1 часа, народу пришло порядочно. Я простился с усопшим, он уже стал разлагаться; гроб утопал в цветах. Я проводил Танюшу до Охотного ряда, где она села в трамвай, а я пошел в Музей, где начал записывать присланные из Музея изящных искусств рисунки (портреты, interieur'ы, виды).

3 августа (21 июля). +15°. Записывал в Музее новые поступления. Сегодня видел, что золоченые листы купола храма Спасителя начали снизу обдирать.

4 августа (22 июля). +16°. Отбирал с Н.В. Власовым женские украшения (броши, браслеты, ожерелья и проч.) для обмена на предложенные Торгсином предметы (ковш, стопа, крест и чарка). В 12 ½ ч. отправился в СФА, где экспертировал монеты для заграницы. Уходя, встретился с Лёлей, служащей в том же здании, по дороге встретили Зинаиду Алексеевну и все вместе вернулись домой. Проходя утром по Красной площади, я был удивлен, увидав памятник Минину и Пожарскому стоящим пред Спасскими воротами; обе фигуры вместе с пьедесталом были передвинуты со своего места на бревнах, которые перекатывались по доскам. Фундамент для него чуть-чуть влево от крыльца.

5 августа (23 июля). +15°. Сегодня мой свободный день. День рождения Лёли. Утром зашел в Музей, расспросил, где купить бумагу фотографическую и реактивы; все это купил на Рождественке. Зашел к Аделине Антоновне Карзинкиной, посидел с ней и с Пиной с ½ часа, от них зашел в Международную книгу, купил «Книгу воспоминаний о Пушкине» Цявловского. Обедали дома в 2 часа, пришла Надюша к обеду. Написал письмо А.А. Сиверсу. В 4 ч. был сильный дождь и гром. В 6 часов пришли А.А. Захаров с женою С.П. Григоровой, беседовали до 9 ½ ч., принимали участие в разговоре Надюша и пришедшая Наташа внучка. Я уходил на собрание домового комитета по поводу дров, придется заплатить 34 р. 80 к. с доставкой. Заседание происходило в саду, пришлось надеть пальто: так сделалось свежо.

6 августа (24 июля). +11°. До 12 ½ отбирал с Н.В. Власовым в кладовой вещи на обмен. Занимался текущим делом. Купил в Музее из колхоза села Коломенского 20 огурцов за 80 копееек.

7 августа (25 июля). +9°. Получил от Л.В. письмо № 5, в котором упрекает меня, что не пишу ей. В Музее привел в порядок свыше 500 листов

эстампов, рисунков и проч., купленных у Государственного издательства за 125 р. Заходил в Музей Сосновский и принес в дар Музею отобранные монеты из СФА, в числе их сребреник Владимира Мономаха без надписи у родового знака, изданный Толстым в его монографии. Написал Л.В. открытку, также А.А. Сиверсу, утром ему послал под бандеролью сборник журнальных статей о Пушкине Цявловского.

8 августа (26 июля). +9°. Утром написал еще открытку Л.В-не, заехал в Главный почтамт, опустил обе открытки Л.В. и одну А.А. Сиверсу. В Музее занялся текущим делом и просмотрел все 27 монет из СФА, встретил фальшивых 2 или 3, есть несколько, каких мы не имеем. Выставку проэктов Дворца Советов посетили Енукидзе и еще кто-то. Вечером заходил К.В. Крашенинников, он только что вернулся из Горок, где жил и умер Ленин; по его словам, вид дачи совсем мещанский. П.С. Рожицкий уехал в Александровск на 12 дней, а может быть, на 1 ½ месяца.

9 августа (27 июля). +12°. Воскресенье. Почти весь день в Музее занимался текущим делом, описал все 27 монет из СФА для записи в инвентарь. Получил от М.М. Постниковой открытку о благополучном приезде к мужу, но дорога была ужасна.

10 августа (28 июля). +14°. Сегодня мой свободный день. В 9 ½ ч. поехал ко вдове Карзинкиной; с ней и с ее племянницей Пиной отправились на Введенские горы и прошли прямо к могиле Александра Андреевича; обе зажгли пополам перерезанную восковую свечу и обе половинки воткнули в могилу и зажгли («Это итальянский обычай», – сказала Джури). Затем долго искали могилы родителей жены, но так и не нашли. С кладбища проехал в сберкассу, думая найти плату за экспертизу, но моя касса была пуста. Дома нашел Надюшу и Валечку, Надя сказала, что получила квартиру в 3 комнаты.

11 августа (29 июля). +11°. Весь день приходили и уходили посетители: была М.В. Будылина, сбирается ехать в Киев отдыхать; беседовал с С.А. Детиновым, который заботится о приписке всех, имеющих I категорию, к какому-то распределителю; был Сосновский с переоценкой посылки с греческими монетами. Купил самовар за 100 рублей. В.А. Дударева вчера принесла для Л.В. сахару кусками весом не менее 1 кило, подвязки, нитки, мыло. Вечером пришли Е.А. Бальмонт и Танюша, сидели до 9 ½ ч., приятно беседовали; для Л.В-ны принесли плитку шоколаду и занавеску для окна.

12 августа (30 июля). +13°. Много занимался текущими делами, записал все поступления в книгу. Послал утром заказное письмо № 3 Л.В-не.

13 августа (31 июля). +14°. Весь день шел дождь. Распределял в Музее монеты доцарские. Некоторое время было так темно, что невозможно было заниматься. Вечером дополнял статью.

14 (1) августа. +12°. Первый Спас. Написал А.А. Ильину, просил его купить и выслать № 2 «Сообщений ГАИМК». Занимался в Музее текущим делом. После 3-х заехал в сберегательную кассу, деньги за экспертизу в СФА еще не положены. Вечером заходили: Валя, Зоря, Надя, Юзя и один молодой человек с Распятием, которое просил оценить.

15 (2) августа. +11°. Сегодня мой свободный день. До часу писал добавления к статье, позавтракал и отправился в Наркомпрос, где получил за экспертизу 40 р. Дома нашел Надюшу и Лялю, свое имущество перевезла на новую квартиру в Сивяков переулок, всё запакованное в ящики. В 1 ч. был

порядочный дождь, после погода разгулялась. В 4-м часу была небольшая гроза и дождь.

16 (3) августа. +8°. Воскресенье. Утром отправил Л.В-не посылку, которая с ящиком весила 8 ½ кило, взяли за посылку 11 р. 20 к., за ящик 1 р. 65 к. = 12 р. 85 к. Вернулась из отпуска Нат. Ал.

17 (4) августа. +8°. Послал Л.В-не открытку с поздравлением ее дня рождения. Читал Незнамову свой план о работе в Музее в 1932 г. Исторический музей получил от МКДП при Академии наук письмо, подписанное академиком А.С. Орловым, в котором просит Музей отпустить меня в Ленинград для занятий в МКДП сроком на 3 декады, начиная с конца августа до ноября в любой срок, но деньги на поездку просит выдать Музеем, так как МКДП своих средств не имеет. Андреюк положил такую резолюцию: «Исторический музей может согласиться с командировкой в том случае, если не будет возражения к отпуску сумм со стороны НКП», – меня удивляет такая бесцеремонность со стороны Академии наук, неужели у нее не найдется, при ее огромном бюджете, 150 или 200 р.? Н.В. Власов рассказал мне, что Торгсин купил в Остафьеве бюро, за которым Карамзин писал свою историю, и предлагает нашему Музею поменяться. Удивительно, как Музей не взял даром это бюро в Остафьеве?

18 (5) августа. +9°. Говорил с Милоновым о письме Орлова, тот обещал Орлову написать, что на средства Музея для работы для Академии наук ехать неудобно. Был Н.В. Власов, ценил со Свердловым отобранные им украшения для обмена на отобранные мною в Торгсине предметы. Слышал, что Любавского ссылают на 4 года в Уфу, а С.В. Бахрушина на 4 года в Семипалатинск.

19 (6) августа. +9°. Преображение Господне. Заходил в Музей из Толстовского музея Г.А. Волков[29], и с ним пришел Л.И. Пономарев; Волков передал мне, что, по словам С.Л. Толстого, в Музее должна находиться рукопись С.А. Толстой; тогда я им рассказал всю историю этой рукописи, как С.А. Толстая вырвала из нее страницы и т.д., прибавив, что я давал ее читать Сергею Львовичу. Пономарев рукопись искал в архиве, но ее не нашел. Был фининспектор Тройницкий, которому я показал отобранные Торгсином вещи Исторического музея, а также ковш, крест и чарку, присланные в обмен, Тройницкий согласился на обмен. К вечеру пришли Танюша, Надя, Валя с Зорей; Танюше дал старые ботинки и туфли, т. к. у нее ничего нет. К 9 все ушли, Надя осталась ночевать. Вечером дождь.

20 (7) августа. +11°. Сегодня мой свободный день. Почти все время писал дополнение к статье. Днем была Валечка, Юзя; Надя получила билет в Свердловск на 22 августа. Вечером пришла Наташа внучка. Анюта приехала из Бердянска, привезла дыню, винограда, довольно кислого.

21 (8) августа. +10°. Составил акт на украшения, поступающие в обмен на серебро из Торгсина. Заходил на короткое время в Торгсин сговориться с Бубновой о дне прихода в Музей. Смотрел фарфор в кладовой; предметы, отложенные на продажу, очень плохи. Слышал, что Платонова и Готье высылают в Самару.

22 (9) августа. +11°. Написал Ильину и Сиверсу; послал ему 2-й выпуск «Сообщений» АИМК. Описывал вновь поступившие предметы. Сдавал в Торгсин ювелирные вещи чрез Н.В. Власова. Слышал, что Д.Н. Егоров

сослан в Ташкент. Вечером приходили на короткое время жена, дочь и племянница покойного Александра Андреевича Карзинкина; Аделина по-прежнему неутешна, дочь успокоилась. Часу в 10-м пришел Н.В. Власов, предложил купить экспортных товаров на 5 или на 10 р.; посидел с час; интересный собеседник.

23 (10) августа. +12°. Дождь. Воскресенье. Разбирал монеты, занимался текущим делом. В 4-м часу пошел в Торгсин, где с разрешения директора мне разрешили купить на 10 р. русскими деньгами экспортных товаров; купил 5 кусков мыла, грудинки, крупчатки, сливочного масла, жестянку какао и 3 коробки папирос; всего заплатил 10 р. 5 копеек; принесенную покупку попробовали за обедом, тем более обед был неважный, только картофель с огурцами и свеклой, но сливочное масло и грудинка подкрепили нас. После обеда у Лотушки был небольшой сердечный припадок. Слышал, что Н.П. Лихачева ссылают в Астрахань. Вечером зашла Танюша.

24 (11) августа. +10°. Послал Л.В-не книжку Нансена «На лыжах через Гренландию» в переводе внучки Маши. В Музее толковали с Незнамовым о плане работ в 1932 г. Заходил в Торгсин, где Н.В. Власов показывал превосходную серебряную чару князя Ивана Борисовича Черкасского 1635 г. и ковшик западный начала XVII в. Заходил ко мне домой молодой человек Н.А. Баранов с рублем Петра I 1713 г.; такого рубля не чеканилось, может быть, год искусно перегравирован, а, может быть, он настоящий, пробный[30].

25 (12) августа. +11°. Сегодня мой свободный день. В 5 ч. утра были сильные боли в желудке с расстройством, по-видимому, от грудинки. Слабость была весь день, несколько раз засыпал. Написал несколько добавлений к статье.

26 (13) августа. +12°. Писал к А.А. Ильину о рубле 1713 г. В Музее особых дел не было. Приехала из Уфы Ксения Николаевна, дочь Карла Казимировича Косцюшко.

27 (14) августа. +12°. Пасмурно, ночью шел дождь. В Музее с Н.В. Власовым отбирали фотографические портреты царских особ; на них есть спрос у англичан и американцев. Ходил в Кремль в Оружейную палату, смотрел новые получения из Суздаля: иконы Марьи Темрюковны, Анны Богдановны (жены царевича Ивана Ивановича), вышивки со споротым жемчугом и т.д. После 3-х заходил к А.А. Сизовой, но ее не застал: уехала к дочери в Новый Иерусалим; видел ее родственниц, которые мне сказали, что писем от Л.В-ны давно не было. Послал Л.В-не открытое письмо.

28 (15) августа. +12°. Успение Божией Матери. Пасмурно и сыро, днем несколько раз шел дождь. В Музее ничем заниматься не мог. Милонов решился написать Орлову в том духе, как я говорил, т.е. на средства Музея он не согласен дать командировку. От Л.В. пришла открытка на имя жены, писем она от меня не получает; ее переводят в Колпашево и велели подать прошение о переводе в Томск.

29 (16) августа. +12°. Барометр стоит низко. Занялся немного монетами. Купил за 75 р. 50 силуэтов теперешних писателей.

30 (17) августа. +9°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Утром получил от Л.В. письмо, грустит, что не получила от меня ни одного письма; ответил ей открыткой. Весь день редактировал свою статью, кое-где написал дополнения.

31 (18) августа. +7°. Холодная, сырая и ветреная погода. Чувствую недомогание, в Музее мало занимался.

Сентябрь 1931 г.

1 сентября (19 августа). +8°. В справочный отдел Главного почтамта подал заявление, что 20 р., посланные 29 июля Л.В-не, ею не получены; о подаче заявления написал Л.В-не открытое письмо. Н.В. Власов принес чару князя Черкасского, ковш иностранный начала XVII в., к этим вещам присоединил бюро из Остафьева, все эти вещи Торгсин ценит около 2800 р. (=2000 + 200 + (кажется) 600 р.). С 1-го часу до 3-х сидели в кладовой и отбирали серебряные предметы на обмен. Вечером зашел внук Миша, приехавший из Свердловска.

2 сентября (20 августа). +6°. Привезли из Оружейной палаты на год: шапку Мономаха 2-го наряда, сделанную для Петра[31] и большой кувшин XVII в. данцигской работы. Сосновский телефонировал, что вернули Ф.И. Прове, который сбирается зайти ко мне. Сегодня видел, что памятник Минину и Пожарскому поставлен на свое место у храма Василия Блаженного; работы по установке еще не кончены.

3 сентября (21 августа). +7°. С утра в Музее передвигал 2 шкапа с монетами при помощи служащих. Пришел Власов, с ним отбирали для обмена еще вещей в кладовой. Очень устал физически.

4 сентября (22 августа). +12°. Сегодня мой свободный день. Позавтракав, поехал в Парк культуры и отдыха, в котором еще ни разу не был; пробыл на площади парка, застроенной высокими аттракционами; отдыха не получил, т. к. пришлось слушать из громкоговорителей какие-то агитационные речи; культуру видел на вывесках с лозунгами. Зашел в зверинец, где пробыл около 1-го часа; есть экземпляры животных, которых не видел в Зоологическом саду. В 2 ½ ч. был дома. Вечером приходили: П.Н. Сапунов и Валечка. Часу в 8-м пришел Николай Васильевич Гудков-Беляков[32] (впервые его видел) и принес 6 свинцовых печатей, из них некоторые найдены в Вышгороде; между ними одна замечательная, по-видимому, княжеская, века XIII с изображением Николая Чудотворца, на другой стороне, вероятно, князя, носившего крестильное имя Николая; у него есть собрание фарфора, грамот и геральдических печатей.

5 сентября (23 августа). +10°. Начал распределять неопределенные монеты. Слышал, что сравнительно легкая кара историков сделана по ходатайству Максима Горького; также слышал, что сын М.К. Любавского расстрелян.

6 сентября (24 августа). +10°. Воскресенье. Долго разговаривал с Бирзе; хочет облегчить мою работу в Музее. Слышал, что Г.Л. Малицкий выпущен, также Левинсон. В Музее продавали яблоки из Коломенского колхоза по 65 к. за кило, купил 3 кило. Вечером заходил сын К.Ф. Гесселя, принес мне рукопись неизвестного автора «История Московского Успенского собора», которую Гесселю дал протоиерей И.Ф. Мансветов; я ее отдал Историческому музею. Получил от В.К. Лукомского письмо, ответил ему.

7 сентября (25 августа). +10°. Вернулась из отпуска Марина Михайловна Постникова; была у мужа 2 недели. Занимался монетами. В 3 часа отправился в Наркомпрос узнать о пенсии, но сегодня там выходной день. Зашел к Сизовым, Ал.Ал-ну не застал, из Ташкента вернулась Мадгалена Ивановна, она очень расстроена: врач нашел на ее левой груди раковую опухоль, кото-

рую хотели вырезать; ей рекомендовали обратиться к доктору Кудрявцеву, который ей впрыснул какое-то средство, сказав, что обойдется без операции. Вечером пришли Сережа и Юзя.

8 сентября (26 августа). +8°. Заходил в Наркомпрос, заседаний по пенсиям еще не было; сегодня или завтра будут рассматриваться академические пенсии, а 13-го – персональные. Приходил в Музей Г.Л. Малицкий, он отчислен, на [его] место Бирзе посадила Разумовскую, о чем я узнал после его ухода; завтра обещал прийти ко мне. Разбирал монеты. Были 2 украинца из Харькова, отбирали в отдел бытовой иллюстрации портреты украинцев, виды городов Украины и т.п. Получил от А.А. Ильина письмо: он восстановлен в Эрмитаже. Вечером был у К.Ф. Гесселя.

9 сентября (27 августа). +7°. Сегодня мой свободный день. Написал А.А. Ильину. В 12 ч. пришел Г.Л. Малицкий, сидел до 4-х, позавтракали винегретом и по чашке кофе, рассказывал о своем 5-ти месячном заключении, от которого теперь освобожден, по-видимому, без лишения прав; сидел все время на Лубянке. Заходил внук Миша. Была днем небольшая гроза.

10 сентября (28 августа). +7°. На должность Г.Л. Малицкого в Историческом музее назначен С.В. Бессонов из Сектора науки. Разбирал неопределенные монеты.

11 сентября (29 августа). +8°. Праздник Иоанна Предтечи. Чувствовал слабость, головокружение, расстройство желудка, ушел из Музея на 1 час ранее. К вечеру пришли Танюша с Гулей, давно не была, жила 2 ½ недели в деревне со внуками.

12 сентября (30 августа). +6°. Получил от Л.В. открытое письмо от 18 августа и закрытое от 20 августа. В Музее занимался текущим делом. В 5 ½ ч. поехал к Аделине Антоновне, застал ее, Соню, Пину; у них сидел Г.Л. Малицкий. Аделина стала немного спокойнее, но продолжает говорить только о муже. В 7 ½ ч. мы ушли.

13 сентября (31 августа). +9°. Воскресенье. Сырая погода. Слышал, что Н.П. Лихачев помешался в тюрьме и умер; но этот ужасный слух требует подтверждений. В Музее немного поработал над монетами. Получил от Шугаевского из Чернигова открытку, зовет в Киев. Поехал бы туда охотнее, нежели в Петербург.

14 (1) сентября. +6°. День рождения Верочки. Сегодня мой свободный день. Написал 4-е письмо Л.В-не. Приходили Митя и Миша Зворыкины. Снес письмо на почту (заказное). Послал открытку Шугаевскому в Чернигов. У почтамта встретил М.И. Сизова, сказал ему, что иду к Магдалине Ивановне, куда обещал прийти и он. Магд. Ив-не и другим рассказал про письмо Л.В., которое очень заинтересовало всех, особенно Михаила Ивановича. Здоровье Магд. Ив. неопределенно, доктор Кудрявцев продолжает делать инъекции, которые продолжатся несколько месяцев. Во время обеда неожиданно явились Виктор Александрович Никольский с супругою; мы ужасно обрадовались; они с нами поели и до 8 ½ часа беседовали; я был поражен, сколько душевной в нем бодрости; он показал прекрасные свои рисунки времен его ссылки в Иркутск, житья в Саратове; сейчас ему дан заказ ехать в Симбирск (Ульяновск) сделать модель дома Ленина, от которой он надеется нажить.

15 (2) сентября. +4°. Вчера на Музей пришло письмо Л.В. от 2-го сентября. В Музее немного занялся монетами. Придя домой, жена со слезами

дала мне полученную пенсионную книжку; пенсия назначена академическая 200 р. в месяц с 1 октября. Написал Л.В. 5-е письмо. День рождения Нади.

16 (3) сентября. +4°. Утром послал заказное письмо Л.В. В Музее читал о технике металлической посуды. Для пенсионной книжки музейный фотограф меня *сфотографировал.*

17 (4) сентября. +8°. Придя в Музей, был чрезвычайно обрадован, получив письмо из Астрахани от Н.П. Лихачева; судя по письму, ему неизвестно, что его 2-й выпуск отпечатан. Придя домой, написал ему ответ. О письме написал А.А. Ильину. Вечером заходил К.В. Крашенинников.

18 (5) сентября. +8°. Был утром в почтамте. В Музее занимался текущим делом. Во время ремонта одной залы проходила сотрудница Д.П. Тарасенкова, ей маляр брызнул нечаянно в глаз какой-то краской, от которой у ней должно образоваться бельмо. Исчез из продажи сахар, пьем чай со скверными конфектами.

19 (6) сентября. +8°. Дождь. Сегодня мой свободный день. Утром отправился купить бинтов для рук и лампочек, которых не продали, так как я не захватил кооперативной книжки, прежде продавали без книжек; пришлось вернуться домой и взять книжку, взял 2 – нашу и Лёли, по которым выдали 4 лампочки (2 на книжку) по 52 копейки в 15 свечей (в 25 свечей не было). Вернулся домой в 3 ½ ч.; все время шел дождь. Прелестный фонтан, кажется, работы Витали, на Лубянской площади сломан. Куда отдали группы амуров? Неужели перелили?[33]

20 (7) сентября. +7°. Воскресенье. Япония воюет с Китаем, заняла в Маньчжурии Мукден. В Музее переносил в кладовую вещи. Была закупочная комиссия, приобрели сборник XVIII в. (выписки из «Зерцала», «Житие Кирика и Иулиты») за 50 р. Получил от Л.В. открытку от 2 сентября.

21 (8) сентября. +6°. Праздник Рождества Богородицы. В Музее вскрыл ящик, на рогозе, которою был обшит, надпись: «Из Куликова поля»; оказалось разобранное паникадило, совсем новое, из часовни на Куликовом поле, работы, по-видимому, Ф.Я. Мишукова, так как все части завернуты в счета из заведения Мишукова, который теперь служит в Оружейной палате.

22 (9) сентября. +6°. Сегодня мне 76 лет. Господи, благодарю Тебя за все. В Музей заходил К.Э. Гриневич, просил меня определить монету, найденную на месте страбоновского Херсонеса (по его мнению) у маяка, оказалась македонскою. В ноябре будет читать о подводном Херсонесе с демонстрациею снимков с подводного города. Пришел домой, застал Валю с Зорей, потом пришел Пав. Ник. и Танюша с Мишей; в 8-м часу они ушли, пришла внучка Маша, подарила мне носки. У меня болела голова, в 9 ч. лег спать. Ели сытно, испекли пирог с капустой и яйцами; Валя подарила винограду, я купил к чаю смородинный джем.

23 (10) сентября. +6°. Вернулся из Тамани Н.Б. Бакланов, там он производил раскопки в том месте, где, предполагают, был Тмуторокань. Занимался текущим делом.

24 (11) сентября. +10°. Сегодня мой свободный день. Встал поздно, весь день писал Л.В-не 6-е письмо. В 5 часов пришел Н.Б. Бакланов, обедал, передал мне письмо Л.В. № 9, полученное в Музее; сказал, что в Музей приходил Орлов и просил приехать в Петербург, Академия наук денег обещала дать. В 7 ч. 40 м. Н.Б. уехал в Петербург с Курского вокзала.

25 (12) сентября. +7°. День смерти отца, царство ему небесное. До половины дня лил дождь. В Музее убирал в кладовую иконы в серебряных окладах. Послал Л.В-не заказное 6-е письмо. От А.А. Сиверса получил интересное письмо. Написал Лукомскому (о работе Таубе) и Орлову.

26 (13) сентября. +4°. Занимался текущим делом. Движения в Музее никакого. По-видимому, у всех пропал интерес к музейному делу.

27 (14) сентября. +3°. Воскресенье и Воздвиженье Креста Господня. Ходил из Музея в Торгсин. Занимался текущими делами.

28 (15) сентября. +3°. Послал: Л.В-не 30 р., А.А. Сиверсу книгу О.И. Поповой. В Музее занимался текущим делом. Получил от Н.П. Лихачева из Астрахани 2-е письмо. Вечером был у В.Ф. Ржиги, он говорит, что «Слово о полку Игореве» будет напечатано, как они хотели; печатать еще не приступали, но, вероятно, «Academia» скоро начнет; гонорар получили и мне выдали 30 р., нахожу, что много, я дал крохотные заметки о резане и ногате[34]. Предисловие будет писать В.И. Невский (директор бывшего Румянцевского музея). Пили чай, ели макароны. Вернулся в 11 ½ часов.

29 (16) сентября. +2°. День именин Л.В-ны. Сегодня мой свободный день. Утром послал продукты Л.В-не, обошлось вместе с ящиком 12 р. 30 к. Идя по Чистым прудам, встретил Ф.И. Прове, возвратившегося с женой и сыном из ссылки, обещал ко мне зайти. Писал Л.В-не, но писание было прервано приходом Танюши, сообщившей, что О.Н. Анненская выпущена из Бутырок и отсылается в Орел; затем пришла Валентина Ивановна Бакланова и Антонина Н. Кобриева, все пили чай у меня, а в комнате жены была репетиция пьесы, где играет Лёля. В 8 ¼ ч. все ушли.

30 (17) сентября. +4°. Именины Нади и Веры. Послал письмо Л.В. № 7, Н.П. Лихачеву статью под бандеролью. С юга приехал Н.И. Репников и сообщил, что 17 сентября умер А.А. Спицын от перерождения сердца, царство ему небесное. Отбирал 3 серебряных сосуда для Музея в Новом Иерусалиме. Хотел после 3-х съездить к С.Вл. Ивановой поздравить ее со днем Ангела, но не мог за многолюдством сесть на трамвай.

Октябрь 1931 г.

1 октября (18 сентября). +3°. Отбирал и отпускал для Истринского музея 3 серебряных сосуда, затем в Музей революции вещи по польскому восстанию 1831 г.; в кладовой Н.В. Власов ценил отобранные на промен за чару, ковш и бюро серебряные и золотые предметы (на сумму 2800 р.). Сегодня хоронят на Красной площади коммуниста[35], поэтому трамваи через центр не ходят; пошел с Н.А. Гринвальд пешком в распределитель, где должен записаться, купил кило яблоков «канбиль» за 1 р. 50 к. (9 штук); оттуда (Мясницкие ворота) пошел домой пешком, так полны трамваи.

2 октября (19 сентября). +4°. В Музее весь день читал «О металлическом производстве» Забелина. После 3-х прошел в Торгсин, смотрел бюро князя Вяземского, стоявшее в Остафьеве; за бюро Карамзин писал свою «Историю»; видно миниатюрный портрет Екатерины I с подписью «Григорий Мусикийский 1716»; портретного сходства, по-видимому, нет.

3 октября (20 сентября). +4°. Получил от Е.А. Спицыной письмо, описывает смерть Александра Андреевича. Получил открытку Л.В-ны. В Музее особых дел не было.

4 октября (21 сентября). +3°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Дождь. Написал Л.В-не открытку. Был за литургией у Богоявления в Дорогомилове, ощущал необыкновенное настроение, хор Нестерова пел прекрасно; народу было много. Жена получила от Л.В. закрытое письмо от 16/IX, она опять болела своей обычной болью в спине. Вечером был Б.Н. Граков, вернувшийся с раскопок, сидел часа 2, ругался, как всегда.

5 октября (22 сентября). +3°. Получил от Л.В. длинное письмо № 10 с описанием природы и ее жизни, пишет, что страдает болью в спине. Получил от Орлова письмо от 1 октября, пишет, что 200 р. мне переводятся, просит выехать. В Музее писал отчет за III квартал (июль, август, сентябрь).

6 октября (23 сентября). +5°. До 1 часу пробыл в Музее, докончил отчет и подал в секретариат. В 1 час отправился в СФА на экспертизу отправляемых за границу русских монет царского и императорского периодов; есть редкие экземпляры. А.В. Сосновский пригласил меня быть крестным отцом у его дочери Аллы, я, поблагодарив, отказался.

7 октября (24 сентября). +5°. Дождь. Получил из Академии наук перевод в 200 р. на Государственный банк, куда пошел в 1-м часу, стал в очередь, но дошел до кассы в 1 ч. 10 м., кассу закрыли. Видел С.Н. Тройницкого, его вычистили из Эрмитажа по 3-й категории. Он приехал сюда приносить жалобу в РКИ. Вечером пришла Танюша с Гулей, рассказывала, как провожали Бориса Павловича Григорова[36] в Олонецкую губернию, а Сергея Павловича в Мариинск.

8 октября (25 сентября). +5°. Из Музея к 10 ч. пошел в Государственный банк, где после стояния в очереди получил 200 р., оттуда прошел в центральную кассу, где взял на скорый поезд в 11 ч. 30 м. билет в мягком вагоне в Петербург за 42 р. 60 к., к 12 ч. вернулся в Музей, очень устал. В Музее почти ничего не мог делать от усталости.

9 октября (26 сентября). +7°. Дождь. Сегодня мой свободный день. Утром был на почте, послал Л.В-не письмо № 8, купил марок, открыток; всюду жалобы, что советский клей плох, марки не держатся на конверте. Зашел к Сизовым, видел Ал. Алек. и Магдалену Ивановну, лечение рака у Кудрявцева бросила, обратилась к хирургу Мартынову, который на днях будет ее оперировать в Клиниках. Топил печь. Погода с 10 ч. разгулялась, стало теплее. Дома стал укладываться для путешествия.

10 октября (27 сентября). +5°. В Музее особых дел не было.

11 октября (28 сентября). +7°. Воскресенье. Был сотрудник финотдела и смотрел оценку наших вещей Торгсином, нашел очень низкою; вопрос отложен до ноября. Николай Иванович Соболев сообщил, что муж его сестры Вениамин Алексеевич Ермолов попал под трамвай, ему отрезало ногу. Вечером заходила Танюша. Написал Л.В. и А.А. Сиверсу письма.

12 октября (29 сентября). +7°. Получил от Н.П. Лихачева письмо, дает сочувственный отзыв о моей «Классификации»; уведомил его открыткой о получении письма и об отъезде в Петербург. Заходил Сосновский, взял у меня для Файта мои «Русские монеты»; кто этот Fait я не знаю, но, по словам Сосновского, он меня знает. Ездил с Незнамовым в эмиссионный отдел

Госфонда, смотрел 2 пелены XVII в., которые, вероятно, поступят в Исторический музей. Из Музея ушел в 2 ½ ч., зашел к брадобрею и домой, где уложился. Часу в 6-м Лёля привезла тетю Адель погостить; она очень слаба, жена уложила ее в постель (у нее блуждающая почка). Провожал меня Олег на вокзал, до трамвая Анюта, старушка прислуга.

13 октября (30 сентября). Проснулся, проезжая станцию Угловку, в Окуловке выходил (7 ½ ч. утра), в Малой Вишере выпил стакан чая. Приехали в 11 ч. 10 м. Нанял за 3 р. носильщика, взявшего багаж, и на трамвае поехали до Штаба; придя в Дом ученых, к сожалению, не мог получить комнаты: все заняты, другие в ремонте; сложил багаж в канцелярии, немного помылся, служащая в канцелярии сказала, что Е.Д. Корнатовская не придет до вечера, и мне волей-неволей пришлось уйти; пошел в Эрмитаж, виделся с А.А. Ильиным, А.Н. Зографом, Е.М. Придиком, посидел с ½ часа и так как проголодался, то отправился пешком на Васильевский остров в академическую столовую, указанную мне в письме А.С. Орловым, там поел пюре, телячью котлету и компот (2 р. 65); встретился в столовой с Орловым, побеседовали с ¼ часа, оттуда зашел к Н.Б. Бакланову, видел только Валентину Ивановну, побыл минут 5 и на трамвае проехал в Дом ученых. День ясный и тихий. Я сидел в канцелярии, как явился А.С. Орлов, и мы дождались с ним прихода заведующей Екатерины Дмитриевны Корнатовской, которая поместила меня в комнате № 11, где я пока буду жить один.

14 (1) октября. Праздник Покрова. Спал хорошо, в комнате прохладно, но укрылся одеялом и пледом. Попив в столовой чаю, отправился пешком в МКДП, где встретил знакомых; я открыл 2 стойки с печатями и тотчас же принялся за разгрузку печатей, завернутых в бумажки с объяснениями. Все печати, имеющие отношение к русской сфрагистике, будут размещены в плоских витринах для экспозиции; предполагаю их разместить по княжествам. В 1 ч. пришел Орлов, мы стали искать описание таблиц «Альбома» Лихачева, но этой рукописи не нашли. В 4-м часу Орлов и я пошли в академическую столовую обедать, где очень сытно поели (пюре, осетрина, грудинка, около 4 р.); после обеда расстались. Погода туманная, но дождя нет.

15 (2) октября. Выспался отлично: от 8 ч. вечера до 6 ч. утра. Написал жене письмо (закрытое). Зашел к Коле Бруни, посидел около 1-го часу, его недавно чествовали художники по случаю 75-летнего дня его рождения, поднесли ему портрет (его же), очень недурно сделанный акварелью (забыл имя мастера). Сказал, что Соня переехала из Левашова в Петербург. От него прошел в Академию, где с 11 часов диктовал А.С. Орлову описание печатей. В 3 часа ушли обедать в академическую столовую (стоил 1 р. 40 к.). Придя в Дом ученых, Екатерина Корнатовская сказала, что профессор Фомин, номер которого я занял, вернулся с женою, пришлось переехать в № 6. От 5-ти до 6-ти прогулялся до Невского, купил плитку шоколада и помадки к чаю (вместо сахара). Вечером получил 2 письма жены и Надюшину поздравительную ко дню рождения (?).

16 (3) октября. +7°. Весь день стояла солнечная погода. В 9 часов отправился в ИКДП (теперь он называется не Музей, а Институт) и усердно занимался определением печатей. Орлов пришел к 1-му часу, я ему диктовал до 4 часов, пошли с ним обедать, подсел Самойлович (кажется, тюрколог).

17 (4) октября. +6°. В 9 ч. ушел в Институт, где до 4 часов проработал с описью печатей; в 4 ч. отправился с А.С. в академическую столовую обедать. Придя в Дом ученых, получил от жены письмо. Зашел к Коле, который поздравил меня с наступающим днем именин и позвал утром пить чай. Пока он обедал, я сходил на Невский, купил плитку шоколада, которую поднес ему вместо угощения.

18 (5) октября. +5°. Воскресенье. Встал в 6 ½ ч. Написал жене письмо. Пил чай у Коли, он мне подарил карандашные портреты Лотушки и мой, рисованные им в 1886 г. От него пошел в Институт, где занимался с Орловым до 3-х часов. Уходя, встретил академика Перетца. Дома получил поздравительное письмо Лотушки и Н.А. Гринвальд. Температура стала ниже, несмотря на солнце, всего +3°. К 5 часам пошел в Эрмитаж, откуда с А.А. [Ильиным] поехал к нему обедать; обед был великолепный: щи со сметаною, цыпленок, рисовый пудинг; обедали: А.А., Вера Владимировна, дочь А.К. Маркова Анна Алексеевна и я; после обеда я читал Ал. А-чу о надписях на сребрениках 2-го типа Мономаха; в 10 ½ ч. был дома. Погода свежая, надел теплое пальто.

19 (6) октября. +3°. Утром ясно. Сегодня не пойду в Институт. Утром писал жене письмо, пришел Владимир Крескентьевич Лукомский, принес карточки с библиографией о древних монетах и загадочных фигурах; взял у меня до завтра «Материалы» Лихачева. После чаю пошел в почтамт, опустил письмо жене, купил марок, открыток, на обратном пути зашел в номер и нашел конверт, посланный из Музея Н.А. с письмами: Л.В. – два, закрытое и открытое, А.А. Сиверса и Шугаевского. Прочитав корреспонденцию, пошел в Академию материальной культуры, Кипарисова не застал, уехал в Москву, говорил с его заместителем; видел В.В. Гольмстен. Из Академии прошел в Эрмитаж, видел А. А-ча, с Зографом прошлись по залам, встретился с художником Кончаловским. С Зографом отправился к нему обедать, пили чай, пришел Николай Капитонович Прозоров[37], когда-то бывший у нас. Домой дошел пешком вместе с Т.Н. Зограф. Дома нашел поздравительное письмо Лотушки, Лёли и Адели Шмидт.

20 (7) октября. +4°. Утром шел дождь. Пошел в Институт в 10 ч. Он заперт, пришел только С.А. Анненский[38], который вручил мне ключи. Погода жестокая, моросит дождь, ветер так и рвет, с трудом дошел, особенно неприятно было идти по Дворцовому мосту. Ровно в 11 пришел Лукомский, возвратил «Материалы» Лихачева, побеседовали с ним с ½ часа. Занимался я совсем один, ни душа не приходила. Подготовил к описи довольно много. В 3 ½ ушел в академическую столовую, съел щей, рулет очень хороший и компот, всего 1 р. 45 к. Обратно идти было легче, ветер в спину.

21 (8) октября. +3°. Сегодня день смерти матери, царство ей небесное. Встал в 6 часов, в то время, когда я одевался, в 6 ½ ч. с крепости (она против моих окон) были произведены сигнальные выстрелы из пушек, выстрелов 6, предупреждающих о наводнении. Попив чаю, пошел в Институт, ветер был жестокий, за мной зашел Коля, мы вместе пошли, дорогой встретили Тройницкого. В Институте определил все печати, кроме дрогичинских пломб, всего около 250. Пошли после 3-х с Орловым обедать, ветер заметно стих. На Дворцовом мосту встретил Кончаловского, сообщившего, что здесь В.А. Никольский. Придя в Дом ученых, нашел записку Бауера, который просит сви-

дания с ним. Получил от жены письмо, сообщает печальную весть, что правнучка Гуля упала в подвал и порвала связки на ножке. Зашел А.Н. Зограф. В 7 ч. поехал к В.К. Лукомскому, который познакомил меня со своими книгами по генеалогии, геральдике, показывал печати и т.д., пил у него чай, вернулся домой около 12 ч.

22 (9) октября. +3°. Ветер изменил направление и стал тише, вода в Неве не прибывает. Утром зашел ко мне Коля и проводил меня до Дворцового моста. В Институте все время разбирал дрогичинские пломбы один, Орлов был не более ½ часа, ушел на заседание Президиума АН. Обедал в академической столовой, ел суп, беф Строганов и компот (1 р. 95 к.). Ходил в почтовое отделение на Царицыном лугу, купил открытых писем. Встретил С.Н. Тройницкого, пригласил меня обедать послезавтра.

23 (10) октября. +2°. С утра пошел снег и продолжался часов до 4-х, земля покрылась слоем мокрого снега. В Институте разложил все дрогичинские пломбы по типам; до 2-х часов диктовал Орлову; пломбы с буквами кириллицы произвели на него впечатление. В 2 часа он ушел на заседание, я пошел обедать. Из академической столовой прошел в Эрмитаж, где распростился с А.А. Ильиным, к нему я не пойду по болезни его жены. Орлов поручил мне написать к пломбам и печатям объяснения, которые и пишу. Завтра в Институт не пойду: у Орлова заседание, а я свою работу кончил.

24 (11) октября. +3°. Утром брился (40 копеек). На почте послал жене письмо. С почты проехал в Русский музей, где встретил Н.В. Малицкого, побеседовали, осмотрели залы с древнейшими произведениями искусства (иконы, курганные украшения, медные кресты, змеевики и проч.); распростился с ним, осмотрел бегло залы с русской живописью (многое переживал!). Пришел в бытовое отделение в другом здании, интересны залы купеческого быта; в 2 ½ ч. был дома. Писал объяснения к пломбам. В 5 часов пошел к С.Н. Тройницкому (живет через 2 дома от Дома ученых), набережная 9 января, д. № 32; обедал, его жена, очень милая, Борисова-Мусатова[39]. Обед состоял из щей из кислой капусты, рыбных котлет и кофе (суррогат); пили водку и красное вино, дома был в 7 ½ ч.

25 (12) октября. +3°. Воскресенье. Дует сильный северо-восточный ветер, когда шел в Институт, то, к счастью, дул в спину, шел мокрый снег. Окончил все печати и пломбы, также написал объяснения к ним. В Институте не было ни души, сегодня в Академии наук свободный день. В 10 ч. пришел Орлов, мы тотчас принялись за работу и к 3-м часам кончили описание. Гора с плеч свалилась. Ранее 28-го Орлов просит не выезжать, желает, чтобы распределение для выставки делали мы оба вместе; пришлось согласиться. Пообедали в академической столовой, он пошел со мною, желая повидать Корнатовскую, которую не застал и ушел домой. Возвращаться было трудно: ветер дул в лицо, вода в лужах стала подмерзать. Написал жене письмо о выезде 28 октября. Заходил Е.М. Придик, я ему сказал, что говорил А.С. Орлову относительно его желания разобрать византийские печати, тот обещал сообщить Президиуму Академии наук. Пришел А.Н. Зограф, поговорили немного; я сказал, что должен идти за хлебом – гости ушли. Купил на сегодня и наутро 4 булочки и 2 пирожных. В то время, как я уходил, зашел Н.П. Бауер, оставил записку, что был. Купил еще ½ бутылки коньяку за 4 р. 80 к., выпил рюмку, так как очень озяб.

26 (13) октября. Тихая погода, температура не более –1°. Идя в Институт, зашел на сквер перед Биржей, посмотрел плохие бюсты знаменитых зодчих Росси и Кваренги, встретил там Колю Бруни. Придя в Институт, говорил со мною по телефону Н.Б. Бакланов, пригласил меня обедать. В Институте немедленно начали с Орловым раскладывать печати; он мою аннотацию сократил, сказав, что для дураков (= публики) она слишком подробна. Мне всё нездоровилось, был озноб, и болела поясница. К 4-м часам разложили все печати, кроме пломб, Орлов к каждой группе написал краткие названия. В 4 часа вышел с Орловым, он проводил меня через университетскую галерею (видел ее впервые) на набережную до 6-й линии, где живет Н.Б. Бакланов; он пришел к 6-ти часам, обедали, сытно поели, выпили 1 бутылку красного вина. Так как голова моя очень зябнет в моем картузе, то Н.Б. ссудил меня своей меховой «финкой». До трамвая проводила Валентина Ивановна; послали моей жене коробку шоколадных конфект. Дома нашел записку Зографа, пишет, что А.А. Ильин зовет меня обедать 28-го. Я ответил запиской же, что заказал на 28-е билет в Москву.

27 (14) октября. –1°...[6*] небо безоблачно утром, полная луна, великолепный вид на Неву. Утром Коля принес оба наши портрета, поговорили с ½ часа, вышли вместе. В Институте я распределил все пломбы, написал отчет в управление Академии наук на расходы 200 р. Меня попросили расписаться в книге посетителей ИКДП и прибавить, чем я занимался. В 2 ч. ушел, пообедал в столовой. Получил билет на завтра на поезд в 10 ч. и о выезде послал Лотушке телеграмму. В 5 часов поехал на Николаевский вокзал справиться, где остановится поезд, с которым я поеду (он тифлисский): на Николаевском или на Курском, в справочном бюро ответили, что на Николаевском. В 7-м часу зашел А.Н. Зограф, мы пошли в столовую, где я пил чай, а А.Н. сидел со мной и говорил; мы распростились.

28 (15) октября. Встал в 5 часов. Утром пришел Коля, с ним мы распростились. Я решил посетить Е.А. Спицыну; не зная, где Провиантская улица (д. 8, кв. 14), я посмотрел план и список улиц в путеводителе, но ни тут, ни там не нашел; отправился наугад; около Биржевого моста спросил какого-то гражданина, тот приблизительно указал, но в улицах я запутался, и пришлось опять обращаться к первому встречному, который оказался Н.И. Репниковым, он и проводил меня до самой квартиры. Посидел у Е.А. с полчаса, она подробно описала болезнь и смерть мужа. От Спицыной прошел в Институт; Орлов отнесся ко мне очень любезно, просил приехать, т.к. предполагает исчерпывать материал для эпиграфики из печатей Лихачева; просил обращаться к нему, если что Музею или мне будет нужно, мы расцеловались; распростился со всеми сослуживцами Орлова. Ал.Уст. Малеин[40] показал мне выставку книг самых редких из собрания Лихачева и Академии наук. Интересна иллюстрированная «Утопия» Т. Мора с видом первой «коммунальной» столовой. Зашел выпить стакан чаю и отправился домой, расплатился с Екатериной Дмитриевной Корнатовской (19 р. 25 к.), сказала, что у них все будет скоро переделано, и когда я вздумаю приехать, чтобы написал ей. В 3-м часу отправился обедать в академическую столовую, было только рыбное, заказал бульону, сиг с макаронами и компот; когда кончал обед, пришел

[6*] Зачеркнуто: Легкий мороз.

А.С. Орлов, подсел к нему, побеседовали, сказал мне, что вчера видел Жебелева и сообщил, что я здесь. Впервые сел в трамвай на Дворцовый мост (слишком ветрено) и доехал до Штаба, купил 1 бутылку красного. Уехал из Дома ученых в 8 часов, багаж мне помог за 3 р. довезти до вокзала дворник Григория Ивановича Котова, прибавил ему 1 р. на трамвай. Поезд отошел в 10 ч. 30[м.].

29 (16) октября. В Москву приехали с опозданием на 1 час. С моим чемоданом произошел инцидент, подробностей рассказывать не буду, пришлось его выручать в трамвайной станции линии 20 в Таганке. Погода мокрая, идет мокрый снег. Жена очень беспокоилась, узнав от Олега, который меня пошел встречать, но не встретил, что чемодан украли. Попил чаю, съел 3 яйца и отправился получать в сберегательную кассу деньги за экспертизу в СФА, которых не получил. Дома все благополучно, застал всех здоровыми.

30 (17) октября. +2°. Мокрый снег. В Музее меня встретили очень радушно; никаких перемен нет, даже Муралевич сегодня был. В.А. Ермолову отняли ногу ниже колена, он даже при помощи костылей приподнимается с койки. Получил сегодня 3 письма закрытых от Л.В-ны. Вечером пришла Танюша, Гуля все еще [не] поправилась, хотя встает с постельки. В Музей заходила М.В. Будылина, собирается с П.К. Вощининым вечером к нам.

31 (18) октября. +1°. Особенных дел не было. Отбирал для экспозиции русские монеты, выдал родовой знак, суздальский змеевик. Получил от Л.В. 2 письма, тяжело ей, бедной, живется.

Ноябрь 1931 г.

1 ноября (19 октября). +1°. Воскресенье. В 9 ½ ч. отправился искать сберегательную кассу № 1568, зашел в кассу правления Курской дороги, где мне сказали, что, вероятно, на улице Энгельса (бывшей Ирининской); сел на трамвай № 3; против Гаврикова переулка нашел Спартаковский переулок и, наконец, улицу Энгельса. Местность отвратительная. В кассе большая очередь, дойдя до кассирши, предъявил книжку, и мне тотчас выдали 200 р. (как я в душе благодарил Бога!). Заявил желание перейти в другую кассу, оказалось вполне возможно. Приехав в Музей, отдал в кассу взаимопомощи 30 р. (% 90 к.). В Музее получил прекрасные вериги, найденные в Подольском уезде, за доставку заплатил 20 р. Был Сосновский, сидел более ½ часа.

2 ноября (20 октября). 0°. В Музее особых дел не было. Заходил В.Ф. Ржига, обещал после советских праздников свидеться. Был в распределителе (угол Банковского переулка на Мясницкой), где зарегистрировался, товаров мало, купил банку килек за 5 р. 75 копеек. Весь день чувствовал слабость и головокружение. Умер муж М.Н. Дубовской, инженер, работавший в Бобриках Тульской губернии.

3 ноября (21 октября). –2°. Сегодня мой свободный день. Встал в 10-м часу, топил печь. Перечитал последние письма Л.В-ны, отметил, что ей нужно послать. Вечером пришли П.Н. Сапунов с Валей и Наташа Акопиан ввиду ожидаемого приезда Нади из Свердловска (поезд должен был прибыть в 11 часов, но опоздал); Нади в 8 ½ ч. еще не было.

4 ноября (22 октября). 0°. Праздник Казанской Божией Матери. Написал Шугаевскому. Ночью подсыпало снегу. Надя вчера не приехала, очевидно, проехала к Румянцевым. В Музее занимался текущим делом. Ушел в 2 ½ часа, зашел в сберегательную кассу, где денег за экспертизу не получил. Пришел к А.А. Сизовой, посидел с ½ часа; Магдалена Ивановна была оперирована, никакого рака не оказалось, уехала на 3 недели в Петербург. Дома нашел Надю и Митю, она вчера приехала в 11 часов, ночевала у Румянцевых.

5 ноября (23 октября). +3°. Послал по телеграфу Л.В-не 40 р. (стоит 2 р. 40 к.). В Музее разбирал неразобранные монеты, сложил доцарского периода в шкапы. Ушел около 3-х, чтобы не оставаться на заседание с Пономаревым. Вечером был на собрании домового комитета.

6 ноября (24 октября). +3°. Выбирал монеты доцарского периода из разных шкапов, коробок и т.п. и соединял их. Издательство ГАИМК прислало предложение сотрудничать в их издании, и просят дать статью по вопросу об использовании нумизматического материала для освещения социально-экономической истории общества или публикации нумизматических материалов. Музей сегодня кончил свои занятия в 2 часа. Дома нашел Надю, Валю и Зорю. Обедали: Надя, ее дочь Наташа и нас трое (эпизод с рыбными котлетами, пересоленными, меня вырвало). Пришла Танюша, рассказала о сильном тумане, благодаря которому трамваи некоторые остановились; Танюша, не видя дороги, упала. Все ушли, кроме Нади, в 9 ч.

7 ноября (25 октября). +2°. Сегодня и завтра советские праздники; на службу не пойду. Вчерашний туман почти рассеялся. Топил печь. Начал писать письмо Л.В-не.

8 ноября (26 октября). +3°. Воскресенье. Был за литургией у Богоявления, храм был переполнен, пел хор Нестерова обедню Чайковского, которая меня не трогает; стоял без религиозного подъема, главная причина чему была теснота. Во время обеда пришел Сережа Орешников, но не обедал, выпил с ним по рюмке водки, беседовали; в 8 ч. пришла Надя с обоими сыновьями; скоро все ушли.

9 ноября (27 октября). +1°. С утра в Музей пришли посетители: К.К. Романов из С.-Петербурга (архитектор), историк М.С. Грушевский[41], с которым было приятно познакомиться, расспрашивал о Кремле, о Лихачеве и проч.; сдавал с отделом археологии скифское золото. Соединял доцарские монеты в один шкаф. Получил от Л.В. 2 открытки (от 22 и 28 октября) и закрытое от 29 октября.

10 ноября (28 октября). 0°. Сегодня мой свободный день. Был в сберегательной кассе на улице Энгельса, где получил пенсию и подал заявление о переводе выдачи в другую на Чистые пруды, в сберкассу при Наркомпросе. Деньги за экспертизу в СФА еще не положены на мою книжку, подал об этом заявление в бухгалтерию, писал Л.В-не. К обеду пришла Надюша, вечером пришла М.В. Пичета, ее сын сослан в Усть-Уссу, а муж в Вятку.

11 ноября (29 октября). +1°. Получил от Л.В. 15-е письмо, посылку мою получила. В Музее ходят разные сплетни. Разбирал монеты, нашел 2-й экземпляр деньги Константина Дмитриевича Углицкого, плохой сохранности. Обедали Надя, Митя. Вечером пришел ветеринар и отрезал у всех 5-ти щенков хвосты.

12 ноября (30 октября). +2°. Послал Л.В-не 10-е письмо, заказное. От А.А. Ильина получил письмо, сбирается посетить выставку, в устройстве которой я участвовал. У Р.С. Ракиты на днях родилась девочка. Снес домой фунтов 10 картофеля из Коломенского колхоза.

13 ноября (31 октября). +1°. Знакомил Разумовскую с техникой серебряного дела. Послал А.А. Ильину письмо о выставке печатей и пломб.

14 (1) ноября. +3°. В Музее очень холодно; Бирзе велела мне поставить около ног электрическую печь. Занимался монетами. Слышал, что храм Спасителя будут взрывать ночью, самый момент взрыва будет освещен прожекторами, будет для кино сделана съемка взрыва. Говорят, что сотрясение будет сильное, опасаются, что окрестные дома могут дать трещину, а может быть, и хуже.

15 (2) ноября. +1°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Дождливая сырая погода. Топил печь. Написал Лукомскому о посылке ему моих статей. После обеда в 6-м часу поехал к В.Ф. Ржиге, рассказал ему о цели моей поездки в Петербург. За чаем стали закусывать заливным судаком, но не мог есть, так был солон; жена его принимала большое участье в разговоре. Возвращался под сильным дождем; по берегу Москвы-реки идти было жутко.

16 (3) ноября. +3°. Послал Лукомскому статьи. В Музей принесен альбом акварельный работы А.Н. Голицына с видами окрестностей Москвы, с копиями акварелей Чернецова. Занимался текущим делом. В 3 ч. 30 м. было скучное общее собрание.

17 (4) ноября. +1°. Поехал утром к Танюше, она болела (солнечное сплетение), и затем к ней Аня привезла 2-х детей, так как не было дров, было холодно, теперь дрова привезены. Читала письмо Оли об Зайцевых, у них в январе свадьба. Наташа выходит за Андрея Владимировича, фамилию не называет. В Музее с 11-ти до 4 ч. отбирал для «Антиквариата» серебро.

18 (5) ноября. 0°. Собирал материал о технике серебряной посуды. Вечером записал. Пришла в 9 часов Надюша, она уже переехала несколько дней назад на новую квартиру, которая оказалась сырою.

19 (6) ноября. –2°. Занимался с Разумовской по серебру. Отбирал для экспозиции медали, знаки по реформе Александра II (освобождение крестьян и проч.). После занятий были перевыборы месткома; ушел я до окончания, около 5. Цитович избран председателем.

20 (7) ноября. –2°. Сегодня мой свободный день. Большую часть ночи не пришлось заснуть: была драка и ругань между дворником и его сожительницей. Топил печь. Ходил за электрическими лампочками на Мясницкую, оттуда зашел к А.А. Сизовой, которая расстроена письмом от знакомого Тегера, мужа Магдалины; Тегер арестован в Ташкенте. Часов около 8 пришли: М.В. Пичета и М.Н. Клеопина, но я не вышел к ним.

21 (8) ноября. –1°. Занимался текущим делом. Осматривал подвальный этаж, сколько драгоценных памятников у нас! Как мало интересующихся ими!

22 (9) ноября. –4°. Воскресенье. Ценил при помощи Ф.Я. Мишукова из Оружейной палаты предметы, отобранные «Антиквариатом», был Н.В. Власов из Торгсина, с ним кончил мену наших вещей на чару, ковш, бюро и на миниатюру-портрет Екатерины I с подписью на обороте: «1715 г. писал Григорий Мусикийский». Заходил В.А. Никольский, пригласил к себе на име-

нины. После 3-х зашел за миниатюрой в Торгсин. Подписался в почтамте для Л.Вяч. на «Известия» с 1 декабря на 2 месяца (2 р. 40 к.). Вечером пришла Танюша с Гулей, вслед за ней Вася Сахновский с просьбой указать ему как режиссеру Художественного театра материал для постановки «Мертвых душ» Гоголя.

23 (10) ноября. –3°. Занимался текущими делами. Для Художественного театра просил подобрать interieur'ы и типы к «Мертвым душам».

24 (11) ноября. –5°. Весь день в Музее пробегал по разным отделам, т.е. занимался текущей работой. Привез на спине фунтов 30 картофелю. В 7-м часу отправился к В.А. Никольскому на именины в Большой Патриарший переулок, д. 6, кв. 2; живут оба в крохотной комнатке (2 квадратные сажени), собралось человек 8, из них один только знакомый скульптор В.Н. Домогацкий[42], закусил, выпили красного винца. В 1-м часу приехал домой. Выпал небольшой снег.

25 (12) ноября. –6°. Сегодня свободный день. Топил печь. Жена встревожилась: потеряли входную карточку в распределитель, пришлось туда поехать с Анютой, где я заявил об утере карточки; в распределителе успокоили, сказав, что можно до 1 декабря получать по талонам, а 1 декабря выдадут новый. Зашел к А.А. Сизовой, Магдалина еще не вернулась, приедет 27 ноября. Вечером пришли внучка Маша с детьми, вскоре пришли П.К. Вощинин и М.В. Будылина; пили все чай в моей комнате; П.К. и М.В. ушли в 10 ч., Маша и дети немного раньше.

26 (13) ноября. –5°. Отпускал в Александрову слободу некоторые вещи (братину царицы Марьи Ильинишны, ковш, серьги Марфы Алексеевны и проч.), там же взятые. Умер историк, сосланный в Сибирь (или Ташкент) проф. Д.Н. Егоров. Заходил к больному Н.П. Попову, относил ему деньги; он поправляется. Трамваем раздавило Ел.Я. Дьяченко.

27 (14) ноября. –8°. С 10 ч. утра в Музей пришел Вася Сахновский как режиссер Художественного театра, с ним художник и художница, около 3-х часов осматривали материалы для постановки «Мертвых душ»; придут еще смотреть мебель, обстановку и проч. В 3 ч. 30 м. началось общее собрание; Бирзе читала письмо Луппола о недочетах в экспозиции в Музее; я ушел в 4 ч. 30 м. Дома застал С. Орешникова, Мишу с Лялей.

28 (15) ноября. –9°. В Музей заходил заведующий постановками Художественного театра И.Я. Гремиславский[43]; он в восхищении от коллекций рисунков, типов и interieur'ов нашего Музея; заказал фотографии со многих рисунков. Ясный морозный день, снега нет. Белили наш коридор, вечером мыли пол в нем, и пролетарии страшно и неприлично ругались.

29 (16) ноября. –18°. Воскресенье. Первый сильный мороз, к счастью, без ветра. Утром пришел в Музей Д.А. Ушаков[44], бывший музейный сотрудник Ростовского музея, теперь служащий в московском Государственном банке кем-то (не разобрал его должности), и сообщил, что в банке будет выставка, обнимающая денежное обращение с древнейших времен до сих пор, для устройства выставки пригласил меня, я согласился с уговором, если администрация Госбанка официально обратится к нашей администрации по этому вопросу. В 3 ч. пришла телефонограмма, приглашающая меня завтра в 3 ч. на заседание. Был на докладе Е.К. Муромцевой о выставке фарфора в Музее; доклад был в марксистском духе.

30 (17) ноября. Окно замерзло. Сегодня мой свободный день. Топил печь, в моей комнате +8°, на воздухе, слышал, –11°. Позавтракал, в 2 ½ ч. отправился в Государственный банк на заседание по поводу устройства выставки денежных знаков с древнейших времен по настоящее время; выставка устраивается по случаю 10-летнего юбилея Государственного банка. Заседание было посвящено вопросу, как организовать выставку, где и когда. Заседало нас 8 человек. В 4 ½ часа заседание кончилось. Выйдя из дому, я чувствовал себя очень плохо, голова кружилась, сделалась необычайная слабость, которая на заседании стала проходить. Дома застал А.А. Бруни (тетю Аню).

Декабрь 1931 г.

1 декабря (18 ноября). –12°. Утром получил пенсию в сберегательной кассе в здании Наркомпроса на Чистых прудах. В Музее пришлось с В. Сахновским и 2-мя художниками из Художественного театра ходить по отделам бронзы, мебели, рисунков, стекла и фарфора.

2 декабря (19 ноября). Окно замерзло, но слышал, что температура была –18°. Послал Л.В-не телеграмму в 22 слова, заплатил 3 р. 50 к. Как такса возвысилась! Занимался текущими делами. Заказал для серебряной кладовой еще стеллажи для размещения предметов.

3 декабря (20 ноября). Окно замерзло, мороз стал мягче, слышал, –12°. Утром опустил Л.В. открытку, придя в Музей, получил от Л.В. длинное письмо (8 страниц), писанное со 2 по 16 ноября и шедшее (с оказией) через Томск. Вечером был Николай Сергеевич Коссович; очень я был рад его увидать, вспомнилось старое.

4 декабря (21 ноября). Введение во храм Пресвятой Богородицы. Окно утром замерзло, в 4 часа термометр показывал –8°. В Музее рассказывал Разумовской о технике металлической посуды. Сдавал в «Антиквариат» отобранное Бруком серебро. Вечером приходила Танюша, ее здоровье стало лучше. Была Валечка, у нее боли в желудке опять повторились.

5 декабря (22 ноября). –12°. Топил печь. Сегодня свободный день. В 2 ½ ч. пошел в парикмахерскую побриться, оттуда отправился в распределитель, купил конфект вместо сахара; в магазине Торг купил для Л.В. стклянку одеколону за 3 р. 50 к. Зашел к Сизовым, пил чай, Магдалена Ивановна вернулась из Петербурга, она получила от мужа телеграмму, что он освобожден.

6 декабря (23 ноября). –8° после заката солнца. Воскресенье. Занимался текущим делом, отбирал для Музея собора Василия Блаженного серебряные церковные вещи для экспозиции. Вчера были взорваны некоторые части (средний купол и боковые башни) Храма Спасителя; взрывов я не слыхал, завтра будут взрывы продолжаться.

7 декабря (24 ноября). В 8 часов утра отправился в почтамт, нагрузив в мешок продукты для Л.В-ны; весу оказалось 10 кило с ящиком; приемщик сказал, что этот раз пропустит, а в следующий просил посылать не более 8 кило; посылка обошлась: за ящик 1 р. 65 к., за пересылку 12 р. 80 к., всех 14 р. 45 к. Днем выпало немного снега. Отобрал для Музея собора Василия Блаженного 200 серебряных копеечек Ивана Грозного. После 3-х зашел в магазин «Союз-сахар» на Моховой, купил 2 кило сахарного песку по 2 р. 50 к. за кило.

8 декабря (25 ноября). –4°. Выпало ночью немного снега. В Музее занимался текущим делом, сдавал в Музей собора Василия Блаженного несколько религиозных церковных вещей XVI–XVII [вв.] и 200 серебряных копеечек Грозного. Д.Н. Эдинг подарил Музею небольшое собрание иконных прорисей, принадлежавших его брату, 12 лет назад умершему.

9 декабря (26 ноября). –2°. Утром опустил в почтамте открытку Л.В-не. Занимался текущим делом, ходил в подвал Музея, смотрел запасы оружия. Вечером пришла Надюша с Лялей, я сидел с ними за чайным столом. Днем были еще взрывы Храма Спасителя, как слышно, осталось от постройки немного.

10 декабря (27 ноября). –2°. Сегодня мой свободный день. Топил печь, написал Л.В-не письмо № 11.

11 декабря (28 ноября). 0°. Заходил в почтамт, послал Л.В. заказное письмо. Придя в Музей, узнал, что меня вызывали в уголовный розыск еще вчера, вместо меня ходила Дударева и рассказала, что видела; около 12-ти отправился на Петровку, откуда в сопровождении чина милиции пошли пешком на Божедомку, где мне предъявили массу старья, большею частию хлама, собранного торговцем Амелиным, уже умершим 14 лет назад; фамилию его я слыхал, он продавал в Музее; я отобрал с 10 вещей, составили акт, и я ушел. От путешествия из Музея на Божедомку и обратно меня очень утомило, к тому же сырая погода, шел мокрый снег. Слышал, что в Ярославле решено сломать все храмы! Вечером заходила Танюша, пила у меня чай, читала длинное письмо Л.В-ны.

12 декабря (29 ноября). –2°. С 12 часов до закрытия Музея шло заседание с отчетом о деятельности хозяйственного отдела. Получил открытое письмо от Л.В., отправленное из Колпашева, судя по штемпелю, 25 ноября. Получил письмо А.А. Ильина. Вечером заходил К.В. Крашенинников, сидел часа 2.

13 декабря (30 ноября). +1°. Воскресенье. В Музее составлял план работ на 1932 г. Текущие дела. После 3-х ходил за сахаром по дорогой цене, сахар имеется, но очереди большие, дошел без результата до половины Арбата. Утром послал открытку Л.В-не. Вечером пришли В.А. и А.Н. Никольские, сидели до 10 ч., приятно поговорил с В.А.

14 (1) декабря. 0°. Написал А.А. Ильину письмо. В Музее занимался серебром с Разумовской. Текущие дела. П.С. Рожицкий хочет строить перегородку в нашей бывшей столовой.

15 (2) декабря. –5°. Сегодня мой свободный день. Топил печь до 2-х ч.; записал сказанное мною вчера Разумовской.

16 (3) декабря. –4°. Получил от Л.В. письмо. Занимался текущими делами; ходил в верхние этажи, очень устал. Перенес большие иконы из Александровой слободы из серебряной кладовой в разборочную.

17 (4) декабря. –5°. Из Музея в 10 ½ ч. поехал в Наркомпрос, взял у Мамуровского мою книжку сберегательной кассы, снял 20 р. В Музее занимался текущим делом, отбирал для Музея Александровой слободы монеты XV–XVII вв. Был вечером у Сосновских на крестинах их дочери Аллы; были: Ф.И. Прове, его дочь с мужем, крестный отец (кто, не знаю), священник; вернулся в 1-м часу.

18 (5) декабря. Температуры не рассмотрел, окно замерзло, вероятно, около –8, –9°. В Музее описывал вещи, присланные сыскной полицией, отобранные мною; интересны 2 алебарды конца XVI в.

19 (6) декабря. Николин день. Температуры в 4 ч. дня –6°. Занимался в Музее текущими делами.

20 (7) декабря. –5°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Ничего не делал весь день, раскладывал пасьянс, читал «Жизнь Бенвенуто Челлини», изд. «Academia» в переводе Лозинского[45]; переводчик плохо знает русский язык. Днем заходила Надюша.

21 (8) декабря. –3°. Утром зашел в парикмахерскую к Казанскому собору и продал машинку для стрижки волос за 30 р. Из Музея прошел в здание Главного телеграфа и перевел Л.В-не по телеграфу 45 р. (20 р. получил от Гаркаво и 25 р. своих). Был в комиссии по оценке картин художников, принесших их на продажу для отдела социалистического строительства; большая часть картин ниже всякой критики. Описывал новые поступления. В 3 ч. пошел к Сизовым и попросил Магдалену Ивановну сходить в комиссионный магазин мебели и предложить буфет Л.В. Анюта истопила мою печь. Вечером заходила Танюша.

22 (9) декабря. –1°. Отправил Л.В-не заказное письмо № 12. В Музее была закупочная комиссия по покупке современных картин для отдела социалистического строительства; группа художников принесла 30 картин масляных и акварельных, из них отобрали 4, остальные определено вернуть. При осмотре и отборе были: Бирзе, Ганопольская и я. С художниками разговора еще не было. Занялся монетами. Ночь плохо спал, встал в 4 часа, очень сводило левую ногу; от бессонной ночи чувствую слабость.

23 (10) декабря. –2°. Утром в Музее был Сосновский, передал мне акты на принятые из Музея в СФА монеты провинциальных музеев. С 10 ½ до 1 ½ К.Э. Гриневич знакомил 2 курса Института новых языков[46] с техникой записи в книгу поступлений предметов, а я представил несколько предметов и указал, как надо их описывать. Сдавал Н.В. Власову в Торгсин серебро и мелкие вещи, выменянные на чару князя Черкасского, ковш западной работы, бюро из Остафьева, за которым Карамзин писал свою «Историю», и миниатюрный на финифти портрет Екатерины I, работы Мусикийского 1715 г.

24 (11) декабря. –2°. Получил открытку от Л.В. от 11 декабря. В Музее описывал почти все время вещи из Торгсина, долго пришлось описывать бюро из Остафьева, очень интересное и по работе, и по воспоминаниям о Карамзине, который писал свою «Историю» за этим бюро. Слышал, что Трутовского лишили пенсии, узнав, что он был камергером; он в бедственном положении.

25 (12) декабря. –1°. Сегодня мой свободный день. Весь западный мир празднует сегодня Рождество Христово. Топил печь. Заходил И.М. Булатов. Была Валечка, ее здоровье немного лучше. Во вчерашней открытке Л.В. описывает, что получила за 3 кроличьих шкурки: 1) 3 ½ метра ткани (батиста); 2) 13 кило ржаной муки; 3) 5 кило манной крупы; 4) 3 ½ кило махорки.

26 (13) декабря. +1°. Выпал снег. Еще не было 8 часов, я отправился послать Л.В-не посылку; с трудом по мокрому и скользкому снегу [дошел] до Яузского бульвара и на **А** довез до почтамта; расход за ящик 1 р. 65 к., и посылка 10 р. 40 к. = 12 р. 5 к. Из почтамта в Музей шел пешком, дорогою

застал меня снежный буран. В Музее занимался текущим делом. Вечером были у меня сын С.И. Чижова с женой.

27 (14) декабря. 0°. Воскресенье. Отправил Л.В. письмо № 13 заказным. Начал принимать коллекцию русских монет Черносвитова[47] из Ростовского музея; монет достойных издания пока не нашел, интересен сребреник типа с надписью «ПЄТРОС», которая не отчеканилась. Слышал, что во всех учреждениях большие сокращения в финансах и увольнения сотрудников; у нас 1 января будут многие уволены.

28 (15) декабря. –5°. Ночью выпало много снега. За неимением в продаже чаю вчера купил «фруктовый чай», стоит за 250 граммов 66 копеек, утром заварил и пил, на вкус довольно приятный. Сравнил тип сребреника из собрания Черносвитова с 2-мя эрмитажными; нового дает довольно ясную надпись справа от ап. Петра «ГЄТО», последняя буква «С» (судя по экземпляру Толстого) еле видна. Черносвитов хотел видеть «АПОСТОΛОС». В Музее Гриневич давал объяснения 2-м курсам Института новых языков одному за другим, а я на предметах показывал, как нужно описывать, убедился, что слушатели, большею частию женский пол, совсем невежественны, а должны к 1 мая все знать, чтобы объяснять Музей иностранцам. Уходя из Музея, слышал, что умер Н.П. Лихачев; если этот слух верен, то да упокоит Господь его мученическую душу. Получил от Миннза поздравительное письмо к Рождеству Христову и Новому Году.

29 (16) декабря. +1°. Написал А.А. Ильину о смерти Н.П., письмо утром послал, а придя в Музей узнал, что Н.П. жив, будто бы ему телеграфировали в Петербург, и получен ответ, что он здоров. Слава Богу. Принимал в Музее коллекцию монет Черносвитова из Ростова, всего 6044 монеты. Идти по улицам трудно, так скользко; видел, как утром упал военный, преклонных лет, кажется, грузовик переехал через его ногу. Вечером у меня был букинист А.В. Гладков, смотрел кое-какие книги, мне ненужные; несколько взял, чтобы продать.

30 (17) декабря. +1°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Вечером писал дополнение в статью к монетам Ярополка Изяславича по экземпляру из собрания Черносвитова.

31 (18) декабря. –2°. Утром с почтамта под бандеролью послал Л.В-не русско-немецкий словарь. Получил от А.А. Сиверса письмо от 12 декабря. В Музее разложил пачки с монетами собрания Черносвитова в одном из шкапов (№ 1) Зубова. Сегодня последний день страшного по душевным потрясениям года. Ужасно, что приходится повторить же те слова, что год назад. Да будет воля Твоя, Господи! Огради всех моих близких от всякого зла. Избавь заключенных, возврати их к нам!

1932 год

Январь 1932 г.

1 января (19 декабря). –2°. Утром поехал за пенсией, но оказалось, что сберегательная касса откроется в 12 ч. В Музее с Гриневичем пришли студенты из Института новых языков, пришлось им показывать вещи. В 1-м часу поехал в сберегательную кассу, где пришлось подождать более ½ часа, наконец, получил 200 р. В 4-м часу было общее собрание, где Цитович познакомил нас с громадными успехами всего в Советской республике, затем Новицкий читал о колдоговоре; досидел до 5 ¾ ч. и уехал усталый домой. Дома нашел Танюшу и Надюшу, потом пришли Сережа с Юзей, М.В. Пичета; я поел грибного супа, картофелю и в 8-м часу, извинившись, ушел спать; ушла домой Танюша.

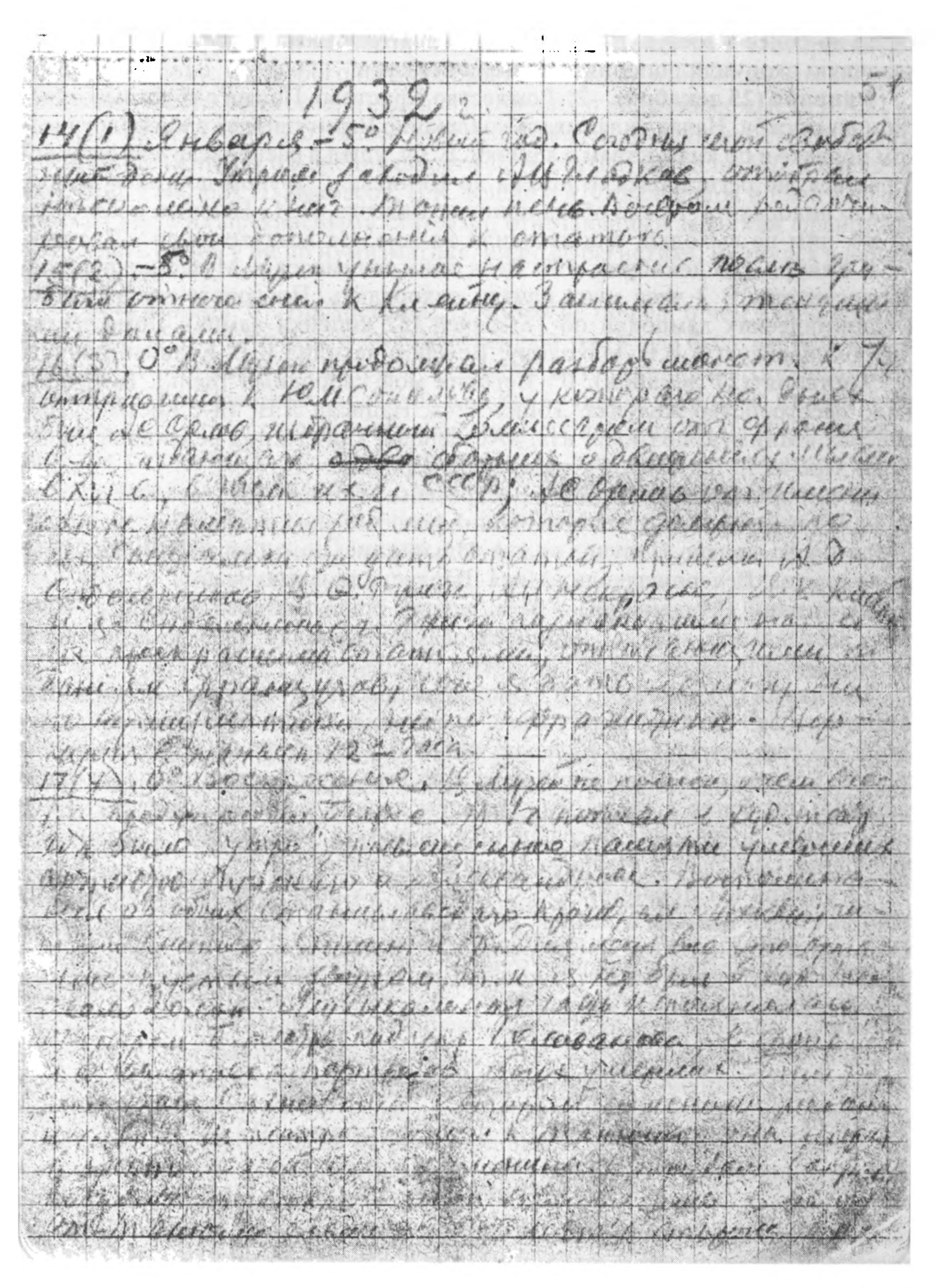
2 января (20 декабря). –4°. Вчера я ушел с заседания в Музее ранее окончания; после моего ухода были провозглашены имена ударников и суммы, которые им назначены в вознаграждение; в числе назван и я с награждением 100 р. Начал отбирать монеты собрания Черносвитова для размещения в монетном шкафу. Принесли интересный акварельный альбом с рисунками, посвященными Тенгинскому полку, начиная с 1819 по 1836 г., желают 100 р.

3 января (21 декабря). –5°. Воскресенье. Альбом с 120 акварельными рисунками к истории Тенгинского полка (1819–1846) купил у Милеева за 100 р. Занимался текущими делами. Получил, как ударник, 100 р. Заходил в распределитель записаться, отложили до 7 января. В особой кладовой Музея 3 плотника прибавляют несколько полок для посуды.

4 января (22 декабря). –6°. Сегодня мой свободный день. Утром пришли Надя и Валя, пили кофе. Топил печь. Написал коротенькую заметку «Неизданное четверостишие А.С. Пушкина: "Се самый Дельвиг тот"». Перед обедом пришел Емельян Флегонтович, наш бывший дворник, не приходивший к нам года 2–3; он не ожидал застать меня и жену в живых и очень удивился, увидав нас живыми. Сидел часа 3, пил чай. Часов в 7 пришла С.В. Иванова; сидела часа два, ожидает родов дочери в феврале. Написал небольшое дополнение к статье о вновь поступившем сребренике. Емельян Флегонтович много рассказывал о притеснениях, делаемых крестьянам-единоличникам, неколхозникам; рассказывал о частых случаях помешательства у крестьян.

5 января (23 декабря). –8°. Послал А.А. Сиверсу издания АМК. В Музее передал Анне Лазаревне мою заметку о четверостишии Пушкина для передачи Бонч-Бруевичу. Видел в архиве альбом с рисунками St. Priest. Вечером заходил А.В. Гладков, продал книг на 41 р.

6 января (24 декабря). –8°. Рождественский сочельник. Утром поехал к Танюше, с трудом доехал, трамваи переполнены; подарил Танюше 25 р., по-



Дневник. Начало четырнадцатой тетради. Январь 1932 г.

сидел не более 5 минут. В Музее занимался текущими делами. Серебряную кладовую окончили дополнять новыми полками.

7 января (25 декабря). –2°. Рождество Христово. Пошел с грустным чувством на службу. Начал укладывать коллекцию Черносвитова в хронологическом порядке и по княжествам в ящички. В 3 ч. ушел в распределитель зарегистроваться, но регистровка отложена до 10 числа. С трудом добрался домой, начало лихорадить. После обеда пришли: Валечка, П.Н., Надюша и Танюша, но я к ним не выходил, они заходили ко мне. На воздухе стало +2°, грязь.

8 января (26 декабря). +2°. Весь день занимался в Музее коллекцией Черносвитова. В 3 часа меня начало лихорадить. По дороге домой купил 2 электрических лампочки по 15 свечей (52 копейки лампа). Дома застал А.С. Сосновскую и В.В. Махолину. Вечером заходил К.В. Крашенинников.

9 января (27 декабря). 0°. Сегодня мой свободный [день]. Всю ночь было расстройство желудка. Топил печь. Написал Л.В. 14-е письмо. Просмотрел «Мнимую поэзию», изд. «Academia», 1931 г., под редакцией Тынянова[1]. Прочесть такую книгу надо иметь терпение.

10 января (28 декабря). 0°. Воскресенье. Послал Л.В. заказное письмо № 14. В Музее пробыл до 12 ½ ч., чувствовал большую слабость, ушел домой. Отдал чинить пенсне. Получил от А.А. Ильина письмо, о смерти Н.П. Лихачева он не слыхал. Вечером заходил Митя Штраус, племянник жены.

11 января (29 декабря). –3°, к вечеру стало немного холоднее. Весь день раскладывал монеты Черносвитова[1*2] по полкам. В 3 часа пошел в распределитель и взял новые карточки.

12 января (30 декабря). –6°. Продолжал работу с раскладыванием монет Черносвитова. Заходил В.Ф. Ржига, печатание сборника «Слова о полку Игореве» еще не началось. Слышал, что Ю.В. Готье хорошо в материальном смысле устроился в Самаре. У меня сильный шум в ушах сделался днем внезапно, особенно в левом ухе. Вечером вклеил в статью перепечатанное на машинке добавление о сребренике Ярополка Изяславича. Сегодня 2-я годовщина смерти Д.Д. Иванова, царство ему небесное.

13 января (31 декабря). –5°. С 12-ти до 3-х шло заседание, обсуждался план выставки одежды и тканей, составленный В.К. Клейном; Бирзе нашла план антимарксистским и разгромила его; выставка все-таки состоится. Доживаем последний день страшного года; избавь нас, Господи, от тяжелых утрат, подобных пережитым нами.

Тетрадь четырнадцатая

(14 января 1932 г. – 28 февраля 1933 г.)

Январь 1932 г.

14 (1) января. –5°. Новый год. Сегодня мой свободный день. Утром заходил А.В. Гладков, отобрал несколько книг. Топил печь. Вечером редактировал свои дополнения к статье.

15 (2) января. –5°. В Музее унылое настроение после грубого отношения к Клейну. Занимался текущими делами.

[1*] В оригинале ошибочно: Чистоклетова.

16 (3) января. 0°. В Музее продолжал разбор монет. К 7 ч. отправился к Ю.М. Соколову, у которого на днях был А.С. Орлов, избранный комиссаром от французского общества, издающего сборник о движениях мысли в XVI в., в числе их и СССР; А.С. Орлов от имени Академии наук наметил ряд лиц, которые должны по их специальности дать статьи, пришли А.Д. Седельников, В.Ф. Ржига, А.И. Некрасов, В.К. Клейн и я. Седельников и Ржига познакомили нас с их прекрасными статьями, отвечающими заданиям французов, чего я дать не могу ни по нумизматике, ни по сфрагистике. Вернулся в начале 12-го часа.

17 (4) января. 0°. Воскресенье. В Музей не пошел, о чем вчера предупредил Бирзе. В 1 ч. поехал в Художественный театр, где было «утро», посвященное памяти умерших актеров Лужского и Александрова. Воспоминания об обоих Станиславского прочитал Москвин, читали Книппер, Яншин и др. Для меня все это осталось пустым звуком, так как я не был в Художественном театре около 20 лет. Музыкальная часть исполнялась оркестром Большого театра под управлением Голованова[3]. В фойе была выставка портретов обоих умерших. Билет достал Вася Сахновский, который со мной рядом и сидел. Из театра пошел к Танюше; она лежит в гриппе, дал ей 10 р. на именины. С трудом добрался до дому. От Танюши слышал... [далее несколько слов нрзб.] в Париже плачевна, Наташа, ее дочь, перевезла на более дешевую квартиру; в феврале будет свадьба Наташи.

18 (5) января. 0°. Крещенский сочельник. Получил от Л.В. письмо от 31 декабря – 1 января 1932 г. и от М.И. Тегер из Петербурга. Чувствовал весь день недомогание.

19 (6) января. –2°. Крещение Господне. Топил печь с 10 ½ ч. утра, дрова совсем сырые, с трудом нагрел печь. Написал Орлову, Ильину и Макаренке.

20 (7) января. +1°. Утром был у Танюши, она встала, но жар еще есть; Оля ей пишет, что Вера с мужем переехали на другую квартиру, т. к. на старую прибавили цену; они уезжают к кому-то на весну на юг Франции, Наташа в феврале венчается. В Музей заходил С.Л. Толстой, я ему показывал дневник его матери. Заходила М.В. Будылина.

21 (8) января. +2°. Послал А.А. Сиверсу письмо и изданные Историческим музеем «Портреты декабристов». Волков из Толстовского музея принес от С.Л. Толстого письменное заявление о желании снять копию с дневника его матери. Заявление я передал Бирзе. От Н.А. Волкова узнал, что найдено большое количество бумаг А.С. Пушкина в Лондоне у внучки – Елены Александровны; среди бумаг большой дневник, веденный в последние года жизни Пушкиным. Вечером, часов около 8, пришли: П.К. Вощинин, Екатерина Антоновна (сестра Л.В.) и М.В. Будылина, сидели до 10 ¾ ч.; читал им письмо Л.В., беседовали оживленно.

22 (9) января. 0°. Годовщина смерти Ленина, занятий нет. В 1 ч. пошел к А.А. Сизовой, она рассказала, что ее дочь была у Енукидзе, и говорили о Л.В. и о своем муже. Оттуда проехал к Танюше, купил им кексу 500 граммов (1 р. 80 к.); Танюша еще не вполне поправилась; у нее были: Н.А. Павлович и Е.А. Бальмонт.

23 (10) января. 0°. От Орлова получил спешное письмо, просит сообщить, где в его Музее лежат его печати польских городов. Продолжал в

Музее разбирать монеты Черносвитова. Написал письма Миннзу, Орлову и Л.В-не.

24 (11) января. 0°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Часа в 3 отправился в почтамт и послал письма: Орлову (простое) и заказным Л.В-не и Миннзу. Вечером заходил Сережа Орешников.

25 (12) января. –2°. День именин Танюши и день рождения Вали. Память матери моей. Утром прямо проехал к Танюше, поздравил ее, посидел со всеми минут 20. Заходил Г.А. Волков, направил его к Пономареву, которому я передал дневник С.А. Толстой; они сговорились так: перепечатывать будет машинистка из Толстовского музея на нашей машинке, находящейся в отделе архива. Издавать будет Сабашников, т.е. кооперативное товарищество, куда вошел Сабашников[4]. Волков говорил, что С.Л. едет за границу навестить детей; одна из дочерей вышла замуж за итальянца, богатого человека, и живет где-то около Рима. Занимался монетами Черносвитова. Обедала Наташа-внучка.

26 (13) января. 0°. Продолжал разбор коллекции Черносвитова, начал разбирать царские. Была ревизия деятельности моего отдела, ревизовали: Ганопольская (еврейка), Глауберман (русская), 3-я – забыл фамилию; читал им обзор занятий, составленный Дударевой. Свез домой с ½ пуда картофеля. Вечером приходил служащий из Мосторга, смотрел секретер, который я подарил Лёле, купил за 600 р., которые обещал завтра заплатить Лёле в магазине. Предложил ему этюд плафона, назначил 100 р., просил прислать.

27 (14) января. 0°. Днем легкий мороз. В Музее все время раскладывал монеты Черносвитова; кончил фальшивыми золотыми Ивана, Петра и Софьи. Заходил Клейн, сообщил, что у Софьи Владиславовны родился внук. Секретер без меня взят в магазин, также и этюд плафона.

28 (15) января. Утром был небольшой мороз, днем стало таять, в 4 ч. на термометре +2°. В 1 ч. ходил в Мосторг; картину отказались купить. Продолжаю разбирать монеты; много новоделов золотых, все золотые двоецарствия – новоделы. Разложил медь 1700 и 1701 г. Экземпляры плохие.

29 (16) января. +1°. Сегодня свободный день. Топил печь. Утром заходила Аделина Антоновна с Соней, сообщили, завтра обедня по Александру Андреевичу, исполняется ½ года его смерти; обедня будет у Николы в Воробьине. Заходила Надюша и затем М.С. Зворыкина. К 6 часам поехал к Сереже Орешникову обедать, кроме меня пришли трое знакомых; жена Сережи искусная хозяйка, кормила отличными блюдами, пили дорогое вино (малагу в 8 и 9 р. бутылки), ели великолепную паюсную икру и т.д. Вернулся около 10 ч.

30 (17) января. +1°. Назначенная на сегодня панихида по Александру Андреевичу у Николы в Воробьине не состоялась по случаю закрытия церкви; панихида будет сегодня после всенощной в храме св. Николая в Николопесковском переулке на Арбате. Получил от Л.В. открытку, сахарную посылку получила. В Музее продолжал раскладывать монеты Петра. Жена получила закрытое письмо от Л.В.

31 (18) января. –5°. Воскресенье. Ужасная погода, сильный ветер, переходящий временами в ураган. Температура к 4 ч. понизилась до –8°. В Музее продолжал раскладывать монеты Петра I. Получил от Л.В. письмо, содержание грустное.

Февраль 1932 г.

1 февраля (19 января). –10°. Написал и послал письмо А.С. Орлову. Смотрел замечательную духовную грамоту новгородца Климента около 1270 г. из собрания Уварова; интересную по роскоши грамоту Елизаветы графу А.К. Разумовскому и др., также из собрания Уварова. Раскладывал монеты Петра собрания Черносвитова. Заходила дочь Н.П. Лихачева Анна Николаевна, приехавшая сюда хлопотать о переводе отца из Астрахани в другой город; слух о его смерти был ложный.

2 февраля (20 января). –9°. Выпал снег, сильный ветер. Продолжал раскладку монет. Вечером приходила Вера Ал. Попова, показывала интересный отчет о московских театрах за 1838–39 г. Заходил А.И. Мальвинов.

3 февраля (21 января). –10°. Из Музея к 11 ч. пошел в хозяйственный отдел ГПУ; когда я предъявил командировку, агент говорит: «Вы очень легко одеты, так как придется ехать за город». Я так и ахнул, но согласился. Дача «Лоза»[5] лежит на Калужском шоссе, близ Бутова. Мне принесли валенки, совсем новые, я снял ботинки с калошами, которые оставил, надел валенки до колен, и покатили; расстояние, по их словам, 23 километра, ехали 40 минут. Имение «Лоза» принадлежало Кугушевым или Кудашевым, летом было арендовано японским посольством. Картины, которые я должен был оценить, очень плохи, ни на одной не мог остановиться. Пробыли около 1 часа. Возвратился опять в ГПУ, где переобулся, дал краткий письменный отчет о виденном и прошел в Музей, где уже собирались уходить. Из Музея проехал к Танюше, купил дорогою кексу для Гули (она именинница – Агния). Танюша очень обрадовалась, здоровье ее нехорошо, хотя сегодня была у литургии на отпевании С.С. Волковой; предложила мне закусить, я согласился, ибо с 7 ч. утра ничего не ел; с аппетитом съел 2 рисовые котлетки, выпил чашку чаю с кексом. Гуля страдает желудком, поэтому держит диету. Дети были в школе, Маша на службе; посидел у Танюши с ½ часа и уехал домой.

4 февраля (22 января). Окно замерзло, температура, по-видимому, около –10°. Сегодня мой свободный день. С утра начали приготовляться к переезду Рожицкого, очищаем шкапы с посудой, книгами. Топил печь. Написал Л.В. письмо № 16.

5 февраля (23 января). –13°. Послал Л.В. письмо № 16 и перевел ей 20 р. по телеграфу. Получил от Л.В. письмо, ее здоровье стало лучше. Продолжал разбирать монеты Петра за 1707–1708 гг. Получил письмо от Миннза.

6 февраля (24 января). –16°. Послал Л.В. открытку, от нее получил открытку от 10/I (запоздала по случаю недо<платы?>). В Музее продолжал обычную работу с монетами. После 3 зашел на Мясницкую купить лампы. Дома нашел Л.С., вчера приехавшего в 12 ч. ночи, и Надю; сидели недолго.

7 февраля (25 января). –12°. Воскресенье. Послал Л.В. открытку. Получил от А.А. Сиверса письмо от 15 января. Продолжал раскладку монет; ходил в Мосторг (Кузнецкий мост, 3) смотреть шкаф 1608 г., мне не понравился. Прочитал роман К. Большакова со странным заглавием «Бегство пленных или история страданий и гибели… Лермонтова»[6]. Под пленными разумеются души, бегущие из плена: Пушкин, Лермонтов и т.д. Изложение путаное, много неясного в слоге; личность Лермонтова слабо представлена.

8 февраля (26 января). –17°. Болит бок, поясница. Весь день раскладывал монеты Петра.

9 февраля (27 января). –17°. Сегодня мой свободный день. Боль в боку утихла. Топил печь. Заходила Надя, готовится к новоселью 11 числа.

10 февраля (28 января). –17°. Сережа Орешников по телефону мне сообщил, что его сестра Елена умерла, царство ей небесное. Слышал, что арестован священник церкви князя Владимира. В Музее продолжал раскладку монет Петра. Ушел из Музея немного ранее, нашел жену в удовлетворительном состоянии, жара нет. Вечером переносили шкафы из столовой в коридор.

11 февраля (29 января). –18°. Около 11-ти из Музея поехал к Танюше; выйдя из трамвая, купил на Арбате кекс за 9 р. 50 к., да внучатам пирожного. Танюша поправляется; посидел с ней, Машей и 3-мя правнуками, кроме Лёши, который в школе. Садясь в трамвай, видел, как грузовик подшиб школьника, который сильно кричал. В Музее продолжал разбор монет. Уехал около 3-х часов. У Лотушки кашель, беспокоящий ее, вечером ей стало легче. Начали строить перегородку для комнаты П.С. Лёля пошла в 8 ч. на вечеринку по случаю новоселья к Зворыкиным.

12 февраля (30 января). –9°. Память отца, царство ему небесное. В Музее занимался текущим делом. Приходили в Музей Сережа Орешников и А.Е. Свенторжицкий, хотели осмотреть фарфор, но отдел был заперт. Получил от Л.В. печальное письмо, здоровье ее не вполне восстановилось, сидит без денег. Заходил в Музей Сосновский. Дома нашел Л.С. с Надей и Валю; Лотушка чувствует себя лучше. Перед моим приходом затопили печь, так как в комнате +8°. Вечером заходил К.В. Крашенинников, сообщил, что у Софьи Владиславовны родился 11 января внук недоношенный, 7-ми месячный, который помещен в инкубатор, где будет выхаживаться.

13 февраля (31 января). –6°. До 12-ти занимался раскладкой монет. В 12 ½ пошел в Кремль в Оружейную палату; Клейн показывал великолепные церковные вещи, привезенные из Костромы, времени Грозного, Годуновых, Михаила Федоровича. Разбирал с Клейном ящик с серебром, отобранным в Вологде во время первого голода. Из 106 вещей отобрал десяток предметов, остальное придется отдать в Госбанк. Пробыл часа 1 ½. В Музее в 3-м часу пришли из Музея изящных искусств: Ю.В. Сергиевский, скоро ушедший, Лазарев, Мамуровский, чтобы отобрать для музея византийские предметы; я назначил прийти 15 февраля. В 4 ½ ч. пошел с Лёлей обедать к Зворыкиным, живут в 10 минутах ходьбы от нас (Сивков переулок); у них хорошая квартира с удобствами, обильно нас угощали; в 8 ч. я вернулся домой, Лёля осталась.

14 (1) февраля. –12°. Воскресенье. Мой свободный день. В 11 ч. поехал к А.А. Сизовой, взял «Фауста» для отсылки Л.В. Пришли к нам Валечка, Таня Кочурина с Зорей. Писал Л.В-не 17-е письмо.

15 (2) февраля. –12°. Праздник Сретенья Господня. Послал Л.В-не письмо № 17 и книги «Фауста». Занимался текущим делом. Заходил В.Н. Лебедев проститься со мною, он уходит из Музея по болезни. Был В.А. Никольский, звал к себе на 18 февраля. Купил вареной полтавской колбасы по 7 р. кило.

16 (3) февраля. –17°. Получил от Л.В. письмо № 23 в грустном тоне, жаль ее, очень скучает. В Музее занимался текущим делом. Рассуждали: Новицкий, Арциховский и я на тему хозрасчета: какую плату брать за консуль-

тацию по научным вопросам; с учреждений Наркомпроса, с других, а также с частных лиц от 5 р. до 150 р. Я нахожу недопустимым устанавливать плату за ответы.

17 (4) февраля. –11°. Сегодня год, что арестована Л.В. В Музее продолжал раскладывать монеты Петра, кончил 1719-й год. Ходил в подвальную кладовую № 1, где сложены неописанные для инвентаря предметы; завтра будут выделяться для описи портреты, географические карты и т.п.; нам сообщили, что Муралевич арестован. Вечером заходил А.В. Гладков.

18 (5) февраля. –8°. Из Музея ездил на Арбат, купил для Никольских кекса, для дома 3 сдобных калача (по 94 к.) и кило меду (2 р. 50 к. и 40 к. за стклянку). Занимался текущим делом. Послал письмо жены с моей припиской к Л.В-не заказным. В 7-м часу поехал к Никольским на черствые именины Анны Николаевны. Обильно угощали, слушали граммофон; пришли 3 дамы, фамилий их не знаю; ушел в 11 ч., но попал домой в 12 ½ ч., испортился трамвай, пришлось с трудом попасть на другой, и то в обратную сторону, через мост.

19 (6) февраля. 0°. Сегодня мой свободный день. Часов в 11 пришла Валечка, затем Леонид Степанович со своим Диком; пили чай в комнате Лотушки. Съездил к Земляному валу купить конфект, т. к. сахару нет. Вечером неожиданно пришла Танюша; ее приходу я очень был рад; вид ее довольно бодрый.

20 (7) февраля. –2°. Отбирал из кладовой № 1 картины, гравюры и рисунки, которые передал в отдел бытовой иллюстрации. Был П.П. Кончаловский (художник), ему я просил показать в отделе тканей одеяла 20–30-х годов прошлого века. Вывешено объявление, в котором извещается, что Бубнов с 20 числа назначает в Музей директором Воробьева[7], а Бирзе, по сдаче дел, увольняется из Музея. Написал письмо № 18 Л.В.

21 (8) февраля. –5°. Воскресенье. Послал Л.В. письмо № 18 с приложением проекта заявления, которое она должна прислать, чтобы ей выдали ее взносы в кассу взаимопомощи. В Музее с 11 часов и до 3-х отбирал серебро для «Антиквариата», откуда пришли Колодный и Ф.Ф. Вишневский; завтра будут продолжать отбор. Видел издали нового директора Воробьева, довольно молодой. Бирзе уволена из Музея.

22 (9) февраля. –9°. В Музее с 10 ½ ч. до 3-х часов отбирали серебро, золотые табакерки, карманные часы для «Антиквариата». Вечером топил печь.

23 (10) февраля. –16°. Резкий ветер. Продолжал отбор вещей для «Антиквариата». Было заседание под председательством директора Воробьева и его заместителя по фамилии, кажется, Соловей, который будет распоряжаться научною частью Музея; [на] заседании было человек не более 10; я не был; о содержании заседания не успел спросить.

24 (11) февраля. –10°. Сегодня мой свободный день. Утром послал Л.В-не посылку, из почтамта проехал к Танюше, ее день рождения, купил ей кекс и сдобный калач; посидел с ½ часа или долее, пришла Екатерина Алексеевна Бальмонт. Для дома купил другой калач, который съели за кофе. Посылка обошлась: 8 р. 80 к. + 1 р. 35 к. за ящик, всего 10 р. 15 копеек. Вечером написал Л.В. письмо № 19.

25 (12) февраля. –12°. Послал Л.В-не письмо № 19, придя в Музей, получил от нее письмо № 23, пишет, что мои 20 р. она получила. К 1 часу от-

правился в Торгсин смотреть иконы, изъятые из закрытых храмов; лучшие все удержаны, а что осталось (340 икон) очень плохие, хранить их не имеет смысла, что я и написал в акте. Пил чай с О.Н. Бубновой, которая угостила меня хлебом с маслом, позвала к себе на новую квартиру, где хочет устроить вечер с научным чтением. Вечером пила чай Надя и Ляля.

26 (13) февраля. –16°. Послал Л.В. телеграмму о письме жены от 21 февраля. В Музее почти все время вешал серебро. Написал Л.В. письмо № 20.

27 (14) февраля. –7°. Утром послал письмо Л.В-не. В Музее был Бубнов, осматривал с директорами выставку; слышал, что остался недоволен малым количеством выставленных предметов; Разумовская сказала мне, что Бубнов, обратившись к ней, закричал: послать вас (вероятно, и Бирзе) всех к черту. Разумовская говорила мне плача. После его отъезда я пошел к обоим директорам – Воробьеву и Соловью – посоветоваться о некоторых предметах, отобранных «Антиквариатом»; оба произвели на меня прекрасное впечатление. Получил от А.А. Сиверса письмо, 10 мая истекает срок его ссылки.

28 (15) февраля. Воскресенье. Докончили опись предметов для «Антиквариата». Собралась первая закупочная комиссия при новых директорах, я пригласил Соловья. Рассказы о вчерашнем посещении Музея Бубновым разнообразные; его отношение к сотрудникам мне понравилось. Температуру утром не разглядел: окно замерзло, в 5 часов дня было –5°. Топил к вечеру печь. К обеду пришла Танюша, сидели до 8 ½ ч.

29 (16) февраля. –3°. Память сестры, царство ей небесное. Встал в 11 ½ ч., ночью упал с кровати; утром чувствовал себя слабым. В 1 ч. пришла Валя. До 5 часов дремал в кресле от слабости. После обеда пришли Л.С., Надя и Ляля, подарили бутылку вина и сдобных булочек. В 7 ½ ч. я ушел спать.

Март 1932 г.

1 марта (17 февраля). –7°. Сегодня чувствую себя крепче. В Музее разбирал коллекцию Черносвитова, окончил Петром I. Получил от Л.В. посылку с куском кирпичного чая и с новым платком для меня, заезжал за нею в почтамт. Придя домой, собрал чистое белье и отправился к Зворыкиным, Надя мне приготовила ванну, после которой мы стали обедать (Л.С., оба сына и Ляля); после обеда сидел недолго, попив чаю, отправился домой, Надюша меня проводила; лег спать около 9 часов. Днем заходил домой неожиданно Вл.С. Гадон, сидел с женой и Лёлей, обещал опять зайти.

2 марта (18 февраля). –5°. День рождения и похорон покойной сестры, царство ей небесное. Почти весь день ценили вещи для «Антиквариата», помогал Ф.Я. Мишуков из Оружейной палаты; наценили на 87 450 р. Из Музея заехал в сберегательную кассу, получил пенсию 200 р.

3 марта (19 февраля). –4°. Занимался на службе текущим делом. Вечером дома топил печь.

4 марта (20 февраля). –5°. Сегодня мой свободный день. В 11-м часу поехал к Танюше, от нее прошел пешком в Музей изящных искусств, где Виктор Никитич Лазарев показал мне костяной триптих с Богоматерью в средине (Одигитрия в рост), на створах свв. Николай и Иоанн Златоуст; происходит с Кавказа, работа XII в., хочет купить за 2000 р. золотом. Домой приехал в на-

чале 3-го часа, попил кофе с хлебом. Слышал, что в Коммунистической академии был пожар в ночь на 1-е марта; следствие показало, что был поджог; сгорела антирелигиозная и марксистская библиотека. Написал А.А. Ильину письмо. Пришел И.М. Булатов, обедал, рассказывал о своих соображениях на основании газетных известий. К 8 часам пошел на собрание домового комитета, расписался и ушел.

5 марта (21 февраля). –10°. Заходил в 2 магазина купить конфект, так как сахара нет, также и конфект не было. Занимался текущим делом. Получил от Л.В. открытку, с открытием навигации переедет или в Каргасак, или в Томск лечиться; на почте пропало ее денег рублей 100, надеется рублей 40 получить.

6 марта (22 февраля). Воскресенье, начало масляницы. Утром за городом было –20° по Реомюру, здесь, вероятно, 17–18°. В газетах прочитал, что некий Иуда Штерн вчера, около 3-х часов дня, стрелял в ехавшего члена германского посольства Твардовского, ранил легко в шею и в кисть левой руки; покушавшийся арестован, Твардовскому сделали перевязку в Кремлевской лечебнице[8]. В Музее начал распределять монеты Екатерины I. Получил от Л.В. письмо. Заходила М.В. Будылина, она получила место в 200 р. в месяц; А.А. Ильин пишет, что Эрмитаж из своих дублетов вышлет несколько редких царских монет. Вечером заходила Танюша, сидела часа 2.

7 марта (23 февраля). –10°. Занимался текущими делами. Ездил в секцию Цекубу возобновить грамоту на площадь. Вернувшись в 4 ½ ч. домой, нашел Лотушку в жару, температура 38,2°. В Музей заходила Ольга Алексеевна Яковлева, дочь профессора А.И. Яковлева, который сослан в Минусинск; она интересуется царевичем Иваном Ивановичем; я дал ей свою заметку о кресте.

8 марта (24 февраля). –8°. Ночью была сильная боль в мочевом пузыре, с трудом мочился. Здоровье Лотушки как будто лучше, но, к 4-м часам, когда я пришел и смерил температуру, было 39,2°; весь день сонливость и боль в левом боку. В Музее разбирал монеты Черносвитова; ушел в 2 ¾. Погода убийственная, метель, намело много снега. Я чувствую недомогание, с трудом привез небольшой мешок картофеля. У М.М. Постниковой заболел в ссылке муж; она сегодня туда уезжает с доктором Постниковым – гомеопатом, братом мужа. В 7-м часу пришел Гальперн, нашел грипп в тяжелой форме, прописал банки, aspirin и проч.; пришла фельдшерица, поставила банки, после которых температура спала, 37,4°. Дай, Господи, ей поправиться.

9 марта (25 февраля). Окно замерзло. Сегодня мой свободный день. –2°. Здоровье Лотушки стало лучше, температура 37,4°. С утра пришла Валя, а днем Надя.

10 марта (26 февраля). Слабость продолжается, остался дома. –2°. Здоровье Лотушки поправляется. Утром заходила Соня Савари, сообщила, что у ее матери грипп. Написал Л.В. письмо № 21. Пришла Танюша, сообщила, что 6-го марта должна состояться свадьба Наташи Зайцевой.

11 марта (27 февраля). Чувствую недомогание, решил остаться еще один день дома. Письмо Л.В-не вчера послал заказным на Курском вокзале. Здоровье Лотушки, по-видимому, улучшается. –10°, резкий ветер. Извещал Н.А. Гринвальд, что сегодня не приду. Весь день сидел у постели жены, она дремала, я читал «Петра I». Была Валечка, но рано ушла.

12 марта (28 февраля). Утром около –15°. Был в Музее, где почти никого, кроме Т.Г. Гольдберг, не было, занялся текущим делом, беседовал с А.Л. Вейнберг, с В.Н. Лебедевым. В 2 ч. ушел, заехал в сберегательную кассу, заплатил за квартиру. Вечером пришли Танюша и П.Н. с Валей.

13 марта (29 февраля). Прощеное воскресенье. –9°. Слышал, что муж М.М. Постниковой умер в ссылке. Видел жену Муралевича, которая не знает причины ареста ее мужа. Обедала Наташа Акопиан. Здоровье Лотушки улучшилось, хотя кашель еще не прошел.

14 (1) марта. –9°. Чистый понедельник. Сегодня мой свободный день. С утра до вечера просидел с Лотушкой; приходила ненадолго Валя. Дочитываю «Петра I».

15 (2) марта. –5°. Сегодня остался дома. Топил печь. Вечером заходила Танюша, пока она сидела, я дремал на кресле у Лотушки.

16 (3) марта. –4°. В Музее ничего не делал, чувствую большую слабость. Получил письмо от Л.В., Н.П. Лихачева с его портретом, от А.П. Новицкого с фотографией с дна горшка с родовым знаком Ψ, найденного в Киеве на горе Дытынки. Ушел из Музея в 2 часа. После обеда, часу в 6-м, у Лотушки был сильный припадок кашля, продолжавшийся более ¼ часа. В Музей по телефону мне звонил Муралевич, только что выпущенный из тюрьмы.

17 (4) марта. –2°. Всю ночь кашлял, решил остаться дома. Целый день дремал в комнате жены, пил бор-бром. Днем приходили Надя и Валя.

18 (5) марта. –5°. Был в Музее; узнал, что М.М. Постникова, вернувшись из поездки, дома серьезно заболела сердечным припадком, была впрыснута камфора. Завтра будет заочное отпевание. Был в Торгсине у Н.В. Власова, видел мусульманина в зеленой чалме. У жены кашель продолжается.

19 (6) марта. Сегодня мой свободный день; встал в 11-м часу, солнце в окне, температура +1° на солнце; слышал, утром было –6°. Вчера знакомая фельдшерица Ел.Ив. Иванова поставила жене 24 банки, после которых отлично спала и чувствует себя лучше. Вчера вечером, когда я уже лег спать, приходил А.В. Гладков, но я сказал, что совсем в кровати, обещал потом прийти. Утром приходил Л.С. Зворыкин и Валя; он уезжает числа 21-го или 22-го в Свердловск.

20 (7) марта. Воскресенье. –6°. Резкий ветер. Заезжал в почтамт, купил конверты, марок. В Музее холодно, сидел в шубе. Был Сосновский, смотрел монеты собрания Черносвитова, показал ему монеты Екатерины I, между ними нашел 2 редкости.

21 (8) марта. Сильно вчера кашлял, сегодня решил остаться дома. –3°. Топил печь. Утром пришла Валечка, после ее ухода пришла Надя с Лялей. Неожиданно из Музея привезли, вероятно, в подарок, с ½ сажени дров; я был растроган таким вниманием. Пришла О.И. Попова навестить меня, сидела часа 2. Пришел В.А. Никольский, за обед не сел, пили все вместе чай. От разговоров я устал.

22 (9) марта. –6°. Остался дома, чувствую слабость, кашляю. Заходила Е.И. Иванова, дала мне принять Доверов порошок. Анна Сергеевна ездила в Музей за картофелем, который привезла, и письмо Л.В. с доверенностью получить деньги из кассы взаимопомощи. Лег днем отдохнуть, часу в 4-м Лёля постучала мне, пришла О.И. Попова и принесла от имени секции научных работников Музея значительный кусок сливочного масла в подарок. Я пот-

рясен до слез; в течение 2-х дней получить такие подарки, как дрова и масло! Господи, благодарю тебя. О.И. осталась обедать, сидела до 7 ½ ч. Заходил Л.С. Зворыкин проститься, завтра уезжает в Свердловск.

23 (10) марта. –5°. Докончил свое письмо к Л.В. № 22, заехал на почту и послал заказным. Зашел в Музей получить по доверенности Л.В. деньги от Якова Николаевича, но его не застал. Видел Марину Михайловну, ее вид меня поразил, впечатление такое, что ей трудно перенести горе, может быть, сын (ему 3 года) поддержит ее. Видел: Соловья, Андреюка, Пономарева, благодарил их за все, что они мне сделали. Уехал домой в 1 ½ ч., застал Валечку; поел картофеля в мундире со сливочным маслом, попил чаю. Видел в Музее Муралевича. Часов в 5 пришла Танюша, за обедом покушала пшенной каши. В 7 ½ ч. ушла. Рассказывала, что на свадьбе Наташи была Лёля Акопиан, уезжающая с труппой в Южную Африку.

24 (11) марта. –3°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Приходила Надя. Перенес из-под стола на буфет книги, лежавшие около 2-х лет; помогал Юра. Вечером пришел А.В. Гладков, продал книг на 68 р., которые отдал.

25 (12) марта. –3°. Предъявил Я.Н. Блинову доверенность Л.В. на получение ее взносов из кассы взаимопомощи, ей приходится 33 р. 61 к. Был Муралевич, сказал, что вчера говорил с Соловьем и уладил все дела: остается в Музее, и ему поручено издание всего сасанидского собрания. Я пошел к Соловью, оказывается, что Муралевич у него вчера не был, а говорил с Крайновым[9]; я пригласил Муралевича к Соловью, который сказал, что на прежних условиях остаться не может, о чем будет вывешен завтра приказ. Ко мне в отдел поступил Евг.Вл. Веймарн[10], будет заниматься русскими монетами. Заходила Воронова, поправилась, хотела приехать к нам. С.Л. Толстой занимается редактированием дневника матери, говорит, что в нем чувствуется большая нервность ее. Мне говорили, что М.С. Грушевский написал о моих родовых знаках отзыв на украинском языке[11].

26 (13) марта. –5°. Получил от Бауера письмо. Л.В. прислала открытку, у них наступили сильные морозы после весенней погоды. Сегодня прочитал приказ в Музее об отчислении Муралевича от должности. Послал Л.В-не по телеграфу 75 р. (33 р. 61 к. из ее взносов, 20 р. Марьи Васильевны Будылиной и 21 р. 31 к. – мои); за пересылку взяли 2 р. 90 к.

27 (14) марта. –4°. Воскресенье. Написал в Эрмитаж письмо о присылке редких монет из дублетов Эрмитажа. Письмо подписано директором Воробьевым. Занимался текущим делом (докончил монеты Екатерины I). Сегодня чувствую слабость, послал Л.В-не открытку об отсылке 75 р. и обещание телеграфировать во время распутицы около 15.IV.

28 (15) марта. –3°. Искал в Музее боны и ассигнации, которые были найдены в отделе социалистического строительства. Разложил монеты Петра II собрания Черносвитова. Было заседание, посвященное структуре Музея. С.Л. Толстой сегодня занимался дневником матери. Обрушился железный навес крыльца флигеля, где я живу, очевидно, под тяжестью снега.

29 (16) марта. 0°. Сегодня мой свободный день. Вчера, когда я лег спать, около 10 ч. вечера пришел Б.Н. Граков, постучался ко мне, но я ответил, что улегся, и он ушел. Топил печь. Написал А.А. Ильину и Н.П. Бауеру. Чувствовал необычайную усталость, дремал, читал «1001 ночь» («История Ямлики, подземной царицы»).

30 (17) марта. –3°. Прочел 1-ю лекцию по нумизматике домонгольского периода. Слушателями были мои 4 сослуживицы – дамы, Е.В. Веймарн и Разумовская. После Музея заезжал к А.А. Сизовой, она больна, но выздоравливает, видел М.И. Сизова. Вечером заходила Танюша.

31 (18) марта. –2°. К 10 ч. отправился из Музея в «Дом боярина», где по назначению от Исторического музея принимал имущество[12]; кроме меня, от Исторического музея были: юрисконсульт и Новицкий; от Оружейной палаты были: Монахтин и Клейн. В 12 ½ ч. ушел в Музей. С 1 ч. до 2 ½ разгружали кладовую, иконы переносили в отдел бытовой иллюстрации.

Апрель 1932 г.

1 апреля (19 марта). 0°. Утром в Музее привил оспу на левой руке. Продолжали разгружать кладовую, в которую переедет военно-исторический отдел. Ездил получать пенсию. Сегодня открыта в Музее столовая, изготовлено обедов на 150 человек, я обедал: картофельный суп с рыбой, 2-е блюдо – жареный судак с картофелем; приготовлено очень вкусно, но стоимость еще не выяснена. В 3 ч. 30 м. началось общее собрание, директор Воробьев сказал прекрасную речь о недостатках Музея в экспозиции, хозяйстве и т.д.; ему делали вопросы, на все отвечал очень хорошо. Впечатление на меня произвел прекрасное.

2 апреля (20 марта). 0°. С 11 до 12 ½ ч. шло заседание у Соловья о плане занятий в 1932 г. Продолжал вчерашнюю разгрузку кладовой. Обед в Музее состоял из горохового супа и жареного мяса с лапшой, приготовлено вкусно.

3 апреля (21 марта). +1°. Воскресенье. Утром Веймарн и я составляли план работ по часам. Обедал, перловый суп и лещ, очень недурно. Разгрузил всю кладовую. Мне прибавили жалованья 100 р. в месяц.

4 апреля (22 марта). +1°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. До 4-х часов сидела Валя. От топки печи очень устал, даже читать не мог.

5 апреля (23 марта). 0°. Память по Л.И., царство ей небесное. Е.В. Веймарн докончил план, который подписал. Занимался монетами. С 1 часу до 3-х было собрание у Соловья, читали свой план: А.П. Смирнов[13], Арциховский. Обед в Музее, по каким-то формальным обстоятельствам, не состоялся! Хорошо, что я, придя домой, поел. Вечером заходила Валечка.

6 апреля (24 марта). +2°. Докончил разбор монет Петра II, принялся за монеты Анны. В 2 часа началось совещание, кончилось в 4 ¼ ч. Обедал в Музее: 1) щи из свежей капусты, 2) котлеты с пшенной кашей. Во время обеда заходил Сережа Орешников.

7 апреля (25 марта). +2°. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Утром в 8 ч. пошел к храму князя Владимира, чтобы справиться о службе, но храм был затворен. В Музее раскладывал монеты Анны. Обедал: 1) рыбный суп и 2) лещ с картофелем. Цена обеду установлена 80 копеек. Заходил Сосновский. Вечером заходила Надюша с Мишей.

8 апреля (26 марта). +2°. Отобрал с Веймарном ящики с монетами для СФА. С 12 до 3 ч. было заседание по вопросу о регистрационных карточках. За всенощной в храме св. Владимира исповедывался у престарелого священ-

ника, присланного вместо о. Федора, сосланного после 3-месячного заключения в Бутырской тюрьме.

9 апреля (27 марта). +2°. К 7 часам прошел в храм св. Владимира, где причастился. Сегодня мой свободный день. Послал заказное письмо № 23. Днем немного дремал в кровати.

10 апреля (28 марта). +1°. Воскресенье. Утром занимался текущим делом, около 11 пришел С.Н. Тройницкий, с ним пошли к П.И. Воробьеву, с которым Тройницкий хорошо знаком, посидев минут 20, отправились в верхний этаж Музея посмотреть, главным образом, неоткрытую выставку «Питания». Расставшись с С.Н.Т., стал разбирать монеты Анны. В 2 ч. пошел обедать, кормили хорошо (рыбный суп и жареный судак с картофелем); заведующий столовой заявил, что завтра, по случаю выходного дня, обеда не будет (?), прибавив, что санитарная комиссия в таком виде столовую не допустит. Около 4 ч. заезжал в распределитель, где для возобновления нужно предъявить пенсионную книжку, которую я не захватил. Заходила Танюша вечером.

11 апреля (29 марта). 0°. Утром был в распределителе для прикрепления, которое отложено по каким-то причинам; потерял около 2-х часов времени. Придя в Музей, Соловей попросил меня съездить за собранием икон в дом № 22 в Жевляковом переулке. Я попросил мне дать 2-х служителей-мужчин и Ан. Мих. из отдела бытовой иллюстрации, куда в 4-м часу поехали. Там меня ждал агент ГПУ, предъявивший опись на 80 слишком икон, составил акт и уехал; я взглянул на десяток крупных икон, видел старые и хорошие, сдал Ан. Мих. и около 6-ти уехал домой. Устал чрезвычайно.

12 апреля (30 марта). +1°. Вчера иконы от Чирикова благополучно доставлены; сегодня я их частично осмотрел; скульптурная «Мадонна» мне очень понравилась. Занимался монетами. Умер историк-большевик Покровский. После обеда съездил к В.А. Никольскому, позвал его и Анну Николаевну завтра к нам. На Москве-реке идет редкий лед; ночью ожидают более сильного ледохода.

13 апреля (31 марта). 0°. Показывал в Музее Н.А-не иконы Чирикова. Занимался текущим делом. Разложил монеты Ивана Антоновича. Вечером пришли: В.А. Никольский с женой и С.Н. Тройницкий; угощали пирогом, винегретом, красным вином и водкой; приятно беседовали. Ушли около 12 часов.

14 (1) апреля. Встал в 10 ½ ч., температура на солнце +16°. День смерти Л.И., царство ей небесное. Сегодня мой свободный день. К 4 часам поехал в распределитель (угол Банковского переулка), где прикрепился.

15 (2) апреля. +5°. Получил от Л.В. два открытых письма и закрытое от 30 марта; телеграфировал ей о здоровье. Были Тройницкий и Никольский, смотрели рельефную «Мадонну», сзади нее клеймо, что это копия, сделанная в Сиенне. Занимался текущими делами. Заходил Ржига, сказал, что к сборнику «Слова о полку Игореве» написано В.И. Невским предисловие; он надеется, что сборник будет напечатан.

16 (3) апреля. +3°. Утром зашел в Музей, послал письма Ильину и Бауеру. Занимался монетами. Сегодня Соловей едет в Петербург, обещал привезти на обратном пути монеты. Топил немного печь. Вечером была М.В. Пичета.

17 (4) апреля. +3°. Воскресенье. Занимался текущим делом. Кончил разбор монет Анны и Ивана Антоновича. Погода в 4-м часу стала дождливая, я долго ждал трамвая, порядочно промок. Вечером шел мокрый снег.

18 (5) апреля. +2°. Утром прочитал в «Правде» фельетон Агорановского[14] «Путевка в Музее», написанный в духе большевиков; ругает Третьяковку и Исторический музей, собственно, Клейна, который устраивает выставку одежды; статья о Клейне, очевидно, внушена фельетонисту Бирзе, которая его преследовала за отсутствие в нем марксизма. Разложил монеты Елизаветы Петровны. Вечером пришли Никольские, позднее Тройницкий с теперешней женой или сожительницей Марианной Элпидифоровной[2*], урожденной Борисовой-Мусатовой; угощали закуской, вином, много говорили, ушли в 11 часов.

19 (6) апреля. +4°. Встал поздно. Сегодня мой свободный день. Написал Н.П. Лихачеву поздравительное письмо с 70-летним днем его рождения.

20 (7) апреля. +3°. Утром зашел в почтамт, послал Н.П. Лихачеву письмо. В 11 ч. пришел в Музей В.Н. Лазарев, отобрал для Музея изящных искусств 20 с лишним предметов византийских, о передаче которых будем иметь суждение в заседании, многих не отдадим. Начал разбирать монеты Елизаветы Петровны. Обедал: суп картофельный и свежий судак. Вечером заходила Танюша.

21 (8) апреля. +1°. Сырая погода. К 11 ч. пошел в Оружейную палату, где пересмотрели 4 ящика с церковным серебром, взятым в начале революции в монастырских церквах; кое-что отложил для Исторического музея, остальное в Оружейную палату и в «Антиквариат». Придя в музей, разбирал монеты Елизаветы Петровны. Обедать не стал, так как на второе блюдо пшенная каша с постным маслом (боялся, что сделается понос). Погода скверная: мокрый снег, сильный ветер, что особенно чувствительно в Кремле.

22 (9) апреля. +2°. Послал Л.В. открытку. Разбирал монеты Елизаветы Петровны, занимался текущим делом. Погода была ясная, но со свежим ветром.

23 (10) апреля. +3°. Лазарева Суббота. Сильная боль в пояснице. В Музее занимался текущим делом: пересчитал иконы, полученные из квартиры Чирикова по распоряжению ГПУ 11 апреля 1932 г., которые записаны в книгу поступлений. Разбирал монеты. Ушел в 2 ½ ч., сильно болела поясница. Обедал: рыбный суп с картофелем и судак с пшенной кашей. Придя домой, съел пшенной каши с клюковной подливкой. Топил печь. Получил от Л.В. письмо от 3 апреля. Идет дождь.

24 (11) апреля. +5°. Лазарево воскресенье. Сегодня мой свободный день. Вчера вечером, по совету жены, принял аспирина, сегодня болей больших в пояснице и паху не чувствую; неужели от аспирина. Исправлял свою статью. Мыл ноги. Вечером заходил А.В. Гладков, заплатил 6 р. долгу.

25 (12) апреля. +5°. Послал Л.В. открытку. Соловей привез из Эрмитажа для Музея 16 монет и 1 медаль. Получил от Л.В. телеграмму, уведомляет, что, возможно, поедет в Томск. Идет небольшой дождь.

26 (13) апреля. +2°. С утра болела поясница, я пошел в Музей, где прочел Разумовской и другим из статьи своей. Пил чай с хлебом, после чего у меня сделалась очень сильная боль в уборной у умывальника, я с трудом дошел до своего кабинета; Соловей просил, чтобы я поехал в такси в сопровождении Евгения Владимировича Веймарна, но я отказался, выждал, когда боль стихла; в 2 ½ ч. на трамвае уехал домой, где принял таблетку аспирина.

[2*] В оригинале ошибочно: Викторовной.

27 (14) апреля. +6°. День был теплый. В Музее разбирал монеты Елизаветы Петровны и Петра III. Занимался текущим делом. Боли не повторялись в такой степени, как вчера, хотя изредка поясница давала себя чувствовать.

28 (15) апреля. +7°. Великий Четверг. В 4 ч. ночи опять была сильная боль в пояснице, немного утихшая к 5 ½ ч. утра, когда я стал одеваться. Из Госфонда в Музей прислан любопытный предмет из желтой меди, названный в описи «Японский ключ из собрания Гавронского», по форме напоминает ласточкин хвост и несколько сходен с 2-мя привесками с родовыми знаками Ярослава, изданными мною в «Классификации». На лицевой стороне рельефом изображены 2 тамги, разделенные чертою, оборот – гладкий. Начал разбирать монеты Екатерины II. Съездил в сберегательную кассу, получил пенсию. Обеда в Музее не было.

29 (16) апреля. +9°. Сегодня мой свободный день. Великая Пятница. Встал в 7 ½ ч. Написал Л.В. письмо, которое в 3 ч. свез на почту и послал ей поздравительную телеграмму. Из почтамта зашел в храм Флора и Лавра, приложился к Плащанице. Идет дождь. Днем была Надя, пекла на нашей плите куличи, так как на газовой плите, по-видимому, печь нельзя.

30 (17) апреля. +11°. Великая Суббота. В 11 ¼ ч. начал топить печь; дрова были принесены из сарая и сложены у двери моей комнаты, а я их перетаскал по 3 полена к печи и затопил; часу во 2-м сделалась сильная боль в пояснице и в правом паху; с трудом дошел до кресла в комнате, топить печь не мог, докончила кухарка. Часу в 4-м Лотушка покормила меня супом и картофелем. Я дошел до кровати, лег с большим трудом и уснул, вероятно, с час. Проснулся, выпил кружку чая, принял 1 табл. аспирина. Сейчас, когда пишу, в 6 ½ ч., боль продолжается, но не такая острая. Жена поставила к пояснице грелку, держал ее не менее часа, боль стала ослабевать, я даже с палкой дошел до комнаты Лотушки. В 9-м часу в мою комнату принесли чай, колбасы и кулич, подаренный Надей, мы, т.е. Лотушка, Лёля и я, закусили. На ночь я принял еще аспирина. Боли стали значительно легче. Лег спать в 10 часов.

Май 1932 г.

1 мая (18 апреля). +7°. Светлое Христово Воскресение. Спал до 8-ми ч. Боли почти прошли. В течение дня приходило много народу с поздравлением, из родных Митя и Миша Зворыкины, Соня Савари с дочкой, дядя Доля, Валечка с Павлом Николаевичем. После обеда пришла Надя, затем Танюша; за Надей пришли А.А. Савари и оба сына и увели домой (пришли гости), с ними ушли Валя с мужем. Танюша сидела до 9 часов. Кроме родных, приходило много знакомых. Весь день чувствовал праздничное пасхальное настроение.

2 мая (19 апреля). +10°. Встал около 8-ми часов. В 10 ч. отправился к литургии в храм Богоявления в Дорогомилове; хор Нестерова уже не поет, его заменил хор от Большого Вознесения, регент Семенов, пели хорошо; в конце литургии из алтаря раздался благовест небольшого колокола, и вышел крестный ход, прошедший внутри; епископы, священники и другие шли, говоря «Христос воскресе», им отвечали: «Воистинно[3*] воскресе». Было очень

[3*] Так в оригинале.

торжественно, у меня слезы лилися. Был молебен с многолетием. В 12 ½ ч. кончилась обедня. Народу было очень много, с трудом сел в трамвай. Часа в 4 пришел Саша Орешников, вскоре Маша внучка с правнучкой Машей. Обедали в моей комнате, но обе Маши не обедали; выпили бутылку (литровую) красного вина; начали у Лотушки пить чай, пришли Сережа и Юзя, сидели недолго, пошли к Наде. Около 7-ми все разошлись.

3 мая (20 апреля). +8°. Занимался текущим делом; разбирал по годам монеты Елизаветы Петровны. Обедал: картофельный суп и миниатюрный кусок мяса. После 3-х прошел по Тверской до Моссовета, посмотрел на лозунги (характер некоторых тревожный, чувствуется боязнь войны), на украшения к 1 Мая, портреты Сталина, Ленина на каждом шагу. Придя домой, нашел Наташу и Нину, которые обедали, посидел с ними часа 1 ½ – 2. Получил от Н.П. Лихачева письмо, как мне жаль Н.П-ча, как жестоко с ним расправились.

4 мая (21 апреля). +12°. Сегодня мой свободный день. Послал Н.П.Л. отчет Академии наук за 1931 г., зашел в цирюльню. Почти весь день читал «Воспоминания» Соллогуба. Обедала Нина внучка.

5 мая (22 апреля). +9°. Выписывал для Соловья цифры из актов за проданное «Антиквариату» и Торгсину серебро и золото (свыше 400 000 р.). Разбирал монеты Елизаветы Петровны.

6 мая (23 апреля). +9°. В Музее занимался текущим делом. В 12 ч. поехал в Музей изящных искусств по приглашению нашего фотографа Александра Владимировича Хлебникова на выставку его снимков во время экспедиции в Азию с А.С. Башкировым, снимки очень хороши; с выставки прошелся по залам Ассирии, Египта; в последней зале давал объяснения, очень интересные, сотрудник музея Живаго[15]. Как интересны собрания! Приехав в Музей, пошел с нашим сотрудником Мутарджи, индусом, в особую кладовую, где показал ему для экспозиции серебряные предметы эпохи Николая II. Вечером заходил К.В. Крашенинников, приятно провел с ним в разговорах часа 1 ½.

7 мая (24 апреля). +9°. Утром в Музее был турецкий министр народного просвещения. Занимался текущим делом. Днем была гроза. Заезжал в распределитель за дополнительным пайком, отказали, необходимо хлопотать через Цекубу. Заходил к А.А. Сизовой, сообщила о смерти духовника Л.В-ны, отца Федора, в тюрьме. В Париже какой-то русский Гугулов[16] ранил в голову президента республики Думера. Обедал: суп и мясо. Купил для Музея у крестьянина Самарской губернии за 75 р. гусли, сделанные самим продавцом, Сапуновым, 30 лет назад; по моей просьбе он сыграл 2 пьесы очень хорошо, звучали гусли отлично. После обеда пришла внучка Аня с Гулей, вскоре Танюша, внучка Нина, пили чай, кофе.

8 мая (25 апреля). +9°. Воскресенье. Президент Французской республики Думер умер от ран в голову, нанесенных русским негодяем. В Музее занимался текущим делом. Обедал, т.е. почти ничего не ел, суп был невкусный (для меня), а мясо состояло из одних жил, пришлось поесть дома. Вечером пришел Б.Н. Граков, много говорили на разные темы, ушел в 10 ½ ч.

9 мая (26 апреля). +13°. Сегодня мой свободный день. Сидел дома, написал Лихачеву, послал ему эстампаж с привески Исторического музея. Часов в 9 ко мне зашел К.В. Крашенинников, занес книжку «Сократ» Жебе-

лева С.А. и сегодняшний номер «Известий» с подробностями о Горгулове, убийце Думера.

10 мая (27 апреля). +11°. Послал Лихачеву заказное письмо. В Музее весь день занимался монетами Екатерины II.

11 мая (28 апреля). +8°. Почти весь день занимался монетами Екатерины II. Погода свежая, но ясная; часов в 6 пришел А.А. Захаров, сидел до 8 ½ ч., говорил без умолку, много злословили.

12 мая (29 апреля). +8°. Занимался текущим делом. Выбрал монеты, чеканенные Екатериной II для Сибири и Молдавии.

13 мая (30 апреля). +10°. Докончил раскладывать монеты Екатерины II. Занимался текущим делом. Н.И. Соболев дал мне прочесть «Гамлета» Шекспира в переводе К.Р. с комментариями. Вечером пришла Танюша, все пили чай в моей комнате.

14 (1) мая. +16°. Встал поздно. Сегодня мой свободный день. Освободил книжный шкап от «Древней и новой России», «Русской старины» и перенес их на книжную полку в свою комнату. Прочитал «Сократ», исследование С.А. Жебелева, потрясен нравственною личностью мудреца, невинно казненного! Какое величие души было у него!

15 (2) мая. +8°. Воскресенье. Занимался текущими делами. Приехал из Тифлиса Сергей Иосифович Макалатия[17], занимающийся грузинскими монетами, в частности, колхидками, я показал ему все из монет, что его интересовало. Сегодня Анюта уехала на месяц в деревню.

16 (3) мая. +9°. Получил от Л.В. письмо от 25 апреля из Колпашева, куда поедет, в Томск или в Каргасак, еще не знает; её новорожденная телка умерла. В Музее занимался текущими делами. Японский премьер-министр ранен в служебном кабинете в висок и в нос.

17 (4) мая. +8°. Раненный японский министр морскими офицерами умер. Был в Оружейной палате, отбирал серебро церковное, реквизированное в храмах; интересного мало. Заходил ко мне В.Ф. Джунковский, просил навести справку об одном из Энгельгартов в 20-х–30-х [гг.] XIX в. Холодный ветер.

18 (5) мая. +6°. Встал в 10 часов; сегодня, по случаю парада физкультурников на Красной площади, Музей закрыт (?!), поэтому мой завтрашний свободный день перенесен на сегодня. Около 6 ч. температура была только +4°. Прочитал «Гамлета» в переводе К.Р. Какое высокое наслаждение получил я, читая это великое [произведение]! Написал Л.В-не 25-е письмо.

19 (6) мая. +6°. Утром ходил в Оружейную палату. Занимался текущими делами. Обедал: суп и баранина с кашей. Заезжал в сберегательную кассу на Покровке, заплатил за квартиру 38 р. 63 к. Получил открытое письмо от Л.В. Вечером заходила Танюша. Мыл ноги.

20 (7) мая. +11°. Получил от Н.П. Лихачева письмо, полное жалоб, что так поступили с его музеем, перевезли его, и т.д. Какие сокровища были у него! Его медлительный характер мешал издавать их. Докончил разбором монет Павла, скоро примусь за составление коллекции. Читал Разумовской и др. о монетах Ярослава.

21 (8) мая. +10°. До моего прихода в Музей кто-то телефонировал, что вчера умер С.В. Прохоров, царство ему небесное. Днем телефонировал о том же В.А. Мамуровский, сегодня его выносят в церковь св. Параскевы Пятницы.

Занимался текущим делом. Уменьшены налоги на пищевые продукты. В 7 часов отправился на Пятницкую в храм Параскевы Пятницы, куда вынесли тело С.В. Прохорова; в храме шла всенощная, народу было много по случаю кануна воскресенья и праздника Николая Чудотворца; у гроба сидела Татьяна Петровна, старшая дочь Александра Сергеевна и знакомые. Я простоял почти всю всенощную, очень устал, простился со всеми и, не дожидаясь панихиды, ушел домой. Он умер вчера в 5 ½ ч. на руках жены, у которой уснул и во сне умер; полгода не вставал с постели, стал очень религиозным. Отпевают его завтра, похоронят на Даниловском кладбище.

22 (9) мая. +12°. Воскресенье и праздник св. Николая Чудотворца. Весь день сидел в Музее в своей комнате, приводил в порядок монеты Елизаветы и Екатерины II.

23 (10) мая. +11°. Почти все время занимался монетами Екатерины II. Заходил П.С. Шереметев, рассказывал о своем житье, говорит, что заработок у него есть; снял избу где-то под Звенигородом. Получил от Л.В. открытку и письмо от Лихачева, довольно странное. В 7 ч. прошла краткая, но довольно сильная гроза с дождем.

24 (11) мая. +10°. Сегодня мой свободный день. Ходил в распределитель на Мясницкую для обмена временного пропуска, отказали до вечера; купить было нечего: все полки магазина пусты. Возвратившись около 1 часа домой, завтракал с Лотушкой, завтрак состоял из куска черного кофе «Здоровье» вприкуску с крохотным куском сахара. Провианта нет, голод чувствуется. Обед состоял из картофельного супа (пюре), одной картошки с солью и кружки чая без сахара, который заменен пирожным из черной муки без малейшего признака сладости; таких отвратительных пирожных купил в каком-то магазине против почтамта по 35 к. за штуку.

25 (12) мая. +10°. Все время продолжал разбирать монеты Екатерины II собрания Черносвитова. После 4-х заехал в распределитель для обмена пропуска, отказали до завтра; купил там ½ кило медовых пряников за 1 р. 17 к. и лапши за 56 к.

26 (13) мая. +11°. Дождь. До 12 ч. разбирал монеты, потом отправился в распределитель, чтобы переменить пропуск, что не удалось за неприездом заведующего, просили завтра прийти. Меня очень все это возмутило. Видел там Е.П. Богословскую. Вернувшись в Музей, продолжил разбор монет. В 3 ч. приехал заместитель директора Петербургского антирелигиозного музея (помещается в Казанском соборе); расспрашивал об «Апостоле» из всепьянейшего собора Петра; все, что знал, рассказал ему. 28 мая приедет директор музея Богораз. Я просил, чтобы он зашел. У меня сделался сильный пароксизм лихорадки, с трудом доехал до дому, разделся, принял аспирина и заснул с час или более, когда проснулся, почувствовал облегчение; поел капусты с картофелем и супу. Зашла Танюша с Гулей, пили у меня чай.

27 (14) мая. +13°. Лихорадка прошла, но решил остаться дома. Часов в 10 снова был пароксизм лихорадки, затем поднялась рвота, после которой я уснул, проснулся около 12-ти, была гроза и дождь. Заходила Надя с внучкой Лялей, посидели у меня с час. Вечером навестила меня Танюша, подарила мармеладу и кусочек сливочного масла; ушла в 7 ½ ч.

28 (15) мая. +6°. С утра чувствую себя хорошо. В Музее занимался текущим делом. Купил серебряную чашку с гладкой поверхностью, найденную в

Новороссийске; на дне чаши клеймо, неизданное у Розенберга, но сходное с клеймами Генуи. Получил через О.И. Попову от Е.П. Богословской письмо с приложением курицы и рису, полученных в распределителе, пишет, что посылает ее мне, так как я имею прав на нее более, нежели она. Меня это очень тронуло. Пароксизма не было, но чувствовал слабость весь день. За обедом съели курицу и рис.

29 (16) мая. +10°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. С утра до 4-х часов отбирал свои издания (корректуры, дефектные экземпляры, таблицы), все это положил на книжные шкапы. К вечеру пришла Танюша с Гулей; всем ее внучкам послал подарки из моих прежних вещей. Лёля второй [день] ходит в учреждение Сварз (Сокольницкий вагоноремонтный завод), жалованья будет получать 115 р. Вечером заходила М.Н. Гусева, потом была Надя.

30 (17) мая. +9°. Вчера поздно вечером у меня был понос, повторившийся сегодня утром; принял капли Иноземцева. Днем понос не повторялся. В Музее занимался текущим делом. Приехал Тан-Богораз, директор Музея истории религии в Петербурге; рассказал ему, что имеем годного для его музея; просил меня завтра сходить с ним в Оружейную палату.

31 (18) мая. +10°. Занимался текущими делами. Окончил раскладку монет Екатерины II и почти всего Павла; на этом пока закончил. Был Владимир Германович Богораз, ходил с ним в Оружейную палату, смотрели знаменитый «Апостол» Петра I – ларец всепьянейшего собора, в Оружейной палате его оставил, сам пошел в Музей, где подготовил ему некоторые скульптуры из дерева, и то холодное оружие, где имеется инкрустированное изображение Богоматери и молитвы по-гречески; вернувшись из Оружейной палаты, Богораз все осмотрел, и мы с ним распростились, он завтра уезжает.

Июнь 1932 г.

1 июня (19 мая). +12°. Составлял с Евг.В. Веймарном предложенный дирекцией всем отделам план 2-х пятилеток (?!). Съездил в сберкассу, где получил пенсию за май. Заходил в распределитель для обмена пропуска, но из-за большой очереди решил не менять сегодня. Заходил П.С. Шереметев, просил похлопотать о могиле Ф.И. Буслаева[18] в Новодевичьем монастыре. Когда возвращался домой, была небольшая гроза. Заходил С.В. Певницкий.

2 июня (20 мая). +11°. Утром был в цирюльне. В Музее занимался текущим делом. Купил за 45 р. 9 рисунков сепией художника Машкова, относящихся к персидской войне 1827 г.; среди них имеется вид заседания в Туркманчае для заключения мира, среди присутствующих русских за столом изображен А.С. Грибоедов. В 4 часа поехал к Е.П. Богословской, но ее не застал, оставил благодарственное письмо; оттуда поехал к сестрам Поповым, обедал у них, приятно беседовали до 7-ми часов, пили чай, вино. До трамвая меня провожала Ольга Ивановна. Погода к вечеру стала свежая, +8°, с ветром.

3 июня (21 мая). +5°. Именины жены, Лёли, память сестры, царство ей небесное. Занимался текущим делом. Принялся с Ев.Вл. Веймарном собирать общую коллекцию русских монет, начав с монет Петра 1700 г. Соединили собрания Зубова, Московского университета, Черносвитова. Дома застал Надю с Лялей, Валю с дочерью и внуком, Наташу Акопиан, Анну Ивановну

Благовещенскую; обедали. К вечеру пришла Танюша. В Музей заходил В.Ф. Джунковский, дал ему «Историю лейб-гвардии Уланского полка», откуда он сделал необходимые выписки.

4 июня (22 мая). +12°. Сегодня мой свободный день. Ночью, часу в 3-м, я был разбужен вытьем нашей старухи-кухарки: оказалось, что воры залезли, вероятно, через фортку, и украли содержимое ее бедного сундука (или корзины), что еще украдено, я еще не знаю. Купил себе сорочку, ботинки; жене купил мыла, Лёле трико. Вечером заходила Надя.

5 июня (23 мая). +12°. Дождь. Воскресенье. Получил от Л.В. два письма: открытое от 6 мая и закрытое от 12 мая. В Музее отбирал монеты Петра I из коллекции Уварова, Булычева, Румянцевского музея и др. Была гроза с сильным дождем.

6 июня (24 мая). +9°. Отбирал петровские монеты 1700 г. Было заседание у Соловья по поводу карточек, перенесения вещей и т.п. Приехал из Баку Е.А. Пахомов, хочет заниматься монетами Азербайджана и Грузии. Получил от Л.В. письмо, была очень больна.

7 июня (25 мая). +12°. Дождь. С 10 до 4-х Е.А. Пахомов занимался восточными монетами; в это время я подбирал из разных коллекций монеты Петра 1700 и 1701 г., есть между ними редкие. Лёля, по моей просьбе, купила для Л.В-ны консервов, печенья, мыла и т.д. 6 дней назад Олег был арестован МУРом и посажен в тюрьму, сегодня его выпустили; какая причина ареста – я понять не мог.

8 июня (26 мая). +7°. Вчера вечером, когда я уже лег спать, у жены была С.Вл. Иванова. Весь день болел желудок. Разобрал монеты 1702 г.

9 июня (27 мая). +10°. Вознесение Господне. Сегодня мой свободный день. Был в распределителе, получил сахару и чаю (24 золотника), долго стоял в очереди. Вернулся домой в 1 ½ ч., застал Надю и Валю, поели картофелю со сливочным маслом, попили кофе. К 6-ти часам пришла Танюша, пообедали.

10 июня (28 мая). +8°. Отбирал для Симферопольского музея вериги, затем для экспозиции в отделе Новицкого западное серебро XVI в. Заходил Сосновский, обещал продать часть моей Пушкинианы. Встретил какую-то даму, которая спросила, не я ли А.В.О., на что я ей ответил, что я тот самый, она сказала, что умерла от крупозного воспаления легких Д.А. Красовская. Записался на новый заем на 300 р. (месячный оклад), вычеты начнутся с декабря. Приехал профессор Винклер из Кёнигсберга, выпускает в октябре том своей «Истории Восточной Европы»; подарил мне жестянку кофе.

11 июня (29 мая). +8°. Утром заходил профессор Винклер и другой ученый (забыл фамилию), занимающийся русской литературой; от меня пошли к Ю.М. Соколову; я подарил Винклеру свой гальванопластический оттиск с медали Лжедимитрия (из Оружейной палаты). Завтра он уезжает на 2 недели на Кубань. Занимался монетами Петра 1704 г. После 4-х зашел в сберкассу заплатить за квартиру 42 р. 80 к. В Музее отравился маргарином начальник охраны; во время обеда была изъята из кухни часть рыбы с запахом. Написал Л.В. письмо № 26.

12 июня (30 мая). +9°. Воскресенье. Небольшой дождь. Послал Л.В-не заказное письмо № 26. Весь день упорно раскладывал монеты Петра 1704 г. В 3 часа пришел в Музей Модзалевский[19], сын пушкиниста, недавно умер-

шего; расспросил его об архиве академиков, который сосредоточивается в Академии наук.

13 июня (31 мая). +9°. Продолжал в Музее разбирать монеты 1704 г. В 2 ½ ч. состоялось заседание у Соловья об освобождении зал. Погода весь день простояла ясная. Утром читал Разумовской и др. свое исследование о монетах домонгольского периода. Около 9 ч. пришел А.В. Сосновский, сидел до 1 ½ ч., закусывали, пили чай, кофе.

14 (1) июня. Сегодня свободный день, встал в 9 ½ ч., температура +18°. Позавтракав картофелем со сливочным маслом, поехал около 1 ч. по **Б** и по № 18 от Серпуховских ворот в Коломенское, куда меня пригласил П.Д. Барановский и его сожительница М.Ю. Глауберман[20]. От Котлов поехал с А.Г. Введенской в экипаже, высланном из Коломенского. Там уже были: Вейнберг, Тамара [Гольдберг (?)] и Анна Александровна Пушкина, внучка А.С. Пушкина. В Коломенском осмотрели храм и удивительные музеи, устроенные и собранные П.Д-чом (честь ему и хвала!). Пил кофе, но ничего не ел (кроме картофеля с подсолнечным маслом и соленых огурцов – ничего не было). В комнату, где мы пили кофе, приходил Цитович со своими добродушно-грубыми шутками. Многое следовало бы огласить, но я не в состоянии писать… В 8 ч. я с А.А. Пушкиной уехали, она села на № 42, я – на 18-й, в 10-м часу был дома, застал Танюшу, съел яйцо, выпил чаю и лег спать. Погода была великолепная.

15 (2) июня. +13°. Продолжал разбирать монеты Петра; 1704 г. кончил, начал 1705 г.

16 (3) июня. +13°. Весь день разбирал монеты Петра 1705-го и 1706-го. Справлялся с таблицей Гиля и с изданием великого князя, удивлялся, сколько бессмысленного труда вложено в эти издания: я имею в виду подбор вариантов, которые ровно ничего не дают для науки. Вечером был сильный дождь и гроза.

17 (4) июня. +14°. Утром пришел профессор Лейпцигского университета и принес письмо из той типографии, где в Берлине печатается «История России» Винклера, Винклер просит дать 2 фотографических снимка с «Апостола» Ивана Федорова. Я с профессором (забыл его имя) [пошел] в Отдел рукописей, где Н.П. Попов дал экземпляр «Апостола» из библиотеки Грозного, принадлежность Грозному определяют переплетом, на котором оттиснут двуглавый орел и имя царя с титулом. Книгу я взял и передал фотографу. Продолжаю разбирать монеты Петра. Заходил Н.В. Власов и рассказал, что принес от Тройницкого из «Антиквариата» перстень с изумрудом, на котором вырезан Петр в орнате и деревянную выточенную чашку руками Петра, оправленную в золото с алмазами и бриллиантами, данную князю Гагарину. После 4-х ч. я зашел в Торгсин и посмотрел вещи, хорошо бы их выменять. В 8 ч. вечера получили домой телеграмму от Л.В-ны, вторичную, просил телеграфировать о здоровье, писем моих не получила. Посылаю ей телеграмму, что все здоровы, писал ей 19 мая и 12 июня.

18 (5) июня. +14°. Послал утром телеграмму Л.В-не. Продолжал отбор монет Петра. Ходил на Большую Никитскую, д. № 9, где торгует знакомая продавщица, от нее узнал, что они имеют мед, который отпускают только знакомым, купил 1 кило за 7 р. 50 к. и жестянку консервов рыбных за 2 р. 40 к. Получил от Л.В. открытку от 29 мая. Вечером пришел К.В. Крашенинников,

затем Сережа и Юзя, все пили чай с медом в моей комнате; Орешниковы ушли в 10 ½ ч., Крашенинников на 1 ч. раньше.

19 (6) июня. +15°. Воскресенье, Троицын день. Мой свободный день. Утром зашел в почтамт, послал Л.В-не письмо жены и мое небольшое. Проехал к Богоявлению в Дорогомилове, в храме было много народу, пел хор Степанова хорошо; молитву Господню и «Верую» пели все молящиеся, вышло очень торжественно. Около 6 часов был небольшой дождь.

20 (7) июня. +15°. Дождь. День рождения жены, ей исполнилось 75 лет. Духов день. Утром зашел в парикмахерскую побриться. В Музее продолжал разбор монет Петра. Получил письма: от Л.В. от 2 июня и 8 июня, от Лихачева и Ильина. Заехал в распределитель, обменял старый пропуск на новый. Дома у новорожденной нашел: Танюшу, Надю, Наташу и Мишу; обед состоял из супа картофельного и картофеля со сливочным маслом. Чай пили без сахару. Скромнее угощения нельзя себе представить.

21 (8) июня. +13°. Утром послал Л.В-не бандероль с книгой Семенова о Западной Сибири. Весь день разбирал монеты Петра 1708 и 1709 г. Вернулась из деревни Анюта, привезла провизии.

22 (9) июня. +14°. Был почти один в моем музейном кабинете, 2 сотрудницы сидели в особой кладовой, остальные – выходные. Продолжал разбирать монеты Петра 1709 г. Был у Н.В. Власова в Торгсине, обещанные ковши еще не пришли из Петербурга.

23 (10) июня. +11°. В 7 ½ ч. отправился в почтамт, где после многих усилий послал Л.В-не посылку, дойдет ли она в целости, не знаю; чтобы отправить ценней, необходимо обшить парусиной; ящик плохой, кое-как приколотила женщина крышку… разруха полная. За отправку взяли 12 р., да ящик 2 р. 45 к. (14 р. 45). Из почтамта послал по телеграфу 40 р. В Музей пришел в 10 ч., очень усталый. Раскладывал монеты Петра 1710 г.

24 (11) июня. +14°. Сегодня мой свободный день. Писал Л.В-не письмо № 27 (о Коломенском и проч.). Днем съездил на Арбат, где купил себе летнюю фуражку за 2 р. 45 к., зашел в Охотный ряд, купил 1 бутылку красного вина. Вечером заходила Танюша, принесла перевод с маленькой статьи профессора Арне на шведском языке, присланный мне.

25 (12) июня. +11°. Утром послал письмо Л.В-не № 27. В Музей явились представители «Антиквариата» Вишневский и Колодный и отбирали серебро. Придя домой, нашел у нас сестру Сашу, которая обедала.

26 (13) июня. +12°. Воскресенье. Продолжал раскладку монет Петра 1711 г. От советского посольства в Японии получено издание по раскопкам на английском и японском языках со многими рисунками, отпечатано прекрасно в Токио. Днем сильно болел желудок. Послал письмо и мою статью «Классификация» профессору Арне. Вечером пришла Надя и Ваня, только что вчера приехавший погостить.

27 (14) июня. +13°. Весь день раскладывал монеты Петра 1711 г. Читаю «Убийство Распутина. Из дневника Пуришкевича».

28 (15) июня. +12°. Ночью был дождь. В подвале Музея вскрывал ящики, большинство были с иконами. Продолжал раскладывать монеты. Заходил Винклер, подарил ветчины. Вечером пришли Надя и Ваня.

29 (16) июня. +15°. Сегодня мой свободный день. Написал Н.П. Лихачеву письмо. Жена в сопровождении Анюты в 4 ч. поехала к Наде, где хотели

ночевать. В 5 часов поехал к Сереже, кроме меня пришли: Свенторжицкий и один из его сослуживцев на новом месте; обед был не по современным ценам на продукты, хорошие вина; в 9 ¾ ч. вечера я был дома.

30 (17) июня. +14°. Зашел на почту, послал заказное письмо Н.П. Лихачеву. В Музее продолжал раскладывать монеты Петра 1712 г. В 3 ч. была гроза и сильный дождь. Заходил Винклер, подарил мне кусок сыра. Доехал в трамвае благополучно, но лишь только вышел на углу Воронцова поля, пошел дождь. Дома нашел записку Нади; пишет, что мама остается до завтра, зовет меня и Лёлю обедать. В 5 ¼ ч. пошел к Наде, нашел Лотушку очень бодрой и довольной. У Нади были Соня Савари с мужем и девочкой. Вскоре пришла Лёля. Сели обедать. После обеда наслаждался игрой Нади и А.А. Савари на рояли увертюры «Игоря» в 4 руки, потом играли Ваня и А. Савари «Ночь на Лысой горе» Мусоргского. Пили чай. В 7 ½ ч. я ушел домой и в начале 9-ти лег спать.

Июль 1932 г.

1 июля (18 июня). +13°. Начал разбирать монеты Петра I 1713 г. В 6 ½ ч. вернулась от Нади Лотушка в сопровождении Вани, внучки Ляли, привезли на такси, за которым ходили на Курский вокзал, оттуда к Наде и к нам, за все 2 р. 10 к. Вечером зашла Танюша.

2 июля (19 июня). +8°. Получил от Л.В. письмо, пишет, что больна: под мышкою опухоль, температура 40°, днем около 38°. Со мною говорила по телефону Екатерина Антоновна, которая собирается навестить Л.В-ну, обещала завтра прийти. Ездил в сберегательную кассу за пенсией.

3 июля (20 июня). +10°. Воскресенье. Утром побрился. Начал распределять монеты Петра 1714 г. Хотел купить электрических лампочек, был в 2-х магазинах, нигде нет. Купил ½ кило земляники за 5 р. 75 к. В 7 часов пришла Екатерина Антоновна, сестра Л.В-ны; сбирается с мужем ехать в Колпашево, где думает пробыть до начала сентября, муж останется только на несколько дней и возвратится в Москву.

4 июля (21 июня). +12°. Сегодня мой свободный день. Съездил за лампочками – безрезультатно. Днем писал о покрытиях на головах князей по Кондакову. Часов в 5 пришел А.А. Захаров, сидел до 7 часов, вел скучные разговоры. В 7 часов поехал к сестре Л.В-ны Екатерине Антоновне, свез ей 1 килограмм печенья и 1 килограмм постного сахара для Л.В. Когда она выедет – не знает, билета не достала. Приехал домой в 9 ½ часа.

5 июля (22 июня). +12°. Получил от Л.В. письмо от 21 июня. Была ревизия выполнения ½ годового плана. Начал разбирать ордена. Заходил С.С. Игнатов. Умер 8 мая А.Н. Харузин[21] в ГПУ, о чем сообщили только вчера, о причине смерти не сказали.

6 июля (23 июня). +14°. Утром из Музея съездил на ½ ч. к Танюше, она простудилась, у ней болит спина, температура 39°; сегодня чувствует себя лучше. В Музее разбирал с Веймарном ордена, которые хотим соединить в одно место; русские ордена выделены.

7 июля (24 июня). +11°. Праздник Иоанна Предтечи – Ивана Купала. Из Петербурга из Русского музея наш индус (Махарджи) привез 12 вещей: цепь

золотую Андрея Первозванного, портрет Зинаиды Юсуповой в рамке, украшенной драгоценными камнями, веер с драгоценными каменьями и всякую мелочь. Торгсин принес веер XVII в. с именем Шаховского, чашку работы Петра I в золотой оправе с алмазами, подаренную Матвею Петровичу Гагарину. Занимался разбором монет Петра 1715 и 1716 г. Погода сегодня свежая и облачная.

8 июля (25 июня). +11°. Ценил в кладовой отобранные для «Антиквариата» вещи. Диктовал Н. А-не опись вещей, привезенных Мухарджи из Русского музея в Петербурге (андреевская цепь, юсуповские безделушки). Разбирал монеты Петра 1715 и 1716 г. Сегодня Надя с Мишей уехала в Свердловск. Придя домой, нашел внучку Машу с 3-мя детьми, пришли проститься: уезжают 10 июля в Рязанскую губернию, пили чай, пришла М.Н. Гусева. Екатерина Антоновна телефонировала, что 10 июля уезжает к Л.В-не; останется до начала сентября.

9 июля (26 июня). +15°. Сегодня мой свободный день. Написал Л.В-не письмо. Утром съездил в почтамт, купил марок, открытых писем, конвертов. Зашел в магазин за электрическими лампочками, нашел только 2 лампы по 40 свечей. Ненадолго заходил Яльмар, привез для Л.В. пачку почтовой бумаги. После обеда в 6 часов поехал к Екатерине Антоновне, встретил меня ее муж Михаил Александрович; посидел у них более часа, вручил для передачи Л.В-не 40 р., письмо, пачку бумаги. Е.А. получила от Л.В. открытку, пишет, что очень страдает от воспаления надкостницы; зубного врача в Колпашеве нет. Вернулся в 9 часов.

10 июля (27 июня). +15°. Воскресенье. Показывал серебряную кладовую Соловью. Искал сасанидские монеты, нашел. Получил от Лихачева письмо. Получил от Л.В. плитку чая. В 6 ½ ч. поехал на Ярославский вокзал, поезд до Томска идет в 7 ч. 55 м.; видел обоих отъезжающих; вагон (жесткий) грязный; приедут в Томск через 4 суток. Провожала падчерица Екатерины Антоновны Галя, девушка 18-ти лет.

11 июля (28 июня). +14°. Днем была гроза и дождь. В Музее все время занимался раскладкой монет Петра 1718 г. Ко мне в отдел заходил В.А. Городцов, которого я не видал более 2-х лет. Посидели более ½ часа, вспоминали старое музейское житье. Сегодня Лотушка в сопровождении Анюты ездила к Адели Шмидт, уехала в 11 ч., вернулась в 8 часов. Такси за оба конца взял 12 р.

12 июля (29 июня). +11°. Праздник свв. апп. Петра и Павла. Все время в Музее разбирал монеты Петра 1718 г.; в 4-м часу пришел Н.В. Власов, смотрел серебро для обмена. После обеда пришла Танюша с Гулей, затем Валя с П.Н. и М.В. Пичета, пили чай, но я ушел, болел желудок.

13 июля (28 июня). +10°. Получил от Л.В. открытку, нарыв на зубе прорвался; деньги 40 р. от меня получила.

14 (1) июля. +13°. Мой сегодня музейский свободный день переношу на завтра. Утром послал Л.В. письмо № 29. В Музее с Власовым отбирали вещи для обмена. Разбирал рубли Петра 1719 года.

15 (2) июля. +15°. Сегодня мой свободный день. Написал Лихачеву письмо, которое опустил в ящик Главного почтамта. Исчезло из продажи туалетное мыло, не мог найти куска.

16 (3) июля. +10°. Начал разбирать монеты Петра 1720 г. С 2-х часов стал с Н.В. Власовым отбирать перстни.

17 (4) июля. +14°. Воскресенье. Ночью шел дождь. В Музее почти кончил разбор монет Петра 1720 г. Заходила Е.П. Богословская, хлопочет об устройстве Н.А. Баклановой, которая в сентябре освобождается от ссылки; ей желательно пристроиться в Новом Иерусалиме у Шнеерсона. Приходил Власов со Свердловым, ценили отобранные вещи; Власов оценил табакерку персидскую в 600 р., а с нею все, что отобрано, 1700 р. Чашку работы Петра в золотой оправе с алмазами оценил в 2000 р. и гребень Шаховского в 100 р.

18 (5) июля. +15°. Утром послал открытку Л.В., разбирал монеты Петра 1721 и 1722 г. Приходил Н.В. Власов, смотрел с ним свободные витрины в подвале, которые Торгсин желает получить на время. К обеду пришел В.Г. Попрыкин, обедал. Погода душная.

19 (6) июля. +15°. Сегодня мой свободный день. В 11 ч. отправился в Зоологический сад. Осмотрел только старый парк; в новый не ходил. Много новых зверей, хороши обезьяны, есть 2 орангутана, 2 или 3 шимпанзе и много мартышек. Хороши крупные хищники, у львицы 4 львенка, довольно взрослых. Слона не смотрел. В 2 ч. был дома, была Валечка, поел винегрета (картофель, свекла, огурцы). В 3 часа пошел дождь, была гроза.

20 (7) июля. +14°. Сегодня в начале 5-го часа утра загорелась в саду наша старая беседка, прибыли пожарные, особенной суматохи не было; когда я пишу эти строки (5 ч.), пожар кончается. Всю ночь болел желудок, 3 раза слабило. В Музее продолжительное время пробыл с Власовым, отбиравшим витрины до октября, но ему отдали только на 2 недели; вышла неприятность. В отделе я совершенно был в одиночестве, кое-что разложил из монет Петра.

21 (8) июля. +15°. Праздник иконы Казанской Божией Матери. Ночью болел желудок, дважды слабило. Днем продолжалась боль. Весь день сидел в одиночестве в отделе, начал разбирать 1724 г.

22 (9) июля. +15°. В Музей заходили: Сосновский и после него Харко. Принялся за 1725 г. монет Петра.

23 (10) июля. +15°. Утром пришел Н.В. Власов, сторговались с ним за чашку работы Петра, принадлежавшую М.П. Гагарину, за 2000 р. (уступил 500 р.), за гребень князя Шаховского 100 р., на эту сумму добрал вещей; Т.Г. Гольдберг сделала опись для протокола, которую я снес в Торгсин для напечатания. Разобрал монеты Петра 1725 г. Вечером были В.А. и А.Н. Никольские, сидели до 10 ½ ч.

24 (11) июля. +14°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день, который я меняю на другой, так как сегодня придется сдавать Торгсину обменянные вещи. Утром небольшой дождь. К 11 ч. в Музей пришел Власов, принес списки, отпечатанные в Торгсине, предметов, отобранные в обмен, исправили ошибки, вещи Власов унес. Я вписал в книгу поступлений чашку, гребень Ф.И. Шаховского, адрианопольскую саблю и кушак, изделия Фр. Масловского в Кракове. Получил от Л.В. письмо от 5 июля, воспаление накостницы у нее прошло. Вечером заходила Танюша, ее малютки поправились; А.А. Полиевктов очень болен, вдобавок к его болезни прибавилось сумасшествие (мания преследования).

25 (12) июля. +15°. В 10 ½ ч. из Музея отправился в Музей изящных искусств, где состоялось заседание по вопросу о передаче всего собрания монет музея в СФА (по-видимому, по интригам Сосновского), председатель заседа-

ния директор Этингоф[22] очень ловко разоблачил Сосновского, указав ему, что та бумага, которая была предъявлена от СФА, и такая же получена Музеем изобразительных искусств, не может быть принята в расчет, и уничтожить нумизматический отдел может только нарком; Сосновский должен был удалиться, как мне показалось, сконфуженный. На заседании был Соловей, с которым я прошелся по всему музею, осмотрели выставку художника Яковлева[23] очень хорошего рисовальщика, по-моему, талантливого художника, но со вкусом не в моем духе. Благодаря внучке Нине купили через нее керосинку за 11 р. 8 к.

26 (13) июля. +15°. Сегодня остался дома вместо 24 июля. Съездил в Музей за жалованьем; зашел в Торгсин, купил не более 2-х кило сахарного песку по 55 к. Написал Л. В-не письмо № 30.

27 (14) июля. +16°. Отправил заказным Л.В. письмо № 30. В Музее отбирал из запасов монеты после Петра, кончая Павлом. Заезжал в почтамт получить посылку от Гезе[24] с курганными предметами скифского типа (глиняная посуда, стрелы, и т.д.), и со свинцовой привесною печатью XI–XII [в.] с русскими именами Михаила и Федора около изображения святых.

28 (15) июля. +15°. Начал разбирать монеты Екатерины I. Получил от Гезе письмо. Лихачев прислал целое послание, полное жалоб; действительно, он всеми покинут. Написал Гезе ответ в открытом письме, предложил вернуть вещи.

29 (16) июля. +15°. Сегодня мой свободный день. С утра до 1 часу приводил в порядок книжный шкап в коридоре. В 2 ч. пришла Аделина Антоновна Карзинкина напомнить, что завтра годовщина смерти мужа; на меня она сделала впечатление помешавшейся. После обеда сходил на Курский вокзал за газетой; процесс Горгулова кончился, присяжные приговорили убийцу к смертной казни; исполнение приговора и его изменение может состояться не ранее конца августа.

30 (17) июля. +14°. Весь день чувствовал боль в желудке, 2 раза слабило. Разбирал монеты Екатерины I 1725 г. С удивлением видел, что главы кремлевских храмов начали приводить в порядок. После обеда пришли Сережа и Юзя Орешниковы, сообщили, что в июле, кажется, 24 числа, умерла Поля, по мужу Жоффрио, в Париже; Сережа посидел до 7 ½ ч., выпили с ним бутылку красного вина.

31 (18) июля. +15°. Воскресенье. Чувствовал весь день боль в животе. Разбирал монеты Екатерины I. Заходила М.В. Будылина, собирается поехать отдохнуть в Крым. Среди дня была сильная гроза с ливнем; вся площадь пред Музеем у Александровского сада была затоплена. Вечером приходила Танюша с Гулей, сидели до 8 ½ ч.

Август 1932 г.

1 августа (19 июля). +13°. Чувствую слабость, боль в желудке. Получил пенсию, разбирал монеты Екатерины I. Придя домой, мыл ноги. Пришел Саша Орешников, пил чай, в 8-м часу ушел.

2 августа (20 июля). +14°. Ильин день. С утра показывал сасанидские монеты Корсунскому; после чая отправился с Незнамовым в Государственный банк, где смотрели 2 митры, перешитые на новую ткань по старой XVII в.;

оттуда пешком прошли в Гохран в Настасьинский переулок, где смотрели серебряную модель Исакиевского собора работы Никольс и Плинке[25] весом 4 ½ пуда. Получил от Л.В. открытку от 18 июля, волнуется, ожидая сестру. Вечером пришли Валечка и Пав. Ник., А.Н. Коболева, пили чай.

3 августа (21 июля). +15°. Утром зашел в почтамт опустить открытку Л.В-не. Часу в 1-м зашел побриться. Распределял монеты Екатерины I 1726 г.

4 августа (22 июля). +15°. Сегодня должен быть мой свободный день, но я пошел на службу, так как Гольдберг три дня не была в Музее, вероятно, по болезни. Сегодня утром умер А.С. Веневский, наш швейцар; на похороны собирали деньги, подписал 3 рубля. Купил в аптеке фе-висмуту, салола и жене лакричный порошок. Занялся немного монетами Екатерины I 1727 г. Весь день чувствовал боль в желудке.

5 августа (23 июля). +15°. Сегодня остаюсь дома, заменяю вчерашний мой свободный день. День рождения Лёли. Утром ходил к Яузским воротам прикрепляться к распределителю, отказали, так как пропущен срок 20 июля. К обеду пришла Танюша с Гулей, часов около 8-ми неожиданно явился Михаил Александрович [Орлов], только сегодня утром приехавший из Колпашева, привез письмо от Л.В., писанное 23 и 24 июля.

6 августа (24 июля). +15°. На службу не пойду, отдохну еще день. Написал Л.В-не письмо № 31, послал заказным; телеграфировал ей о приезде Михаила Александровича.

7 августа (25 июля). +15°. Воскресенье. В моем отделе никого не было; разобрал монеты Екатерины I 1727 г.; начал раскладывать дублеты монет Екатерины I. Обедал И.М. Булатов, после обеда рисовал нам будущее России следующей весною. Время от времени он приходит и рисует картины, которые не сбываются.

8 августа (26 июля). +16°. Разложил дублеты монет Екатерины I 1726 г.; в 12 часов был вызван в Сектор науки, где по предложению Бубнова должен был рассмотреть списки предметов, отобранных «Антиквариатом» из разных музеев, дворцовых и городских, для продажи за границу; на списках я должен был рассмотреть вещи и написать отзыв о них. Я рассмотрел и написал отзыв о наших вещах и затем о наплечнике XIII в. во Владимирском музее и сасанидском сосуде из музея бывшего Ханенко в Киеве; написать отзыв об остальных музеях я отказался.

9 августа (27 июля). +16°. Сегодня мой свободный день. Днем убирал от пыли комнату, смотрел «Kunstschätze Italiens» Lützow'a. К обеду пришла внучка Наташа. Последние три дня стоят необычайно жаркие; жена очень страдает от жары.

10 августа (28 июля). +14°. Весь день не выходил из своего кабинета в Музее, кончил раскладку всех монет Екатерины I и дублетов их. Болел желудок прошлую ночь и весь день. Вечером пришел К.В. Крашенинников, вчера вернувшийся из путешествия на Алтай; рассказал много интересного о природе, но вторично туда бы не желал ехать. Проездил 900 р. (!), голод всюду ощутителен.

11 августа (29 июля). +14°. Начал разбирать монеты Петра II. Все время в Музее страдал болью в животе.

12 августа (30 июля). +13°. Утром долго беседовал с С.В. Бессоновым; главная тема разговора было русское искусство XVI–XVII вв., затем перешли

на политику; он сказал, что правительство очень поправело, как в вопросах науки, так и во многом другом. Дай-то Бог! Разбирал монеты Петра II, после 3-х ходил в оптический магазин, дал починить пенсне.

13 августа (31 июля). +13°. Дождь. Продолжал разбирать монеты Петра II. В 3-м часу прошел сильный дождь с небольшой грозой.

14 (1) августа. +11°. Воскресенье, праздник Нерукотворного образа (первый Спас). Сегодня мой свободный день. Написал А.А. Ильину письмо. Утром ходил в сберегательную кассу заплатить 42 р. 09 к. за квартиру. Зашел в почтамт, к парикмахеру. Из газет узнал, что умер в Коктебеле 11 августа поэт М.А. Волошин. В 2 часа пришел И.М. Булатов, вскоре принялся писать с меня оплечный портрет карандашом, сепией и к сумеркам кончил (от 6 до 7 обедали). Говорят, я похож, но написан портрет бездушно. К обеду пришла Наташа внучка, Танюша с Гулей. Чувствовал себя весь день слабым от боли в желудке.

15 (2) августа. +14°. Пришел некто Бенедиктов, отдавший Чирикову поправить свою икону; в квартире Чирикова ему сказали, что все иконы отданы в Исторический музей; я предложил, с разрешения Соловья, пересмотреть все иконы, среди которых его иконы не оказалось. Хочет заявить в уголовный розыск. Раскладывал дублеты монет Петра II. Заходила М.В. Будылина проститься со мною, завтра едет с П.К. Вощининым в Алушту.

16 (3) августа.[4*] +13°. Кончил убирать дублеты монет Петра II, принялся за монеты Анны. Ушел из Музея в 3 ½ ч. Пообедав дома, в 6 ½ ч. отправился к гомеопату доктору Постникову[5*] (брату умершего мужа Марины Михайловны) с ее письмом, чтобы принял вне очереди; больных было множество, пришлось пождать с час. Доктор меня осмотрел, прописал какие-то капли, которые я от него поехал заказать в гомеопатическую аптеку на Петровку. Я нашел, что он поверхностно расспросил меня, не велел есть жирного, что меня рассмешило, да и он рассмеялся.

17 (4) августа. +12°. Вчера у доктора кто-то украл мой картуз с вешалки, пришлось путешествовать в феске. Утром зашел за заказанным вчера лекарством. Придя в Музей, Марина Михайловна мне вручила картуз, вместо украденного, совсем новый, очевидно, купленный. Начал разбирать монеты Анны, разобрал 1730 и часть 1731 г.; в 3-м часу меня вызвали в Сектор науки, где Веселовский попросил написать мнение о ценах; я написал о фарфоре Зубалова. Получил от Л.В. открытое письмо. К обеду пришла Танюша, сидела недолго.

18 (5) августа. +13°. Продолжал разбирать монеты Анны. Пришлось много беседовать с сотрудницами Музея по вопросу об экспозиции вещей XVI и XVII в. Из Ферганы приехал некто А.И. Степанов, пожелавший со мной познакомиться; я к нему зашел; оказался собирателем доцарских монет, но моей книги не имеет, я ему подарил и дал адрес Сосновского в СФА.

19 (6) августа. +13°. Праздник Преображения Господня. Сегодня мой свободный день. Сходил в почтамт, послал Л.В. письмо № 32. Возвратившись домой, нашел И.М. Булатова; он «отделывал» мой портрет; в то время, как он был занят, я читал ему вслух стихотворения Аполлона Майкова и Толстого.

[4*] Число обведено чернилами.

[5*] Карандашная запись подчеркнута чернилами.

Лёля заявила, что ушла с прежнего места на заводе и поступила в какой-то трест.

20 (7) августа. +12°. Около 11 ч. поехал с Незнамовым в Новодевичий монастырь, где из тех предметов, которые не в экспозиции, а сложены по галереям, отобрал вещи музейного характера, а прочие будут сданы на выплавку, вещи все медные. Вернулся в Музей около 2-х часов. Разобрал монеты Анны 1733 г. Получил в Музее 100 р. авансу.

21 (8) августа. +14°. Воскресенье. Остался дома. Писал добавление к статье о кожаных деньгах. Получил письмо из кредит-бюро (наследственно-претензионного сектора) явиться по делу, представляющему для меня интерес. В 3 ч. отправился, там мне сообщили, что после закрытия Купеческого банка часть паев была увезена в Лондон и до сих пор там находилась, сохранились и мои 3 пая, которые, с разрешения советского правительства, могу получить, за что будет удержано 20%. Я согласился и написал заявление. Дали мне прочесть список сохранившихся пайщиков, между ними нашел имя Анучина и Н.Н. Сапунова. К обеду пришла Танюша с Гулей, в 8 ч. ушли.

22 (9) августа. +14°. Приходил в Музей Бенедиктов, говорил, что видел Чирикова, приехавшего на несколько дней из ссылки, который ему сказал, что икона Бенедиктова в Музее, завтра придет ее искать. Недолго занялся монетами. Вечером зашел А.В. Гладков, дал ему продать «Kunstschätze Italiens».

23 (10) августа. +12°. Утром пришел Бенедиктов с агентом из уголовного розыска; агент подробно расспросил, как принимались иконы и т.п., Бенедиктов опять пересмотрел иконы Чирикова. После их ухода явился Чириков, тоже осмотревший свои иконы и убедившийся, что «Мадонны» XIV в. у нас нет; я расспросил его, когда он был взят, оказывается, 1 ½ года назад, Бенедиктов же явился только теперь. Возможно, что икона исчезла давно. Видел Сосновского в Музее, который мне сказал, что приходивший 18 августа ко мне А.И. Степанов из Ферганы заведовал там отделом ГПУ; здесь он ищет место в Секторе науки. Я выиграл 4 р. по займу.

24 (11) августа. +15°. Утром шел дождь. Сегодня мой свободный день. Весь день сидел дома, написал дополнение в статью о долгее, также о рублетине (измышления Бауера)[26]. Днем был дождь, температура понизилась.

25 (12) августа. +9°. Вчера вечером приехали из Свердловска Леон. Ст., Надя и Миша. Правдин собрал в 1 ч. заседание, где рассуждали о плане на 1933 г. Вечером пришли Л.С., Надя, Миша, Валечка, Таня, ее 2-й муж и Зоря, пили чай.

26 (13) августа. +9°. Сегодня пришлось увидать лиц, которых не ожидал встретить: Вениамина Алексеевича Ермолова, которому отрезало трамваем ногу; вид его очень здоровый, ходит на костылях. Затем пришел ко мне человек, которого давно считал умершим, сын покойного Владимира Ильича Сизова – Всеволод Сизов (Лёдя Сизов); я очень обрадовался, увидав его, он жил где-то на Урале, теперь служит в Москве, получает 250 р., он овдовел, имеет дочь; поговорил с ним ¼ часа. Заходила Аделина Антоновна Джури, хотела домой зайти. В Музее занялся монетами, в 3 ½ ч. ушел, попал под сильный дождь, но успел переждать его дорогой, промочил ноги, придя домой, их вымыл и выпил рюмку водки. В 7 часов пришла Джури с Соней; Джури задала вопросы о словах арабески и гротески, какое из них раньше явилось, etc; я им

из словаря прочел объяснение обеих слов; ушли в 8 ½ часов. Вечером пришла Надя.

27 (14) августа. +7°. Пришла средь обеда внучка Маша с Яльмаром и сообщила, что сегодня утром в 8 часов умер на Канатчиковой даче ее отец А.А. Полиевктов, послезавтра будет кремация. Купил в Музее прекрасный альбом (100 рис.) рисунков с предметов Ярославской старины работы А.А. Великанова за 500 р. Маша и Яльмар обедали, недели через 3 Яльмара отошлют в Осло, где будет учиться. Погода свежая, но ясная.

28 (15) августа. +6°. Воскресенье. Праздник Успения Божией Матери. Потерял с час времени в разговорах с заведующим Музеем раскрепощения женщин (Новодевичий монастырь). Занимался немного текущим делом, т. е. монетами. Вчера получил письмо № 35 от Л.В., грустит, что расстанется с сестрой. Жалованье еще мы не получали за первую половину августа. Выиграл я 4 р., да за билет выдали 10 р., всего 14 р.

29 (16) августа. +14°. Сегодня мой свободный день. Ходил побриться, от парикмахера отправился в Староконюшенный к Гудкову-Белякову, которого не застал: он в Ташкенте, приедет через 2 недели. Дома нашел И.М. Булатова, который доканчивал мой портрет, обедал. Около 7 часов пришла В.Д. Бакланова, дочь Анучина; я ей дал адрес иностранного отдела Красного Креста, куда пойдет на днях.

30 (17) августа. +5°. Утром на короткое время зашел в Музей, оттуда поехал к Танюше, куда пришли Аня с мужем, часов в 10 все (Танюша, внучки Маня с Аней, Н.А. Бруни, трое Кристенсен и Алочка) отправились в храм Николы на Курьих ножках, где было отслужено отпевание по Александре Александровиче. Около 11 все кончилось, я ушел в Музей, дорогой встретил Анну Петровну Дьяченко, сказавшую мне, что ее мужа разбил в начале июня паралич; теперь ему лучше. В Музее меня позвал в свой кабинет Соловей и сказал, что хочет сделать мне льготы, выхлопотать паек и т.п.; инициатива шла от Правдина. Такие заботы обо мне очень меня тронули. Получил от Л.В. письмо.

31 (18) августа. +8°. Утром заходил за пенсне, которое чинилось; зашел в книжный магазин спросить «Слово о полку Игореве» – еще не вышло. Распределил монеты Анны 1740 г., принялся за монеты Ивана Антоновича.

Сентябрь 1932 г.

1 сентября (19 августа). +6°. Послал Л.В. письмо № 33. Было собрание по вопросу об устройстве выставок в Музее к октябрьским торжествам. Начал раскладывать монеты Елизаветы Петровны. Заходил Гудков-Беляков, приехавший из Ташкента, отдал ему печать Гезе, за посудой придет 3 сентября.

2 сентября (20 августа). +8°. Ездил за пенсией. Жалованья за август не выдавали. Раскладывал монеты Елизаветы 1741 и 1742 г. Вечером заходила Танюша, себя она не очень хорошо чувствует. Недели через 2–3 Яльмар уезжает в Осло, получил паспорт из посольства.

3 сентября (21 августа). +6°. Утром в Музей заходил Беляков и взял посуду, присланную Гезе. От Ржиги получил открытку, пишет, что «Слово»

выйдет в 1933 г. Разложил монеты Елизаветы Петровны за 1742 и 1743 г. Написал дополнение к статье «Долгея», прибавил к ней «открытия» Бауера о полтине и тине.

4 сентября (22 августа). +14°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день, ночью раза 3 слабило, очевидно, от арбуза, винограда, которые вчера поел. До самого обеда просматривал текст статьи, внося поправки и дополнения.

5 сентября (23 августа). +12°. Сегодня остаюсь дома; желудок болит. Весь день читал «Анекдоты о Петре» Штелина. Написал письмо Н.П. Лихачеву. Приходила Валечка, завтракала. Уснул часа 1 ½. Днем шел дождь. Обедал брат жены.

6 сентября (24 августа). +5°. Сегодня в Музее «субботник», несмотря на вторник; приводили в порядок коллекции дерева, серебра, негативов и проч. Получил от А.А. Сиверса открытку и другую от Л.В. Заходил к Танюше, ее здоровье лучше; Маша с мальчиками уехала в «Жаворонки» за провизией. В Музей заходил Ф.А. Головин, ищет для А.П. Новицкого планов Серпухова и его кремля.

7 сентября (25 августа). +11°. Утром пришел в Музей проездом из Свердловска в Петербург Н.Б. Бакланов, побеседовали с ним, завтра вечером обещал прийти к нам. Заходил Ф.А. Головин. Продолжал разбирать монеты Елизаветы Петровны, разложил 1746 год.

8 сентября (26 августа). +8°. Пришел Н.Б. Бакланов в Музей, познакомил его с Воробьевым; показал ему уральские угольные марки, отобрал с съемки несколько экземпляров. Занимался монетами, дошел до монет 1750 г. Вечером ждали Н.Б. Бакланова[6*], обещавшего прийти в 7 ч., но пришел в 10-м часу; закусили, выпили, ушел в 11 ½ ч.

9 сентября (27 августа). +11°. Сегодня мой свободный день. Утром пришла Надя, сидела до 12 часов. Ходил на Курский вокзал за газетой. Написал открытку А.А. Сиверсу. Вечером написал общий взгляд на все монетные надписи сребреников.

10 сентября (28 августа). +12°. Разбирал монеты Елизаветы Петровны. Вечером пришли: Л.С., Надя, Наташа, пили чай, я ушел спать в 8 ½ ч. Вчера ночью была гроза.

11 сентября (29 августа). +11°. Воскресенье. Усекновения главы Иоанна Предтечи. В Музей телефонила Екатерина Антоновна, что вчера вернулась из Колпашева. Раскладывал монеты Елизаветы Петровны 1755 г. В 7-м часу поехал к Ек.Ант.; посидел часа 1 ½, много рассказывала об Л.В., которая очень поседела и похудела, но живет хорошо и отлично питается; получил письмо.

12 сентября (30 августа). +11°. В моем отделе, кроме меня, пришла только М.М. Постникова, у остальных выходные дни. Весь день разбирал монеты, дошел до 1757 г. Ушел в 3 ½ ч., только что пришел домой, полил дождь. После обеда пришли Л.С. и Надя.

13 сентября (31 августа). +11°. Кончил разбор монет 1756 г., редкие ливонезы этого года имеются в 2-х сюитах[27]. Весь день болел желудок. После 4-х заехал заплатить в сберегательную кассу 39 р. 48 к. за квартиру. Часу в 4-м шел несколько раз дождь.

[6*] Далее зачеркнуто: не пришел.

14 (1) сентября. +7°. День рождения Веры. Сегодня мой свободный день. Утром заходили Митя и Миша, рассказывали о своих поездках. В 12-м часу отправился в почтамт, послал открытку Л.В., телеграфировал ей, послал 50 р.; заходил к Власову в Торгсин, пригласил оценщика в Музей. Приехал домой в 2 часа, поел, пришла внучка Наташа с приятельницей Н. Филипповой; показывал им мою пушкиниану; ушли в 6-м часу.

15 (2) сентября. +5°. День рождения Нади. Вчера было полное затмение луны, я спал, но жена смотрела. Из газет узнал, что вчера казнен в Париже Горгулов, убийца президента Думера. Утром в Музее было скучнейшее заседание под председательством Правдина. Был в Музее Власов из Торгсина, показывал ему драгоценные камни и некоторые ювелирные предметы, ненужные Музею. Часов в 8 вечера смотрел на прожектор, который освещал небо.

16 (3) сентября. +4°. Чувствую себя плохо: лихорадит, слабило раза 4. Весь день разбирал монеты Елизаветы Петровны, дошел до 1759 г. Вечером принял аспирин. Шел дождь.

17 (4) сентября. +5°. Днем шел дождь. Окончил разбор монет Елизаветы Петровны, остается разобрать монеты, чеканенные при Елизавете в 1759–1762 г. для Пруссии. Получил письма: от Л.В., Н.П. Лихачева и Веймарна. Утром побрился. Вечером пришли Надя с дочерью Соней, были у доктора Гальперна.

18 (5) сентября. +5°. Воскресенье. Разобрал монеты, чеканенные для Пруссии в 1759–1762 гг. Начал разбирать монеты Петра III. К обеду пришли: Танюша и Яльмар, после И.М. Булатов. Яльмар уезжает на родину в Норвегию 22 сентября, если получит билет; я его благословил, придется ли мне еще раз его увидеть?! Ушли в 8-м часу. Весь день я себя чувствовал нехорошо: болел желудок.

19 (6) сентября. +3°. Сегодня мой свободный день. Ночью раза два был понос. Вчера вечером Олег уехал в Башкирию в г. Бирск, где будет служить, вероятно, в театре. Ходил за газетой на вокзал; шел дождь. Написал Л.В. 34-е письмо.

20 (7) сентября. +8°. Послал Л.В. 34-е письмо, получил из Алушты от М.В. Будылиной открытку, скоро приезжает в Москву. Разложил монеты Петра III. Вечером пришли Леон.Ст., Надя и правнучка Лёля; Л.С. сегодня уезжает в Свердловск, обещает вернуться около 1 ноября. Вечером была гроза.

21 (8) сентября. +8°. Праздник Рождества Богородицы. Послал Л.В. открытку, зашел в экспедицию посылок, все правила с воспрещением посылать хлеб и проч. отменены. Отбирал с Тихоном Ивановичем [Сорокиным][28] из Торгсина медные иконы. Заходил Ржига, я его спрашивал, был ли он в редакции «Academia», ответил, что ни разу не был, что меня очень удивило. Разложил монеты Екатерины II 1762–1763 гг.

22 (9) сентября. +6°. Сегодня мой день 77-й рождения. Дождь. Заходил утром в Торгсин. Просмотрел с Ливенсоном[7*] отобранные для Торгсина медные иконы. Распределил монеты Екатерины II 1764 г. Получил от Л.В. поздравительную телеграмму. Получил в подарок 2 большой величины антоновских яблока от Марины Михайловны Постниковой, Е.П. Борисовой и Т.Г. Гольдберг при трогательном письме. Вечером пришла Танюша, сообщила, что Яль-

---

[7*] Возможно, Н.Р. Левинсоном (?).

мар уезжает завтра в Петербург в сопровождении матери, оттуда на пароходе один – в Норвегию. Пришли после П.Н. с Валей, Надюша с Митей; пили чай у жены в комнате. Господи, благодарю тебя за все, что ты сделал мне в мою долгую жизнь; прости мне мои великие прегрешения.

23 (10) сентября. +4°. Заходил утром в Музей Ржига, сообщил такую новость: весь сборник «Слово о полку Игореве» возвращен В.И. Невскому для дополнения, будут прибавлены родословные таблицы князей, упоминаемых в «Слове». Написана (автор ее Шамбинаго) статья о грамматических и орфографических особенностях в «Слове», например, будет объяснено, почему написано пълку, а не полку, и т.д. Всё это ради просвещения красной профессуры, которой все эти вопросы чужды! Съездил еще раз проститься с Яльмаром, расцеловал его, благословил; встретился с В.Ф. Джунковским, который тоже заходил проститься с Яльмаром. Уезжает с матерью в 10 ч. вечера в Петербург, где завтра он будет устроен на норвежский пароход, который завтра, а, может быть, послезавтра, отплывает в Норвегию. В Музее разбирал монеты Екатерины II 1765 г. К обеду пришел И.М. Булатов, после обеда явились: сестра Булатова с дочерью, после – Надя с Ниной со всеми ее детьми и Наташа; вскоре все ушли, ко мне в комнату пришла Наташа, с которой я побеседовал с полчаса.

24 (11) сентября. +4°. Сегодня мой свободный день. Утром сходил за газетой на Курский вокзал. Написал Лихачеву письмо. Писал о статье Бауера с объяснениями долгеи, рубля и полтины.

25 (12) сентября. +8°. Воскресенье. День смерти отца, царство ему небесное. Послал Лихачеву заказное письмо. Более 2-х часов ценил 112 медных икон и крестов для Торгсина.

26 (13) сентября. +8°. Получил от Вальдгауера письмо, пишет, что в Музей приедет профессор Лейцман заниматься византийскими рукописями и т.д. Распределял монеты 1765 г. Был в Кремле, зашел с Клейном в комендатуру, где получил новый пропуск; зашел в Оружейную палату, посмотрел гальвонопластические копии с блюд. Главы соборов большевики промыли и выбелили стены.

27 (14) сентября. +11°. Воздвиженье Креста Господня. Проверял списки медных икон для Торгсина. Занимался текущим делом. Вечером пришли: К.В. Крашенинников, Надя с Соней и ее девочкой, внучка Маша с Алешей, Маша проводила Яльмара до Петербурга, откуда он в ночь на 25 сентября отплыл на норвежском пароходе, в свой город он приедет числа 30 сентября. Пришел А.В. Гладков, рассчитался со мной за книгу «Kunstschätze Italiens». Написал Л.В. открытку.

28 (15) сентября. +8°. Заходил в почтамт справиться, отчего не получен перевод в 50 р., ответил, повремените дня 3–4, получите. В Музее предъявлял фининспектору Тройницкому отобранные для Торгсина медные образа; после отбирал с Тихоном Ивановичем мелкие образа для Торгсина. Говорил с Екатериной Антоновной по телефону, обещала прийти к нам 8 октября. Вечером был у меня Николай Васильевич Гудков-Беляков, показывал мне интересные приобретения (он коллекционер): великолепный крест-складень, превосходные змеевики, все южных находок, несколько русских привесных печатей XI–XII вв., есть с неизданным родовым знаком; сидел часа 2. Глав-

ное его собрание – это гербы на печатях, которых до 600 штук, имеет также грамоты.

29 (16) сентября. +6°. Сегодня мой свободный день. Написал Л.В. 35-е письмо, послал его с Курского вокзала. Переделывал местами статью о Бауере.

30 (17) сентября. +8°. День именин Нади и Веры. В Музее продолжал раскладывать монеты Екатерины II 1767 г. Ходил к Н.П. Попову в отдел рукописей, справлялся у него о значении *expensae eitis* (= издержки тяжбы), по его мнению – это выражение юридическое. Ремонтируют комнату жены, красят стены, потолок, часть потолка, т. е. штукатурки, обрушилась, к счастью, никого не поранило.

Октябрь 1932 г.

1 октября (18 сентября). +5°. Сдал в Торгсин медные иконы. Ездил получить пенсию. Раскладывал монеты Екатерины II 1768 г. Получил от Музея картофелю и свеклы. Утром у жены была схватка в сердце, которая меня очень обеспокоила, давал ей валериановых капель. Когда приехал со службы, ей, слава Богу, стало лучше. Ремонт кончился в комнате жены. Утром был сильный туман, в 9 часов рассеялся.

2 октября (19 сентября). +10°. Воскресенье. В Музее занимался текущим делом; нашел в одном из монетных шкафов целый ряд уваровских монет, пропущенных мною; долго с ними провозился, дополняя пустые места. Заходила Магдалина Ивановна Тегер, приезжала из Петербурга на 3 дня; ее муж (Тегер), сосланный в Ташкент, подает в ГПУ просьбу об отпуске его за границу как заграничного подданного вместе с женою, но М.Ив. мне сказала, что за границей с ним жить не будет, в России, по-видимому, согласна. Получил от Л.В. закрытое и открытое письма (от 17 и 14 сентября).

3 октября (20 сентября). +9°. Занимался текущими делами. Отбирал с Тихоном Ивановичем Сорокиным для Торгсина иконы. Воробьев пригласил меня к себе в кабинет и объявил, что к 15-летию советской власти дирекция Музея представляет меня к званию заслуженного деятеля науки, прибавив к этому несколько лестных слов по моему адресу. К обеду пришла Танюша с Алешей, а вечером М.Н. Гусева, пили чай в моей комнате.

4 октября (21 сентября). +5°. Сегодня мой свободный день. Зашел на почту, послал открытку Л.В. Побрился в парикмахерской. Остальное время дня редактировал статью о долгее.

5 октября (22 сентября). +3°. Температура весь день не поднималась, шел мокрый снег, град; к счастью, я не попал под дождь, так как был без зонта. Пришлось много походить по Музею: был в отделе икон, отложил из отобранных Торгсином наиболее интересные для Музея. Был в подвале, смотрел иконы из церкви Юсуповых, очень плохие. П.Д. Барановский показывал снимки с часового механизма 1539 г., работы русского мастера; находится на Севере, пришлется в Музей. Также показал снимки с замечательных деревянных построек, из них одна башня пришлется в Музей (в с. Коломенское). Какой энергичный и знающий человек П.Д. Барановский! Сколько спас он старины! Хвала ему!

6 октября (23 сентября). +3°. Холодная с сильным ветром погода. Раскладывал монеты 1771 г. Были боли в мочевом пузыре. Написал Веймарну письмо в Севастополь.

7 октября (24 сентября). +3°. Раскладывал монеты Екатерины II 1771 г. Беседовал с многочисленными посетителями. Наталья Аполлинарьевна Бакланова возвращается в Москву, остановится у Е.П. Богословской. Благодаря Музею, я приписан чрез В.Д. Безобразова (нашего юрисконсульта) в распределитель, куда поехал к 6-ти часам; с трудом добился входа, так как пропусков еще не выдавали, купил там: 1 ½ кило сливочного масла за 15 р., 500 граммов сосисок за 6 р. 10 к. Магазин на вид великолепный. Наших музейских приписано 7 человек.

8 октября (25 сентября). +2°. От Л.В. получил телеграмму: через неделю ей разрешено выехать в Томск. Наш юрисконсульт сказал, что закрытый распределитель, где я вчера был, не разрешил нас приписать к нему. Получил от А.Н. Зографа письмо, у него родился 30 августа (по старому стилю) сын Александр; прислал мне земляничного листа и свою статью «Zur antiken Münztechnik». Продолжал разбирать монеты Екатерины II. В 8-м часу пришли: М.А.[29] и Екатерина Антоновна, приятно провели вечер в разговорах, пили чай, закусили, выпили вина; ушли в 10 ¼ часа.

9 октября (26 сентября). В 8 ч. температура была 0°, в 10 ч. на солнце +15°. Воскресенье. Сегодня мой свободный день. Написал письмо А.Н. Зографу. Перед обедом пришла Танюша, обедала с нами, сидела до 8 ч.; письма от Яльмара еще нет. Память по Иване Егоровиче Забелине.

10 октября (27 сентября). +2°. Утром выпил ½ стакана земляничного листа; после приема весь день болел желудок. Послал письмо Зографу. Разбирал монеты 1773 г. От О.И. Поповой слышал, что у Н.Б. Бакланова умерла дочь 17-ти лет.

11 октября (28 сентября). –1°. Нижний Новгород переименован в Горький в честь Максима Горького (?!). В Музее нашел целую кучу неразобранных монет, главным образом, серебряных, начиная с Анны, кончая Павлом; все разобрал, между ними нашел медную в 2 гроша 1762 г., не описанную в издании Георгия Михайловича. Получил от Л.В. письмо от 26 сентября, деньги мои еще не пришли.

12 октября (29 сентября). +3°. Разложил монеты 1773 г. Просмотрел всю находку серебряных рублей, главная масса никуда не годных. Вчера удалены из партии 22 коммуниста, в числе их Каменев, Зиновьев[30]. Заходил Ржига, видел кого-то из редакции «Academia», где ему сказали, что к январю рисунки художником будут заготовлены. Снимки с памятников (рукописи и т.п.), кажется, не все сняты. В редакции ему сказали, что показывали (вероятно, рукописи) М. Горькому, который в восторге (отчего? – не знаю).

13 октября (30 сентября). +3°. В Музее разобрал и разложил более половины найденных серебряных монет; интересных не встретил.

14 (1) октября. +5°. Праздник Покрова Богородицы. Сегодня мой свободный день. Топил немного печь, поработал над статьей, которой думаю дать заглавие «Долгея» (критическая заметка). Съездил на почту, купил за 2 р. 75 к. ящик для посылки. Была Танюша с письмами от Яльмара; в 3-х письмах он прекрасно описывает в форме дневника свое путешествие по морю; благодаря качке, он страдал морской болезнью, питание на пароходе было превос-

ходное (он был единственный пассажир), ел вместе с капитаном, с которым говорил по-немецки. Описал берега Швеции, Дании; встретила в норвежской гавани мать Эрика, у которого будет жить. Описал то местечко, где живет Эрик с женой (которая больна и лежит в больнице); все его описания сопровождаются рисунками, очень недурно исполненными.

15 (2) октября. +6°. Купил кресло за 200 р., бокал и стакан стеклянные за 35 р. Ходил с Клейном на Тверскую, д. 26; смотрели отобранные Клейном платки, шали, облачения, вышивки и т.п. Получил от Л.В. открытку от 1 октября. Вечером кончил статью «Долгея», сократив все резкости.

16 (3) октября. +5°. Воскресенье. Разбирал в Музее монеты. Из «Антиквариата» приходил Колодный, Воробьев велел ему по распоряжению правительства выдать портфель Наполеона I с картою России и с зубом (так!) Наполеона; я посмотрел на зуб, очень белой кости. П.И. Воробьев позвал меня завтра на заседание по вопросу о выдаче «Антиквариату» вещей для продажи.

17 (4) октября. +5°. Утром, часов в 10, пришел С.Н. Тройницкий в Музей, часов в 12, попив чаю и позавтракав хлебом, мы отправились в кладовую, где он отобрал 5 золотых табакерок и несессер; потом смотрели серебро, но он ничего не взял для «Антиквариата». Из здешнего «Антиквариата» пришел Ф.Ф. Вишневский, которому по распоряжению Наркомпроса отдал портфель Наполеона I. Получил от В.А. Никольского письмо из Эссентуков, где он отдыхает с женой. Успел немного распределить монеты Екатерины 1764 г. Вчера вечером было большое крушение около станции Люблино: столкнулись 2 пассажирских поезда, много убитых. В 7 часов пришел С.Н. Тройницкий, сидел 3 часа; угостили его пирожками, сыром, кофе, выпил (один) бутылку водки; рассказал интересное о положении музейных собраний.

18 (5) октября. +10°. Праздник Московских чудотворцев, день моего Ангела. Встал в 7 ½ часов. Написал А.А. Ильину письмо. В Музей пришел в 10 ½ ч., вскоре явился С.Н. Тройницкий, ходили с ним в отдел металла, где он кое-что отметил. После чая пришел из Торгсина Т.И. [Сорокин] ценить иконы, отобранные им. Когда пришел в свой кабинет, то с трудом стал разбирать монеты – так я себя слабо чувствовал. Дома я нашел Надюшу, ее дочь Наташу и внучку Лёлю, но они недолго сидели, так как Надя спешила ехать в концерт, посвященный произведениям Рахманинова. Пришла Танюша, сели обедать, пришли Валя и Пав.Ник.; Анюта поднесла мне винограду, которым я угощал гостей. Танюша с Машей и Алешей уехали в 8 часов, а я ушел спать. Маша подарила мне рубашку.

19 (6) октября. +5°. Сегодня мой свободный день. Начал переписывать свою статью, но пришла О.И. Попова, сидевшая с 3-х до 7 ½ ч., обедала у нас. Приходила Таня Качурина с сожителем и с Зорей, принесли граммофон, которым нас потешали, заставляя слушать Шопена, Листа, Чайковского и т.д. Как меня утомляют все эти визиты!

20 (7) октября. +5°. Утром поехал с Анютой за провизией, указал ей некоторые магазины. В Музее занялся раскладкой монет 1774 г. Днем ходил в Торгсин к директору попросить, не может ли дать метров 100 красной материи для декоративных целей; он мне сказал, что можно получить только в Моссовете. Заходил С.Н. Тройницкий. Топил печь. Умерла мать Б.Н. Гракова.

21 (8) октября. +3°. День смерти матери моей, царство ей небесное. Написал внучке Лёле в Париж открытку. Отпустил Торгсину 50 икон на 1300 р. Сходил к парикмахеру побриться. Был у Танюши, приехала из Орла Ек.Ал. Бальмонт, побеседовал с ней. Подготовил монеты 1775 г. Сильная боль в левой руке. Сегодня правнучке Маше исполнилось 15 лет.

22 (9) октября. +5°. Дождь. Утром текущие дела (описал клад рязанских монет для иностранных корреспондентов и др.). Говорил с П.И. Воробьевым о делах. Купил провианта. Распределил монеты 1775 г. Через Марину Михайловну Постникову купил 1 кило мяса (очень хорошего) за 14 р.

23 (10) октября. +2°. Воскресенье. В Музее занимался текущим делом, разобрал 1776 и 1777 гг. монет. Ходил за провиантом. Заходил ко мне Репников, рассказывал о раскопках в Херсонесе около монастырской купальни, найдена византийская церковь с мозаичным полом. К обеду пришел И.М. Булатов, ушедший затем с Лёлей. Часов в 8 пришел С.Н. Тройницкий, за ним Валериан Вадимович Величко[31], доктор, который меня тщательно осмотрел, выслушал, сердце нашел довольно хорошим; прощупал живот и проч., назначил диету (не есть острого и соленого), прописал капли. Человек он очень симпатичный. Часу в 10-м пришли Сосновский с женой, а перед ними Надя и Ляля; в комнате жены закусывали, пили вино, чай. В 12-м часу ушел доктор, прочие в 1 час.

24 (11) октября. +5°. Сегодня мой свободный день. Ночью меня раза 3 слабило. Вчера Екатерина Антоновна мне говорила по телефону, что Л.В. прислала на ее имя посылку с рыбой, среди которой одна стерлядь была для нас; сегодня я отправился к ней и получил. Л.В. пишет ей, что по телеграмме Винавера[32] ей разрешили ехать в Томск лечиться, там она надеется остаться всю зиму; корову продала за 500 р., из них 300 р. пошло пайщикам, а 200 р. ей; чувствует себя плохо; о дне выезда из Колпашева не упоминает. За обедом Лотушка и я поели стерляди, мясо прекрасное, но очень пересолено.

25 (12) октября. +7°. Хотел пройти в кремлевскую аптеку, чтобы получить глицерину для Лотушки (в остальных аптеках его нет) и заказать лекарства, прописанные В.В. Величко, но, чтобы получить из кремлевской аптеки что-нибудь, нужно прикрепиться (кажется, так?) к Кремлю. Пошел в Никольскую аптеку, где заказал по 2-м рецептам для себя лекарства. В Музее занимался текущими делами, разложил монеты 1778 и 1779 гг.

26 (13) октября. +5°. Отпустил золотые и серебряные вещи в Торгсин, принимал Т.И. Сорокин. Разбирал монеты 1779 и 1780 гг. Весь день чувствовал слабость, так что с трудом ходил и еле мог подниматься на стул перед монетным шкафом. Мне предлагают квартиру в Музее, но в какой части Музея, еще не решено; мне крайне тяжело туда переезжать, даже если будет хорошая комната. Идя вечером в уборную, был остановлен жилицею Ан. Балашовой (ее дверь против уборной), которая вручила мне икону Спасителя с просьбою благословить ее сына, который сегодня венчается; Сеня встал на колени, поцеловал образ, мою руку, я его в губы; вся церемония продолжалась одну минуту.

27 (14) октября. 0°. Получил открытку от Л.В. из Томска, где она еще не устроилась. В Музее занимался текущим делом. Отпускал «Антиквариату» отобранное серебро. Весь день чувствовал себя неважно: болел живот, знобило.

28 (15) октября. +6°. Весь день чувствовал нездоровье: знобило, бросало в жар, болел живот. Разложил монеты Екатерины II 1785 г. Ушел из Музея в 3 часа. Из газет узнал, что знаменитая картина Иванова «Явление Христа народу» и все этюды перенесены из здания бывшего Румянцевского музея в Третьяковку. К обеду пришел И.М. Булатов.

29 (16) октября. +6°. Сегодня мой свободный день. Вчера вечером жена поставила мне на живот компресс. Целый день занимался статьею; докончил письмо Л.В-не. Днем приходила Валечка с внуком Зорей, и позднее пришла ее дочь Таня.

30 (17) октября. +6°. Воскресенье. Разбирал монеты. Был Сосновский с торговцем монет из Берлина Шлезингером[33], показывал им монеты черноморских колоний. Получил письмо Л.В. из Томска; она, бедная моя, еще не устроилась, нет ни комнаты, ни службы (живет временно у кого-то). Весь день чувствовал слабость. Вечером пришли: С.В. Иванова, Надя с Лялей, сидели у жены; ко мне заходил В.В. Сизов (сын Владимира Ильича), сидел недолго. Придя со службы, топил печь.

31 (18) октября. +4°. Послал открытку Л.В-не. Начал устраивать выставку образцов монетных знаков домонгольского периода. Занимался разбором монет Екатерины.

Ноябрь 1932 г.

1 ноября (19 октября). +4°, дождливый день. Веймарн вернулся из отпуска. Подобрали все образцы разменных знаков домонгольского периода. Получил пенсию. Раскладывал монеты 1787 г.

2 ноября (20 октября). +3°. Только что пришел в Музей, как Соловей заявил, что Агол[34], заведующий в Наркомпросе, вызывает на заседание по вопросу о серебре и фарфоре, отобранных «Антиквариатом»; поехали: Соловей, Муромцева и я; на заседании были Агол, Вольтер и нас трое; кое-что из отобранного отстояли. Вернулся в Музей во 2-м часу. Разбирал монеты 1787 г. Погода холодная и дождливая, я очень озяб. Вечером заходила Танюша, читала письма Яльмара.

3 ноября (21 октября). –1°. Заехал утром в почтамт, послал Л.В. письмо Яльмара и при нем мою записку; купил ящик меньшего размера для посылки Л.В-не. В Музее были текущие дела, раскладывал монеты Екатерины II 1788 г.

4 ноября (22 октября). –1°. Праздник Казанской Божией Матери. Сегодня мой свободный день. Всю ночь страдал мочевым пузырем, каждый час был позыв. Дополнил большую мою статью вставкой о долгее в сокращенном виде. Вечером жена помазала левое плечо бремферроном, суррогатом йода.

5 ноября (23 октября). +1°. Выставка, которую я готовил в Музее к 15-летию советской власти, готова, называется она «Денежные знаки в домонгольский период». Раскладывал монеты 1788 г. В 4 ½ ч. состоялось общее собрание, на котором Цитович кратко изложил укрепление советской власти; за ним говорил П.И. Воробьев; в цифрах он рассказал, насколько увеличилась добыча материалов сравнительно с 1913 г., насколько повысилась грамотность с 1913 г., и т.д. Заключительные слова П.И-ча были: «Война неизбежна,

так как капиталистический мир будет бороться с социалистическим». Как бы я желал знать истину в этих цифрах. Затем были провозглашены имена 45-ти человек, удостоенных премирования, в числе их был я. После провозглашения П.И. Воробьев добавил, что дирекция Исторического музея вошла с ходатайством перед правительством о присвоении мне заслуженного деятеля науки. Заседание кончилось в 6 часов, в 7 часов назначен музыкальный вечер с приглашенными артистами; я, конечно, уехал домой. Шел мокрый снег.

6 ноября (24 октября). +3°. Воскресенье. Был в Музее, разложил недостающие надписи около монетных[8*], и кладов, и чеканных монет, написанные Веймарном. В 1-м часу ушел из Музея, запечатав на 2 дня мою комнату. Прошелся по Тверской, интересного в украшенных фасадах домов мало, все очень грубо. Придя домой, закусил и вымыл ноги. После обеда пришла М.В. Пичета, пила с Лотушкой в моей комнате чай. Часу в 9-м пришел А.В. Гладков, заплатил 45 р. за проданные книги.

7 ноября (25 октября). +5°. Сегодня большевики празднуют 15-тилетие их власти; занятий в Музее не будет ни сегодня, ни завтра. Сидел дома, написал письмо Н.П. Лихачеву. Возвратившиеся к 4-м часам с парада говорили, что народу было значительно меньше, чем обычно; криков «ура» на Красной площади не было слышно. В 7 ½ ч. приехала М.В. Будылина и П.К. Вощинин, недавно вернувшиеся из Крыма, сидели до 10 ч., оживленно беседовали. Жена напекла пирожков с рисом.

8 ноября (26 октября). +3°. Всю ночь страдал болью в животе. Никуда не ходил. Написал письмо А.А. Ильину.

9 ноября (27 октября). +3°. Сегодня мой свободный день. Всю ночь болел живот. В 10 ч. отправился с Анютой в почтамт послать ящик со съедобным Л.В-не в Томск; в отделении посылок так было много народу, что решили отправить из отделения на Покровке, беспорядок там страшный, дойдет ли в целости посылка – не знаю; обошлась: 8 р. 40 к., да за ящик 1 р. 85 к. = 10 р. 25 к.

10 ноября (28 октября). 0°. Утром послал Л.В. письмо № 37. В Музее с утра до 3-го часа отбирал иконы в окладах, отобрано 60 икон. Вечером заходила Танюша, рассказала, что Маша получила письмо от Веры из Парижа, которое прочитала, содержания в письме никакого нет. Пришла Вера Максимилиановна Гайдамович, принесла картину, вышитую шелком, – портрет архиепископа 1806 г., который хотела продать, я назначил 50 р., цена показалась низкой, и она ее унесла. Вчера и сегодня просвечивал плечи синим светом.

11 ноября (29 октября). +1°. В Музее текущие дела. Осматривал выставку костюмов, устроенную Клейном; внешний вид выставки неважный, очень все тесно, но отдельные экспонаты интересны; любопытен опашень царевны Софьи, платье Екатерины II, русское платье бархатное, вышитое золотом, времен Николая II (принадлежало, кажется, дочери князя Щербатова Н.С.). Смотрел в окно процессию с гробом жены Сталина, умершей неожиданно от гнойного аппендицита[35]. Начал раскладывать монеты 1790 г.

12 ноября (30 октября). +2°. Утром зашел в парикмахерскую побриться. Шел мокрый снег. Весь день было пасмурно, пришлось заниматься монетами при электричестве. Разложил монеты 1791 г. Обедал И.М. Булатов.

[8*] Так в оригинале.

13 ноября (31 октября). –4°. Воскресенье. Купил в Музее пару медных подсвечников стиля empires, обтянутых бисерной вышивкой, за 50 р. Раскладывал монеты 1792 и 1793 г. В 3 ½ ч. назначены выборы месткома в Музее, но я не остался: список 16-ти человек я подал вчера. Обедала Нина с младшим сыном, во время обеда пришла Надюша с Аркашей, сыном Нины.

14 (1) ноября. 0°. Сегодня мой свободный день. Заплатил за квартиру в сберегательную кассу. Зашел в Музей, дал справку домоуправления о количестве лиц на моем иждивении. Был у «Мюра и Мерилиза», хотел купить мелких блюдечек, не оказалось, также чашек и пр., в отделе посуды ничего нет. Дома застал Валечку, вид у нее болезненный. Бедное мое дитя! Как мне ее жаль. Позднее пришла Таня Качурина с Зорей. К обеду пришел И.М. Булатов, Надюша; после обеда И.М. забавлял всех гаданием на картах про Л.В-ну, Лёлю Акопиан, про жену Сталина; про нее слух ходит, что она застрелилась, но карты сказали, что умерла своей смертью.

15 (2) ноября. 0°. Весь день чувствовал себя в Музее скверно, болел живот, раза 3 слабило. Разложил монеты 1793 и 1794 гг. В Музее не топят, уборные закрыты, воды нет.

16 (3) ноября. +1°. Ночью 3 раза был понос и боли в мочевом пузыре. Плечо сильно болит. Весь день в Музее была сутолока, отпускал серебро «Антиквариату», затем текущие дела. Распределил монеты 1774 и 1775 г. Большое неудобство с отхожими местами в Музее, которые испорчены, приходится ходить далеко при моем больном желудке. К вечеру топил печь. Надя прислала синюю лампу с рефлектором, жена мне просвечивала левое плечо, чувствовал облегчение.

17 (4) ноября. –3°. Утром просвечивал синим огнем левое плечо и руку. В отделе сегодня были только я и Марина Михайловна; Н.А. [Гринвальд] больна, Гольдберг в Сочи, у Веймарна свободный день. Начал раскладывать последний год Екатерины II – 1796 г. Получил от Яльмара письмо. К обеду пришла Танюша, обедала с нами, вечером перешли ко мне, пили кофе. Заходила Надя. Просвечивал левую руку синим светом.

18 (5) ноября. –4°. Около 5 ч. утра встал, просвечивал синим светом всю левую руку. Разложил в Музее монеты 1796 г. Во время обеда пришли Сережа и Юзя. В 8-м часу приехали: Екатерина Антоновна с мужем, вскоре Г.А. Ряжский и неожиданно чета Никольских; в моей комнате стало так тесно, что Сережа и Юзя ушли к Наде. Угощали гостей пирожками, сыром, вином; все порядком выпили, ушли около 12 ч. Всю ночь страдал поносом и болью в желудке.

19 (6) ноября. –6°. Встал в 12 ч., просвечивал руку, которая продолжает болеть. Сегодня именины сестры. Сегодня мой свободный день. Весь день читал и лежал; боль в руке продолжается.

20 (7) ноября. –5°. Воскресенье. Зашел в почтамт, опустил открытое письмо Л.В-не. Кончил раскладку монет последнего года Екатерины II. В 2 ч. был в комиссии по продаже ковров; Клейн очень нервничал.

21 (8) ноября. –5°. Окно замерзло. Раскладывал монеты Павла I 1796 и 1797 г. Ходил в отдел бытовой иллюстрации, осматривал портреты нашего собрания; между прочими хороши портреты Серова князя Голицына и В.А. Бахрушина. Анюта к вечеру истопила печь.

22 (9) ноября. –1°. Весь день провел в Музее в одиночестве: у сослуживцев – у кого выходные дни, у других болезнь, у третьих отпуск. Разобрал мо-

неты Павла I 1796 и 1797. Ушел из Музея в 3 ½ часа. Рука продолжает болеть, желудок не в порядке.

23 (10) ноября. +1°. Весь почти день раскладывал монеты Павла I 1798 г. Подал отчет на авансовые деньги (из 100 р. истратил на покупки 57 р., 43 р. возвратил).

24 (11) ноября. +1°. Сегодня мой свободный день. Дождь. В первом часу заходила Надя, Соня опять заболела, хотят завтра положить в Клиники. Во 2-м часу поехал к В.А. Никольскому, поднес ему бутылку красного вина, поздравил его со днем Ангела; выпил стакан чая, поел брынзы, крабов, и ушел. На Смоленском рынке в трикотажном отделе купил себе фуфайку. Погода сырая, временами идет дождь.

25 (12) ноября. +1°. Ночью 4 раза был понос. Ночью выпал небольшой снег. Получил от Л.В. закрытое письмо от 15/XI и 2 открытки от 8 и 17.XI. Денег она от меня еще не получила. В Музее сдавал в Госфонд золотые, серебряные предметы (хлам). Раскладывал монеты 1798 г. Погода убийственная.

26 (13) ноября. –2°. Выпало за ночь немного снега. Утром заехал в почтамт, подал заявление о недоставке 50 р. Л.В-не, посланных 4 сентября. Занимался текущим делом, раскладывал монеты Павла 1799 г. Посидел на заседании 2-го сектора. С трудом добрался до дому, от Красных ворот шел до дому пешком. Все время в Музее болел живот.

27 (14) ноября. –3°. Воскресенье. С утра до 1 ½ ценил в Музее 70 икон, отобранных для «Антиквариата»; остальное время занимался монетами: разложил последний год царствования Павла, придется приняться за описание их в инвентаре.

28 (15) ноября. –2°. На службу не пошел, хочу отдохнуть. Ночью раза 4 был понос. Топил печь. Написал Л. В-не письмо № 38. Спал от 4-х до 6 час.

29 (16) ноября. +1°. Сегодня мой свободный день. В 7 ½ ч. у жены сделался сильный сердечный припадок; из санатория «Высокие горы» приходила женщина-врач, пришла Е.К. Иванова, впустила 2 кубика камфары, Лотушке после камфары стало немного лучше. Послал с Курского вокзала письмо № 38. В 3 ½ ч. пришел доктор Гальперн, нашел у жены воспаление с правой стороны; во время его визита Лотушке стало значительно лучше. За визит он ничего не взял, как я его ни просил, что повторяется уже 2-й раз. Надюша, Валя и Лёля весь день сидели около мамы. В 8-м часу пришла Танюша, Аня родила девочку дня 3 назад, о чем она нам дважды писала, но открытки не дошли.

30 (17) ноября. +1°. Жена спала ночь спокойно, чувствует себя гораздо лучше, температура около 8 ч. была 36,9°. В 9 часов поехал с Ваней (внук нашей работницы) в Музей за картофелем, но картофеля не получил: дочь Е.Н. Тарабьевой, у которой хранится картофель, ушла куда-то. Разложил монеты Павла 1801 года и ушел в 1 ч. из Музея. Зашел в парикмахерскую, где постригся и побрился. Дома застал Надюшу и Валечку около мамы, которой гораздо лучше. Поел картофеля в мундире со сливочным маслом. Вечером пришла Танюша, обедала в моей комнате, так как в комнате жены фельдшерица ставила на спину банки.

Декабрь 1932 г.

1 декабря (18 ноября). +2°. Всю ночь страдал желудком. Отобрал в Музее серебряные копеечки Петра, их очень много. Получил пенсию. Ушел из Музея в 3 часа. Послал с Курского вокзала Л.В. письмо № 39.

2 декабря (19 ноября). –1° Ночью несколько раз был понос. В 12-м часу в Музей пришел из СФА Сосновский, привез списки золотых монет, отправляемых в Америку, которые я подписал как эксперт. Просматривал для своей статьи Печерский патерик. Приехал домой, нашел Лотушку бодрой, около нее сидела Наташа Акопиан.

3 декабря (20 ноября). +1°. Понос ночью был 3 раза. Вчера, когда я уже лег спать, заходил Гальперн, нашел положение жены хорошим. Начал в Музее разбирать серебряные копеечки старой системы. Выиграл 4 р.; выигрыш выдали в сберегательной кассе и 10 р. за облигацию, всего 14 р. Дома нашел Надюшу, которая вскоре ушла, пришла Танюша, вчера перевезли Аню из родильного приюта на квартиру Танюши.

4 декабря (21 ноября). +1°. Воскресенье. Праздник Введения во храм пресвятой Богородицы. Ночью несколько раз был понос. В 11 часов топил печь. У Лотушки сидели мать Рихтера, после нее сам Рихтер. В 2 часа пришла Валечка, взявшая ванну у Нади, вслед за нею пришли Таня Качурина с Зорей. Кончив топить печь, в 3 ч. лег и спал около 2 ½–3 часов. К обеду Лотушка встала с постели, бодро с нами сидела и покушала супа с мясными фрикадельками и гречневой каши.

5 декабря (22 ноября). +1°. Вчера вечером я лег спать в 8 ½ ч. и крепко заснул; в 9 ½ ч. был разбужен стуком в дверь, на мой оклик был ответ: доктор Величко; я открыл дверь, пустил его, он сказал, что вчера ему звонили по телефону, просили приехать к моей жене в 9 ½ ч., у нее диабет; я ему ответил, что не звонил, и не знаю номер его телефона; кто так глупо пошутил – понять не могу, и он тоже не знает. Мы с ним побеседовали о Тройницком, сказав, что пьет он потому, что у него сахарная болезнь, и если прекратит, то может умереть; показал мне серебряный перстень XVI в. с изображением лебедя, найденный в земле на Татарской улице. Мы дружелюбно расстались. Получил от С.А. Жебелева письмо о монете царя Ака, о котором я писал. Заходил академик В.Н. Перетц, он работает в рукописном отделе. Разобрал копеечки Петра I старого образца.

6 декабря (23 ноября). –1°. Хотел в Музее начать описывать монеты Петра I, но, кажется, придется их переложить в другой шкап. Спрашивал академика Перетца о слове «тин», он говорит, что он не словесник и рекомендовал спросить Ильинского[36]. Здоровье Лотушки, слава Богу, крепнет; второй раз она с нами сидела за обедом. Вечером заходила внучка Нина.

7 декабря (24 ноября). +1°. Выпало немного снега. Смотрел монеты Петра самых первых годов XVIII столетия. Обедал следующее: жареные пирожки с капустой и частью с морковью, суп, винегрет.

8 декабря (25 ноября). 0°. Начал расширять монеты Петра I в шкапу, они были слишком тесно уложены. Заходил Ф.А. Головин, занимается материалами по украинской архитектуре.

9 декабря (26 ноября). 0°. Всю ночь болел мочевым пузырем, с вечера принял салолу и уротропин, моча сильно выделялась с болью, утром стало

легче. Сегодня мой свободный день. Здоровье Лотушки сегодня покрепче, она встала, я пил с нею чай в ее комнате; обедала также с нами. Топил печь. Написал С.А. Жебелеву письмо. Выпало снегу.

10 декабря (27 ноября). –2°. Понос у меня продолжается. Из Музея отправился к Танюше, но ее не застал, посидел минут 15 с Аней и Машей, взглянул на новорожденную Дарью. Из Художественного театра получил 8 билетов на репетицию «Мертвых душ»[37]. В Музее ничего не делал. К обеду пришла Танюша.

11 декабря (28 ноября). –3°. Воскресенье. Утром зашел в Исторический музей, откуда в 11 ½ ч. отправился в Художественный театр, где встретился с Лёлей. Билеты прислал вчера Вася Сахновский. Обстановочная часть очень хороша, но исполнение неодинаково; очень хорош был Москвин в роли Ноздрева, большая роль Чичикова – Топоркова проведена неровно, но были хорошие места. Плюшкин – Леонидов мне не понравился; Тарханов – Собакевич играл недурно; Манилов – Кедров очень шаржировал; все женские роли, особенно Зуевой – Коробочки исполнены плохо. Бал у губернатора, ужин у него были очень хороши. Спектакль кончился около 5 ч.; публика была отборная, лиц советского типа я не заметил.

12 декабря (29 ноября). 0°. К вечеру стало –5°. Начал перекладывать разобранные монеты, начиная с Петра. Получил от Л.В. открытку; нашла занятия, но очень неудобные в смысле платы и расстояния.

13 декабря (30 ноября). –5°, в 5 ч. температура –1°. Впервые надел шубу. Все время в Музее передвигал с помощью Веймарна монеты. Восстановлены дипломатические сношения СССР с Китаем.

14 (1) декабря. +4°. Сегодня мой свободный день. Топил печь. Лотушка встала, здоровье ее несколько окрепло. Днем отдохнул с час. К обеду пришел И.М. Булатов, сидел у меня до 7 ½ часа.

15 (2) декабря. –5°. Перекладывал все время монеты. Был из Музея изящных искусств Лазарев, отбирал для музея византийские древности.

16 (3) декабря. –2°. Получил грустное письмо от Л.В.: у нее заболел глаз болезнью «глиукома», доктор считает эту болезнь серьезною. Мне телефонировали из Музея изящных искусств, что вчера умер В.К. Трутовский, царство ему небесное. В Музее продолжал заниматься монетами. Вечером зашла Танюша, сказала, что Верочка из Парижа высылает на мое имя 200 франков, которые равны 14 р. 90 к. торгсиновых рублей. Весь день болел у меня живот.

17 (4) декабря. 0°. Всю ночь болел живот, несколько раз был понос. Вечером вчера к Валечке заходила Анюта, нашла ее несколько окрепшей, стала ходить по комнате: может кушать только печенье и сливочное масло. Отправился в Музей с сильною болью в животе; занялся монетами, но сильные боли заставили в 1 час уехать домой. Лотушка поставила мне на живот гуттаперчевый пузырь с горячею водой. Сейчас 5 часов, боли не прекращаются; съел тарелку мясного бульона. В Музее выдали мне жалованья за 2-ю половину ноября.

18 (5) декабря. +1°. Воскресенье. Боли в животе ночью были слабее. На службу решил не идти. Написал Л.В-не 40-е письмо. Читал Апулея. Днем сидела Надюша.

19 (6) декабря. +1°. Николин день. Ночью был 4 раза понос. Вечером, когда я лег спать, пришел К.В. Крашенинников, сидел с Лотушкой. Послал

40-е письмо. Зашел к парикмахеру, побрился. Был в Музее, видел обоих директоров, разрешили мне двухнедельный отпуск с 1-го по 15 января. Уехал домой около 1 часа. Живот болел несколько раз. С.А. Жебелев пишет, что хочет спросить Jean Babelon[38] в Париже о статере Ака.

20 (7) декабря. +1°. С вечера были боли в животе, к утру значительно ослабли. Остался дома. Топил печь. Написал Яльмару письмо. Приходила Надюша, у меня сидела. Написал Величко записку, которую отвезла Зинаида Алексеевна, с просьбою приехать между 6 и 9 ч.; ждал его до 10 ч. 15 м., он не приехал, и я лег спать.

21 (8) декабря. +2°. Живот болел ночью, решил остаться дома. Читал Апулея. Спал часа 2 или более. Ел за обедом смоленскую кашу и кисель из клюквы. Несколько раз были спазмы в животе. Доктор не приезжал.

22 (9) декабря. +2°. Вчера вечером, когда я лег спать, пришел А.В. Сосновский со списками монет для посылки за границу для моей подписи; пока он сидел с Е.Д., украли калоши А.В-ча от моей двери. Днем стало подмораживать. Приходил Сергиевский из Музея изящных искусств по вопросу об отобрании византийских предметов, говорили при П.И. Воробьеве, я сказал, что не уступлю отобранных 8 предметов. Подписал 40 актов для СФА.

23 (10) декабря. –1°. Утром купил провизии. В Музее переложил одну планшетку монет Елизаветы 1756 г. Пил чай, в 1 час уехал домой. Дома позавтракали (Лотушка, Лёля, Зинаида Алексеевна и я) в моей комнате. Читал «Ночь под Рождество» Гоголя. К обеду пришла внучка Наташа.

24 (11) декабря. –1°. Сегодня весь христианский западный мир празднует канун Рождества Христова. Мой свободный день. В 1 ч. приехали Екатерина Антоновна с мужем; она получила от Л.В-ны телеграмму: «Высылай деньги»; для чего – подробностей не сообщает. Вскоре пришли Валечка и П.Н.; все сели завтракать в комнате Лотушки. Пришла Ю.С. Шатова. В 4-м часу Орловы ушли, также Шатова. Часов в 6 пришли Никольские, много говорили, пили чай, ушли в 9-м часу.

25 (12) декабря. –1°. Воскресенье. Утром проехал к Танюше, которая очень ослабела и не могла прийти всю неделю; у Тани Аня с детьми. Посидел с ½ часа. В Музее занялся монетами. Соловей просил, чтобы я приходил позже и уходил не позднее 3-х часов. Маша-внучка получила для меня из посольства почтовой бумаги 500 листов. Дома застал Надюшу, Е.К. Иванову. Поел винегрету, стали обедать, приехала внучка Маша, привезла присланные боны от Верочки из Парижа 15 р. 16 к. за 200 франков, 1 рубль (боной) я дал Маше.

26 (13) декабря. 0°. Занимался раскладкой монет, дошел до Екатерины I. В Музей приезжал нарком Бубнов; осматривал залы с экспозицией; как я слышал, он сделал несколько дельных замечаний; к нему я не выходил, меня стесняют мои худые брюки. Придя домой, стал топить печь. Обедал И.М. Булатов.

27 (14) декабря. +1°. Занимался текущим делом. По распоряжению Бубнова передаем спорные вещи «Антиквариату».

28 (15) декабря. +1°. Кажется, первый раз в жизни такая продолжительная теплая бесснежная зима, большие реки до сих пор не замерзли. Написал в Музее заявление об отпуске с 1 по 15 января, директор разрешил с компенсацией. Занялся раскладкой монет. Получил от Л.В. письмо от 10 декабря.

В Музее была Н.А. Бакланова, выпущенная из ссылки. Перед обедом пришла Танюша, сидела до 7 ½ ч.; она чувствует себя слабою.

29 (16) декабря. +1°. Мой свободный день. Написал Миннзу открытку и письмо 41-е Людмиле Вячеславовне.

30 (17) декабря. +1°. Утром послал из почтамта Л.В-не письмо № 41. Перекладывал монеты Петра I. Встретил на улице Дживелегова[39], сотрудника «Русских ведомостей», сообщил кое-что о Зайцевых, Осоргине. Дома застал Надю и Валечку с мужем. Надя ушла, Сапуновы остались обедать.

31 (18) декабря. +1°. Последний день страшного года наступил. Господи, пошли нам силу и покой в наступающем! Прости нам великие прегрешения. Утром зашел в Торгсин в Гуме (в Рядах) и на подарок Зайцевых купил кусок сыру (1 р. 7 к.). В Музее получил хлебные карточки, разложил часть монет; в 1 ч. поехал к Танюше; вся ее огромная семья, кроме Насти, была в сборе; пришла Е.А. Бальмонт. 27 декабря у Насти вырезали аппендикс, она поправляется; сели обедать, я съел тарелку картофельного супа с грибами. От Яльмара Маша получила письмо по-норвежски; как быстро он усвоил язык. Около 2-х я уехал домой и с Лотушкой поел сыру, запивая чаем; после еды лег и уснул около часа. Обедал с Лотушкой в моей комнате, в ее комнате пекли пирожки для встречи у Лёли с ее знакомыми Нового года. В 10-м часу я лег спать.

1933 год

Январь 1933 г.

1 января (19 декабря). –3°. Всю ночь болел живот, был несколько раз понос, и вдобавок болела кисть правой руки. Воскресенье. Прогрел кисть правой руки синим светом, стало легче. На встрече Нового года было много знакомых Лёли, но было тихо. Встал в 10-м часу. В 1-м часу хотел позавтракать, явился Сережа Орешников, затем Б.Н. Граков, почти до 4-х проговорили и ушли. Вечером пришла внучка Наташа.

2 января (20 декабря). 0°. Утром получил пенсию. Был в парикмахерской, побрился и постригся; на Верочкин подарок купил немного провизии. Дома застал Валечку, пришла Таня Качурина с Зорей. Топил печь. К обеду пришла Танюша, обедала с нами, чай пила у меня в комнате.

3 января (21 декабря). –1°. В 10 ч. поехал в Музей, где получил письмо Яльмара (ответ на мое), открытку Л.В., уведомляет, что сидит без денег, и уведомление, что посланные 14 сентября 50 р. не найдены. В Музее многие уволены, в числе их Клейн, Н.П. Попов и др. В 2 ч. уехал домой; Соловей велел выдать жалованье за 2-ю половину декабря; спросил, есть ли у меня дрова, сказал, что мало, обещал прислать. Дома нашел Сережу Орешникова, принес ножницы. Вечером написал открытки: Л.В., А.А. Ильину и Н.П. Лихачеву.

4 января (22 декабря). –2°. Утром послал по телеграфу 110 р. Л. В-не. К обеду пришла Наташа-внучка, обедала в моей комнате и сидела весь вечер.

5 января (23 декабря). –3°. Ночью был понос 3 раза, но без болей. Мыл ноги, стриг на них ногти. Кое-что дополнил в статье (о Гертруде и Ярополке-Петре). Отдыхал, читал Светония «Жизнь 12-ти цезарей».

6 января (24 декабря). –5°. Рождественский сочельник. Ночью несколько раз слабило, были боли в животе. Написал Л. В-не открытку. Топил печь. Лотушка жалуется на боли в сердце, лежала в постели до 1 часу. В 2 ½ ч. заходил на ¼ ч. М.А. Орлов (муж Екатерины Антоновны), сообщил, что получено письмо Л. В-ны, жалуется на безденежье; я ему сообщил, что послал в Томск 110 р. Часа в 4 заходил Карлуша Шмидт, посидел у меня с ½ часа, потом пошел к Лотушке пить чай, а я уснул. Наташа-внучка принесла «Дневник В.К. Кюхельбекера»; начал его читать.

7 января (25 декабря). –5°. Рождество Христово. Ночью несколько раз страдал желудком. Встал в 8 часов. Читал дневник Кюхельбекера. В 1-м часу пришли ко мне: Валечка и Ел.Кап. Иванова; рассказывали, что на площади Земляного вала вывешены плакаты о готовящейся войне с призывом защищать советскую власть. Из Москвы будет выселено будто бы 700 000

человек. Заходила Надюша. Пришла Валечка, после – Танюша; все сидели за обедом, выпили бутылку красного вина; была также Наташа-внучка, но спешила уйти к матери, чтобы поспеть ехать в Художественный театр на «Мертвые души». Приходила Аделина Антоновна Карзинкина, сидела у Лотушки, я ее не видел.

8 января (26 декабря). –5°. Воскресенье. Несколько раз ночью был понос, утром принял салол и висмут. В 11 часов отправился в Наркомпрос, где в комнате 129 познакомился с заведующим отделом отправки золота за границу Благовым (кажется, так); он обещал после 12 января известить меня, когда явиться получить деньги за экспертизу. Читал дневник Кюхельбекера; он производит грустное впечатление, так как писан в заключении, где бесед с людьми вести не приходилось (читаю 62-ю страницу). Поправил кое-что в тексте статьи. Вечером пришел К.В. Крашенинников, пил у меня в комнате чай, с нами сидела Лотушка, угощал нас рахат-лукумом; ушел около 9 часов.

9 января (27 декабря). –5°. Провел беспокойную ночь, много раз вставал за нуждой. До завтрака лежал с 1 час. Читал дневник Кюхельбекера, корректировал статью; Лотушка подшивала постельное белье.

10 января (28 декабря). –6°. Сегодняшнюю ночь провел спокойнее, много спал. В 11 ч. поехал в Музей, где нашел 3 грустных письма Л. В-ны. Сегодня отпевали и хоронили Евгения Николаевича Ефимова из библиотеки, умер, по-видимому, разрывом сердца после разговора сначала с Цитовичем, а на другой день с Воробьевым; прекрасный был человек. Из своих сослуживцев видел всех, кроме М.М. Постниковой, которая на похоронах у деда, отца ее матери. Придя домой, поел хлеба с маслом, в 3 ч. начал топить печь. В Музее был поражен таким совпадением фактов: Л.И. Пономарев купил, кажется, за 200 р. подлинную рукопись дневника Кюхельбекера, который читаю в печатном виде.

11 января (29 декабря). –6°. Просмотрел длинную речь Сталина; в своих выводах он говорит: «Несмотря на недостатки и ошибки, наличие которых никто у нас не отрицает, мы добились таких серьезных успехов, которые вызывают восхищение в рабочем классе всего мира...». Ночь спал недурно, понос был раза три. Днем спал часа 2. Читал дневник Кюхельбекера, корректировал статью. Приходила Валечка и няня, служившая у детей Нади. Обедал с Лотушкой у себя в комнате.

12 января (30 декабря). –7°. Спал хорошо. Написал Л.В. открытку. Корректировал статью. Читал Кюхельбекера. К обеду пришла внучка Наташа. После обеда пришла Танюша, пила с нами кофе; позднее пришел В.Е. Попрыкин; все ушли в 8 ¼ ч.

13 января (31 декабря). –7°. Последний [день] тяжелого года. Господи, спаси нас и сохрани! Провел беспокойную ночь, болел живот, много раз вставал. В 11 ч. поехал на почтамт, где опустил открытку Л. В-не и, кстати, навел справку о не полученных ею 50 р., посланных 14 сентября, там сказали, что если предъявлю расписку, то управляющий, вероятно, выдаст 50 р.; попытаюсь завтра получить. Корректировал статью. Немного лежал, дремал. Я предложил жене встретить Новый год, но не в 12 ч., а между 8 и 9 ч.; она согласилась; я вскрыл банку с консервом бычьего языка (был очень вкусный), откупорил белого кахетинского вина, позвали Анюту, затем пришла Лёля (она

была у Нади), и в этом обществе выпили по ½ стакана вина, закусив языком, вспомянули всех отсутствующих: детей, Л.В-ну, и я распростился. Лёля куда-то сбирается ехать встречать Новый год вскладчину. Господи, помоги нам, избавь нас от страшного зла.

14 (1) января 1933 г. –8°. Топил печь, кончил около 4-х ч. После топки почувствовал большую слабость, лежал с 1 час, рядом сидела Лотушка. Заходила Таня Качурина с Зорей, который мне показывал свою коллекцию почтовых марок. Лёля, как безработная, беспокоится, как бы ее не выслали из Москвы по новым правилам.

15 (2) января. –6°. Воскресенье. Ночь провел спокойнее. В 11 ч. отправился в сберегательную кассу, заплатил за квартиру 38 р. 75 к., оттуда в почтамт, где, после долгих мытарств, получил недоставленные Л.В. 50 р., посланные 14 сентября прошлого года; полученные 50 р. перевел по телеграфу Л.В. в Томск (2 р. 70 к.). Придя усталый домой, позавтракал картошкой с маслом и уснул часа 1 ½. Написал Л.В. открытку. Читал Кюхельбекера.

16 (3) января. –9°. Ночь провел спокойно. Приехав в Музей, пошел к директорам, Соловей был болен, П.И. Воробьев встретил меня очень любезно. Была закупочная комиссия, приобрел надгробный покров, стихарь, 4 женских головных убора, пояс, все – за 80 р. Отпустил в Музей изобразительных искусств 3 византийских иконы, 2 лиможских распятия, 1 романское распятие. Послал открытку Л. В-не о посланных 50 р., заходил Сережа Орешников, приглашал взять ванну. Мне заплатили в Музее наградных 585 р. Часов в 8 заходила Надюша.

17 (4) января. –11°. Ночь провел довольно беспокойно, болел живот от вчерашней усталости. В Музее кончил раскладку монет, начиная с Петра. Погода морозная, но ветра нет. Проезжал 2 раза мимо Ильинских ворот, их уже не существует! Слышал, что сломка Сухаревой башни в нынешнем году не будет произведена[1].

18 (5) января. –12°. Сочельник. Провел плохую ночь, много раз вставал, к утру стало легче, понос уменьшился. Был в Музее, помог Н. А-не описать покупки. Пил чай. Зашел в квартиру Соловья, у него грипп; поблагодарил за все любезности, сделанные им для меня. Слышал, что 20-го П.И. Воробьев уезжает в Среднюю Азию. Заходил в парикмахерскую побриться. Топил печь. Лёля берет уроки бухгалтерии у Леон. Мих. Осипова; после обеда он ко мне зашел в комнату; из разговора видно, что он был в университете, интересуется историей, филологией.

19 (6) января. Окно замерло. На солнце более –10°. Праздник Крещения Господня. Ночью вставал немного. Днем корректировал статью. Спал с час. Были священники со святой водой; храм св. Троицы в Сыромятниках закрывают; куда наш приход перейдет – не знаю, говорят, в храм св. Сергия. Написал А.А. Ильину.

20 (7) января. Окно замерзло. Ночью вставал раза 2–3; болей в животе не было. Мороз, говорят, сегодня R –23°. Отправился утром к Танюше, долго ждал у Курского вокзала, озяб, стал болеть живот. Таня сказала, что вчера не могла сесть в трамвай, а перед этим у нее был прострел. Алеша все еще болен колитом, остальные здоровы. Получил из Лондона от Лёли Комиссаржевской письмо. В 2 часа уехал домой, где принял уротропину и салолу.

21 (8) января. Окно замерзло. Спал хорошо, болей не было. В 2 часа на Никольской R° показывал –21 ½°. В Музее занимался текущим делом. В 1 ¼ ч. ушел домой. После обеда пришла Надюша, после нее Иван Михайлович Булатов; все сидели у меня в комнате, пили чай; Лотушка работала. Говорят, недавно было покушение на жизнь Сталина в Кремле. На Дальнем Востоке дела принимают серьезный оборот.

22 (9) января. Окно замерзло. Воскресенье. Сегодня день смерти Ленина, занятий в Музее нет. В моей комнате температура +8°. Ночь спал плохо, много раз вставал. Топил печь плохими дровами, так как хорошие вышли. У Рихтер термометр показывает –20°. Заходила Екатерина Антоновна, сообщила, что завтра в Томск уезжает знакомая Л. В-ны и согласна свезть ей небольшую посылку; посылаю с ней консервированный бычий язык, а письмо пошлю завтра. В 6 ч. ели блины с красной икрой; пришла Танюша, кушала блины вместе с мамой в моей комнате; около 8 ч. ушла.

23 (10) января. Окно замерзло. Крепко спал всю ночь. Понос был утром. Термометр на Никольской показывал утром –18°. В Музее принялся за разбор коллекции Черносвитова, начиная с Александра I, но был прерван. Получил от Л.В. открытку, получила 110 р. После чая отправился к сестре Л.В.; Екатерина Антоновна сегодня получила письмо от Л.В.; она перенесла операцию вскрытия нарыва под правой мышкой, все прошло благополучно; Л.В. думает, что ее ушлют в Нарымский край, в Каргасок; я посоветовал Е. А-не послать в Томск телеграмму. Без меня привезли дрова из Музея.

24 (11) января. Окно замерзло. Сегодня мой свободный день. В 1 час на солнце –5°. Привезены купленные дрова, для меня 1 кубометр; за дровами ездил П.С. Рожицкий, на его долю ½ метра; за 1 ½ кубометра он заплатил 13 р. с копейками. Во 2-м часу у Лотушки в комнате поел картофеля со свеклой с постным маслом. Читал Кюхельбекера. Немного сидя подремал. Лёля сегодня занималась счетоводством где-то около боен; удержится ли – не знаю; дай Бог ей пристроиться. Корректировал некоторые места статьи.

25 (12) января. Окно замерзло. Память матери, царство ей небесное. Температура воздуха –15°. В 3 ч. на Никольской было –12 ½°. В Музее стал раскладывать монеты Александра I из собрания Черносвитова. Получил от Л.В. открытку, пишет об операции.

26 (13) января. Окно замерзло. Ночью болел мочевой пузырь. Сильный ветер утром, к средине дня стал слабее; в 3 часа температура воздуха –12°. Получил от Л.В. старое (от 7 января = 25 декабря) письмо. В музее докончил разбор монет Александра I Черносвитова; принес из особой кладовой монеты Александра I собрания Московского университета. К обеду пришла Танюша, сидела у меня с Лотушкой, кушала рисовую кашу, пила чай; в 8 ч. ушла.

27 (14) января. –15°. Ночью болел мочевой пузырь, плохо спал. Умер художник Аполлинарий Михайлович Васнецов. Разбирал монеты Александра I. Осматривал собрание портретов декабристов (21 лист), за которые просят 100 р.

28 (15) января. –10°. Вчера вечером обжег левую руку о керосинку, а накануне правую. В 4 ч. температура воздуха –7°. В Музее разбирал монеты Александра I 1802 г. Умерли: Кизеветтер[2] (где – не знаю) и С.Ф. Платонов. Топил печь.

29 (16) января. –3°. Воскресенье. Спал хорошо. Принял салола и уротропина. Сегодня мой выходной день, но Е.В. Веймарн просил его перенести на завтра. В Музее прочитывали с Е.В. Веймарном составленный им план занятий нашего отдела на 1933 г. Спасибо ему, мне бы не хватило терпения и сил собрать все это от 1 сектора. Занялся разбором монет 1802 г. В 1 ½ поехал в распределитель, где прикрепился; внес 50 р. Распределитель пустой, провианта нет; адрес его: угол Армянского и Кривоколенного переулков, № 127. Чувствую себя очень слабым, лихорадит; придя домой, в 3 ч. лег и спал до 7 ч. Вечером у меня в комнате сидели и пили чай, кроме Лотушки и Лёли, Надюша и Миша; сидели до 9 ½ часов.

30 (17) января. –5°. Сегодня свободный мой день вместо вчерашнего. Написал Л.В. письмо № 42. Дочитал дневник Кюхельбекера. К обеду пришла Наташа внучка, обедала у меня в комнате, выпили бутылку красного кахетинского; ушла в 8 часов.

31 (18) января. –6°. Плохо спал, много раз вставал. Утром послал Л. В-не письмо № 42. Разбирал в Музее монеты 1803 г., была закупочная комиссия.

Февраль 1933 г.

1 февраля (19 января). –8°. Остался дома; ночь спал плохо, много раз вставал, болел мочевой пузырь. Топил печь. Написал Л. В-не открытку о ее документах в Музее. Истопив печь, лег, уснул часа 1 ½, живот болел. Внучка Соня чувствует себя лучше (у нее колит), заходила сегодня к нам в то время, как я спал. Вечером занялся редактированием статьи.

2 февраля (20 января). –5°. Всю ночь была острая боль в правом паху, ниже аппендикса, или в самом аппендиксе. Получил утром пенсию за февраль, послал Л.В. открытку; получил от нее открытку, 50 р. благополучно получила. В Музее занялся протоколами закупочной комиссии. Разобрал монеты 1803 г. К вечеру пришла Танюша, покушала винегрету, клюковного киселя, пила чай; ушла в 7 ½ ч. В Германии фашистское правительство.

3 февраля (21 января). –3°. Память Агнессы Константиновны[3]. Идет снег, очень запоздалый в этом году. В Музее занимался текущим делом (счета на покупки), разобрал монеты 1804 г. Обедал с Лотушкой в своей комнате, ели суп и творожники. После часа 2 уснул. Вечером просматривал «Письма П.И. Чайковского к С.И. Танееву», интересен отзыв П.И.Ч. об опере «Кармен», которую высоко ставит; о своем «Онегине» говорит, что опера не будет иметь будущности.

4 февраля (22 января). –6°. Плохо спал, несколько раз слабило. Топил печь, но с большим трудом, очень устал, много раз слабило. Отдохнул часа 1 ½. Обедал с Лотушкой у меня в комнате, ели гуся, привезенного из деревни сестрой Анны Сергеевны – Екатериной Сергеевной. Чувствую большую слабость, боль в правом паху.

5 февраля (23 января). –2°. Воскресенье. Много раз вставал. Болела поясница, правый пах. Разбилось заднее стекло фортки. Зашел в парикмахерскую. В Музее занимался писанием счетов и описанием купленных предметов (блюдо, портреты декабристов, альбом 1816 г.). Обедали Лотушка и я, ели рыбный суп и вареную щуку, довольно невкусную.

6 февраля (24 января). –5°. Сегодня день нашей свадьбы. Сколько лет! Утром написал и послал письмо Лукомскому о роде Отрепьевых-Нелидовых. Разложил в Музее монеты 1805 г. Заделал при помощи Василия Григорьевича разбитую фортку фанерой.

7 февраля (25 января). –5°. Много раз слабило, плохо спал. Разобрал монеты 1806 и 1807 гг. Беседовал с Китаевым. Весь день была большая слабость.

8 февраля (26 января). –8°. Всю ночь был понос, хотя болей не было. Решил остаться дома. Шел снег. Заходила Валечка. Печь начали топить: Лёля и старуха-бабушка. Я очень устал, заканчивая топку печи, дремал более часа. Прочел малоинтересный рассказ Салиаса «Смутитель», написан неталантливо.

9 февраля (27 января). –8°. Вчера вечером и ночью принял по 1 чайной ложке очищенного мела, после чего не стало тянуть в заднем проходе; спал глубоким сном. Был в Музее, кое-что поработал с монетами, чувствовал себя плохо; зашел ко мне директор Китаев и определенно сказал, чтобы я берег себя и не выходил; я ушел домой в 1 час. Дома нашел Надюшу, но по слабости лег в кровать и уснул с 1 час. В 4 часа проснулся, пришел Митя за матерью, и они ушли. Перед обедом пришла Танюша, сидела до 7 ¼ ч. Сегодня утром сосед Лотушки по комнате был выслан из Москвы, жена его Наташа пока не выслана.

10 февраля (28 января). –10°. Ночью вставал много раз, но болей не было; на службу решил не ходить. Около 1 ч. пришла Валечка, сварила мне манной каши. Читал литературу для статьи (Кондакова). Вечером пришла Танюша, принесла статью Владимира Соловьева о Петре Великом (собрание сочинений т. V)[4] и Диккенса «Повесть о двух городах».

11 февраля (29 января). –5°. Сегодня годовщина смерти А.С. Пушкина. Ночью много раз вставал, но боли в животе были слабые; болела сильно поясница. В Музее занялся монетами (дополнил года: 1800–1808). Выпало снегу. Слышал, что арестован Ю.М. Соколов. Во время нашего (Лотушка и я) обеда пришла внучка Маша с Алешей, вскоре Надя, пили у меня чай. Маша принесла интересный номер «Illustration» с видами горящего корабля «Atlantique»; картина потрясающая; говорят, был поджог. Интересны археологические раскопки в Югославии.

12 февраля (30 января). –3°. Память об отце, царство ему небесное. Воскресенье. Спал плохо от боли в почках; решил остаться дома. В полдень на солнце было +8°. Топил печь, я только закончил, начала Лёля и «бабушка» (служанка). Прочел статью Владимира Соловьева о Петре Великом. Начал читать «Повесть о двух городах» Диккенса. Днем, лежа, прочел «Портрет» А.К. Толстого (напоминает Лермонтова «Сказку для детей»).

13 февраля (31 января). –5°. Спал спокойно. Поехал на службу, где позывы были каждый час, причем выходила только слизь. Получил письмо от Лукомского. Занялся разбором монет 1809–1810 гг. Придя домой, послал за Гальперном, который меня, т. е. живот, тщательно осмотрел, нашел грыжу в правом паху, прописал лакричный порошок. Получил от Л.В. телеграмму, просит телеграфировать о здоровье. Доктор упорно не взял за визит, на мой вопрос о причине сказал, что есть люди, с которых он не берет.

14 (1) февраля. –3°. Часов с 2-х ночи и до утра слабило, болел очень живот и пах, где доктор нашел грыжу. Боли ночью в животе, паху были настолько сильны, что у меня было ночью обморочное состояние. Утром, когда желудок от лакричного порошка очистился, боли значительно стихли. Завтракал бычьим

языком. Читал Диккенса; часов в 5 заходил на ½ часа Е.В. Веймарн. Послал Л.В. телеграмму. Заплатил за квартиру 37 р. 84 к.

15 (2) февраля. –1°. Сретенье Господне. Сговорился вчера с Веймарном остаться дома: 15, 16 и 17 февраля. Ночью болел живот, слабило раза 2–3. Метель, температура 0° (в 12 ч.). Написал Ю.А. Нелидову[5] о его докладе об Отрепьевых. В 5-м часу пришел Гальперн, прописал свечи в задний проход, которые можно заказать лишь в Кремлевской аптеке; я попросил написать рецепт на имя Клейна, которому написал письмо; попросил Веймарна переслать письмо в Оружейную палату. Заходила Танюша, с нею послал Веймарну письмо и другое Клейну.

16 (3) февраля. –4°. С вечера было плохо: болел живот, но со средины ночи стало легче. Написал Л. В-не письмо № 43. Печь топила «бабушка», мне трудно нагибаться. Днем читал Диккенса и немного спал. Заходил Е.В. Веймарн, получить «свечей» из Кремлевской аптеки не удалось, Клейн уехал, там предложили доставить меня к ним, где вставят свечу (?!). Пришла Танюша, ела со мною суп, пила чай.

17 (4) февраля. –6°. Провел беспокойную ночь, болел живот, был бред. К утру стало лучше. Подали 3-й экземпляр той же телеграммы от Л.В.! Что это значит. Мыл ноги. Температура на солнце +2°. Часу в 8-м приехал Веймарн, он был у О.Н. Бубновой, которая прислала коробочку со «свечами» из кремлевской аптеки; привез записку Соловья: Музей хочет прислать от себя врача.

18 (5) февраля[1*]. –5°. Вчера вечером и сегодня в 7 ч. утра вставил по свече, присланных О.Н. Бубновой; болей в животе сегодня нет. Написал: благодарственную открытку О.Н. Бубновой и А.С. Орлову письмо о своей статье. В 12 ч. заходил П.Н. Сапунов, сказал, что у Вали грипп, но теперь ей лучше. В начале 5-го приехали: Д.А. Соловей, профессор П.А. Герцен[6] (внук знаменитого Герцена) и Е.В. Веймарн. Мой доктор Гальперн уже ждал их у меня. Стал Герцен меня свидетельствовать, сильно намял нижнюю часть живота. Осмотрев меня, ушли в комнату жены для совещания. Лекарства по рецепту Герцена будут получены из кремлевской аптеки. Герцен был привезен в автомобиле самого наркома Бубнова. Диеты особенной не прописали. Пришла Танюша, покушала со мною, пила чай, пошла от меня ко всенощной. Часу в 8-м пришли Надюша и Наташа, но я с ними не сидел, ушел спать.

19 (6) февраля. –6°. Воскресенье. Масляница. Ночью много раз вставал, ходил слизью; боли в животе были с вечера до 2-х ч. ночи, потом прекратились. «Бабушка» немного истопила печь. Часу в 5-м пришел Д.А. Соловей, Лотушка его угощала чаем, пирожками с рисом; ушел около 8 ч.; я очень устал от его разговоров.

20 (7) февраля. Утром окно замерзло. От 12 до 1 ч. крепко спал. Читал Диккенса. Перед обедом заходила Танюша, говорила, температура по R° –10°; ушла в 6 часов. Ждал Гальперна и Веймарна, ни тот, ни другой не пришли до 9 ч., и я лег спать.

21 (8) февраля. Окно замерзло. Провел тяжелую ночь; до 1 ½ не спал от боли в животе, после началось выделение слизи и мочи, стало легче, спал до 7 ½, но с перерывами. Температура –4°. Вчера в 11 ч. приехал Е.В. Веймарн,

---

[1*] Дата обведена чернилами.

Дневник. Четырнадцатая тетрадь. Февраль 1933 г. Последние записи.

привез из Кремлевской аптеки лекарство: йод (3 раза после еды на молоке) и свечи (1–2 сутки). Сегодня начал принимать йод, вставил 1 свечу. От 11 до 1 ч. крепко спал, в это время заходил Граков. После обеда заходил Е.В. Веймарн, принес мое жалованье, сидел недолго. Пришел А.В. Сосновский, сидел часа 2. Болей в желудке не было весь день, ходил одною слизью. Получил письма: Л.В. и Нелидова.

22 (9) февраля. –11°. Ездил в Музей, показал Е.В. Веймарну, что придется показывать из монет Колодному и Сосновскому. Встретили меня все директора, в числе их вчера приехавший П.И. Воробьев. Заходил побриться. Придя домой, поел картофеля, затем лег и уснул с час. Часу в 5-м приехали В.А. и А.Н. Никольские, пили чай в моей комнате, уехали около 8-ми; мне нездоровилось, с трудом сидел.

23 (10) февраля. Окно замерзло. Сегодня день именин Валечки. Провел беспокойную ночь, много раз вставал. Ездил в Таганку в Торгсин; хотел проехать к Серпуховским воротам в аптеку № 2, но от боли в правом боку не в состоянии был сесть в вагон, решил вернуться домой, где застал именинницу – Валечку. Сильно болел живот, лежал. Заходил Веймарн. В 9 ч. пришел Гальперн: вместо свечей прописал капли (2–3 раза в день по 15 капель) и лакричный порошок по 2 чайных ложки на прием.

24 (11) февраля. –11°. День рождения Танюши. Ночью болей в животе не было. Заходила дочь А.И. Яковлева, расспрашивала о женах Грозного. Днем читал Диккенса, спал. Вечером пришел К.В. Крашенинников, сидел часа два.

25 (12) февраля. –11°. Всю ночь болел живот. Около 12 часов заходил В.Ф. Джунковский, посидел с полчаса. Навестил меня сосед Р.Г. Рихтер, посидел 10 минут. Вечером зашел В.Ф. Ржига; задал мне ряд вопросов по старому русскому искусству; я ему указал, на какие памятники Музея он должен обратить [внимание]; сидел часа 1 ½–2. Поднес мне отпечатанную статью «О тканях домонгольской Руси».

26 (13) февраля. –12°. Прощеное воскресенье. Почти всю ночь болел живот. Также днем страдал животом. Пришел Гальперн, отменил йод, велел поставить клизму, что пришлось сделать в первый раз в жизни, но из 4-х стаканов воды с ромашкой взошло не более полустакана. Боли стали слабее.

27 (14) февраля. Окно замерзло. Вчера вечером заходил Веймарн, принес от Н.А. Гринвальд 5 коробочек лакричного порошка. Ночью боли были не так сильны, все же временами живот болел. Меня днем навещали: Надюша и Валечка. Я лежал до 2-х ч., спал, ставил клизму, но также безуспешно, как вчера. Заходила Таня Качурина с Зорей. Принял 2 чайные ложки лакричного порошка.

28 (15) февраля. Рано утром было около –15°, в 11 ч., когда я вставал, на солнце было 0°. Несколько раз ночью ходил, по-видимому, жидким калом, но желудок еще не очищен. Бабушка (прислуга) топила печь. Навещали Надюша и Валечка. Заходила О.А. Яковлева, принесла[2*], у меня не была, я дремал. К вечеру пришла Танюша, пила чай. Ставил клизму, но наконечник не вошел: у меня неправильность в задней кишке[3*].

[2*] Так в оригинале.

[3*] На этом дневниковые записи обрываются.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ЛЕТ

Поездка за границу в 1913 г.[1*]

29 июня 1913 г. В 2 ч. 30 м. выехал в Вену. Провожали на вокзал: жена, Лёля с мужем, Дренякина. В поезде, в том же вагоне, ехал Ходасевич[1]. Цена билету + скорость + плацкарта 37 р. 10 к. Погода прохладная, местами дождь. Дорогобуж. Обед. В 11 ч. лег спать. Почти ни с кем не говорил.

30 июня. До 7 спал хорошо. Серый день. С Ивангорода (3 ½ часа) прояснилось. Мой сосед в купе присяжный поверенный Соловейчик. Угощал харьковскими шоколадными конфектами (от Poqué). Обед в вагоне-ресторане плохой. В Грàницу приехали в 10 ч. вечера по московскому времени. Выехали часа через 1 ½ –2. Досмотр в Щакове (австрийской таможней) поверхностный. Погода плохая. Поместились в одном купе: Ходасевич, Соловейчик и я.

1 июля. Спал плохо. Холодная, но ясная ночь. Приехали в Вену в 8 ½ утра по московскому времени. Спутников более не видал. Остановился в hôtel «National», Taborstrane. Купил летнее пальто и заказал пару платья у Ротбергера (приказчик русский – Молочников). Купил шляпу, портмоне, трость. Завтракал где-то на Кертнерштрассе, дорого и невкусно. Поехал в Шёнбрунн, зашел в зоологический сад в парке, впервые видел жирафов. В 7 ½ часов по здешнему времени обедал у Роде на Кертнерштрассе (под гостиницей «Астория»). Дешево и недурно кормили.

2 июля. Nordbahnhof. Поехал на выставку Adria; интересен археологический отдел. Сильный дождь, гроза; поехал в трамвае, спасся от дождя в кофейной у Фердинандсбрюке. Гроза наделала бед в Вене.

3 июля. Прохладно. Был в музее, минцкабинете; собрание русских монет доцарского периода; немного, но есть хорошие. Покупки мешочков, цепочки, часов и проч. Вечером в кинематографе, неинтересно. Дождь.

4 июля. Свежо, дождь, к вечеру мокрый снег! Был в церкви Капуцинов[2], гробницы Габсбургов. Сокровищница Габсбургов, великолепные бриллианты императрицы, древняя корона, одежды и проч. Смотрел парадные комнаты Гофбурга, неинтересны. Долго сидел у портного.

5 июля. Был в музее, смотрел древние монеты, хранитель Мюнстерберг[3]. Сделал снимки с монеты Ольвии и 2-х монет Савромата II. В 8 ч. 25 м. выехал в Левико. Среднеевропейское время на 1 ½ ч. впереди против московского.

6 июля. Великолепные виды. Приезд в Левико[4] в 2 ч. 47 м. дня. Остановился [в] «Neues Kurhaus». Принял ванну. Почта.

[1*] Записи помещены в первой тетради.

7 июля. Ходил в город, зашел в церковь, масса молящихся. Lunch в отеле в 12 ½ ч. Знакомился с прекрасным парком в отеле. У ворот отеля видел древний римский саркофаг. Гроза, стало прохладно. Во время обеда в 7 ½ ч. сильная гроза и дождь.

8 июля. Ясная погода. Доктор Лирнбергер велел брать ванны из Левико и пить воду Левико с Traubensoft. Вкус воды Левико напоминает чернила. 1-я ванна (15 минут). Цирюльник – итальянец, дезинфекция йодоформом!

9 июля. 2-я ванна, пасмурно, дождь. Прогулка к озеру Левико. Кинематограф, народу человек 12. Дождь.

10 июля. Ночью дождь. Ходил на железнодорожную станцию. После завтрака был в каштановой роще в шеерии, мало интересного. Вечером дождь.

11 июля. С утра дождь, 3-я ванна. Прогулка по городу. На горах снег. Доктор.

12 июля. Погода ясная, теплая. 4-я общая и 1-я ножная ванна. Начал писать статью, возражение И.И. Толстому. Вечером был в аптеке; вид улиц при электрическом освещении, любопытно. В саду отеля играла banda cittadina[1*], плохой оркестр.

13 июля. Ясная погода, прогулка al lago[2*], оттуда на лодке al lido[3*]. При отеле иллюминация, играло 2 оркестра музыки, довольно скромно, масса народа.

14 июля. Circo equestre[4*]; клоуны, лошадь Тома; эквилибристка на шаре. Клоун и ослица. Толстая эквилибристка, наивна. 2-е мужчин и 1 дама эквилибристы. Надпись у клоуна «Fiacca»[5*]. Толстая эквилибристка с подносом собирала деньги у публики. В кафе пил лимонад, смотрел, как публика кормила мороженым уличных детей (брали руками). Вечером ходил на вокзал.

15 июля. Писем из дому нет. Смотрел отъезд из отеля американки в автомобиле. Поездка в Ронченьо и Борго. Любопытные города. Река Бренча. В Борго видел фамилии Бруни (Tintoria Guiseppe Bruni). Вечером стало прохладно.

16 июля. Жаркая погода. Ванны. Кафе «Des Etrangers», пил лимонный сок с содовой водой. Долго сидел в саду против «Altes Kurhaus». Вечером кинематограф, Данте и Беатриче, очень скверно.

17 июля. Жарко, ванны; был в банке; смотрел местное кладбище, очень жалкое.

18 июля. Горы в тумане. Гроза; доктор. Аптека. Свежо.

19 июля. Свежий ветер, ясно. Днем стало теплее. Прогулка к озеру Левико. Плохое мороженое. Вечером в саду отеля играла banda cittadina; неинтересная программа. Горы освещались прожекторами.

20 июля. Поездка в Триент. Получал деньги в Banka catolica. Завтрак в отеле «Bristol». Интересный город. Замечательный duomo (собор = duomo). Цирюльник. Церковь Santa Maria Maggiore. «Grand caffé». Великолепный Castello del Buon Consiglio. Церковь Santa Appollinare. Музей закрыт. Памятник Данту. Возвращение в 7 ½ вечера. Великолепные виды между Триентом и Левико. Озеро Кальдонаццо. Вечером иллюминация и музыка.

[1*] Городской оркестр (*ит.*)
[2*] На озеро (*ит.*).
[3*] Вдоль берега (*ит.*).
[4*] Конный цирк (*ит.*).
[5*] Расслабленность, вялось (*ит.*).

21 июля. Начал самые сильные ванны. Сидел в саду против «Altes Kurhaus», слушал музыку.

22 июля. Прогулка по озеру Левико.

23 июля. Письмо к Минннзу. Прогулка к озеру Левико. Чай с пирожным.

24 июля. Утром дождь. Гроза, сильный гром. Пролил чернила! Весь день из-за дождя не выходил. Прохладно.

25 июля. С утра ясно. Прогулка к Selva, руины. Дождь, гроза. Концерт в салоне отеля, 10 музыкантов играли симфонию Гайдна. Дождь. Горы освещались прожекторами.

26 июля. С вечера был разбужен пушечными выстрелами: были ночные маневры в горах, на Монте-Фронте, около Витриоло. Дождя нет. Ходил по старым улицам города. Рассчитался с доктором (40 крон). Ходил к озеру Левико, пил чай.

27 июля. С утра сильный дождь. В 1 ч. 33 м. (по местному времени) выехал из Левико в Триент. Ходил в duomo. В 5 ч. 24 м. выехал в Рим. В Вероне стоял поезд 50 минут. Пересадка.

28 июля. Проснулся в Arezzo. Приезд в Рим в 8 ч. 50 м. Отель «Eden», via Ludovisi. Почта. Корсо, продавцы газет; памятник Виктору Эммануилу (не нравится). Капитолий, сидел на скамье, долго смотрел на Форум. Завтракал в «Ristorante del monumento» (около памятника Викт. Эм.); макароны Spaghetti. Храм Петра. Пинчио. Обед в ресторане «Rosetta» (via Guistiniani, 22), скверный стол. Шоколад у Араньо.

29 июля. Музеи Ватикана. Скульптуры, ложи Рафаэля, Станцы. Сикстинская капелла. Завтрак в гостинице. Банк. Корсо. Via dei Condotti. Кафе «Del Greco». Галстухи. Церковь Maria Maggiore. Фонтан Треви (воды не было). Книжные магазины. Ужинал в ресторане при железной дороге (Piazza Termini), недурно.

30 июля. Сильная боль в десне. Флюс. Посещение музея Термини. Завтракал на вокзале. Церковь Santa Maria del Popolo. Покупка подарков.

31 июля. Ночью флюс прорвался. Музеи Капитолийский и Консерваторов. Тарпейская скала. Остров на Тибре. Вилла Боргезе. Музей Боргезе. Зоологический сад. Сильный дождь, гроза. Закусывал в ресторане «Umberto» около почты.

1 августа. S. Giovanni in Laterano. Scala Santa. Крещальня. Поющая дверь. Пантеон. San Pietro in Montorio. Памятник Garibaldi. После завтрака поездка по Аппиевой дороге. Церковь Domine, quo vadis[5]. Катакомбы Каликста. Мавзолей Цецилии Метеллы. Храм Павло за стенами. Пирамида Цестия. Церковь Bocca della verita[6], служба. Покупка подарков. Свежая погода, ветер, пасмурно.

2 августа. День Успения у католиков (3/15 августа), все заперто. Колизей. Храм Петра. Жарко. Шел дождь, стало прохладно. Монастырь капуцинов (via Veneto); мумифицированный труп монаха под алтарем; кладбище с костями монахов на стенах. Прогулка на Пинчио, оттуда в виллу Боргезе; чудные магнолии, олеандры. Закусывал в отеле вечером.

3 августа. Мамертинская тюрьма. Римский форум. Замок Ангела. Купил себе одеяло (8 лир); сестре шарф (10 лир). Вечером гроза.

4 августа. Палатин (дом Ромула, Лупекалий). Смотрел выставку моделей: императорского Рима, Афин, Иерусалима, гавани Остии («Restitutio urbis», улица Foro Romano, № 18. Вход 1 лира). Поездка на трамвае во Фраскати.

Вилла Альдобрандини (великолепный сад с каскадом). Вилла Фальконьери, живут артисты (подарок Вильгельму банкиром Мендельсоном). Вилла Мондрагоне (иезуитская коллегия), великолепная аллея, чудный вид на Кампанью, горы, на Тиволи, на море (видна Остия). На площади Фраскати музыка, выпил марсалы и кофе. Возвращение в трамвае, свежо. Полнолуние. Закусил на станции.

5 августа. Картинная галерея Ватикана. Ходил по Риму. Via Sistina; дом, где жил Гоголь. Много магазинов заперто: не сезон. Квиринальская площадь. День рождения королевы, многие дома украшены флагами, вечером иллюминация. Отъезд из Рима в 9 ч. 5 м. вечера.

6 августа. Приезд в Венецию в 8 ч. 34 м. утра. Остановился в гостинице «Italia» (Бауер-Грюнвальд). Осматривал собор св. Марка, алтарь, ризницу (великолепные вещи). Гулял по площади, под арками Прокураций, по двору дворца Дожей. На гондоле ездил до Понте Риальто. Подарки. Вечером на площади Марка. Слушал хор, певший в гондоле у моста площади S. Moisé.

7 августа. Пасмурно. Церковь св. Моисея. Осмотр дворца Дожей, церкви Giovanni e Paolo. Дождь, небольшая гроза, хождение пешком. Церковь Frari. На пароходе до Santa Maria della Saluta. Остров Лидо. Кофе у Флориана в Прокурациях. Вечером на площади Марка, музыка.

8 августа. Собор Марка. Прогулка по внутренней галерее дворца Дожей. Отъезд из Венеции в 14 ч. 10 м. (2 ч. 10 м. дня) через Понтеббо в Вену. Вдали гроза. Красивые виды у Понтеббо.

9 августа. Приезд в Вену в 7 ч. 40 м. утра. Ходил по городу. Шенбрунн, зоологический сад, обезьяны.

10 августа. Музей и мюнцкабинет. Volksgarten. Собор Стефана. Чай и мороженое в кафе Siller'а у Фердинандсбрюке. Пил кофе внизу отеля. Нордбангоф.

11 августа. Кофе внизу отеля. Почта. Собор Стефана (обедня, хор под оркестр. Красиво!). Церковь миноритов (мозаика с «Тайной вечерей» Винчи). Фольксгартен. Естественно-исторический музей. Интересный слепок со скелета ископаемой колоссальной ящерицы (около 40 шагов длины), diplodocus, найденной в Америке. Обедал у Роде. Ездил на выставку Adria; кофе в далматинской кофейне. Масса народу. В 7 ч. ел ветчину, пил кофе у Siller'а. Заболел желудком. В 10 ч. 15 м. вечера отъезд из Вены.

12 августа. В Гра́нице поверхностный осмотр. В 8 ч. 56 м. (петербургское время) отъезд из Гра́ницы. Видел в Бресте полет дирижабля.

13 августа. Спутники до Москвы: Поппер из Вены (ехал в Пекин на оружейный завод австрийский) и Хутырев. Приезд в Москву в 4 ч. 14 м. дня (московского времени).

Поездка в Петербург в 1914 г.[2*]

5 марта. Выехал с ускоренным bis в 9 ч. вечера.

6 марта. Приехал в С.-Петербург в 10 ч. 20 м., остановился в гостинице «Россия» на Мойке (№ 42, цена 3.50). Посылка телеграммы. Завтрак в ресторане Альбера у Полицейского моста. Эрмитаж. Встреча с Лихачевым. Был в

[2*] Записи помещены в первой тетради.

Комиссии[7], отбирал вещи для Музея. Дети великого князя Петра Николаевича. Пробыл до 5 ½ ч. В номере отдохнул. Обедал у А.А. Лёвенстима (Суворовская, 51). После обеда приехали Толстой и Ильин. Вернулся в 12 ночи.

7 марта. Взял билет на Москву. Эрмитаж. Смотрел монеты Ольвии, царей Боспора, фракийские. Прошелся по картинной галерее. Новая мадонна Леонардо да Винчи, новые приобретения Эрмитажа, дары картин Строганова, Хитрово. В Комиссии смотрел древности из Солохи[8]. В номер зашел Лёвенстим, с ним пошли к Чижову в «Асторию»; Чижов уезжал в Москву. Обедал у Ростовцевых. Вернулся около 12 ч.

8 марта. Утром явился В.Я. Дьяченко, пил кофе. В 11 ч. я был у М.И. Ростовцева. Эрмитаж. Драхма Пифодориды. Смотрел бюст так называемой Динамии. В 4 ч. пришел Дьяченко, с ним обедал у Альбера (Полицейский мост). Гагаринская аптека. Отъезд в Москву в 7 ч. с ускоренным пассажирским.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1925 год

[1] Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) – выдающаяся оперная певица (сопрано), с 1902 г. на протяжении многих лет выступала на сцене Большого театра. Народная артистка СССР (1936). С 1936 г. преподавала в оперной студии Большого театра, затем в оперной студии имени К.С. Станиславского. Профессор Московской консерватории (1944).

[2] Обухова Надежда Андреевна (1886–1961) – выдающаяся оперная певица (меццо-сопрано), солистка Большого театра (1916–1943). Народная артистка СССР (1937), лауреат Сталинской премии (1943).

[3] По всей вероятности, имеется в виду Феликс Евгеньевич Вишневский (1902–1978) – известный собиратель живописи и предметов старины, реставратор, основатель (в 1969) Музея В.А. Тропинина и московских художников его времени.

[4] Бонна (воспитательница) правнуков А.В. Орешникова – детей Марии Кристенсен.

[5] Речь идет о фильме кинорежиссера Юрия Желябужского «Коллежский регистратор» (1925, по повести Пушкина «Станционный смотритель»), роль Симеона Вырина в котором исполнил И.М. Москвин.

[6] Желябужский Юрий Андреевич (1888–1955) – режиссер, оператор, сценарист. Профессор ВГИК (1940). Инженер по образованию. В 1919–1920 гг. – один из руководителей московской группы кинохроники, снимавшей Ленина. Автор первых советских учебных фильмов и теоретических работ по вопросам операторского мастерства и техники киносъемки. В 1920-е годы работал оператором, сценаристом и режиссером на киностудии «Межрабпом-Русь». Был одним из организаторов и педагогов Госкиношколы (впоследствии – ВГИК).

Симов Виктор Андреевич (1858–1935) – известный театральный художник. Окончил МУЖВЗ (1882). В 1885–1886 гг. работал декоратором в частной русской опере, занимался станковой живописью и литографией. С момента организации МХТ вступил в его труппу и связал с ним дальнейшую творческую жизнь, оформив 51 театральную постановку. В 1924 г. изготовил марсианские декорации для фильма «Аэлита» Я.А. Протазанова, был художником фильма «Колежский регистратор» Желябужского.

Павлович Надежда Александровна (1895–1980) – поэтесса, переводчица, мемуарист. Родилась в местечке Лаудон Лифляндской губернии, дочь мирового судьи. Окончила Александровскую женскую гимназию во Пскове (1912). Училась на историко-филологическом факультете Высших женских курсов им. Полторацкой. После 1917 г. работала в Наркомпросе, какое-то время была секретарем литературного отдела московского Пролеткульта. Печаталась с 1911 г., в начале 1920-х издала сборники стихов «Берег» (1922), «Золотые ворота» (1923). В 1925–1932 гг. опубликовала серию книг для детей: «Большевик Том», «Ванины гости», «Капризник Тики», «Паровоз-гуляка» (1925), «Веселая пчелка», «Коза в огороде», «Манюшкина кружка» (1930) и др. В начале 1920-х годов, после смерти А.А. Блока, которую тяжело переживала, стала духовной дочерью оптинского старца Нектария, с которым познакомилась через

посредство друга детства – Льва Александровича Бруни. Заботилась о старце после закрытия сельхозартели, под видом которой с 1918 г. существовал монастырь. Была сотрудником Музея «Оптина пустынь» до его закрытия (1928). Автор религиозных произведений и духовных стихов.

[7] Чебан Александр Иванович (наст. фамилия – Чебанов) (1886–1954) – актер, режиссер. Актер МХТ-МХАТ (1911–1924, 1936–1954), 2-го МХАТ (1924–1935). Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии.

Шахалов Александр Эмильевич (1880–1935) – актер МХТ-МХАТ, в описываемое время был в труппе 2-го МХАТ.

[8] Варфоломей (в миру – Ремов Николай Федорович, 1888–1935) – епископ РПЦ. Окончил МДА (1912), экстраординарный профессор МДА (с 1916). В 1920 г. выступил с проповедью против вскрытия мощей преп. Сергия Радонежского, был арестован, в феврале 1921 г. освобожден по состоянию здоровья. В 1921 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. После закрытия Лавры настоятельствовал в Высокопетровском монастыре. Арестовывался в 1928 г. В том же году по болезни ушел на покой. С 1934 г. – архиепископ. В 1933 г. стал тайно католиком восточного обряда (в сане епископа). В феврале 1935 г. был арестован и помещен в Таганскую тюрьму, где в августе того же года скончался (по другим данным, расстрелян).

Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – выдающийся историк, специалист по петровской эпохе. Академик РАН (1921). Окончил 5-ю московскую мужскую гимназию с золотой медалью (1886), историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени (1890), был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (без содержания). В этот же период материальные затруднения семьи вынудили его занять место отца по управлению домами Д.А. Олсуфьева (1892–1899). С мая 1898 г. Богословский был зачислен приват-доцентом по кафедре русской истории историко-филологического факультета Московского университета. В 1902 г. он защитил магистерскую диссертацию по теме «Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–1727 гг.» (Уваровская премия Академии наук, 1904). Помимо преподавания в университете, в 1898/1899 учебном году он читал ряд лекций на коллективных уроках бывших слушательниц МВЖК (закрытых в 1888–1900), с 1903 г. преподавал русскую историю на МВЖК, в 1901–1908 гг. преподавал историю в 1-й московской женской гимназии, с сентября 1908 г. стал доцентом МДА по кафедре русской гражданской истории. В 1909 г. в качестве докторской диссертации он успешно защитил первую часть своего большого труда «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» (1909–1912. Т. 1–2) и получил в декабре того же года звание экстраординарного профессора МДА. В 1911 г. он стал экстраординарным профессором Московского университета, преемником В.О. Ключевского по кафедре русской истории. В 1910-е гг. Богословский приступил к созданию главного труда своей жизни — написанию подробнейшей биографии Петра I, кроме того, выходят его основные работы, лекционные курсы, учебники по русской истории, растет его научный авторитет. В 1912 г. он становится ординарным профессором МДА, а в 1915 г. – Московского университета. К 1917 г. он имел чин статского советника. В предреволюционные годы Богословский состоял членом многих научных обществ: ОИДР (1904, с 1919 – его секретарь), РИО (с 1912), МАО (с 1915), Псковской археографической комиссии (1916). В 1915 г. он выступил инициатором возрождения Исторического общества при Московском университете, а с 1918 г. стал его председателем. После Октябрьской революции Богословский продолжал некоторое время преподавать в МДА (до 1919) и Московском университете. При реорганизации университета он был переведен в штат профессоров исторического отделения ФОН, образованного на базе бывшего юридического и историко-филологического факультетов, и проработал в этом качестве до новой реорганизации ФОН в декабре 1924 г. Когда в 1921 г. в составе научной ассоциации при ФОН МГУ был образован

Институт истории (с 1926 г. – Институт истории РАНИОН), Богословский возглавил в нем секцию русской истории. 4 декабря 1920 г. он был избран членом-корреспондентом РАН, а 2 апреля 1921 г. – ее действительным членом. В 1919–1923 гг. он заведовал отделом XVIII в. 3-го Московского отделения I секции ЕГАФ; в 1921 г. состоял сначала членом Комиссии по реорганизации Исторического музея, а затем стал зав. отделом Московской Руси и председателем Общего исторического разряда музея (1921–1929); был действительным членом Московской секции РАИМК/ГАИМК, председателем ее Комиссии по истории быта (1924–1928); с 1922 г. состоял членом ЦБК по Московскому отделению и членом Экспертной комиссии (от АН) при ЦЕКУБУ. В апреле 1927 г. он был командирован в Париж для участия в Историческом конгрессе и для получения коллекций музея А.Ф. Онегина, завещанного Академии наук. В советское время Богословский несколько раз подвергался краткосрочным арестам. В 1919 г. он был арестован по делу Национального центра в тот момент, когда находился в гостях у Д.М. Петрушевского. Арестованы были и хозяева и гости: М.М. Богословский с женой, А.А. Кизеветтер с женой, С.Б. Веселовский с сыном и другие. Что послужило причиной двух последующих арестов, 20 февраля 1923 г. и 11 декабря 1924 г., для Богословского так и осталось загадкой. В 1928 г. его вновь арестовали, на это раз «по ошибке», приняв за совершившего на Кавказе побег генерала, оказавшегося однофамильцем. Аресты и в особенности смерть по трагической случайности единственного сына Михаила в августе 1925 г. подорвали здоровье ученого. М.М. Богословский умер 20 апреля 1929 г. от приступа стенокардии на 63-м году жизни. Похоронен на Новодевичьем кладбище. См.: Список печатных трудов академика М.М. Богословского / составитель А.В. Мельников // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 320–335. Здесь же приведена основная литература о нем.

[9] Ржига Вячеслав Федорович (1883–1960) – филолог, исследователь древнерусской литературы. Профессор. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1907). С 1914 г. преподавал в университете, МВЖК. С 1921 по 1931 г. – научный сотрудник НИИ языка и литературы. В ноябре 1934 г. был арестован по «делу славистов», приговорен к 5 годам ИТЛ. Впоследствии преподавал в МГПИ им. В.И. Ленина.

[10] Моллер Федор Антонович (Отто Фридрих) (1812–1874) – исторический живописец, портретист. Из семьи остзейских дворян, сын адмирала А.В. Моллера. Выпускник Морского кадетского корпуса. Служил в л.-гв. Измайловском полку. Участник Польской кампании 1830–1831 гг. Вышел в отставку в 1835 г. С 1828 г. посещал рисовальные классы Академии художеств в качестве вольноприходящего ученика, тогда же прослушал курс анатомии в Медико-хирургической академии. С 1837 г. работал в АХ в мастерской К.П. Брюллова. По окончании АХ (1838) отправился в Рим, где жил и работал в русской колонии в течение нескольких лет, там же произошла его встреча с Гоголем. Кисти Моллера принадлежат несколько портретов писателя (подробнее см.: *Маркина Л.* Живописец Федор Моллер. М.: Памятники исторической мысли, 2002).

[11] Челяпов Николай Иванович (1889–1938) – советский правовед, музыкальный деятель, администратор. Профессор. Член ВКП(б). Окончил юридический факультет Московского университета. После революции работал в ВСНХ и различных советских учреждениях, был директором Института советского права РАНИОН и членом президиума последнего, в 1930-е годы состоял председателем Союза советских композиторов. В 1937 г. был арестован, в 1938 г. расстрелян.

[12] Менжинская Вера Рудольфовна (1872–1944) – заведующая театральным отделом Наркомпроса, директор Института иностранных языков. Старшая сестра Вячеслава Рудольфовича Менжинского, бывшего в это время первым заместителем председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского.

[13] Каменева (урожд. Бронштейн) Ольга Давидовна (1883–1941) – партийный и советский административный деятель, первая жена Л.Б. Каменева (до 1927), сестра Л.Д. Троцкого. После революции заведовала театральным отделом Наркомпроса (до 1920), занимала различные административные должности. В 1935 г. была выслана из Москвы, в 1936 г. арестована. Расстреляна 11 сентября 1941 г. под Орлом.

[14] Мицкевич Сергей Иванович (1869–1944) – врач-психиатр, революционный и советский государственный деятель. Учился на медицинском факультете Московского университета (1888–1893), со студенческих лет участвовал в революционном движении, был арестован (1894), 3 года провел в тюрьме, затем сослан в Якутию, где работал врачом. С 1903 г. практикующий врач в Москве, затем в Нижнем Новгороде, Саратове. После Октябрьской революции работал в органах народного образования. В 1920 г. был назначен заместителем заведующего внешкольным отделом Наркомпроса, по его инициативе преобразованного тогда же в Главполитпросвет. Один из организаторов (1922) и директор (1924–1934) Музея революции.

[15] Центрархив (Центральный архив) – официальное наименование Центрального архивного учреждения РСФСР, положение о котором было принято декретом ВЦИК от 30 января 1922 г. Центрархив сменил собой Главное управление архивным делом (ГУАД, Главархив) при Наркомпросе. Управление Центрархива подчинялось Президиуму ВЦИК. На Центрархив возлагалось общее руководство, планирование и контроль в области архивного дела на территории РСФСР, а также прямое руководство всеми московскими и петроградскими центральными государственными архивами. 3 февраля 1925 г. Центрархивом было утверждено новое положение об организации ЕГАФ, которым была определена сеть центральных и местных государственных архивов. Центрархив был упразднен 28 января 1929 г. в связи с созданием Центрального архивного управления (ЦАУ) РСФСР.

[16] Анисимов Юлиан Павлович (1886–1940) – поэт, переводчик, искусствовед. В 1913 г. выпустил первую книгу стихов «Обитель». После 1917 г. выпустил еще один сборник стихов – «Земляное» (1926), занимался переводами поэзии американских негров, работал хранителем в Третьяковской галерее, являлся сотрудником Музейного отдела Наркомпроса, был организатором и хранителем музея в подмосковной усадьбе Апраксиных «Ольгово».

[17] Военно-исторический музей с 1924 г. являлся филиалом ГИМ.

[18] Третья студия МХТ была создана режиссером и актером театра Е.Б. Вахтанговым (1883–1922) в 1921 г. на основе Студенческой драматической студии, организованной им же в 1913 г. С 1926 г. именуется театром им. Е.Б. Вахтангова.

[19] Щукин Борис Васильевич (1894–1939) – актер театра и кино. Народный артист СССР (1936). Лауреат Сталинской премии (1941, посмертно). Учился в Высшем техническом училище (ныне МГТУ им. Баумана). В годы Гражданской войны служил в Красной армии. В 1920 г. поступил в Студенческую драматическую студию, ученик Вахтангова и последователь системы Станиславского. До конца жизни служил в театре Вахтангова. В театральном репертуаре Щукина были роли как драматического, так и острохарактерного плана: Тарталья («Принцесса Турандот»), Булычев («Егор Булычев и другие») и пр. В середине 1930-х годов Щукин пришел в кинематограф, снялся в фильмах «Летчики» и «Поколение победителей». Он стал одним из первых и лучшим исполнителем ролей В.И. Ленина как на сцене («Человек с ружьем» в театре Вахтангова), так и на экране в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

[20] Пономарев Леонид Ипполитович (1885–1963) – литературовед, специалист по истории древнерусской литературы и русской литературы XVIII в., музейный работник, администратор. С начала 1925 г. на работе в ГИМ, зам. директора, с апреля и. о. директора, с июля 1925 г. по март 1926 г. директор ГИМ, затем снова зам. директора, с октября 1926 г. зам. директора Оружейной палаты, с 1928 г. снова на работе в

ГИМ. С 1938 г. работал в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, директор ИМЛИ (1940–1944), профессор.

[21] Богоявленский Сергей Константинович (1872–1947) – историк, археограф, источниковед. Член-корреспондент АН СССР (1929). Сын священника, протоиерея Покровского собора (на Красной площади) К.И. Богоявленского. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1895). С 1898 г. на службе в МГАМИД, где проработал более 30 лет. Был одним из учредителей общества «Старая Москва» и одним из авторов коллективного труда по истории Москвы – «Москва в ее прошлом и настоящем». В 1922–1924 гг. преподавал археографию в Московском университете, профессор (1922). В августе 1930 г. был арестован, в 1931 г. осужден и сослан в Новосибирск. Спустя 2 года был досрочно освобожден, вернулся в Москву. С 1939 г. являлся сотрудником Института истории АН СССР.

[22] Топорнин Алексей Николаевич (1897–?) – музеевед, этнограф. Уроженец Симбирской губернии. Окончил Сызранскую гимназию (1918). С 1916 г. по заданию В.Д. Бонч-Бруевича обследовал старообрядческое население Симбирской и Саратовской губерний. В 1917 г. организовал музей в Сызрани, коллекции которого послужили основой Сызранского музея местного края. В 1919–1920 гг. учился на ФОН Самарского университета, в 1923–1925 гг. в МГУ. С 1918 г. действительный член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1918–1923 гг. ученый секретарь археологической секции ВСОРГО, один из редакторов журнала «Этнографические наблюдения» и «Сибирская живая старина». Собирал материалы по истории бурят, экспонировал их на Всероссийской сельскохозяйственной выставке. С 1923 г., после переезда в Москву, – помощник ученого секретаря Московского отделения Центрального бюро краеведения, сотрудник ГИМ (в 1929–1930 гг. возглавлял отдел рабочего быта), ученый секретарь музейной комиссии Московского отделения ГАИМК (до 1929), сотрудник Музейного отдела Главнауки (1925–1928). В 1925–1930 гг. один из организаторов и участник Уральских и Северных историко-бытовых экспедиций ГИМ. С 1931 г. сотрудник сектора производственно-технической пропаганды ВСНХ. В 1931–1935 гг. ученый секретарь управления Наркомтяжпрома по организации и строительству Дворца техники, затем консультант отдела черной металлургии Политехнического музея. В 1937 г. младший научный сотрудник Института истории науки и техники. Арестован в 1943 г., в январе 1945 г. ОСО при НКВД приговорен за «антисоветскую агитацию» к 10 годам ИТЛ. Освобожден в июне 1954 г., отправлен в ссылку в Акмолинскую область. Реабилитирован в 1957 г.

[23] Шапошников Борис Валентинович (1890–1956) – искусствовед, литературовед, художник, музейный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, Московский археологический институт. После революции работал театральным художником, состоял членом РАХН-ГАХН, читал лекции по философии и истории искусства. Стал организатором и директором (1920–1929) Бытового музея 40-х годов на Собачьей площадке в Москве. В 1929 г. был арестован и сослан, по возвращении (1932) переехал в Ленинград. С 1936 г. работал в Пушкинском Доме, тогда же возглавил работу над созданием экспозиции мемориального музея Пушкина на набережной Мойки, был автором первого путеводителя по этому музею. В 1948 г. под его руководством была создана экспозиция Всесоюзного музея А.С. Пушкина.

[24] Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – искусствовед, литературовед, театровед, переводчик. Родился в семье инженера. С золотой медалью окончил гимназические классы Лазаревского института восточных языков (1907). Учился на юридическом факультете Московского университета (1907–1911), параллельно слушая лекции на историко-филологическом факультете. Известность принес ему его перевод с древнееврейского «Песни Песней Соломона» (1909) с составленной им антологией «Песнь Песней в русской поэзии» и предисловием В.В. Розанова. В 1911–1918 гг. постоянно

выступал как художественный и литературный критик в газете «Русские ведомости», сотрудничал в журнале «Аполлон», газете «Утро России» и в русско-еврейской прессе. В 1914–1917 гг. находился в армии. В июне 1917 г. был избран от эсеров гласным Московской городской думы и председателем комиссии по внешнему благоустройству города. В 1917–1918 и 1919–1929 гг. работал помощником хранителя отдела новейшей живописи Третьяковской галереи (в 1918–1919 гг. был отстранен от работы по требованию месткома за систематические антибольшевистские выступления в «Русских ведомостях»), преподавал в Государственных свободных художественных мастерских (1919–1920). В 1919–1927 гг. заведовал учетом и охраной памятников искусства в Музейном отделе Наркомпроса. В 1924–1929 гг. работал также в Государственном музее изящных искусств хранителем отдела французской живописи, затем зам. директора по научной части. Кроме того, в 1920–1926 гг. заведовал художественной частью МХАТ и Государственного еврейского камерного театра, являлся действительным членом ГАХН (1927–1931). Совместно с Горьким и Чуковским был одним из основателей и членом редколлегии журнала «Русский современник» (1924). С 1932 г. состоял в редакционном совете издательства «Academia», руководя отделами французской литературы и искусствоведения, занимался переводами произведений европейской литературы. Был членом Союза писателей и Союза художников с момента их основания. В 1937 г. был арестован, обвинен в антисоветской агитации и выслан из Москвы на 3 года в Ростов, где продолжил литературную деятельность. По возвращении в Москву в 1940–1941 гг. преподавал в Московском институте изобразительных искусств. В годы войны находился в эвакуации в Ташкенте, читал лекции в Среднеазиатском университете. С 1944 г. – старший научный сотрудник Института истории искусств АН СССР и профессор (1945) кафедры истории театра в ГИТИСе и Школе-студии МХАТ. Во второй половине 1940-х годов, в период кампании по борьбе с «формализмом» и «космополитизмом», Эфрос был подвергнут острой критике, его научная и педагогическая деятельность в Москве была прервана. В 1950–1954 гг. жил в Ташкенте, был профессором местного театрального института.

[25] Мограчев (у автора – Могрычев) Сергей Захарович (1887–1960) – скульптор, медальер, педагог. Уроженец Екатеринбурга. Учился на естественном факультете Парижского университета (1907–1912), одновременно занимался скульптурой. После 1917 г. жил в Москве. В 1920-е годы член АХР(Р) и художественного объединения «Жарцвет», заведующий Музеем фарфора (филиалом Оружейной палаты), член Ученого совета Оружейной палаты. Впоследствии (1944–1952) преподавал в Московском институте прикладного и декоративного искусства (бывш. Строгановском училище).

[26] Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925) – выдающаяся актриса, с 1863 по 1912 г. в труппе Малого театра. Сыграла около 30 ролей в пьесах Островского. Народная артистка Республики (1924). Герой Труда (1924).

[27] Феликс Феликсович Вишневский до революции вместе с братьями Евгением и Львом являлся совладельцем фабрики, изготовлявшей художественную бронзу и церковную утварь. В 1920-е годы был сотрудником Исторического музея и Музейного отдела Главнауки Наркомпроса. Дядя Ф.Е. Вишневского.

[28] Яковлев Алексей Иванович (1878–1951) – историк, специалист по истории России XVII в. Член-корреспондент АН СССР (1929). Сын известного чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Окончил Симбирскую классическую гимназию (1896), историко-филологический факультет Московского университета (1900), был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. С мая 1906 г. приват-доцент Московского университета, одновременно служил в Румянцевском музее помощником библиотекаря. Магистр (1916), доктор (1917) русской истории. В 1917–1918 гг. – сверхштатный ординарный профессор, в 1918–1920 гг. – ординарный профессор по кафедре русской истории историко-филологического фа-

культета Московского университета. В 1920 г. по просьбе отца уехал из Москвы в Симбирск и начал работать в Чувашском институте народного образования в должности профессора истории и заведующего учебной частью. Осенью 1922 г. вернулся в Москву, где преподавал на университетских Высших литературных курсах, вел исследовательскую работу. В 1922–1930 гг. состоял действительным членом Института истории РАНИОН, в 1927–1929 гг. – профессор этнологического факультета 1 МГУ. Одновременно (1924–1930) директор библиотеки ВСНХ СССР. В августе 1930 г. был арестован по «Академическому делу» и отправлен в ссылку в Минусинск, где служил библиотекарем и сотрудником Мартьяновского музея. По возвращении в Москву из ссылки (1933) работал при Картографическом тресте Наркомтяжпрома (1934–1937). В 1938–1951 гг. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР, в 1943–1951 гг. – профессор исторического факультета Московского университета. За книгу «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII веке» был удостоен Сталинской премии 2-й степени.

[29] По-видимому, речь идет о праздновании на работе, поскольку день 8 марта пришелся на выходной.

[30] Кивокурцев Николай Петрович (1902–1944) – археолог, музейный работник. Племянник А.Н. Зографа. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. На протяжении нескольких лет был сотрудником Музея изящных искусств. С 1926 г. постоянно принимал участие в работе археологических экспедиций в Керчи и на Таманском полуострове. В начале 1930-х годов переехал из Москвы в Керчь, работал научным сотрудником, затем – заведующим фондами Керченского музея. Находился в составе Боспорской экспедиции с 1934 г. на раскопках Тиритаки и Мирмекия. Одновременно учился в аспирантуре ИИМК. Написал ряд научных работ – «Клад монет митридатовского времени, найденный в Тиритаке», «Родосская эллинистическая керамика», рукописи которых не сохранились. В 1941 г. участвовал в подготовке к эвакуации фондов Керченского музея, затем записался в народное ополчение, в составе 51-й армии принимал участие в Керченско-Феодосийском десанте. Умер в госпитале от тифа.

[31] Речь идет о магазине предприятия «Геофизика» (бывшего акционерного общества «Ф. Швабе»).

[32] Первая из упомянутых монет (последний выпуск Херсонеса периода автономии с именем магистрата ΜΟΙΡΙΟΣ, 120–110 гг. до н. э.) опубликована: *Бертье-Делагард А.Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1906. Т. XXVI. Табл. I, 10. Публикации остальных см.: *Орешников А.В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Воспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // НС. М., 1913. Т. II. *Орешников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики черноморского побережья. 5) Дополнения к нумизматике Пантикапея и Херсонеса Таврического // НС. М., 1915. Т. III.

[33] Ламанова Надежда Петровна (1861–1941) – модельер, художник по костюмам в театре и кинематографе. До революции изделия, изготовленные в мастерских Ламановой, высоко ценились в столичной артистической и аристократической среде; Ламанова исполняла заказы Двора. В 1920-х годах она работала над созданием рациональных форм бытового костюма. По ее моделям шились костюмы для спектаклей МХТ, к фильмам «Аэлита» (1924) и «Александр Невский» (1938).

[34] Губерт Михаил Владимирович (1888–1955) – военный специалист, музейный работник. Родился в Ереване, сын судебного чиновника. Учился в Московском университете (1908–1915), в 1916 г. был призван в армию, поступил в Михайловское артиллерийское училище, прапорщик. С 1918 по 1922 гг. – в РККА. В 1922–1927 гг. сотрудник Музея изобразительных искусств. С 1927 по 1930 г. работал в издательстве «Современник». С 1932 г. снова в РККА, с 1934 г. – помощник начальника отделения

по личному составу Военно-химической академии. Его жена – Губерт (урожд. Ануфриева) Елизавета Петровна (1894 – после 1933) – библиотекарь, музейный работник. О них см.: Орден российских тамплиеров. Т. II: Документы 1930–1944 гг. / Публ., вступ. ст., коммент., указ. А.Л. Никитина. М., 2003.

[35] Воронов Никита Васильевич (1924–2002) – искусствовед, доктор искусствоведения, профессор. Зав. сектором НИИ теории и истории изобразительных искусств АХ СССР.

[36] Нариманов Нариман Кербалай Наджаф оглы (1870–1925) – азербайджанский писатель, общественный деятель, сельский учитель, врач; большевик с 1905 г. Первый председатель СНК Азербайджанской ССР (1920–1922). С 30 декабря 1922 г. стал председателем ЦИК СССР от ЗСФСР. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

[37] Бардыгин Алексей Михайлович – сын фабриканта, общественного деятеля и мецената Михаила Никифоровича Бардыгина, племянник антиквара Владимира Васильевича Постникова. В 1925–1928 гг. работал практикантом, затем сверхштатным сотрудником в отделе государственного быта ГИМ. Был арестован 3 апреля 1928 г. в связи с «религиозным вопросом», помещен в Бутырки, какое-то время наблюдался в Институте судебной психиатрии им. Сербского. В январе 1929 г. приговорен к 5 годам заключения, которое с 1930 г. отбывал на Соловках. Дальнейшая судьба неизвестна.

[38] Симони Павел Константинович (1859–1939) – филолог, палеограф, источниковед, библиограф, историк книги, педагог. Член-корреспондент РАН (1921). Окончил Петербургский университет (1886), в 1892 г. поступил на службу делопроизводителем и заведующим канцелярией Отделения русского языка и словесности АН, оставался на этом посту вплоть до выхода на пенсию в 1926 г. Состоял членом многих научных обществ, в том числе МАО (с 1896), Общества любителей древней письменности (с 1897), Русского географического общества (с 1898). Подготовил и издал ряд памятников древнерусской книжности, опубликовал исторические сведения о многих деятелях книжного дела, составил библиографические указатели по русскому языку и фольклору. В советское время работал в разных учебных заведениях и научных учреждениях – Педагогической академии, Институте внешкольного образования, на Высших курсах библиотековедения (при Публичной библиотеке в Ленинграде), в 1919–1928 гг. был сотрудником Палеографического кабинета Археологического института при Петроградском университете (с 1925 Музея палеографии АН СССР).

[39] Это издание выходило с 1877 г. К 1919 г. вышло 10 томов.

[40] Кузьминская (урожд. Берс) Татьяна Андреевна (1846–1925) – сестра С.А. Толстой, автор мемуаров.

[41] Дударева Валентина Александровна (1871–1964) – искусствовед, сотрудница ГИМ. Окончила Строгановское училище (1903), Московский археологический институт (1915). Жена Н.И. Новосадского.

Нащокинский домик – изготовленный в 1830-х годах по заказу коллекционера, друга А.С. Пушкина Павла Воиновича Нащокина макет одной из его квартир (в том числе комнаты, где останавливался Пушкин) со всем убранством (более 600 предметов), размером 2,5 × 2 метра.

[42] Полосин Иван Иванович (1891–1956) – историк, краевед, специалист по истории России XVI в., профессор МГПИ, доктор исторических наук (1939). В 1930 г. был арестован по «Академическому делу» и приговорен к 3 годам концлагерей.

[43] Московское ювелирное товарищество (МЮТ) было создано распоряжением наркома финансов в 1923 г. и объединило московских ювелиров-кустарей и небольшие ювелирные мастерские. Существовало до 1927 г. МЮТ занималось производством и продажей, скупкой у населения и реставрацией ювелирных изделий, организацией их вывоза для продажи за границу.

[44] Бахрушин Алексей Петрович (1853–1904) – предприниматель, коллекционер, библиофил. С 1875 г. совладелец Товарищества кожевенной и суконной мануфактуры «А. Бахрушин и сыновья». Состоял членом-соревнователем Исторического музея. Собрал библиотеку (около 25 тысяч томов, главным образом, по истории, археологии, географии и этнографии России), коллекцию икон XVII–XVIII вв., гравюр, миниатюр, предметов декоративно-прикладного искусства. После смерти Бахрушина его собрание по завещанию поступило в РИМ (1904). Его жена – Бахрушина (урожд. Макеева) Анна Степановна (1858–1925).

[45] Беленький Абрам Яковлевич (1882–1941) – один из руководителей советских органов государственной безопасности, майор госбезопасности (1935). В 1921–1922 гг. член коллегии ВЧК, с 1922 по 1928 гг. начальник спецотделения при Коллегии ГПУ-ОГПУ. Отвечал за охрану высшего руководства страны. С 1930 г. особоуполномоченный при председателе ОГПУ, с 1934 г. – при наркоме внутренних дел СССР. Занимался разбором личных дел сотрудников органов. В 1938 г. снят с должности и вскоре арестован, приговорен «за антисоветскую агитацию» к 5 годам лишения свободы. В 1941 г. приговорен к смертной казни, расстрелян.

[46] Константин (1856–1938) и Николай (1854–1927) Петровичи Бахрушины – предприниматели, благотворители, общественные деятели, братья А.П. Бахрушина.

[47] Поспелова (Губерт-Поспелова, урожд. Помельцова) Вера Васильевна (1891 – после 1960) – технический редактор, музыкальный педагог. Окончила 2-ю московскую гимназию и Московскую консерваторию. На момент ареста в апреле 1937 г. работала техническим редактором издательства «Советская энциклопедия». Обвинялась в принадлежности к анархо-мистикам и организации «Черный крест помощи заключенным и нуждающимся анархистам». Была приговорена к 5 годам ИТЛ в Севвостлаге (Колыма). Фактически освобождена в 1946 г., жила в Малоярославце, работала сотрудником районной библиотеки, музыкальной школы. Повторно арестована в апреле 1950 г., решением ОСО МГБ этапирована на поселение в Красноярский край. Реабилитирована в 1960 г. О ней см.: *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998; Орден российских тамплиеров. Т. II: Документы 1930–1944 гг. / Публ., вступ. ст., комментарии, указ. А.Л. Никитина. М., 2003.

[48] По-видимому, автор говорит о епископе (впоследствии архиепископе) Стефане (Адриашенко) (1870 – после 1935), в это время – викарии Екатеринославской епархии.

[49] Речь идет о взрыве 16 апреля 1925 г. в соборе Святой Недели в центре Софии, устроенном болгарскими коммунистами с целью покушения на царя Бориса III, премьер-министра Александра Цанкова и других представителей высшей администрации Болгарии. В результате взрыва было убито более 200 и ранено около 500 человек; царь, премьер и члены правительства не пострадали. Взрыв спровоцировал волну жестоких репрессий против представителей левых партий Болгарии.

[50] Олсуфьева (урожд. Глебова) Софья Владимировна (1884–1943) – супруга Ю.А. Олсуфьева, фрейлина имп. Александры Федоровны. Известен ее портрет кисти В.А. Серова. После революции и переезда в Сергиев Посад помогала мужу в его исследовательской и издательской деятельности. Была арестована в 1941 г. как «социально опасный элемент», скончалась в лагере.

[51] Эрдели Ксения Александровна (1878–1971) – выдающаяся арфистка, музыкальный педагог, народная артистка СССР (1966). В 1895 г. окончила Смольный институт в Петербурге, где обучалась игре на арфе у Е.А. Вальтер-Кюне. В 1899–1907 и 1918–1938 гг. – солистка оркестра Большого театра. Игра Эрдели отличалась тонкостью колорита, виртуозным мастерством. Переложила для арфы многие пьесы различных композиторов, автор сочинений для арфы. С 1911 г. преподавала в Смольном институте, в 1913–1917 – в Петербургской консерватории, с 1918 г. – в Московской

консерватории (с 1939 – профессор), в 1944–1954 гг. – также в Институте им. Гнесиных. Автор мемуаров «Арфа в моей жизни».

[52] Гиацинтова Софья Владимировна (1895–1982) – выдающаяся актриса, театральный режиссер, народная артистка СССР (1955). Лауреат Сталинской премии первой степени (1947). Артистка МХТ и 2-го МХАТ (1910–1936), актриса, художественный руководитель и режиссер Ленкома (1938–1958, 1961–1982).

[53] Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса, народная артистка СССР (1937), лауреат Сталинской премии (1943), жена А.П. Чехова. Первая исполнительница ролей в чеховских спектаклях МХТ: Аркадиной («Чайка»), Елены Андреевны («Дядя Ваня»), Маши («Три сестры»), Раневской («Вишневый сад»), Сарры («Иванов»). Автор воспоминаний о Чехове.

[54] Речь идет о В.Э. Борисове-Мусатове.

[55] Гальнбек Иван Андреевич (Иоганнес Леопольд) (1855–1934) – архитектор, искусствовед, рисовальщик, коллекционер, этнограф, знаток эстонской и финской культуры и быта. Закончил архитектурное отделение АХ (1879). В 1881 г. был назначен старшим библиотекарем Центрального училища технического рисования барона Штиглица, преподавал в училище рисование, читал лекции. Благодаря его стараниям библиотека училища стала одним из богатейших в России собраний книг по декоративно-прикладному искусству. Был создателем и первым председателем (1904–1908) Русского художественно-промышленного общества, корреспондентом Этнографического отдела Русского музея, в 1906–1907 гг. занимался этнографическими исследованиями на территории Эстонии, в ходе которых собрал уникальную коллекцию костюмов и предметов крестьянского быта, насчитывающую более 700 предметов. С 1921 г. Гальнбек работал заведующим разряда металла в Институте археологической технологии при РАИМК-ГАИМК, преподавал рисование в Топографическом училище. С 1918 г. являлся хранителем оловянных художественных изделий в Эрмитаже, будучи крупным специалистом по истории оловянного дела и реставрации изделий из олова. С 1924 г. стал сотрудником библиотеки Эрмитажа. Одновременно в 1923–1929 гг. был сотрудником отделения рисунков и гравюр Русского музея.

[56] Введенская Александра Георгиевна (1886–1965) – искусствовед, сотрудник ГИМ.

[57] Заозерская Елизавета Ивановна (1897–1974) – историк, ученица С.Ф. Платонова и С.В. Рождественского.

[58] Денике Борис Петрович (1885–1941) – искусствовед. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Преподаватель Московского университета (с 1920, с 1925 – профессор), позднее МИФЛИ. В 1926–1928 гг. являлся директором Музея восточных культур, руководил раскопками древнего Термеза. В 1920–30-е годы был сотрудником РАНИОН, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

[59] Вайнер Лазарь Яковлевич (1885–1933) – скульптор. Учился в Одесском художественном училище (1909–1912), затем в Париже (1912–1914). С 1917 г. член РСДРП. В 1920-е годы сотрудник Музейного отдела Главнауки.

[60] Петри Эгон (Egon Petri, 1881–1962) – выдающийся немецкий пианист голландского происхождения, педагог. В 1923 г. стал первым зарубежным солистом, посетившим СССР.

Сигети Йожеф (Szigeti Jozsef, 1892–1973) – венгерский скрипач, в 1924–1927 гг. неоднократно посещал с гастролями СССР.

[61] Лало Эдуард (Laló Édouard, 1823–1892) – французский композитор.

[62] Московский кустарный музей (ныне его коллекции входят в состав Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства) был основан в 1885 г. московским губернским земством и назывался первоначально Торгово-промышленным музеем кустарных изделий. Первыми экспонатами музея были изделия

кустарных промыслов, представленные тремя годами ранее на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. С 1890 г. им стал руководить Сергей Тимофеевич Морозов (брат Саввы Морозова), который в начале 1900-х годов купил и приспособил для нужд музея новое помещение (дом № 7 в Леонтьевском переулке). В 1911 г. к зданию музея пристроили помещение для магазина. После 1917 г. Морозов продолжал заведовать музеем, с 1924 г. занял должность музейного консультанта. В 1925 г. он эмигрировал во Францию, где провел остаток жизни (ум. 1944). В 1931 г. на базе Кустарного музея был создан научно-исследовательский институт, с 1941 г. именовавшийся НИИ художественной промышленности. Музей стал структурным НИИ на правах отдела, получив название Музея народного искусства.

[63] Возможно, речь идет об одном из произведений немецкого писателя Якоба Вассермана, а также книге И.Я. Гурлянда «Иван Гебдон, комиссариус и резидент. (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века)». Ярославль, 1903.

[64] Фасмер Ричард Ричардович (Роман Романович) (1888–1938) – востоковед-арабист, нумизмат. Сын германского подданного, родился в Петербурге (в 1910 г. приведен к присяге на подданство России). Брат известного немецкого языковеда М. Фасмера (1886–1962). В 1906 г. окончил гимназию К.И. Мая и поступил на философский факультет Лейпцигского университета, где слушал лекции по востоковедению. В 1906 г. перешел на восточный факультет Петербургского университета, который закончил в 1910 г. с дипломом 1-й степени. В 1911 г. причислен к Эрмитажу как специалист по истории мусульманского Востока (владел арабским, персидским, турецким, древнееврейским, латынью, древнегреческим и несколькими европейскими языками). В 1916–1918 гг. отбывал военную службу. В 1918 г. назначен хранителем восточных монет Эрмитажа, а с 1920 г. – заведующим отделением восточных монет. С 1919 по 1931 г. (по совместительству) научный сотрудник (позже секретарь) комиссии (позднее секции) по нумизматике и глиптике ГАИМК. Составил около 500 протоколов научных заседаний секции, своего рода летопись нумизматики в СССР за эти годы. Подготовил 8 томов рукописного каталога куфических монет собрания Эрмитажа. Подготовил (к 1925) первую в России выставку монет Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. В 1932 г. получил должность профессора. Член Шведской археологической академии. Автор более 50 научных трудов, опубликованных в советских и зарубежных изданиях. Самый значительный труд – исследование кладов куфических монет на основе разработанной им методики изучения кладов по их составу (Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. 1933. 4-я серия. № 6–7). Арестован 10 января 1934 г. по «делу Российской национальной партии» («делу славистов»). Осужден на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в БАМЛаге, затем в Ташкенте, работал в канцелярии Управления среднеазиатских трудовых лагерей. Умер 22 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

[65] Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, специалист по истории социалистических и коммунистических идей домарксистского периода; администратор. Академик АН СССР (1930). Лауреат Ленинской премии (1961, за книгу «Развитие общественной мысли во Франции»). Учился с перерывами на физико-математическом, затем историко-филологическом факультетах Московского университета (окончил в 1908). С 1914 г. преподавал в университете Шанявского. Член компартии с 1920 г. В 1919–1930 гг. профессор МГУ по кафедре истории социализма, в 1921–1925 гг. ректор МГУ, в 1925–1929 гг. декан этнологического факультета. В 1921–1922 гг. заместитель председателя Главного комитета профессионально-технического образования Наркомпроса. Один из организаторов Института истории РАНИОН, Института истории Коммунистической академии, Общества историков-марксистов. В 1930–1935 гг. непременный секретарь, в 1942–1953 гг. вице-президент АН СССР. В 1947–1951 гг. депутат Верховного Совета РСФСР.

[66] Дин Башфорд (Dean Bashford, 1867–1928) – американский зоолог, ихтиолог, историк оружия, специалист по средневековому оружию и доспехам. Был сотрудником Музея естественной истории и Метрополитен музея в Нью-Йорке.

[67] Бубнова Ольга Николаевна (1897–1938) – искусствовед; жена А.С. Бубнова. В 1920-е годы сотрудница Исторического музея, с 1929 г. служила в Госторге. В 1930-е годы была сотрудником Московского областного союза советских художников. Была арестована в октябре 1937 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной террористической организации». Расстреляна.

[68] Гиацинтов Владимир Георгиевич (1859–1933) – историк искусства, профессор Московского университета, с 1918 г. сотрудник Музея изящных искусств, в 1921–1923 гг. и. о. директора, с 1923 по 1927 г. – зам. директора музея; в 1927–1929 гг. – зав. отделом скульптуры.

[69] Возможно, имеется в виду Большая Московская гостиница, располагавшая неподалеку от здания Исторического музея.

[70] Арендт Всеволод Викторович (1887–1937) – офицер, историк оружия и военного дела, музейный деятель. Учился на юридическом факультете Тулузского университета (1906–1908), был слушателем Московского археологического института (1909–1910), в 1911 г. как стипендиат института занимался в музеях Вены и Парижа. Одновременно с 1908 г. состоял на военной службе, во время Первой мировой войны находился в действующей армии, в 1915 г. командовал эскадроном 1-го лейб-драгунского московского полка. В октябре 1917 г. вышел в отставку в чине штабс-ротмистра «по болезни и контузии». В 1918–1923 гг. служил в РККА, работал в Главном управлении коннозаводства, перед демобилизацией занимал пост заместителя начальника учебной части Высшей школы штабной службы командного состава. В 1925–1933 гг. работал в Историческом музее, заведовал филиалом ГИМ – Военно-историческим музеем, был консультантом Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) и Театрального музея. В середине 1930-х годов переехал в Ленинград, работал старшим научным сотрудником, затем ученым секретарем Артиллерийского исторического музея. 1 октября 1937 г. ему присвоили звание профессора Государственного музея этнографии. На следующий день он был арестован, обвинялся в принадлежности к «антисоветской группе», пропаганде контрреволюционных взглядов и необходимости террористических методов борьбы против советской власти. Расстрелян 14 декабря 1937 г.

[71] Книпович Вера Федоровна – поэтесса, ее сестра Евгения Федоровна (1898–1989) – критик, литературовед. Племянницы известного биолога Н.М. Книповича и народоволки, а затем члена РСДРП Л.М. Книпович – подруги Н.К. Крупской.

[72] Пожидаев Василий Павлович – этнограф, кавказовед.

[73] Моргунов Николай Сергеевич (1882–1948) – искусствовед, научный сотрудник Третьяковской галереи.

[74] Речь, вероятно, идет об одном из двух оставшихся в России после 1917 г. сыновей известного купца, предпринимателя Петра Павловича Сорокоумовского – Николае (1873–1937, расстрелян) или Александре Петровиче.

[75] Блаватский Владимир Дмитриевич (1899–1980) – археолог, искусствовед, историк античности, специалист по истории и археологии Сев. Причерноморья. Профессор МГУ (1943), доктор искусствоведения (1943). Родился в семье таможенного чиновника в Петербурге. Окончил 3-ю московскую гимназию (1917), поступил в Московский университет, в 1919–1922 гг. служил в РККА. В 1924 г. был зачислен научным сотрудником отдела античного искусства Государственного музея изящных искусств. В 1920-е годы участвовал в раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Впоследствии руководил раскопками античных городов Харакса (1931–1935), Фанагории (1936–1940), Пантикапея (1945–1958) и подводными археологическими исследованиями в Сев. Причерноморье (1957–1965). Заведовал созданным

им сектором античной археологии Института археологии АН СССР. Основные работы: «Архитектура античного мира» (1939), «Греческая скульптура» (1939), «Искусство Северного Причерноморья античной эпохи» (1947); «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (1953), «История античной расписной керамики» (1953); «Античная археология Северного Причерноморья» (1961); «Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора» (1964), «Античная полевая археология» (1967) и др.

[76] Тальгрен (Tallgren) Арне Михаэль (1885–1945) – финский историк и археолог. Профессор университета в Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923). Член Финской АН (1926). Специалист по бронзовому и раннему железному веку Восточной Европы. Неоднократно участвовал в археологических раскопках в различных районах России.

[77] Флоренская Юлия Александровна (1884–1947) – врач-психиатр, сестра П.А. Флоренского.

[78] Петров Федор Николаевич (1876–1973) – партийный и государственный деятель, организатор музейного дела. Родился в Москве в рабочей семье. Окончил медицинский факультет Киевского университета (1902). С 1894 г. принимал активное участие в революционном движении, член РСДРП с 1896 г. В 1906 г. был арестован, отбывал срок в Шлиссельбургской крепости (1907–1915), с 1915 г. жил на поселении в Иркутской губернии. Во время Февральской революции был освобожден, с марта 1917 г. являлся депутатом Иркутской городской думы, председателем Знаменской районной организации РСДРП(б). Принимал активное участие в подавлении антибольшевистского выступления юнкеров в декабре 1917 г. В 1918 г. участвовал в партизанском движении в Сибири. В 1920–1922 гг. был одним из руководителей Дальневосточной республики: член Дальневосточного бюро ЦК (с августа 1920) и Забайкальского областного бюро ЦК РКП(б) (октябрь–декабрь 1920), министр здравоохранения ДВР (с ноября 1920), начальник Главного военно-санитарного управления Народно-революционной армии ДВР, заместитель председателя Совета министров ДВР (с апреля 1921). Глава делегации ДВР на Дайренской конференции. С 1923 по 1927 г. возглавлял Главнауку, с 1927 г. на протяжении многих лет руководил редакциями советских энциклопедических и словарных изданий. В 1929–1933 гг. был председателем ВОКС. В 1934–1952 гг. – директор НИИ музееведения и краеведения Наркомпроса РСФСР.

[79] Рожков Николай Александрович (1868–1927) – историк, политический деятель, директор ГИМ (1926–1927). Родился в городе Верхотурье Пермской губернии в обедневшей дворянской семье. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1890). Будучи студентом, участвовал в революционных беспорядках. В 1891–1897 гг. преподавал классические языки в Пермской гимназии. В 1899 г. защитил диссертацию «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (в том же году вышла отдельной книгой и по представлению диссертационного оппонента В.О. Ключевского получила большую Уваровскую премию). С 1898 г. в качестве приват-доцента начал преподавать в Московском университете. В 1905 г. вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. В 1905–1906 гг. член Московского, а в 1906–1907 гг. – Петербургского комитета большевиков, сотрудник ряда большевистских изданий. С 1906 г. на нелегальном положении. Делегат V съезда РСДРП (1907), на котором был избран в ЦК партии; в 1907–1908 гг. входил в Русское бюро ЦК РСДРП. В апреле 1908 г. был арестован, в 1910 г. сослан в Иркутскую губернию. В ссылке примкнул к меньшевикам, сотрудничал в их печати. После Февральской революции вошел в группу московских социал-демократов – «объединенцев». С их согласия стал товарищем министра почт и телеграфов Временного правительства (май–июль). В августе 1917 г. вступил в партию меньшевиков, избран в ее ЦК. Октябрьскую революцию встретил враждебно, оценил ее как антидемократический переворот, авантю-

ру, предвестник «грядущего бонапартизма». В то же время на чрезвычайном съезде меньшевиков выступил против вооруженной борьбы с большевиками. В 1921–1922 гг. дважды арестовывался, планировалось выслать его за границу. Около полутора лет провел во Пскове, преподавал в местном педагогическом институте. По возвращении в Москву читал лекции в Институте красной профессуры, в Академии коммунистического воспитания, 1-м МГУ, других вузах. С 1922 г. профессор. В 1926 г. Рожкова, по предложению М.Н. Покровского, бывшего его сокурсника по университету, назначили директором ГИМ. Умер в Москве 2 февраля 1927 г.

Невский Владимир Иванович (наст. фамилия и имя – Кривобоков Феодосий Иванович, 1876–1937) – революционный, советский государственный и партийный деятель, историк, автор работ по истории народнического, рабочего и социал-демократического движения, по истории партии. Член РСДРП с 1897 г., профессиональный революционер. В 1918–1919 гг. – нарком путей сообщения РСФСР. В 1919–1920 гг. член Президиума и заместитель председателя ВЦИК, одновременно заведующий отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне, некоторое время примыкал к «рабочей оппозиции». В 1919–1921 гг. ректор Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1921–1922 гг. работал в Петроградском бюро Истпарта. С 1924 г. директор Библиотеки им. В.И. Ленина. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Был арестован в феврале 1935 г., во время разгрома Сталиным школы партийных историков, обвинен в «руководстве антипартийной группой» и приговорен к 5 годам ИТЛ (Суздальский политизолятор). В 1937 г. приговор был пересмотрен, 26 мая В.И. Невский был расстрелян.

[80] Лукин Николай Михайлович (1885–1940) – историк, публицист. Академик АН СССР (1929, исключен в 1938, восстановлен в 1957). Родился в семье учителя начальной школы, двоюродный брат Н.И. Бухарина. Окончил с золотой медалью 2-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета (1903). Член РСДРП(б) с 1904 г., в 1906 г. вошел в состав ее Московского комитета. Участник революции 1905–1907 гг., в 1907 г. был арестован, сослан в Ярославль. По возвращении в Москву (1908) восстановился в университете, который окончил в 1909 г., по ходатайству его научного руководителя Р.Ю. Виппера был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. С 1915 г. преподавал в Московском университете, приват-доцент (1916). Участник революции 1917 г. С июня 1918 г. профессор Социалистической (позднее – Коммунистической) академии, с 1919 г. преподавал на ФОН МГУ, в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, затем в Академии Генштаба РККА, Институте красной профессуры, был научным сотрудником Института истории РАНИОН. Являлся одним из трех кандидатов-коммунистов, чьи кандидатуры были провалены на выборах в члены АН в январе 1929 г., что послужило прологом к «Академическому делу». С 1931 г. возглавлял кафедру новой истории в МИФЛИ, а с 1934 г. – в МГУ. В 1932–1936 гг. директор Института истории Коммунистической академии, затем Института истории АН СССР. В 1933–1938 гг. ответственный редактор журнала «Историк-марксист». В августе 1938 г. арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ. Умер в заключении.

[81] По всей вероятности, речь идет о профессоре политэкономии Владимире Владимировиче Святловском (1869–1927). Святловский Владимир Владимирович (1871–1927) – профессор политэкономии Петроградского университета, заведующий экономическим кабинетом Петроградского университета, член-попечитель Совета музея антропологии и этнографии АН (с 1917). Автор книг: Примитивно-торговое государство, как форма быта. СПб., 1914 (Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Ч. 118); Происхождение денег и денежных знаков. М.; Пг., 1923.

[82] Харко (у автора Харько) Лев Петрович (1899–1961) – историк, искусствовед, нумизмат, специалист в области античной нумизматики Сев. Причерноморья.

Кандидат исторических наук. Окончил ФОН МГУ (1922). Одновременно учился во ВХУТЕМАСе на архитектурном и живописном факультетах. С 1924 г. служил в отделе нумизматики ГМИИ: с 1924 по 1952 г. – зав. отделом, с 1952 по 1961 г. – старшим научным сотрудником. Участвовал в организации нумизматического кабинета и пополнении коллекции. Был инициатором и руководителем первых археологических экспедиций ГМИИ на Таманский п-ов (1927–1930). В 1920–1930-х годах вел педагогическую работу в высших учебных заведениях, составил пособия для студентов ИФЛИ.

[83] Александро́вский Михаил Иванович (1865–1943) – педагог, краевед, историк Москвы, сотрудник ГИМ. Сын писателя и богослова, протоиерея И.Н. Александровского. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1887) по специальности языковедение. На протяжении нескольких лет давал частные уроки. С 1896 г. преподавал в гимназиях в Люблине, Варшаве, Калише (в 1904 г. был директором калишской гимназии), Холме. Организовывал частично на свои средства экскурсии с учениками по России. В 1909 г. состоял инспектором Варшавского учебного округа, в следующем году вышел в отставку, поселился в Москве. С 1914 г. стал изучать историю Москвы и ее архитектуру, преимущественно, церковное зодчество, опубликовал ряд брошюр на эту тему, подготовил несколько указателей московских церквей. Участвовал в работе церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения. В первые послереволюционные годы был сотрудником Комиссии музеев и охраны памятников искусства и старины при Моссовете (Мосгубмузея), заведовал ее бытовым подотделом. Являлся членом-корреспондентом МАО (1919–1923). В 1923 г. работал в церковной секции Музейного отдела Главнауки (1923), историко-географической комиссии при Московском коммунальном музее. В 1922 г. стал внештатным, а с 1924 г. штатным сотрудником ГИМ, в 1925 г. состоял ученым сотрудником отдела архитектуры, секретарем общества «Старая Москва», в 1927–1929 гг. прочел курс лекций по истории Москвы в Обществе друзей ГИМ. Одновременно участвовал в работе Московского отделения Центрального бюро краеведения, Общества изучения русской усадьбы, комиссии по искусству Московской секции ГАИМК. Будучи активным членом приходской общины при церкви Святого Спиридона, входил в состав охраны патриарха Тихона. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. несколько месяцев содержался в заключении в Ивановском монастыре по одному из «дел церковников». С 1930 по 1942 г. состоял консультантом отдела архитектуры ГИМ, в 1934–1937 гг. сотрудничал с архивно-исторической бригадой Комиссии по строительству метрополитена ГАИМК, в 1938–1942 гг. работал в Комиссии по истории Москвы при Институте истории АН СССР, участвовал в составлении списка памятников архитектуры, подлежащих сохранению при реконструкции Москвы. С середины 1930-х годов и до конца жизни сотрудничал с Академией архитектуры СССР.

[84] Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, профессор Московского университета, министр народного просвещения (1908–1910). Правнук профессора Московского университета, масона Ивана Григорьевича Шварца.

[85] Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958) – переводчик, знаток гравюры, коллекционер, многолетний (с 1907) сотрудник Румянцевского музея и ГБЛ. Друг Андрея Белого. Входил в кружок «аргонавтов», член редколлегии издательства «Мусагет». Антропософ, один из учредителей Антропософского общества в России (1913), один из основателей и редактор антропософского издательства «Духовное знание». Арестовывался в 1924 и 1931 г., после второго ареста провел 3 года в ссылке на строительстве Беломорканала.

[86] Кисляков Павел Владимирович (1876–1938) – инженер, врач, москвовед. Из купеческой семьи. Окончил физико-математический (1899) и медицинский (1902, кафедра Н.Ф. Филатова) факультеты Московского университета. Заведовал отделением

в университетской детской хлудовской клинике, являлся членом Общества детских врачей. В годы Первой мировой войны служил в Московском окружном военно-санитарном управлении, заведовал курсами сестер милосердия. В 1918–1936 гг. работал в Доме младенца, во 2-й показательной поликлинике. Одновременно являлся членом комиссии «Старая Москва», внештатным сотрудником ГИМ.

[87] Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) – историк античности, историограф. Академик АН СССР (1922), АН УССР (1925). Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1880), профессор (1890) Харьковского университета (1885–1920), затем Харьковского института народного образования (1921–1924).

[88] Склянский Эфраим Маркович (1892–1925) – советский государственный, партийный и военный деятель, ближайший сотрудник Л.Д. Троцкого. В 1918–1924 гг. заместитель председателя Реввоенсовета Республики, член Совета обороны. В 1920–1921 гг. член СТО и коллегии Наркомздрава. В 1924 г. направлен на работу в ВСНХ, председатель правления треста «Моссукно». Утонул во время служебной командировки в США.

[89] Репников Николай Иванович (1882–1940) – археолог, исследователь археологических памятников Новгородской земли, Крыма. С 1902 г. работал при Археологической комиссии и Русском археологическом обществе, после революции – в ГАИМК, Центральных реставрационных мастерских, Этнографическом отделе Русского музея.

[90] Розанов Иван Никанорович (1874–1959) – литературовед, книговед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1899). Профессор МГУ (с 1918). В 1919–1941 гг. зав. отделом истории книги ГИМ; в 1945–1953 гг. работал в Институте мировой литературы им. Горького АН СССР.

[91] Ходасевич Михаил Фелицианович (1865–1925) – адвокат, брат поэта В.Ф. Ходасевича.

[92] Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) – историк античности, археолог, академик АН СССР (1927). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1890). С 1891 г. преподавал в Центральном училище технического рисования, затем в Высшем художественном училище при АХ (с 1894), Петербургском–Ленинградском университете (с 1899; профессор с 1904, декан историко-филологического факультета в 1918–1919, ректор университета с июля по сентябрь 1919), Историко-филологическом институте, на Бестужевских курсах. Редактор отдела классической филологии ЖМНП (1903–1918). Председатель Совета Эрмитажа, товарищ председателя РАИМК–ГАИМК (1923–1928). Научный сотрудник ЛОИИ АН СССР, зав. группой истории Древнего мира. В 1941 г. председатель комиссии АН СССР по управлению научными учреждениями блокированного Ленинграда. 28 декабря умер от истощения. Основные труды по истории Древней Греции и Сев. Причерноморья в античную эпоху.

[93] Леонидов Леонид Миронович (настоящая фамилия Вольфензон; 1873–1941) – актер, режиссер, педагог. Народный артист СССР (1936), доктор искусствоведения (1939), профессор ГИТИС. На сцене с 1896 г., в труппе МХТ с 1903 г. В 1920-е годы заведующий труппой и репертуаром МХТ (1921–1922), зам. директора театра (1927–1928).

[94] Речь идет о З.Г. Гринберге (1889–1949), с февраля 1920 г. – члене коллегии Наркомпроса РСФСР, позднее – члене правления ГИМ и зам. директора Оружейной палаты.

[95] Терентьев Павел Викторович (1903–1970) – зоолог. Окончил Московский университет (1922). С 1934 г. работал в ЛГУ (в 1954–1965 гг. – зав. кафедрой зоологии позвоночных) и одновременно в Зоологическом институте АН СССР. Основные ис-

следования по таксономии, систематике и географическому распространению земноводных и пресмыкающихся.

[96] Пахомов Евгений Александрович (1880–1965) – нумизмат, археолог, специалист по нумизматики Закавказья, коллекционер. Заслуженный деятель науки (1955), член-корреспондент АН Азербайджанской ССР (1962). Родился в Ставрополе, учился в Тифлисе. В 1900 г. окончил Петербургский археологический институт, в 1902 г. – Технологический институт. В 1920 г. переехал в Баку, где стал одним из организаторов Музея азербайджанской истории. С 1922 по 1930 г. заведовал отделом археологии и нумизматики Бакинского университета, профессор (1945), зав. кафедрой археологии (1947–1953). Автор около сотни публикаций.

[97] Вероятно, Борис Николаевич Терновец (1884–1941) – искусствовед, директор Музея нового западного искусства (1919–1937).

[98] Шпет Густав Густавович (1879–1937) – философ, психолог, теоретик искусства, переводчик, педагог. Окончил историко-филологический факультет университета св. Владимира в Киеве (1905). С 1907 г., переехав в Москву, читал лекции в Московском университете, университете Шанявского, МВЖК. Ездил в Сорбонну, Эдинбург. В 1912–1913 гг. стажировался в Геттингенском университете. В 1916 г. был избран профессором МВЖК и доцентом Московского университета. С 1921 г. – действительный член, с 1924 г. вице-президент РАХН-ГАХН. В 1921 г. возглавлял Институт научной философии. В марте 1935 г. был арестован, приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Енисейск, затем по его просьбе переведен в Томск. Находясь в ссылке, в октябре 1937 г. был повторно арестован, обвинен в участии в «офицерской кадетско-монархической повстанческой организации» и месяц спустя расстрелян.

Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) – публицист, общественный деятель. В 1903–1905 гг. – сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей»; в 1906 г. был избран в I Государственную думу от Саратовской губернии, один из организаторов и лидер «трудовиков», подписал Выборгское воззвание. После 1917 г. работал в Наркомпросе.

[99] Речь идет об издании: «La Messe, études archéologiques sur ses monuments» (Paris, 1883–1898) известного французского архитектора и археолога Charles Rohault de Fleury (1801–1875). Шарль де Флёри окончил знаменитую Политехническую школу (Ecole Polytechnique) – высшую школу для подготовки инженеров, основанную французскими учеными Гаспаром Монжем и Лазаром Карно в 1794 г. и располагавшуюся тогда в Латинском квартале Парижа, затем обучался скульптуре, а с 1825 г. посвятил себя архитектуре. Он спроектировал ряд общественных и частных зданий Парижа, являлся автором первого издания руководства «Manuel des lois du batiment» (Paris, 1862). В конце жизни много занимался церковной археологией. Результаты его исследований были опубликованы в ряде великолепно иллюстрированных изданий, в том числе упомянутом«La Messe…», опубликованном уже после его смерти его сыном Жоржем (George Rohault de Fleury, 1835–1905) – писателем, археологом и историком архитектуры. (Л.Б.).

[100] Имеется в виду один из шести научно-исследовательских институтов РАНИОН, располагавшихся в здании на Волхонке, занимаемом ныне Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

[101] Юдин Сергей Петрович (1889–1963) – оперный певец (лирический тенор), режиссер и педагог. Заслуженный артист РСФСР (1933). В 1911–1914 и 1919–1941 гг. солист Большого театра, в 1914–1919 годов солист Оперы С. Зимина. С начала 1920-х гг. вел также режиссерскую работу.

Барсова (наст. фамилия Владимирова) Валерия Владимировна (1892–1967) – выдающаяся оперная певица (колоратурное сопрано), народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1941). В Большом театре с 1920 по 1948 г. Профессор Московской консерватории с 1952 г.

Пирогов Александр Степанович (1899–1964) – певец (бас), народный артист СССР (1937), лауреат Сталинской премии СССР (1943, 1949). В 1924–1954 гг. пел в Большом театре. Один из выдающихся исполнителей басового репертуара.

[102] Небольсин Василий Васильевич (1898–1958) – дирижёр; народный артист РСФСР (1955), лауреат Сталинской премии второй степени (1950). С 1920 г. в Большом театре. С 1928 г. также дирижировал симфоническими концертами Московской филармонии. В 1940–1945 гг. преподавал дирижирование в Московской консерватории.

1926 год

[1] Родионов Сергей Константинович (1859–1925) – архитектор. Окончил МУЖВЗ (1883). С 1881 г. состоял на службе во Владимирском дворянском собрании. Учился в АХ (не закончил). В 1885 г. был назначен городским архитектором в Клин. С 1889 г. в Москве, архитектор Елисаветинского института, затем (с 1893) Измайловской военной богадельни. В 1889 г. составил проект дворца вел. князя Сергея Александровича в Ильинском и руководил его строительством. В 1894 г. был назначен архитектором Синодального управления, состоял членом комитета по реставрации кремлевского Успенского собора (1894–1896), Новодевичьего монастыря (1905). В 1907–1915 гг. заведовал статистическим и строительным отделами Московской губернской земской управы. В 1920-х годах вел реставрационные работы в Симоновом и Новодевичьем монастырях.

[2] Мамуровский Владимир Антонович (1890–1974) – искусствовед, реставратор, музейный работник. Сын профессора Московского университета бактериолога А.Г. Мамуровского. Член Общества изучения русской усадьбы, сотрудник ГМИИ и ЦГРМ. С 1918 г. эмиссар Музейного отдела Наркомпроса. В июне 1935 г. был осужден на 3 года ИТЛ «за контрреволюционную деятельность» по делу «Российской национальной партии». Реабилитирован в 1960 г. В последние годы жизни служил в Московской городской инспекции по охране памятников.

[3] Алексеев Федор Яковлевич (1753/54–1824) – известный русский живописец и график конца XVIII – начала XIX в., академик АХ (1794). Глава художественной мастерской, руководитель класса перспективной живописи АХ, вошедший в историю национального искусства как основатель отечественной школы городского пейзажа, «русский Каналетто». Виды Москвы писал с натуры в 1800–1802 гг.

[4] Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1873–1936) – живописец и график, реставратор, знаток живописи, коллекционер. Выпускник АХ, ученик И.Е. Репина, в 1897 г. получил звание художника. Автор известных портретов Е.М. Мартыновой (1896), А.П. Чехова (1898), Л.О. Пастернака (1903) и др. Академик АХ (1914). В 1917–1928 гг. сотрудник Эрмитажа: реставратор, художественный эксперт, хранитель. В 1920-х годах преподавал во ВХУТЕИНе. В 1924 г. был сослан в Новгород, откуда стараниями друзей вернулся в 1926 г. Два года спустя выехал в Германию к семье, впоследствии поселился в Париже, где успешно вел антикварную торговлю и собрал художественную коллекцию.

[5] Духовский Сергей Михайлович – известный ортопед, в 1920–1926 гг. руководил ортопедической клиникой в Государственном физико-механическом ортопедическом институте (Москва).

[6] Садомов Анатолий Николаевич (1884–1942) – оперный и камерный певец, баскантанте. Заслуженный артист РСФСР (1937). В 1918–1929 и 1931–1940 гг. солист Большого театра. Обладал красивым голосом широкого диапазона, владел безупречной вокальной техникой.

[7] Дервиз Сергей Павлович фон – представитель семьи известных предпринимателей и меценатов, сын железнодорожного магната П.Г. фон Дервиза. Действительный статский советник, уездный предводитель дворянства в Рязанской губернии, земле-

владелец, владелец рудника на Урале. С 1903 г. был почетным попечителем женской гимназии им. В.П. фон Дервиз. Орган для Большого зала Московской консерватории он приобрел совместно с братом Павлом Петровичем – почетным членом Московского отделения Русского музыкального общества.

[8] Речь идет о колыбельной «Спи, моя радость, усни» (в переводе Софьи Свириденко).

[9] Имеется в виду следующее издание: *Rosenberg M.* Der Goldschmiede Merkzeichen. Bd. 1–4. Frankfurt a/M., 1922–1928.

[10] Фабрикант Михаил Исаакович (1887–1965) – профессор Московского университета, специалист по истории старой западной гравюры и живописи, знаток советской книжной графики. В 1920-е годы сотрудник ГИМ, Третьяковской галереи. Заведующий Гравюрным кабинетом ГМИИ в 1936–1938 гг., заместитель директора по научной части (1939).

[11] Имеются в виду следующие издания: Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб., 1908; *Бобринской А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1–3. СПб., 1887–1901. (Т. 1: Дневник пятилетних раскопок. 1887; Т. 2: Дневник раскопок 1887–1889 гг. 1894; Т. 3: Дневник раскопок 1889–1897 гг. 1901.)

[12] По-видимому, имеется в виду собрание Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927) – военного юриста, публициста, поэта, прозаика. А.В. Жиркевич коллекционировал произведения изобразительного искусства, памятники старины, оружие, автографы, книги и др., со временем передавая коллекции в дар музеям, архивам и библиотекам.

[13] Возможно, речь идет о представителе известной семьи мстёрских иконописцев, реставраторе Евгении Ивановиче Брягине (1882–1943). Е.И. Брягин многие годы работал с материалами коллекции И.С. Остроухова, после революции был сотрудником ЦГРМ.

[14] Речь идет об альбоме-дневнике, который вел К.Н. Любарский во время поездки С.О. Долгова на Черноморское побережье Кавказа летом 1915 г. Дневник был передан ГИМ дочерью Долгова Ольгой Семеновной.

[15] Бауер Николай Павлович (1888–1942) – выдающийся отечественный нумизмат. Родился в Петербурге в дворянской семье. Обучался в Аннинской классической гимназии и на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1906–1910). В 1911 г. оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Готовил диссертацию на тему «История реакционных движений в Германии в XIX в.», но закончить ее не смог. В 1912 г. поступил в Минцкабинет Эрмитажа, где работал инвентаризатором. В сентябре 1917 г. вступил в конституционно-демократическую партию, за принадлежность к которой в 1918 г. был арестован органами ЧК и находился в тюрьме 18 дней. Благодаря ходатайству сотрудников Петербургского университета и Центроархива был выпущен из-под стражи. Летом 1919 г. скрывался от повторного ареста и осенью того же года вместе с семьей бежал из Петрограда сначала в г. Ливны Орловской обл., а в конце 1919 г. в Харьков, где временно работал ученым специалистом в художественном музее. В сентябре 1920 г. вернулся в Петроград и снова поступил на службу в отдел нумизматики Эрмитажа, где проработал до августа 1938 г. Был помощником хранителя (1920–1924), хранителем отделения западноевропейских монет (1924–1930), заведующим отделом нумизматики (1930–1935), «действительным членом и профессором Государственного Эрмитажа» (1935–1938). В 1920–1929 гг. работал научным сотрудником секции нумизматики и глиптики при созданной в 1919 г. Академии истории материальной культуры; в 1920–1924 гг. – профессор Петроградского археологического института, а после его закрытия и объединения с Ленинградским университетом – доцент университета (1924–1927). В конце 1935 г. в Эрмитаже представлен к степени доктора исторических наук

по совокупности научных работ, однако присуждения ученой степени не состоялось. В августе 1938 г. уволен из Эрмитажа. В течение года зарабатывал на жизнь частными уроками немецкого языка. В сентябре 1939 г. поступил на работу в ИИМК АН СССР научным сотрудником (без степени), где написал две главы «Деньги и денежное обращение» для коллективной книги «История культуры Древней Руси». После начала Великой Отечественной войны оставался в блокированном Ленинграде. В январе–феврале 1942 г. готовился к защите докторской диссертации, однако в связи с эвакуацией исторического факультета защита не состоялась. 10 июля 1942 г. арестован органами НКВД, 8 сентября осужден, а 18 сентября расстрелян. Автор трудов по различным разделам древнерусской нумизматики (исследование о древнейшем русском чекане; топография западноевропейских и византийских монет X–XI вв. на территории Восточной Европы; классификация и датировка русских серебряных и золотых слитков; сводка всех цитат из летописей, юридических документов и других письменных памятников XII – начала XVI в., с упоминаниями денежных знаков; рецензии на нумизматические труды; научно-популярные очерки об античных и средневековых монетах). Далеко не все работы изданы, названия некоторых известны лишь по протоколам различных заседаний и упоминаниям в письмах. Опубликованные труды напечатаны, в основном, за границей, поскольку в СССР в то время не было ни одного нумизматического периодического издания. Наиболее важным является неопубликованное исследование «История древнерусских денежных систем (IX в. – 1535 г.)», где на показаниях нумизматических и письменных источников дана картина развития древнерусских монетных систем за 700 лет. См.: *Гайдуков П.Г.* Николай Павлович Бауер: Судьба нумизмата и его научного наследия // Вестник РГНФ. 2011. № 1.

[16] Константин Владимирович Марков заведовал ВИМ с 1924 г.

[17] Евтюхова Лидия Алексеевна (1903–1974) – археолог. Начала изучать археологию в одном из отделений Московского археологического института. В 1925 г. окончила ФОН 1-го МГУ по отделению археологии и искусствоведения. Ученица В.А. Городцова. Научный сотрудник отдела древней истории ГИМ (1925–1950). С 1946 г. поступила на работу в ИИМК АН СССР в должности старшего научного сотрудника, с 1953 г. была ученым секретарем института, с 1966 г. заведовала отделом полевых исследований. С 1924 г. проводила самостоятельные археологические раскопки славянских курганов и ряда городищ в Московской и Нижегородской областях. С 1930 г. начала работать в составе Саяно-Алтайской археологической экспедиции, которую возглавлял С.В. Киселев. С этого времени научные интересы Евтюховой связаны с изучением Сибири и Центральной Азии. В 1948 г. она была назначена начальником отряда и зам. начальника Монгольской экспедиции ИА АН СССР, проводившей работы на территории Монголии и Забайкалья под руководством С.В. Киселева. Результаты этих изысканий были опубликованы в коллективной монографии «Древнемонгольские города» (1965). Коллекции из раскопок Монгольской экспедиции были подготовлены и переданы ею в 1964 г. в отдел Востока Эрмитажа. Помимо научной деятельности, на протяжении всей жизни вела огромную научно-организационную, редакционно-издательскую и выставочную работу.

[18] Болоболин Иван Иванович – до революции кожевенный заводчик, почетный гражданин г. Ржева.

[19] Т.е. Московского губернского отдела профсоюза работников просвещения и искусств.

[20] Тарич Юрий Викторович (наст. фамилия Алексеев; 1885–1967) – актер, кинорежиссёр и сценарист. Речь идет о съемке фильма «Крылья холопа» (1926).

[21] Имеется в виду проходившая в апреле–мае 1926 г. в стенах ГИМ выставка Общества художников-станковистов (ОСТ, ОХСТ) – художественной группировки, основанной в 1925 г. в Москве группой выпускников ВХУТЕМАСа во главе с Дави-

дом Штеренбергом. Характерной чертой творчества ОСТовцев являлось воспевание советской действительности (индустриализации, спорта, проч.) с использованием приемов современного европейского экспрессионизма. Членами-учредителями ОСТ были Ю.П. Анненков, Д.П. Штеренберг, А.А. Дейнека, А.А. Лабас, Ю.И. Пименов и др. Общество существовало до 1931 г., было официально распущено в 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

[22] Верейский Георгий Семенович (1886–1962) – художник, график, действительный член Академии художеств СССР (1949). С 1918 по 1930 г. – хранитель отделения гравюр Эрмитажа.

[23] Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) – археолог, историк архитектуры, организатор многочисленных историко-археологических экспедиций в Крым, на Северный Кавказ, в Закавказье, Поволжье, Среднюю Азию. Родился в г. Кукморе Казанской губернии. В 1913 г. окончил Петербургский университет и одновременно Петербургский археологический институт. Еще студентом работал на раскопках в Ольвии и в Херсонесе. После окончания университета по рекомендации своих учителей Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева был направлен в качестве научного сотрудника в Русский археологический институт в Константинополе, откуда получил трехлетнюю командировку в Грецию, Италию, Францию, Англию и Скандинавские страны для изучения античного и средневекового искусства. В 1917 г. возвратился в Россию и работал в Петроградском университете. В начале 1920-х годов работал директором Самарского краеведческого музея и председателем Общества истории, археологии и этнографии при Самарском университете. В 1924–1933 гг. сотрудник ГИМ, где заведовал Отделом византийских древностей. В 1924–1934 гг. являлся действительным членом Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАНИОН, сотрудником Института художественной промышленности и Всесоюзной академии архитектуры. 8 января 1935 г. арестован органами НКВД и вместе с И.Н. Бороздиным и А.А. Захаровым проходил по сфабрикованному делу о «контрреволюционном заговоре». В результате трех заседаний суд 9 августа 1935 г. принял решение отложить слушание, после чего судебная процедура в отношении А.С. Башкирова больше не возобновлялась. 14 сентября 1935 г. обвиняемые были сосланы на три года в Казахстан без указания на какую-то статью Уголовного кодекса. В 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР полностью реабилитировало всех троих. А.С. Башкиров после отбытия ссылки работал в Калинине преподавателем археологии местного педагогического института. С 1945 г. до своей кончины заведовал кафедрой всеобщей истории в Ярославском педагогическом институте. В 1945 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР», изданную в четырех выпусках в 1945–1948 гг. В 1949–1951 гг. для исследования античного городища Патрей на Таманском полуострове создал коллектив исследователей из сотрудников и студентов московских педагогических институтов, Калининского, Ярославского институтов и Саратовского университета. См.: *Пятышева Н.* А.С. Башкиров // СА. 1963. № 3. С. 316, 317; *Ватлин А.Ю., Канторович А.Р.* Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // РА. 2001. № 3. С. 123–131.

[24] Речь идет о 4 акварельных портретах: И.Д. и Е.Г. Чертковых (работы П. Соколова), Александра I и княгини Ж.А. Лович (работы П.Э. Рокштуля), – купленных музеем у Н.Б. Бакланова.

Соколов Петр Федорович (1791–1848) – акварелист, рисовальщик. Академик портретной акварельной живописи (1839). Учился в АХ (1800–1810) по классу исторической живописи у А.Е. Егорова и В.К. Шебуева. В дальнейшем заинтересовался камерным графическим портретом. Начав писать акварели, довел мастерство владения этой техникой до совершенства. Основоположник школы русского акварельного портрета.

Рокштуль Петер Эрнест (1764–1824) – художник-миниатюрист, силуэтист. Принадлежал к числу выдающихся русских мастеров первой трети XIX в., работавших в миниатюрной живописи. Выходец из Курляндии, Рокштуль переехал в Петербург в начале 1800-х годов. С этого времени основой его творчества становится создание миниатюрных портретов. В своих работах он запечатлел образы современников: участников наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, царствующих особ, выдающихся государственных деятелей, вельмож, светских дам. Рокштуль внес значительный вклад и в развитие русского прикладного искусства, работая по заказам Императорского фарфорового и стеклянного заводов, для которых исполнял профильные портреты имп. Александра I и выдающихся полководцев Отечественной войны 1812 г. Ныне работы Рокштуля хранятся в ГИМ, Эрмитаже и Русском музее, в зарубежных собраниях. См.: *Селинова Т.А.* Художник П.Э. Рокштуль. Из истории русской портретной миниатюры. М., 2005. Автор названного исследования считает, что на миниатюре Рокштуля изображена не Ж.А. Лович, как полагали ранее, а баронесса Мария Дмитриевна Шеппинг (дочь Д.В. Черткова, сестра И.Д. Черткова). В начале XX в. портрет находился в собрании М.П. Паренаго.

[25] В Россию движение скаутов проникло в 1909 г. Его основателем являлся штабс-капитан, впоследствии полковник Олег Иванович Пантюхов. В 1914 г. было организовано «Общество содействия мальчикам-разведчикам» – «Русский скаут», председателем общества стал вице-адмирал И.Ф. Бострем, вице-председателем – О.И. Пантюхов. В 1915 г. прошел первый скаутский съезд, утвердивший устав, организационную структуру, символику и т.п. русского скаутизма. К осени 1917 г. насчитывалось около 50 тыс. скаутов в 143 городах. С начала 1920-х годов скаутское движение было объявлено реакционным явлением, гонения на него усилились с 1922 г. после создания пионерской организации. Последний скаутский съезд состоялся в 1923 г. В апреле 1926 г. ОГПУ произвело массовые аресты скаутов (было арестовано около 1 тыс. скаутских руководителей), отправленных затем в лагеря и ссылку.

Участником скаутского движения (командиром «Отряда скаутов костра»), в том числе и после его официального роспуска, был, в частности, сын М.М. Богословского – Михаил Михайлович Богословский (1908–1925), трагически погибший в августе 1925 г.

[26] Речь идет об издании: «Слово о плъку Игореве… / Объясненное по древним письменным памятникам магистром Д. Дубенским». (М., 1844).

Дубенский Дмитрий Никитич (ум. 1863) – историк, выпускник словесного отделения ИМУ, член ОИДР (с 1840), публиковал также древнерусские юридические документы (в том числе «Русскую правду») и статьи, печатавшиеся в ЧОИДР в 1840-х годах.

[27] Измайлов Николай Васильевич (1893–1981) – литературовед, пушкинист. Доктор филологических наук (1963). Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета (1918), ученик С.А. Венгерова. С 1924 г. зав. рукописным отделом Пушкинского Дома. Принимал участие в издании большого 16-томного собрания сочинений Пушкина, подготовив, в том числе, публикацию текстов «Медного всадника» и «Полтавы». В 1929 г. был арестован по «Академическому делу» (Н.В. Измайлов был женат на дочери С.Ф. Платонова – Наталье Сергеевне), в 1931 г. осужден на 5 лет ИТЛ. В 1941–1953 гг. работал в Оренбурге (Чкалове), изучал работу Пушкина над материалами о Пугачёве. С 1953 г. работал в Ленинграде, с 1957 г. вновь зав. рукописным отделом ПД. Лауреат Пушкинской премии АН СССР (1980).

[28] Румянцев Василий Егорович (1824–1897) – историк, архивист, археолог. Окончил МДА, был инспектором Московской синодальной типографии (1864–1890). Служил в МАМЮ. Исследовал историю русского зодчества, историю печатного дела в России. Член МАО, с 1872 г. секретарь, в 1883–1890 гг. товарищ председателя, редак-

тор ряда томов «Древностей». За работу «Сборник памятников, относящихся к книгопечатанию в России» ему была присуждена Большая золотая медаль МАО.

[29] По-видимому, речь идет о бумагах генерала, военного историка Андрея Медардовича Зайончковского, скончавшегося в марте 1926 г. Документы по истории Крымской войны из архива отца передала музею его дочь Ольга Андреевна (в замужестве Попова).

[30] Сели́щев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – языковед, славист, член-корреспондент АН СССР (1929), член-корреспондент Болгарской АН (1931). Окончил Казанский университет (1911). Профессор Иркутского (1918–1920), Казанского (1920–1921), Московского (с 1921) университетов. В 1931–1933 гг. сотрудник НИИ языкознания при Наркомпросе. Был арестован в 1934 г. по «делу славистов», сослан. В 1937 г., по возвращении в Москву, профессор ИФЛИ (с 1937), МГПИ им. Ленина.

[31] Барановский Петр Дмитриевич (1892–1984) – архитектор-реставратор, музейный деятель. Член-корреспондент МАО (1920). В 1918–1924 гг. возглавлял работы по реставрации Китайгородской стены в Москве, руководил реставрационной мастерской в Ярославле. Организатор и директор Музея русской архитектуры в Коломенском (1924–1933). В 1934 г. репрессирован, освобожден спустя 2 года. В 1936–1937 гг. работал в музеях Александрова и Загорска. В 1941–1944 гг. работал в Комиссии по исследованию, охране и реставрации памятников архитектуры. Возглавлял отдел реставрации Главного управления охраны памятников Комитета по делам архитектуры при СНК СССР (1944–1950). Сотрудник ЦГРМ (с 1950). Автор новых методов исследования и восстановления памятников архитектуры.

[32] Бернштам Леопольд Бернар (Леопольд Адольфович) (1859–1939) – скульптор. Вольнослушатель АХ в 1877–1883 гг. С 1885 г. работал в Париже, возвращаясь в С.-Петербург для выполнения заказов. Автор около 300 портретов российских и европейских деятелей культуры, науки, политики, ряда монументальных бюстов и памятников, а также скульптур на античные и библейские темы.

[33] Григорий Семенович Мусикийский (1670–1737) и Андрей Григорьевич Овсов (1678–1740-е) – известные мастера-миниатюристы петровской эпохи. Их работе принадлежит целый ряд миниатюрных портретов на эмали, в том числе с изображением Петра I, которые дарились государем в знак особой милости своим приближенным.

[34] Тизенгаузен Владимир Густавович (Эрнст Вольдемар) фон (1825–1902) – востоковед-арабист, нумизмат, археолог. Родился в Нарве. В 1848 г. окончил курс в Петербургском университете по отделению восточной словесности. После окончания служил письмоводителем, а затем столоначальником в разных учреждениях. В 1861 г. поступил в Археологическую комиссию, в которой проработал почти до самой смерти. Занимал должности: производитель дел (1861–1864), младший (1864–1876), старший (1876–1894) член, товарищ председателя (1894–1900) и редактор «Отчетов ИАК» (1876–1897). В 1864–1884 гг. по заданию Археологической комиссии провел многочисленные раскопки курганов и городищ на Нижнем Дону, в Поволжье, на Таманском полуострове, в Ольвии. Главные его труды посвящены восточной нумизматике. Им собраны в восточных источниках (арабских, персидских, турецких) значительные сведения по истории Золотой Орды. При жизни В.Г. Тизенгаузена изданы лишь арабские источники. (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечение из арабских источников. СПб., 1884. Т. I.) А.В. Орешников просматривал рукопись, которая будет издана в 1941 г. См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. [Т.] II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941.

[35] Имеется в виду Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) – историк, один из идеологов «евразийства». Сын ученого В.И. Вернадского. Учился в Московском, Фрайбургском и Берлинском университетах. До революции 1917 г. препо-

давал в Петербургском университете, защитил магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II». В годы Гражданской войны преподавал в Пермском, Киевском и Таврическом университетах. С 1920 г. в эмиграции, преподавал в ряде университетов Европы, в том числе на Русском юридическом факультете Карлова университета в Праге, один из деятельных участников Кондаковского семинара (Seminarium Kondakovianum). С 1927 г. жил в США, профессор истории Йельского университета (1946).

[36] Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919) – военно-морской деятель, адмирал (1912), флаг-капитан (с 1905) имп. Николая II, постоянно сопровождал его в поездках по стране и морских прогулках на императорских яхтах. Во время Февральской революции был арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости. В марте 1917 г. уволен в отставку. После Октябрьской революции оставался в России, расстрелян в 1919 г.

[37] Ернштедт Елена Викторовна (1890–1942) – историк искусства, археолог. Сотрудник Эрмитажа (1918–1930), хранитель отделения эллино-скифских древностей.

[38] Речь идет об изданной в 1609 г. Г. Тектандером книге: «Iter persicum. Краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествия в Персию... ». В 1896 г. перевод на русский язык книги Тектандера и писем Какаша был осуществлен А.И. Станкевичем.

Тектандер фон дер Ябель Георг (нем. Georg Tectander von der Jabel; ок. 1570 – ок. 1620) – участник посольства Стефана Какаша, отправленного императором Рудольфом II в Персию (1602).

[39] Речь идет о «Балтийском гербовнике» («Baltisches Wappenbuch») – гербовнике остзейского дворянства, изданном в 1882 г. в Стокгольме на немецком языке. Подготовкой издания руководил рейхсгерольд шведского двора Карл Арвид фон Клингспор (1829–1903).

[40] Калитинский Александр Петрович (1880–1946) – археолог, историк искусства. Окончил Новороссийский университет, выпускник МАО, ученик В.А. Городцова. Возглавил кафедру археологии Московского археологического института после ухода Городцова, где преподавал с 1915 по 1918 г. Преподавал также в университете Шанявского. Эмигрировал из России в 1920 г., обосновался в Праге; преподавал в Карловом университете, один из создателей и научных руководителей Кондаковского семинара и Института им. Н.П. Кондакова. В 1931 г. переехал в Париж.

[41] Серафим (в миру – Чичагов Леонид Михайлович; 1856–1937) – епископ Русской Церкви; с 1918 г. митрополит Варшавский и Привислинский; из-за военно-политической ситуации не смог выехать в Варшаву, жил в Черниговском скиту Троице-Сергиевой Лавры. С 1920 г. – в Москве, служил в разных храмах. В 1921 г. был арестован, заключен в Таганскую тюрьму, в 1922 г. выслан в Архангельскую область, в 1923 г. – в Марийскую область. В 1924 г. по возвращении в Москву был вновь арестован, освобожден из-под стражи по ходатайству Патриарха Тихона, но был вынужден покинуть Москву. Жил в Воскресенском Феодоровском монастыре под Шуей на покое. В 1927 г. признал власть Заместителя Патриаршего Местоблюстителя – митрополита Сергия (Страгородского) и поддержал его декларацию, направленную на безоговорочное подчинение советской власти. С февраля 1928 г. митрополит Ленинградский и Гдовский. При паспортизации городского населения не получил прописку в Ленинграде и был вынужден уехать в Тихвин. В 1933 г. был уволен на покой. В 1933–1934 гг. жил в Москве, затем в Малаховке. Сочинял церковную музыку, занимался иконописью. В ноябре 1937 г. был арестован, вынесен из дома на носилках и доставлен в Таганскую тюрьму в машине «скорой помощи». В декабре тройка УНКВД по Московской области приняла постановление о его расстреле по обвинению в «контрреволюционной монархической агитации». Расстрелян 11 декабря на Бутовском полигоне. Прославлен в лике святых священномучеников Русской православной церковью в 1997 г.

[42] Исаков Сергей Константинович (1875–1953) – искусствовед, педагог, музейщик. Сотрудник Русского музея, с 1934 г. директор Архитектурного музея при ВАХ.

[43] Речь идет об издании: Полиевктов М.[А.] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650–1652. Тифлис, 1926.

[44] Речь идет об издании: *Эдинг Б.Н.* Ростов Великий, Углич. Памятники художественной старины. М., изд. Кнебель. [1914].

[45] Куфтин Борис Алексеевич (1892–1953) – археолог, этнограф. Академик АН Грузинской ССР (1946), лауреат Сталинской премии (1942). С 1919 г. преподавал в МГУ. В 1933–1953 гг. сотрудник Государственного музея Грузии. В эти годы изучал, главным образом, археологические памятники Грузии. В результате археологических изысканий в Триалети им открыта археологическая культура Закавказья II тыс. до н.э. Итоги работ обобщены им в исследовании «Археологические раскопки в Триалети (1936–1940)» (1941. Т. 1). Изучение памятников Западной Грузии отражено в его труде «Материалы к археологии Колхиды» (1949–1950).

[46] Эррио Эдуард (фр. Herriot Edouard, 1872–1957) – французский государственный деятель, премьер-министр (1924–1926, 1932).

[47] Соболев Николай Николаевич (1874–1966) – художник, искусствовед. Окончил Строгановское училище (1893). Работал на Трехгорной мануфактуре и на фабрике Цинделя в Москве. С 1900 г. – преподаватель и член учебного комитета Строгановского училища, заведовал набивной мастерской. Сотрудничал в Московском археологическом институте. В 1918 г. участвовал в 46-й выставке Товарищества передвижных художественных выставок. В 1923–1930 гг. преподавал на текстильном факультете ВХУТЕМАСа/ВХУТЕИНа. Заведовал Кустарным музеем ВСНХ. С 1945 г. заслуженный деятель наук РСФСР, зав. кафедрой истории искусств Строгановского училища.

[48] Малицкий Николай Владимирович (1881–1938) – историк искусства, византинист. Окончил Петербургский университет, профессор Археологического института. В 1920-е годы – сотрудник Русского музея, доцент кафедры русского искусства и материальной культуры на историческом факультете ЛГУ. Арестован в ноябре 1933 г. по «делу славистов», приговорен к 3 годам ссылки, сослан в Вологду, работал в местном обществе краеведения. В 1937 г. повторно арестован и сослан в Северный край. Умер в Каргопольском лагере.

[49] Возможно, имеются в виду труд С.И. Шодуара «Обозрение русских денег и иностранной монеты, употреблявшейся в России с древнейших времен» (СПб., 1836–1841) и работа С. Князькова «Очерки из истории Петра Великого и его времени». М., 1909.

[50] Максимов Александр Христофорович – выпускник МДА, учитель Саввинской трудовой школы, сотрудник отдела по делам музеев Наркомпроса, зав. музеем бывшего Саввино-Сторожевского монастыря.

[51] Асс (совр. написание) – первоначально древнеримская единица меры и веса. С развитием денежных отношений в Древнем Риме асс стал единицей веса медного фунта (либры, ок. 270 г.). Со временем асс как монета неоднократно уменьшался и в разных областях имел разную величину и вес.

[52] Эйферт Владимир (Вольдемар) Александрович (1884–1960) – художник, искусствовед, музейный деятель. Сын крестьянина немца-колониста Саратовской губернии. Окончил ВХУТЕМАС в Астрахани (1922). В 1923 г. переехал в Саратов, в 1926 г. в Москву, где стал специалистом Музейного отдела Главнауки. Член московского общества «Жар-цвет» (1926–1928), член Общества московских художников (1928–1931). В 1929 г. ученый секретарь и член правления ГТГ. В 1930 г. – торговый представитель, эксперт по антиквариату в Берлине, в 1934 г. – в Париже, экономист планового отдела торгпредства СССР. В 1936–1939 гг. директор ГМИИ. С 1939 г. член Союза художников. В 1941 г., как немец, сослан в Казахстан с семьей. Работал в совхозе им. Пушкина под Карагандой, был учителем, бухгалтером в сельпо, заве-

довал «красным уголком», работал на обогатительной фабрике. С 1943 г. художник-оформитель клуба шахты им. Кирова.

[53] Арне Туре Алгот Енссон (Ture Aglot Jensson Arne, 1879–1965) – известный шведский археолог, историк и общественный деятель. Изучал историю и археологию в Упсальском университете (1897–1900), в 1906–1907 гг. совершил научную поездку в Малую Азию и Сирию. В 1911 г. принял участие в работе XV Археологического съезда в Новгороде, на котором выступил с двумя докладами. В 1912–1913 гг. совершил 15-месячную исследовательскую поездку в Россию для изучения археологических памятников. Побывал в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ольвии, Саратове, Астрахани, осмотрел Михайловский могильник в Ярославской губернии. В 1914 г. издал книгу «Швеция и Восток» (*Arne T.* La Suède et l'Orient: Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'age des Vikings. Uppsala, 1914), в которой выдвинул теорию норманнской колонизации, согласно которой шведские викинги, переселившиеся в Восточную Европу, создали вдоль торговых путей, в наиболее важных в экономическом и стратегическом отношении пунктах, свои колонии. Крупнейший шведский специалист по русской истории, ее активный популяризатор. Контактировал со многими советскими историками и археологами. В 1917 г. вышла из печати его книга «Великий Свитйод» (*Arne T.* Det stora Svitjod: Essayer om gåtiders svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm, 1917), представляющая собой первый в Швеции сборник статей по истории русско-шведских культурных связей с древнейших времен до XIX в. Активно занимался общественной деятельностью: в 1916 г. по линии Красного Креста посещал лагеря русских военнопленных в Германии, Австрии и Венгрии; принимал участие в работе различных научных и просветительских обществ; один из создателей Шведского Восточного общества и его секретарь; один из учредителей научного общества «Шведы в России» и Союза свободы вероисповедания. В 1921 г. стал членом Шведской Академии истории, литературы и языка. В 1924 г. стал вице-председателем, а позже и председателем шведско-русского культурного общества с центром в Стокгольме и филиалами по всей стране. Активный полевой археолог. Маршруты его экспедиций проходили не только через Северную Европу и Россию, но и через Турцию, Иран, Сирию, Ближний Восток, Малую и Среднюю Азию. В 1926 г. принимал участие в археологической конференции в Керчи. В 1928 г. вновь побывал в России, посетил Ленинград, Москву, Киев, Чернигов. Свои впечатления о поездке он описал в книге 1929 г. «Современная Россия» (*Arne T.* Det moderna Ryssland. Stockholm, 1929). В 1929 г. маршрут его путешествий по СССР проходил по Средней Азии и включал Ташкент, Самарканд, Бухару и Ашхабад. Последний раз побывал в России в 1935 г., посетив Ленинград. Русская тема стала особенно актуальной в Швеции в годы Второй мировой войны. В 1944 г. Т. Арне издал книгу «Европа открывает Россию» (*Arne T.* Europa upptäcker Ryssland. Stockholm, 1944), в основу которой легли лекции, прочитанные им осенью 1942 г. в Рабочем университете Стокгольма. В 1944/45 г. там же был прочитан курс лекций о современной России. В книге «Советский Союз в иллюстрациях» опубликована его статья «Наука в СССР» (Sovjet I bild. Stockholm, 1946). После выхода на пенсию (1944 г.) занялся изучением документов голландских архивов о шведах, служивших в голландской Ост-Индской компании. Результаты этих исследований опубликованы в 1952 г. в монографии «Шведы и Восток» (*Arne T.* Svenskar och Österlandet. Stockholm, 1952). См.: *Коваленко Г.М.* Туре Арне – ученый и общественный деятель // Новгородский исторический сборник. Т. 7 (17). СПб., 1999. С. 287–292.

[54] «Первая Конференция археологов СССР» проходила в Керчи 5–10 сентября 1926 г. См.: *Мацулевич Л.А.* Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения [Сб. РАИМК]. Л., 1926. Т. 1. С. 271–286.

[55] Горнунг Иосиф (Осип) Иванович (1827–1905) – коллекционер, автор редкого литографированного издания «Атлас рисунков монет царствования императора

Петра Великого» (Без заглавн. листа, без м. и г. издания, без текста. М., 1878–1881. 67 табл. с изобр. золотых, серебр. и медных монет). Обучался в Симбирской дворянской гимназии, в 1849 г. окончил курс Казанского университета (по классу зоологии и ботаники). Работал учителем в Нижегородской дворянской гимназии, в 1851 г. – директор Коротоякского уездного училища. Вскоре оставил службу и переехал в Москву, где стал управляющим одного из предприятий фабриканта А.М. Шмидта. Увлекался нумизматикой, филателией (земские марки) и селекцией плодовых растений. Учредитель и активный член Московского кружка нумизматов (1884–1888), основатель (1888) и почетный член МНО (с 1901). Собрал значительные коллекции русских монет удельного и императорского периодов, приобретенные в конце 1880-х гг. И.И. Толстым, в. кн. Георгием Михайловичем и П.В. Зубовым. В последние годы жизни часто уединялся на даче в Петровско-Разумовском, где ставил селекционные опыты с коллегами из Петровской академии. Умер весной 1905 г. от пневмонии. Похоронен на Ваганьковском кладбище. См.: *Горнунг М.Б.* Московские нумизматы XIX в.: И.И. Горнунг // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. М., 1995. С. 111–113.

[56] Философов Марк Дмитриевич (1892 – после 1935) – выпускник Петербургского университета, в Эрмитаже работал с 1918 по 1935 г.: ученый секретарь, сотрудник отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины.

[57] Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959) – историк, археолог, искусствовед, специалист по истории культуры и искусства Византии и Причерноморского региона в позднеантичный период; доктор искусствоведения. Профессор, член-корреспондент АН Грузинской ССР. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1911). Участник Первой мировой войны. Сотрудник Русского музея (с 1918), ГАИМК, Эрмитажа (1919–1949, с 1931 г. заведовал сарматской секцией археологического отдела). Член Совета Эрмитажа. Преподаватель ЛГУ (с 1949).

[58] Речь, по-видимому, идет о немецком археологе, востоковеде, иранисте профессоре Фридрихе Зарре.

[59] Правильно: Мроз Е.К. – искусствовед, специалист в области русской живописи, сотрудник Русского музея, автор выставки произведений Ф.С. Рокотова (1925) и музейного каталога.

[60] Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) – крупный историк, специалист в области российской истории эпохи феодализма, источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин. Профессор (1947), академик АН СССР (1972). Лауреат Государственной премии СССР (1981, посмертно). Учился в Рязанском педагогическом институте (1921–1922), слушал лекции на ФОН Московского университета. В 1925 г. экстерном сдал экзамены за университетский курс и с 1926 г. учился в аспирантуре Института истории РАНИОН, которую успешно окончил в 1929 г. С 1929 г. работал помощником зав. отделом рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. В ноябре 1930 г. был арестован по «Академическому делу», приговорен к 3 годам ИТЛ, работал на двинских камнеразработках в Северном крае. В 1933 г. был освобожден, вернулся в Москву, где был вынужден заниматься временной работой в издательствах, живя на квартирах у родственников и знакомых. С 1936 г. работал по временному договору в Институте истории АН СССР. В 1941–1942 гг. преподавал в средней школе. С февраля 1942 г. был заведующим кабинетом, затем преподавателем источниковедения кафедры вспомогательных исторических дисциплин ИАИ. В 1949 г. был подвергнут «проработке» на общем собрании сотрудников института, в результате чего был вынужден его покинуть. В 1944–1960 гг. преподавал по совместительству в МГУ, читал общие и специальные курсы по отечественной истории, источниковедению, историографии, руководил дипломниками и аспирантами. В 1946–1952 гг. читал курс лекций по истории СССР в МГИМО. Также преподавал в Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1946 г. – старший

научный сотрудник, с 1951 г. – зав. сектором истории СССР, с 1969 г. – зав. отделом докапиталистических формаций на территории СССР Института истории АН СССР. Автор более 400 научных работ, в том числе 30 крупных публикаций источников.

[61] Дракохруст Екатерина Ивановна (1884–1977) – сотрудник ГИМ, лектор массового отдела (с 1924), научный сотрудник IV экспозиционного отдела (1932–1959).

[62] Александрова-Дольник Татьяна Николаевна – реставратор, специалист по истории ткани и костюма. Сотрудник ГИМ.

[63] Вероятно, имеется в виду Левинсон (у автора Левенсон) Николай Рудольфович (1888–1966) – сотрудник ГИМ, научный сотрудник группы металла (с 1932), зав. группой металла, и. о. зав. музейными фондами и ученого секретаря (1933–1962), муж М.Н. Левинсон-Нечаевой.

[64] Виноградов Константин Яковлевич (1884–1943) – археолог, краевед, музейный деятель. Директор музея в Малоярославце. Был арестован 27 июня 1942 г., обвинен в «измене Родине» за «сотрудничество с немецкими оккупантами». Расстрелян весной 1943 г. Реабилитирован в июне 1957 г.

[65] Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930) – литературовед, историк литературы, этнограф, педагог. Окончил Московский университет (1883). С 1886 г. преподавал в средних учебных заведениях Москвы. С 1909 по 1922 г. – председатель ОЛРС. До 1922 г. преподавал в I Московском университете, в университете Шанявского, на МВЖК и др. учебных заведениях. В 1920-е годы заведовал Толстовским кабинетом ГБЛ.

[66] Речь идет о постановке в МХТ пьесы Л.М. Леонова «Унтиловск», ставшей первым драматургическим опытом писателя, что во многом обусловило сложности при работе над спектаклем. Спектакль ставил В.Г. Сахновский, художественное руководство осуществлял К.С. Станиславский (он же провел более 20 репетиций). Впервые пьесу показали в феврале 1928 г. (прошло всего 20 спектаклей). Критика сочла спектакль неудачей театра, но Станиславский держался иного мнения. С ним был солидарен историк театра П.А. Марков, всегда считавший «Унтиловск» одним из лучших спектаклей Художественного театра и «наиболее совершенным воплощением стиля Леонова на сцене». (См.: *Строева М.Н.* Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938. М., 1977. С. 223).

[67] В книге «Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг.» (М., 1926) кроме статьи «Серебряная чашка из Микулина-городища» (Приложение III. С. 1–13) опубликован краткий некролог Л.И. Бирюковой, написанный А.В. Орешниковым (С. 142–143).

1927 год

[1] Речь идет о романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны».

[2] Сайодин – препарат, содержащий йод, прописывается при нехватке йода в организме; спермоль – спирто-водная вытяжка из семенников, применялась для повышения тонуса организма. Была изобретена в годы Гражданской войны профессором Харьковского университета Василием Яковлевичем Данилевским, основавшим при университете в 1919 г. Органотерапевтический институт (ныне – Институт проблем эндокринной патологии им. В.Я. Данилевского), в стенах которого производство спермоля в 1920-е годы было поставлено на промышленную основу.

[3] Л.В. Кафка могла быть знакома с семьей Бромлей через Е.Г. Адамову, братом приемной матери которой (Марии Эдуардовны Адамовой) являлся Егор Эдуардович Бромлей (род. 1859), бывший в начале XX в. директором-распорядителем Общества механических заводов «Братья Бромлей» – одной из крупнейших в России машиностроительных фирм.

[4] Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель, один из наиболее ярких стилистов в русской литературе. Современниками причислялся к символистам.

Происходил из московской купеческой семьи. Окончил торговую школу, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Студентом был по ошибке арестован за сопротивление полиции во время демонстрации и на 6 лет сослан на север России (Пенза, Вологда, Усть-Сысольск). Вернувшись из ссылки в 1905 г. в Петербург, стал публиковаться (сказки и легенды «Лимонарь», «Посолонь», «Докука и балагурье», «Николины притчи», роман «Пруд» и повести «Часы», «Пятая язва», драматургические произведения в духе средневековых мистерий «О Иуде, принце Искариотском», «Бесовское действо», «Царь Максимилиан»). В годы революции и Гражданской войны оставался в Петрограде, летом 1921 г. Ремизов выехал на лечение в Германию. В ноябре 1923 г. переехал из Берлина в Париж, в котором провел всю свою оставшуюся жизнь. В эмиграции продолжал писать (наиболее известными стали его художественные воспоминания о жизни в Петербурге и революции – «Взвихренная Русь» и «Подстриженными глазами»). В конце жизни получил советское гражданство. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

[5] Тюнин Степан Петрович – антиквар, в 1910-х годах – один из ведущих дельцов петербургского антикварно-художественного рынка, авторитетный знаток европейской живописи и фарфора. Образования не имел. Родился в г. Луга Петербургской губернии в бедной неблагополучной семье, подростком сбежал из дома, служил мальчиком в трактирах и чайных. Освоил профессию антиквара, выполняя поручения торговцев древностями на Апраксином рынке в Петербурге. В 1920-е годы перенес деловую активность в Москву.

[6] По всей видимости, Орешников имеет в виду Ю.К. Милонова. Милонов Юрий Константинович (1895–1980) – советский партийный деятель, администратор, историк техники, профсоюзного движения. Родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника – банковского служащего. В связи со службой отца семья часто переезжала: жили в Архангельске, Москве, Краснодаре, Петербурге и других городах. Обучение в гимназии, начатое в С.-Петербурге, Юрий продолжил в Самаре, куда семья переехала в 1910 г. Об этом периоде Ю.К. Милонов писал в автобиографии: «В апреле 1912 г., будучи учеником Самарской первой мужской гимназии, я вступил в партию большевиков, вовлеченный большевиком с 1898 г., делегатом Лондонского съезда, статистиком Самарского губернского земства Яковом Андреевичем Андреевым. До окончания в 1915 г. гимназии сначала занимался в кружке повышенного типа, а затем сам вел рабочие кружки». Окончив гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. «В том же 1915 г., весной, после ареста руководящих работников Самарской партийной организации… я оказался в числе тех, кому пришлось взять на себя руководство». В июле того же года Милонов был арестован и после 4-месячной отсидки в Самарской тюрьме выслан под надзор полиции в Саратов, где служил секретарем больничной кассы рабочих полиграфического производства, секретарем комиссии по сельскохозяйственной переписи Саратовского губернского земства и продолжал партийную работу. Дважды арестовывался и в ноябре 1916 г. был сослан в административном порядке в Тургайскую губернию. В ссылке работал в ссудно-сберегательном товариществе поселка Федоровский Кустанайского уезда, был председателем колонии ссыльных, руководил занятиями политического кружка. Вернувшись в марте 1917 г. после Февральской революции в Самару, Милонов был направлен партийным комитетом на Трубочный завод, где работал подручным токаря, затем токарем по металлу. Был избран в заводской и губернский комитеты РСДРП(б). До Октябрьской революции состоял секретарем самарского Совета рабочих депутатов. На общегородской партийной конференции, состоявшейся 30 июня 1917 г., большинством голосов был избран делегатом на VI съезд РСДРП(б). В октябре был избран членом редколлегии газеты «Солдатская правда». «В момент Октябрьского переворота, – писал Милонов в автобиографии, – являлся комиссаром Самарского ревкома на железнодорожном телеграфе». После установления в Самаре

советской власти был избран председателем губернского совета фабрично-заводских комитетов, а затем 21 мая 1918 г. комиссаром труда. Когда Самара была занята белочехами, Милонов ушел в подполье, поддерживая связь с эвакуировавшимся комитетом партии. После освобождения Самары 8 октября 1918 г. Милонов сразу же вернулся к исполнению обязанностей комиссара труда, но уже 10 октября на заседании Самарского губкома РКП(б) из отдела труда был отозван и при распределении обязанностей между членами комитета избран его председателем и временно редактором газеты «Приволжская правда». В должности председателя Самарского губкома Милонов проработал до июня 1919 г., затем возглавил Самарский губернский совет профсоюзов, одновременно являлся членом губисполкома и членом редколлегии газеты «Коммуна». В мае 1920 г. был избран в члены губкома, затем в члены его президиума. 7 июня 1920 г. на заседании губкома Милонов был избран его секретарем. С сентября 1920 г. – снова член президиума. Одновременно работал в губпрофсовете, выступал за создание сети пролетарских университетов, ему была поручена организация Самарского рабоче-крестьянского университета. В декабре 1920 г. получил от товарищей по партии такую характеристику: «Глубокое понимание задач советского строительства, безграничная преданность делу революции, умение группировать вокруг себя все честное, большой организационно-административный опыт. К практической работе не пригоден из-за теоретических рассуждений. На месте в рабоче-крестьянском университете». Учтя это, президиум губкома партии назначил Милонова в мае 1921 г. ответственным за преподавание общественных наук в Самарском рабоче-крестьянском университете. Также его выбрали в состав оргбюро по созданию губернской комиссии по изучению истории партии и Октябрьской революции (Истпарт). Был делегатом X съезда партии. С 10 июля 1921 г. Милонов временно исполнял обязанности секретаря губкома партии. 27 июля 1921 г. на заседании президиума губкома его освободили от обязанностей секретаря в связи с назначением в комиссию по переучету членов партии. Началась чистка рядов губернской партийной организации, в которой Ю.К. Милонов принимал самое активное участие. После отзыва ЦК РКП(б) в октябре 1921 г. в Москву Ю.К. Милонов работал ученым секретарем Главполитпросвета, затем заведующим отделом истории профдвижения ВЦСПС. С января 1927 г. был направлен на работу в ГИМ, член правления музея, с ноября 1930 по октябрь 1931 г. – директор ГИМ. С октября 1931 г. занимался научной деятельностью, являясь заместителем директора Института техники Коммунистической академии, директором Института красной профессуры, затем заведующим кафедрой истории техники Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева. В апреле 1938 г. был арестован, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам тюремного заключения и 5 годам поражения в правах. С 1939 по 1956 г. находился на Колыме. Будучи в лагере, предложил три оборонных изобретения. После освобождения из лагеря в 1948 г. работал в Магадане во ВНИИ золота и редких металлов лаборантом, инженером, заведующим лабораторией, затем в управлении местных строительных материалов строительно-монтажного управления «Дальстрой», был преподавателем математики 5–10 классов Магаданской вечерней школы. В июне 1956 г. был реабилитирован, в декабре вернулся в Москву, был восстановлен в партии. С мая 1957 г. – персональный пенсионер союзного значения. Будучи на пенсии, состоял в активе Музея революции, обществе «Знание», был членом бюро историко-литературного объединения старых большевиков, возглавлял Куйбышевскую секцию историко-литературного объединения Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ездил по стране и выступал с воспоминаниями о Ленине, писал книги по истории техники, по истории профсоюзного движения в России. Ему принадлежат следующие издания: «Как возникли профессиональные союзы в России», «История строительной техники» (вып. 1–6), «Техника в ее историческом развитии», «Каждый выбирает дорогу сам». За трудовые достижения был награжден орденом Знак Почета

и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». (*Сведения предоставлены И.В. Клюшкиной*).

[7] Речь, вероятно, идет об архиепископах Корнилии (в миру Соболеве Гаврииле Гаврииловиче, 1880–1933), и Николае (в миру Добронравове Николае Павловиче, 1861–1937). Первый был с августа 1926 г. архиепископом Свердловским и Ирбитским, с сентября находился в концлагере; второй был с 1924 г. архиепископом Владимирским и Суздальским, в 1925 г. был арестован и приговорен ОСО при Коллегии ОГПУ к 3 годам ссылки в Сибирь, с июня 1926 по апрель 1929 г. находился в ссылке в Туруханском крае. Сведения о смерти обоих в 1927 г. неверны: архиепископ Корнилий скончался в апреле 1933 г., будучи тяжело ранен напавшими на него преступниками. Архиепископ Николай был повторно арестован в октябре 1937 г., в декабре приговорен тройкой при УНКВД СССР по Московской области к расстрелу по обвинению в «контрреволюционной агитации, участии в нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации». Расстрелян и захоронен на Бутовском полигоне.

[8] Речь идет о митрополите Серафиме (Чичагове), одна из дочерей которого, Екатерина Леонидовна, была замужем за Ю.В. Сергиевским.

[9] Автор допускает в имени неточность, речь идет об Алексее Александровиче Стаховиче (1956–1919) – адъютанте вел. князя Сергея Александровича, друге К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, одном из пайщиков, а с 1907 г. (по выходе в отставку в чине генерал-майора) одном из директоров МХТ, актере Художественного театра (1911–1919), кино (с 1915). Стахович преподавал студийцам и молодым артистам МХТ светские манеры, консультировал руководителей театра. 27 февраля старого стиля, рассчитавшись накануне с долгами и выдав своему камердинеру Полю жалованье на месяц вперед и награду за многолетнюю службу, Стахович покончил жизнь самоубийством, повесившись на шнуре от портьеры. На его смерть откликнулась стихами присутствовавшая на похоронах Марина Цветаева («Вы не вышли к черни с хлебом-солью / И скрестились – от дворянской скуки! / В черном царстве трудовых мозолей / Ваши восхитительные руки» («Памяти А.А. Стаховича»)). Известен портрет А.А. Стаховича работы В.А. Серова.

[10] Политкаторжане – здесь: представители Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, основанного в 1921 г. в Москве с целью оказания помощи бывшим узникам царизма и изучения истории революционного движения, тюрьмы, каторги и ссылки в России. Общество имело свыше 50 местных филиалов, его печатными органами были «Каторга и ссылка», «Бюллетень». В июне 1935 г. оно было ликвидировано по постановлению ЦИК СССР. Многие его члены были в 1930-е годы репрессированы.

[11] Веселовский Степан Борисович (1876–1952) – историк, археограф, член-корреспондент (1929), академик АН СССР (1946). Из дворянской семьи, двоюродный брат археолога и востоковеда Н.И. Веселовского. По окончании юридического факультета Московского университета (1902) избрал областью своих научных занятий социально-экономические отношения и финансы Русского государства XVII в. С 1912 г. являлся сотрудником Московского археологического института. Доктор русской истории honoris causa (1917), степень была присуждена ему Московским университетом за труд «Сошное письмо» (1915–1916). В 1919–1920 гг. состоял главным инспектором и членом Коллегии Центрархива. В 1917–1923 гг. был профессором Московского университета, в 1923–1929 гг. работал в Институте истории РАНИОН, с 1936 г. – в Институте истории АН СССР. В 1938–1941 гг. преподавал в Историко-архивном институте. Автор целого ряда фундаментальных трудов и публикаций по социально-экономической и политической истории допетровской Руси, работ по ономастике и генеалогии, среди которых: «Акты писцового дела». Т. 1–2 (1913–1917); «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (М., 1926); «Памятники соци-

ально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв.» (М., 1929); «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.» (М., 1936); «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.; Л., 1947. Т. 1, ч. 1–2. Работа подверглась ожесточенной критике за «буржуазный объективизм», почти до самой смерти Веселовский не мог публиковаться); «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» (М., 1952. Т. 1); «Очерки по истории опричнины» (М., 1963. Работа писалась в конце 1940-х); «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (М., 1969); «Род и предки А.С. Пушкина в истории» // Новый мир. 1969. № 1, 2 (отд. изд.: М., 1990); «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» (М., 1974). На протяжении нескольких лет вел дневник (см.: Дневники 1915–1923, 1944 годов / Подгот. А.Л. Юрганов // Вопр. истории. 2000. № 2, 3, 6, 8–12; 2001. № 2).

[12] Просвиркина Софья Константиновна (1881–1971) – художник, этнограф, музейный работник. Родилась в г. Бузулук Самарской губернии. Окончила Строгановское училище (1917), принимала участие в качестве художника в экспедициях известного музыковеда и этнографа А.В. Анохина по Алтаю, Шории и Кузнецкому краю. Сотрудник ГИМ, научный сотрудник отдела крестьянского быта (с 1924), зав. отделом дерева (1930–1957).

[13] Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) – биолог; академик РАН (1920) и АН УССР (1925). Сын зоолога-путешественника Н.А. Северцова. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1890), ученик М.А. Мензбира. Профессор Юрьевского (с 1899), Киевского (с 1902), Московского (1911–1930) университетов. Создатель научной школы морфологов-эволюционистов. В 1930 г. по его инициативе и под его руководством в системе АН СССР была организована Лаборатория эволюционной морфологии, преобразованная в 1934 г. в Институт эволюционной морфологии и палеозоологии (с 1967 – Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова, ныне – Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН). Его труды по метамерии головы (1891–1901) и происхождению парных конечностей позвоночных животных (1900, 1908, 1926), а также исследования по эволюции низших позвоночных (1916–1927) получили мировое признание.

[14] Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк; член-корреспондент АН СССР (1920). Окончил гимназию в Тифлисе (1889), историко-филологический факультет Петербургского университета (1893), ученик С.Ф. Платонова, был оставлен при кафедре русской истории университета для подготовки к профессорскому званию. Магистр русской истории (1909; тема диссертации: «Княжое право в Древней Руси»), доктор русской истории (1918; тема диссертации: «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий»). С 1918 г. – профессор Петроградского университета, с 1927 г. профессор Института красной профессуры. Являлся одним из организаторов (1921) и директором (с 1922) Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете, директором Ленинградского отделения Института истории РАНИОН (1927–1928).

[15] Серебряные статеры с изображением фигуры Геракла и надписью EMINACO (вероятно, личное имя магистрата) чеканились в Ольвии во второй половине V в. до н.э.

[16] Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – белорусский историк, фольклорист, экономист, публицист. Доктор исторических наук (1905), профессор (1902). Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1894). Служил в МАМЮ, преподавал в Московском и Киевском университетах. С 1 октября 1925 г. по 1 сентября 1926 г. заведовал кафедрой истории Беларуси в Белорусском государственном университете. С осени 1926 г. работал в Москве.

[17] Насонов Арсений Николаевич (1898–1965) – историк, специалист по истории древней и средневековой Руси, летописанию, исторической географии, источнико-

ведению и археографии. Сын известного биолога, впоследствии – академика Петербургской АН Н.В. Насонова и Е.А. Корниловой (внучки героя Севастопольской обороны вице-адмирала В.А. Корнилова), племянник историка А.А. Корнилова. Окончил петербургскую гимназию К. Мая (1916), историко-филологический факультет Петроградского университета (1922). С 1924 г. работал в Эрмитаже, исполнял обязанности помощника хранителя отдела нумизматики, в 1935–1965 гг. (с небольшими перерывами) – в Историко-археографическом институте АН СССР, преобразованном впоследствии в Институт истории АН СССР.

[18] Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – советский государственный и партийный деятель, юрист. Член РСДРП с 1903 г., меньшевик. Член РКП(б) (с 1920), член ЦК ВКП(б) (с 1939), кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (1952–1953). Доктор юридических наук (1936), академик АН СССР (1939). Окончил Университет св. Владимира в Киеве (1913, учился с 1901 с перерывами, исключался за участие в студенческих беспорядках), по окончании университета преподавал русскую литературу, географию и латынь в частной гимназии в Баку, занимался адвокатской практикой. В 1920–1921 гг. преподаватель Московского университета и декан экономического факультета Института народного хозяйства им. Плеханова. В 1923–1925 гг. прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР. Профессор (1923–1925), ректор (1925–1928) 1-го МГУ. В 1928–1930 гг. возглавлял Главпрофобр, до 1931 г. был членом коллегии и зав. учебно-методическим сектором Наркомпроса, зам. председателя ГУС. С 1931 г. – прокурор РСФСР, зам. наркома юстиции РСФСР, с 1933 г. зам. прокурора, прокурор (1935–1939) СССР. В 1928 и 1930 г. председатель специального присутствия Верховного Суда СССР по шахтинскому делу и делу «Промпартии». Государственный обвинитель на 3-х Московских процессах 1936–1938 гг. В 1937–1941 гг. директор Института права АН СССР, ответственный редактор журнала «Советское государство и право». С 1940 по 1946 г. первый зам. наркома иностранных дел СССР, возглавлял работу НКИД во время эвакуации в Куйбышеве. В 1945 г. присутствовал при капитуляции Германии. С 1946 г. зам. министра по общим вопросам, в 1949–1953 гг. возглавлял МИД СССР. В 1952–1953 гг. член Постоянной комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС. С 1953 г. представитель СССР в ООН. Скоропостижно скончался от сердечного приступа.

[19] Смолин Виктор Федорович (1890–1932) – историк-антиковед, археолог, специалист по скифской археологии, археологии Камско-Волжского края, Волжской Болгарии; первооткрыватель абашевской культуры (1925). Из семьи железнодорожного служащего. По окончании Томской гимназии (1909) учился на историко-филологическом факультете Казанского университета (1909–1911, 1914–1918), на историческом отделении философского факультета Лейпцигского университета (1911–1913) и университета в Галле (1913–1914), специализировался в области торгово-экономической истории античных полисов Северного Причерноморья. Преподаватель гимназии и Томского университета, заведующий университетским музеем и Томским краевым музеем (1918–1920), один из инициаторов учреждения в Томске Института исследования Сибири (1918), где руководил работой по составлению археологической карты Западной Сибири. В 1920–1921 гг. сотрудник факультета общественных наук Казанского университета, профессор Восточной Академии по кафедре археологии, с 1922 г. заведующий кафедрой археологии на отделении востоковедения Восточного педагогического института (1921–1929). Проводил археологические исследования в Татарии, Чувашии, на Северном Кавказе (1921–1927). Директор Херсонесского музея в Севастополе (1929–1931). В феврале–марте 1931 г. сидел в КПЗ по подозрению в контрреволюционной деятельности. Научный сотрудник Пятигорского музея краеведения (1931–1932), скончался от болезни сердца в возрасте 42 лет. См.: *Кузьминых С.В.* Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. Казань, 2004.

[20] Привалова Надежда Ивановна (1900–1987) – историк, библиотекарь, архивист, музейный работник, нижегородский краевед. Из провинциальной купеческой семьи. В 1919–1921 гг. училась на историческом факультете Нижегородского университета, с 1922 на ФОН 1-го МГУ (окончила в 1927). В 1926 г. поступила практиканткой в ГИМ, работала в отделе рукописей. В 1929 г. перешла на работу в Научно-техническую библиотеку ВСНХ в отдел библиографии. В связи с «академическим делом» была сослана в 1931–1933 гг. на Урал, работала чертежницей землеустроительной партии, счетоводом бухгалтерии леспромхоза и завода торфяных машин в Ирбите. По возвращении из ссылки жила в Горьком, работала в библиотеке, в музее «Домик Каширина», в 1939–1941 гг. вела занятия по палеографии для аспирантов и преподавателей исторического факультета Горьковского педагогического института, после войны до выхода на пенсию в 1956 г. работала в областном архиве, с 1946 г. преподавала историю СССР, источниковедение и палеографию на историко-филологическом факультете ГГУ. Автор исследований и публикаций по истории Нижнего Новгорода в XVII в., Смутного времени, о деятельности Нижегородской ГУАК, о жизни и творчестве А.М. Горького, В.Г. Короленко и др.

[21] Вероятно, речь идет о протоиерее Сергее Ивановиче Голощапове (1882–1937), выпускнике и преподавателе МДА, в это время – одном из лидеров московских «иосифлян». В 1929 г. Голощапов был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, приговорен к 3 годам ИТЛ, отбывал срок на Соловках. В 1932 г. был выслан с женой в город Мезень Архангельской области. С 1934 г. супруги Голощаповы жили в Муроме, с 1935 г. в Можайске. В 1937 г. С.И. Голощапов был арестован по обвинению в совершении тайных богослужений на дому, в декабре расстрелян на Бутовском полигоне. Причислен к лику святых Русской православной церкви в 2000 г.

[22] Иоасаф Белгородский (в миру – Иоаким Андреевич Горленко, 1705–1754) – епископ Белгородский и Обоянский (с 1748). Был прославлен в лике святых в 1911 г. Мощи святителя пребывали в соборе Свято-Троицкого монастыря в Белгороде. 1 декабря 1920 г., во исполнение постановления «О ликвидации мощей», его мощи были вскрыты и отправлены в Москву, где выставлялись в музеях. В 1930-х годах их перевезли в Ленинград и поместили в экспозицию Музея истории религии и атеизма в бывшем Казанском соборе. В 1991 г. мощи были обнаружены в запаснике музея и идентифицированы по акту вскрытия мощей и иным документам. В том же году они были доставлены, чрез Москву и Курск, в Белгород, где находятся в Преображенском соборе.

[23] По-видимому, имеются в виду похороны Чарльза Эмиля Рутенберга (англ. Charles Emil Ruthenberg, 1882 – 2 марта 1927) – деятеля американского и международного рабочего и коммунистического движения, одного из основателей компартии США, члена исполкома Коминтерна. После его смерти его прах был перевезен в СССР и похоронен в Кремлевской стене.

[24] Ныне хранится в ГМИИ.

[25] Речь идет о картине «Святое семейство» или так называемой Тагильской Мадонне, считающейся принадлежащей кисти Рафаэля. Картина была найдена в 1924 г. в Нижнем Тагиле в руинированном состоянии. В 1925 г. она была привезена в Москву И.Э. Грабарем и отреставрирована в ЦГРМ. После реставрации она долгое время находилась в ГМИИ, затем в Свердловской картинной галерее, а с 1978 г. по настоящее время хранится в Нижнетагильском музее изобразительных искусств.

[26] Богословский Сергей Михайлович (1870–1931) – санитарный врач, деятель санитарной статистики и социальной гигиены, брат М.М. Богословского. Санитарный врач Дмитровского уезда Московской губернии (1907–1908), руководитель отдела статистики болезненности населения губернии (1908—1931), после Октябрьской революции зав. отделом статистики народного здравия ЦСУ, член Центральной санитарно-статистической комиссии.

Богословский Михаил Сергеевич (1897–1983) – врач, сын С.М. и О.А. Богословских, племянник М.М. Богословского.

[27] Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868–1944) – партийный деятель, историк, доктор исторических наук. Сын священника. Учился в Петербургском университете (в 1890 исключен). В 1895 г. народоволец, арестован за революционную деятельность, 15 месяцев провел в тюрьме, после освобождения – марксист. Член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в 1897 г. вместе с В.И. Лениным выслан в Енисейскую губернию. В 1898 г. вступил в РСДРП, большевик. В 1900 г. агент «Искры» в Пскове. Неоднократно арестовывался и ссылался. В конце 1902 г. бежал заграницу. В Женеве секретарь Совета партии (большевистского), один из создателей библиотеки и архива ЦК РСДРП. Во время революции 1905–1907 гг. участвовал в революционной борьбе в Екатеринбурге, Петербурге и Орше. С 1909 г. работал в статистическом бюро при Московской городской управе. После Октябрьской революции в 1918–1920 гг. работал в Наркомате просвещения. В 1921–1924 гг. был в числе создателей Истпарта. Лепешинский был инициатором создания, а с 1925 г. председателем ЦК Международной организации помощи борцам революции (МОПР) СССР и зам. председателя исполкома МОПР, осуществлявшей финансовую поддержку зарубежных коммунистов (в том числе и для организации борьбы против собственных правительств). С 1927 г. директор Исторического музея. В 1931 г. вышел на пенсию. В 1935–1936 гг. директор Музея революции. Автор работ по истории партии, воспоминаний «На повороте» (М., 1955). (*И.К.*).

[28] Моргунова-Рудницкая Наталья Даниловна – научный сотрудник отдела религиозных древностей Исторического музея (1919–1924).

[29] Российская (с 1925 – Государственная) академия художественных наук (РАХН-ГАХН) действовала в Москве в 1921–1930 гг. Была организована по инициативе А.В. Луначарского с целью «всестороннего научного исследования вопросов искусства и художественной культуры», проблемы синтеза искусств. Располагалась в бывшем здании Поливановской гимназии на Волхонке. Состояла в ведении Художественного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. Подразделялась на три разряда: физико-математический (психологический), философский, социологический. В каждом разряде работали секции: литературная, музыкальная, театральная, изобразительных искусств, архитектурная, полиграфическая. В 1930 г. была преобразована в Государственную академию искусствознания.

[30] Успенский Дмитрий Иванович – сотрудник Оружейной палаты, член Ученого совета, зав. библиотекой.

[31] Рашетт (Rachette) Жан Доминик (Яков Иванович) (1744–1809) – французский скульптор, представитель классицизма. С 1779 г. работал в России, до 1804 г. занимал должность модельмейстера Императорского фарфорового завода, практически приняв на себя художественное руководство производством. Прославился изделиями из фарфора: пластикой, портретной скульптурой.

Кендлер (Kändler) Иоганн Иоахим (1706–1775) – немецкий скульптор. Модельмейстер Мейсенской мануфактуры (с 1731). Представитель стиля рококо. Автор разнообразных по жанрам и размерам, пластичных по формам, сочных по краскам произведений (жанровая скульптура, фигуры животных, столовые сервизы).

[32] Речь идет об изданном Seminarium Kondakovianum «Сборнике статей, посвященном памяти Н.П. Кондакова» (Прага, 1926). Из ученых СССР в сборнике принял участие С.А. Жебелев со статьей «Иконографические схемы Вознесения Христова и источники их возникновения».

[33] Беляев Николай Тимофеевич (1878–1955) – ученый-металлург, военный инженер, историк. Окончил 2-й Петербургский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию. Был командирован за границу, работал в лабораториях Германии, Англии, Франции. Профессор Михай-

ловской артиллерийской академии. Участник Первой мировой войны. Полковник. Работал в Англии в Русском заготовительном комитете по снабжению русской армии. После революции остался в Англии, работал в области исследования стали. С 1934 г. обосновался в Париже. Действительный член Русской академической группы в Париже, ее представитель в Совете профессоров Русского высшего технического института в Париже. Автор ряда работ по древнерусской метрологии. Член Общества исследования древних саг. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

[34] Войков Петр Лазаревич (1888–1927) – участник революционного движения в России, советский дипломат. В 1903–1917 гг. меньшевик. За революционную деятельность исключался из гимназии и Петербургского горного института. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию, где находился до 1917 г. Вернувшись в Россию, в августе 1917 г. вступил в РСДРП(б). С августа 1917 г. член Екатеринбургского совета, Военно-революционного комитета, с октября 1917 г. – секретарь Уральского областного бюро профсоюзов и председатель Екатеринбургской городской думы. В январе–декабре 1918 г. комиссар снабжения Уральского совета, на этом посту руководил реквизициями продовольствия у крестьян. Принимал участие в расстреле царской семьи (активным сторонником которого являлся). В 1919 г. заместитель председателя правления Центросоюза; с 1920 г. одновременно член коллегии Наркомвнешторга. С 1921 г. заместитель председателя государственного треста «Северолес». С октября 1924 г. был полпредом СССР в Польше. 7 июня 1927 г. был застрелен на вокзале в Варшаве русским эмигрантом Борисом Сафроновичем Ковердой. «В ответ» на убийство Войкова большевистское правительство бессудно казнило в Москве в ночь с 9 на 10 июня 1927 г. 20 представителей знати бывшей Российской империи, которые либо находились к тому моменту в тюрьмах по различным обвинениям, либо были арестованы уже после убийства Войкова. Войков был торжественно похоронен у Кремлевской стены в Москве. Польский суд приговорил Б.С. Коверду к пожизненному тюремному заключению, но 15 июня 1937 г. он был освобожден.

[35] Манцев (у А.В. Орешникова неверно – Мацнев) Николай Ипполитович (1904–?) – сотрудник Эрмитажа (с конца 1925). В марте 1926 г. утвержден в должности помощника хранителя по отделению Кавказа, Ирана и Средней Азии.

[36] Игумнов Константин Николаевич (1873–1948) – выдающийся русский пианист и педагог, один из создателей русской пианистической школы. Профессор (1899) Московской консерватории, народный артист СССР (1946), доктор искусствоведения (1940), ректор Московской консерватории (1924–1929).

[37] Уитмор Томас (Whittemore, 1871–1950) – американский историк и археолог, византинист, египтолог.

[38] Севские чехи – своеобразные памятники русского денежного обращения, определяемые современной нумизматикой как «монеты чрезвычайных обстоятельств». В 1686–1687 гг. в городе Севске (ныне районный центр Брянской обл.) чеканились «чехи» – биллоновые монеты, предназначенные для рынка Левобережной Украины, вошедшей незадолго перед этим (1654) в состав Российского государства. Этими монетами было выплачено жалование стрельцам и казакам, отправленным весной 1687 г. в поход на Крымское ханство. Московские власти пытались распространить «чехи» и на территории Речи Посполитой (в Беларуси, Литве и на Правобережной Украине).

[39] Беляев Николай Михайлович (1899–1930) – один из главных организаторов Seminarium Kondakovianum, доктор философии Карлова университета, специалист по иконописи. Трагически погиб.

[40] Имеется в виду Антирелигиозный музей.

[41] Гриневич Константин Эдуардович (1891–1970) – археолог-антиковед, историк искусства, музеевед; профессор (1926); доктор исторических наук (1944); член-со-

трудник РАО (1916). Уроженец Вологды. После окончания гимназии (1910) учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета (1910–1915), оставлен для подг. к проф. званию. В 1913 г. путешествовал по Греции; с 1914 г. участвовал в археологических экспедициях в Ольвии, Херсонесе, на Боспоре. Прикомандирован к Петроградскому университету, занимался под руководством С.А. Жебелёва, М.И. Ростовцева, Б.В. Фармаковского, с 1918 г. доцент Петроградского университета. Директор Керченского (1919–1921) и Херсонесского (1924–1927) музеев, с 1920-х гг. начал самостоятельные археологические исследования на Керченском полуострове и на Тамани; в 1925–1930 гг. исследовал Херсонес и памятники Гераклейского полуосорова, проводил подводные работы у Херсонесского городища. В 1927 г. переехал в Москву, зам. зав. музейным отделом Наркомпроса РСФСР, заведующий отделом скульптуры Музея изобразительных искусств, ученый секретарь ВОКС, доцент МГУ, действительный член Института археологии РАНИОН (1928). В 1932 г. репрессирован, сослан в Томск, с 1939 г. спецпереселенец. Заведующий кафедрой древней истории Томского университета (1940–1948), преподаватель в Томском пединституте, с 1944 г. развернул археологические исследования в Сибири. В 1948 г. уволен во время кампании по борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. В 1948 г. переехал в Нальчик, профессор Кабардинского пединститута (1948–1953), провел широкие исследования археологических памятников Кабарды. По состоянию здоровья переехал в Нежин, а в 1953 г. – в Харьков, профессор (1953–1970), заведующий (1953–1966) кафедрой древней истории и археологии исторического факультета Харьковского университета. В 1956–1960 гг. проводил раскопки в Ольвии. (*И.Т.*).

[42] Добров, Матвей Алексеевич (1877–1958) – художник-график. Окончил МУЖВЗ (1907). Занимался в Париже офортом в мастерской Е.С. Кругликовой (1908–1909). Выставлялся на выставках с 1907 г. Мастер офорта, рисунка и акварели. Иллюстрировал книги, выполнял экслибрисы.

[43] Речь идет об Иване Николаевиче Астрове (ум. 1896), московском враче, преподавателе Военно-фельдшерской школы, и 3-х его сыновьях, братьях Николая Ивановича Астрова: Павле, Александре и Владимире – расстрелянных в 1919 г. по делу «Национального центра».

[44] Цертелев Юрий Дмитриевич – поэт, переводчик.

[45] Завод Бахметевых – частное стекольное предприятие, занимавшееся изготовлением хрустальных и стеклянных изделий. Был основан во втор. пол. XVIII в. в Пензенской губернии. Время расцвета производства относится к перв. трети XIX в., когда дело возглавил сын основателя завода Н.А. Бахметев. Изделия, отличавшиеся высоким качеством и доступной ценой, пользовались спросом на внутреннем рынке. К сер. XIX в. производство пришло в упадок, выпуск высокохудожественных вещей почти прекратился, завод в основном работал в расчете на местных потребителей. В сер. 1880-х годов завод перешел во владение А.Л. Оболенского, был серьезно модернизирован, и его изделия вновь заняли видное положение на рынках России, а на Всемирной выставке в Париже (1900) были удостоены большой золотой медали.

Возможно, имеется в виду Теребенев Иван Иванович (1780–1815) – скульптор, график, карикатурист. Автор декоративной скульптуры для здания Адмиралтейства в Петербурге (1812–1813), автор сатирических лубков-карикатур на Наполеона и его армию.

[46] Харлампович Павел Васильевич (1884 – после 1931) – белорусский нумизмат, археолог и музейный работник. В 1920–1925 гг. член Минского общества истории и древностей. В 1920-х годах директор Белорусского государственного музея. Один из организаторов историко-археологической и этнографической секций Института белорусской культуры. Преподаватель Белорусского государственного университета. В 1929 г. уволен с работы и арестован. В 1931 г. сослан на Север. А.В. Орешников получил от автора отдельные оттиски следующих статей: *Харламповіч П.В.* Праскія

гроши ў беларускіх монэтных скарбах // Гістарычна-археолегичный зборнік, Менск, 1927. № 1. С. 293–302; *Харламповіч П.В.* Монэтныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі ў зборах Беларускага дзяржаунага музею // Там же. С. 303–344.

[47] Розенель Наталья Александровна (1900–1962) – актриса, играла в московском Малом театре, снималась в немом кино. Сводная сестра композитора Ильи Саца и тетя Натальи Сац. Жена А.В. Луначарского. Автор мемуаров «Память сердца» (М., 1962).

[48] Стражев Виктор Иванович (1879–1950) – поэт, литературовед, педагог. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1902). Преподавал русский язык и словесность в учебных заведениях Москвы, Вязьмы и Сухуми, был гимназическим учителем Виктора Гофмана и Владислава Ходасевича. Начиная с 1921 г. работал в Наркомпросе, занимался вопросами театра и издательской деятельности. Участвовал в создании Абхазского научного общества и Государственного музея Абхазии. С 1927 г. преподавал в Институте повышения квалификации кадров народного образования, в 1930–1937 гг. – на рабфаке при Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Во время войны редактировал тома «Истории дипломатии». В 1944 г. стал старшим научным сотрудником ГЛМ.

[49] Начальником охраны ГИМ.

[50] Русско-датские копейки («деннинги») с именем короля Дании и Норвегии Христиана IV (1577–1648) чеканились в Дании в 1619 г. для торговли в пограничных областях на крайнем северо-западе Московского государства. См.: *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М., 1989. С. 190–195.

[51] Каверзнев Михаил Николаевич (ум. 1881) – филолог, коллекционер. Интересовался эпохой наполеоновских войн, собирал средневековые русские монеты. Вынашивал идею создания нумизматического общества для научного изучения монет. Умер от туберкулеза в Ялте, где похоронен на городском кладбище. См.: *Орешников А.В.* Материалы для русского нумизматического словаря. ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. № 35. Л. 18 об.–19.

[52] Имеются в виду монеты, выпускавшиеся в период существования Золотой Орды в XIII–XV вв.

[53] Лопуцкий Станислав (ум. 1669) – живописец. Смоленский шляхтич. В 1656 г. был принят на службу в Оружейную палату. В 1657 и 1661 г. написал портреты царя Алексея Михайловича.

[54] Берсенев (наст. фамилия Павлищев) Иван Николаевич (1889–1951) – актер, режиссер. Народный артист СССР (1948). Исполнитель ролей героического и характерного плана. Учился на юридическом факультете Киевского университета. Оставив учебу, с 1907 г. работал в театрах Киева и Одессы. В 1911 г. принят в труппу МХТ. С 1922 г., помимо МХАТ, работал в 1-й студии МХТ, в 1924 г. при реорганизации, перешел в МХАТ 2-й. С 1925 г. начал заниматься режиссурой. С 1938 г. художественный руководитель и актер Московского театра им. Ленинского комсомола. Роли, исполненные им на сцене: Хельмер («Нора» Г. Ибсена), Протасов («Живой труп» Л. Толстого), Сирано («Сирано де Бержерак» Э. Ростана) и др. Снимался в кино («Великий гражданин» и др.). С 1939 г. преподавал в ГИТИСе, профессор.

[55] «Дни Турбиных» – легендарный спектакль МХАТ, названный впоследствии «второй "Чайкой" Художественного театра». Поставлен по пьесе М.А. Булгакова (литературная основа – роман «Белая гвардия»). Общее руководство постановкой осуществлял К.С. Станиславский, режиссером спектакля был И.Я. Судаков, оформлял спектакль известный живописец, портретист и график Н.П. Ульянов. Пьеса вызвала огромный интерес у всей труппы, ее хотели играть как актеры старшего поколения (В.И. Качалов, Л.М. Леонидов, А.Л. Вишневский), так и молодежь – недавние студийцы. Последние и были поддержаны Станиславским. В спектакле участвовали

талантливые молодые актеры, которые в дальнейшем составили ядро мхатовской труппы: Н.П. Хмелев, М.М. Яншин, М.И. Прудкин, Б.Г. Добронравов, В.К. Соколова. Новый спектакль по понятным причинам вызвал как небывалую по размаху протестную критику со стороны деятелей Пролеткульта и РАПП, так и громадный интерес со стороны зрителя, воспитанного на русской культуре, русской драматургии и русском театре. Несмотря на протесты критиков, спектакль остался на сцене театра благодаря интересу, проявленному И.В. Сталиным, неоднократно смотревшим его. К осени 1927 г. «Дни Турбиных» насчитывали приблизительно сотню представлений. «Для Станиславского эта победа имела глубокий смысл… потому что открывала перспективу развития старого театра в новую эпоху… позволяла пережить трудные годы, разрешала говорить со сцены на языке "правды жизни человеческого духа" и тем самым возрождать святую для него чеховскую традицию» (см.: *Строева М.Н.* Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938. М., изд. Наука. 1977. С. 159–160).

[56] Речь идет о кладе медных боспорских статеров, захороненном во время правления царя Рискупорида VI (314–341/342). См.: *Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских «статеров» // Вестник древней истории. М., 1950. № 2 (32). С. 134–139.

[57] В 1927–1931 гг. архиепископом Звенигородским был Филипп (в миру – Гумилевский Сергей Николаевич; 1877–1936).

[58] Блюменталь-Тамарина (урожд. Климова) Мария Михайловна (1859–1938) – актриса, народная артистка СССР (1936). На драматической сцене с 1887 г., дебют актрисы состоялся в летнем театре Петровского парка в Москве. В 1890–1901 гг. работала в провинциальных театрах. Вернувшись в Москву, играла на сцене театра Корша (1901–1914; 1921–1933). С 1933 г. в Малом театре. Прославилась исполнением характерных, комедийных ролей и ролей старух. С 1916 г. снималась в кино.

[59] А.В. Орешников был утвержден членом-корреспондентом АН СССР по разряду классической филологии и археологии (археология) Отделения гуманитарных наук с 14 января 1928 г. К баллотировке его рекомендовали С.А. Жебелев, Н.П. Лихачев и В.П. Бузескул. См.: Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 2: 1918–1973. М., 2009. С. 160; *Жебелев С., Лихачев Н., Бузескул В.* Записка об ученых трудах А.В. Орешникова // Известия академии наук СССР. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. Л., 1928. № 8–10. С. 452–454; [*Лихачев Н.П.*] Список ученых трудов А.В. Орешникова // Там же. С. 454–457.

[60] Эрнст Николай Львович (1889–1956) – археолог, историк Крыма. Родился в Киеве, в интеллигентной семье. В 1905 г. окончил гимназию в Глухове, в университет не был принят как «политически неблагонадежный». Высшее образование получил в Германии; в 1911 г. окончил Берлинский университет, здесь же защитил магистерскую диссертацию «Отношение Москвы к крымским татарам при Иване III и Василии III». Опубликовал на немецком языке свою первую статью «Первые набеги крымских татар на Южную Россию». По возвращении в 1912 г. на родину – библиотекарь Фундаментальной библиотеки Киевского университета. В 1918 г. некоторое время сотрудник ГПБ в Петрограде. С октября 1918 г. в Крыму: библиотекарь, профессор Таврического университета (с 1920). В 1921–1937 гг. зав. историко-археологическим отделением, зам. директора по научной части Центрального музея Тавриды. Активный участник краеведческого движения, секретарь Таврического общества истории, археологии и этнографии, на заседаниях которого выступал с докладами о памятниках Крыма, различных исторических периодов. Участник 2-й Всесоюзной конференции по краеведению (Москва, 1925). Арестован в Симферополе 15 февраля 1938 г. Почти вся коллекция и его рукописи пропали при аресте. Обвинен по статье 58-1а, 10 УК РСФСР. 20 сентября 1940 г. осужден как «немецкий шпион» на 8 лет ИТЛ. Отбывал срок в Унженском ИТЛ (Горьковская обл.). После отбытия срока в 1948 г. работал товароведом в г. Прокопьевск Кемеровской обл. 11 апреля 1949 г. вновь арестован. 14 сентября 1949 г. осужден на 5 лет ИТЛ – «за подозрительные по

шпионажу связи и антисоветскую агитацию». Писатель Ю.О. Домбровский встречался с ним в Озерлаге (Тайшет), где он отбывал заключение. После амнистии 1953 г. жил в г. Прокопьевск (Кемеровская обл.), где и скончался 20 марта 1956 г. в момент, когда узнал о разрешении вернуться в Крым. Реабилитирован в 1958 г.

[61] Труффи Иосиф Антонович (Джузеппе Труффи; 1850–1925) – российский дирижёр итальянского происхождения. Приехал в Россию в 1876 г., работал скрипачом в Тифлисском оперном театре. В начале 1880-х годов дирижировал итальянской оперой в Одессе. В 1885–1891 и в 1898–1899 гг. дирижёр Московской частной русской оперы С.И. Мамонтова, достигшей своего расцвета при активном участии Труффи. С начала 1890-х гг. широко гастролировал по югу Украины с собственной труппой «Товарищество оперных артистов». Труффи содействовал первым сценическим успехам Ф.И. Шаляпина, был пропагандистом русского оперного искусства. После 1917 г. жил в Москве, работая с молодыми вокалистами и дирижёрами.

1928 год

[1] Захаров Николай Алексеевич (1883–1938) – археолог, профессор Краснодарского педагогического института. Исследователь дольменов и городищ на территории Краснодарского края. Автор нескольких публикаций материалов раскопок. Участник археологической конференции в Керчи в сентябре 1926 г. Подвергался аресту, но был выпущен на свободу. Последний раз арестован в июле 1937 г., приговорен к высшей мере наказания и 4 марта 1938 г. расстрелян. См.: *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006. С. 211.

[2] Матвеев Николай Михайлович (1877–1951) – советский государственный, музейный деятель. Родился в семье забайкальского казака. Окончил Иркутское юнкерское училище, Нерчинско-заводское горное училище (1896). Работал землемером при правлении Забайкальского казачьего войска. С начала 1900-х годов участвовал в социал-демократическом движении. Летом 1917 г. вступил в РСДРП(б). В апреле–августе 1917 г. председатель войскового комитета Забайкальского казачьего войска. С апреля 1918 г. председатель Забайкальского областного СНК. Один из организаторов борьбы с атаманом Семёновым. После временного падения советской власти перешел на нелегальное положение, скрывался в амурской тайге, был арестован японскими интервентами и заключен в концлагерь под Хабаровском. После освобождения (февраль 1920) участвовал в партизанском движении, являлся зав. политотделом партизанской армии в Приамурье. С ноября 1920 г. член правительства ДВР, военный министр. В августе 1921 – ноябре 1922 г. председатель правительства ДВР, член Дальбюро ЦК РКП(б). С 1925 г. в Москве, член коллегии Наркомата внешней и внутренней торговли, сотрудник Главнауки. С 1927 г. в ГИМ, зам. директора (1928–1930). Депутат Моссовета, с 1935 г. персональный пенсионер.

[3] Стрелков Александр Семенович (1896–1939) – историк искусства, археолог, специалист по искусству Средней и Центральной Азии, Ирана, эллинистического Египта. Учился на юридическом факультете, затем ФОН МГУ (окончил в 1921). Работал в ГМИИ (1919–1931): в должности заведующего библиотекой (1921–1923), научным сотрудником отдела Востока (1924–1931). Член ГАХН, Московского отделения РАИМК/ГАИМК, РАНИОН. Арестовывался в 1930 г., в 1932 г. дело прекращено. В начале 1930-х годов переехал в Ленинград. Научный сотрудник Эрмитажа, действительный член ГАИМК. В 1936 г. был командирован Эрмитажем в археологическую экспедицию в Старый Термез. Вновь арестован в феврале 1938 г., обвинен в том, что «занимался шпионской деятельностью на территории СССР в пользу Германии». Расстрелян в сентябре 1938 г.

[4] Пик Берендт (Pick Behrendt, 1861–1940) – немецкий нумизмат, археолог и филолог-классик. Обучался в Берлинском университете, где в 1884 г. защитил диссерта-

цию под руководством Т. Моммзена. Профессор античной нумизматики и археологии в университете г. Йена (1897–1931). Директор мюнцкабинета в г. Гота (1899–1934), собрание которого он увеличил более чем на 35 000 экз.

[5] Веселовский Борис Константинович – историк архитектуры. Хранитель отдела гравюр, картин и эстампов Эрмитажа. Зять архитектора А.К. Бруни.

Веселовский Борис Борисович (род. 1896) – астроном, сейсмограф. Сын Б.К. Веселовского. Учился в Петербурге, затем в Праге, где получил степень доктора астрономии. В 1929–1961 гг. работал в обсерватории в Алжире по специальности сейсмография, изучал движение звезд по их каталогизации.

[6] Naville – швейцарская фирма по продаже монет. Коллекция монет А.Л. Бертье-Делагарда была продана в Люцерне 18 июня 1923 г. См. аукционный каталог: V. Monnaies grecques antiques provenant des doubles du British Museum des collections de feu le général A.L. Bertier de la Garde et de divers autres amateurs. Naville & C-ie. Genève, 1923. Археологическая коллекция первоначально была описана в одном из каталогов Британского музея. См.: *Dalton O.M.* A Guide to the Medieval Antiquities and Objects of Later Date in the Department of British and Mediaeval Antiquities. London: British Museum, 1924. См. также современную публикацию этой коллекции: *Andrási J.* The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: British Museum, 2008.

[7] Клад был найден в 1837 г. на склоне холма Истрица у дер. Пьетроаса (совр. Пьетроаселе, префектура Бузэу, Румыния) крестьянами во время хозяйственных работ. Изначально состоял из 22 золотых украшенных драгоценными и полудрагоценными камнями предметов, однако вскоре после обнаружения часть вещей была утрачена. В настоящее время в состав клада входят: набор из четырех фибул, золотое ожерелье, кольцо с рунической надписью, кувшин, 12-гранный кубок, разрубленное на четыре части блюдо и др. Общий вес составляет около 19 кг. Большинство исследователей датируют сокровище из Пьетроасы IV в. и предполагают, что оно могло принадлежать Атанариху – вождю вестготского племени тервингов. Стилистические и технологические особенности вещей свидетельствуют, что они являются продукцией римского производства, но в то же время демонстрируют влияние готских и степных кочевнических традиций ювелирного и декоративно-прикладного искусства. Клад хранится в Национальном историческом музее в г. Бухаресте (см.: *Odobesco A.* Le Trésor de Pétrossa. T. I–III. Paris, 1889–1900).

Инвентарь «княжеского» погребения из д. Большой Каменец Льговского р-на Курской обл. (так называемый «Старый Суджанский клад») ездили смотреть и вывозить в Москву сотрудники Оружейной палаты Н.Н. Померанцев и В.И. Козлов (см.: *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьи р. Суджи. М.; Л., 1934). (*В.Р.*).

[8] Мюллер Филипп Генрих (1654–1719) – знаменитый немецкий медальер, получивший к началу XVIII в. европейскую известность и заказы от многих государств, располагавших собственными монетными дворами и медальерами. Значительную часть жизни провел в Нюрнберге на службе австрийской короне. На склоне лет ушел в отставку и продолжил свою деятельность вместе с сыновьями в собственной мастерской в Аугсбурге. В 1713 г. заключил договор с Я.В. Брюсом и менее чем за два года в своей мастерской создал штемпели для чеканки серии из 28 медалей, отражающих главные победы России над Швецией в Северной войне 1702–1714 гг. В 1716 г. все штемпеля были доставлены в Москву. Позже на Московском монетном дворе было отчеканено несколько комплектов серии в золоте и серебре. Медали Мюллера оказали большое влияние на развитие русского медальерного искусства. См.: *Щукина Е.С.* Два века русской медали: Медальерное искусство в России 1700–1917 гг. М., 2000. С. 26–34.

[9] Мартá Луиджи – итальянский художник, акварелист, миниатюрист. Работал в России в 1840-х годах. Его произведения хранятся в музеях Неаполя, Вены, Москвы (ГИМ).

Росси Эмилио – итальянский художник, акварелист, миниатюрист второй четверти XIX в.

Работы Мартá («Портрет доктора Н.Ф. Арендта», «Портрет А.А. Столыпина», «Портрет К.А. Булгакова») и Росси («Портрет Г.Ф. Орлова», «Портрет Н.Д. Киселева», «Портрет А.Н. Демидова») были принесены в дар музею О.И. Булычевой в 1928 г. См.: *Гончарова Н.Н.* Русский дворянский портрет в графике первой половины XIX в. Из собрания Государственного исторического музея. М., 2001. С. 112–114, 120–122.

[10] Штейн Вера Федоровна (1881–1971) – скульптор, художник. Родилась в семье профессора Петербургской консерватории, известного пианиста Ф.Ф. Штейна. Училась в Высшем художественном училище при Академии художеств (1903–1905), у Калароссии и Ривьера в Париже (1907–1909). По возвращении в Россию помимо занятий скульптурой увлеченно занималась историей античного Причерноморья, участвовала в археологических раскопках в Крыму, читала лекции в Рабочем воскресном университете при Эрмитаже и Русском музее. Была арестована в марте 1929 г. по «делу А.А. Мейера», приговорена к 3 годам ИТЛ, отбывала заключение на Соловках, освобождена досрочно в январе 1931 г., выслана на оставшийся срок в Вологду. С 1933 г. жила и работала в Новосибирске. Член Союза художников СССР (с 1934). Автор барельефа над входом в Новосибирский государственный театр оперы и балета (1939–1940).

[11] Церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду и палаты боярина князя В.В. Голицына находились на месте нынешнего здания Государственной думы. В 1920-е годы они были отреставрированы. Церковь была снесена в 1928 г., палаты – в 1932.

[12] Любовь Николаевна Белова (1893–1971) – хранитель античных монет Эрмитажа. Л.Н. Белова (в девич. Кудь) родилась в г. Керчь. После окончания Керченской женской гимназии поступила на историко-филологический факультет ВЖК в Киеве, после окончания которого работала преподавателем истории и литературы сначала в сельской гимназии Екатеринославской губернии, а затем в средней школе в Керчи. С 1925 по 1938 г. – научный сотрудник Археологического музея в Херсонесе. В эти годы Л.Н. Белова ежегодно участвовала в археологических исследованиях античного и средневекового Херсонеса. Особенно ее интересовала античная нумизматика. Ее учителем на этом поприще стал А.Н. Зограф, хранитель античных монет Эрмитажа. Работая в Херсонесском музее, она написала несколько работ, посвященных монетам из раскопок Херсонеса, Тиритаки, Мирмекия и Илурата. В 1938 г. муж Л.Н. Беловой – сотрудник Херсонесского музея (археолог-античник) Григорий Дмитриевич Белов – был приглашен на работу в отдел Античного мира Эрмитажа, вместе с ним в Ленинград приехала и Л.Н. Белова. В 1939 г. А.Н. Зограф пригласил ее на работу в Отдел нумизматики Эрмитажа, где она и проработала с небольшим перерывом до 1971 г. См.: *Быков А.* Л.Н. Белова (1893–1971). (Некролог). Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXVI. Л., 1973. С. 117–118; *Гурулева В.В.* Л.Н. Белова: Севастополь – Свердловск – Ленинград. Этапы научной деятельности. Античная древность и средние века. Вып. 34. 2003. С. 435–442. (*В.Г.*).

[13] Музей «Зелёные своды» (нем. Grünes Gewölbe) – знаменитая коллекция драгоценностей в Дрездене, бывшая княжеская сокровищница Веттинов, охватывающая период от Ренессанса до классицизма. Название ее происходит от когда-то окрашенных в малахитово-зеленый цвет, а позднее закрытых зеркалами колонн Зала драгоценностей.

[14] Речь идет о серии картин В.В. Верещагина, приобретенной в 1902 г. правительством для Русского музея в Петербурге, впоследствии переданной в ГИМ.

[15] Вероятно, речь идет об историке, искусствоведе, краеведе Николае Григорьевиче Тарасове (1866–1942).

[16] Спасский Иван Георгиевич (у Орешникова также – Юрьевич) (1904–1990) – крупнейший советский ученый, доктор исторических наук, главный хранитель отдела нумизматики Эрмитажа. Родился в г. Нежине (Украина) в семье священника Соборно-Николаевской церкви Георгия Ивановича Спасского. В 1914 г. поступил в Нежинскую классическую гимназию, преобразованную после революции в Единую трудовую школу. В 1925 г. окончил Нежинский институт народного образования. Совет института направил И.Г. Спасского в качестве стипендиата для продолжения об разования в ЛГУ, где он был зачислен на 2 курс на факультет языкознания и материальной культуры. В университете научным руководителем Спасского был хранитель отдела нумизматики Эрмитажа Н.П. Бауер, под его руководством Спасский подготовил дипломную работу, посвященную исследованию бытовавших на Украине женских монетовидных украшений – дукачей. В переработанном и дополненном виде она была издана в Киеве в 1970 г. В годы учебы в университете Спасский впервые встретился с А.В. Орешниковым. Это знакомство переросло в плодотворное научное общение, их переписка продолжалась вплоть до кончины Орешникова. После окончания ЛГУ Спасский вернулся в Нежин, где возглавил Окружной музей, в 1930 г. его пригласили заведовать нумизматическим кабинетом в Харьковском археологическом музее. В конце 1931 г. он получил приглашение на работу в Эрмитаж заведующим медальной секцией отдела нумизматики. Осенью 1933 г. Спасский был арестован, в 1934 г. по ложному обвинению осужден Коллегией ОГПУ на 5 лет ИТЛ. С 1938 по 1941 г. он работал театральным художником в Череповце, откуда ушел на Карельский фронт. После демобилизации, в начале 1946 г., И.Г. Спасский по приглашению директора Эрмитажа И.А. Орбели вернулся в отдел нумизматики Эрмитажа. В послевоенные годы Спасский был хранителем русских монет, орденов и медалей, главным хранителем отдела. В 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1964 г. по совокупности работ в области исследования денежного хозяйства России XVI–XVII вв. ему была присуждена степень доктора исторических наук. Спасский – автор более 140 печатных работ, в число которых входят как отдельные научные статьи, так и фундаментальные монографии и научно-популярные работы. Его труды до сих пор сохраняют свое значение для отечественной исторической науки. См.: *Янин В.Л.* Иван Георгиевич Спасский и советская нумизматика // ВИД. 1985. Вып. XVI. С. 355–362; Хранитель Эрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904–1990). Издательство Государственного Эрмитажа. СПб., 2004. (*В.К.*).

[17] Речь идет о романе английского писателя и журналиста Роберта Смита Хиченса (англ. Robert Smythe Hichens, 1864–1950) – «Сад Аллаха» (англ. «The Garden of Allah»; 1904, русский перевод 1914).

[18] Речь идет о начале «шахтинского дела» (его официальное название: «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе»).

[19] Речь идет о визите в СССР падишаха Афганского Аманулла-хана (1892–1960, правил Афганистаном с 1919 по 1929).

[20] Малицкая Ксения Михайловна (1890–1969) – искусствовед, специалист по искусству Испании. Сотрудник Музея изящных искусств (затем ГМИИ) с момента его открытия, работала экскурсоводом, затем старшим научным сотрудником отдела скульптуры, с 1926 г. зав. библиотекой, с 1940 г. до конца жизни возглавляла отдел искусства стран Европы и Америки.

[21] Вейнберг Анна Лазаревна (1887–1970) – искусствовед. В 1918 г. сотрудник Коллегии по делам музеев. В 1924–1963 гг. научный сотрудник отдела бытовой иллюстрации (ИЗО) ГИМ, в 1931–1951 гг. зав. отделом.

[22] Соколов Борис Матвеевич (1889–1930) – литературовед, фольклорист, этнограф, музейный деятель. Сын профессора М.И. Соколова, брат Ю.М. Соколова. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Профессор Саратовского университета (1919), создатель этнографического музея в Саратове, первый директор Саратовского государственного областного музея (с 1921). Директор Центрального музея народоведения СССР в Москве (с 1924).

[23] Власов Николай Васильевич (1893–1965) – искусствовед, коллекционер. Сотрудник Музейного отдела Наркомпроса, в 1920-е годы эксперт Госторга, «Антиквариата», Торгсина.

[24] Мартынов Алексей Васильевич (1868–1934) – хирург, заслуженный деятель науки РСФСР (1933). Окончил медицинский факультет Московского университета (1891). С 1904 г. профессор кафедры хирургической патологии Харьковского университета, с 1910 г. директор госпитальной хирургической клиники Московского университета. Член-учредитель, член правления и председатель общества российских хирургов. Основал и редактировал «Русское хирургическое обозрение» (1902–1906), «Ежегодник русской медицинской печати» (т. 1–2, 1912–1914). Основные труды по актуальным проблемам хирургии печени, желчных путей, щитовидной железы. Создал крупную школу хирургов.

[25] Вулли Чарльз Леонард (англ. Charles Leonard Woolley, 1880–1960) – ведущий английский археолог первой половины XX в., вел раскопки памятников материальной культуры Шумера, Древнего Египта, Сирии, Нубии, Древней Анатолии. В 1922–1934 гг. руководил работами британско-американской археологической экспедиции в Уре, в ходе которых был открыт зиккурат в Уре и ряд важнейших памятников периода I и III династий Ура, а также времени Саргона Аккадского, в том числе 16 царских захоронений I династии Ура с найденными в их комплексах многочисленными человеческими жертвоприношениями.

[26] Правильно: Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928) – советский государственный и партийный деятель. Член ЦИК СССР 1–4 созывов, член ЦК ВКП(б) (1923–1928). Зам. наркома и нарком продовольствия РСФСР (1917–1921), зам. председателя СНК и СТО РСФСР, СССР и одновременно нарком РКИ (1922–1923), председатель Госплана (1923–1925), нарком внешней и внутренней торговли (1925–1926).

[27] Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966) – археолог, специалист в области эпох неолита и бронзы. Доктор исторических наук (1943). Родился в Москве в состоятельной купеческой семье. Окончил 3-ю московскую классическую гимназию (1904), свободно владел несколькими европейскими и древними языками. В том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но в связи с революционными событиями 1905 г. был вынужден оставить учебу. Получив наследство, с 1905 по 1910 г. он побывал почти на всех континентах. В 1914 г. был мобилизован, участвовал в военных действиях, в 1915 г. попал в плен, где пробыл до 1919 г. Вернувшись в Москву, служил библиотекарем в отделе печати Моссовета и переводчиком в Управлении связи Красной армии. С 1922 по 1925 г. учился на отделении археологии ФОН МГУ, в 1929 г. закончил аспирантуру НИИ археологии и искусствознания РАНИОН. С 1929 по 1963 г. преподавал археологию в МГУ. С 1925 г. начал работать в ГИМ, сначала хранителем, а с 1930 г. зав. отделом. В 1941–1943 гг. участвовал в эвакуации музейных фондов. Вернувшись в Москву из эвакуации, в 1944 г. был зачислен старшим научным сотрудником в ИИМК (затем ИА РАН). С 1923 г. Брюсов возглавлял археологические экспедиции, работавшие на русском Севере. Особо важны исследования на Летнем берегу Белого моря (1926) совместно с М.Е. Фосс, Д.А. Крайновым и А.В. Збруевой и многолетние работы в Карелии и Вологодской области (свайное поселение Модлона), в Новгородской области (поселение Репище). Автор более ста печатных работ.

Черданцев Александр Алексеевич (1871–1943) – уральский краевед, музейный деятель, нумизмат, библиограф, по профессии – фармацевт. С 1900 г. – член Уральского общества любителей естествознания, зав. отделом нумизматики, секретарь общества, его пожизненный член. Предпринимал самостоятельные краеведческие экспедиции по Северному Уралу. С 1915 г. принял активное участие в возрождении губернского музея в Уфе, в декабре 1917 г. был избран председателем комитета музея. В 1922–1924 гг., оставив работу на поприще фармацевтики, заведовал Уфимским художественным музеем (при создании в 1919 – Уфимский художественный Пролетарский музей им. Октябрьской революции, первый директор – И.Е. Бондаренко, с 1999 – Башкирский государственный музей им. М.В. Нестерова). В 1932–1942 гг. сотрудник Книжной палаты Башкирской АССР.

[28] Г.В. Лазарис – юрист, чиновник Наркомата иностранных дел, зам. директора Эрмитажа (с 1928).

[29] Вероятно, речь идет о здании, возведенном Р.И. Клейном для конторского и торгового дома «Варваринское подворье» в начале 1890-х годов.

[30] Кисель Адам Григорьевич (1600–1653) – политический деятель, сенатор Речи Посполитой (с 1641), воевода Киевский (1649–1653), был королевским комиссаром на переговорах с руководителями восстания Богдана Хмельницкого.

[31] Поливанов Иван Львович – сын педагога, основателя и директора знаменитой московской частной мужской гимназии Л.И. Поливанова, после смерти отца – ее директор.

[32] Шугаевский Валентин Андреевич (1884–1966) – археолог, нумизмат, музейный работник. Родился в Киеве. В 1909 г. закончил Политехнический и Петербургский археологический институты. Работал в Эрмитаже (1909–1917), Киеве (1917–1919), Чернигове (1919–1926), где в 1921 г. основал первый государственный музей. С 1908 г. член Черниговской ученой архивной комиссии. В 1909, 1911–1912 гг. провел археологические раскопки средневекового поселения и городища на Черниговщине. Участвовал в работе XV Археологического съезда в Новгороде. Автор нескольких трудов по археологии и нумизматике Украины. С 1926 г. работал в Киеве в Центральном историческом музее, в 1928 г. возглавил основанный им отдел нумизматики. В 1933 г. был арестован, провел несколько месяцев в заключении, но отпущен на свободу. В 1939 г. уволен из музея и лишь в 1941 г. устроился на работу в Институт археологии АН УССР. Остался в городе при оккупации Киева летом 1941 г. В 1943 г. выехал во Львов, в 1944 г. читал лекции в Пражской вольной АН. В 1947 г. переехал в США. Активный участник подготовки «Енциклопедії украінознавства».

[33] Автор имеет в виду Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина.

[34] Средин Александр Валентинович (1872–1934) – художник. Окончил физико-математический факультет Московского университета, приват-доцент кафедры геологии. Посещал занятия в МУЖВЗ, стажировался в Париже в мастерских Ж.-П. Лоранса и Б. Констана. Сотрудник журнала «Золотое руно». Основной темой его картин стали интерьеры усадеб и дворцов («Зал в Кусково, имении графа С.Д. Шереметева», «На Полотняном заводе», «Портретная в имении Гончаровых», «Полотняный завод», «Комната в имении Обнинских. Белкино»). С конца 1920-х годов в эмиграции во Франции, сотрудник газеты «Возрождение». Трагически погиб.

[35] Брат П.Б. Струве.

[36] Беляев Агапит Федорович (1853–1934) – известный московский врач-отоларинголог.

[37] Имеется в виду «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора...» известного историка и археолога Павла Ивановича Савваитова (1-е изд. 1865; 2-е изд. 1896).

[38] Сарти Джузеппе (итал. Sarti Giuseppe, 1729–1802) – итальянский композитор; был придворным капельмейстером при Екатерине II и Павле I. Написал сочинения

для православных богослужений, в частности, ораторию «Тебе Бога хвалим». По мнению музыковедов, с трудом преодолевал в духовных песнопениях «оперный стиль». Разительный пример того – двухорное «Отче наш». По всей видимости, именно эта форма исполнения вызвала недовольство А.В. Орешникова.

[39] Дервиз Павел Павлович (1897–1942) – сотрудник отдела истории западноевропейского искусства Эрмитажа, хранитель драгоценностей, зав. особой кладовой.

[40] Попов Александр Протогенович (1827–1887) – архитектор, специалист по древнерусскому зодчеству, реставратор, археолог. Член Московского археологического общества. Автор росписей интерьеров РИМ.

[41] Всесоюзная Спартакиада 1928 г. проводилась в Москве 11–24 августа, была посвящена первому пятилетнему плану и 10-летию советского физкультурного движения. В ней приняли участие 6029 спортсменов из республик СССР, Москвы, Ленинграда и делегации зарубежных рабочих спортивных союзов (более 600 спортсменов из 17 стран мира). В программу был включен 21 вид спорта. По массовости превзошла IX Олимпийские игры 1928 г. в Амстердаме. Участники были размещены в Чернышевских казармах и в третьем Доме Союзов, а сами соревнования проходили на стадионе «Пищевик» и на новом стадионе «Динамо», специально построенном к открытию игр.

[42] Дрейден Григорий Давыдович (1907–1971) – музейный, театральный деятель. Родился в семье владельца небольшой типографии. Окончил Тенишевское училище в Петербурге. Работал экскурсоводом и методистом экскурсоводов пригородных дворцов Ленинграда. Был репрессирован в 1931 г., но благодаря заступничеству друзей и родственников вернулся через 6 месяцев. В начале Великой Отечественной войны был директором Дворца культуры промкооперации (позднее – Дворец культуры им. Ленсовета). Участник войны, был награжден орденом Красной Звезды. После войны заведовал литчастью ленинградского Театра эстрады.

[43] Рыбников Павел Николаевич (1832–1885) – известный фольклорист, этнограф, собиратель былин. Дядя А.А. Карзинкина.

[44] Ныне Центральная экспериментальная военно-картографическая фабрика им. В.В. Дунаева, находится по тому же адресу.

[45] Лядов (наст. фамилия – Мандельштам) Мартын Николаевич (1872–1947) – революционный, советский партийный деятель, историк партии. В 1923–1929 гг. ректор Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова. В 1929 г. зав. Главнауки, в 1930 г. зав. Архивом Октябрьской революции. Член научных советов Института Ленина и Истпарта. Делегат XII–XVI съездов партии; на XV съезде избирался членом Центральной ревизионной комиссии. Кандидат в члены ВЦИК и ЦИК СССР. С 1932 г. персональный пенсионер.

[46] Кульженко Полина Аркадьевна (1891–1982) – искусствовед, сотрудник Музея западноевропейского искусства в Киеве. Невестка известного киевского издателя и владельца типографии Стефана Васильевича Кульженко, жена его старшего сына Василия, которому перешло дело отца. Во время фашистской оккупации была вынуждена сопровождать в Германию коллекцию музея, вывезенную захватчиками. После войны была репрессирована.

[47] Баранов Николай Андреевич (1896–1982) – художник-иконописец, выдающийся реставратор, воспитавший замечательную плеяду учеников (Виктор Васильевич Филатов, Елена Павловна Юдина и др.).

[48] Герье Елена Владимировна (1868–1943) – филолог, переводчик. Дочь историка В.И. Герье. В 1898–1917 гг. работала в Московской городской управе, занималась организацией профессиональных школ. В 1920-е и 1930-е годы – сотрудник Научно-справочного отдела Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Переводила Бальзака, труды классиков исторической науки (Т. Моммзен и т.п.).

[49] Ко́ймы (каймы) колокольцовского дела – фрагменты шалей, выполненные в мастерских семейства Колокольцовых. Мастерские были основаны в начале 1800-х годов в связи с распространившейся в России модой на шали, ставшие на долгие годы неотъемлемой частью женского гардероба. В отличие от изделий, ввозимых в страну с Востока и Запада, шали, производившиеся в мастерских Колокольцовых, Мерлиной, Елисеевой и др., выполнялись в технике двустороннего, или «лицевого» (т.е. без изнанки) ткачества. Выявленные недавно документы позволяют говорить о том, что эта техника впервые была разработана и внедрена в мастерских семейства Колокольцовых. Мастерские генерал-майора Григория Аполлоновича Колокольцова и его брата статского советника Дмитрия Аполлоновича находились соответственно в сельце Ивановское и Александровка Петровского уезда Саратовской губернии, мастерская их сестры Александры Аполлоновны – в Петербурге. К этому семейству принадлежала и Надежда Аполлоновна Мерлина (урожд. Колокольцова), которая вела дело под собственной маркой. Сырьем для изготовления пряжи служил пух западносибирских сайгаков. Шали со сложным узором ткали не челноком, а деревянными иглами, количество которых соответствовало количеству цветов пряжи. Изделия ткались целиком на одном станке или составлялись из нескольких фрагментов. Середину ткали отдельно, а концы и каймы составляли единое целое; в ряде случаев каймы сшивали из отдельных фрагментов. Как правило, шали имели середину одного цвета (белого, черного, красного, синего, желтого, зеленого, бирюзового) с богато орнаментированными каймами, которые украшались ритмически повторяющимися цветочными мотивами (кисти сирени, ландыша, пионы, ромашки и т.п.). Кроме того, использовалась традиционная композиция восточных орнаментальных форм (с «огурцами», «бобами» и проч.). В мастерских трудились крепостные, кропотливая работа требовала чрезвычайного напряжения глаз, спустя десять лет мастерицы, как правило, лишались зрения. Шали, в зависимости от размера и сложности узора, ткались от 6 месяцев до двух с половиной лет и были чрезвычайно дороги. Покупатели среднего достатка обращались к мелким изделиям: платкам, косынкам, каймам. На 1-й мануфактурной выставке 1829 г. лиловая шаль изделия мастерской Д.А. Колокольцова получила малую золотую медаль, ее приобрел император за 3500 рублей. См.: *Якунина Л.И.* Шали работы крепостных начала XIX в. // Труды ГИМ. Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. Вып. 13. М., 1941. С. 233–251; *Моисеенко Е.Ю.* «Колокольцовские» изделия в собрании Гос. Эрмитажа. // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 434–453.

[50] Морозов Иван Викулович (1865–1933) – промышленник, потомственный почетный гражданин, брат Алексея Викуловича Морозова. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1900 г. до революции 1917 г. возглавлял «Товарищество мануфактур Викулы Морозова сыновей».

[51] Самарин Сергей Дмитриевич (1865–1929) – племянник Ю.Ф. Самарина, брат обер-прокурора Св. Синода А.Д. Самарина.

[52] Петровский Григорий Иванович (1878–1958) – революционный, советский партийный и государственный деятель. Нарком внутренних дел РСФСР (ноябрь 1917 – март 1919). Член ЦК ВКП(б) в 1921–1939 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК (1926–1939). В 1919–1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК и ЦИК УССР, одновременно с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР, в 1938–1939 гг. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1939 г. подвергся критике за попустительство «врагам народа» из числа руководителей Украины и снят со всех постов. Более полугода оставался без работы. С 1940 г. зам. директора Музея революции.

[53] Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – философ, литературовед, академик АН СССР (1939). Окончил юридический факультет Московского университета (1919). С 1919 по 1921 г. был пропагандистом и политическим работником в Красной армии,

участвовал в боях на Восточном, Западном и Каспийско-Кавказском фронтах. Член РКП(б) с июня 1920 г. В 1921–1924 гг. учился на философском отделении Института красной профессуры. С 1924 по 1927 г. работал в Институте Маркса и Энгельса. С 1925 г. был профессором кафедры исторического материализма этнологического факультета МГУ, профессором, затем зав. кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры (1925–1938). Входил в редакции журналов «Революция и культура», «Научное слово» и «Советский музей». В 1929–1933 гг. руководил Главнаукой (с 1930 – сектором науки Наркомпроса). С 1934 г. член правления Союза писателей СССР. Директор и один из организаторов ИМЛИ им. А.М. Горького (1935–1941). Некоторое время был главным редактором Государственного издательства художественной литературы. В конце февраля 1941 г. был арестован, в июле того же года приговорен к расстрелу, содержался в камере смертников Саратовской тюрьмы вместе с академиком Н.И. Вавиловым. В июле 1942 г. высшая мера наказания была заменена 20 годами ИТЛ. Скончался в лагере в Мордовии.

[54] Моор Карел де (нидерл. Carel de Moor, 1656–1738) – нидерландский художник, один из известнейших портретистов лейденской школы. Автор известных портретов Петра I и его супруги Екатерины I.

[55] Сычев Николай Петрович (1883–1964) – искусствовед, историк искусства, музейный деятель, реставратор, художник и преподаватель. Ученик Д.В. Айналова. С 1914 г. работал в Русском музее: директор (1922–1926), зав. отделом древнерусского искусства, действительный член художественного отдела (1926–1932). Впервые арестован в 1930 г., дело прекращено за недоказанностью вины. Вторично арестован в марте 1934 г. по «делу славистов». Приговорен к 8 годам ИТЛ. После освобождения в 1942 г. работал зам. директора краеведческого музея в Чистополе Татарской АССР, затем зав. сектором монументальной живописи проектно-реставрационной мастерской Владимирского областного отдела по делам архитектуры. В апреле 1948 г. был вновь арестован, но спустя 3 месяца освобожден благодаря заступничеству А.В. Щусева и И.Э. Грабаря. После снятия судимости в 1955 г. переехал в Москву. См. о нем: *Кызласова И.Л.* Николай Петрович Сычев (1883–1964). М., 2006.

[56] Котс Александр Федорович (1880–1964) – зоолог, педагог, музейный деятель. Доктор биологических наук, профессор. Родился в Москве в семье немецкого эмигранта, доктора философии Геттингенского университета, одаренного ботаника, лингвиста и поэта-любителя Альфреда Карловича Котса. Рано увлекся чтением книг о животных и препараторской техникой. Начало собственной коллекции положили чучела, изготовленные им в научной экспедиции по Западной Сибири (1899). В 1900–1906 гг. учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. Посещение Британского музея во время поездки за границу (1905) навело Котса на мысль о создании музея, который отражал бы основные положения теории эволюции. В 1907 г. он был приглашен проводить занятия по эволюционному учению на МВЖК, куда вскоре перевел часть своей разросшейся коллекции (этот год считается датой основания Дарвиновского музея). Впоследствии он подарил МВЖК свою коллекцию, которая к тому времени насчитывала более 1,5 тыс. экспонатов, с условием создания на ее основе учебного музея и права пожизненного заведования им; был бессменным директором музея вплоть до своей смерти. После революции до 1923 г. Котс работал одновременно директором Московского зоосада.

[57] Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – советский литературовед и искусствовед, академик АН СССР (1929, был избран со второго раза в результате перебаллотировки).

[58] Кораблев Василий Николаевич (1873–1935) – славист, публицист, историк литературы, педагог. Профессор (1921). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1897), преподавал в гимназии и реальном училище К.И. Мая русский язык и словесность (1897–1914). С 1901 г. редактировал «Известия

Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества»; состоял секретарем того же общества, сотрудничал в русских и сербских журналах. В 1914 г. был назначен окружным инспектором Петроградского учебного округа. Одновременно в 1913–1918 гг. он преподавал сербско-хорватский и чешский языки и историю литературы в Петербургском историко-филологическом институте и Женском педагогическом институте, а в 1912–1920 гг. – в Практической восточной академии. С 1921 г. был профессором Петроградского университета, а в 1931–1934 гг. – ученым секретарем Института славяноведения АН СССР в Ленинграде. В 1934 г. был арестован по «делу славистов» и осужден на 10 лет ИТЛ, замененных ссылкой в Алма-Ату, где он вскоре умер.

[59] Смышляев Валентин Сергеевич (1891–1936) – актер, режиссер, педагог. Заслуженный артист РСФСР (1935). В 1912–1917 гг. учился на юридическом факультете Московского университета. Одновременно (с 1913) был актером МХТ. Один из основателей 1-й Студии МХТ, где работал в 1915–1924 гг., сыграл и поставил несколько спектаклей. Был одним из руководителей Пролеткульта, зав. секцией массовых представлений Театрального отдела Наркомпроса. Явился основателем, педагогом и режиссером Белорусской театральной студии в Москве (1922–1926). В 1925–1927 гг. работал педагогом и режиссером Еврейской театральной студии «Культур-лига» в Москве. В 1931–1933 гг. художественный руководитель и режиссер театра «Семперанте». В 1933–1936 гг. художественный руководитель и режиссер Московского драматического театра. На базе Оперно-симфонического коллектива оперного класса Московской консерватории поставил оперные спектакли «Каменный гость» А.С. Даргомыжского (1926), «Кащей бессмертный» Н.А. Римского-Корсакова (1927), «Черевички» П.И. Чайковского (1928), «Русалку» Даргомыжского (1931). Преподавал в ГИТИС. Незадолго до смерти был приглашен в Малый театр.

1929 год

[1] Иловайская (урожд. Коврайская) Александра Александровна (1852–1929) – вторая жена Д.И. Иловайского. О ней и ее смерти см. в эссе Марины Цветаевой «Дом у Старого Пимена».

[2] Возможно, речь идет о Марии Николаевне Ермоловой, внучке двоюродного брата А.П. Ермолова – Петра Николаевича Ермолова.

[3] Женой Б.Н. Гракова была Ольга Александровна Кривцова-Гракова (1895–1970) – археолог, ученица В.А. Городцова, научный сотрудник отдела доисторической археологии Исторического музея (1922–1941, 1943–1954).

[4] Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944) – епископ РПЦ, богослов; с декабря 1925 г. до октября 1937 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, с октября 1937 г. Патриарший Местоблюститель, ввиду смерти митрополита Петра (Полянского), с 8 сентября 1943 г. – Патриарх Московский и всея Руси. С 1931 г. храм Богоявления в Дорогомилове на несколько лет стал кафедральным.

[5] П.П. Куренной (1894–1972) – историк, археолог. В 1924–1935 гг. директор музея-заповедника (Музея культов и быта, с 1926 – культурно-исторического заповедника «Всеукраинский музейный городок») Киево-Печерской лавры.

[6] Ляскоронский Василий Григорьевич (1859–1928) – историк, археолог, нумизмат, специалист по истории и исторической географии южной России. Уроженец Полтавщины, из семьи учителя. Выпускник Лубенской гимназии и историко-филологического факультета университета св. Владимира в Киеве. Член МАО. С 1903 г. состоял приват-доцентом Московского, затем Киевского университетов, в 1909–1922 гг. профессор русской истории Нежинского историко-филологического института, проводил археологические экспедиции на Левобережье, обследовав практически всю территорию исторической Полтавщины. В 1922–1924 гг. – профессор Киевского археологи-

ческого института. С 1924 г. – действительный член и председатель археологического отдела Всеукраинского археологического комитета. После революции и до конца жизни был сотрудником музея-заповедника Киево-Печерской лавры. Автор около 80 научных трудов по археологии, истории, исторической географии, картографии.

[7] Вероятно, автор имеет в виду членство в Союзе воинствующих безбожников.

[8] Сравнить в эссе «Дом у Старого Пимена» Марины Цветаевой.

[9] Вероятно, имеется в виду Профсоюз работников просвещения РСФСР.

[10] О выборах 1929 г. в Академию наук и воспоследовавшем «Академическом деле» см.: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998.

[11] Точнее, на остров Бююкада (или Принкипос, самом крупном из Принцевых островов, расположенных в Мраморном море недалеко от Стамбула), где Л.Д. Троцкий жил в 1929–1933 гг. после высылки из СССР.

[12] Диденко Терентий Иванович – матрос, денщик кн. Н.С. Щербатова в бытность того морским офицером, с 1885 г. технический служащий Исторического музея.

[13] Бакушинский Анатолий Васильевич (1883–1939) – искусствовед, исследователь психологии творчества и психологии восприятия искусства, один из основоположников отечественной экскурсионной школы, музейный деятель, организатор народных промыслов, критик, педагог. Родился в селе Верхний Ландех Владимирской губернии (ныне Ивановская область). Окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета (1911), затем учился в Педагогическом институте им. П.Г. Шелапутина в Москве (1912–1914). С 1917 г. преподавал историю и теорию искусства в университете Шанявского, институте им. Шелапутина, ИФЛИ и Московском университете. С 1917 по 1925 г. был сотрудником Цветковской, а в 1924–1939 гг. – Третьяковской галереи, где основал и заведовал отделом графики. Вел огромную работу по восстановлению народных промыслов (Палеха, Мстёры, Холуя, хохломской и городецкой росписи, дымковской игрушки).

[14] Здание Военной школы им. ВЦИК было построено по проекту архитектора И.И. Рерберга в 1932–1934 гг. на месте снесенных в 1929 г. Чудова, Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца.

[15] Ватагин Василий Алексеевич (1883–1969) – художник, скульптор, иллюстратор; анималист. Народный художник РСФСР, действительный член АХ СССР, лауреат Сталинской премии третьей степени (1952). Профессор Московского высшего художественно-промышленного училища (бывш. Строгановского). Родился в Москве в семье преподавателя гимназии. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Художественное образование получил в студии Н.А. Мартынова, затем, уже учась в университете, в художественной школе К.Ф. Юона. В 1900-е годы много путешествовал по России, Европе, Азии. Был членом Московского товарищества художников и Общества русских скульпторов. На протяжении многих лет сотрудничал с Зоологическим и Дарвиновским музеями, создал множество панно и скульптур для оформления залов и музейных экспозиций, оформил вход в Московский зоопарк (не сохранился).

[16] Ильин Федор Николаевич – директор ГМИИ в 1928–1929 гг.

[17] Слух был неверен. Историко-бытовой музей «Новодевичий монастырь» с 1930 г. получил новое название: «Музей раскрепощения женщин». С 1934 г. Новодевичий монастырь стал филиалом ГИМ. Музей искусства XVIII в. на территории Донского монастыря в 1929 г. был преобразован в Антирелигиозный музей искусств. В 1934 г. последний был закрыт, его фонды передали в ГТГ, ГМИИ, часть экспонатов унаследовал Музей архитектуры «Донской монастырь».

[18] Стефанов Александр Тимофеевич (1868–1934) – донской краевед, библиограф и археолог, по специальности – инженер-технолог. Родился в Ейске в семье священ-

ника, местного краеведа Т.Т. Стефанова, окончил Харьковский технологический институт, преподавал химию и химическую технологию в Ростовском (на-Дону) индустриальном техникуме. Был одним из учредителей и деятельных сотрудников местного Общества истории, древностей и естествознания (1909). В 1920–1922 гг. сотрудник Донского археологического института, член Донского областного общества археологии и истории искусств (1922–1925), член правления и зам. председателя Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (1925–1931). В 1931 г. был арестован в числе других членов правления общества как участник «контрреволюционной группировки», сослан в г. Козлов (ныне Мичуринск), умер в ссылке.

[19] Коммунистическая академия (учреждена в 1918 г. декретом ВЦИК как Социалистическая академия общественных наук, в 1919 г. переименована в Социалистическую академию, а в 1924 г. – в Коммунистическую академию) – высшее учебное, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР, имевшее целью изучение и разработку вопросов обществоведения и естествознания, а также вопросов социалистического строительства на основе идей марксизма-ленинизма. Включала научные институты философии, истории, литературы, искусства и языка, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания, ряд секций, комиссий и обществ. Располагалась в Москве на улице Волхонка, 14. В 1929–1930 гг. в ее состав были включены институты РАНИОН. Председателем академии до 1932 г. был М.Н. Покровский. В 1936 г. параллельное существование Академии наук и Коммунистической академии было признано нецелесообразным, учреждения последней были переведены в АН СССР.

[20] Чехова Мария Павловна (1863–1957) – сестра А.П. Чехова. Художница, педагог. После смерти брата занималась собиранием и изданием его литературного и эпистолярного наследия, автор воспоминаний о Чехове. Создательница Дома-музея Чехова в Ялте, бессменным директором которого была с 1922 г.

[21] Зеленина (урожд. Шубинская) Маргарита Николаевна (1877–1965) – дочь Н.П. Шубинского и М.Н. Ермоловой; переводчица, мемуаристка.

[22] Речь идет об альбоме из родового архива кн. Юсуповых. Альбом поступил в ГИМ из Ленинградского музейного фонда в 1929 г.

[23] Одна из старейших частных аптек, заведенных по распоряжению Петра I в Москве. Была открыта в 1703 г. голландцем Гавриилом Саульсом у Покровских ворот.

[24] Род Годуновых, согласно легенде, ведет свое начало от татарского мурзы Чета, выехавшего при Иване Калите на Русь из Орды и обосновавшегося в Костромской земле.

[25] Имеются в виду статьи киевских историков Николая Павловича Чернева (1858–1899) (Заметки о древнейших русских монетах // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. Вып. VII. СПб., 1888. С. 86–197; О нежинских сребрениках с именем «Петръ» // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. 3–4. Киев, 1891. С. 21–28) и Николая Ивановича Петрова (1840–1921) (Монеты великого князя киевского Изяслава Ярославича (1054–1078 гг.) // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1895. Т. I. С. 109–115), не согласившихся с атрибуцией некоторых типов сребреников, предложенной И.И. Толстым (см.: Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882).

[26] Бахрушин Юрий Алексеевич (1896–1973) – балетовед, критик, историк театра. Сын А.А. Бахрушина. Служил в Петроградском Измайловском полку, подпоручик, затем в РККА, после демобилизации заведовал постановочной частью Большого театра (1919–1924), руководил постановочной и литературной частью оперной студии имени К.С. Станиславского (1924–1938), преподавал в Московском хореографиче-

ском училище, ГИТИСе, был членом комиссии «Старая Москва», Общества изучения русской усадьбы. Автор воспоминаний.

[27] Малянтович Павел Николаевич (1869–1940) – общественный и политический деятель, адвокат. Министр юстиции Временного правительства (1917), верховный прокурор России (1917). С 1921 г. служил юрисконсультом в президиуме ВСНХ. В 1920-е годы несколько раз арестовывался, в 1930 г. был арестован по «делу Союзного бюро РСДРП (меньшевиков)», несколько месяцев находился в Бутырской тюрьме, в мае 1931 г. приговорен к 10 годам лишения свободы, но вскоре был освобожден после заступничества со стороны старых большевиков. В ноябре 1937 г. был вновь арестован, находился на Лубянке, в Лефортовской и Бутырской тюрьмах. Виновным в «контрреволюционной деятельности» себя не признал. Расстрелян на Бутовском полигоне 21 января 1940 г.

[28] Речь идет об издании: *Смирнова А.О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. Предисл. Л.В. Крестовой.

[29] Проходили по «делу о вредительстве в золото-платиновой промышленности». Год спустя на процессе «Промпартии» Петра Иоакимовича (у Орешникова – Акимовича) Пальчинского посмертно объявили ее руководителем.

[30] А.В. Орешников не был согласен с систематизацией древнейших русских монет, предложенной И.И. Толстым. В 1929–1932 гг. он работал над новой классификацией сребреников (см.: *Орешников А.В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Изв. АН СССР. 1930. № 2. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. С. 87–112). Полный вариант исследования Орешникова был издан посмертно (см.: *Орешников А.В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936). В современной нумизматической литературе его классификация признана ошибочной (см.: *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. С. 38, 39).

[31] Свидерский Алексей Иванович (1878–1933) – революционер, советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1918–1922 гг. член коллегии Наркомпрода. В 1922–1928 гг. член коллегии НК РКИ, заместитель наркома земледелия РСФСР и одновременно ректор Тимирязевской академии. В 1928–1929 гг. член коллегии Наркомпроса РСФСР, начальник Главискусства. С сентября 1929 г. полпред СССР в Латвии.

[32] Августин Мейерберг (1622–1688) – австрийский дипломат. Побывал в Москве с дипломатической миссией в 1661–1662 гг. Автор сочинения на латинском языке «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга ... и Горация Вильгельма Кавальвучи ... к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом» (см. русское издание: ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Пер. А.Н. Шемякина. Предисл. О. Бодянского). К книге Мейерберга приложен альбом, в котором даны иллюстрации, сделанные одним из участников посольства с натуры во время путешествия (см.: Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. Издание А.С. Суворина. СПб., 1903). На листе 25 помещено 6 рисунков русских монет XVI–XVII вв. с собственноручными подписями Мейерберга. Орешникова заинтересовала одна из монет – новгородская деньга великого князя Василия Ивановича (1505–1533) с неправильно переданным художником в легенде именем (Владимир) и подписью Мейерберга: «Старая серебряная полукопейка Владимира, Киевского герцога, господаря всея Руси» (см.: *Орешников А.В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 39). Немецкое издание книги и альбома Мейерберга составителям остались неизвестны.

[33] Городцов Мстислав Васильевич (1896–1968) – археолог, реставратор. Сын В.А. Городцова. Окончил реальное училище (1916), был мобилизован в армию, участвовал в боевых действиях, получил ранение (был отравлен боевыми удушающими газами). В 1918–1922 гг. служил в РККА. С 1922 по 1925 г. учился на археологичес-

ком отделении ФОН МГУ. В это и последующее время проводил археологические исследования в Московской и соседних губерниях (курганы и селища вятичей), вместе с отцом принимал участие в раскопках Тимоновской палеолитической стоянки, Старой Рязани и пр. Сотрудник ГИМ (1920–1959), на протяжении многих лет занимался реставрацией и реконструкцией разнообразных археологических памятников.

[34] Возможно, архиепископ Филипп (в миру Виталий Степанович Ставицкий, 1884–1952) – епископ РПЦ, архиепископ Астраханский и Саратовский (с 1929).

[35] Центральный музей Красной армии и флота с 1922 по 1928 г. находился на Воздвиженке, затем переехал в левое крыло Центрального дома Красной армии на Екатерининской площади.

[36] Речь идет о советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД.

[37] Имеется в виду Центральный антирелигиозный музей Союза воинствующих безбожников СССР, находившийся с 1929 г. в бывшем Страстном монастыре.

[38] Гольдберг Тамара Григорьевна (1884–1963) – искусствовед, историк материальной культуры. С 1921 г. – эксперт Музейного отдела Наркомпроса, в 1927–1931 гг. – зав. отделом изделий из камня, кости, янтаря и других материалов, позднее зав. отделом иностранного серебра Оружейной палаты. С 1931 г. научный сотрудник отдела драгметаллов ГИМ, с 1932 г. сотрудник кабинета нумизматики и драгметаллов, в 1944–1959 гг. зав. отделом драгметаллов.

[39] Садиков Петр Алексеевич (1890–1942) – историк, специалист по истории опричнины, археограф. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета (1916), ученик С.Ф. Платонова. В 1920-е годы работал в ЛГУ, в системе Центрархива и в Археографической комиссии АН СССР. Проходил по «Академическому делу», был приговорен к 5 годам ИТЛ. Был освобожден в августе 1933 г., до 1935 г. жил в Медвежьегорске (Карелия). По возвращении из ссылки работал в Институте истории АН СССР.

[40] Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – историк, археолог, специалист в области славяно-русской археологии. Член-корреспондент АН СССР (1960). Лауреат Ломоносовской премии (1966), Гос. премии СССР (1970; посмертно 1982). Сын ботаника, физиолога растений профессора В.М. Арциховского. Выпускник археологического отделения ФОН I МГУ. Ученик В.А. Городцова. С 1925 г. работал в ГИМ, возглавляя отделение древнерусской археологии. С 1927 г. преподавал в МГУ, профессор (1937), в 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Древнерусские миниатюры как исторический источник», доктор исторических наук. Декан исторического факультета МГУ (1952–1957). Основатель и зав. кафедрой археологии МГУ (1939–1978). Опираясь на опыт предшественников, прежде всего В.А. Городцова, Арциховский внес неоценимый вклад в развитие археологии как университетской науки, изучение которой стало обязательным для всех студентов исторического факультета МГУ. Блестящий лектор, Арциховский в течение нескольких десятилетий читал курс археологии, эти лекции легли в основу его учебников «Введение в археологию» (1-е изд. 1940), «Основы археологии» (1-е изд. 1954). В 1930-х годах Арциховский руководил бригадой, осуществлявшей археологический надзор на строительстве первой очереди Московского метрополитена. В 1932 г. он основал и возглавил постоянно действующую экспедицию в Великом Новгороде, заложил основы современной методики раскопок и изучения древнерусского города. С именем Арциховского связано выдающееся событие в археологии XX столетия – открытие берестяных грамот (1951). Им было предпринято академическое издание новгородских берестяных грамот («Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1962–1976 гг.». М., 1978). В 1970 г. за работы Новгородской археологической экспедиции ему была присуждена Государственная премия СССР. С 1952 по 1978 г. Арциховский был главным редактором журнала «Советская археология», а с 1956 по 1978 г. – «Вестника Московского университета. Серия: История».

[41] Музей В.И. Ленина был создан в мае 1924 г. решением XIII съезда РКП(б). В 1924–1931 гг. музей являлся отделом Института В.И. Ленина (с 1931 – Института Маркса–Энгельса–Ленина) при ЦК ВКП(б). В апреле 1936 г. Центральный музей В.И. Ленина был открыт в бывшем здании Московской городской думы на площади Революции.

[42] Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – советский партийный и государственный деятель. В 1917 г. член Петроградского ВРК. В 1917–1918 гг. член коллегии Наркомата путей сообщения РСФСР, комиссар железных дорог Республики. В 1918 г. в составе Украинского советского правительства (нарком хозяйственных дел) и ЦК КП(б) Украины. В 1918–1919 гг. председатель Киевского совета и губисполкома. В 1919 г. и 1921–1922 гг. на военно-политической работе в Красной армии. В 1920 г. на хозяйственной работе. С 1922 г. зав. Агитпропотделом ЦК РКП(б). В 1924–1929 гг. начальник Политуправления РККА и член РВС СССР, ответственный редактор газеты «Красная звезда», одновременно в апреле–декабре 1925 г. секретарь ЦК РКП(б). В 1929–1937 гг. нарком просвещения РСФСР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В октябре 1937 г. освобожден от должности как не справившийся с работой, в декабре выведен из состава ЦК. Репрессирован: 1 августа 1938 г. военной коллегией ВС СССР приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян.

[43] Бирзе Анна Мартыновна (1892–1939(?)) – по образованию художник, искусствовед, медицинский работник. Окончила экстерном женскую гимназию в Риге (1910), Рижскую школу живописи и рисования, студию академика Розенталя в Риге (1913), женский медицинский институт Станкевича и Изачина (1919), ФОН 1-й МГУ (1923). Член РСДРП(б) с 1914 г. До 1917 г. работала в Риге переписчицей в адвокатской конторе, чернорабочей на иголочной фабрике, киномехаником. В Первую мировую войну была помощником лекаря амбулатории санитарного отдела Московского латышского комитета. В 1918–1919 гг. была начальником эпидемического отряда Латышской стрелковой дивизии, в 1919–1922 гг. – директором Музея изобразительного искусства и художественной промышленности им. Луначарского Бауманского совета Москвы, в 1922–1928 гг. – зам. зав. Московским губернским управлением по делам литературы и издательств, в 1925–1928 гг. – зав. художественно-идеологической частью редакции «Малой советской энциклопедии» при Госиздате, с 1927 г. – ответственным редактором книгоиздательства Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей. С марта 1929 г. по февраль 1932 г. сотрудник ГИМ: член правления, зам. директора по просветительной работе, с 15 августа по 1 октября 1929 г. и.о. директора ГИМ (на время отпуска П.Н. Лепешинского), с марта 1931 г. зав. учетно-распределительного отдела ГИМ. Участвовала в историко-бытовых экспедициях ГИМ, в 1930 г. была командирована на Северный Кавказ, в Закавказье и Крым; в связи с этой работой было подготовлено «Руководство по закупке антикварно-художественных предметов экспортного значения на внутреннем рынке РСФСР». После увольнения из ГИМ была директором НИИ кустарной промышленности, а в 1933–1938 гг. директором ГАФКЭ. 7 мая 1939 г. была снята с партийного учета (причина не указана), сведений о дальнейшей судьбе не имеется (*сведения предоставлены И.В. Клюшкиной*).

[44] Решение о «чистке» советского аппарата, кооперативных и общественных организаций было принято на XVI партконференции (апрель 1929). В рамках этой кампании и проводилась «чистка» в ГИМ. Комиссии по «чистке» были ликвидированы решением ЦКК НК РКИ в июле 1932 г.

[45] Гамза (Гамзагурди) (у автора также Гомза) Ярослав Петрович (1897–1937) – в конце 1920-х годов зав. музеем бывшей Троице-Сергиевой лавры. В начале 1930-х годов зав. экспозицией древнерусского искусства, затем зав. группы феодализма ГТГ. Впоследствии переехал в Ленинград, работал зав. постоянной экспозицией древнерусского искусства Русского музея, лектором. Арестован в 1937 г. по обвине-

нию в «участии в контрреволюционной диверсионно-шпионской организации», расстрелян.

[46] Лазарев Виктор Никитич (1897–1976) – искусствовед, историк искусства, исследователь западноевропейского искусства эпохи Возрождения и нового времени, византийского и древнерусского искусства, музейный деятель. Профессор (1935), член-корреспондент АН СССР (1943). Сын московского архитектора Никиты Герасимовича Лазарева. Окончил гимназию А.Е. Флёрова в Москве с золотой медалью (1916). Был мобилизован в армию, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. По возвращении в 1918–1920 гг. учился на отделении истории искусства историко-филологического факультета Московского университета (у В.К. Мальмберга, А.И. Некрасова, Н.И. Романова). Окончил аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН (1924). В дальнейшем преподавал в МГУ, Высшем техническом училище, ВХУТЕИНе, МИФЛИ и других высших учебных заведениях. В 1937–1949 гг. профессор и зав. кафедрой истории искусства в Московском художественном институте им. В.И. Сурикова. Профессор отделения теории и истории искусства (1942–1947, 1953–1976), зав. кафедрой истории зарубежного искусства исторического факультета МГУ (1960–1976). С 1925 г. в ГМИИ: хранитель отдела итальянской живописи, зав. картинной галереей, зав. отделом феодализма, зам. директора по научной части (1935–1937), консультант (1937–1942). Один из создателей Института истории искусств АН СССР, зав. сектором живописи и скульптуры (1945–1960). Один из редакторов 13-томной «Истории русского искусства». Автор около 200 научных работ.

[47] Приказ по ГИМ об увольнении «по рационализации деятельности музея, согласно постановлению Правления от 13.09.1929» был подписан 16 сентября 1929 г. А.М. Бирзе. Всего было уволено около 40 сотрудников, в основном – научных.

Кречетович (урожд. Корш) Елена Федоровна – дочь Ф.Е. Корша, сестра Е.Ф. Корша, сотрудник библиотеки Исторического музея (с 1915). Уволена в 1929 г.

Эдинг (урожд. Афремова) Фелициата Александровна – археолог. Из купеческой семьи. Выпускница Московского археологического института (1915), слушала лекции в университете Шанявского, ученица В.А. Городцова. В 1920-е годы работала в отделе археологических памятников Исторического музея, занималась славянской археологией, вела работу по разбору и систематизации коллекций, сложившихся в предыдущие десятилетия. Жена Д.Н. Эдинга.

Клейн Надежда Николаевна (1882–1972) – музейный работник. В 1912 г. поступила на службу в Музей изящных искусств на должность лектора-руководителя. В 1920-е годы была сотрудницей Исторического музея. С 1932 г. заведовала фототекой ГМИИ, с 1945 г. вела работу по формированию научного архива музея, передала в дар архиву переписку мужа, архитектора Р.И. Клейна, с основателем музея И.В. Цветаевым. Работала в ГМИИ до 1959 г.

[48] Самуэли (Самуэль) Георгий Людвигович (1899 – после 1937) – венгерский коммунист, советский хозяйственный деятель. Родился в Венгрии в семье комиссионера. Учился в гимназии, одновременно работая практикантом в крупной фирме. В 1917 г. был мобилизован в австро-венгерскую армию, служил в качестве унтер-офицера до августа 1918 г., на фронте не был. После демобилизации отучился год в Техническом университете в Будапеште. В Коммунистическую партию Венгрии вступил в 1918 г. в момент ее основания, вел агитационную работу среди солдат и рабочих. После революции в Венгрии стал зам. начальника политотдела в Наркомате внутренних дел. После свержения советской власти в Венгрии в сентябре 1919 г. был арестован, приговорен к каторге, но был обменен Советским правительством «на буржуазных заложников» и в январе 1922 г. приехал в Москву. Работал практикантом на Кудринской фабрике электроламп, одновременно учился в МВТУ им. Баумана. С 1924–1928 гг. на работе в Наркомвнешторге, затем член правления и уполномочен-

ный в Берлине общества «Рустранзит». С мая 1929 до февраля 1931 г. фактически руководил работой «Антиквариата» (был зам. председателя правления, руководителем московской конторы «Антиквариата»). Затем последовательно занимал должности зам. начальника экспортного сектора Внешторга, уполномоченного торгпредства в Берлине, зав. отделом кадров и председателя общества «Книга» в торгпредстве в Лондоне. В 1935–1936 гг. работал консультантом в президиуме Моссовета, затем управляющим треста «Мосгороформление». В сентябре 1937 г. исключен из партии. Арестован, расстрелян.

[49] Речь идет о Музее восточных культур. См. сн. № 27 к 1919 г.

[50] Новиков Иван Иванович (1872 или 1874–1937) – из семьи старообрядцев, потомственных резчиков по белому камню, реставратор. В 1937 г. был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе сектантов-старообрядцев, проводивших погромную повстанческую агитацию, расстрелян.

[51] Трифон (в миру – Борис Петрович Туркестанов, князь, 1861–1934) – епископ РПЦ; с 1901 г. епископ Дмитровский (с 1916 на покое), с 1923 г. архиепископ, с 1931 г. – митрополит.

[52] Лепсе Иван Иванович (латыш. Janis Lepse, 1889–1929) – революционер, советский партийный и профсоюзный деятель, в 1921–1929 гг. председатель ЦК Всесоюзного союза рабочих-металлистов. Член ЦК ВКП(б) (с 1924), ВЦИК и ЦИК СССР, Президиума ВЦСПС, ВСНХ, народный заседатель Верховного суда СССР. Входил в Исполнительное бюро Профинтерна. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

[53] Положением 1929 г. вводилась новая организационная структура ГИМ, в соответствие с которой, в частности, общеисторический и специально-исторический разряды были ликвидированы, вместо них образовывались, соответственно, сектор истории развития общественных форм (в составе отделов доклассового общества, эпохи феодализации, феодализма, торгового капитала, промышленного капитализма, социалистического строительства, быта национальностей) и сектор диалектической истории техники (в составе лабораторий: жилища и обстановки, посуды и пищи, одежды и тканей, средств передвижения, оружия и военной техники, промышленной и научно-технической, а также экспертиз – дерева и металла).

[54] Скворцов Александр Митрофанович (1884–1948) – искусствовед, сотрудник ГТГ, в 1920-е годы зав. отделом живописи XVIII – первой половины XIX в.

[55] Имеется в виду И.К. Луппол.

[56] Орешников имеет в виду Федора Васильевича Кипарисова (1886–1936) – историка, партийного и советского функционера. Кипарисов был сыном профессора МДА В.Ф. Кипарисова. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, специализировался по истории античности. С 1905 г. член РСДРП. После 1917 г. занимал ответственные партийные и государственные посты. Преподавал в Коммунистической академии. С января 1929 г. был назначен зам. директора ГАИМК с целью ее «большевизации», с 1934 г. и. о. председателя, с 1935 г. председатель ГАИМК. В 1929–1930 гг. был членом президиума комиссии Ю.П. Фигатнера по «чистке» Академии наук. Являлся ответственным редактором журнала «Проблемы истории докапиталистических обществ». В 1936 г. арестован, расстрелян.

[57] А.Н. Кислов исполнял обязанности заведующего Советской филателистической ассоциации с конца 1929 по конец 1931 г. На этом посту он сменил Ник. Писанко (*сведения предоставлены М.М. Глейзером*).

[58] См.: *Догель М.И.* Неизданная русская монета XIV в. // Записки нумизматического отделения (И)РАО. Т. III. Вып. 3–4. СПб., 1913. С. 85–89; *Ильин А.А.* О двух русских монетах великокняжеского периода. Сообщение в заседании нумизматического отделения (И)РАО // Известия Археологической комиссии. Вып. 50: Прибавления. СПб., 1914. С. 11.

[59] Шлюмберже Гюстав Леон (Schlumberger Gustave Léon, 1844–1929) – французский археолог, историк-византинист, специалист в области нумизматики и сфрагистики.

[60] Купцы Сазиковы с конца XVIII в. по 1880-е годы владели предприятием в Москве по выделке разнообразных предметов из серебра. Их ювелирная фирма была первой в России, где стали изготавливать изделия в «русском стиле».

[61] Вольтер Алексей Александрович (1889–1973) – художник, искусствовед, автор работ по вопросам советского искусства и музееведения. Директор ГТГ (1932–1934).

Шохор-Троцкий Константин Семёнович (1892–1937) – литературовед, член редакционного комитета юбилейного издания сочинений Л.Н. Толстого, собиратель материалов сектантов и последователей учения Толстого.

[62] Речь идет о начале так называемого Академического дела или «Дела академика С.Ф. Платонова». Сведения об аресте С.Ф. Платонова (арестован позже, в январе 1930) и Е.Ф. Карского неверны.

Карский Евфимий (Ефим) Фёдорович (1860–1931) – филолог-славист, этнограф, исследователь языка, литературы и культуры белорусского народа, палеограф. Академик Петербургской АН (1916). Окончил Минскую духовную семинарию, Нежинский историко-филологический институт (1885, ученик Р.Ф. Брандта). До 1893 г. преподавал во 2-й Виленской гимназии, затем в Варшавском университете, где в 1902 г. стал деканом историко-филологического факультета. За год до этого он был избран членом-корреспондентом Петербургской АН. В 1905–1910 гг. был ректором Варшавского университета. С 1905 по 1917 г. занимал пост главного редактора журнала «Русского филологического вестника». В 1917 г. Карский стал профессором Петроградского университета. С 1920 г. он редактировал «Известия ОРЯС РАН». До 1929 г. работал директором Музея антропологии и этнографии.

Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк, архивист, автор работ по истории русского Севера и русских географических открытий XVII–XVIII вв., источниковедению Сибири. Доктор исторических наук (1940), профессор (1945). Родители происходили из крестьян. Окончил Петровское коммерческое училище (1907), историко-филологический факультет Петроградского университета (1916), ученик А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова. С 1921 г. ученый секретарь Постоянной исторической комиссии РАН, с 1926 г. – Постоянной историко-археографической комиссии АН СССР (после объединения ее с Археографической комиссией). В 1918–1925 гг. работал в архиве Наркомата путей сообщения, в 1919–1927 гг. преподавал в Петроградском археологическом институте и Ленинградском университете. 22 октября 1929 г. был арестован по «Академическому делу», в августе 1931 г. сослан на 5 лет в Красноярский край, работал счетоводом, экономистом, статистиком. В 1933–1935 гг. – научный сотрудник Енисейского районного музея, одновременно заведовал библиотекой Севполярлеса. По возвращении в Ленинград с 1935 по 1941 г. старший научный сотрудник Института народов Севера и Института этнографии АН СССР, в 1936–1942 гг. работал в ЛОИИ. Вернувшись из эвакуации в Москву, в 1943–1949 гг. заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. В 1947 г. был подвергнут резкой критике за «преклонение перед Западом» и «Лапподанилевщину» (Андреев открыто называл А.С. Лаппо-Данилевского своим учителем), был вынужден вернуться в Ленинград, где в 1953–1956 гг. работал в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники, в 1956–1959 гг. заведовал архивом ЛОИИ.

[63] Орешников имеет в виду Алибека Алибековича Тахо-Годи (1892–1937) – государственного и партийного деятеля Дагестанской АССР, отца филолога Азы Алибековны Тахо-Годи. С 1929 г. Тахо-Годи работал в Наркомпросе РСФСР, был одним из организаторов и директором Центрального НИИ национальностей. С 1935 г. чис-

лился в аппарате ЦК ВКП(б); одновременно вел преподавательскую работу в вузах Москвы. Расстрелян в 1937 г.

[64] Речь идет о Михаиле Ивановиче Карапетяне, директоре Оружейной палаты (декабрь 1929 – апрель1930).

[65] Речь идет о массовых расстрелах соловецких узников (якобы участников заговора) в конце ноября 1929 г.

Архиепископ Верейский Иларион (в миру – Владимир Алексеевич Троицкий; 1886–1929), находившийся с 1924 г. в Соловецком лагере, осенью 1929 г. был вновь осужден и приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. Заразившись в дороге сыпным тифом, умер в ленинградской больнице 28 декабря. Прославлен в лике святых новомучеников и исповедников российских в 2000 г. для общецерковного почитания.

1930 год

[1] В конце XIX – начале XX в. Москва стала одним из центров ювелирного искусства. Здесь действовали известные всей России предприятия, занимавшиеся изготовлением серебряных изделий как культового, так и бытового характера (фирмы П.А. Овчинникова, И.П. Хлебникова, П.И. Оловянишникова). Все названные фирмы имели звание придворных поставщиков, участвовали во всероссийских и всемирных выставках и были отмечены призами и медалями. Фирма П.А. Овчинникова, существовавшая с середины XIX в. до 1917 г., одной из первых в России начала работать в новорусском стиле. Овчинниковы сотрудничали с известными художниками, скульпторами, архитекторами: В. Гартманом, Л. Далем, Е. Лансере, И. Монигетти, – что определяло высокие художественные достоинства выпускавшихся здесь изделий. Ювелирам фирмы принадлежало первенство в возрождении техники эмали. Они в совершенстве владели техникой эмали по скани, живописной и перегородчатой, впервые в России овладели техникой «оконной» эмали. Мастера Овчинниковых применяли прозрачные цветные лаки, которыми покрывали густо позолоченные поверхности предметов. Работы фирмы, отличавшиеся высокими художественными качествами и тщательностью исполнения, пользовались большим спросом.

[2] Соболев Николай Иванович (1880–1944) – сотрудник ГИМ: с 1924 г. сотрудник Военно-исторического музея (отдела), с 1938 г. зав. группой оружия.

[3] Ермолов Вениамин Алексеевич – сотрудник Военно-исторического музея и ГИМ.

[4] В ночь на 21 января 1930 г. Успенский собор Симонова монастыря, колокольня, надвратные церкви, а также башни Сторожевая и Тайницкая, с прилегавшими к ним постройками, были взорваны. На рабочих субботниках были разобраны все стены монастыря, кроме южной, а также стерты с лица земли все могилы на территории обители. На месте монастырского некрополя в 1932–1937 гг. по проекту архитекторов Весниных был построен Дворец культуры ЗИЛ.

[5] Никитский монастырь был закрыт в 1920-х годах. Некоторое время после закрытия в его зданиях еще жили монахини, а на колокольне бывшего монастыря регулярно звонил виртуоз колокольного звона Константин Константинович Сараджев, сын дирижера, профессора Московской консерватории К.С. Сараджева. После закрытия здания монастыря были переданы МГУ, а в 1930–1933 гг. разобраны (до нашего времени сохранились лишь небольшой фрагмент монастырской ограды и один корпус келий). В 1935 г. на их месте по проекту архитектора Д.Ф. Фридмана было построено здание Никитской электроподстанции (Б. Никитская, 7/10) и разбит сквер.

[6] Дружинин Василий Григорьевич (1859–1936) – историк, археограф, палеограф, коллекционер поморского медного литья, старообрядческих рукописей и старообрядческого рисованного лубка. Родился в Петербурге в дворянской семье. Окончил

Петербургский университет со степенью кандидата русской истории (1883). Оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (до 1886), в 1889 г. получил степень магистра русской истории за диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.». Состоял на службе в ИАК (1889–1896). В 1896 г. член Археографической комиссии, с 1903 г. – правитель ее дел. Член Комитета попечительства о русской иконописи (1912), почетный член Петроградского археологического института (1914), член совета Союза архивных деятелей (1918). Член-корреспондент РАН (1920). Заместитель председателя Археографической комиссии АН СССР (1921). В ноябре 1929 г. уволен с работы, в июне 1930 г. арестован по так называемому Академическому делу. В феврале 1931 г. приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет и помещен в Соловецкий лагерь. С мая 1932 г., после отмены заключения и лишения права проживания в 12 населенных пунктах СССР и Уральском регионе сроком на 3 года, поселился в Ростове (Великом). В июне 1935 г. получил освобождение, но из-за отсутствия денег до осени не мог выехать к родным и вернулся в Ленинград лишь в конце 1935 г. незадолго до смерти, наступившей 15 января 1936 г. Автор ряда классических работ по истории и культуре русского старообрядчества XVII–XIX вв., основанных на памятниках старообрядческой рукописной книжности и архивных источников. Впервые представил старообрядчество как важное явление отечественной культуры, что в конце XIX в. было существенным шагом вперед по сравнению с обличительными работами миссионеров Русской Православной Церкви и богословскими исследованиями профессоров духовных академий. На основе своей коллекции старообрядческих рукописей XVII – начала XX в. и других собраний составил и издал справочник-указатель «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912), который сами старообрядцы называли своей «настольной книгой». В тяжелых условиях нищего ссыльного в 1933–1934 гг. в Ростове написал «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах», являющиеся важным источником по истории научной, литературной и культурной жизни в России конца XIX – начала XX в., но остающиеся до настоящего времени неопубликованными. См.: *Гайдуков П.Г.* «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // РА. 2010. № 4. С. 136–142.

[7] Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк; академик АН СССР (1927), лауреат Сталинской премии первой степени (1942). Родился в еврейской семье (в 1894 г. крестился по православному обряду в киевском Софийском соборе). Его детство и ранняя юность прошли в Херсоне. Окончил 1-ю Херсонскую гимназию. По совету и рекомендации профессора (будущего академика) Ф.И. Успенского был принят в Новороссийский университет в Одессе, затем перевелся на историко-филологический факультет Университета св. Владимира в Киеве (окончил в 1896, приват-доцент с 1900), где его учителем был И.В. Лучицкий. В 1903–1917 гг. приват-доцент Петербургского университета. Принимал участие в университетском демократическом движении, несколько раз отстранялся от преподавания. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В 1913–1918 гг. одновременно был профессором Юрьевского университета. Издал капитальные труды по истории наполеоновской Франции: «Континентальная блокада» (1913) и «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» (1916). В 1917 г. был членом Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по преступлениям царского режима. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но отказался от предложения уехать во Францию и занять профессорскую кафедру в Сорбонне. Косвенно осудил красный террор, издав в 1918–1919 гг. два тома документов о якобинском терроре («Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы»). Другую свою книгу, «Запад и Россия» (1918), посвятил памяти убитых министров Временного правительства А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина. С 1918 г. являлся одним из руководителей

Петроградского отделения Центрархива РСФСР. В октябре 1918 г. был избран ординарным профессором Петроградского университета, в 1920-х годах после переезда в Москву стал профессором Московского университета. В 1921 г. был избран членом-корреспондентом РАН, в 1927 г. действительным членом АН СССР. В 1927 г. издал свой курс «Европа в эпоху империализма, 1871–1919 гг.», участвовал в международных исторических конгрессах в Брюсселе (1923) и Осло (1928), активно сотрудничал с французскими историками. В 1930 г. был арестован по «Академическому делу», являлся одним из главных фигурантов, также обвинялся в принадлежности к «Промпартии», был исключен из АН (1931). В 1931 г. сослан на 5 лет в Алма-Ату, где благодаря бывшему своему ученику по университету, первому секретарю Казахстанского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекину, получил должность профессора в местном университете. В 1932 г. был одним из первых среди историков возвращен из ссылки, восстановлен в звании профессора Ленинградского университета. В 1937 г. с Тарле была снята судимость, вскоре он был восстановлен в звании академика, несмотря на разгромные рецензии в «Правде» и «Известиях» на написанную им монографию «Наполеон». В годы войны находился в эвакуации в Казани, где работал профессором кафедры истории (1941–1943) историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Состоял членом комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942). В 1945 г. был подвергнут критике написанный им в эти годы труд «Крымская война». В последний период жизни опубликовал три монографии по истории русского флота, «по инициативе высшего руководства ВКП(б)» работал над трилогией, темой которой должна была стать борьба России с агрессорами в XVIII–XX вв. Книга «Северная война и шведское нашествие на Россию» была издана уже после кончины Тарле в 1958 г.

[8] Речь идет об одной из самых редких русских монет – рубле Константина I, чеканенном в период междуцарствия в ноябре–декабре 1825 г. Всего было изготовлено 8 экземпляров пробных подлинных рублей Константина Павловича: шесть с гуртовой надписью и два с гладким гуртом. По одному рублю хранится в музеях России (ГЭ и ГИМ) и Национальном музее США (Смитсоновский институт, Вашингтон), еще несколько – в зарубежных частных собраниях. Следы отдельных монет затерялись, и они остаются не разысканными. В ГИМе оказался рубль, принадлежавший императору Александру II. После 1917 г. он попал в Эрмитаж, а в 1930 г. – по акту, подписанному М.Д. Философовым, А.А. Ильиным и Н.Д. Протасовым – был передан на постоянное хранение в Отдел нумизматики ГИМ. См.: *Спасский И.Г.* По следам одной редкой монеты. М.; Л., 1964; *Мельникова А.С.* Константиновский рубль и история его изучения // Константиновский рубль: Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 7–66.

[9] Речь идет о труде «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII–XI вв. в России и прибалтийских странах» (СПб., 1846) известного археолога, нумизмата, востоковеда-арабиста, профессора Петербургского университета Павла Степановича Савельева (1814–1859).

[10] Розанов Сергей Павлович (1870 – после 1931) – историк литературы, специалист по древнерусской литературе. Сотрудник Археографической комиссии, с 1922 г. сотрудник БАН: старший библиотекарь славянского отделения, ученый секретарь (1924). Был арестован в январе 1930 г. по «Академическому делу».

[11] Иордан Федор Иванович (1800–1883) – русский гравер. Выпускник Петербургской АХ (1824), ученик Н.И. Уткина. Продолжил обучение в Париже и Лондоне. С 1850 г. профессор, с 1871 г. ректор АХ.

[12] Вальц Карл Фёдорович (1846–1929) – театральный декоратор и машинист сцены. Заслуженный артист республики (1927). С 1861 г. 65 лет прослужил в Большом театре. Оформлял драматические, оперные и балетные спектакли в Малом и Мари-

инском театрах. Руководил монтировочной частью Русских сезонов в Париже. Автор мемуаров «Шестьдесят пять лет в театре» (1928).

[13] См.: Интервью с главой патриаршей православной церкви в СССР, заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием и его синодом // Известия ЦИК. 1930. № 46. 16 февр.

[14] Дунин-Борковский Казимир Ипполитович (1890–1960-е) – кадровый военный, член ВКП(б) с 1919 г., из польских дворян. В конце 1920-х годов сотрудник издательства наркомата почт и телеграфа. Председатель Всероссийского общества филателистов (ВОФ). В 1933 г. репрессирован и, вероятно, отправлен в ссылку (*М.Г.*).

[15] Завод Гарднера был основан в 1766 г. английским купцом Францем Яковом Гарднером в подмосковном селе Вербилки, здесь выпускались изделия из фарфора, как высокохудожественные дорогие образцы, так и массовая продукция. В 1891 г. завод был приобретен крупнейшим фарфорозаводчиком М.С. Кузнецовым. Ныне Дмитровский фарфоровый завод, до недавнего времени – один из крупнейших центров художественного фарфора.

[16] Саблин Николай Павлович (1880–1937) – морской офицер. Окончил Морской кадетский корпус (1898). Участвовал в подавлении Боксерского восстания. Во время Русско-японской войны вахтенный начальник на крейсере «Алмаз», участник Цусимского сражения. Офицер императорской яхты «Штандарт» (1906–1914), флигель-адъютант (1912). В августе 1914 г. был назначен состоять при Николае II во время пребывания императора на театре военных действий. С 26 ноября 1915 г. – командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа. После Февральской революции уволен в отставку. Во время Гражданской войны состоял в ВСЮР. Эвакуирован в 1920 г. из Одессы. В эмиграции в Германии, затем во Франции, председатель объединения Гвардейского экипажа. Умер в Париже. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

[17] Погодин Михаил Иванович (1884–1969) – организатор народного образования, музейного дела и охраны памятников старины, этнограф, краевед. Окончил юридический факультет и три курса медицинского факультета Московского университета. С 1911 г. – земский деятель, учитель Ельнинского уезда Смоленской губернии, где находилось родовое имение его матери. В 1918 г. был назначен зав. секцией охраны памятников старины Ельнинского уездного музея. В 1920-е годы вместе с П.Д. Барановским совершил несколько научных экспедиций по изучению памятников русского Севера. В 1926 г. по его инициативе был создан музей в усадьбе Барышниковых в с. Алексино Дорогобужского уезда, построенной на рубеже XVIII–XIX вв. при участии М.Ф. Казакова и Д. Жилярди. Позже участвовал в создании музея в Троицком Болдинском монастыре под Дорогобужем, производил научную фотофиксацию памятников архитектуры монастыря, созданных зодчим Федором Конем, сфотографировал и составил описание богатой коллекции деревянной скульптуры. До середины 1930-х годов работал сотрудником Смоленского областного историко-художественного музея, собрал большую этнографическую коллекцию. В 1936 г. он был уволен из Смоленского музея, переехав в Москву, поступил на работу в Московский институт химического машиностроения им. Д.И. Менделеева, став организатором и заведующим (до выхода на пенсию в 1958) библиотеки института (в 2001 ей присвоено имя М.И. Погодина).

[18] Речь идет о книге: *Прозоровский Д.И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

[19] Исаков Сергей Константинович (1875–1953) – искусствовед, художественный критик, скульптор, музейный работник. Учился на физико-математическом факультете Московского университета (1894–1898). Самостоятельно изучал историю искусств. С 1907 по 1918 г. служил помощником хранителя Музея Петербургской АХ. С 1908 г. участвовал в выставках как скульптор-анималист. Сотрудничал в периоди-

ческой печати. В 1922–1929 гг. работал в Музее революции, с 1929 г. – зав. художественным отделом и заместитель директора Русского музея. В 1934–1953 гг. в АХ: заведующий кафедрой русского искусства, директор Музея АХ, директор НИИ ВАХ (1937).

[20] Международная организация помощи борцам революции была создана в 1922 г. решением IV-го Конгресса Коминтерна. МОПР имела отделения в нескольких десятках стран мира, оказывала денежную и материальную помощь осужденным революционерам. День Парижской Коммуны (18 марта) МОПР считала своим праздником. В международном масштабе действовала до Второй мировой войны. Советская секция МОПР работала до 1947 г.

[21] Ныне Рижский (с 1946) вокзал, до этого Виндавский (до 1930), Балтийский (до 1942), Ржевский.

[22] Новицкий Алексей Петрович (1862–1934) – историк русского и украинского искусства и архитектуры. Родился в Симбирске. Окончил Московский университет (1887). Работал помощником библиотекаря в ИРИМ (1887), библиотекарем в Училище живописи, скульптуры и архитектуры в Москве (1889). В 1919 г. был ассистентом кафедры истории искусства Таврического университета. В 1922 г. переехал в Киев. Состоял председателем Комитета по охране памятников истории и культуры, заведующим секцией украинского искусства при кафедре всеобщего искусства, председателем Археологического комитета при АН УССР. Академик АН УССР.

[23] Московское общество сельского хозяйства, основанное в 1820 г., было распущено в ноябре 1929 г.

[24] Камерный театр был открыт в 1914 г. (основатель и руководитель – А.Я. Таиров). Ведущей актрисой театра была А.Г. Коонен. В разное время в труппе театра состояли Н.М. Церетели, И.И. Аркадин, Б.А. Фердинандов, Н.Н. Чаплыгин, М.И. Жаров, В.В. Кенигсон. С театром сотрудничали художники А.А. Экстер, Г.Б. Якулов, В.А. и Г.А. Стенберги, архитектор А.А. Веснин. В своей деятельности театр ориентировался, преимущественно, на классический и современный западный репертуар. Среди спектаклей, принесших славу театру, были: «Фамира Кифаред» И.Ф. Анненского (1916), «Адриенна Лекуврер» Э. Скриба (1919), «Федра» Ж. Расина (1922), «Любовь под вязами» Ю. О'Нила (1926). В 1936 г. театр подвегли критике, его труппу в 1938 г. соединили с труппой Реалистического театра под руководством Н.П. Охлопкова. Вскоре Охлопков с частью труппы покинул театр, и в 1940 г. Таиров, снова сплотив труппу, создал один из лучших своих спектаклей – «Мадам Бовари». В 1949 г. Таиров был отстранен от руководства театром на волне борьбы с космополитизмом. В 1950 г. театр закрыли, часть актеров вступила в состав труппы театра им. А.С. Пушкина, открывшегося в помещении Камерного театра.

[25] Безмин Иван Артемьевич († ок. 1696) – русский иконописец и живописец. С 1662 г. учился в Оружейной палате, ученик С. Лопуцкого. С 1680-х годов возглавил ее живописную мастерскую. Расписывал религиозными сценами царские хоромы. Создал живопись «по тафтам» (иконы с аппликацией из шелка в изображении одежд), выявлял светотенью объем в иконах и портретах.

[26] Речь идет о Коммунистическом университете трудящихся Востока (с 1923 имени И.В. Сталина), студенческое общежитие которого занимало помещения бывшего Страстного монастыря.

[27] С 1928 г. являлся филиалом ГИМ.

[28] Четыркин Иван Данилович (1846–1904) – калужский краевед, педагог, археолог, публицист. Учитель калужской гимназии. Председатель Калужской УАК и историко-археологического музея.

[29] Речь идет о сфабрикованном в 1929 г. ОГПУ «деле» так называемого Союза освобождения Украины («деле СВУ (Спілки визволення України)», или «деле академика Ефремова»). Судебный процесс над «членами» СВУ проходил в марте–апре-

ле 1930 г. в Харьковском оперном театре. Среди осужденных за «контрреволюционную деятельность» и участие в СВУ было 2 академика Всеукраинской академии наук (в том числе академик ВУАН С.А. Ефремов, которого «назначили» лидером СВУ), и 15 профессоров высших учебных заведений. 15 подсудимых работали в системе ВУАН.

[30] Имеется в виду издание: *Коцевалов А.С.* Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря // Збірник заходознавства: Історія, економіка, література, лінгвістика (На пошану акад. М.С. Грушевського з нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності) / За ред. Е. Тимченка, Ф. Савченка. Київ, 1929.

Кацевалов Андрей Степанович (1892, Харьков – 1960, Нью-Йорк, США) – филолог, историк-классик, археолог, доктор филологических наук (1940). Закончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1917). В 1922 г. защитил магистерскую диссертацию. Сотрудник научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры в Харьковском университете (1921–1930). Заведующий секцией эпиграфики Украинского института истории материальной культуры (1930–1933). Сотрудник Украинского научно-исследовательского института истории культуры (1933), Института археологии АН УССР (1935–1941) и Института истории АН УССР (1941). Защитил докторскую диссертацию на тему: «Материальная культура греческих колоний северного побережья Черного моря» (1926). Профессор классической филологии Харьковского университета (1937–1941). В эмиграции с 1943 г., с 1952 г. в США. Профессор Украинского вольного университета.

[31] Московский планетарий был открыт 5 ноября 1929 г. (архитекторы М.О. Барщ, М.И. Синявский и Г.А. Зундблат). Идея создания планетария принадлежала директору Института Маркса–Энгельса Д.Б. Рязанову. Оборудование для планетария поставила фирма «Карл Цейс».

[32] Никольский Николай Константинович (1863–1936) – историк церкви, литературовед, библиограф. Профессор МДА (1906). Академик (1916). Преподавал в Петербургском университете (1909–1924). С 1920 по 1925 г. – директор БАН. Был также директором Российской книжной палаты, первым директором Института книговедения.

[33] Орешников имеет в виду Сергея Ивановича Монахтина (1891–?), рабочего московского компрессорного завода «Борец», выдвиженца, директора Оружейной палаты (1930–1935).

[34] Лукомский Владислав Крескентьевич (1882–1946) – историк, генеалог, геральдист, библиограф. Из дворянской семьи. По окончании Орловской классической гимназии (1900) обучался на юридических факультетах Московского и Петербургского университетов (до 1905). В 1909 г. окончил Петербургский археологический институт. С 1905 г. работал в Департаменте герольдии Министерства юстиции, с 1915 г. – управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии. Упорядочил и дополнил правила составления гербов. Член многих научных обществ. Инициатор включения курса геральдики в программу Петербургского археологического института, в 1913–1922 гг. читал в институте лекции по общей геральдике и истории русской геральдики, с 1920 г. профессор кафедры геральдики и генеалогии. В 1921–1925 гг. преподавал геральдику в Петроградском (Ленинградском) университете, в 1930-е годы читал лекции по архивному делу на различных курсах. В 1918 г. в Петрограде создал и возглавил Гербовый музей (существовал до 1931), который под его руководством стал одним из центров исследований в области вспомогательных исторических дисциплин. В июле 1942 г. эвакуирован из блокадного Ленинграда в Москву. Преподавал в Московском государственном историко-архивном институте, с 1945 г. работал также в Институте истории материальной культуры. Главная область научных интересов – история и источниковедение отечественной геральдики. В сво-

их трудах определил основные группы геральдических источников, уточнил терминологию, классифицировал русские гербы, разработал методику изучения гербов как исторического источника. См.: *Наумов О.Н.* Лукомский Владислав Крескентьевич // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 3: К–М. М., 2000. С. 401, 402.

[35] Никитин Дмитрий Васильевич (1874–1960) – врач. Из семьи священника. Окончил с золотой медалью Рязанскую гимназию (1892), медицинский факультет Московского университета (1897), ординатуру в клинике А.А. Остроумова (1902). В конце марта 1902 г. был приглашен к больному Л. Толстому в Гаспру по рекомендации близких друзей писателя. Вместе с Толстыми покинул Гаспру и приехал в Ясную Поляну, где оставался два года их домашним врачом. С 1904 г. заведовал в течение 25 лет земской больницей в Звенигороде, не раз навещая Толстого в Ясной Поляне. Во время Русско-японской и Первой мировой войн заведовал госпиталем для инфекционных больных, лечил пострадавших в результате газовых атак, был тяжело ранен при бомбежке. В 1929 г. он перевелся в Московский областной клинический институт (ныне МОНИКИ) на должность ординатора терапевтического отделения, а в 1931 г. был послан для врачебного наблюдения к А.М. Горькому в Сорренто. В 1933 г. он был арестован как глава «контрреволюционной организации» врачей, сослан в Архангельск, где и остался по отбытии срока. Работал врачом, затем преподавателем в медицинском институте, зав. кафедрой инфекционных заболеваний. Умер в Москве, куда вернулся незадолго до смерти.

[36] Возможно, имеется в виду Алексей Васильевич Филиппов (1882–1956) – художник-керамист, технолог, реставратор, организатор керамического производства и разработчик новых видов керамической облицовки. Исследователь и основоположник научной реставрации древнерусских изразцов. Профессор. Член-корреспондент Академии архитектуры СССР.

[37] Стихотворения А.К. Толстого.

[38] Имеется в виду издание: *Minns E.H.* Small bronzes from Northern Asia // The Antiquaries Journal. London, 1930. January. Vol. X. № 1. P. 19–21.

[39] Стена Анна Дмитриевна (1896–1952) – художник-реставратор, специалист по древнерусскому искусству. Внучка художника В.Е. Маковского. После Великой Отечественной войны жила и работала в Новгороде, в начале 1950-х годов выполнила копии фресок церкви Благовещения на Мячине и Георгиевского собора Юрьева монастыря. Арестовывалась в декабре 1948 г., дело было прекращено.

[40] Милютин Михаил Иванов – иконописец Оружейной палаты, ученик Симона Ушакова.

[41] Винклер Мартин Эдуард (Martin Eduard Winkler, 1893–1982) – немецкий историк, специалист по истории России, коллекционер русских икон. Закончил Thomasschule в Лейпциге, изучал историю, литературу, историю искусства и археологию в университете Страсбурга, историю культуры – в Лейпцигском университете. После Первой мировой войны продолжил свои исследования в области классической археологии и истории Европы. Защитил диссертацию по русской истории. В 1924 г. совершил первую поездку в Москву и Ленинград. С 1929 г. профессор истории Восточной Европы и директор отдела истории Русского института в Кенигсберге. После прихода нацистов к власти потерял свои научные позиции и в 1939 г. был вынужден выйти на пенсию. К 1942 г. завершил серию книг по истории русской культуры. Собирал русские иконы. В 1955 г. по финансовым причинам продал свою коллекцию музею г. Реклингхаузен. Это собрание икон считается наиболее значимым в Германии. С 1932 г. женат на журналистке Норе Беролдинген.

[42] Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – филолог, историк литературы; автор работ по источниковедению, текстологии, палеографии, фольклористике и истории театра. Академик Петербургской АН (1914), АН Украины (1919), АН СССР (1925). Окончил Петербургский университет. С 1904 г. – профессор кафедры рус-

ского языка и словесности Университета св. Владимира в Киеве, в 1914–1917 гг. – профессор Саратовского университета, с 1917 г. – профессор Петроградского (Ленинградского) университета. Был арестован в апреле 1934 г. в Ленинграде по «делу Российской национальной партии». В июне 1934 г. был сослан на 3 года в Саратов, исключен из состава АН СССР. Умер в ссылке.

[43] Речь идет о сыновьях бельского купца, потомственного почетного гражданина, городского головы Николая Ивановича Зенбицкого († 1900). Орешников упоминает Михаила Николаевича Зенбицкого, депутата III Государственной думы от Смоленской губернии, октябриста, и его брата Петра Николаевича, архивиста, старшего делопроизводителя описательного отдела МАМЮ, члена Историко-родословного общества в Москве. Цызыревы – дворянский род Смоленской губернии.

[44] Порфиридов Николай Григорьевич (1893–1980) – искусствовед, историк, новгородский краевед. Из семьи священника. Окончил Новгородскую духовную семинарию (1913), Петербургский археологический институт (1918). С 1918 г. заведовал Управлением новгородских губернских музеев, с 1920 по 1932 г. – Комитетом по делам музеев при Новгородском ГубОНО. Личной его заслугой явилось формирование коллекции картин русских и западноевропейских художников и создание новгородской картинной галереи (Музея нового искусства, 1925). С 1920 г. был сотрудником ГАИМК. С 1932 г. работал в Новгородской секции Института истории АН СССР. В 1933 г. был арестован вместе с коллегами по Новгородскому обществу любителей древности по обвинению в защите бывших помещичьих усадеб, а также церквей и религиозных реликвий «под вывеской музейно-исторической ценности». Виновным себя не признал, был осужден на 5 лет ИТЛ, отбывал наказание в г. Чибью на Ухте, где работал сначала ученым секретарем геологического сектора, затем в местном музее и горном техникуме Ухтпечтреста НКВД. После досрочного освобождения (1936) преподавал в Новгородском пединституте и в Институте им. Репина АХ СССР, читал курсы фольклора, древнерусской литературы и древнего искусства, с 1938 г. являлся ученым секретарем Новгородской секции Института истории АН СССР. Во время войны сопровождал эвакуируемые музейные ценности. С 1945 по 1962 г. – сотрудник Русского музея, зав. секцией древнерусского прикладного искусства, несколько лет был зам. директора по научной части. По совместительству преподавал в Академии художеств на факультете истории и теории искусства. Автор работ о древнем и средневековом Новгороде.

[45] Речь идет, вероятно, о статье: *Щербаківський В.М.* Ліплявський могильник (Попереднэ звідомлення) // Niderlův sbornik / Usporadal *J. Schranil.* Obzor praehistoricky. Rocnik IV. [Praha,] 1925. S. 339–348.

[46] Слухи об аресте Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского были неверны. После XVI съезда Рыков и Томский были выведены из состава Политбюро (Бухарина вывели из Политбюро еще в ноябре 1929), Рыков был снят с поста председателя СНК СССР.

[47] Возможно, Лидин Владимир Германович (наст. фамилия Гомберг, 1894–1979) – писатель. Из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета (1916). Во время Гражданской войны служил в РККА. Впоследствии жил в Москве, более 30 лет преподавал в Литературном институте. Во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом «Известий». Автор рассказов (сборники «Трын-трава» (1916), «Норд» (1925), «Прилет птиц» (1970)), романов («Отступник» (1927), «Великий или Тихий» (1933), «Две жизни» (1950)), воспоминаний «Люди и встречи» (1957).

[48] Цветаев Андрей Иванович (1890–1933) – искусствовед, сын основателя Музея изящных искусств И.В. Цветаева и его первой жены Варвары Дмитриевны (урожд. Иловайской), сводный брат Марины Ивановны и Анастасии Ивановны Цветаевых.

Выпускник юридического факультета Московского университета. Эксперт живописи в отделе «Антиквариата». Был художником-декоратором в Камерном театре.

[49] См. «Материалы к генеалогии...» М.Б. Горнунга в наст. издании.

[50] Голиков Александр Григорьевич (1865–1940) – бухгалтер, коллекционер живописи, нумизмат. Родился в Москве в семье юриста. Прослушал курс лекций в Сорбонне (1887), позже поступил на юридический факультет Московского университета, но из-за болезни не смог его закончить. В 1891 г. прошел обучение на частных курсах бухгалтерии и коммерческих вычислений. Работал в правлении Казанской железной дороги, в Страховом и транспортном обществе «Отечество», в Московском отделении Общества электрического освещения. В 1917 г. стал помощником руководителя Московского отделения государственной электростанции и экспертом Наркомпроса по оценке вещей. С 1923 г. по болезни оставил службу; в 1925 г. получил квалификацию эксперта высшей группы по нумизматике и фарфору, консультировал московские и провинциальные музеи. Работал внештатным сотрудником в Этнографо-археологическом музее этнологического факультета I МГУ, в журнале «Советский коллекционер», читал лекции в Центральном институте живых восточных языков (бывшем Лазаревском институте). В 1925–1929 гг. работал в ГМИИ как консультант и эксперт по нумизматике. Автор ряда опубликованных и неопубликованных нумизматических трудов. Свою коллекцию монет (около 11 тыс. экз.), а также западноевропейские геммы и камеи (около 70 экз.) завещал ГМИИ (переданы в музей в 1941 и 1947). Нумизматическая коллекция А.Г. Голикова формировалась около 50 лет и включает в себя значительное собрание античных, русских, западноевропейских и восточных монет. См.: *Заворотная Л.А.* Коллекционер Александр Григорьевич Голиков (1865–1940) // Монеты и медали: Сб. статей по материалам коллекции Отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2004. Вып. II. С. 252–261.

[51] Коган Петр Семенович (1872–1932) – историк литературы, критик. Окончил гимназию в Могилеве, историко-филологический факультет Московского университета. Приват-доцент Петербургского университета (с 1913). После 1917 г. преподавал в I и II МГУ, профессор. Президент ГАХН, один из руководящих сотрудников Наркомпроса.

Шувалов Сергей Васильевич (1880–1941) – литературовед, историк литературы, критик. Сын крестьянина; окончил историко-филологический факультет Московского университета (1912). До 1921 г. был профессором Московского университета. Исследователь творчества М.Ю. Лермонтова, автор работ о русских писателях XIX – начала XX в.

[52] Речь идет об издании: Труды Комиссии, Высочайше утвержденной при Императорском университете св. Владимира, для описания губерний Киевского учебного округа. Смесь. Описание древних русских монет, принадлежащих минцкабинету Императорского университета св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г. Сост. Я. Волошинским. Киев, 1853.

Волошинский Яков Яковлевич – нумизмат, действительный член МАО с 1877 г. В 1852–1865 гг. заведовал нумизматическим кабинетом университета св. Владимира в Киеве.

Сонцов Дмитрий Петрович (1803–1875) – историк, нумизмат, коллекционер. Один из членов основателей МАО, исполнял обязанности Председателя МАО в 1864–1866 и 1869–1872 гг. Собрал значительную коллекцию средневековых русских монет, переданную после его смерти в Румянцевский музей. Автор нумизматических трудов: каталогов собственного собрания и публикаций отдельных монет.

[53] Речь идет о Петре Михайловиче Кейзере-Ясмане (у Орешникова ошибочно – Янсон) (1896–1930) – филологе, преподавателе Института восточных языков, лекторе Главполитпросвета, масоне, руководителе московской ложи «Гармония», арестован-

ном в октябре 1929 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации, шпионаже, вредительстве, подготовке теракта и расстрелянном в августе 1930 г.

[54] Пчелина Евгения Георгиевна (1895–1972) – археолог и этнограф. Родилась в г. Кутаиси в семье служащего. После окончания Тифлисской женской гимназии обучалась в Московском Археологическом институте (1914–1916), на юридическом факультете Московского университета (1917–1921) и на экономическом факультете Тифлисского политехнического института. В 1944 г. защитила диссертацию на тему: «Находка древне-буддийского монастыря в холмах Кара-Тепе, Термез». Работала в музее и архиве Московского Археологического института (1915–1919), в Ярославском историческом музее (1919–1920), в ГИМе (1920–1932), в Институте этнографии АН СССР (1933–1939), в 1939– 1948 гг. – старший научный сотрудник Отдела востока ГЭ. В период Великой Отечественно войны (с июля 1941 по март 1944) командирована в Свердловск для вывоза и охраны музейных коллекций. В 1948 г. переведена в Юго-Осетинский НИИ для завершения докторской диссертации. В 1952 г. вышла на пенсию. На протяжении многих лет вела полевые археологические, этнографические и фольклорные исследования в различных районах Кавказа (особенно в Северной и Южной Осетии) и Средней Азии. См.: *Калоев Б.А.* Е.Г. Пчелина – ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. М., 2004. № 3. С. 98–111.

[55] МСПО – Московский союз потребительских обществ (создан в 1898), после 1917 г. – Центросоюз.

[56] Дмитриев Павел Алексеевич (1902–1943) – археолог, специалист по неолиту и бронзовому веку. Ученик В.А. Городцова. В ГИМ с 1925 г.: сотрудник отдела популяризации, с 1929 г. зав. группой оружия, в 1936–1941 гг. ученый секретарь. Участник Московского ополчения 1941 г. Попал в окружение и был взят в плен. Бежал, перешел линию фронта и добрался до своих. Отдан под трибунал, осужден за измену Родине и отправлен в штрафной батальон. Вскоре был убит.

[57] Ср. у И.И. Шитца: «Захаров же имел наивность защищать в РАНИОНе историю как науку. Какой-то комсомолец возразил ему, что изучение хеттов никому не нужно...» / *Шитц И.И.* Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris, YMCA-Press, 1991. С. 238.

[58] Дмитриева Елена Николаевна (1902–1990) – археолог, музейщик. Ученица В.А. Городцова. Сотрудник Оружейной палаты (1924–1932), отдела металла ГИМ (1932–1972). Жена П.А. Дмитриева.

[59] Слухи были неверны. С 1929 г. В.К. Блюхер командовал Особой Дальневосточной армией. За победу над китайскими войсками во время конфликта на КВЖД в мае 1930 г. он был награжден орденом Красной Звезды за № 1, в 1931 г. – орденом Ленина.

[60] Речь идет о процессе «Промпартии».

[61] Гуськов Павел Александрович – нумизмат, член Московского кружка нумизматов (1885–1888), действительный член МНО.

[62] Пятеро «членов» так называемой ЦК Промышленной партии (Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинников и Федотов) были приговорены ВС СССР к расстрелу, трое (Куприянов, Очкин и Сытнин) – к 10 годам лишения свободы. Президиум ЦИК СССР по ходатайству осужденных заменил расстрел 10-летним тюремным заключением и снизил срок наказания другим осужденным. С основным делом «Промпартии» были связаны дела о вредительстве в разных отраслях промышленности.

[63] Болтенко Михаил Фёдорович (1888–1959) – археолог и историк-классик. Из семьи военного топографа. В 1912 г. закончил историко-филологический факультет Новороссийского университета. С 1913 г. преподавал классические языки, историю и географию в гимназиях Одессы. В 1920-х годах работал в Одесском археологическом музее, в 1930–1932 гг. был его директором. Открыл и исследовал позднетрипольскую усатовскую культуру (1921–1933, 1939–1940, 1946–1948). Проводил систематичес-

кие раскопки первого древнегреческого поселения на острове Березань (1924–1931, 1946–1951). Участвовал в раскопках Ольвии (1924–1932). Был репрессирован и провел в концлагерях 5 лет (1934–1938?). С 1939 г. до конца жизни преподавал в Одесском университете, где одно время заведовал кафедрой классической филологии.

1931 год

[1] Жаткин (у автора также – Жатков, Жатов) Петр Лазаревич (1894–1968) – писатель, драматург, журналист. В 1920-е – 1930-е годы работал сотрудником издательства «Academia».

[2] Имеется в виду русское издание фундаментального труда американского археолога и историка, египтолога Джеймса Генри Брэстеда (англ. James Henry Breasted, 1865–1935) – «История Египта с древнейших времен до персидского завоевания» (М., 1915. Т. 1–2).

[3] Правильно: Кесаев (Кесати) Владимир Николаевич (1904–1942) – археолог-востоковед, сотрудник Эрмитажа.

[4] Ротштейн Фёдор Аронович (1871–1953) – революционер, советский дипломат, историк. Академик АН СССР (1939). В 1890 г. эмигрировал из России в Англию (1890–1920). Член РСДРП (с 1901). Деятель английского левого движения, журналист. Участвовал в создании коммунистической партии Великобритании. Член Коминтерна. По возвращении в Россию в 1920 г. советский посол в Персии (1921–1922), член коллегии Наркомата иностранных дел (1923–1930), ответственный редактор журнала «Международная жизнь». Действительный член Социалистической (затем Коммунистической) академии, член президиума РАНИОН (1922–1926), директор Института мирового хозяйства и мировой политики (1924–1925), член Главной редакции БСЭ (1-е изд., с 1927). Автор ряда марксистских исследований по истории английского рабочего движения, колониальной политики и международных отношений.

[5] Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО) – добровольная общественная организация, действовавшая с 1928 по 1939 г. Деятельность ВАРНИТСО была направлена прежде всего против ученых «старой школы».

[6] Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) – филолог, этнограф, востоковед-тюрколог. Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1903), с 1906 г. преподавал в университете (с 1917 – профессор), Практической восточной академии (1911–1917). Действительный член ИРАО (1908). После 1917 г. активно сотрудничал с новой властью. В 1921–1922 гг. служил консультантом отдела Востока НКИД РСФСР, оказывал большую помощь полпредствам РСФСР в Хиве и Бухаре, активно участвовал в советизации Средней Азии. Принимал участие в многочисленных кампаниях по перестройке учебных и научных учреждений востоковедческого профиля, создании письменностей для языков народов СССР. В 1920–1937 гг. профессор (в 1922–1925 – ректор) Петроградского института живых восточных языков (затем Ленинградского восточного института), академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР (1929–1933), директор Института востоковедения АН СССР (1934–1937). Основные его труды посвящены языку, литературе, фольклору и этнографии тюркоязычных этносов. В 1937 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии и создании «контрреволюционной буржуазно-националистической организации» (в частности, ему инкриминировалась связь с «резидентом японской разведки» профессором ЛГУ П.И. Воробьевым), в феврале 1938 г. расстрелян. Похоронен на «Коммунарке».

[7] Рогинский Яков Яковлевич (1895–1986) – антрополог, один из крупнейших отечественных исследователей антропогенеза. На момент ареста в январе 1934 г. –

сотрудник Института антропологии, археологии и этнографии АН. Обвинялся в антисоветской агитации, был сослан в Северный край на 3 года. Профессор МГУ (1950).

[8] Руссо Василий Николаевич (1880-е – 1942) – скульптор, организатор шахматно-шашечного движения в СССР, шашист (мастер спорта СССР). Выпускник Одесского художественного училища, Петербургской АХ (1910). В начале 1930-х годов был зам. директора Третьяковской галереи. В 1938 г. репрессирован, осужден на 5 лет ИТЛ. Умер в лагере.

[9] Свиньин Павел Петрович (1787–1839) – литератор, историк, художник, путешественник, библиофил, коллекционер. Издатель журнала «Отечественные записки» (изд. до 1830). Автор сочинений «Достопримечательности С.-Петербурга и его окрестностей» (1818) и «Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских» (1832). Создатель «русского музеума», включавшего коллекцию живописи, скульптуры, нумизматики, рукописей.

[10] Жаворонков Борис Николаевич – сотрудник музея Центрального гуманитарно-педагогического института. Автор книги «От мотыги к трактору. Очерк из истории земледельческой культуры». М., 1922 (Изд. 2-е. М., 1923; Изд. 3-е. М., 1924).

[11] Дом ученых был открыт в Петрограде в 1920 г. по инициативе А.М. Горького в доме № 26 по Дворцовой набережной. В прошлом это дворец президента Академии художеств вел. князя Владимира Александровича, построенный в 1867–1872 гг. по проекту архитектора А.И. Резанова. Эффектный фасад здания выполнен в стиле флорентийских палаццо, а интерьеры – в стиле историзм. Именно в этом дворце у жены Владимира Александровича вел. княгини Марии Павловны собирались представители творческой элиты Петербурга.

[12] Перепелкин Юрий Яковлевич (1903–1982) – историк, египтолог, специалист по социально-экономической истории Египта эпохи Древнего царства и перевороту Эхнатона. Доктор исторических наук (1969). Из семьи морского офицера. В 1924 г. окончил физико-математический факультет Крымского государственного университета им. М.В. Фрунзе (до 1921 – Таврический университет), в 1927 г. – факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского университета. С 1927 г. сотрудник Музея палеографии (затем ИКДП) АН СССР, где занимался изучением памятников письменности Древнего мира и Раннего Средневековья из коллекции Н.П. Лихачева. В 1938–1943 гг. – сотрудник ЛОИИ АН СССР, во время войны пережил начало блокады, был эвакуирован из осажденного Ленинграда в Ташкент. После войны вернулся в Ленинград, работал в Институте востоковедения АН СССР, затем в ЛОИИ АН. До 1949 г. преподавал в ЛГУ.

[13] Академик Н.П. Лихачев заинтересовался коллекционированием и изучением древнерусских и византийских металлических печатей в начале XX в. К началу Первой мировой войны ему удалось включить в свою сфрагистическую коллекцию свыше 600 дневнерусских печатей и подготовить 57 фототипических таблиц (так называемый Сфрагистический альбом) к задуманному им изданию Свода печатей, объединив в них, наряду с материалами собственного собрания, еще около сотни печатей из разных музеев и архивов. Трудности наступившего периода не позволили осуществить начинание, но исследователь продолжал работу по комментированию таблиц, регистрации и изучению новых печатей. К середине 1920-х годов он задумал издание четырех книг в серии «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики». В трех выпусках серии Лихачев планировал изложить историю русской привесной печати в XI–XVII вв., в четвертом – издать таблицы «Сфрагистического альбома» с развернутыми комментариями. В 1928 г. был издан первый выпуск «Материалов». Во второй половине 1929 г. Лихачев держал корректуру второго выпуска серии, но работа была прервана. В конце 1929 г. он был уволен из ГАИМК, в начале 1930 г. арестован и осужден по так называемому Академическому делу, 2 февраля 1931 г. исключен из академиков, а в конце августа 1931 г. сослан в Астрахань. А.В. Орешни-

ков с самого начала принимал самое активное участие в подготовке и изготовлению сфрагистических таблиц Лихачева (они печатались в Москве), а весной 1930 г. держал корректуру оставшихся четырех листов второго выпуска «Материалов». Книга к осени 1930 г. была напечатана, но позже тираж издания был уничтожен, а набор рассыпан. Сохранилось немногим более 10 экземпляров этой книги.

[14] Ярославле сребро – высокохудожественные серебряные монеты («сребреники»), относящиеся к правлению Ярослава Мудрого в Новгороде (1010–1019). Известно 14 таких монет (двух типов) с погрудным изображением св. Георгия на одной стороне и княжеским знаком и круговой легендой «Ярославле сребро» – на другой. Эти монеты в древности воспринимались как произведения искусства, о чем свидетельствует использование и самих монет, и подражаний им в качестве украшений. Известно более 20 привесок – литых копий с монет типа «Ярославле сребро», изготовленных из оловянистого сплава или меди. Они происходят из Новгорода, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, Германии и Швеции. Подобная привеска с отломанным ушком находилась в собрании Н.П. Лихачева (приобретена в Новгороде в 1911 г.) и была принята Орешниковым за подлинную монету. По его настоянию в июне 1931 г. она была передана на постоянное хранение в ГИМ. См.: *Гайдуков П.Г., Хорошев А.С.* Новые находки привесок – литых копий с монет типа «Ярославле сребро» в Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 204–210. Изображение и описание привески см.: *Лихачев Н.П.* Сфрагистический альбом. Ч. I: Русские металлические печати. Л., 1936. [Текст описания и таблицы.] Табл. LIII, *16* // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 444.

[15] Бóнди Сергей Михайлович (1891–1983) – литературовед. Доктор филологических наук (за исследование «Вопросы ритмики стиха», 1943). Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета (1916). Профессор МГУ (с 1950). Пушкинист, внесший крупный вклад в прочтение черновиков сочинений Пушкина и реконструкцию его неизвестных и опубликованных с искажениями текстов. Автор работ по теории стиха XVIII–XIX вв.

[16] Безсонов Сергей Васильевич (1885–1955) – архитектор, историк архитектуры, искусствовед; профессор. Сотрудник ГИМ.

[17] Речь идет о Павле Николаевиче Каптереве. П.Н. Каптерев (1889–1955) – геолог, мерзлотовед. Доктор географических наук, кандидат биологических наук, профессор. Сын историка церкви Н.Ф. Каптерева. Кадет, арестовывался в 1920 г. по «делу Тактического центра». Был одним из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Вторично был арестован вместе с П.А. Флоренским, братом Сергеем Николаевичем и рядом ученых в 1933 г. по «делу Партии возрождения России», приговорен к 5 годам ИТЛ, сослан с о. Павлом Флоренским на Дальний Восток в Сковородино (Амурская область), где работал на Опытной мерзлотной станции, результатом чего стала вышедшая впоследствии книга: *Быков Н.И., Каптерев П.Н., [Флоренский П.А.].* Вечная мерзлота и строительство на ней (М., 1940). После освобождения в 1936 г. приглашен академиком А.П. Карпинским в АН на должность старшего научного сотрудника, получил временную прописку в Москве. Судимость была снята в 1953 г.

[18] Речь идет об изделиях старейшего в Европе фарфорового производства. Мейсенский завод был основан в 1710 г., вслед за открытием в 1709 г. И.Ф. Бётгером (при участии Э.В. Чирнхауза) технологии изготовления фарфора. В своем развитии это производство прошло несколько периодов. Изделия по моделям Кендлера, которые называет Орешников, относятся к «скульптурному» периоду (1735–1763) – времени расцвета мейсенского фарфора, связанного с деятельностью скульпторов-модельеров И.Г. Кирхнера, И.Ф. Эберлейна и упоминавшегося И.И. Кендлера. Вещи этого периода выполнялись в духе рококо; сервизы, туалетные и письменные приборы, вазы, табакерки, скульптурные группы, фигуры животных – все было отмечено тон-

ким пониманием специфики фарфоровой пластики, изысканной росписью. Марка завода с 1725 г. – нанесенные под глазурной росписью синие мечи.

[19] Имеется в виду издание: *Махов И.И.* Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 48. Симферополь, 1912. С. 150–183.

[20] Речь идет о Вере Константиновне Андреевой (1888–1974) – второй жене поэта, переводчика, востоковеда-ассириолога Владимира (Вольдемара) Казимировича Шилейко (1891–1930), женатого первым браком на Анне Ахматовой.

[21] Торгсин – «Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами на территории СССР» (1930–1936). Являясь конторой Госторга, продавал за валюту антиквариат иностранцам в Москве и Ленинграде, снабжал иностранных моряков в советских портах. В 1931 г. Торгсин получил всесоюзный статус, советские граждане могли покупать товары в Торгсине только за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы. В конце 1931 г. руководство страны разрешило гражданам покупать товары в Торгсине в обмен на бытовое золото (украшения, предметы утвари и быта).

[22] А.В. Орешников, разбирая в марте 1931 г. монеты в Музее книги и письма документа (бывшее собрание Н.П. Лихачева), заинтересовался медным пулом с изображением всадника, колющего копьем змею и арабской надписью. Он договорился с директором музея А.С. Орловым о передаче этой монеты в ГИМ (см. запись от 24.03.1931). Сотрудник ГИМ В.С. Муралевич предложил три варианта прочтения надписи на пуле: «1) Справедливый султан Булак хан или, 2) Пулад хан или, 3) Пулад Раджан» (А.В. Орешников – А.А. Ильину, 7 июля 1931 г. – Архив ГЭ. Ф. 34. № 66. Л. 24 об.). Описание и фото подобной монеты из собрания ГЭ см.: *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993. С. 213. № 453. Табл. 44, *453*.

[23] Рени Гвидо (1575–1642) – итальянский живописец. Представитель болонского академизма. Испытал влияние античного искусства, изучал произведения Рафаэля, Караваджо. Работал в Риме (с 1605) и Болонье (с 1622).

Маратти Карло (1625–1713) – итальянский живописец и гравер. Ученик Л. Сакки, совершенствуя свое мастерство, изучал работы Рафаэля, Г. Фени и др. Виртуозно исполненные работы художника привлекали внимание зрителей и хранились во многих европейских музеях. Маратти выступал и как незаурядный реставратор. Одним из важных реставрированных объектов были знаменитые лоджии Рафаэля в Ватиканском дворце.

[24] Тогур – село (до 1992 – поселок городского типа) в Колпашевском районе Томской области, расположено близ впадения реки Кеть в Обь. Основано в первой половине XVII в.

[25] Савранский Леонид Филиппович (1876–1966) – певец (драматический баритон). Народный артист РСФСР (1934), профессор (1952). В 1912–1944 гг. – солист труппы Большого театра. С 1952 г. профессор Московской консерватории.

Обухова Надежда Андреевна (1886–1961) – певица (меццо-сопрано); народная артистка СССР (1937), лауреат Сталинской премии (1943). В 1916–1948 гг. пела в Большом театра. Яркая представительница русского вокального искусства. Лучшими оперными партиями ее всегда считались: Любаша в «Царской невесте» и Марфа в «Хованщине». Обширен был и камерный репертуар Обуховой – романсы русских и европейских композиторов, народные песни.

[26] Губкин Иван Михайлович (1871–1939) – геолог, основатель отечественной нефтяной геологии; академик АН СССР (1929), вице-президент АН (1936–1939). Выпускник Горного института в Петербурге (1910). Сотрудник Геологического комитета. В 1917–1918 гг. был командирован в США, где изучал постановку дела в нефтяной промышленности. С 1920 г. профессор, с 1922 г. – ректор Московской горной академии. С 1930 г. ректор и зав. кафедрой геологии и нефтяных месторождений Москов-

ского нефтяного института. Основные его труды посвящены геологии нефти. Губкин обосновал возможность создания «Второго Баку», т.е. освоения Волго-Уральской нефтегазоносной области. С освоением нефтяных месторождений в этом районе создавалась вторая крупная база нефтяной промышленности СССР. Губкин руководил исследованиями Курской магнитной аномалии (1920–1925), был председателем Совета (1930–1936) по изучению производительных сил АН СССР.

[27] Речь идет о статье: *Тупиков Н.М.* Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича // ЖМНП, 1894, декабрь. Тупиков Николай Михайлович (1869–1900) – исследователь русской литературы и языка, учитель женской гимназии в Ялте.

[28] Имеется в виду статья русского зоолога и археолога, профессора Московского университета и члена МАО Сергея Алексеевича Усова «О древних русских деньгах по Русской Правде» в IX томе «Древностей. Трудов ИМАО» (Вып. 2–3. М., 1883).

[29] Волков Гавриил Андреевич (1902–1943) – литературовед, исследователь творчества Л.Н. Толстого. Из крестьян. В 1922 г. окончил рабфак, в 1926 г. – литературное отделение 1-го МГУ, позднее работал в Государственном музее Л.Н. Толстого, был одним из редакторов «Полного собрания сочинений» писателя. В 1941 г. был арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ. Скончался в июне 1943 г. в лагерной больнице Унженского ИТЛ НКВД (Унжлаг), вероятно, от истощения, в возрасте 41 года.

[30] Подлинных рублей с датой 1713 г., в том числе и пробных, неизвестно.

[31] Шапка Мономаха второго наряда (Шапка Таврическая) была создана для Петра I, венчавшегося на царство вместе со старшим братом Иоанном (1682). После присоединения Крыма (1783) эта шапка стала шапкой Таврического царства, герб которого венчает ее изображение. Хранится в Оружейной палате Московского Кремля.

[32] Гудков-Беляков Николай Васильевич – инженер-строитель, коллекционер гербов и печатей.

[33] С 1835 по 1934 г. фонтан работы И.П. Витали со скульптурной группой, символизирующей четыре великие русские реки, стоял на Лубянской площади, где служил водоразборным бассейном, в который питьевая вода подавалась из Мытищинского водопровода. После реконструкции площади Дзержинского его установили перед зданием Президиума АН СССР (старое здание Президиума РАН).

[34] Книга была издана в 1934 г., уже после смерти А.В. Орешникова. См.: Слово о полку Игореве / Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Г. Шторма. Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. Редакция и вступит. статья В. Невского. М.; Л.: ACADEMIA, 1934. Комментарий А.В. Орешникова на слова: «...была бы чага по ногате, а кощей по резане» см. на с. 286, 287.

[35] По-видимому, автор имеет в виду похороны М.С. Михайлова-Иванова (1894 – 27 сентября 1931) – советского хозяйственного и партийного деятеля, члена Президиума ВСНХ СССР (с 1927), директора Сталинградского тракторного завода.

[36] Григоров Борис Павлович (1883–1945) – один из основателей Русского антропософского общества и его первый председатель. Брат С.П. Григорова. В 1931 г. был арестован по «делу о 27 московских антропософах» и получил 3 года лагерей.

[37] Прозоров Николай Капитонович – художник, выпускник Петербургской АХ.

[38] Правильно: Аннинский Сергей Александрович (1891–1942) – архивист, археограф, палеограф, педагог. Из семьи учителя. Окончил гимназию в Кишиневе (1909), Петербургский историко-филологический институт (1913). В 1913–1920 гг. преподавал древние языки в 10-й гимназии и других школах Петрограда. В 1919–1920 гг. прошел Архивные курсы при Петроградском археологическом институте, поступил на работу в Петроградское отделение Центрархива. Одновременно преподавал западноевропейскую историю в окружной Военно-политической школе им. Энгельса. В 1930 г. Аннинский стал ученым хранителем Рукописного отделения БАН, сотрудником ИКДП. В 1936 г., после слияния ИКДП с Институтом истории АН СССР, он

стал ученым специалистом сектора вспомогательных исторических дисциплин ИИ, с 1940 г. старшим научным сотрудником. Скончался в поезде во время эвакуации из Ленинграда в Ташкент.

[39] Марианна Элпидифоровна Борисова-Мусатова, сестра художника.

[40] Малеин Александр Иустинович (1869–1938) – филолог, библиограф, книговед. Член-корреспондент Петербургской АН (1916). Окончил Историко-филологический институт в Петербурге (1892), преподавал латынь в учебных заведениях Петербурга. Являлся одним из основателей и главой (1919–1926) Русского библиологического общества. С 1924 г. работал в БАН СССР, где организовал Кабинет инкунабул, редких иностранных книг, рукописей и гравюр, а с 1931 г. – в ИКДП АН СССР.

[41] Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – историк, украинский политический деятель. Академик АН СССР (1929). Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1890). С 1894 г. преподавал во Львовском университете (Австро-Венгрия). После Февральской революции был избран председателем украинской Центральной рады. В конце марта 1919 г. уехал в Австрию. После нескольких обращений Грушевского к украинскому советскому правительству, в которых он осуждал свою контрреволюционную деятельность, ему было в 1924 г. разрешено возвратиться на Родину для научной работы. Был профессором истории Киевского государственного университета, академиком ВУАН, руководителем историко-филологического отдела. Возглавлял археографическую комиссию ВУАН. С 1930 г. работал в Москве. Умер в 1934 г. от заражения крови в Кисловодске.

[42] Домогацкий Владимир Николаевич (1876–1939) – скульптор. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1937). Учился у С.М. Волнухина (1895–1902), изучал творчество О. Родена в Париже. Преподавал в МХИ (1936–1938). Работал в области портретной пластики. Участник реализации плана монументальной пропаганды.

[43] Гремиславский Иван Яковлевич (1886–1954) – театральный художник, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1938). Сын художника, гримёра Я.И Гремиславского; муж известного археолога Татьяны Сергеевны Пассек. Окончил МУЖВЗ (1910) и в дальнейшем совершенствовал свое мастерство в Париже. С 1912 г. работал в 1-й студии МХТ. В 1913 г. зачислен в МХТ на должность художника. Свою работу он начал как исполнитель декораций в спектаклях А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского, Б.М. Кустодиева. В 1918 г. Станиславский пригласил его к работе над пьесой А. Блока «Роза и Крест». В 1919–1922 гг., когда группа актеров МХТ отправилась в турне по Югу России, в Европу и Америку, Гремиславский провел работу по воссозданию оформления спектаклей, с которыми гастролировали актеры. В 1926 г. его назначили заведующим постановочной частью МХАТ. При нем была перестроена деятельность постановочной части, введены новые формы работы художника и постановочной части. Эти новации приняли во многих театрах СССР. В 1943 г. по инициативе Гремиславского создан первый в СССР постановочный факультет при Школе-студии МХАТ, готовящий художников-технологов сцены, заведующих постановочной частью. Этим факультетом он руководил до 1954 г. Гремиславский принимал непосредственное участие в оформлении ряда спектаклей, среди которых: «Сестры Жерар» (совм. с В.А. Симовым, А.В. Щусевым), «Мертвые души» (совм. с В.В. Дмитриевым, В.А. Симовым), «Таланты и поклонники» (совм. с Н.П. Крымовым), «Идеальный муж», «Русский вопрос». Гремиславский являлся автором трудов по вопросам теории и практики работы художника театра, технологии театральной живописи, организации работы постановочной части.

[44] Ушаков Дмитрий Алексеевич (1894–1942) – краевед; с 1921 по 1928 г. директор Ростовского музея древностей. Арестовывался в марте 1931 г. Погиб на фронте.

[45] Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) – поэт, переводчик. Над переводами западноевропейской классики начал работать после 1917 г. Он переводил Шекспира, Сервантеса, Мольера, Лопе де Вега, Р. Роллана. Наиболее значительным считается его перевод «Божественной комедии» Данте (Сталинская премия, 1946).

[46] Московский институт новых языков был основан в 1930 г. на базе Высших курсов иностранных языков при Библиотеке иностранной литературы. В 1935 г. институт был переименован в Московский государственный педагогический институт иностранных языков, а в 1964 г. институту было присвоено имя деятеля международного коммунистического движения Мориса Тореза. С 1990 г. – Московский государственный лингвистический университет.

[47] Черносвитов Александр Михайлович (1857–1919) – отставной коллежский советник, пошехонский уездный предводитель дворянства, товарищ А.А. Ильина по Александровскому лицею, коллекционер. Собрал значительную (около 6000 экз.) коллекцию русских монет, медалей и жетонов, которую в 1912 г. завещал Ростовскому музею церковных древностей. Коллекция поступила в Ростовский музей в апреле 1917 г. и лежала не разобранной. В декабре 1931 г. была передана на постоянное хранение в ГИМ. См.: *Мельник Л.Ю.* К истории одной коллекции // Сообщения Ростовского музея. Вып. 2. Ростов, 1991. С. 82–84.

1932 год

[1] Речь идет об издании: Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. / Под ред. Ю. Тынянова. М.; Л., Academia, 1931.

[2] Здесь и далее автор несколько раз оговаривается, называя А.М. Черносвитова Чистоклетовым. Чистоклетов Григорий Григорьевич (1857–1909) – библиофил, библиограф, нумизмат. Из купеческой семьи. Владел библиотекой ценных и редких изданий, в которую вошли отдельные книги из знаменитой авчуринской библиотеки С.Д. Полторацкого. Увлекался нумизматикой, собрал богатую коллекцию монет. Член Калужской ГУАК. Перу Чистоклетова принадлежало первое исследование по истории библиотечного дела в Калуге. Владел домом (бывшая усадьба Я.И. Билибина), в котором в 1918 г. открылась Калужская консерватория, в 1923 г. был организован музей сельскохозяйственного губземуправления, а в 1930-е годы – естественный отдел краеведческого музея. С 1971 г. здание дома Чистоклетова было отдано Калужскому областному художественному музею.

[3] Голованов Николай Семенович (1891–1953) – дирижер, пианист, композитор, педагог; народный артист СССР (1948). Выпускник Московской консерватории (1914). С 1909 г. был дирижером (с 1915 – хормейстером) Синодального хора. В 1919 г. совместно с К.С. Станиславским участвовал в организации оперной студии при Большом театре (впоследствии – Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко). С 1918 г. – дирижер Большого театра, с 1948 по 1953 г. – главный дирижер театра. В 1937–1953 гг. – художественный руководитель Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио. Бессменный аккомпаниатор А.В. Неждановой. Профессор Московской консерватории (1925–1929, 1943–1948). Лауреат Сталинских премий (1946, 1949, 1950, 1951).

[4] В октябре 1930 г. издательство Сабашниковых было преобразовано в кооперативное издательство «Север», просуществовавшее до 1934 г. Михаил Васильевич Сабашников был назначен ответственным редактором и зав. редакционно-издательской частью издательства.

[5] Речь идет о спецобъекте «Лоза» – даче Г.Г. Ягоды, находившейся по соседству с подсобным хозяйством НКВД совхозом «Коммунарка» и неподалеку от Бутовского полигона, ставшими с 1937 г. местом массовых расстрелов политзаключенных.

[6] Речь идет о романе поэта и прозаика Константина Аристарховича Большакова (1895–1938) «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова» (1-е изд.: Харьков, 1929).

[7] Воробьев Павел Иванович (1892–1937) – китаист, маньчжуровед, монголовед. Окончил факультет восточных языков Петроградского университета (1915),

затем учился в Практической восточной академии (1915–1916). С марта 1917 г. член РКП(б). С 1921 г. управляющий делами Центрального института живых восточных языков в Петрограде, с мая 1922 г. помощник ректора, с 1923 г. – ректор. Одновременно в 1926–1930 гг. директор Русского музея. С 1924 г. был сотрудником Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ФОН ЛГУ. Являлся членом Ленинградского горкома ВКП(б). В 1932–1934 гг. директор ГИМ. С 1934 г. директор Музея этнографии народов СССР, зам. директора Института востоковедения АН СССР, профессор ЛГУ. В 1936 г. приглашен на должность советника Ученого комитета при правительстве МНР. Вызван из Монголии в 1937 г. якобы для обсуждения вопроса об открытии в Улан-Баторе университета, арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян.

[8] Речь идет о покушении на германского посла Г. фон Дирксена, совершенном 5 марта 1932 г. недоучившимся студентом Иудой Мироновичем Штерном на углу Леонтьевского переулка и ул. Герцена. По ошибке Штерн стрелял по машине, в которой находился советник германского посольства фон Твардовски. В результате Твардовски получил несколько ранений. Согласно показаниям Штерна, покушение имело целью вызвать обострение отношений между СССР и Германией и тем самым способствовать ухудшению международного положения СССР. Штерна и названного им на допросах инициатора покушения бухгалтера Центросоюза С.С. Васильева приговорили к расстрелу.

[9] Крайнов Дмитрий Александрович (1904–1998) – археолог, доктор исторических наук (1967). Выпускник МГУ, ученик В.А. Городцова. В 1929–1930 гг. – научный сотрудник и директор музея «Александрова слобода» (филиал ГИМ). С 1930 по 1941 г. – научный сотрудник, ученый секретарь и старший научный сотрудник ГИМ. С началом войны вступил добровольцем в московское ополчение, был в плену, затем воевал, в 1944 г. осужден по ст. 58 (1б) УК СССР, приговорен к десяти годам ИТЛ. Досрочно освобожден в 1951 г. В 1954–1955 гг. – старший научный сотрудник Угличского краеведческого музея. С 1955 г. – научный сотрудник института археологии АН СССР. Под руководством В.А. Городцова и А.Я. Брюсова Крайнов участвовал в экспедициях (1926–1933), исследовавших памятники каменного, бронзового, железного веков Севера и центральной части Европейской России. С 1929 г. самостоятельно вел раскопки памятников фатьяновской культуры, в 1935–1941 гг. – пещерных памятников Крыма и Кавказа. В 1959 г. организовал и возглавлял в течение нескольких десятилетий Верхневолжскую экспедицию. Участниками экспедиции было открыто и исследовано около 3 тыс. памятников от финского палеолита до Средневековья. Перу Д.А. Крайнова принадлежат более 300 работ, в их числе: «Пещерная стоянка Таш-Аир I, как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма» (М.; Л., 1960), «Древнейшая история Волго-Окского междуречья: фатьяновская культура II тыс. до н.э.» (М., 1972).

[10] Вейнмарн Евгений Владимирович (1905–1990) – археолог, историк, кандидат исторических наук. Родился в Севастополе. Закончил этнологический факультет МГУ в 1928 г. Работал в Херсонском музее науки и техники (1925–1927). Научный сотрудник и заведующий отделом нумизматики ГИМ (1928–1948). Участник Великой Отечественной войны (1941–1945). Старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии АН УССР (1948–1974). Изучал историю и археологию раннесредневекового Крыма. Участник 58 археологических экспедиций. Руководил работами Судакской (с 1935), Северно-Крымской (1962–1965) экспедициями, Мангупским отрядом Крымской экспедиции (1967–1974).

[11] Краткую рецензию М.С. Грушевского на статью А.В. Орешникова «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам» см. в издании: Украіна. Науковий журнал украінознавства. Киів, 1930. Кн. 41. С. 173–174.

[12] В 1932 г. в ведение ГИМ на правах филиала передан музей «Дом боярина XVII в.».

[13] Смирнов Алексей Петрович (1899–1974) – археолог, историк, доктор исторических наук, профессор. Родился в Москве в семье присяжного поверенного. Окончил реальное училище (1916). Выпускник археологического отделения ФОН I МГУ, ученик В.А. Городцова и Ю.В. Готье. В годы Великой Отечественной войны А.П. Смирнов добровольцем ушел в Московское народное ополчение, затем работал по заданиям НКО. По окончании МГУ в течение всей жизни работал в ГИМ: экскурсоводом, зав. II археологическим отделом, зам. директора по научной работе. В ИИМК/ИА занимал должности зам. директора (1950–1956) и зав. сектором скифо-сарматской археологии (1956–1974). Для А.П. Смирнова были характерны широта научных интересов и обширные знания в истории и археологии. В научных же его изысканиях центральное место занимали две проблемы: Волжская Болгария и археология финно-угорских народностей Поволжья и Прикамья. Работы ученого, посвященные этим темам, стали основополагающими: «Волжские Булгары» (М., 1951), «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (МИА, 1952. № 28), «Железный век чувашского Поволжья» (МИА, 1961. № 95). А.П. Смирнов работал в бригаде, осуществлявшей архнадзор на строительстве первой очереди Московского метрополитена, вел раскопки болгарских городов Булгара и Сувара, возглавлял Куйбышевскую и Чебоксарскую новостроечные экспедиции, организованную в начале 1960-х годов Поволжскую экспедицию, когда по его инициативе возобновилось изучение развалин золотоордынских городов. Смирнов был профессором кафедры археологии исторического факультета МГУ, где под его началом сложилась школа археологов и историков – специалистов в области финно-угроведения и булгароведения.

[14] Аграновский Абрам Давидович (1896–1951) – журналист, по профессии врач. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1930-е годы был сотрудником «Правды» и «Известий». В 1937–1941 гг. находился в заключении, работал медиком в Норильлаге. После освобождения в 1942–1946 гг. работал врачом в Красноярском крае, одновременно печатался в газете «Красноярский рабочий». С 1946 г. – сотрудник журнала «Огонек» в Москве.

[15] Живаго Александр Васильевич (1860–1940) – врач, коллекционер, музейный работник. Из старинного рязанского купеческого рода. В течение 30 лет был врачом московской Голицынской больницы. В 1910 г. совершил экспедицию по Нилу, которая положила начало его коллекции древнеегипетского и восточного искусства. До 1917 г. Живаго, успев собрать значительную коллекцию древнеегипетского искусства, открыл в своем доме на Большой Дмитровке музей и сформировался как ученый-египтолог. Самый ранний памятник коллекции датировался IV тыс. до н.э., самый поздний – I в. н.э. Живаго составил подробный каталог своей коллекции, включавший прекрасные иллюстрации, составленные владельцем (он был превосходным рисовальщиком и каллиграфом). После революции 1917 г. поступил на службу в Музей изящных искусств учёным секретарем, а с 1923 г. стал лектором-руководителем отдела классического Востока. После его смерти вся коллекция древнеегипетского и восточного искусства, специализированная библиотека, собрание диапозитивов и личный архив, по завещанию, были переданы ГМИИ.

[16] Горгулов Павел Тимофеевич (псевдоним Павел Бред, 1895–1932) – русский эмигрант, автор стихов и прозы, убийца президента Французской республики Поля Думера. 6 мая 1932 г. Горгулов, имея пригласительный билет на имя «ветерана-писателя Поля Бреда», проник на благотворительную книжную ярмарку ветеранов Первой мировой войны, проходившую на улице Беррье в особняке Ротшильда. Ярмарку открывал президент республики 75-летний Поль Думер, потерявший на этой войне четырех сыновей. Горгулов несколько раз выстрелил с близкого расстояния из автоматического пистолета «Браунинг» в только что прибывшего на открытие Думера, который на другое утро умер в госпитале Божон. В результате судебного разбира-

тельства Горгулов был приговорен к смертной казни, доводы адвокатов о психической невменяемости подсудимого не были приняты во внимание. Казнен на гильотине 14 сентября 1932 г.

[17] Макалатия Сергей Иосифович (1893 – начало 1970-х) – грузиновед: историк, археолог, этнограф и нумизмат. Родился в с. Сапиети (Грузия). Сотрудник археологического отдела Государственного музея Грузии. Предпринимал комплексные археолого-этнографические обследования различных районов Грузии. Подвергался репрессиям и был в заключении (1937–1938). В 1948 г. в Институте антропологии и этнографии АН СССР защитил докторскую диссертацию «Этнография картвельских племен».

[18] Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог, историк искусства. Академик Петербургской АН (1860), профессор Московского университета. Выпускник словесного отделения Московского университета (1839). По окончании университета в 1839–1841 гг. совершил путешествие по Италии и Германии, значительно расширившее его кругозор и повлиявшее на формирование интереса к изучению памятников художественной культуры. В 1842 г. он опубликовал первую статью об искусстве («Храм св. Петра в Риме»), тогда же была задумана и работа об античной скульптуре, написанная десятилетие спустя. Буслаев был ученым широкого профиля. Его перу принадлежат труды в области славянского и русского языкознания, древнерусской литературы и фольклора. Изучение древнеславянских рукописей, которое он вел с середины 1850-х годов, вызвало «интерес ученого к орнаментике и миниатюре». С конца 1850-х годов Буслаев постоянно публиковал статьи об искусстве Древней Руси, почти десятилетие работал и как филолог, и как историк искусства, но постепенно основным предметом его исследований становится искусство: «Он своеобразно объединил изучение изобразительного искусства и искусство слова, перенеся принципы своего исследовательского метода, разработанные на материале языка и литературы, в область изучения средневекового изобразительного искусства» (*Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., Изд-во МГУ. 1985).

[19] Модзалевский Лев Борисович (1902–1948) – историк литературы, пушкинист, архивист, библиограф. Доктор филологических наук (1947). Сын Б.Л. Модзалевского. Учился в школе К. Мая (1910–1919), с 1922 по 1925 г. на ФОН Петроградского университета. С 1919 г. работал в книгохранилищах Ленинграда, с 1925 г. – в Архиве АН СССР, с 1933 г. – научный сотрудник Пушкинского Дома, с 1943 г. зав. рукописным отделом ПД.

[20] Барановская (урожд. Пономарева, в первом браке Глауберман) Мария Юрьевна (1902–1977) – историк, музейщик, многолетний сотрудник ГИМ, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР. Жена П.Д. Барановского. В 1919–1924 гг. работала библиотекарем. С 1930 г. в ГИМ.

[21] Харузин Алексей Николаевич (1864–1932) – государственный деятель, сенатор, гофмейстер Двора (с 1913), ученый, антрополог, этнограф, ботаник, зоолог. Представитель знаменитого семейства Харузиных, брат этнографов Н.Н. и В.Н. Харузиных. Обучался на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета (1884–1889) и на кафедре зоологии Дерптского университета (1892). Долгие годы находился на государственной службе: был управляющим канцелярией виленского генерал-губернатора, губернатором Бессарабии, директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, товарищем министра внутренних дел. Государственная служба не помешала ему серьезно заниматься наукой. Его перу принадлежат более 70-ти работ. Командировка в Среднюю Азию позволила изучить население киргизской Букеевской степи с точки зрения антропологии и этнографии. Его монография «Киргизы Букеевской орды» (т. I–II, М., 1889–1891) была удостоена большой золотой медали Императорского Русского географи-

ческого общества. Значительное место в его научном наследии занимала славянская тема. Харузин был автором работ о Боснии и Герцеговине; опубликовал монографию «Славянское жилище в Северо-Западном крае». Названные работы выполнены на основании материалов полевых исследований. События 1917 г. резко изменили жизнь государственного деятеля и ученого А.Н. Харузина. В 1927 г. он был арестован ГПУ, через некоторое время его отпустили. В начале 1930-х годов он работал консультантом Сельхозгиза по огородничеству, подготовил около 20 работ по этому вопросу. В феврале 1932 г. его вновь арестовали. В апреле того же года постановлением ОСО при коллегии ОГПУ его приговорили по ст. 58-10 УК СССР к высылке на три года. А.Н. Харузин умер в больнице Бутырской тюрьмы от сердечной недостаточности. (См.: *Харузина В.Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М., НЛО. 1999).

[22] Вероятно, Этингоф Борис Евгеньевич (1887–1958) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП (с 1903), участник революции 1905 г. С 1910 по 1914 г. был студентом-вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета, брал уроки скульптуры у И.Я. Гинцбурга (ученика М.М. Антокольского), зарабатывал уроками, был постоянным сотрудником энциклопедии «Брокгауз и Ефрон». В 1918 г. – народный комиссар просвещения Терской советской республики. Редактор бакинской газеты «Набат», владикавказской газеты «Коммунист» (1818–1919). Начальник Отдела политического контроля ГПУ НКВД РСФСР (1922–1923). Зав. Ближневосточным отделом НКИД РСФСР (1927), генеральный консул СССР в Стамбуле (1927–1929). Директор типографии ВЦИК (1929–1931), зав. издательствами «Власть Советов», «Федерация», зам. начальника Главного управления по делам искусств Наркомпроса (1933–1934), член Верховного Суда СССР (1934–1936), одновременно – преподаватель на кафедре государства и права Московского юридического института. В 1936 г. был исключен из ВКП(б), восстановлен в партии в 1954 г.

[23] Вероятно, имеется в виду Яковлев Василий Николаевич (1893–1953) – живописец, народный художник РСФСР (1943), действительный член АХ СССР (1947). Выпускник МУЖВЗ (1917), ученик К.А. Коровина. Преподавал во ВХУТЕМАСе (1918–1922), МАРХИ (1934–1936), МХИ (1948–1950). Член АХРР (с 1922). Зав. реставрационной мастерской ГМИИ (1926–1931).

[24] Гезе Виктор Евгеньевич – археолог, музейный работник; поставщик монет, печатей и других древностей с территории Украины коллекционерам и музеям.

[25] «Никольс и Плинке» («Nicols and Plinke») – крупная петербургская фирма по изготовлению серебряных изделий (1829–1898). Фирма была главным поставщиком предметов роскоши для императорского двора и русской аристократии, впоследствии уступив первенство Фаберже.

[26] Статья А.В. Орешникова «Долгея» была опубликована уже после его смерти. См.: *Орешников А.В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. Приложение I. С. 87–90. В ней он критикует Н.П. Бауера, отождествившего в своих трудах денежную единицу «долгея» (известна по грамотам начала XIV в.) с длинными новгородскими серебряными слитками XIII в., а денежной единице «рубль» приписывает синоним «тин» (отсюда, по Бауеру, в XIV в. появилась денежная единица «полтина», равная половине рубля).

[27] Ливонезы – название серебряных монет, выпущенных императрицей Елизаветой для присоединенных к России прибалтийских провинций Лифляндии и Эстляндии в 1756–1757 гг. Они чеканились в серебре достоинством в 1, ½ и ¼ ливонеза и равнялись соответственно 96, 48 и 24 копейкам.

[28] Сорокин Тихон Иванович (1879–1959) – искусствовед, писатель, журналист. Друг М.А. Волошина. Прообраз Алексея Тишина в романе Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито».

[29] Вероятно, речь идет о сестре Л.В. Кафки – Марии Антоновне Викторовой (в замужестве Винокуровой).

[30] В октябре 1932 г. Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев были исключены из партии за недоносительство в связи с «делом Союза марксистов-ленинцев» (М.Н. Рютина и В.Н. Каюрова). Каменев был сослан в Минусинск, в конце 1933 г. был восстановлен в партии и возглавил издательство «Academia». Зиновьев был выслан в Акмолинск, в 1933 г. восстановлен в ВКП(б) и направлен на работу в Центросоюз.

[31] Величко Валериан Вадимович (1874–1956) – выпускник Московского университета, врач, известный московский коллекционер, библиофил.

[32] Винавер Михаил Львович (1880–1942) – адвокат, меньшевик. В 1920–1930-е годы зам. председателя Политического Красного креста (с 1922 г. – «Помощь политическим заключенным» или «Помполит», «Политпомощь») Екатерины Павловны Пешковой (первой жены Максима Горького). Эта организация по просьбе родственников, арестованных по политическим обвинениям, наводила справки о том, где они содержатся, оказывала им материальную помощь, ходатайствовала перед властями об их освобождении. Винавер работал также в Польском Красном кресте. В 1937 г. он был арестован, осужден на 10 лет ИТЛ. Освобожден во время Второй мировой войны в связи с зачислением в польскую армию В. Андерса, умер во время ее передислокации в Иран.

[33] Шлезингер Феликс (Schlessinger Felix) – немецкий антиквар, в 1930-х годах устраивал в Берлине аукционную продажу античных и средневековых монет.

[34] Агол Израиль Иосифович (1891–1937) – биолог, генетик, академик АН Украинской ССР (1934). Член РКП(б). Окончил медицинский факультет МГУ (1923). С 1929 г. директор Биологического института им. Тимирязева при Коммунистической академии. В начале 1930-х годов член коллегии Наркомпроса, зав. Сектором науки. С 1934 г. работал в системе АН Украинской ССР, руководил отделением генетики Института зоологии и биологии. Его перу принадлежат труды по философским проблемам эволюции и наследственности, исследования в области эмбриологии, структуры генов. Арестован (1936), расстрелян.

[35] Аллилуева Надежда Сергеевна (1901–1932) – вторая жена И.В. Сталина. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. выстрелила себе в сердце из «Вальтера», запершись в своей комнате. Принято считать, что поводом для её самоубийства послужило обострение болезни: частые и мучительные головные боли.

[36] Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937) – филолог, историк, археограф. Профессор (1909), член-корреспондент РАН (1921), академик Болгарской (1929) и Польской (1930) АН. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1898). Преподавал в университетах Харькова, Юрьева, Саратова, Казани, Петербурга, Москвы. Основные его труды связаны с древней историей славянских языков и публикацией памятников славянской письменности XI–XIII вв. В 1934 г. был арестован по «делу славистов», осужден на 10 лет ИТЛ и отправлен на Соловки. В том же году лагерь был заменен на 5 лет ссылки в Западную Сибирь. 11 июля 1936 г. был освобожден, поселился в Томске, заведовал библиотекой Музея краеведения. В 1937 г. был повторно арестован и расстрелян.

[37] Работа над спектаклем «Мертвые души» началась еще в 1930 г., вскоре после возвращения К.С. Станиславского из заграницы, где он находился на лечении. Инсценировку поэмы Гоголя для МХАТ сделал М.А. Булгаков, к тому времени работавший в театре в качестве режиссера-ассистента. Художественным руководителем постановки был Станиславский, но, учитывая состояние здоровья, в помощь ему назначили В.Г. Сахновского, Е.С. Телешеву и М.А. Булгакова. За два года репетиционного периода были поставлены, по существу, два спектакля. Первый – помощниками режиссера и художником В.В. Дмитриевым. Спектакль этот, «по-своему интересный, но как бы позаимствованный из другого театра, несущий на себе следы мейерхоль-

довского влияния», никогда не увидели зрители. Эта постановка, практически готовая к выходу, не устраивала Станиславского. Образ будущего (или второго) спектакля он видел иначе. Не принял он и декорационное решение В.В. Дмитриева. «Мертвые души» готовились долго. Станиславский тщательно и персонально работал с актерами и художниками. Он поставил спектакль согласно своим принципам в эстетике Художественного театра. Художниками этого спектакля стали В.А. Симов и И.Я. Гремиславский, главные роли исполняли И.М. Москвин, М.Н. Кедров. М.М. Тарханов, А.П. Зуева, В.О. Топорков, Л.М. Леонидов, В.Я. Станицын. На подмостках МХАТ выдающейся постановке суждена была долгая (более 40 лет) жизнь. (См.: *М.Н. Строева.* Режиссерские искания Станиславского 1917–1938. М., Наука, 1977).

[38] Бабелон Жан (Jean Babelon, 1889–1978) – сын Эрнста-Шарля-Франсуа Бабелона; французский нумизмат, историк и искусствовед, директор Собрания монет и антиков Национальной библиотеки в Париже.

[39] Дживелегов Алексей Карпович (1875–1952) – историк, литературовед, театровед; доктор искусствоведения (1936), член-корреспондент АН Армянской ССР (1945). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1897). С 1908 г. преподавал в народных университетах, затем в университете Шанявского (до 1919), I МГУ (до 1924). В 1905–1917 гг. был членом партии кадетов, в 1916–1917 гг. – членом её ЦК. Состоял одним из редакторов журнала «Голос минувшего» и постоянным сотрудником «Русских ведомостей». Профессор ГИТИС (с 1930). Основные труды по искусству и литературе эпохи Возрождения.

1933 год

[1] Сухарева башня была снесена в 1934 г.

[2] Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, публицист, политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, в 1903 г. защитил диссертацию на степень магистра русской истории («Посадская община в России XVIII столетия»). Читал лекции в Московском университете, МВЖК. Член ЦК партии кадетов (1906). Депутат II Государственной думы. С февраля 1919 г. зав. отделением ЕГАФ, затем зав. центральным архивом ВСНХ, был профессором 2-го МГУ. В 1922 г. был выслан за границу. С января 1923 г. обосновался в Праге, был профессором русской истории в Пражском университете, председателем Русского исторического общества.

[3] Штраус (урожд. Бруни) Агнесса Константиновна – мать Е.Д. Орешниковой.

[4] Речь идет о статье: *Соловьев Вл.С.* Несколько слов в защиту Петра Великого // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 7 т. СПб., 1903. Т. V. С. 144–162.

[5] Нелидов Юрий Александрович (1874 – после 1940) – генеалог, историк театра. До революции 1917 г. камер-юнкер, надворный советник (1914), служил в Канцелярии МИД, опубликовал несколько газетных статей по вопросам международного права. Член Русского генеалогического общества (с 1913), в 1919 г. выступил одним из инициаторов его возрождения (Русское историко-генеалогическое общество). После 1917 г. работал сотрудником 1-го отделения 1-й секции ЕГАФ, в 1925–1934 гг. заведовал Ленинградской театральной библиотекой (до 1917 – Центральная библиотека императорских театров). Арестован в марте 1935 г., приговорен как социально опасный элемент к ссылке с поражением в правах. В 1940 г. находился в Горьком. См.: *Пчелов Е.В.* Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов // Гербовед. 2006. № 2. С. 76–146.

[6] Герцен Петр Александрович (1871–1947) – хирург, создатель школы хирургов, один из основоположников онкологии в СССР, член-корреспондент АН СССР (1939). Внук А.И. Герцена. В 1917–1918 гг. – профессор МГУ. В 1922–1934 гг. – директор Института для лечения опухолей (ныне Центральный онкологический институт

им. П.А. Герцена), с 1934 г. – директор хирургической клиники 1-го Московского медицинского института. П.А. Герцен являлся хирургом широкого профиля – онкология, кардиохирургия, урология и др.

Из дневников предшествующих лет

1913–1914 годы

[1] Вероятно, речь идет о поэте Владиславе Фелициановиче Ходасевиче или о его старшем брате, адвокате и коллекционере Михаиле Фелициановиче.

[2] Церковь Капуцинов (Капуцинеркирхе) близ дворца Хофбург (императорской резиденции) знаменита своим склепом, где покоятся императоры из рода Габсбургов и члены их семей.

[3] Мюнстерберг Рудольф (Rudolf Münsterberg, 1864–1926) – австрийский нумизмат, с 1920 г. возглавлял античный отдел Венского мюнцкабинета, автор трудов по античной нумизматике.

[4] Левико (Levico) – курорт в Южном Тироле, известен своими целебными источниками, помогающими при малокровии, расшатанности нервной системы, кожных заболеваниях.

[5] Официальное название – Санта-Мария-ин-Пальмис (итал. Santa Maria in Palmis). Находится на Аппиевой дороге.

[6] «Уста истины» (итал. Bocca della Verità) – знаменитая античная круглая мраморная плита с изображением маски Тритона (или Океана), датируемая IV в. до н.э. и находящаяся с XVII в. в портике церкви Санта-Мария-ин-Космедин в Риме.

[7] Речь идет об ИАК.

[8] Курган около Никополя, прославившийся находками в нем скифских золотых и серебряных изделий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

М.Б. Горнунг

Материалы к генеалогии семьи А.В. Орешникова

Много лет тому назад среди прочих неосуществленных задумок было у меня стремление написать книжечку, в стиле ЖЗЛ, об Алексее Васильевиче Орешникове (1855–1933). В ходе работы над всякими материалами по этой теме собрались разные данные о его обширной семье и многочисленных потомках. Не разобравшись в них, трудно писать биографию Орешникова (далее АВО)[1].

Накопившиеся материалы я свел в удобочитаемые таблицы, не пользуясь формальными приемами поколенной родовой записи, всегда затрудняющими восприятие их сути не узкими специалистами. В 2007 г. дополнил мои таблицы благодаря предоставленной для ознакомления правнучкой АВО Н.А. Маренниковой (р. 1927) генеалогической сводке потомков АВО по линии Бруни. Эту сводку в графическом виде составила Нина Константиновна Бруни (1900–1989), а в 1996 г. завершил начатое ее сын – Василий Львович Бруни (р. 1935). Несмотря на обилие неточностей и «белых пятен», сводка Бруни определила ряд ключевых моментов в генеалогии прямых потомков АВО.

О родителях АВО мною собрано мало сведений (табл. 1). Отец Василий Павлович умер в 1885 г. О торговых делах Орешниковых в Москве, конечно, есть достаточно данных, но все это далеко от жизни самого АВО. Определенную роль в ней сыграл дядя, брат отца, вернее его жена, Софья Алексан-

---

[1] Михаил Борисович Горнунг (1926–2009), много лет занимавшийся изучением истории русской нумизматики, посвятил несколько работ Московскому нумизматическому обществу и А.В. Орешникову (См.: *Горнунг М.Б.* К столетию Московского кружка нумизматов // Новые нумизматические исследования. НС. Ч. IX. М., 1986. С. 164–171 (Труды ГИМ. Вып. 61); *Он же.* Алексей Васильевич Орешников // Историки и краеведы Москвы: некрополь. Биобиблиографический справочник. М., 1996. С. 112, 113; *Он же.* Алексей Васильевич Орешников – штрихи к портрету // НС [МНО]. № 5. М., 1997. С. 87–94; *Он же.* История возникновения Московского нумизматического общества и первое десятилетие его деятельности (1888–1898) // Московское нумизматическое общество: очерки истории. 1888–1988. НС [МНО]. № 6. М., 1999. С. 20–25; *Он же.* Неопубликованные материалы к биографии А.В. Орешникова // Нумизматика: Научно-информационный журнал. М., 2008. № 17. С. 54, 55. См. также: *Акопиан И.А.* [Жизнь и труды Алексея Васильевича Орешникова] / Публ. и примеч. М.Б. Горнунга // Нумизматика: Научно-информационный журнал. М., 2008. № 17. С. 55; № 18. С. 53, 54; № 19. С. 52, 53; 2009. № 20. С. 60, 61). Он с большим интересом следил за подготовкой дневника к изданию и легко откликнулся на просьбу редактора написать специальную генеалогическую статью о роде его автора. «Материалы к генеалогии семьи А.В. Орешникова» были получены в сентябре 2008 г., за несколько месяцев до смерти М.Б. Горнунга. Весьма значительные дополнения в текст, касающиеся дочерей, внуков и правнуков АВО, хронологические уточнения и исправления в фамилиях сделаны весной 2011 г. О.А. Ростовой – праправнучкой А.В. Орешникова. Хронологические уточнения по родственникам жены АВО сделаны редактором. Существенную помощь в оформлении таблиц оказали к.ф.н. М.З. Воробьева и к.и.н. Н.В. Лопатин (*примеч. ред.*).

дровна, которая поддержала АВО во время конфликта из-за его женитьбы на «басурманке». О матери АВО известно мне лишь, что была она Татьяна Ивановна Кудрина.

У АВО было две сестры. Александра Васильевна была замужем за потомственным дворянином Григорием Сахновским и имела от него сына Василия (1886–1945), ставшего режиссером Московского Художественного театра. АВО относился к нему очень тепло. О второй сестре – Елене Васильевне известно из дневников АВО лишь то, что она не имела детей и умерла в декабре 1916 г. в ближнем Подмосковье. Смерть ее АВО тяжело переживал.

Особого внимания заслуживает, по-моему, родословная жены АВО, оказывавшей всю жизнь большое и разностороннее влияние на мужа. Елена Дмитриевна Орешникова (урожденная Шарлотта Штраус) (1856–1934) была полунемкой – полуитальянкой, лютеранкой. При вступлении в брак с АВО приняла православие. Ее родители – Эдуард Карл Штраус (1818–1888) и Агнесса (Агния) Бруни (1832–1904). У них было, по-видимому, четверо взрослых детей: помимо Шарлотты дочь Адель (в замужестве Шмидт) и сыновья – Карл (1860–1897) и Адольф († 1939).

Семейство Бруни появляется в России во второй половине XVIII в., когда сюда переселяется Джузеппе де Бороффи Бруни, женатый на Анжелике Поццо. Их сын Антонио Бруни (1762–1826), женатый на Магдалене Боссарт (1774–1833), стал при Павле I придворным живописцем. Их сын – дед Елены Дмитриевны по материнской линии – Константин Антонович Бруни (1801–1834). Его старший брат Федор Антонович (1799–1875) в 1818 г. окончил Петербургскую Академию художеств, после чего жил в Италии до 1836 г., когда Николай I вызвал его в Россию для росписи Исаакиевского собора. Впоследствии Федор Антонович служил хранителем картинной галереи Эрмитажа, а затем до конца жизни являлся ректором Академии художеств. Из семьи Бруни и позже вышло немало русских художников, среди них крестник Елены Дмитриевны сын Александра Константиновича (1825–1915) Лев Александрович Бруни (1894–1948), широко известный росписью Театра Российской армии в Москве. Все это были люди очень близкие к семье АВО. Л.А. Бруни был женат на дочери поэта К.Д. Бальмонта (1857–1942) Нине Константиновне.

У АВО было пятеро дочерей.

Старшая дочь АВО – Татьяна (1875–1961) была замужем за Александром Александровичем Полиевктовым (ум. 1932). Свадьба их состоялась в Коломенском в августе 1894 г. (табл. 2). Через год у них родилась дочь Мария (1895–1931), внучка АВО. Первым мужем Марии Алексеевны был норвежец Томас Кристенсен. Отношения с Полиевктовыми у АВО были сложными, и в дневнике он с горечью записал в 1917 г.: «На свадьбу Маши Полиевктовой не позвали и даже не известили». В 1917 г. у Марии Кристенсен родилась дочь, названная, как и мать, Марией. Семья Кристенсен впоследствии переехала на постоянное жительство в Норвегию. От Кристенсена родился в 1919 г. и правнук Яльмар. Он женился на некоей Джойс Вествуд, от которой у АВО появились праправнуки в Англии. Во втором браке с г-ном Крагом у Марии Кристенсен родился сын Алексей.

В 1896 г. Татьяна Алексеевна родила вторую дочь – Ольгу. Ольга Александровна окончила Первую студию МХТ, во время зарубежных гастролей театра не вернулась в Россию. Входила в состав так называемой Пражской труппы МХТ. Гастролировала по Европе, с конца 1920-х жила в Подкарпатс-

кой Руси, затем в Праге. Ее первым мужем был Дмитрий Алексеевич Евреинов, полковник Преображенского полка, от которого она родила сына Рафаила (1919–1990). Вторым браком Ольга была замужем за бывшим морским офицером Евгением Александровичем Куфтиным (1893–1972), в 1932 г. в Праге у них родилась дочь Наталья.

Затем у Татьяны Полиевктовой рождается дочь Анна (1898 – около 1959). С ней связано второе пересечение у АВО с родом Бруни. В сентябре 1918 г. АВО записывает в дневнике: «Случайно узнал, что Анна вышла за авиатора». От мужа Николая Александровича Бруни (1891–1938) у Анны было шестеро детей: Михаил (1919–1975), Анастасия (1921 – конец 1990-х), Агния (1923–1990-е), Алла (р. 1925), Татьяна (1927–1996) и Дарья (1932–1946), которая была убита током во время катания на яхте. Анна Александровна после ареста (1934) и смерти (1938) мужа прожила очень тяжелую, полную лишений жизнь.

Был у Татьяны Алексеевны и рано умерший сын Петр (1900–1920), ее последний ребенок.

Вторая дочь АВО, Надежда (1877–1963), была замужем дважды (табл. 3). Ее первым мужем (с 1893) и отцом пятерых детей был известный московский адвокат, друг и однокурсник по Московскому университету Л.В. Собинова, баритон Аркадий Иванович Акопиан (1861 – около 1907). Будучи пианисткой, Надежда Алексеевна часто аккомпанировала им. Дочь Елена Аркадьевна (1895–1981), актриса, была замужем вторым браком (первый брак Елены был очень коротким) за Федором Федоровичем Комиссаржевским (1882–1954), играла в его театре. Сын Комиссаржевского Вадим (1921 – начало 1990-х) родился в Лондоне, после чего отец оставил семью. Впоследствии Елена Аркадьевна была женой Никиты Федоровича Балиева (1876(7)–1936), жила во Франции, гастролировала по Европе, в 1934 г. из Парижа переехала с мужем в Нью-Йорк. В течение 20 лет Елена Аркадьевна была директором балетной школы при Метрополитен Опера. Вадим Комиссаржевский работал в английском кинематографе. Более 40 лет мать Елены, Надежда Алексеевна, ничего не знала о судьбе дочери, они увиделись лишь в 1959 г.

Дочь Наталья Аркадьевна Акопиан (1896–1967) в замужестве детей не имела.

Сын – Иван Аркадьевич Акопиан (1898–1988), военный летчик, полковник, женатый на Милице Кудрявиной (1904–1972), имел троих сыновей, из которых детей не было только у младшего сына Анатолия Ивановича (1920–2001). Многие годы Иван Аркадьевич посвятил изучению жизни своего деда, Алексея Васильевича, работая в архивах, собирая семейные рассказы. Выписки из публикуемого дневника он делал и в фондах Государственного исторического музея. Фрагмент работы А.И. Акопиана был мною опубликован.

Нина Аркадьевна Акопиан (1902–1977) в замужестве фамилии не меняла. Дочь Елена (1921–1990) родилась от Василия Михайловича Горшкова (1902–1975), брак с которым у Нины Аркадьевны вскоре распался, и Елена воспитывалась опекунами – бабушкой Надеждой Алексеевной и дедушкой Леонидом Степановичем Зворыкиными. Она стала оперной певицей и педагогом. Вторым мужем Нины Аркадьевны был Михаил Андреевич Барженков (? – около 1944), он пропал без вести на фронте. 9 мая 1945 г. в Берлине погиб старший сын Юрий Барженков (1924–1945), сын Аркадий (р. 1930) имеет дочь и внука, дочь Ирина в замужестве Трушенко (1935–2004) – сына Юрия (р. 1961).

Пятым ребенком Надежды Алексеевны от А.И. Акопиана была Софья Аркадьевна (1903–1987), вышедшая замуж за Андрея Андреевича Савари (1898–1942). Их дочь Наталья Андреевна (р. 1927), правнучка АВО, известный художник-реставратор, была замужем за Александром Акимовичем Маренниковым (1930–1999). Их сын Андрей (р. 1963) – праправнук АВО.

В начале 1900-х годов Надежда Алексеевна разошлась с А.И. Акопианом и стала женой Леонида Степановича Зворыкина (1882–1953). Их дети: Дмитрий (1908–1971) женат не был, у Михаила (1914–1985) две дочери.

Третья дочь АВО – Вера (1878–1965) в первом браке была замужем за Николаем Ивановичем Смирновым (?) (табл. 4). От него в 1900 г. родился внук АВО Алексей, расстрелянный московской ЧК в 1919 г. В 1912 г. Вера Алексеевна стала женой известного писателя Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972). В 1922 г. семья эмигрировала в Германию, а с 1924 г. Зайцевы жили во Франции. АВО послужил прообразом одного из главных героев – Геннадия Андреевича Колесникова – романа Б.К. Зайцева «Древо жизни». У Зайцевых родилась внучка АВО Наталья (1912–2008). В парижской эмиграции она вышла замуж за Андрея Владимировича Соллогуба (1906–1996), талантливого финансиста, долгие годы занимавшего пост директора английского банка «Barclays» в Париже. Старший их сын Михаил (р. 1945) был женат на Екатерине Михайловне Лопухиной (1947–1993) и у них родилось четверо детей, праправнуков АВО. У их младшего сына Петра (р. 1948), женатого на Елизавете Александровне Ребиндер, пятеро детей.

Четвертая дочь АВО – Валентина (1879–1949) была замужем за Павлом Николаевичем Сапуновым († 1943) (табл. 4). Их дочь Татьяна (1900–1979) была в браке с Василием Качуриным. Сын Качуриных Игорь (1921–1988) и его жена Агния Григорьевна (1924–1980) похоронены в Лефортове на Введенских горах на участке, где еще недавно сохранялись остатки надгробий членов семьи Штраусов[2]. На этом участке ранее похоронили АВО и его жену, урожденную Штраус. На одной памятной доске с их именами теперь имена супругов Сапуновых, внучки Татьяны Качуриной[3] и младшей дочери АВО Елены.

Елена Алексеевна (1887–1954) была трижды замужем, детей не имела. Первым ее мужем был некто Данилов, вторым – скоропостижно скончавшийся Николай Михайлович Гайдуков (1874–1928), третьим, в 1930-х годах, доктор Белкин. Актриса по призванию, Елена работала в основном в провинции с разными театральными группами, играла даже в театре марионеток. В доме на Земляном валу, куда она в молодости всегда возвращалась, в крошечной комнатке она и скончалась, а вскоре «орешниковский» особняк был снесен. Елена Алексеевна сохраняла отцовскую фамилию и имела сценический псевдоним – «Борги». Он нанесен (в скобках) на могильной доске рядом с ее девичьей фамилией[4].

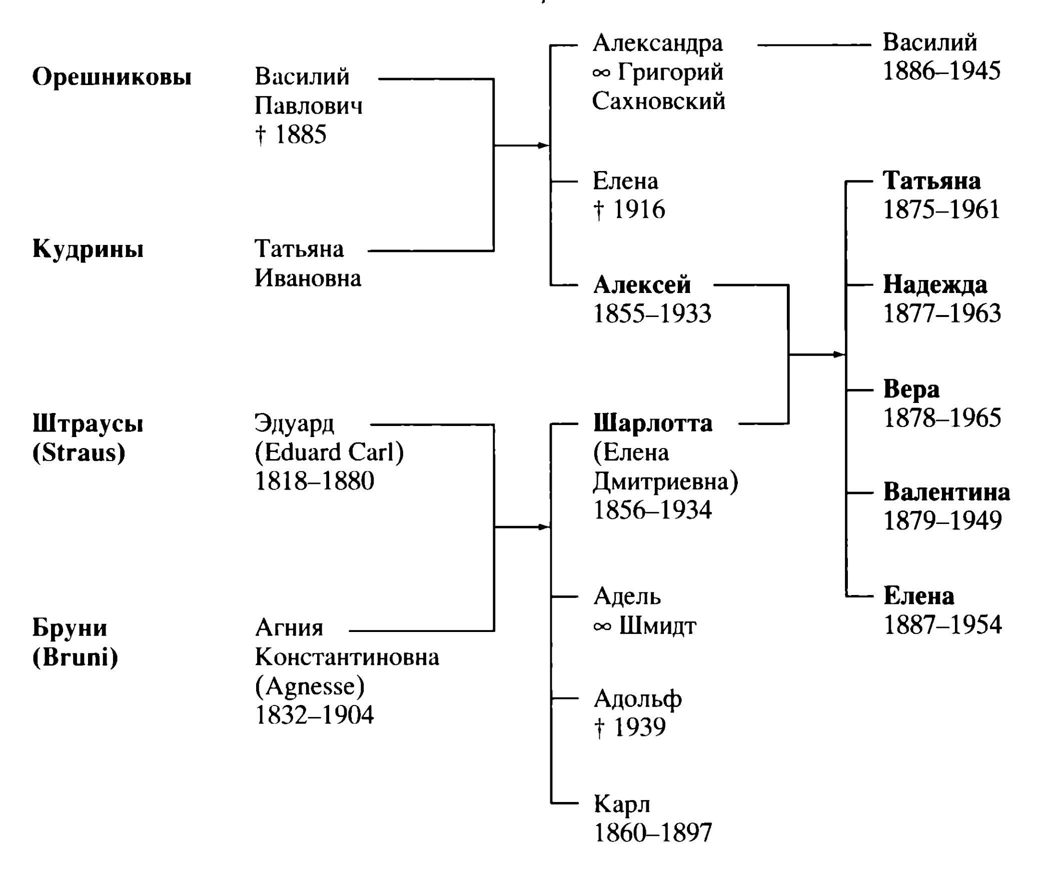
---

[2] Могилы семьи Штраусов (отца, матери, двух братьев и двух племянников Е.Д. Орешниковой) сохранились. Они находятся на 14 участке Введенского (Немецкого) кладбища, неподалеку от могил Орешниковых (*примеч. ред.*).

[3] В 1985 г. в могилу А.В. Орешникова была подхоронена Мария Николаевна Лобикова – мать жены Игоря Васильевича Качурина Агнии Григорьевны (*примеч. ред.*).

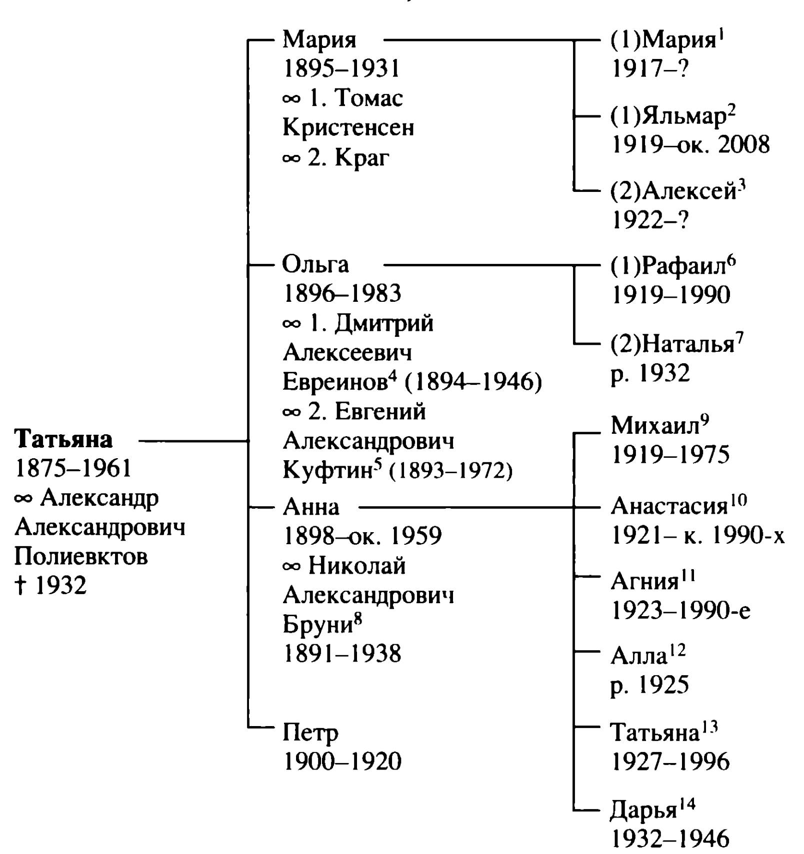
[4] Заметные изменения произошли в связи с захоронением умершего в возрасте 83 лет в июне 2005 г. С.С. Щелокова (?!). Его «стела» — «помощней», чем остальные. Все три надгробных доски обнесены единым бордюром с общим цветником. У М.Н. Лобиковой в надписи появились даты: 25.2.1903 - 10.5.1985.

Таблица 1



Орешниковы
Василий Павлович † 1885
Кудрины
Татьяна Ивановна
Штраусы (Straus)
Эдуард (Eduard Carl) 1818–1880
Бруни (Bruni)
Агния Константиновна (Agnesse) 1832–1904
Александра ∞ Григорий Сахновский
Елена † 1916
Алексей 1855–1933
Шарлотта (Елена Дмитриевна) 1856–1934
Адель ∞ Шмидт
Адольф † 1939
Карл 1860–1897
Василий 1886–1945
Татьяна 1875–1961
Надежда 1877–1963
Вера 1878–1965
Валентина 1879–1949
Елена 1887–1954

Таблица 2



[1] Правнучка, в замужестве Семакова, дети Петр (р. 1945), Алексей (р. 1955).

[2] Правнук, родился и жил в Осло. Женат на Джойс Вествуд. Дети Андрей (р. 1946), Нина (р. 1948); есть внуки.

[3] Правнук, родился и жил в Осло. Женат на Кларе Равнестад. Пятеро детей, внуки, правнуки.

[4] Полковник лейб-гвардии Преображенского полка, Георгиевский кавалер; эмигрировал через Югославию в Германию.

[5] Из дворян Самарской губ., морской офицер; эвакуировался с флотом в Бизерту, в эмиграции жил в Чехословакии.

[6] Правнук, в браке родилось двое детей: Анна (р. 1950), Александр (р. 1960).

[7] Правнучка, родилась в Чехословакии, замужем за Ю. Ластовичеком; сын (р. 1966), дочь Мария (р. 1968).

[8] Художник, поэт, музыкант, летчик, авиаконструктор, профессор МАИ, Георгиевский кавалер; с 1919 г. священник. В 1934 г. арестован, в 1938 г. расстрелян, в 1956 г. посмертно реабилитирован.

[9] Правнук, от первого брака сын Александр (р. 1944), во втором браке родиись Алексей (р. 1954) и Наталья (р. 1957); есть внуки.

[10] Правнучка, замужем была трижды; от первого брака дочь Анна (р. 1946), от второго сын Олег Лысенко (р. 1952); есть внуки.

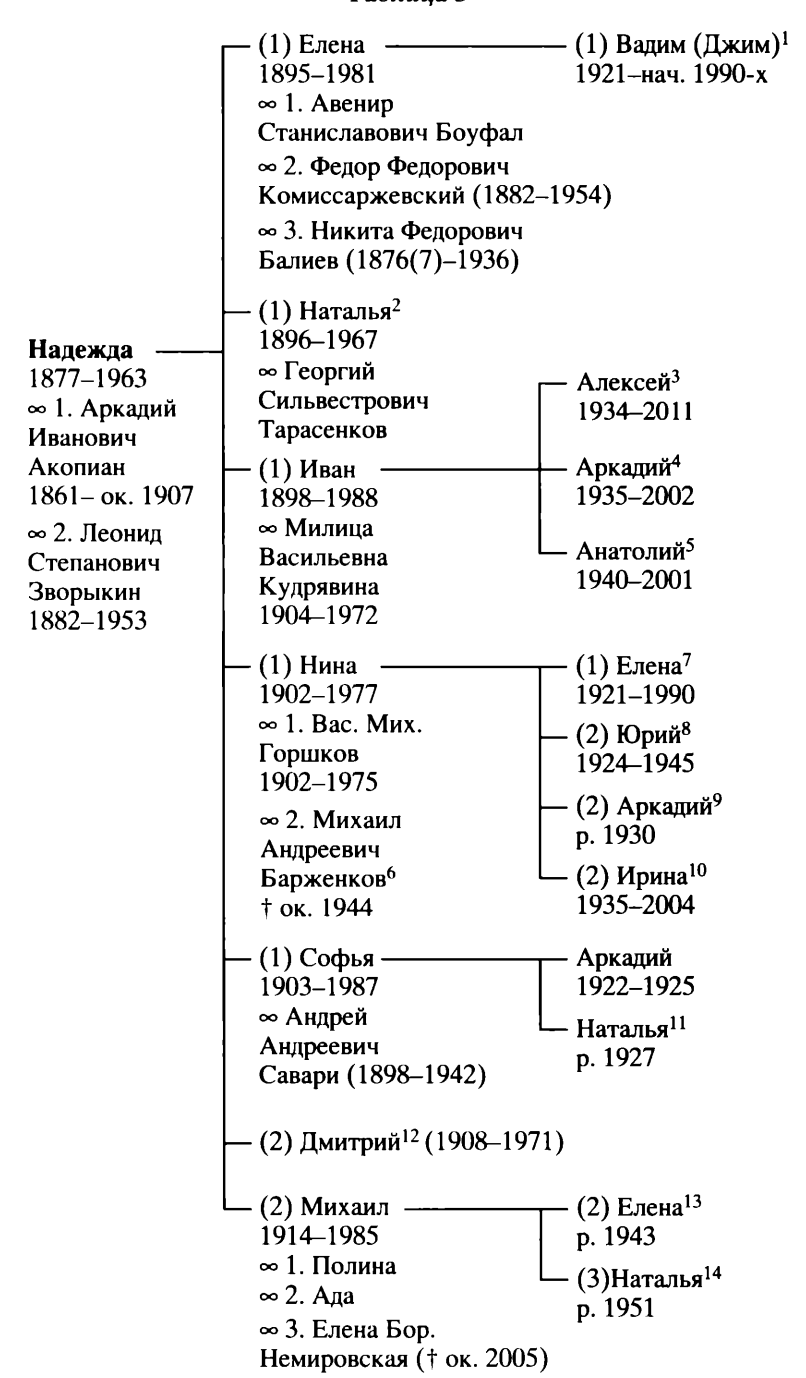
[11] Правнучка, жена Дм. Мирза; дочь Татьяна (1947–1996), сын Егор (1958–?).

[12] Правнучка, жена Дм. Трещалина; сыновья Михаил (р. 1949), Иван (р. 1951), дочь Мария (р.1954); есть внуки, правнуки.

[13] Правнучка, жена Владимира Рожкова; дети Николай (р. 1948), Ольга (р. 1953), Андрей (р. 1958); есть внуки.

[14] Правнучка, погибла в результате несчастного случая.

Таблица 3



[1] Правнук, родился и скончался в Лондоне, английский подданный. Есть внебрачная дочь.

[2] Внучка, детей не имела.

[3] Правнук, дважды женат; от первого брака сын Геннадий (1959–2009), есть внук.

[4] Правнук, дважды женат; от первого брака сын Яков (р. 1961), от второго – дочь Милица (р. 1980).

[5] Правнук, в браке детей не имел.
[6] Пропал без вести на фронте.
[7] Правнучка, от первого брака с А.В. Ануфриевым (1919–1977) дочь Ольга (р. 1943) в замужестве Ростова; есть дочь, внучки.
[8] Правнук, женат не был; погиб на фронте.
[9] Правнук, дочь Вера (р. 1968), внук Игорь.
[10] Правнучка, замужем В. Трушенко, сын Юрий (р. 1960).
[11] Правнучка, от брака с А.А. Маренниковым сын Андрей (р. 1961).
[12] Внук, был холост, детей не имел.
[13] Правнучка, фамилия в замужестве неизвестна.
[14] Правнучка, в замужестве Евдокимова, есть дети.

Таблица 4

Вера 1878–1965 ∞ 1. Николай Иванович Смирнов ∞ 2. Борис Константинович Зайцев 1881–1972	(1) Алексей[1] 1900–1919	
	(2) Наталья[2] 1912–2008 ∞ Андрей Владимирович Соллогуб 1906–1996	Михаил[3] р. 1945
		Петр[4] р. 1948
Валентина 1879–1949 ∞ Павел Николаевич Сапунов † 1943	Татьяна 1900–1979 ∞ Василий Арсеньевич Качурин	Игорь[5] 1921–1988

[1] Внук, кадет, расстрелян красными в Москве.
[2] Внучка, эмигрировала с родителями, жила и скончалась в Париже.
[3] Правнук, в первом браке муж Е.М. Лопухиной (1947–1993); дети: Матвей (р. 1971), Иван (р. 1974), Мария (р. 1979), Марк (р. 1982); есть внуки.
[4] Правнук, женат на Е.А. Ребиндер (р. 1949); дети: Сергей (р. 1973), Кирилл (р. 1975), Стефан (р. 1977), Александра (р. 1980), Игорь (р. 1983); есть внуки.
[5] Правнук, похоронен на Введенских горах рядом с могилой прадеда. Муж А.Г. Лобиковой (1924–1980), сын Николай (р. 1960); есть внуки.

Памяти Нины Леонидовны Зубовой

(5 апреля 1956 – 14 сентября 2005)

Инициатива публикации дневника А.В. Орешникова принадлежала кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику отдела письменных источников ГИМ Н.Л. Зубовой, много сделавшей для описания личного фонда Орешникова в ОПИ ГИМ. Более десяти лет она отдала подготовке огромного текста, написанию вступительной статьи и работе над комментариями к дневнику.

Нина Леонидовна Зубова (урожд. Прищеп) в 1978 г. окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Проработав несколько лет в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького, она весной 1981 г. пришла в отдел письменных источников ГИМ, где и оставалась служить до последних дней жизни.

Нина была удивительно одаренным и блестяще образованным человеком. Ее эрудиция в различных областях культуры – поэзии, искусстве, музыке, философии, истории церкви – не могла не поражать.

Первоначально она предполагала заниматься кружком Н.В. Станкевича. В этом философском кружке соседствовали радикальные и консервативные, западнические и славянофильские направления, пока русская мысль не разнеслась в разные стороны и не разорвалась в клочья, идейно перессорив бывших друзей безвременно ушедшего Станкевича. Работая с фондом Станкевичей, хранящимся в ОПИ ГИМ, Нина Леонидовна опубликовала воспоминания племянника Н.В. Станкевича, первого библиотекаря ИРИМ А.И. Станкевича, о годах становления музея. Эпохе 1830–1840-х годов и одновременно истории музея была посвящена одна из последних ее статей – о доме Хо-

мяковых на Собачьей площадке и находившемся в нем впоследствии Музее 40-х годов. В конце 1920-х – начале 1930-х годов фонды этого музея, в том числе знаменитая «говорильня», вошли в состав ГИМ. Таким образом, история Исторического музея оказывалась неизменно в фокусе научных интересов Н.Л. Зубовой.

Кандидатская диссертация Нины Леонидовны, защищенная в 1990 г. и посвященная выдающемуся отечественному историку Л.М. Савелову и созданному им Историко-родословному обществу, имела большое значение для возрождающейся ныне науки – генеалогии. Это исследование получило высокую оценку отечественных ученых и прежде всего академика В.Л. Янина, удостоившего его блестящим отзывом. Высоко ценит труд Н.Л. Зубовой и председатель Московского историко-родословного общества, к.и.н. С.В. Думин, под редакцией которого выходит многотомник «Дворянские роды Российской империи», продолжающий савеловские традиции. За прошедшие 20 лет было опубликовано немало книг по родословиям различных фамилий, к сожалению, зачастую поверхностно дилетантских либо откровенно заказных, но труд Н.Л. Зубовой является образцом классического, обобщающего исследования по генеалогии.

Нина Леонидовна начала описание научного архива Савелова, сохраненного после его эмиграции директором Российского исторического музея Н.С. Щербатовым. В настоящее время этот архивный фонд, насчитывающий свыше 2 тыс. дел, полностью описан и готов для выдачи исследователям.

Н.Л. Зубова участвовала в подготовке к публикации двух сборников документов по истории Отечественной войны 1812 г. (общим объемом около 100 печатных листов), хранящихся в ОПИ ГИМ. Продолжая традицию увековечения памяти погибших за Отечество, она вместе с к.и.н. М.В. Катагощиной работала над мемориалом Братского кладбища в Москве. Так, почти 20 тысяч, казалось бы, навечно забытых героев Первой мировой войны вновь обрели свои имена.

К каждой теме исследования Нина Леонидовна подходила широко, опираясь на присущий ей огромный культурный багаж. Для нее характерен был столь редко встречающийся в наше время прекрасный художественно-образный язык, которым написаны ее диссертация, статьи и доклады. Увы, многие планы этого исследователя так и остались неосуществленными.

Скоропостижная кончина Н.Л. Зубовой потрясла всех, знавших эту яркую, умную, красивую, на редкость талантливую женщину. Завершая начатую ею работу, ее товарищи отдают дань ее памяти.

Сотрудники отдела письменных источников ГИМ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМК (АМК) *см.* ГАИМК
АН – Академия наук
АХ – Академия художеств
АХР(Р) – Ассоциация художников революции (революционной России)
БАН – Библиотека Академии наук
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ВАХ – Всероссийская академия художеств
ВГИК – Высшие государственные искусствоведческие курсы
ВЖК – Высшие женские курсы
ВИД – «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВИМ – Военно-исторический музей
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВНИИ – Всесоюзный научно-исследовательский институт
ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВОФ – Всероссийское общество филателистов
ВРК – Военно-революционный комитет
ВС – Верховный суд
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВСОРГО – Восточносибирский отдел Русского географического общества
ВСЮР – Вооруженные силы Юга России
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ВХУТЕИН – Высший художественно-технический институт
ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские
(В)ЦИК – (Всероссийский) Центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАИМК (РАИМК) – Государственная (Российская) академия истории материальной культуры
ГАФКЭ – Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ГАХН – Государственная академия художественных наук
ГБЛ – Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГГУ – Горьковский государственный университет
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИТИС – Государственный институт театрального искусства
ГЛМ – Государственный литературный музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств
ГПБ – Государственная публичная библиотека
ГПУ *см.* ОГПУ

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГУАД – Главное управление архивным делом
ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия
ГубОНО – Губернский отдел народного образования
ГУС – Государственный ученый совет
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВР – Дальневосточная республика
ЕГАФ – Единый государственный архивный фонд
ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения»
ИА – Институт археологии
ИАИ – Историко-архивный институт
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИЗО ГИМ – отдел изобразительных материалов ГИМ
ИИ – Институт истории
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКДП – Институт книги, документа и письма
(И)МАО – (Императорское) Московское археологическое общество
ИМЛИ – Институт мировой литературы
ИМУ – Императорский Московский университет
(И)РАО – (Императорское) Русское археологическое общество
(И)РИМ – (Императорский) Российский исторический музей
ИТЛ – Исправительно-трудовые лагеря
ИФЛИ *см.* МИФЛИ
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
КПЗ – камера предварительного заключения
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИИ – Ленинградское отделение института истории
МАМЮ – Московский архив министерства юстиции
МАРХИ – Московский архитектурный институт
МВЖК – Московские высшие женские курсы
МВТУ – Московское высшее техническое училище
МГАМИД – Московский главный архив министерства иностранных дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
МГПИ – Московский государственный педагогический институт
МГТУ – Московский государственный технический университет
МГУ – Московский государственный университет
МДА – Московская духовная академия
МДПК *см.* МКДП
МИА – «Материалы Института археологии»
МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории
МКДП – Музей книги, документа и письма
МНО – Московское нумизматическое общество
МНР – Монгольская Народная Республика
МОНИКИ – Московский областной научно-исследовательский клинический институт
МОНО – Московский отдел народного образования
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
МСПО – Московский союз потребительских обществ
МУЖВЗ – Московское училище живописи, ваяния и зодчества
МУНИ – Московское управление недвижимым имуществом
МУР – Московский уголовный розыск

МУУР – Московское управление уголовного розыска
МХ(А)Т – Московский художественный (академический) театр
МХИ – Московский художественный институт
МЮТ – Московское ювелирное товарищество
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКО – Народный комиссариат обороны
НКП – Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос)
НЛО – «Новое литературное обозрение»
НС – «Нумизматический сборник»
ОГПУ – Объединенное главное политическое управление
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ОЛРС – Общество любителей российской словесности
ОПИ – Отдел письменных источников ГИМ
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности
ОСО – Особое совещание
О(Х)СТ – Общество художников-станковистов
ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей»
РА – «Российская археология»
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей
РВС – Революционный военный совет
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИО – Русское историческое общество
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РПЦ – Русская православная церковь
РСДРП (б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РУНИ – районное управление недвижимым имуществом
СА – «Советская археология»
СВУ – Спілка визволення України (Союз освобождения Украины)
СНК – Совет народных комиссаров
СТО – Совет Труда и Обороны
СФА – Советская филателистическая ассоциация
УАК – Ученая архивная комиссия
УК – Уголовный кодекс
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНР – Украинская Народная Республика
ФОН – факультет общественных наук
ЦАУ – Центральное архивное управление
ЦБК – Центральное бюро краеведения
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦК – Центральный комитет
ЦКК НК РКИ – Центральная контрольная комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЧОИДР – «Чтения Общества истории и древностей российских»

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Курсивом выделены страницы комментариев.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ЛЕТ

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОРЕШНИКОВ

ДНЕВНИК

1915–1933

В двух книгах

Книга 2

1925–1933

(Научное наследство. Т. 34, кн. 2)

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.В. Абрамова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Е.А. Желнова,
Р.В. Молоканова, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 25.07.2011
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 58,5+2,7 вкл. Усл.кр.-отт. 65,2. Уч.-изд.л. 52,5
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 3615

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-037582-6
9 785020 375826